

Михаил Петрович Грязнов

(1902–1984)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**CULTURES
OF THE STEPPE ZONE OF EURASIA
AND THEIR INTERACTION
WITH ANCIENT CIVILIZATIONS**

**Materials of the International conference dedicated
to the 110th birth anniversary
of the outstanding Russian archaeologist
MIKHAIL PETROVICH GRYAZNOV**

Volume 2

St. Petersburg

2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРЫ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДРЕВНИМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

**Материалы международной научной конференции,
посвященной 110-летию со дня рождения
выдающегося российского археолога
МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА ГРЯЗНОВА**

Книга 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2012

Издание подготовлено и публикуется при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-01-14000г
«Культуры степей Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями»
Международная научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения
выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова)

Редакционная коллегия:

*В. А. Алёкин, Е. В. Бобровская, Г. В. Длужневская, М. Т. Кашуба,
Л. Б. Курчо, С. В. Красниченко, В. П. Никоноров, М. Н. Пшеницына,
М. Б. Рысин, Д. Г. Савинов, Л. А. Соколова, В. Я. Стёганцева*

Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. –
СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. – 584 с.

В настоящем издании публикуются материалы конференции «Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями» посвященная 110-летию со дня рождения доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР, лауреата Государственной премии СССР, члена-корреспондента Германского Археологического института Михаила Петровича Грязнова, учёного-энциклопедиста, чьи труды по праву вошли в золотой фонд отечественной археологии. Исследуя памятники эпохи энеолита, бронзы и раннего железа в различных областях Евразии, он создал их хронологическую и историко-культурную периодизацию. В докладах конференции развиты на современном исследовательском уровне те научные направления, которые разрабатывал М. П. Грязнов. Материалы конференции обобщают результаты работ отечественных и зарубежных специалистов истекшего десятилетия (2002–2010 гг.). На суд коллег представлены итоги изучения новых археологических памятников от Северного Причерноморья до Забайкалья. В ходе этих исследований были существенно уточнены вопросы происхождения и хронологии многих древних культур от неолита до средневековья. Рассмотрены также дискуссионные проблемы палеоантропологии и эволюции древнего изобразительного искусства. Большое внимание уделено и применению естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Обсуждение проблем археологии евразийских степей и их взаимодействий с центрами древних цивилизаций, дает новый импульс изучению древнейшего прошлого этого обширного ареала.

В книгу 2 вошли материалы докладов секции II.

The volume contains the materials of the conference “Cultures of the Steppe Zone of Eurasia and Their Interaction With Ancient Civilizations”, dedicated to the 110th birth anniversary of Mikhail Petrovich Gryaznov, doctor of historical sciences, Honored Science Worker of the RSFSR, laureate of the State Prize of the USSR, corresponding member of the German Archaeological Institute, a scholar of an encyclopedical knowledge, whose works are rightly included into the “gold reserves” of Russian archaeology. He studied the Eneolithic, Bronze Age and Early Iron Age sites in different regions of Eurasia, and created their historical and cultural periodization. The papers presented to the Conference take the study of the various subjects M. P. Gryaznov worked on to a new level of inquiry. The materials of the Conference sum up the results of the research conducted by Russian and foreign scholars in the last decade (2002–2010). During this period many new archaeological sites have been studied on a huge territory from the North Black Sea region to Transbaikalia. The newly obtained evidence greatly contributes to our better understanding of the origins and chronology of numerous ancient cultures ranging from the Neolithic to the Middle Ages. Considered are also the problems of paleoanthropology and the evolution of ancient art. In addition, much attention is paid to the use of natural science methods in archaeological research. The presented discussion of current issues in the archaeology of the Eurasian steppe cultures and their interactions with ancient civilizations gives a new impulse to the study of the earliest past of this tremendous area.

Volume 2 includes the materials of session II.

ISBN 978-5-906168-01-6-2

© Институт истории материальной культуры РАН, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© «Периферия», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ II. ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ЕВРАЗИИ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

<i>В. С. Бочкарёв (Санкт-Петербург, Россия).</i> О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы.....	13
<i>Л. С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия).</i> Происхождение индоевропейцев и археология.....	25
<i>Ю. Е. Берёзкин (Санкт-Петербург, Россия).</i> Реконструкция сюжета создания человека у степных индоевропейцев.....	35
<i>С. А. Григорьев (Челябинск, Россия).</i> Миграции и их роль в культурогенезе Евразии.....	40
<i>А. А. Ковалёв (Санкт-Петербург, Россия).</i> Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский феномен как ключ к решению проблемы тохарской прародины.....	49
<i>Е. М. Данченко (Омск, Россия).</i> О битых горшках.....	57

НЕОЛИТ

<i>М. И. Ткачёва (Минск, Беларусь).</i> Особенности развития восточнополюсского варианта днепро-донецкой культуры (по материалам памятников Пооресья).....	62
<i>П. М. Кольцов (Элиста, Россия).</i> Неолитические культуры северокаспийского региона.....	66
<i>В. С. Мосин (Челябинск, Россия).</i> Неолит Урала по радиоуглеродной хронологии.....	71
<i>Д. Н. Еньшин (Тюмень, Россия).</i> К вопросу о сакрализации жилой среды населения Нижнего Приишимья в эпоху неолита.....	76

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

<i>Н. А. Николаева (Москва, Россия).</i> К вопросу о хронологии каменных скипетров эпохи энеолита/бронзового века.....	80
<i>И. В. Палагута (Санкт-Петербург, Россия).</i> Ранние комплексные общества неолита и энеолита Балкано-Карпатского региона: проблемы реконструкции.....	86
<i>С. Д. Лысенко, С. С. Лысенко (Киев, Украина).</i> Войцеховский могильник в свете новых исследований.....	90
<i>В. В. Бочковой, И. И. Марченко, Н. Ю. Лимберис, А. Д. Резепкин (Краснодар, Санкт-Петербург, Россия).</i> Материалы поселения Чекон и классификация керамики майкопской культуры.....	95
<i>В. А. Трифонов, Г. И. Зайцева, Х. Плихт, Н. Д. Бурова, А. А. Семенов, С. А. Ришко (Санкт-Петербург, Гронинген; Россия, Нидерланды).</i> Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западе Кавказа.....	100
<i>М. Б. Рысин (Санкт-Петербург, Россия).</i> Проблемы хронологии и периодизации майкопских памятников Северного Кавказа (радиоуглеродные датировки и традиционная археологическая типология).....	107
<i>А. С. Гюнери (Измир, Турция).</i> Три кинжала с отверстиями для крепления рукояти из Карахююк (Конья, Турция).....	113
<i>А. М. Бианки, М. И. Кудин (Санкт-Петербург, Россия).</i> Топография дольменной группы «Волчьих ворот» Лазаревского р-на Краснодарского края.....	119
<i>Л. С. Илюков (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Кто штурмовал Ливенцовско-Каратаевскую крепость?.....	122
<i>А. А. Казарницкий (Санкт-Петербург, Россия).</i> Векторы миграций степного населения Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы (по палеоантропологическим данным).....	126
<i>А. А. Клещенко (Москва, Россия).</i> Булавки эпохи средней бронзы Предкавказья как культурно-хронологические маркеры.....	132
<i>Р. А. Мимоход (Москва, Россия).</i> Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов конца средней–начала поздней бронзы.....	137
<i>В. И. Мамонтов (Волгоград, Россия).</i> Землянки срубной культуры на Дону в окрестностях пос. Ляпичев.....	144
<i>В. В. Сидоров, О. В. Зеленцова, А. И. Самсонова (Москва, Россия).</i> Топография поселений поздняковской культуры как показатель хозяйственной системы.....	148
<i>П. Ф. Кузнецов (Самара, Россия).</i> Ареалы распространения дисковидных псалиев начала позднего бронзового века Восточной Европы.....	150

<i>Н. М. Малов (Саратов, Россия)</i> . Культурогенез в позднем бронзовом веке Нижнего Поволжья: археолого-культурологический подход	153
<i>И. И. Бахшиев (Уфа, Россия)</i> . Проблема межкультурного взаимодействия населения Башкирского Зауралья в эпоху бронзы: культурная стратиграфия и относительная хронология	158
<i>А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева (Челябинск, Россия)</i> . Традиция сооружения колодцев в аридной части Северной Евразии в эпоху бронзы	164
<i>О. Н. Корочкова (Екатеринбург, Россия)</i> . Среднее Зауралье в начале бронзового века	169
<i>А. И. Хаванский (Орск, Россия)</i> . Синташта и историко-культурный подход в археологии	174
<i>С. В. Сотникова (Тобольск, Россия)</i> . К вопросу о конных состязаниях на похоронах (по материалам памятников синташтинского типа)	179
<i>В. А. Новоженев (Караганда, Казахстан)</i> . Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации	183
<i>Т. М. Потёмкина (Москва, Россия)</i> . Поселение или культовый центр (К вопросу о функциях поселений ташковской культуры с круговой архитектурой)	188
<i>С. В. Александров, Н. А. Боковенко, М. Е. Килуновская, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, Вл. А. Семёнов, Н. Ф. Соловьёва (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Кызыл–Курагино	195
<i>А. В. Фрибус (Кемерово, Россия)</i> . Афанасьевская культура и системы взаимодействия в степной Евразии эпохи палеометалла	199
<i>Н. Ф. Степанова (Барнаул, Россия)</i> . К вопросу о выделении обрядовых групп афанасьевской культуры Горного Алтая	203
<i>Э. Б. Вадецкая (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Культ диких животных в похоронной практике и мировоззрении племен окуневской культуры	208
<i>И. П. Лазаретов (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Окуневские курганы с диагональными кладками	220
<i>С. П. Грушин (Барнаул, Россия)</i> . Наконечники копий сейминско-турбинского типа Обь-Иртышского междуречья	224
<i>Л. А. Соколова (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Саянский блок археологических культур как индикатор кросс-культурного взаимодействия	229
<i>Ш. Наджафов (Баку, Азербайджан)</i> . Некоторые проблемы и результаты исследований поселений эпохи бронзы Северной Евразии	236
<i>В. И. Молодин, Ж. В. Марченко, Л. А. Орлова, А. Е. Гришин (Новосибирск, Россия)</i> . Хронология погребальных комплексов одиновской культуры памятника Сопка 2/4а (лесостепная полоса Обь-Иртышского междуречья)	237
<i>П. И. Шульга (Барнаул, Россия)</i> . О древнем земледелии в Горном Алтае	242
<i>В. А. Кисель, С. В. Хаврин (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Миграция в Туву в бронзовом веке (новые материалы)	248
<i>В. В. Бобров (Кемерово, Россия)</i> . Культуры эпохи поздней бронзы Среднего Енисея и Верхней Оби (в аспекте синхронизации и проблемы хронологии)	254
<i>А. В. Поляков (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Комплекс археологических памятников Старая Копь на правом берегу р. Амыл	258
<i>В. С. Зубков (Абакан, Россия)</i> . К вопросу об освоении тагарским населением подтаежных районов в юго-западной части Хакасии	264
<i>Абу А.-Х. Бакри (Каир, Египет)</i> . Были ли гиксосы в Средней Азии? Телль Эль-Даб'а и Гонур-депе (торговые центры бронзового века в Древнем Египте и в Центральной Азии)	267
<i>Н. А. Аванесова (Самарканд, Узбекистан)</i> . Своеобразие культурно-исторических процессов Зеравшанского бассейна	272
<i>В. А. Алёкин (Санкт-Петербург, Россия)</i> . К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага	278
<i>Л. Б. Кирчо (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Север и Юг – встреча на Зеравшане	284
<i>Л. М. Сверчков (Ташкент, Узбекистан)</i> . К вопросу о происхождении и распространении катакомбного способа захоронения	287
<i>А. А. Ткачёв (Тюмень, Россия)</i> . Погребальный обряд степного населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы	293

*М. К. Хабдулина (Астана, Казахстан). История изучения поздней бронзы Центрального Казахстана.....*297

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

<i>М. Т. Каиуба, О. Г. Левицкий (Санкт-Петербург, Кишинёв; Россия, Молдова). Гальштаттский (карпато-дунайский) фактор в культурогенетических процессах финала эпохи бронзы и раннего железного века в Северном Причерноморье</i>	304
<i>А. А. Чижевский (Казань, Россия). Проблемы формирования археологических культур раннего железного века в Волго-Камье.....</i>	311
<i>А. А. Дудин (Краматорск, Украина). К вопросу о социальной элите ранних кочевников Северного Причерноморья в первой трети I тыс. до н. э.</i>	316
<i>М. Ю. Вахтина, М. Т. Каиуба (Санкт-Петербург, Россия). Восточноевропейский, гальштаттский и греческий импульсы в материальной культуре раннего железного века Немировского городища.....</i>	320
<i>Н. Эбертс (Мюнхен, Германия). Проблема интерпретации погребальных обрядов Западно-Подольской группы раннескифской культуры</i>	325
<i>М. Н. Дараган, В. А. Подобед (Киев, Донецк, Украина). Жаботинский горизонт и черноговорская культура: хронологические соотношения.....</i>	332
<i>В. А. Кореняко (Москва, Россия). Ногайская степь в раннем железном веке (по материалам Ногайского краеведческого музея).....</i>	340
<i>Т. В. Рябкова (Санкт-Петербург, Россия). Колчаный набор из кургана 524 у сел. Жаботин</i>	345
<i>Д. С. Гречко (Киев, Украина). К вопросу о смене культур кочевников на юге Восточной Европы в VI в. до н. э.</i>	350
<i>А. С. Балахванцев (Москва, Россия). Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию)</i>	358
<i>А. Р. Канторович (Москва, Россия). Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле</i>	362
<i>В. Е. Маслов (Москва, Россия). Керамический комплекс раннескифского времени Центрального Предкавказья.....</i>	371
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (Краснодар, Россия). Зеркала из раннемеотских погребений Правобережья Кубани</i>	375
<i>Г. Карамиян (Тегеран, Иран). Производство лурестанских бронз и евразийские степи</i>	380
<i>З. Брагвадзе (Тбилиси, Грузия). Иран при Ахеменидах и древняя Колхида</i>	380
<i>Б. А. Раев (Ростов-на-Дону, Россия). К интерпретации редких типов наконечников стрел из Новолабинского могильника</i>	384
<i>С. Садовский (Люблин, Польша). Перспективы исследований оружия сарматов на примере мечей и кинжалов с кольцевидным навершием</i>	389
<i>О. В. Шаров (Санкт-Петербург, Россия). Центральная Азия и миграционные процессы в Европейской Сарматии на рубеже эр: возможность исторических интерпретаций</i>	396
<i>Л. А. Краева (Оренбург, Россия). Культурогенез ранних кочевников Южного Приуралья IV–I вв. до н. э. (по результатам технико-технологического анализа керамики).....</i>	401
<i>А. Д. Цыбиктаров (Улан-Удэ, Россия). К проблеме формирования кочевого скотоводства в Центральной Азии и его влияния на историческое развитие древнего населения региона (по материалам культуры плиточных могил).....</i>	406
<i>К. М. Линдуф (Питтсбург, США). Торговля и обмен товарами в конце I тыс. до н. э. после исследований М. Р. Грязнова</i>	412
<i>К. В. Чугунов (Санкт-Петербург, Россия). «Царские» погребально-поминальные комплексы Тувы: некоторые итоги и перспективы исследований.....</i>	421
<i>Н. Ю. Смирнов (Санкт-Петербург, Россия). На чем ездил аржанский «царь»?</i>	424
<i>Вл. А. Семёнов (Санкт-Петербург, Россия). Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве.....</i>	432
<i>Е. В. Шелепова (Барнаул, Россия). Результаты изучения ритуальных объектов раннескифского времени Алтая и сопредельных территорий</i>	435
<i>М. Очир-Горяева (Элиста, Россия). О порядке расположения людей, инвентаря и коней в пазырыкских курганах</i>	441

<i>Е. В. Степанова (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Седла из Третьего Пазырыкского кургана.....	446
<i>Д. Ю. Гук, Н. Н. Николаев (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Повозка из Пятого Пазырыкского кургана.....	454
<i>Н. Ю. Кузьмин (Берлин, Германия)</i> . Стерегущие входы (по материалам погребений тесинской культуры в Минусинской котловине).....	458
<i>Д. Эрденебаатар (Улан-Батор, Монголия)</i> . Могильник хуннских вождей в Гол-Мод-2	463
<i>А. Гасс (Берлин, Германия)</i> . О периферии больших сакских курганов Юго-Восточного Семиречья (Казахстан).....	468
<i>В. В. Гусаков (Киев, Украина)</i> . Сакские племена на северо-восточной периферии среднеазиатского эллинизма	475
<i>М. А. Бубнова (Душанбе, Таджикистан)</i> . К вопросу о датировке могильников Южбок, Южбок II и Южбок III	477
<i>С. Б. Болелов (Москва, Россия)</i> . Ремесло Хорезма во второй половине I тыс. до н. э. (опыт палеоэкономического исследования)	483
<i>А. Н. Подушкин (Шымкент, Казахстан)</i> . Катакомбы арысской культуры Южного Казахстана: коллективные погребения могильников Культобе и Кыльшжар (II в. до н. э.–III в. н. э.)	488
<i>В. П. Никоноров (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Перун Зевса на «Дальнем Востоке» античного мира.....	496
<i>М. Ольбрыхт (Ржешов/Краков, Польша)</i> . Культурные взаимодействия в центральноазиатских степях и военное дело аршакидского Ирана....	505

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>В. А. Дмитриев (Псков, Россия)</i> . Между Ираном и Византией: возникновение Тюркского каганата и внешнеполитическая ориентация алан в 50-е–70-е гг. VI в.	510
<i>Ю. В. Артюхин (Краснодар, Россия)</i> . Некоторые природные аспекты появления кочевых народов в степях Прикаспия-Приазовья, упадка Хазарского каганата и Золотой Орды	517
<i>Д. Ф. Мадуров (Чебоксары, Россия)</i> . Локализация земель буртасов и их княжества Веда в IX–XIII вв.	522
<i>И. Л. Кызласов (Москва, Россия)</i> . Возможность и необходимость постижения пратюркской культуры.....	528
<i>Н. П. Матвеева (Тюмень, Россия)</i> . Погребальные памятники раннего средневековья в лесостепном Зауралье.....	531
<i>Н. Н. Серёгин (Барнаул, Россия)</i> . К проблеме происхождения «минусинского» локального варианта тюркской культуры	536
<i>С. Е. Саранцева (Владивосток, Россия)</i> . Предварительные результаты исследования черепицы усадьбы Алестуй в Забайкалье.....	541
<i>А. О. Пронин (Новосибирск, Россия)</i> . Новые данные о конструктивных особенностях и происхождении железного палаша из позднесредневекового могильника Коя III на Енисее.....	545
<i>В. В. Горбунов (Барнаул, Россия)</i> . Сросткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения	549
<i>Р. Г. Жамсаранова (Чита, Россия)</i> . Нелюдский острог (Нерчинский острог), Нелюдский род тунгусов: этноязыковая принадлежность онимов в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии	555
<i>Д. Абдуллоев (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Зороастрийские реликты, представленные в археологических материалах.....	561
<i>В. И. Распопова (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Литейные формы из Пенджикента.....	564
<i>Л. А. Бобров, А. О. Пронин (Новосибирск, Россия)</i> . Типология казахских сабель XVI–середины XIX вв.	572
Список сокращений	582

CONTENTS

SESSION II. CULTURE GENESIS IN EURASIA

GENERAL QUESTIONS

<i>V. S. Bochkarev (St. Petersburg, Russia)</i> . On some traits characteristic of the Bronze Age of East Europe	13
<i>L. S. Klejn (St. Petersburg, Russia)</i> . Problem of Indo-European origins, and archaeology	25
<i>Yu. E. Berezkin (St. Petersburg, Russia)</i> . Reconstruction of the subject of man creation in the steppe Indo-European tradition	35
<i>S. A. Grigoriev (Chelyabinsk, Russia)</i> . Migrations and their role in culture genesis in Eurasia.....	40
<i>A. A. Kovalev (St. Petersburg, Russia)</i> . Oldest Europeans in the heart of Asia: the Chemurchek phenomenon as a key to the problem of the Tocharian ancestral area	49
<i>E. M. Danchenko (Omsk, Russia)</i> . Of broken pots	57

NEOLITHIC

<i>M. I. Tkacheva (Minsk, Belarus)</i> . Particular traits in the development of the East Polesye variant of the Dnieper-Don culture (with special reference to the materials from the Oressa basin).....	62
<i>P. M. Koltsov (Elista, Russia)</i> . Neolithic cultures on the North Caspian region	66
<i>V. S. Mosin (Chelyabinsk, Russia)</i> . Neolithic of the Urals in the light of radiocarbon chronology.....	71
<i>D. N. En'shin (Tyumen', Russia)</i> . To the question of the sacralization of living environment among the Neolithic inhabitants of the Lower Ishim region	76

ENEOLITHIC AND BRONZE AGE

<i>N. A. Nikolaeva (Moscow, Russia)</i> . To the chronology of the Eneolithic/Bronze Age stone scepters	80
<i>I. V. Palaguta (St. Petersburg, Russia)</i> . Neolithic and Eneolithic complex societies of the Balkan-Carpathian region: problems of reconstruction	86
<i>S. D. Lysenko, S. S. Lysenko (Kiev, Ukraine)</i> . Voitsekhovsky cemetery in the light of new research	90
<i>V. V. Bochkovoï, I. I. Marchenko, N. Yu. Limberis, A. D. Rezepkin (St. Petersburg, Krasnodar, Russia)</i> . Maikop culture settlement of Chekon	95
<i>V. A. Trifonov, G. I. Zaitseva, J. van der Plicht, N. D. Burova, A. A. Sementsov, S. A. Rishko</i> <i>(St. Petersburg, Russia; Groningen, Netherlands)</i> . First radiocarbon dates for the alternative types of the "dolmen" culture burial rite in the Northwestern Caucasus.....	100
<i>M. B. Rysin (St. Petersburg, Russia)</i> . Problems of chronology and periodization of the Maikop sites in the Northern Caucasus (radiocarbon dates and the traditional archaeological typology)	107
<i>A. S. Güneri (Izmir, Turkey)</i> . Three Flange Hilted Bronze Daggers from Konya Karahöyük.....	113
<i>A. M. Bianki, M. I. Kudin (St. Petersburg, Russia)</i> . Topography of the Volchii vorota dolmen group in the Lazarevsky district of the Krasnodar region.....	119
<i>L. S. Il'yukov (Rostov-na-Donu, Russia)</i> . Who assaulted the Liventsy-Karataevo fortress?.....	122
<i>A. A. Kazarnitsky (St. Petersburg, Russia)</i> . The migration trends of the Eastern Europe steppes population in the Middle and Bronze Ages (by the anthropological data).....	126
<i>A. A. Kleshchenko (Moscow, Russia)</i> . Middle Bronze Age pins of Fore-Caucasus as cultural and chronological markers.....	132
<i>R. A. Mimohod (Moscow, Russia)</i> . East European flanged beads in the context of cultural processes of the end of the Middle and the beginning of the Late Bronze Age.....	137
<i>V. I. Mamontov (Volgograd, Russia)</i> . Pit dwellings of the Srubnaya culture in the environs of the Lyapichev village on the Don river	144
<i>V. V. Sidorov, O. V. Zelentsova, A. I. Samsonova (Moscow, Russia)</i> . Topography of the Pozdnyakovo culture settlements as an indicator of their economic system	148
<i>P. F. Kuznetsov (Samara, Russia)</i> . Distribution areas of the disc-shaped psalia in the beginning of the Late Bronze Age of East Europe	150
<i>N. M. Malov (Saratov, Russia)</i> . Culture genesis in the Late Bronze Age of the Lower Volga region	153
<i>I. I. Bakhshiev (Ufa, Russia)</i> . Cultural interactions in the Bashkirian Trans-Urals during the Bronze Age: cultural stratigraphy and relative chronology.....	158

<i>A. V. Epimakhov, N. A. Berseneva (Chelyabinsk, Russia).</i>	
Tradition of well-building in the arid part of North Eurasia in the Bronze Age	164
<i>O. N. Korochkova (Ekaterinburg, Russia).</i> Middle Trans-Urals in the beginning of the Bronze Age	169
<i>A. I. Khavansky (Orsk, Russia).</i> Sintashta and the historical-cultural approach in archaeology	174
<i>S. V. Sotnikova (Tobolsk, Russia).</i>	
To the question of horse contests at funerals (based on the materials from the Sintashta type sites)	179
<i>V. A. Novozhenov (Almaty, Kazakhstan).</i>	
Early Andronovo chariot innovations and some aspects of the genesis of the Chinese civilization	183
<i>T. M. Potemkina (Moscow, Russia).</i> Habitation site or cult center?	
(to the question of the functions of the Tashkovo culture settlements with the circular architecture)	188
<i>N. A. Bokovenko, M. E. Kilunovskaya, I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov,</i>	
<i>Vl. A. Semenov, N. F. Solovieva (St. Petersburg, Russia).</i>	
Archaeological works in the zone of railway construction between Kyzyl and Kuraghino (2011–2012)	195
<i>A. V. Fribus (Kemerovo, Russia).</i>	
Afanasievo culture and the Early Metal Period systems of interaction in the steppe zone of Eurasia	199
<i>N. F. Stepanova (Barnaul, Russia).</i>	
To the question of identifying ritual groups of the Afanasievo culture in Gorny Altay	203
<i>E. B. Vadetskaya (St. Petersburg, Russia).</i>	
Cult of wild animals in the funerary practice and ideology of the Okunevo culture tribes	208
<i>I. P. Lazaretov (St. Petersburg, Russia).</i> Okunevo burials with diagonal insertions	220
<i>S. P. Grushin (Barnaul, Russia).</i> Seim-Turbino type spearheads in the Ob'-Irtys interfluve	224
<i>L. A. Sokolova (St. Petersburg, Russia).</i>	
Sayan block of archaeological cultures as an indicator of cross-cultural interactions	229
<i>Sh. Nadzhafov (Baku, Azerbaijan).</i>	
Some problems and results of the study of the Bronze Age settlements in North Eurasia	236
<i>V. I. Molodin, J. V. Marchenko, L. A. Orlova, A. E. Grishin (Novosibirsk, Russia).</i>	
Chronology of the burial assemblages of the Odinovo culture at the site of Sopka 2/4a	
(the forest-steppe belt of the Ob'-Irtys interfluve)	237
<i>P. I. Shulga (Barnaul, Russia).</i> On the ancient agriculture in Gorny Altay	242
<i>V. A. Kisel', S. V. Khavrin (St. Petersburg, Russia).</i> Migration to Tuva in the Bronze Age (new materials)	248
<i>V. V. Bobrov (Kemerovo, Russia).</i> Late Bronze Age cultures of the Middle Yenisey and Upper Ob'	
(problems of their chronology and synchronization)	254
<i>A. V. Polyakov (St. Petersburg, Russia).</i>	
Complex of archaeological sites at Staraya Kop' on the right bank of the Amyl river	258
<i>V. S. Zubkov (Abakan, Russia).</i> To the question of the Tagarian settlement of the subtaiga areas in the southwestern	
part of Khakasia	264
<i>Abu Al-Hassan Bakry (Cairo, Egypt).</i> Had the Hyksos ever entered Central Asia?	
Tel' El-Dab'a and Gonur-Depe (Bronze Age trade centers in Ancient Egypt and Turkmenistan)	267
<i>N. A. Avanesova (Samarkand, Uzbekistan).</i>	
Cultural and historical peculiarity of the processes that took place in the Zeravshan basin	272
<i>V. A. Alekshin (St. Petersburg, Russia).</i>	
To the question of the end date of the Namazga VI period in the Kopet Dag piedmont	278
<i>L. B. Kircho (St. Petersburg, Russia).</i> North – South. Linkage on the Zeravshan	284
<i>L. M. Sverchkov (Tashkent, Uzbekistan).</i> On the origin and spread of the catacomb burials	287
<i>A. A. Tkachev (Tyumen', Russia).</i> Burial rite of the steppe population	
of Central Kazakhstan in the Middle Bronze Age	293
<i>M. K. Khabdulina (Astana, Kazakhstan).</i> History of the study of the Late Bronze Age in Central Kazakhstan	297

IRON AGE

<i>M. T. Kashuba, O. G. Levitsky (St. Petersburg, Russia; Kishinev, Moldova).</i> Haltstat (Danube-Carpathian) factor	
in the genesis of the Final Bronze Age and Early Iron Age cultures in the North Black Sea region	304
<i>A. A. Chizhevsky (Kazan', Russia).</i> Problems associated with the formation	
of the Early Iron Age archaeological cultures in the Volga-Kama region	311

<i>A. A. Dudin (Kramatorsk, Ukraine)</i> . To the question of the social elite among the early nomads of the North Black Sea area in the first third of the 1 st millennium BC	316
<i>M. Yu. Vakhtina, M. T. Kashuba (St. Petersburg, Russia)</i> . East European, Greek, and Hallstatt impulses in the Early Iron Age material culture of the Nemirovskoe settlement	320
<i>H. Eberts (Munich, Germany)</i> . Problem of interpretation of the burial rites of the West Podolye group of the Early Scythian culture	325
<i>M. N. Daragan, V. A. Podobed (Kiev, Donetsk, Ukraine)</i> . Zhabotin horizon and the Chernogorovskaya culture: the chronological relationship	332
<i>V. A. Korenyako (Moscow, Russia)</i> . Nogai steppe in the Early Iron Age (based on the materials of the Nogai Museum of Local Lore)	340
<i>T. V. Ryabkova (St. Petersburg, Russia)</i> . Arrowheads from barrow 524 near the village of Zhabotin	345
<i>D. S. Grechko (Kiev, Ukraine)</i> . To the question of the succession of nomadic cultures in the south of East Europe in the VI c. BC.....	350
<i>A. S. Balakhvantsev (Moscow, Russia)</i> . Aramaic inscription from Rysaikino (to the question of the Scythian campaigns in the Middle East).....	358
<i>A. R. Kantorovich (Moscow, Russia)</i> . Problem of chronology of the bird-ram image (gryphon-ram) in the early Scythian animal style.....	362
<i>V. E. Maslov (Moscow, Russia)</i> . Pottery assemblage of the early Scythian time from the central Fore-Caucasus.....	371
<i>N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko (Krasnodar, Russia)</i> . Mirrors from the early Meotian burials on the right bank of the Kuban	375
<i>G. Karamian (Tehran, Iran)</i> . The Lorestan bronze industry and the Eurasian steppes	380
<i>Z. Bragvadze (Tbilisi, Georgia)</i> . Iran under the Achaemenids and ancient Kolkhida.....	380
<i>B. A. Raev (Krasnodar, Russia)</i> . To the interpretation of the rare types of arrowheads from the Novolabinskoe cemetery.....	384
<i>S. Sadowski (Lublin, Poland)</i> . New perspectives in the research of Sarmatian edged weapon on the example of swords and daggers with a ring-shaped pommel	389
<i>O. V. Sharov (St. Petersburg, Russia)</i> . Central Asia and migratory processes in European Sarmatia at the turn of the Common era: the possibility of historical interpretations.....	396
<i>L. A. Kraeva (Orenburg, Russia)</i> . Culture genesis of the early nomads of the Southern Urals in IV–I cc. BC (according to the results of the technological analysis of pottery).....	401
<i>A. D. Tsybiktarov (Ulan-Ude, Russia)</i> . On the formation of the nomadic stock-breeding in Central Asia and its influence on the historical development of the ancient population of the region (with particular reference to the materials of the Slab Grave culture).....	406
<i>K. M. Linduff (Pittsburgh, USA)</i> . The After Effect of Gryaznov's Investigations: Trade and Exchange of Goods in the late First Millennium BCE.....	412
<i>K. V. Chugunov (St. Petersburg, Russia)</i> . «Tsars'» burial-memorial complexes of Tuva: some results and perspectives for the future research	421
<i>N. Yu. Smirnov (St. Petersburg, Russia)</i> . What kind of vehicle did the Arzhan «tsar» use?	424
<i>VI. A. Semenov (St. Petersburg, Russia)</i> . Early Scythian burial from the cemetery of Sume Besh in Tuva.....	432
<i>E. V. Shelepova (Barnaul, Russia)</i> . Results of the study of the early Scythian burial sites from Altay and adjacent areas	435
<i>M. Ochir-Goryaeva (Elista, Russia)</i> . On the arrangement order of humans, burial goods, and horses in the Pazyryk barrows.....	441
<i>E. V. Stepanova (St. Petersburg, Russia)</i> . Saddles from the Third Pazyryk barrow.....	446
<i>D. Yu. Guk, N. N. Nikolaev (St. Petersburg, Russia)</i> . Cart from the Fifth Pazyryk barrow.....	454
<i>N. Yu. Kuzmin (Berlin, Germany)</i> . Those who guard the entrances (based on the materials of the Tesinskaya culture burials in the Minusinsk depression).....	458
<i>D. Erdenebaatar (Ulan Bator, Mongolia)</i> . Xiongnu king cemetery in Gol Mod-2.....	463
<i>A. Gass (Berlin, Germany)</i> . Periphery of the big Saka barrows of the southeastern Semirechye (Kazakhstan)	468
<i>V. V. Gusakov (Kiev, Ukraine)</i> . Saka tribes on the northwestern periphery of the Central Asian Hellenism.....	475

<i>M. A. Bubnova (Dushanbe, Tajikistan).</i>	
To the question of the dating of the Yuzhbok, Yuzhbok II, and Yuzhbok III cemeteries.....	477
<i>S. B. Bolelov (Moscow, Russia).</i> Craftsmanship of Khoresm in the second half of the 1 st millennium BC (paleoeconomic study: a trial).....	483
<i>A. N. Podushkin (Shymkent, Kazakhstan).</i> Catacombs of the Arys culture in South Kazakhstan: collective burials from the cemeteries of Kultobe and Kylyshzhar (II c. BC–III c. AD).....	488
<i>V. P. Nikonorov (St. Petersburg, Russia).</i> Zeus’s thunderbolt in the «Further East» of the Classical World	496
<i>M. J. Olbrycht (Rzeszow/Krakow, Poland).</i>	
Cultural Transfer in the Central Eurasian Steppes and Warfare of Arsacid Iran	505

MIDDLE AGES

<i>V. A. Dmitriev (Pskov, Russia).</i> Between Iran and Byzantium: the emergence of the Turk Kaganat and the foreign policy orientation of the Alans in the 50 ^{es} –70 ^{es} of the VI c.....	510
<i>Yu. V. Artyukhin (Krasnodar, Russia).</i> Some natural aspects of the appearance of nomads in the Caspian-Azov steppes, decline of the Khazar Kaganat and Golden Horde.....	517
<i>D. F. Madurov (Cheboksary, Russia).</i>	
Location of the Burtas land and the Principality of Veda in the IX–XIII cc.	522
<i>I. L. Kyzlasov (Moscow, Russia).</i> Possibility and necessity to comprehend the pra-Turk culture.....	528
<i>N. P. Matveeva (Tyumen’, Russia).</i> Early Medieval burial sites in the steppe Trans-Urals	531
<i>N. N. Seregin (Barnaul, Russia).</i> To the origins of the Minusinsk local variant of the Turk culture	536
<i>S. E. Sarantseva (Vladivostok, Russia).</i>	
Study of roofing tile from the Alestui manor in Transbaikalia: preliminary results	541
<i>A. O. Pronin (Novosibirsk, Russia).</i> New data on the constructive particularities and origins of the iron broadsword from the Late Medieval cemetery of Koya 3 on the Yenisey river.....	545
<i>V. V. Gorbunov (Barnaul, Russia).</i> Srostkinskaya archaeological culture: results and perspectives of its study.....	549
<i>R. G. Zhamsaranova (Chita, Russia).</i> Neludsky ostrog (Nerchinsky ostrog), Neludsky clan of Tungus: ethno-linguistic affiliation of the onims	555
<i>D. Abdulloev (St. Petersburg, Russia).</i> Zoroastrian relics, represented in archaeological materials	561
<i>V. I. Raspopova (St. Petersburg, Russia).</i> Casting molds from Pendjikent.....	564
<i>L. A. Bobrov, A. O. Pronin (Novosibirsk, Russia).</i> Sabres of the Kazakh warriors of the XVI–XIX cc. Questions of their construction, evolution, and field use	572
List of abbreviations.....	582

СЕКЦИЯ II. ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ЕВРАЗИИ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

В. С. Бочкарёв (Санкт-Петербург, Россия)

О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы

Бронзовый век Восточной Европы можно рассматривать не только как временное, но и как культурно-историческое явление. В таком качестве он имеет ряд характерных черт, которые выделяют его среди подобных явлений в других частях Европы. Эти отличия достаточно хорошо просматриваются даже при беглом сравнении. Они выявляются во всех основных сферах культуры и на всех ее уровнях.

Своеобразие восточноевропейского бронзового века было обусловлено несколькими причинами. Среди них важнейшее значение имел природный фактор. Восточная Европа занимает огромную территорию. Это настоящий субконтинент, который с востока на запад и с юга на север протянулся на тысячи километров. В соответствии с размерами Восточной Европы ее природно-климатические условия отличаются большим разнообразием. В широтном направлении ее территорию пересекает около десятка ландшафтных зон и подзон – от полупустынь на юге до тундры на севере. Также весьма заметно варьирует рельеф. Обширные равнины и низменности ограждены с юго-запада, северо-востока и юго-востока горными хребтами Карпат, Урала и Кавказа. На юге их омывают воды Чёрного, Азовского и Каспийского морей, а на севере границей Восточной Европы является побережье Ледовитого океана. С гор и возвышенностей стекает множество рек, некоторые из которых относятся к числу крупнейших водных артерий Европы. В эпоху бронзы растительность и животный мир Восточной Европы еще отличались девственным богатством и разнообразием. В бескрайних степях паслись табуны диких лошадей и стада сайгаков; реки, озера и моря изобиловали рыбой и водоплавающей птицей. В лесах в большом количестве водились лоси, олени, кабаны и т. д. Огромные естественные запасы белковой пищи позволяли местному населению длительное время поддерживать свое существование за счет охоты и рыболовства. Особенно долго присваивающая экономика продержалась на севере Восточной Европы, где на протяжении всего бронзового века продолжали обитать племена охотников и рыболовов. Восточноевропейское население в достаточной мере было обеспечено разнообразным органическим и минеральным сырьем. Правда, в территориальном отношении оно было распределено очень неравномерно. В особенности это касается месторождений меди и других цветных металлов. Всего на огромной территории Восточной Европы известны только три области со значительными запасами меди (Кавказ, Урал и Карпаты), и все они локализируются на ее периферии. Это обстоятельство повлияло на состояние и развитие местного металлопроизводства. Так, чтобы обеспечить себя металлическим инвентарем или сырьем для его производства, население тех регионов, где отсутствовала руда, было вынуждено выстраивать сложные системы дальних и сверхдальних связей. С течением времени их необходимо было перестраивать в связи с изменением геополитической ситуации и передислокации центров металлопроизводства. В эпоху ранней и средней бронзы (IV–III тыс. до н. э.) такие центры находились на Северном Кавказе. Отсюда кавказское сырье и изделия из него распространялись по всему югу Восточной Европы. Альтернативы тогда им не было. Но в начальную пору эпохи поздней бронзы (XX–XIV вв. до н. э.) ситуация резко изменилась. Ведущая роль перешла к волго-уральским очагам. Их продукция расходилась почти по всей южной половине Восточной Европы, достигая на юге Предкавказья, а на юго-западе – Прикарпатья. Благодаря деятельности этих очагов медные и бронзовые изделия в впервые в большом количестве проникают в таежные районы Восточной Европы. Около середины II тыс. до н. э. положение вновь изменилось. Волго-уральская металлургия попала в затяжной кризис, от которого она так и не оправилась до

конца эпохи бронзы. Но в это время начался подъем карпато-балканского металлопроизводства. Правда, его воздействие на Восточную Европу не было столь сильным, как волго-уральское или кавказское влияние. Продукция северопонтийских очагов, которые базировались на карпато-балканском сырье, не выходила за пределы территории нынешней Украины. В заключительной фазе бронзового века (XII–X вв. до н. э.) почти все восточноевропейское металлопроизводство находилось в глубоком упадке. Исключение составляло только кобанское металлопроизводство на Северном Кавказе, но оно имело локальное значение.

Конечно, в течение бронзового века (IV–II тыс. до н. э.) и позднее экология Восточной Европы менялась. Существенное значение имели климатические колебания. Как было установлено, они носили циклический характер. Влажный, прохладный климат сменялся теплым и сухим, и наоборот. Это приводило к сдвигу границ ландшафтных зон с юга на север и в обратном направлении. Но сами зоны сохраняли свой прежний облик, который был близок к современному (Кременецкий 1987: 21; Merpert 1996: 357).

Завершая обзор природно-климатических условий Восточной Европы, отметим, что, несмотря на все их разнообразие, они имеют несколько общих черт. Так, на всем огромном восточноевропейском пространстве фактически доминировали только две ландшафтные зоны: на севере – лесная, а на юге – степная. Причем, первая из них с некоторыми оговорками может рассматриваться как продолжение западносибирских лесов, а вторая – как часть великого пояса азиатских степей. Другой характерной чертой Восточной Европы является ее сравнительно суровый климат. По преимуществу он имеет резко континентальный характер.

Эти природно-климатические условия, конечно, во многом предопределили направленность хозяйственной деятельности восточноевропейского населения в бронзовом веке. Очевидно, что при том уровне технологии они не способствовали сколько-нибудь широкому распространению земледелия. Скорее, они ему препятствовали. Как показывают естественнонаучные и археологические данные, этот вид производящей экономики в эпоху бронзы был известен только в некоторых восточноевропейских регионах. Споро-пыльцевые анализы на ряде степных и лесостепных поселений эпохи бронзы, расположенных между Уралом и Днепром, только в редких случаях указывают на признаки земледелия (Kremenetski et al. 1999: 238–242, fig. 9). Зерновые культуры здесь начали регулярно возделывать только на рубеже эр или даже позднее (Kremenetski 1995; Popova 2007: 98–119). Аналогичная картина наблюдается в южном Зауралье. Также примечательно, что в степном Казахстане начало земледелия не может быть датировано ранее XIX в. (Kremenetski et al. 1997: 403; Frachetti, Mar'gashev 2007: 227).

Археоботанические исследования также не подтверждают сколько-нибудь широкого распространения земледелия в южной половине Восточной Европы на протяжении бронзового века (Черных и др. 1997; Лебедева 2005). Для этого времени оно достоверно зафиксировано только на крайнем юго-западе и юго-востоке Восточной Европы (Янушевич 1986: 7, 20, 79, 81; Sava 2002: 102; Paskevich 2003; Лисицына, Прищепенко 1977: 64–67; Котович 1982: 115–164; Гаджиев 1991: 177–180). На поселениях бронзового века, расположенных восточнее Днепра, палеоботанические остатки domesticированных растений практически отсутствуют (Черных и др. 1997: 27).

Эти материалы позволили сделать выводы о крайне слабом развитии земледелия в эпоху бронзы на всем пространстве степи и лесостепи от Зауралья до Поднепровья (Черных и др. 1997: 28; Černych et al. 1998: 234–240; Boroffka, Mantu-Lazarovici 2011). Еще менее вероятным кажется его распространение в северной половине Восточной Европы, где природно-климатические условия были неблагоприятны, а почвы – малоплодородны. Все утверждения о наличии земледелия в этом регионе не подтверждены достоверными данными и основываются на косвенных признаках (Краснов 1971: 14–87; Крайнов 1987: 57, 74, 80). Даже на юго-западе и юго-востоке Восточной Европы (Молдавия, Правобережная Украина, Северный Кавказ), где земледелие появилось очень рано, оно носило эпизодический характер. В силу разных причин его развитие неоднократно пре-

рывалось на длительное время. Поэтому здесь также не сложилось долговременной и непрерывной земледельческой традиции.

Но зато имеется множество материалов, которые говорят о широчайшем распространении скотоводства в бронзовом веке Восточной Европы. Оно оказалось той отраслью экономики, которая лучше всего адаптировалась к суровым природным условиям этой территории. По мнению многих отечественных исследователей, скотоводческое хозяйство абсолютно преобладало в эпоху бронзы как в степной, так и лесостепной зонах Восточной Европы (Косинцев 1996; 2000; Косинцев, Рослякова 2000: 302–308; Мерперт 1974; Сальников 1967; Виноградов 2007; Журавлёв 2001). В то время скот также начали разводить в лесных и даже таежных районах (Крайнов, Лозе 1987: 57; Крайнов 1987: 74; Ошибкина 1987: 150). Нередко здесь это сочеталось с активной охотой и рыболовством (Ошибкина 1987: 150). В горных районах Северного Кавказа в течение эпохи бронзы скотоводство также оставалось ведущей отраслью экономики (Мунчаев 1994: 224; Марковин 1994: 285).

Согласно исследованиям палеозоологов, в то время разводили все основные виды крупного и мелкого рогатого скота и в очень значительных количествах. Свиноводство было развито слабо. Большое значение приобрело разведение лошадей. Эти животные играли исключительно важную хозяйственную и особенно военную роль. По некоторым данным, уже тогда в коневодстве намечалась некая специализация. В частности, была выведена группа «колесничих лошадей» (Косинцев 2010: 21–32).

Судя по этнографическим и историческим данным, существовало несколько типов скотоводства (придомное, стойловое, отгонное, кочевое и т. д.). Нередко они смешивались и скрещивались между собой (Зыков 1989; Османов 1990). Вероятно, такой же сложной и пестрой была картина уже в бронзовом веке. Тем не менее, многие наши археологи и палеозоологи полагают, что в то время преобладала придомная, пастушеская форма скотоводства (Сальников 1967: 181; Мерперт, Пряхин 1979: 10–11; Косинцев, Рослякова 2000; Пислярий 1993: 63–66; Бунятян, Отрощенко 1993: 112–114). Согласно другой точке зрения, у которой в последнее время появляется все больше сторонников (В. П. Шилов, Н. Я. Мерперт, Н. И. Шишлина, Н. Л. Моргунова, Е. Н. Черных и т. д.), уже в раннебронзовом веке в южнорусских степях сформировалось подвижное скотоводство. Вполне вероятно, что были известны и другие формы содержания и выпаса животных. Но как бы в будущем ни решался этот вопрос, неизменным останется вывод о доминирующем положении скотоводства в экономике бронзового века в Восточной Европе. Более того, его значение, возможно, было еще более важным, чем мы предполагаем. Однако и сейчас можно смело утверждать, что восточноевропейская археология бронзового века, по преимуществу, является археологией скотоводческих культур. Эти культуры занимали почти всю южную половину Восточной Европы и значительную часть ее лесной зоны. По численности они также превосходили все другие культуры. Но дело не только в этих количественных показателях. Судя по доступным сейчас данным, им принадлежала ведущая роль в культурно-историческом развитии Восточной Европы на протяжении почти всей эпохи бронзы. В значительной мере благодаря именно им, эта эпоха приобрела свои характерные черты. Поэтому в дальнейшем изложении им будет уделено основное внимание. При этом нельзя, конечно, упускать из виду также культуры охотников-рыболовов и, особенно, земледельцев. Без них картина будет неполной и односторонней. В некоторых случаях их влияние было исключительно сильным. В этой связи достаточно вспомнить т. н. майкопский феномен. В целом, следует сказать, что долговременное взаимодействие культур с различной хозяйственной специализацией также является одной из примечательных черт восточноевропейского бронзового века.

Как давно было установлено в культурной антропологии, хозяйство и культура архаических народов были тесно связаны между собой. Это положение легло в основу концепции культурно-хозяйственных типов, разработанной в нашей этнографии. В адаптированном виде эта концепция также используется в археологии. Например, в отдельные группы принято выделять археологические культуры (далее АК) ранних земледельцев, таежных охотников-рыболовов и т. д. Эта клас-

сификация оказалась полезной тем, что через призму хозяйственной специализации удастся удовлетворительно объяснить некоторые особенности АК.

К числу таких особенностей можно отнести огромные размеры территорий, занятых скотовами эпохи бронзы. Нередко они простираются на тысячи километров. В качестве примера укажем на фатьяновскую или срубную АК. По площади своих ареалов они превосходят любую из земледельческих АК Европы того времени. Судя по всему, отмеченная особенность скотоводческих АК объясняется чисто хозяйственными причинами. Очевидно, для выпаса скота требовалось гораздо больше земли, чем для выращивания зерновых. К этому еще следует добавить, что границы скотоводческих АК не были постоянными. Со временем они менялись и, как правило, в сторону расширения. Отчасти это было обусловлено особенностью протекания процесса культурогенеза скотоводческих АК. Так, было установлено, что их формирование носило моноцентрический характер (Братченко 2001; Литвиненко 2001; 2005). Каждая из них развилась из сравнительно небольшого первичного ядра, которое, постепенно расширяясь, занимало все новые и новые территории. В этом процессе действовали не только центробежные силы, но и локальные факторы. В результате возникала большая группа родственных культурных образований, которая порой занимала территорию в сотни тысяч квадратных километров. В нашей литературе такие группы получили название культурно-исторических общностей. Типичным примером этого явления является катакомбная общность. В нее входит около десятка АК, а ее ареал охватывает все пространство степи и лесостепи от Волги до Прута. Между тем, первичное ядро этой общности занимало сравнительно узкую полосу степи вдоль побережья Азовского моря (Братченко 2001: рис. 120).

Расширение или, напротив, сужение ареалов скотоводческих АК происходило и по другим причинам, что могло быть вызвано самим характером хозяйственной деятельности этих культур. Как известно, скотоводство и, особенно, его специализированные формы, весьма зависели от окружающей природной среды.

Существенные изменения этой среды (длительные засухи, суровые продолжительные зимы и т. д.) немедленно сказывались на экономике и, в конечном итоге, на демографии местного населения. Причем резкое ухудшение или, напротив, улучшение ситуации зачастую приводило к одним и тем же последствиям – к перемещению населения на новые земли (Бочкарёв 2002: 47). Судя по археологическим данным, такого рода события неоднократно происходили на протяжении всего бронзового века. В этой связи можно вспомнить часто упоминаемую в литературе миграцию населения ямной, срубной или бабинской АК. Конечно, вполне вероятно, что эти перемещения, кроме всего прочего, были вызваны и чисто военными конфликтами. В скотоводческих обществах война была обычным средством разрешения противоречий. Особенно часто она использовалась для решения земельных споров и дележа скота.

Вынужденные переселения скотоводческих общин приводило к смешению их культур и к размыванию отчетливых границ между ними. В результате возникала т. н. культурная непрерывность, которую Е. Н. Черных назвал степным синдромом (Черных 2007: 35–36). Археологически это выражается в том, что иногда соседние культуры столь слабо отличаются друг от друга в типологическом отношении, что остается неясным, где кончается одна из них и начинается другая. Особенно трудно различимыми бывают АК, входящие в одну общность, такую, напр., как ямная.

Частые перемещения на новые земли и даже сама психологическая готовность к миграциям сказывались на быте, материальной культуре и менталитете скотоводческого населения. В большей или меньшей мере все это находит отражение в археологическом материале. Так, у ряда восточноевропейских АК бронзового века отсутствуют поселения или они известны в очень незначительных количествах. К числу таковых относятся, напр., ямная и фатьяновская культуры. Этот факт дает основания предполагать, что их население вело подвижный образ жизни. Вместе с тем, у большинства скотоводческих АК поселения хорошо известны. У некоторых из них (напр., срубная АК) они открыты в значительных количествах. Но среди них практически нет долговременных поселений. Как правило, это остатки деревушек с тонким культурным слоем и небольшим количе-

ством построек. Эти последние представлены наземными сооружениями, но чаще всего – землянками и полуземлянками. Для их строительства использовалась земля, глина, дерево, камыш и очень редко камень и сырец. Исключение составляли только постройки северокавказских АК. Описанные жилища, в основном, предназначались для проживания людей и стойлового содержания скота в зимнее время. Все они, по сравнению с аналогичными сооружениями земледельческих АК Европы, кажутся примитивными и некомфортабельными убежищами (Harding 2000: 22–54). В таком непритязательном состоянии они находились на протяжении всей эпохи бронзы. Кажется, не было ни одной попытки как-то улучшить их архитектуру.

Отсутствие традиций прочной и долговременной оседлости сказалось не только на домостроительстве. Очевидно, это стало одной из причин слабого развития керамического производства у населения скотоводческих АК Восточной Европы. Это производство оставалось на довольно низком уровне и по всем основным показателям заметно уступало гончарству синхронных земледельческих культур. Конечно, с течением времени в нем происходили определенные изменения – появлялись новые приемы изготовления, менялись формы керамики и орнаментальные стили. Но все это не сопровождалось улучшением качества изделий. Иногда оно даже ухудшалось. Так, в заключительный период поздней бронзы (XII–X вв. до н. э.) в Волго-Уральском регионе вновь начали использовать примитивную круглодонную керамику, украшенную маловыразительным орнаментом (Чижевский 2008: 18, рис. 5).

В несравненно лучшем состоянии находилось металлопроизводство скотоводческих АК Восточной Европы. В некоторые периоды эпохи бронзы оно оказывалось одним из самых передовых во всей Северной Евразии. Прежде всего, следует отметить его раннее появление. Уже в IV тыс. до н. э. сначала на Кавказе, а затем и в степях распространились мышьяковые и сурьмяные бронзы, технология литья по восковой модели, сравнительно разнообразный ассортимент изделий (проушные топоры, тесла, долота, ножи, украшения и пр.). Безусловно, лидирующая роль тогда принадлежала кавказскому металлопроизводству. На протяжении всей эпохи ранней и средней бронзы его влиянием была охвачена вся южная половина Восточной Европы. Благодаря этому местная металлообработка и металлургия удерживались на высоком технологическом уровне. Следует отметить, что в степных и лесостепных районах Восточной Европы наряду с кавказскими стереотипами начали возникать и собственные стандарты производства. Особенно активно процесс их создания протекал в конце эпохи средней бронзы на северной и северо-восточной периферии зоны кавказского влияния (на Южном Урале и в Среднем Поволжье). Возникшие здесь новые типы оружия, орудий и украшений впоследствии стали одними из ведущих категорий металлического инвентаря начальной поры эпохи поздней бронзы (XX–XVI вв. до н. э.).

На большей части территории Восточной Европы позднебронзовый век начался вместе с формированием волго-уральского очага культурогенеза (Бочкарёв 2010: 52–58). В недрах этого очага возникла новая модель металлопроизводства, которая постепенно распространилась от Южного Урала и Среднего Поволжья до Поднепровья и Прикубанья. Вместе с ней появился ряд важных технологических новаций. Среди них следует назвать использование оловянных бронз (вместо мышьяковых и сурьмяных), каменных литейных форм (вместо глиняных), а также освоение литья изделий со слепой втулкой (Бочкарёв 1981: 23). Эти технологические приемы были тесно связаны между собой и отчасти взаимно обусловлены. Конечным результатом их комплексного применения стало широкое распространение литья как основного способа изготовления металлических изделий. Эта новая технология как нельзя лучше отвечала стремлению наладить серийный выпуск продукции. Кое-где такое производство удалось организовать. В этой связи, прежде всего, следует назвать срубную АК (XVII–XVI вв. до н. э.). Судя по доступным сейчас данным, в ней сравнительно широко использовался разнообразный металлический инвентарь. В частности, в большом количестве известны серпы-косари срубного типа. Многочисленность их находок, очевидно, говорит в пользу того, что во время существования срубной культуры металлические изделия были доступны уже широкому кругу потребителей. Надо полагать, что вместе с этим возросла

также экономическая значимость этих изделий. В скотоводческих хозяйствах упомянутые серпы-косари использовались для заготовки сена, которое в зимний период шло на корм скоту (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 86). Таким образом, они играли важную хозяйственную роль. Поэтому прекращение производства этих орудий в конце эпохи поздней бронзы, возможно, стало одной из причин кризиса скотоводческой экономики на значительной части Восточной Европы.

В целом, можно сказать, что металлургия скотоводческих АК Восточной Европы по уровню своего развития, объему выпускаемой продукции и ее ассортименту не уступала аналогичным производствам земледельческих АК Европы. В эпоху ранней и средней бронзы (IV–III тыс. до н. э.) оно их даже превосходило. Затем положение выровнялось. Правда, в самом конце эпохи поздней бронзы намечалось отставание. Но еще в начале этой эпохи кузнецы-литейщики скотоводческих АК успели сделать ряд важных изобретений, которые затем получили широкое распространение. Они первыми в мире начали изготавливать топоры-кельты, цельнолитые втульчатые наконечники стрел, серпы-косари и т. д.

Кроме металлопроизводства, в скотоводческих АК Восточной Европы значительное развитие получила также система вооружения. Она имела ряд своеобразных черт и значительно отличалась от аналогичных систем земледельческих АК Европы бронзового века. У этих последних металлическое оружие получило очень широкое распространение. Его было много, и оно отличалось значительным разнообразием. Однако в нем решительно преобладало оружие ближнего боя, предназначенное для пешего воина. С самого раннего времени предпочтение было отдано боевым топорам, алебардам, кинжалам и копьям. Уже в XIV в. до н. э. (бронза С, по П. Райнеке) в Центральной Европе были изобретены колюще-рубящие мечи. Они очень быстро распространились по многим другим европейским регионам. Немного позже появилось тяжелое защитное вооружение – металлические шлемы, кирасы, щиты и даже поножи (Kristiansen, Larsson 2007: 213–219; Harding 2007: 271–290). Судя по реконструкциям, предложенным в литературе, европейский воин культуры полей погребальных урн (Urnenfelderkultur) в эпоху поздней бронзы был снаряжен почти также, как средневековый рыцарь (Kristiansen 1998: 115–117, fig. 59, A–D). К сказанному еще следует добавить, что, начиная с самых ранних времен, в Центральной Европе и в соседних областях значительное развитие получила фортификация (Harding 2000: 291–306).

Совсем иная система вооружения сложилась на юге Восточной Европы и в казахстанских степях. Главную роль в ней играли не меченосцы и копейщики, а стрелки из лука и лошади. Лучники действовали в составе мобильных соединений, которые могли вести дистанционный бой в скоростном режиме. Основными их тактическими приемами были внезапное нападение и столь же быстрый откат назад в случае неудачи. В окончательном виде эта система оформилась в начале железного века. Тогда же она была зафиксирована письменными источниками. Но судя по археологическим данным, ее формирование в южнорусских степях шло на протяжении всего бронзового века.

Одним из главных достоинств этой системы стало широкое использование лошадей в боевых действиях. Само по себе это было выдающееся открытие, которое во многом определило дальнейший ход развития военного дела во всей Северной Евразии. Представляется вполне закономерным, что оно было сделано скотоводческими АК Восточной Европы и Казахстана. В свое время население этих регионов одомашнило лошадь и начало ее использовать в хозяйственных целях.

В отчетливой форме эта система проявилась уже в начале II тыс. до н. э. в таких культурах как синташтинская, петровская, потаповская и покровская. В то время ее основной ударной силой стали стрелки из лука, передвигающиеся на конных колесницах. Это было новое оружие, в котором возможности лучника вести дистанционный бой очень удачно сочетались со скоростью и физической мощью лошадей, запряженных в одноосные повозки. По мнению некоторых наших исследователей (А. М. Лесков, Е. Е. Кузьмина и др.) колесницы на конной тяге были изобретены скотоводческими народами североевразийских степей. Затем они распространились

почти по всему Старому Свету, став самым грозным оружием II тыс. до н. э. Г. Чайлд назвал их танками бронзового века.

На вооружении колесничих стрелков были простые и сложные луки, а также стрелы, снабженные большими и тяжелыми наконечниками из кремня, обладающими большой убойной силой (Братченко 2006: 276–277). Синташтинские мастера предприняли попытку отлить такие наконечники из бронзы (Генинг и др. 1992: 105, рис. 37, 1–3). Впоследствии эти опыты привели к созданию древнейших в мире цельнолитых втульчатых наконечников (Аванесова 1991: 39–45). В урало-казахстанских степях они появились уже в XVII–XVI вв. до н. э. Для сравнения укажем, что в Средней Европе они стали известны не ранее середины II тыс. до н. э., а в Греции и Передней Азии – еще позднее (Медведская 1980: 28–29). Кроме лука, воины-колесничии использовали копья, дротики, боевые топоры и кинжалы. Но настоящие колюще-рубящие мечи и тяжелые доспехи у них так и не появились. Это оружие оказалось невостребованным, хотя все материальные и технические условия для его производства были. Очевидно в той системе вооружения, которая сложилась в Восточной Европе, оно было просто не нужно. Здесь также не получила развитие фортификация. Укрепленные поселения встречаются очень редко. В степной зоне их сейчас известно не больше десятка (Михайловка, Левенцовка, Каратаево и т. д.). Некоторые исключения составляют только городища аркаимского и петровского типов. Правда, формально они находятся уже на территории азиатских степей. Причины их неожиданного появления и столь же внезапного исчезновения остаются не вполне ясными.

В итоге можно заключить, что в эпоху бронзы скотоводческим народам Восточной Европы вместе со своими соседями удалось создать оригинальную и эффективную систему вооружения. О ее достоинствах можно судить по военным успехам этих народов и их потомков.

Этнографы, изучающие скотоводческие народы, подчеркивают, что они имеют ряд специфических черт не только в бытовой, но также в социальной, духовной и психологической сферах (Марков 1967). В частности, отмечают их свободолюбивый и независимый характер, воинственность, повышенную агрессивность и т. д. Возможно, что эти качества начали формироваться или уже сформировались в бронзовом веке. Но подтвердить это материалами археологии не представляется возможным. Несколько больше мы знаем о том, как были устроены общества скотоводов того времени. Прежде всего, следует отметить, что они не были такими уж примитивными образованиями, какими их ранее описывали в нашей литературе (Равдоникас 1947: 347–370; Киселёв 1965: 20–59). В действительности, они представляли собой сложные социальные организмы, хорошо структурированные как по вертикали, так и по горизонтали. Судя по целому ряду данных, их население было дифференцировано в половозрастном, социальном и профессиональном отношениях (Дергачёв 1978: 53–56; Бадер 1969: 170–176; Бочкарёв 2010: 117; Зданович 1997; Отрощенко 1986; Отрощенко, Черных 1998; Массон 1995: 5–7). В этих обществах выделилась родоплеменная знать, которая, как правило, была сильно милитаризирована. В то время сложилась некая система территориально управления (Сергеева 2007: 17–18). Продолжался процесс ремесленной специализации, который начался еще в предыдущую эпоху. Наиболее интенсивно он протекал в металлопроизводстве и в оружейном деле (погребения кузнецов-литейщиков, «стрелочников»). Эти общества имели хорошо налаженные связи с соседними и отдаленными территориями. Необходимость импорта и экспорта металла объединяла их в большие ассоциации.

Несмотря на все эти достижения, ни одна из них так и не вышла за рамки первобытности. На протяжении всей эпохи бронзы большинство из них оставались т. н. племенными (сегментированными) обществами. Только колесничьи культуры (синташтинская, потаповская, петровская и покровская) продвинулись несколько дальше. У них, по мнению ряда исследователей, возникли комплексные общества (вождества). Но спустя всего несколько столетий местное население вернулось к старому (племенному) общественному устройству. Такого рода социальная деволюция нередко случалась в древности (Бочкарёв 2010: 18–19), а скотоводческим обществам она была присуща имманентно. Это подтверждается как материалами археологии, так и, особенно, истории

(Трепавлов 1995; Крадин 1995: 196). Эти же материалы позволяют сделать и более общий вывод: скотоводческие общества, видимо, в принципе не могли самостоятельно прийти к цивилизации. В лучшем случае они достигали ее начальной стадии, а затем следовал откат назад. По справедливому мнению некоторых этнографов, цивилизационной перспективы также не было у охотников-собирателей и рыболовов (Чебоксаров, Чебоксарова: 1985: 180). Очевидно, она была только у земледельческих АК. Таковых на территории Восточной Европы в эпоху бронзы было совсем немного. Самыми развитыми из них оказались трипольская и, особенно, майкопская культуры. Казалось бы, они находились на пути, прямо ведущем к цивилизации. Однако их движению вперед помешали конкретные исторические события. В конечном итоге, они были поглощены первобытной стихией. В частности, большая часть территории трипольской культуры была занята «ямным» населением. Что касается остальных земледельческих АК («Ноуа», «Сабатиновка», «Белозерка» и т. д.), то это были обычные варварские общества с очень медленным ходом социального и технологического развития. Им еще было очень далеко до цивилизации. Они не дошли и до середины пути, как были сметены в начале железного века очередной волной скотоводческого населения.

Наконец, следует сказать, что неповторимым своеобразием отличается и сам ход культурно-исторического процесса в эпоху бронзы на территории Восточной Европы. Напомним, что с точки зрения универсальной археологической периодизации («система трех веков») основным критерием этой эпохи является внедрение в производство нового сплава – бронзы (Бочкарёв 2011: 5–8). В Восточной Европе, как и на территории Древнего Востока, первоначально получили распространение мышьяковые бронзы, а позднее – оловянные. В след за этим произошли и другие изменения в металлопроизводстве. Далее следует отметить, что в Восточной Европе эпоха бронзы началась значительно раньше, чем во многих других европейских регионах. Соответственно, она и длилась здесь заметно дольше. В общей сложности, ее продолжительность составляла около трех тысяч лет (IV–II тыс. до н. э.). Правда, не везде она была одинаковой. Эта вызвано тем, что на севере Восточной Европы эпоха бронзы началась значительно позже, чем на ее юге. В некоторых таежных регионах и в арктической зоне ее, видимо, и вовсе не было. В целом, фиксируется поэтапный процесс распространения новой технологии металлопроизводства: с юга на север, с юго-запада на северо-восток, и, в одной случае, – с западного направления. Впервые она появилась только в двух южных регионах – в Северном Кавказе и Северо-Западном Причерноморье. Ее использовали мастера майкопской и позднетрипольской культур. Обе эти культуры не были местного происхождения. По мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, майкопское население в начале IV тыс. до н. э. мигрировало на Северный Кавказ из Восточной Анатолии. Нескольким иным был генезис трипольской культуры. Она сформировалась в течение V–IV тыс. до н. э. в результате длительного процесса колонизации карпато-балканскими земледельцами новых земель на территории Молдовы-Молдавии и Правобережной Украины. Майкопские и трипольские переселенцы принесли с собой высокие достижения своей родины. Среди них была и новая технология металлопроизводства. Благодаря трипольскому и, главным образом, майкопскому влиянию она относительно быстро распространилась в соседних скотоводческих АК. Таким образом, можно заключить, что переход к новой эпохе (в ее технологическом аспекте) не был результатом автохтонного развития. Он был инспирирован внешним импульсом, истоки которого уходят на Древний Восток. Это особенно очевидно в случае с майкопской культурой. Она сама была носителем древневосточных традиций и некоторые из них могла непосредственно передать восточноевропейскому населению.

Справедливости ради нужно указать еще на один источник новой технологии. Он оказался связанным с культурами шнуrowой керамики и имел центральноевропейское происхождение. В результате восточной миграции некоторых из этих культур в начале III тыс. до н. э. эта технология получила распространение в зоне широколиственных лесов Восточной Европы. Полнее всего она была реализована в металлургии фатьяновской и балановской культур. Но дальнейшая судьба этого производства не вполне ясна. Вполне вероятно, что со времени оно деградировало или даже

вовсе заглохло. В металлопроизводстве абашевской культуры, которая датируется концом эпохи средней бронзы (последние века III тыс. до н. э.) не улавливается фатьяновский или балановский субстрат. Но зато в ней хорошо видна связь с катакомбной металлообработкой (Корневский 1983). Таким образом, на территории Средней России, как и во многих других восточноевропейских регионах, в начальную пору эпохи бронзы возобладала кавказская модель металлопроизводства.

Здесь следует особо подчеркнуть, что Северный Кавказ играл выдающуюся роль не только в развитии металлопроизводства. Во многом его влияние определяло ход культурно-исторического развития в эпоху ранней и средней бронзы на всем пространстве юга Восточной Европы. Он стал своего рода генератором различных инноваций, которые затем получали широкое распространение. Поэтому с полным основанием его можно назвать очагом культурогенеза. Его приоритет определялся, прежде всего, высоким уровнем развития местных культур. В этой связи снова приходится вспомнить майкопскую культуру. Именно она заложила основу кавказского очага культурогенеза. В дальнейшем, по мере затухания майкопского импульса и постепенной деградации северокавказских культур (Бочкарёв 2010: 19), роль этого очага начала снижаться. В конце эпохи средней бронзы его влияние, в основном, обеспечивалось за счет экспорта меди и продукции металлопроизводства.

К началу II тыс. до н. э. влияние этого очага фактически сошло на нет. Он превратился в чисто региональный центр. Вместе с этим завершился кавказский этап в истории бронзового века Восточной Европы. На рубеже III–II тыс. до н. э. общий центр развития переместился с Кавказа далеко на северо-восток – в Среднее Поволжье и Южный Урал. Здесь сформировался новый очаг культурогенеза, который был назван волго-уральским (Бочкарёв 1991: 24–27). В нем получили развитие новые технологии металлопроизводства, возникло новое оружие (колесницы и пр.), сформировались новые культуры и т. д. Говоря образно, в нем родилась эпоха поздней бронзы Восточной Европы.

Первичным ядром этого очага стал блок синташтинской, петровской, потаповской и покровской АК. В их основе лежал абашевский субстрат и некоторые элементы местных культур посткатакомбного времени. Сами они возникли под воздействием сильного внешнего толчка. Таким событием оказалось сейминско-турбинское вторжение. В конце III тыс. до н. э. на Урале и в Средней Поволжье появились отряды воинов, пришедшие из Сибири. Они были вооружены первоклассным новым оружием (кельтами, тяжелыми копьями, клевцами и т. д.), сделанному по последнему слову тогдашней техники. По тем временам это была грозная сила. Сейминско-турбинская агрессия вызвала дестабилизацию местной культурной среды и привела к цепной реакции изменений. Возникновение упомянутых выше колесничих культур было ответом местного населения на сейминско-турбинскую угрозу (Бочкарёв 2010: 57–58).

Волго-уральский очаг, как основной культурно-производственный центр, доминировал в Восточной Европе на протяжении всей первой половины II тыс. до н. э. Производная от него волго-уральская культурная провинция раскинулась от Урала до Северного Причерноморья и Прикубанья. С середины II тыс. до н. э. начался процесс его постепенного упадка. Вероятно, он был вызван общим кризисом восточноевропейского скотоводческого хозяйства и деградацией волго-уральского металлопроизводства. С этого времени на территории Восточной Европы усилились дивергенции. Некое единое культурное пространство начало распадаться на отдельные фрагменты. Карпато-балканский очаг культурогенеза, который активизировал свою деятельность с середины II тыс. до н. э., смог втянуть в свою орбиту только культуры Северного Причерноморья. Далее на восток его влияние не распространялось. К началу железного века Восточная Европа подошла в состоянии культурной раздробленности и упадка.

Аванесова 1991 – *Аванесова Н. А.* Культуры пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.

Бадер 1969 – *Бадер О. Н.* Балановский могильник. М., 1969.

- Бочкарёв 1981 – *Бочкарёв В. С.* Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве // Преемственность и инновации в развитии древних культур: Мат-лы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1981. С. 22–27.
- Бочкарёв 1991 – *Бочкарёв В. С.* Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Мат-лы методологического семинара ИИМК РАН. СПб, 1991. С. 24–27.
- Бочкарёв 2002 – *Бочкарёв В. С.* Волго-уральский регион в эпоху бронзы // История татар. Казань, 2002. Т. I. С. 46–68.
- Бочкарёв 2010 – *Бочкарёв В. С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб, 2010.
- Бочкарёв 2011 – *Бочкарёв В. С.* Проблемы периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: Мат-лы круглого стола. 23–24 июня 2011 г., Санкт-Петербург. СПб, 2011. С. 5–8.
- Бунятян, Отрощенко 1993 – *Бунятян Е. П., Отрощенко В. В.* Формы собственности на скот и способы изучения их по археологическим данным // Хозяйство древнего населения Украины. Киев, 1993. С. 93–131.
- Братченко 2001 – *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. 1–2. Луганськ, 2001.
- Братченко 2006 – *Братченко С. Н.* Левенцовская крепость: Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2006. № 6. С. 32–310.
- Виноградов 2007 – *Виноградов Н. Б.* Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типов): Автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2007.
- Гаджиев 1991 – *Гаджиев М. Г.* Раннеземледельческие культуры Северо-Восточного Кавказа. М., 1991.
- Генинг и др. 1992 – *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. Т. I.
- Дергачёв 1978 – *Дергачёв В. А.* Выхватинский могильник. Кишинёв, 1978.
- Дергачёв, Бочкарёв 2002 – *Дергачёв В. А., Бочкарёв В. А.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинёв, 2002.
- Журавлёв 2001 – *Журавлёв Д. П.* Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донецкого междуречья. Киев, 2001.
- Зданович 1997 – *Зданович Д. Г.* Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.
- Зыков 1989 – *Зыков Ф. М.* Традиционные орудия труда якутов (XIX–начало XX века). Новосибирск, 1989.
- Киселёв 1965 – *Киселёв С. В.* Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии: Памяти С. В. Киселёва. К 60-летию со дня рождения. М., 1965. С. 17–61 (МИА. № 130).
- Кореневский 1983 – *Кореневский С. Н.* Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 96–109.
- Косинцев 1996 – *Косинцев П. А.* Начальный этап эволюции животноводства андроновского типа // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. Вып. 1. С. 83–87.
- Косинцев 2000 – *Косинцев П. А.* Костные останки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000. С. 17–44.
- Косинцев 2010 – *Косинцев П. А.* «Колесничные» лошади // Кони, колесницы и колесничие степной Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. С. 21–54.
- Косинцев, Рослякова 2000 – *Косинцев П. А., Рослякова Н. В.* Скотоводство населения Самарского Поволжья в эпоху бронзы // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара, 2000. С. 302–308.
- Котович 1982 – *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.

- Крадин 1995 – *Крадин Н. Н.* Трансформация политической системы от вождества к государству: монгольский пример, 1180 (?)–1206 // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. С. 188–198.
- Крайнов 1987 – *Крайнов Д. А.* Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 58–76 (Археология СССР).
- Крайнов, Лозе 1987 – *Крайнов Д. А., Лозе И. И.* Культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике // Там же. С. 51–57.
- Краснов 1971 – *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы: II тыс. до н. э.–первая половина I тыс. до н. э. М., 1971 (МИА. № 174).
- Кременецкий 1987 – *Кременецкий К. В.* Антропогенное воздействие на растительный покров Нижнего Подонья в голоцене // Методы естественных наук в археологии. М., 1987. С. 13–22.
- Лебедева 2005 – *Лебедева Е. Ю.* Археоботаника и изучение земледелия в эпоху бронзы в Восточной Европе // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2005. Вып. 4. С. 50–68.
- Лисицина, Прищепенко 1977 – *Лисицина Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
- Литвиненко 2001 – *Литвиненко Р. О.* Про виділення первинного осередку культури Бабіне (КБК) // Праці наук. конф. ДонНУ за підсумками НДР за період 1999–2000 рр. (18–20 квітня 2001 р.). Донецьк, 2001. С. 38–40.
- Литвиненко 2005 – *Литвиненко Р. О.* Культури бабінська і поліньська: до проблеми контактів // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005. С. 75–78.
- Марков 1967 – *Марков Г. В.* Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпоху возникновения, расцвета и заката кочевничества): Автореф дис. ... докт. ист. наук. М., 1967.
- Марковин 1994 – *Марковин В. И.* Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронзы Кавказа. М., 1994. С. 254–286 (Археология).
- Массон 1995 – *Массон В. М.* Процессы культурной трансформации в доскифских обществах Восточной Европы // Древнейшие общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб, 1995. С. 5–14 (АИ. Вып. 63).
- Медведская 1980 – *Медведская И. Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II – первой половины I тысячелетия до н. э. // СА. 1980. № 4. С. 23–27.
- Мерперт 1974 – *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт, Пряхин 1979 – *Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. 1979. С. 7–24.
- Мунчаев 1994 – *Мунчаев Р. М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронзы Кавказа. М., 1994. С. 158–225 (Археология).
- Османов 1990 – *Османов М.-З. О.* Формы традиционного хозяйства народов Дагестана в XIX–начале XX века. М., 1990.
- Отрощенко 1986 – *Отрощенко В. В.* Костяные детали плеток из погребений срубной культуры // СА. 1986. № 3. С. 227–232.
- Отрощенко, Черных 1998 – *Отрощенко В. В., Черных Л. А.* Стрекала как орудия труда и атрибута власти // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: ТД VII Донской археол. конф. Ростов-на-Дону, 1998. С. 59–61.
- Ошибкина 1987 – *Ошибкина С. В.* Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 147–156 (Археология СССР).
- Писларий 1993 – *Писларий И. А.* Животноводство населения в эпоху бронзы степной Украины // Хозяйство древнего населения Украины. Киев, 1993. С. 49–73.
- Равдоникас 1947 – *Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Л., 1947. Т. I.
- Сальников 1967 – *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

- Сергеева 2007 – *Сергеева О. В.* Поселения и постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (пространственный, социологический и палеодемографический аспекты): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2007.
- Трепавлов 1995 – *Трепавлов В. В.* Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. С. 199–208.
- Чебоксаров, Чебоксарова 1985 – *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1985.
- Черных 2007 – *Черных Е. Н.* Каргалы: феномен и парадоксы развития. М., 2007 (Каргалы. Т. V).
- Черных и др. 1997 – *Черных Е. Н., Лебедева Е. Ю., Кузьминых С. В.* К проблеме истоков земледелия в Восточной Европе // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Киев; Николаев; Южноукраинск, 1997. С. 27–28.
- Чижевский 2008 – *Чижевский А. А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового–раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008.
- Янушевич 1986 – *Янушевич З. В.* Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоэтноботанические исследования. Кишинёв, 1986.
- Boroffka, Mantu-Lazarovici 2011 – *Boroffka N., Mantu-Lazarovici C.-M.* Zwei Bronzesicheln der Noua-Kultur aus Poieniști: Zur Wirtschaft in den bronzzeitlichen Steppen Eurasiens // Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.). Bd. 2. Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen. Interantionale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Chișinău, Moldavien (4.–8. Oktober 2010). Rahden/Westf.; Kiel, 2011. S. 148–165 (PAS. Bd. 27).
- Černych et al. 1998 – *Černych E. N., Antipine E. E., Lebedeva E. J.* Produktionsformen der Urgesellschaft in den Steppen Osteuropas (Ackerbau, Viehzucht, Erzgewinnung und Verhüttung). München, 1998. S. 233–252 (PAS. Bd. 12).
- Frachetti, Mar'yashev 2007 – *Frachetti M. D., Mar'yashev A. N.* Long-term occupation and seasonal settlement of Eastern Eurasian pastoralists at Begash, Kazakhstan // *Journal of Field Archaeology*. 2007. Vol. 32. P. 221–242.
- Harding 2000 – *Harding A.* European societies in the Bronze Age. Cambridge, 2000.
- Kremenetski 1995 – *Kremenetski C. V.* Holocene vegetation and climate history of southwestern Ukraine // *Review of Palaeobotany and Palynology*. 1985. Vol. 85. No 3-4. P. 289–301.
- Kremenetski et al. 1997 – *Kremenetski C. V., Tarasov P. E., Cherkinsky A. E.* Postglacial development of Kazakhstan pine forests // *Géographie physique et Quaternaire*. 1997. Vol. 51, no 3. P. 391–404.
- Kremenetski et al. 1999 – *Kremenetski C. V., Chichagova O. A., Shishlina N. I.* Paleocological evidence for Holocene vegetation, climate and land-use change in the low Don basin and Kalmyk area, southern Russia // *Vegetation History and Archaeobotany*. 1999. Vol. 8, no 4. P. 233–246.
- Kristiansen 1998 – *Kristiansen K.* Europe before History. Cambridge, 1998.
- Kristiansen, Larsson 2007 – *Kristiansen K., Larsson T.* The Rise of Bronze Age Society. Cambridge, 2007.
- Merpert 1996 – *Merpert N. J.* Eastern Europe (Fourth millennium to seventh century BC) // *History of Humanity*. Paris, 1996. Vol. II. P. 357–363.
- Pashkevich 2003 – *Pashkevich G.* Palaeoethnobotanical evidence of agriculture in the steppe and forest-steppe of East Europe in the Late Neolithic and Bronze Age // *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Cambridge, 2003. P. 287–297 (McDonald Institute Monographs).
- Popova 2007 – *Popova L. M.* A new history legend: a long-term vegetation history of the Samara river valley, Russia // *Social orders and social landscapes*. Newcastle, 2007. P. 95–119.
- Sava 2002 – *Sava E.* Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. mit Katalogbeiträgen von N. Boroffka, L. Dascălu, Gh. Dumitroaia, E. V. Jarovoj, T. Soroceanu. Kiel, 2002 (PAS. Bd. 19).

Происхождение индоевропейцев и археология¹

Полтора года прошло со времени открытия того факта, что большинство языков Европы и некоторые языки Азии, в частности Индии, связаны родством (их назвали индоевропейскими) и, по-видимому, являются более или менее разошедшимися отпрысками одного языка (праязыка), на котором говорил один народ (пранарод), некогда занимавший ограниченную территорию (прародину).

Изначально в связи с этим открытием националистически настроенные немецкие ученые возлагали надежды на то, что это выявит особое положение германской ветви языков и, соответственно, народов – их размещение на прародине всех индоевропейских языков (поэтому их называли индогерманскими), а значит их приравненность к метрополии по отношению ко всем остальным как к колониям, особую древность или особую инновационность, связь с некой высшей расой. Ничего этого в самом открытии не содержится и, стало быть, не должно влиять на исследование вопроса. С равной логикой ханты и манси могли бы претендовать на старшинство по отношению к Венгрии, а тувинцы – по отношению к Турции. Выяснение же вопроса о прародине важно для решения ряда чисто научных задач – выяснения закономерностей и общего хода развития языков, его связи с историей, расселением и экологией, образования конкретной картины размещения языков и народов и т. д.

С новыми открытиями (напр., древних языков) изначальная концепция родословного древа Макса Мюллера, А. Шлейхера и др. изменялась в деталях. Выдвигались альтернативные концепции решения вопроса – «теория волн» Й. Шмидта, теория скрещений и языковой пирамиды Н. Я. Марра, структурно-типологическая модель языковых союзов Н. С. Трубецкого. Но все они, корректируя общую схему, не могли встать на место концепции родословного древа, потому что либо не имеют строгой системы доказательств (Марр), либо игнорируют материальную составляющую сходств.

Модель родословного древа строится на том, что сходства (пучки изоглоссы), в т. ч. материальные, т. е. схоже звучащие, различны: есть объединяющие всю группу индоевропейских языков, а есть более ограниченные, объединяющие только ту или иную часть из них – западную, восточную, на которые реконструируется ее ранний распад, и еще более узкие, внутри каждой из них – это позволяет реконструировать дальнейший распад. Так строится родословное древо языков. А реконструированный словарь каждого языка – общего праиндоевропейского, его первых групп распада – анатолийской и европейской, внутри европейской – западной и восточной, далее внутри каждой из них – позволяет представить экологию и хозяйство каждого из реконструированных пранародов и положить их на карту археологических культур. Глоттохронология позволяет с удовлетворительным приближением определить и эпоху, в которую нужно поместить пранарод и этапы его распада.

В свою очередь, по этим данным археологи могут более точно определить, с какими конкретно культурами надлежит связывать пранарод и его дочерние образования.

Но среди лингвистов и среди археологов мало согласия в конкретном размещении всех этих реконструированных пранародов на археологической карте. Давно отброшено размещение индоевропейской прародины в Индии – изучение Ригведы показало, что индоарии вторглись в Индию с севера на заре письменной истории. Отброшены и сказочные размещения «нордической» арийской прародины в Арктике. Однако всерьез обсуждаются (Zvelebil 1995: 175) минимум пять локализаций прародины на карте (рис. 1), и на обсуждении сказывалось длительное недоверие археологов к миграциям:

¹ Текст этого доклада обсуждался в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), и я признателен участникам обсуждения, а также С. В. Конче (Киев) за ценные советы.

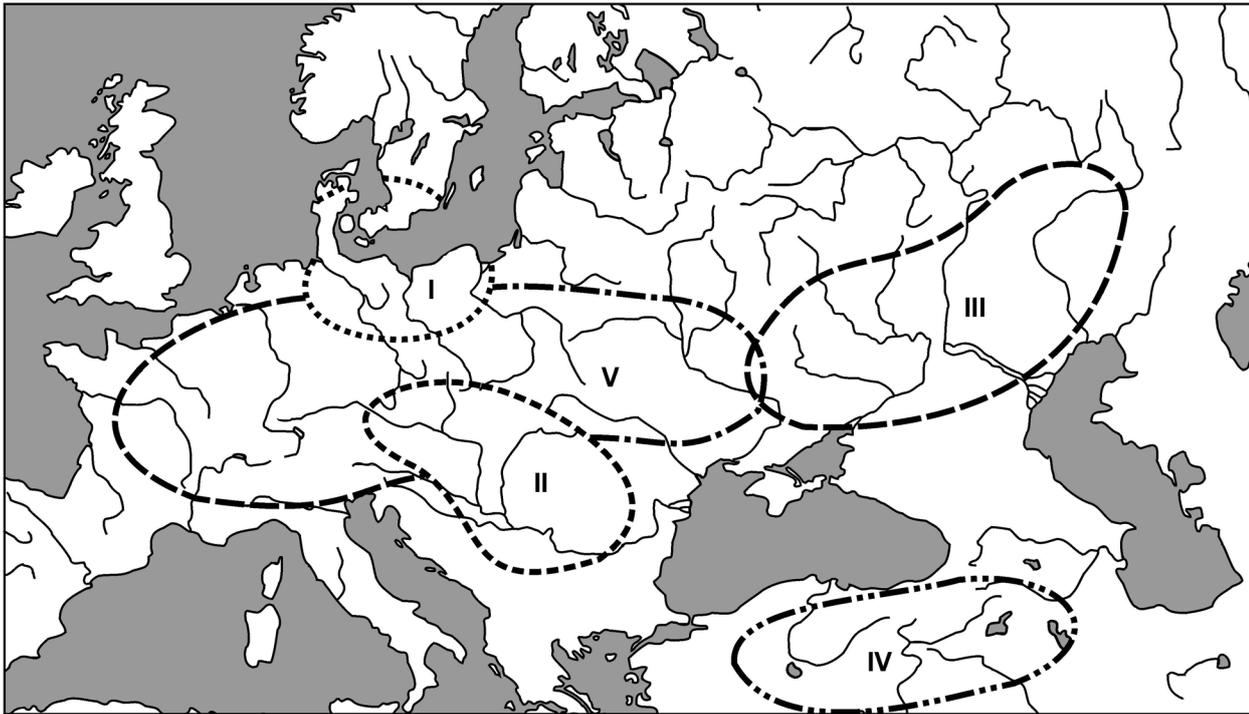

Рис. 1. Основные предполагаемые области происхождения индоевропейцев (размещения прародины)

Север Центральной Европы (из лингвистов – Л. Гейгер, Й. Покорны, Г. Хирт, Ф. Шпехт; из археологов и историков – К. Пенка, М. Мух, Г. Косинна, Г. Швантес). За этой гипотезой то преимущество, что прародина расположена в исходном очаге исторических миграций (германцы, славяне), но исторический очаг не обязательно действовал и в доистории, а географически – это край индоевропейского ареала.

Юг Центральной Европы – Среднее Подунавье, Балкано-Карпатский регион (из лингвистов – Дж. Девото, И. М. Дьяконов; из археологов – П. Босх Жимпера, Х. Хенкен, Я. Маккаи). За этой гипотезой то преимущество, что эта прародина считалась древнейшим центром земледелия, расположена в центральном очаге миграций кельтов и требует минимума миграций для конечного размещения большинства индоевропейских народов на местах их исторического проживания, однако культуры, расположенные в этом очаге, очень отличаются от реконструируемых по языку индоевропейцев.

Степи Восточной Европы (из лингвистов – А. Шлейхер, О. Шрадер, Т. Бенфей, Т. Сулимирский; из археологов – Э. Вале, Г. Чайлд, М. Гимбутас, Дж. Мэллори). За этой гипотезой то преимущество, что в числе миграций, требуемых ею, нет самых дальних, ибо прародина располагается в географическом центре индоевропейского ареала, а экология поддерживала кочевой образ жизни, наиболее естественный для миграций. Да и облик этих кочевников вроде отвечает языковой реконструкции, и Великое переселение народов шло именно по степям из Азии в Европу. Но то было в конце античного времени, а до того не видать миграций этого населения ни в остальную Европу, ни в Малую Азию. Те миграции, которые можно уловить, шли в противоположном направлении (тохары).

Малая Азия и Закавказье (из лингвистов – Макс Мюллер, Т. В. Гамкрелидзе и В. Вс. Иванов; из археологов – К. Ренфру, П. М. Долуханов, М. Звелебил). Функционально близка к этому Месопотамия (историк Т. Моммзен; ныне – археолог В. А. Алёшкин²). Эта гипотеза позволяет

² По мнению В. А. Алёшкина, прародина индоевропейцев находилась в Центральной Европе (ареал культуры линейно-ленточной керамики), т. е. на севере той территории между Балканами и Карпатами, где помещал прародину индоевропейцев И. М. Дьяконов (Алёшкин 1992; 1998) (*примеч. редакции*).

увязать индоевропеизацию Европы с ее неолитизацией и отодвинуть весь процесс на несколько тысяч лет вглубь прошлого. Но опять же пришлось бы признать индоевропейским то догреческое население Южной и Центральной Европы, которое никак не походило на реконструированных праиндоевропейцев.

Широкая прародина, включающая всю Европу или ее значительную часть (из лингвистов – Н. Трубецкой, Г. Краэ, В. П. Шмид, С. В. Конча; из археологов – Г. Кюн, К. Яжджевский, Л. Кириан, А. Хойслер, Л. Л. Зализняк). Эта гипотеза удобна тем, что почти исключает необходимость миграций вообще: все сидят испокон веку на своих местах. Но с ней очень трудно объяснить происхождение близких сходств.

Есть еще несколько концепций, соединяющих по две-три названных. Так, В. А. Сафронов соединил первую, вторую и третью прародины последовательно – как стадии одного процесса, это резонно, но трудно осуществимо. Е. Н. Черных соединил третью с четвертой в некую концепцию циркумпонтийского очага, для какого единства нет ни языковых, ни археологических оснований.

Почему же до сих пор нет единого рисунка родословного древа, удовлетворяющего всех, и нет одного убедительного размещения индоевропейской прародины на карте?

Дело в том, что, во-первых, у лингвистов малые пучки изоглосс, по которым строятся ветви родословного древа языков, не строго вписаны в крупные пучки, а пересекают их границы – у каждого языка сходства охватывают то одни соседние языки, то другие, то третьи, по-разному пересекая границы больших групп. Нужно выбирать, какие сходства отнести за счет родства, а какие за счет контактов. Во-вторых, для установления родства важно, совместные ли тут инновации или общее наследство от предка. А это очень трудно распознать. В-третьих, слова меняли свое значение и восстанавливать по ним древние экологию, хозяйство и общество рискованно (Конча 1998; 2001). Что же до глоттохронологии М. Суодеша, то она построена на принципе равномерного изменения лексики, тогда как есть ряд искажающих факторов, и датировки Суодеша признаны сейчас искаженными. С. А. Старостин откорректировал метод и получил более длинную хронологию, но является ли его исправление последним? Два биолога предприняли новую разработку метода, но получили даты, в частности мало отвечающие представлениям о ходе членения.

Археологи же вообще не могут судить о языковой преемственности, а только о преемственности культурной, которая с языковой где-то совпадает, а где-то не совпадает (Клейн 2010). Для археологов будущего, по впечатлениям от анализа материальной культуры, Россия в XX веке была завоевана Западом, тогда как на деле было нечто противоположное. Языковая преемственность во всяком случае не нарушена (Härke 2009). Вот и строятся разные версии родословного древа языков, кардинально расходящиеся. Что же делать? Как мне представляется, нужно искать индивидуальные совпадения ситуаций, когда в истории данного круга народов неразрывно сцепляются друг с другом события в разных сферах – языке и материальной культуре. Это бывает, в частности, при дальних разовых миграциях, когда сталкиваются резко различные этносы, сравнительно легко опознаваемые (Клейн 1988). Вот несколько таких случаев.

1. Миграция хетто-лувийцев в Анатолию. С тех пор, как открыта принадлежность языка хеттов к индоевропейской семье, а затем их чрезвычайно раннее отделение от индоевропейского корня (даже постулировалась отдельная родственная индоевропейцам семья для них), стало ясно, что либо все индоевропейцы происходят из Малой Азии, либо хетты и их близкие родственники лувийцы в Малую Азию прибыли с территории прародины. Поскольку до хеттов по всем данным в Малой Азии проживали не-индоевропейские народности, с которыми хетты смешались, получив их имя и южный физический облик, пришлось избрать концепцию вторжения хеттов. Их предшественников в Малой Азии стали условно звать хаттами. Кроме хаттов в Малой Азии жили хурриты, каски и другие народы с языками, схожими с северо-кавказскими. Индоевропейский хеттский язык использовался в Анатолии, по крайней мере, с XVIII в. до н. э., как свидетельствуют клинописные таблички. Та же археологическая культура, которая включает в себя эти таблички, существует на этом месте по меньшей мере с XXI в.

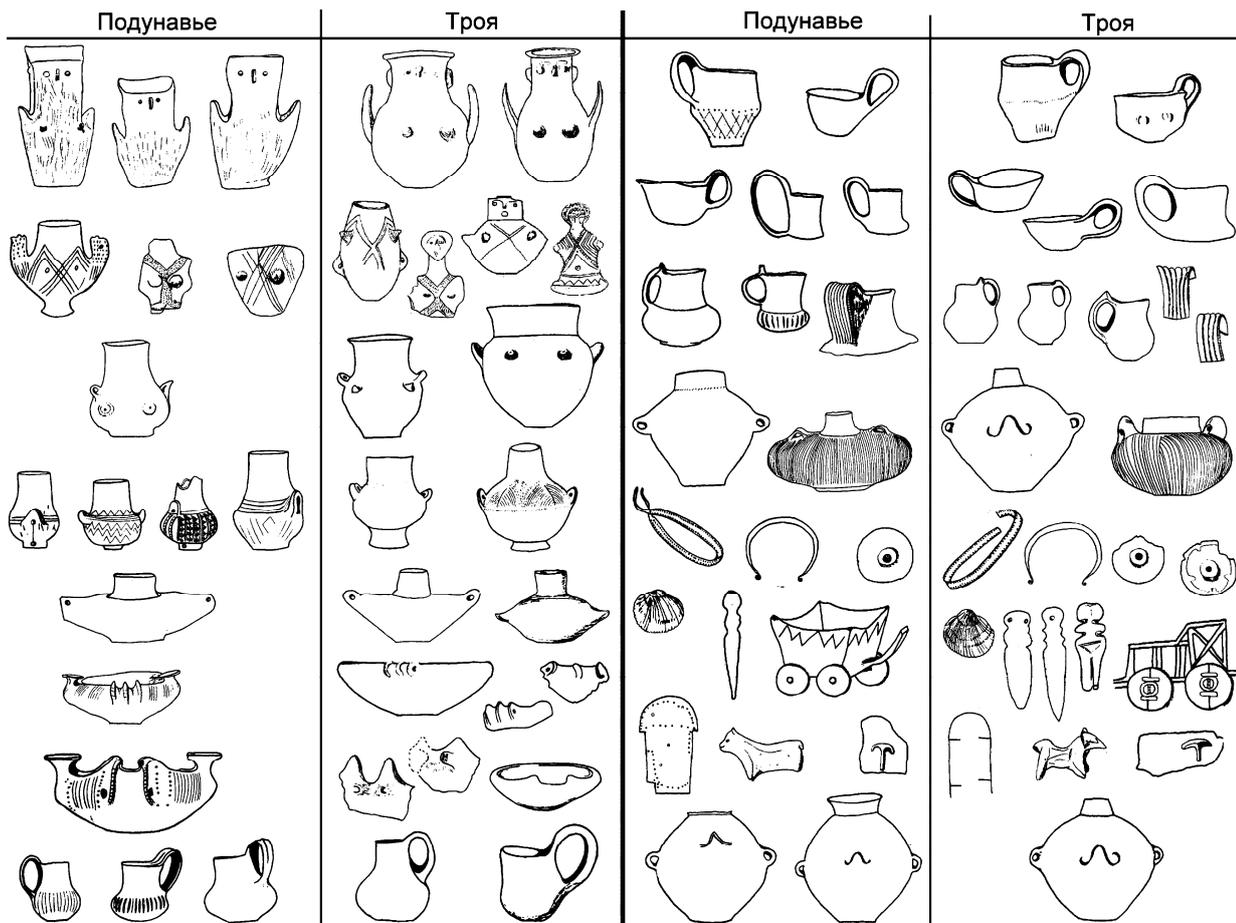

Рис. 2. Сопоставительная таблица дунайских памятников (баденская культура) и их троянских аналогий (по Kalicz 1963)

Но насколько раньше этой даты хетты вторглись в Анатолию и с какой культурой? Коль скоро остальные индоевропейские народы жили большей частью в Европе, вторжение предполагалось с севера, через проливы, с Балканского полуострова и Подунавья. Этот район был связан с Малой Азией, археологически – с замечательным памятником, Троей. Еще в 1963 г. венгерский археолог Нандор Калиц представил много сравнительных таблиц керамики, металлических изделий и каменных статуй, показывающих близкое родство баденской культуры медного века Среднедунайского региона (в Венгрии она называлась пецельской, в Румынии – Коцофень) с культурой разных слоев Трои: лицевые урны с поднятыми ручками, антропоморфные фигурки с перевязями крест-накрест, модельки повозочек, миски с катушечными ручками, дома с апсидами и т. д. (рис. 2). Баденская культура по тогдашним представлениям датировалась примерно 2000–1700 гг. до н. э., а II–V слои Трои – 2500–1500 гг. до н. э., т. е. для Калица было несомненным, что воздействие шло с юго-востока на северо-запад, из Трои на Дунай (Kalicz 1963). Однако вскоре радиоуглеродная революция перевернула эту концепцию. Баденская культура ушла вглубь веков и теперь датируется 3600–2800 гг. до н. э., тогда как означенные слои Трои датируются 2600–1700 гг. до н. э. и даже Троя I начинается только ок. 2900 гг. до н. э.

Совершенно ясно, что возникновение культуры Трои и окружающих территорий Малой Азии должно связываться с прибытием туда носителей баденской культуры в первые века III тыс. до н. э. (рис. 3). Есть смысл считать это событие прибытием из Подунавья хетто-лувийцев (т. е. анатолийской группы индоевропейских языков) в Малую Азию (Клейн 2010). Дж. Мелларт в интересной работе по малоазийской археологии 1966 г. проследил крупные опустошения и разрушения в ряде районов запада Малой Азии ок. 2600 гг. до н. э., ок. 2350 гг. до н. э. и ок. 1700 гг. до н. э. (Mellaart 1966), но он еще не учитывал раннюю датировку баденской культуры.

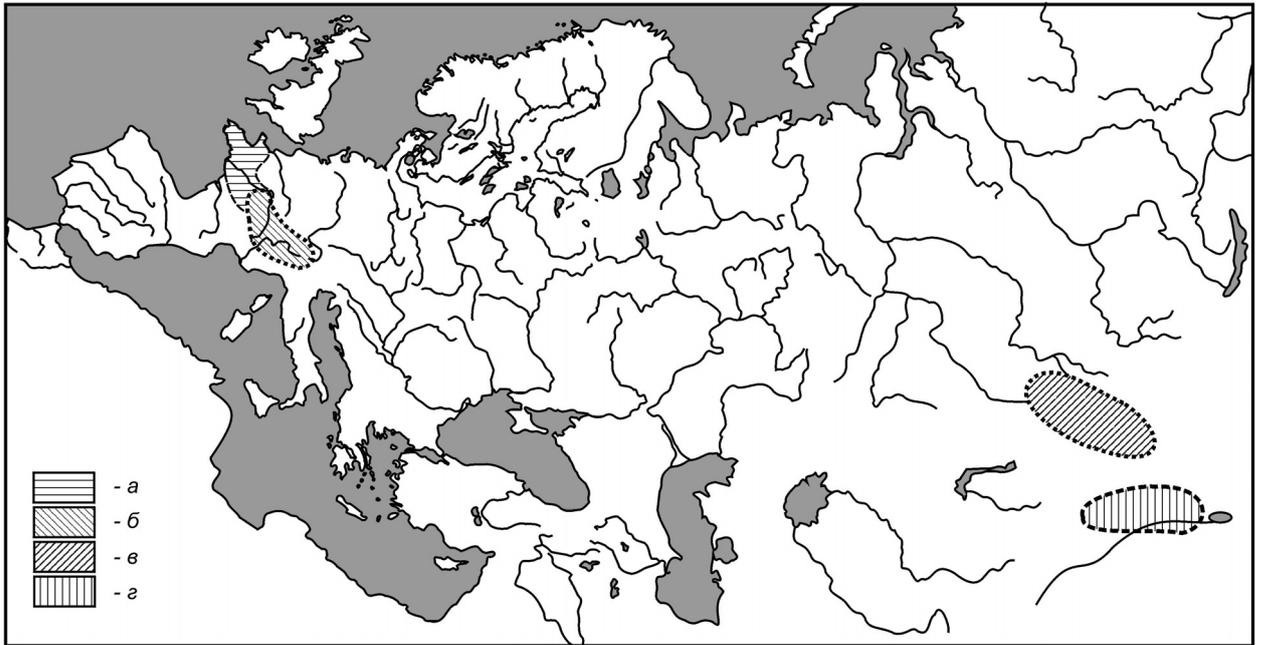

Рис. 3. Праиндоевропейцы и прахетты (картограмма): *а* – культура воронковидных кубков; *б* – михельсбергская культура; *в* – баденская культура; *г* – культура Трои

Баденская культура по традиции считалась развившейся из местных дунайско-карпатских культур предшествующего времени: Чернавода I и III, из нее Болераз (протобаденская), а уж из нее Баден. Такая традиция отражена в работах В. С. Титова (2000). Но еще в 1959 г. чешский археолог Эвжен Неуступны детально разработал другую культурную линию (рис. 4), выведя баденскую культуру из культуры воронковидных кубков и проследив пять этапов изменения керамики (Neustupny 1959). Возможно, как в любой археологической культуре, корни баденской культуры уходят в разные стороны, но с какими из них была сопряжена языковая преемственность, археология не может поведать. Из общей ситуации более предпочтительной мне представляется линия от культуры воронковидных кубков, потому что это позволяет увязать хетто-лувийцев с общим корнем индоевропейцев. Культура воронковидных кубков конца V–IV тыс. до н. э., как известно, давно выдвигается на эту роль. Возможность вывести из нее хеттов в середине IV тыс. до н. э. усиливает эту версию.

Кстати, и В. А. Сафронов в своей монографии (1989: 134) предполагал, что восточный Баден – это хетты, но, по его мнению, только восточный, и мотивировал он это не связями с Малой Азией и воронковидными кубками, а территориальным расположением и связями с культурой Лендель, которую он считал предковой для индоевропейцев.

2. Тохарская миграция? Археологическая идентификация тохаров давно занимает исследователей. Открытые в Синьцзяне в бассейне р. Тарим индоевропейские языки VI–VIII вв. н. э. западного облика (без сатемизации или оторвавшиеся до сатемизации) требуют вывести из весьма раннего состояния индоевропейского корня. Предлагавшиеся версии (афанасьевская культура, фатьяновская через карасукскую, сейминско-турбинская) обладают одним общим свойством: они избирают в качестве исходной культуру промежуточной территории и уже достаточно развитую. Нет их прямых представителей ни в Синьцзяне, ни в Западной Европе.

Открытая в самом конце XX в. на Алтае чемурчекская культура (рис. 5) свободна от этого отягощения. Она расположена на стыке России, Казахстана, Монголии и Китая (Синьцзян). Раскопки А. А. Ковалёва в этом районе, идущие из года в год с конца прошлого века, дали весьма полную характеристику этой культуры. Недавно А. А. Ковалёв в ряде работ (2007; 2011; и др.) показал, что культура эта по многим аспектам (керамика, каменные изваяния, могильное устройство) находит близкие аналогии только в позднем неолите Франции (рис. 6) и, несомненно, является результатом прямой и разовой миграции, чрезвычайно дальней, на 6500 км – того типа, который

долгое время у нас считался невозможным и нереальным. Неолит Франции – это ближайшее западное соседство культуры воронковидных кубков Северной Германии, Ютландии и Польши. Во Францию заходит ее западный отпрыск – михельсбергская культура (см. рис. 3).

В бассейне Тарима и в последующие времена продолжалось существование населения с европейскими антропологическими характеристиками, носивших шерстяные ткани с клеточным узором (излюбленные ткани кельтов) и практиковавших удержание плащей наплечной застежкой-булавкой, из которых в Европе развились фибулы (см. Klejn, in print).

На первый взгляд эти истоки чемурчекской культуры – наилучшее соответствие тохарам, и Ковалёв такое предположение высказал. Но для признания этого есть ряд затруднений. Первое преодолимо: чемурчекская культура расположена почти на тысячу км севернее бассейна Тарима, где обнаружены тохарские языки, но их ведь разделяет и 2500 л. Могли продвинуться. Второе затруднение серьезнее: во Франции аналогии чемурчекской культуре не сосредоточены в одном районе, который бы можно было счесть исходным очагом миграции, а разбросаны по половине страны. Для объяснения этого феномена можно вспомнить о случаях «обходной» или «сборной» миграции – когда в миграцию самой активной группы населения втягиваются части окрестных групп. Третье затруднение – самое кардинальное. Истоки чемурчекской миграции обнаружены на крайнем западе индоевропейского ареала, где позже оказались кельты, тогда как тохарские языки по новейшим сравнительным исследованиям имеют больше связей с языками северо-восточного крыла и центрально-восточного – германскими, славянскими, греческим (Клейн 2000: 183–185), хотя по грамматике (на что обратил мое внимание С. В. Конча) они связаны именно с кельто-италийскими языками, а также, возможно, с хетто-лувийскими.

Тохары были не единственным европейским народом, рано оказавшимся на границах Китая. Тохарами их звали обитатели Индии (это не самоназвание). Древние китайцы знали на север от себя три европеоидных народа: усунь (асии), юэджи (яду) и ди (льок). Кто-то из них может оказаться тохарами. А в китайском языке есть два слоя индоевропейских заимствований (см. Клейн 2000: 180) – один тохарский («собака», «мёд»), другой, более ранний – с западными аналогиями (кельтскими и латинскими – «конь», «масло» или «кисломолочный продукт», «гусь»). Вот этому слою как раз и соответствует своими западными связями чемурчекская культура. А археологических тохаров еще нужно искать близ Синьцзяна. Это может быть комплекс, близкий к культуре шаровидных амфор.

Во всяком случае, если считать доказанной миграцию чемурчекской культуры с территории Франции, то это подкрепляет именно европейское происхождение северных индоевропейских соседей древнего Китая.

3. Властные связи через всю Европу? Среди изоглосс, очерчивающих праиндоевропейский язык, есть пучок, охватывающий только две группы языков – кельто-италийские и арийские (индо-иранские). Он не задевает ни греческие, хоть те тесно связаны с арийскими, ни германские (за исключением явных заимствований из кельтских). Коль скоро арии и кельты располагаются на противоположных краях индоевропейского ареала и их разделяют три тысячи километров (по прямой от Англии до Индии), эти сходства были сочтены за общеиндоевропейское наследие, т. е. решено было, что в остальных группах эти слова просто не сохранились.

Однако, во-первых, было замечено, что эта лексика – обозначения царя (инд. *gāj*, лат. *gex*, др.-ирл. *gīx*), царицы, государства, права, обета, похорон, господина, слуги, меча и т. п., всего не менее 20 слов – образует не случайный набор, а относится к узкой сфере: власти, государственным структурам и вооружению. Во-вторых, есть все основания полагать, что в древности означенные языковые общности – арийская и кельто-италийская – могли находиться на иных, не столь отдаленных одна от другой территориях и контактировать. В-третьих, по ряду лингвистических соображений здесь можно предполагать заимствование из арийской лексики в кельто-италийскую (Конча 2005). То есть можно полагать, что какая-то значительная часть кельто-италийского населения находилась какое-то время под властью группы ариев и заимствовала их терминологию власти и вооружения.

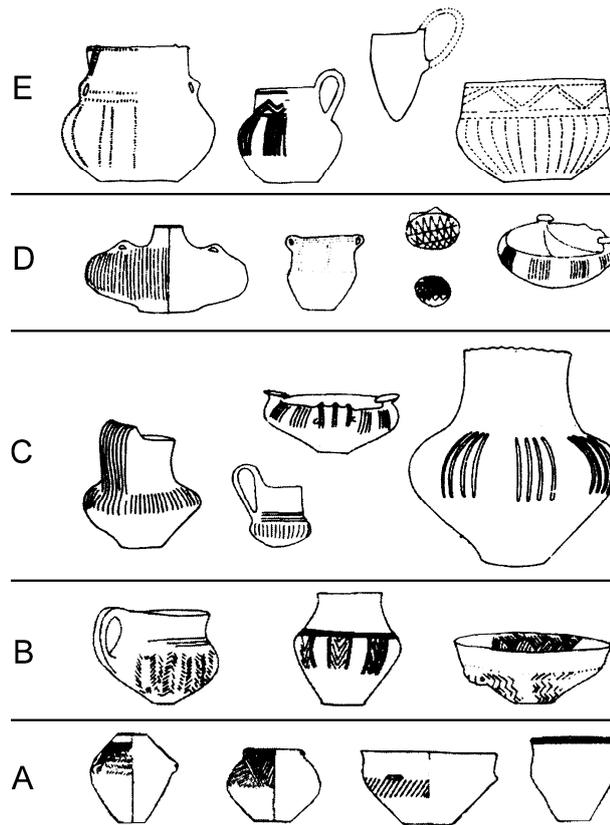

Рис. 4. Схема происхождения баденской культуры из культуры воронковидных кубков (по Neustupny 1959)

Рис. 5. «Великая чемурчешская миграция» с территории нынешней Франции на Алтай и в Синьцзян в первой половине III тыс. до н. э., увязываемая с происхождением тохарских языков (по Ковалёв 2011) (а – мегалиты V–IV тыс. до н. э.; б – культура Ферьер, дольмены и статуи последней трети IV–III тыс. до н. э.; в – культура чемурчек, первая треть III–начало II тыс. до н. э.; г – тохарские языки VI–VIII вв. н. э.)

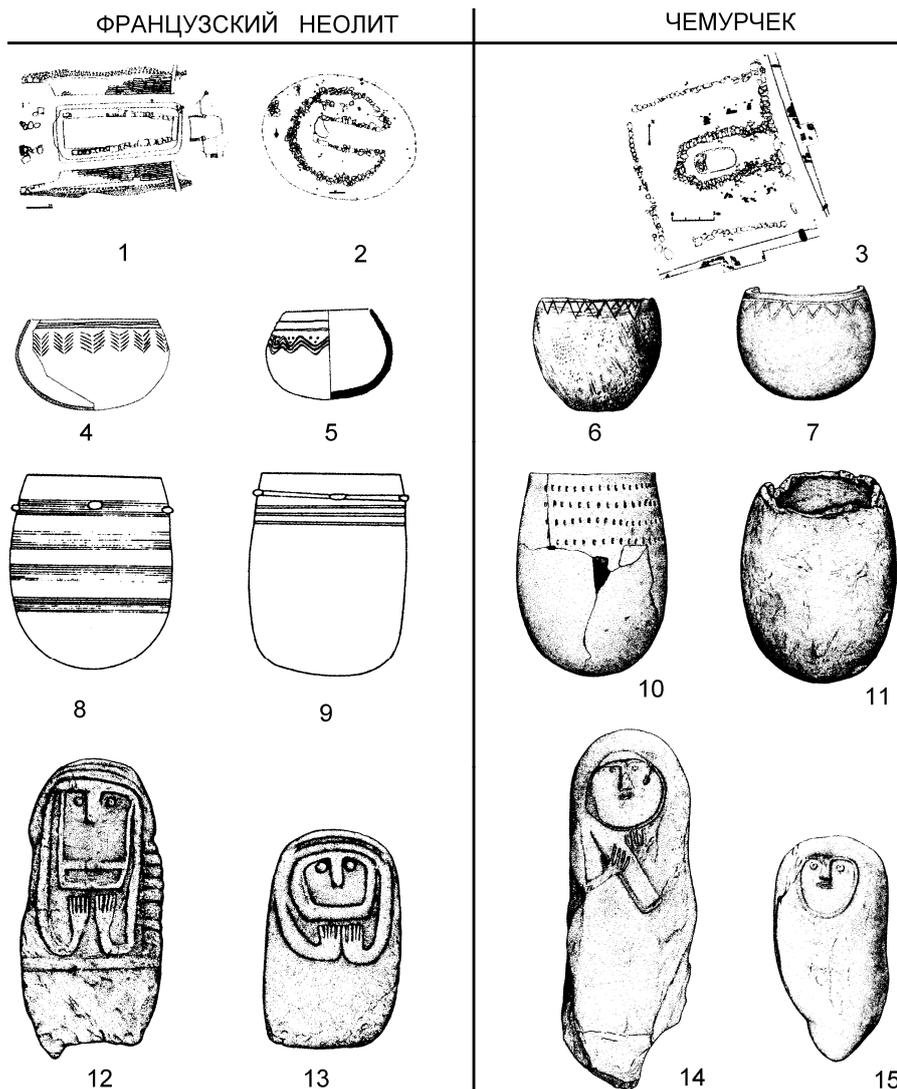

Рис. 6. Сравнительная таблица: французский неолит и чемурчекская культура (по Ковалёв 2011, выборка): 1–2 – камерные гробницы Кутинаргю (Фонтевиль, Буш-дю-Рон) и Суйак (департамент Лот); 3 – кург. Айнабулак; 4–5 – керамика культуры Ферьер; 6 – каменный сосуд из кург. Шар Сум I-1 (Ховд аймак, Монголия); 7 – деревянный сосуд из дер. Кусицунь (уезд Алтай, Синьцзян, Китай); 8–9 – керамика культуры Ферьер; 10–11 – глиняный сосуд в ограде кург. М16 мог-а Кээрмуци (уезд Алтай, Синьцзян, Китай) и каменный сосуд из музея уезда Ханаси (Синьцзян, Китай); 12–13 – каменные статуи из Мэзон-Об (Монтаньяк, департамент Гар) и Канделер (Сан-Бенезет, департамент Гар); 14–15 – каменные статуи из музея г. Алтай и около кургана с каменным ящиком на молочной ферме уезда Фуюнь (Синьцзян, Китай)

Где и когда это могло бы происходить? Кельты, размещенные в историческое время от Англии и Франции до Украины, в доисторические времена обитали на более узкой территории в Центральной Европе – от Южной Франции и Швейцарии до Австрии, Чехии и Словакии, в основном, в Верхнем Подунавье. По общему мнению, в железном веке им принадлежали латенская культура и более древняя гальштаттская. В еще более древнее время, в бронзовом веке, это какие-то культуры полей погребальных урн, курганная культура и в раннем бронзовом веке – унетичская культура. Происхождение ее неясно. В сложении этой культуры принимали участие надьревская культура Венгрии, культура колоколовидных кубков и в какой-то мере культура шнуровой керамики. Культуру колоколовидных кубков конца III–начала II тыс. до н. э. Ван дер Ваальс тоже выводит из культуры шнуровой керамики, но Стюарт Пиготт – из неолита Португалии. Однако и он

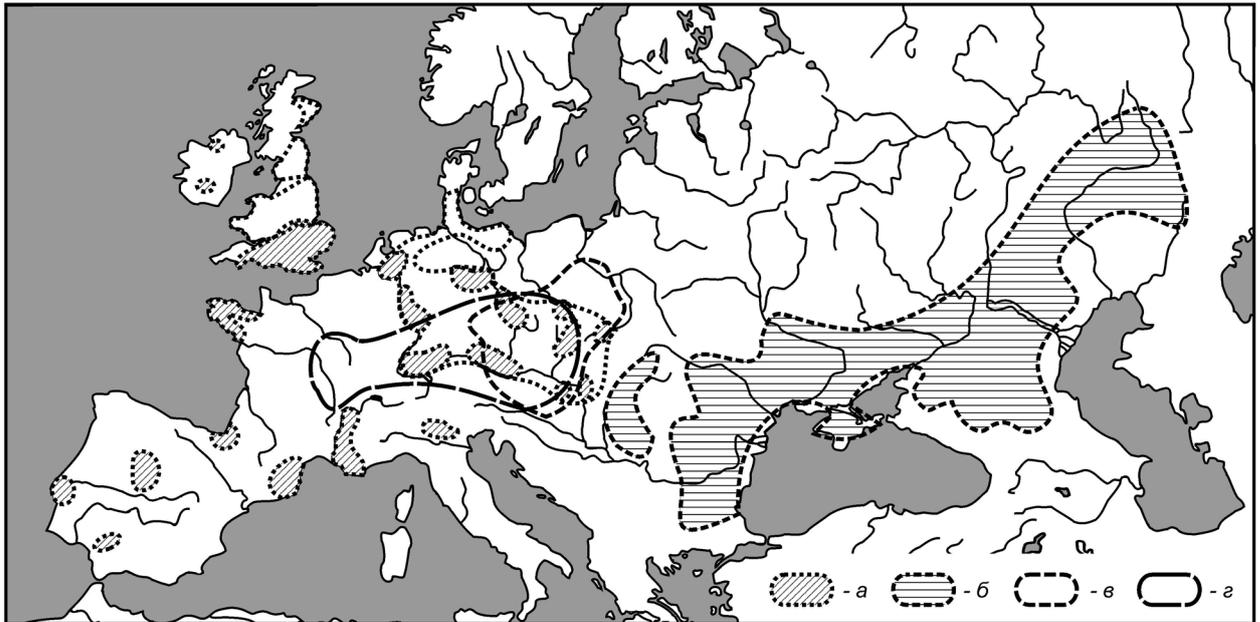

Рис. 7. Размещение археологических культур, связанных с группами индоевропейцев, впоследствии окраинными:

a – культура колоколовидных кубков (III тыс. до н. э.); *б* – ямная культура (III тыс. до н. э.);
в – гальштатт (800–500/400 гг. до н. э.), *г* – латен (500/400 гг. до н. э.–50 гг. до н. э./50 гг. н. э.)

признает, что на Рейне культура колоколовидных кубков смешалась с культурой шнуровой керамики и в этом виде распространилась на запад и на восток. Культура шнуровой керамики лучше всего могла бы связать культуры Подунавья языковой преемственностью с культурой воронковидных кубков, поскольку восходит к ней.

С ариями восточно-европейских степей вопрос решается более четко. С катакомбными культурами III тыс. до н. э. по многим показателям идентифицируются предки индоариев до их вторжения в Индию (Клейн 1980), со срубными и андроновскими II тыс. – предки иранцев (Отрощенко, Вовк 2001), а с ямной культурой конца IV–начала III тыс. – общеарийские предки тех и других. Западное крыло ямной культуры, видимо, более позднее – включая начало II тыс. (Яровой 1985: 104–109), отличается от ее восточных групп керамикой, но не отличается курганным способом погребения и подвижным пастушеским образом жизни. Территориально оно заходит в Болгарию, Румынию и Восточную Венгрию – в Потисье (Ecsedy 1979; Николова 2000). Отсюда ямное население могло совершать набеги на соседние земли Среднего Подунавья, где располагались предки кельто-италиков, и устанавливать над ними власть, обязывать их к дани.

Столь тесное соседство крайних (впоследствии) групп в центре Европы (рис. 7) увеличивает шанс именно европейского очага на размещение индоевропейской прародины. Возведение ямной культуры к культуре воронковидных кубков возможно через предьямные энеолитические культуры – новоданиловскую (суворовскую), квитянскую и т. п. IV тыс. до н. э. с курганами, трапезиевидными могилами, каменными конструкциями и чернолощеной керамикой. От них ведет свое начало курган в Причерноморье.

Алёшкин 1992 – Алёшкин В. А. Индоевропейская проблема и археология // Археологические Вести. 1992. № 1. С. 200–203.

Алёшкин 1998 – Алёшкин В. А. В поисках индоевропейской прародины. Между Скиллой археологии и Харибдой лингвистики // Проблемы археологии. Л., 1998. Вып. 4. С. 86–101.

Клейн 1980 – Клейн Л. С. Откуда арии пришли в Индию? // Вестник Ленинградского университета. 1980. № 20. С. 35–39.

- Клейн 1988 – *Клейн Л. С.* Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // СЭ. 1988. № 4. С. 13–23.
- Клейн 2000 – *Клейн Л. С.* Миграция тохаров в свете археологии // STRATUMplus. 2000. № 2. С. 178–187.
- Клейн 2010 – *Клейн Л. С.* Время кентавров: Степная прародина греков и ариев. СПб, 2010.
- Ковалёв 2007 – *Ковалёв А. А.* Чемурачекский культурный феномен (статья 1999 г.) // «А. В.»: Сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб, 2007. С. 25–76.
- Ковалёв 2011 – *Ковалёв А. А.* Великая чемурачекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э. // РАЕ. 2011. № 1. С. 183–244.
- Конча 2004 – *Конча С. В.* Диференціація індоєвропейської спільності // Магістеріум (Київ). Археологічні студії. Вип. 6. С. 57–63.
- Конча 2005 – *Конча С. В.* Аріо-кельто-італські зв'язки (за лексичними даними) // Магістеріум (Київ). Археологічні студії. Вип. 20. С. 47–52.
- Николова 2000 – *Николова Л.* Ямная культура на Баланах // STRATUMplus. 2000. № 2. С. 423–458.
- Отрощенко, Вовк 2001 – *Отрощенко В. В., Вовк Т. А.* До етнічної належності носіїв культур зрубної спільності // Магістеріум (Київ), вип. 6. Археологічні студії. С. 69–75.
- Сафронов 1989 – *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
- Титов 2002 – *Титов В. С.* Европа в III тыс. до н. э. М., 2002 (История Европы с древнейших времен до наших дней. В 8-ми т. Древняя Европа. Т. 1). Электронное издание: gumilevica/kulichki.net/HEU/heu1.
- Яровой 1985 – *Яровой Е. В.* Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв, 1985.
- Ecsedy 1979 – *Ecsedy I.* The people of the Pit-Grave Kurgans in Eastern Hungary. Budapest, 1979.
- Härke 2004 – *Härke H.* Material culture in post-Soviet Russia: an archaeological perspective // Археолог: детектив и мыслитель. СПб, 2004. С. 226–236.
- Kalicz 1963 – *Kalicz N.* Die Badener (Peceler) Kultur und Anatolien. Budapest, 1963.
- Klejn (in print) – *Klejn L. S.* Tocharians: the problem of their archaeological identification // Tocharian conference (Moscow–St. Petersburg, September 2009) (Studia Orientalia et classica) (In print).
- Mellaart 1966 – *Mellaart J.* The Chalkolithic and Early Bronze Age in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966.
- Neustupný 1959 – *Neustupný E.* Zur Entstehung der Kultur mit kannelierter Keramik // Slovenska Archeologia. 1959. VII. S. 260–284.
- Zvelebil 1995 – *Zvelebil M.* Indo-European origins and the agricultural transition in Europe // Whither archaeology? Papers in honor of Evžen Neustupný. Praha, 1995. P. 173–203.

Реконструкция сюжета создания человека у степных индоевропейцев

Речь пойдет о сюжете создания человека в мифологии народов Южной и Средней Азии, Кавказа, Европы, Сибири и Монголии. Распространиться в пределах столь удаленных друг от друга территорий сюжет мог лишь в том случае, если бы он был известен индоевропейцам, обитавшим в евразийских степях в эпоху бронзы.

В Южной Азии сюжет зафиксирован, прежде всего, у народов мунда – мундари, корку, санталов, бирджья, бирхор, хариа (рис. 1). Кроме того, с ним знакомы соседние дравиды (ораоны и некоторые гонды), отдельные группы тибето-бирманцев Непала и северо-восточной Индии (лимбу, мизо, качари), бхилы (точнее, балела-бхилала Гуджарата и Мадхья-Прадеша, говорящие на языке индо-арийской семьи) и кхаси – австроазиаты северо-восточной Индии. Сюда же примыкают тексты, записанные в памиро-гиндукушском ареале у дардов (калашей и кхо) и ваханцев. Почти все варианты с территории Индии и Непала были учтены в обзорных работах Д. Каппа (Карр 1977) и Т. Осады (Osada 2010).

Большинство текстов повествует о том, как бог лепит из глины фигуры мужчины и женщины, а лошадь или две лошади, нередко крылатых, их разбивают. Тогда творец создает собаку или двух собак, которые отгоняют нападающих. Лошадь наказана – она лишается крыльев и должна отныне служить человеку и подвергаться побоям. Само стремление лошади помешать созданию человека вызвано опасением, что люди ее запрягут. Согласно мифу дардов кхо Восточного Гиндукуша, до создания человека мир населяли лошади. Их старания растоптать сделанное из глины тело Адама оказались напрасными благодаря собаке, с тех пор охраняющей человека как его близкий друг. Пупок на человеческом теле – след от удара копытом (Йеттмар 1986: 444). Изредка сторож не упомянут или является не собакой, а тигром или пауком (ваханцы, лимбу, некоторые варианты мундари).

Определить, откуда и когда в Южную Азию проник данный миф, помогает анализ его распространения в пределах семьи мунда. Семья мунда представлена, главным образом, в штате Джарханд с сопредельными территориями, где говорят на языках северной ветви этой семьи. В штате Орисса локализованы языки южной ветви – бондо и сора, а западнее, в штате Махараштра, – язык корку, относящийся к северной ветви. Языки хариа и джуанг традиционно относили к южной ветви, но в последних классификациях – к северной. На джуанг говорят в северной Ориссе, на хариа – почти в тех же районах, что и на мундари.

Раньше всего произошел распад семьи мунда на южную и северную ветви, затем обособились хариа и джуанг, затем бондо отделился от сора и, наконец, корку – от большинства северных языков. Лексикостатистические датировки хотя и приблизительны, но дают ориентировку в масштабе столетий и указывают на последовательность разделения языков. В случае с языками мунда речь идет о периоде от начала II тыс. до н. э. (распад прото-мунда) до середины I тыс. до н. э. (отделение корку). Этим данным я обязан И. Пейросу.

Среди народов мунда миф о создании человеческих фигур и попытке их уничтожить зафиксирован только у северных групп, включая корку, и не зафиксирован у южных. Это значит, что мунда могли познакомиться с рассматриваемым сюжетом в период между 1700 и 900 гг. до н. э. Даты, повторю, приблизительны, но речь определенно идет не о III тыс. до н. э. и не о второй половине I тыс. до н. э.

Ораоны и гонды могли заимствовать сюжет, как от мунда, так и непосредственно от его первоначальных, не южноазиатских по происхождению носителей. Однако контакт с этими носителями северных мунда должен был быть наиболее тесным, поскольку именно у северных мунда, причем практически у всех групп, сюжет представлен наибольшим числом разнообразных в подробностях и в то же время сюжетно целостных вариантов.

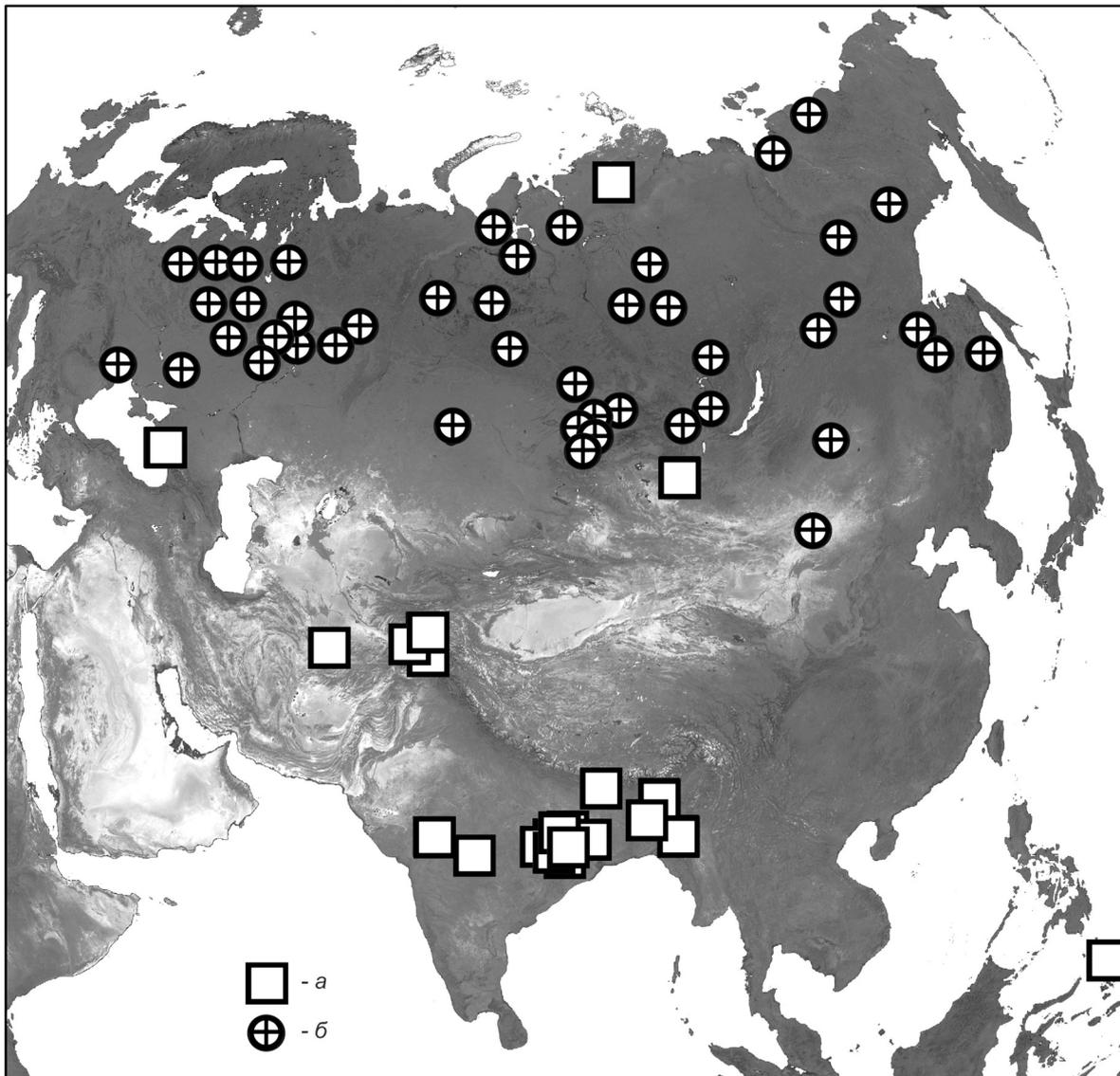

Рис. 1. Варианты мифа о творении человека: *а* – южный вариант – собака (реже – иной сторож) успешно прогоняет лошадь (реже – иного антагониста), пытавшуюся уничтожить заготовки первых людей; также варианты, в которых сторож отсутствует, но агрессором является лошадь; *б* – северный вариант – сторож-собака пропускает антагониста к фигурам людей, и тот портит их

Что касается бхиллов, то на каком языке они говорили до перехода на индоарийский, не известно, но это вполне мог быть язык семьи мунда, поскольку и другие сюжеты мифологии бхиллов имеют восточные параллели.

Хотя мунда являются основными носителями сюжета в Южной Азии, они его тоже заимствовали. Домашняя лошадь, которая играет в мифе важную роль, в Южной Азии появилась лишь после проникновения на субконтинент индоевропейцев. Кости эквидов на харапских памятниках останками домашней лошади не являются (Bryant 2001: 170–175; Parpola, Janhunen 2010: 435). На западной границе Индийского субконтинента смена культуры хорошо заметна с XIII в. до н. э. и, вероятно, связана с появлением на территории афгано-пакистанского пограничья предков восточных иранцев (Кузьмина 2008: 300–305; 2010: 34). Появление первых индоариев археологи проследить надежно не могут, однако большинство исследователей ограничивают время прихода индоевропейцев в Индию периодом между 1900 и 1200 до н. э. (Bryant 2001: 218–235).

Из Индии сюжет попал на северные Молукки (Vaarda 1904: 442–444; Kruijt 1906: 471), но судя по именам участников, это произошло лишь после распространения ислама.

Ни в текстах, написанных на санскрите, ни в фольклоре современных народов, говорящих на индоарийских языках, за исключением барела-бхилала, повествований о попытке уничтожить фигуры первых людей нет. Зато, как было сказано, этот сюжет зафиксирован у носителей дардских языков восточного Гиндукуша. Вполне вероятно поэтому, что в Индию сюжет принесла группа, близкая дардам, чьи следы были стерты в ходе продвижения родственных индоариев.

Для оценки древности и первоначального ареала распространения сюжета важны абхазские данные. Нигде более на Кавказе сюжет не зафиксирован и мог попасть к абхазам только в результате контактов их предков со степными индоевропейцами, чьих прямых языковых потомков в регионе не сохранилось. Соответствующие абхазские тексты по-русски пока не публиковались и я знаком с ними, благодаря М. Барцыц и З. Джапуа, которым выражаю огромную благодарность. На сделанного из глины и наполовину ожившего человека черт наслал коней, чтобы они разнесли его, а то, мол, будет всю жизнь мучить их. Человек успел выхватить горсть глины из живота и бросить в коней, эти комья стали собаками, отогнали коней. Вот почему считаются близкими человек и собака.

Среди параллелей, связывающих абхазские тексты с южноазиатскими, отметим мотив опасения коней за свою судьбу (если человек будет сотворен, он начнет использовать труд этих животных).

Согласно монгольскому, точнее ойратскому, как любезно сообщила автор публикации, варианту, Бог вылепил из глины двух людей и оставил сохнуть. Пришла корова, подцепила рогом одну фигуру, та упала, разбилась. Осколки стали собакой, которая с тех пор злится на корову и лает. Собака и человек имеют общее происхождение, поэтому кости у них одинаковые (Скородумова 2003: 51–52).

Только у ойратов и абхазов собака возникает из фрагмента человеческой фигуры в момент нападения антагониста. В обоих случаях подчеркивается близость собаки и человека. Невозможно не вспомнить в связи с этим о высочайшем статусе собаки в древней авестийской и в более поздней зороастрийской традиции (Крюкова 2005: 202–205; Чунакова 2004: 203; Воусе 1989: 145–146). В поздней легенде рассказывается, как создав первочеловека, Ормузд поручил семи мудрецам охранять его от Ахримана, но те не справились с задачей. Тогда Ормузд поставил сторожем пса *Zagtingoš* («желтые уши»), и он стал охранять от демонов идущие в иной мир души (Литвинский, Седов 1984: 166).

Замена лошади на корову в ойратском варианте соответствует оценке обоих животных, характерной для народов Центральной Азии и Сибири. У монголов и тюрков лошадь не может иметь негативных ассоциаций, тогда как бык и корова – могут. У казахов, алтайцев, тувинцев, ойратов, халха-монголов, якутов, а также у ненцев бык или корова выступают в качестве воплощения лютого холода или связываются с появлением зимы, причем у тувинцев и якутов бык прямо противопоставлен в соответствующем мифе коню, который желает тепла (Беннингсен 1912: 55–57; Каташ 1978: 18–19; Кулаковский 1979: 73, 77–78; Лехтисало 1998: 16; Потанин 1883: 203; 1972: 54–55; Эргис 1974: 149; Taube 2004: 19). Напротив, у народов Европы, реже, Кавказа и Средней Азии, лошадь считается созданием или воплощением противника бога (Белова 2004: 176; Булашев 1909: 401; Булгаковский 1890: 189; Велюс 1981: 263; Вукичевич 1915: 109–111; Заглада 1929: 12; Лимеров 2005: 68–70, 74–76; Мошков 2004: 204–205, 261; Петровић 2004: 183–184; Погодин 1895: 439; Стойнев 2006: 163; Сухарева 1975: 39–40; Чубинский 1872: 49; Чунакова 2004: 110, 216; Шевченко 1926: 92, 93; Aarne 1912: 11; Dähnhardt 1907: 341–342), а в фольклоре представлены образы демонических коней-людоедов (Аполлодор. II, 5, 8; Бязыров 1971: 156–173, № 15). В древнегреческой традиции, как и в тюркской сибирской, бык и конь противопоставлены друг другу в качестве существ, которые несут благо или зло, но знаки в этом противопоставлении противоположны: из трупа быка возникают пчелы, из трупа лошади – осы или трутни (Gunda 1979: 398–399).

Датские, норвежские, прибалтийско-финские, литовские, украинские и таджикские источники недвусмысленно характеризуют лошадь как животное дьявольское и нечистое. Вот несколько примеров.

Норвежцы. Черт решил создать зверя, который бы обежал землю и уничтожил людей. Он пытался оживить зверя плевком, но безуспешно. Зверя оживил Бог, велел ему стать лошадей и служить человеку. След чертова плевка – роговые наросты на лошадиных ногах (Dänhardt 1907: 342).

Финны. Черт попробовал что-нибудь создать, взял молотилку и создал лошадь, но не мог дать ей дыхания; Бог дал ей душу, поэтому лошадь стала служить людям, но сначала ее создал чёрт (Погодин 1895: 446).

Литовцы. Лошадь происходит от вяльняса (чёрта) или от ужа, помышляет о том, как убить человека. Вяльняс едет верхом на лошади, вяльняс принимает облик лошади, предметы из имущества вяльняса оказываются частями конского тела (ружье – нога, ремень ружья – кишки, табакерка – копыто, трубка – большая берцовая кость, скрипка – череп, тарелки – копыта, угощение – конский навоз) (Велюс 1981: 263–264).

Украинцы. 1) Волянь. Конь – превращенный дьявол. Дьявол мог превращаться в кого угодно, но Бог так его благословил, что он остался конем (Чубинский 1872: 49); 2) Черкасская обл. В новый хлев под кровлю затыкают разные освященные вещи, «щоб відьма не приступила», исключение – конюшни, где живет чёрт, поэтому не годится оставлять там освященное, «бо коняка звірина нечиста» (Шевченко 1926: 92).

Таджики (районы Самарканда и Ура-Тюбе). Если человек увидит во сне коня, то после этого заболит. В Самарканде детям не позволяют ходить к лошадям, т. к. сама лошадь – дэв (Сухарева 1975: 39–40).

От рассмотренных вариантов отличаются североевразийские, в которых акцент поставлен на объяснении, почему человек не совершенен. Создав тела людей и оставив собаку их охранять, творец отлучился. В его отсутствие антагонист проник к недоделанным людям, подкупив сторожа шубой, и сделал людей подверженными болезням и смерти. Вернувшийся творец собаку наказал, обязав служить человеку и питаться отбросами. Этот сюжет был практически повсеместно известен в лесной зоне Евразии от Литвы до Нижнего Амура (Берёзкин 2006). На территории Казахстана он не зафиксирован, но есть версия, записанная «у сибирских киргизов». Чёрт напустил мороз, собака спряталась и чёрт оплевал человека. Вернувшийся творец не наказывает сторожа, а признает, что без теплой одежды собака не могла исполнить свои обязанности, поэтому он сам, а не антагонист, одаривает ее шкурой (Ивановский 1891: 250). «Оправдание» собаки отличает эту версию от обычных сибирских, но в целом она им близка.

Некоторые тексты связаны с христианской апокрифической традицией, для чего есть свои причины, о которых следует говорить отдельно. Однако гипотезу развития сюжета из «авраамической» мифологии можно смело отвергнуть, учитывая сходство его северных вариантов с южными. Сибирские и волжско-пермские версии не заимствованы от русских, их протагонисты – местные мифологические персонажи.

Северные варианты отличаются, однако, от южных ролью сторожа-собаки. В южных собака успешно отгоняет антагонистов и восхваляется, а в северных она предает человека и за это наказана. Само наказание примерно такое же, какому в южных вариантах подвергается лошадь – оба животных должны, испытывая тяготы, служить человеку. Если положительная оценка собаки соответствует ее высокому статусу в зороастризме и, вероятно, у степных индоевропейцев эпохи бронзы, то отрицательная может отражать трансформацию сюжета в результате его адаптации к инокультурной среде. Подобная трансформация имела место в I тыс. н. э., но это опять-таки отдельная тема.

Особый вариант сюжета записан далеко на севере у нганасан. В нем ни собака, ни лошадь не упоминаются, а общая схема соответствует южной традиции. Прародительница родила ребенка – веточку тальника. Ее муж посадил веточку. «Болезнь пришла и нагадила». Муж попросил у жены второго ребенка, чтобы тот сторожил первого. Вторым ребенком оказался безрогий оленьчик. Он получает от отца рога и уничтожает гадов (Попов 1984: 42–43). Проникновение этого варианта в Заполярье допустимо связывать с отступлением в гунно-сарматское время на север Западной Сибири

части создателей пазырыкской культуры Алтая и, вероятно, других родственных ей скифо-сибирских культур, о чем свидетельствуют данные генетики и археологии (Молодин 2003: 138, 148–178).

Приведенные материалы позволяют реконструировать антропогонический мифа с участием собаки-сторожа и лошади-агрессора и датировать его появление в евразийских степях III тыс. до н. э. Нижняя граница определяется временем одомашнивания лошади, верхняя – проникновением сюжета в Южную Азию во II тыс. до н. э.

Гипотеза знакомства степных индоевропейцев с сюжетом, в котором собака играет положительную роль, а конь – отрицательную, не противоречит распространенному убеждению, будто «ранние индоевропейцы были помешаны на лошадях» (Зданович, Куприянова 2010: 154), но позволяет взглянуть на ситуацию не столь односторонне. Либо лошадь одомашнили не индоевропейцы и ее образ сохранил черты существа, первоначально связанного с чужой и враждебной культурой, либо до своего одомашнивания лошадь являлась важным объектом охоты и, соответственно, воспринималась как представитель дикого, нечеловеческого мира. Так, у американских индейцев крупные промысловые животные, особенно бизоны и тапиры, в мифах выступают как антагонисты людей. Наверное не все индоевропейцы были знакомы с рассмотренным мифом. Однако поскольку связанные с лошадью негативные ассоциации зафиксированы на пространстве между Грецией, Скандинавией и Гиндукушем, сюжет этот должен был быть достаточно популярен.

Беннингсен 1912 – *Беннингсен А. П.* Легенды и сказки Центральной Азии. СПб, 1912.

Белова 2004 – *Белова О. В.* «Народная Библия». М., 2004.

Берёзкин 2006 – *Берёзкин Ю. Е.* До или после Завета? «Оплеванное творение» и сопутствующие мифологические мотивы в Евразии // *Культура Аравии в азиатском контексте.* СПб, 2006. С. 225–249.

Булашев 1909 – *Булашев Г. О.* Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Киев, 1909.

Булгаковский 1890 – *Булгаковский Д. Г.* Пинчуки. Этнографический сборник. СПб, 1890.

Бязыров 1971 – *Бязыров А. Х.* Осетинские народные сказки. Цхинвали, 1971.

Велюс 1981 – *Велюс Н.* Velnio banda: 'стадо вяльняса' // *Балто-славянские исследования 1980.* М., 1981. С. 260–269.

Вукичевич 1915 – *Вукичевич М. М.* Сербская легенда о двух царствах – Божием и Дьявола // *Живая старина 1915.* 1–2. С. 101–114.

Заглада 1929 – *Заглада Н.* Побут селянської дитини: Матеріали до монографії с. Старосілля. Київ: 1929.

Зданович, Куприянова 2010 – *Зданович Д. Г., Куприянова Е. В.* Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // *Аркаим–Синташта: древнее наследие Южного Урала: К 70-летию Г. Б. Здановича.* Челябинск, 2010. Ч. 1. С. 130–161.

Ивановский 1891 – *Ивановский А. А.* К вопросу о дуалистических поверьях о мироздании // *Этнографическое обозрение.* 1891. № 2. С. 250–252.

Йеттмар 1986 – *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986.

Каташ 1978 – *Каташ С. С.* Мифы, легенды Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1978.

Крюкова 2005 – *Крюкова В. Ю.* Зороастризм. СПб, 2005.

Кузьмина 2008 – *Кузьмина Е. Е.* Арии – путь на юг. М., 2008.

Кузьмина 2010 – *Кузьмина Е. Е.* Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы (РЖВ) в работах В. И. Сарияниди // *На пути открытия цивилизации.* СПб, 2010. С. 29–38 (ТМАЭ. Т. 3).

Кулаковский 1979 – *Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск, 1979.

Лехтисало 1998 – *Лехтисало Т.* Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск, 1998.

Лимеров 2005 – *Лимеров П. Ф.* Му пуксьом – Сотворение мира. Сыктывкар, 2005.

Литвинский, Седов 1984 – *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М. 1984.

Молодин 2003 – *Молодин В. И.* Население горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен. Новосибирск, 2003.

Мошков 2004 – *Мошков В. А.* Гагаузы Бендерского уезда. Кишинёв, 2004.

- Петровић 2004 – *Петровић С.* Српска митологија. Београд, 2004.
- Погодин 1895 – *Погодин А.* Космические легенды балтийских народов // Живая старина. 1895. 3–4. С. 428–448.
- Попов 1984 – *Попов А. А.* Нганасаны. Л., 1984.
- Потанин 1883 – *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. СПб, 1883. Вып. 4.
- Потанин 1972 – *Потанин Г. Н.* Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Алма-Ата, 1972.
- Скородумова 2003 – *Скородумова Л. Г.* Сказки и мифы Монголии. Улаанбаатар, 2003.
- Стойнев 2006 – *Стойнев А. Б.* Българска митология. София, 2006.
- Сухарева 1975 – *Сухарева О. А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 5–93.
- Чубинский 1872 – *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским СПб, 1872. . Т. 1.
- Чунакова 2004 – *Чунакова О. М.* Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.
- Шевченко 1926 – *Шевченко Л.* Звичаї, зв'язани з закладами будівлі // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. Київ, 1926. Вип. 1–2. С. 87–95.
- Эргис 1974 – *Эргис Г. У.* Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.
- Aarne 1912 – *Aarne A.* Verzeichnis der Finnischen Ursprungssagen und ihrer Varianten. Hamina, 1912.
- Baarda 1904 – *Baarda M. J. van.* Lòdasche texten en varhalen // Bijdrachen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandisch-Indie. 1904. 56 (3–4). S. 392–493.
- Boyce 1989 – *Boyce M.* A Persian Stronghold of Zoroastrianism. Lanham; New York; London, 1989.
- Bryant 2001 – *Bryant E.* The Quest for the Origins of Vedic Culture. The Indo-Aryan Migration Debate. Oxford, New York. 2001.
- Dähnhardt 1907 – *Dähnhardt O.* Natursagen. Leipzig; Berlin, 1907. Vol. 1.
- Gunda 1979 – *Gunda B.* Ethnographica carpatho-balcanica. Budapest, 1979.
- Kapp 1977 – *Kapp D. B.* Ein Menschenschöpfungsmythos der Mundas und seine Parallelen. Wiesbaden, 1977.
- Kruijt 1906 – *Kruijt A. C.* Het animisme in den Indischen archipel. Gravenhage, 1906.
- Osada 2010 – *Osada T.* A comparative study of Munda creation myth: Paper presented for Radcliffe Exploratory Seminar on Comparative Mythology, October 6–7, 2010. Cambridge, 2010.
- Parpola, Janhunen – *Parpola A., Janhunen J.* On the Asiatic wild asses (*Equus hemionus* & *Equus kiang*) and their vernacular names // На пути открытия цивилизации. СПб, 2010. С. 423–466 (ТМАЭ. Т. 3).
- Taube 2004 – *Taube E.* Volksmärchen der Mongolen. München, 2004.

С. А. Григорьев (Челябинск, Россия)

Миграции и их роль в культурогенезе Евразии

В археологической науке широко распространены глубокий автохтонизм и отрицание миграционного фактора в культурогенезе. Однако на протяжении письменной истории последних двух тысячелетий мы можем наблюдать масштабные миграции, перекраивавшие культурную карту мира. Проблема заключается лишь в установлении критериев миграций. С учетом их относительной быстротечности нельзя требовать присутствия цепочек однотипных памятников вдоль миграционного пути. Можно привести примеры детального сходства культур с разным хозяйством в различных географических ареалах, разделенных огромными пространствами. Когда речь идет о единичных фактах такого рода, это можно объяснить случайностью. Но как быть с ситуациями, когда мы имеем сходство признаков, формирующих целый комплекс?

Рассмотрим в связи с этим сходство синташтинских памятников среднего бронзового века II (далее СБВ) Зауралья с памятниками Сиро-Анатолийского региона. В первую очередь, речь идет о круглоплановых синташтинских городищах (рис. 1), когда в общую планировку и архитектурные принципы вплетена серия связанных с ними деталей, и для становления этого комплекса требовался длительный период развития данной традиции. Черты синташтинской архитектуры,

сопоставимые с сиро-анатолийской традицией, уже подробно рассмотрены (Григорьев 1999; Grigoriev 2002). Здесь достаточно их только перечислить. Прежде всего, упомянем сблокированные дома с общими длинными стенами, примыкающими торцевой стеной к оборонительной стене. В этом случае жилища требовали минимального отопления, т. к. холод мог проникать только через вход в противоположной стене строения. Поэтому имеющиеся в обоих регионах округлые и пристенные очаги немногочисленны. Проблему отопления решали часто устройством очага в тамбуре слева от входа, создававшим барьер горячего воздуха. С печами в центре связаны колодцы, которые использовались и для водоснабжения, и для создания тяги. В конструкции стен, как оборонительных сооружений, так и жилых домов, использован принцип деревянной опалубки, которую могли заполнять как грунтом, так и сырцом.

Ближневосточные параллели имеются всему вещевому комплексу (рис. 2), включая колесничий, и погребальному обряду. Наиболее показательны металлургические параллели. К ним относятся соотношение типов сплавов, распределение металла по типам памятников, соотношение разных категорий изделий, идентичное сырье из ультраосновных пород, что для Урала неоправданно (выбран самый бедный тип месторождений), идентичные технологии, даже формы и микроструктуры шлака. Одинаков способ легирования мышьякосодержащими минералами на стадии плавки руды и технологии металлообработки. Показательна плавка свинцовой руды с получением серебра методом купеляции (выпаривания оксида свинца). Необходимо подчеркнуть включенность технологии в тип архитектуры – сочетание колодцев с печами для генерации монооксида углерода. Эти технологии нельзя заимствовать, т. к. они не передаются через районы, лишенные руды. Нужен непосредственный контакт и обучающий процесс.

В данном случае мы видим целый комплекс сходных взаимосвязанных признаков, комплекс мало трансформировавшийся и явно миграционный. В этом комплексе есть ограниченные закавказские и восточноевропейские включения, что вполне естественно. Формирование синташтинской культуры, таким образом, является классическим примером почти однокомпонентной миграции (рис. 3).

Существуют более сложные ситуации, когда мигрирующий компонент более активно взаимодействует с местным населением. В одних случаях могут доминировать местные черты материальной культуры, а пришлый компонент будет определяться по более ограниченному набору признаков. Возможны и ситуации формирования новой культуры на основе местного компонента и двух или более пришлых. Примером этого является выявленная в последние годы мегалитическая культура Урала эпохи энеолита (Григорьев, Меньшенин 2004; Grigoriev, Vasina 2010; и др.).

В европейской мегалитической проблематике существует два основных подхода. Первый (изоляциялистский) предполагает независимое возникновение мегалитов в разных ареалах Европы в результате процесса неолитизации (Renfrew 1973; 1976). В конечном счете, он тоже отчасти миграционистский, поскольку неолитизацию Европы рассматривают как результат продвижения носителей производящей экономики с востока. Но в рамках этого подхода возникновение мегалитов рассматривается как ответ на некий демографический стресс мигрирующего населения, остановившегося у Атлантического барьера. Производящая экономика приводила к росту популяции, а распространяться далее было некуда, что вызвало необходимость территориальных маркеров, которыми и являлись мегалиты. Сходство же мегалитических конструкций объясняется влияниями. Очевидно, что уральская ситуация, где производящая экономика отсутствовала, не согласуется с этой гипотезой.

Другая группа авторов (Childe 1940; Daniel 1950; 1960) предполагает миграционный характер распространения мегалитической традиции, на что указывает не только детальное сходство сооружений, но и то, что они включены в ритуальный контекст, т. е. распространение архитектурной традиции сопровождалось распространением определенной идеологии, что невозможно без непосредственных носителей этой идеологии.

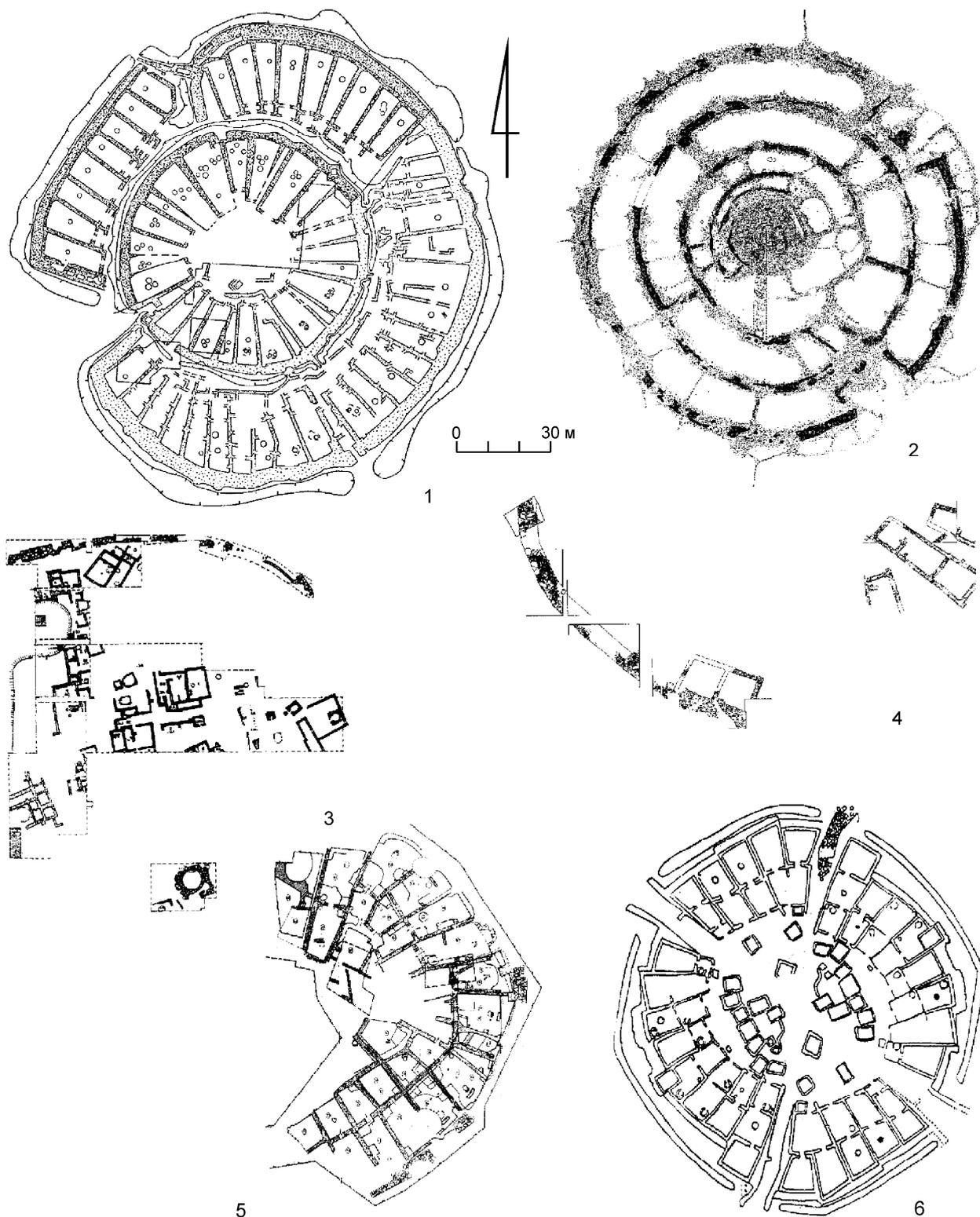

Рис. 1. Архитектура синташтинской культуры (1) и Ближнего Востока (2–6):
 1 – Аркаим (по Зданович 1997); 2 – Роджем Хири (по Mizgachi 1992); 3 – Тюлинтепе;
 4 – Херайон; 5 – Демирчиуйюк (по Korfmann 1983); 6 – Пулур (по Koşay 1976)

Анализируя мегалиты Урала, мы исходили из того, что некоторые параллели являются универсальными. Они либо распространены в различных районах, либо обусловлены технологическими причинами. Так, простые менгиры или каменные кольца известны за пределами Урала в

Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке. Простые плитчатые дольмены будут иметь сходство везде, напр., во Франции, Британии и Скандинавии, т. к. сделаны из трех плит и плиты перекрытия.

Более сопоставимы с мегалитами Урала дольмены Иордании, т. к. площадка под дольменами специально подготавливалась, часто сооружалась каменная платформа (Scheltema 2008). Зафиксированы ограды, сложенные из хорошо подтесанных прямоугольных блоков. Примечательны просто сооруженные дольмены, когда массивная плита укладывалась на небольшие камни, что находит непосредственные параллели на Урале. В Восточном Средиземноморье, как и на Урале, дольмены сочетаются с менгирами.

Поэтому для уральской дольменной традиции не исключены два ареала: североевропейский и восточносредиземноморский, причем последний, по типологическим соображениям, предпочтительней.

К универсальным параллелям относятся технология добычи камня деревянными клиньями, глиняная обмазка пола, сочетание ортостатов с горизонтальной кладкой и даже вымощенные камнем ритуальные площадки, как на поселении Остров Веры 4, элементы ложного свода и стенные ниши в мегалите 1, чашевидные углубления близ мегалитов. Ряд мелких изделий (утюжки, льячка, камни с продольными желобками и т. д.) тоже имеют слишком широкое распространение.

Существует серия точных параллелей, связанных с двумя ареалами – Передней Азией и Северо-Западной Европой.

С точки зрения общей планировки и структуры камерные мегалиты о-ва Веры имеют мало общего с мегалитами Европы, но близки переднеазиатским храмам с их членением пространства. Идентичная планировка имеется в слое 4 Тэлль Хуэйры, хотя эта постройка возведена из глины, а не из камня (Naumann 1955: 463, 464). Важная деталь интерьера мегалита 2 с анатолийскими параллелями – наличие полки в виде скальной плиты или специально подложенных плит по всему периметру стены.

Скульптуры голов животных на о-ве Веры тоже имеют анатолийские параллели (Антонова 1990: 192, 193; Hauptmann 1999: 74–80; Rosenberg 1999: 27; Özdoğan 1999: 52). Здесь мы наблюдаем идентичную связь архитектуры, мифологического членения пространства, включенности в него определенных зооморфных образов, выраженных в аналогичных формах искусства. Вся эта сочетаемость делает эту группу аналогий системной.

Специфичной параллелью окнам мегалита 1 являются окна, известные в анатолийских постройках, начиная с неолита (Naumann 1955: 171–173; Hauptmann 1999: 74; Esin, Harmankaya 1999: 122). Для европейского мегалитического строительства они не характерны.

Еще более интересна металлургия. Показательно использование печей с дымоходом и специальным каналом для создания восстановительной атмосферы. Подобные печи с дымоходами известны для IV тыс. до н. э. только на анатолийском поселении Дежирментепе (Müller-Karpe 1994: 17–19, Abb. 5–6). Следует отметить, что для плавки окисленной руды дымоходы не нужны, т. к. выделения заметных газов не происходит. Вообще, металлургия энеолита на Урале начинается сразу с высокого уровня: с плавки первичной сульфидной руды и использования оловянных лигатур на данной стадии плавки. Подобное сочетание в это время имеет место только на Ближнем Востоке, что, кстати, технологически вполне обусловлено.

Есть и серия точных европейских параллелей. В мегалите 2 над входом располагается окно, через которое в период равноденствия в сооружение проникает луч заходящего солнца. Аналогичная конструкция выявлена во многих коридорных гробницах Ирландии и Шотландии (Megaw, Simpson 1979: 131; Lynch 1973; Burenhult 1993: 96, 97).

Перед входом в рассматриваемый нами мегалит лежит плита для его закрывания. Однако она могла перекрыть мегалит менее чем на 2/3 его высоты. В Ирландских порталных дольменах портал обычно закрывался плитой, иногда на полную высоту, но часто – до половины (De Valera, O’Nuallain 1961: xiii).

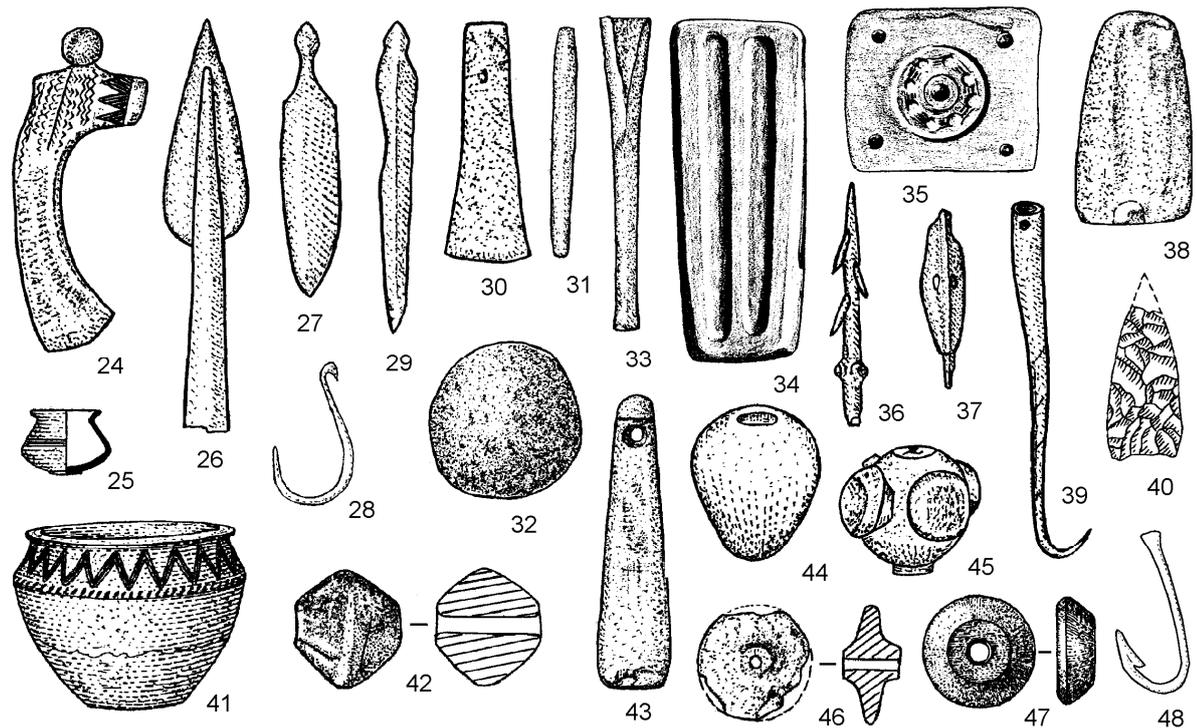
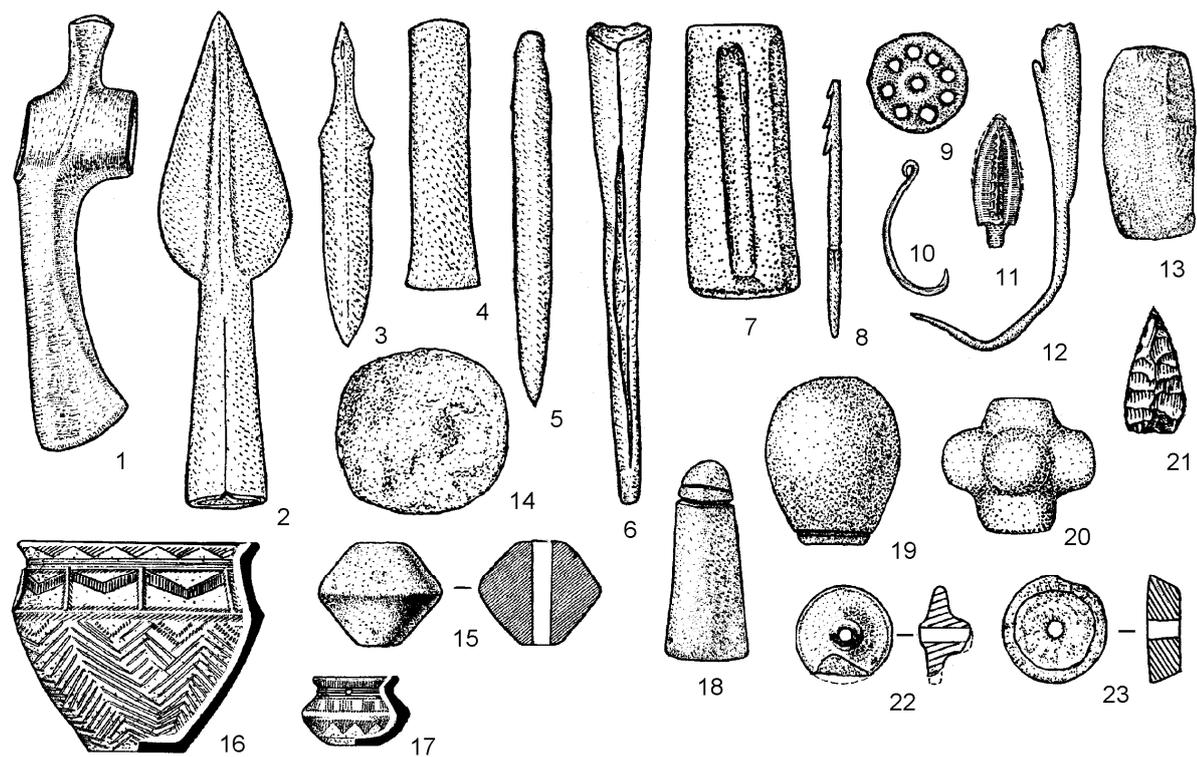

Рис. 2. Сопоставление синташтинских изделий (1–23) и изделий из Кавказско-переднеазиатского региона (24–48): 1, 3–4, 10–11, 13–19, 21–23 – Синташта (по Генинг и др. 1992); 2, 20 – Каменный Амбар (по Костиюков и др. 1995); 5–6 – Тюбьяк; 7, 9 – Аркаим (по Зданович 1997); 8, 12 – Большекараганский (по Боталов и др. 1996); 24 – Кумбулга (по Крупнов 1951); 25 – Тель Мардих (по Лоон 1985); 26 – Эшери; 27 – Ур (по Горелик 1993); 28, 48 – Сузы (по Tallon 1987); 29–30 – Газа (по Müller-Karpe 1974); 31 – Каличакуйю (по Müller-Karpe 1994); 32, 38, 42–43 – Демирчиуйюк (по Korfmann 1983); 33, 37 – Аладжауйюк; 34 – Малатья-Арслантепе; 35 – Культепе (по Müller-Karpe 1994); 36 – Тель-эд-Дабыя (по Müller-Karpe 1974); 39 – Кировакан (по Кушнарёва 1994); 40 – Мегерсен (по Baykal-Seeher, Obladen-Kauder 1988); 41, 46 – Хама (по Лоон 1985); 44 – Нахал Мишмар (по Кинк 1970); 45 – Сузы (по Горелик 1993); 47 – Арич (по Кушнарёва 1994)

Во многих клиновидных галерейных гробницах Ирландии у задней плиты один или оба верхних угла преднамеренно отбиты (De Valera, O’Nuallain 1961: 103). В мегалитах 2 и 3 о-ва Веры дальняя северная стенка представлена плитами со скошенными углами. И если в мегалите 2 мы не можем уверенно говорить об обработке, то в мегалите 3 эти скосы углов намеренно выполнены в двух различных техниках.

При изучении построек о-ва Веры, принадлежащих старообрядцам, был сделан вывод о том, что первоначально эти сооружения были возведены в энеолите, а затем их использовали староверы. В постройке 4 расчищен высокий каменный фундамент, ниша в стене напротив входа и каменная полка на каменных подставках. Аналогом являются жилища на мегалитическом поселении Скара Брэ на Оркнейских о-вах (Megaw, Simpson 1979: 143; Ritchie 1985: 39; Clarke, Sharples 1985: 54–82).

Имеются европейские параллели уральским святилищам типа Бакшай, Савин и Слободчики (Потёмкина 2001; Фёдоров, Рафикова 2010). На Бакшае расположение вала с внешней стороны рва является показательным, в силу своей функциональной нелогичности. Этот признак типичен в Англии для таких памятников как хенджы и предшествующие им кольцевые укрепления (Keiller 1965: 17–18; Megaw, Simpson 1979: 148; Harding, Lee 1987: 41; Wainwright 1989: 63, 70, 109; Harding 1998: 208; Richards, Thomas 1984: 195, fig. 12, 2; Pearson 2005: 60). В восточном и северном проходах хенджа Авербери тоже лежат камни (Keiller 1965: 195). Параллелью является и наличие костей домашних животных и иногда разрозненных костей человека.

Каменные кольца как в Ахуново (Петров 2006; Петров, Кириллов 2007) распространены чрезвычайно широко. Но к сопоставимым структурам относятся, прежде всего, британские хенджы, которые имеют еще и центральный обелиск. Показательна еще одна параллель. В Ахуново, как в Стоунхендже, внутри зафиксировано кольцо из небольших ямок, т. н. лунки Обри. Параллелью является и предполагаемая для этих сооружений астрономическая функция. Поэтому данную параллель можно считать системной.

Та же функция выявлена для менгиров культовой площадки Остров Веры 9. Она дополнена и некоторыми параллелями универсального характера: ярко выраженный фаллический культ, освящение огнем места под алтарный камень. Более точной параллелью является обнаружение топора без следов использования. Подобные находки более чем типичны для мегалитов Европы (Hibbs 1983: 295; Daniel 1960: 47, 106; Howell 1983: 68; Patton 1993: 18–19, 29–32; Bradley 1998: 199; Cooney 1999: 338; Pearson 2005: 27; и др.).

В керамических материалах о-ва Веры четко прослеживается присутствие местного компонента в виде неолитической прочерчено-накольчатой керамики. К этому же времени относится и часть гребенчатой керамики. Данные материалы хорошо представлены и в первом энеолитическом слое. Однако здесь появляются два новых типа – ложношнуровая и ямочно-крестовая посуда. Встречены и отдельные фрагменты с веревочной орнаментацией.

Надо сказать, что сочетание различных орнаментальных стилей для этого времени не уникально. Веревочная керамика чрезвычайно распространена в контексте IV тыс. до н. э. в Восточной Европе (Гурина 1996а: 141, 154; Гурина 1996б: 182; 1996в: 233, 235; Гурина, Крайнов 1996: 175, 178, 180; Крайнов 1987: 17, рис. 10, 14; Ошибкина 1996: 228; Семёнов, Несанелене 1997: 140–141; Тимофеев 1996: 164–165). В Северной Европе этот орнаментальный стиль характерен для культуры воронковидных кубков. Распространена в этой культуре и шнуровая орнаментация, встречается также и ложношнуровая. Примечательна керамика, где на посуде представлено как прочерчивание без отрыва инструмента, но с разным нажимом, так и с отрывом, в результате чего получается орнамент, похожий на ложный шнур (Nilius 1971: Taf. 20h; Skaarup 1975: Abb. 30; Alin 1955: fig. 63).

В Швеции есть сочетания этой орнаментации с ямочной, причем с парными ямками под венчиком, что характерно для ямочно-крестовой керамики Зауралья. Другой момент, заслуживающий внимания – присутствие крестоштампованной орнаментации в Северной Германии (группа Эльба-Хавель) (Schwertfeger 1994: 204, Taf. 1, 2).

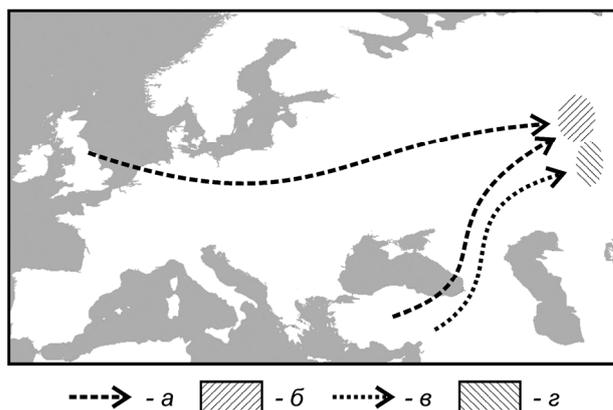

Рис. 3. Миграции на Урал в энеолите и в эпоху бронзы:
a – миграции в Зауралье в энеолите из Северо-Западной Европы и Передней Азии;
б – ареал мегалитической культуры Урала; *в* – синташтинская миграция;
г – ареал синташтинских памятников эпохи СБВ II

Поэтому говорить определенно об исходном для этих традиций районе невозможно, т. к. они широко представлены к западу от Урала, но речь идет о западном импульсе, хотя и местные трансформации для некоторых типов не исключены. То же относится к посуде, обнаруженной на святилище Остров Веры 9. Эти формы, близкие к кокшарово-юринскому типу, имеют параллели в контексте коридорных гробниц Ирландии (тип Карроукил) (Herity 1974: 138–139).

Таким образом, все появившиеся на Урале в начале энеолита типы орнаментации (веревочная, ложношнуровая, ямочно-крестовая) имеют параллели на западе, причем ранние, синхронные и в мегалитическом контексте. В Европе наблюдается процесс распространения мегалитической традиции с северо-запада на восток в район Балтики, где представлены и эти керамические параллели. Начинается этот процесс ок. 3600 г. до н. э., т. е. синхронно с началом энеолита на Урале. На промежуточных территориях Восточной Европы часть этих керамических типов тоже известна, хотя мегалитические памятники отсутствуют.

Исходя из вышеприведенного анализа, можно сделать вывод о том, что уральские мегалиты, как и уральский энеолит, формировались на многокомпонентной основе (рис. 3). Отчетливо виден местный неолитический компонент. Прослеживается ближневосточный сиро-анатолийский компонент. Он представлен немногочисленными яркими признаками, перенос которых без миграций невозможен. Наиболее системно выглядят признаки, обнаруживающие параллели в Северо-Западной и Северной Европе. Они характерны для керамики, многих деталей мегалитов о-ва Вера, обрядов и идеологии. Эта системность и комплексность позволяет полагать, что речь в этом случае также идет о миграции. Нам пока не известно хронологическое соотношение упомянутых импульсов. Можно лишь говорить о трех компонентах и миграционном характере происхождения двух из них, но точное соотношение этих процессов – дело будущих исследований.

Приведенные примеры касаются лишь двух эпизодов уральской истории. Их было, безусловно, больше. Миграции были наиболее типичной причиной культурных трансформаций. Хотя нельзя отрицать роль местного компонента в культурогенезе, идея автохтонизма не позволяет корректно понимать исторические процессы.

Антонова 1990 – Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
 Боталов и др. 1996 – Боталов С. Г., Григорьев С. А., Зданович Г. Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996. С. 64–88.
 Генинг и др. 1992 – Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Челябинск, 1992.

- Горелик 1993 – *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие–IV век до н. э.). М., 1993.
- Григорьев 1999 – *Григорьев С. А.* Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.
- Григорьев, Меньшенин 2004 – *Григорьев С. А., Меньшенин Н. М.* Мегалитические сооружения острова Вера на озере Тургойак в Южном Зауралье // Известия Челябинского научного центра. 2004. Вып. 1. С. 208–213.
- Гурина 1996а – *Гурина Н. Н.* Восточная Прибалтика // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 135–162 (Археология).
- Гурина 1996б – *Гурина Н. Н.* Рязанская культура // Там же. С. 182–184.
- Гурина 1996в – *Гурина Н. Н.* Неолит Кольского полуострова // Там же. С. 230–237.
- Гурина, Крайнов 1996 – *Гурина Н. Н., Крайнов Д. А.* Льяловская культура // Там же. С. 173–182.
- Зданович 1997 – *Зданович Г. Б.* Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // Российская археология. 1997. № 2. С. 47–62.
- Кинк 1970 – *Кинк Х. А.* Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. М., 1970.
- Костюков и др. 1995 – *Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995. С. 156–207.
- Крайнов 1987 – *Крайнов Д. А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 10–28 (Археология СССР).
- Крупнов 1951 – *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л., 1951. С. 17–74 (МИА. № 23).
- Кушнарёва 1994а – *Кушнарёва К. Х.* Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 93–105 (Археология).
- Кушнарёва 1994б – *Кушнарёва К. Х.* Севано-узэрликская группа памятников // Там же. С. 118–127.
- Лоон 1985 – *Лоон М. Н.* Конец периода ранней бронзы в Сирии: проблемы хронологии и интерпретации // Древняя Эбла. М., 1985. С. 52–61.
- Ошибкина 1996 – *Ошибкина С. В.* Север Восточной Европы // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 210–242 (Археология).
- Петров 2006 – *Петров Ф. Н.* Мегалитический комплекс Ахуново: древняя пригоризонтная обсерватория // Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала. Челябинск, 2006. С. 27–31.
- Петров, Кириллов 2007 – *Петров Ф. Н., Кириллов А. К.* Исследования мегалитического комплекса Ахуново в 2003 году // УАВ. 2007. Вып. 6–7. С. 19–23.
- Потёмкина 2001 – *Потёмкина Т. М.* Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 166–256.
- Семёнов, Несанелене 1997 – *Семёнов В. А., Несанелене В. Н.* Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы. Сыктавкар, 1997.
- Тимофеев 1996 – *Тимофеев В. И.* Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 162–165 (Археология).
- Фёдоров, Рафикова 2010 – *Фёдоров В. К., Рафикова Я. В.* Исследования Ново-Байрамгуловского поселения (святилища Бакшай) в 2010 году // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. Уфа, 2010. № 6 (50). С. 157–160.
- Alin 1955 – *Alin J.* Förteckning över stenåldersboplatser i norra Dohuslän. Elander Boktryckery Aktiebolag. Göteborg, 1955.
- Baykal-Seeher, Obladen-Kauder 1988 – *Baykal-Seeher A., Obladen-Kauder Ju.* Demircihöyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1978. Bd. IV. Die Kleinfunde. Mainz am Rhein, 1988.
- Bradley 1998 – *Bradley R.* Interpreting enclosures // Understanding the Neolithic of north-western Europe. Glasgow, 1998. P. 188–203.
- Burenhult 1993 – *Burenhult G.* New Grange: Temple of the sun // People of the Stone Age. New York, 1993. P. 96–99.
- Childe 1940 – *Childe V. G.* Prehistoric communities of the British Isles. London, 1940.

- Clarke, Sharples 1985 – *Clarke D. V., Sharples N.* Settlements and subsistence in the third millennium BC // The prehistory of Orkney. Edinburg, 1985. P. 54–82.
- Cooney 1999 – *Cooney G.* Space, place and people: unfolding the role of Irish megalithic tombs // SM. Weissbach, 1999. 21. P. 331–346.
- Daniel 1950 – *Daniel G. E.* The prehistoric chamber tombs of England and Wales. Cambridge, 1950.
- Daniel 1960 – *Daniel G.* The prehistoric chamber tombs of France. A geographical, morphological and chronological survey. London, 1960.
- De Valera, O’Nuallain 1961 – *De Valera R., O’Nuallain S.* Survey of the megalithic tombs of Ireland. Vol. I. County Clare. Dublin, 1961.
- Esin, Harmankaya 1999 – *Esin U., Harmankaya S.* Aşikli // NT. 1999. P. 115–132.
- Grigoriev 2002 – *Grigoriev S. A.* Ancient Indo-Europeans. Chelyabinsk, 2002.
- Grigoriev, Vasina 2010 – *Grigoriev S. A., Vasina J. V.* Megaliths of the Vera Island in the Southern Urals // Monumental questions: prehistoric megaliths, mounds and enclosures. Oxford, 2010. P. 179–185 (BAR. IS. 2123).
- Harding 1998 – *Harding J.* An architecture of meaning: the causewayed enclosures and hedges of lowland England // Understanding the Neolithic of north-western Europe. Glasgow, 1998. P. 204–230.
- Harding, Lee 1987 – *Harding A. F., Lee G. E.* Henge monuments and related sites in Great Britain: Air photographic evidence and catalogue. Oxford, 1987 (BAR. BS. 175).
- Hauptmann 1999 – *Hauptmann H.* Frühneolithische Steingebäude in Südwestasien // SM. 1999. 21. P. 227–238.
- Herity 1974 – *Herity M.* Irish passage graves. Dublin, 1974.
- Hibbs 1983 – *Hibbs J.* The Neolithic of Brittany and Normandy // Ancient France: Neolithic societies and their landscapes. 6000–2000 BC. Edinburgh, 1983. P. 271–323.
- Howell 1983 – *Howell J.* The late Neolithic of the Paris Basin // Ibid. P. 62–90.
- Keiller 1965 – *Keiller A.* Windmillhill and Avebury: Excavations by Alexander Keiller. 1925–1939. Oxford, 1965.
- Korfmann 1983 – *Korfmann M.* Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1978. Bd. I. Architektur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein, 1983.
- Koşay 1976 – *Koşay H. Z.* Keban Project. Pular Excavations. 1968–1970. Ankara, 1976 (Middle East Technical University. Keban Project Publications. Series III. No 1).
- Lynch 1973 – *Lynch F.* The use of the passage in certain passage graves as a means of communication rather than access // Megalithic graves and ritual. Moesgard, 1973. P. 147–162.
- Megaw, Simpson 1979 – *Megaw J. V. S., Simpson D. D. A.* Introduction to British prehistory. Leicester, 1979.
- Mizrachi 1992 – *Mizrachi Y.* Mystery Circles // Biblical Archaeology Review. 1992. Vol. 18, no 4. P. 46–57.
- Müller-Karpe 1974 – *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit. München, 1974. Bd. III.
- Müller-Karpe 1994 – *Müller-Karpe A.* Anatolisches Metallhandwerk. Neunmünster, 1994.
- Naumann 1955 – *Naumann R.* Architektur Kleinasiens von ihren Anfängen bis zum Ende der hethitischen Zeit. Tübingen, 1955.
- Nilius 1971 – *Nilius I.* Das Neolithikum in Mecklenburg zur Zeit und unter besonderer Berücksichtigung der Trichterbecherkultur. Schwerin, 1971.
- Özdoğan 1999 – *Özdoğan A.* Çayüü // NT. 1999. P. 35–63.
- Patton 1993 – *Patton M.* Statements in stone. Monuments and society in Neolithic Brittany. Routledge; London; New York, 1993.
- Pearson 2005 – *Pearson M. P.* Bronze Age Britain. London, 2005.
- Renfrew 1973 – *Renfrew C.* Before civilization: The radiocarbon revolution and prehistoric Europe. New York, 1973.
- Renfrew 1976 – *Renfrew C.* Megaliths, territories and populations // Acculturation and continuity in Atlantic Europe. Mainly during the Neolithic period and the Bronze Age. Brugge, 1976. P. 198–220.
- Richards, Thomas 1984 – *Richards C., Thomas J.* Ritual activity and structural deposition in Later Neolithic Wessex // Neolithic studies. A review of some current research. Oxford, 1984. P. 189–218 (BAR. BS. 133).
- Ritchie 1985 – *Ritchie G.* Ritual monuments // The prehistory of Orkney. Edinburg, 1985. P. 118–130.
- Rosenberg 1999 – *Rosenberg M.* Hallan Çemi // NT. 1999. P. 25–33.
- Scheltema 2008 – *Scheltema G.* Megalithic Jordan: An introduction and field guide. Amman, 2008.

- Schwertfeger 1994 – *Schwertfeger K.* Elb-Havel-Kultur (EHK) // Das Neolithikum im Mittel-Elbe-Saale-Gebiet und in der Altmark. Wilkau-Haßlau, 1994. S. 203–213.
- Skaarup 1975 – *Skaarup J.* Stengade: Ein langeländischer Wohnplatz mit Hausresten aus der Frühneolithischen Zeit. Langelands, 1975.
- Tallon 1987 – *Tallon F.* Metallurgie susienne I: De la fondation de Suse au XVIIIe avant J.-C.: Catalogue et illustrations. Paris, 1987.
- Wainwright 1989 – *Wainwright G.* The henge monuments: Ceremony and society in prehistoric Britain. London, 1989.

А. А. Ковалёв (Санкт-Петербург, Россия)

Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчечский феномен как ключ к решению проблемы тохарской прародины

Появление во Внутренней Азии «протохарского» («общетохарского») языка явилось несомненным следствием миграции его носителей, оказавшихся на новом месте в неиндоевропейском языковом окружении. В соответствии с результатами изучения тохарской фонетики (Бурлак 2000: 181) можно сделать вывод о том, что формирование «протохарского» происходило в условиях изоляции носителей некоего индоевропейского («протохарского») диалекта. Изоляция протохарского на территории с чуждым языковым окружением с высокой вероятностью должна соотноситься с появлением здесь же пришлого, изолированного феномена материальной культуры, не имеющего аналогий на близлежащих землях. Проследив происхождение этого феномена, можно дать ответ на вопрос о первоначальном расселении индоевропейских племен, включая исходную территорию миграции, где происходили ареальные взаимодействия протохарского и иных древних индоевропейских диалектов.

Необходимо отметить, что ряд древнекитайско-индоевропейских (в т. ч. тохарских) соответствий объясняется контактами на этапе сино-тибетского и индо-европейского, сино-кавказского и ностратического единств и даже общим происхождением сино-кавказской и ностратической макросемей из единой «бореальной» общности (см. этимологические базы С. Старостина и С. Николаева: <http://starling.rinet.ru>). Это касается всех ситуаций, приведенных в брошюре А. Конради (Conrady 1925), и которые использует Л. С. Клейн (см. его статью в наст. сб.). Опираясь на такие схождения для отслеживания миграций носителей отдельных индоевропейских диалектов нет смысла. В столь отдаленные эпохи (ранний неолит, мезолит, палеолит?) их предки и предки китайцев могли находиться вблизи друг друга где угодно.

Работы по выстраиванию индоевропейского филогенетического древа показывают, что протохарский диалект должен был отделиться от общего «ствола» вслед за анатолийским ранее остальных «европейских» диалектов (Benveniste 1936: 237; Blazek 2005: 3; Gray, Atkinson 2003; Lane 1970; Petersen 1933; Ringe et al. 2002; Naklhev et al. 2005).

Использование математических методов позволило вычислить доверительные интервалы для хронологии «узлов» филогенетического древа индоевропейских языков и определить время выделения протохарского языка – ок. 5900 г. до н. э. (Gray, Atkinson 2003: 438). По математической модели глоттохронологического процесса распада С. А. Старостина это событие относится примерно к 3810 г. до н. э. (Blazek 2005: 3; Starostin 2000), ее уточнение дает 4000 г. до н. э. (Васильев, Милитарёв 2008: 528).

Вследствие раннего обособления протохарского, изоглоссы, общие для этого языка и иных древних индоевропейских диалектов, взятых по отдельности, с большой долей вероятности свидетельствуют не о близком родстве, а о продолжительном соседстве носителей прото-тохарского и этих диалектов. Такое соседство могло иметь место с IV тыс. до н. э. вплоть до распада соответствующего диалекта. Исследования лингвистов показали, что возможный круг контактов прото-тохарского языка ограничен западными индоевропейскими диалектами: *фонетические и*

морфологические инновации объединяют его с германским, итальянским и греческим (менее вероятно – с балтийским, славянским, армянским и албанским) (Adams 1995: 405–407). Д. Риндж признает теоретическую возможность этих общих инноваций, однако более вероятным считает полную изоляцию прототохаров после их отщепления (Ringe 1990).

Тохарские языки также сохранили довольно много *лексических* соответствий, общих для прототохарского (даны в порядке убывания их количества) с германским, греческим, балтским, славянским, итальянским, кельтским, албанским, анатолийским языками (Windekens 1976: 614–619; Adams 1984: 399, 400; Thomas 1985: 136–147). Все лексические соответствия с индоиранскими языками представляют собой поздние заимствования из отдельных арийских языков (Hansen 1940; Thomas 1985: 130–136; Adams 1995: 404).

Наличие инноваций и лексического фонда, общих для прототохарского и (что особенно важно, в эксклюзивных сочетаниях) для германского, итальянского, албанского, балтского, греческого показывает, что языковые контакты прототохарского с индоевропейскими диалектами, если они и имели место, то в основном после распада первичных «европейских» диалектных групп и в условиях безусловной удаленности от носителей арийских языков, причем период возможного соседства прототохарского с «европейскими» диалектами можно датировать второй половиной IV–концом III тыс. до н. э. (Васильев, Милитарёв 2008; Blazek 2005: 3; Gray, Atkinson 2003: 438).

Вывод о продолжительных контактах прототохарского с большинством «европейских» диалектов с IV тыс. до н. э. в условиях изоляции от индоиранского однозначно указывает на западноевропейскую локализацию тохарской прародины. Приходится признать, что гипотеза о миграции тохароязычных племен (под которыми подразумеваются «гуттии», завоевавшие Месопотамию в конце III тыс. до н. э.) с территории Передней Азии (Henning 1978; Гамкрелидзе, Иванов 1989), принятая мною ранее для объяснения появления «чаодаогоуского» культурного комплекса на границах иньского Китая (Ковалёв 2004), не может удовлетворительно объяснить ареальные контакты прототохарского.

Территория, на которой происходила модификация прототохарского после его отщепления от западно-индоевропейского «ствола», находилась в отдалении и от нынешней территории распространения уральских языков.

Исследования лингвистов (Бурлак 2000: 181) позволили отвергнуть предположение Вяч. Вс. Иванова (Ivanov 1985; Иванов 1986) о том, что на модификацию прототохарской фонетики оказал влияние язык, близкий угорским диалектам. Агглютинация, также как и ряд иных морфологических особенностей прототохарского могли быть результатом влияния не только уральских, но и алтайских (и даже дравидских) языков (Bednarczuk 1983). Наличие «компаративных» пар слов типа «глаз + нос» = «лицо», характерное для тохарского языка, широко представлено, наряду с уральскими, и в алтайских языках; кроме того, имеются прямые параллели композитным словам в языках Кавказа (Aalto 1964). Количество возможных лексических заимствований из пра (или прото) тохарского в древние уральские языки довольно мало. Приводимый В. В. Напольских (Napol'skikh 2001) полный список таких соответствий уязвим не только с лингвистической, но и с исторической точек зрения (Ковалёв 2004).

В. В. Напольских пришел также к выводу о том, что все лексические соответствия между тохарскими и уральскими языками объясняются заимствованием из некоего тохароязычного источника в уже обособленный язык: прапермский, финно-волжский и т. п. (Напольских 1997; Napol'skikh 2001). Характер таких заимствований отвергает возможность соседства прототохарского и уральского населения в период формирования прототохарского языка.

Решающим аргументом, исключающим эту возможность, являются лингвистические контакты уральских языков с арийскими, начиная с эпохи индоиранского единства (Redeyi 1988). Индоиранские народы издревле населяли степи по южной границе уральских племен (Carpelan, Parpola 2001, Parpola, Carpelan 2005). Как отмечено выше, никаких следов влияния индоиранцев на

формирование пратохарского не прослеживается, поэтому для прототохаров просто не остается места на южном пограничье нынешних уральских народов.

Terminus ante quem для прихода прототохаров на их новую родину можно приблизительно определить на основе тохарских лексических заимствований в древнекитайском. К древнейшим заимствованиям из пратохарского (не позднее II тыс. до н. э.) можно отнести только ряд древнекитайских терминов колесничного дела и домостроения из тех, чье тохарское происхождение выявлено А. Любоцким (Lubotsky 1998). Учитывая этимологии и фонетические реконструкции С. А. Старостина и С. А. Бурлак, а также семантику слов древнекитайского языка (Гу хань ю да цыдянь 2001), наиболее надежными соответствиями из списка Любоцкого можно считать древнекитайские слова со значениями: «колесница с четырьмя лошадьми»; «ступица колеса»; «дышло»; «оказывать давление, заставлять»; «обжигать землю [для образования твердой площадки]»; «деревянные столбы, использовавшиеся для укрепления [земляной] стены при ее сооружении»; «стена, укрепленный лагерь».

Если хотя бы часть из этих соответствий действительно указывает на заимствование в древнейший китайский из пратохарского (либо «прототохарского»), то необходимо принять вывод о появлении тохароязычных племен на границах Центральной Равнины самое позднее к середине II тыс. до н. э.

Таким образом, *идеальная «лингвистическая» модель передвижения прототохаров с запада на восток* выглядит следующим образом: 1) вторая половина IV (?)-III тыс. до н. э. – возможное соседство с прагерманцами, италийцами (возможно, кельтами), прото-греками, балтославянами, причем вдали от индоиранцев; 2) III-II тыс. до н. э. – обживание территории, населенной неиндоевропейским народом вдали от индоиранцев и предков современных уральских народов, формирование пратохарского; 3) с середины II тыс. до н. э. – контакты на востоке с китайцами и, позднее, с иранцами.

«Лингвистическая» модель миграции прототохаров ПОЛНОСТЬЮ совпадает с археологически прослеженной миграцией носителей чемурчекского культурного феномена – из Южной и Юго-Западной Франции в Синьцзян в первой трети III тыс. до н. э. Возможно археологически проследить и связь «наследников» чемурчекских племен с Древним Китаем в середине II тыс. до н. э.

Чемурчекский культурный феномен заключается в одновременном (не позднее середины III тыс. до н. э.) появлении в западных предгорьях Монгольского Алтая (от Алтайского края до Заалтайской Гоби) таких западноевропейских традиций, как конструкции погребальных сооружений, каменная скульптура, композиции росписей, выполненных охрой, формы и орнамент сосудов (Ковалёв 2011; Kovalev 2011; см. рис. 6 из статьи Л. С. Клейна в наст. сб. и наш рис. 1).

Погребальные сооружения представлены коллективными камерами-склепами из массивных плит, которые не перекрыты насыпью, а обнесены по периметру множеством накладывающихся друг на друга подсыпок, причем каждая из них имеет каменный фасад. Этот архитектурный прием появился в Бретани и Нормандии в первой половине V тыс. до н. э. В IV тыс. до н. э. он доминировал в Западной Франции, отчасти Ирландии и Англии, в конце IV-начале III тыс. до н. э. распространился в Лангедоке (культура Ферьер). Нигде в мире таких конструкций не соорудили. Второй вариант «чемурчекских» погребальных конструкций, выявленный на китайско-казахстанской границе, представлял собой коридор (вход с востока), стенки которого были сложены каменной кладкой (до 7 слоев). С западной стороны каменная стенка огибала могильную яму (см. рис. 6 к статье Л. С. Клейна в наст. сб.). Погребальные коридоры, сложенные сухой кладкой, также появились в Бретани и Нормандии в первой половине V тыс. до н. э. Они занимали доминирующее положение в конструкциях коридорных гробниц среднего неолита, однако чемурчекские сооружения более всего схожи с поздними «псевдогалерейными» гробницами Прованса и Лангедока конца IV-начала III тыс. до н. э.

Каменные статуи, связь которых с чемурчекскими погребальными сооружениями доказана моими разведками в Синьцзяне и моими раскопками на прилегающей монгольской территории,

имеют выпуклые округлые глаза, а также выпуклый валик по контуру лица, непосредственно от которого часто отходит линия носа (см. рис. 6 к статье Л. С. Клейна в наст. сб). Так оформлены лишь древние антропоморфные изображения культуры Ферьер в Лангедоке (типы Гар 2 и Гар 3). Чемурчекские изваяния, как и статуи IV–III тыс. до н. э. Западной и Восточной Европы, несут изображения посоха, лука, выпуклой гривны, однако только у нескольких чемурчекских изваяний и статуй типа Сьон-Аоста [из соседствующих регионов Швейцарии (Вале) и Италии (Валле-д'Аоста)] с такой гривны свисают выпуклые треугольные фестоны.

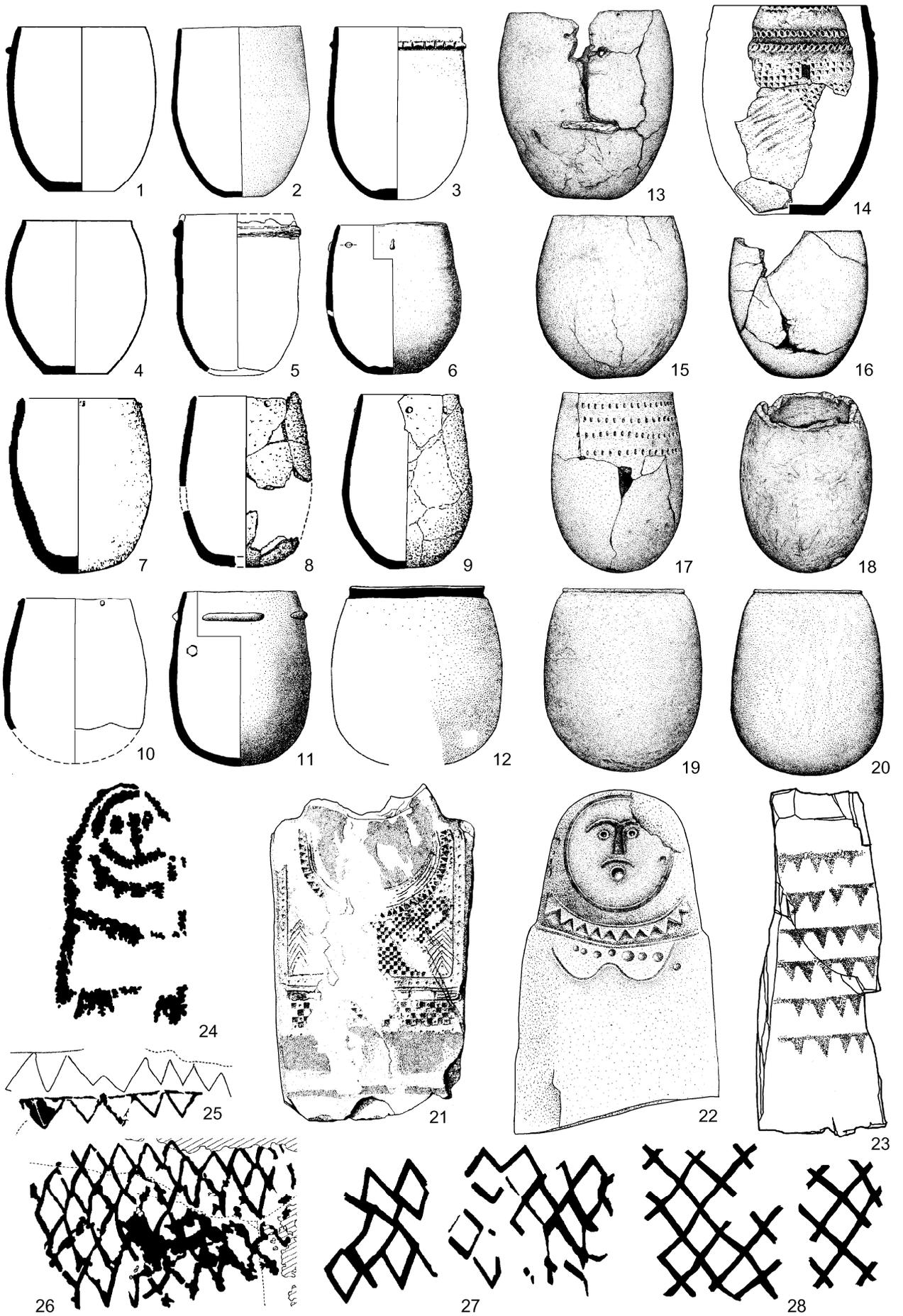
Горизонтальные ряды треугольных фестонов – основной мотив росписей, выполненных охрой, на плитах чемурчекских склепов. Такие композиции не характерны для памятников Восточной Европы, однако занимают доминирующее положение в орнаментации мегалитов Испании и встречаются в поздненеолитических росписях Южной Франции (Nameau 2002).

Формы чемурчекских каменных и глиняных сосудов повторяют формы керамики Бретани, Лангедока и Керси рубежа IV–III тыс. до н. э., прежде всего, культуры Ферьер. Овоидные сосуды с уплощенным дном похожи на посуду поздненеолитических памятников Юры и Западной Швейцарии, сложившуюся, как считается, под влиянием носителей культуры Ферьер, переселявшихся в альпийский регион в период с 3200 до 2800 гг. до н. э. Как формы, так и орнамент собственно чемурчекских сосудов не имеют связи с предшествующими и синхронными культурами Центральной Азии. Орнаментация, образованная не штампом, а прочерченными линиями, чаще всего представляет поясok треугольных фестонов, что является наиболее характерным признаком ферьерской керамики.

Чемурчекское население последней трети III–первой трети II тыс. до н. э. поддерживало тесные связи с носителями елунинской культуры Алтая и с племенами Восточного Казахстана, схожими по культурному облику с елунинцами (литературу о восточно-казахстанских памятниках см. Мерц 2010). Судя по распространению памятников, елунинцы и чемурчекцы контролировали в это время Рудный Алтай. Самый северный чемурчекский погребальный памятник исследован в Третьяковском р-не Алтайского края. Чемурчекский каменный сосуд с типичными треугольными фестонами обнаружен в Угловском р-не этого же региона. Свинцовые височные кольца обнаружены как в елунинских памятниках Алтая, так и в чемурчекском мог-ке Ягшийн ходоо в Монголии. Елунинская керамика найдена в чемурчекских курганах Восточного Казахстана и весьма схожа с елунинской посудой в Ягшийн ходоо (Ковалёв 2005; 2011). Кроме того, имеются аналогии в погребальном обряде: в мог-ках Телеутский Взвоз на Алтае (Грушин, Тишкин 2011) и Хух удзуурийн дугуй в Монголии (раскопки Ковалёва и Эрдэнэбаатара 2010 г.) выявлено использование ивовых прутьев и «помостов» для «выставления» покойных.

К рис. 1. Некоторые аналогии чемурчекским материалам из бассейна Средней и Верхней Роны и прилегающих регионов (без масштаба):

- 1–12 – керамические сосуды из Франции и Швейцарии (1, 4 – Ла-Перт-дю-Круа, департ. Лот;
- 2, 10 – Портальбан II, кантон Фрибур; 3 – Сен-Блэз, Бен-де-Дам, кантон Невшатель;
- 5 – Ивердон-Ле-Бен, Авеню-де-Спорт, кантон Во; 6 – Шале, департ. Юра; 7 – Тьель-Вавр, кантон Нёвшатель; 8–9 – Финельц-Хафен, кантон Берн; 11–12 – Клерво, департ. Юра) (по Giligny 1995; Pétrequin et al. 2003; Stöckli 2009);
- 13–20 – чемурчекские сосуды из Синьцзяна и Ховд аймака (14–17 – керамика; остальное – камень;
- 13, 15 – Хадат овоо 1, Булган сомон; 14 – Ягшийн ходоо 3, Булган сомон; 16 – Улаан худаг I–12, Ховд сомон; 17, 19, 20 – мог-к Кэрмуци [Чемурчек], уезд Алтай, Синьцзянь; 18 – уезд Ханаси; по Ковалёв 2011 с дополн. и изм.); 21–22, 24 – фигуры с треугольными фестонами (21 – стела 25, Пти-Шассёр, Сьон, деп. Вале, Швейцария); 22 – стела у кург. M2 мог-ка Кэрмуци (Чемурчек) (уезд Алтай, Синьцзян); 24 – роспись охрой из грота Дюма (департ. Вар, Франция) (по Corboud 2009; Ковалёв 2011). 23, 25–28 – росписи охрой из Франции и Монголии (23 – Ягшийн ходоо 3 (Булган сомон); 25 – пещера Бом-Экрит (департ. Дром, Франция); 26–27 – навес д'Эзон (департ. Дром, Франция); 28 – Хуурай салааны ам 1 (Булган сомон) (по Ковалёв 2011 с дополн.; Nameau 2002)

Самые ранние памятники, в которых формируются сейминско-турбинские металлургические традиции, относятся к елунинской культуре, металлурги которой использовали оловянистые медные сплавы (Кирюшин 2002: 46–90; Кирюшин и др. 2003; 2005; 2011). С. П. Грушин выделяет «досейминско-турбинский» этап в развитии сейминско-турбинского феномена, к которому относят елунинские, включая памятники елунинского круга в Восточном Казахстане и чемурчекские памятники конца III–начала II тыс. до н. э.; второй этап – «классический», по его мнению, характеризуется комплексами типа Ростовки (Грушин и др. 2009: 126–128).

Именно сейминско-турбинское участие прослеживается в формировании культуры развитой бронзы Китая в середине II тыс. до н. э. (Ковалёв 2002). Основу иньского культурного комплекса составляют кельты и копья со слепой втулкой. Начиная с Эрлитоу, ведущее положение в нем приобретают однолезвийные ножи с цельнолитой бронзовой рукоятью и уступом у основания лезвия. Такие ножи характерны в эту эпоху только для сейминско-турбинских памятников, начиная с «елунинского» периода (Цыганкова Сопка, Елунино). Наконечник копья «постсейминского» облика с крюком ростовкинского типа был обнаружен на поселении Шэньна в Цинхае (культура Цицзя). Этот артефакт был осмотрен мною в 2000 г., позднее я опубликовал его рисунок с натуры (Ковалёв 2002), который не упомянут в обобщающей работе С. В. Кузьминых (2011: 257). В 2000 г. Шу Такахама опубликовал еще два подобных наконечника. Один из них происходит из музея провинции Шэньси (Сиань), другой – из музея провинции Шаньси (Тайюань) (Jianjiun Mei 2009: 10–11). Эти находки подкрепляют вывод о большом вкладе сейминско-турбинских металлургов в формирование иньской цивилизации.

Если прототохарами были пришедшие на Алтай носители чемурчекского культурного феномена, то пратохарской должна была стать хотя бы часть носителей елунинской культуры (с учетом Восточно-Казахстанской периферии) и, соответственно, часть раннего сейминско-турбинского комплекса, складывавшегося в предгорьях Рудного Алтая. Проникновение сейминско-турбинских традиций в Древний Китай объясняет заимствование из пратохарского в древнекитайский культурных терминов, относящихся к колесничному делу и строительству.

Исходная территория чемурчекской миграции может быть локализована, в целом, на западе и юге Франции, однако археологические данные позволяют более полно представить время и направления взаимодействия народов, часть которых в итоге направилась в глубины Азии. Как указывалось выше, почти все отличительные признаки чемурчекского феномена обнаруживаются в контексте культур Лангедока–Нижней Роны (3300–2800 гг. до н. э.). В Лангедоке в это время господствовала культура Ферьер (Jallot 2011). Множественность фасадов в «псевдогалерейных» гробницах Лангедока не имеет местных корней и может восходить только к традициям среднего неолита Бретани и Пуатье. Кроме того, плоскодонная чемурчекская керамика имеет прямые аналогии в керамике позднего неолита Бретани (в основном – из галерейных гробниц). Имеются аналогии таким сосудам и на территории Керси. Можно предположить, что первичным импульсом было переселение из Бретани и Пуатье в Лангедок, который стал затем исходной точкой миграции на восток. На средиземноморском побережье Франции на рубеже IV–III тыс. до н. э. наблюдается невероятное смешение культурных традиций, включая одновременное существование на одной и той же территории нескольких видов погребального обряда: одиночные погребения, псевдогалерейные гробницы, траншеи-«гипогеи», пещерные захоронения и т. п. Этим можно объяснить и многообразие форм чемурчекских погребальных сооружений, в т. ч. появление в чемурчекском контексте гробниц с коридорами, образованных стенками, сложенными сухой кладкой, встреченных как в Керси, так и в регионе Нижней Роны. В это же время обнаруживается влияние культуры Ферьер на Аквитанию (культура Пё-Ришар), Керси и Руерж (Chevalier 1984: 239; Jallot 2011). С 3200 по 2900 гг. до н. э. прослеживается три волны миграции носителей культуры Ферьер и населения прилегающих районов в горы Юра (Франция и Швейцария) (Petrequin et al., 2003). Примерно с 2900–2800 гг. до н. э. в Западной Швейцарии под влиянием внешнего импульса появляется т. н. группа Люшерц (Thevenot, Petrequin 1984: 157–163; Giligny 1995; Stöckli 2009: 103–104, 206).

В памятниках Юры (группа Клерво) и группы Люшерц складываются новые типы керамики с овоидным туловом (Stöckli 2009: Taf. 39–52), по форме чрезвычайно схожие с чемурчскими сосудами (рис. 1, 1–20). Кроме того, в долине Верхней Роны – швейцарском кантоне Вале – и в соседней итальянской Аосте не позднее 2800 г. до н. э. (Corboud 2009) появляются каменные статуи с ожерельем из треугольных фестонов, что находит, как указано выше, аналогии только в чемурчских памятниках (рис. 1, 21–22). В пещерах и гротах Средней Роны обнаружены изображения типичных для чемурчских росписей рядов треугольных фестонов, косой сетки и даже человеческой фигуры с ожерельем из фестонов (Hameau 2002) (рис. 1, 23–28).

Таким образом, путь переселенцев мог выглядеть так: выход из района Бретань-Пуатье – приход в Лангедок (ранее 3200 года до н. э.) – переселение группы смешанного населения Лангедока и соседних районов в среднее и верхнее течение Роны на север вплоть до Юры (ок. 3200–2900 г. до н. э.) – выход из приальпийского региона на восток (ок. 2800–2700 г. до н. э.). Общие инновации тохарского, германского и итальянского языков могли сложиться на территории Юры и Западной Швейцарии, где пришельцы из Лангедока стали жить на одних поселениях с носителями местных культур, в т. ч. горгенской (германцы?), а также имели несомненные связи с культурой Ремеделло (итальянцы?).

Бурлак 2000 – Бурлак С. А. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.

Васильев, Милитарёв 2008 – Васильев М. Е., Милитарёв А. Ю. Глоттохронология в сравнительно-историческом языкознании. Модели дивергенции языков // *Orientalia et Classica*. М., 2008. С. 509–536 (Тр. Института восточных культур и античности. Вып. XIX).

Гамкрелидзе, Иванов 1989 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии // ВДИ. 1989. № 1. С. 14–39.

Грушин и др. 2009 – Грушин С. П., Папин Д. В., Позднякова О. А., Тюрина Е. А., Федорук А. С., Хаврин С. В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009.

Грушин, Тишкин 2011 – Грушин С. П., Тишкин А. А. Результаты определения находок древесины из памятников ранней бронзы Верхнего Приобья // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 161–165.

Гу хань ю да цыдянь 2001 – Гу хань ю да цыдянь (Большой словарь древнего китайского языка). Шанхай, 2001 (на кит. яз.).

Иванов 1986 – Иванов Вяч. Вс. Параллелизм фонологических систем раннеугорского и общетохарского языков и его возможное диахроническое объяснение // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986. С. 11–14.

Кирюшин 2002 – Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.

Кирюшин и др. 2003 – Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул, 2003.

Кирюшин и др. 2005 – Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А. Берёзовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. I.

Кирюшин и др. 2011 – Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Берёзовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2011. Т. II.

Ковалёв 2002 – Ковалёв А. А. О происхождении комплекса форм бронзовых лезвийных изделий Древнего Китая (эпохи Ся-Шан) // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 158–164.

Ковалёв 2004 – Ковалёв А. А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // Археолог: детектив и мыслитель. СПб, 2004. С. 249–292.

Ковалёв 2005 – Ковалёв А. А. Чемурчский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул, 2005. С. 178–184.

- Ковалёв 2011 – *Ковалёв А. А.* Великая чемурчская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э. // РАЕ. 2011. № 1. С. 183–244.
- Кузьминых 2011 – *Кузьминых С. В.* Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 240–263.
- Мерц 2010 – *Мерц И. В.* История изучения эпохи ранней бронзы Восточного и Северо-Восточного Казахстана // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010. С. 49–58.
- Напольских 1997 – *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- Aalto 1964 – *Aalto P.* Word-pairs in Tocharian and other languages // *Linguistics*. 1964. Vol. 5. P. 69–78.
- Adams 1984 – *Adams D. Q.* The Position of Tocharian Among the Other Indo-European Languages // *JAOS*. 1984. Vol. 104. P. 395–402.
- Adams 1995 – *Adams D. Q.* Mummies // *JIES*. 1995. Vol. 23, no 3–4. P. 399–413.
- Bednarczuk 1983 – *Bednarczuk L.* Non-Indo-European features of Tocharian // *Studia Indo-Iranica*. Polska Akademia nauk. 1983. P. 11–13 (Prace Komisji językoznawstwa. No 52).
- Benveniste 1936 – *Benveniste E.* Tokharien et Indo-Européen // *Germanen und Indogermanen*. Volkstum, Sprache, Heimat, Kultur: Festschrift für Herman Hirt. Heidelberg, 1936. Bd. II. P. 225–240.
- Blazek 2005 – *Blazek V.* On the internal classification of Indo-European languages: survey // *Linguistica online*. 2005: <http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/blazek/bla-003.pdf>.
- Carpelan, Parpola 2001 – *Carpelan C., Parpola A.* Emergence, Contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in Archaeological perspective // *ECUIE*. 2001. P. 55–150 (MSFO. Vol. 242).
- Chevalier 1984 – *Chevalier Y.* L'architecture des dolmens entre Languedoc et Centre-Ouest de la France. Bonn, 1984 (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 44).
- Conrady 1925 – *Conrady A.* Alte west-östliche Kulturwörter. Leipzig, 1925 (Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-historische Klasse. Bd. 77. Hf. 3).
- Corboud 2009 – *Corboud P.* Les stèles athropomorphes de la nécropole néolithique du Petit-Chasseur à Sion (Valais, Suisse) // XIIe Colloque sur les Alpes dans l'Antiquité, Yenne/Savoie, 2–4 octobre 2009. Aoste, 2009. P. 1–89 (Bulletin d'études préhistoriques et archéologiques alpines. 21).
- Giligny 1995 – *Giligny F.* Evolution des styles ceramiques au Néolithique final dans le Jura // 20ème colloque inter-régional sur le Néolithique. Rennes, 1995. P. 191–212 (Revue Archéologique de l'Ouest, Supplément, no 7).
- Gray, Atkinson 2003 – *Gray R. D., Atkinson Q. D.* Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // *Nature*. 2003. Vol. 426. P. 435–439.
- Hansen 1940 – *Hansen O.* Tocharisch-iranische Beziehung // *ZDMG*. 1940. Bd. 94. S. 139–164.
- Hameau 2002 – *Hameau Ph.* Passage, Transformation et Art Schematique. L'exemple des Peintures Neolithiques du Sud de la France. Oxford, 2002 (BAR. IS. 1044).
- Henning 1978 – *Henning W. B.* The First Indo-Europeans in History // *Society and History: Essays in Honour Karl August Wittfogel*. Hague; Paris; New York, 1978. P. 215–230.
- Ivanov 1985 – *Ivanov V. V.* Tocharian and Ugrian // *Studia linguistica diachronica et synchronica*. Berlin; New York; Amsterdam, 1985. P. 411–419 (Werner Winter sexagenario anno MCMLXXXIII).
- Jallot 2011 – *Jallot L.* Frontières, stabilités, emprunts et dynamique géoculturelle en Languedoc méditerranéenneau Néolithique final (3400–2300 av. J.-C.) // *Marges, frontières et transgressions : Actualité de la recherche*. Toulouse, 2011. P. 87–119 (Actes des 8e Recontres Méridionales de Préhistoire Récente. Marseille (13) – 7&8 novembre 2008).
- Jianjiun Mei 2009 – *Jianjiun Mei.* Early metallurgy in China: some challenging issues in current studies // *Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond*. Proceeding of the 6th International Conference on the Beginning of the Use of Metals and Alloys. London, 2009. P. 9–16.
- Kovalev 2011 – *Kovalev A. A.* The Great Migration of the Chemurchek People from France to the Altai in the Early 3rd Millenium BCE // *IJES*. 2011. Vol. 1 (11). P. 1–58.
- Lane 1970 – *Lane G. S.* Tokharian: Indo-European and Non-Indo-European Realationships // *Indo-European and Indo-Europeans*. Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania. Philadelphia, 1970. P. 73–88.

- Lubotsky 1998 – *Lubotsky A.* Tocharian Loan Words in Old Chinese: Chariots, Chariot Gear, and Town Building // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Vol. 1–2. Washington, Philadelphia, 1998. P. 379–390 (JIES Monograph 26).
- Nakhleh et al. 2005 – *Nakhleh L., Ringe D., Warnow T.* Perfect Phylogenetic Networks: A New Methodology for Reconstructing the Evolutionary History of Natural Languages // *Language*. JLSA. 2005. Vol. 81, no 2. P. 382–420.
- Napol'skikh 2001 – *Napol'skikh V.* Tocharisch-Uralische Berührungen: Sprache und Archäologie // *ECUIE*. 2001. S. 367–383 (MSFO. Vol. 242).
- Parpola, Carpelan 2005 – *Parpola A., Carpelan C.* The cultural counterparts to Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan. Matching the dispersal and contact patterns in the linguistic and archaeological record // *The Indo-Aryan Controversy: Evidence and inference in Indian history*. London; New York, 2005. P. 107–141.
- Petersen 1933 – *Petersen W. W.* Hittite and Tocharian // *Language*. 1933. Vol. 9. P. 12–34.
- Pétrequin et al. 2003 – *Pétrequin P., Abrogast A.-M. Magny M., Pétrequin A.-M., Richard H., Villet A.* Premiers agriculteurs néolithiques et crises à effet-retard: Chalain et Clairvaux (Jura) du XXXIIIe au XXVIIIe siècle avant J.-C. // *Des milleux et des hommes: fragments d'histoires croisées*. Paris, 2003. P. 57–64.
- Rèdeyi 1988 – *Rèdeyi K.* Die ältesten indogermanischen Lehnwörter der uralischen Sprachen // *The Uralic languages. Description, history and foreign influences*. Leiden, 1988. S. 638–664 (Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung. Vol. 1).
- Ringe 1990 – *Ringe D. A.* Evidence for the Position of Tocharian in the Indo-European Family? // *Die Sprache*. 1990. Bd. 34 (1988–1990). S. 59–123.
- Ringe et al. 2002 – *Ringe D., Warnow T., Taylor A.* Indo-European and Computational Cladistics // *Transactions of the Philological Society*. 2002. Vol. 100, no 1. P. 59–129.
- Starostin 2000 – *Starostin S.* Comparative-historical linguistics and lexicostatistics // *Time Depth in Historical Linguistics*. Cambridge, 2000. Vol. 1. P. 223–266.
- Stöckli 2009 – *Stöckli W. E.* Chronologie und Regionalität des jüngeren Neolithikums (4300–2400 v. Chr.) im Schweizer Mittelland, in Süddeutschland und in Ostfrankreich, aufgrund der Keramik und der absoluten Datierungen, ausgehend von den Forschungen in den Feuchtbodensiedlungen der Schweiz. Basel, 2009 (Antiqua 45. Veröffentlichung der Archäologie Schweiz).
- Thevenot, Pétrequin 1984 – *Thevenot J.-P., Pétrequin P.* Les influences méridionales dans la France de l'est et du centre-est au Néolithique moyen et au Néolithique final // *Influences méridionales dans l'Est et le Centre-Est de la France au Néolithique: le rôle de Massif-Central: Actes du 8e Colloque Interrégional sur le Néolithique*. Clermont-Ferrand, 1984. P. 151–163.
- Thomas 1985 – *Thomas W.* Die Erforschung des Tocharischen (1960–1984). Stuttgart, 1985.
- Windekens 1976 – *Windekens A. J. van.* Le tocharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Louvain, 1976. Vol. 1–2.

Е. М. Данченко (Омск, Россия)

О битых горшках

Несмотря на существующие различия в понимании предмета и статуса современной археологии, разработку новых направлений исследований и расширение междисциплинарных связей, за ней в значительной мере сохраняется репутация «науки о битых горшках». Причиной тому – не только массовость керамического материала, но и непрерывный поиск все новых аспектов и методик его изучения. Вместе с тем, признавая ценность этого многопланового и информативного источника для реконструкции самых разных сфер жизни изучаемых сообществ, важно трезво оценивать потенциальные возможности его использования.

Общеизвестное представление о том, что при группировке археологических памятников необходимо опираться не на отдельные признаки, а учитывать комплекс характерных черт, не препятствует появлению т. н. керамических культур, ареалы которых исследователи вынуждены

очерчивать, в основном, по границам распространения однотипных гончарных изделий, в то время как другие, не столь специфичные категории находок могут встречаться на сопредельных или весьма отдаленных территориях, а погребальные комплексы и вовсе остаются не выявленными. При этом по нарастающей выстраивается определенная последовательность обобщений: тип керамики – тип памятников – археологическая культура – историко-культурная общность с возможными вариантами или этапами. Предполагается, что таксономические звенья этой иерархии должны соответствовать определенным уровням группировки и систематизации материала на основе сравнительно-типологического анализа. Но последний, оставаясь основным средством упорядочивания неуклонно растущего объема источников, отражает лишь внешний подход исследователя, поскольку археологи, чаще всего лишённые знания историко-культурного контекста, вынуждены опираться на выделяемые ими самими типологические характеристики, а не на представления носителей изучаемых культур о классификациях и маркерах, обозначающих социальные, культурные или этнические границы. В результате происходит искусственное конструирование типов, вариантов, этапов, выделяемых на основе весьма субъективно выбранных критериев, среди которых едва ли не ведущее место отводится керамике (Данченко 2009).

Вместе с тем, сама керамическая посуда не может служить универсальным культурно-диагностирующим признаком хотя бы в силу ограниченности хронологического диапазона ее бытования. На территории Западной Сибири, напр., она появляется с эпохи неолита, а в позднем средневековье ее производство деградирует и исчезает ввиду широкого распространения среди местного населения медных котлов, а позднее – русской гончарной посуды. Разумеется, при этом нет никаких оснований полагать, что в докерамический или пост-керамический периоды население региона было однородным в культурном отношении.

О том, что керамика – отнюдь не единственный критерий для выделения культурных общностей красноречиво говорят названия некоторых из них: древнеямная, катакомбная, срубная. Другим примером может служить выделение В. Н. Чернецовым кулайской культуры раннего железного века в Обь-Иртышье, основанием чему послужило своеобразие предметов бронзового ажурного литья, в то время как посуда кулайцев еще не была известна. Наряду с этим, ученый объединил в среднеиртышскую культуру памятники с фигурно-штамповой керамикой (Чернецов 1953: 223–224), которую в настоящее время большинство специалистов считает позднекулайской. Конечно, ситуация во многом объяснялась скудностью источниковой базы на начальном этапе изучения, однако когда она со временем значительно пополнилась, В. А. Могильников обратил внимание на несовпадение ареалов распространения керамики, бронзового культового литья и форм вооружения (Могильников 1988: 29; 1990: 163), из чего следовало, что перечисленные категории археологического материала не могут в одинаковой степени служить культурно-показательными элементами.

Хотя исследование «керамических» культур поневоле приучает считать глиняную посуду одним из наиболее ценных и информативных источников, его значение не стоит переоценивать. Этнография знает достаточно примеров того, как единство керамического стиля распространялось на различные в культурном и этническом отношении сообщества (Шнирельман 2002). Известно, что тюркизация населения Западной Сибири – единственный из процессов этнокультурного взаимодействия, результаты которого мы можем достаточно достоверно оценить благодаря исследованиям этнографов и лингвистов. Однако распространение тюркского языка и изменение этнического состава населения в ходе этногенеза сибирских татар трудно уловить в керамическом материале, который демонстрирует усиление не пришлых, а, напротив, местных традиций, свойственных аборигенам (Данченко 2011).

При всей ценности глиняной посуды как культурно-показательного маркера, она, тем не менее, не позволяет определить, какой именно статус погребенных должны были подчеркивать «разнокультурные», по археологической типологии, сосуды в одних и тех же могилах рубежа раннего железного века и средневековья, исследованных в Зауралье и Западной Сибири (Корякова и др. 1988: 126; Погодин 1993: 177; Матвеева 2007: 67; рис. 6–8).

Не меньше вопросов возникает по поводу способности керамики отражать динамику социокультурного развития. Так, посуда саргатской культуры, доминировавшей в раннем железном веке в лесостепи Зауралья и Западной Сибири и являвшейся северной периферией скифо-сибирского мира, мало меняется на протяжении тысячелетия, в то время как в таежных районах за тот же период сосуществуют или чередуются несколько керамических типов.

Вероятно, мало кому придет в голову напрямую связывать уровень социально-экономического развития древних обществ с характерными для них типами керамики, особенно с учетом того, что те же саргатские сосуды, напр., выглядят гораздо примитивнее андроновских эпохи бронзы, а в период Сибирского ханства керамическое производство и вовсе деградирует и вырождается.

Последнее обстоятельство неоднократно привлекало внимание специалистов, и на нем стоит остановиться особо. Уральские археологи, обобщив результаты многолетних исследований в Сургутском Приобье, уточнили и дополнили периодизацию памятников эпохи средневековья, разработанную в 1950-х гг. В. Н. Чернецовым. При этом остался неизменным тезис об эволюционно-трансформационном характере культурного развития региона на протяжении нескольких последовательных этапов протяженностью в два-три столетия, что соответствовало продолжительности существования конкретных керамических типов (Чернецов 1957). Другие категории инвентаря не дают узких дат и распространены на обширной территории, в т. ч. далеко за пределами Западной Сибири.

Показательно мнение одного из авторов рассматриваемой концепции – А. П. Зыкова, который считает, что, поскольку этапы выделены в основном по керамике, то позднейший из них, сайгатинский, следует вывести за рамки нижнеобской культуры, т. к. к этому времени глиняная посуда практически вышла из употребления (Зыков 2006: 39).

Не разделяя тезиса о полном единстве законов, обуславливающих природные и социокультурные процессы, полагаю уместным вопрос: если в соответствии с определенным этапом жизненного цикла дуб по осени сбрасывает листья, а лось – рога, приводит ли это к смене видовой принадлежности, несмотря на наличие других характерных признаков?

Не менее показательно мнение другого исследователя, обращавшегося к данной теме – Ю. В. Балакина. Исходя из сопоставимости трудозатрат на изготовление глиняного сосуда и его декорирование, он полагает, что процедура нанесения и «потребления» орнамента, не имевшего утилитарного значения, всецело лежит в сфере сакрального. «Удивительно, – пишет автор, – что исчезновение массового производства керамики в Западной Сибири повлекло за собой мгновенную по историческим меркам утрату ее идеологического сопровождения. Это может свидетельствовать о том, что само ритуализованное производство керамики играло первостепенную роль в генерировании связанного с ним идейного комплекса, и без этого производства комплекс терял смысл существования» (Балакин 2004: 43–45).

Убежденность автора в том, что керамическая посуда – не только материализованное воплощение элементов мировоззрения, но и их генератор, в принципе, понятна. Сложнее объяснить «мгновенную утрату» комплекса представлений, который, если напрямую связывать его с устойчивостью орнаментальных традиций, сохранялся с ново-каменного века до позднего средневековья. Здесь можно вспомнить, как в хронологически близкий период под влиянием христианизации у западносибирского населения становятся почитаемыми образы Христа, Божьей Матери, Николая Чудотворца, что, казалось бы, должно свидетельствовать о серьезных изменениях в идеологии. На деле, перечисленные персонажи были включены в традиционный пантеон аборигенов и трактовались ими на свой манер в соответствии с распространенной системой верований, подобно тому, как у некоторых групп негритянского населения Америки африканские божества стали отождествляться с католическими святыми (Косарев 1984: 181; Foster 1962: 27). Этнография знает многочисленные примеры необычайной живучести элементов традиционного мировоззрения, до сих пор распространенных среди представителей коренных народов, несмотря на влияние православия в дореволюционной России и атеистического воспитания советского периода.

Представляется, что неоднократно отмечавшаяся специалистами консервативность таежных культур Западной Сибири, проявлявшаяся в многовековой преемственности орнаментации посуды и стиля бронзового литья (Грязнов 1956: 113–114, 137; Чернецов 1957: 136–137; Косарев 1974: 144), действительно обуславливалась неким комплексом коллективных представлений, с раннего возраста неосознанно воспринимаемых подобно тому, как усваивается язык, а не вследствие приобретения производственно-технологического или какого-либо иного рационального опыта. Что касается керамики, то она, в силу ее сравнительно позднего появления, по определению не могла быть первичным фактором формирования этого комплекса и его трансляции последующим поколениям. С возникновением гончарства рождается еще одна, весьма специфичная форма выражения традиционных идей, которая в ходе превращения некогда «живых» культур в «мертвые», становится одной из наиболее массовых и доступных для археологов, обычно не избалованных разнообразием и информативностью других видов источников. Если устойчивость традиционных представлений может сопровождаться разнообразием внешних форм их выражения, в т. ч. заимствованных, то прекращение керамического производства определенно не стоит отождествлять с разрушением мировоззренческих основ культуры, которые в гораздо меньшей степени подвержены изменениям, нежели сопровождающая их атрибутика.

Примером диалектической взаимосвязи столь несовместимых, на первых взгляд, особенностей традиционных культур, как консерватизм и способность к обновлению, может служить процесс реинтерпретации, при которой происходит переосмысление традиционных значений, наделение их новым содержанием. По мнению американского культурантрополога М. Херсковица, одним из вариантов этого процесса является синкретизм (Herskovits 1964: 190), находящий многочисленные проявления в традиционных культурах народов мира. Ученый считал, что стержнем любой культуры является система ценностей, которая в той или иной степени может проявляться в самых разных сферах.

В археологии достаточно примеров временного исчезновения и последующего возрождения традиций оформления керамики. В некоторых случаях это может объясняться именно реинтерпретацией символики более ранних культур, в т. ч. – орнаментов на керамике с заброшенных поселений предшественников, стиля их культового литья. В сочетании с историческим фольклором и религиозными представлениями такой «подъемный материал» мог органично включаться в культуру независимо от того, являлись ли создатели древних артефактов реальными предками сменявшего их населения. Поэтому истоки некоторых культурных традиций, по-видимому, следует искать не только в комплексах, непосредственно предшествовавших формированию изучаемой культуры и обнаруживающих с ней генетическую преемственность (Данченко 2007: 94).

Мнение о том, что устойчивость традиций изготовления керамики отражает автохтонность населения и историческую глубину культурно-генетических процессов, достаточно давно утвердилось среди археологов и мало подвергается сомнению. Вместе с тем, даже хронологически последовательные и генетически связанные типы западносибирской посуды демонстрируют явные временные изменения, прослеживаемые на протяжении двух-трех столетий, несмотря на возможность непосредственного обучения и преемственность поколений гончаров. Но если схожие орнаментальные традиции проявляются спустя тысячелетия, то по каким лекалам, прописям, трафаретам в бесписьменном обществе должны были обучаться мастера, возрождавшие архаичные композиции многовековой давности? Думается, это становилось возможным благодаря находкам древней керамики, оставленной предыдущими группами населения.

Примером может служить распространение орнаментальных мотивов степной по происхождению андроновской культуры до южно-таежной зоны Западной Сибири и их сохранение в культуре обских угров вплоть до современности. Трудно допустить, что оно не повлекло за собой переосмысления семантики андроновских геометрических узоров таежным населением, в силу чего попытки напрямую связать этногенез хантов с андроновскими миграциями лишь на основании внешнего сходства орнаментальных композиций нельзя считать оправданными.

Процесс реинтерпретации показывает, как традиционное сочетается с непрерывной сменой форм его внешней символики, а отказ от некоторых из них создает видимость перемен при сохранении главного. При всей многофункциональности керамической посуды, ее следует рассматривать лишь как один из видов материализованного выражения традиции, о чем свидетельствует и прекращение гончарного производства в Западной Сибири в эпоху позднего средневековья.

- Балакин 2004 – *Балакин Ю. В.* О методах реконструкции традиционного мировоззрения по археологическим данным. Томск, 2004 (Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Серия «Монографии». Вып. 9).
- Грязнов 1956 – *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956 (МИА. № 48).
- Данченко 2007 – *Данченко Е. М.* К изучению процессов культурной динамики по археологическим данным // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск, 2007. С. 93–95.
- Данченко 2009 – *Данченко Е. М.* Об археологической культуре // Социогенез в Северной Азии: Мат-лы 3-й всерос. конф. (Иркутск, 29 марта–1 апреля 2009 г.). Иркутск, 2009. С. 7–12.
- Данченко 2011 – *Данченко Е. М.* К изучению процессов тюркизации в Среднем Прииртышье по данным археологии // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск, 2011. С. 123–127
- Зыков 2006 – *Зыков А. П.* Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса, 24 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск. 2006. С. 114–117.
- Корякова и др. 1988 – *Корякова Л. Н., Морозов В. М., Суханова Т. Ю.* Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 117–129 (ВАУ. Вып. 19).
- Косарев 1974 – *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
- Косарев 1984 – *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984.
- Матвеева 2007 – *Матвеева Н. П.* Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень, 2007. С. 63–75.
- Могильников 1988 – *Могильников В. А.* К этническому составу Омского Прииртышья в раннем железном веке // Археология Западной Сибири (история, краеведение и музееведение Западной Сибири): ТД. конф. Омск, 1988. С. 27–30.
- Могильников 1990 – *Могильников В. А.* К особенностям этнокультурного развития Омского Прииртышья в раннем железном веке // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: ТД. конф. Томск, 1990. С. 163–164.
- Погодин 1993 – *Погодин Л. И.* Проблема исторической судьбы саргатской культуры // Археологические культуры и исторические общности Большого Урала: ТД XII УАС. Екатеринбург. 1993. С. 175–177.
- Чернецов 1953 – *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье // *Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А.* Древняя история нижнего Приобья. М., 1953. С. 221–241 (МИА. № 35).
- Чернецов 1957 – *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // *Смирнов А. П., Мошинская В. И., Чернецов В. Н., Золотарева И. М.* Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957. С. 136–245 (МИА. № 58).
- Шнирельман 2002 – *Шнирельман В. А.* Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. Т. 5. С. 19–38;
- Foster 1962 – *Foster G.* Traditional cultures: and the impact of technological change New York. 1962.
- Herskovits 1964 – *Herskovits M. J.* Cultural Dynamics. New York. 1964.

НЕОЛИТ

М. И. Ткачёва (Минск, Беларусь)

Особенности развития восточнополесского варианта днепро-днепровской культуры (по материалам памятников Пооресья)

Регион Пооресья располагается на севере Припятского Полесья. В неолитическую эпоху бассейн р. Ореса входил в ареал распространения восточнополесского варианта днепро-днепровской культуры (далее ДДК). Расположение на некотором удалении от центра основного ареала культуры и в непосредственной близости к восточной границе неманской культуры (далее НК) (рис. 1) обусловило своеобразие неолитического материала памятников региона. На сегодняшний день в бассейне р. Ореса известно более 20 неолитических памятников, наиболее исследованными из которых являются Озерное 1 и Старые Юрковичи 1.

Озерное 1 расположено на восточном берегу оз. Вечера, в 0,7 км к СВ от дер. Озерное (Любанский р-н Минская обл.), в уроч. Дубное, которое представляет собой возвышенность среди пойменных болот озера. Поселение открыл в 1985 г. и исследовал в 1985–1988 гг. на площади 776 м² Н. Н. Кривальцевич (Кривальцэвіч 1999: 6).

Старые Юрковичи 1 расположено на правом берегу р. Ореса, в 2,5 км к СВ от дер. Старые Юрковичи (Любанский р-н Минская обл.), в уроч. Гудино, которое представляет собой останец древней речной террасы. Поселение выявил в 1980 г. и исследовал в 1985–1987 гг. на площади 688 м² также Н. Н. Кривальцевич (Кривальцэвіч 2010: 219).

Автор раскопок отмечал наличие на этих многокультурных памятниках материалов восточнополесского варианта ДДК (Кривальцэвіч 1999; и др.). Однако детальный анализ неолитической керамики не проводился. Данная статья посвящена рассмотрению керамических комплексов этих поселений, что позволит проследить особенности развития памятников Пооресья и определить их место в системе древностей неолита Восточного Полесья.

Анализ керамического материала. Изучено 2949 фрагментов керамики из Озерного 1 и 3478 фрагментов со Старых Юрковичей 1. Степень сходства керамических комплексов по элементам и мотивам орнамента в процентном отношении была определена по методике В. П. Третьякова (1984: 77). Высокий индекс сходства керамических комплексов поселений Озерное 1 и Старые Юрковичи 1 (78 % и 77 % соответственно), видимо, свидетельствует о культурной и хронологической близости памятников.

Технология

Примеси. В качестве отощителей использовалась органика (далее О), дресва (Д), песок (П) и шамот (Ш). По традиции составления формовочных масс сосудов выделяются 13 основных технологических групп: I – О; II – О+Д; III – О+П; IV – О+Д+П; V – Д+П; VI – Д; VII – П; VIII – О+Ш; IX – О+Д+Ш; X – Д+Ш+П; XI – Д+Ш; XII – П+Ш; XIII – О+Д+Ш+П. В комплексах преобладает керамика с примесью О, Д и П в разных сочетаниях.

Способ лепки. Керамику изготавливали ленточным либо жгутовым способом при помощи косо- и косо-торцового налета. Жгут чаще всего использовали при формовке днищ. При конструировании венчика иногда применяли волокнистую обвязку, которую удаляли после подсыхания сосуда.

Толщина стенок. По толщине стенок выделены следующие группы сосудов: 1) тонкостенные – 0,3–0,6 см; 2) средней толщины – 0,6–0,9 см; 3) толстостенные – 0,9–1,4 см.

Характер обработки поверхности сосудов. Преобладает керамика с хорошо обработанной, гладкой внешней поверхностью. Внутренняя поверхность в большинстве случаев также заглажена. Часть черепков имеет следы от протирания поверхности пучком травы (штриховка), либо проглаживания гребенчатым штампом (расчесы). Штриховку обычно наносили горизонтально, либо хаотично, расчесы – горизонтально, диагонально, либо перекрестно-диагонально.

Цвет основной массы фрагментов – от кремового до коричневого. В большинстве случаев керамика имеет светлую внешнюю и более темную внутреннюю поверхности.

Морфология

Макроморфология. Несмотря на обилие материала, удалось реконструировать лишь 10 сосудов (три из Озерного 1 и семь из Старых Юрковичей 1). Графически реконструированы сосуды: высокий, с выделенной шейкой, отогнутым венчиком и подострым дном; с выделенной шейкой, отогнутым венчиком и ребром; со сведенным внутрь венчиком, высокой конической нижней частью и, возможно, ребром при переходе от нижней к верхней части; низкий, со сведенными внутрь стенками и острым дном; три низких, с отогнутыми наружу венчиками и профилированными стенками, сведенными вверху, образуя выпуклое брюшко; еще три сосуда – высокие, плавно сужающиеся книзу.

Микроморфология. По конфигурации профилей венчиков и шеек выделено семь основных групп: А – прямые, сведенные внутрь; Б – прямые высокие; В – слегка отогнутые наружу; Г – с отогнутым наружу краем; Д – с круто отогнутым наружу краем; Е – с валиком по краю воротничка; Ж – выгнутые, с утолщенным загнутым внутрь краем; З – с воротничком; И – отогнутые наружу с наплывом; К – отогнутые наружу с утолщением.

По форме края венчика выделены девять групп: с прямым краем; с закругленным краем; утолщенные; заостренные; скошенные наружу; скошенные внутрь; с карнизиком наружу; с карнизиком внутрь; с карнизиками с двух сторон.

Донца, в зависимости от осевого сечения, делятся на шесть типов: 1 – острые (угол $\leq 90^\circ$); 2 – подострые (угол $>90^\circ$, но $< 120^\circ$); 3 – подострые (угол $\leq 120^\circ$); 4 – острые с «шишечкой» («шипом»); 5 – округлые; 6 – плоские. Наиболее характерны для памятников Пооресья первые два типа, остальные представлены единичными находками.

Орнаментация. Орнаментированные фрагменты в комплексах преобладают над неорнаментированными (57 % и 43 % соответственно). Самым распространенным элементом орнамента является «гребенка» (58 %). Далее идут «наколы» (14 %), «копытца» (9 %), «ямки» (8 %), «насечки» (7 %), «линия» (3 %), «размочаленная палочка» (2 %), «гусеница» (2 %), «зубчатый» (2 %), «лапчатый» (2 %) и др. Преобладают фрагменты, орнаментированные одним элементом, реже встречаются сочетания двух и более элементов.

Элементы организуются в следующие мотивы: горизонтальная линия (76 %), вертикальный зигзаг (14 %), диагональная линия (17 %), горизонтальная «елочка» (9 %), вертикальная линия (6 %), косая решетка (3 %), скопление (участок беспорядочно расположенных элементов) (2 %), крест (2 %), ромб (0,6 %), горизонтальный зигзаг (0,6 %), прямая решетка (1 %). Очерченный треугольник и ромб встречены лишь один раз. Главной особенностью керамики памятников Пооресья является наличие ряда ямок под срезом венчика.

Для керамики в большей мере характерны композиции, состоящие из повторяющихся мотивов. Например, горизонтальные ряды из горизонтальных, вертикальных, диагональных линий; горизонтальный зигзаг в несколько рядов; ромбы в шахматном порядке.

Из-за небольшого числа полностью реконструированных сосудов точно восстановить орнаментальные композиции невозможно. Сплошная орнаментация сосудов для памятников бассейна р. Ореса не характерна. Скорее всего, орнамент располагался зонально, с разным количеством орнаментальных зон, перемежающимися неорнаментированными участками. Часть венчиков декорирована по краю. В редких случаях орнамент наносился и на внутреннюю поверхность венчиков и стенок.

Культурно-хронологическая идентификация материала. Анализ керамики показал сходство керамики Пооресья с материалами нижней Припяти (памятники типа Литвин) (Исаенко 1967; 1976), Нижней Березины (Толстыки 1, Красновка 5, Василевичи 3) и Могилевско-Рогачевского Поднепровья (Сосонка 1 и др.) (Язэпенка 1994; 2003). Это позволяет с уверенностью говорить о принадлежности керамики рассматриваемых памятников к древностям восточнополесского

варианта ДДК. В результате исследования было выделено два типа керамики, которые можно соотносить с третьим и четвертым этапом восточнополесского варианта ДДК (рис. 2).

Первый тип, наиболее многочисленный, представлен сосудами с большим количеством органических либо органических и минеральных примесей (Д, иногда П). Поверхность таких горшков заглажена с обеих сторон, либо имеет штриховку и расчесы. Венчики относятся к группам А–Г. Преобладающие элементы орнамента – «гребенка» и «наколы». Орнамент наносился зонально. Часто украшался край и внутренняя сторона венчика. Средняя толщина стенок составляет 0,7–0,9 см. К данному типу относятся семь реконструированных горшков со Старых Юркович 1 (рис. 2).

Аналогичная керамика, выявленная В. Ф. Исаенко на поселении Юровичи 4, относится к третьему этапу ДДК и датируется ранним этапом позднего неолита – 2500–2300 – 2100–2000 гг. до н. э. (некалиброванная хронология – Исаенко 1976: 115) или 5290–4330 BP, 4002–2660 Cal BC (Язэпенка 2011: 107).

Ко второму типу относится керамика с минеральными (Д, П, Ш) и, реже, органическими примесями. Поверхность сосудов хорошо заглажена, иногда на внутренней стороне прослеживается штриховка. Венчики относятся к группам Д–К. К данному типу отнесены два плоских донца, а также два реконструированных горшка с поселения Озерное 1 (рис. 2). Первый горшок – высокий, с выделенной шейкой, отогнутым венчиком и подострым дном, идентичен выделенному В. Ф. Исаенко девятому типу сосудов восточнополесского варианта ДДК (Исаенко 1972: 64). Второй горшок – с выделенной шейкой, отогнутым венчиком и ребром, представляет переходный тип, являвшийся результатом сосуществования местного неолитического населения с пришлым среднеднепровским (Кривальцевич 1999: 34). Керамика орнаментирована «гребенкой», «наколами», а также «лапчатым», «гусеничным», «веревочным», «узелковым» орнаментами. Край венчика часто декорировался разнообразными «наколами» (иногда в два ряда), «размочаленной палочкой», «ногтевыми вдавлениями» (рис. 2). Толщина стенок составляет 0,4–0,9 см.

Этот тип керамики соответствует поздненеолитическим сосудам на памятниках Гнездинка и Юровичи 5, относится к четвертому этапу восточнополесского варианта ДДК и датируется вторым этапом позднего неолита – 2100–2000 – 1800–1700 гг. до н. э. (некалиброванная хронология – Исаенко 1976: 94–115) или 4270–3900 BP, 3260–1970 Cal BC (Язэпенка 2011: 107).

Первый тип керамики преобладает на поселении Старые Юрковичи 1, второй – на поселении Озерное 1, что свидетельствует о более раннем возрасте первого памятника.

Культурные компоненты. В керамическом комплексе восточнополесского варианта ДДК памятников Пооресья хорошо прослеживаются черты и других археологических культур неолит–раннего бронзового века. Н. Н. Кривальцевич обращал внимание на присутствие в неолитическом материале Озерного 1 черт, характерных для НК (Кривальцевич 1999: 24). Проведенное исследование позволило расширить их перечень. Под непосредственным воздействием НК могли появиться такие особенности керамики, как закатывание под край венчика веревочки для придания ему прочности; утолщенные, отогнутые наружу со сведенным внутрь краем венчики; преобладание в орнаментации керамики «копытцев» над «наколами». Наличие элементов НК на керамике поселения Озерное 1 свидетельствует о существовании контактов между представителями различных культур (Там же).

В коллекции выявлены единичные фрагменты керамики, орнаментированные прямоугольными «наколами» («линейным штампом»), объединенными в вертикальный зигзаг или горизонтальные ряды. Такой орнамент характерен для культуры шаровидных амфор (далее КША). Скорее всего, элементы КША появились на памятниках Пооресья посредством заимствования у НК (Там же: 22). На Озерном 1 найден фрагмент керамики, совмещающий черты, характерные и для НК, и для КША (венчик с закатанной веревочкой орнаментирован линейным штампом, образующим вертикальный зигзаг), что является дополнительным аргументом в пользу заимствований.

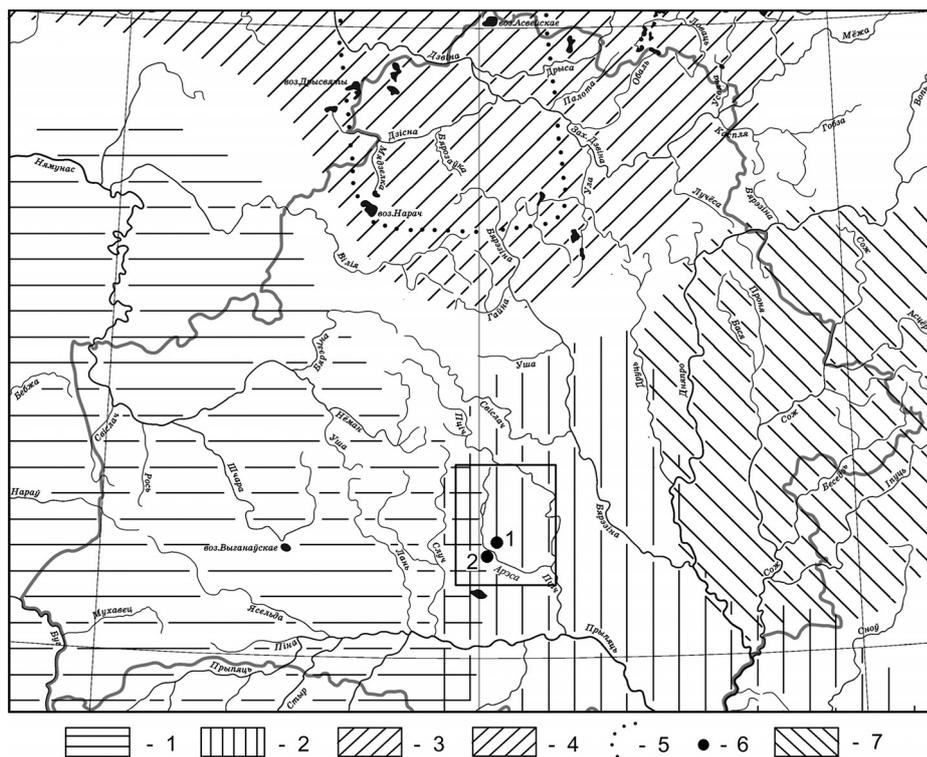

Рис. 1. Неолитические культуры на территории Беларуси во второй половине III тыс. до н. э. (по Чарняўскі 2001): 1 – НК; 2 – ДДК; 3 – верхнеднепровская культура; 4 – усвятская культура (ранее М. М. Чернявским считалась поздненарвской); 5 – культура гребенчато-ямочной керамики; 6 – поселения Озерное 1 (1) и Старые Юрковичи 1 (2); 7 – регион Пооресья

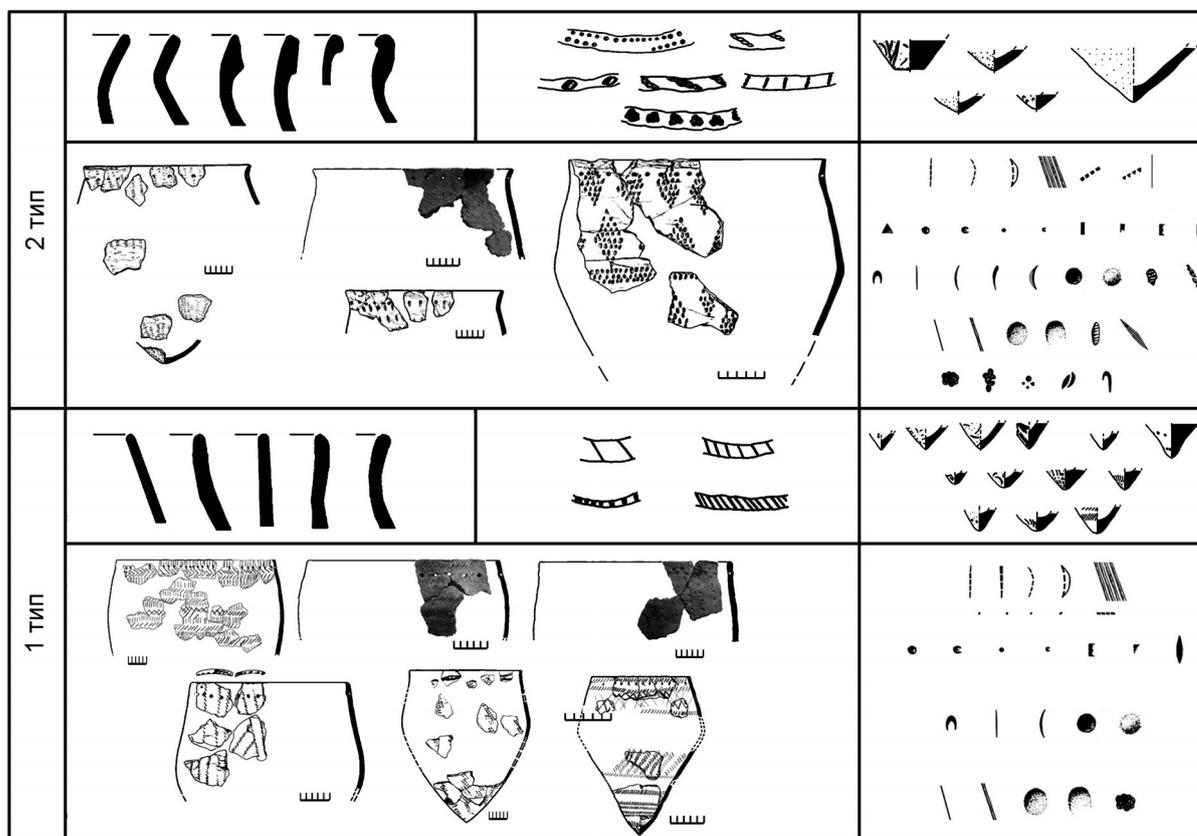

Рис. 2. Типы керамики памятников Пооресья

В керамике второго типа с поселений Озерное 1 и Старые Юрковичи 1 прослеживаются влияния среднеднепровской культуры (далее СрдК): примесь шамота в тесте, сильно выделенные шейки, хорошо заглаженная внешняя и внутренняя поверхности сосудов. Переходные формы горшков, выделенные Н. Н. Кривальцевичем на памятнике Озерное 1, также являются доказательством существования контактов между местным населением и пришлым среднеднепровским (Кривальцевич 1999: 27).

Таким образом, в результате анализа технологии, морфологии и орнамента керамики поселений Озерное 1 и Старые Юрковичи 1: 1) выделены ведущие типы керамики, бытовавшие на памятниках Пооресья в неолите; 2) подтверждена принадлежность изученных керамических комплексов к древностям восточнополесского варианта ДДК, в частности, к ее третьему и четвертому этапам; 3) прослежено присутствие в керамическом комплексе черт, характерных для НК, СрдК и КША. Однако определение характера взаимодействия древних групп населения остается задачей будущих исследований.

Исаенко 1967 – *Исаенко В. Ф.* Неолитические памятники типа Литвин на нижней Припяти // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 48–138.

Исаенко 1972 – *Исаенко В. Ф.* Неолитическая керамика Полесья // Беларускія старажытнасці. Матэрыялы канферэнцыі па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый. Мінск, 1972, С. 45–79.

Исаенко 1976 – *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.

Кривальцевич 1999 – *Кривальцевич М. М.* Азярное 1 – паселішча эпохі бронзы на поўначы Палесся. Мінск, 1999.

Кривальцевич 2010 – *Кривальцевич М. М.* Старыя Юрковічы 1 – культурна-храналагічны аспект «шнуравага» комплексу // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. 2010. Вып. 18. С. 219–242.

Третьяков 1984 – *Третьяков В. П.* Энеолитические памятники в бассейне реки Вятка и гаринско-борской культур // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984, С. 64–85.

Чарняўскі 2001 – *Чарняўскі М. М.* Неаліт з грабеньчата-накольчатой і накольчатой керамікай Заходняй Беларусі: Асаблівасці эвалюцыі // *Od neolityzacji do początków epoki brązu: Przemiany kulturowe w międzyzeczcu Odry i Dniepru między VI i II tys. Poznań, 2001. S. 231–240.*

Язэпенка 1994 – *Язэпенка І. М.* Да пытання аб інтэрпрэтацыі матэрыялаў неалітычных паселішчаў Беларускага Падняпроўя // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1994. Вып. 3. С. 10–26.

Язэпенка 2003 – *Язэпенка І. М.* Позні неаліт і ранні перыяд бронзавага веку Цэнтральна-Усходняй Беларусі: Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2003.

Язэпенка 2011 – *Язэпенка І. М.* Храналогія і перыядызацыя днепра-данецкай культуры з Падняпроўя Беларусі // *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu. Białystok, 2011. P. 103–108.*

П. М. Кольцов (Элиста, Россия)

Неолитические культуры северокаспийского региона

Каспийская область с точки зрения географического районирования подразделяется на южнокаспийскую и северокаспийскую части. Южнокаспийская область или южнокаспийский культурный ареал (по Х. А. Амирханову) занимает территории, примыкающие к Каспийскому морю с юго-запада и юго-востока. С эпохи мезолита здесь происходил процесс становления новой экономики, связанный с domestikацией диких растений и животных. В северокаспийской области, куда вошли степи Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия, процесс неолитизации происходил на базе интенсификации и специализации присваивающих форм хозяйства. Это привело к формированию культурно-хозяйственного типа охотников, рыболовов и собирателей. В дальнейшем и в этой области утвердился передовой опыт южных очагов, а в Северном Прикаспии сложилась своеобразная культурно-историческая общность культур с накольчато-прочерченной керамикой и микролитической индустрией.

Постепенно процесс освоения новых производств и взаимного обогащения рациональными знаниями охватил не только южные степи, но и лесостепные территории, проникая вглубь Восточной Европы.

Первые памятники неолитического времени на территории северокаспийской области были открыты более восьмидесяти лет назад. Они представляли собой развешенные стоянки и с точки зрения исторической интерпретации являлись малоинформативными. К настоящему времени усилиями нескольких поколений археологов резко увеличилась количественная и качественная сторона источниковедческой базы неолитической эпохи рассматриваемого региона. Это позволило исследователям объединить неолитические памятники северокаспийской области в различные культуры со своими характерными признаками и территориальными границами. Для Северного Прикаспия, куда входит территория Волго-Уральского междуречья, были выделены сероглазовская культура (Мелентьев 1977; Козин 2002), каиршакско-гентексорская культура (Васильев, Выборнов, 1988), каиршакская и гентексорская культуры (Кольцов 2005). В Северо-Восточной (зауральской) части Прикаспия представлены памятники тюлузкой культуры (Мелентьев 1972). В пределах Волго-Донского и Волго-Уральского междуречий выделена орловская культура (Юдин 2004: 138–140). В Северо-Западном Прикаспии обосновано существование джангарской неолитической культуры (Кольцов 1990; 2004). Помимо указанных выше культурных образований, были т. н. культуры-однодневки. В начале 1980-х гг. И. Б. Васильев и А. А. Выборнов выделяли джангарско-гентексорскую культуру, которая позднее была заменена этими же исследователями на джангарско-варфоломеевскую культуру (Васильев, Выборнов 1988), не признанную другими исследователями южного неолита России (Кольцов 1990; 2004; Юдин 2008; и др.).

Помимо культур в научный оборот были введены и другие, более широкие понятия – культурные области или общности и провинции. В определении этих понятий также нет единого мнения. При составлении схемы культурно-исторического развития древнего населения северокаспийской области наметилось две тенденции. Одна из них рассматривает мезо-неолитические памятники Северного Прикаспия в рамках нижневолжской культурно-исторической общности (Васильев, Выборнов 1988; Юдин 2003), другая объединяет их в северокаспийский культурный ареал (Амирханов 1990) или североприкаспийскую культурно-историческую общность (Кольцов 1990; 2004; 2005).

Широкий разброс мнений относительно культурно-хронологической ситуации памятников исследуемого региона указывает, прежде всего, на отсутствие четких методических критериев выделения северокаспийского мезолита и неолита в тот или иной таксономический ранг (Амирханов 1999). Для понимания специфики неолита как этапа в системе археологической периодизации рассмотрим две точки зрения. Как известно, Г. Чайлд начало неолитической эпохи связывает с переходом первобытного общества к производящему хозяйству в виде примитивного земледелия и скотоводства. Это эпохальное событие, которое определило развитие человеческого общества на многие тысячелетия вперед, он назвал «неолитической революцией» (Чайлд 1949: 33). Между тем, появление производящего хозяйства входит в содержание неолита как экономический базис, но не раскрывает его как археологическую эпоху. Эти вопросы были рассмотрены еще в 1865 г. Дж. Леббоком. Основными признаками данной исторической эпохи исследователь считал изготовление глиняной посуды, а также введение новых технических приемов в обработке каменных орудий труда (шлифования, пиления и сверления). С тех пор близкое понимание «неолита» прочно вошло в научный оборот, в т. ч. и российской археологии (Коробова, Массон 1978: 103; Гурина 1978: 6; Ошибкина 1996: 6). Некоторую ревизию этих взглядов провел Г. Д. Кларк. Исследуя мезолитические материалы Северной Европы, он пришел к выводу о том, что способы обработки камня, включая шлифование, сверление и пиление были освоены человеком еще в мезолите. Следовательно, по мнению исследователя, только появление керамической посуды остается основным аргументом, свидетельствующем о начале «неолита».

Однако и этот тезис имеет свои слабые стороны. Известно, что человечество в разных районах земного шара осваивало эти достижения не одновременно. На юге восточной Европы керамику стали изготавливать в VII–VI тыс. до н. э., в то время как производство глиняной посуды в Японии было зафиксировано на начальной стадии культуры Дземон ок. 11000 л. до н. э. (Aitkens, Higuchi 1982). В бассейне нижнего течения Амура керамический центр имеет радиоуглеродные даты порядка 14500–12400 л. н. (Derevyanko, Medvedev 1995; Kuzmin, Orlova 2000). Близкие даты показывают керамические комплексы в Забайкалье (Хлобыстин 1996; Kuzmin, Orlova 2000). Естественно, что открытия подобного рода ставят перед учеными все новые вопросы. Ответы на них носят гипотетический характер. А широкое распространение глиняной посуды, текстиля, наличие отличительных признаков каменных и костяных орудий труда до сих пор остаются одним из основных критериев появления неолитической эпохи на территории Старого Света.

Таким образом, мы привели два определения неолита, которые содержат информацию экономического и технологического характера. Они представляют разные уровни исследования и не должны противопоставляться, поскольку, дополняя друг друга, составляют основное содержание эпохи.

В неолите изменяется вся сфера экономики и образ жизни – переход к земледелию привел к оседлости и увеличению численности населения. Однако наступление аридизации вызвало широкие миграционные процессы. В поисках благоприятной среды обитания первобытные племена продвигались на значительные расстояния, где неизбежно вступали в тесное соприкосновение с местным населением. Причем контакты могли носить как враждебный, так и мирный характер и, в конечном счете, завершились ассимиляцией неолитических племен. Вначале они объединяются в небольшие группы, а затем постепенно консолидируются в крупные культурно-исторические общности, на базе которых возникли этнические субстраты многих современных народов.

В основе перехода к неолиту в степных и полупустынных регионах Северного Прикаспия, как и на всей территории степной зоны Евразии, лежали социально-экономические причины. Степень изученности степного неолита не позволяет быть категоричным в отношении способов хозяйствования местных племен. Некоторые исследователи отмечают следы примитивного скотоводства в Азово-Черноморском регионе и Прикаспии (Джангар, Варфоломеевка и др.), но фрагментарность этих сведений явно не в пользу устойчивости производящего хозяйства. По-видимому, вплоть до позднего неолита, здесь доминировала присваивающая модель экономики. Отсутствие в рассматриваемом регионе производящей экономики затрудняет выделение неолита и синхронизацию северных и южных неолитических комплексов по единому социально-экономическому показателю.

В данной ситуации нужно обратить внимание на типологию и вторичную обработку каменных изделий, а также на исходное сырье, из которого они изготовлены. Подобный подход к выделению критериев археологических эпох (мезолита и неолита) во многом оправдал себя. При этом позволю сослаться на собственный опыт при анализе кремневой индустрии неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия (Кольцов 1992).

Решая вопросы культурно-исторического плана, следует определить свое отношение к критериям группирования памятников по степени сходства в археологические культуры. Понятие «археологическая культура» отражает сложное многоуровневое явление. Один уровень – классификационный, когда археологическая культура выделяется и определяется по результатам систематизации материала; другой уровень – признание археологической культуры отражением определенной исторической общности (Кудрявцев 1985: 88).

При выделении конкретных культур приходится решать целый ряд дискуссионных моментов. Прежде всего, это проявляется в различном понимании самого термина «культура». Так, напр., к одной культуре могут относиться разнокультурные материалы, объединенные лишь совместным залеганием в одном культурном слое (Брюсов 1952: 20; Фосс 1952: 6). На основе такого понимания культуры стали возникать крупные культурные образования типа днепро-донецкой, волго-камской, верхневолжской культур. Подобные объединения сочетают признаки нескольких культур и больше соответствуют понятию «культурно-историческая область или общность», нежели «культура».

По мнению некоторых исследователей, археологические культуры каменного века, включающие группы памятников с близким материалом, выделенные на основе систематизации морфологических признаков, а также технологии первичной и вторичной обработки кремневых изделий, должны иметь культуруопределяющие признаки, определенную территорию распространения и хронологические рамки. Также предполагается существование нескольких памятников на ограниченной территории в течение значительного временного диапазона их синхронного функционирования (Амирханов 1987: 183). Можно привести еще целый ряд определений понятия археологической культуры, но они не снимают проблемы выявления критерия степени единства памятников, объединяемых в указанные выше понятия. Рассмотрим только полярные из них. В одном случае об археологической культуре говорят лишь тогда, «когда выделяется целый регион с четко очерченными границами, охватывающий группу стоянок с инвентарем сходного облика» (Формозов 1977: 29). В другом – допускается выделение археологической культуры даже при наличии одного раскопанного памятника со своеобразным материалом, т. е. в данном случае допускается научное прогнозирование (Синюк 1986: 11).

В своих работах мы придерживаемся традиционного подхода к выделению археологических культур эпохи неолита, которые предполагают единство археологических памятников (общность технолого-типологического облика каменной индустрии, керамики, хозяйственно-бытового уклада, погребального обряда, приемов домостроительства и т. д.), ограниченных во времени и пространстве (определенная общность территории) и обладающих культуруопределяющими признаками (Кольцов 2004; 2005). Перечисленным выше критериям соответствуют джангарская неолитическая культура (Кольцов 1990; 2004), орловская (Юдин 2004), каришакская и тентексорская (Кольцов 2005). За такими археологическими культурами стоят конкретные общности людей.

Здесь мы подошли к вопросу о выделении таких понятий, как культурные области или общности и провинции. В определении и этих понятий нет единого мнения. Например, А. А. Формозов под культурными областями понимает широкое объединение родственных в этническом отношении племен, среди которых могли выделяться отдельные языки (Формозов 1959: 25).

Для Н. Я. Мерперта культурно-историческая область или общность (для исследователя это равнозначные понятия) являются результатом длительного взаимодействия различных культур и различных племенных групп, которые на определенном этапе объединяются в сложные образования. Причем большую роль в указанном процессе отводится единой генетической подоснове (Мерперт 1974: 12–13).

Сопоставляя все сказанное о крупных археологических объединениях, можно отметить, что исследователи вкладывают в одну и ту же терминологию разный смысл. Определенную ясность в данном вопросе внес А. Д. Пряхин, подойдя к вопросу выделения крупных археологических объединений дифференцированно. Под культурными общностями он подразумевает объединения родственных этносов, а под культурными областями – объединения, не предполагавшие обязательного этнического родства внутри образующей группы (Пряхин 1982). Подобное решение вопроса уже нашло своих сторонников (Кольцов 1990; 2005; Юдин 2004) и является, на наш взгляд, наиболее приемлемым.

Приведенный выше анализ группирования «археологических культур» в рамках образований более высокого порядка позволяет вновь вернуться к неолитическим памятникам северокаспийского региона. Напомним, что они включены самарскими археологами в нижневолжскую культурную область. Интересно, что в начале исследователи пишут о «своеобразии неолитических культур Северного Прикаспия, имеющих ряд общих черт более высокого порядка, нежели культура», затем вопреки сказанному, предлагают объединить их в рамках нижневолжской культурной области. При этом они пишут о больших познавательных возможностях североприкаспийских неолитических культур в рамках нижневолжского региона, нежели в границах североприкаспийской области (Васильев, Выборнов 1988: 50–51).

Подобное «волевое» решение научного вопроса привело только к путанице. Во-первых, объединение неолитических культур северокаспийского региона в рамках нижневолжской культурной области входит в противоречие с географическими (территориальными) границами распространения памятников, во-вторых, они противоречат уже известному мнению о северокаспийском регионе как «специфическом очаге культуры» (Амирханов 1990), создатели которого сами играли активную роль в межкультурных контактах на территории южнорусских степей.

Дополнительным аргументом в пользу объединения северокаспийских неолитических культур в единую культурно-историческую область или общность является общая генетическая подоснова памятников и сходство путей их развития. Последнее утверждение основывается на трех более или менее устанавливаемых измерениях: археолого-культурного (состоит из специфики приемов вторичной обработки и морфологии каменного инвентаря), хронологического и территориального. Наряду с перечисленными выше общепринятыми признаками, прикаспийский неолит имеет еще одну специфику. Прежде всего, это выражается в характере большинства неолитических памятников – развеянные стоянки. По степени сохранности культурного слоя они могут быть условно разделены на типы как по природно-климатическим зонам: степная, полупустынная и пустынная, так и внутри этих зон. В научной литературе известен опыт обобщения археологического материала с развеянных стоянок, открытых в пустынях и полупустынях (Формозов 1959: 85–87; Виноградов 1968: 15–24; Васильев, Выборнов 1988; Кольцов 1988; 2004; 2005).

Амирханов 1987 – *Амирханов Х. А.* Чохское поселение (человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана). М., 1987.

Амирханов 1990 – *Амирханов Х. А.* Северокаспийский регион – специфический очаг мезо-неолитических культур // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990. С. 12–13.

Амирханов 1999 – *Амирханов Х. А.* К проблеме истоков мезолита Северного Прикаспия // Кавказ и степной мир в древности и средние века: Мат-лы междунар. науч. конф. Махачкала, 1999. С. 7–10.

Брюсов 1952 – *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Васильев, Выборнов 1988 – *Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Неолит Поволжья. Степь и лесостепь: Учебное пособие. Куйбышев, 1988.

Виноградов 1968 – *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.

Гурина 1978 – *Гурина Н. Н.* О датировке неолита // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 3–7.

Козин 2002 – *Козин Е. В.* Неолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002.

Кольцов 1988 – *Кольцов П. М.* Неолит Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

Кольцов 1990 – *Кольцов П. М.* О культурной принадлежности неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. С. 62–71.

Кольцов 1992 – *Кольцов П. М.* Классификация каменных изделий неолитического времени Северо-Западного Прикаспия // Исследования по археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1992. С. 5–22.

Кольцов 2004 – *Кольцов П. М.* Поселение Джангар: Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М., 2004.

Кольцов 2005 – *Кольцов П. М.* Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005.

Коробкова, Массон 1978 – *Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 103–108.

Кудрявцев 1985 – *Кудрявцев О. М.* К вопросу об определении понятия «археологическая культура» в современной советской археологии // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 84–91.

Мелентьев 1972 – *Мелентьев А. Н.* Разведка памятников древности в Западном Казахстане // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 114.

Мелентьев 1977 – *Мелентьев А. Н.* Мезолит Северного Прикаспия // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 100–108.

Мерперт 1974 – *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Ошибкина 1996 – *Ошибкина С. В.* Понятие неолит // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 6–9 (Археология).

- Пряхин 1982 – *Пряхин А. Д.* Поселение катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
- Синюк 1986 – *Синюк А. Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
- Хлобыстин 1996 – *Хлобыстин Л. П.* Восточная Сибирь и Дальний Восток // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 270–329 (Археология).
- Формозов 1959 – *Формозов А. А.* Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях // КСИА. 1959. Вып. 75. С. 85–89.
- Формозов 1977 – *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.
- Фосс 1952 – *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М., 1952 (МИА. № 29).
- Чайлд 1949 – *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949.
- Юдин 2003 – *Юдин А. А.* Нижневолжская культурная область эпохи неолита: проблемы формирования, контактов и эволюции // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ: ТД. М., 2003. С. 33–36.
- Юдин 2004 – *Юдин А. А.* Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.
- Юдин 2008 – *Юдин А. А.* Нижневолжская неолитическая культурно-историческая общность // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 362–373.
- Aitkens, Higuchi 1982 – *Aitkens C. M., Higuchi T.* Prehistory of Japan. New York, 1982.
- Derevyanko, Medvedev 1995 – *Derevyanko A. P., Medvedev V. E.* The Amur River basin as one of the earliest centres of ceramics in the Far East // The Origins of Ceramics in East Asia and the Far East. Tohoku, 1995. P. 13–25.
- Kuzmin, Orlova 2000 – *Kuzmin Y. V., Orlova L. A.* The Neolithisation of Siberia and Russian Far East // Antiquity. 2000. No 74. P. 356–364.

В. С. Мосин (Челябинск, Россия)

Неолит Урала по радиоуглеродной хронологии³

К настоящему времени для неолитического периода на Урале имеется ок. 300 радиоуглеродных дат, полученных большей частью по органическим включениям в тесто керамики, а также по углю и кости. Это позволяет с определенной степенью достоверности реконструировать процесс неолитизации региона. Необходимо отметить, что на современном уровне знаний возможны два сценария появления керамического производства на Урале в соответствии с «длинной» и «короткой» хронологиями.

Древнейшей керамической традицией этого региона является елшанская традиция Волго-Уралья. Этот комплекс формировался не единовременно и состоит из нескольких компонентов. Изначально изготавливали тонкостенные небольшие сосуды, верхние части которых имеют прямую или плавную S-овидную профилировку, тогда как дно – приостренную, шиповидную, изредка округлую форму. Внешняя поверхность сосудов неорнаментирована или украшена прочерченными линиями или отдельными наколами. Эта посуда вылеплена из илестых глин с добавлением органического раствора. Такая керамика на Ивановской стоянке датируется 7930 ± 90 л. н. Чуть позднее (ок. $7780-7680 \pm 90$ л. н.) появляется посуда, по морфологии и орнаментации идентичная первому компоненту, но для ее изготовленная к илестой глине добавляли шамот. Третьим компонентом является прямостенная профилированная неорнаментированная посуда или посуда с прочерченным орнаментом, сформованная из илестой глины без шамота. Для этой керамики характерно наличие орнамента: ряд ямок-жемчужин под венчиком. Такая посуда представлена на стоянках Чекалино IV и Старо-Елшанская и датируется 7250 ± 60 л. н. Формирование комплекса елшанской посуды, возможно, связано с Восточным Прикаспием и Приаральем и отражает юго-восточное направление связей рассматриваемого региона.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Экосоциальная адаптация и материальная культура в каменном веке Урала» № 11-06-12010-офи-м-2011.

На следующем этапе появляются плоскодонная керамика, изготовленная в соответствии с елшанскими технологическими и орнаментальными традициями, а также посуда с ямочно-жемчужным пояском, сделанная из пелогенового ила, и плоскодонная посуда с накольчатым орнаментом, выполненные по елшанской технологии. Этот компонент на стоянке Ивановская датируется 7060 ± 100 л. н. и является результатом миграции части населения из Нижнего Поволжья, что подтверждает также зафиксированный в Волго-Уралье характерный комплекс изделий из камня. Направление связей меняется с юго-восточного на юго-западное. Таким образом, к рубежу 7000–6900 л. н. в Волго-Уралье сосуществуют четыре традиции изготовления керамической посуды, основанные на применении трех технологических принципов: елшанская из илистых глин; елшанская с примесью шамота; плоскодонная с накольчатым орнаментом, изготовленная из илов; плоскодонная и остродонная с прочерченным орнаментом (Выборнов 2008; Васильева 2011а).

Это сценарий «длинной хронологии», основанный на использовании всех имеющихся радиоуглеродных дат. Однако, не все исследователи доверяют ранним датам стоянки Ивановская, поскольку они противоречат существующим датировкам раннего неолита Европы. Более приемлем сценарий «короткой хронологии», по которому для тех же событий исходной является дата 7250 ± 60 л. н. (стоянка Чекалино IV).

Во временном промежутке 7150–6900 л. н. керамическое производство появляется в Зауралье. Кошкинская традиция изготовления посуды включает закрытые и прямостенные открытые сосуды, с наплывом на внутренней стороне венчика, иногда с небольшим воротничком снаружи, и с приостренными, округлыми, в меньшей степени, плоскими днищами. В технике орнаментации главными приемами являются отступающие наколы и прочерчивание. Сосуды орнаментированы, в основном, в верхней части, а при сплошной орнаментации имеют разреженные узоры, расположенные в горизонтальных или вертикальных зонах. Часть сосудов неорнаментирована или украшена пояском из волнистых или прямых горизонтальных линий по верхнему краю. В технологии кошкинского гончарства зафиксирована разнородность традиций (Ковалёва, Зырянова 2008) – сосуды изготовлены из илистой глины с добавлением органического раствора, либо с примесью шамота.

Козловская (кокшаровско-юрьинская) традиция керамического производства представлена открытыми сосудами (крупные экземпляры имеют слегка закрытую форму) без выраженной шейки, с наплывом на внутренней стороне венчика и с округлыми, приостренными, реже уплощенными днищами. Техника орнаментации сочетает несколько приемов: преимущественно, это отступающие наколы, выполненные инструментом с округло-приостренным концом или двузубым штампом. Около 15 % посуды орнаментировано сочетанием отступающего накола и оттисков гребенчатого штампа, редко – «шагающей гребенкой». Орнамент покрывал всю поверхность сосудов, горизонтальные зоны, в основном, разделены поясками более крупных наколов или оттисками гребенчатого штампа (Шорин 2007: 30–42). В технологии изготовления посуды наблюдается однородность в отборе сырья – илистые глины с добавлением органического раствора (Васильева 2011б).

Обе традиции (кошкинская и козловская) сосуществуют, встречаясь совместно в культурных слоях памятников, напр., на стоянке Варга 2 и в основании Кокшаровского холма (Жилин и др. 2007; Шорин, Шорина 2011), а также имеют общую технологическую основу – использование илистых глин с органическим раствором. Отмеченные И. Н. Васильевой некоторые различия в использовании сырья, содержащего тальк, в кошкинской и козловской (кокшаровско-юрьинской) посуде объясняются тем, что обе традиции формировались как в предгорных районах Зауралья, где распространены тальковые глины, так и в лесостепной части Притоболья, где тальковые породы (хлориты) отсутствуют. Необходимо отметить, что в Зауралье также возможна «длинная хронология» – имеются четыре радиоуглеродные даты с Кокшаровского холма: 7440 ± 200 л. н. (Le-7882), 7450 ± 450 л. н. (Le-7884), 7560 ± 200 л. н. (Le-7880), 7610 ± 80 л. н. (Ki-16386), которые выпадают из общей системы датировок и вызывают большие сомнения у специалистов.

Структура керамических комплексов, включающих сочетание остродонных и плоскодонных форм, использование в технологии илестых глин с органическим раствором и илестых глин с примесью шамота, присутствие неорнаментированных сосудов, орнаментация прочерчиванием, отступающими наколами, ямочными наколами, позволяет предполагать заимствование технологии изготовления керамической посуды зауральским населением у западных соседей Волго-Уралья за счет установления широтных связей, а также дальнейшую реализацию этих технологий на базе местных орнаментальных традиций. Вполне вероятным представляется влияние на этот процесс и связей с населением Арало-Каспия, контакты с которым в Зауралье фиксируются еще с мезолита. Однако полная неизученность территории Актюбинской обл. Казахстана пока не позволяет рассматривать это направление контактов.

Следующим событием в неолите Предуралья является установление северных связей Волго-Уральского населения. В период от 6620 ± 90 л. н. и 6570 ± 170 л. н. на II Щербетской стоянке и стоянке Лесное-Никольское III (Выборнов 2008) до 6310 ± 90 л. н. на стоянке Чашкинское озеро VIII этот процесс отразился в появлении плоскодонных сосудов баночной формы с прямой или слегка отогнутой шейкой (Лычагина 2011: 28–33). На II Щербетской стоянке из 860 фрагментов ок. 700 лишены орнамента, кроме венчиков, украшенных ямочно-жемчужным пояском. На стоянке Чашкинское озеро VIII стенки сосудов практически не орнаментированы, лишь на нескольких фрагментах обнаружены оттиски овальной отступающей палочки. Еще на одном фрагменте, возможно, тем же инструментом нанесена прочерченная линия. Распространение традиций изготовления неорнаментированной, отступающе-накольчатой и прочерченной керамики по всем районам Прикамья в это время подтверждаются комплексами прочерчено-накольчатой посуды со стоянки Кыйлуд II в Камско-Вятском междуречье (6410 ± 80 л. н.) и стоянки Кошкинской в правобережье Вятки (6480 ± 90 л. н.). В коллекции последнего памятника представлены профилированные неорнаментированные венчики, напоминающие елшанские как по внешнему виду, так и по технологии изготовления (исходя из предварительных результатов анализа, проведенного И. Н. Васильевой) (Выборнов 2008; Гусенцова 1993).

Значительным этапом в неолите Волго-Уралья явилось возникновение традиции орнаментации керамики оттисками зубчатого штампа. По датам стоянок Муллино и Виловатовской это произошло в период 6300–6100 л. н. (Выборнов 2008). По мнению И. Н. Васильевой, посуда такого типа на Ивановской стоянке показывает определенную технологическую преемственность с посудой предыдущего периода, поскольку сосуды изготовлены из илестых глин, присутствует ямочно-жемчужный пояс и традиция добавления в формовочную массу шамота (Васильева 2007: 38).

Сосуды имеют закрытую форму или прямые стенки, орнамент нанесен преимущественно коротким зубчатым прямым или изогнутым штампом. Оттиски изогнутого штампа, скорее всего, являются производными от насечек, которые наносились ракушками. Они идентичны по размерам и технологии нанесения орнамента. Мотивы орнамента представлены горизонтальными рядами, горизонтальным и вертикальным зигзагом, «шагающей гребенкой». Часть сосудов сочетают зубчатый и накольчатый орнамент. Важной деталью является то, что в большинстве случаев наколы сочетаются именно с короткими зубчатыми оттисками, но встречается и длинные гребенчатые отпечатки. В это время продолжает сохраняться северный вектор связей, что подтверждается находками в Верхнем Прикамье на стоянке Чашкинское озеро VI ($6230 \pm 160 - 6030 \pm 140$ л. н.) фрагментов сосуда, орнаментированного треугольными наколами в сочетании с вертикальными отпечатками тонкого (1 мм) зубчатого штампа (Лычагина 2011: 28–33).

Таким образом, начиная с 6300–6100 л. н. в Волго-Уралье сосуществуют три традиции изготовления посуды: неорнаментированная, накольчатая и зубчато-гребенчатая. В Прикамье сосуществуют традиции накольчатой и зубчато-гребенчатой керамики.

В это же время в Зауралье при сохранении кошкинской и кокшаровско-юринской традиций часть населения начинает использовать новые системы орнаментации, генетически связанные с предшествующими. Наиболее ранней из них является закрытая остродонная посуда с наплывом

на внутренней стороне венчика. Вся поверхность сосудов покрыта горизонтальными зонами орнамента из волнистых линий или взаимопроникающих и разнозаштрихованных треугольников. Основные зоны орнамента выполнены гладким прочерчиванием, бордюрные – одним-двумя рядами наколов миндалевидной формы, в некоторых случаях – одним рядом вертикальных оттисков гребенчатого штампа. В последнее время такую посуду идентифицируют как «евстюническую». Из девяти радиоуглеродных дат самая ранняя – 6320 ± 90 л. н. (Ki-16039) получена для стоянки Евстюниха, самая поздняя – 5830 ± 80 л. н. (Ki-15590) – для стоянки Шайдурихинское 5 (Бунькова 2011: 236; Ковалёва, Зырянова 2011).

Чуть позднее, и практически одновременно, оформляются еще две традиции, связанные со своим технологическим составляющим с предшествующим кошкинско-кокшаровско-юрьинским гончарством (Васильева 2011б).

Полуденская керамическая традиция представлена приостренно-округлодонной закрытой или прямостенной посудой, преимущественно, с наплывом на внутренней стороне венчика. По системам орнамента выделяются два ее варианта. В «классическом» варианте орнамент представляет собой чередующиеся горизонтальные зоны, выполненные техникой прочерчивания, отступающе-накольных, шагающе-проташенных, шагающих и печатных оттисков гребенчатого штампа. Гребенчатый вариант представлен, преимущественно, штампованными оттисками и «шагающей» гребенкой. В целом, орнаменты полуденской традиции очень разнообразны и включают также варианты сочетания отступающе-накольной, выполненной палочкой или двузубым штампом, прочерчиванием таким же инструментом и гребенчатой техник (Бадер 1970; Ковалёва 1989). Время существования этой традиции – от 6095 ± 80 л. н. (Ki-15644) для стоянки Краснокаменка до 5590 ± 195 л. н. (Le-1286) для стоянки Карьер II. Гребенчатая посуда, которую ранее типологически относили к финалу неолита (т. н. сосновоостровская), представленная вариантами со штампованной и шагающей гребенкой, сосуществует с полуденской «классической» и, скорее всего, относится к гребенчатому варианту. Даты этой посуды – от 5930 ± 80 л. н. и 5645 ± 90 л. н. для стоянки Гилево VIII до 5295 ± 60 л. н. для стоянки Дуванское V (Выборнов 2011; Неолитические памятники Урала 1991).

Басьяновско-боборькинская традиция также имеет два варианта. Басьяновская посуда представлена округло- и плоскодонными сосудами, с закраинами на плоских днищах. Известны сосуды как с ярко выраженной шейкой, так и баночной формы. С внутренней стороны венчика находится или низко расположенный подтреугольный валик, или (в месте перехода шейки в тулово) уступ. Внешняя поверхность чаще орнаментирована в верхней половине сосуда и у дна по принципу горизонтальной зональности. Орнамент образован прочерчиванием или отступающими наколами широким гладким или двузубым орнаментиром. Узоры чаще всего представляют собой чередование горизонтальных зигзагов и прямых линий (Шорин 2007).

«Классическая» боборькинская керамика представлена профилированными и баночными плоскодонными и округлодонными сосудами. У плоскодонных сосудов днища имеют своеобразный наплыв. Орнамент выполнен в прочерчено-накольной технике, часто – отдельными наколами. Узор располагается в верхней и придонной частях сосудов, а также на дне и состоит из прямых и волнистых линий, зигзагов, вертикальных отрезков, сложных геометрических фигур (Ковалёва, Зырянова 2010).

Начальные даты для обоих вариантов традиции совпадают: басьяновская посуда на поселении Ук VI и на Кокшаровском холме датируется 5960 ± 80 л. н. (Ki-15063 и Ki-16384); боборькинская на Кочегарово I – 5920 ± 90 л. н. (Ki-16647). После 5600 л. н. басьяновская посуда не фиксируется, остается только собственно боборькинская, самая поздняя дата которой – 5180 ± 90 л. н. (Ki-15118) на Ташково III.

Существование басьяновско-боборькинских и полуденских комплексов в Зауралье до начала энеолита не только как двух традиций, принадлежавших разным родовым группам, но и в рамках одних социумов, подтверждается рядом фактов. Анализ, проведенный И. Н. Васильевой,

показал, что состав формовочных масс, подготовленных полуденскими гончарами «аналогичен басьяновским, но различны их количественная представленность и качественные особенности, <...> сам факт появления новой традиции подготовки формовочных масс именно в среде этих групп населения может указывать на вероятность периода их сосуществования и взаимодействия» (Васильева 2011б: 122–123). Кроме этого, фиксируются факты не только совместного залегания посуды этих традиций в одних культурных слоях и в жилищах, но и существование синкретических сосудов – с басьяновской морфологией и полуденской орнаментацией (напр., на стоянке Ук VI).

Время от 6100 до 5900 л. н. ознаменовано еще одним событием – появлением собственно гребенчатой «классической» посуды камского неолита. Эти сосуды имеют полуяйцевидную форму с прикрытым горлом, а также приостренные, округлые и округло-конические днища. По характеру внутреннего оформления венчика сосуды подразделяются на две группы: с наплывом на внутренней стороне венчика и без него. Для орнаментации керамики употребляли преимущественно гребенчатый штамп. Оттиски крупнозубчатого инструмента использовали только в отдельных зонах, причем они играли подчиненную роль. Основные орнаментальные композиции включают наклонно и прямо поставленные ряды оттисков длинного штампа; вертикальный и горизонтальный зигзаг; заштрихованные треугольники; плетенка; сетка; шагающая гребенка (Бадер 1970). В это время устойчивые связи между Зауральем и Прикамьем подтверждаются находками евстюнихско-полуденской посуды на поселениях Верхнего и Среднего Прикамья. Более того, для одной из групп полуденского населения зафиксирована специфическая технологическая традиция дробления сухого сырья без талька и смешения его с шамотом (Васильева 2011б: 122–123). Именно эта традиция является характерной для камской керамики. Таким образом, можно предполагать, что переход от раннего накольчато-зубчатого комплекса к гребенчатому в Прикамье осуществлялся благодаря южным связям с Волго-Уралем, о которых сказано выше, и восточным связям с Зауральем.

В финале неолита преимущественное положение занимает посуда с гребенчатой орнаментацией, сосуществуя в Зауралье с боборыкинской, а в Предуралье – с воротничковой самарской и хвалынской. В периодизации неолита Урала можно отметить два ключевых рубежа: 1 – начало неолитизации региона ок. 7200 л. н. (возможно, чуть раньше); 2 – переход к позднему неолиту ок. 6200–6100 л. н.

- Бадер 1970 – Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970. С. 157–171 (МИА. № 166).
- Бунькова 2011 – Бунькова А. А. Радиоуглеродные даты с поселений Евстюниха и Полуденка I // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 236.
- Васильева 2007 – Васильева И. Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // АПО. 2007. Вып. VIII. С. 23–38.
- Васильева 2011а – Васильева И. Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // АЭАЕ. 2011. № 2 (46). С. 70–81.
- Васильева 2011б – Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 103–124.
- Выборнов 2008 – Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
- Выборнов 2011 – Выборнов А. А. Первые радиоуглеродные даты по неолитической керамике Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 232–235.
- Гусенцова 1993 – Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
- Жилин и др. 2007 – Жилин М. Г., Антипина Т. Г., Зарецкая Н. Е., Косинская Л. Л., Косинцев П. А., Панова Н. К., Савченко С. Н., Успенская О. Н., Чаиркина Н. М. Варга 2: Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007.
- Ковалёва 1989 – Ковалёва В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.

- Ковалёва, Зырянова 2008 – Ковалёва В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 73–113.
- Ковалёва, Зырянова 2010 – Ковалёва В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборькинская культура. Екатеринбург, 2010.
- Ковалёва, Зырянова 2011 – Ковалёва В. Т., Зырянова С. Ю. Радиоуглеродные даты неолитических памятников Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 240–242.
- Лычагина 2011 – Лычагина Е. Л. О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // АЭАЕ. № 1 (45), 2011. С. 28–33.
- Неолитические памятники Урала 1991 – Неолитические памятники Урала. Екатеринбург, 1991.
- Шорин 2007 – Шорин А. Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). Курган, 2007. С. 30–42.
- Шорин, Шорина 2011 – Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // АЭАЕ. 2011. № 3 (47). С. 70–77.

Д. Н. Еньшин (Тюмень, Россия)

К вопросу о сакрализации жилой среды населения Нижнего Пришмья в эпоху неолита

Исследование духовной культуры древних обществ является едва ли не самым сложным и дискуссионным направлением в археологии. Особо проблемными представляются реконструкции древних ритуалов, связанных с поселенческой/жилищной или бытовой обрядностью.

Как известно, представления древнего человека об окружающем мире были пронизаны многообразием правил, ограничений, предписаний, регламентирующих, по всей видимости, каждый его шаг. На протяжении тысячелетий люди осваивали обширные пространства Евразии. Проникновение на новые территории влекло за собой не только физическое приспособление к новым окружающим условиям, но и духовное – возведение нового места в ранг *своего мира*, в котором действовали все те законы, правила, обычаи посредством которых существовало общество в древности. Центром и отправной точкой в освоении этого нового и небезопасного мира становились жилища.

По мнению ряда исследователей, особое значение в традиционной культуре народов Евразии имели обряды, связанные с освоением нового жилого пространства. Этот процесс, помимо физической (собственно освоение новых территорий), имел и сакральную составляющую. Выражалось это в обрядах, связанных с домостроительством. В этнографии зафиксировано высокое значение, придаваемое многими народами ритуалу строительной жертвы. Подтверждением этому являются исследования в области поселенческой обрядности культуры восточных славян, пермских народов, аборигенных народов Сибири и т. д. (Байбурин 1983; Терехихин 2002; Шорин, Баранов 2002; и др.) Более того, исследователи сходятся во мнении, что именно обряд строительной жертвы является краеугольным камнем в комплексе ритуалов, связанных с освоением новых поселений, строительством нового дома (Топоров 1988; Элиаде 1994; Терехихин 2002; и др.). Маркерами этих актов выступали предметы, специально положенные под углы дома, под очаг, у входа, на территории поселения и т. д. В качестве сакральных предметов здесь выступали вещи, характеризующие благосостояние человеческого общества и отражающие представления об устройстве мира.

Основными источниками в изучении духовной культуры народа традиционно являются язык, фольклор, изобразительное искусство. В них и было запечатлено мировосприятие человека. Более сложная в плане выявления картина видится при изучении древних обществ. В археологических материалах могут быть зафиксированы лишь отдельные элементы обрядов, выраженные в конкретных предметах, которые к тому же не всегда удается вычленивать из общего массива находок.

На сегодняшний день, несмотря на известную скудость археологических материалов, четко указывающих на существование поселенческой обрядности, известна представительная серия свидетельств ее существования в культуре ранних земледельцев и скотоводов Евразии (Формозов 1984). Для территории Западной Сибири эти факты отмечены в культовой практике культур андроновского круга (напр., поселение Оськино Болото – пахомовская культура, исследования А. А. Ткачёва). На наш взгляд, причиной того, что факты существования строительной обрядности фиксировались в данных культурах, является их достаточно четкая хозяйственная специфика. Основными маркерами выступают захоронения частей и целых туш животных (корова, овца, баран, лошадь, собака), а также сосудов с пищей под полом в углах или у входа в жилища.

Гораздо сложнее, на наш взгляд, обстоит дело с культурами более ранних эпох, хозяйство которых полностью носило присваивающий характер. Наибольшей ценностью здесь, по всей видимости, являлись орудия охоты, рыболовства, гончарства, ткачества и т. д. Соответственно жертвенный набор, скорее всего, мог включать в себя именно эти категории плюс глиняные орнаментированные сосуды (или их фрагменты) как символы культурной идентичности, а также, вероятно, части тел основных промысловых животных, рыб и птиц.

Для территории Западной Сибири и Тоболо-Ишимья в частности уже имеется опыт выявления элементов обрядности, связанной с функционированием жилой среды. По мнению И. В. Усачёвой, материальные остатки обрядности энеолитического населения Западной Сибири, связанной с освоением жизненного пространства, прослежены на таких памятниках как Сазык IX и Звёздный I (Тюменское Притоболье). Здесь было зафиксировано маркирование речным песком, керамикой и изделиями из камня таких элементов жилищ, как очаг, пол, а также вход-порог и конструктивные детали построек. Исследовательница считает, что все это может указывать на существование в древности у населения, оставившего данные постройки, такого ритуала, как «освящение и кодирование собственного дома во время его закладки и строительства, что было призвано придать жилищу усиленный статус своего (как бы свое в своем) и дополнительно оградить дом от чужого (по принципу апотропеев)» (Усачёва 2007: 238). Однако, что касается эпохи неолита указанной территории, то, хотя исследования ведутся уже не один десяток лет, представления о мировоззрении проживавшего здесь населения более чем общие. В связи с этим особый интерес представляют материалы, полученные в результате работ 2009–2011 гг. на поселении Мергень 6, расположенном в Ишимском р-не, Тюменской обл. (Нижнее Приишимье) на берегу одноименного озера.

На памятнике получены уникальные материалы, иллюстрирующие процесс освоения прибрежной зоны оз. Мергень носителями боборыкинской культуры на ее кошкинской стадии. Поселение существовало в начале V тыс. до н. э., по керамическому материалу получена дата (Ki-15908) 6870 ± 90 л. н. или 5840–5820, 5810–5660 BC (1σ), 5920–5620 BC (2σ). Многолетние исследования показали, что поселок имел определенную структуру – значительные по площади жилища были окружены малыми хозяйственными строениями, а в периферийной части располагались два рва шириной ок. 0,8 м и глубиной 0,2–1 м. В результате изучения остатков семи сооружений (полуземлянок и слабо углубленных построек), различных по своим конструктивным особенностям, накоплен значительный материал, характеризующий особенности домостроительства неолитического населения.

В ходе работ были получены данные, которые могут быть интерпретированы как свидетельства бытования у проживавшего здесь населения обрядов, связанных с сакрализацией занимаемого жизненного пространства. Анализ пространства между жилищами позволил выявить объекты, которые могут быть расценены как маркеры ритуала освоения территории будущего поселения. В качестве таковых, по нашему мнению, могли выступать ямы, зафиксированные на раскопанной площади, в заполнении которых обнаружены волчьи зубы, черепа и рога лосей, части лосиных туш, костяные и каменные орудия, челюсти собак, человеческие челюсти. В группу этих объектов включены два параллельно расположенных рва, границы которых были маркированы

развалами сосудов кошкинского этапа боборыкинской культуры. Ритуальный характер данных объектов не вызывает сомнения и находит свои аналогии в культовой практике различных в хронологическом и территориальном отношениях культур.

Исследованная раскопками площадь памятника позволяет предполагать, что поселение имело круговую или приближенную к кругу планировку. В поселке была своя периферия и свой центр. Центром поселения Мергень 6 могли являться два больших жилища 14 и 21 (ок. 100 м² каждое), соединенных между собой тамбурообразным переходом и отличающиеся от всех окружающих построек размерами, конструктивными особенностями, внутренним устройством, а также наполненностью следами совершаемых здесь ритуалов. В обоих сооружениях на дне котлованов были отмечены рвы, опоясывающие внутреннюю часть. В местах выступов за пределы котлованов, а также в местах предполагаемых выходов, в ямах в полу, у столбовых ям и во рвах отмечено залегание костяных орнаментированных орудий, зачастую фиксируемые в вертикальном положении и воткнутыми в материк. Необходимо также отметить, что детальный планиграфический анализ заполнения дна котлованов этих жилищ позволяет говорить о наличии настила, покрывавшего пол. Таким образом, все зафиксированные здесь ниже уровня материка вещи во время функционирования сооружения располагались под полом. А выявленная при раскопках ситуация позволяет предполагать, что в процессе сооружения данного жилища был выполнен ряд действий, связанных с домостроительной обрядностью – маркирование отдельных элементов конструкции специально положенными предметами.

В жилище 21 были также выявлены два захоронения (младенца и пожилого человека). Эти погребения, безусловно, носят культовый характер. Особое их значение, по нашему мнению, проявилось в следующем: 1. Четкая ориентация умерших по сторонам света (В–З и Ю–С); 2. Ярко выраженная возрастная разница (старость и младенчество); 3. Четко выраженная разница в расположении погребений (центр жилища и периферия). Совершение этих погребений, на наш взгляд, может являться отражением большого пласта ритуалов, включающих в себя и обряд строительной жертвы, и культ предков, и представления о структуре мира и что-то еще. Некоторые исследователи склонны считать похороны усопшего в полу дома ранним этапом развития именно обряда строительной жертвы (Формозов 1984).

Ритуальный комплекс жилища 21 имеет еще одну составляющую. На расстоянии 1 м к СВ от погр. 2 была обнаружена яма, заполненная охрой. На ее дне найден набор артефактов из кости: гарпун, рыболовный крюк, игловидный наконечник стрелы, наконечник копья, сломанный нож, а также массивная роговая пластина с отверстием. Помимо костяных орудий, в яме находились кремневые скребки и нуклевидные сколы. Поверх описанных вещей лежали кости мелких животных и птиц. Этот, явно ритуальный набор, по нашему мнению, может быть в равной мере соотнесен как с обрядом строительной жертвы, так и с промысловым ритуалом, целью которого могло выступать стремление привлечь удачу в той или иной отрасли хозяйства.

Вокруг сооружений, рассматриваемых нами как центральные, располагались жилища второго порядка – меньших размеров и с более простым внутренним устройством. В общую структуру поселения они ложатся по дуге вокруг жилищ 14 и 21. При исследовании периферийных построек также прослежены закономерности неслучайного, на наш взгляд, расположения определенных предметов и их связь с обрядом строительной жертвы. В малых домах, по всей видимости, отмечена традиция маркировать привходовую и приочажную зоны. В качестве вещей, наделенных, по нашему мнению, особым сакральным смыслом использовали костяные орнаментированные орудия и пластины, наконечники стрел, керамические сосуды, черепа собак и людей, помещенные в углубления в полу.

Практика сакрализации жизненного пространства, зафиксированная на неолитическом поселении Мергень 6, входит в широкий круг аналогичных действий, отмеченных в обрядовой практике различных народов на обширных территориях и в обширном временном диапазоне от древности до настоящего времени. Все это позволяет говорить о том, что, имея региональные

различия, обряд, составляющий мировосприятие древнего человека, был гораздо шире локальных культур. По всей видимости, за каждым ритуальным актом стоят системы представлений о мироустройстве, которые оказались исключительно устойчивыми, переживающими тысячелетия, общими у разных этносов, восходя к глубокой древности. Основной их целью, на наш взгляд, оставалось поддержание благоденствия в отдельно взятом роде, племени, фратрии, семье.

Байбурин 1983 – *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Теребихин 2002 – *Теребихин Н. М.* Строительный миф и ритуал в традиционной культуре местных народов // Народные культуры Русского Севера: Мат-лы российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 г.). Архангельск, 2002.

Топоров 1988 – *Топоров В. Н.* О ритуале: Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 7–60.

Усачёва 2007 – *Усачёва И. В.* Доместикация пространства // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 234–239.

Формозов 1984 – *Формозов А. А.* Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. 1984. № 4. С. 238–241.

Шорин, Баранов 2002 – *Шорин А. Ф., Баранов М. Ю.* Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений (по материалам раскопок хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургут) // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. Вып. 1. С. 7–81.

Элиаде 1994 – *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Н. А. Николаева (Москва, Россия)

К вопросу о хронологии каменных скипетров эпохи энеолита/бронзового века

Зооморфные каменные скипетры эпохи энеолита, по мнению многих ученых, фиксируют переход к пастушескому хозяйству в Европе с использованием верховой лошади и начало контактов мобильного пастушеского населения с земледельцами Юго-Восточной Европы (Гимбутас 2006; Телегин 2000; Mallory 1989).

Ареал скипетров охватывает территорию от Северных Балкан, Нижнего Подунавья, Восточных Карпат до низовий Волги и Северо-Западного Прикаспия, поэтому возникает вопрос об их исходном центре. Культурный контекст, сопровождающий скипетры, разный. На западе ареала скипетры встречаются в слоях поселений культур Гумельница, Кукутень-Триполье, культурного горизонта Болераз–Сэлкуца IV–Чернавода III–Бубани-Хум I и в двух погребениях (Касимча, Суворово). На востоке ареала схематические скипетры встречены на поселениях предмайкопского горизонта (Константиновка на Дону – Кияшко 1994: рис. 33; Ясеновая поляна – Нехаев 1992: 89). Несколько одинаковых схематических скипетров встречено в подкурганых погребениях от Элисты до Волгограда (Архара, Шляховский, Джангар). Культурная атрибуция скипетров также далеко не ясна. Их связывают с новоданиловской группой погребений, хотя там нет скипетров, но отделяют от среднестоговской (II) культуры и считают «явлением, возникшим на мариупольском субстрате» (Телегин 2000: 23, 30) или объединяют со среднестоговской культурой в рамках «скелянской культуры» (Rassamakin 2004: 212; рис. 137).

Хронологический диапазон бытования таких скипетров должен быть сужен. Нет оснований растягивать датировку скипетров на полтысячелетия (период Триполье В). Интерпретация фактов обнаружения скипетров в слоях поселений нуждается в уточнении.

Находки скипетров в подкурганых погребениях (Телегин 1985: 318; Сафронов 1989; Дергачёв 2007) позволили связать в одну проблему время их распространения, локализацию и датировку древнейших курганов в Восточной Европе, а также начало формирования «древнеямной культурно-исторической общности или области». Древнейшие подкурганые погребения с классическим т. н. древнеямным обрядом были обнаружены нами в 1974 г. в Северном Попрутье (Думяны кург. 15; Сафронов 1980). В ходе дискуссий о том, где сформировалась древнеямная культура (далее ДЯК), – на Днепре или на Волге, – были выявлены три синхронных культурных субстрата для ДЯК: культура Средний Стог II, репинская культура, хвалынская культура. С отделением от среднестоговской культуры памятников новоданиловского типа, связываемых со скипетрами (Телегин 1985), наметилась тенденция удревления ДЯК (Яровой 2000; Телегин 2000), хотя вопрос культурной преемственности между древнейшими памятниками ДЯК и «городцовской» ямной культуры никем не был аргументирован. Очевидно, что и курган, и классический «древнеямный» обряд (на спине скорченно) – составляющие не только ДЯК, поэтому преждевременно относить к древнейшему варианту ямной культуры, напр., суворовское погребение со скипетром, не решив вопрос об этнокультурной идентичности этих памятников. Такковы, по нашему мнению, узловыe проблемы, связанные с зооморфными скипетрами.

Ниже приводится информация о зооморфном схематическом скипетре, который был найден В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой в кург. 1⁴ в зоне строительства Калмыцко-Астраханской

⁴ Курган находился в 12 км к В от пос. Джангара Октябрьского р-на Республики Калмыкия и в 6 км к С от пос. Барун, в урочище Улан-Тога, в 50 км от Волгограда. Находки сданы в Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, философии и этнографии Е. В. Цуцкину. Отчет см. НОА ИА РАН, Р-1, № 10970.

оросительной системы; впервые упомянут В. А. Сафроновым в 1989 г. (Сафронов 1989: 196–197), но затем опубликован другими археологами (Дергачёв 2007; Шишлина 2007). Кург. 1 действительно заслуживает внимания, поскольку в нем был найден классический комплекс с зооморфным схематическим скипетром в ситуации, стратиграфически соотношенной с энеолитическими погребениями, содержащими керамику, а также с погребением раннебронзового века с повозкой.

Кург. № 1 диаметром 46 м по линии С–Ю и высотой 1,46 м до современной дневной поверхности и 1,3 м до погребенной почвы. В древности курган был выше, но к моменту раскопок представлял собой насыпь со срезанной вершиной, частично разрушенную современной ямой траншейного типа, которая достигла древней дневной поверхности и «села» на могилу со скипетром (погр. 3). Именно последнее обстоятельство обусловило находку уникального комплекса, который в отсутствие этой траншеи вообще не был бы найден.⁵ Порядок захоронений в кургане определялся по разрезам (бровки 0 и 2) и подтверждался прямой стратиграфией погр. 6–8. Почти все погребения были найдены в траншее между двумя бровками. Погр. 1 и 2 в насыпи относились к позднему бронзовому веку. Погр. 5 относилось к монгольскому времени. Погр. 3, 7 и 8 (в материке) относились к энеолиту/раннебронзовому веку. Погр. 4 и 6 (с колесом от повозки) относились к раннебронзовому веку (план кургана – рис. 1, 1).

Бровка 2 (восточная сторона) (рис. 1, 2). Длина разреза – 34 м. Высота до погребенной почвы – 1,3 м, высота до дна траншеи – 1,8 м. В бровке 2 (восточная сторона) прослеживалось пять слоев. I слой – дерн – прослеживался по всей длине разреза. Мощность по центру – 10 см, в полах – 40 см. II слой – коричневый суглинок, прослеживался в полах разреза. Был насыпан над мог. 4 (выкид от нее прослежен в бровке 0). III слой – коричневый с включением большого количества карбонатов, придающих ему белесый цвет; длина – 28,5 м; прослеживался в полах, отсутствовал по центру; был насыпан над мог. 6. IV слой – из коричневого суглинка, однородный по цвету и структуре; длина – 27 м, высота по центру – 0,7 м. С южной стороны бровки 2 на погребенной почве видна «двугорбая» прослойка суглинка (отличающаяся по фактуре от IV и следующего слоя V), которая является выкидом из погр. 7 или 8, законсервированным досыпкой Va. IV слой законсервировал эту досыпку. V слой – суглинок пятнистого цвета. Слой состоял из комков дерна изумрудно-зеленого цвета и материковых коричневых слоев; длина – 13 м; мощность – 0,6 м. Был насыпан над погр. 3 (со скипетром).

Погребенная почва прослеживалась в виде зеленой горизонтальной полосы по всей длине под слоем V, что свидетельствовало об отсутствии первичного холма и позволяло считать основное погр. 3 подкурганым.

Погр. 3 (со скипетром). Местоположение погребения в кургане (точка привязки – кости таза): центр–север – 1,3 м; центр–восток – 1,8 м; глубина от условного центра – 3,15 м.

Обнаружено в центре траншеи 0–2. По мере углубления пятно исчезло на глубине 1,6 м от условного центра, но прокапывание продолжилось по начатому контуру до появления берцовых костей человека на глубине 2,77 м от 0. Далее могила расчищалась в соответствии с предполагаемым нахождением скелета. Только на глубине 3,05 м от 0 могила оконтурилась более отчетливо и этот контур можно считать истинным. Размеры ямы по дну – 1,8 × 0,87 × 1,45 м (глубина ямы указана от нижней границы погребенной почвы; глубина дна могилы от 0 – 3,15 м; рис. 1, 3).

На дне могилы лежал скелет мужчины 40 л., на спине, головой на В. Скелет и череп имели отличную сохранность. Ноги были подняты коленями вверх, упали слегка направо и опирались на останец заполнения могилы. Перекрытие не прослеживалось. Земля проникала в могилу постепенно, что поддерживало первоначальное положение ног. Глубина коленей от 0 – 2,77 м. Высота их от дна – 0,38 м. Правая рука была вытянута, левая лежала на тазовых костях. Инвентарь погребения включал 78 предметов (из них 11 – крупных и 67 – мелких).

⁵ Никаких опознавательных знаков погр. 1/3 не имело, поэтому, при глубине могильной ямы (–3,15 м) и глубине доведения траншеи только до материка (–1,8 м), погр. 1/3 не могло быть обнаружено.

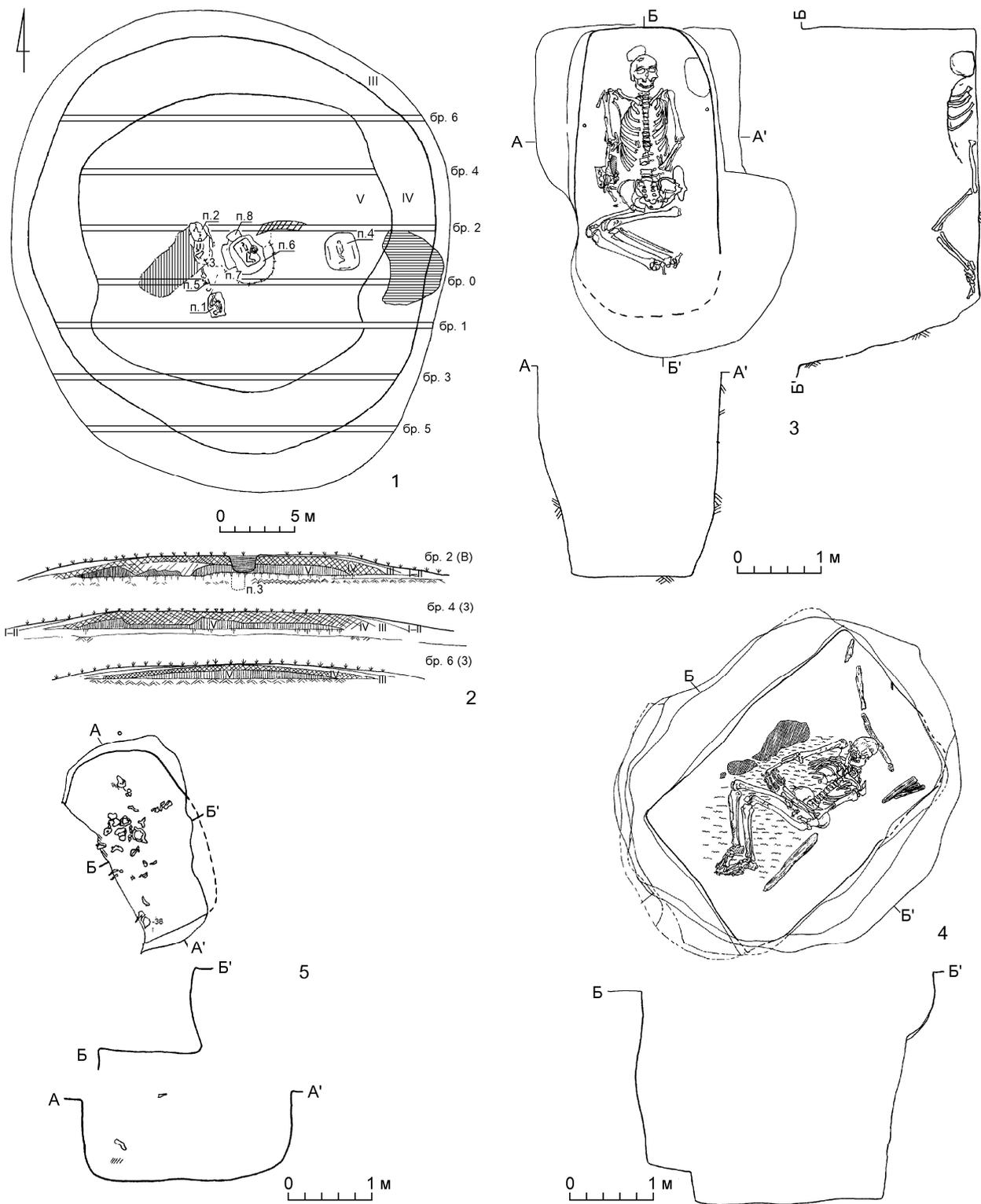

Рис. 1. Погребения энеолита/бронзового века в кург. 1 в Джангаре: 1 – план кург. 1; 2 – бровки 2, 4, 6; 3 – план и разрезы погр. 3 (со скипетром); 4 – план погр. 6; 5 – план и разрезы погр. 8

Под левым крылом таза находился зооморфный «схематический» скипетр из камня серо-зеленого цвета пятнистой структуры (диорит, диабаз?). Длина скипетра составляла 19,9 см; ширина – 6 см; толщина – 3 см, высота выступа «уха» – 1,1 см. Поверхность изделия отшлифована и имеет валик, проходящий параллельно внешнему контуру скипетра и поперечный соединительный валик (стилизация конской узды). Обратная сторона скипетра покрыта черной патиной

(рис. 2, II, 1). У правого плеча скелета находилась изогнутая ножевидная пластина (длина – 15,7 см; ширина – 3,5 см) из желто-коричневого с красными прожилками кремня, хорошо отретушированная с одного края (рис. 2, II, 5). У правой лучевой кости – клиновидный топор с закругленной торцевой частью (длина – 13,7 см; ширина – 6,9 см; толщина – 1,5 см) из коричневого кремня с желтыми и красными включениями, тщательно отретушированный с двух сторон, с отполированным лезвием (рис. 2, II, 2). У правого локтя были обнаружены три призматических столбика. Их верхняя (меньшая) часть была выделена желобком, а нижняя часть заострена. Все плоскости тщательно зашлифованы, а ребра стесаны. Один столбик (длина его – 7,3 см) был выточен из полупрозрачного ортоклаза. Два других (их длина – 6,5 и 3,8 см) – из серого с белыми пятнами камня (рис. 2, II, 6).

Вокруг головы и к Ю от скелета, в заполнении и на дне отмечено много отщепов и микролитических орудий: пластинки с ретушированным краем, кремневые подтрапециевидные вкладыши, кремневые стрелы из серого молочного кремня, отретушированные с двух сторон (длина – 4,3 см и 3,8 см; рис. 2, II, 3–4).

По центру бровки 2 просматривалось небольшое всхолмление (высотой 0,1 м и длиной 3 м), которое можно считать выкидом от погр. 3. Следовательно, погр. 3 являлось древнейшим в кургане, над которым был насыпан слой V.

Хронология и атрибуция погребения: энеолит–раннебронзовый век; новоданиловская группа, по Д. Я. Телегину; доямный и предмайкопский горизонт, по В. А. Сафронову.

Погр. 6 (рис. 1, 4). Было обнаружено в плане в траншее 0-2 после снятия центральной бровки, на глубине 1,2 м от 0. Представляло собой воронку (длина – 5,8 м, глубина – 1,2 м), которая суживалась до 2 м, принимая форму прямоугольника. На уровне 1,8 м от 0 показалось коричневое пятно могильной ямы (4 × 3,5 м) и следы тростникового тлена по ее периметру. При зачистке обнаружилась асимметрия пятна, которая возникла за счет двух пятен от погр. 7 и 8, примыкающих к мог. 6 с северной и с восточной сторон (рис. 1, 1). Настил, закрывающий погр. 6 (тлен белосиреневого цвета), перекрывал и пятна погр. 7 и 8, что является фактом прямой стратиграфии, т. е. большей древности погр. 7 и 8. Под настилом лежали фрагменты деревянной конструкции (плашки шириной 5 см, расстояние между ними по 10 см), возможно, часть рамы от повозки. С южной стороны под настилом находились пологие заплечики (шириной 1,2 м, ниже края могилы на 0,7 м), на которых наклонно лежало колесо с выступающей ступицей. Колесо выглядело монолитом, сегменты не различались.

После расчистки колеса (диаметр – 0,6 м, диаметр ступицы – 0,2 м, высота ступицы – 7 см) на этом же уровне в заполнении погр. 6 у ее восточной стенки были расчищены челюсть, позвонки, лопатки, ребра ребенка. Кости были окрашены охрой. С ними находились кремневые отщепы, микролитические орудия и фрагменты круглодонного орнаментированного сосуда. Этот комплекс представлял собой погр. 8, разрушенное при сооружении погр. 6, что позволило решить вопрос стратиграфического соотношения погр. 6 и 8, пятна которых при их обнаружении частично сливались.

При углублении до уровня 3,4 м от условного центра кургана показались кости погр. 6. Скелет мужчины 60–70 л., ориентированный головой на ВСВ или СВ, лежал на правом боку, с отклонением на спину. Под левой стороной было возвышение, которое обеспечивало «приподнятое» положение скелета. На погребенном было покрывало (от него остался тлен черного цвета), на котором лежал слой белого мела и охры. Скелет был также окрашен охрой и посыпан мелом. На настиле была обнаружена кремневая пластина (длиной 3 см) из желтого кремня. У восточной стенки лежали кости собаки. Атрибуция погр. 6 устанавливается по специфическому обряду захоронения «на боку, с отклонением на спину», который практиковался у носителей кубано-днепровской (новотитаровский вариант) культуры докатакомбного времени (Николаева 1980; Николаева, Сафронов 1983). Дата погребения (некалиброванная) XXII–XVIII вв. до н. э.; калиброванные даты – XXIX–XXV вв. до н. э. Погр. 6 было впущено в насыпь IV над погр. 8 и перекрыто насыпью III, в которую было впущено погр. 4 также кубано-днепровской культуры (зафиксировано в бровках 0 и 2).

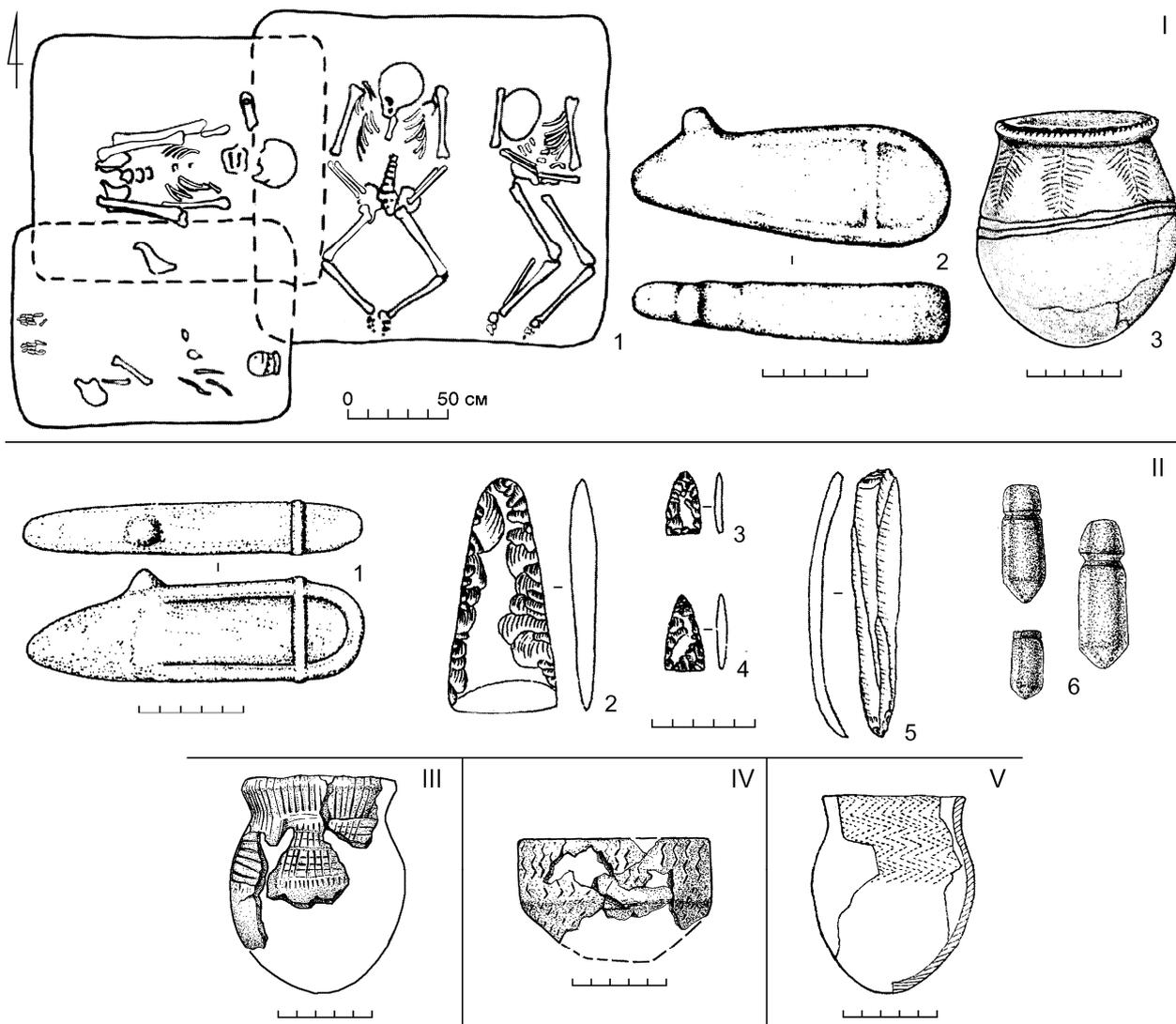

Рис. 2. Инвентарь погребений в кург. 1 в Джангаре и типологические параллели:

I – Архара, кург. 27 (1 – прямая стратиграфия погр. 27/3 со скипетром и 27/2 с сосудом;

2 – скипетр; 3 – сосуд); II – инвентарь погр. Джангар 1/3 (1 – скипетр; 2 – топор;

3, 4 – стрелы; 5 – нож на пластине; 6 – рисунок столбчатых «идолов»);

III – сосуд из погр. Джангар 1/8; IV – сосуд из погр. Джангар 1/7; V – сосуд из Михайловки II

Погр. 8 (рис. 1, 5). Часть его оказалась в погр. 6, а часть оставалась *in situ*. Настил от погр. 6 перекрывал и погр. 8. Выкид от погр. 8 незначительной мощности коричневого суглинка фиксировался в бровке 2 (восточная сторона). Судя по размерам могилы (0,95 × 0,55 м), здесь был похоронен подросток в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЮВ, его кости окрашены охрой. По дну могилы были разбросаны кремневые отщепы и микролиты, соответствовавшие встреченным в заполнении погр. 6 и в погр. 3. Фрагменты керамики, которые были найдены в заполнении погр. 6, подходили к фрагментам сосуда из погр. 8 и составляли единый профиль круглодонного сосуда черного цвета (рис. 2, III). Мешковидной формы сосуд близок сосуду из погребения Архара 27/2 (рис. 2, I, 3; Синицын, Эрднеев 1966), сосудам типа Михайловка II на Нижнем Днепре (Даниленко 1974: рис. 48, 8; 49, 5) (рис. 2, V), а также сосудам из ст. Кубанской и Усть-Лабинской (Даниленко 1974: рис. 42). Орнамент сосуда позволяет привлечь аналогии из подкурганного захоронения хут. Попов 31/4 (Даниленко 1974: 70; рис. 44, II), относящегося, по В. Н. Даниленко, к позднему периоду культуры Средний Стог II.

Погр. 7. Было обнаружено одновременно с пятнами погр. 6 и 8. Пятно погр. 7 подходило с севера к погр. 6 и перекрыто последней. Размеры могилы составляют 1,95 × 0,85 м, исследованная глубина – 0,2 м. Длинной осью могила была ориентирована по линии В–З. На ее дне была найдена кость животного и кости человека (фаланга и обломки черепа). Погребение было разрушено. На выкиде из погр. 6 лежал сосуд из погр. 7 – цилиндроконический кубок с несохранившимся дном. Сосуд орнаментирован пунктирным зигзагом от венчика до дна по всему тулову, дополненным оттисками «шагающей гребенки» на придонной части сосуда. Узор идентичен орнаменту на сосудах фазы Михайловка II (рис. 2, IV; Даниленко 1974: 80; рис. 49, 5–6). Древнеямная атрибуция погр. 7 и 8 (типа Михайловки II) определяется аналогиями сосуду, сосуществованием вытянутых и скорченных обрядов в Джангаре (погр. 8 и 7), нахождением одинаковых сосудов при вытянутых и скорченных погребениях (в Прикубанье, в Нижнем Поднепровье, Подонье и Поволжье).

Согласно концепции индоевропейских прародин (Сафронов 1989), переход к пастушесству и возросшая мобильность населения были вызваны аридизацией, которая более драматично отозвалась на жителях северных территорий Центральной Европы, поскольку земледелие не давало уже гарантированных урожаев. Это стало причиной смещения части индоевропейского населения культуры воронковидных кубков к югу. В результате смешивания с местным (также индоевропейским) населением (культура Лендель) сформировалась культура Баден, которая трактуется как эквивалент греко-арийской общности. Именно носители вариантов раннебаденской культуры (Чернавода III и Сэлкуца IV) оставили след на поселениях культур Гумельница, Кукутень А–Триполье В. Скипетры маркируют этот процесс. Будучи обнаруженными в поверхностном слое поселений этих культур, скипетры никак не могут датироваться всем временем накопления этого слоя. Логичнее их датировать началом периода Болераз-Чернавода-Сэлкуца (т. е., по некалиброванным датам, XXVIII в. до н. э., а по калиброванным – 3450–3100 BC). Алгоритм древнейших индоевропейских миграций подразумевает включение в процесс движения обитателей территорий, по которым проходили миграции. Этим объясняется и разный культурный контекст, сопутствующий скипетрам в Восточной Европе, фиксирующий место скипетров в системе относительной хронологии в восточном ареале их распространения, где скипетры встречены в доямном и предмайкопском горизонтах (Константиновское и Ясенова поляна). Общность керамической традиции (керамика с накольчато-жемчужным орнаментом) в Михайловке II и на поселениях предмайкопского горизонта, бытование ее в Мешоко (Резепкин 2000) вплоть до времени Новосвободной не позволяет отрывать предмайкопский горизонт от майкопского и от даты Большого Майкопского кургана.

Даниленко 1974 – Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.

Гимбутас 2006 – Гимбутас М. Цивилизация Великой богини: мир Древней Европы. М., 2006.

Дергачёв 2007 – Дергачёв В. А. О скипетрах, о лошадях, о войне. СПб, 2007.

Кияшко 1994 – Кияшко В. Я. Между камнем и бронзой. Азов, 1994 (Донские древности. Вып. 3).

Нехаев 1992 – Нехаев А. А. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб, 1992. № 1. С. 76–95.

Николаева 1980 – Николаева Н. А. Повозки Западного Прикубанья и вопросы появления первых индоевропейцев в Восточной Европе // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: ТД конф. 19–22 февраля 1980 г. Оренбург, 1980. С. 29–30.

Николаева, Сафронов 1983 – Николаева Н. А., Сафронов В. А. Проблема появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С. 43–83.

Резепкин 2000 – Резепкин А. Д. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенова Поляна // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Б. А. Латынина. СПб, 2000. С. 223–235.

- Сафронов 1980 – *Сафронов В. А.* Хронология энеолита степной и лесостепной зон Восточной Европы // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: ТД конф. 19–22 февраля 1980 г. Оренбург, 1980. С. 27–28.
- Сафронов 1989 – *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
- Синицын 1966 – *Синицын И. В., Эрдниева У. Э.* Новые археологические раскопки на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Элиста, 1966.
- Телегин 1985 – *Телегин Д. Я.* Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном Левобережье Украины // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. I. С. 303–320.
- Телегин 2000 – *Телегин Д. Я.* К вопросу о скелянской, квитянской, стоговской и других культурах медного века Азово-Черноморского региона Украины // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. И. В. Синицына. Саратов; Энгельс, 2000. С. 28–31.
- Шишлина 2007 – *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М., 2007.
- Яровой 2000 – *Яровой Е. В.* Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: Дис. ... докт. ист. наук (рукопись). М., 2000.
- Mallory 1989 – *Mallory J. P.* In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London, 1989.
- Rassamakin 2004 – *Rassamakin Ju. Ja.* Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Mainz, 2004 (AE. Bd. 17).

И. В. Палагуца (Санкт-Петербург, Россия)

Ранние комплексные общества неолита и энеолита Балкано-Карпатского региона: проблемы реконструкции⁶

В последние годы в исследовании балкано-карпатских культур эпох неолита и энеолита (VII–III тыс. до н. э.) наметился переход от решения чисто археологических задач к реконструкции устройства и функционирования создавших их человеческих сообществ. В процессе создания таких реконструкций можно обозначить два исследовательских уровня. Первый уровень – это построение пространственно-хронологической «сетки» памятников, связанных на синхронном и диахронном уровнях, воссоздание картины заселения определенных регионов, выявление генетических взаимосвязей памятников. Решение этих задач находится в области археологии, на это направлен весь ее методологический арсенал. Второй уровень – собственно палеосоциальные реконструкции, для создания которых необходимо привлечение аналогий и подходов, выработанных в ряде смежных наук об обществе. Здесь в последние годы стало формироваться направление т. н. антропологической археологии (Parkinson 2006: 33–34)

Картина, сложившаяся в Балкано-Карпатском регионе и прилегающих к нему областях Восточной и Центральной Европы в неолите–энеолите за более чем столетний период исследования, на макроуровне (определения границ археологических культур и общностей, а также их последовательности) просматривается более-менее четко. Отдельные нестыковки в системе балкано-карпатских культур все же существуют. В частности, не совсем ясны связи культур рубежа позднего неолита и энеолита Среднедунайской низменности, с одной стороны, и культур Балкан, Нижнего Дуная и Восточных Карпат, с другой. Здесь сомнительным выглядит выстроенное только на основании радиоуглеродных дат соотнесение памятников культуры Варна и Кукутень А с тиса-полгарскими памятниками. Проблема, прежде всего, в отсутствии и недостаточной определенности серий керамических импортов и подражаний, т. к. находки других категорий (орудий из металла, камня и украшений) в большинстве случаев не дают четких хронологических привязок.

Керамический материал является наиболее информативным и на уровне исследования групп памятников (синхронизации и выявления последовательности входящих в них поселений), где использовать радиоуглеродный анализ бесполезно из-за широких интервалов полученных дат.

⁶ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 11-06-00441а.

Возможности изучения керамики здесь все еще не реализованы полностью. Используемый в большинстве случаев формальный подход к изучению керамики оснований для этого не дает (Кожин 1989). То же касается и анализа керамического материала на уровне памятников, когда важно выявить последовательность существования построек. Задачи эти могут быть решены на основе исследования керамики в составе археологических и функциональных комплексов (Кожин 2007).

Еще один вопрос связан с определением длительности временных интервалов, в пределах которых существовали поселения. Достаточно продуктивными здесь продолжают оставаться стратиграфические наблюдения с последующей примерной оценкой длительности существования построек (у глинобитных жилищ она обычно не превышает 50–70 лет). Это позволяет, напр., приблизительно оценить время существования трипольско-кукутенских поселений и длительность этапов развития культуры (Palaguta 2007: 55–57). Перспективным также является соотнесение времени существования памятников с циклами природных изменений, что вполне возможно на основании исследования слоя естественнонаучными методами.

К сожалению, в очерченном регионе наберется не так много примеров комплексного исследования территориальных групп памятников, на основании которых можно проводить дальнейшие палеосоциологические исследования. Несколько таких исследований было проведено в ареале трипольско-кукутенской культуры (Палагута 2000), целенаправленно в этом направлении проводились работы на Среднем Дунае (примененный здесь метод оценки вариативности керамики нельзя считать надежным основанием; см. Parkinson 2006), а также в Польше.

Построение собственно палеосоциальных реконструкций упирается в выявление надпоселенческих структур. Необходимо определить, имеем ли мы дело с обособленной группой населения, связанной с другими «горизонтальными» связями (обмен людьми путем брачных контактов, сырьем и различными готовыми изделиями, в т. ч. и в процессе т. н. символического обмена), или с общиной, включенной в более крупное объединение с иерархической организацией связей.

С точки зрения таких реконструкций наибольшее внимание из культурных комплексов балкано-карпатского круга вполне справедливо привлекает Варненский мог-к и связанные с ним памятники западного побережья Чёрного моря, объединяемые в культуру Варна (телль и мог-к Дуранкулак, поселения у Варненского оз., памятники на побережье Бургасского залива).

Несмотря на исключительно богатые погребения Варненского некрополя, оставившее его общество нельзя в полной мере считать иерархически организованным по принципу государства с четко обозначенными элитами. Самые богатые погребения здесь – символические могилы (кенотафы), образующие отдельную группу в структуре мог-ка. Обращает на себя внимание парность таких кенотафов, где по инвентарю можно определить «мужские» и «женские» могилы. Аналогичные группы, только с менее богатым инвентарем, можно выделить и в мог-ке Девня (Lichardus 1988; Маразов 1999), и в мог-ке Дуранкулак, где могилы со статуэтками – «заменителями» погребенных (аналогия с варненскими масками здесь очевидна) – тоже стоят особняком (Todorova 2002).

Памятники культуры Варна, несмотря на широкие обменные связи, образуют взаимосвязанную группу сообществ, имеющую региональный, локальный характер. Наличие здесь центрального поселения вполне вероятно, но, скорее всего, оно было полностью уничтожено застройкой г. Варна.

Все исследователи сходятся во мнении, что процветание обществ культуры Варна связано с добычей и обработкой металлов. Однако, как показали исследования примесей в меди, собственные разработки месторождений в районе Бургаса давали лишь часть металла, а почти половина от объема сырья поступала из внутренних районов Фракии (Slavchev 2010). Объектом производства и обмена являлись и изделия из раковин *Spondylus*. В этой связи вызывает интерес предположение Х. Тодоровой о том, что эти раковины могли добываться в Чёрном море, температура воды в котором тогда была выше современной. Если это будет доказано, то можно будет обозначить еще один источник благосостояния приморских обществ (Séfériades 2010). Важность таких предметов, имеющих функции первобытных «денег», для межгруппового обмена и утверждения иерархии

групп (на базе владения ресурсами), была показана в работе М. Годелье (2007). Варненская группа может быть примером территориального объединения, где иерархия групп очевидна (выделяется богатством центральный некрополь), но она может осуществляться не по принципу сосредоточения властных полномочий в центральном поселении, а по принципу «метрополии» и колоний, где центральное поселение было, скорее, сакральным, чем административным центром. Также не были выявлены типичные иерархически организованные структуры и в результате анализа материалов поселений-гигантов трипольской культуры (Палагута 2012).

С точки зрения палеосоциальных реконструкций пока еще недостаточно реализованы возможности памятников искусства, отражающих «метафорическое пространство» социума (Шехтер 2005: 14–16). В рассматриваемых культурах в качестве основной выразительной формы выступает мелкая пластика, формирующая своеобразное «окно в общество» (Lesure 2011). Петроглифы (часто выступающие «маркером пространства» в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ сообществах) в Карпато-Балканском регионе не обнаружены, а изображения на стенах построек имели, судя по декору моделей жилищ и уцелевшим кускам штукатурки с росписью, орнаментальный характер. Относительная редкость и схематичность изобразительных элементов в декоре керамики свидетельствует о том, что и в более масштабной форме они не могли играть существенной роли.

Отдельные находки крупных форм пластики, конечно, нельзя игнорировать. Скульптурные изображения из необожженной глины обнаружены в ареале культуры Винча в интерьере «святилища» в Парце (Lazarović et al. 1985), маска «в натуральную величину» – в Уиваре (Schier, Draşovean 2005). Но даже если учесть плохую сохранность таких скульптур, находки эти не будут частыми. Несмотря на масштабные раскопки, больших скульптур не обнаружено в Триполье-Кукутень, где они вполне могли сохраниться, т. к. большинство «площадок» несут следы пожаров, обжегших глинобитное перекрытие построек. Самые крупные керамические статуэтки здесь достигают высоты 30–40 см. Таким образом, отсутствие в Балкано-Карпатском регионе свойственного для многих иерархически организованных сообществ монументализма – еще одно свидетельство в пользу того, что его население в эпоху энеолита не образовывало сообществ с развитой иерархической организацией.

Задача изображения своего «социального пространства» здесь решается путем построения его уменьшенной объемной модели. Это в наибольшей степени воплощается в наборах антропоморфных статуэток. Они могли изображать персонажей в интерьере жилища: возможно, семью, как в Платиа Магула Зарко (Gallis 1985); или вполне соответствующую семейной группе женщин, как в Овчарово (Тодорова 1983: 91–93); или реалистически – женщину, растирающую зерно на зернотерке и сидящего рядом ребенка, как в модели из трипольского поселения Попудня (Sehak 1933). Иерархически организованные группы сидящих мужчин и женщин изображают и ранне-трипольские наборы фигурок (Палагута 2011a); «танцующие» пары – набор из среднетрипольского поселения Думешть (Maxim-Alaiba 1987); мужской коллектив, вооруженный топорами и булавами, – статуэтки из поселения культуры Винча в Стублине (Stobrnja 2011). Здесь пластика изображает сообщества на уровне надсемейных отношений. Доминирование тех или иных образов и стилистика пластики определяются как особенностями, сложившимися в конкретной этнической среде, так и соответствующей структурой социумов (Палагута 2011б).

Раскрытие связи пластики и социума на основе комплексных реконструкций, соотнесения динамики формирования групп памятников и их взаимосвязей, палеодемографического анализа, с изучением иконографии и иконологии раннеземледельческой пластики, становится актуальной исследовательской задачей.

Годелье 2007 – Годелье М. Загадка дара. М., 2007.

Кожин 1989 – Кожин П. М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 54–70.

- Кожин 2007 – *Кожин П. М.* Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите–раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток, 2007.
- Маразов 1999 – *Маразов И.* Митология на златото. София, 1999.
- Палагута 2000 – *Палагута И. В.* Системы расселения ранних земледельцев Карпато-Поднепровья: опыт изучения микрогрупп памятников культуры Триполье-Кукутени // Археологические вести. СПб, 2000. № 7. С. 53–62.
- Палагута 2011а – *Палагута И. В.* Об отражении социального контекста в раннеземледельческой пластике // Памятники археологии и художественное творчество: Мат-лы VI Всерос. осеннего коллоквиума. Омск, 2011. С. 60–63.
- Палагута 2011б – *Палагута И. В.* Мир искусства ранних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э. СПб, 2011.
- Палагута 2012 – *Палагута И. В.* Формирование европейской «мозаики»: к реконструкции начальных этапов этногенеза и политогенеза населения Европы // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международный. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г.: ТД. СПб, 2012. Т. 1. С. 350–351.
- Тодорова 1983 – *Тодорова Х.* Археологическо проучване на праисторически обекти в района на с. Овчарово, Търговишко, през 1971–1974. // Овчарово. София, 1983. С. 7–104 (Разкопки и проучвания. IX).
- Шехтер 2005 – *Шехтер Т. Е.* Искусство как реальность. Очерки метафизики художественного. СПб, 2005.
- Cehak 1933 – *Cehak H.* Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce // Swiatowit. Warszawa, 1933. Т. XIV (1930/1931). S. 164–252.
- Crnobrnja 2011 – *Crnobrnja A. N.* Arrangement of Vinča culture figurines: a study of social structure and organization // Documenta Praehistorica. 2011. XXXVIII. P. 131–147.
- Gallis 1985 – *Gallis K. J.* A late Neolithic foundation offering from Thessaly // Antiquity. 1985. Vol. LIX. P. 20–24.
- Lazarovici et al. 1985 – *Lazarovici G., Kalmar Z., Draşoveanu F., Luca S. A.* Complexul neolitic de la Parţa // Banatica. Reşiţa, 1985. 8. P. 7–71.
- Lesure 2011 – *Lesure R. G.* Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art. Cambridge, 2011.
- Lichardus 1988 – *Lichardus J.* Das Gräberfeld von Varna im Rahmen des Totenrituals des Kodžadermen–Gumelniţa–Karanovo VI-Komplexes // Macht, Herrschaft und Gold: das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neuen europäischen Zivilisation. Saarbrücken, 1988. S. 167–194.
- Maxim-Alaiba 1987 – *Maxim-Alaiba R.* Le complexe de culte de la phase Cucuteni A3 de Dumeşti (dép. Vaslui) // La civilisation de Cucuteni en contexte Europeen: Session scientifique dédiée au centenaire des premières découvertes de Cucuteni (Iaşi; Piatra Neamţ, 24–28 septembre 1984). Iaşi, 1987. P. 269–286.
- Palaguta 2007 – *Palaguta I.* Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites. Oxford, 2007 (BAR. IS. 1666).
- Parkinson 2006 – *Parkinson W. A.* Tribal boundaries: Stylistic variability and social boundary maintenance during the transition to the Copper Age on the Great Hungarian Plane // Journal of Anthropological Archaeology. 2006. 25. P. 33–58.
- Séfériadès 2010 – *Séfériadès M. L.* Spondylus and Long-Distance Trade in Prehistoric Europe // The Lost World of Old Europe: The Danube Valley, 5000–3500 BC. New York, 2010. P. 178–190.
- Schier, Draşoveanu 2005 – *Schier W., Draşoveanu F.* Masca rituală descoperită în tellul neolitic de la Uivar (jud. Timiş) // Analele Banatului, S. N., Arheologie-Istorie. Timişoara, 2005. XII–XIII. P. 41–56
- Slavchev 2010 – *Slavchev V.* The Varna Eneolithic Cemetery in the Context of the Late Copper Age in the East Balkans // The Lost World of Old Europe: The Danube Valley, 5000–3500 BC. New York, 2010. P. 192–210.
- Todorova 2002 – *Todorova H.* (Hrsg.). Durankulak, Band II. Die prähistorischen Gräberfelder. Berlin; Sofia, 2002.

Войцеховский могильник в свете новых исследований

Войцеховский мог-к является одним из ведущих памятников волинской группы комаровской культуры тшинецкого культурного круга (далее ТКК). Раскопки памятника были начаты в 1924 г. С. С. Гамченко (Гамченко 1924; Лагодовська 1948) и продолжены в 1949 г. Е. Ф. Лагодовской (Лагодовська, Захарук 1956). Всего было раскопано 16 курганов в курганной группе 1 и один – в курганной группе 2.

В архиве С. С. Гамченко среди черновиков сохранилась карта расположения курганных групп у с. Колодяжное, составленная И. Ф. Левицким (Гамченко 1924: № 47). Только на левом берегу р. Случь обозначено около сотни курганов. Группе 1 Войцеховского мог-ка по рукописи С. С. Гамченко на этой карте соответствует группа V, а группе 2 – группа VI.

В 2011 г. Фастовской археологической экспедицией были проведены разведки на левом берегу р. Случь между пос. Мирополь, сел. Колодяжное Романовского р-на Житомирской обл. и сел. Колосовка (бывш. Войцеховка) Полонского р-на Хмельницкой обл. Расположение курганных групп, обозначенных на плане И. Ф. Левицкого, частично удалось идентифицировать на местности, однако большинство курганов полностью распаханы.

Разведками 2011 г. была выявлена курганная группа 3, не обозначенная на плане И. Ф. Левицкого⁷ (рис. 1, 1). Возможно, именно эта группа упомянута в отчете Волинско-Подольской экспедиции ИА АН УССР за 1948 г. (Гончаров 1948: 7–8). Группа расположена в 1,8 км на ЮЮВ от ж/д станции Мирополь, на южной окраине земель левобережной части пос. Мирополь (Каменка), на плато высокого левого берега р. Случь, на расстоянии ок. 0,5 км к СВ от группы 1, в 235 м от изгиба р. Случь, резко выступающего к З. Группа занимает гребень песчаной гряды, идущей перпендикулярно берегу реки. Создается впечатление, что курганы насыпали на естественных дюнных возвышениях, что визуально увеличивает их размеры. Курганному могильнику предшествовало трипольское поселение этапа СII.

В группе зафиксированы шесть курганов, расположенных в ряд в направлении З–В на расстоянии 330 м. Были раскопаны кург. 1 и 3, которые могут быть отнесены к комаровской культуре ТКК.

Кург. 1 (2011 г.). Самый большой курган в группе. Расположен в центре ряда насыпей, на расстоянии ок. 0,35 км к З от р. Случь (N50°05,037', E27°40,304'). Визуально диаметр кургана – ок. 20 м, высота – ок. 1 м. Курган возведен над естественным возвышением. Реальный диаметр насыпи составляет ок. 13 м, высота над уровнем трипольского слоя – 0,7 м. Курган содержал одно погребение комаровской культуры ТКК.

В кургане обнаружены два свежих грабительских шурфа: 1 – в центре кургана, размерами 1,5 × 1 м и глубиной до 1–1,2 м, и 2 в южной поле, размерами 1,3 × 0,8 м и глубиной до 0,7 м. В выбросе из шурфа 1 найдены фрагменты стенок сосуда тшинецкого типа и трипольской культуры. Курган копался вручную с оставлением центральной бровки шириной 0,8 м, ориентированной по линии С–Ю. Центр возвышения был накрыт раскопом площадью 84 м² (8,4 × 10 м).

Прослежены следующие этапы сооружения кургана. В центре природного возвышения, на котором располагалось позднетрипольское поселение, была вырыта большая подпрямоугольная яма, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, размерами ок. 6 × 5,5 м, глубиной до 0,3 м от дневной поверхности, прорезавшая слой трипольского поселения. Предполагаемое назначение котлована – выравнивание площадки под погребение.

⁷ Принятая нами нумерация продолжает нумерацию групп, на которых проводились раскопки, в отчете С. С. Гамченко за 1924 г.

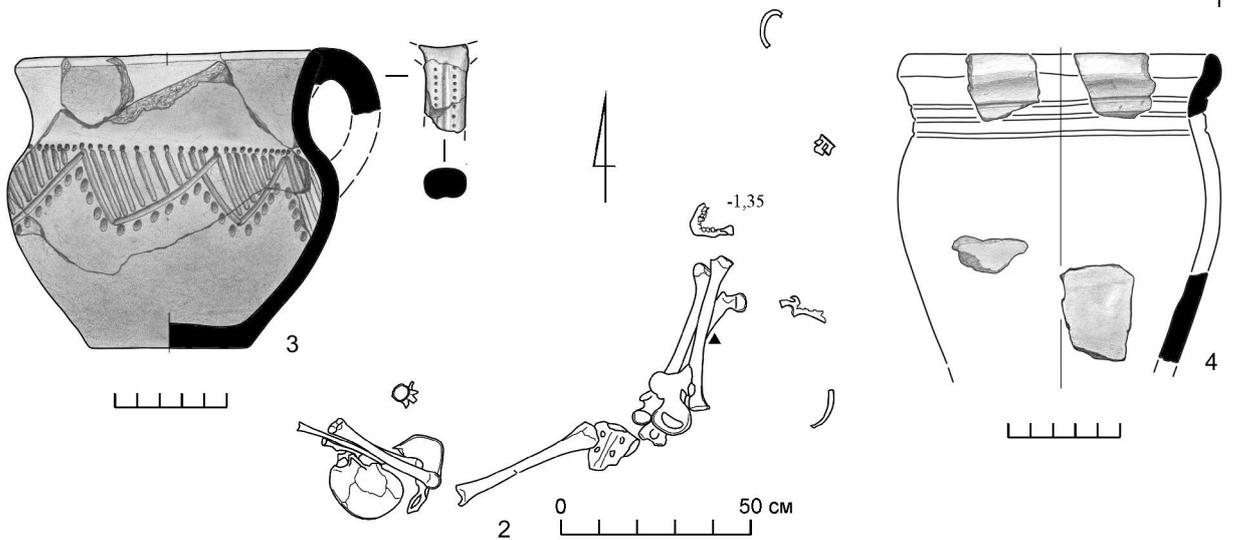
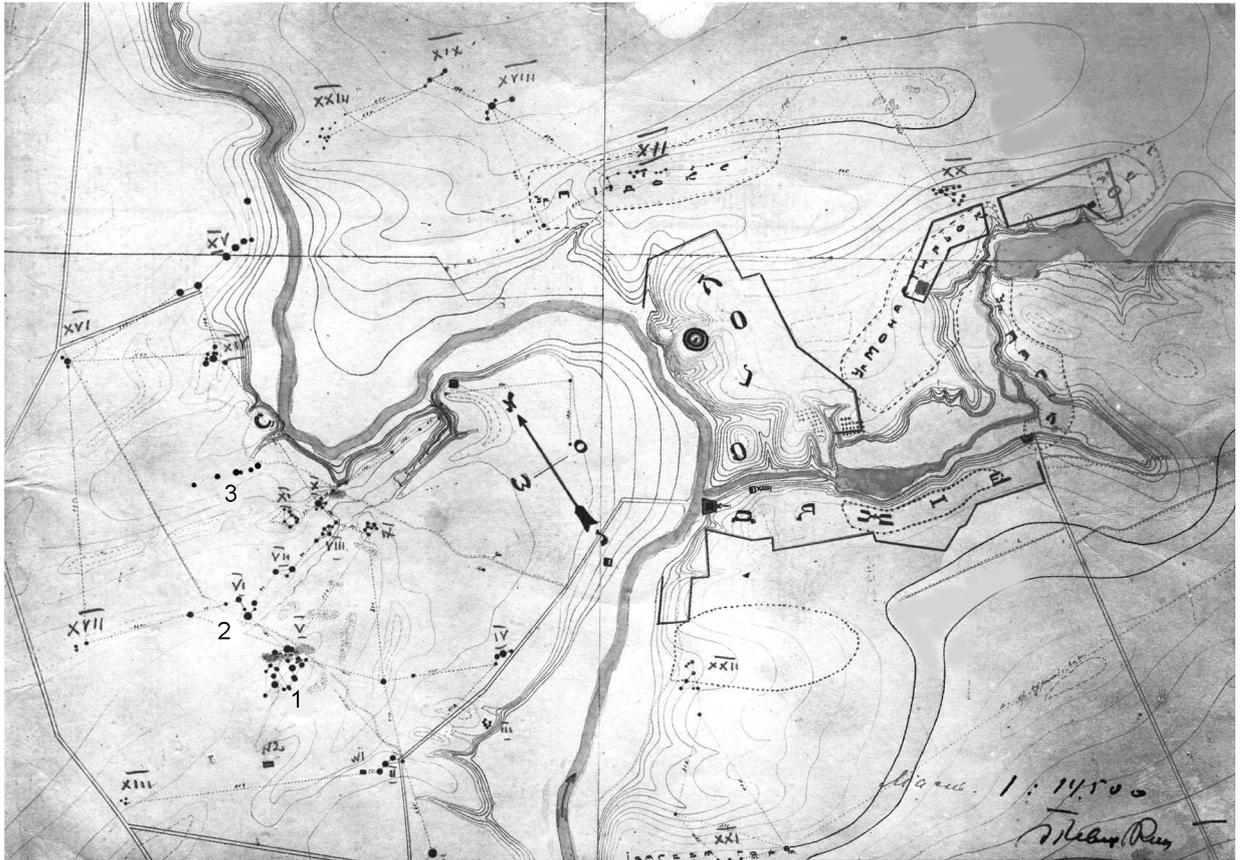

Рис. 1. Войцеховский мог-к:

- 1 – карта-схема расположения курганных групп между пос. Мирополь, сел. Колодяжное и Войцеховка (из архива С. С. Гамченко, составлена И. Ф. Левицким, с дополнениями 2011 г.);
 2 – курганный группа 3 (2011), кург. 1, погр. 1, план; 3–4 – керамика комаровской культуры из кург. 1 (2011)

Погр. 1 было впущено у северо-восточной стенки площадки, в 0,5 м к С от R₀. Контуры ямы не прослежены, глубина залегания костей – 1,3–1,35 м от R₀. Скелет (мужчина, 40–45 л.; определение Л. В. Литвиновой) был расчленен; кости сложены в определенном, но не анатомическом порядке (рис. 1, 2). Скопление ориентировано по линии СВ–ЮЗ ($\alpha 58-238^\circ$). Череп находился в ЮЗ части скопления вместе с крылом таза и трубчатыми костями рук, нижняя челюсть – в СВ. В центре были положены крестец и еще одно крыло таза. Между черепом и крестцом была вытянута

большая берцовая кость, вторая большая берцовая и обе бедренные кости были положены между крестцом и нижней челюстью (при этом бедренные кости положены так, что их суставные головки обращены в противоположные направления). Из мелких костей в погребении найдены два позвонка, два ребра и фрагмент лопатки.

Среди костей погребенного обнаружены два фрагмента венчика тюльпановидного горшка тшинецкого типа (сосуд 1). Фрагмент стенки этого сосуда встречен в выкиде из грабительского шурфа. Видимо, горшок был разбит непосредственно при захоронении. Нельзя исключать, что инвентарь, находившийся к западу от черепа, был изъят грабителями.

Особый интерес представляют зафиксированные следы обработки костей. На бедре сохранились следы срезания мягких тканей кремневым (?) ножом по мокрой кости. Правая ветвь нижней челюсти удалена и челюсть пришлифована. На лучевой кости обнаружены неглубокие параллельные насечки, выполненные острым предметом. На левом виске черепа большое отверстие с неровными краями. На лобной, теменной и височной костях черепа обнаружены следы зубов животного.

Насыпь кургана была возведена из слоя трипольского поселения и содержала множество фрагментов керамики и кремневых изделий трипольской культуры. Среди находок: фрагменты трех зооморфных (барашки?) и трех антропоморфных статуэток, 13 пряслиц (преимущественно, целые), около десятка фрагментов ткацких грузил. Северо-восточной полкой кургана была перекрыта яма трипольской культуры (объект 6). Еще одна трипольская яма (объект 8) была обнаружена в 1,8 м к ЮВ от предыдущей. В разных частях насыпи к З, СЗ и ЮЗ от погребения зафиксированы скопления керамики трипольской культуры («сфероиды» по С. С. Гамченко) – объекты 1–2, 4–5. В центре насыпи найдены три фрагмента кубков среднеднепровской культуры шнуровой керамики и кремневый топор этой же культуры. В различных частях кургана обнаружены остатки трех очагов-жертвенников, связанных с проведением погребального ритуала – объекты 3, 7, 9.

Объект 3 – очаг-жертвенник – расположен в квадрате Б/3, в 2,5 м на ЗСЗ от R_0 . Он представляет собой скопление размерами 0,8 × 0,5 м из четырех обожженных камней. Глубина залегания – 0,4 м от R_0 . Восточная часть объекта разрушена грабительским шурфом 1. Размеры камней составляют от 10 × 6 × 10 до 30 × 12 × 7 см.

Объект 7 – кострище (прокал и скопление углей) – расположен в квадрате В/3, в 1,2 м на ВСВ от R_0 и в 1,2 м на ВЮВ от тазовой кости погр. 1. Уровень залегания – 0,55 м от R_0 . Диаметр – ок. 0,3 м, толщина – ок. 1,5 см.

Объект 9 – очаг-жертвенник – расположен в восточной поле кургана, в квадрате В/3, в 2,8 м к ВСВ от R_0 . Он представляет собой скопление обожженных камней (размерами 0,45 × 0,7 м), ориентированное по линии СЗ–ЮВ. Уровень залегания составляет 0,55 м от R_0 . Рядом с очагом с СВ была поставлена небольшая глубокая чаша – сосуд 2. В чаше обнаружены остатки жертвенной пищи – ребро животного.

Сосуд 1 – тюльпановидный горшок (рис. 1, 4) – изготовлен из глины с примесью крупных зерен дресвы и включений мелких блесков слюдяного песка. Цвет черный; на стенке с внешней стороны – серый. Поверхность сосуда ангобирована и подлощена. Край венчика приострен. По шейке сосуд украшен горизонтальными желобками шириной ок. 1,5 мм и глубиной ок. 1 мм. Диаметр венчика равняется ок. 14 см, высота сосуда – более 15 см.

Сосуд 2 – глубокая чаша тшинецко-комаровского типа (рис. 1, 3). Венчик плавно отогнут, край уплощен под углом 45°. Плечико высокое, выпуклое. Днище плоское, изнутри – слегка выпуклое. По плечу и тулову сосуд орнаментирован заштрихованными треугольниками вершинами вниз. Вдоль нижнего контура треугольников расположена «бахрома» в виде неглубоких овальных вдавлений. В основании шейки сосуда располагается горизонтальный ряд круглых наколов диаметром до 2 мм. Тесто с примесью дресвы. Цвет оранжевый. Поверхность ангобирована и заглажена. Диаметр венчика составляет ок. 13 см; диаметр шейки – 12 см; максимальный диаметр корпуса – 14 см; диаметр донца – 7 см; высота сосуда – 12–13 см; высота нижней части – ок. 7 см; высота венчика – 3–3,5 см. Толщина стенок – 6–8 мм, ко дну толщина стенок увеличивается до 0,9 см. Толщи-

на донца у стенок составляет 0,9 см, в центре – 1 см; толщина края венчика равняется 6–6,5 мм. В пахотном слое к югу от объекта были найдены три фрагмента, принадлежавшие утраченной части сосуда (фрагмент шейки, фрагмент тулова и фрагмент ручки). Ширина ручки – ок. 1,8 см, толщина – ок. 1,2 см. В сечении ручка подовальная. По внешней поверхности она орнаментирована продольным желобком, окаймленным с двух сторон круглыми вдавлениями.

Кург. 2 (2011 г.) расположен на расстоянии ок. 110 м к ВЮВ от кург. 1, в 235 м от берега р. Случь (N50°05,018', E27°40,390'). Визуально диаметр кургана – ок. 15 м, высота – ок. 0,7 м. В центре кургана на поверхности найден фрагмент «дуршлага» тшинецкого типа.

Кург. 3 (2011 г.) расположен в 38 м к З от кург. 2 (N50°05,019', E27°40,358'). Визуально диаметр кургана – ок. 10 м, высота – ок. 0,4 м. Курган возведен над естественным возвышением. В центре кургана выявлено одно погребение (кенотаф), предположительно, относящееся к ТКК. В центре возвышения был заложен раскоп 8 × 6 м (48 м²), ориентированный по линии С–Ю. Курган копался вручную с оставлением центральной бровки.

Погр. 1 находилось в центре кургана, непосредственно под R₀. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии СЗ–ЮВ, размерами 2,1 × 1,6 м и глубиной 1,3 м от R₀. Высота насыпи над ямой составляет 0,35 м. В могиле нет находок (за исключением попавших в засыпку фрагментов трипольской керамики из культурного слоя поселения). Заполнение ямы углистое. В южном углу обнаружены остатки сгоревшей доски, размерами 11 × 5 см и толщиной ок. 1,5 см – вероятно, остатки сгоревшего продольного перекрытия. Углистые прослойки были прослежены и вдоль контура ямы при зачистке пятна на уровне –0,45 м R₀.

Из насыпи происходит несколько фрагментов от сосуда сосницкого типа, орнаментированного «колючей проволокой», и фрагмент венчика миски. К ЮВ от ямы, примерно на уровне ее фиксации обнаружен фрагмент придонной части сосуда с мелкой дресвой в тесте с многоваликовой орнаментацией. По находкам керамики курган может быть предварительно отнесен к ранне-тшинецкому времени.

Грунт для насыпи кургана был взят из культурного слоя трипольского поселения, поэтому при разборке насыпи обнаружены фрагменты керамики и кремневые изделия трипольской культуры. В слое, подстилавшем курган, также найдены несколько развалов кухонной и столовой посуды этой культуры. Скопления трипольской керамики зафиксированы главным образом под ЮВ полкой кургана. В СВ и ЮВ участках раскопа обнаружены остатки двух трипольских очагов.

Кург. 4 (2011 г.) расположен в 52 м на ЗСЗ от кург. 3, в 22 м на ЮВ от кург. 1 (N50°05,030', E27°40,318'). Визуально диаметр кургана – ок. 8 м, высота – ок. 0,2 м.

Кург. 5 (2011 г.) расположен в 96 м на ЗСЗ от кург. 1 (N50°05,059', E27°40,230'). Визуально диаметр кургана – ок. 15 м, высота – ок. 0,6 м.

Кург. 6 (2011 г.) расположен в 121 м на ЗСЗ от кург. 5 (N50°05,077', E27°40,133'). Визуально диаметр кургана – ок. 10 м, высота – ок. 0,3 м.

На площади Войцеховского мог-ка обнаружено также три местонахождения, предположительно связанных с распаханнами курганными группами.

Пункт 1 (2011 г.) расположен в СВ части могильника, к З от железнодорожного моста через р. Случь. Занимает пологий край склона левого берега реки. Подъемный материал собран на площади ок. 100 × 80 м. Найдены мелкие фрагменты керамики эпохи поздней бронзы–раннего железного века (в т. ч. тшинецкого типа?), а также печина и фрагменты от гончарных сосудов позднего средневековья.

Пункт 2 (2011 г.) расположен к З от курганной группы 3, позади затопленного карьера по добыче извести (N50°05,105', E27°40,048'). Занимает край дюнной гряды, вытянутой по линии ВЮВ–ЗСЗ. На площади ок. 20 × 30 м собраны фрагменты керамики эпохи позднего Триполья (?) и эпохи поздней бронзы.

Пункт 3 (2011 г.) расположен на расстоянии ок. 100 м на З от пункта 2, в центре дюнной гряды, в 30 м на Ю от столба ЛЭП № 79. На пашне собраны фрагменты керамики позднего

Триполья (?) и ТКК. Тщинецкая посуда представлена венчиком от горшка и фрагментом сосуда, украшенным широким, округлым в сечении валиком. Диаметр скопления керамики – ок. 15 м. Среди керамики обнаружены окислы тёмно-зелёного цвета от несохранившегося бронзового изделия. Длина фрагмента составляет ок. 3 мм, ширина – ок. 1 мм. Возможно, скопление керамики оказалось на месте распаханного кургана.

Таким образом, Войцеховский мог-к – это не только курганная группа, полностью раскопанная С. С. Гамченко и Е. Ф. Лагодовской, что нашло отражение в ряде последующих публикаций (Березанская 1972: 56–58; Лысенко Св. 2005). Проведенные исследования подтверждают высказанное ранее предположение (Лысенко, Лысенко 2010), что Войцеховский мог-к комаровской культуры ТКК занимал весь левый берег р. Случь между пос. Мирополь и сел. Войцеховка. Курганы группы 1, раскопанные С. С. Гамченко и Е. Ф. Лагодовской, содержавшие бронзовые изделия и значительное количество керамики, видимо, представляли собой центральную, возможно элитную, часть могильника.

Выявленные во время раскопок и разведок 2011 г. материалы трипольской культуры аналогичны обнаруженным здесь в 1924 и 1949 гг. (Лагодовская 1954). Как и курганные группы, трипольские материалы локализуются на вершинах дюнных возвышенностей, разделенных заболоченными низинами.

Наибольший интерес представляет обряд расчленения, зафиксированный в кург. 1. Подобный обряд находит широкие аналогии в горизонтах МП-II–МП-IV (1600–1200 BC) Малополовецкого мог-ка киево-черкасской группы комаровской культуры ТКК (Лысенко 2003). Известны такие погребения и на Войцеховском мог-ке. Например, погр. 3 кург. 11 курганной группы 1 (Лагодовська, Захарук 1956: 72, рис. 5).

По костям погребенного в кург. 1 (позвонок, ребро, сустав лопатки) в Киевской радиоуглеродной лаборатории получена радиоуглеродная дата (Кі-17441) 3050 ± 60 BP, (1δ) 1400–1250, 1240–1210 BC, (2δ) 1440–1110 BC. Вероятная дата погребения – XIV–первая половина XIII в. до н. э., что согласуется с датировкой комплекса по керамике – середина II тыс. до н. э. В результате курган может быть предварительно синхронизирован с горизонтом МП-IV Малополовецкого мог-ка киево-черкасской группы и с горизонтом Горд.-I Гордеевского мог-ка подольской группы ТКК.

Кург. 3, вероятно, относится к несколько более раннему времени и может быть синхронизирован с горизонтом МП-II Малополовецкого мог-ка. Датировка основывается на находке в насыпи фрагмента сосуда с многоваликовой орнаментацией, тесто которого напоминает сосуды эпипнурового горизонта, вместе с фрагментом от сосуда сосницкого типа, орнаментированного «колючей проволокой».

Гамченко 1924 – *Гамченко С. С.* Раскопки 1924 г. на Волини. Рукопись // НА ИА НАНУ, ф. С. С. Гамченко, № 46–48.

Гончаров 1948 – *Гончаров В. К.* Отчет о работах Волинско-Подольской археологической экспедиции 1948 года // НА ИА НАНУ, № 1948/5.

Березанская 1972 – *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев, 1972.

Лагодовська 1948 – *Лагодовська О. Ф.* Войцехівський могильник бронзової доби на Волині // Археологія. Київ, 1948. Т. II. С. 62–77.

Лагодовская 1954 – *Лагодовская Е. Ф.* Войцеховское позднетрипольское поселение // КСИАУ. 1954. Вып. 3. С. 86–89.

Лагодовська, Захарук 1956 – *Лагодовська О. Ф., Захарук Ю. М.* Нові дослідження Войцехівського могильника // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1956. Т. VI. С. 69–74.

Лысенко 2003 – *Лысенко С. Д.* Поховання за обрядом демембрації доби пізньої бронзи у Середньому Подніпрров'ї // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Переяслав-Хмельницький, 2003. Вип. 14. С. 53–62.

Лысенко, Лысенко 2010 – *Лысенко С. Д., Лысенко С. С.* Вклад С. С. Гамченко в изучение памятников тши-нецкого культурного круга // Мат-лы конф. «История археологии: личности и школы (К 160-летию В. В. Хвойки)», Киев, октябрь 2010 (в печати).

Лысенко Св. 2005 – *Лысенко С. С.* Многоспиральные браслеты из Войцеховского могильника // Проблемы археологии Среднего Подніпров'я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. Київ; Фастів, 2005. С. 209–214.

**В. В. Бочковой, И. И. Марченко, Н. Ю. Лимберис, А. Д. Резепкин
(Краснодар, Санкт-Петербург, Россия)**

Материалы поселения Чекон и классификация керамики майкопской культуры

Поселение Чекон расположено в юго-восточной части Таманского п-ова. Спасательными раскопками было вскрыто 1000 м² культурного слоя, толщина которого местами достигала 1 м. Подавляющее количество находок на поселении составляет керамика. Она была обработана согласно предложенной ранее классификации керамики майкопской культуры (Резепкин 2009; 2012; Резепкин, Поплевко 2009).

Миски. Всего на поселении было найдено 596 фрагментов венчиков мисок, из них три из-за небрежности выделки, трудно отнести к какому-либо из выделенных нами типов. Из 12 предложенных в нашей классификации форм мисок, на поселении обнаружено семь, а у формы 3 появилась ее разновидность – форма 3а, ранее на поселениях не встречавшаяся. От формы 3 ее отличает венчик, который горизонтально отогнут не только наружу, но и вовнутрь, что придает ему в сечении характерную «рельсовидную» форму (рис. 1). Еще одна отличительная особенность поселения Чекон – это значительный процент керамики с примесями. Примеси в составе керамического теста встречены во всех выделенных формах мисок, кроме формы 6 (4 экз.). Больше всего мисок с примесями относится к формам 8 (из 8 мисок – 6 с примесями) и 5 (из 20 экз. – 12 с примесями, т. е. 60 %). Среди мисок формы 1 миски с примесями в тесте составляют 27 %, формы 2а – 22 %, 3а – 18 %. В остальных формах их количество незначительно. Например, найдена всего одна миска формы 2 с примесями и четыре – формы 3. В целом на поселении Чекон миски с примесями в тесте составляют 19,6 % от всех мисок (табл. 1). Это явно больше, чем на других поселениях майкопской культуры.

Таблица 1

Поселение Чекон, количественное соотношение керамики с примесями и без примесей

Категория посуды Место находки Наличие/отсутствие примесей	Миски			Сосуды			Всего керамики
	В слое	В ямах	Всего мисок	В слое	В ямах	Всего сосудов	
Без примесей	332	147	479	155	46	201	680
С примесями	85	32	117	135	106	241	358
Итого:	417	179	596	290	152	442	1038

Как и на остальных поселениях майкопской культуры, в Чеконе доминируют только три выделенные формы мисок: форма 2 – 44,6 %, форма 1 – 15,5 % и формы 3 и 3а – 34 %, т. е. три формы в этой категории керамики в целом составляют 94,1 % от всего количества мисок на поселении.

Из рис. 1 видно, что к ранее выделенной по мискам закубанской группе поселений, где форма 2 является наиболее многочисленной (Резепкин, Поплевко 2009: 84, рис. 2) можно добавить и поселение Чекон, где миски этой формы также занимают 44,6 % от их общего количества на поселении. Миски формы 3 с вариантом 3а, как и на остальных поселениях закубанской группы, занимают второе место – 34 %, а формы 1 сравнительно немногочисленны – их всего 15,5 %. Особенностью поселения Чекон следует считать довольно большое количество найденных мисок с венчиками «рельсовидной формы» – форма 3а. Поселения закубанской группы отличаются от поселений

Большетегинское и Усть-Джегутинское, составляющих среднекубанскую группу, большим разнообразием форм венчиков мисок (рис. 1).

Сосуды. Из 14 выделенных форм (Резепкин 2012) на поселении обнаружено 10, причем три – по одному экземпляру (рис. 2). Как и в случае с мисками, найдено большое количество сосудов с примесями, их на поселении даже больше, чем сосудов без примесей: 241 из 442, т. е. 54,5 % (табл. 1).

Наибольший процент сосудов с примесями выявлен в венчиков форм ба – 90 %, б – 83 %, 5 – 77 %, 4 – 63 %, т. е., из 10 форм (три из которых насчитывают по одному экземпляру) в четырех – подавляющее количество керамики с примесями. Среди сосудов формы 2 экземпляры с примесями в тесте составляют 40 %. Из количественно значимых групп сосуды только двух форм (1 и 3) практически не имеют примесей. Из теста с примесями были изготовлены только по одному сосуду таких форм. Еще одна особенность состава керамического комплекса поселения – это то, что керамика с примесями, как правило, более слабого обжига, хуже лощеная, серого, либо темно-серого цвета. Примеси к керамическому тесту состоят, преимущественно, из мелко- и крупнотолченой раковины, реже – из известняка или кварцита. Создается впечатление, что эти сосуды принадлежат к иной, не майкопской технологической традиции. Это предположение было высказано уже давно (Корневский 1991: 40, Резепкин 1991: 21, Трифонов 1991: 26).

Из общего количества сосудов всех поселений наибольший процент составляют сосуды с венчиками формы 1 – 25,2 % (рис. 2). Сосуды с такой формой венчика преобладают еще на пяти поселениях, кроме поселений Беляевское, Серегинское и Галюгаевское I (рис. 2). На Беляевском и Галюгаевском I большинство составляют сосуды формы 2, на Серегинском – венчики сосудов формы ба, которые почти все содержат примеси в тесте (рис. 2).

Ранее нами были выделены (на основе анализа форм мисок) две группы поселений: закубанская и среднекубанская. Для закубанской группы более характерны сосуды с венчиком формы 2 (17,2 %), тогда как в среднекубанской группе они составляют 11,5 %. Вторая по частоте встречаемости группа венчиков сосудов на поселениях – форма ба (почти все сосуды – с примесями) также более характерна для закубанской группы поселений (19,8 %), тогда как в среднекубанской она составляет 3,5 %. По венчикам формы 4 (где также процент сосудов с примесями весьма велик), соответственно: 9,8 % и 4,5 %. По амфорам с пластинчатыми ручками – 5,5 % и 1,4 %. Кроме того, сосуды форм 11–14 в среднекубанской группе составляют почти треть всех сосудов этой группы (32,8 %), тогда как в закубанской их всего 4,2 %. Поселение Галюгаевское I по-прежнему стоит особняком. В нем меньше, чем на остальных поселениях, найдено венчиков сосудов формы 1, но больше всех – венчиков сосудов форм 2 и 4, а из форм 11–14 представлен только один венчик формы 11 (рис. 2).

Таким образом, можно констатировать, что выделение двух территориальных ареалов поселений майкопской культуры – закубанского и среднекубанского, основанное на статистическом анализе выделенных форм венчиков мисок, в целом подтверждается и соответствующим анализом выделенных форм венчиков сосудов. Поселение Чекон, хотя и расположено далеко от Закубанья, все же по своим основным параметрам входит в закубанский ареал майкопских поселений.

Имеется и еще ряд признаков, которые объединяют закубанский ареал поселений. Это, прежде всего, т. н. очажные подставки ярко выраженной «грибовидной» формы со сквозным отверстием в верхней трети. Они найдены на всех поселениях, но в среднекубанской группе не обнаружены. Подобные подставки есть и на пос. Галюгаевское I, но в отличие от закубанских они, во-первых, имеют не столь ярко выраженную «грибовидную» форму, а во-вторых, они «сплошные», в отличие от подавляющего большинства подставок на закубанских поселениях, которые имеют полое основание (Резепкин 2007: 12, рис. 6, 3–4; Корневский 1995: 150–153, рис. 65–68). На сосудах всех поселений закубанской группы обнаружен также пролощенный орнамент, которого нет на других поселениях. Кроме того, только на поселениях этой группы найдены кремневые флажковидные наконечники стрел и глиняные модели колес.

	Формы венчиков мисок	Чекон	Псекулс	Пхагулап	Серегинское	Беляевское	Больше-тегинское	Усть-Джегутинское	Галюгаевское I	Всего
1		92 15,5	4 9,1	14 8,1	8 23,5	1 1,4	119 56,1	46 46	16 29,1	200 23,3
2		30 5,1	10 22,7	67 39	4 11,8	9 12,2	3 1,4	10 10	5 9,1	138 10,7
2a		234 39,5	16 36,4	34 19,8	6 17,6	22 29,7	46 21,7	27 27	8 14,5	393 30,7
3		114 19,2	7 15,9	17 9,9		28 37,8	18 8,5	4 4	21 38,2	209 16,2
3a		88 14,8								88 6,8
4			1 0,4	23 13,4	2 5,9	2 2,7				28 2,2
5		20 3,4	2 0,8	4 2,3	9 26,5	5 6,8		1 1		41 3,3
5a		3 0,5	1 0,4	3 1,7	3 8,8					10 0,8
6		4 0,7	1 0,4	6 3,4		2 2,7	1 0,5			14 1,1
7			2 0,8	1 0,6		1 1,4	11 5,2	2 2		17 1,3
8		8 1,3		2 1,2	2 5,9	3 4,1	1 0,5			16 1,2
9				1 0,6					5 9,1	6 0,5
10								10 10		10 0,8
11							13 6,1			13 1,0
12						1 1,4				? 1
	Всего	593 100	44 100	172 100	34 100	74 100	213 100	100 100	55 100	1284 100

Рис. 1

Количественное (верхняя цифра) и процентное (нижняя цифра) распределение венчиков майкопских мисок по типам и поселениям

	Формы венчиков сосудов	Чекон	Псекупс	Пхагулап	Серегинское	Беляевское	Больше-тегинское	Усть-Джегутинское	Галюгаевское I	Всего
1		114 25,8	12 30,0	28 22,9	15 20,5	47 22,8	17 21,8	77 31,7	7 6,7	317 25,2
2		35 7,9	8 20,0	16 22,9	19 26,0	19 9,2	12 13,3	19 7,8	32 30,5	160 12,7
3		13 2,9	1 2,5	5 7,1	5 6,8	6 2,9		2 0,8		32 2,5
4		65 14,7	4 10	6 8,6	12 16,4	19 9,2	3 3,8	13 5,3	23 21,9	145 11,5
5		61 13,8		1 1,4	4 5,5	1 0,5	4 5,1	23 9,5	3 2,9	97 7,7
6		6 1,4	2 5,0	1 1,4		15 7,3	14 17,9	8 3,3	5 4,8	51 4,1
6a		145 32,8	4 10,0	8 11,4	14 19,2	73 35,4		17 17,0	21 20,0	282 22,4
7		1 0,2	6 15,0	3 4,3	2 2,7	7 3,4	1 1,3	4 1,6	7 6,7	31 2,5
8			2 5,0		2 2,7	4 1,9		3 1,2	1 1,0	12 1,0
9								2 0,8	1 1,0	3 0,2
10		18 0,2							3 2,9	4 0,3
11			1 2,5			8 3,9	4 5,1	1 0,4	1 1,0	15 1,2
12						4 6,3	13 16,7	57 23,5		74 5,9
13						1 1,5	3 3,8	7 2,9		11 0,9
14		1 0,2		2 2,9		2 3,4	7 9,0	10 4,1		22 1,8
	Всего	442 100	40 100	70 100	73 100	206 100	78 100	243 100	104 100	1256 100

Рис. 2

Количественное (верхняя цифра) и процентное (нижняя цифра) распределение венчиков майконских сосудов по типам и поселениям

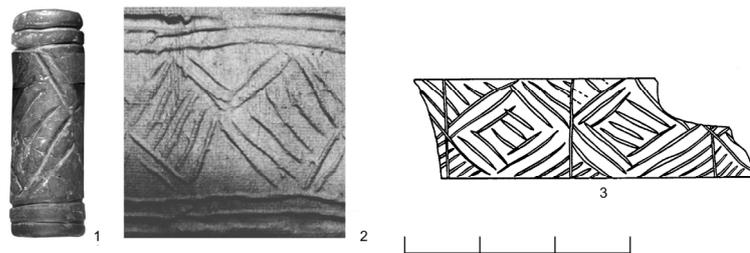

Рис. 3. Цилиндрические печати геометрического стиля:
1–2 – поселение Чекон (1 – фото; 2 – оттиск; изготовлены Г. Н. Поплевко);
3 – Телль Лейлан, Северо-Восточная Сирия

Помимо майкопской керамики, на поселении Чекон обнаружено несколько десятков фрагментов чернолощенной ранненовободненской керамики. Это ручки от амфор (14 экз.), венчики кубков (9 экз.), мисок (41 экз.). Встречено также более двух десятков плоских донцов от черно- и серолощенных сосудов. В тесте всей этой керамики в подавляющем большинстве присутствует толченый известняк, что также характерно для новободненской керамики (Резепкин 2009: 158). Аналогичные обломки керамики, только более полно сохранившие форму сосудов, были найдены и на поселении Серегинское (Днепроvский, Яковлев 1988).

Но, пожалуй, наиболее интересной находкой на поселении является цилиндрическая печать (рис. 3, 1) черного цвета. По краям печати вкруговую идут по две довольно глубокие канавки, остальная площадь заполнена двумя ромбами. Их углы соприкасаются друг с другом, а каждая из сторон обрамлена двумя параллельными линиями. Внутри каждого ромба расположено по три параллельные линии так, что эти две группы линий находятся под острым углом друг к другу (рис. 3, 2). Эту печать можно отнести к т. н. геометрическому стилю. Ближайшую аналогию ей удалось найти на поселении Телль Лейлан (рис. 3, 3) на северо-востоке Сирии (Parayre 1987–1988: 136, fig. 1).

Цилиндрические печати появились в период среднего урука и получили широкое распространение по всему Переднему Востоку (Mazzoni 2000: 100–101). Печати этого стиля обнаружены в слоях 39–14 Телль Лейлан, т. е. с конца урука и до архаических династий Ура (Parayre 1987–1988: 128–129). Образец из поселения Телль Лейлан относится к более позднему времени, чем из поселения Чекон. От печати из поселения Чекон ее отличают три особенности: 1) по краям печати не прорезаны две параллельные канавки, 2) поле печати вне ромбов не пустое, а заполнено параллельными линиями, 3) прочерченные линии внутри каждого ромба расположены не под углом, а параллельно. Но, в целом, два этих предмета очень близки по стилю и исполнению. На Северном Кавказе это вторая цилиндрическая печать, причем обе найдены на Северо-Западном Кавказе. Предыдущая была обнаружена в Прикубанье в майкопском погребении у сел. Красногвардейское (Нехаев 1986). Эта печать была найдена в комплексе с майкопскими сосудами, шейки которых (также как и некоторые сосуды из поселения Чекон), были орнаментированы пролощенным зигзагообразным орнаментом, характерным для эпохи среднего урука (Резепкин 2003: 45–46).

Таким образом, поселение майкопской культуры Чекон можно уверенно датировать, как и остальные поселения закубанской группы, второй третью IV тыс. до н. э.

Днепроvский, Яковлев 1988 – Днепроvский К. А, Яковлев А. А. Новое поселение эпохи ранней бронзы в Закубанье // Материальная культура Востока. М., 1988. Ч. 1. С. 79–89.

Корневский 1991 – Корневский С. Н. К вопросу о Майкопе на Среднем Тереке // МФ. 1991. С. 38–42.

Корневский 1995 – Корневский С. Н. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М., 1995.

Нехаев 1986 – Нехаев А. А. Погребение майкопской культуры у с. Красногвардейское. // СА. 1986. № 1. С. 244–248.

Резепкин 1991 – Резепкин А. Д. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // МФ. 1991. С. 20–21.

- Резепкин 2003 – *Резепкин А. Д.* Керамика майкопской культуры с лошеным орнаментом // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 45–54.
- Резепкин 2009 – *Резепкин А. Д.* Миски из поселений майкопской культуры. Классификация // Пятая Кубанская археол. конф. Краснодар, 2009. С. 317–324.
- Резепкин 2012 – *Резепкин А. Д.* Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации: XXVII КЧ. Махачкала, 2012. С. 125–128.
- Резепкин, Лионне 2007 – *Резепкин А., Лионне Б.* Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани // RA. 2007. Vol. III, nr. 1–2. С. 5–73.
- Резепкин, Поплевко 2009 – *Резепкин А. Д., Поплевко Г. Н.* Классификация мисок майкопской культуры // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 81–89.
- Трифонов 1991 – *Трифонов В. А.* Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // МФ. Л., 1991. С. 38–42.
- Mazzoni 2000 – *Mazzoni S.* From the Late Chalcolithic to Early Bronze I in North-West Syria: Anatolian contact and regional perspective // Chronologies des pays du Caucase et de L’Euphrate aux IV–III millenaries. Paris, 2000. P. 97–109.
- Parayre 1987–1988 – *Parayre D.* Tell Leilan 1987. Sceaux et empreintes de sceaux // Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes. 1987–1988. XXXVII–XXXVIII. P. 128–141.

В. А. Трифонов, Г. И. Зайцева, Х. Плихт, Н. Д. Бурова, А. А. Семенцов, С. А. Ришко (Санкт-Петербург, Гронинген; Россия, Нидерланды)

Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западе Кавказа

Проблема. Традиционное представление о «дольменной» культуре как о явлении, связанном исключительно со строительством дольменов, на самом деле справедливо ровно в той степени, в какой дольмены представляют все разнообразие форм погребальной обрядности этой культуры. Однако именно вопрос об универсальности дольменного, и, шире, коллективного обряда погребения в «дольменной» культуре остается открытым, т. к. пока неясно, все ли смертные проходили через этот обряд в эпоху строительства дольменов или он был относительно избирательным?

При отсутствии стратиграфических данных, для выявления альтернативных форм погребального обряда в «дольменной» культуре, радиоуглеродное датирование останков погребенных остается ключевым методом определения факта сосуществования различных погребальных ритуалов в рамках одной культуры. Другими словами, с точки зрения хронологии, проблема разнообразия форм погребального обряда «дольменной» культуры – это проблема оценки их синхронности.

Обряд погребения в дольменах. В настоящее время археология располагает достаточным количеством достоверных данных, чтобы не сомневаться в погребальном назначении дольменов Северо-Западного Кавказа. Можно сказать, что функция дольменов в полной мере соответствует смыслу и содержанию традиционных названий этих сооружений, принятых в языках коренных народов Западного Кавказа (абхазский: кеуж, адамра – древние могильные дома; мегрельский: одзвале, садзвале – вместилище костей) (Марковин 1978). Научные гипотезы о характере погребального обряда в дольменах, сформулированные еще на заре систематического изучения этих памятников (Куфтин 1949; Соловьёв 1960), долгое время оставались без должного обоснования достоверными наблюдениями. Этому препятствовали два обстоятельства: характер памятников и методический уровень их раскопок. Во-первых, «содержимое» дольменов почти никогда не соответствует стандартам «закрытого» археологического комплекса, т. к. сама конструкция дольменов предполагала их многократное использование, оставляя возможным вторжение в погребальную камеру и после завершения их использования как во времена существования «дольменной» культуры, так и много позднее, вплоть до наших дней. Во вторых, предвзятые идеи относительно

дольменного погребального обряда и отсутствие профессионального опыта отразились на качестве раскопок и фиксации потенциально исключительно информативных памятников.

Полевые исследования последних лет во многом восполняют эти пробелы, в первую очередь, благодаря открытию на Черноморском побережье дольменов, еще в древности перекрытых мощными природными отложениями, накопление которых связано, вероятнее всего, с новочерноморской трансгрессией Чёрного моря приблизительно во II тыс. до н. э. Эти обстоятельства придают таким памятникам некоторые свойства «закрытых» археологических комплексов, по крайней мере, гарантируя их неприкосновенность на протяжении последних трех тысячелетий.

Одним из таких памятников является дольмен Колихо, случайно открытый после паводка местными жителями в русле р. Колихо – левом притоке р. Агой, на окраине сел. Агуй-Шапсуг, Туапсинского р-на Краснодарского края. Результаты исследования этого дольмена сегодня имеют исключительное значение для реконструкции деталей обряда и систематизации сведений, накопленных в предшествующие годы.

В маленькой ($1,3 \times 1,4 \times 1,5$ м) погребальной камере дольмена Колихо, окруженной каменным керном, находились останки ок. 70 погребенных различного пола и возраста. Все они были помещены в камеру через пробитое в фасадной плите круглое отверстие диаметром 43 см. По ряду признаков можно предположить, что до размещения в дольмене тела умерших были естественным образом мумифицированы, причем некоторые из них были частично или полностью лишены мягких тканей.

Несмотря на то, что частично мумифицированные тела умерших помещали в дольмен с возможным интервалом в 5–7 л., необходимость сохранять доступ в тесную камеру через относительно низкое отверстие в фасадной плите требовала перемещения разлагающихся тел от входа к задней и боковым стенам дольмена. В первую очередь, это касалось черепов – наиболее объемных и прочных частей скелетов. Вот почему их больше всего у задней и боковых стен, причем лежат они там в несколько ярусов и без нижних челюстей. Похоже, что такое расположение черепов, эпизодически отмеченное и в других раскопанных дольменах, стало причиной давно бытующего, но лишённого оснований легендарного мнения об усаженных вдоль дольменных стен покойниках.

При антропологической сохранности суставов, углы сгибов между сопряженными костями оказывались значительно меньше тех, какие можно придать телу с сохранившимися мягкими тканями. То же самое касалось и расстояний между согнутыми в коленях ногами – кости голени и бедер в ряде случаев лежали почти параллельно друг другу, без намека на присутствие нормального объема мягких тканей в тот момент, когда телам была придана эта неестественная поза. Вполне вероятно, что признаки естественной мумификации указывают на реальность существования в эпоху строительства дольменов погребального обряда, элементы которого были зафиксированы в Абхазии еще в XVII в. и описаны монахом-доминиканцем Джованни Лука и турецким путешественником Эвлия Челеби как «воздушные погребения». Предположения о возможности практики такого погребального обряда в дольменах высказывалась неоднократно, но достоверные сведения, подтверждающие это предположение получены только сейчас.

Если погребальный обряд действительно проходил в несколько этапов, растянувшихся на год или дольше, – это могло бы объяснить сразу несколько особенностей дольменов: напр., почему отверстие в фасадной плите дольменов не бывает меньше 20 см или отчего в дольменах находят так мало погребальных даров. Личные вещи умерших, ритуальный инвентарь, напутственная пища, как и следы погребальных пиров, могли находиться там, где проходила первая, а не последняя фаза обряда, т. е. не в дольмене, а, напр., в священной роще, на деревьях которой какое-то время и висели покойники, уложенные в колоду или завернутые в бычью шкуру. Снятое с деревьев, мумифицированное, полуразложившееся тело, самой громоздкой частью которого становилась голова, затем переносили на дольменное кладбище и помещали в погребальную камеру через отверстие в фасадной плите, размер которого и не мог быть меньше 20 см, что чуть больше среднего продольного размера человеческого черепа. Небольшие размеры погребальной камеры дольмена

Колихо косвенным образом свидетельствуют о скорченной позе тел, т. к. для вытянутого положения покойников среднего роста в ней просто не хватает места. Можно предположить, что при вытянутом положении, длина или ширина погребальной камеры дольмена не должна быть меньше 160–165 см.

Из этого, конечно, вовсе не следует, что дольменный обряд повсеместно и на протяжении всего существования этой культуры был именно таким, как в дольмене Колихо, но его варианты оставались доминирующей формой погребального ритуала, на что указывают многочисленные признаки этого обряда в пределах всей территории распространения кавказских дольменов (Марковин 1997).

Радиоуглеродное датирование и дольменный ритуал. Теоретически, при помощи радиоуглеродного датирования можно определить все основные хронологические характеристики отдельно взятого дольмена, в число которых входят, в первую очередь, даты строительства дольмена и последовательности совершенных в нем погребений. Однако на практике осуществить такое серийное датирование удастся в исключительно редких случаях, главным образом, из-за недостатка качественных образцов, точно характеризующих различные эпизоды строительства или использования дольмена. Например, по образцам из дольмена Джубга удалось определить только время его строительства (Трифонов 2009), в дольмене Псынако датированы события, связанные с его строительством и использованием дромоса, а в дольменах из урочища Клады датированы одиночные образцы костей погребенных. В целом, база, в которую входит ок. 20 дат для различных дольменов, позволяет обозначить хронологические границы эпохи их строительства и регулярного использования как период между началом III тыс. до н. э. и последней четвертью II тыс. до н. э. (Трифонов 2001), но остается бесполезной для оценки продолжительности использования любого отдельно взятого дольмена.

Этот пробел частично восполняют данные радиоуглеродного датирования образцов из дольмена Колихо. При отборе образцов в расчет были приняты условия формирования заполнения погребальной камеры и обстоятельства изоляции дольмена от возможных проникновений после завершения его использования как склепа. Предполагалось, что, несмотря на признаки перемещения части скелетов погребенных из центральной части камеры к ее задней стене, общая масса костных останков, толщиной ок. 70 см, сохранила первоначальную стратиграфию, отражающую последовательность захоронений. Тринадцать костных образцов были отобраны с разных уровней залегания от пола дольмена до верхнего уровня накопления, разделенного на условные горизонты мощностью ок. 7 см. Для исключения повторного датирования одних и тех же скелетов была проведена антропологическая селекция костей. Еще один образец был взят из кострища, зафиксированного на поверхности керна, окружавшего дольмен. Три образца из погребальной камеры были обработаны в лаборатории в Гронингене (Нидерланды), остальные – в лаборатории ИИМК РАН. Четыре образца оказались непригодны для датирования по традиционной технологии из-за недостаточного количества коллагена. Всего было получено девять дат (табл. 1, № 1–9).

Результаты датирования образцов человеческих костей, выполненные в разных лабораториях по разным технологиям – жидкостно-сцинтиляционной в Санкт-Петербурге и ускорительной масс-спектрометрии в Гронингене – хорошо согласуются между собой, но даты голландской лаборатории точнее за счет меньшей величины статистического отклонения.

Если соответствие между датами и стратиграфической позицией образцов можно отнести к ожидаемым результатам измерений, то общий итог расчетов стал абсолютной неожиданностью. Оказалось, что в период между 1800–1300 гг. до н. э., в дольмене без заметных перерывов хоронили людей. Таким образом, склеп использовали в течение 450–500 л., т. е. на протяжении жизни почти 20 поколений. Половой и возрастной состав погребенных говорит об отсутствии какой-либо селекции по этим признакам, и если допустить, что всех захороненных в дольмене при жизни связывали родственные отношения, а средняя продолжительность жизни была ок. 50 лет, то результаты радиоуглеродного датирования позволяют сделать некоторые предварительные расчеты

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного датирования из дольмена Колихо и мог-ка Гнокопсе

№	Памятник	Географические координаты (широта/долгота) WGS 84	Местонахождение образца	Образец (материал, коллекционный шифр)	Индекс лабораторий	¹⁴ C возраст ВР	Интервал калиброванного календарного возраста, (1σ) лет до н. э. (Cal BC) OxCal 3.0
1.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена	кости человека КЛХ-08-918	GrA-44378	3505 ± 30	1850-1770
2.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена, дно	кости человека	Ле-8719	3350 ± 80	1740-1520
3.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена, уровень расчистки 800	кости человека	Ле-8722	3210 ± 120	1640-1370
4.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена, уровень расчистки 900	кости человека	Ле-8721	3140 ± 100	1520-1290
5.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена	кости человека КЛХ-08-922	GrA-44379	3195 ± 30	1495-1435
6.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена, уровень расчистки 700	кости человека	Ле-8723	3050 ± 120	1440-1120
7.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена	кости человека КЛХ-08-138	GrA-44376	3015 ± 30	1320-1250
8.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена, уровень расчистки 600-100	кости человека	Ле-8725	2930 ± 170	1320-930
9.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	поверхность насыпи	уголь	Ле-8537	2720 ± 30	900-830
10.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 1, скелет 1	кости человека	Ле-8318	3760 ± 150	2350-2010
11.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 1, скелет 1	кости человека	Ле-8319	3700 ± 160	2340-1880
12.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 1, скелет 2	кости человека	Ле-8320	3060 ± 90	1430-1190
13.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 1, скелет 2	кости человека	Ле-7708	3220 ± 120	1670-1380
14.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 1, скелет 2	кости человека	Ле-7709	3120 ± 100	1520-1260
15.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 2	кость человека	GrA-44380	3175 ± 30	1495-1475 1460-1420

относительно размера и типа социальной группы, которой мог принадлежать дольмен Колихо. Такой коллектив родственников едва ли превышал 10 человек и, вероятнее всего, представлял семью, а сам дольмен был семейным склепом. Это, в частности, может объяснить массовый характер строительства дольменов и их объединение в пространственно структурированные группы различного размера. Принадлежность к семье в «дольменном» обществе была настолько большой общественной ценностью, что требовала размещения в семейном склепе останков даже тех родственников, которые умерли вдали от родных мест, на что указывают результаты анализов изотопов стронция в костях погребенных из дольмена Колихо (Trifonov et al. 2012).

Вместе с тем, при всей важности семейных отношений, они не исчерпывают всего разнообразия социальных связей, а следовательно, и не исключают возможности существования погребальных ритуалов, альтернативных «дольменным» обрядам.

Могильник Гнокосе: обряд и радиоуглеродные даты. В августе 2006 г. при рытье колодца на окраине того же поселка Агуй-Шапсуг, рядом с которым был найден дольмен Колихо, на правом берегу р. Гнокосе – правом притока р. Агой, в 5 м от поверхности, были обнаружены следы древнего могильника. В шахту колодца диаметром 3 м попало две могилы в каменных ящиках. При осмотре погребений было установлено, что одно из них серьезно повреждено строителями, в то время как расположенное рядом с ним второе погребение почти не пострадало.

В разрушенном каменном ящике без дна (погр. 1) были зафиксированы останки трех взрослых погребенных, тела которых, судя по расположению костей, утратили значительную часть мягких тканей и связок еще до захоронения в ящике. Останки погребенных были уложены друг на друга и, вероятно, в момент похорон были завернуты в ткань или шкуру, т. к. представляли компактное скопление, заметно меньшее (60 × 70 см), чем размеры могилы.

Нижний скелет, принадлежащий мужчине примерно 60 л. (все антропологические определения сделаны В. И. Селезнёвой, МАЭ РАН), сохранил признаки сильно скорченного положения на правом боку, головой на СЗ. Поверх него лежали останки мужчины 30–35 л. Они представляли собой уложенные параллельно друг другу трубчатые кости конечностей и череп. Нижние челюсти обоих погребенных не были найдены. Кости третьего умершего были почти полностью утрачены во время копки колодца.

О размерах и конструкции каменного ящика можно судить только по сохранившимся фрагментам его стен. Вероятно, он имел форму, близкую к прямоугольной. По конструкции это была яма, стены которой частично укрепляли вертикально поставленными обломками тонкого слоистого песчаника. Плиты пола не было. Длина ямы не превышала 1,5 м, а ширина составляла ок. 0,7–0,8 м. Высота стен была ок. 0,4 м. Не исключено, что часть стен ямы изначально не была облицована плитами. Ящик, вероятно, был перекрыт несколькими обломками тонких песчаниковых плит, которые были разрушены строителями колодца. Вместе с костями не найдено никакого погребального инвентаря.

Второй каменный ящик (погр. 2) был установлен параллельно первому, приблизительно в 1,5 м к В от него. На каменном полу ящика вытянуто на спине головой на ЮЮЗ лежал скелет молодого мужчины 25–30 л. (рис. 1, 1). Череп погребенного лежал на левом боку, а перед его лицевой частью стоял небольшой лепной орнаментированный сосуд (рис. 1, 3). У черепа отмечены небольшие вкрапления алой охры.

Пол ящика был сделан из тонкой (ок. 5 см) песчаниковой плиты трапециевидной формы (1,6 × 0,5 × 0,35 м). Торцовые плиты соответствующей ширины возвышались над полом на 0,4 м, а их основания были вкопаны ниже уровня плиты пола (рис. 1, 2). Торцовая плита у головы умершего была треугольной формы (острым углом вниз), а в ногах – прямоугольная с треугольным верхом. Боковых плит не было. Фрагмент плиты перекрытия из тонкого песчаника найден в отвале из колодца.

Для определения абсолютного возраста погребений было отобрано шесть образцов костей из обоих каменных ящиков. В погр. 1 было датировано два образца от скорченного скелета (скелет 1)

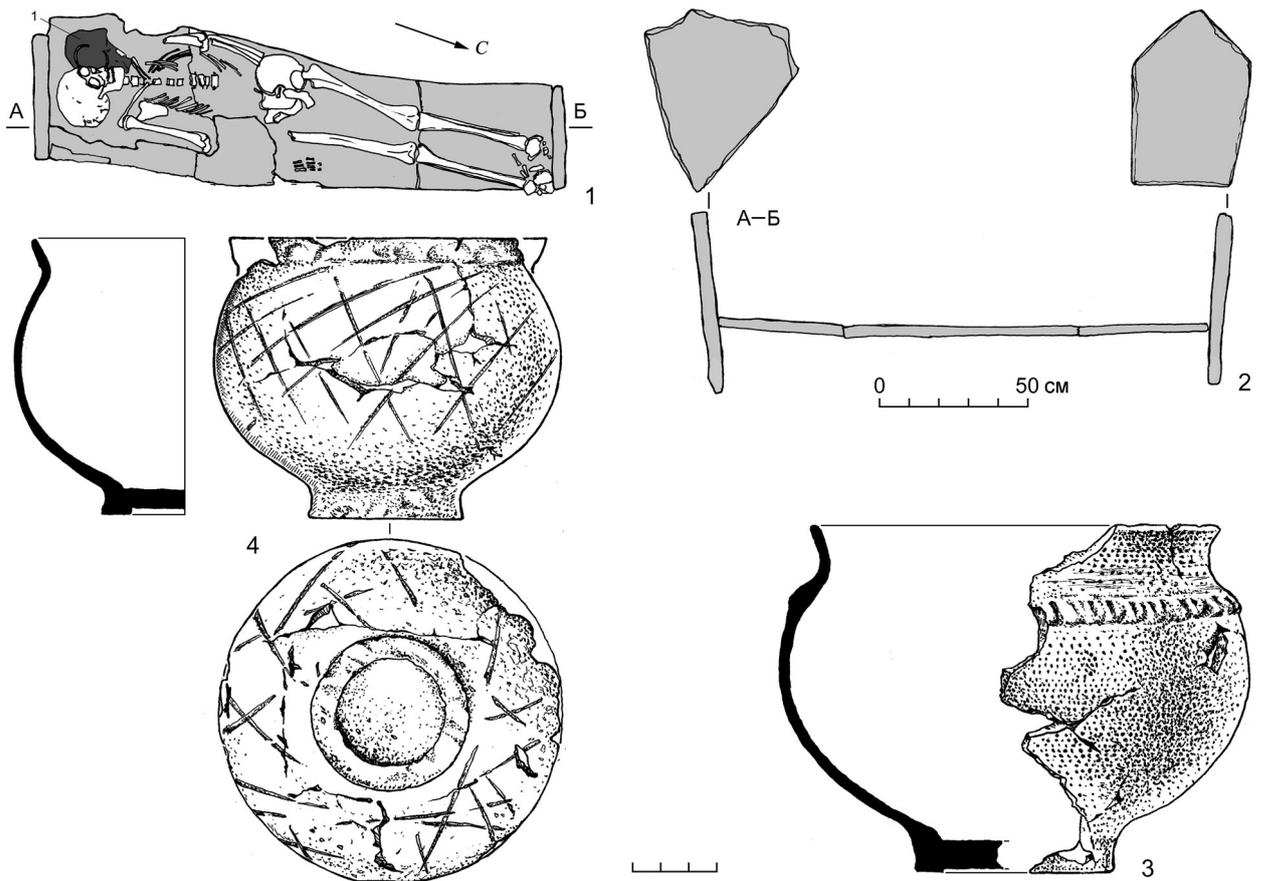

Рис. 1. Мог-к Гнокопсе, погр. 2 (1–3) и дольмен Колихо (4): 1–2 – план, разрез; 3–4 – керамические сосуды и три образца от перекрывающего его скелета, представленного черепом и трубчатыми костями. Нельзя исключить возможность того, что некоторые кости от третьего скелета попали в состав одного из этих трех образцов. Все измерения образцов из погр. 1 были выполнены в лаборатории ИИМК РАН. Единственный образец скелета из погр. 2 был датирован в лаборатории Гронингена. Результаты измерений представлены в табл. 1, № 10–15.

Анализ результатов датирования показывает, что самое раннее погребение было совершено в каменном ящике 1, куда было помещено тело пожилого мужчины в скорченной позе. Останки, представленные черепом и трубчатыми костями, были помещены в эту же могилу значительно позднее, хотя едва ли с таким хронологическим разрывом, на который указывает серия из трех дат. Причиной больших статистических отклонений может быть качество образцов с низким содержанием коллагена.

Единственная дата для погр. 2 говорит о том, что оно было совершено в тот период, когда соседний каменный ящик еще продолжал использоваться для подзахоронений.

Совокупность радиоуглеродных дат из могильника Гнокопсе указывает на его полную синхронность с периодом функционирования дольмена Колихо и это при условии, что их разделяют только 2 км через долину р. Агой. Синхронность двух памятников косвенно подтверждается их размещением в одинаковых ландшафтных условиях, соответствующих тому периоду, когда уровень р. Агой и ее притоков Колихо и Гнокопсе был значительно ниже современного, и только благодаря новочерноморской трансгрессии Чёрного моря оба памятника оказались погребенными многометровыми речными отложениями.

В целом, ситуацию с использованием на протяжении нескольких сот лет двух расположенных по соседству могильников с разным погребальным обрядом нельзя назвать ординарной и это требует объяснения.

Мог-к Гнокопсе – культурная принадлежность. Для определения культурной принадлежности погребений из мог-ка Гнокопсе принципиальное значение имеет единственный сосуд из погр. 2 (рис. 1, 3). По форме, размерам и технологии изготовления он настолько близок сосуду из дольмена Колихо (рис. 1, 4), что сомнений в их принадлежности к одной культурной традиции не остается. У посуды этой типологической группы есть несколько характерных черт, к числу которых относятся: общие пропорции, налепной воротничек по венчику, выделенная придонная часть, иногда приобретающая характер низкой подставки, и кольцевидные поддоны, – как низкие, едва намеченные, так и высокие, похожие на полые ножки. Разнообразие керамике этой группы добавляют треугольные, зигзагообразные или сетчатые мотивы прочерченного или веревочного орнамента, а также налепные, в т. ч. косые расчлененные валики, симметричные и несимметричные налепы с декором.

Керамика с этими признаками лучше всего представлена в шестом слое Гуамского грота (пос. Гуамка, Апшеронский р-н, Краснодарский край), который, в свою очередь, является самым поздним из трех слоев дольменной культуры на этом памятнике (Трифонов 1990). Фрагменты керамики этой группы с характерными кольцевидными поддонами найдены и в дольменах по обеим сторонам Кавказского хребта (Кизинка, дольмен 215; Дегуакская поляна, дольмен 36; Солоники, группа 1, дольмен 2; Солох-аул, дольмены 1, 12) (Марковин 1997). Из этого можно сделать вывод, что могильник Гнокопсе не только использовался во времена «дольменной» культуры, но и принадлежал ей.

Заключение. Синхронность и принадлежность к одной и той же культуре мог-ка Гнокопсе и дольмена Колихо едва ли являются локальной аномалией. Вероятнее всего, одновременная практика нескольких форм погребальной обрядности в пределах территории распространения дольменов является нормой, на что указывают грунтовые «дольменные» могильники с одиночными захоронениями в районе Новороссийска (Кононенко 2006) и индивидуальные погребения с «дольменным» инвентарем в Абхазии (Соловьёв 1960). По ряду конструктивных особенностей погребальных сооружений (форма торцовых плит, отсутствие боковых плит, трапециевидность ям) и обряду, они сопоставимы с каменными ящиками Гнокопсе и представляют единую традицию (тип Гнокопсе?). Следует отметить, что погребальному обряду в дольменах существует альтернатива не только в виде индивидуальных погребений, но и в виде коллективных – таких как абхазские гроблехи (Шамба 1974).

Сейчас трудно ответить на вопрос о времени появления основных разновидностей погребального ритуала «дольменной» культуры. Судя по гробнице Псыбе (Тешев 1986), традиция последовательных коллективных захоронений в мегалитических склепах в горах на северо-западе Кавказа возникла еще во времена существования в северокавказских предгорьях майкопской культуры. Эта традиция дожила до конца II тыс. до н. э. и отразилась на погребальном обряде следующей эпохи. Индивидуальные погребения не являются результатом эволюции коллективных и поэтому могли сосуществовать с ними на протяжении всей «дольменной» эпохи и даже позднее.

Кононенко 2006 – Кононенко А. П. Грунтовый могильник эпохи средней бронзы в устье реки Дюрсо в районе Новороссийска // Первая Абхазская междунар. археол. конф. Сухум, 2006. С. 202–205.

Куфтин 1949 – Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. I.

Марковин 1978 – Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.

Марковин 1997 – Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.

Соловьёв 1960 – Соловьёв Л. Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Тр. Абхазского института языка, литературы и истории. 1960. Т. XXXI. С. 89–100.

Тешев 1986 – Тешев М. К. Гробница Псыбе – памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 52–57.

Трифонов 1990 – Трифонов В. А. Гуамский грот – новый многослойный памятник на Северо-Западном Кавказе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 23–29.

- Трифонов 2001 – *Трифонов В. А.* Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа? // *Дольмены – современники древних цивилизаций.* Краснодар, 2001. С. 20–54.
- Трифонов 2009 – *Трифонов В. А.* Дольмен в п. Джубга // *Вестник РГНФ.* М., 2009. № 1 (54). С. 152–162
- Шамба 1974 – *Шамба Г. К.* Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974.
- Trifonov et al. 2012 – *Trifonov V. A., Zaytseva G. I., Plicht H., Bourova N. D., Bogomolov E. S., Sementsov A. A.* The Dolmen “Kolikho”, Western Caucasus: isotopic investigation of funeral custom and human mobility // *Radiocarbon.* 2012 (in print).

М. Б. Рысин (Санкт-Петербург, Россия)

Проблемы хронологии и периодизации майкопских памятников Северного Кавказа (радиоуглеродные датировки и традиционная археологическая типология)

Существуют два основных подхода к определению возраста памятников археологии: традиционные методы и методы естественных наук. Каждый из методов обладает свойственными ему недостатками и факторами, влияющими на его точность.

К проблемам абсолютного датирования по ^{14}C относятся сложности установления многочисленных факторов, влияющих на содержание изотопов в атмосфере и на процессы, происходящие с изотопами в образцах различной природы. Недавно было установлено, что т. н. резервуарный эффект приводит к удревнению дат, полученных по образцам костей человека, по сравнению с датами, полученными по костям животных, дереву и т. п. Опубликованы данные об удревнении образцов костей человека на 185–490 лет (Шишлина 2010).

Предложенная А. А. Иессеном (1950) периодизация майкопских памятников Северного Кавказа была принята и усовершенствована Р. М. Мунчаевым (1975; 1994). В 1980-е гг. собственные периодизации памятников майкопско-новосвободненской области (далее МНО) были предложены А. Д. Резепкиным, В. А. Трифоновым и С. Н. Кореневским (рис. 1).

По публикациям ведущих специалистов, изучающих майкопскую культуру, прослеживается тенденция к удревнению памятников МНО. В работах А. Д. Резепкина, В. А. Трифонова и С. Н. Кореневского 1980-х–1990-х гг. памятники МНО на основании типологических параллелей относятся к первой половине–второй трети III тыс. до н. э. (3100/3000–2400/2300 гг. до н. э.). Майкопскую культуру «сопоягали» на Древнем Востоке с периодами Джемдет-Насра–раннединастическим (Кореневский 1991: 39). Однако уже через несколько лет А. Д. Резепкин удревнил новосвободненские памятники до середины IV тыс. до н. э. (Резепкин 1996: 53), а затем – до первой половины IV тыс. до н. э. (Rezepkin 2000). В. А. Трифонова также удревнил ранний майкоп и синхронизировал его с периодом Амука F на Переднем Востоке (по калиброванным датам ^{14}C – вторая четверть IV тыс. до н. э. (Трифонов 1996: 45–46). С. Н. Кореневский помещает ранние памятники МНО в начало IV тыс. до н. э. (Кореневский 2004; 2008). Удревнению МНО, в основном, способствовали калиброванные радиоуглеродные даты. Сопоставление результатов датирования майкопских памятников традиционными археологическими и естественнонаучными методами показывает любопытную картину.

Методы естественных наук. Более 30 дат были получены из четырех майкопских стоянок и из двух десятков погребений основного ареала МНО (Черных, Орловская 2008; Кореневский 2008). На ранний диапазон 4000–3700 гг. до н. э. приходится восемь датированных образцов (рис. 2). По две даты получены из Галюгаевского I и III поселений, одна дата – из погр. 3 кург. 3 сел. Брут, еще одна – из погр. 1 кург. 29 мог-ка Клады, наконец, две даты – из кург. 1 у р. Кудахурт (погр. 1 и тризна).

Галюгаевское I поселение. Культурный слой на этом памятнике имеет толщину в «один черепок» (Кореневский 2008: 83). Здесь были получены две даты по образцам костей животных. Интервалы обеих дат (вероятность 68 %) «падают» во вторую половину IV тыс. до н. э. (OxA-3777, 4530 ± 70 , 3360–3100 гг. до н. э.; OxA-3778, 4650 ± 80 , 3630–3350 гг. до н. э.).

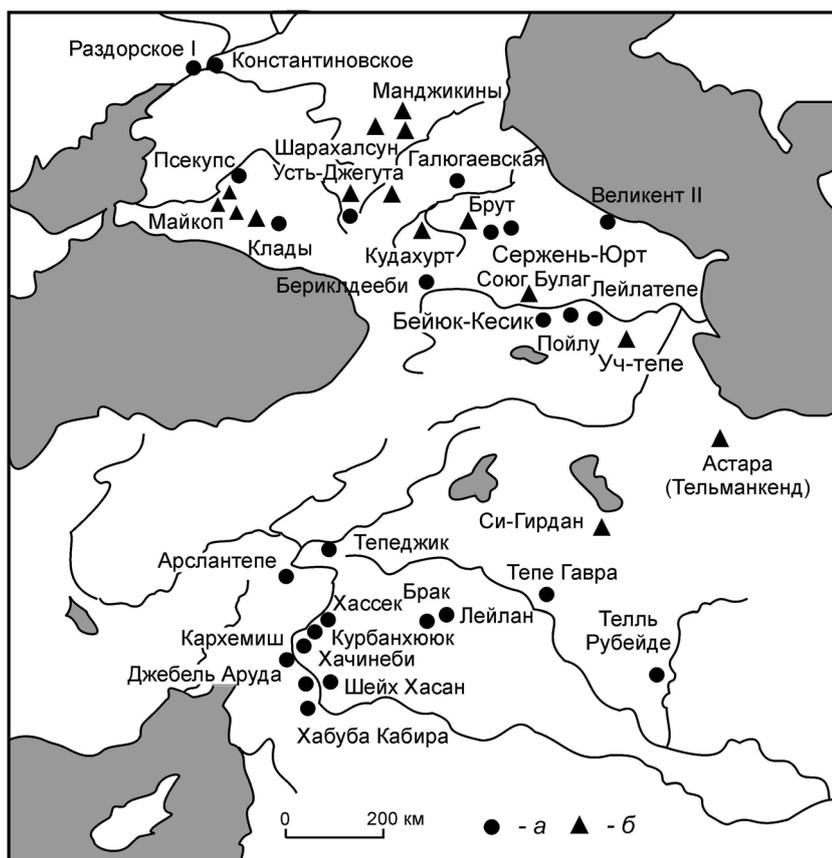

Рис. 1. Памятники Кавказа и Переднего Востока, упоминаемые в работе:
а – поселения и телли; *б* – подкурганные погребения

Галюгаевское III поселение. Образец кости животного: ОхА-3779, 4980 ± 120 , 3820–3650 гг. до н. э. (46,8 %) и 3940–3850 гг. до н. э. (21,4 %). Образец керамики (Кі-13021) – 4920 ± 90 , 3800–3530 (68 %). Находки ничем не отличаются от материалов из Галюгаевского I поселения.

Диапазон двух дат Галюгаевского III поселения составляет 500 л. (4000–3500 гг. до н. э.). На соседнем Галюгаевском I поселении получены даты в диапазоне 600 лет (3700–3100 гг. до н. э.). Длительность обитания на майкопских стоянках могла составлять от нескольких лет до десятков лет. На наш взгляд, столь значительный разброс в датах образцов взятых на каждой из стоянок и большой разрыв в датах этих памятников (400 л.) ставит под сомнение результаты датирования. Во всяком случае, не следует использовать эти ненадежные даты при разработке периодизации памятников МНО.

Дата образца кости человека из погр. 1 кург. 29 мог-ка *Клады*: Ле-4529, 4960 ± 120 , 3940–3640 гг. до н. э. Курган 29 мог-ка Клады был сильно поврежден грабителями в 1936 г. При расчистке грабительской ямы А. Д. Резепкину удалось доследовать погр. 1 и найти в нем кости человека, следы дерева от обкладки и перекрытия могилы и фрагменты двух сосудов – чернолощеного и красно-охристого. И по конструкции могилы, и по найденному «реповидному» сосуду погребение относится к III стратиграфическому горизонту мог-ка Клады, горизонту погребений в мегалитических гробницах (Rezerkin 2000). Следовательно, полученную для погр. 1 кург. 29 раннюю дату следует исключить из рассмотрения как ошибочную. В противном случае следует признать синхронность горизонта гробниц раннемайкопскому этапу, а это противоречит как стратиграфическим наблюдениям, так и типологии инвентаря МНО. Поправки на «резервуарный эффект» при датировании образцов из мог-ка Клады не учитывались.

Еще одно майкопское погребение, датируемое по ^{14}C началом IV тыс. до н. э., происходит из кург. у сел. *Брут* в Северной Осетии (ГИН-9037, 5020 ± 30 , 3940–3710 гг. до н. э.; вероятность

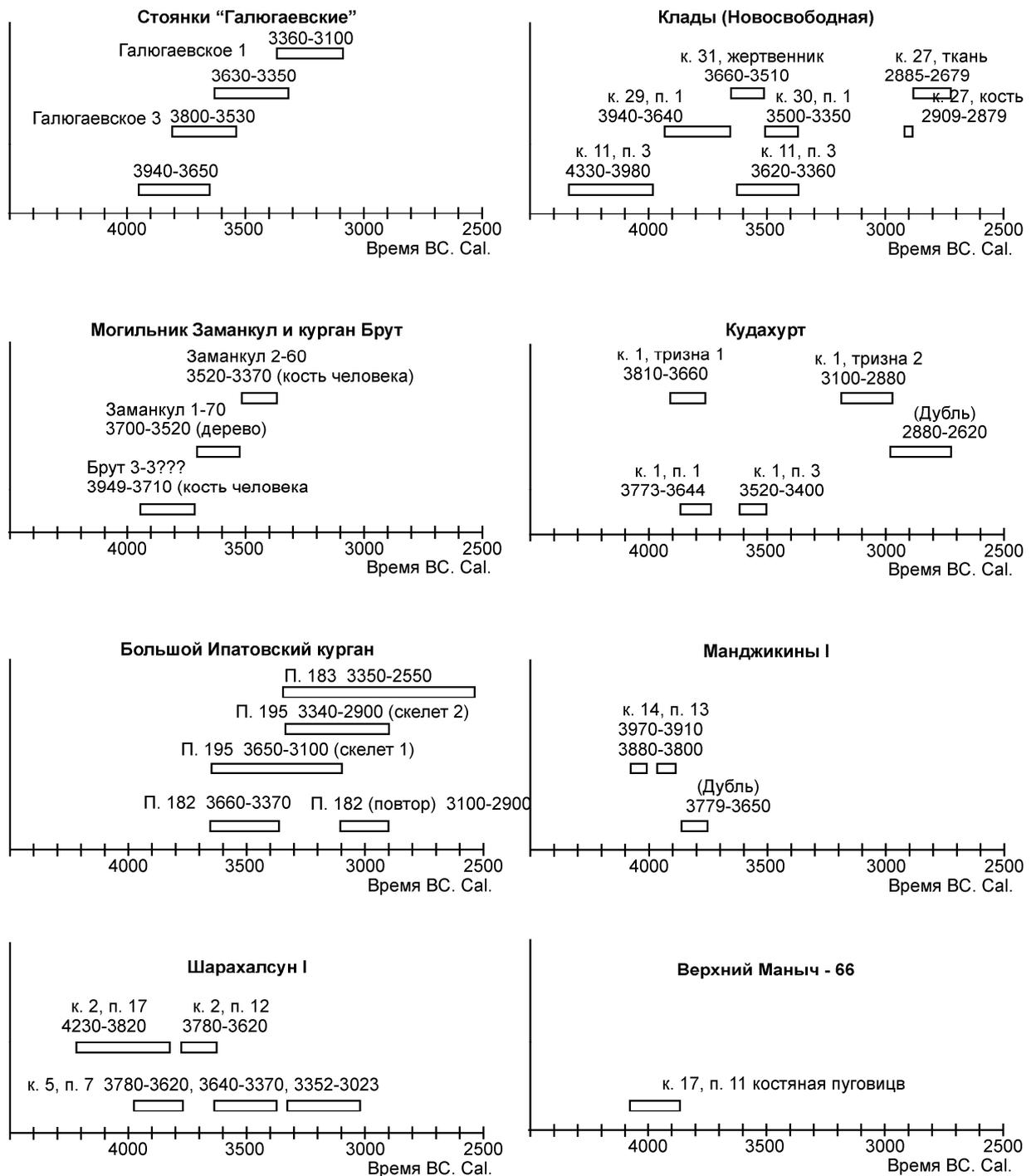

Рис. 2. Интервалы калиброванных датировок памятников основного ареала МНО и степных, периферийных майкопских памятников

66 %). Курган входит в группу трех больших курганов у сел. Брут и Заманкул, раскопанных В. Л. Ростуновым в 1993–1996 гг. (Корневский, Ростунов 2004). В ограбленном основном погр. 3 обнаружены только кости мужчины 50 л. Образец костей дал экстремально ранний интервал (3940–3760 гг. до н. э. при 66 % вероятности). Поскольку в погребении не найдено инвентаря, ничто не может подтвердить его раннемайкопский возраст, и тем более нет никаких доказательств большей древности погребения кургана у сел. Брут по сравнению с курганами, расположенными у сел. Заманкул. В погребениях заманкульских курганов найдены майкопские сосуды и металлические изделия (тесло, топор, мотыга), близкие орудиям Большого Майкопского кургана (далее

БМК). Это позволяет относить погребения заманкульских курганов к финалу раннего этапа МНО. Даты по ^{14}C дерева из погр. 70 кург. 1 – ГИН-8034, 4820 ± 70 , 3700–3520 гг. до н. э. (68 %) и образца кости из погр. 60 кург. 2 – ГИН-8424, 4670 ± 35 , 3520–3370 гг. до н. э. (68 %) соответствуют среднему этапу МНО. Можно добавить, что здесь также не была учтена поправка на «резервуарный эффект». Во всяком случае, дата этого «начисто» ограбленного погребения никак не может служить обоснованием для отнесения раннего этапа майкопских памятников Северного Кавказа к XL–XXXVIII вв. до н. э.

Таким образом, если критически пересмотреть даты ^{14}C майкопских памятников, отнесенных к раннему диапазону, на его древнейший отрезок не попадает ни один надежный образец, а для верхней части раннего диапазона в нашем распоряжении есть только два датированных образца из одного памятника – кургана на р. *Кудахурт* (Кореневский и др. 2008: 123–139).

Так называемые степные майкопские памятники (периферийная группа) демонстрируют следующие даты (рис. 2). Большой Ипатовский курган, погр. 195, скелет 1 (68 %): ГИН-10298, 4610 ± 140 , 3650–3100 гг. до н. э.; погр. 195, скелет 2: ГИН-10301, 4410 ± 170 , 3340–2900 гг. до н. э. Получается, что в одной могиле оказались два покойника с разностью в «возрасте» 200 л.? Большой Ипатовский курган, погр. 182 (68 %): ГИН-10300, 4780 ± 110 , 3660–3370 гг. до н. э. Однако повторная датировка в этой же лаборатории дала совершенно иной результат (65 %): ГИН-10952, 4390 ± 70 , 3100–2900 гг. до н. э. Даты костей человека в погр. 182 не перекрываются даже по «краям». Возникает дилемма: отнести майкопское погребение из Ипатовского кург. ко второй трети, к концу IV тыс. до н. э. или к началу III тыс. до н. э. Восточный Маныч 66, кург. 17, погр. 11 (костяная бусина; 68 %): GrA-21434, 5095 ± 95 , 3990–3770 гг. до н. э. Манджикины-1, кург. 14, погр. 13: ИГАН-2400, 5100 ± 50 , 3970–3910 гг. до н. э. (24,8 %) и 3880–3800 гг. до н. э. (43,4 %). Результат этого образца в другой лаборатории: GrA-19521, 4940 ± 45 , 3770–3650 гг. до н. э. (68 %). Как видим, различия в датировке составляют от 100 до 200 лет. Появляется сомнение в достоверности датировки. Шарахалсун I, кург. 2, погр. 17 (68 %): ИГАН-2517, 5190 ± 70 , 4230–3820 гг. до н. э. Шарахалсун I, кург. 2, погр. 12 (68 %): Ki-12709, 4980 ± 80 , 3780–3620 гг. до н. э. Шарахалсун I, кург. 5, погр. 7 – анализ образцов костей человека из этого погребения был произведен тремя лабораториями, и результаты говорят сами за себя: ИГАН-2399, 5090 ± 110 , 3990–3760 гг. до н. э. (66 %); GrA-19252, 4710 ± 100 , 3640–3370 гг. до н. э. (68 %); ГИН-13205, 4510 ± 50 , 3352–3023 гг. до н. э. (68 %). Судя по полученным датам, покойник «сумел пожить» на раннем, среднем и на позднем этапах существования майкопской культуры. Разница по «краям» интервала составляет 700 л., что вызывает обоснованные сомнения в надежности датировок. Если добавить на чашу весов упомянутый «резервуарный эффект», то где тогда окажется интервал даты этого погребения?

Таким образом, в степной майкопской периферии на ранний диапазон (4100–3700 гг. до н. э.) приходится четыре образца костей человека из трех погребений (мог-к Шарахалсун I, кург. 2, погр. 12 и 17; мог-к Манджикины, кург. 14, погр. 13). Учитывая отсутствие поправок на «резервуарный эффект», следует пока исключить эти образцы при решении проблемы возраста ранних памятников МНО. Для статистически достоверной выборки данных явно недостаточно.

Другой вывод из принятия ранних калиброванных дат МНО – это «растягивание» периода существования ее памятников на тысячу лет, что подается сегодня как доказанный факт (Кореневский 2008: 91). А где же доказательства? Нет ничего, кроме пока единичных калиброванных радиоуглеродных дат. Нет на Северном Кавказе и теллей с многометровыми культурными слоями, оставленными носителями МНО. Здесь открыты лишь три десятка стоянок со слоем в «один черепок» и 250 курганов. Самое главное, чего не хватает для подтверждения тысячелетнего бытования МНО на Северном Кавказе, – это типологического развития инвентаря МНО. Даже «под микроскопом» не удастся разглядеть и обосновать «саморазвитие» майкопских типов изделий, упоминаемое в работах С. Н. Кореневского.

Благодаря открытиям отечественных археологов и зарубежных коллег близкая майкопской керамика и другие материалы, сопоставимые с майкопскими (скорее, протомайкопскими),

обнаружены в последнее время в Дагестане, Грузии и Азербайджане, что позволяет реконструировать вероятный путь распространения племен предков носителей МНО с юга (Мунчаев и др. 2010). В Закавказье близкая майкопской (протомайкопская) керамика найдена на поселениях лейлатепинской группы (Лейлатепе, Пойлу, Беюк-Кесик и др.), на многослойном памятнике Бериклдееби (в слое V) и на памятниках группы сиони-цопи-гинчи (Глонти, Джавахишвили 1987; Мусебли 2007; Нариманов и др. 2007). Материалы, подобные майкопским, открыты в погребениях курганов Союг Булаг, а ранее – в курганах Си Гирдан (Иран) и Уч-тепе. Однако ни в Дагестане, ни на Южном Кавказе не удалось обнаружить доказательства длительного тысячелетнего обитания «протомайкопцев». В Бериклдееби (Грузия) сравнительно «тонкий» протомайкопский слой V непосредственно перекрыт куро-аракским слоем IV. На пос. Великент II (Дагестан) майкопская керамика обнаружена в одном слое с куро-аракской посудой периода Квацхелеби Е. Образцы из слоев с майкопской керамикой из пос. Великент II дали интервалы 3365–3317 гг. до н. э. (68 %); 3645–3352 гг. до н. э. (68 %) и 3335–3020 гг. до н. э. (68 %) (Gadzhiev et al. 2000: 106). Вероятно, распространение майкопского населения на север происходило на раннем этапе бытования куро-аракской культуры.

Традиционные методы датирования. Синхронизация памятников МНО по «южной линии связей». После выхода работ Р. М. Мунчаева (1975; 1994: 158–225) и статей М. В. Андреевой (1977; 1979) большинство кавказоведов признают в качестве исходного импульса формирования майкопского феномена культурные влияния и миграцию населения из передневосточного ареала. М. В. Андреева (1979: 22 сл.) впервые выявила круг параллелей стилю, сюжетам и мотивам изображений на серебряных сосудах БМК в изображениях на печатях и «палетках» позднего урука и джемдет-насра в широком ближневосточном археологическом контексте. Решающим аргументом к синхронизации майкопских памятников Северного Кавказа с урукским периодом послужило сопоставление керамических сосудов, изготовленных с применением гончарного круга. Посуда сходного облика употреблялась в сиро-анатолийском регионе от урукского до раннединастического периода. В. А. Трифонов сопоставил майкопские изображения львов с амулетами в виде львиных голов из передневосточных памятников позднеурукского времени – Урук, Сузы, Брак, Гавра (Трифонов 1998). Булавка из кости с плоской головкой треугольной формы, подобная найденной в раннемайкопском погребении кург. № 13 Усть-Джегутинского мог-ка (Мунчаев, Нечитайло 1966: рис. 8, 2), происходит из слоя VIA восточноанатолийского поселения Арслантепе (Frangipane, Palmieri 1983: fig. 63, 1). Слой VIA Арслантепе относится к периодам поздний урук–джемдет наср.

Как заметил Ю. Ю. Пиотровский, «у нас есть единственная возможность выявить хронологическую позицию Майкопского кургана. Эта возможность связана с наличием каннелированных золотых бус (древневосточного типа) в Майкопском кургане и в погребении ст. Псебайской. В свою очередь, комплекс ст. Псебайской по аналогии наконечникам копий в Арслантепе VIA датируется концом IV–началом III тыс. до н. э.» (Пиотровский 1998: 92). Напомним, что БМК относится всеми исследователями к раннему этапу МНО (пусть даже к его финальной поре).

На наш взгляд, именно типологические параллели майкопских изделий в передневосточных комплексах составляют сегодня единственную надежную основу для определения хронологической позиции майкопских памятников Северного Кавказа. Более-менее надежные типологические параллели для памятников МНО приходятся на вторую половину IV–начало III тыс. до н. э. Этому интервалу соответствует и большинство калиброванных дат по ¹⁴C. Попытка некоторых археологов удревить памятники МНО до начала IV тыс. до н. э. основана исключительно на «общих рассуждениях», дополняемых одиночными датами по ¹⁴C. Естественнонаучный метод датирования археологических памятников, как и любой метод, является инструментом для решения научных проблем и требует корректности в его использовании, т. к. данных пока явно недостаточно.

Андреева 1977 – Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1. С. 39–56.

Андреева 1979 – Андреева М. В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. 1979. № 1. С. 22–34.

- Глonti, Джавахишвили 1987 – *Глonti Л. И., Джавахишвили А. И.* Новые данные о многослойном памятнике эпох энеолита–поздней бронзы в Шида Картли – Бериклдееби // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 80–86.
- Иессен 1950 – *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Т. XII. С. 157–202.
- Кореневский 1991 – *Кореневский С. Н.* К вопросу о майкопе на Среднем Тереке // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991. С. 38–42.
- Кореневский 1996 – *Кореневский С. Н.* Проблема стадияльного соотношения поселений с накольчатой жемчужной керамикой и поселений майкопской культуры (в свете текущей дискуссии) // XIX КЧ: ТД. М., 1996. С. 90–92.
- Кореневский 2004 – *Кореневский С. Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004.
- Кореневский 2008 – *Кореневский С. Н.* Современные проблемы изучения майкопской культуры // АКБВ. 2008. С. 71–122.
- Кореневский, Ростунов 2004 – *Кореневский С. Н., Ростунов В. Л.* Большие курганы майкопской культуры у с. Заманкул в Северной Осетии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 146–167.
- Кореневский и др. 2008 – *Кореневский С. Н., Атабиев Б. Х., Аккизов А. Я, Хашироков А. Х.* Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудохурт в Балкарии // АКБВ. 2008. С. 123–139.
- Мунчаев 1975 – *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мунчаев 1994 – *Мунчаев Р. М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 158–225 (Археология).
- Мунчаев, Нечитайло 1966 – *Мунчаев Р. М., Нечитайло А. Л.* Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА. 1966. № 3. 133–151.
- Мунчаев и др. 2010 – *Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., Магомедов Р. Г.* Восточный Кавказ и проблема кавказско-месопотамских связей в IV–III тыс. до н. э. // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала, 2010. С. 316–334.
- Муσειбли 2007 – *Муσειбли Н. А.* Энеолитическое поселение Бююк Кесик. Баку, 2007.
- Нариманов и др. 2007 – *Нариманов И. Г., Ахундов Т. И., Алиев Н. Г.* Лейлатепе: Поселение, традиция, этап в этнокультурной истории Южного Кавказа. Баку, 2007.
- Пиотровский 1998 – *Пиотровский Ю. Ю.* Периодизация ювелирных изделий в Циркумпонтийской провинции (энеолит – ранняя бронза) // Шлиман, Петербург, Троя: Каталог выставки. СПб, 1998. С. 82–92.
- Резепкин 1996 – *Резепкин А. Д.* К проблеме соотношения хронологии культур эпохи энеолита–ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // МАЕ. 1996. С. 50–54.
- Трифонов 1996 – *Трифонов В. А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита–бронзы Северного Кавказа // Там же. С. 43–48.
- Трифонов 1998 – *Трифонов В. А.* Переднеазиатские прототипы майкопских изображений львов: стиль и хронология // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб, 1998. С. 93–97.
- Трифонов 2001 – *Трифонов В. А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // БВВЕ. 2001. С. 71–82.
- Черных, Орловская 2008 – *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология // АКБВ. 2008. С. 259–275.
- Шишлина 2010 – *Шишлина Н. И.* Новые данные о резервуарном эффекте в Прикаспии (по материалам современных и археологических образцов) // XXVI КЧ. Магас, 2010. С. 371–373.
- Frangipane, Palmieri 1983 – *Frangipane M., Palmieri A.* A Protourban Centre of the Late Uruk Period // Origini. Roma, 1983. Vol. 12. 2. P. 287–454.
- Gadzhiev et al. 2000 – *Gadzhiev M. G., Kohl Ph. L., Magomedov R. G., Stronach D., Gadzhiev S. M.* Daghestan-American archaeological investigations in Daghestan, Russia 1997–1999 // Iran. 2000. Vol. 41. P. 47–123.
- Rezepkin 2000 – *Rezepkin A. D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Berlin, 2000 (AE. Bd. 10).

Three Flange Hilted Bronze Daggers from Konya Karahöyük

The site of Konya Karahöyük (hereafter – K. Karahöyük) situated about 15 km southeast of the center of Konya is a mound occupying an area of 800 × 500 meters inside Harmancık village. It is thought that the höyük cover an area wider than it looks. It has been determined that there are 27 architectural levels at K. Karahöyük. The first scientific excavations at K. Karahöyük, which was discovered during the surface studies in the Konya Plains by J. Mellaart, were conducted for many years, from 1953 to 1981 (with some interruptions), by a team led by Prof. Sedat Alp (see his reports in many volumes of *Belleten* for the years 1954–1982). With the the last season in 1994 the excavations at the mound came to an end and did not continue since that date. The earliest settlements in K. Karahöyük, which began in the Early Bronze Age I period, came to an end around 1725 BC. Despite the sherds found at some points of the surface earth on the hill or in the filling earth of the first stratum, representative of the late Ist Mill. BC and later phases, researchers did not come across any architectural level related to these sherds during the excavations. The first four levels (I–IV) from the top belong to the Assyrian Trade Colonies period (Alp 1961: 523). This article examines three flange hilted bronze daggers which are of great importance among the K. Karahöyük bronze material assemblage.

Dagger 1 (fig. 1, 1a, 1b, 1c). With the exception of the deformation due to oxidation, the K. Karahöyük flange hilted dagger 1 has survived to the present day in a protected state. Moving from the slightly convex arch of the dagger's pommel toward the blade-base, the concave contours narrow as they descend downward and, as they approach the shoulder, suddenly open and widen. The transitions to the shoulder have soft lines. The width of the blade-base is a little wider than the width of the pommel. There are five rivets on the hilt, two of them side by side and the others one after another. On both sides of the blade-base, there are two wings facing one another. The wings form a 1.9 cm thick structure on the blade-base. In widespread examples, the wings, hammered following a casting procedure thereby flattening the surface of the shoulder, take a semicircle shape with the two sides of the blade-base facing one another (Hutchinson 1934: fig. 1, 2; Dyson 1964: fig. 2, 1; Medvedskaya 1982: fig. 10, 1–3). The wings are understood to be one of the elements holding the organic material mounted inside the flange hilt in place on the blade-base. The dagger's blade is ridged. Straight lines extend toward the tip of the blade. Both edges of the dagger's blade are sharp.

Dagger 2 (fig. 1, 2a, 2b, 2c). The hilt of the K. Karahöyük flange hilted dagger 2 is broken. Its other existing typical structural characteristics are such as to require our investigation of the dagger. If the deformation due to oxidation and the broken piece are ignored, we can say that the dagger has been well-protected. Only three of the rivets visible, but, if it was like the first dagger, there should possibly have been another one or two in the middle of the blade-base surface, side-by-side in a place close to the pommel. On the dagger, the transition from the hilt to the shoulders are made up of soft contours. The wings on the blade-base are somewhat proportionally longer than the other dagger. However, compared to the first example, the ridged blade is wider and longer. Both edges of the dagger's blade are sharp.

Dagger 3 (fig. 1, 3a, 3b, 3c). The K. Karahöyük flange hilted dagger 3, as in the one before, has a broken hilt. The other visible typical structure characteristics require our analyzing this dagger within the flange hilted dagger group. On the other hand, due to the presently active state of oxidation, within a short period of time, the dagger will be in a completely decayed state of ruin. From a measurement standpoint, it more closely resembles Dagger 1. There are three rivets, one on top of the hilt and two side-by-side on the blade-base. However, the broken section should have had four additional rivets – two on the pommel and the other two on the hilt. The transitions from the hilt to the shoulder have soft contours. The two opposing wings on the surface of the blade-base were designed slightly smaller in comparison to the other examples. The ridged blade contains straight contours as it descends toward the sharp tip. Both edges of the dagger's blade are sharp.

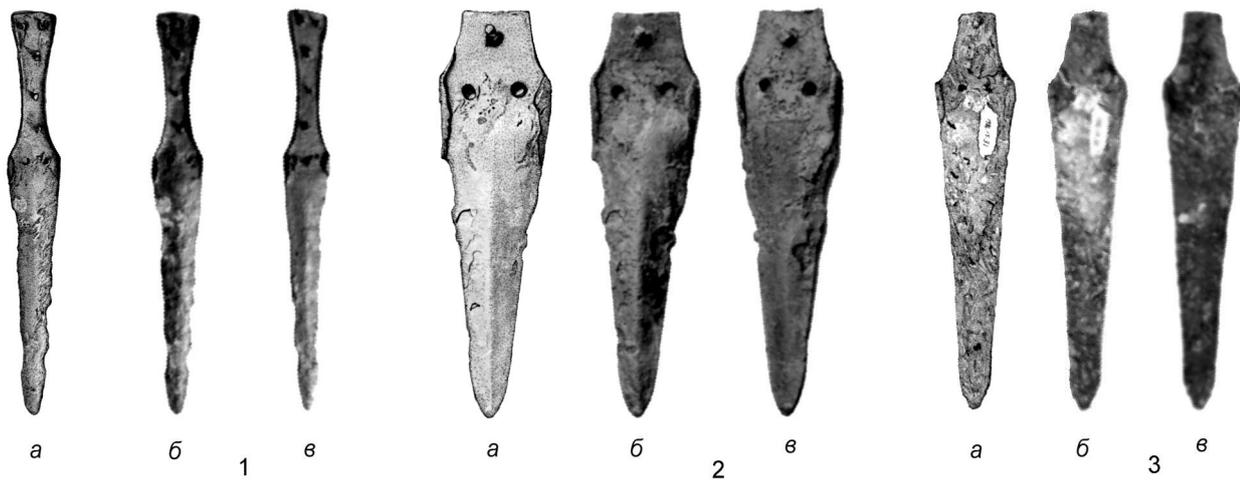

Fig. 1. Flange hilted daggers from Konya Karahöyük

The Spread of Flange Hilted Bronze Daggers in the Near East (fig. 2). East Mediterranean (Syria-Palestine). The flange hilted bronze daggers, part of the larger group of one cast hilted daggers, which began to appear beginning in the 18th c. BC (Sandars 1961: 22), lasting until the 8th c. BC (Hutchinson 1934: 163, esp. 168–170; Maxwell-Hyslop 1946: 36; Dyson 1964: 32; Medvedskaya 1982: 69; Джафаров 1984: 29; Иессен 1935: 162–163), are found in an area extending from Crete to the Iranian Plateau, North Caucasus to Syria-Palestine, Mesopotamia and Egypt. Winged shoulders began to be seen in Syria-Palestine beginning in the 18th c. BC (Mallowan 1937: fig 13, 6). Hutchinson (1934: 169–170) points out that the flange hilted bronze daggers, or swords (Ibid.: 166) origins are from the Middle East, but it is probable that the Aegean region also holds a place inside the region of origin (Maxwell-Hyslop 1946: 36). According to Petrie (1917: 29), this type has “Eastern” roots. H. Bonnet (1926: 66) asserted that this type of dagger left Egypt during the rule of Hyksos (Nagel 1959: 100) and later spread to the Syria-Palestine region. Hutchinson (1934: 170) thinks that the tradition of organic material inlays inside the handle was a work of the Hyksos smiths, and this type of dagger emerged in Egypt (Hutchinson 1934: 170; Maxwell-Hyslop 1946: 36–37) together with the Hyksos and was later spread via trade routes to Mycenaea, Anatolia, Syria-Palestine and Iran. Maxwell-Hyslop (1946: 34) states that the technological concept of the flange surrounding the sides of the handle, as well as the practice of inlaying these handles, was a widespread Aegean tradition in Minoan workshops. According to the same scholar (Maxwell-Hyslop 1946: 37), this type of dagger increased in Mesopotamia during the period of the rising political strength of the Hurrian rule. Sandars (1961: 22) claims that this type emerged in the Tal Al Ajjul region during the Middle Bronze Age IIA period, spread to Syria during the 18th c. BC (Tell Atchana VII, Hyksos tombs at Ugarit) and finally reached the continental Greece in the 16th c. BC. Opposed to Sandars is Shalev (2004: 34) who is responsible for the most recent studies of Bronze Age swords and daggers. Shalev maintains with the convincing evidence these types of findings to have belonged to the same period (until the 16th c. BC) and came from Mycenaea, Ugarit and Tall al-Ajjul. Therefore, he believes that there cannot be any evidence of an Eastern-Western cultural interactions. Moreover, he (Shalev 2004: 34, 42; see for same idea in: Dajani 1962: 56) thinks that the closest group of daggers to the K. Karahöyük daggers, Group 6E and 7B daggers, was a widespread and local product in southern Canaan. Additionally, these daggers, which emerged at the earliest in the 17th c. BC but were used commonly in the 16th and 15th c. BC, were present within the territory from the Middle Bronze Age IIc to the Late Bronze Age I.

Southern Caucasus and Iran. The closest parallels in the Southern Caucasus to the K. Karahöyük bronze daggers were found in Armenia, Georgia, Ossetia and Dagestan (Güneri 2007: 291). The source regions of this type of dagger in Iran, dating to the Early Iron Age, are Talysh, Luristan and Khuzestan. The subject of the research of this wide area, the daggers, were classified generally according to their hilt shapes. In previously conducted studies based on the daggers of Eastern Turkey (Ibid.), the winged daggers were investigated and classified into two basic groups – as rounded and angular ricasso (Güneri

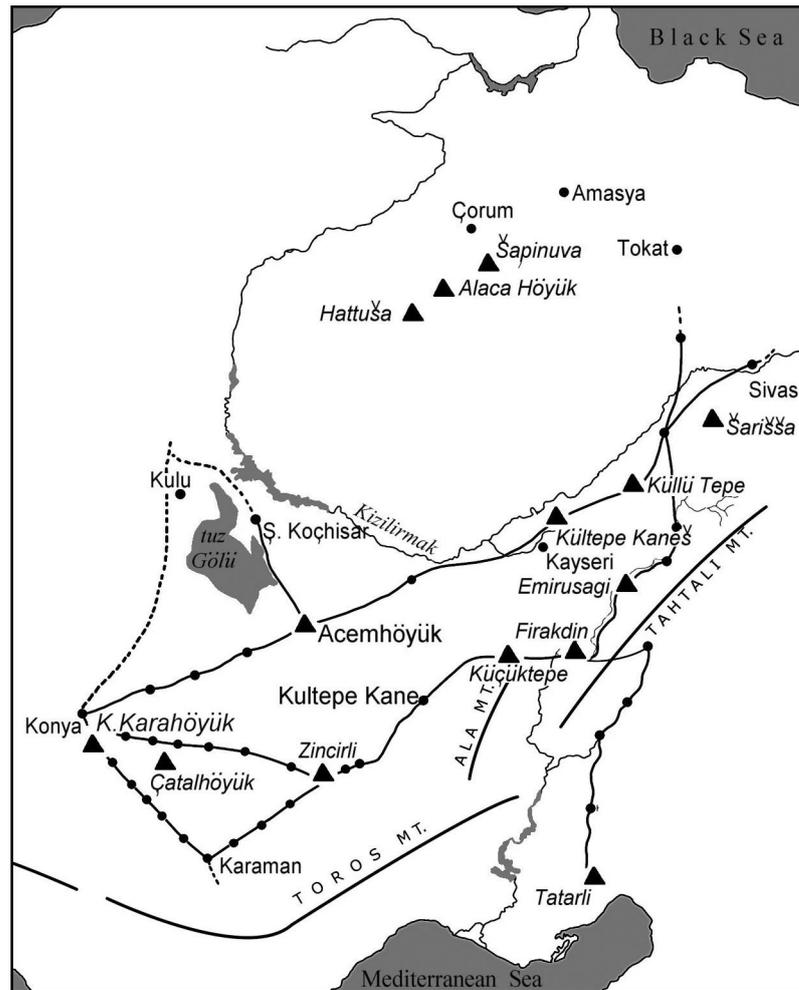

Fig. 2. The Spread of Flange Hilted Bronze Daggers in the Near East

2007: 291; Medvedskaya 1982: 78). It became known that the interaction at the hilt-blade transitions of the rounded-ricasso group have “fish-like” rounded contours (Güneri 2007: 292 f.). On the daggers with the ricasso, the blade-base in the center of the dagger were formed by a blunt spherical (Lassen, Fabritus 1991: 44) or oval (Hutchinson 1934: fig. 1, 2; Contenau, Ghirshman 1935: pl. V, 2; X, 10; Dyson 1964: fig. 1, 5; Medvedskaya 1982: fig. 9, 14; 10, 1) structure. With few exceptions (Hutchinson 1934: fig. 1, 2), almost every example of this type is provided with the pommel that is slightly narrower than the width of the ricasso and has a slightly convex curve. The Iranian-origin examples, based on the guidance of inscriptions on the daggers, are dated to the 12th c. BC at the earliest (Hutchinson 1934: 146; Maxwell-Hyslop 1946: 36; Nagel 1959: 95; Maxwell-Hyslop, Hodges 1964: 53; Dyson 1964: 34; Medvedskaya 1982: 72; Lassen, Fabritus 1991: 44).

Included in the basic group made up of “angular ricasso/shoulder,” the K. Karahöyük daggers’ connection among the hilt-ricasso-blade is generally shaped with angled contours. The ricasso is generally quadrilateral shaped, with the edges sometimes in a concave manner. In almost all the examples of this type, the width of the blade-base exceeds the width of the ricasso. In the winged examples, the structure of the wings variously shaped exhibits the development. In some examples from the Southern Caucasus (Крупнов 1951: рис. 25, 1–3, 5; Мартиросян 1964: рис. 20, 16; Eliyev 1977: löv. 20, 10; Джафаров 1984: табл. II, 5) and Khuzestan (Medvedskaya 1982: fig. 9, 1–2) the wings are on top of the ricasso in the shape of “two corresponding small rectangular pieces” (Güneri 2007: Res. 29, 3). The last ones to be mentioned with this appearance are the daggers from Luristan, which can easily be classified because of the wings being in the shape of two corresponding semicircles (Hutchinson 1934: fig. 1, 2;

Medvedskaya 1982: fig. 9, 14, 17–18; 10, 1–3; Lassen, Fabritus 1991: fig. 1). Qualifying the aforementioned examples from Khuzestan and the Southern Caucasus as winged may be misleading. The wings are one of the elements that take on the functional role of protecting and holding in place the organic material inlays on the hilt of the flange hilted daggers. The ricasso type of daggers (and/or swords) (Biber 2005: 24) mentioned above, representative of the period around the first half of the first millennium BC, was widespread. In these examples, the “wings,” which appear to take on the role of holding the inlay in place on the hilt, are located on the blade-base and have angled contours as opposed to semicircles. At the Chagar Bazaar (Mallowan 1937: 135, fig. 13, 6) and some of the Iran and Azerbaijan (Medvedskaya 1982: fig. 9, 4–5) daggers, the wings’ functionality can clearly be seen. On the other hand, in one group of the Luristan examples (Ibid.: fig. 10, 2–3), the wings have a deceptive appearance of functionality while actually having changed into a decorative element.

According to its similar counterparts, likely from the end of the IInd Mill. BC the wingless Georgian daggers, with their pommel curves and the hilt–ricasso–blade transitions (Крупнов 1951: рис. 25, 4), are consistent with the other examples from the Southern Caucasus. Dyson (1964: 32–34, fig. 1, 4) dates the examples of this type of dagger found in the Bit Sorgh cemetery near Luristan to the late 12th c. BC. The Luristan daggers introduced by P. Calmeyer (1969: Taf. 2, 4, Abb. 56, Grup 31A; 62, Grup. 31A) close match of the Bit Sorgh ones. Despite some minor differences in the hilt–blade translations, the Guran dagger (Meldgaard et al: 1963, fig. 31) is consistent with the last two samples. The winged daggers found from Southern Caucasus’ Aric (Medvedskaya 1982: 78–79, fig. 11, 11), Gedebe (Eliyev 1977: 97, löv. 20, 10; Джафаров 1984: 29, табл. II, 1), Faskau, Galiat, Kumbulta (Крупнов 1951: 66, рис. 25, 1–3; 27, 9) and Kyzyl Vank (Крупнов 1951: 66, рис. 25, 5; Мартиросян 1964: 54, рис. 20, 16) graves have slightly curved and narrow pommel, angular ricasso, small wings, and blade-bases that are wider than the ricasso. These minor details distinguish them from the Luristan daggers.

I. N. Medvedskaya (1982: 77), responsible for one of the most trustworthy studies done to-date on the Caucasus and Iranian flange hilted bronze daggers, points out that the origins of the the Southern Caucasus flange hilted bronze daggers may be from Syria-Palestine. On the other hand, contrary to common belief, she clearly expresses that the same type of Western Iranian daggers does not mention an effect on the Southern Caucasus ones. Besides, she even defends that the Luristan daggers could be affected by the Southern Caucasus tradition (Ibid.: 79). As seen above, we can observe that the earliest examples of flange hilted bronze daggers “exist” in Southern Caucasus as well as in Syria-Palestine; however, I would explain that the datings of the “earliest” specimens from the Southern Caucasus are open for debate. C. Schaeffer has indicated that the earliest type began to be seen was in the 20th–18th c. BC; A. A. Iessen (Иессен 1935), while mentioning this type found in Armenia, Georgia, Ossetia, Dagestan and Iranian Talysh, emphasized that they were imported materials. Later E. I. Крупнов (Крупнов 1951: 66) repeated almost the same view of the same materials and, taking into account the suggestions of his colleagues, suggested that the earliest datings of this type of the Southern Caucasus dagger are the 20th–18th c. BC. A. A. Martirosyan (Мартиросян 1964: 50–55, рис. 20, 16) remarked that this type belonged to the more western Armenian settlements. He, by evaluating a dagger from the “Fyedorov Collection” found from the Kyzyl Vank graves in context together with the other materials, expressed that the earliest type of such daggers was seen in the Southern Caucasus in the 20th–18th c. BC (Ibid.: 54–55). However, I do not think that the dates of the K. Karahöyük daggers could be later than their matches from the Southern Caucasus, based on my not finding the dating methods and their dating to be sound.

Turkey. At some settlements in Turkey such as Alaca Höyük (Koşay 1938: Pl. LI, Ala. 101–103; Erkanal 1977: 37, Taf. 13, 35), Ortaköy (Süel 1998: 45, fig. 22) and Pular (Güneri 2007: 291–301), the very limited number of flange hilted bronze daggers (no more than ten) are related to those from both the Southern Caucasus and Iran (Güneri 2007: 291). All of these specimens are from a period later than the 14th c. BC (the Hittite Empire Period). The K. Karahöyük flange hilted bronze daggers are nearly 400 years older than the other examples in Turkey. The Level I where all three of the daggers that were introduced here, were found at K. Karahöyük, is contemporary of Kanesh Karum Ib, Boğazköy IVd,

Alişar X, Acemhöyük 3, and Beycesultan V–IV. The old Assyrian inscriptions found at Kültepe Kanesh Karum gives absolute dates of Level Ib as 1725 BC. We have no radiocarbon datings for the K. Karahöyük's Level I; however we do not need it to date them (Schachner 2010: 662), because comparing the archaeological material from K. Karahöyük I with the Kanesh Karum Ib clearly shows that they were from the same period (Alp 1972; Mellink 1962; Veenhof 1972; 2003). Also, the cylinder seals and their stamps found from K. Karahöyük (Alp 1968) prove beyond a shadow of a doubt that the K. Karahöyük I and the Kanesh Karum Ib settlements were contemporaries. In that case, “the latest possible date” for the three daggers from K. Karahöyük is 1725 BC, further, this date could theoretically be pushed to a slightly earlier times, but it absolutely cannot be dated later.

Conclusion. Other than a group of seals (Alp 1968), almost no pieces of the archaeological material from the excavations carried out at K. Karahöyük between 1953 and 1994 have been published yet. It will not be possible in a short period of time to quickly review the thousands of pieces obtained during the approximately forty years long excavation campaigns and fully understand the state of the mining-related discoveries. Therefore, in the researches on numerous pieces of material we have done so far, we are not in a position to say whether the three flange hilted bronze daggers that were the topic of this study, are local products or imported objects, based on concrete clues that would provide an answer to the question. For instance, among the countless stone moulds (both complete and in pieces), we have never come across the stone moulds these daggers were cast in. On the other hand, within K. Karahöyük's bronze inventories, while there are five to ten, or even more, examples each of axes, sickles, arrowheads, knives and other findings, there are only a total of three hilted bronze daggers. If we look at the issue from this angle, we may need to consider that these daggers came to Konya from the outside.

However, if we take into consideration the “controversial” dates (1600–1500 BC) of Shalev (2004: 34, 42), our daggers would be the earliest examples, not just from Turkey but also from the Near East. The date of the K. Karahöyük daggers (1800–1725 BC) is faultless, correct enough to not bring about debate, and at least 200 years older than the dates Shalev gave to the Eastern Mediterranean daggers. In one respect, it is as if the K. Karahöyük daggers turned upside down the debate of this type of dagger's dating and, in so doing, their mainland. On top of that, unfortunately there is no type exactly similar to our daggers in Syria-Palestine and Canaan.⁸ However, the problem of this situation has come to an impasse. In spite of this, we cannot say that the Turkey is the mainland of the flange hilted bronze daggers. When we follow the development process, it looks as though it is not even possible to include the Aegean and continental Greece as the origin lands of this type. The closest matches to the K. Karahöyük daggers are among the ones found in Tall al-Ajjul (Palestine) (Shalev 2004: 44, pl. 14, 144–145). In that case, the flange hilted bronze daggers we introduced here may have been brought to K. Karahöyük from the Syria-Palestine region by Assyrian merchants around 1800–1725 BC.

However, it is also possible that they are really local products made in K. Karahöyük. Nevertheless, in order to find clearer and more persuasive answers to this question, we must wait either for examples of this type of weapon to increase or for the conclusion of our studies being done on the material finds from K. Karahöyük that we expect to be completed in the near future.

Джафаров 1984 – *Джафаров Г. Ф.* Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по археологическим материалам Азербайджана). Баку, 1984.

Иессен 1935 – *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 120. С. 207–237.

Крупнов 1951 – *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // МИА. 1951. № 23. С. 17–74.

Мартиросян 1964 – *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

⁸ I would like to thank Dr. S. Shalev for sharing his valuable knowledge on the this subject after seeing the photos of the daggers of K. Karahöyük.

- Alp 1961 – *Alp S.* Karahöyük Kazısı // Belleten. 1961. 25. S. 523–524.
- Alp 1968 – *Alp S.* Zylinder- und Stempelsiegel aus Karahöyük Bei Konya. Ankara, 1968.
- Alp 1972 – *Alp S.* Konya Karahöyüğünde 1971 Yılı Çalışmaları // Belleten. 1972. 36. S. 421.
- Biber 2005 – *Biber H.* Urartu Silahları: Kılıç, Hançer ve Bıçaklar, Yayınlanmamış Doktora Tezi. Van, 2005.
- Bonnet 1926 – *Bonnet H.* Die Waffen der Völker des Alten Orient. Leipzig, 1926.
- Calmeyer 1969 – *Calmeyer P.* Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Berlin, 1969.
- Contenau, Ghirshman 1935 – *Contenau G., Ghirshman R.* Fouilles du Tépé-Giyan près de Néhavend, 1931 et 1932. Paris, 1935.
- Dajani 1962 – *Dajani A.* Some of the Industries of the Middle Bronze Period // Annual of the Department Antiquities Hashemite Kingdom of Jordan. Amman, 1962. Vol. 6–7. P. 55–66.
- Dyson 1964 – *Dyson R. H.* Notes on Weapons and Chronology in Northern Iran around 1000 BC // Dark Ages and Nomads. İstanbul, 1964. P. 32–45.
- Eliyev 1977 – *Eliyev V.* Azerbaycan'da Tunç Dövrünün Boyalı Kablar Medeniyeti. Baky, 1977.
- Erkanal 1977 – *Erkanal H.* Die Äxte und Beile des 2. Jahrtausends in Zentralanatolien. München, 1977.
- Güneri 2007 – *Güneri A. S.* Erzurum Karaz Pulur Güzelova'da Geç Karaz Kültürü Evresi Yerleşmeleri ile İlgili Arkeolojik Keşifler // Atatürk Üniversitesi 50. Kuruluş Yıldönümü Arkeoloji Bölümü Armağanı, Doğudan Yükselen Işık Arkeoloji Yazıları. 2007.
- Hutchinson 1934 – *Hutchinson R. W.* Two Mesopotamien Dagger and their Relatives // Iraq. 1934. Vol. I. P. 163–170.
- Koşay 1938 – *Koşay H. Z.* Türk Tarih Kurumu Adına Yapılan Alaca Höyük Hafriyatı. 1936'daki Çalışmalara ve Keşiflere Ait İlk Rapor. Ankara, 1938.
- Lassen, Fabritus 1991 – *Lassen H., Fabritus V.* A Bronze Sword from Luristan with a Proto-Arabic Inscription // Anatolian Iron Ages: The Proceedings of the Second Anatolian Iron Ages Colloquium held at İzmir, 4–8 May 1987. Oxford, 1991. P. 39–65.
- Mallowan 1937 – *Mallowan M. E.* The Excavations at Tall Chagar Bazaar and an Archaeological Survey of the Habur Region, Second Campaign, 1936 // Iraq. 1937. Vol. IV. P. 91–177.
- Maxwell-Hyslop 1946 – *Maxwell-Hyslop K. R.* Daggers and Swords in Western Asia // Iraq. 1946. Vol. VIII. P. 1–65.
- Maxwell-Hyslop, Hodges 1964 – *Maxwell-Hyslop K. R., Hodges H. W. M.* A Note on the Significance of the Technique of “Casting on” as applied to a Group of Daggers from North-West Persia // Iraq. 1964. Vol. XXVI. P. 50–53.
- Medvedskaya 1982 – *Medvedskaya I. N.* Iran: Iron Age I. Oxford, 1982 (BAR. IS. 126).
- Meldgaard et al. 1963 – *Meldgaard J. P. M., Mortensen P., Thrane H.* Excavations at Tepe Guran, Luristan. Preliminary Report of Danish Archaeological Expeditions to Iran, 1963 // Acta Archaeologica. Copenhagen, 1963. Vol. XXXIV. P. 97–133.
- Mellink 1962 – *Mellink M. J.* Karahöyük // AJA. 1962. Vol. 66. P. 75.
- Nagel 1959 – *Nagel W.* Die Königsdolche der Zweiten Dynastie von Isin // AfO. 1959. Bd. XIX. S. 95–104.
- Petrie 1917 – *Petrie W. M. F.* Tools and Weapons: Illustrated by the Egyptian Collection in University College, London and 2,000 Outlines from Other Sources. London, 1917.
- Schachner 2010 – *Schachner A.* MÖ 16. Yüzyıl: Hitit Anadoluşunda Bir Dönüm Noktası // VII. Uluslararası Hititoloji Kongresi Bildirileri, Çorum, 25–31 Ağustos 2008. Ankara, 2010.
- Shalev 2004 – *Shalev S.* Swords and Daggers in Late Bronze Age Canaan. Stuttgart, 2004.
- Süel 1998 – *Süel A.* Ortaköy-Şapinuwa: Bir Hitit Merkezi // TÜBA-AR: Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi. 1998. 1. S. 37–61.
- Veenhof 1972 – *Veenhof K. R.* Aspects of Old Assyrian Trade and Its Terminology. Leiden, 1972.
- Veenhof 2003 – *Veenhof K. R.* The Old Assyrian List of Year Eponyms from Karum Kanish and Its Chronological Implications. Ankara, 2003.

Топография дольменной группы «Волчьи ворота» Лазаревского р-на Краснодарского края

Дольмены Западного Кавказа являются погребально-культовыми памятниками, имеющими многофункциональное назначение. Сложное устройство фасада дольменов и их предфасадного пространства показывает, что они были не только склепами в узком смысле, но и святилищами для поклонения предкам. Монументальность и особенности расположения дольменных памятников в пространстве свидетельствуют о возможности их интерпретации как территориальных маркеров в доисторическом сакральном ландшафте. К сожалению, исследователи пока уделяют очень мало внимания той роли, которую мегалитические сооружения играли в организации доисторических ландшафтов Кавказа, хотя ныне отмечается перспективность ландшафтного подхода в археологии в целом, макро- и микроанализа локализации могильников на местности (Гуляев 2010: 18). В данной работе на примере дольменов урочища Волчьи Ворота, находящегося в приморской части Лазаревского р-на Краснодарского края между долинами р. Аше и Макопсе, мы попытаемся показать некоторые пространственные особенности расположения дольменов.

Топографическое расположение дольменов определялось многими параметрами, в т. ч. наличием подходящего для строительства камня. Для Лазаревского и Туапсинского р-нов характерно изготовление дольменов из глауконитовых песчаников дольменной и розначевской свит и из песчаников убинской свиты нижнемелового периода, из песчаников и туфитов различных свит верхнеюрского периода. Дольмены группы Волчьи Ворота выполнены из глауконитовых песчаников дольменной и розначевской свит (Диденко 2006: 35). По-видимому, именно отсутствие строительного камня является причиной того, что дольменов нет в долинах соседних рек на Черноморском побережье (Магри, Шуюк, Верхнее Макопсе) – казалось бы, в самом центре ареала дольменной культуры.

Дольмены Волчьих Ворот образуют множество, отделенное от подобных (напр., дольмены в окрестностях аулов Калез, Большое и Малое Псеушко). Если такое множество обладает системными чертами (имеет определенную планировку, состоит из подсистем – дольменных ансамблей), мы будем называть его дольменным макроансамблем.

Расположенная в центре описываемого множества дольменов небольшая гора с трех сторон ограничена каменными обрывами высотой до 30 м, а с четвертой – отделяется от соседней горы заполненным гигантскими каменными глыбами проходом, собственно, и носящим название «Волчьи Ворота». Топография расположения памятников позволяет увидеть, что дольмены и их группы расположены «веером» по склонам горы – практически все дольмены направлены вниз и в стороны от нее. Самый большой дольменный ансамбль Волчьи Ворота II в основной своей части (дольмены 1–5) ориентирован практически по одному радиусу от горы, также радиально расположены дольмены групп Волчьи Ворота I, Нежигутам I, Коблетам/1 (мы не можем ничего сказать об ориентировке развала плит дольмена Коблетам/2).

Дольмен I в группе Нежигутам I имеет очень редкую для данной части дольменного ареала ориентировку – параллельно хребту и поперек склона. Среди зафиксированных памятников на исследуемой нами территории между возвышенностями левого берега р. Чилепси-Туапсе, Главным Кавказским хребтом и руч. Годлик аналогично расположены только дольмен в ансамбле Казачья Щель (между аулом Малое Псеушко и пос. Анастасиевка) и отдельный дольмен Бжеф (на р. Бжеф, левый приток р. Аше). Поскольку каменная глыба вполне допускала возможность устройства склепа с обычной ориентировкой вниз по склону, то надо искать объяснение этому отклонению в ориентировке.

Вопрос вызывает дольменный ансамбль Нежигутам II, состоящий из расположенных в одну линию трех дольменов и одного – в 30 м за ними. Они занимают небольшую горизонтальную

площадку на южном склоне соседней горы Джемалта, на одной высоте с дольменами группы Нежигутам I и отделены от последних истоком р. Джемалта. Эти дольмены ориентированы вниз по склону и по направлению на описываемую вершину. Несмотря на то, что они не подчинены «правилу» данной системы памятников – «быть ориентированными от центра» – их невозможно отнести к какой-то иной системе памятников и поэтому их можно считать частью дольменного макросамбля Волчьих Ворот.

В небольшой долине руч. Хапибгэ, текущего из уроч. Нежигутам и впадающего в р. Аше, на правом берегу обнаружена группа из двух дольменов Хапибгэ II, ориентированных на долину ручья, вниз по склону и на В. На склоне горы правого берега ручья, при впадении его в р. Аше стоит ориентированный на долину Аше дольмен, за ним, южнее, на том же уровне – второй, и примерно в 1 км за ним – еще один; оба последних также ориентированы вниз по склону и на долину Аше. Они названы «группа Хапибгэ I», последние два дольмена исследовал В. И. Марковин (1978: 342–345). Упомянем также дольмен, стоящий на левом берегу р. Макопсе, над дорогой, идущей от Приморской трассы в аул Макопсе, у характерной скалы, носящей имя Мышеку. Этот дольмен вопреки правилу ориентирован вверх по склону (в сторону рассматриваемой нами горы).

Ближайшие известные нам дольмены расположены на достаточно большом расстоянии от описываемых: у въезда в аул Хаджико, в ауле Калез, на руч. Бжеф, на другой стороне Аше и в пос. Мухортова Поляна. Это ближайшие памятники, остальные находятся на расстоянии уже многих километров. Объяснять их обособленное расположение сохранностью памятников было бы неверным, т. к. нет никаких оснований считать, что между Волчьими Воротами и аулами Большое и Малое Псеушко, Калез дольмены были сплошь уничтожены.

Отдаленность от соседних дольменных макросамблей, единый принцип структуры и уровень высоты, на наш взгляд, позволяют рассматривать анализируемую систему памятников как специфический дольменный макросамбль с центробежной структурой (для остальных обнаруженных нами дольменных макросамблей характерна центростремительная структура). Рассмотрим ее интерпретацию.

По сравнению с другими районами распространения дольменов на Западном Кавказе здесь, у побережья – обрывистые склоны, а местность буквально изрезана глубокими и узкими долинами многочисленных речек. В таких условиях удобных переходов из одной долины в другую очень мало и существующие, как можно предполагать, использовались сменяющим друг друга населением в течение тысячелетий. Отметим, что расположение дольменов у наиболее удобных переходов через поперечные хребты привело к тому, что ныне многие из памятников разрушены при строительстве линий электропередач, газотрасс, лесовозных волоков, которые также ведут по наиболее удобным переходам. В районе Волчьих Ворот ныне расположено несколько троп из долины Аше в долину Макопсе. Одна идет к проходу в скальном массиве, который и называют «Волчьих Ворот», от дольменной группы Хапибгэ I в устье ручья, вторая – через низкий, удобный перевал от пос. Хатлапе, третья поднимается из долины р. Макопсе. Эти пути и ныне показывают на картах пунктиром, прерывающимся в месте Волчьих Ворот. По свидетельству знатока топонимики и истории этих мест Н. О. Коблева, этот путь был очень важен для жителей долины Аше еще в XIX–начале XX в. Нынешняя система дорог над берегами рек сложилась в последние полвека, тогда как раньше главными были тропы, в т. ч. и поперек водоразделов. Л. И. Лавров, побывавший здесь в 1930 г., писал, что по дороге в аул Калез ему пришлось не менее 15 раз переезжать реку вброд (Лавров 2009: 484). Адыги-шапсуги долины Аше в качестве пристани и торжища использовали устье р. Неожиданная/Мыжгопс и, следовательно, использовали путь от верховьев реки в Волчьих Ворот, что гораздо удобнее. Еще в недавнем прошлом устье этой реки было достаточно глубоким.

Можно предположить, что через дольменный макросамбль Волчьих Ворот в древности проходил удобный поперечный путь из долины р. Аше в долину р. Макопсе, маркируемый дольменами. Вдоль русла р. Джемалта и ныне сохранилась старая черкесская дорога, местами укрепленная

каменной кладкой. Единственный дольмен, существующий в долине р. Макопсе, и дольмены 1–2 группы Хапибгэ I отмечают начало этого пути, находясь у наиболее удобного прохода через хребет.

В последние годы многие исследователи склоняются к тому, что мегалитические гробницы воздвигались у древних дорог, скотопробгонных путей (Wheatley et al. 2010; Baldia 1995). Относительно дольменов Кавказа эту мысль высказывал в 1962 г. Ц. Н. Бжания (1962: 32–35). Как отмечает геолог В. Г. Трифонов: «Раздробленные породы в зонах разломов создавали пониженные прямые участки местности, которые использовались реками или представляли собой удобные места для прокладки троп и караванных путей, т. е. становились трассами древнейших коммуникаций» (Трифонов 2001: 72).

Историческое население побережья – шапсуги – хорошо знают свои места. Лесник Макопсинского участка С. Тешев сразу же рассказал, что дольмены на его участке есть только в районе Волчьих Ворот, считая описываемую местность священной для строителей дольменов. Поселок на р. Аше называется Хатлапе (адыг. «Собачья лапа»), небольшой хребет – Хапибге (адыг. «Собачий хребет»), скала на р. Макопсе, по которой назван дольмен – Мышеку (адыг. «Каменная повозка»). Топонимы связаны с формой отрога горы, напоминающим лежащего волка или собаку, на которую без сомнения обращали внимание и строители дольменов. Образ волка/собаки имеет большое значение и в традиционной культуре кавказской группы народов (Карпов 1996), и в древней культуре народов индоевропейских (Иванов 1980; 1987), и, вероятно, можно и в этом случае реконструировать связь мифологемы с глубокой древностью.⁹

Специфику образа жизни и мировоззренческих представлений населения, построившего кавказские дольмены, в немалой степени определяли природно-географические и ландшафтные условия, не изменившиеся кардинально к староадыгскому времени. Вероятно, дорога существовала и во времена дольменной культуры, а дольмены строили непосредственно над тропой, придавая этому пути сакральность. Общую систему расположения дольменов макроансамбля Волчьих Ворот можно объяснить, исходя из расположения современных троп и лесовозных дорог, окружающих высоту в середине.

Можно предложить и более сложное объяснение системы расположения дольменов как манифестации сакральности самой скальной вершины – конкретного проявления культа гор и камней, и даже сделать следующий шаг в интерпретации – предположить, что именно она и служила целью движения в древности. Карта позволяет видеть кольцо дольменов вокруг описанной вершины, подчеркивающее ее сакральность, а дольмены Мышеку и Хапибгэ маркируют «путь к Храму».

Рекреация и туризм давно стали главной отраслью экономики Черноморского побережья, а дольмены – основным объектом показа, чему в немалой степени способствуют идеи популярного в последние десятилетия неоязыческого движения (Коскелло 2006). Именно их идеи (в силу, к сожалению, «меньшей привлекательности» идей археологов) пересказывают отдыхающим экскурсоводы, именно неоязычники – основные посетители далеко расположенных от асфальтированных дорог дольменов. Для дольменного макроансамбля Волчьих Ворот, удачно расположенного между двумя асфальтированными дорогами и Приморской трассой, можно предложить новую судьбу – быть главным пунктом археологического минизаповедника и трассы организованного пешего туризма. Это, конечно, требует научных раскопок и частичного восстановления мегалитических памятников, подобно тому, как это сделал археолог В. А. Трифонов на р. Жане, обновления лесовозных дорог на Волчьих Ворота от пос. Хатлапе и р. Макопсе, поиска системы охраны памятников.

Бжания 1962 – *Бжания Ц. Н.* Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, 1962.

Гуляев 2010 – *Гуляев В. И.* Изучение погребального обряда в зарубежной археологии // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 5–19.

Диденко 2006 – *Диденко Н. В.* Минералы и горные породы Западного Кавказа. Сочи, 2006.

⁹ За перевод и историко-этнографические комментарии приносим благодарность Н. О. Коблеву.

- Иванов 1980 – *Иванов Вяч. Вс.* Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980. С. 57–64.
- Иванов 1987 – *Иванов Вяч. И.* Волк // МНМЭ. 1987. Т. 1. С. 242.
- Карпов 1996 – *Карпов Ю. Ю.* Джигит и волк. СПб, 1996.
- Коскелло 2006 – Коскелло А. Н. Движение «Звенящие кедры России» (последователи идей Владимира Мегре, анастасийцы) // Современная религиозная жизнь России: Опыт систематического описания. М., 2006. Т. IV. С. 290–303.
- Лавров 2009 – *Лавров Л. И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 2009.
- Марковин 1978 – *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Трифонов 2001 – *Трифонов В. Г.* Живые разломы земной коры // Соросовский образовательный журнал. 2001. Т. 7, № 7. С. 67–74.
- Baldia 1995 – *Baldia M.* URL: http://www.comparchaeology.org/010Spatial_Analysis_MEGT_TOC.htm
- Wheatley et al. 2010 – *Wheatley D. W., Sanjuán L. G., Murrietaflores P., Pérez J. M.* Approaching the landscape dimension of the megalithic phenomena in southern Spain // Oxford Journal of Archaeology. 2010. Vol. 29, no 4. P. 387–405.

Л. С. Ильюков (Ростов-на-Дону, Россия)

Кто штурмовал Ливенцовско-Каратаевскую крепость?

В низовьях Дона, на краю высокой террасы между пос. Ливенцовка и Каратаево расположена крепость. В плане она представляла два полукружья, разделенные глубоким оврагом на две почти равные половины. Одна ее часть, расположенная ближе к Ливенцовке (Братченко 2006), получила название Ливенцовская крепость, вторая, расположенная ближе к Каратаево, – Каратаевская (Ильюков 2002). Однако, они настолько близки между собой не только по конструкции, но и по материальной культуре, что их можно уверенно рассматривать как синхронные археологические памятники.¹

Крепость с внешней стороны была обнесена меандровидной каменной стеной и рвом с многочисленными перемычками-проходами. Во время сооружения рва в большом количестве был добыт известняк (ракушечник). Рваные его куски использовались не только для строительства фортификационных сооружений, но и для возведения жилых построек с внутренней стороны оборонительной стены по периметру крепости. Некоторые из построек внутри крепости возводили из дерева и тростника. По мнению С. Н. Братченко, незастроенное пространство внутри крепости использовалось как загон для домашнего скота. Тонкий культурный слой, зафиксированный под руинами пристенных построек, свидетельствует о том, что крепость просуществовала короткое время. Впоследствии ее руины неоднократно посещали, о чем свидетельствуют различные находки. В РЖВ на ее территории был сооружен большой могильник.

Последний период жизни этой крепости был связан с осадой, о чем свидетельствует большое количество наконечников стрел. Нередко стрелы попадали в каменные сооружения на территории Ливенцовской и Каратаевской крепости. В результате осады и штурма жизнь в крепости прекратилась. Спустя какое-то время в ее рву, еще не заплывшем землей, стали хоронить умерших (Братченко 2006: 72–80). По мнению С. Н. Братченко, погребения расположенные на расстоянии 0,16–0,35 м от дна рва, были устроены, когда рвы еще не полностью были заполнены развалами камней и землей.

¹ С. Н. Братченко (1976: 119) первоначально эту крепость называл «Ливенцовской», впоследствии он стал именовать ее «Левинцовской», объясняя это тем, что этот поселок ранее был хутором и назывался Левинцовка (Братченко 2006: 33). Однако на карте последней четверти XVIII в. этот хутор назывался Ливенцовка и принадлежал Андрею Николаевичу Ливенцеву. Выражаю искреннюю признательность И. В. Толочко за консультацию по этому вопросу.

Среди захоронений во рву открыто погр. 6, в котором скелет взрослого человека находился в сильно скорченном положении на левом боку, ориентированный головой на Ю. В области тазовых костей обнаружен костяной медальон с узкой боковой планкой, на конце которой расположено поперечное отверстие (Там же: 79; рис. 24, 1–2). Этот медальон относится ко времени бабинской культуры и находит аналогии на Северо-Восточном Кавказе (Там же: 92–93). По-видимому, в это время крепость была уже заброшена.

Оборонительная стена в Ливенцовской крепости была изучена лучше, тогда как на территории Каратаевской крепости, обследована лишь небольшая часть оборонительной стены и участок в центральной части крепости.

Всего в крепости было найдено более 700 наконечников стрел, выполненных из кремня и обсидиана. Часть из них сильно фрагментирована и не поддается классификации. Обсидиановые изделия обнаружены только в Ливенцовской крепости. Только 26 % наконечников оказались целыми, остальные получили повреждения от удара о камень. Наконечники сконцентрированы около оборонительных стен (Там же: 128; рис. 62). Многие из них вонзились в стены и ворота, закрывавшие проходы. В центральной части крепости наконечников найдено немного.

По способу крепления к древку наконечники были разделены на выемчатые, черешковые и с овальным основанием.

Выемчатых наконечников найдено 11 экз. (рис. 1, А). Все, кроме одного, были найдены внутри крепости, около оборонительной стены. Один наконечник имеет широкое основание и неглубокую выемку (рис. 1, 8; Братченко 2006: 131; рис. 63, 18). Его длина составляет 21–33 мм, ширина – 10–15 мм. Этот экземпляр находит аналогии среди наконечников бабинского типа.

Черешковые наконечники были более массивными, чем выемчатые (рис. 1, Б). Преобладают наконечники длиной – 40–55 мм. Черешок имел полукруглую или прямоугольную форму, черешки треугольных очертаний отсутствовали. Черешковые наконечники по форме пера разделяются на два варианта: 1. Башневидно-листовидные наконечники (более 350 экз.; рис. 1, 9–13), два из которых имеют пятиугольное перо, повторяя очертания миниатюрного бронзового клинка с расширением на конце (рис. 1, Б, 14–15); 2. Наконечники с листовидным пером (более 130 экз.; рис. 1, 16–21), перо которых нередко имеет вытянутые или приземистые очертания.

Листовидные наконечники с овальным основанием (ок. 15 экз.; рис. 1, В; Там же: 137; рис. 63, 18). Перо узкое, его длина равняется 30–50 мм, ширина – 10–15 мм.

Для изготовления наконечников стрел обычно использовали кремень, в редких случаях – обсидиан (10 экз.). Среди обсидиановых наконечников имеются экземпляры с черешковым насадом (8 экз.; рис. 1, Г) и листовидные с овальным основанием (2 экз.; рис. 1, Д). У всех изделий от удара о камень повреждена боевая головка.

Таким образом, в данной выборке выделяются три группы наконечников (рис. 1): 1) с выемчатым основанием; 2) с черешковым насадом; 3) с овальным основанием.

Более половины из 15 наконечников с листовидным пером и овальным основанием имеет разбитую боевую головку. Один такой наконечник из желтоватого кремня был найден на поселении Ливенцовка I в культурном слое 4, который относился к культуре Бабино (Братченко 1969: 220; рис. 8, 1). На Правобережье Нижнего Дона в Сладковском мог-ке в позднекатакомбном погр. 5 кург. 7 было найдено пять наконечников с овальным основанием, один из них – обсидиановый, остальные – кремневые.

На территории Ливенцовско-Каратаевской крепости найдено 11 наконечников с выемчатым основанием. У половины из них было фрагментировано одно из жальцев, но ни разу не повреждена боевая головка. Наконечники этого типа были найдены внутри крепости (Братченко 2006: рис. 62).

Наиболее частой находкой среди наконечников являются черешковые, многие из них повреждены от удара о камень. Черешковые наконечники известны в памятниках позднего катакомбного периода: Суворовская 10/6; Орджоникидзе 3/3 (Там же: рис. 116, 31–32; 122, 33–36); Нижнедонские Частые курганы, кург. 14, погр. 2 (Максименко и др. 2004: 61).

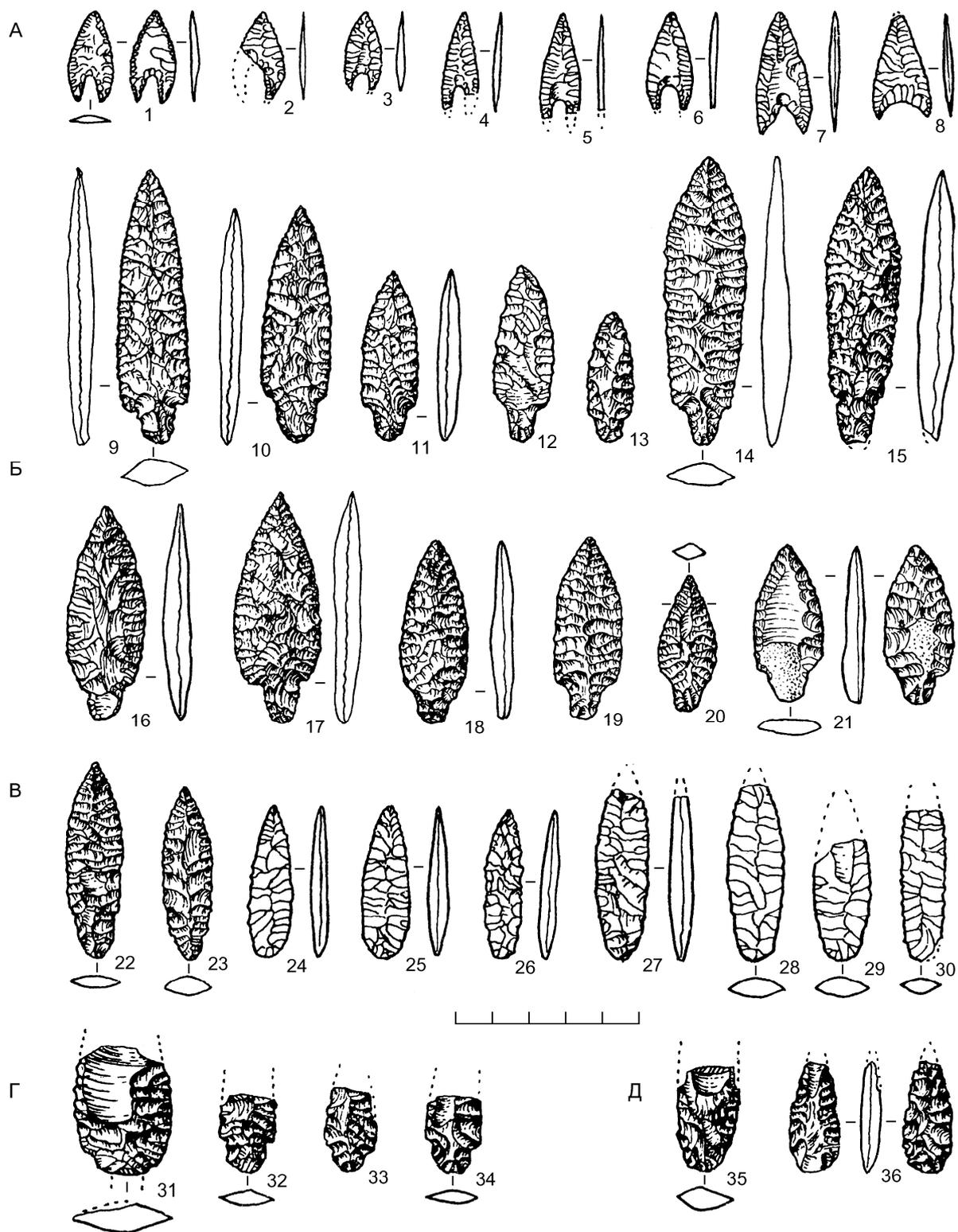

Рис. 1. Ливенцовская крепость, кремневые (А–В) и обсидиановые (Г–Д) наконечники стрел:
 А – выемчатые; Б, Г – черешковые; В, Д – с овальным основанием

В окрестностях Ливенцовки в насыпи кургана был обнаружен бронзовый дротик с прямоугольным черешковым насадом. Его листовидное перо имеет прорезь, которая по продольным сторонам ограждена двумя валиками. Предмет находит прямые аналогии среди наконечников синташтинского типа (Ильюков 1991). В синташтинских памятниках, наряду с черешковыми, представлены листовидные наконечники с овальным основанием (Братченко 2006: рис. 122, 14).

Возможно, в нападении на крепость принимали участие воины-лучники со стрелами, которые были снабжены наконечниками не только из кремня, но и из обсидиана. Судя по статистике, почти треть кремневых наконечников имели разбитую боевую головку. Эти же повреждения есть у всех обсидиановых наконечников. Аналогичный наконечник из обсидиана найден в колчане в позднекатакомбном погребении в Сладковском мог-ке. Наконечники, у которых боевая головка не была разбита, предположительно, принадлежали защитникам крепости.

Во время раскопок крепости наконечников дротиков или копий не обнаружено. Опираясь на вероятный способ крепления наконечника стрелы к древку, можно предположить, что состав воинов, напавших на крепость, был неоднородным. Одни из лучников крепили выемчатое или овальное основание наконечника в расщепе древка, затем жгутом стягивали этот расщеп, а обмотку покрывали смолой. Другие – вставляли черешок наконечника в расщеп древка и перевязывали его обмоткой к древку, а затем саму обмотку покрывали смолой. Obsидиановые наконечники аналогичны по форме кремневым, однако среди них нет выемчатых экземпляров.

Возможно, в штурме крепости участвовал отряд колесничих воинов синташтинской культуры, которые «накрыли» крепость «лавиной» стрел. Нападавшие были вооружены не только луками и стрелами, но и дротиками с бронзовыми наконечниками. Реплики бронзовых наконечников, изготовленные из кремня, есть в коллекции из Ливенцовской крепости (рис. 1, 14–15; Братченко 2006: рис. 66, 1; 67, 15).

Не скрывается ли за разнокалиберностью стрел использование их местным населением при штурме крепости? Несомненно, аборигенное население поддерживало тесные культурные связи с кавказским регионом, о чем свидетельствуют находки обсидиана в Ливенцовско-Каратаевской крепости и на территории Нижнего Дона (Жеребилов 1997).

Возможно, этот «сценарий» нуждается в существенной корректировке. Реконструировать «исторические события» по предметам материальной культуры крайне сложно.

С. Н. Братченко относил Ливенцовскую и Каратаевскую крепости к особой каменско-ливенцовской культурной группе. Он отмечал черты сходства между керамикой из Ливенцовской крепости и керамикой бабинского и бахмутского типов (Братченко 1969: 127) и считал также, что эти крепости имеют соответствия в «поздних северокавказских памятниках Прикубанья и Восточного Крыма» (Там же: 130).

Для современных исследователей несомненно, что Ливенцовско-Каратаевская крепость являлась «рубежом», который отделял эпоху средней бронзы от поздней бронзы. На рубеже эпох у стен каменной крепости, расположенной в дельте Дона, разыгралась драма. В результате – жизнь в крепости замерла, о чем свидетельствует тонкий культурный слой под руинами ее построек.

Братченко 1969 – *Братченко С. Н.* Богатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. Киев, 1969. Т. XXII. С. 210–231.

Братченко 1976 – *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Братченко 2006 – *Братченко С. Н.* Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2006. № 6. С. 32–304.

Жеребилов 1997 – *Жеребилов С. Е.* Некоторые особенности обсидианового импорта Южной России в эпоху камня – бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П. Д. Рау (1897–1997). г. Энгельс, Саратовская обл. 12–17 мая 1997. г. Саратов, 1997. С. 23–25.

Илюков 1991 – *Илюков Л. С.* Бронзовый наконечник дротика из Ростова-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Азов, 1991. Вып. 10. С. 34–36.

Илюков 2002 – *Илюков Л. С.* Крепость бронзового века в низовьях Дона // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 152–153.

Максименко и др. 2004 – *Максименко В. Е., Ключников В. В., Гуркин С. В.* Исследование могильника «Нижнедонские Частые курганы» в 2002 году. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 2004. Вып. 19. С. 59–61.

Векторы миграций степного населения Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы (по палеоантропологическим данным)

Цель настоящего исследования – определение доминирующих морфологических комплексов населения Восточной Европы, а также направлений и территорий их распространения. В качестве метода исследования избран многомерный статистический анализ индивидуальных измерительных данных¹⁰ 785 мужских черепов из погребальных памятников эпохи бронзы Восточной Европы, Закавказья, Зауралья и Южной Сибири. Черепа были объединены в сорок пять серий согласно культурной и территориальной принадлежности погребений (табл. 1). Межгрупповое сопоставление проводилось по девятнадцати¹¹ краниометрическим признакам при помощи канонического анализа из пакета программ Statistica 8.0.

Первый канонический вектор (КВ) охватил 19 % общей изменчивости, демонстрируя вариабельность, преимущественно, таких признаков как на поперечный диаметр мозговой коробки, скуловая ширина лица и высота орбит. В КВ II (15 % изменчивости) максимальные нагрузки легли на угол выступания носа, зигомаксиллярный угол и продольный диаметр черепа. В координатном пространстве первых двух канонических векторов краниологические серии распределились следующим образом (рис. 1).

Максимальные значения по первому вектору получили серии черепов из памятников лесной полосы, происхождение которых по археологическим данным связано с кругом культур боевых топоров (или шнуровой керамики) Центральной Европы (Денисова 1975), – кивуткальская, три фатьяновские и балановская (рис. 1, № 1–5). Для них характерны узкая долихокранная мозговая коробка, узкое или среднеширокое лицо, резкая горизонтальная профилированность лица в сочетании со средним или большим углом выступания носа.

Выборки Северного Кавказа и Закавказья (рис. 1, № 6–10), в целом, демонстрируют наименьшие значения по второму вектору из-за очень малого зигомаксиллярного угла и очень сильно выступающего носа. Именно этими особенностями в сочетании с чуть большей шириной лица кавказские серии отличаются от серий фатьяновской и балановской культур, также долихокраничных и резко профилированных в горизонтальной плоскости.

В межгрупповом многомерном анализе краниологических серий эпохи ранней бронзы, который был опубликован Т. И. Алексеевой и С. И. Круц (1999), лептоморфные кавказские и лесные серии, напротив, не проявили различий. Это авторы трактовали как свидетельство генетических контактов между ними. Однако анализ проводился лишь по девяти краниометрическим признакам, среди которых полностью отсутствовали таксономически важные угловые размеры, что в значительной степени снизило возможности дифференциации восточноевропейских популяций. Более ранние методы изучения краниологических материалов также не позволяли выявить морфологические различия между сериями черепов из погребений фатьяновской и балановской культур, с одной стороны, и закавказскими или предкавказскими степными выборками, с другой, т. к. и тем, и другим свойственны незначительные широтные размеры и резкая горизонтальная профилировка. По этой причине, напр., М. С. Акимова на одном и том же материале из Балановского мог-ка в разное время пришла к двум противоположным выводам о формировании населения

¹⁰ Выражаю искреннюю признательность А. А. Хохлову и Е. П. Китову за возможность использования неопубликованных полученных ими данных измерений черепов из краниологических серий Среднего Поволжья и Южного Урала.

¹¹ Продольный, поперечный, высотный, скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, верхняя и средняя ширина лица, ширина и высота грушевидного отверстия и орбит, назомалярный и зигомаксиллярный углы, симметрические ширина и высота, угол наклона лба, общий лицевой угол и угол выступания носа (Алексеев, Дебеч 1964).

балановской культуры, реконструировав процесс миграции сначала с запада (Акимова 1947), затем исключительно с юга (Акимова 1963).

Таблица 1

Мужские краниологические серии эпохи бронзы

№	Культура, могильник	Источник
1	Мог-к Кивуткалнс, Латвия	Денисова 1975
2	Фатьяновская культура: мог-ки Олочинский, Болшнево II, Волосово-Даниловский	Денисова 1975
3	Фатьяновская культура: мог-ки Воронковский, Никульцинский, Галузинский, Наумовский, Халдеевский, Великосельский	Денисова 1975
4	Фатьяновская культура: мог-ки Ковровский, Ханевский, Тимофеевский	Денисова 1975
5	Балановская культура, Балановский мог-к	Акимова 1947; 1963
6	Мог-к Гинчи, Дагестан	Гаджиев 1975
7	Мог-к Артик, Армения	Алексеев 1974
8	Мог-к Оромский, Армения	Мкртчян 2001
9	Мог-к Норадуз, Армения	Алексеев 1974
10	Мог-к Лчашен, Армения	Азизян 1965
11	Бабинская или культура многоваликовой керамики	Зиневич 1967; Зиневич, Круц 1968; Кондукторова 1973; Круц 1973; 1984
12	Лолинская культура	Герасимова, Калмыков 2007; Хохлов, Мимоход 2008; Казарницкий 2010
13	Криволукская культурная группа	Хохлов, Мимоход 2008
14	Срубная культура Ростовской обл.: мог-ки Александровский II, Савельевский, Ейский, Разметный, Рогожкинский, Ясиновский	Батиева 2011
15	Срубная культура Ростовской области: мог-к Ясырев	Шевченко, неопubl.
16	Срубная культура Самарской области: мог-к Хрящевка	Дебец 1954
17	Срубная культура Самарской области: мог-к Лузановский	Шевченко, неопubl.
18	Срубная культура Самарской области: мог-ки Студенцы, Съезжее	Хохлов, неопubl.
19	Срубная культура Самарской и Оренбургской обл.: мог-ки Нижняя Орлянка, Поплавское, Алексеевский, Уранбаш	Хохлов, неопubl.
20	Срубная культура Самарской области: мог-к Новоселки	Хохлов, неопubl.
21	Срубная культура Башкирии	Шевченко, Юсупов 1991
22	Срубная культура Ульяновской области: мог-ки Кайбелы, Светлое Озеро и Красная Звезда	Герасимова 1958
23	Срубная культура Калмыкии	Хохлов, Мимоход 2008; Шевченко, неопubl.
24	Срубная культура Астраханской обл.	Шевченко 1986
25	Срубная культура Саратовской обл.	Фириштейн 1967; Шевченко, неопubl.
26	Срубная культура Волгоградской обл.	Фириштейн 1967; Шевченко, неопubl.
27	Срубная культура Молдавии	Великанова 1975
28	Синташтинские памятники Зауралья	Линдстром 2002; Рыкушина 2003
29	Потаповские памятники Приуралья	Яблонский, Хохлов 1994
30	Алакульская культура Южного Урала	Китов, неопubl.
31	Алакульская культура Западного Казахстана	Гинзбург 1962; Алексеев 1964
32	Срубно-алакульские памятники Южного Урала	Китов, Хохлов 2008; Китов неопubl.
33	Покровская (раннесрубная) культура Самарской обл.	Хохлов, неопubl.
34	Черкаскульская культура, Башкирия	Акимова 1968; Шевченко 1980
35	Андроновская (фёдоровская) культура южных районов Верхнего Приобья	Дрёмов 1997
36	Андроновская (фёдоровская) культура Томского Приобья	Дрёмов 1997
37	Катакомбная культура Волгоградской обл.	Фириштейн 1967; Шевченко неопubl.
38	Катакомбная культура Калмыкии	Шевченко 1986; 2009
39	Катакомбная культура Северного Причерноморья, Запорожье	Круц 1984
40	Катакомбная культура Северного Причерноморья, Криворожье	Круц 1984
41	Катакомбная культура Северного Причерноморья, Херсонщина	Круц 1984
42	Катакомбная культура Ростовской обл., правый (северный) берег Дона	Шевченко, неопubl.
43	Катакомбная культура Ростовской обл., левый (южный) берег Дона	Шевченко, неопubl.
44	Ямно-полтавкинская культура	Хохлов, неопubl.
45	Абашевская культура, Чувашия	Дебец 1948; Акимова 1955; Лебединская, Герасимова 1966

Результаты нашего анализа свидетельствуют о популяционной общности населения, оставившего памятники фатьяновской, балановской культур. Кивуткалнский мог-к, а также, что население кавказского региона статистически достоверно отличается от них по величинам зигмаксиллярного угла и угла выступания носа. Формирование лесных и кавказских популяций эпохи бронзы шло, т. о., разными путями, и неуместно объединять их под общим термином «средиземноморский/южноевропейский краниологический тип» или вовсе «средиземноморцы». Сходство между ними может объясняться очень отдаленным родством, восходящим к палеопопуляциям Передней Азии, которые принесли на территорию Европы традиции производящего хозяйства.

Наряду с выборками эпохи бронзы Армении и Дагестана в поле низких значений по второму вектору и средних по первому оказались три степные посткатакомбные группы: бабинская, лолинская и криволукская (рис. 1, № 11–13). Морфологическое сходство представителей блока посткатакомбных культур между собой и, в целом, с кавказскими популяциями неслучайно и подтверждается археологическими свидетельствами влияния на культуры восточноевропейских степей миграций с Северо-Восточного Кавказа в финале эпохи средней бронзы (Мимоход 2012). Однако бабинская выборка (рис. 1, № 11), оставаясь вблизи лолинской и криволукской, сместилась в сторону серий, чье происхождение связано с кругом культур боевых топоров. Причем наибольшее сходство она проявляет с хронологически наиболее ранней серией фатьяновской культуры¹² (рис. 1, № 4). Этому можно найти объяснение, если обратиться к географическим и археологическим данным.

Культура многоваликовой керамики – самая западная из посткатакомбных. Территория, разделяющая ареалы лесной фатьяновской и степной бабинской культур, была занята среднеднепровской культурой, также входившей в круг культур боевых топоров, но по сей день не представленной краниологическими материалами. Можно предположить существование общего для среднеднепровского и раннефатьяновского населения популяционного пласта, пришедшего на эту территорию из Центральной Европы. При этом в самых ранних бабинских памятниках археологически прослеживается влияние либо конкретно среднеднепровское, либо более широко – «шнуровых» культур (Литвиненко 2002; и др.). Видимо, это центральноевропейское воздействие было не только культурным, но также популяционным, и повлияло на антропологический состав первых коллективов представителей бабинской культуры, позднее включивших в себя и группы с территории Кавказа. В конечном итоге, это обусловило промежуточное положение бабинской выборки между сериями, представляющих два блока культур – посткатакомбный и шнуровой керамики. Для подтверждения (или опровержения) этой гипотезы необходимо дождаться обнаружения черепов носителей среднеднепровской культуры.

Особо следует отметить отсутствие сходства между популяциями бабинской культуры и предшествующей катакомбной культуры Северного Причерноморья (рис. 1, № 39–41), т. к. соответствующие серии очень далеки друг от друга в пространстве первых двух канонических векторов из-за значительных различий их краниологических характеристик.

Андроновские серии (две южносибирские фёдоровские и приуральская черкаскульская) получили максимальные значения координат по второй компоненте и отделились от большинства анализируемых групп благодаря небольшому углу выступания носа, менее клиногнатному, чем в других сериях, лицу и среднему по длине мезобрахикранному черепу (рис. 1, № 34–36). Недалеко от них – алакульская и срубно-алакульская серии Южного Урала (рис. 1, № 30, 32), в то время как алакульская выборка из Западного Казахстана (рис. 1, № 31), напротив, морфологически более близка к закавказским группам. Сходна и с южноуральскими, и с южносибирскими сериями выборка черепов из синташтинских памятников (рис. 1, № 28). Потаповская группа (рис. 1, № 29), сохраняя некоторое сходство с синташтинской, сдвинута в сторону серий с южноевропейским комплексом признаков.

¹² Более 80 % этой выборки представлены черепами из раннего мог-ка Волосово-Даниловский (Денисова 1975).

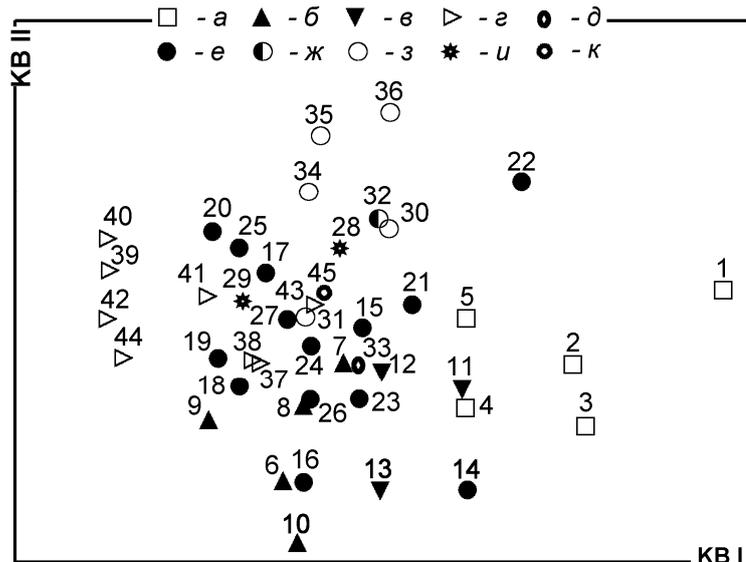

Рис. 1. Положение мужских краниологических серий эпохи бронзы Восточной Европы в координатном пространстве первых двух канонических векторов (номера серий на графике соответствуют номерам в табл. 1)

Минимальные значения по первому вектору и средние по второму свойственны большинству выборок катакомбной культуры (рис. 1, № 39–42, 44), разделяющих на графике южный и восточный круги палеопопуляций Восточной Европы. Однако серии катакомбных культур Калмыкии (рис. 1, № 38), Волгоградской обл. (рис. 1, № 37) и левого (южного) берега Дона (рис. 1, № 43) расположились ближе к кавказским группам, т. к. формировались при участии населения Закавказья (Казарницкий 2011а).

Среди оставшихся точек на графике подавляющее большинство представляют краниологические серии срубной культуры (рис. 1, № 14–27). Большая их часть расположилась среди южноевропеоидных серий, некоторые примыкают к восточному кругу популяций. В территориальном масштабе от Молдавии до Калмыкии и Башкирии наблюдается та же закономерность, что была выявлена А. А. Хохловым (Хохлов 2000) при межгрупповом сопоставлении срубных серий Среднего Поволжья: среди носителей срубной культуры присутствуют как восточные, так и южные по происхождению группы. Важен и тот факт, что среди территориально южных и западных групп представлен исключительно южноевропейский морфологический комплекс, в то время как среди выборок из более восточных регионов – и южный, и восточный комплексы краниологических признаков. Это впервые было отмечено А. В. Шевченко (1986), который происхождение лептоморфных черепов связывал с западными регионами. Поэтому, исходя только из антропологических данных, он утверждал, что срубная культура распространялась с запада на восток вместе с обладателями более узких черепов, что противоречило археологическим данным, однако соответствовало логике географического распределения краниологических типов. Противоречие можно снять, если объяснить соотношение лепто- и зуриморфных черепов в Восточной Европе миграциями не с запада, а с юга, и не в эпоху поздней бронзы, а в финале эпохи средней бронзы в лице носителей посткатакомбных культур (Хохлов, Мимоход 2008). Дополнительным подтверждением этому является то, что наиболее ранние срубные (покровские) памятники оставлены в районе Самарской Луки еще южноевропейским по происхождению населением (рис. 1, № 33), и лишь позднее местный приуральский субстрат оказался включен в состав срубных популяций восточной части срубного мира в Самарской, Ульяновской, Саратовской обл. и Башкирии (Хохлов 2000). Дальнейшее распространение срубной культуры на запад при мощном влиянии уральского металлургического очага прошло, не затронув популяционный состав южных и западных территорий срубной культурной общности.

Что касается западного вектора миграций, то по результатам проведенного анализа он, во-первых, отчетливо виден в лесной полосе и связан с популяциями круга культур боевых топоров, поздними представителями которого являются фатьяново-балановские коллективы. Во-вторых, часть катакомбных серий демонстрирует краниологический комплекс, который не находит аналогий в Восточной Европе и может быть связан также с более западными регионами. Однако значительная часть населения, вошедшего в состав катакомбной культурно-исторической общности, была сформирована при несомненном участии закавказских популяций – это географически наиболее южные катакомбные культуры азово-каспийских степей и Нижнего Поволжья. Отчетливой границей между западными и южными по происхождению катакомбными сериями является (по данным краниоскопии) нижнее течение Дона (Казарницкий 2011б).

Исходя из закономерностей изменчивости краниологических характеристик населения Восточной Европы, с учетом археологических данных, в эпоху бронзы можно реконструировать следующие векторы перемещений человеческих популяций:

1. С запада на восток по лесной полосе. Импульс из круга культур боевых топоров (шнуровой керамики) Центральной Европы. Участники – фатьяново-балановские популяции. Зафиксирован выход в степную полосу Северного Причерноморья в виде субстратной основы для населения бабинской культуры, позднее подвергнувшегося влиянию со стороны кавказских популяций;

2. С юго-запада (Северное Причерноморье и, вероятно, еще западнее) на северо-восток в пределах степной и лесостепной зон. Участники – население катакомбных культур Украины, донского правобережья Ростовской обл. и, отчасти, полтавkinской культуры;

3.1. (III тыс. до н. э.). С юга на север и северо-восток. Импульс из Закавказья. Участники – население катакомбных культур Предкавказья, Волгоградской обл. и донского левобережья Ростовской обл.;

3.2. (Начало II тыс. до н. э.). С юга на северо-запад и северо-восток. Импульс с Северо-Восточного Кавказа и прилегающих территорий. Участники – представители посткатакомбного блока: лолинская культура, криволукская культурная группа и часть населения бабинской культуры.

Таким образом, изменения в материальной культуре Восточной Европы в III и в начале II тыс. до н. э. были тесно связаны с изменением состава населения. Однако на протяжении большей части II тыс. до н. э. процесс распространения срубной культурной общности с ее значительными технологическими и погребальными инновациями ограничился культурными изменениями и не затронул антропологический состав вошедших в нее человеческих коллективов.

Азизян 1965 – *Азизян Г.* Палеоантропологический материал из погребений у селения Лчашен // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. Ереван, 1965. № 3. С. 306–316.

Акимова 1947 – *Акимова М. С.* Антропологический тип населения фатьяновской культуры // Тр. ИЭ. Новая серия. М.; Л., 1947. Т. I. С. 268–282.

Акимова 1955 – *Акимова М. С.* Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. 1955. Т. XXIII. С. 78–92.

Акимова 1963 – *Акимова М. С.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // *Бадер О. Н.* Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963. С. 322–362.

Акимова 1968 – *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

Алексеев 1964 – *Алексеев В. П.* Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Ташкент, 1964. С. 20–28.

Алексеев 1974 – *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

Алексеев, Дебец 1964 – *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., 1964.

Алексеева, Круц 1999 – *Алексеева Т. И., Круц С. И.* Древнейшее население Восточной Европы // Восточные славяне: Антропология и этническая история. М., 1999. С. 254–276.

- Батиева 2011 – *Батиева Е. Ф.* Антропологические материалы из срубных погребений междуречья Дона и Чира // *Шарафутдинова Э. С., Житников В. Г.* Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). СПб, 2011. С. 162–176 (Тр. ИИМК РАН. Т. XXXVI).
- Великанова 1975 – *Великанова М. С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975.
- Гаджиев 1975 – *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975.
- Герасимова 1958 – *Герасимова М. М.* Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 72–77.
- Герасимова, Калмыков 2007 – *Герасимова М. М., Калмыков А. А.* Палеоантропологические исследования погребений лолинской культуры // ВА. 2007. № 15. Ч. II. С. 246–255.
- Гинзбург 1962 – *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы (Захоронения могильника Тасты-Бутак I в Актобинской области) // *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л., 1962. С. 186–198.
- Дебец 1948 – *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948 (Тр. ИЭ. Новая серия. Т. IV).
- Дебец 1954 – *Дебец Г. Ф.* Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // Тр. Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1954. Т. 1. С. 485–499 (МИА. № 42).
- Денисова 1975 – *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975.
- Дрёмов 1997 – *Дрёмов В. А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск, 1997.
- Зиневич 1967 – *Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967.
- Зіневич, Круц – *Зіневич Г. П., Круц С. І.* Антропологічна характеристика давнього населення території України. Київ, 1968.
- Казарницкий 2010 – *Казарницкий А. А.* Краниология лолинской культуры // ВААЭ. 2010. № 1 (12). С. 132–140.
- Казарницкий 2011а – *Казарницкий А. А.* Население эпохи бронзы в степях Северо-Западного Прикаспия // ЗИИМК. 2011. № 6. СПб, 2011. С. 133–142.
- Казарницкий 2011б – *Казарницкий А. А.* Краниоскопия населения азово-каспийских степей ранней и средней бронзы // Вестник МГУ. Серия XXIII. Антропология. 2011. № 1. С. 76–83.
- Китов, Хохлов 2008 – *Китов Е. П., Хохлов А. А.* Палеоантропология срубно-алакульского времени Южного Урала // ВА. 2008. № 16. С. 71–83.
- Кондукторова 1973 – *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973.
- Круц 1973 – *Круц С. І.* Палеоантропологічні матеріали Вільнянської експедиції // Матеріали з антропології України. Київ, 1973. Вип. 7. С. 51–71.
- Круц 1984 – *Круц С. І.* Палеоантропологические исследования степного поднепровья (эпоха бронзы). Киев, 1984.
- Лебединская, Герасимова 1966 – *Лебединская Г. В., Герасимова М. М.* Абашевский человек // *Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М.* Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966. С. 37–46.
- Линдстром 2002 – *Линдстром Р. У.* Антропологические характеристики популяции кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь. Челябинск, 2002. Кн. 1. С. 159–164.
- Литвиненко 2002 – *Литвиненко Р. А.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002. С. 76–85.
- Мимоход 2012 – *Мимоход Р. А.* Лолинская культура: Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2012.
- Мкртчян 2001 – *Мкртчян Р. А.* Палеоантропология Оромского могильника. Ереван, 2001 (Мат-лы по антропологии Армении. Вып. 1).
- Рыкушина 2003 – *Рыкушина Г. В.* Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 345–360.
- Фирштейн 1967 – *Фирштейн Б. В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967. С. 100–140.

- Хохлов 2000 – *Хохлов А. А.* Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. М., 2000. Ч. 2. С. 217–242.
- Хохлов, Мимоход 2008 – *Хохлов А. А., Мимоход Р. А.* Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // ВА. 2008. № 16. С. 44–69.
- Шевченко 1980 – *Шевченко А. В.* Антропологическая характеристика населения чераскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. М., 1980. С. 163–183.
- Шевченко 1986 – *Шевченко А. В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 121–215.
- Шевченко 2009 – *Шевченко А. В.* Краниологические материалы из могильников эпохи бронзы Калмыкии // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. СПб, 2009. С. 235–267.
- Шевченко, Юсупов 1991 – *Шевченко А. В., Юсупов Р. М.* Краниологические материалы из Старо-Ябалаклинского могильника // *Горбунов В. С., Морозов Ю. А.* Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991. С. 101–115.
- Яблонский, Хохлов 1994 – *Яблонский Л. Т., Хохлов А. А.* Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семёнова А. П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. С. 186–205.

А. А. Клещенко (Москва, Россия)

Булавки эпохи средней бронзы Предкавказья как культурно-хронологические маркеры

Роговые и металлические булавки эпохи средней бронзы в Предкавказье являются одним из наиболее ярких индикаторов генетических и межкультурных связей. Накопленный в последние десятилетия опыт аналитических работ, посвященных булавкам, а также значительный рост источниковой базы по культурам эпохи средней бронзы Предкавказья, как нам представляется, уже требуют определенного обобщения¹³.

Булавки эпохи средней бронзы (в первую очередь, молоточковидные) не раз привлекали внимание специалистов. В ранних работах (Кривцова-Гракова 1938; Попова 1955; Марковин 1960; Латынин 1967; Сафронов 1973; Николаева, Сафронов 1975) исследователи анализировали небольшие серии комплексов и отдельные находки булавок, приходя, порой, к ошибочным, как показало время, выводам относительно культурной и хронологической позиции тех или иных «типов» этих изделий. Так, в обзорной работе В. А. Латынина были учтены не более 37 предкавказских комплексов, из которых лишь в 10 погребениях был прослежен обряд, а В. А. Сафронов в своих типологических и хронологических построениях оперировал 41 комплексом с «костяными» молоточковидными булавками.

К рис. 1. Булавки эпохи средней бронзы Предкавказья. А – виды булавок: I (1–10) – роговые молоточковидные с простым зональным орнаментом, II (11–21) – роговые молоточковидные с геометрическим орнаментом, III – роговые гвоздевидные (22–25) и стержневидные (26–28), IV (29–41) – бронзовые молоточковидные, V – бронзовые посоховидные (42–46) и дуговидные (47);
 Б – таблица количественного соотношения комплексов с булавками по культурам и районам Предкавказья: I–V – виды булавок, культуры: НТК – новотиторовская; ВП КТК – восточноприазовская катакомбная; ЯК – ямная; СКК – северокавказская; ранКТК – раннекатакомбная; Я-КТ – ямно-катакомбная культурная группа

¹³ За пределами настоящей работы остались («гигантские») Т- и У-образные металлические булавки из предгорных районов Терского бассейна, характеризующие связь местных северокавказских традиций с куроаракской культурой (Кореневский 1986), а также уплощенные в сечении булавки-рогатки финала ранней бронзы, являющиеся, по всей вероятности, прообразом молоточковидных булавок эпохи средней бронзы (Кияшко В. 1976; Гей 2002).

район/ культура булавки	Прикубанье			Верхний Маныч и средние Ергени			Северное Ставрополье			Центральное Ставрополье			Закубанье			Южное Ставрополье (СКК)	Терский бассейн (СКК)
	НТК	ВП КТК	ЯК	СКК	ранКТК	Я-КТ	ЯК	СКК	ранКТК	ЯК	СКК	ранКТК	СКК	ранКТК	СКК		
I	9		71				1	3									
II	16	6		5	27	13							12		1		
III	2	5			5		1	1							6		
IV	2	4	1			2		1	3						6		
V		4		4	1	1		1	6						26	14	
всего:	29	19	72	9	33	16	2	6	19	2	19	9	36	3	59	18	

Рис. 1

В дальнейшем, в результате расширения источниковой базы типологические и хронологические разработки по булавам эпохи средней бронзы были предприняты для отдельных районов Предкавказья: Прикубанья (Гей 1987; 2000), долины Подкумка и Кабардино-Балкарии (Кореневский 1984; 1985; 1990; Гей, Кореневский 1989), Центрального Ставрополя (Кореневский, Романовская 1989), Северо-Западного Прикаспия (Шишлина 2007), Закубанья (Гей, Кореневский 1989; Клещенко 2011), а также для территории Северного Причерноморья (Ковалёва 1991). В результате этих исследований были сделаны важные выводы о хронологическом соотношении различных видов и типов булавок.

На наш взгляд, наиболее обоснованной является модель эволюции роговых молоточковидных булавок, разработанная А. Н. Геом (Гей 1987; 2000: 163–170). Она основана на корреляции формы стержня и вариантов его орнамента. В результате анализа булавок из стратифицированных курганных комплексов новотиторовской и раннекатакомбной культур Прикубанья исследователь отнес к самым ранним молоточковидные булавки с прямым стержнем и простым зональным горизонтальным орнаментом в виде нарезки или заштрихованных полос, а также неорнаментированные формы (рис. 1, А, I). Причем наиболее архаичными из них, по всей видимости, являются небольшие булавки-рогатки, отличающиеся от своих плоских раннебронзовых праобразов круглым сечением стержня. В комплексах они часто встречаются в виде наборов по несколько экземпляров (рис. 1, А, I–4). Эти варианты булавок обнаружены в погребениях I–II этапа новотиторовской культуры. Следующий хронологический горизонт представлен роговыми молоточковидными (рис. 1, А, II), гвоздевидными и стержневидными булавами со сложными геометрическими композициями в виде заштрихованных зигзагов, треугольников, ромбов, полос и «песочных часов» (рис. 1, А, III). В Прикубанье такие булавки маркируют поздний этап новотиторовской культуры и раннекатакомбную восточноприазовскую культуру (рис. 1, Б). В это же время, по наблюдениям А. Н. Гея, в Прикубанье появляются бронзовые молоточковидные и посоховидные булавки, отлитые по восковой модели (рис. 1, А, IV–V). Правомерность этой хронологической схемы подтвердилась на материалах из других районов Предкавказья (Шишлина 2007; Клещенко 2011), Нижнего Дона (Кияшко А. 1999), Приуралья (Моргунова 2006). Более того, в предкавказских материалах сейчас известно не менее семи случаев обнаружения роговых булавок с геометрическим орнаментом в одном комплексе с бронзовыми молоточковидными (Лебеди I, кург. 2, погр. 123; Цаган-Усн VII, кург. 2, погр. 1).

При разработке типологии и хронологии бронзовых булавок из погребальных комплексов предгорной зоны Центрального Предкавказья был установлен хронологический приоритет молоточковидных форм (рис. 1, А, 29–39) перед посоховидными (рис. 1, А, 42–46) и полимолоточковидными (рис. 1, А, 40–41) (Кореневский 1990) и посоховидных перед дуговидными (рис. 1, А, 47) (Кореневский 1985; 1990). Однако последовательность их смены не была столь же строгой, как динамика эволюции роговых булавок. В настоящее время известен ряд случаев одновременного обнаружения в погребении бронзовых молоточковидных и полимолоточковидных, а также бронзовых молоточковидных и посоховидных булавок (Гей, Кореневский 1989; Марковин 1999; Бетров, Нагоев 1984). Позднейшая позиция бронзовых дуговидных булавок, как представляется, пока не вполне доказана и требует особого изучения.

За сорок лет, прошедших с выхода обзорной работы Б. А. Латынина, источниковая база по предкавказским булавам эпохи средней бронзы увеличилась почти в 10 раз (с 37 до порядка 350 комплексов, известных в настоящее время). Таблица на рис. 1 отражает лишь количественное соотношение комплексов с различными видами булавок по культурам и районам Предкавказья.

Основная территория распространения самых ранних форм роговых молоточковидных (и рогатых) булавок в рамках Предкавказья проходит своеобразной полосой с запада на восток – по обе стороны от широтного течения Кубани до Верхнего Маныча и Средних Ергеней (рис. 2). При этом в Прикубанье все экземпляры обнаружены в ранних погребениях новотиторовской культуры (Гей 2000), в Закубанье – в ранних северокавказских (Клещенко 2011), а на Маныче и Ергенинской

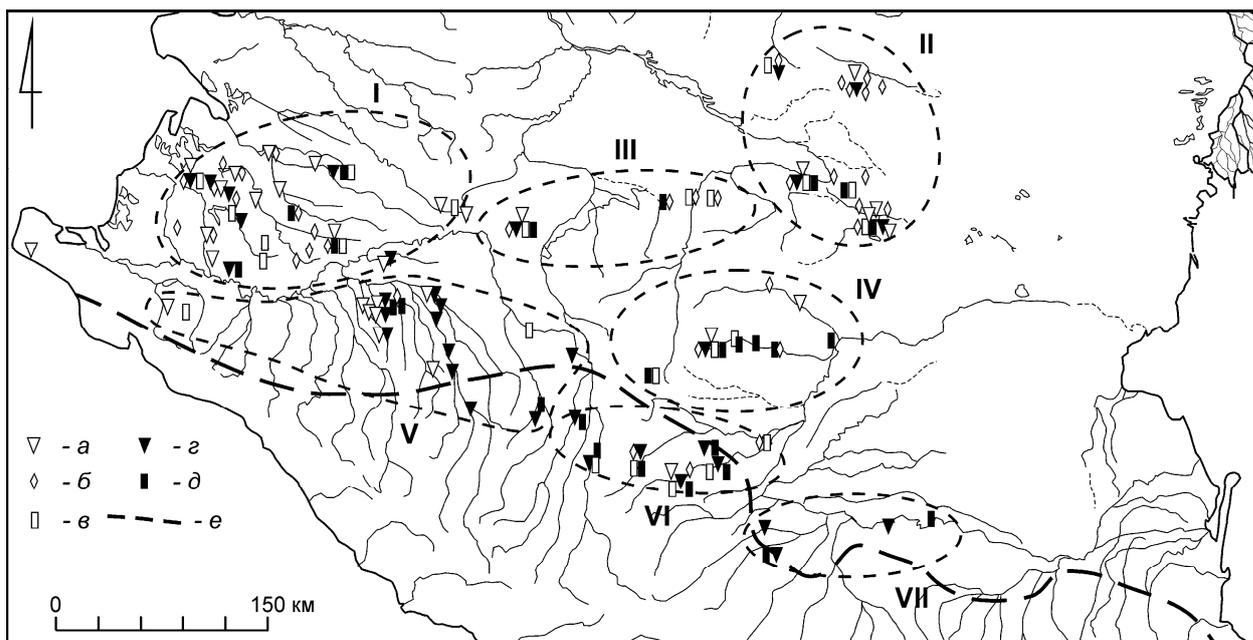

Рис. 2. Распространение комплексов с различными видами булавок по районам Предкавказья:
a – роговые молоточковидные с простым зональным орнаментом; *б* – роговые молоточковидные с геометрическим орнаментом; *в* – роговые гвоздевидные и стержневидные; *г* – бронзовые молоточковидные; *д* – бронзовые изогнутые (посоховидные и дуговидные); *е* – граница равнинной и предгорной зон.
 Районы Предкавказья: I – Прикубанье; II – Верхний Маныч и Средние Ергени; III – Северное Ставрополье; IV – Центральное Ставрополье; V – Закубанье; VI – Южное Ставрополье; VII – Терский бассейн

возвышенности – в основном, в комплексах ямной культуры (Шишлина 2007) (рис. 1, Б). Район Кубано-Егорлыкского и Егорлыкско-Калаусского междуречий не богат находками ранних форм роговых молоточковидных булавок. Однако имеющиеся случаи их обнаружения здесь в разнокультурных комплексах в пределах одного памятника (напр., мог-к Расшеватский) определенно указывают на существование в этом районе своего рода контактной зоны между носителями трех перечисленных культурных традиций.

На следующем этапе эпохи средней бронзы уже по всей территории Предкавказья распространяются сразу четыре вида булавок: роговые молоточковидные со сложной геометрической орнаментацией (рис. 1, А, II; Б) и, возможно, неорнаментированные; роговые гвоздевидные (рис. 1, А, 22–25; Б) и стержневидные (рис. 1, А, 26–29; Б); бронзовые молоточковидные (рис. 1, А, IV; Б) и изогнутые (посоховидные и дуговидные) (рис. 1, А, V; Б). Они четко маркируют время существования северокавказской культуры развитого этапа, раннекатакомбных культурных групп в Прикубанье, Ставрополье и Калмыкии, а также финальную стадию развития ямной культуры (Кореневский 1990; Гей 2000; Шишлина 2007; Клещенко 2011).

Поздние формы роговых булавок распространены довольно широко, но в целом основной их ареал не выходит южнее широтного течения Кубани и Центрального Ставрополья (рис. 2). Концентрация находок таких булавок (особенно молоточковидных) приходится на Верховья Маныча и Средние Ергени (рис. 1, Б), что может быть связано с относительно хорошей изученностью этих районов (Шишлина 2007).

В то же время подавляющее число находок бронзовых молоточковидных булавок приходится на северокавказские погребения Закубанья, южной части Ставропольской возвышенности и Терского бассейна (более 80 % всех известных комплексов) (рис. 1, Б). При этом немногие известные в степной части варианты орнаментации таких булавок представлены в южных предгорных районах целыми сериями. Сходная ситуация наблюдается и для изогнутых форм бронзовых булавок. Их концентрация имеет еще более локальный характер: половина всех известных комплексов приходится

на захоронения северокавказской культуры Верховьев Кубани, Кумы и Подкумка (рис. 1, Б). В погребениях остальных предгорных и степных районов таких булавок значительно меньше. Примечательно, что для комплексов степного Ставрополя бронзовые изогнутые булавки отражают специфику инвентарного набора раннекатакомбных погребений, в то время как для Манычско-Ергенинского региона они более характерны для северокавказских погребений (рис. 1, Б).

В целом, опираясь на представленные данные картографирования и количественного соотношения комплексов с булавками по различным районам и культурам Предкавказья, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, можно уверенно говорить о появлении «булавочной» традиции как надкультурного явления в степной полосе Предкавказья и позднейшем распространении ее на юг – возможно, вместе с носителями этой традиции.

Во-вторых, на следующем (северокавказско-раннекатакомбном) этапе четко прослеживается обратная тенденция – распространение бронзовых булавок предгорного производства в северных степных районах, в то время как комплексов с синхронными роговыми булавками со сложным геометрическим орнаментом на юге чрезвычайно мало (рис. 1, Б).

Наконец, как показал анализ серии бронзовых изогнутых булавок, на развитом этапе своего существования булавки, вероятно, теряют свой надкультурный характер, выступая своего рода индикатором определенных погребальных традиций и стоящих за ними популяций. В связи с этим, одной из перспективных тем дальнейших исследований является корреляция вариантов геометрического орнамента на поздних роговых булавках и культурной принадлежности погребений, в которых они обнаружены.

- Бетров, Нагоев 1984 – *Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем 1, Чегем 2 и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 7–87.
- Гей 1987 – *Гей А. Н.* Костяные булавки эпохи бронзы в Предкавказье (динамика форм и некоторые вопросы хронологии) // Древности Кубани: Мат-лы семинара. Краснодар, 1987. С. 14–17.
- Гей 2000 – *Гей А. Н.* Новотиторовская культура. М., 2000.
- Гей 2002 – *Гей А. Н.* Булавки-рогатки и антропоморфные шпатели “en form de Tour Eiffel” // Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 127–139.
- Гей, Корневский 1989 – *Гей А. Н., Корневский С. Н.* Два погребения с трапециевидными бронзовыми бляхами из Ставрополя и Прикубанья // Древности Ставрополя. М., 1989. С. 270–278.
- Кияшко А. 1999 – *Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Кияшко В. 1976 – *Кияшко В. Я.* К вопросу о костяных рогатках в степных погребениях эпохи бронзы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (Неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976. С. 27–30.
- Клещенко 2011 – *Клещенко А. А.* Северокавказская культура Закубанья: Дис. ... канд. ист. наук (рукопись) // НОА ИА РАН, Р-2, б/н.
- Ковалёва 1991 – *Ковалёва Л. Г.* Молоточковидные булавки Северного Причерноморья (опыт классификации) // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 26–34.
- Корневский 1984 – *Корневский С. Н.* Т- и У-образные булавки эпохи средней бронзы Большого Кавказа и Предкавказья // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1984. С. 12–24.
- Корневский 1985 – *Корневский С. Н.* О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // КСИА. 1985. Вып. 185. С. 35–42.
- Корневский 1986 – *Корневский С. Н.* Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1986. Т. 1. С. 254–285.
- Корневский 1990 – *Корневский С. Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.
- Корневский, Романовская 1989 – *Корневский С. Н., Романовская М. А.* Металлические изделия бронзового века из могильника у хутора Веселая Роща на Ставрополье // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 34–39.

- Кривцова-Гракова 1938 – *Кривцова-Гракова О. А.* Генетическая связь ямной и катакомбной культур // Труды ГИМ. М., 1938. Вып. VIII. С. 32–36.
- Латынин 1967 – *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибутика и датировка // АСГЭ. Л., 1967. Вып. 9. С. 9–27.
- Марковин 1960 – *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М., 1960 (МИА. №. 93).
- Марковин 1999 – *Марковин В. И.* Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 24–60.
- Моргунова 2006 – *Моргунова Н. Л.* Особенности костяных «булавок» ямной культуры Приуралья // XXIV КЧ. Нальчик, 2006. С. 135–138.
- Николаева, Сафронов 1975 – *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение костяных молоточковидных булавок // КСИА. 1975. Вып. 142. С. 11–17.
- Попова 1955 – *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры. М., 1955.
- Сафронов 1973 – *Сафронов В. А.* Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 42–47.
- Шишлина 2007 – *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М., 2007 (Тр. ГИМ. Вып. 165).

Р. А. Мимоход (Москва, Россия)

Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов конца средней–начала поздней бронзы

Давно установлено, что бусы с выступами являются хронологическим маркером позднего этапа среднего бронзового века (далее СБВ) Восточной Европы (рис. 1; Братченко 1976: 148). И в начале позднего бронзового века (далее ПБВ) эти изделия также оказываются культурно-хронологическими индикаторами для реконструкции процессов культурогенеза. Классификация фаянсовых украшений с выступами строится с учетом количества у них отростков.

Тип 1 представлен бусами с двумя выступами (рис. 2, 1–5, 19, 34–45, 49).¹⁴ Тип 2 объединяет бусы с тремя выступами (рис. 2, 10, 20–30, 32–33, 51–62, 64–65, 67–73, 77–78). Тип 3 – бусы с четырьмя выступами (рис. 2, 6, 8, 11–15, 31, 74–76). В отдельный тип 4 следует выделить бородавчатые пронизи, которые могут иметь от трех до пяти рядов выступов (рис. 2, 7, 9, 16–18, 48, 50, 63, 66). Основанием для разделения на варианты является форма выступов: рожковая (рис. 2, 1–5, 10, 19–24, 26–27, 34–36, 38–42, 44–47, 53–56, 59–62, 65, 69, 70, 72–77), бородавчатая (рис. 2, 7–9, 11–18, 25, 28–33, 58, 63, 66, 67–68, 71, 78), сегментовидная (рис. 2, 19, 37, 43, 58).

Бородавчатый фаянсовый бисер начинает серийно встречаться в северной степи–лесостепи в позднекатакомбных культурах, главным образом, в захоронениях Подонья и Подонцовья (рис. 1, 2, 11–18). Здесь есть и длинные фаянсовые пронизи с выступами (Смирнов 1996: рис. 41, 9, 28).

Значительно больше бородавчатых бус в позднекатакомбных погребениях Предкавказья (рис. 1; 2, 1–10). Только в материалах восточноманычской катакомбной культуры известно не менее 10 комплексов. Подобные изделия маркируют исключительно поздний этап восточноманычских памятников (рис. 2, 1–4, 6–8, 10). Представлен этот тип украшений и в Западном Предкавказье: в батуринской культуре (рис. 2, 5) и поздних катакомбных памятниках верхнекубанской группы (рис. 2, 9).

Пик использования фаянсовых бус с выступами приходится на посткатакомбный период. В Предкавказье они хорошо известны в лолинской культуре, кубанской и архонской группах (рис. 1, 2, 19–37, 50–52). Рожковые и бородавчатые бусы из фаянса являются характерной составляющей

¹⁴ На рис. 2 и 3 схематично показаны бусы, типы которых определены по тексту отчетов и публикаций при отсутствии иллюстраций.

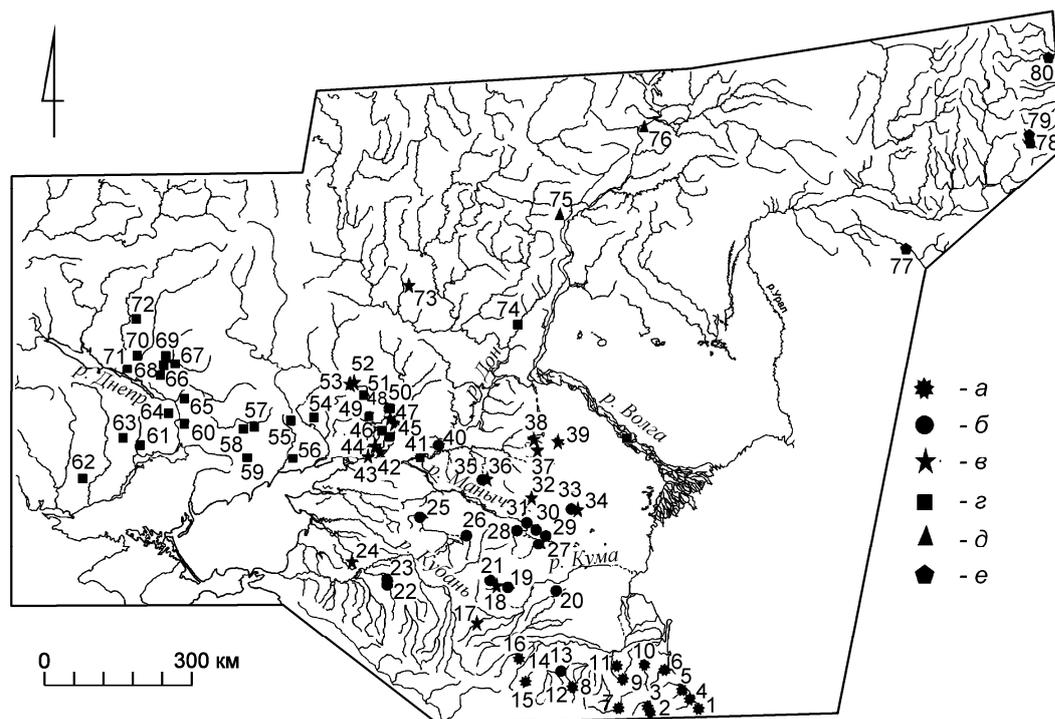

Рис. 1. Распространение фаянсовых бус и пронизей с выступами в Восточной Европе и на Северном Кавказе (а – культуры Северного Кавказа – гинчинская, присулакская, великентская, протокобанская, каякентско-хорочоевская; б – посткатакомбные культурные образования Предкавказья – лопинская, кубанская и архонская культуры); в – позднекатакомбные культуры – восточно-маньчская, батуриная, верхнекубанская, западно-маньчская, среднедонская, позднеднепровская с елочной орнаментацией; г – днепро-донская бабинская культура; д – покровская культура; е – синташтинская культура): 1 – Великент III, катакомба 11; 2 – Чох, склеп 2; 3 – мог-к Нохала Ад; 4 – Каякент, погр. 2; 5 – Утамыш, 1/1;¹⁵ 6 – Манас, 3/3; 7 – Гинчи, склеп 5; 8 – Эгикал, склеп 1; 9 – Ведено; 10 – Миатли II, 2/1; 11 – Бельты, погр. 9–10, 17, 20, 22; 12 – Архонская-88, 2/1, Архонская-89, 1/3 и 2/1; 13 – Беслан, А/702; 14 – Чикола II, 4/3; 15 – Верхняя Рутха, погр. 16; 16 – Нальчик, погр. 31; 17 – Суворовский, 13/10; 18 – Веселая Роща II, 6/1; 19 – Новый маяк, погр. 2; 20 – Бияш, 2/5; 21 – Калиновский, 1/7; 22 – Уашхиту I, 2/28; 23 – Серегинский, 1/28; 24 – Пластуновский I, 1/22; 25 – Новопалестинский II, 2/5; 26 – Золотарёвка 3, 9/6, 13; 27 – Чограй, одиночный кург./14; 28 – Шарахалсун 3, 8/2; 29 – Восточный Маньч Левый берег 1, 1965, 34/5; 30 – Манджикины 1, 10/2; 31 – Островной, 3/12, 6/4; 32 – Лола I, 4/8, 12/жертвенник; 33 – Цаган-Усн VII, 2/9, 4/27; 34 – Цаган-Усн V, 1/9 и Цаган Усн VIII, 2/1; 35 – Лысянский I, 2/6; 36 – Лысянский I, 3/5; 37 – Овата V, 1/4; 38 – Ергени, 5/2; 39 – Эвдык I, 18/2; 40 – Кировский IV, 7/2; 41 – Ново-Садковский, 30/3; 42 – Мокрый Керчик, 2/9; 43 – Ажинов, I 2/10; 44 – Новочеркасск, 1961 г., 1/1; 45 – Керчик, 17/9, 21/5; 46 – Чикмари 2, 1/4; 47 – Семимаячный III; 48 – Говоруха, 2/13, 7/2; 49 – Ребриковка II, 1/7; 50 – Репный 1, 7/7; 51 – Молодогвардейск, 2/4; 52 – Луганск, 1929 г., 1/22; 53 – Александровск, 1/50, 6/5; 54 – Шахтёрск, 8/2; 55 – Высокое, 2/1, 3/5; 56 – Запорожец, 1/16; 57 – Андреевка, 1/1; 58 – Марченки, 27/4; 59 – Новоукраинка 2, 4/4; 60 – Овчарное 1, 2/6; 61 – Шахта № 22, 14/6; 62 – Новоалександровск 1, 1/2; 63 – Червона колонка, погр. 22; 64 – Новоалександровка I, 2/1; 65 – Соколово, 5/11; 66 – Прядовка VII, 2/5; 67 – Бузовка XXII, 1/6 и Бузовка XXIV, 5/2; 68 – Миновка, 17 2/1; 69 – Заплавка 1, 5/9; 70 – Белики, 1/3; 71 – Компанийцы, погр. 2616; 72 – Михалики, погр. 6; 73 – Ширяевский, 3/1; 74 – Писаревка II, 10/2; 75 – Сторожевка; 76 – Тростянка I, 1/18; 77 – Танаберген II, 7/15, 17, 23, 356; 78 – Синташта, СМ/18, 21, С1/12; 79 – Каменный Амбар 5, 4/3; 80 – Кривое Озеро, 10/5, 13

украшений днепро-донской бабинской культуры (рис. 2, 38–48). Одно изделие с двумя выступами было обнаружено в комплексе криволукской культурной группы (рис. 2, 49).

¹⁵ В подписях к рис. 1–2 автором использована следующая система обозначений: название памятника, № кург./№ погр. (примеч. редакции).

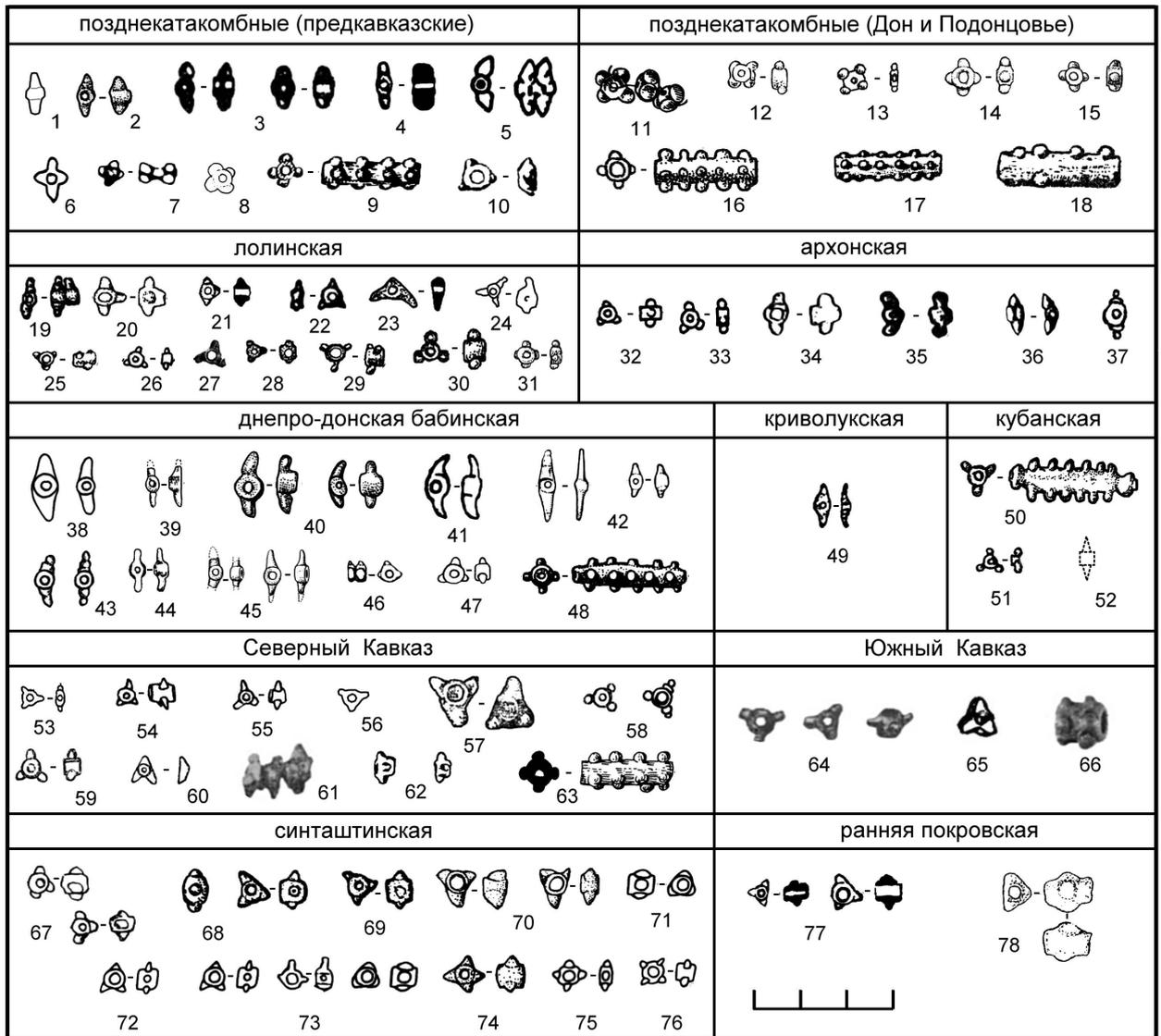

Рис. 2. Фаянсовые бусы и пронизы с выступами Восточной Европы, Зауралья и Кавказа:

- 1 – Лола I, 4/8; 2 – Лола I, 12/жертвенник; 3 – Веселая Роща III, 26/10; 4 – Овата V, 1/4; 5 – Пластуновский I, 1/22; 6 – Ергени, 5/2; 7 – Цаган-Усн V, 2/5; 8 – Цаган-Усн VIII, 2/1; 9 – Суворовский, 13/10; 10 – Цаган-Усн V, 1/9; 11 – Ажинов, 2/10; 12 – Новочеркасск, 1/1; 13 – Ширяевский, 3/1; 14 – Лысянский I, 3/5; 15 – Александровск, 6/5; 16 – Александровск, 1/50; 17 – Луганск, 1929 г., 1/22; 18 – Говоруха, 2/13; 19 – Островной, 6/4; 20 – Новопалестинский II, 2/5; 21 – Островной, 3/12; 22 – Калиновский, 1/7; 23 – Цаган-Усн VII, 2/9; 24 – Кировский IV, 7/2; 25 – Золотаревка 3, 9/6; 26 – Чограй, одиночный кург. /14; 27 – Манджикины 1, 10/2; 28,29 – Золотаревка 3, 9/13; 30–31 – Шарахалсун 3, 8/2; 32–33 – Архонская 88, 2/1; 34–35 – Архонская 89, 1/3; 36 – Архонская 89, 2/1; 37 – Чикола II, 4/3; 38 – Чикмари II, 1/4; 39 – Шахтёрск, 8/2; 40 – Компанейцы, погр. 2616; 41 – Котовка II, 5/9; 42 – Репный I, 7/7; 43 – Запорожец, 1/16; 44 – Керчик, 21/5; 45 – Михайлики, одиночный кург. /6; 46 – Репный I, 7/7; 47 – Новоалександровка 1, 2/1; 48 – Соколово, 5/11; 49 – Писаревка II, 10/2; 50,51 – Уашхиту I, 2/28; 52 – Серегинский, 1/28; 53 – Бельты, погр. 10; 54 – Бельты, погр. 17; 55 – Бельты, погр. 20; 56 – Гинчи, склеп 5; 57 – Миатли II, 2/1; 58 – Каякент, погр. 2; 59 – мог-к Нохала-Ад; 60 – Ведено; 61 – Верхняя Рутха, погр. 16; 62 – Нальчик, погр. 31; 63 – Утамыш, 1/1; 64 – Триалети, кург. 3; 65 – Триалети, кург. 5; 66 – Триалети, кург. 2; 67 – Синташта, СМ/18; 68 – Синташта, С1/12; 69 – Кривое Озеро, 10/13; 70 – Каменный Амбар 5, 4/3; 71–72, 76 – Танаберген II, 7/15; 73, 75 – Танаберген II, 7/23; 74 – Кривое Озеро, 10/5; 77 – Сторожевка, 2/1; 78 – Тростянка I, 1/18

Фаянсовые бусы с выступами являются «визитной карточкой» памятников позднего СБВ Кавказа (рис. 2, 53–66). Здесь встречаются, главным образом, изделия с тремя отростками. Они хорошо представлены в гинчинской культуре (Гаджиев 1969: 42; рис. 18, 3; Магомедов 1998:

рис. 120, 59, 60), есть в присулакской группе памятников (Канивец, Березанская 1959: рис. 5), в Манасе и Великенте (Мунчаев, Смирнов 1956: рис. 5, 24). Встречаются фаянсовые бусы с выступами в ранних каякентско-хорочоевских и протокобанских древностях. Найдены они и в погр. 31 Нальчикского мог-ка в Кабардино-Балкарии. Длинные фаянсовые пронизи обнаружены в кург. 1 сел. Утамыш (Котович и др. 1980: рис. 5, 7–8). Столь же популярны фаянсовые бусы с выступами были и в Закавказье, в частности, в триалетской культуре (Джапаридзе 1964, рис. 10, б; Гогодзе 1972: табл. 17, 21; Симонян 2010: рис. 1, 2).

В степи бисер с выступами активно используются в начале ПБВ в среде культурных образований с колесницами. Чаще всего бусины с отростками присутствуют в инвентаре синташтинских погребений (рис. 2, 67–76), которые маркируют ранний этап развития культуры. Находки этого типа украшений в ранних покровских комплексах единичны и происходят с территории Поволжья (рис. 2, 77–78). Примечательно, что этой категории украшений нет в потаповской группе памятников и в покровских древностях Подонья и Подонцовья.

Остановимся на распределении типов бус с отростками в разных культурных контекстах и на различных территориях восточноевропейской степи–лесостепи и Кавказа, чтобы установить хронологические рамки и локальные черты моды на этот вид украшений.

В позднекатакомбной серии доминируют бусы и пронизи с четырьмя выступами (рис. 2, 6–9, 11–18), которые в посткатакомбных материалах Предкавказья встречены только один раз (рис. 2, 31). Трехрожковые бусины в позднекатакомбных памятниках встречаются редко (рис. 2, 10), а в лолинской культуре являются самыми распространенными. Это позволяет предположить, что бусы с четырьмя выступами более ранние и характерны для позднекатакомбных культур. На севере, в Подонье и Подонцовье этот тип полностью господствует. Хотя бусины с тремя рожками или бородавками изредка встречаются в поздней восточноманычской катакомбной культуре (рис. 2, 10), в Предкавказье они входят в моду позже, начиная с раннелолинского времени, и популярны на всем протяжении развития культуры (рис. 2, 20–30).

Интересно, что в ранней днепро-донской бабинской культуре также отсутствуют бусины с четырьмя бородавками, которые использовали носители позднекатакомбных традиций. Однако, в отличие от ареала лолинской культуры, в Северном Приазовье, Нижнем Подонье и Поднепровье мы наблюдаем всплеск моды на двухрожковый бисер (рис. 2, 38–45). По наблюдениям Р. А. Литвиненко, во всех 18 комплексах с фаянсовыми украшениями с выступами присутствовали бусы с двумя отростками, которые в четырех случаях сопровождались трехрожковыми экземплярами (рис. 2, 46–47). В Северо-Западном Прикаспии ситуация прямо противоположная. В 15 из 16 комплексов, содержащих бусы с выступами, находились изделия с тремя рожками или бородавками (рис. 2, 20–30), и только в двух погребениях обнаружены двухрожковые образцы (рис. 2, 19). Причем, захоронение из Островного относится ко второму этапу лолинской культуры (а не к первому периоду, синхронному раннебабинскому этапу). Именно первым этапом бабинской культуры датируются все погребения с двухрожковыми бусами (Литвиненко 1997: 32). Это очевидное различие в моде на разные типы бисера у двух синхронных посткатакомбных образований выявляет их культурную специфику, что уже отмечалось в литературе (Литвиненко 2005: 76).

С. Н. Братченко, основываясь на находках двухрожковых бус исключительно в комплексах бабинской культуры, предположил, что они изготовлялись на месте и, соответственно, являлись посткатакомбной (поднепровской) новацией в гарнитуре фаянсовых украшений СБВ (Махно, Братченко 1977: 58). Новые материалы и исследования показали, что это не совсем так (Литвиненко 2002: 186). Бусы с двумя отростками появляются раньше и на другой территории, в позднекатакомбных культурах Предкавказья – восточноманычской и батуринской. Только позже эта мода широко распространяется севернее, в ранней днепро-донской бабинской культуре. Ситуация выглядит несколько парадоксальной. Появившись в Предкавказье в позднекатакомбный период, двухрожковые бусы не «прижились» в лолинской культуре, а распространились в Днепро-Донском междуречье. Этот факт можно рассматривать как предкавказский импульс в сложении днепро-донского «Бабино».

Отметим, что и в Предкавказье есть небольшой очаг активного использования двухрожковых бус в посткатакомбный период (рис. 1, 12–14; 2, 34–37). Речь идет о архонской культурной группе равнинных частей Северной Осетии, Чечни и Ингушетии. Здесь соотношение украшений с двумя и тремя выступами близко к соотношению в бабинской культуре. Возможно, подобное сходство может объясняться определенной общностью предкавказских позднекатакомбных групп, принявших участие в сложении днепро-донской бабинской культуры и архонской группы. Это предположение станет еще более вероятным с учетом присутствия в материалах обоих культурных образований двухрожковых бус с такой редкой разновидностью формы выступов, как сегментовидная (рис. 2, 37, 43).

Фаянсовые бусы с выступами хорошо представлены в кавказских культурах позднего этапа СБВ (рис. 2, 53–66). То, что именно с Кавказа мода на бородавчатые и рожковые украшения распространилась на север, похоже, ни у кого не вызывает сомнений. В степной зоне, по всей видимости, бусы с отростками подвергались некоторым местным модификациям. В противном случае, напр., сложно объяснить появление в позднекатакомбных культурах Предкавказья типов двухрожковых бус, которых нет на Кавказе,¹⁶ на что впервые обратил внимание С. Н. Братченко (Махно, Братченко 1977: 56, 58). Самыми популярными на северном и южном склонах Кавказского хребта были бусы с тремя отростками. И в этом отношении лолинский гарнитур рожковых и бородавчатых украшений ближе к кавказскому, чем бабинский или архонский. На Кавказе есть тип украшений, пока малоизвестный в степной зоне. Речь идет о фаянсовых пронизях с пятью рядами бородавок (Котович и др. 1980: рис. 5, 7). В Предкавказье, Поднепровье и Подонье фаянсовые пронизи изредка встречаются, но, в основном, с четырьмя или тремя рядами бородавок.

В синташтинских и покровских погребениях, как и следовало ожидать, более ранние двухрожковые экземпляры отсутствуют. Верхний рубеж бытования этого типа бусин ограничивается вторым этапом лолинской культуры, а в бабинской культуре они исчезают еще раньше. Доминируют в Поволжье и на Урале также, как и в лолинской культуре, экземпляры с тремя выступами. Однако несомненным новшеством для начала ПБВ представляется появление в синташтинской культуре бусин с четырьмя отростками, которые можно рассматривать как своеобразное возрождение позднекатакомбной моды на изделия этого типа. Однако территориальный и хронологический разрыв (ок. 300 лет) не позволяет напрямую увязывать возникновение этого типа бус в синташтинской культуре с позднекатакомбными прототипами. Связь здесь может быть только опосредованная – через посткатакомбные культурные образования.

В. В. Ткачёв полагает, что появление бородавчатых и рожковых фаянсовых украшений в синташтинской культуре связано с участием позднекатакомбных групп в ее сложении (Ткачёв 2007: 299–300). Это правильно с учетом существенной оговорки, что речь идет не о поздне-, а о посткатакомбных культурных образованиях, причем, о южных. Ведь в бабинской культуре и криволукской культурной группе к моменту формирования синташтинских памятников фаянсовые бусы с отростками уже вышли из употребления. Их нет в вольско-лбищенской культурной группе и в позднекатакомбной (по В. В. Ткачёву) группе погребений¹⁷ в Приуралье. Предкавказье является единственным степным регионом, где бородавчатый и рожковый бисер активно используется на этапе, непосредственно предшествующем синташтинской культуре, и в период синхронный ей. В это же время в моде трехрожковые украшения и на Кавказе. Причем здесь, как уже отмечалось,

¹⁶ На Кавказе изредка встречаются фаянсовые бусины с двумя выступами (Джапаридзе 1964: рис. 10, б), но они отличаются от бабинской и предкавказской серий. Кавказские двухрожковые бусины имеют более крупное тулово и короткие отростки по сравнению с изделиями позднекатакомбных и посткатакомбных культурных групп.

¹⁷ В последнее время В. В. Ткачёву удалось выделить в Приуралье группу погребений позднего этапа СБВ, которая предшествует появлению синташтинских памятников (Ткачёв 2007: 228–257). Группа названа им позднекатакомбной. На самом деле, она разнородна. В группу включены погребения позднекатакомбного времени и комплексы посткатакомбного периода, в т. ч. криволукской и волго-уральской культурных групп.

это именно бусы с тремя выступами, которые стали наиболее популярными и на Урале. Логично предположить, что южный импульс в сложении синташтинской культуры являлся кавказским, и в т. ч. лоллинским, что и предполагал В. В. Ткачѳв (2007: 257), не имея на тот момент более детальной разработанной схемы соотношения позднекатакомбных, лоллинских и колесничных памятников (Мимоход 2007: рис. 5). Появление же бус с четырьмя выступами в синташтинской культуре можно рассматривать как местную модификацию кавказских и предкавказских трехрожковых украшений. Близкая ситуация реконструируется с четырехбородавчатыми бусами позднекатакомбного периода, которые не получили широкого распространения на Кавказе. Кстати, в морфологическом отношении позднекатакомбные бусы с четырьмя выступами отличаются от синташтинских. В первом случае они всегда бородавчатые, во втором – рожковые, что лишней раз может свидетельствовать об отсутствии прямой генетической связи между ними.

Представляется верным мнение Р. А. Литвиненко о существенном хронологическом приоритете ранней бабинской культуры, а, соответственно, и раннелолинских памятников, по сравнению с синташтинской культурой (Литвиненко 2006: 97), а также о приоритете ранней фазы посткатакомбных культурных образований по отношению к культурам начала ПБВ (горизонта щитковых псалиев; Мимоход 2007: рис. 5). Синхронизация синташтинской культуры с ранним этапом бабинской культуры и реконструкция на этом основании культурно-генетических процессов рубежа средней–поздней бронзы сейчас не подтверждается ни днепро-донскими, ни предкавказскими посткатакомбными материалами. К этому выводу уже приходят и специалисты, изучающие синташтинскую культуру (Ткачѳв 2007: 300).

Резюмируем хронологические тенденции использования фаянсовых украшений с выступами в степной–лесостепной зонах (рис. 3).¹⁸ Самыми архаичными являются двухрожковые, четырехбородавчатые бусины и бородавчатые пронизи. Именно они появляются в позднекатакомбных памятниках Предкавказья, Подонья и Подонцовья, безусловно, под воздействием кавказских культур. Причем изделия с четырьмя выступами более характерны для северных территорий, а в Предкавказье популярны четырехбородавчатые и двухрожковые экземпляры. Бусины с тремя выступами в это время тоже известны, но встречается крайне редко в предкавказском регионе. На первом этапе существования посткатакомбного блока (раннебабинское и раннелолинское время) происходит всплеск моды на фаянсовые украшения с выступами, но она оказалась разной для Днепро-Донского междуречья и Северо-Западного Прикаспия. В первом случае – это полное доминирование двухрожковых бусин, во втором – изделий с тремя отростками. мода на бусы с выступами в бабинской культуре довольно быстро заканчивается. Все комплексы с ними датируются там первым этапом развития культуры (Литвиненко 1997: 32). В лоллинской культуре использование бусин с тремя выступами продолжается до конца ее существования, т. е. на протяжении второго и третьего этапов, которые синхронны соответствующим периодам бабинской культуры. Именно с южным предкавказско-кавказским импульсом связан последний всплеск использования этих украшений в эпоху бронзы. Они появляются в памятниках с колесницами Поволжья и Урала, где наиболее популярными, как и на юге, являются бусы с тремя выступами, но возникают и местные модификации – четырехрожковые изделия. Эти северные памятники синхронны заключительному этапу существования лоллинской культуры.

Характерно, что в Волго-Уральском регионе, в Предкавказье и на Кавказе мода на фаянсовые украшения исчезает фактически одновременно. Самые поздние образцы датируются началом ПБВ. Это не конец их использования вообще, но это финал их существования в эпоху бронзы. Время бытования этих типов украшений на юге Восточной Европы и на Кавказе в системе калиброванных значений можно определить в пределах XXIV–XVIII вв. до н. э. (рис. 3).

Картографирование комплексов с фаянсовыми украшениями с выступами (рис. 1) показывает направленность и интенсивность южных импульсов в конце средней–начале поздней бронзы.

¹⁸ Материалы архонской группы на рис. 3 не учтены из-за неразработанности ее внутренней хронологии.

периоды в cal. BC	посткатакомбный блок II этап		ранние синташтинская и покровская	каякентско- хорочоевская
	Бабино III	Лола III		
XX - XVIII вв. до н. э.				
XXII - XX вв. до н. э.	посткатакомбный блок II этап			поздние гинчинская и присулакская
	Бабино II	Лола II		
	посткатакомбный блок I этап			
XXII - XX вв. до н. э.	Бабино - Кривая Лука I	Лола - кубанская I		
XXIV - XXIII вв. до н. э.	позднекатакомбные			

Рис. 3. Хронология фаянсовых украшений с выступами Восточной Европы и Северо-Восточного Кавказа

В позднекатакомбное время кавказский вектор влияния был направлен в Предкавказье и Нижнее Подонье. В посткатакомбный период на примере распространения двухрожковых бус в бабинских памятниках четко фиксируется предкавказский импульс, который через Нижнее Подонье достиг и Нижнего Поднепровья. Наконец, в начале ПБВ фаянсовые изделия с выступами распространяются в Волго-Урале и на Южном Урале в покровских и синташтинских памятниках. Этот феномен объясняется участием в их сложении, в особенности, синташтинской культуры, посткатакомбных групп предкавказского происхождения.

Братченко 1976 – *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Гаджиев 1969 – *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969.

Гогодзе 1972 – *Гогодзе Э. М.* Периодизация и генезис курганный культуры Триалети. Тбилиси, 1972.

Джапаридзе 1964 – *Джапаридзе О. М.* Археологические раскопки в Триалети в 1959–1962 гг. // СА. 1964. № 2. С. 102–121.

Канивец, Березанская 1959 – *Канивец В. И., Березанская С. С.* Курганы бронзового века на Сулаке // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. Т. 1. С. 60–85.

Котович и др. 1980 – *Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С. 43–61.

Литвиненко 1997 – *Литвиненко Р. А.* Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (Мат-ли 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). Київ; Вороніж; Перевальськ, 1997. С. 29–33.

Литвиненко 2002 – *Литвиненко Р. А.* Катакомбное наследие в бабинской культуре // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 183–190.

Литвиненко 2005 – *Литвиненко Р. О.* Культури рабинська та лолінська: до проблеми контактів // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005. С. 75–78.

Литвиненко 2006 – *Литвиненко Р. А.* Культурные области Бабино и Синташта: к проблеме хронологического соотношения // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. Уфа, 2006. С. 92–105.

- Магомедов 1998 – *Магомедов Р. Г.* Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998.
- Махно, Братченко 1977 – *Махно С. В., Братченко С. Н.* Пастове намисто з катакомбного поховання на Компанійцівському могильнику // Археологія. 1977. Вип. 24. С. 53–59.
- Мимоход 2007 – *Мимоход Р. А.* Лолинская культура финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Российская археология. 2007. № 4. С. 143–154.
- Мунчаев, Смирнов 1956 – *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // СА. 1956. Т. XXVI. С. 167–203.
- Симонян 2010 – *Симонян А. Е.* Курган № 4 Неркин Навер // Ушарадзан (Памятник): Ежегодник. Ереван, 2010. С. 7–20.
- Смирнов 1996 – *Смирнов А. М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.
- Ткачёв 2007 – *Ткачёв В. В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.

В. И. Мамонтов (Волгоград, Россия)

Землянки срубной культуры на Дону в окрестностях пос. Ляпичев

Волго-Донская экспедиция М. И. Артамонова в 1929 г. провела разведки памятников археологии у хут. Ляпичев (ныне пос. Ляпичев) на р. Дон, в местах, где намечалась трасса Волго-Донского судоходного канала. Тогда, на правом берегу р. Донская Царица, недалеко от места ее впадения в Дон, были обнаружены следы поселения срубной культуры (Артамонов 1933: 52).

В 1932 г. М. И. Артамонов провел раскопки Ляпичевского поселения, где выявил следы древних сооружений. Это были обширные западины на ровной поверхности. Он посчитал их остатками общественных или культовых строений, а малые углубления – следами землянок рядовых обитателей поселения (Артамонов 1933: 55).

В 1951 г. Ляпичевский отряд Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова продолжил исследование древнего поселения около хут. Ляпичев. Были раскопаны три землянки срубной культуры. Кроме того М. П. Грязнов исследовал и несколько малых углублений, упомянутых ранее М. И. Артамоновым. Материал заполнения этих ямок и отсутствие в них артефактов подсказали исследователю, что они имели природное происхождение (Грязнов 1953: 138).

Вскрытые М. П. Грязновым землянки – это обширные прямоугольные в плане жилища (площадью до 120 м²), из которых наружу вел основной выход. Им были отмечены и небольшие боковые проходы, вероятно, ведущие в какие-то хозяйственные пристройки. М. П. Грязнов писал, что дно землянки было тщательно осмотрено, но следов ям от столбов, поддерживавших кровлю не обнаружено. Это обстоятельство привело его к заключению, что вырытые на склонах берега котлованы жилищ, сверху перекрывались шатровой крышей (Там же: 144–145; рис. 63). Остов, каркас крыши покрывался «хворостом, камышом, травой» и засыпался землей. Причем М. П. Грязнов предположил, что, возможно, обитатели оставляли еще один запасной выход в самой крыше («свето-дымовое отверстие»), куда вела деревянная лестница.

Во время раскопок землянок экспедиция М. П. Грязнова собрала большую коллекцию фрагментов от лепных сосудов, кремневый наконечник стрелы, терочники, кремневые и кварцитовые отщепы, заготовки или поделки из костей животных, несколько бронзовых изделий (нож и подвеска из бронзовой проволоки). Он предположил, что исследованные им землянки относятся к концу II тыс. до н. э.

Вся коллекция находок с поселения у хут. Ляпичев была передана на хранение в ГЭ. Позднее ее материалы досконально изучил и опубликовал В. Н. Горбов (2001). Он, в частности, предположил, что раскопанные М. И. Артамоновым и М. П. Грязновым землянки сооружены в разное время проживания срубного населения на Дону и его притоках (Там же: 168).

Прошли годы. Воды Цимлянского водохранилища практически заполнили всю старую пойму Дона. На километры вглубь степи подверглась разрушению вся береговая полоса реки и ее притоков. Естественно, были смыты все поселения и стоянки ранних эпох: произошло полное «переотложение» материальных следов древних культур на один современный уровень. То есть, на песчаном берегу Дона во время осмотра только одного ограниченного участка можно было собрать кремневые орудия позднего палеолита, керамику, костяные поделки, бронзовые изделия, найти следы грунтовых погребений эпохи бронзы, наконечники стрел, фрагменты посуды, железные изделия, монеты эпохи раннего железного века и средневековья.

Большую работу по выявлению таких разрушенных памятников проводил в течение нескольких лет Приволжский отряд ЛОИА АН СССР. На левом берегу Дона, у пос. Пятиморский, Приморский, Ложки, Донской Калачевского р-на Волгоградской обл. были выявлены местонахождения древних поселений, стоянок, грунтовых могильников, собрана большая коллекция разновременных находок, которые поступили в Волгоградский областной краеведческий музей (Мамонтов 1969; 1974; 1991).

В 1972 г. при очередном осмотре Приморской стоянки в окрестностях пос. Приморский (примерно, в 4 км к СВ от хут. Ляпичев), на песчаном откосе острова в Цимлянском водохранилище было зафиксировано большое прямоугольное глинистое пятно – следы землянки, сильно размытой водохранилищем. Сохранившиеся детали устройства землянки позднее позволили ее реконструировать (рис. 1, 15).

Остатки землянки (рис. 1, 1) представляли собой яму, ориентированную длинными сторонами по направлению С–Ю. Длина землянки составляла 12 м, ширина – 8 м, общая площадь – 96 м². Глубина от существующей размытой поверхности – 0,15–0,2 м. В СВ стороне прямоугольника хорошо фиксировался вход в землянку шириной ок. 2 м. Засыпь – плотный песок с примесью мелких угольков и частичек золы. Пол постройки – утопанный желтый песок.

В южной части землянки находился плотный слой суглинка шириной 2 м. Он начинался с поверхности и доходил до дна. Возможно, это были следы лежанки или нар. Рядом с основанием лежанки отмечены два зольных пятна, вероятно, оставшихся от очагов. Песок под зольными пятнами прокален на глубину 5–7 см. Аналогичные следы лежанок обнаружены в землянках срубной культуры на поселениях Максютово и Успенка в Заволжье (Синицын 1949: 195), а также на стоянках срубной культуры у оврагов Проломный и Стрельбищный, раскопанных Т. М. Минаевой на западной окраине Сталинграда (Минаева, Фурсаев 1934: 151). В средней части дна ямы находились ямки от трех столбов, которые, по нашему мнению, поддерживали раму перекрытия землянки (из жердей) и перегородку между хозяйственной и жилой частями. Возможно, крыша землянки была покрыта слоем земли.

В северную (хозяйственную) часть землянки вел вход с «улицы». Здесь находилась яма погребка (глубиной до 0,3 м). Яма, прикрытая сверху крышкой, служила для хранения продуктов питания. На дне погребка найдены несколько обломков костей КРС и фрагменты керамики. Около северной стенки находились два прокаленных пятна от очагов, в пережженном заполнении которых встречены камни песчаника, кусочки глины и угольки. Золу, пепел, мусор из землянки выбрасывали прямо у входа в небольшой тамбур, который устроили из врытого плетня – об этом свидетельствует четкая граница темной наброшенной земли, слабые следы гнилого дерева и слой золы и пепла.

Находок в засыпи землянки немного – немудреный скарб, вероятно был полностью унесен ее обитателями. Тем не менее, удалось собрать коллекцию находок, важную для уточнения хронологии памятника. Здесь были найдены: массивная прямоугольная зернотерка из белого песчаника с одной рабочей поверхностью; несколько кремневых и кварцитовых отщепов без следов обработки; кварцитовый дисковидный скребок (рис. 1, 14); мелкие фрагменты лепной посуды, иногда орнаментированные наколами острия или кончиком палочки (рис. 1, 8–13); обломок бронзового серпа с сильно сработанными краями (рис. 1, 7).

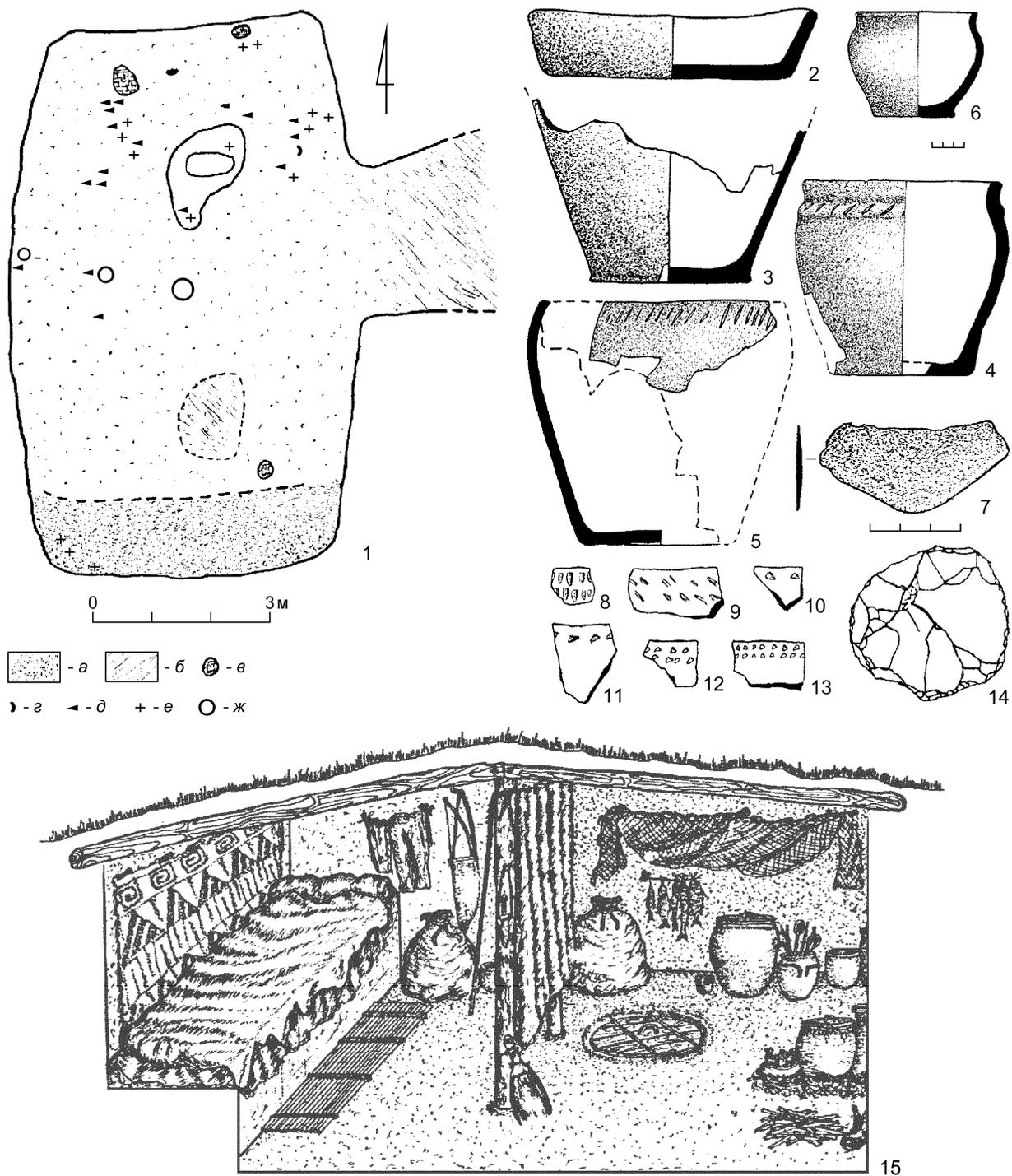

Рис. 1. Приморская стоянка: 1 – план землянки; 2–6, 8–13 – керамика, 7 – обломок бронзового серпа, 14 – скребок из кварцита; 15 – реконструкция землянки

Обнаружены также крупные фрагменты и целые сосуды: 1) две толстостенные овальные сковороды. Глина темная, пористая. Внешняя поверхность красноватого оттенка. Длина сковородок достигала 24–26 см, высота бортика – 5 см (рис. 1, 2); 2) массивные доньшки крупных кухонных сосудов. Глина темная, рыхлая, с включением частиц извести. По краям дна идут защипы. Внешняя поверхность красноватого оттенка (рис. 1, 3); 3) небольшой лепной горшочек с округлым туловом. Край венчика слегка отогнут наружу, по дну – защипы. Диаметр венчика составляет 11 см, высота сосуда – 10 см, диаметр дна – 6 см. Сосуд стоял у западной стенки землянки, рядом с ямкой для столба перегородки (рис. 1, 6); 4) фрагменты большого баночного сосуда. Дно узкое,

широкая часть тулова сдвинута кверху, венчик направлен вовнутрь. Ниже края венчика идет круговой ряд наклонных коротких насечек, нанесенных острием по сырой глине. Глина темная, с примесью частиц извести. Высота сосуда достигает 21 см, диаметр венчика – 19 см, диаметр дна – 13 см (рис. 1, 5); 5) баночный сосуд. Венчик высокий, слегка отогнут наружу. У основания шейки имеется круговой валик, по которому острием нанесены косые насечки. Диаметр венчика – составляет 15 см, высота – 16 см, диаметр дна – 12 см (рис. 1, 4).

Землянка Приморской стоянки относится к позднему этапу существования населения срубной культуры на Дону. Именно в этот период чаще всего встречается лепная посуда вытянутых пропорций, иногда с примитивным орнаментом (нажимы, насечки кончиком острия), нанесенным ближе к краю венчика, защипы по краю доньшка. В коллекции стоянки имеется сосуд с валиком, который сформован из глины верхней части самого сосуда. Исследователи полагают, что сосуды с валиком характерны для керамики срубной культуры конца II–начала I тыс. до н. э. (Смирнов 1960: 246; Попова 1960: 278). В раскопе отсутствуют фрагменты остроредерной орнаментированной керамики, обычно встречаемой в ранних срубных комплексах. Обломок бронзового серпа, вероятно, представляет собой часть изделия с резко изогнутым переходом от режущей части к рукояти в виде крюка. А. А. Иессен, датируя подобные серпы поздней бронзой, предполагал их производство в «кубанском металлургическом очаге» (Иессен 1951: 120). Э. С. Шарафутдинова полагала, что они бытовали в поздней бронзе на «втором белозерском этапе» (Шарафутдинова 1971: 48–49).

Таким образом, землянку стоянки Приморской можно поставить в один ряд с постройками эпохи бронзы, ранее исследованными под хут. Ляпичевым. Вероятно, левый берег Дона, перед хорошо разработанной поймой реки, и правый – в устье Донской Царицы, были активно освоены населением срубной культуры, о чем говорят массовые находки этого времени. Внутренняя структура землянок на поселениях была стандартна – прямоугольные, с разделением площади землянки перегородкой на две части: жилую и хозяйственную. Поэтому, реконструкция М. П. Грязнова землянки из поселения у хут. Ляпичева с шатровым перекрытием (Грязнов 1953: рис. 63), естественно, вызвала некоторое неприятие у специалистов, поскольку такая архитектура перекрытия жилища, не встречаемая ранее на поселениях срубной культуры, делала памятник уникальным.

- Артамонов 1933 – *Артамонов М. И.* Донская экспедиция ГАИМК (Поселение предскифской эпохи близ хутора Ляпичева на Дону) // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933. № 1–2. С. 51–55.
- Горбов 2001 – *Горбов В. Н.* Парадоксы поселения у хутора Ляпичев // Проблемы археологии и архитектуры: «Археология». Донецк; Макеевка, 2001. Т. 1. С. 145–170.
- Грязнов 1953 – *Грязнов М. П.* Землянка бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону (из работ в зоне строительства Волго-Донского канала) // КСИИМК. 1953. Вып. L. С. 137–148.
- Иессен 1951 – *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М., 1951. С. 75–124 (МИА. № 23).
- Мамонтов 1969 – *Мамонтов В. И.* Подъемный материал Пятиморской стоянки // КСИА. 1969. Вып. 115. С. 103–115.
- Мамонтов 1974 – *Мамонтов В. И.* Приморская стоянка // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1974. Вып. 2. С. 94–102.
- Мамонтов 1991 – *Мамонтов В. И.* Подъемный материал поселения Ложки // АВЕС. 1991. С. 64–71.
- Минаева, Фурсаев 1934 – *Минаева Т. М., Фурсаев А. Д.* Ботанические находки в археологическом материале // Советская ботаника. М., 1934. № 3. С. 150–152.
- Попова 1960 – *Попова Т. Б.* Памятники срубной культуры в окрестностях с. Быкова // Древности Нижнего Поволжья. М., 1960. Т. II. С. 269–281 (МИА. № 78).
- Синицын 1949 – *Синицын И. В.* Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА. 1949. Т. XI. С. 195–224.
- Смирнов 1960 – *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы // Древности Нижнего Поволжья. М., 1960. Т. II. С. 169–268 (МИА. № 78).
- Шарафутдинова 1971 – *Шарафутдинова Э. С.* Металлические изделия кобяковской группы поселений эпохи поздней бронзы // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 45–49.

В. В. Сидоров, О. В. Зеленцова, А. И Самсонова (Москва, Россия)

Топография поселений поздняяковской культуры как показатель хозяйственной системы¹⁹

Виды хозяйственной деятельности древнего населения можно реконструировать с помощью артефактов – находок орудий и экофактов – находок остатков зерна и костей животных. Все эти находки не позволяют выявить роль хозяйственных факторов, однако имеется круг источников, где они отразились в интегрированном виде. Выбор мест для поселений непосредственно связан с образом жизни и, соответственно, с характером системы хозяйства. Эти же факторы проявляются в особенностях накопления культурного слоя и специфике домостроительства.

В бассейне Оки, в лесостепном, а в середине II тыс. до н. э. практически степном Правобережье, происходит резкое изменение характера расселения. Ранее долговременные поселения были приурочены к озерам и старицам – к участкам, пригодным для ловли рыбы сетью. На высоких берегах можно найти следы мезолитических стоянок, мастерских по первичной обработке кремня. Зимние поселения с западинами от жилищ, характерные для Среднего Поволжья, тоже не отличались долговременностью, хотя многократно возобновлялись. Они были также ориентированы на кромку террас при старицах. Рыболовство определяло выбор таких мест. Основные требования к ним: наличие мест для лодочных стоянок и тони для сетевого хозяйства, сухая солнечная площадка для жилищ. Этот характер поселений оставался предпочтительным и для культуры сетчатой керамики Волго-Окского междуречья, Мещеры и Поволжья до конца эпохи бронзы.

Долгое время фатьяновские поселения оставались не известны, хотя на многих озерных стоянках был зафиксирован типичный фатьяновский инвентарь. Серия открытых Н. А. Кренке стоянок на пойменной террасе р. Москвы показала, что они имели вид кратковременных пастушеских лагерей с легкими наземными жилищами, с поверхностными (не в ямах) развалами сосудов, оставленных на месте. Находки таких же развалов на местах неолитических стоянок не свидетельствуют ни о рыболовстве, ни о контакте с аборигенами-рыболовами – это использование сухих берегов для кратковременных стоянок скотоводами-фатьяновцами. По наблюдениям А. А. Александрова, стоянки в пойменной толще приурочены к моментам формирования почвенного горизонта, т. е. приостанавливалось накопление пойменных наносов, и современная пойма превращалась в террасу. Это могло быть связано не столько с уменьшением количества осадков, а, наоборот, – с ускоренным врезом русла, вызванном именно повышенным количеством осадков. Необходимо также учитывать, что превращение пойм в луга шло под воздействием человека, выжигавшего пойменное чернолесье.

Поздняяковские поселения, появившиеся на Правобережье рязанского течения Оки в XVII в. до н. э., имели совершенно иной характер. Типичное поздняяковское поселение Дмитриевская Слобода 1 было исследовано в 2007–2008 гг. у г. Муром (экспедиция О. В. Зеленцовой, отряды А. И. Королёва и Д. А. Мамонтовой) практически полностью. Оно занимало высокий мыс второй террасы, плавно переходящий в плато. Его оконтуривают глубоко врезанный овраг с ручьем и склоны террасы. У подножия заканчивается старица Оки. Никаких признаков хозяйственного освоения ее берегов нет. В глубине плато, при следующем овраге, обнаружен небольшой грунтовый могильник, синхронный поселению.

На площади ок. 1800 м² были исследованы три наземных, слегка углубленных жилища, два из которых – со следами пожара. Зафиксированные следы перестройки свидетельствуют о том, что дома простояли достаточно долго. Насыщенный находками слой отложился не только в жилищах, но обильно – в пространстве между ними, в хозяйственных ямках. Не ясен пока характер длинной ямы вдоль стены первого из жилищ с неравномерно отложенным скоплением черепков. На верхнем

¹⁹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00358.

краю поселения имеется также обособленное скопление крупных фрагментов сосудов (почти развалы). Не исключено, что хорошая сохранность керамики связана с тем обстоятельством, что культурный слой памятника был перекрыт делювием.

Дома врезаны в склон ступенчато: уровень пола в разных частях домов различается на 0,4–0,5 м. Каркас, несущий стропила, отчетливо прослеживается по ямам, отличающимся максимальной глубиной (свыше 1 м), что может соответствовать высоким жилищам. Центральная часть в жилищах 1 и 2 составляет 120–130 м². Здесь же располагался единственный очаг. Общая же площадь перекрытая единой крышей составляла ок. 300 м². Третье жилище той же конструкции оказалось вдвое меньше. Внешним стенам и опорам нижних концов крыш соответствуют ряды столбов меньшей высоты. Единственный в доме очаг находился в центре нижнего помещения. В полах имеются ямы, в которых были установлены сосуды. Размеры жилого пространства больших жилищ пригодны для проживания в них по 35–50 человек, при этом оставалось достаточно место для содержания скота. Как минимум, два из трех жилищ синхронны. Сохранность среднего жилища 2 не отличается от остальных, так что синхронны, по-видимому, все три дома. Это позволяет определить численность обитателей поселка в 100–150 человек.

Конструкция дома с мощными столбами в центральной части позволяла оборудовать под крышей сушила – необходимую часть земледельческой зерновой технологии. Присутствие зерна изредка фиксируется в тесте керамики. Карпологический анализ не делался. Из орудий, связанных с зерновым хозяйством, встречены песты и терочники. Они годятся для размола зерна, но не для растирания в муку. Надо отметить, что и на городищах железного века дьяковской, городецкой и каширской культур присутствуют только аналогичные орудия (песты и терочники). Куранты, пригодные для растирания муки, появляются только в первых веках н. э.

Исследованное поселение относится к начальному этапу поздняяковской культуры – до времени установления тесных контактов с аборигенным населением культуры сетчатой керамики. Но эти контакты уже имели место, т. к. в кремневом инвентаре присутствуют единичные типичные волосовские изделия, включая антропоморфную фигурку. Следов изготовления орудий волосовских типов на поселении нет. Незначительное количество кремневых орудий и их специфический состав указывает на то, что основной рабочий инструмент обитателей этого поселения был изготовлен из металла. Полученная серия из семи радиоуглеродных дат образует две группы – ок. 3650 и ок. 3450 л. н.

Местоположение памятника Дмитриевская Слобода 1 типично для поздняяковских поселений Оки, образующих близ Муром компактную группу. Расположение на высоких берегах не связано с проблемами безопасности – никаких следов укреплений, в отличие от балановских, тут нет. Озеро явно не играло существенной роли в выборе места, зато незамерзающий родник у подножия жилой площадки был важен. Находясь на краю плато, поселок был связан с полями. Не случайно на этом же месте в дальнейшем располагалось раннесредневековое поселение муромы.

Интерес представляют близкие аналогии с комплексом бронзового века на памятнике Колтово 7 под Каширой. Оно располагалось на третьей террасе, в километре от выхода небольшой р. Медведки в пойму Оки, над родником. Поселение относится к культуре сетчатой керамики, но в его материальном комплексе имеются свидетельства влияния поздняяковской культуры. Единственный дом, врезанный в склон, имел такой же ступенчатый пол, как поздняяковские, и отсеки, отделенные перегородками. Каркас жилища составляли мощные угловые столбы и опоры, несущие коньковую балку. В составе находок имеется кремневый сегментовидный серп с двусторонней ретушью. Такие серпы встречаются в поселениях культуры сетчатой керамики. Поселение Колтово 7 однотипно с муромскими поселениями – они однослойны, существовали на одном этапе и не возобновлялись, но имеют длительно существовавшие постройки с довольно высокими крышами. И оно также оказалось перекрыто средневековым селом XII–XIII вв.

Как признаки поселений с земледельческой направленностью хозяйства можно рассматривать наличие капитальных, невозобновлявшихся построек – это может быть связано с подсечным

земледелием, когда использовались участки склона плато при ручьях и небольших речках. Источники, позволяющие говорить о роли скотоводства, отсутствуют. Возможно, показателем придомного содержания скота могла бы стать сильно измельченная керамика, но этого не наблюдается на рассматриваемых поселениях. Признаки земледельческой направленности хозяйства имеются также на поселениях срубной культуры. Специализация древнего населения на скотоводстве создает иные типы памятников, образец которых дают фатьяновские стоянки. Такие стоянки – кратковременные, с небольшим количеством керамики, расположенные на лугах, в поймах – есть в культуре сетчатой керамики. Охота и рыболовство у поздняяковской культуры существенной роли не играли, что резко отличает ее от культуры сетчатой керамики, чей материальный комплекс впитал множество элементов поздняяковской традиции в оформлении керамики. С другой стороны, большинство поселений поздняяковской культуры включает и аборигенный компонент, восходящий к волосовской культуре, что способствует возрастанию со временем количества сетчатой керамики. Но только те из смешанных поздняяково-сетчатых групп населения, которые обосновались на более благоприятных землях, приобрели целостный земледельческий хозяйственно-бытовой комплекс.

П. Ф. Кузнецов (Самара, Россия)

Ареалы распространения дисковидных псалиев начала позднего бронзового века Восточной Европы

В настоящее время всесторонне изучены две технологические группировки дисковидных псалиев, расположенные в различных, частично совпадающих ареалах (Пряхин, Беседин 1998; Усачук 2007; Бочкарёв, Кузнецов 2010: 308–309). Западный ареал охватывает Доно-Волжский регион. Для этой группировки характерны вставные шипы, боковые отверстия на щитке, орнамент. Восточный ареал соответствует Урало-Казахстанскому региону. Псалии этой группировки имеют монолитные шипы, дополнительное отверстие на планке, орнамент отсутствует. Две традиции перекрываются на территории Самарского и Саратовского Поволжья. Обнаружение псалиев разных традиций в одних погребальных комплексах (Потаповка, кург. 3, погр. 8) говорит об их синхронности.

Как далеко на восток распространяется западная традиция изготовления псалиев? В Зауралье есть один орнаментированный псалий из мог-ка Каменный Амбар, кург. 2, яма 8 (Усачук 1999). Однако он имеет два монолитных шипа и один вставной. Такое сочетание мы видим лишь на потаповском псалии из мог-ка Утевка VI Самарского Заволжья. Оба псалия демонстрируют сочетание двух традиций – западной и восточной. Традиции западного ареала обнаруживают два псалия из погр. 7 грунтового мог-ка Бестамак в Северном Казахстане (Калиева, Логвин 2008: 58). Но здесь один псалий – без шипов. Второй, без орнамента, имеет три вставных шипа. При этом все перечисленные предметы находились в погребениях вместе с псалиями, изготовленными по традициям восточного ареала. Этими находками исчерпывается круг западных аналогий, которые связывают Доно-Волжский и Урало-Казахстанский регионы. Ни один из известных псалиев Урало-Казахстанского региона нельзя непосредственно связать по происхождению с Подоньем.

Псалии, соответствующие восточной технологической группировке, есть в Поволжье: восемь экземпляров из Утевского VI мог-ка Самарского Заволжья и два псалия из погр. 2 кург. 2 Сторожевского мог-ка Саратовского Правобережья Волги (Ляхов 1996; Дрёмов 1997: 76). Далее к западу от Волги неизвестны псалии, соответствующие Урало-Казахстанской традиции. В этой связи, чрезвычайно важны трасологические исследования псалиев, которые провел А. Н. Усачук. Он конкретизирует основные ареалы двух технологических традиций, называя их «среднедонской» и «южноуральской» (Усачук 2007: 17). При этом автор фиксирует наличие южноуральской традиции в Северном Причерноморье. Действительно, давно известны два псалия из пос. Трахтемирово и псалий из пос. Каменка, имеющие сходство с уральскими, но обнаруженные далеко к западу от

основного ареала дисковидных псалиев (Лесков 1964; Рыбалова 1966). Главной особенностью этих экземпляров является отсутствие выраженной планки. Поэтому все дополнительные отверстия расположены на самом щитке.

Псалии без планки известны во всех культурах с колесницами и везде их число невелико. При этом наблюдается явная количественная неравномерность в распределении их по регионам. В Зауралье (синташтинская культура) известно два экз., в Волго-Уральском междуречье (абашевская, потаповская культуры) – восемь экз., в Подонье – три экз. (ранняя покровская культура), в Северном Причерноморье – три экз., в Волго-Донском междуречье псалии без планки составляют 9 % (три экз. от 33 учтенных). Все три псалия происходят из погр. 1 и 3 Филатовского кург. (Синюк, Козмирчук 1995: 55, 58). В абсолютном соотношении псалии без планки в синташтинской культуре представлены в наименьшей пропорции. Учтено ок. 40 целых синташтинских псалиев с планкой и два – без нее (5 %). Оба экземпляра обнаружены в большом грунтовом мог-ке Синташты (погр. 5 и погр. 39; Генинг и др. 1992: рис. 57, 8; 126, 1). Следует отметить, что некоторые синташтинские псалии не имеют четко отделенной планки, но сама планка уже имеет выраженное геометрическое оформление, напр., Солончанка IA, кург. 2, погр. 1; Синташта, кург. CI, погр. 14 (Усачук 2010: рис. 12, 1; 15, 1). И. В. Чечушков и А. В. Епимахов привели наиболее полную сводку псалиев синташтинской культуры (Чечушков, Епимахов 2010: Приложение 3). На территории Волго-Уральского междуречья процент псалиев без планки существенно выше. Здесь найдено 26 дисковидных псалиев, из которых восемь – без планки (31 %). Следовательно, изготовление псалиев без планки на данной территории проявляется как наиболее устойчивая традиция. В этой группе находится и баланбашский псалий весьма архаичного облика (Сальников 1967: 55; рис. 8, 19). Заготовка дисковидного псалия без планки есть и на абашевском пос. Суруш в Заволжье (Васильев, Пряхин 1977; Васильев, Кузьмина 1980). Таким образом, вполне вероятно, что традиция изготовления псалиев без планки зародилась в абашевской культурной среде Волго-Уральского региона.

По наблюдению В. С. Бочкарёва, отсутствие планки у псалиев, как правило, связано с наличием у них монолитных шипов. Действительно, из 16 учтенных изделий этой категории два имеют вставные шипы, два – комбинированные и 12 – монолитные шипы. Таким образом, беспланочные псалии были связаны с восточной технологической группировкой Волго-Уральского и Урало-Казахстанского регионов. Распространение влияния этой технологической традиции на запад весьма существенно. Так, в Карпато-Дунайском регионе из 11 экз. – четыре псалия с монолитными шипами. В Южной Греции из 10 микенских псалиев семь имеют монолитные шипы.

Согласно новым данным абашевская культура Волго-Уралья имеет хронологический приоритет по отношению к культурам с колесницами – синташтинской и потаповской. Так, даты по ¹⁴C абашевского Пепкинского кург. древнее, чем радиоуглеродные даты для синташтинских памятников (Кузнецов 2001: 182). Было установлено, что керамический комплекс абашевского Мало-Кизильского селища является монокультурным (Епимахов, Епимахова 2006: 55, 57). В керамике этого памятника есть признаки более ранней вольско-лбищенской культуры. При этом в синташтинском керамическом комплексе отсутствуют столь явные следы пережиточного энеолита. При исследовании мог-ка у горы Березовой в Южном Приуралье было стратиграфически зафиксировано «перекрывание» абашевских погребений синташтинскими (Моргунова, Халяпин 2003). В контексте данного хронологического соотношения особое значение приобретает вывод о значительно большем архаизме абашевского металла по сравнению с синташтинским (Кузьмина 2000: 103–104). Наличие абашевского компонента в синташтинских и в потаповских материалах позволяет предполагать его значительное культурообразующее влияние. Другой компонент представлен посткатакомбными традициями (Виноградов 2003: 259–260; Мимоход 2010: 75–78).

Из абашевского культурного круга можно выводить следующие компоненты синташтинской культуры: стационарные поселения с признаками укреплений; оформление подкурганного ритуального комплекса; вытянутое положение погребенных на спине; вторичные захоронения;

типы наиболее массовых и наиболее сложных разновидностей металлических изделий; черешковые наконечники стрел; ритуальные костяные предметы; миниатюрная посуда; керамика с внутренним ребром и внешним желобком; геометризм в орнаментации. Из круга посткатакомбных памятников культуuroобразующими признаками могут быть названы: положение на левом боку; жертвенники с костями мелкого рогатого скота; сосуды вертикальных пропорций с внешним ребром-уступом; сосуды горизонтальных пропорций с округлым туловом; «елочная» орнаментация; «шагающая» гребенка.

Ареалы этих культурных новаций перекрываются в пределах лесостепного Волго-Уральского региона. Вполне вероятно, что в процессе формирования новых культур и произошло их распространение на сопредельные территории. В результате распространения на восток (степное Зауралье) и на запад (Волго-Донское лесостепное междуречье) сформировался блок родственных культур с колесницами: синташтинская, потаповская и ранняя покровская. Катализатором процесса культуuroгенеза стали сейминско-турбинские группировки, занимавшие северный фланг распространения блока культур с колесницами (Бочкарёв 2010: 59; Кузнецов 2000).

Данная модель миграции в большей степени соответствует теории Волго-Уральского очага культуuroгенеза позднего бронзового века северной половины Евразии (Бочкарёв 2010: 52–53).

Дополнительное обоснование для подтверждения реальности данной модели демонстрируют и радиоуглеродные определения. В последние годы получены значительные серии достоверных ^{14}C дат для синташтинских и потаповских памятников. Все они указывают на синхронность культур в пределах XX–XVIII вв. до н. э. (Hanks et al. 2007; Kuznetsov 2006).

- Бочкарёв 2010 – *Бочкарёв В. С.* Культуuroгенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб, 2010.
- Бочкарёв, Кузнецов 2010 – *Бочкарёв В. С., Кузнецов П. Ф.* Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. С. 292–343.
- Васильев, Пряхин 1997 – *Васильев И. Б., Пряхин А. Д.* Сурушское поселение эпохи бронзы // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. С. 137–147.
- Васильев, Кузьмина 1980 – *Васильев И. Б., Кузьмина О. В.* Абашевские поселения лесостепного Заволжья // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1980. С. 88–104.
- Виноградов 2003 – *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Генинг и др. 1992 – *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта. Челябинск, 1992.
- Дрёмов 1997 – *Дрёмов И. И.* Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края: Охрана и исследования в 1996 г. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 146–165.
- Епимахов, Епимахова 2006 – *Епимахов А. В., Епимахова М. Г.* Абашевские памятники Южного Зауралья // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. Уфа, 2006. С. 53–65.
- Калиева, Логвин – *Калиева С. С., Логвин В. Н.* Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВИАЭ. 2008. № 9. С. 58–59.
- Кузьмина 2000 – *Кузьмина О. В.* Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб, 2000. С. 65–134.
- Кузнецов 2000 – *Кузнецов П. Ф.* Свидетельства контактов в потапово-синташтинских и сейминско-турбинских памятниках начала поздней бронзы // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000. С. 76–80.
- Кузнецов 2001 – *Кузнецов П. Ф.* Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы // БВВЕ. 2001. С. 178–182.
- Лесков 1964 – *Лесков А. М.* Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова // СА. 1964. № 1. С. 299–303.

- Ляхов 1996 – *Ляхов С. В.* Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка (предварительная публикация) // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской обл. в 1995 г. Саратов, 1996. С. 77–84.
- Мимоход 2010 – *Мимоход Р. А.* Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологический сборник. Донецк, 2010. № 13/14. С. 67–82.
- Моргунова, Халяпин 2003 – *Моргунова Н. Л., Халяпин Н. В.* Новые исследования памятников эпохи бронзы в центральном Оренбуржье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Мат-лы междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003. С. 226–227.
- Пряхин, Беседин 1998 – *Пряхин А. Д., Беседин В. И.* Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // Российская археология. 1998. № 3. С. 22–35.
- Рыбалова 1966 – *Рыбалова В. Д.* Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи // СА. 1966. № 4. С. 178–181.
- Синюк, Козмирчук 1995 – *Синюк А. Т., Козмирчук И. А.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (По материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара, 1995. С. 37–72
- Усачук 1999 – *Усачук А. Н.* Сочетание двух традиций изготовления щитковых псалиев (на примере псалия из Зауралья) // Мат-лы междунар. археол. конф. «Этническая история и культура населения степи и лесостепи Евразии (от каменного века до раннего средневековья)». Днепропетровск, 1999. С. 99–101.
- Усачук 2007 – *Усачук А. Н.* Древнейшие псалии эпохи бронзы лесостепи и степи Евразии (технологический и функциональный аспекты): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2007.
- Усачук 2010 – *Усачук А. Н.* Реконструкции крепления древнейших псалиев в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. С. 238–291.
- Чечушков, Епимахов 2010 – *Чечушков И. В., Епимахов А. В.* Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Там же. С. 182–229.
- Hanks et al. 2007 – *Hanks B. K., Epimakhov A. V., Renfrew A. C.* Towards a refined chronology for the Bronze Age of the southern Urals, Russia // *Antiquity*. 2007. Vol. 81, no 312. P. 333–367.
- Kuznetsov 2006 – *Kuznetsov P. F.* The Appearance of the Bronze Age Chariots in Eastern Europe // *Antiquity*. 2006. Vol. 80, no 309. P. 638–645.

Н. М. Малов (Саратов, Россия)

Культурогенез в позднем бронзовом веке Нижнего Поволжья: археолого-культурологический подход

В конце XIX–начале XX в. члены Саратовской губернской ученой архивной комиссии (далее СУАК) начали открывать и исследовать бытовые и погребальные памятники позднего бронзового века (далее ПБВ) на севере Нижнего Поволжья. Благодаря их усилиям было положено начало сбору материалов и раскопкам памятников ПБВ Нижнего Поволжья. В музей СУАК поступали отдельные находки металлических, каменных, костяных изделий и литейных форм с территории Саратовской губ. На бытовых памятниках ПБВ в конце XIX в. собирался подъемный материал, шурфы и раскопы не закладывались. Ситуация изменилась в начале XX в., – члены СУАК стали вскрывать культурные слои и раскапывать погребальные памятники.

Выделяются работы хвалынских археологов М. А. Радищева (1859–1920) и В. Ф. Орехова (1873–1942). Они осуществляли полевые изыскания чаще всего совместно, поскольку Михаил Радищев был старшим братом жены Орехова – Ольги Алексеевны. Василий Фёдорович закончил с отличием Казанскую живописную школу, позже дополнительно учился живописи в свободной Академии Гранд Шомье (Париж). «Живописные познания» позволяли В. Ф. Орехову профессионально выполнять археологические рисунки и чертежи. В 1912 г. он поступил в Петербургский

Императорский Археологический институт, который закончил в 1914 г. После окончания учебы и сдачи испытаний В. Ф. Орехов получил именное свидетельство и звание сотрудника Императорского Археологического института.

Из исследованных В. Ф. Ореховым в Хвалынском уезде памятников ПБВ, наиболее известны Ивановское селище и курганы около сел. Адоевщины (Одоевщины). Он заложил охраняемые траншеи на «стоянке медного века» около сел. Ивановки и раскопал на берегу Волги остатки землянки, методика раскопок которых тогда не была детально разработана (Орехов 1916: 39). О. А. Кривцова-Гракова отнесла материалы Ивановского селища ко второму хвалынскому периоду срубной культуры, а раскопанную землянку признавала «едва ли не первой» из исследованных построек бронзового века Восточной Европы (Кривцова-Гракова 1955: 46).

В 1912–1915 гг. М. А. Радищев вскрыл значительную площадь на поселении в Липовом Долу близ сел. Яблонка Хвалынского уезда. Здесь обнаружили остатки котлованов трех прямоугольных построек, створку литейной формы и другие свидетельства металлургического производства (Круглов, Подгаецкий 1935: 113–116; Малов 2005: 5–7). М. А. Радищев и В. Ф. Орехов внесли вклад в обследование места обнаружения и пополнение коллекции Сосново-Мазинского клада.

При интерпретации материалов ПБВ члены СУАК, ссылаясь на мнения А. А. Спицына и В. А. Городцова, использовали термин «культура». Оба выдающихся исследователя переписывались и поддерживали постоянные научные связи с СУАК и изучили археологическую коллекцию музея комиссии. Несомненно, что А. А. Спицын стоит у истоков становления археологической науки в Нижнем Поволжье.

Профессор А. А. Спицын осуществил в конце XIX в. первые крупные раскопки курганов в Волго-Донском междуречье Саратовской губ. Он опубликовал Сосново-Мазинский клад, обследовал Увек и другие золотоордынские городища, сообщал в заметках о случайных нижеволжских находках и приобретениях ИАК (Малов 2007а: 47–48). В 1912 г. А. А. Спицын приезжал для проведения «показательных раскопок» в уроч. Мартышкино и на Ахматском городище. Во время этого визита профессор прочитал в СУАК лекцию и дал рекомендации по оформлению археологического раздела экспозиции ее музея. А. А. Спицын консультировал А. А. Кроткова, подготовившего к изданию Археологическую карту Саратовской губернии.

В те годы многие ведущие исследователи отрицали существование бронзового века в южнорусских степях (Малов 2008: 34). Тем не менее, в Каталоге музея СУАК указано «век меди» и в скобках – «бронзовый век». Выделив памятники срубной (далее СК) и хвалынской (далее ХК) культур неометаллической эпохи, В. А. Городцов заложил основы для последующих разработок моделей культурогенеза ПБВ степи–лесостепи Восточной Европы, опроверг долго существовавшее мнение об отсутствии бронзового века на территории России (Городцов 1927; Кривцова-Гракова 1955: 5–9; Мерперт 1985; Малов 2010а: 38–40).

После открытия в Саратовском университете историко-филологического факультета, археология стала с осени 1917 г. в Саратове наукой университетской (Малов 2006а). Для студентов нового отделения «История искусств и археология» преподаются дисциплины археологического профиля. В 1920 г. кафедрой археологии СГУ заведует П. С. Рыков, организуется и функционирует Археологический институт, преобразованный в 1924 г. в Нижне-Волжский институт краеведения. Полевые исследования производились гораздо интенсивнее и охватили очень широкую территорию региона.

В 1920 г. П. Н. Шишкин исследовал погребение начальной поры ПБВ в кург. 9 около карьера кирпичного завода г. Покровска (Шишкин 1923). Таким образом, было положено начало изучению погребений покровского культурного типа (далее ПКТ) в эпонимном памятнике – Покровских курганах. При изучении и группировке нижеволжских археологических памятников СК и ХК профессора СГУ Ф. В. Баллод и П. С. Рыков опирались на работы В. А. Городцова (Малов 2007б: 36; 2010а). В. А. Городцов приезжал в 1920-е гг. в Саратов и Хвалынск, поддерживал своего ученика П. С. Рыкова. Характеризуя культуры бронзового века, В. А. Городцов заключил, что

в Нижнем Поволжье на смену СК явилась ХК, принадлежавшая, как и киммерийская, всецело к ранней поре неометаллической эпохи (Городцов 1927: 624–626).

Уточняя и конкретизируя модель культуургнеза В. А. Городцова, П. С. Рыков обосновал новую и не однолинейную концепцию ПБВ из пяти стадий условной ХК или срубно-хвалынской культуры (Малов 1986: 21–24, рис. 1). Он выделил погребальные памятники ПКТ (стадий С и Д) и СК (стадии В, Е). Захоронения стадии А рассматривались как переходные от древнеямных к срубно-хвалынской стадии В (Рыков 1936: 31–32).

П. С. Рыков полагал, что его культурно-хронологическая концепция ПБВ условная и не окончательная, планировал ее уточнять. Исследователь справедливо отмечал сходство ХК и андроновской культуры по многим показателям, включая общность фаз разложения родового общества. В своей итоговой монографии 1936 г. он ссылался на работы Е. А. Теплоухова. П. С. Рыков ссылается и на публикацию М. П. Грязнова «Казахстанский очаг бронзовой культуры» (Там же: 150). П. С. Рыков и М. П. Грязнов считали, что пограничье ареалов распространения хвалынской и андроновской культур проходило по р. Урал. Андроновские памятники бытовали на Левобережье р. Урал, а в Волго-Уральском междуречье – хвалынские (Грязнов 1927). В 1951 г. М. П. Грязнов исследовал селище ХК близ хут. Ляпичева в Волго-Донском междуречье (Кривцова-Гракова 1955: 95–98, рис. 21; 22).

Модель культуургенеза П. С. Рыкова поддержал А. М. Тальгрэн. В Отчетах Саратовского музея отмечены связи по разработке общих вопросов бронзовой эпохи с Финляндским музеем (1925 г.) и профессором Финляндского университета (1926–1927 гг.) А. М. Тальгрэном (Малов 2006б: 253). А. М. Тальгрэн посетил музеи Саратова, Покровска и, вероятно, Пугачёва. Финский профессор был 29–30 июля 1928 г. в Центральном музее Покровска, изучил доисторическую археологическую коллекцию и предложил руководителю археологического отдела П. Д. Рау опубликовать часть своей работы в издаваемом им журнале. Из Покровска профессор уехал 31 июля (Professor A. M. Tallgren... 1928).

Модель культуургенеза П. С. Рыкова в послевоенные годы исследователи не могли подробно анализировать в публикациях, поскольку профессора реабилитировали посмертно только в 1956 г. (Малов 2010б). Ученик П. С. Рыкова – И. В. Сеницын защитил 30 декабря 1943 г. кандидатскую диссертацию «Поселения родового общества на территории Нижнего Поволжья» (оппоненты В. А. Равдоникас, В. В. Мавродин). Защита диссертации Ивана Васильевича состоялась на заседании Ученого совета, эвакуированного в Саратов исторического факультета Ленинградского университета. Затем И. В. Сеницын отказался от дальнейшего использования термина «хвалынская культура» и признал «неверным заключение о существовании самостоятельных культур – срубной и хвалынской» (Сеницын 1947: 8). В начале 1950-х гг. ХК еще характеризуется в энциклопедическом издании, но вскоре под хвалынскими древностями стали понимать только памятники второго этапа СК (Артамонов, Кривцова-Гракова 1951: 154, карта; Кривцова-Гракова 1955: 38–49). Таким образом, все памятники пяти различных стадий ХК, выделенных П. С. Рыковым, без достаточно аргументированного анализа и обоснования включили в состав СК.

После этого полтавкинские погребения некоторое время рассматривали и как раннесрубные. ПКТ стали «эталоном» для первого этапа СК, а Сосново-Мазинский клад и Ивановское селище – типичными комплексами второго этапа данной культуры. В конце 1950-х гг. Н. Я. Мерперт начинает рассматривать СК как «срубную культурную область» (Мерперт 1958). В итоге исследователь заключает, что «подобные общности по содержанию своему не могут считаться археологическими культурами» и считает более правомерным говорить об «огромной срубной культурно-исторической области» (Мерперт 1974: 13; 1985: 8–9; Малов 2001а: 190–191).

После издания САИ по СК Волго-Уральского междуречья отмечается активизация в изучении проблем культуургенеза ПБВ Нижнего Поволжья и срубной культурно-исторической области (далее СКИО) (Памятники срубной культуры... 1993). В 1994 г. ставится вопрос о выделении провинций и типов памятников СКИО, включающей три археологические культуры: покровскую,

срубную и хвалынскую культуру валиковой керамики (далее ХКВК) (Малов 1994). ПК, СК и ХКВК имеют существенные альтернативные признаки и не образуют культурного единства. В СКИО ПБВ Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья выделяются три фазы, соответствующие трем фазам Евразийской металлургической провинции (далее ЕАМП) и Волго-Уральского очага культурирогенеза (Малов 2001б; 2007б; 2012). Первая фаза ПБВ1 Нижнего Поволжья соответствует ПК, вторая – ПБВ2 – СК, третья – ПБВ3 – ХКВК. В начале ПБВ2 и ПБВ3 выделяются более ранние стадии, куда входят памятники с элементами предшествующей и последующей археологических культур. Поэтому, стадия ПБВ2.1 названа «покровско-срубной», а ПБВ3.1 – «срубно-хвалынской».

Фаза ПБВ1. Покровская культура входит в синхронный блок первой фазы формирования Волго-Уральского очага культурирогенеза ЕАМП, где фиксируется трансформированный абашевский компонент (Бочкарёв 2002). Калиброванные радиоуглеродные определения для ранней фазы ЕАМП соответствуют календарному отрезку XXII–XVIII/XVII вв. до н. э. (Черных 2007; 2008: 49). Для раннего комплекса ПК (Терновка, кург. 4, погр. 21, древесина от перекрытия) из Саратовского левобережья есть дата: 3580 ± 50 BP, Cal BC 1873–1839, 1781–1730, 1729–1688 (1 δ); 1888–1670 (2 δ).

Фаза ПБВ2 соответствует второй фазе ЕАМП. Сюда Е. Н. Черных включает все памятники СК доваликового горизонта, датируемые в калиброванном значении XX–XV вв. до н. э. (Черных 2008: 50). Вероятно, к этой фазе Е. Н. Черных относит все памятники ПК, хотя этому противоречат данные стратиграфии, дисковидные щитковые псалии и другие многочисленные категории изделий. Например, на поселении Нижняя Красавка II материалы ПК (со щитковым псалием) предшествуют раннесрубному этапу (Лопатин 2010: рис. 2).

Покровско-срубная стадия 2.1. Некоторые погребения ПК этой стадии иногда относят к фазе окончательного оформления ЕАМП, соответствующей эпохе «классической фазы» срубной общности (Черных 2007: 86, 102, рис. 7, 3; 2008: 47–50).

Срубная стадия 2.2. Получены четыре даты ^{14}C для погр. 5–6 из Карамышского кург., селища Чесноково I и погр. 2 Паницкого кург. (Малов 2007а: 47; Мимоход 2009: 62).

Фаза ПБВ3. Срубно-хвалынская стадия 3.1. Характеризуется погребальными и бытовыми комплексами поздней СК и ранней ХКВК. К этой стадии относят Перелюбский клад медных серпов, бытовавших среди носителей ранней фазы валиковой керамики (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 107). Получена одна дата ^{14}C для селища Нижняя Покровка I (уголь, хозяйственная яма): 3210 ± 80 BP, Cal BC 1531–1395 (1 δ), 1675–1301 (2 δ).

Стадия 3.2. ХКВК. К этой стадии относится Сосново-Мазинский клад, а к самому финалу ПБВ – Знаменский клад (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 12, рис. 1). Недавно открыто несколько погребений ХКВК в Усть-Курдюмском и Сабуровском грунтовых могильниках севернее г. Саратова. В отличие от СК, здесь наблюдается скорченное положение погребенных на правом боку, а в Сабуровке присутствует железное колечко.

Подводя краткий итог, следует подчеркнуть, что в разработку проблем культурирогенеза ПБВ Нижнего Поволжья внесли свой вклад несколько поколений отечественных исследователей. За 100 лет изучения ПБВ данного региона археолого-культурологические концептуальные подходы исследователей к моделированию различных факторов культурирогенеза трансформировались. Вначале они были связаны с одной культурой – срубной. Сейчас памятники ПБВ Нижнего Поволжья представлены, как минимум, тремя археологическими культурами: ПК, СК и ХКВК, входящими в СКИО, ареал которой охватывает громадные пространства степи–лесостепи Северной Евразии.

Артамонов, Кривцова-Гракова 1951 – *Артамонов М. И., Кривцова-Гракова О. А.* Бронзовый век СССР // БСЭ. М., 1951. Т. 6. С. 151–154.

Бочкарёв 2002 – *Бочкарёв В. С.* Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен: Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. Т. I. С. 46–68.

Городцов 1927 – *Городцов В. А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1927. Т. 7. С. 610–626.

- Грязнов 1927 – *Грязнов М. П.* Погребения бронзового века в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки. Л., 1927. Сб. II. С. 172–221 (МОКИСАР. Вып. 11).
- Дергачёв, Бочкарёв 2002 – *Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинёв, 2002.
- Кривцова-Гракова 1955 – *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955 (МИА. № 46).
- Круглов, Подгаецкий 1935 – *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы. М.; Л., 1935 (Изв. ГАИМК. Вып. 119).
- Лопатин 2010 – *Лопатин В. А.* Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007–2009 гг.) // АВЕС. 2010. Вып. 8. С. 126–144.
- Малов 1986 – *Малов Н. М.* Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 21–38.
- Малов 1994 – *Малов Н. М.* Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994. С. 8–13.
- Малов 2001а – *Малов Н. М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края: Охрана и исследования в 2001 г. Саратов, 2001. Вып. 5. С. 157–219.
- Малов 2001б – *Малов Н. М.* Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // БВВЕ. 2001. С. 199–202.
- Малов 2005 – *Малов Н. М.* Литейные формы с нижеволжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12. С. 3–21.
- Малов 2006а – *Малов Н. М.* Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. 2006. Вып. 4. С. 4–28.
- Малов 2006б – *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура. Саратов, 2006. С. 192–279.
- Малов 2007а – *Малов Н. М.* Изучение и интерпретация материалов нижеволжских поселений срубной культурно-исторической области в первой четверти XX века // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007. С. 47–51.
- Малов 2007б – *Малов Н. М.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных р-нах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. 2007. Вып. 5. С. 34–92.
- Малов 2008 – *Малов Н. М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. 2008. Вып. 6. С. 32–134.
- Малов 2010а – *Малов Н. М.* Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Междунар. отношения. Саратов, 2010. Т. 10, вып. 2. С. 36–41.
- Малов 2010б – *Малов Н. М.* Советский археолог Павел Сергеевич Рыков: К 125-летию со дня рождения // Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 721–733.
- Малов 2012 – *Малов Н. М.* Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Междунар. отношения. Саратов, 2012. Т. 12. С. 95–100.
- Мерперт 1958 – *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Тр. Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1958. Т. II. С. 45–156 (МИА. № 61).
- Мерперт 1974 – *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт 1985 – *Мерперт Н. Я.* Срубная культурно-историческая область (к постановке вопроса) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 3–10.
- Мимоход 2009 – *Мимоход Р. А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М., 2009 (Материалы охраняемых археологических исследований. Т. 10).

- Орехов 1916 – *Орехов В. Ф.* Две раскопки на церковной земле села Ивановка, Хвалынского уезда, Саратовской губ. // Тр. СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. 39–59.
- Памятники срубной культуры... 1993 – Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993. Т. I (Археология России. САИ. Вып. В1-10).
- Рыков 1936 – *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья: (По археологическим материалам). Саратов, 1936.
- Синицын 1947 – *Синицын И. В.* Древние памятники в бассейне Иргица по раскопкам 1938–1939 гг. // УЗ СГУ. Саратов, 1947. Т. 17 (выпуск исторический). С. 135–156.
- Шишкин 1923 – *Шишкин П.* Курганы на общественном выгоне г. Покровска // Тр. об-ва истории, археологи и этнографии при СГУ. Саратов, 1923. Вып. 34, ч. 1. С. 22–26.
- Черных 2007 – *Черных Е. Н.* Каргалы, том V: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М., 2007.
- Черных 2008 – *Черных Е. Н.* Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // АЭАЕ. 2008. № 3 (35). С. 36–53.
- Professor A. M. Tallgren... 1928 – Professor A. M. Tallgren in Pokrowsk // Nachrichten. Pokrowsk. 02.08.1928.

И. И. Бахшиев (Уфа, Россия)

Проблема межкультурного взаимодействия населения Башкирского Зауралья в эпоху бронзы: культурная стратиграфия и относительная хронология

Географическое расположение Южного Зауралья на стыке различных природных зон и культурных образований благоприятствует выяснению моделей и механизмов культурного взаимодействия населения региона в эпоху бронзы. Настоящая работа посвящена проблеме взаимодействия разнокультурных групп населения и разработке относительной хронологии археологических культур позднебронзового века на основе изучения культурной стратиграфии поселенческих памятников.

Источниковая база включает в себя исследованные за последние 15 лет на территории зауральского региона Республики Башкортостан поселения эпохи поздней бронзы. Все они обладают многочисленными признаками синкретических памятников т. н. срубно-алакульского типа. При анализе культурной стратиграфии обработке был подвергнут материал восьми поселений²⁰ – Лаимберды (раскоп I) (Гарустович 2001), Сактар (Сунгатов 2002), Олаир (Сунгатов, Бахшиев 2008), Оло Хаз (Бахшиев 2006; 2008), Сукраковское I и II поселения (Гарустович 2005), Таналык (раскоп I, IV; Отчет об итогах... 1996), Ташла 2 (Савельев 2008).

Рассматриваемые поселения находятся по берегам р. Сакмар, Таналык и их притокам. Памятники располагаются в трех природных зонах Башкирского Зауралья – лесостепной, горнолесной (предгорья хребта Урал-тау) и степной (межгорная равнина хребтов Урал-тау и Ирендык, южные и восточные предгорья Ирендыка). Территориально выделяются три группы. Первая группа поселений, расположенных по берегу р. Сакмар, нами обозначена как «сакмарская»; вторая – в междуречье рек Большой и Малый Бузавлык, – «бузавлыкская»; третья – поселения, приуроченные к бассейну р. Таналык, – «таналыкская» группа.

Все рассматриваемые бытовые памятники Башкирского Зауралья многослойны. Однако специфика почвы создает большие трудности при выделении слоев. Морфологические особенности литогенных слоев не позволяют зачастую напрямую связывать их с определенными хронологическими этапами существования памятника. Поэтому рассматриваемые нами здесь поселенческие памятники следует определить как поселения с нерасчлененным культурным слоем, т. е. содержащим

²⁰ Автор выражает благодарность Ф. А. Сунгатову, Г. Н. Гарустовичу и Н. С. Савельеву за любезно предоставленный материал.

артефакты, характерные для различных археологических культур, и не имеющим стратиграфически точно документированных хронологических этапов. В. С. Горбунов предлагает именовать такого рода поселения разнокультурными или разнокомпонентными (Горбунов 1992: 53).

Определение понятия «культурная стратиграфия» достаточно полно раскрыто в работе Ю. Б. Цетлина: «культурная стратиграфия – это последовательность залегания в культурном слое памятника остатков жизнедеятельности древнего человека, отражающих культурное своеобразие различных групп населения, т. е. указывающих на принадлежность материала к определенной археологической культуре» (Цетлин 1991: 21). Реконструкция культурной стратиграфии поселений производилась на основании изучения керамического материала, достаточно массового и разнообразного для вычленения разнообразных культурных традиций. Как показывают многочисленные исследования, глиняная посуда является основным индикатором этнокультурных процессов, происходящих в среде архаичных обществ. В связи с этим, именно керамика из раскопок эталонных поселений эпохи бронзы Башкирского Зауралья послужила основным источником для реконструкции культурной стратиграфии на многослойных памятниках с нерасчлененным культурным слоем. В ходе работы с керамическим материалом, нами было выделено 16 культурных групп (далее КГ) керамики.

Для решения вопросов взаимодействия автором были использованы, разработанный Ю. Б. Цетлиным (1991) метод анализа распределения керамики в культурном слое, и методика математического анализа коэффициентов абсолютного сходства (далее КАС) между комплексами (Генинг 1973; 1992: 98–101; Генинг и др. 1990: 81–84). Отметим, что требования методики Ю. Б. Цетлина о неслучайном распределении керамики в слое были соблюдены на стадии формирования генеральной выборки, а использование КАС оправдано результатами анализа керамических комплексов крупнейших поселений Мосоловское (Пряхин, Екимов 1984) и Горный (Каргалы... 2004).

Ввиду того, что значительное число связей слабо представлено, произведена селекция признаков и работа по их исключению из дальнейшей статистической обработки. Используя среднее значение коэффициента связей, для каждого памятника определено пороговое значение. Все показатели ниже его уровня исключались из дальнейшей статистической обработки.

Для характеристики степени связей различных КГ в слое введено понятие «характер связи». Определено три уровня связи:

1. Определенная связь (*X-связь*) – состояние, когда показатели взаимовстречаемости КГ керамики в слое памятника наиболее высокие. На практике это означает высокую концентрацию и совместное залегание двух КГ керамики в культурном слое конкретного памятника, позволяющие судить о наличии контактов;

2. Сильная связь (*Y-связь*) – значение, имеющее достаточно высокие и близкие показатели. Степень вероятности контактов высокая;

3. Альтернативная связь (*Z-связь*) – низкие показатели связи, при которых выявить возможность контактов и оценить их сложно. Ситуация позволяет оценивать связи между КГ как альтернативные (неопределенные).

Всего на поселениях исследуемого региона выделено 45 комбинаций узлов связи, 14 из которых (38,9 %) совпадают на различных памятниках, а 22 (61,1 %) представлены единично. Первоначально для комплексного анализа произведена группировка всех выделенных комбинаций контактов КГ по характеру связи. Для дальнейшей работы было необходимо определить значимость тех или иных узлов связи и выявить общую тенденцию синхронизации различных КГ керамики. Для этого было произведено пространственное распределение значений узлов связи, на основании которого выделены три категории значимости: *представительные* (основные) узлы связи (П-уз. св.) – комбинации связи КГ, характерных для всей исследуемой территории; *локальные* узлы связи (Л-уз. св.) – широко распространенные сочетания различных КГ, характер связи которых меняется в различных территориальных группах памятников и *частные* узлы связи (Ч-уз. св.) – комбинации КГ, встречающиеся на отдельных памятниках.

Обратимся к рассмотрению основных связей. По изученным материалам на всех поселениях четко фиксируется связь между алакульской, срубной и срубно-алакульской культурами. Показатель взаимовстречаемости весьма высок и составляет $K = 70,6$ (рис. 1).

Совокупный анализ локальных связей свидетельствует о сосуществовании на большинстве памятников со срубно-алакульским, алакульским и срубным населением целого блока КГ – фёдоровско-черкаскульская, кожумбердинская, саргаринско-алексеевская, «желобчатая» (олаировский тип), раннеалакульская и раннесрубная (рис. 1, 1). Эти данные подтверждаются материалами закрытого комплекса поселения Ташла-2 с возможным включением в представленный перечень тазабагыбских материалов. Таким образом, перекрестный анализ различных вариантов комбинаций КГ керамики позволил перевести из гипотетического заключения в достоверную форму выводы о сосуществовании указанных культур на территории Башкирского Зауралья в эпоху поздней бронзы и соответствующих контактах между ними.

Из общей схемы взаимосвязи археологических культур «выпадают» синташтинско-абашевские комплексы, а также т. н. матерчатая керамика (поселение Олаир) и кувшинообразные сосуды, выявленные на Сукраковском I поселении. Если последняя группа керамики статистически определяется как непредставительная в виду своей малочисленности, то оставшиеся культуры хронологически не укладываются в основной массив памятников. Синташтинско-абашевские керамические комплексы, выявленные на изучаемых памятниках, являются признаками наиболее архаичного этапа освоения территории Башкирского Зауралья на рубеже средней и поздней бронзы.

Полученные выводы о схеме сосуществования и последовательности археологических культур дают основание для выделения основных этапов позднебронзового века Башкирского Зауралья. Полагаю, что с методической точки зрения, весьма перспективной является отстаиваемая Л. Т. Яблонским для памятников ранних кочевников Евразии концепция выделения культурно-хронологических горизонтов (Яблонский 2006; 2009). В свете идеи о «культурной непрерывности» археологического материала степных и лесостепных культур Северной Евразии (см. напр., Черных 2007: 35) данный подход позволяет выделить блоки археологических культур, характеризующихся близким набором культурных и хронологических маркеров. Отметим, что наиболее ранние попытки внедрения такого рода инструментария в исследовательские процедуры археологии бронзового века Волго-Уралья находим в работах В. С. Горбунова, использующего термин «хронологические реперы» (Горбунов 1992: 108–109). Тем самым, выделяемые этапы в жизни поселенческих памятников изучаемого региона можно определить как культурно-хронологические горизонты (КХГ) периода средней–поздней бронзы Башкирского Зауралья.

На основании полученных данных выделено два крупных культурно-хронологических блока: *КХГ-1* отражает присутствие в регионе на рубеже средней и поздней бронзы немногочисленного синташтинско-абашевского населения; *КХГ-2* характеризуется бытованием в эпоху ПБВ раннесрубного, раннеалакульского, алакульского, срубного, срубно-алакульского, фёдоровско-черкаскульского, саргаринско-алексеевского, тазабагыбского (?) населения.

В целом данная периодизация не противоречит современным представлениям об общей последовательности этапов эпохи бронзы Южного Урала. В то же время укажем на некоторые несоответствия представленной системы синхронизации археологических культур региона, с разработанными периодизациями эпохи бронзы Южного Урала и Казахстана: 1) одновременность существования раннеалакульских и раннесрубных комплексов с классическими алакульскими и развитыми срубными древностями; 2) взаимодействие традиционно более поздних саргаринско-алексеевских и, частично, черкаскульских племен со срубно-андроновским населением.

Однако эти «противоречия» мнимые, связанные, в первую очередь, с широким временным диапазоном выделенных этапов (КХГ). Сопоставив полученную периодизацию археологических культур эпохи бронзы Башкирского Зауралья с материалами погребальных и поселенческих памятников Южного Зауралья и Урало-Казахстанского региона, считаем возможным представить ее в более «дробном», трансформированном виде.

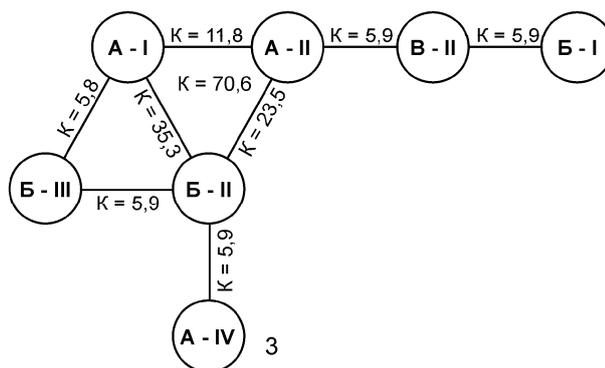
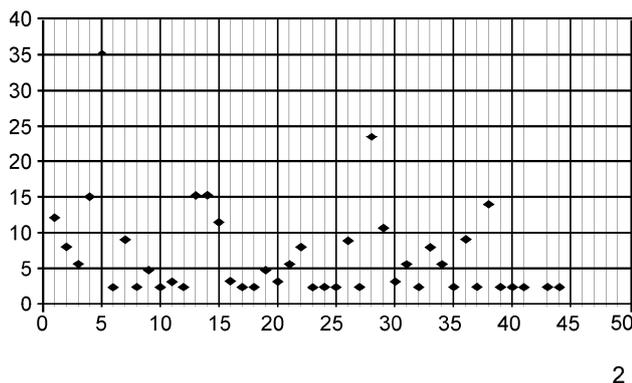
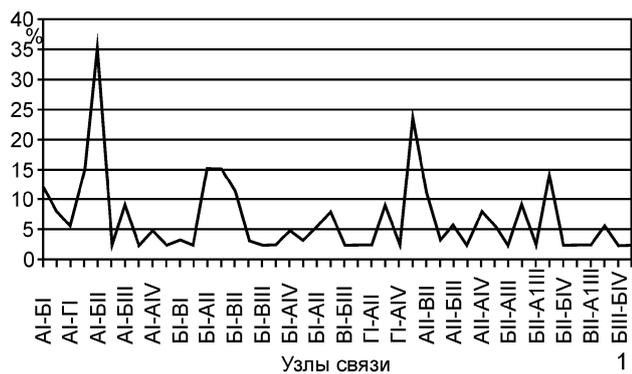

Рис. 1. Культурные группы керамики на поселениях эпохи бронзы Башкирского Зауралья: 1 – характер представительности узлов связи КГ, 2 – пространственное соотношение суммарных значений узлов связи КГ; 3 – граф комбинаций связи КГ (характер связи – «X-связь»)

КХГ-1 (рубеж средней и поздней бронзы) характеризуется бытованием здесь синташтинской и абашевской культур – XXI–XVIII вв. до н. э.

КХГ-2 (позднебронзовый век) – XVIII–X вв. до н. э.:

КХГ-2/а – период, связанный с сосуществованием раннеалакульской и раннесрубной культур – XX (XIX)–XVIII (XVII) вв. до н. э.²¹ Кроме того, материалы рассматриваемых памятников Башкирского Зауралья указывают также на возможность синхронизации с ними алакульской и срубной культур;

²¹ Имеющиеся абсолютные даты определяют хронологический приоритет синташтинских древностей над раннеалакульскими без временного разрыва между ними и не позволяют точно вычленить время существования последних. Указанные даты условны и отражают последовательность культурных трансформаций ранних андроновских культурных образований. Вероятно, учитывая это, Н. Б. Виноградов датировал раннеалакульские (петровские) древности XVIII–XVII вв. до н. э. (Виноградов 2007).

КХГ-2/б – этап, маркированный классическими алакульскими, развитыми срубными, синкретическими срубно-алакульскими, фёдоровско-черкаскульскими комплексами – XVII–XV вв. до н. э.;

КХГ-2/в определяется временем существования алакульского/позднеалакульского (?), срубного, срубно-алакульского, саргаринско-алексеевского, межовского населения – XV–X вв. до н. э.

Предложенная схема относительной хронологии эпохи бронзы Южного Зауралья, несколько отличаясь от традиционного мнения о последовательности существования культур, позволяет, на наш взгляд, уточнить и детализировать эти представления, сделав общую модель развития археологических культур более динамичной.

В целях сопоставления результатов, полученных по конкретной локальной территории, были привлечены результаты анализа стратиграфии поселенческих памятников на сопредельной территории Южного Зауралья – Мочище I (лесостепная зона), Атамановка V, Ильяска I, Берсуат XVIII (степная зона). При сопоставлении данных по культурным связям этих памятников ситуация выглядит следующим образом:

Поселение Мочище I (Григорьев и др. 2007; Петрова, Григорьев 2008). Этап 1 характеризуется присутствием позднесинташтинской, петровской и раннеалакульской керамики. Этап 2 – алакульская, фёдоровская, черкаскульская, межовская, позднеалакульская, саргаринско-алексеевская культуры.

Поселения Атамановка V, Ильяска I, Берсуат XVIII (Малютина, Петрова 2007). Этап 1 – срубно-алакульский горизонт (с присутствием синташтинской, раннеалакульской и раннесрубной керамики). Этап 2 – фёдоровско-черкаскульский горизонт. Этап 3 – саргаринско-алексеевский/берсуатский горизонт.

Опираясь на данные о направлении связей археологических культур во времени, можно подтвердить высказанное Л. Ю. Петровой и С. А. Григорьевым мнение, что в разных частях Южного Зауралья наблюдаются различные по характеру процессы культурного взаимодействия (Петрова, Григорьев 2008: 439). В основе этих различий, скорее всего, лежат особенности исторического развития в разных частях рассматриваемого региона, отражающие неравномерность культурного развития всего Южного Урала в эпоху поздней бронзы. Для Южного Зауралья считаем возможным применение понятия «синтезная контактная зона», обозначающее территорию, в пределах которой это соприкосновение и взаимовлияние происходит. Это понятие уже много лет плодотворно развивается в работах В. А. Арутюновой-Фиданян, согласно которым о синтезной контактной зоне можно говорить тогда, когда обе культуры, с одной стороны, имеют различия, а с другой – достаточно высокий уровень развития. В противном случае происходит культурная адаптация (Хвостова 2006: 101). Близкая ситуация наблюдается в эпоху бронзы и на территории Башкирского Зауралья, в наиболее выраженной форме проявляясь в синкретических срубно-алакульских памятниках.

Бахшиев 2006 – *Бахшиев И. И.* Научный отчет об итогах охранных раскопок поселения Оло Хаз в Зилаирском р-не Республики Башкортостан в 2006 г. Уфа, 2006 // Архив ГБУК НПЦ МК РБ.

Бахшиев 2008 – *Бахшиев И. И.* Хозяйственно-жилищный комплекс поселения Оло Хаз в Башкирском Зауралье // Вестник ЧелГУ. История. 2008. № 26. С. 14–25.

Виноградов 2007 – *Виноградов Н. Б.* Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типов): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007.

Гарустович 2001 – *Гарустович Г. Н.* Научный отчет об охранных археологических исследованиях в зоне затопления Сакмарского водохранилища в Баймакском р-не Республики Башкортостан летом 2000 г. Уфа, 2001 // Архив отдела археологических исследований ИИЯЛ УНЦ РАН.

Гарустович 2005 – *Гарустович Г. Н.* Научный отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском р-не Республики Башкортостан на р. Кизятас в 1997 г. Уфа, 2005 // Там же.

- Генинг 1973 – *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.
- Генинг 1992 – *Генинг В. Ф.* Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев, 1992.
- Генинг и др. 1990 – *Генинг В. Ф., Буянтян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А.* Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990.
- Горбунов 1992 – *Горбунов В. С.* Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.
- Григорьев и др. 2007 – *Григорьев С. А., Тидеман Е. В., Петрова Л. Ю.* Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Изв. Челябинского научного центра. 2007. Вып. 2. С. 86–90.
- Каргалы... 2004 – Каргалы, том III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования М., 2004.
- Черных 2007 – *Черных Е. Н.* Каргалы, том V: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М., 2007.
- Малютина, Петрова 2007 – *Малютина Т. С., Петрова Л. Ю.* Закономерности формирования культурного слоя на поселениях эпохи бронзы степной зоны Южного Зауралья (на примере поселения Атамановка V) // Гуманитарные науки в Башкортостане: история и современность: Мат-лы междунар. научно-практ. конф., посвящ. 75-летию ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2007. С. 135–136.
- Отчет об итогах ... 1996 – Отчет об итогах археологических работ 1995 г. в зоне строительства Таналыкского водохранилища в Хайбуллинском р-не. Уфа, 1996 // Архив археологической лаборатории БашГУ.
- Петрова, Григорьев 2008 – *Петрова Л. Ю., Григорьев С. А.* Особенности стратиграфии поселений эпохи поздней бронзы Южного Зауралья // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 438–440.
- Пряхин, Екимов 1984 – *Пряхин А. Д., Екимов Ю. Г.* Керамика Мосоловского поселения срубной культурно-исторической общности: тенденция развития // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984. С. 123–146.
- Савельев 2008 – *Савельев Н. С.* Научный отчет об охранных археологических исследованиях в зоне строительства Акъярского водохранилища на р. Ташла (курганый могильник Ташла-1 и поселение Ташла-2) в Хайбуллинском р-не Республики Башкортостан, проводившихся осенью 1997 г. Уфа, 2008 // Архив Института этнологических исследований УНЦ РАН.
- Сунгатов 2002 – *Сунгатов Ф. А.* Научный отчет об археологических раскопках в зоне затопления и строительства водохранилища на р. Сакмара в Баймакском р-не Республики Башкортостан. Уфа, 2002 // ГБУК НПЦ МК РБ.
- Сунгатов, Бахшиев 2008 – *Сунгатов Ф. А., Бахшиев И. И.* Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа, 2008.
- Хвостова 2006 – *Хвостова К. В.* Механизмы воспроизводства цивилизаций // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций. 2006. С. 92–104.
- Цетлин 1991 – *Цетлин Ю. Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья: Методические проблемы. М., 1991.
- Яблонский 2006 – *Яблонский Л. Т.* Культуры ранних кочевников Южного Приуралья: проблемы терминологии, хронологии и типологизации (материалы для обсуждения) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Мат-лы III региональной научно-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 68–74.
- Яблонский 2009 – *Яблонский Л. Т.* Некоторые теоретические подходы в современной археологии в контексте разработок Р. Г. Кузеева // Этнос. Общество. Цивилизация. II Кузеевские чтения: Мат-лы междунар. научно-практ. конф., посвящ. 80-летию Р. Г. Кузеева. Уфа, 2009. С. 24–26.

А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева (Челябинск, Россия)

Традиция сооружения колодцев в аридной части Северной Евразии в эпоху бронзы²²

Традиция сооружения колодцев на поселениях имеет широкое распространение в культурах бронзового века, однако ее бытование ограничено в пространстве и времени. Решение этого и других вопросов в интерпретации колодцев (в первую очередь, об особенностях их использования) осложнено недостаточно детальным изучением самих объектов и еще недостаточно полной публикацией первоисточников. Для аридной части Северной Евразии становление прочной оседлости, базирующейся на отгонном варианте комплексного животноводства, датируется рубежом III–II тыс. до н. э. В Волго-Уралье, Западной Сибири и Казахстане это время связывается с возникновением масштабных культурных общностей, так или иначе связанных с синташтинскими и петровскими древностями. Последние на сегодняшний день хорошо документированы результатами раскопок. Их генетическая связь с алакульскими и срубными традициями прослеживается по ряду показателей, в т. ч., и за счет продолжения традиции обеспечения водой, которая, правда, претерпевает существенные изменения (Алаева 2002: 12–13). В этой связи представление качественно новых материалов (наряду с публикацией накопленного ранее), кажется единственным вариантом достижения прогресса в дальнейших исследованиях.

В целом, колодцы являются неотъемлемой частью интерьера жилищ на поселениях синташтинско-петровского времени Южного Зауралья. К настоящему времени число этих гидротехнических сооружений составило около сотни объектов. Источниковедческая база существенно пополнилась за последние годы – когда время, средства и методы позволили изучить на поселении Каменный Амбар значительное количество этих сложных и трудоемких сооружений полностью, до дна (Krause et al. 2010). Тем не менее, большинство вопросов, связанных с возведением, функционированием и последующим руинированием (демонтажом?) этих объектов остаются открытыми и, за редким исключением, в литературе не обсуждались.

Тот факт, что синташтинские и петровские поселения имеют регулярную планировку, более или менее стандартные размеры отдельных построек и схожие принципы организации внутреннего пространства жилищ ныне считается хрестоматийным (Зданович, Батанина 2007; Виноградов 2011: 30). Согласно материалам раскопок эпонимного поселения Синташта, а также поселений Аркаим, Устье, Куйсак и Аландское, колодцы по своей локализации тяготеют к дальней от входа трети жилища и часто связываются исследователями с «хозяйственной» частью помещений (Виноградов 2011: 30). Вблизи колодцев располагались также печи (очаги?) и хозяйственные ямы. Число колодцев внутри одного строения обычно ограничивается одним-двумя. Там, где контекст памятника это позволяет, исследователи разделяют эти сооружения на синташтинские и более поздние, устроенные в петровское время (поселения Устье и Аландское²³).

Поселение Каменный Амбар, материалы которого положены в основу данного исследования, очевидно, выбивается из этой схемы (Корякова и др. 2011). Памятник заселялся несколько раз, в результате чего синташтинские объекты оказались сильно повреждены. К настоящему времени уверенно атрибутированы синташтинские и срубно-алакульские объекты. Петровская керамика, хорошо представленная в коллекции, пока ни ассоциирована с этапами застройки и конкретными конструкциями. Подпрямоугольный абрис внешней стены обусловил форму и расположение построек, отличную от округлоплановых поселений. Полевые работы показали, что строения не имели стандартных размеров и к тому же подвергались перестройкам, в результате которых, возможно,

²² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-91330-ННИО-а.

²³ Авторы выражают глубокую благодарность Н. Б. Виноградову, Г. Б. Здановичу и Т. С. Малютиной за предоставленную возможность работы с неопубликованными материалами раскопок.

происходило смещение стен. В северо-восточной части памятника были полностью раскопаны две синташтинские постройки 1 и 2, срубно-алакульская постройка 3 и часть еще одной синташтинской постройки 7 (рис. 1). Интерьеры сооружений 2 и 7 оказались уничтожены более поздними объектами, но количество колодцев превзошло все ожидания. Только в наименее пострадавшей сравнительно небольшой по площади постройке 1 было выявлено два колодца. В постройке 2 обнаружено 11 таких объектов, в раскопанной части постройки 7 – четыре. Один колодец относился к постройке 3.

Колодцы сооружения 2 располагались группами: два больших комплекса из четырех колодцев, комплекс из двух и еще один «отдельный» колодец. В исследованном небольшом участке постройки 7 было выявлено четыре колодца, расположенных в ряд, по линии СЗ-ЮВ (длинной оси постройки).

Колодцы синташтинского горизонта в конструктивном плане довольно стандартны. Как правило, разрушенные устья этих объектов представляли собой обширные округлые пятна или полосы прокаленного грунта и углей. Основной диаметр их шахт – от 70 до 90 см, глубина – 320–330 см от уровня пола жилищ. Большое число таких объектов позволило разделить их на группы, вероятно, связанные с характером функционирования (рис. 1).

У половины колодцев сохранились деревянные опалубки (группа 1, колодцы 2/1, 2/1а, 2/5, 2/8, 2/9, 7/1 и, вероятно, 7/4). Заполнение этих колодцев перемешанное и слоистое. Грунт, насыщенный органикой, в большинстве случаев прослеживался до самого дна. На дне залегал толстый слой черного ила, а также остатки травы (камыш?) и веток. Опалубки были, в основном, плетневой конструкции, только в одном стенка была укреплены вертикальными, плотно пригнанными и вбитыми в дно полубревнами. Для кольев использовались толстые сосновые ветки или плахи, для оплетки – более тонкие ветки. Высота сохранившейся части плетней – 60–80 см; диаметр – 60–70 см. Плетни некоторых колодцев имеют следы ремонта, их укрепляли клиньями и дополнительными бревнами.

В колодцах этой группы было встречено много находок – от бытового мусора и шлаков до разнообразных изделий: костяное орудие из ребра КРС, каменный молот, миниатюрный керамический сосудик, несколько деревянных изделий. В придонной части одного из колодцев было обнаружено 10 пар челюстей МРС от 12 особей, уложенных горизонтально друг на друга (жертвенник?). Интересны каменные грузики со следами обработки, которые свидетельствуют о привязывании веревки. В другом колодце (постройка 7) был обнаружен обрывок самой веревки.

Колодцы условной группы 2 (№ 2/2, 2/3, 2/4, 2/6, 2/7, 2/10, 7/2) были практически полностью забутованы материковой глиной, некоторые из них с трудом «читались» на поверхности материка. Находок в них мало: кости животных, фрагменты керамики, сосновая шишка, единичные древесные волокна. Судя по всему, колодцы этой группы были намеренно плотно заполнены глиной.

В целом, особенности гидротехнических сооружений укрепленного поселения Каменный Амбар таковы: 1. Большое количество колодцев в постройке (более двух, норма, вероятно, 4–5); 2. Колодцы располагаются близко друг от друга, в центре постройки или цепочкой (цепочками) вдоль ее длинной оси; 3. Колодцы сгруппированы в комплексы; половина из них использовалась (сохранились плетни), вторая по каким-то причинам засыпалась почти сразу. В комплексах из четырех колодцев два функционировали, два – нет; в комплексах из двух, соответственно, следы функционирования сохранил один колодец; 4. Следы разделения построек на жилые и хозяйственные отсеки (по аналогии с другими поселениями) проследить не удалось, даже в постройке 1, где пол был относительно не поврежден; 5. Разграничить синташтинские и петровские колодцы, если таковые на памятнике существовали, возможности не представилось. В постройке 1 оба колодца производят впечатление одновременных, данные планиграфии и стратиграфии не позволяют усомниться в этом. В постройке 2 пол был почти на всей площади уничтожен срубно-алакульской постройкой 3, а с ним уничтожено и верхнее заполнение колодцев. В постройке 7 заполнение также разрушено более поздним объектом. Тем не менее, количество гидротехнических сооружений в постройке 2 предполагает их относительную разновременность.

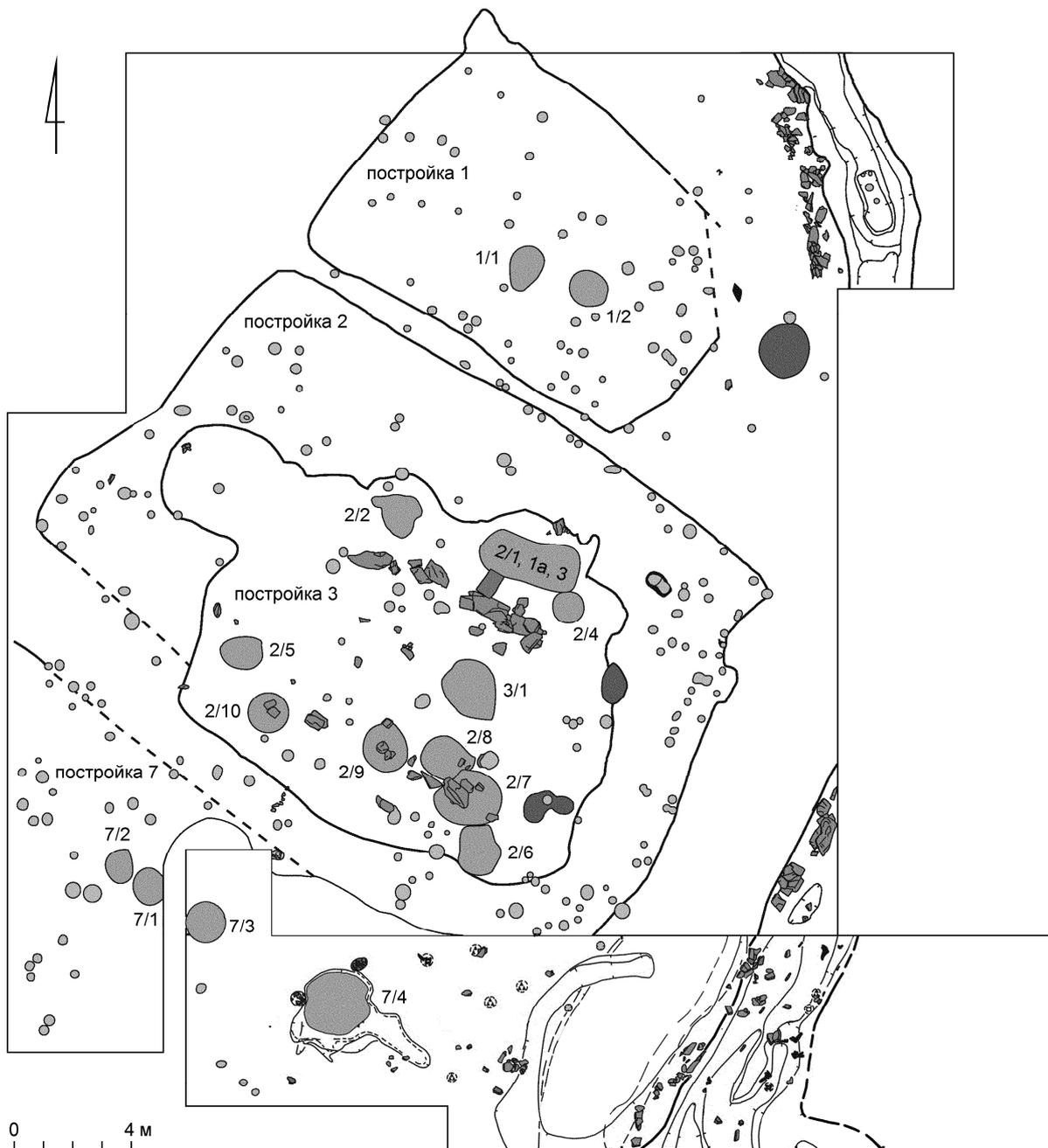

Рис. 1. Укрепленное поселение Каменный Амбар, раскопы 1–5:
1/1, 1/2, 2/1–2/10, 7/1–7/4 – номера колодцев (первая цифра – номер постройки)

Порядок возведения колодцев сооружения 2 реконструируется с большой долей условности. Можно предположить, что северная группа колодцев (пять) более ранняя, т. к. она хорошо вписывается в интерьер северной части жилища, которая сохранилась гораздо лучше южной, и, главное, здесь сохранилась стена. Южная группа колодцев (их шесть) располагается как раз на предполагаемой линии стены постройки 2, если считать ее единым жилищем. Поэтому более логичным выглядит предположение, что сооружение 2 было подвергнуто перестройке, в результате которой ее продольная стена сместилась к югу. В таком случае южная группа колодцев является более поздней.

Колодцы поселений Синташта, Устье и Аландское, как представляется, конструктивно схожи с каменноамбарскими. Очертания всех объектов на уровне пола жилищ представляли собой обширные округлые или овальные пятна прокаленного грунта с включениями углей, диаметром 1,5–2,5 м.

Шахты колодцев в их верхней части были всегда значительно шире основного ствола, диаметр которого обычно составлял 0,6–1 м. О наличии опалубок судить трудно, т. к. все эти сооружения выбирались по очертаниям, и выборка прекращалась в связи с быстрым поступлением воды на глубине ок. 2–2,5 м, иногда 3 м, в зависимости от уровня грунтовых вод. Исследования на Каменном Амбаре показали, что все деревянные конструкции сохранились именно в воде, и дно колодцев всегда находится ниже водоносного слоя на 1–1,3 м, а стандартная глубина составляет 3,2–3,3 м от уровня материка. Тем не менее, найденные в заполнении некоторых колодцев фрагменты древесных волокон, колья²⁴ и веток могут свидетельствовать о наличии опалубок в недокопанной части.

Находки в колодцах немногочисленны. Бытовой мусор в виде костей животных и фрагментов керамики встречается в заполнении большинства объектов. В публикации поселения Синташта упомянут лишь каменный «терочник» (Генинг и др. 1992: 48). Челюсти животных (КРС и МРС) найдены в колодцах Устья, Аландского и Синташты. На поселении Аркаим на дне одного из колодцев зафиксированы «выкладки из нижних челюстей КРС или фаланг лошади» (Косинцев 2000: 28). Предметы, связанные с металлургией, обнаружены в колодцах на поселениях Аландское и Устье.

Несмотря на внушительное количество исследованных колодцев, их конструкция в верхней части остается не до конца понятой. Авторы раскопок поселения Синташта предполагали наличие ступенек для спуска в верхней, более широкой части колодца и глиняный «свод» над ним. Некоторые колодцы интерпретированы ими как «холодильники» (Генинг и др. 1992: 71). Археологизированные колодцы всех упомянутых выше памятников в подавляющем большинстве случаев заполнены сверху грунтом с большим количеством продуктов горения: крупными углями (вплоть до сгоревших бревен), кусками глины, подвергшейся воздействию высоких температур и т. д. Эти многочисленные следы горения универсальны и, значит, все отслужившие свой срок колодцы засыпались или демонтировались в единой манере.

Рассматривая историю возникновения и угасания традиции сооружения колодцев в постройках, а позже, и за их пределами, мы обязаны обратиться к вопросу об использовании этих объектов. Появление наиболее ранних образцов этих сооружений в аридной зоне Евразии в целом совпадает со становлением принципиальной новой, сложной социальной системы, базирующейся на прочной оседлости, разведении скота (преимущественно, КРС), металлургии и пр. Прямые археологические и этнографические аналоги данной системе отсутствуют. Предшествующий период не сохранил следов сколь-нибудь стационарного обитания и представлен, главным образом, погребальными памятниками. В этой связи судить о характере животноводства весьма непросто. Однако на протяжении всего II тыс. до н. э. мы имеем дело с поселениями с насыщенным культурным слоем, а для начала периода – еще и с высокой концентрацией населения. Не исключено, что какая-то часть стада размещалась в пределах построек. Подтвердить это предположение могут специальные естественнонаучные исследования, которые только начаты. В раннем железном веке население степной зоны переходит к номадизму, в лесостепной зоне, где поселения имеются, резко изменяется состав животных (см. напр., Корякова и др. 2009: 162), т. е. использовать эти материалы для сравнения моделей следует с большой осторожностью.

Местные гидроресурсы, как правило, представлены маловодными степными и лесостепными речками. Если в летнее время водопой не составляет серьезной проблемы, то зимой ситуация отличается кардинально. Глубина промерзания степных рек Зауралья доходит до 1 м (Левит, Миронычева-Токарева 2005: 36), т. е. на значительном протяжении они промерзают до дна. Период между ледоставом и половодьем составляет не менее пяти месяцев. Это со всей очевидностью демонстрирует остроту проблемы обеспечения скота водой – необходимы серьезные усилия и инструментарий для добывания воды из-под льда либо значительные затраты топлива на получение воды из снега. Колодцы в постройках обладали несомненными достоинствами в этом смысле: они не перемерзали в холодное время года, и вода была доступна в любое время.

²⁴ В придонной обводненной части заполнения колодцев поселения Аркаим выявлены колья со следами затесов.

Острота проблемы обеспечения скота водой в послесинташтинское время была понижена за счет «отказа» от высокой концентрации населения на небольших площадях. Для срубно-алакульского периода размеры коллектива в Зауралье сокращаются в сравнении с абашевско-синташтинским минимум в шесть–восемь раз (Епимахов 2009). Дальнейшая эволюция животноводства связана с освоением пространства междуречий, изменением структуры стада и пр. Поскольку нет надежных свидетельств радикального изменения природных условий для этого хронологического отрезка, следует думать, что произошедшие перемены в хозяйственной деятельности и социальной практике позволили сократить трудозатраты на сооружение и поддержание колодцев, а в дальнейшем и вовсе отказаться от этой традиции.

Таким образом, традиция сооружения колодцев бронзового века в Северной Евразии почти целиком укладывается в рамки II тыс. до н. э. и связана с кругом синташтинских, андроновских и срубных древностей. Причины возникновения и длительного ее сохранения коренятся в природно-климатическими условиях территории, особом типе хозяйства и повышенной концентрацией оседлого населения.

- Алаева 2002 – *Алаева И. П.* Колодцы поселений бронзового века Урало-Казахстанского региона // Вестник Общества открытых исследований древности. Челябинск, 2002. Вып. 1. С. 5–16.
- Виноградов 2011 – *Виноградов Н. Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск, 2011.
- Генинг и др. 1992 – *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. Т. I.
- Епимахов 2009 – *Епимахов А. В.* От археологии памятника к археологии социума: эпоха бронзы Южного Зауралья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. Вып. 3 (25). С. 92–104.
- Зданович, Батанина 2007 – *Зданович Г. Б., Батанина И. М.* Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск, 2007.
- Корякова и др. 2009 – *Корякова Л. Н., Дэйр М. И., Ковригин А. А., Шарипова С. В., Берсенева Н. А., Пантелеева Н. А., Ражев Д. И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е. Г., Каздым А. А., Микрюкова О. В., Сахарова А. О.* Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург; Сургут, 2009.
- Корякова и др. 2011 – *Корякова Л. Н., Краузе Р., Епимахов А. В., Шарипова С. В., Пантелеева С. Е., Берсенева Н. А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И. В., Чечушков И. В.* Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // АЭАЕ. 2011. № 4. С. 61–74.
- Косинцев 2000 – *Косинцев П. А.* Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 2000. С. 17–44.
- Левит, Миронычева-Токарева 2005 – *Левит А. И., Миронычева-Токарева Н. П.* Степные и лесостепные ландшафты юга Челябинской области. Челябинск, 2005.
- Малютина 2001 – *Малютина Т. С.* Отчет. Археологические исследования на укрепленном поселении Аландское в 2001 г. Челябинск, 2005. Т. I.
- Krause et al. 2010 – *Krause R., Korjakova L. N., Fornasier J., Šarapova S. V., Epimachov A. V., Panteleeva S. E., Berseneva N. A., Molčanov I. V., Kalis A. J., Stobbe A., Thiemeyer H., Wittig R., König A.* Befestigte Siedlungen der bronzzeitlichen Sintašta-Kultur im Trans-Ural, Westsibirien (Russische Föderation) // EA. Berlin, 2010. Bd. 16. S. 97–129.

Среднее Зауралье в начале бронзового века²⁵

В центре внимания – проблемы перехода от каменного века к бронзовому в Среднем Зауралье. Исследовательский стимул – открытие и изучение памятника Шайтанское Озеро II (Сериков и др. 2008; 2009; Корочкова, Стефанов 2010), сопоставимого по комплексу признаков с широко известными могильниками сейминско-турбинского типа. Его специфический облик в ряду подобных объектов прямо указывает на особенности протекания культурногенетических процессов в Зауралье в конце III–начале II тыс. до н. э.

Начало бронзового века в горно-лесном Зауралье характеризуют памятники карасьеозерского типа и коптяковской культуры, на Южном Урале – синташтинской и петровской/раннеалакульской культур. Это далеко не равнозначные образования, что определяется разной степенью их интегрированности в систему связей ЕАМП, уровнем развития экономики и вкладом в дальнейшие процессы культурогенеза. Они демонстрируют различные модели становления металлоносной эпохи в Уральском регионе. Календарный возраст периода ПБВ-1 установлен, преимущественно, по образцам синташтинской, абашевской, коптяковской культур в рамках XXII–XVIII/XVII вв. (Черных 2007: 84–86; рис. 5, 10).

До недавнего времени Среднее Зауралье представляло не вполне ясную картину вхождения в Евразийскую металлургическую провинцию. Во многом это объяснялось предельно скудным набором металлического инвентаря, найденного случайно в неясном культурном контексте. По этой причине немногочисленные известные бронзовые орудия причислялись, преимущественно, к кругу культур более поздней хронологической позиции (Косарев 1981: рис. 51, 5–6, 11–12; Потёмкина 1985: рис. 128–130; Петрин и др. 1993: 164; рис. 47). И, надо сказать, резоны исследователей были приняты большинством коллег. Дело в том, что подобные предметы (ложноушковыи кельты, наконечники копий, втульчатый чекан) не ассоциировались с теми маловыразительными археологическими комплексами, которые характеризовали начало бронзового века на Среднем Урале.

Ситуация резко изменилась в связи с открытием в 2006 г. беспрецедентного скопления находок из бронзы на, казалось бы, рядовом участке западного побережья Шайтанского озера в Свердловской обл. В настоящее время общий фонд бронзовых предметов превышает 190 экз., из них целых или с незначительными изъянами – 74 (рис. 1, 1–15), крупных обломков – четыре, остальное – лом и отходы металлопроизводства.

Металлические предметы сопровождает разнообразный каменный инвентарь, в т. ч. наконечники стрел сейминско-турбинских типов (более 180 экз.), ножи, скребки и другие орудия на пластинах и отщепах. Особую ценность данному памятнику придает то обстоятельство, что на его территории обнаружены обломки уже более 60 керамических сосудов, позволяющих соотносить исследованный комплекс с конкретной археологической культурой – коптяковской.

Коптяковская культура, до этого времени имевшая в некотором смысле аморфные характеристики, приобрела статус значимого культурного образования, проясняющего механизм становления и перехода к металлоносной эпохе местного общества с присваивающим хозяйством.

Шайтаноозерские материалы во многом изменили взгляд на бронзовый век Среднего Зауралья и обозначили целый ряд исследовательских проблем, требующих коллегиального обсуждения. Одной из самых острых и интересных является проблема перехода от одной эпохи к другой. В данном случае речь идет, по сути, о фазовом переходе – от каменного века к эпохе металла. Как, когда и что послужило толчком, какие необходимые предпосылки, условия обеспечили этот процесс, можно ли за археологическими артефактами увидеть модель такого перехода?

²⁵ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 10-06-00405а «Первый металл в культуре населения Среднего Зауралья и Западной Сибири».

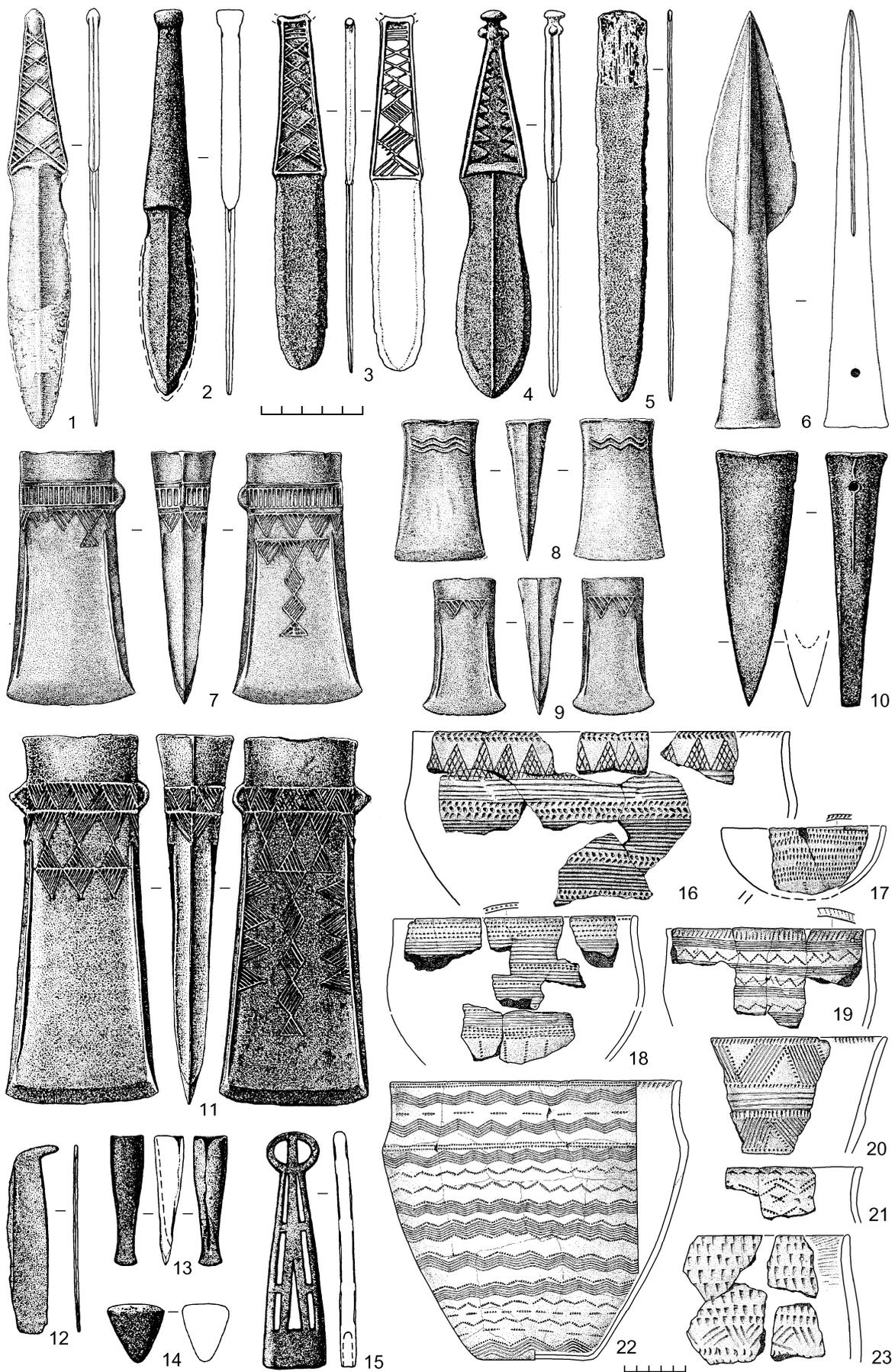

Рис. 1. Шайтанское Озеро II: 1–15 – изделия из бронзы, 16–23 – керамика

Прежде надо представить археологическую ситуацию накануне бронзового века. Энеолитический период²⁶ на Урале отмечен существованием комплексов с отступающе-накольчатой и гребенчатой орнаментальной традицией, связанной с Зауральско-североказахстанской культурно-исторической областью (Шорин 1999: 82–90; Чаиркина 2005: 264–290). Согласно мнению специалистов, культурный фон III тыс. до н. э. в Среднем Зауралье составляют древности липчинского, шувакишского и аятского типов. Исследователи далеко не единодушны в вопросах их соотношения, генезиса, датировки. Во многом обозначенные трудности проистекают из специфики археологических памятников горно-лесного Зауралья: маломощный культурный слой, стратиграфическая нерасчлененность, сильная фрагментированность материала. Однако, несмотря на это, у специалистов есть определенная ясность в отношении памятников конца III тыс. до н. э., благодаря достижениям в области изучения торфяниковых памятников Урала. Н. М. Чаиркина, исходя из топографии энеолитических объектов, определенно высказывается о бытовании памятников аятской культуры в ранней фазе суббореала, что подтвердили две радиоуглеродные даты (4525 ± 35 ; 4660 ± 35 л. н.; Чаиркина 2005: 289). Для аятской культуры характерно преобладание гребенчатой орнаментации, геометрические узоры, хозяйство комплексного присваивающего типа с доминантой охоты. На знакомство с металлом указывают медная пластина с Шигирского городища и подвеска, найденная на культовом памятнике Скворцовая Гора V (Там же: 211).

Монотонное развитие квазиэнеолитических культур прерывается включением региона в систему отношений, характерных для новой эпохи – эпохи металла. Какими кардинальными переменами ознаменовалось это время и как оно отразилось в археологических материалах?

В начале бронзового века Средний Урал оказался в зоне внимания различных групп населения, знакомых с навыками совершенного металлопроизводства. Интерес был проявлен со стороны абашевской культуры, о чем свидетельствует литейная мастерская на пос. Серный Ключ под Князепетровском. Самые северные пункты синташтинских поселений зафиксированы в районе г. Челябинска. О знакомстве с ассортиментом их мастеров свидетельствует находка вислообушного топора, выполненного в традициях Циркумпонтийской провинции, в VI разрезе Горбуновского торфяника (Эдинг 1940: 14). Наиболее активно и последовательно осваивали эти территории носители сейминско-турбинских традиций. Именно при их непосредственном участии здесь произошло становление собственного металлообрабатывающего центра, о чем свидетельствуют материалы Шайтанского Озера II. Специфика металлического комплекса, в составе которого выделяется металл сейминско-турбинского, самусьско-кижировского и евразийского типов, указывает на особенности формирования центра. О приоритете сейминско-турбинского компонента свидетельствуют изделия, отлитые по технологии тонкостенного втульчатого литья. Их доля среди целых изделий составляет около трети. В коллекции более десятка разнообразных пластинчатых изделий (ножи-кинжалы, ножи-скобелы, ножи-пилки). Другой индикатор – абсолютное преобладание оловянистых сплавов (Луньков и др. 2009: 103–106, 110).

Становление среднеуральского центра было поддержано тесными связями с лесостепными и степными мастерскими формирующегося андроновского (алакульского) очага металлообработки, поставщиками легирующих добавок, скота (?), а также кооперацией с аборигенным населением. О глубокой интегрированности туземной культуры в эти процессы свидетельствует синкретичный облик коптяковской керамики, характеризующейся оригинальным сочетанием архаичных и новационных черт. Первые указывают на местный энеолитический субстрат, новационные адресуют к лесостепным комплексам синташтинско-петровско-алакульской линии развития. При этом,

²⁶ Называя памятники Среднего Зауралья III тыс. до н. э. энеолитическими, я следую сложившейся в археологической литературе традиции (не разделяя ее в полной мере). Отнесение зауральских памятников этого времени к качественно иной эпохе требует более детального обоснования и оценки, т. к. с точки зрения теории трех веков, эти памятники соответствуют эпохе камня.

различные культурные признаки в керамике органично переплетены (рис. 1, 16–23).²⁷ Подобные качества гармоничного симбиоза передают и металлические орудия, среди которых есть оригинальные предметы, сочетающие типичные сейминско-турбинские и евразийские черты: кинжалы с двулезвийными пластинчатыми клинками и прилитыми рукоятями (рис. 1, 2), имитации кинжалов с прилитыми рукоятями (рис. 1, 1, 3). Есть в коллекции оригинальные предметы – втульчатые чеканы (рис. 1, 10), ложноушковые кельты (рис. 1, 7, 11) и кинжалы с пышной геометрической орнаментацией (рис. 1, 1, 3–4), свойственной исключительно уральским образцам.

Сложение подобного центра со специфическим ассортиментом, скорее всего, было поддержано местной рудной базой. Какие аргументы могут быть приведены на этот счет? Своеобразие культового памятника Шайтанское Озеро II среди других известных мемориалов составляет одна очень яркая особенность – более трети предметов принадлежит отходам металлопроизводства, что указывает на особую роль бронзолитейного дела среди занятий обитателей данного места. Сам памятник находится в эпицентре залежей медных и медно-цинковых руд Тагильской мегазоны (Левихинское, Карпушихинское, Ежовское, Ново-Ежовское, Калатинское, Белореченское и Хабунинское месторождения). По первичным рудам этих месторождений, отличавшихся повышенной меденосностью, в поверхностных условиях развились глубокие зоны окисления, т. е. медные шляпы, в которых первичные сульфиды меди были замещены ее гидрокарбонатами. Именно окислы медной руды в виде малахита, куприта, азурита могли использоваться в качестве руды. Еще одна деталь – химизм металла – указывает на присутствие свинца и цинка, что, по свидетельству геологов, является характерной примесью местных руд.

Практически на всех известных памятниках коптяковской культуры зафиксированы следы металлопроизводства: тигли, льячки, сплески, обломки литейных форм (Палатки I, Коптяки 5 и 6, Балакино, памятники Горбуновского и Шигирского торфяников, побережья оз. Аргазы). В слое селища Коптяки 6 было обнаружено до 30 предметов из бронзы или меди, в т. ч. большой кривой нож турбинского типа, два больших копья со втулками, зеркало.

И еще одно немаловажное наблюдение. Компактная территория коптяковской культуры, расположенная в пределах горно-лесной части Зауралья, совершенно определенно не дает шансов для самостоятельного развития здесь производящей экономики. Есть основания полагать, что во многом жизнеобеспечение населения этих районов поддерживалось контактами со скотоводами лесостепного Зауралья. На существование таких связей прямо указывают заимствования в керамике, импортный²⁸ металл. На территории Шайтанского Озера II металлические импорты представлены зачастую ломом, что может указывать на источники и формы поступления легирующих добавок в местные мастерские. Данный вывод поддерживает анализ сплавов, отличающихся нестабильностью в показателях примесей (Сериков и др. 2009: 71–72).

В качестве исследовательского прогноза можно реконструировать следующую модель включения региона в систему связей ЕАМП.

Накануне бронзового века население Среднего Зауралья сохраняло облик, характерный для квазиэнеолитических культур лесной зоны Евразии, не входивших в зону влияния очагов Циркумпонтийской провинции. Пиротехнологические опыты местного населения носили крайне невыразительный и невнятный характер. В целом, культура сохраняла присваивающее хозяйство.

В начале II тыс. до н. э. Урал становится привлекательным регионом, благодаря своим меднорудным месторождениям. Особую роль в его истории сыграли сейминско-турбинские мигранты, генетически связанные с кругом культур кротовско-елунинского массива. Маршруты и этапы

²⁷ Насколько эта особенность характерна для других коптяковских комплексов, еще предстоит выяснить. Возможно, она объясняется культовым характером комплекса. Но не исключено и то, что ранее подобная керамика относилась исследователями к иному хронологическому горизонту.

²⁸ Допускаю, что заявление об импорте металла носит преждевременный характер, т. к. не исключено, что на Среднем Урале подобные предметы отливали местные мастера.

освоения ими горно-лесного Зауралья носили далеко не однозначный, одномоментный и прямолинейный характер. Некоторые нюансы материала указывают на вероятность реверсивных процессов. Например, западные параллели в коптяковской керамике, технологические и морфологические заимствования в металлических изделиях, каменное сырье, предположительно приуральского происхождения можно расценивать как следствие восточноевропейских контактов сейминско-турбинских кланов, принимавших участие в освоении Среднего Зауралья.

Приуроченность памятников коптяковской культуры к ареалу медных месторождений отразилась на особенностях ее генезиса. Есть основания полагать, что поиск и разработка окисленных зон этих месторождений была инициирована носителями сейминско-турбинских традиций и сопровождалась тесной кооперацией с местным населением, которое было хорошо осведомлено о природных особенностях края. Именно на Урале, скорее всего, вошли в обиход каменные формы, сделанные из талькосодержащих пород, позволявших воспроизводить сложные геометрические узоры. На сейминско-турбинский след, помимо специфического ассортимента металлических изделий, указывают характерные традиции изготовления каменных орудий, каменной скульптуры (треугольные наконечники стрел, сапожковидные песты-терочники). Именно с носителями сейминско-турбинских традиций специалисты связывают изменения в знаковой системе уральских писаниц (по рекам Нейве, Режу и особенно Тагилу), в репертуаре которых появляются многочисленные уголково-мотивы, «вложенные» дуги, солярные и «сотовидные» фигуры, а также необычные антропоморфные существа и характерные орнитоморфные изображения.

Технологические традиции литья диктовали особую рецептуру сплавов, предусматривающую в качестве основной легирующей добавки олово. Месторождения олова на Урале геологам сегодня неизвестны. Возможные источники поступления – Алтай, Восточный, Северный и Центральный Казахстан. Учитывая ярко выраженные связи с миром лесостепных и степных культур, можно предположить, что в поставки олова были вовлечены носители петровско-алакульских традиций.

Был ли ориентирован зауральский центр на широкие обменные акции? Сегодня ответить на этот вопрос сложно, т. к. изделия его мастеров в степной и таежной полосе единичны. Судя по масштабности памятника Шайтанское Озеро II, значительная часть металла отчуждалась в сакральную сферу. Подобные иррациональные акции сопутствуют первым, самым ранним опытам внедрения металла в жизнь человека. Не исключено, что часть изделий поступала в обиход подвижных кланов. Однако эту версию невозможно доказать, т. к. кельты и кинжалы «зауральского» (рис. 1, 1, 3–4, 7, 11) типа в западных районах неизвестны. Более того, оружие западных памятников (Сейма, Турбино, Усть-Ветлуга и др.) соответствует ранним традициям сейминско-турбинской металлообработки.

Сейчас можно уверенно говорить о том, что Среднее Зауралье входило в зону Евразийской (Западноазиатской) металлургической провинции ПБВ на правах самостоятельного центра, обладавшего ярко выраженным своеобразием, обусловленным особенностями культурных интеграций первой трети II тыс. до н. э.

Корочкова, Стефанов 2010 – *Корочкова О. Н., Стефанов В. И.* Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // *Российская археология.* 2010. № 4. С. 128–137.

Косарев 1981 – *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Луньков и др. 2009 – *Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В.* Рентгено-флюоресцентный анализ: начало исследований химического состава древнего металла // *Аналитические исследования лабораторий естественнонаучных методов.* М., 2009. Вып. 1. С. 84–111.

Петрин и др. 1993 – *Петрин В. Т., Нохрина Т. И., Шорин А. Ф.* Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск, 1993.

Потёмкина 1985 – *Потёмкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притобоя. М., 1985.

- Сериков и др. 2008 – Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 341–346.
- Сериков и др. 2009 – Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // АЭАЕ. 2009. № 2 (38). С. 67–78.
- Чаиркина 2005 – Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005.
- Черных 2007 – Черных Е. Н. Каргалы, том V: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М., 2007.
- Шорин 1999 – Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999.
- Эдинг 1940 – Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля. М., 1940 (Тр. ГИМ. Вып. X).

А. И. Хаванский (Орск, Россия)

Синташта и историко-культурный подход в археологии

Со второй половины XX в. в археологической литературе (в основном, в работах, связанных с изучением технологии изготовления древних глиняных сосудов) стал использоваться термин *историко-культурный подход* (Бобринский 1978). В связи с этим данный термин подчас используется в узком значении – только как технологический анализ керамики по методике, разработанной А. А. Бобринским. Возможность использования данного подхода как *методологической* основы изучения древнего гончарства продемонстрирована А. А. Бобринским (1978; 1999), Ю. Б. Цетлиным (2001; 2008), Е. В. Волковой (1996; 1998; 2010), Н. П. Салугиной (1994; 2005). На наш взгляд, потенциал этого подхода может быть распространен на другие виды археологических источников.

Цель работы: обобщить принципы историко-культурного подхода к керамике, расширив их применение до общетеоретического подхода, и показать возможность применения некоторых методов историко-культурного подхода на практике для изучения Синташты.

Основные принципы (аксиомы) историко-культурного подхода взяты из работ следующих исследователей: А. А. Бобринский (1978; 1999), Ю. Б. Цетлин (2001), Е. В. Волкова (1998):

1. Любая человеческая деятельность, чтобы быть эффективной, должна носить и носит системный характер. То есть, создание орудий труда, добыча разнообразных ресурсов, культовая и религиозная деятельность – есть система. Систему можно определить как «множество элементов с отношениями и связями между ними, образующие определенную целостность» (Философская энциклопедия 1970: 18). Поэтому в исследовании археологического материала необходимо рассматривать не отдельные элементы, а всю систему в целом. Напр., при обращении к аналогиям в керамике необходимо сравнивать не отдельные орнаменты, формы или технологические черты, но системы орнаментации, формообразования и технологии изготовления целиком.

2. Большинство видов деятельности человека в древности и вплоть до современного времени основано на навыках труда и культурных традициях. Навыки труда – это «устойчивые приемы выполнения какой-либо работы» (Бобринский 1999: 6). Для гончарства причины устойчивости (консервативности) навыков труда, а также возникновения и адаптации новых навыков труда подробно разобраны А. А. Бобринским (Там же: 48–69). Кратко: эмпирический характер знаний о навыках труда и механизм передачи их от поколения к поколению по родственным каналам (Там же: 52). У погребального обряда причины консервативности иные: он является одним из составляющих религиозных ритуалов, а его традиции и формы закреплены религиозными предписаниями.

Культурные традиции определяются культурологами как «стороны, элементы целостного многовекового процесса развития культуры, которые воспроизводятся исторически на протяжении либо длительного времени, либо в различных типах культур» (Хоруженко 1997: 491).

3. Культурные традиции (вплоть до Нового времени) характеризуются устойчивостью (консервативностью). Чаще всего они передаются по родственным каналам. Традициям не свойственно творчество в современном смысле слова. Человек совершает определенные действия (напр., изготавливает сосуд, определенным образом погребает умершего) потому, что до него так это делали его предки. В процессе трудовой, культовой и иной деятельности он был этому непосредственно научен. Традиция канонична, т. е. имеет некоторый образец, признанный идеальным (совершенным), которому необходимо следовать.

4. В силу этого, *качественные* изменения в рамках одной культурной традиции по причинам саморазвития невозможны. Этому препятствует консерватизм культурной традиции. Напр., в рамках одной культуры по причинам некоего внутреннего развития невозможна замена трупоположения трупосожжением или появления сосуда иной формы. В средневековье на Руси переход от трупосожжения к трупоположению произошел не в результате развития (эволюции) имеющейся традиции погребального обряда, а путем внедрения новой – христианской.

5. Появление новых форм традиции в древности связано, преимущественно, с различного рода перемещениями и культурными контактами. «Самые частые причины изменений в навыках труда связаны с пространственными перемещениями отдельных гончаров или коллективов, в которых находились носители навыков» (Бобринский 1999: 69). Культурные контакты – это «взаимодействие близких по времени и территории бытования носителей разных культур или этносов» (Цетлин 2001: 50).

6. Любые вещи и другие остатки человеческой деятельности являются овеществленной формой культурной традиции или идеи.

Исследовательские выводы из аксиом:

1. Исследователь должен изучать не столько саму вещь, сколько те культурные традиции, которые связаны с созданием, использованием и депонированием этой вещи.

2. Деятельность исследователя должна носить системный и осознанный характер. Необходимо, чтобы методы исследования соответствовали научной проблеме и изучаемому материалу. Необходимо, чтобы сам исследователь и другие ученые понимали, на каком материале, с помощью каких методов и каким образом получены те или иные выводы. Выводы должны непосредственно вытекать из анализа материала.

3. Исследование должно быть максимально конкретным. Необходимо выявить, какого рода исторические процессы, и каким образом отражаются в данном археологическом материале. Напр., в погребальном обряде, преимущественно, отражается информация о религиозно-мировоззренческих традициях и социальной системе древнего населения, а в металлических изделиях – технологические традиции изготовления соответствующих изделий и их использования. Далее, необходимо определить методы, с помощью которых данные традиции могут быть выявлены. И для каждого вида археологических источников эти методы будут специфическими.

В системе историко-культурного подхода может быть дано такое определение археологической культуры: это группы древнего населения, которые имели общие культурные традиции и навыки труда (в производстве и распространении керамических, металлических и др. изделий, в погребальном обряде и т. д.) и находились между собой в кровно-родственных отношениях.

В рамках историко-культурного подхода автором была проанализирована синташтинская керамика с помощью методик Ю. Б. Цетлина (2008) по изучению орнамента, корреляции орнамента и формы и построения относительной периодизации комплексов. Результаты анализа синташтинской керамики частично опубликованы (Хаванский 2010а; 2010б; 2010в; 2011).

Во-первых, периодизация погребений, проведенная по орнаментальным традициям керамики, *более чем в 80 % случаев подтверждается данными стратиграфии погребений и их радиоуглеродного датирования*. Более того, результаты, полученные с помощью независимых источников информации, дополняют друг друга. Удалось не только построить внутреннюю хронологию

синташтинских могильников по погребениям, обосновать выделение периодов внутри самой культуры, но и наметить примерное время бытования самого этого культурного явления.

Во-вторых, выявлены особенности развития во времени орнаментальных традиций на сосудах синташтинского населения Приуралья и Зауралья. Поскольку выяснилось, что практически все синташтинские могильники и в Приуралье, и в Зауралье функционировали синхронно (Хаванский 2010в), то периоды были выделены по распределению погребений на условной хронологической оси. Всего было выделено четыре периода в развитии синташтинских керамических традиций.

Первый период. В это время наибольшее распространение на сосудах имели «гладкий» (до 25–30 % от числа всех встреченных элементов), накольчатый (25–30 %) элементы орнамента, а также скульптурные элементы «шишечка» и «валик» (в сумме они составляли до 25 %). Реже на сосудах сохранялись участки без орнамента (менее 10 %), в единичных случаях использовали гребенчатые элементы. Для синташтинской керамики этого периода характерны линейные (до 30 %) и треугольные (до 20 %) узоры, а также узоры из наклепных «шишечек» (до 20 %). Реже наносили меандровидные узоры. Только в Зауралье на синташтинской посуде этого периода встречены ромбические и ленточные узоры, узоры из «валиков» и в виде волны или дуги. Гончары этого периода чаще всего украшали сосуды простыми мотивами из элементов (до 85 % от всех мотивов данного периода), простые мотивы из узоров составляют только 10–15 %, а сложные мотивы применялись еще реже (5–7 %). Таким образом, синташтинская керамика этого периода характеризуется простым орнаментом.

Второй период. В это время гончары продолжают широко использовать орнамент из «гладких» элементов (20–25 %), шире распространяется гребенчатый орнамент (15–20 %), более чем в три раза (до 30 %) возрастает доля неорнаментированных участков на поверхности сосудов. Резко уменьшается (до 6–7 %) использование накольчатого орнамента, происходит некоторое сокращение доли «шишечек» и «валиков» на сосудах (в сумме до 15–20 %). На синташтинской керамике Приуралья происходит небольшое снижение доли линейных узоров (до 35 %), а на керамике Зауралья они, напротив, получают более широкое распространение (до 40 %). Шире распространяются треугольные узоры (25–30 %). При этом резко сокращается использование узора из «шишечек» (5–10 %), продолжают встречаться меандровидные, ромбические и ленточные узоры. Что касается принципов организации орнамента на сосудах, то в это время продолжают доминировать простые мотивы из элементов (до 70 %), хотя их доля сокращается по сравнению с более ранним временем. Гораздо чаще начинают использовать простые мотивы из узоров (25–40 %), а также сложные мотивы, которые составляют 5–7 %. Таким образом, в этот период происходит усложнение синташтинских орнаментальных традиций, что проявляется в более богатой орнаментации глиняных сосудов.

Третий период. В это время еще более широкое распространение получает неполное декорирование поверхности глиняных сосудов (40–45 %), на которых появляются неорнаментированные зоны. Продолжает расширяться использование гребенчатого орнамента (до 25–30 %). «Гладкие» отпечатки используются реже (10–20 %), редко встречается и накольчатый орнамент (2–3 %). Хотя количество скульптурных (рельефных) орнаментов еще достаточно велико (ок. 10 %), но он представлен, в основном, «валиками», а «шишечки» встречаются в единичных случаях. Среди орнаментальных узоров преобладают треугольные (более 30 %). Доля линейных узоров в Приуралье снижается до 30 %, а в Зауралье, наоборот, повышается до 44 %. Из других узоров продолжают использовать ромбические, меандровидные, ленточные. В это время продолжает сокращаться доля простых мотивов из элементов (до 50–60 %), но шире используются простые мотивы из узоров (до 30–40 %). Представлены также сложные мотивы (5 %). Таким образом, стилистика синташтинской орнаментации этого периода характеризуется значительным разнообразием на всех уровнях, керамика становится «наряднее» за счет использования мотивов из геометрических узоров. Отчетливо проявляется стремление гончаров оставлять на сосудах неорнаментированные зоны.

Четвертый период. В это время синташтинские погребения в Приуралье уже исчезают, сохраняясь только в регионе Зауралья. Здесь также широко распространяется традиция частичного

декорирования сосудов (более 40 %). Среди *элементов* орнамента преобладает гребенчатый (более 20 %), реже используются отпечатки «гладкого» штампа и прочерченные линии (ок. 15 %). На сосудах часто создаются «валики» (ок. 15 %), а «шишечки» совсем не используются. Среди *узоров* гончары предпочитают линейные и треугольные (по 40 %), реже – ромбические и крестообразные. Доминируют простые *мотивы* из элементов (ок. 60 %), вдвое реже используются простые мотивы из узоров (ок. 30 %), иногда встречаются и сложные мотивы.

Основные тенденции в развитии орнаментации синташтинской культуры – переход к частичному декорированию поверхности сосудов и постепенное усложнение общей орнаментальной композиции.

Формы глиняных сосудов *первого периода* близки приуральской абашевской керамике (горшки с прямым плечом и внутренним ребром, миниатюрные сосудики, плавнопрофилированные сосуды, горшечно-баночные сосуды и банки), однако здесь нет чаш (Горбунов 1986: табл. 18–19; Кузьмина 1999: рис. 21, 30). Для синташтинских миниатюрных остросереберных сосудов присущи мотивы из узоров. Высокую долю узоров, в первую очередь, геометрических, в орнаментации абашевских миниатюрных остросереберных сосудов отмечает С. В. Большов (2003: 30).

Начиная со *второго периода*, появляются совершенно иные формы: горшки с вогнутым плечом без внутреннего ребра, а также сосуды, которые можно назвать синкретичными, – горшки с прямым плечом без внутреннего ребра и горшки с вогнутым плечом и внутренним ребром. Горшки с вогнутым плечом без внутреннего ребра составляют в четвертом периоде более 12 % от всех синташтинских сосудов в Зауралье. В то же время горшки с прямым плечом и внутренним ребром, абсолютно доминирующие в первый период (почти 60 %), в третьем периоде составляют ок. 30 %. Наиболее вероятным объяснением резкого изменения форм посуды будет проникновение сюда носителей раннеалакульской культурной традиции. Так, «синкретичные» формы (группы 2 и 3) появляются во втором периоде в Зауралье сразу в довольно большом количестве – 22 % и 4 % соответственно. Также внезапно во втором периоде появляется и совершенно новая форма – группа 4 (12 %). Это можно объяснить только массовым проникновением в регион носителей иной культурной традиции (раннеалакульской). Это же подтверждает тот факт, что в третьем и четвертом периодах эти новые формы постепенно изживаются, а в четвертом периоде в Зауралье вновь доминирует традиционная синташтинская посуда (группа 1).

Традиции орнаментации и формообразования изменяются постепенно и на количественном уровне. Периоды выделяются только статистически, практически нет каких-либо качественных отличий одного периода от другого. Вместе с тем, отличия одного периода от другого довольно существенны. На наш взгляд, это закономерное явление в свете именно историко-культурного подхода: в рамках единой культуры различные культурные традиции не могут меняться настолько резко, чтобы появились какие-либо совершенно новые элементы. В таком случае мы должны говорить о каких-то кризисных явлениях в культуре, которая не может уже поддерживать свои традиции.

Хронологический анализ других культурных традиций (металлические изделия, погребальный обряд) только начинается. Попытка рассмотреть, насколько изменяется синташтинский погребальный обряд показала, что на протяжении четырех выделенных периодов существенных изменений не происходит. Для погребального обряда характерны следующие основные традиции: коллективные погребения (хотя коллективные захоронения встречались только в 17–20 % могильных ям, в них было захоронено ок. 75 % от всех погребенных); расположение могил по кругу; погребальная поза – скорченно на левом боку (более 70–80 % от всех погребенных), реже на правом боку (15–20 %); преобладающая ориентировка – в западный сектор (ок. 65 %; СЗ, ЮЗ и З в среднем 25 %, 23 % и 17 %, соответственно); наличие 1–2 глиняных сосудов у головы погребенного. Остальные традиции довольно сильно варьируют в зависимости от пола и возраста погребенных, но это уже тема специального исследования. Таким образом, в погребальных традициях отмечается консервативность.

Учитывая, что синташтинское население проживало на Южном Урале сравнительно недолго – ок. 200 л. (Епимахов и др. 2005) – стабильность погребальных традиций вполне закономерна. Другое дело, что стабильной была поливариантность погребального обряда. Возможно, это связано с интенсивными культурными контактами синташтинцев с носителями других культурных традиций, напр., алакульской (Хаванский 2010а).

Таким образом, историко-культурный или палеоэтнографический подход в археологии может дополнить ряд других подходов и дать новые результаты.

- Бобринский 1978 – *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский 1999 – *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999. С. 5–109.
- Большов 2003 – *Большов С. В.* Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 2003 (Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. VIII).
- Волкова 1996 – *Волкова Е. В.* Гончарство фатьяновских племен. М., 1996.
- Волкова 1998 – *Волкова Е. В.* Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М., 1998.
- Волкова 2010 – *Волкова Е. В.* Новинковские могильники фатьяновской культуры. М., 2010.
- Горбунов 1986 – *Горбунов В. С.* Абашевская культура Южного Приуралья: Учебное пособие к спецкурсу. Уфа, 1986.
- Епимахов и др. 2005 – *Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2005. № 4. С. 92–102.
- Кузьмина 1999 – *Кузьмина О. В.* Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. I. С. 154–205.
- Салугина 1994 – *Салугина Н. П.* Технологическое исследование керамики Потаповского могильника // *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семёнова А. П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. С. 173–186.
- Салугина 2005 – *Салугина Н. П.* Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // Российская археология. 2005. № 3. С. 85–92.
- Философская энциклопедия 1970 – Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.
- Хаванский 2010а – *Хаванский А. И.* Хронологическое соотношение синташтинского и раннеалакульского населения (на материале керамических комплексов). // Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 464–476.
- Хаванский 2010б – *Хаванский А. И.* Внутренняя хронология Синташтинского культурного комплекса // Аркаим–Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г. Б. Здановича: Сб. науч. тр. в 2 ч. Челябинск, 2010. Ч. 1. С. 74–81.
- Хаванский 2010в – *Хаванский А. И.* Относительная хронология орнамента керамики синташтинских могильников // Российская археология. 2010. № 3. С. 22–36.
- Хаванский 2011 – *Хаванский А. И.* Синташтинская погребальная и поселенческая керамика (сравнительный анализ) // Новые материалы и методы археологического исследования: ТД. науч. конф. молодых ученых. М., 2011. С. 28.
- Хоруженко 1997 – *Хоруженко К. М.* Культурология // Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону, 1997. С. 491.
- Цетлин 2001 – *Цетлин Ю. Б.* Эволюция исследовательских подходов к изучению керамики в археологии // Древние ремесленники Приуралья: Мат-лы Всерос. науч. конф. Ижевск, 2001. С. 54–75.
- Цетлин 2008 – *Цетлин Ю. Б.* Неолит центра Русской равнины: Орнамента керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008.

К вопросу о конных состязаниях на похоронах (по материалам памятников синташтинского типа)

В предандроновских погребальных памятниках синташтинского типа широкое распространение получают жертвенные комплексы, состоящие из черепов и костей ног крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, либо захоронения целых костяков коней, как правило, парные. М. П. Грязнов в статье «Бык в обрядах и культах древних скотоводов» (1977) рассматривал археологические следы обряда жертвоприношения животных в достаточно широких хронологических рамках – от верхнего палеолита до раннего железного века и отметил, что находки костей животных в могилах представляют собой ценнейший материал для реконструкции древних культов и обрядов. Несомненный интерес представляет подход исследователя к интерпретации археологических находок. Привлекая обширный этнографический материал, он показал, что жертвоприношение животных в традиционных обществах было не простым забоем скота, а достаточно сложной и длительной церемонией, включающей ритуальные поединки с животным, всевозможные состязания, пиршества и т. д. В частности, он отмечает, что жертвоприношение коней у бурят сопровождалось пиршеством и состязаниями в борьбе, скачках, стрельбе из лука. А у казахов еще в конце XIX в. богатый бай, устраивая поминки, заблаговременно широко оповещал об этом. Съезжались сотни и тысячи казахов. Устраивалась байга – конные состязания на 20–30 км. Затем состязания в беге мужчин и женщин. Завершалось это всеобщим пиршеством, на котором приносили в жертву десятки голов крупного и мелкого скота. М. П. Грязнов высказал предположение, что в древности кровавые жертвоприношения животных нередко сопровождалось зрелищами – рукопашной схваткой с жертвенным животным и разного рода состязаниями (Там же: 86–87). Эти замечания позволяют по-новому подойти к интерпретации парных захоронений лошадей в памятниках синташтинского типа.

В могильниках синташтинского населения, генетически связанного с андроновским (алакульским), встречаются погребальные комплексы, в которых находки костей лошади также возможно рассматривать в свете представлений о жертвоприношении как целой серии ритуальных действий. Речь идет, прежде всего, о погребениях Синташтинского большого грунтового могильника. В некоторых погребениях этого некрополя содержатся парные захоронения полных скелетов лошадей, которые размещены на перекрытии или в верхнем заполнении камеры. В погр. 2 на перекрытии обнаружены четыре целых скелета лошадей. Сначала одна туша была положена вдоль продольной стенки, головой на СЗ, затем три – поперек ямы, головами на СВ. В погр. 3 на перекрытии камеры вдоль восточной стенки были уложены две туши коней, головами на С. Один конь положен на левом боку, другой – на брюхо с подогнутыми ногами, частично перекрывая первого. В погр. 4 на перекрытие могильной камеры были уложены попарно четыре туши коней. В погр. 5 на перекрытии располагались попарно туши шести лошадей. В западной половине ямы две лошади лежали на левом боку, головами на С, две – на левом боку, головами к Ю, в северо-восточной части ямы находилось еще две туши на правом боку. В заполнении погр. 10 поперек ямы на правом боку головами к Ю были уложены две туши молодых лошадей. В погр. 12 на перекрытии погребальной камеры были положены попарно четыре туши лошадей, которые располагались мордами друг к другу, ногами в противоположные стороны. В погр. 19 на перекрытии вдоль ямы помещены туши двух коней головами к Ю, ногами друг к другу. В противоположной половине поперек ямы еще две туши коней были уложены на брюхо, головами на В. В заполнении погр. 26 вдоль стенок располагались скелеты двух молодых коней, лежавших на боку, ногами к середине могилы и черепами на ЮЗ. В погр. 29 на перекрытии размещались две туши молодых лошадей головами к СЗ, ногами друг к другу (Генинг и др. 1992: 113, 119–121, 123–125, 127–128, 135, 144, 149, 162–163, 167, 180–181, 183, 200, 207).

Захоронения одной или нескольких пар целых туш лошадей на перекрытии погребальной камеры отчетливо противопоставлены находкам лошадей на дне могильных ям. Кости коней на дне могильных ям, как правило, представлены ритуальными комплексами, состоящими из черепов и костей ног. В ряде случаев на черепах или рядом с ними обнаружены псалии. В некоторых погребениях на дне ямы сохранились также канавки для установки колес от колесницы. С определенной долей вероятности можно предположить, что парные захоронения целых костяков лошадей на перекрытии и ритуальные комплексы из черепов и костей ног лошадей на дне могил являются следами двух разных ритуалов, входящих в погребально-поминальный цикл. Это подтверждается материалами ряда погребений, в которых зафиксированы следы обоих ритуалов. Так, в погр. 4 на перекрытии размещены четыре туши коней; на дне ямы в северной половине зафиксированы два параллельных углубления для колес, а в южной – два черепа лошадей. В погр. 5 на перекрытии помещены попарно шесть туш коней; на дне в северной половине ямы обнаружены два параллельных углубления для колес, а в южной – кости ног и два черепа лошадей, на которых сохранились остатки уздечки с костяными псалиями и застежками (Генинг и др. 1992: 125–126, 132–135). Есть погребения, в которых зафиксированы следы лишь одного из двух ритуалов. В погр. 2, 3, 10, 26, 29 обнаружены только следы ритуала, связанного с захоронением целых туш лошадей на перекрытии или в заполнении ямы. В погр. 6, 11, 30 выявлены только следы ритуала, включавшего установку частей колесницы (колес) и помещение упряжных коней в виде комплексов из черепов и костей конечностей на дно могильной ямы. Ритуал, следы которого прослеживаются на перекрытии могилы, связан с парным захоронением целых конских туш. Другой ритуал, следы которого представлены на дне могильной ямы, связан с расчленением целого скелета на части.

Ритуал, зафиксированный на дне могильных ям, мог варьировать. Наиболее полный его вариант представлен в погр. 30. В этом захоронении возле юго-западной стенки в обоих углах ямы находились черепа коней и возле каждого – кости четырех ног. Череп восточного коня лежал на боку и рядом с ним – пара костяных псалиев. У северо-восточной стенки зафиксированы два параллельных углубления, в которых сохранились отпечатки ободьев и спиц от колес. В юго-западной половине ямы в кучу были сложены кости человека. Такое состояние их было уже во время захоронения: все кости целые, но тазовые отчленены от крестца, нижняя челюсть отделена от черепа и т. д. Череп был уложен в юго-западной стороне скопления. Рядом с черепом человека лежал бронзовый нож. У середины юго-западной стенки, в головах погребенного был поставлен сосуд, а рядом с ним – два крупных камня зеленого цвета. Под костями коня у юго-восточной стенки находилась ямка-тайник, на дне которой лежал бронзовый наконечник копья, а на кости ног этого коня был положен колчан, в котором находились 11 кремневых и два костяных наконечника стрел (Там же: 208–214). Таким образом, в погр. 30 в наиболее полном виде представлен колесничный комплекс. Исследователями предложена следующая реконструкция ритуала: около левого конского черепа положили узду с двумя костяными псалиями. Вероятно, это объясняется тем, что она была коренной, управляемой возничим, который стоял в кузове колесницы с левой стороны. Правую сторону занимал колесничий, вооруженный копьем и луком (Там же: 218).

Представляется, что оба ритуала, как тот, следы которого фиксируются на дне могилы, так и другой, следы которого обнаруживаются на перекрытии, связаны с разными видами обряда жертвоприношения, различающимися как по сценарию, так и по времени отправления. Один из них (фиксируется на дне могильной ямы в виде черепов и костей ног лошадей, псалиев и углублений для колес) связан с ритуалом, сопровождавшимся разделением целого на части и созданием новой «составной» целостности из разрозненных частей (Сотникова 2008). Теперь обратимся к ритуалу, следы которого представлены на перекрытии или в верхнем заполнении погребальной камеры в виде парных захоронений целых костяков лошадей. Наличие целых скелетов коней, захороненных без уздечного набора, заставляет предполагать несколько иной сценарий и направленность ритуала.

Конные состязания на похоронах были достаточно распространенным явлением в среде индоиранского населения (Топоров 1990: 12–47). Они были приурочены к пороговой ситуации в жизни человека, когда ему предстояло перейти из этого мира в иной, в новую жизнь. Причем эти состязания были именно ритуалом и участники состязаний являлись своего рода его исполнителями. Победа в состязании рассматривалась как жертва богам.

Наиболее известным текстом, описывающим похоронный обряд, в состав которого входят конные состязания, является 23 песнь «Илиады». В ней описываются похороны Патрокла, кстади, искусного колесничего. Важна последовательность действий в этом погребальном ритуале, которая выглядит следующим образом: сооружение ритуального костра, возложение тела Патрокла, жертвоприношения, возжигание огня и сожжение трупа, собиание кремированных костей, захоронение их в могиле, сооружение кургана, а затем состязания – колесничные ристания, кулачный бой и другие, включая метание и стрельбу из лука. Иначе говоря, состязания следуют за погребением останков. Кроме того, при описании состязаний именно колесничным ристаниям уделено основное место, другие виды соревнований даны короче и менее конкретно. Опираясь на данные «Илиады», можно предположить, что синташтинское население также практиковало состязания двуконных колесниц на похоронах воинов. Вероятно, кони, запряженные в те колесницы, которые одержали победу в состязаниях, приносились в жертву. Именно так можно объяснить парное расположение целых костяков коней на перекрытии могильных ям. Учитывая, что полный набор вооружения воина-колесничего, захороненного в погр. 30 Синташтинского мог-ка, включал копье и колчан со стрелами, можно допустить, что, помимо колесничных ристаний, синташтинский ритуал предусматривал метание копья и стрельбу из лука как своеобразное троеборье.

Среди колесничного инвентаря погр. 30 присутствует также комплекс, связанный, по мнению авторов раскопок, с культом Сомы. Этот комплекс располагался в головах погребенного, у середины юго-западной стенки могильной ямы. Он представлен крупным сосудом и двумя камнями зеленого цвета: крупный камень являлся основанием давилни, а пестообразный – толкушкой. Подобные комплексы есть и в других погребениях этого могильника (Генинг и др. 1992: 208, 214). Свидетельством того, что появление в погребениях колесничих следов культа, связанного со священным напитком не случайно, является расположение вещей в погр. 1 кург. 2 синташтинского мог-ка Кривое озеро. При зачистке дна могильной ямы у восточной стенки были выявлены два параллельных углубления для установки колес. Между этими углублениями, почти на равном расстоянии от каждого, на дне были обнаружены стоящий вверх дном сосуд и бронзовый наконечник копья, лежащий острием на В. Эти вещи находились в непо потревоженном состоянии. В западной части ямы найден роговой псалий, а в заполнении встречены мелкие кости лошади (Виноградов 2003: 67). Важным я считаю то, что перевернутый сосуд и наконечник копья из этого погребения образуют как бы центр композиции, включающей следы от установленных колес. По мнению Н. Б. Виноградова, сосуд, имеющий небольшое и слегка выпуклое дно, не использовался в быту и был специально изготовлен для ритуала (Там же). Переворачивание сосуда могло быть связано с культом ритуального напитка типа Сомы (Сотникова 2006). Безусловно, комплексы, связанные с культом священного напитка, более уместны в погребении жреца, а не воина, поэтому на интерпретации этих находок следует остановиться особо.

Для выяснения смысла подобных ритуальных действий обратимся к Ригведе и мифологической традиции ведийских ариев. В ведийской мифологии воинскую функцию воплощает бог Индра, причем он именно воин-колесничий, среди его постоянных эпитетов – «стоящий на колеснице», но в то же время «пьющий Сому», «растущий», «усиливающийся» (Топоров 1997: 533). По текстам Ригведы реконструируется сюжет принесения орлом божественного напитка Сомы для Индры, благодаря чему он смог победить Вритру (IV. 18).²⁹ Причем воинский подвиг Индры имеет космогоническое истолкование. Т. Я. Елизаренкова со ссылкой на Т. Оберлиса отмечает, что

²⁹ Здесь и далее Ригведа цитируется по: Елизаренкова 1999.

для Индры сила и мощь не являются врожденными, они возникают в нем, когда он напьется Сомы. От Сомы он возрастает и усиливается и в нем возникает также желание щедро одаривать. Отсюда тесная связь Индры с людьми, выжимающими для него Сому (Елизаренкова 1999: 340). Ритуалам, связанным с приготовлением Сомы, посвящена практически вся мандала IX. Однако реальные обрядовые действия имеют в гимнах образное выражение, порой тексты просто перегружены образами, что затрудняет понимание. Чтобы понять эту образность необходимо представить реальный процесс приготовления напитка. Т. Я. Елизаренкова так реконструирует этот процесс: стебли Сомы замачивали в воде, они набухали, из них выжимали сок давилыми камнями, затем он очищался через цедилку и смешивался с добавлениями (водой, коровьим молоком, кислым молоком, взбитым ячменным зерном). После смешения с добавлениями Сома становится вкусным, и его пьют боги (Индра, прежде всего) и люди.

Воздействие Сомы на того, кто его вкусил, передается глаголом *mad-* «приходить (приводить) в радостное возбуждение», «опьянять(ся)», «воодушевлять(ся)». Причем как отмечал Гельднер, «если переводить это как “опьянять”, то этим слишком много сказано, а если “воодушевлять”, то слишком мало» (Там же: 326, 328). Еще один глагол, выражающий воздействие Сомы – это *vrddh-* «увеличивать(ся)», «возрастать», «усиливать(ся)». Как считает Т. Я. Елизаренкова, вкушающий Сому испытывал радостное возбуждение, прилив физических сил (Там же: 326, 328, 349). Поэтому появление в синташтинских воинских захоронениях комплексов, связанных с культом Сомы (сосуды и давилые камни), вполне объяснимо. Безусловно, сами воины не принимали участия в изготовлении ритуального напитка, для этого были служители культа. Однако воины-колесничие были, вероятно, основными его потребителями. С определенной долей осторожности можно предположить, что культ бодрящего напитка, дающего прилив физических сил, зародился именно в культурах с колесницами (типа синташтинской, петровской), как средство добывания победы в состязаниях и, возможно, в реальных военных действиях.

Одним из подтверждений того, что культ ритуального напитка типа Сомы мог возникнуть именно в «конных», «колесничных» культурах, свидетельствуют те образы, в которых описывается ритуал приготовления Сомы в Ригведе. Например, в гимнах, обращенных к Соме, потоки сока, бегущие при выжимании растения или прохождении его через цедилку из овечьей шерсти, образно описываются как состязания конных колесниц. Чаще всего Сома – это конь или кони, запряженные в колесницу и стремительно мчащиеся к финишу на состязании: «Словно скакуны, погоняемые погонщиками, / Они устремились к захвату добычи / Через сито из овечьей шерсти, (эти) быстрые (кони)» (IX. 13. 6); «Сок, словно скакун, устремившийся к награде, / Громко ржет в цедилке, / Когда он потек сквозь (нее), преданный богам» (IX. 43. 5); «Он проскочил через цедилку, / Как конь, приносящий награду на бегах, – через дышло. / Сок правит богами» (IX. 45. 4); «Выжатый, буланый (конь) – стебель (сомы) / Понесся кругами по цедилке, словно колесница, посланная за добычей» (IX. 92. 1). В других случаях Сома – это быстрая колесница, участвующая в ристалище: «Вот эта мужественная колесница / Мчится сквозь овечью шерсть, / Направляясь к тысячной награде» (IX. 38. 1); «Эти быстрые соки сомы, / Словно колесницы, приносящие награду, / Были посланы вперед, (как) выпущенные стада» (IX. 22. 1); «Вперед выступили соки сомы ради богатства, / Словно грохочущие колесницы, / Словно скакуны, ищущие славы, / Погоняемые, словно колесницы, / Они помчались из-под рук (жреца), / Подобные наградам тех, кто решает исход» (IX. 10. 1-2). Наконец, Сома – это правящий конем колесничий: «Этот возница, непобедимый в водах, / Начищаясь между двух рук (жреца), Сома усаживается в чанах» (IX. 20. 6); «С пониманием силы действия мы следовали / За колесничим, рядящимся в воды» (IX. 16. 2).

Целью конных состязаний было добывание победы, а приносящим ее был именно сок Сомы, который, вероятно, употребляли участники соревнований, чтобы достичь успеха. Поэтому сок Сомы предстает в Ригведе, прежде всего, как «завоеватель награды» (IX. 21. 7; IX. 64. 29; IX. 80. 2; IX. 87. 4), «приносящий награду» (IX. 22. 1), «выигрывающий ставку» (IX. 62. 18), «приносящий великую ставку (в игре)» (IX. 16. 5). Причем эта награда завоевывается для предков: «Как для

предков – неустанный покоритель сотен, / покоритель тысяч – ты добивался награды, о сок, / Так очищайся для новой удачи!» (IX. 82. 5).

В связи с жертвоприношением коней, победивших на состязаниях колесниц, представляют интерес строки гимна, обращенного к Соме (IX. 87. 1): «Бегай же кругами по сосуду, усаживайся! / Теки к награде, очищаемый мужами! / Тебя начищают, как коня, приносящего награду, / На поводьях ведут к жертвенной соломе». Эти строки допускают следующее толкование: конь, победивший в состязании, приносился в жертву, т. к. богам посвящалось самое лучшее.

Подобные состязания устраивались не только на похоронах, но и на стыке Старого и Нового года. Например, у ведийских ариев существовал обряд обновления царской власти ваджапея, который представлял собой воинский ритуал с состязаниями и гонками на колесницах, питьем Сомы, жертвоприношением животных. Причем в гонках на колесницах всегда выигрывала упряжка царя (Альбедиль 2005: 168; Васильков 1996: 105). Победа была даром богам, от которых ждали ответного дара, прежде всего, восстановления космического порядка, нарушенного вторжением сил хаоса и смерти.

Альбедиль 2005 – *Альбедиль М. Ф.* Игровое начало в индуизме // Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб, 2005. С. 155–170.

Васильков 1996 – *Васильков Я.* Ваджапея // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. М., 1996.

Виноградов 2003 – *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.

Генинг и др. 1992 – *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. Т. I.

Грязнов 1977 – *Грязнов М. П.* Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 80–88.

Елизаренкова 1999 – *Елизаренкова Т. Я.* О Соме в Ригведе // Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. С. 323–353.

Сотникова 2006 – *Сотникова С. В.* О символике перевернутого сосуда и его роли в андроновском ритуале // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 25–31.

Сотникова 2008 – *Сотникова С. В.* Образ колесницы в ритуальной практике синташтинского населения // VII ИЧ памяти М. П. Грязнова. 2008. С. 367–372.

Топоров 1990 – *Топоров В. Н.* Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 12–47.

Топоров 1997 – *Топоров В. Н.* Индра // МНМЭ. 1997. Т. 1. С. 533–535.

В. А. Новоженев (Караганда, Казахстан)

Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации

В историографии коммуникаций степных племен Центральной Азии и носителей древнекитайской цивилизации традиционно господствует представление о противостоянии и постоянной «варварской» угрозе с севера. Новейшие результаты археологических исследований раннеандроновских памятников в урало-казахстанских степях II тыс. до н. э. позволяют иначе взглянуть и на процесс возникновения ранних китайских государств, появившихся в этот период как на территории Ордоса, так и на Центральной равнине Китая.

В урало-казахстанских степях – ядре андроновской культурно-исторической общности – на рубеже III и II тыс. до н. э. возникает и активно распространяется мощная и мобильная андроновская (индо-арийская/индо-иранская) цивилизация скотоводов. Носители ее владели рядом прогрессивных для того времени навыков и инноваций, обеспечивавших им явное конкурентное преимущество во взаимоотношениях с известными оседлыми цивилизациями Старого Света. Сложился комплексный

тип хозяйства, ориентированный на разные виды промыслов, сообразный природно-географическим нишам, и ориентированный на скотоводство (в т. ч., разведение верблюдов и коней) и земледелие – в долинах небольших рек и предгорьях.

Среди важнейших революционных инноваций андроновцев – «протогорода» типа Синташты и Аркаима, а позднее – Кента, раскопки которых продемонстрировали развитые и осмысленные навыки фортификации, сырцового (глиняного) и каменного градостроительства и архитектуры.

Развитие коневодства привело к изобретению персонального транспортного средства – легкой и маневренной пароконной колесницы. В настоящее время в урало-казахстанских степях уже раскопано более полусотни памятников с колесничной атрибутикой (Новоженков 2011: 247–256). Андроновские могильники этого типа демонстрируют устойчивый и развитый культ коня, колесницы и их хронологический приоритет относительно других регионов Древнего мира, включая Китай, Египет и Хеттское царство (Епимахов и др. 2005).

Обладание передовой металлургической технологией (изготовление бронзовых сосудов, втульчатых копий, мобильные способы бронзового литья) позволяло производить самые продвинутые для того времени типы вооружения.

Перечисленные инновации обусловили монополию и технологическое превосходство андроновских кланов над их соседями и обеспечили им значительную территориальную экспансию.

Представляется, что существование трансконтинентального транспортного коридора – «Великого оловянного пути» в течение всего II тыс. до н. э. (Черных 2009) – есть ключ к сути этнокультурных процессов в Великой степи. Этот путь стал каналом распространения новых знаний, дорогой постоянных миграций различных андроновских кланов и распространения их инноваций по всей территории Центральной Азии.

Многочисленные местонахождения петроглифов эпохи бронзы, обнаруженные на этой обширной территории, представляются центрами коммуникации андроновских кланов между собой и богами, храмами под открытым небом, где совершались соответствующие ритуалы, коллективные мистерии, праздники, поиск жен. К началу II тыс. до н. э. в степных обществах Евразии сложились все необходимые предпосылки для использования колесниц. Их применяли, при несомненной боевой и ритуальной функциях, еще и как средство управления огромными стадами домашних животных (прежде всего, табунами лошадей), и для охоты. Кроме того, парная запряжка была самым эффективным этапом и действенным средством приручения лошади.

Развитие всадничества сдерживал устойчивый стадный инстинкт лошадей, преодоление которого требовало очень длительной селекции. Кроме того, копыта лошадей стирались бы под весом всадника значительно быстрее, а никаких приспособлений для их сохранения в археологических материалах пока не зафиксировано.

В азиатской части степной Евразии исследована большая серия могильников и группа курганов с остатками деревянных колесниц. Памятники урало-казахстанского колесничного комплекса известны в Южном Зауралье, в Северном, Западном и Центральном Казахстане. Опубликована информация о более 20 колесницах. В ранних колесничных комплексах экипаж имел защитный панцирь, щит, шлем, стрекало, булаву-дубинку, копье, нож-кинжал, топор, сложный лук и стрелы с крупными кремневыми наконечниками.

Имитация погребения колесницы в мог-ке Ащису демонстрирует превосходные образцы оружия – бронзовые копье сейминско-турбинского типа, нож-кинжал, крюк-багор и кремневые наконечники стрел. Здесь были найдены шитковые псалии и стрекало. Радиоуглеродная датировка этих находок по костям погребенных лошадей определена в пределах конца III–начала II тыс. до н. э. (Кукушкин 2011: 110–113).

Бронзовые крюки также известны в синташтинских поселениях и могильниках. Видимо, такие багры стали образцом для более поздних топоров-чеканов с крюком на длинной ручке, хорошо известных по китайским находкам из «северного комплекса».

Поскольку колесницы сохранились в степных могилах фрагментарно, то наибольший интерес представляет их реконструкция (Генинг и др. 1992: 218–219, рис. 26). Первые реконструкции по материалам мог-ков Синташта и Кривое Озеро подверглись справедливой критике (Littauer, Crouwel 1996). Более объективная реконструкция предпринята на основании математического анализа всей серии погребений и компьютерного моделирования (Епимахов, Чечушков 2006).

Была также выделена группа из семи могил с «имитацией», когда «установка колесницы в погребальную камеру лишь имитировалась обозначением наиболее ярких черт (колесными ямками, псалиями, конями), либо колесница находилась в могиле лишь во время совершения погребального обряда, после чего извлекалась, а на дне оставались только колесные ямки. В некоторых случаях, когда размеры погребальной ямы заведомо больше, а комплекс содержит псалии и лошадей, колесница могла быть установлена без углубления колес в дно, либо в разобранном виде, как это предполагается для доно-волжской традиции» (Кони, колесницы и колесничие... 2010: 191–192; Виноградов 2001).

Уточнить конструкцию степных колесниц позволяют находки в чемакынах – могилах с колесницами периодов Шан-инь (рис. 1), Чжоу, Чунсю и Чжанго.

Наиболее полная сводка и анализ всех погребений с колесницами из Китая опубликовала недавно Ву Сяюнь. В этой работе она анализирует более 230 образцов колесниц из погребений от эпохи Шан-инь до колесниц императора Цин Шихуана, а также особенности погребального обряда и топографии могильников, в которых они найдены. Автор также выделяет значительную серию могил, в которых зафиксирована имитация или установка колесниц в разобранном состоянии (Wu Hsiao-yun 2009: 49–59).

Шан-иньские чемакыны были обнаружены в р-не г. Аньяна, в местностях Дасыкуньцун, Сяоминтун, а также в памятниках Гоцзячжуан, Сяотун, Цяобэй, Байдяфын, Мейюаньджуан, Люцзяджуан, Цяньчжанда и других. Чжоуские колесницы раннего периода происходят из чемакынов северных и, реже, центральных провинций Китая, из таких памятников как Байцяопо, Чжанзяопо, Люлихэ, Чжаогу, Чантайгуан, Шанцуньлин, Фэньшуйлин, Юиндун, Цайцзяган, Наньшангэн, Байоцзы, Сикун, Сяохешигоу и других (Кучера 1977; Комиссаров 1980; Wu Hsiao-yun 2009: 211–231). Всего известно ок. 30 памятников этого периода.

Во всем многообразии чемакынов совершенно четко прослеживается две традиции – установка колесниц в могилу и имитация их установки. Многие исследователи китайских колесниц предполагают их заимствование из степных районов Евразии. На это недвусмысленно указывает сходство технических параметров, погребального обряда и данные письменных источников – надписи на гадательных костях и древнекитайские хроники (Васильев 1976; Watson 1978; Piggott 1978; Dewall 1986; Варёнов 1980; Комиссаров 1980). Из степной среды заимствованы и отдельные китайские мифы, связанные с представлениями о колеснице (Евсюков, Комиссаров 1985).

В степном и китайском колесничных комплексах обнаруживаются значительные совпадения фрагментов погребального обряда: специальные канавки для колес; культовые захоронения собак; культ рыбы; отдельные жертвоприношения коней; изготовление культовых бронзовых сосудов. Пару лошадей укладывали вместе с частями колесничного снаряжения – псалиями. Курганы с колесницами имеют особое расположение, в них похоронены только мужчины, что свидетельствует о наличии особого сословия колесничих.

В Китае в памятниках, синхронных андроновским (и в более ранних комплексах), не зафиксирована собственная традиция изготовления колесных повозок.

Во всех ранних китайских династиях письменные источники фиксируют кровавый обычай человеческих жертвоприношений и насильственного погребения подчиненных, наложниц, пленных и рабов (Сыма Цянь 1972). Многие обстоятельства погребального обряда степных могил с колесницами свидетельствуют о наличии такого обычая и у носителей андроновской культуры (Генинг и др. 1992: 210).

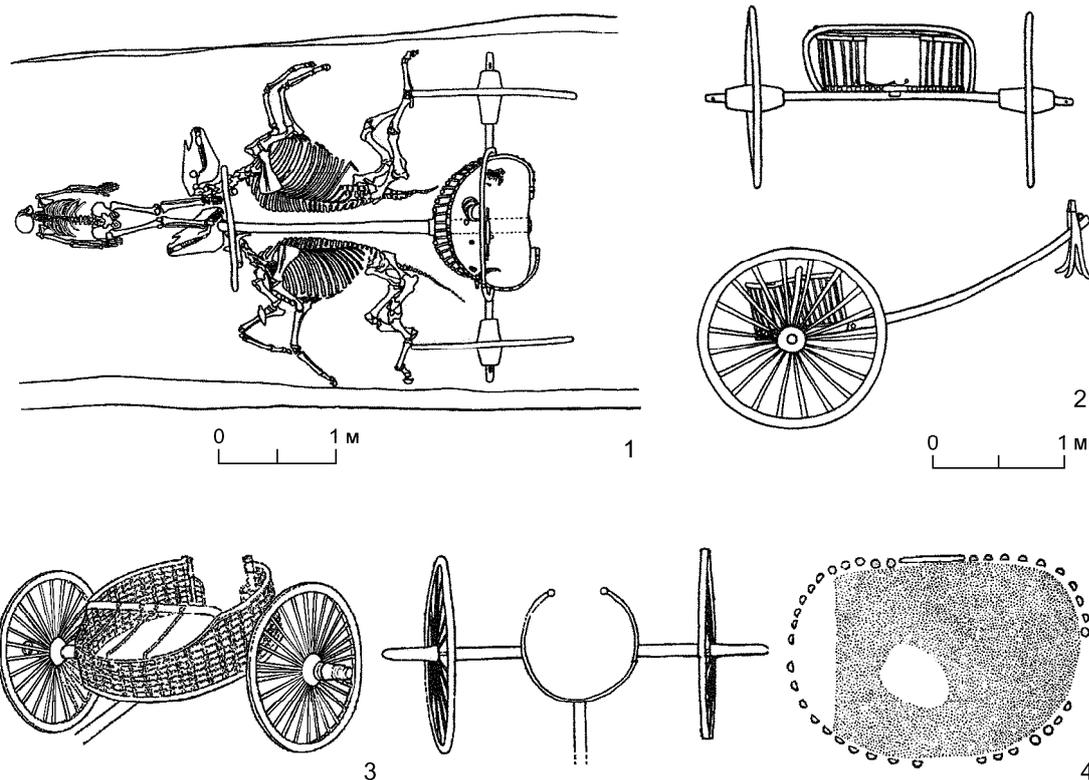

Рис. 1. Колесницы с маленькой округлой платформой: 1 – мог-к Цяобей (Шан-инь); 2 – мог-к Гоцзячжуан (Шан-инь), М 1003, остатки кузова; 3 – мог-к Чжао Цин (Цзиньгоу), М 251, № 1 (позднее Чунсю); 4 – мог-к Мацзяюань, № 4 (позднее Чжанго) (по Wu Hsiao-yun 2009)

Ярким доказательством продвижения степных раннеандроновских социумов в восточном направлении является фиксация на карте Центральной Азии колесничных петроглифов и значительная серия мумий европеоидного облика, зафиксированная в могильниках пустыни Тарим, в Синцзян-Уйгурском Автономном округе Китая.

Раскопки многочисленных могильников этой серии и собственно андроновских на упомянутой территории дают уникальную информацию об этой миграции: комплекс керамики, особенности погребальных сооружений и обряда позволили датировать данные памятники XVIII–XVII вв. до н. э. (Qi Xiaoshan, Wang Bo 2008). К. Йеттмар, анализируя мат-лы мог-ка Гумугоу, расположенного в северо-западной части Синьцзяна, предполагает идентификацию их с прототохарами – европеоидами, мигрировавшими сюда из западных районов Евразии ок. 1500 г. до н. э.

Сохранившаяся в этих могилах женская одежда напоминает реконструкции, выполненные Э. Р. Усмановой по андроновским женским костюмам и украшениям. На всей территории Ордоса встречаются многочисленные кинжалы и ножи сейминско-турбинского и карасукского типа, вислообушные топоры, копья и др. Эти предметы вооружения, типичные для колесничного комплекса, имеют ярко выраженные северные, степные черты, что свидетельствует о поступлении вооружения из северных регионов (Черных, Кузьминых 1989; Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia... 2004; Loehr 1956).

Многообразие таких контактов выразилось, в т. ч., в привлечении китайскими правителями в качестве союзников или наемников отдельных степных правителей и их кланов. Этими степными группами могли быть известные по надписям на гадательных костях и бронзовых сосудах племени гуйфан, туфан, гунфан, с которыми шан-иньские и раннечжоуские правители неоднократно вели войны. Линь Юнь отделяет т. н. северный комплекс памятников шань-чжоуского периода, локализованных в северных районах Китая и Внутренней Монголии, от синхронных памятников Центральной равнины (Линь Юнь 1990). Он признает влияние степных племен Центральной Азии на

формирование «северного комплекса», при несомненном своеобразии культур Центральной равнины. Особенность взаимосвязей этих двух миров состоит в заимствовании на уровне идей, принципов, технологии, которые затем развиваются на основе собственной традиции.

Исследования последних лет позволяют выделить некоторые элементы материальной и духовной культуры ранних андроновцев, которые были заимствованы китайской цивилизацией и развивались в ней сообразно собственным традициям и представлениям (Jacobson 1988: 201–240). К числу таких заимствований относятся колесница, навыки ее управления, некоторые образы и мифологемы степной изобразительной традиции, технология бронзового литья в формах, domesticiрованные лошади и многие мифологические представления о «способах вознесения на Небо», верования и культы.

Степные социумы расселялись на огромном степном пространстве Евразии в виде больших патриархальных семей – пастушеских кланов. Многие из них преуспели в изобретении новых механизмов и приспособлений, которые могли бы облегчить их повседневную жизнь. Начался новый этап domestикации лошади. Мобильное и неповоротливое жилище на колесах – фургон, был модернизирован и изменил свои функции. Все это стало теми предпосылками, которые привели к изобретению легкой, удобной для лошадей и человека, более подвижной и персональной двуколки – колесницы. Поэтому, не от боевой или колониально-экспансионистской традиции, диктуемой ближневосточными тиранами, а от реальных потребностей кочевой жизни родилась в степи колесница.

Исследование истории раннеандроновских коммуникаций меняет устоявшиеся стереотипы. Изучение древних технологий и новаций позволяет снять спорные вопросы, напр., что первично всадничество или колесница. Последующие периоды в истории коммуникаций степного населения Евразии демонстрируют повторение сходных циклов и формирование стандартных каналов коммуникации на базе новых «чудесных» изобретений. Успехи в джитговке и domestикации лошадей, совершенствование систем узды и конского снаряжения вывели на авансцену мировой истории на рубеже II–I тыс. до н. э. всадника верхом на лошади или на верблюде, который стал символом эпохи ранних кочевников.

Варёнов 1980 – *Варёнов А. В.* Иньские колесницы // Изв. СО АН СССР. 1980. Вып. 1, № 1. С. 164–169.

Васильев 1976 – *Васильев Л. С.* Проблема генезиса китайской цивилизации: формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976.

Виноградов 2001 – *Виноградов Н. Б.* Парадоксы Синташты // БВВЕ. 2001. С. 189–193.

Генинг и др. 1992 – *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта: Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. Т. 1.

Евсюков, Комиссаров 1985 – *Евсюков В. В., Комиссаров С. А.* Колесницы на земле и в небесах // Атеистические чтения. М., 1985. Вып. 14. С. 78–104.

Епимахов и др. 2005 – *Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2005. № 4. С. 92–102.

Епимахов, Чечушков 2006 – *Епимахов А. В., Чечушков И. В.* Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Зауралья: Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 168–182.

Комиссаров 1980 – *Комиссаров С. А.* Чжоуские колесницы // Изв. СО АН СССР. Новосибирск, 1980. Вып. 1, № 1. С. 156–163.

Кони, колесницы и колесничие... 2010 – *Кони, колесницы и колесничие степей Евразии.* Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010.

Кукушкин 2011 – *Кукушкин И. А.* Археологические комплексы Казахстана с колесничной атрибутикой: Новый аспект в археологии бронзы Казахстана // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет. Алматы, 2011. С. 97–113.

Кучера 1977 – *Кучера С.* Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит–эпоха Инь. Находки и проблемы. М., 1977.

- Линь Юнь 1990 – *Линь Юнь*. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями Шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 29–45.
- Новожинов 2011 – *Новожинов В. А.* Азиатские колесницы (к проблеме выделения азиатского колесничного комплекса) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы, 2011. Т. 1. С. 247–256.
- Сыма Цянь 1972 – *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. М., 1972.
- Черных 2009 – *Черных Е. Н.* Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М., 2009.
- Черных, Кузьминых 1989 – *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
- Dewall 1986 – *Dewall M. von.* Der Wagen in der Frühzeit Chinas // *Asche, Rad und Wagen*. Göttingen, 1986. S. 168–186.
- Jacobson 1988 – *Jacobson E.* Beyond the frontier. A reconsideration of Cultural Interchange between China and Early Nomads // *Early China*. 1988. No 13. P. 201–240.
- Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia... 2004 – *Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River*. New York, 2004 (Chinese Studies. Vol. 31).
- Littauer, Crouwel 1996 – *Littauer M. A., Crouwel J. H.* The origin of the true chariot // *Antiquity*. 1996. Vol. 70, no 270. P. 934–939.
- Loehr 1956 – *Loehr M.* Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor; London, 1956.
- Piggott 1978 – *Piggott St.* The Chinese Chariotry: an outsider's View // *Arts and Archaeology in Asia*. 1978. No 7. P. 32–49.
- Qi Xiaoshan, Wang Bo 2008 – *Qi Xiaoshan, Wang Bo.* The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road. Xinjiang, 2008.
- Watson 1978 – *Watson W.* The Chinese Chariotry: an insider view // *Arts and Archaeology in Asia*. 1978. No 7. P. 1–32.
- Wu Hsiao-yun 2009 – *Wu Hsiao-yun.* Study on chariot burials in Early China, 1200–210 BCE. Peking, 2009 (Peking University Publication Series. No 20).

Т. М. Потёмкина (Москва, Россия)

Поселение или культовый центр (К вопросу о функциях поселений ташковской культуры с круговой архитектурой)

Ташковская культура раннего бронзового века в лесостепном Притоболье была открыта и исследована археологами Уральского университета в 1980-е–1990-е гг. (Ковалёва 1997; Ковалёва и др. 2000). Культура представлена исключительно поселениями сравнительно небольших размеров с круговой архитектурой и четкой планировкой; плоскодонной керамикой с нарядным и семантически насыщенным орнаментом, выполненным отступающе-накольчатой техникой; сравнительно большим числом предметов votivного значения, своеобразным набором каменного инвентаря и другим не совсем стандартным для поселенческих памятников набором культурных признаков.

Это послужило основанием для исследователей (в настоящее время в Нижнем Притоболье полностью раскопано четыре подобных поселения) говорить о высокоразвитой для первобытного общества духовной культуре ташковского населения, в т. ч. и космогонических представлениях (Ковалёва 1997: 50–65; Ковалёва и др. 2000: 85–94).

Привлечение методов археоастрономии для исследования пространственной и временной организации ташковских поселений, равно как и прослеживаемых там ритуально-обрядовых действий, подтверждает указанные выводы. Более того, археоастрономия как один из методов исследования в археологии дополняет эти выводы конкретными данными, позволяющими выявить зависимость конструктивных особенностей архитектуры всего поселения и отдельных его объектов

от хорошо наблюдаемых визуально закономерностей движения Солнца и Луны. Появляется возможность получить более четкие представления о характере функционирования поселений, времени года и основных этапах их строительства, некоторых древних знаниях и представлениях об окружающей среде и Космосе и их использовании в религиозной практике.

В представленной публикации эти вопросы рассматриваются на примере одного из круговых поселений ташковской культуры – Андреевское озеро XIII (далее ЮАО-XIII), расположенного на южном берегу Малого Андреевского оз. у г. Тюмени (Ковалёва и др. 2000). Географические координаты памятника – 57°10' СШ, 65°48' ВД. На вскрытой площади поселения (2950 м²) обнаружено 17 жилищ стандартной формы (6,8 × 7,2 м), расположенных по окружности (рис. 1). Хранилища и хозяйственные ямы отсутствуют, кости животных – единичны. Находки сравнительно малочисленны, а набор вещей довольно стандартен. Следы обугленных бревен в основании всех жилищ и другие признаки дают основание предполагать преднамеренное сожжение поселения его обитателями (Там же: 26, 84, 90). Калиброванная дата поселения – 2190–1930, 2140–1970 гг. до н. э. (Там же: 13–15, 17, 102, 105).

Определения астрономической ориентации исследованных раскопками объектов поселения производились по плану раскопа, представленному в публикации (Там же 2000: 25, 39; рис. 5, 7). Значимые азимуты восходов/заходов Солнца и Луны для широты расположения памятника и времени его функционирования вычислены по ранее рассчитанным таблицам (Потёмкина, Юревич 1998: 46, 47; табл. 1, 4). Исходя из топографии памятника, высота горизонта рассматривалась как нулевая. Магнитное склонение не учитывалось в связи с отсутствием данных. За относительный центр поселения, откуда изначально фиксировались значимые азимуты основных светил, принято углубление со следами мощного кострища на внутренней площадке поселка (участки 3, И/15–18) (рис. 1).

Археoaстрономическими исследованиями установлено, что на ЮАО XIII древними наблюдателями были достаточно четко зафиксированы 19 значимых азимутов Солнца и полной Луны, направления на С и Ю, связанные с пространственной и временной организацией как поселения в целом, так и различных его объектов (рис. 1; 2). Это позволяет предполагать, что поселение строилось согласно определенной модели Мира, ориентированной на Космос.

Выявлены три основных пункта на внутренней площадке поселения («А», «Б», «В»), откуда велись наблюдения за восходами/заходами Солнца и Луны в значимые дни года (рис. 1; 2). Астрономические данные свидетельствуют о том, что столбовые и земляные конструкции пунктов наблюдения сооружали последовательно в течение нескольких дней, в соответствии с визуально наблюдаемыми особенностями взаимного положения Солнца и Луны и планировкой поселения. Каждый из пунктов имел свои особенности функционирования, связанные с отпращиванием разных культов – Солнца, Луны и др.

По всем данным разметка площади поселения с определением его границ и мест под жилищные постройки была осуществлена в течение трех-пяти дней, совпадающих с днями летнего солнцестояния. В эти дни Солнце практически не меняет своего положения на небосводе и как бы останавливается в своем движении, что имеет большое значение для точности визуального определения значимых солнечных и лунных азимутов, положенных в основу архитектуры памятника.

Изначальным пунктом наблюдения за основными светилами и одновременно относительным центром поселения, откуда развивалось очерченное пространство, являлось место расположения углубления (4,6 × 5 × 0,5–0,8 м) для разведения большого огня (пункт «А»). В центре углубления и у СВ его края до разведения костра многоразового использования были установлены два столба (№ 1, 2). Четыре столба находились точно к С и СЗ от первых сооружений, связанных со строительством поселения (рис. 1; 2). Место для них, как и всего поселения, было выбрано заранее.

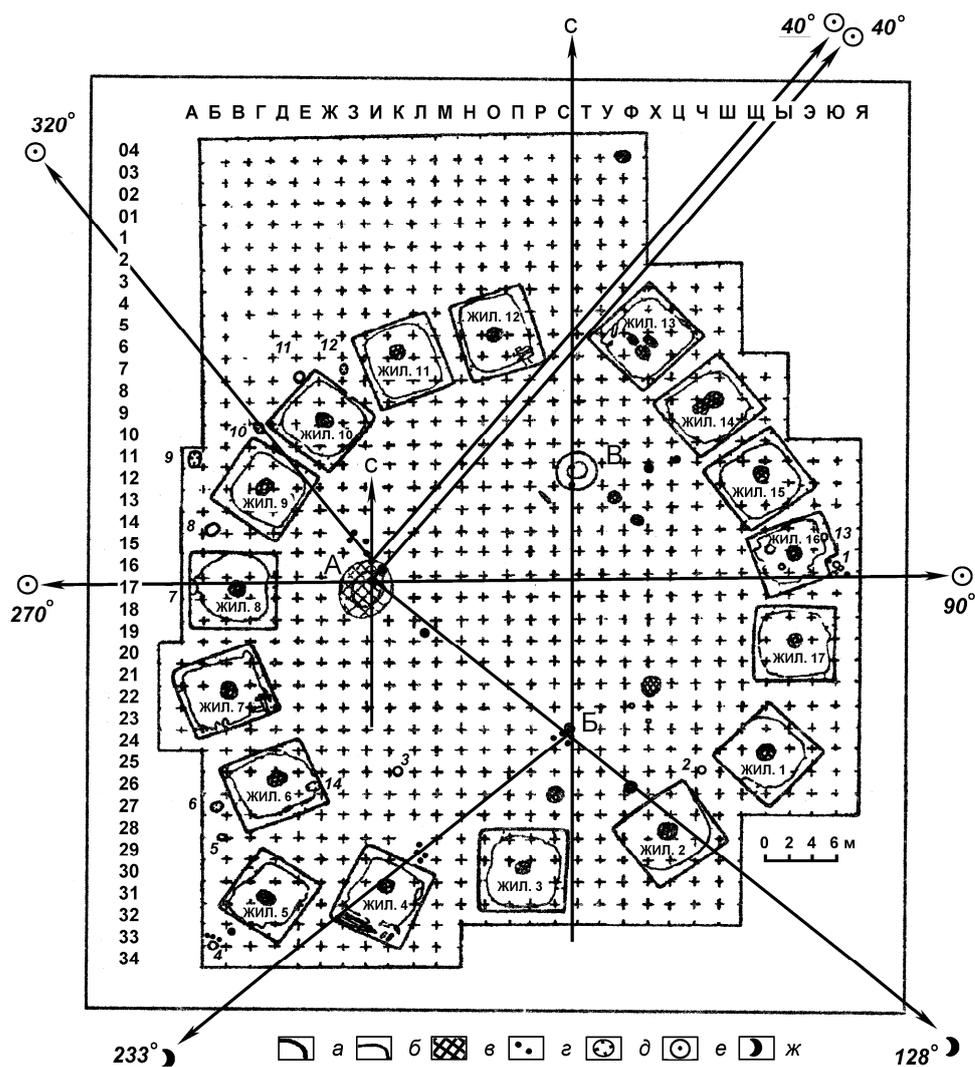

Рис. 1. Поселение ЮАО XIII, план раскопа (по Ковалёва, Рыжкова, Шаманаев 2000: 25, рис. 5) с астрономическими ориентирами начального этапа строительства поселения (Потёмкина): а – внешняя граница котлована жилища; б – внутренняя граница темно-серой супеси; в – очаг; г – ямки от столбов; д – ямы; е – солнечные азимуты; ж – азимуты низкой полной Луны

Из пункта «А» размечены только значимые астрономические направления, определяемые по Солнцу, что позволяет предполагать его связь с отправлением солнечного культа. Расположение столбов в пункте «А» свидетельствует, что до проведения непосредственных наблюдений за светилами, относительно столба № 1 были определены направления по сторонам света. Ориентир на С и линия С–Ю были зафиксированы двумя столбами при положении Солнца в зените по полуденной тени от столба № 1, указывающей на полюс Мира или истинный Север (рис. 1).

Одновременно с этим был размечен «крест», т. е. определены и зафиксированы два других важных направления – на В и З. Принцип построения «креста», как символа Неба и Солнца, был хорошо известен строителям поселения, что получило отражение в орнаментах на доньшках сосудов (рис. 3, 2, 4–5). Ориентир на В зафиксирован столбом в яме 1 у восточного угла жилища 16 и рядом других столбов в этом направлении. На значимость восточного ориентира в планировке поселка указывает отсутствие у прямоугольного котлована жилища 16 юго-восточного угла именно в том месте, где находились яма 1 и два столба. Вместо угла жилища фиксировался останец материкового песка размерами 1,2 × 1,8 м (Ковалёва и др. 2000: 37), что означает предварительную

расчистку от верхнего слоя места расположения столбов, маркирующих направление на В. Ориентир на 3 был отмечен установкой столба в яме 7, расположенной точно в западном направлении (270°) от центрального столба № 1, у внешней стенки жилища 8 (рис. 1). На линии данного азимута находился также очаг в жилище.

Столбы-меты в ямах 1 и 7 маркировали восточную и западную границы поселения и были установлены до сооружения жилищ 8 и 16, по крайней мере, до возведения их стен и кровли.

Выявленные относительно столба № 1 ориентиры на восходы/заходы Солнца и Луны свидетельствуют о том, что начало строительства поселения, по крайней мере, разбивки его площади, было приурочено ко дню летнего солнцестояния (21–22 июня). По наблюдаемому ранним утром (около пяти часов) и зафиксированному от столба № 1 азимуту восхода Солнца в этот день были определены место и границы северного входа на поселение, обозначенные углами котлованов жилищ 12 и 13 (рис. 1). Вполне вероятно, что эти жилища были первыми, размеченными поселением. Тем самым один из входов на территорию поселка был сориентирован в направлении восхода Солнца в летнем солнцестоянии (40°) и направлен в сторону озера. Одновременно по центру вход был ориентирован строго на С, что однозначно ориентации на Полярную звезду. На этой же линии С–Ю был размещен и южный вход на поселение. Оба входа обозначили осевую линию поселка точно по линии С–Ю.

Присутствие в пункте наблюдения «А» столбов-мет, фиксирующих относительно центрального столба № 1 азимут захода Солнца в день летнего солнцестояния (320°), а также следов дальнего визира в этом направлении (яма 10), позволяет считать, что в тот же день вечером (сразу после 22-х часов) из данного места был зафиксирован ориентир на заход Солнца. Полученные направления на восход и заход Солнца в летнем солнцестоянии очертили границы северного сектора поселения, в пределах которого были размещены три жилища 10–12. Возведение их стен и кровли следует предполагать в числе первых, т. к. в очерченном секторе Солнце и Луна не появляются никогда, что не требовало от строителей никаких дальнейших наблюдений в этом направлении.

Основываясь на закономерностях движения Луны, есть основания полагать, что в тот же вечер дня летнего солнцестояния относительно столба № 1 в пункте «А» были установлены меты на восход низкой полной Луны в ее крайней южной позиции (128°). Они отмечены одним из столбов в пункте «Б» (участок С-24) и двумя кострищами на линии данного азимута (рис. 1). На линии азимута восхода низкой полной Луны находится также центральный очаг в жилище 2, расположенном в данном направлении.

В те же сутки полнолуния в день летнего солнцестояния перед восходом Солнца, относительно установленного в пункте «Б» столба, был зафиксирован азимут захода низкой полной Луны в крайней южной позиции (233°). В качестве ближнего визира на точку захода Луны служил один из четырех столбов-мет на участке Л-29. Обращает на себя внимание, что эти столбы-меты, если исходить из четкого расположения жилищ на поселении по кругу, заняли место на окружности, где должен был находиться очаг в центре жилища 4. В результате очаг и само жилище оказались сдвинуты к ЮЗ и «выбились» из заданного круга, хотя очаг остался расположенным на линии, определяющей азимут захода низкой полной Луны в день летнего солнцестояния.

В пределах южного сектора поселения, обозначенного ориентирами на восход и заход низкой полной Луны в крайней южной позиции, были расположены три жилища 2–4, определившие южную границу поселения.

Центральное место в южном секторе занимало жилище 3, расположенное точно к Ю от столбов-мет в пункте «Б», в направлении положения Солнца в зените. С восточной стороны оно примыкало к осевой линии поселения. В жилище 3 обнаружены: крупный сосуд, опрокинутый вверх дном, орнаментированный узором из числового множества, связываемого исследователями с годовым циклом; скопление рыболовных грузил (21 экз.), возможно, указывающих на связь Луны с водой; развалы трех сосудов, с лунной календарной символикой на днище одного из них. У входа в жилище находились костные останки двух особей собак (Ковалёва и др. 2000: 27–28, 88–89;

рис. 13–15). По мнению исследователей памятника, жилище 3 маркировало зону смерти – юг, что согласуется с известными нам представлениями древних.

В те же лунные сутки одновременно с фиксацией ориентиров на восход/заход низкой полной Луны в крайней южной позиции (в летнем солнцестоянии) относительно того же столба в пункте «Б» были установлены меты в направлении восхода (54°) и захода (306°) низкой полной Луны в крайней северной позиции (в зимнем солнцестоянии). Данное заключение основано на хорошо наблюдаемой визуальной закономерности движения Луны, когда полная высокая и низкая Луна в крайних северных и южных позициях восходят и заходят в летнем и зимнем солнцестояниях на прямо противоположных сторонах горизонта. Ориентиры в этих направлениях, как и в других подобных случаях, были отмечены столбами и кострищами (рис. 2). Вокруг очага на участке Ф/22–23 обнаружено 113 изделий из камня.

Из пункта «Б» столбами в ямах 2, 3, 6, 14 были зафиксированы также ориентиры на восход (103°) и заход (257°) низкой полной Луны в дни осеннего равноденствия. На линиях данных азимутов находятся жилища 1 и 6, что может означать их сооружение в это время года. Ориентир на заход высокой полной Луны в крайней северной позиции (332°) мог быть зафиксирован из пункта «Б» (дальний визир – столб в яме 12) только через 9,3 года после начала строительства поселения, когда с изменением наклона плоскости лунной орбиты относительно эклиптики склонение Луны стало соответствовать положению «высокой».

Результаты археоастрономических исследований показывают, что наблюдательный пункт «Б» был связан с отправлением лунного культа: из пункта «Б» велись наблюдения только за восходами и заходами Луны в значимые дни года; к нему приурочено жилище 3, где обнаружены артефакты, имеющие отношение к символике Луны. Важно отметить, что шесть из семи лунных азимутов, зафиксированных относительно столбов-мет в пункте «Б», связаны с восходами и заходами низкой полной Луны в поворотных точках ее движения в дни солнцестояний и равноденствий.

Тот факт, что восход и заход низкой полной Луны в крайней южной позиции были зафиксированы на поселении в день летнего солнцестояния, означает день поворота восхода/захода Луны. В этот день Луна взойдет и зайдет в своем крайнем южном положении, соответствующем данной фазе лунного цикла в 18,6 лет. В этих поворотных точках низкая полная Луна снова окажется только через 18,6 лет (Климишин 1985: 37–39, рис. 13; Потёмкина, Юревич 1998: 14–15, 21–24, рис. 3).

Это может означать, что служители культа населения ташковской культуры заранее рассчитали эту дату, используя свой опыт длительных и постоянных наблюдений за светилами, и специально приурочили строительство поселения к началу 18,6-летнего лунного цикла. В первую очередь это связано с возможностями предсказаний таких значимых явлений как затмения Солнца и Луны. В этот год низкой Луны затмение, если оно имело место, должно было произойти в день полнолуния, ближайшего к осеннему или весеннему равноденствию (Вуд 1981: 96–97, 107).

Не исключено, что именно с периодом 18,6-летнего лунного цикла было связано начало строительства поселения и время его функционирования, что может многое объяснить в культурных особенностях памятников ташковской культуры с круговой планировкой. Прежде всего, это относится к выявленным раскопками фактам преднамеренного сожжения поселений его обитателями. Новое поселение, вероятно, также приурочивалось к следующему 18,6-летнему лунному циклу.

Третий пункт наблюдения «В» (участки С, Т/ 11–12) расположен на осевой линии поселения напротив северного входа. Его конструкция имеет своеобразное устройство в виде кольцевого сооружения глубиной 0,5 м, шириной 0,8 м, с внешним диаметром 3,2 м и внутренним – 1,6 м, с двумя столбовыми ямками в его пределах на осевой линии поселения по направлению С–Ю (Ковалёва и др. 2000: 40, 41). Столб в южной части канавки диаметром 0,35 м и глубиной 0,9 м по всем данным использовался не только как визир, но и функционировал в качестве гномона – простейшего астрономического инструмента для ведения счета времени по Солнцу, с помощью которого можно было получить четкие фиксированные направления по сторонам света.

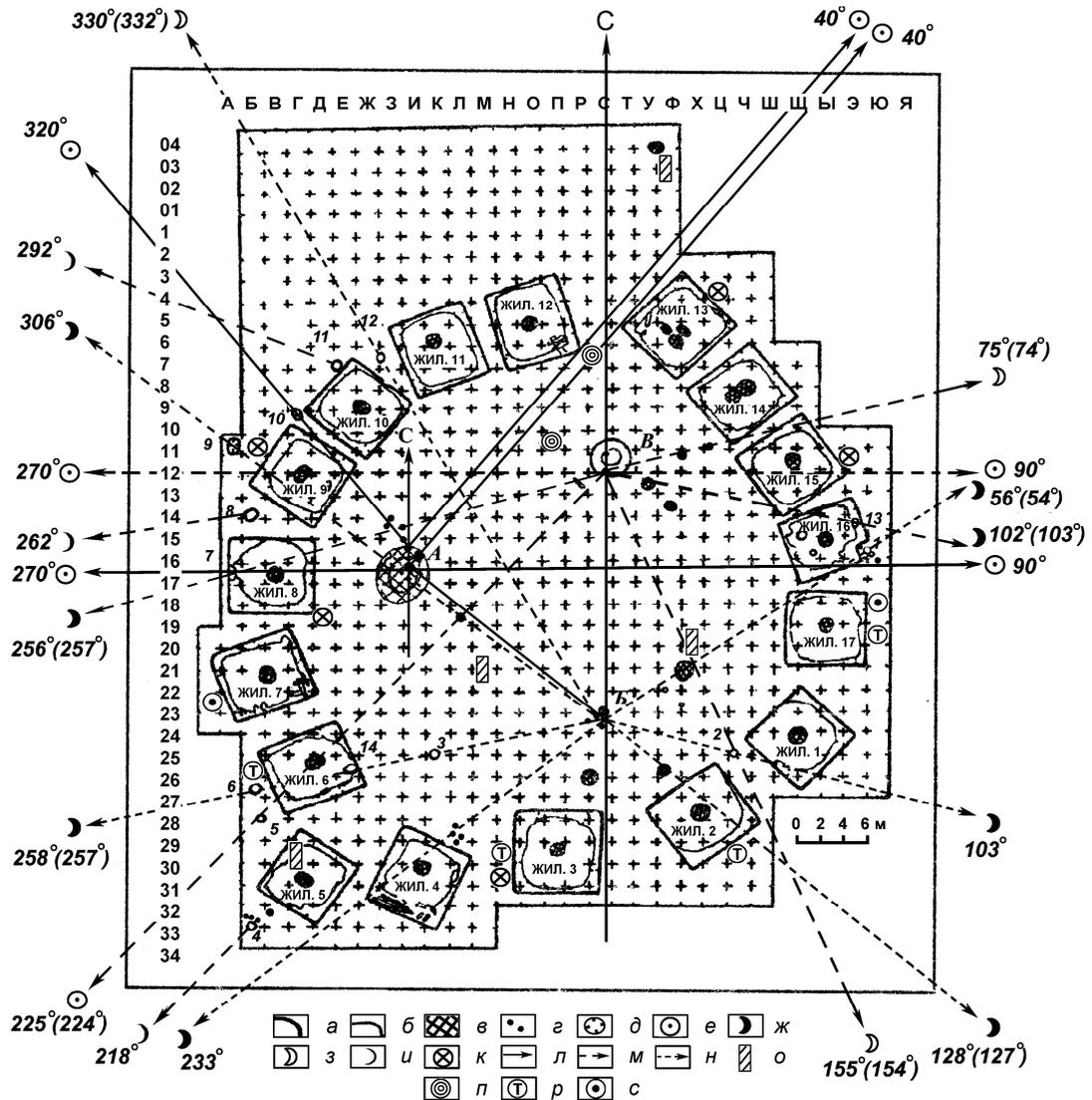

Рис. 2. Поселение ЮАО XIII, план раскопа (по Ковалёва, Рыжкова, Шаманаев 2000: 25, рис. 5) с астрономическими ориентирами периода функционирования поселения (Потёмкина): *а* – внешняя граница котлована жилища; *б* – внутренняя граница темно-серой супеси; *в* – очаг; *г* – ямки от столбов; *д* – ямы; *е* – солнечные азимуты; *ж* – азимуты низкой полной Луны; *з* – азимуты высокой полной Луны; *и* – направление появления молодой Луны; *к* – жилища с сосудами, орнаментированными крестом на дне; *л* – астрономические ориентиры относительно мет в пункте «А»; *м* – в пункте «Б»; *н* – в пункте «В»; *о* – места скоплений изделий из камня; *п* – сосуды с центрическим орнаментом на дне; *р* – тигли; *с* – кружки с отверстиями (для № 6, 7, 8 – в скобках указаны азимуты, рассчитанные для 2000 г. до н. э.; вне скобок – полученные по метам на плане раскопа)

Относительно данного столба зафиксированы девять астрономических направлений: на С и Ю, В (90°) и З (270°), на восходы Солнца в зимнем солнцестоянии (224°), высокой полной Луны в крайней южной позиции (154°) и в дни равноденствий (74°), на восход (103°) и заход (257°) низкой полной Луны в дни равноденствий. В пяти случаях на линиях указанных азимутов, наряду с кострищами и столбовыми ямами на внутренней площади поселения, находятся очаги в центрах жилищ 6, 8, 9, 15, 16, что предполагает их привязку к конкретным астрономическим направлениям и определение места расположения до возведения стен и кровли самих построек (рис. 2). Из пункта «В» были зафиксированы также направления на место появления на небосводе молодой Луны в дни близкие к дням солнцестояний (218°, 292°) и равноденствий (262°), вероятно с календарной целью (рис. 2).

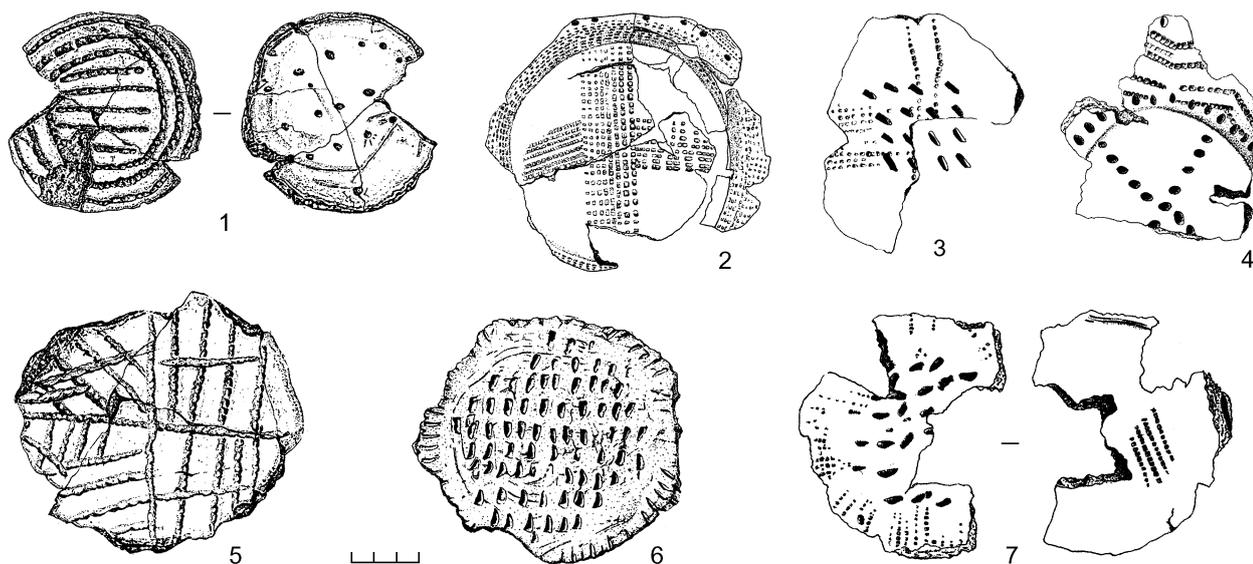

Рис. 3. Поселение Андреевское озеро XIII: 1–7 – орнамент на доньшках сосудов
(по Ковалёва и др. 2000: рис. 27, 3; 34, 4; 36, 1; 40; 45, 1, 2; 46, 4)

В отличие от пунктов «А» и «Б», относительно которых зафиксированы, соответственно, только солнечные и лунные азимуты, в пункте «В» представлены те и другие, равно как и направления на четыре стороны света. Вероятнее всего, отсюда велись разного рода повседневные наблюдения, связанные с суточными, месячными и сезонными изменениями, в т. ч. календарного значения.

Количество лунных азимутов на поселении ЮАО XIII в два раза преобладает над количеством солнечных ориентиров. Во всех достоверных случаях они связаны с крайними позициями полной низкой (8 случаев) и высокой (3 случая) Луны. Это может свидетельствовать о культовом назначении поселения, т. к. данные отметки лунных направлений на горизонте не могут быть использованы для календарных целей. Их существование может быть объяснено религиозными мотивами: в древности астрономические наблюдения были религиозными церемониями, особой формой служения богам. Знание поворотных точек Луны и Солнца на горизонте помогало древним астрономам-служителям культа предсказывать солнечные и лунные затмения и другие космические явления, использовать их в религиозной практике и повседневной жизни.

Таким образом, полученные археоастрономические данные свидетельствуют, что четкая планировка и увязка с астрономическими ориентирами практически всех сооружений поселения ЮАО XIII были возможны только в результате предварительной разметки древними строителями его площадки на основании непосредственного наблюдения за положением светил на небосводе и путем визирования на фиксированные точки на горизонте. Основная планировка рассматриваемого поселения, приуроченная к началу нового 18,6-летнего лунного цикла, была осуществлена в течение трех–пяти дней летнего солнцестояния. Само строительство заняло три–четыре месяца до середины осени. Предполагаемое время функционирования поселения как культового центра – 18,6 лет лунного цикла, после чего оно было сожжено его обитателями и перенесено на новое место, приуроченное к новому лунному циклу.

Отмеченные выше архитектурные и функциональные особенности поселения ЮАО XIII объясняются его особой культовой значимостью. Реально предположить, что здесь проживали служители культа ташковской культуры, чтившие и исполнявшие различного рода ритуалы в соответствии с существующими представлениями о Мироздании. Они должны были быть хранителями постепенно накапливающихся астрономических знаний о движении светил, особых инженерных знаний, необходимых для строительства подобных культовых сооружений и руководства религиозной жизнью общества.

На это указывают и особенности культурного слоя поселения, не характерные для стационарных поселков, в т. ч. и ташковской культуры, напр. Ук III (Корякова и др. 1991: 16–22). Специфический набор керамики, хозяйственных предметов и бытовых отходов на поселении ЮАО XIII (Ковалёва и др. 2000: 45–82) свидетельствуют об особых условиях быта проживающих здесь людей. Сходная ситуация известна на культовых памятниках с астрономическим значением эпохи энеолита–бронзового века в Северной Европе (Вуд 1981: 244–249), по материалам храмовых сооружений древних цивилизаций Египта, Месопотамии и др.

Данная гипотеза объясняет, каким образом древние знания могли сохраняться и передаваться из поколения в поколение. Установка астрономических направлений и последующие наблюдения за движением основных светил, разметка на земле разного рода объектов требовали знания множества правил и четко разработанных процедур. В условиях отсутствия письменности единственный способ запоминания абстрактных сведений – это превращение соответствующих обязанностей и задач в ритуалы. Условия для передачи устной традиции могла обеспечивать элита жрецов, живущая замкнутой общиной, где старики обучают неофитов. Этим целям и должны были служить культовые центры, подобные поселению ЮАО XIII.

Вуд 1981 – Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981.

Ковалёва 1997 – Ковалёва В. Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург, 1997.

Ковалёва и др. 2000 – Ковалёва В. Т., Рыжкова О. В., Шаманаев А. В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург, 2000.

Корякова и др. 1991 – Корякова Л. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск, 1991.

Потёмкина, Юревич 1998 – Потёмкина Т. М., Юревич В. А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998.

С. В. Александров, Н. А. Боковенко, М. Е. Килуновская, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, Вл. А. Семёнов, Н. Ф. Соловьёва (Санкт-Петербург, Россия)

Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Кызыл–Курагино

Одним из важнейших археологических памятников, исследованных М. П. Грязновым, является скифский кург. Аржан I, открытие которого стало поворотной точкой скифской археологии. Этот грандиозный курган, конструкция которого оказалась уникальной, находился на окраине пос. Аржаан в центре Уюкской котловины на севере Тувы. Инициатором исследований этого памятника выступил тогдашний директор ТНИИЯЛИ Ю. Л. Аранчын. Начальником экспедиции был назначен сотрудник ТНИИЯЛИ к. и. н. М. Х. Маннай-оол, а профессор М. П. Грязнов являлся научным консультантом и руководил раскопками Аржана. С 1971 по 1974 гг. в его экспедиции работали почти все специалисты по археологии Сибири из ЛОИА АН СССР и других научных учреждений Ленинграда (МАЭ, ГЭ, ЛГУ). Значение открытия М. П. Грязнова заключается в том, что в Аржане были обнаружены все составляющие скифской триады: конское снаряжение, разнообразное оружие и предметы искусства, выполненные в традициях т. н. звериного стиля. Радиоуглеродное датирование и дендрохронология показывают, что Аржан является самым древним скифским памятником степной Евразии.

Раскопки этого кургана – значимый эпизод в научной деятельности отдела Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИА/ИИМК РАН. Всю вторую половину минувшего столетия вплоть до настоящего времени археологи ИИМК РАН ведут планомерные масштабные исследования различных памятников Тувы и Красноярского края. С 1964 по 1983 г. здесь работала Саяно-Тувинская экспедиция, возглавляемая первоначально А. Д. Грачом, а затем С. Н. Астаховым. Экспедиция

проводила полевые изыскания в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС от пос. Майна на территории Хакасии до г. Старый Шагонар. Число ее сотрудников и объем выполненных археологических работ не имели в ту пору аналогов в СССР. В результате раскопок получен бесценный научный материал по древним культурам этого региона от эпохи неолита до раннего средневековья. Известные в этом районе культурно-исторические ценности составляют «Золотой фонд» культуры не только Российской Федерации, но и всего мира. Их исследование и сохранение, а также ознакомление общественности с результатами проведенных работ является одной из первоочередных задач науки, которую следует решать при археологическом изучении территорий, выделенных под строительство различных объектов народного хозяйства.

В 1984 г. была сформирована ТАЭ (начальник Вл. А. Семёнов), в 2009 г. – САЭ (начальник А. В. Поляков), которые работают на новостройках Тувы и Красноярского края.

Закономерным продолжением этих исследований стали изыскания по трассе планируемой железной дороги Кызыл–Курагино. Инвестиционный проект «Строительство железнодорожной линии Кызыл–Курагино в увязке с освоением минерально-сырьевой базы республики Тыва», реализуемый при государственной поддержке за счет средств инвестиционного фонда Российской Федерации, утвержден распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2006 г. (№ 1708-р). Этот рельсовый путь пересечет в меридиональном направлении Западный Саянский хребет и будет проходить по долинам горных р. Ус, Оя, Уюк и Эрбек, по которым в древности пролегали кочевые тропы, соединявшие разные регионы Южной Сибири и Центральной Азии. Эти территории насыщены археологическими памятниками различных эпох – от каменного века до средневековья.

В 2009 и 2010 гг. ИИМК РАН по заказу проектных организаций проводил разведку по трассе проектируемой железной дороги. Всего в процессе работ было выявлено более 80 археологических объектов, расположенных на различных участках трассы. В связи с тем, что 51 археологический памятник непосредственно попадает в зону строительства линейной части железной дороги, было принято решение об их полном научном изучении.

В 2011 г. Русское географическое общество приступило к реализации многолетнего проекта «Открой тайну “Долины царей”», предназначенного для российской и зарубежной молодежи (в т. ч. и студенческой), которая пожелала бы в качестве волонтеров принять участие в работах археологических экспедиций на трассе будущей железной дороги. В рамках этого проекта специалисты ИИМК РАН разработали программу археологических исследований, в соответствии с которой они осуществляют раскопки и научное руководство волонтерами.

Тувинская часть планируемой железной дороги начинается от Куртушибинского хребта, пересекает Уюкскую котловину в направлении с севера на юг, затем Уюкский хребет и далее до предполагаемой станции Эрбек-Товарная проходит по правому берегу р. Эрбек. Затем рельсовый путь поворачивает на восток в сторону г. Кызыла. Таким образом, железная дорога идет по территориям Пий-Хемского и Кызылского кожуунов Республики Тыва, т. е. по Турано-Уюкской и Центрально-Тувинской котловинам. Протяженность тувинского участка трассы – 110 км.

В результате археологических разведок 2009–2010 гг. в Пий-Хемском и Кызылском р-нах Республики Тыва было выявлено 44 могильника, 35 из которых попадают непосредственно в линию землеотвода (более 180 курганов), а также две стоянки каменного и бронзового веков и местонахождение петроглифов. В 2011 г. экспедиция исследовала археологические объекты на могках Эки-Оттуг 1 и Саускен 3 и на стоянке Кара-Орга.

В 2012 г. ТАЭ включала четыре отряда и группу, исследовавшую район вероятного местонахождения памятников эпохи палеолита (начальник группы д. и. н. С. Н. Астахов). На сегодняшний день на мог-ке Эрбек 2 раскопано шесть курганов, на мог-ке Ак-Даг 2 – три кургана, на могках Бай-Даг 2 и 4 по одному поминальному сооружению, на мог-ке Бай-Даг 6 – девять курганов, на мог-ке Черная речка 1 – один курган, на мог-ке Кадылын 1 – три кургана, на мог-ке Эки-Оттуг 1 – 12 курганов, на мог-ке Эки-Оттуг 2 – два объекта, включающие восемь курганов с 40 погребениями, в т. ч. с детскими захоронениями, кенотафами и культовыми выкладками. В погребениях

обнаружены предметы вооружения, бронзовые поясные бляшки, выполненные в скифском зверином стиле, колчаные крюки, наборы конской узды, остатки органических материалов. Вышеназванные могильники относятся к монгун-тайгинской, алды-бельской, уюкской и саглынской культурам (IX–II вв. до н. э.). В некоторых курганах встречаются впускные захоронения кокзельской культуры (первые века нашей эры). В Пий-Хемском кожууне на берегу оз. Белого исследовано два поминальника кокзельской культуры и уникальный комплекс из двух пристроенных друг к другу курганов ранне-скифского времени (мог-ки Белое озеро 3а и 4, руководитель отряда к. и. н. В. А. Завьялов).

Археологические изыскания в зоне строительства железной дороги Кызыл–Курагино на территории Красноярского края были начаты САЭ в 2009 г. Была проведена разведка на всем протяжении планируемой линейной части железной дороги на территории Курагинского, Каратузского и Ермаковского р-нов и обследованы зоны отвода под инфраструктуру и каменные карьеры в долине р. Иджим. В общей сложности на территории Ермаковского р-на выявлено 37 ранее неизвестных археологических объектов. Из них 34 расположены в границах проектируемой полосы постоянного отвода железной дороги Кызыл–Курагино, среди них 24 курганных могильника и 10 поселений.

В 2012 г. САЭ начала раскопки археологических памятников на двух участках трассы будущей железной дороги: 1) в долине р. Иджим на территории Ермаковского р-на Красноярского края, где для организации работ было создано три отряда под руководством сотрудников ИИМК РАН (второй отряд – начальник к. и. н. Н. А. Боковенко, третий отряд – начальник С. В. Александров, четвертый отряд – начальник к. и. н. И. П. Лазаретов); 2) на территории Курагинского и Каратузского р-нов, где работает первый (Тубинский) отряд под руководством к. и. н. А. В. Полякова.

Первый (Тубинский) отряд САЭ проводил исследования трех поселений тагарской культуре, относящихся к финалу подгорновского этапа и сарагашенскому этапу (VI–III вв. до н. э.). Поселение Рощинское 1 расположено на большом песчаном холме в 1,6 км к В от пос. Рощинский Курагинского р-на Красноярского края. В ходе работ было вскрыто 2054 м², выявлено 29 хозяйственно-бытовые ям, обнаружено ок. 900 находок, включая изделия из бронзы (два шила, лезвие бронзового ножа), камня и кости, а также многочисленные фрагменты керамики.

Значительный интерес представлял расположенный в непосредственной близости (800 м к ЮВ) памятник Рощинское 2. В южной части небольшой возвышенности зафиксирован комплекс, состоящий из трех жилищ со следами каркасно-столбовых конструкций, вокруг которых было выявлено 26 хозяйственных ям различных форм и назначения (общая вскрытая площадь – 1075,5 м²). Среди находок следует отметить серию фрагментов каменных оселков и грузил, аргиллитовую застежку, костяной наконечник стрелы, бронзовое шило, лезвие бронзового ножа, каменный «утюжок» и две шлифованные костяные проколки. Подавляющее большинство артефактов представлено обломками керамических сосудов. В одной из ям на окраине памятника обнаружено безынвентарное захоронение пяти человек и собаки.

Проведены также раскопки поселения Старая Копь 1, которое расположено на правом берегу р. Амыл в Каратузском р-не Красноярского края. В ходе работ было установлено, что этот памятник включает три отдельные участка с культурным слоем, причем участок 2, площадь которого составила 1450 м², был полностью исследован. На нем зафиксировано 17 объектов, один из которых может быть интерпретирован как жилище. Обнаружено свыше 300 находок, среди которых отметим удила VI в. до н. э.

Кроме того, проводились мероприятия по обеспечению сохранности памятников, расположенных вблизи проектируемой трассы, и дополнительные обследования, в ходе которых заложено свыше 150 шурфов. Выявлено два ранее не известных поселения – Ирба 3 и Ирба 2. На последнем из них планируется проведение раскопок.

Основные усилия второго отряда САЭ были сосредоточены на раскопках мог-ка Маральское 2 (I тыс. до н. э.), состоящего из 12 курганов. Кург. 5 этого могильника был исследован в 2011 г. В полевом сезоне 2012 г. на памятнике было раскопано семь курганов с массивными круглыми каменными насыпями диаметром 6–10 м и высотой до 1 м. В каменных ящиках обнаружены

захоронения людей, в скорченном положении, головой на З. Могилы ограблены. Найдены остатки глиняной посуды, каменные чаша и пестик. Под некоторыми курганами обнаружен незначительный культурный слой эпохи бронзы, в котором встречены фрагменты орнаментированной керамики и кремневый наконечник стрелы. В межкурганном пространстве, восточнее кург. 3 зафиксированы прямоугольные каменные выкладки ($2 \times 0,8$ м), являвшиеся, вероятно, остатками сложного ритуально-поминального сооружения, относящегося к III–II тыс. до н. э. Аналогичный памятник исследован на мог-ке Аргалыкты 2 в 1965 г. Саяно-Тувинской экспедицией под руководством А. Д. Грача.

На поселении Черноусово 3 в 2012 г. исследовано 1300 м². Обнаружены очаги и хозяйственные ямы. Выявлено более 2000 находок: обломки глиняной орнаментированной посуды и кремни, относящиеся к началу эпохи бронзы (III тыс. до н. э.).

Третий отряд проводил раскопки мог-ков Сухорослово 1, состоящего из двух курганов, и Сухорослово 3 (один курган). На обоих памятниках проведен полный комплекс топографических работ, составлены подробные тахеометрические планы, определены границы курганов.

На мог-ке Сухорослово 1 раскопаны два кургана эпохи раннего средневековья (предварительная дата – VIII–IX вв.), представлявшие собой округлые каменные выкладки, сооруженные из крупных речных валунов. Курганы нарушены распашкой – первоначальный диаметр каменных конструкций составлял ок. 5 м. В древности курганы имели вид округлых плоских каменных сооружений, возвышавшихся на 0,4–0,5 м над поверхностью земли.

Курганы мог-ка Сухорослово 1 были сооружены в одну эпоху и по многим конструктивным параметрам близки друг другу. В обоих курганах были по обряду кремации погребены взрослые. Трупы были сожжены на стороне, а в могилы поместили уже сожженный прах. Вместе с тем, наблюдается и существенная разница в погребальном обряде двух курганов В кург. 1 прах захоронен в грунтовой яме, на дне которой были найдены три, находившихся в анатомическом порядке, позвончика баранов – остатки мясной пищи. Там же был обнаружен ременной комплект, состоящий из бронзовой пряжки и наконечника пояса. В заполнении норы встречен железный трехлопастной наконечник стрелы с черешковым насадом. В кург. 2 под каменной насыпью на уровне погребенной почвы были зафиксированы сгоревшие остатки наземной деревянной конструкции, внутри которой на древнем горизонте захоронен кальцинированный прах. Там же найдены две пряжки: одна – железная с подвижным язычком, другая – бронзовая. Таким образом, в мог-ке Сухорослово 1 наблюдается смешение двух культурных традиций: в кург. 1 прослежены кыргызские погребальные традиции, характерные для памятников Хакасско-Минусинских котловин, тогда как ритуал кург. 2 ближе к памятникам Саяно-Алтайского региона. В данном случае можно говорить о контактной зоне в долине р. Иджим, и ее коммуникативно-транспортной роли, выраженной в археологических памятниках раннего средневековья.

Четвертый отряд САЭ проводил раскопки поселений Усть-Иджим 1 и Сухорослово 2 в Ермаковском р-не Красноярского края. Памятники расположены в 20 км к В от пос. Верхнеусинское, на ровной площадке надпойменной террасы правого берега р. Иджим, вблизи от впадения в р. Ус, на удалении 1 км друг от друга. На поселении Усть-Иджим 1 вскрыто 544 м². В ходе работ выяснилось, что северная часть памятника практически полностью уничтожена современной распашкой. В верхнем пахотном слое обнаружены каменные орудия, кремневые отщепы и пластины, а также фрагменты орнаментированной керамики эпохи ранней бронзы, которые залежали совместно с неорнаментированной посудой скифского времени, средневековыми железными наконечниками стрел и мусором второй половины XX в. В южной части раскопа, на склоне террасы, под пахотой выявлен сохранившийся участок культурного слоя – супесь темно-коричневого цвета мощностью 0,15–0,25 м. С этим слоем связаны остатки нескольких костров и скоплений обожженной речной гальки. Однако очажные конструкции не обнаружены. Рядом с кострами отмечены концентрации артефактов – каменные отбойники, нуклеусы, скребки, скопления кремневых отщепов и пластин, каменные и костяные наконечники стрел различной степени готовности. Вероятно, эти места являлись своеобразными производственными площадками. Здесь же выявлены скопления

керамики и развалы горшков эпохи ранней бронзы. Посуда представлена баночными плоскодонными и слабопрофилированными формами. Поверхность большинства горшков полностью орнаментирована отпечатками различных зубчатых штампов или фигурными оттисками палочки, причем иногда украшены дно и верхний срез венчика. Всего на поселении Усть-Иджим 1 зафиксировано свыше 8000 находок, преимущественно, эпохи ранней бронзы (конец III–начало II тыс. до н. э.). Часть фрагментов неорнаментированной или украшенной формованными валиками керамики, возможно, относится к скифскому времени. Эпоха средневековья представлена находками железных наконечников стрел.

На поселении Сухорослово 2 вскрыто 1114 м². Культурный слой эпохи ранней бронзы здесь частично уничтожен постройками первой половины XX в., а затем перекрыт отходами современной деревообработки. Находки на площади памятника, как и на поселении Усть-Иджим 1, представлены отдельными скоплениями. Они включали, главным образом, отходы производства каменных орудий (множество нуклеусов, кремневых отщепов и пластин, образовавшихся при изготовлении скребков и кремневых наконечников стрел). Орудия являются более грубыми, чем на поселении Усть-Иджим 1, для их производства зачастую использовали не только кремь, но и различные окремненные породы камня, кварциты и даже песчаник. Керамика двух местонахождений, в целом, сходна. Можно отметить, что при орнаментации посуды поселения Сухорослово 2 чаще использовали штамп с укрупненными зубцами, оттиски которого более акцентированы.

Следует подчеркнуть, что оба исследованных памятника располагаются на последнем степном островке южного склона Саян, непосредственно на древней тропе, связывающей современную Туву и Хакасско-Минусинскую котловину, перед входом на ее труднопроходимый горно-таежный участок. Вероятно, в эпоху ранней бронзы здесь не существовало долговременных поселений со стационарными постройками. Удобные террасы р. Иджим использовались древними путешественниками только для кратковременных стоянок, где можно было отдохнуть, пополнить запасы продуктов и подготовиться к тяжелейшему переходу через горные перевалы Саян.

История изучения археологических памятников Тувы и Красноярского края насчитывает более 100 лет. За это время оба региона получили широкую международную известность как ключевые для понимания характера и динамики развития на юге Сибири историко-культурных общностей эпохи камня, бронзы, средневековья и нового времени. По результатам исследований памятников Тувы и Красноярского края специалисты ИИМК РАН опубликовали в России и за рубежом ряд монографий. В рамках планирующегося активного хозяйственного освоения территорий в связи со строительством железной дороги Кызыл–Курагино сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, строительные работы, планирующиеся на трассе рельсового пути, угрожают существованию археологических памятников, а с другой стороны – возникла уникальная возможность углубленного изучения культурно-исторического наследия древнего населения Южной Сибири.

А. В. Фрибус (Кемерово, Россия)

Афанасьевская культура и системы взаимодействия в степной Евразии эпохи палеометалла

В археологии Южной Сибири и Центральной Азии афанасьевская культура давно и по праву занимает особое место в силу ряда причин. Наиболее значимые из них – принципиальные культурные трансформации, которые впервые происходят в это время на обозначенной территории. Ключевые составляющие «афанасьевского феномена» были сформулированы М. П. Грязновым (1999: 45–54). Это переход к производящему скотоводческому типу хозяйства, начало металлургии меди, ряд косвенных данных, свидетельствующих о процессе зарождения сложной системы социальных отношений, предполагающей появление социальной стратификации, особых идеологических представлений и прочих новшеств, указывающих на совершенно новую, но, тем не менее, узнаваемую матрицу, которая окончательно сложится в степном мире несколько позднее.

Рассматривая историографию можно сказать, что афанасьевской культуре «не повезло». К сожалению, для этого есть вполне объективные причины – она оказалась незаслуженно вырванной из своего контекста. На смену широким историко-культурным полотнам (Киселёв 1951; Вадецкая, 1986; Грязнов 1999; и др.) пришла совершенно иная археология. Она стала куда более скрупулезной, детальной и конкретной, но при этом широкий взгляд, позволяющий соединить запад и восток степного пояса в единую историко-культурную провинцию, был утерян. Специалисты по энеолиту, напр., Поволжско-Уральского региона, где в последнее время проводятся чрезвычайно важные и интересные исследования ранних ямных комплексов (Богданов 2004; Моргунова 2011; Салугина 2005, Турецкий 1999; и др.), как правило, имеют лишь самые общие представления о синхронных и культурно близких памятниках юга Сибири. Еще более ощутимая пропасть между современными исследованиями ямных памятников Украины и их сибирских собратьев. Аналогичные упреки можно адресовать и исследователям Сибири, включая автора этих строк.

Непросто, кстати, складывается ситуация и с нашими собственно «сибирскими» проблемами. Очевидно, что источниковая база, накопленная по афанасьевской культуре, не равнозначна. Если в 1960–1970-х гг. основной фонд составляли енисейские материалы, то сегодня на первый план выходят алтайские комплексы, которые в последнее время активно публикуются. Особенно важными представляются исследования афанасьевских памятников в Центральноазиатском регионе (Тыва, Монголия, Синьцзян). Пока они единичны, но для понимания процессов, связанных с происхождением и генезисом культуры, безусловно, являются важными (Савинов 1994). Кроме того, для Северо-Западной Монголии источниковая база обусловлена не реальной картиной, а малым количеством исследованных памятников (Ковалёв, Эрдэнэбаатар 2010). На мой взгляд, чрезвычайно актуальной является идея создания корпуса исследованных афанасьевских памятников с единой унифицированной системой описания, какой бы трудоемкой ни была эта задача, учитывая низкое качество некоторых первичных полевых материалов и публикаций старых раскопок. Первые шаги к этому уже сделаны (Степанов, Поляков 2010: 10–15).

Не вдаваясь в дискуссию о проблеме появления «афанасьевцев» в горно-степных районах юга Сибири, отмечу, что сегодня вряд ли продуктивен любой прямолинейный взгляд на этот вопрос, подобно тому, что практиковал и автор этих строк (Фрибус 1999). Доступный на сегодняшний день материал указывает, как представляется, на общую причину появления таких археологических таксономий как ямная культурно-историческая общность и афанасьевская культура. По крайней мере, на уровне изначального импульса, это явления одного порядка, связанные с волной освоения степных и горно-степных районов Евразии. Ряд особенностей, которые можно рассматривать как этнокультурные, указывают на регионы, где мог сформироваться протоафанасьевский комплекс – это территории от Нижнего Поднепровья и степного Крыма до Приазовья и Предкавказья.

Только здесь прослеживаются аналогии афанасьевскому погребальному обряду, в частности, специфическим погребальным сооружениям. Что касается остальных элементов погребальной практики, то весь набор признаков в самом общем виде вернее было бы сопоставить с ранним общеямным стандартом, который являлся интегрирующим элементом на раннем этапе сложения древнеямной культурно-исторической области. Варьирует только ориентировка погребенных. Таким образом, афанасьевский погребальный обряд демонстрирует сочетание ранних общеямных признаков (получивших своеобразное развитие на юге Сибири) с локальными, характерными для Нижнего Поднепровья и Предкавказья.

Интересные данные, указывающие на сложный характер происхождения афанасьевских групп, получены в последнее время антропологами (Солодовников 2005: 131–132; Козинцев 2009). Заслуживает внимания концепция Д. Энтони о связи афанасьевцев с раннеямным пластом, представленным репинским типом памятников (Anthony 2007: 307–320).

Вряд ли правильным является представление об этой миграции, выдержанное в духе теории «снежного кома», когда афанасьевский комплекс сложился в ходе движения, вобрав в себя ряд

поликультурных элементов. На мой взгляд, афанасьевские материалы позволяют говорить о том, что формирование этого комплекса происходило в едином центре, хотя и под влиянием непростых процессов, связанных с начальным этапом складывания общеявного стереотипа. Безусловно, определенный отпечаток накладывает и то, что в обоих случаях мы имеем дело, преимущественно, с материалами погребальных памятников.

Ошибочно, как мне кажется, и сравнение афанасьевских комплексов с классическими древнеявными (городцовского типа). Быть может, это самая принципиальная ошибка, обусловленная тем, что аналогии, хоть и весьма общие, лежали на поверхности.

«Недостающие звенья» – памятники, занимающие промежуточное положение между носителями явной и афанасьевской культур – это всего лишь лакуны в нашем знании. В последнее время они постоянно заполняются. Причем характер новых материалов указывает на некорректность однозначных трактовок. Стали известны новые смешанные материалы на территории Восточного и Северо-Восточного Казахстана (Мерц В., Мерц И. 2010). Новые исследования в Средней Азии указывают на то, что восточное направление в продвижении ранних скотоводов не было единственным. Особенно интересно то, что Н. А. Аванесова указывает на синкретичный характер памятника, выделяя, в т. ч., типично афанасьевские черты (Аванесова, Джуракулова 2007).

Все это подталкивает к новому взгляду на афанасьевскую культуру, где простая схема, заключающаяся в миграционном характере формирования южно-сибирского комплекса, не способна объяснить те реалии, которые мы фиксируем.

Из «странностей», которые неоднократно обсуждались в литературе, следует отметить главное: невозможность построения корректной относительной хронологии афанасьевских памятников. Большинство могильников демонстрирует монолитный комплекс черт, при этом практически каждый выделяется определенным своеобразием, а хронологические рамки культуры укладываются как минимум в тысячелетие с тенденцией удревнения по данным радиоуглеродного датирования. Имеется хронологическая неувязка в вопросе с курительницами – сибирские экземпляры древнее традиции, которая в европейской части распространяется позже и чаще всего связывается с катакомбными комплексами и кавказским влиянием. Прослеживается также определенный консерватизм афанасьевских керамических форм и орнаментальных схем и ряд других факторов.

На мой взгляд, все это указывает на то, что первоначальный импульс, повлекший за собой появление первых скотоводов-европеоидов в горно-степных районах Южной Сибири и Центральной Азии, не был единичным. По-сути, появление афанасьевской культуры означало открытие степного коридора, который с этого времени становится проводником культурных новшеств как с запада на восток, так и с востока на запад. Афанасьевцы представляли собой восточный анклав этого единого этнокультурного пространства, которое не было замкнутым.

По всей видимости, определенные обстоятельства способствовали выработке особой стратегии этнокультурного консерватизма, которая, кстати, заметна даже при сравнении с хронологически близкими южно-сибирскими культурами эпохи ранней бронзы. «Афанасьевцам» удалось сохранить многие культуuroобразующие признаки, которые при формировании общеявного комплекса были утрачены или размыты (особая погребальная практика, характерные приемы орнаментального оформления посуды и т. д.). Эта модель не была случайной. Все последующие «пришельцы» будут сознательно или вынужденно более открыты внешним контактам (напр., «окуневцы»). Здесь, конечно, необходимо учитывать специфические условия Горного Алтая, которые предполагают существование небольших замкнутых групп, для которых сохранение общего этнического стереотипа, безусловно, являлось важным. Для объяснения этой социо-культурной модели М. П. Грязнов, основываясь на данных палеодемографии, сформулировал оригинальную гипотезу о существовании в афанасьевской среде институтов полиандрического брака (Грязнов 1999: 57–65).

При этом трудно, да и бессмысленно, отрицать наличие определенных свидетельств взаимодействий носителей афанасьевской культуры с соседями. Подобные факты фиксируются для афанасьевского комплекса повсеместно, как на Алтае, так и в Минусинской котловине. Правда,

интерпретируются эти материалы по-разному (Кирюшин К., Кирюшин Ю. 2008: 105, 111; Соколова 2008; и др.). Не отрицая определенного влияния на афанасьевскую керамическую традицию со стороны местного населения в районах предгорий (хотя возможен и обратный вариант), трудно согласиться с версиями местного происхождения культуры. На мой взгляд, это противоречит фактам и общей направленности культурных процессов, происходивших в степной и горно-степной зонах Евразии в эпоху раннего металла.

Афанасьевская культурно-историческая область (не сомневаюсь, что в ходе дальнейших исследований на территории Центральной Азии, вопрос о ее выделении будет поставлен), таким образом, является неотъемлемой частью тех процессов, которые происходили не только на западе, но и на востоке степного коридора. По сути, появление и развитие скотоводческих сообществ, вероятно, подвижного, полукочевого типа, должны рассматриваться взаимосвязанно. Специфика афанасьевских материалов указывает на то, что степные и горно-степные районы Евразии уже с эпохи раннего металла являлись единым этнокультурным пространством, где проживали родственные группы населения, а вместо моновекторных миграций имело место периодическое взаимовлияние.

- Аванесова, Джуракулова 2007 – *Аванесова Н. А., Джуракулова Д. М.* Древнейшие номады Зеравшана // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд. 2007. С. 13–33.
- Богданов 2004 – *Богданов С. В.* Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.
- Вадецкая 1986 – *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986
- Грязнов 1999 – *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб, 1999.
- Киселёв 1951 – *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кирюшин К., Кирюшин Ю. 2008 – *Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф.* Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2. Барнаул, 2008.
- Козинцев 2009 – *Козинцев А. Г.* О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // АЭАЕ. 2009. № 4 (40). С. 125–136.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар 2010 – *Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак Гови (Хуурай Говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 91–108.
- Мерц В., Мерц И. 2010 – *Мерц В. К., Мерц И. В.* Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Там же. С. 134–144.
- Моргунова 2006 – *Моргунова Н. Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011.
- Савинов 1994 – *Савинов Д. Г.* Афанасьевская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 130–135.
- Салугина 2005 – *Салугина Н. П.* Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // Российская археология. 2005. № 3. С. 85–92.
- Соколова 2008 – *Соколова Л. А.* Сосуществование окуневского и афанасьевского комплексов // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 347–351.
- Солодовников 2005 – *Солодовников К. Н.* Антропологические материалы из могильника Сальдьяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // *Ларин О. В.* Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул, 2005. С. 120–154.
- Степанов, Поляков 2010 – *Степанов Н. Ф., Поляков А. В.* Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 4–15.
- Турецкий 1999 – *Турецкий М. А.* Проблемы сложения средневожско-приуральского варианта ямной культуры // АПО. 1999. Вып. III. С. 6–11.
- Фрибус 1999 – *Фрибус А. В.* Происхождение афанасьевской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. 1999.
- Anthony 2007 – *Anthony D.* The Horse, the Wheel and Language. Princeton, 2007.

К вопросу о выделении обрядовых групп афанасьевской культуры Горного Алтая

Со времени первых раскопок были выявлены различия в погребальном обряде и инвентаре между афанасьевскими памятниками Горного Алтая. Эти различия прослеживаются практически по всем признакам: устройство надмогильных конструкций, положение и ориентация погребенного, форма сосудов и др. С. В. Киселёв (1951) связывал их с хронологическими различиями. М. Д. Хлобыстина (1975) выделила три типа «культурно-исторических и временных традиций» афанасьевской культуры. Выделение хронологических групп поддержал С. В. Цыб (1980; 1984). В последние годы выявлены погребения куротинского типа, которые включают, как неафанасьевские объекты, так и захоронения со смешанными признаками – афанасьевско-куротинские (Степанова 2009; 2010). Существует точка зрения, что заселение афанасьевцами Горного Алтая шло в несколько этапов, что также нашло отражение в погребальном обряде. В целом, разнообразие в погребальном обряде и инвентаре может быть связано с разными обстоятельствами, вероятно, обрядовыми и этнографическими. В связи с этим необходимо определить признаки, которые являются не хронологическими, а обрядовыми или этнографическими. От решения этого вопроса зависит относительная хронология большинства памятников и ряд других проблем.

Известно более 240 погребений афанасьевской культуры и афанасьевско-куротинского типа (Степанова 2010: 177). Проведенный анализ признаков погребального обряда выявил характерные и нехарактерные черты. К универсальным чертам конструкций относится только форма надмогильного сооружения (округлая) и грунтовая могильная яма, для обустройства которой не использовались материалы, сохраняющиеся до наших дней. Один из наиболее стабильных признаков – положение погребенного на спине с согнутыми в коленях ногами (до 85 %). Устойчивые элементы обряда (более 60 %) – сооружение оград из вертикально поставленных плит, использование охры, помещение в могилы сосудов яйцевидной формы с острым дном. Один из самых нестабильных признаков – ориентация погребенного (ЮЗ, ЮЗЗ, З, Ю, СЗ, СЗЗ, ЮВ, СВ и др.). Наиболее часто встречающееся направление на ЮЗ составляет всего 28 %. Нехарактерны для афанасьевской культуры надмогильные конструкции в виде насыпей, положение погребенных на боку, на животе, на спине с вытянутыми ногами, ориентация умерших на СЗ, СВ, В, ЮВ и Ю, плоскодонные сосуды, курильницы и др. Очевидно, что и наиболее устойчивые черты погребального обряда (тип надмогильной конструкции, положение погребенного, использование охры, размещение в могилах остродонной глиняной посуды), и самые нестабильные (ориентация погребенного), отражают процессы, происходившие в рассматриваемую эпоху.

Выделение «обрядовых» групп афанасьевской культуры наиболее перспективно по надмогильным конструкциям и ориентации погребенных, что связано как со значением этих признаков, так и их количественными показателями. Устройство надмогильных сооружений оригинально для каждой археологической культуры Горного Алтая. Афанасьевские памятники отличаются тем, что зафиксировано несколько разновидностей надмогильных сооружений. На каждом могильнике выявлено что-то особенное, как правило, несколько видов конструкций, возведенных разными способами. С увеличением числа раскопанных объектов увеличивается количество выделяемых типов сооружений (Цыб 1980; 1984; Кирюшин и др. 1981; Степанова 1991; 2005; Абдулганеев 2006). В результате изучения надмогильных конструкций установлено, что общим для всех объектов является округлое или круглое сооружение в виде кольца, которое возводилось разными способами – из крупных вертикально поставленных плит (далее ВПП), из рваных камней и плиток уложенных горизонтально в несколько слоев (ограды-стенки), из крупных камней и валунов (рис. 1, 1–7). Основные отличия заключаются в том, как установлены и уложены плиты и камни, т. е. находятся они вертикальном или горизонтальном положении. Зафиксированы и «смешанные» варианты,

т. е. на одном объекте выявлены комбинации двух видов укладки и установки камней и плит, напр., кольца из ВПП и рваных камней (Владимиров и др. 1999; Ларин 2005: 70; и др.). Несколько объектов представлено сплошными насыпями, не имевшими дополнительных сооружений, в частности, крепид (рис. 1, 8).

Преобладают *ограды из ВПП* (61 %). Сооружения этого типа найдены во всех районах Горного Алтая, кроме Восточного и Юго-Восточного (на мог-ке Бертек-33 один из объектов составлен из крупных валунов и вертикально поставленных плит – Савинов 1994: 45–46). Размеры оград колеблются от 0,8 м до 16,6 м. В оградах из ВПП перекрытия могильных ям плитами встречаются чаще, чем перекрытия из дерева (39 % и 12 %, соответственно). Охра зафиксирована в 58 % захоронений, положение погребенных на правом боку – в 14 % могил, нестандартные позы – в 4 %. Преобладает ориентация на ЮЗ (39 %), З (19 %), ЮЗЗ (18 %). Ориентировка на СВ, В и ВСВ составляет по 2,4 %. Безынвентарных погребений – 24 % (большая часть – на мог-ке Сальдьяр-1). Ряд захоронений потревожен, что позволяет условно относить их к безынвентарным. В некоторых могилах находок не было, но в пределах ограды обнаружены обломки зернотерок, куранты и др. Все это указывает на то, что безынвентарных погребений может быть меньше. Обычно сосуды располагались справа у руки, плеча или головы, реже, слева у ног и руки. В целом керамика справа от погребенных встречается в 3,5 раза чаще, чем слева, а у головы, плеча и руки – в 2,5 раза чаще, чем у ног.

Группы оград из ВПП с ориентацией погребенных на ЮЗ, ЮЗЗ и З различаются по ряду признаков. Например, в оградах с ориентацией на ЮЗ известно наименьшее количество погребений с охрой, практически нет изделий из металла, а в оградах с ориентацией на ЮЗЗ и З процент погребений с предметами из металла достигает 40 % и 37,5 %, соответственно, что в 2 раза выше, чем в целом для афанасьевской культуры. В оградах с ориентацией погребенных на З в 3–3,5 раза больше круглодонных сосудов и приблизительно в 2 раза меньше остродонных, чем в других подгруппах.

Конструкции из *крупных валунов или камней* по окружности (11 %) известны на нескольких памятниках в разных районах Горного Алтая (мог-ки Бойтыгем-2, Бертек-33, Сальдьяр-1). Они находятся в одних скоплениях с оградками-стенками или оградами из ВПП. Большинство сооружений имеют диаметр 5–6,5 м и 10–10,5 м. Объектов диаметром менее 3 м не зафиксировано (в отличие от оград из ВПП). Для этого типа объектов более характерны перекрытия из дерева, чем из плит (39 % и 5,5 %, соответственно). Нет подбоев, но зафиксированы материковые приступки и заплечики. Охра отмечена в 74 % могил. Погребения на правом боку составляют 6 %, безынвентарные – 42 %. Керамика находилась только справа от погребенных, чаще у руки или плеча. Преобладает ориентация погребенных на ЮЗЗ – 35 %, ориентировка на З составляет 18 %, на СВ и ЮВ – по 12 % (ориентировка на ЮЗ не выявлена). Суммарно направления на ЮЗЗ + З + ЗСЗ составляют 59 %, на СВ + В + ВСВ + ЮВ + ЮВВ – 38 %, т. е. выделяются два направления – западное и восточное.

К *насыпям* – конструкциям, в которых не было прослежено колец из крупных камней, плит, крепид и т. д., отнесено пять сооружений, выявленных на разных памятниках в разных районах Горного Алтая. Не исключено, что насыпей больше, т. к. информация о некоторых объектах неполная и составить представление о надмогильной конструкции сложно. В этой группе не зафиксировано перекрытий могильных ям. Умершие уложены на спине с согнутыми в коленях ногами, а в одном погребении – вытянуто на животе. Ориентация погребенных различна: СВ, ЮВВ, СЗ, ЮЗ. В трех могилах отмечены скопления охры. Только в одном погребении (Мухор-Тархата-1) обнаружен инвентарь – подвеска из камня, имеющая аналогии в окуневском захоронении на Енисее (Ларин и др. 1994; Вадецкая 1981).

К *оградкам-стенкам* относятся 22 % конструкций с погребениями, но, вероятно, объектов больше. Сооружения этого типа выявлены в разных районах Горного Алтая. Ограды-стенки и ограды из ВПП даже на одном памятнике находятся в отдельных группах и фактически относятся к разным могильникам (Ело-Баши, Ело-1, Кара-Коба-1). На могильниках обычно раскопано по одному такому объекту.

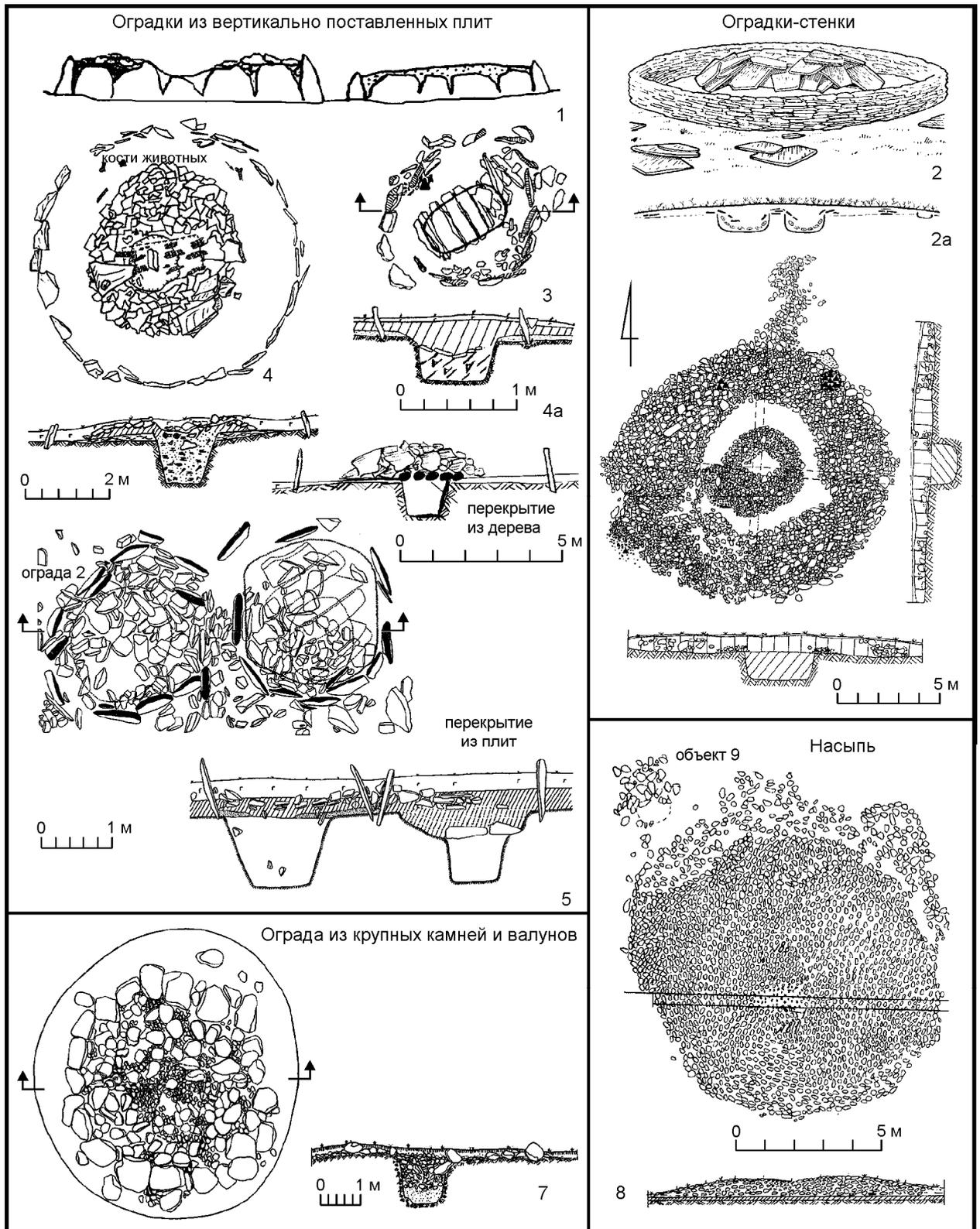

Рис. 1. Могильники: окрестности сел. Ело (1), Ело-1 (4–4а), Первый Межелик-1 (3, 5), Бике I (6), Бертек-33 (7), Тархата-1 (8) и реконструкция оградки-стенки (2–2а) (1, 3–4, 4а – по Степанова 2010; 2–2а – по Вадецкая 1986; 5 – по Владимиров и др. 1999; 6 – по Кубарев и др. 2001; 7 – по Савинов 1994; 8 – по Ларин и др. 1994)

В оградках-стенках чаще встречаются перекрытия из дерева (35 %), чем перекрытия из плит – 25 %. Лишь в одном случае зафиксировано положение погребенного на правом боку (ребенок был похоронен в ногах женщины, что в целом необычно для афанасьевской культуры). Ориентация погребенных различна, но преобладает ориентировка на СВ – 32 %, реже встречается З – 18 %; ЮЗЗ – 14 %; ЮЗ и В по 11 %; ЗСЗ, ЮВ, СЗ, ВСВ – по 3,6 %. В 77,5 % погребений зафиксирована охра. Безынварных погребений – 45 %, но в насыпях некоторых оград (10 %) были обнаружены изделия из камня (обломки зернотерок, куранты). Шаровидные сосуды с круглым и с приостренным дном составляют 15 % и 2,5 %. Керамика находилась, как правило, справа от погребенных, чаще у руки, плеча или у ног. В захоронениях иногда отмечается органический тлен или гумусированная прослойка.

По ориентации погребенных в оградках-стенках выделяются две подгруппы: 1) ориентация в западный сектор (З + ЮЗЗ + ЮЗ) и 2) ориентация в восточный сектор (СВ + В + ВСВ), которые состоят практически из одинакового количества объектов. При проведении сравнительного анализа выявились различия этих подгрупп оград и по другим признакам. В частности, в подгруппе с ориентацией в западный сектор перекрытие из дерева укладывалось поперек могильной ямы, мало перекрытий из плит, преобладает положение коленей погребенных вправо, керамика находилась чаще у ног, реже – у плеча и рук. В объектах с направлением в СВ и В сектор перекрытия из дерева сооружались вдоль могилы, отмечено положение ног погребенных коленями налево или вверх, керамику размещали у плеча и ног. В оградах первой подгруппы незначительно преобладают могилы с остродонными сосудами. В оградах второй подгруппы керамика встречается реже, нет круглодонных сосудов. Во второй подгруппе более половины захоронений без керамики и без инвентаря, а в первой только 1/3 без керамики и 1/6 без инвентаря в целом, т. е. находок больше, в т. ч. металлических изделий. Для группы оград-стенок с ориентацией погребенных на СВ характерен наиболее высокий процент погребений с охрой (89 %) и безынварных захоронений (67 %), многочисленность керамики (33 %), отсутствие в могилах изделий из металла.

Оградки-стенки и ограды из ВПП на одних памятниках, как правило, не встречаются. Для каждого типа оград отмечено преобладание разных признаков (одного из видов перекрытия, ориентации погребенных, размещения керамики – справа, слева, у головы, ног и др.), разница в количественных показателях (использования охры и безынварных захоронений), формам сосудов и др. В частности, в оградах из ВПП преобладают перекрытия могильных ям плитами, в оградах-стенках и оградах из крупных камней и валунов – из дерева. В оградах из ВПП большинство погребенных ориентировано головой на ЮЗ, в крепидях из крупных камней – на ЮЗЗ, в оградках-стенках – на СВ. Наиболее стабильна ориентация погребенных в оградах из ВПП. Если рассматривать суммарно направления ЮЗ + ЮЗЗ + З, то в оградах ВПП это 76 %, в оградах из крупных камней и валунов – 53 %, в оградах-стенках – 43 %. Ориентация на СВ + ВСВ + В составляет в оградах из ВПП 7,2 %, оградах из крупных камней и валунов – 24 %, оградах-стенках – 43 %. В оградах-стенках выделяются два противоположных направления в ориентации погребенных. В оградах из крупных валунов значительное место занимают направления на ЮВ + ЮВВ (18 %), нехарактерное для афанасьевской культуры. В оградах из ВПП реже встречается охра, меньше безынварных погребений, но большинство погребенных захоронено на правом боку. Керамика размещается справа и слева от умершего, в 2,5 раза чаще – у головы, плеча и руки, чем у ног, в отличие от оград-стенок, в которых у головы сосуды совсем не помещали, а у плеча и рук помещали почти также часто, как и у ног. В оградах из крупных камней и валунов керамику ставили только справа от погребенного, в ногах – всего в одном погребении, а изделия из металла встречаются реже. Несмотря на то, что остродонные сосуды составляют большинство во всех типах сооружений, в оградах из ВПП их количество намного выше. В то же время в каждой группе оград выявлены подгруппы по ориентации погребенных, которые различаются между собой. Выделяется подгруппа с ориентацией на З в оградах из ВПП и с ориентацией погребенных на СВ в оградках-стенках. В оградах из ВПП, как и в оградах-стенках, изделия из металла чаще встречаются в погребениях с ориентацией на ЮЗЗ и З.

В целом, оградам из ВПП свойственны все признаки, характерные для афанасьевской культуры, но также отмечены в небольшом количестве почти все нетипичные для этой культуры черты. Наиболее сильны неафанасьевские традиции в оградках-стенках (преобладание ориентации на СВ, малочисленность погребений с остродонной керамикой и др.), в оградках-стенках реже встречаются некоторые признаки, считающиеся поздними, напр., погребения на правом боку, и более распространены архаичные черты (захоронения с охрой составляют до 80 % и более). Некоторые «поздние» признаки занимают по количественным показателям одинаковое положение во всех типах конструкций – это плоскодонные сосуды (5–7 %) и курильницы (2,5–5 %). Кроме того, захоронения с ориентацией погребенных на З составляют по 18–19 % во всех группах.

Подводя итог, необходимо, отметить, что полученные данные подтверждают, что объекты афанасьевской культуры Горного Алтая с похожими надмогильными конструкциями имеют и другие общие черты. В этих группах выделяются образования (подгруппы) по ориентации погребенных, которые объединены и некоторыми другими признаками. Устойчивое совмещение ряда черт позволяет поставить вопрос о выделении обрядовых групп, которые свидетельствуют о том, что афанасьевское население было неоднородно по этнографическим характеристикам. Выделенные обрядовые группы по надмогильным конструкциям и ориентации различаются по численности и не локализованы на отдельных территориях. Предположение о неоднородности афанасьевского населения подкреплено и антропологическими данными (Солодовников 2005). Между группами афанасьевского населения, различающимися по этнографическим признакам, а также группами иной культурной принадлежности существовали тесные контакты, что нашло отражение в погребальном обряде и инвентаре. Вероятно, наличие поздних черт (плоскодонной посуды, курильниц и др.) практически во всех выделенных группах говорит об одновременном функционировании памятников с разными типами надмогильных конструкций и о контактах населения. Более всего контакты с инокультурным населением нашли отражение в оградках-стенках, по материалам которых были выделены погребения куротинского типа (Степанова 2009; 2010).

- Абдулганеев 2006 – *Абдулганеев М. Т.* Афанасьевские некрополи Средней Катуня и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 4–19.
- Вадецкая 1981 – *Вадецкая Э. Б.* Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 33–62.
- Вадецкая 1986 – *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Владимиров и др. 1999 – *Владимиров В. Н., Мамадаков Ю. Т., Цыб С. В., Степанова Н. Ф.* Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик I в Онгудайском районе // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. Вып. 4. С. 31–41.
- Кирюшин и др. 1981 – *Кирюшин Ю. Ф., Посредников В. А., Фирсов Л. В.* Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири // Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 28–32.
- Киселёв 1951 – *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кубарев и др. 2001 – *Кубарев В. Д., Черемисин Д. В., Слюсаренко И. Ю.* Бике I, II: погребальные памятники афанасьевской культуры на Средней Катуня // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2001. С. 32–54 (Изв. лаборатории археологии. № 6).
- Ларин 2005 – *Ларин О. В.* Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул, 2005.
- Ларин и др. 1994 – *Ларин О. В., Могильников В. А., Суразаков А. С.* Раскопки могильника Мухор-Тархата-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 61–70, 233, 235, 237.
- Савинов 1994 – *Савинов Д. Г.* Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 39–49.

- Солодовников 2005 – *Солодовников К. Н.* Антропологические материалы из могильника Сальдьяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // *Ларин О. В.* Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул, 2005. С. 120–154.
- Степанова 1991 – *Степанова Н. Ф.* К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. ТД и сообщений к Всесоюз. науч. конф. Барнаул, 1991. С. 50–53.
- Степанова 2005 – *Степанова Н. Ф.* Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 121–125.
- Степанова 2009 – *Степанова Н. Ф.* Погребения куротинского типа эпохи бронзы в Горном Алтае // ПАЭАССТ. 2009. Т. XV. С. 391–395.
- Степанова 2010 – *Степанова Н. Ф.* Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различия) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 177–187.
- Хлобыстина 1975 – *Хлобыстина М. Д.* Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. № 1. С. 17–33.
- Цыб 1980 – *Цыб С. В.* Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 38–51.
- Цыб 1984 – *Цыб С. В.* Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984.

Э. Б. Вадецкая (Санкт-Петербург, Россия)

Культ диких животных в похоронной практике и мировоззрении племен окуневской культуры

М. П. Грязнов считал, что окуневские племена появились в степях Минусинской котловины из лесной полосы Сибири, где близкие памятники (самусьская культура) известны в Притомье (Грязнов 1969: 47). Г. А. Максименков полагал, что окуневские изваяния, некоторыми чертами и приемами изготовления указывают на их изначальное таежное происхождение (Максименков, 1975: 37). Это же подтверждают как фантастические образы медведя и волка на этих стелах, так и реалистичные миниатюрные фигурки зверей и птиц, служившие для окуневского населения амулетами (Вадецкая 1980: 54–56, табл. XLIX, 103; L, 104; LI, 111; LII, 117, 120; LIII, 125, 128; LIV, 140). Важным подтверждением этой гипотезы является распространение охотничьих промыслов и связанной с ними магии среди окуневского населения (Вадецкая 1986: 33; 2003/2004: 14).

В долине Енисея изделия из кости и рога диких животных в изобилии представлены в могилах окуневской культуры, словно погребенные в них люди занимались только охотой. Тем не менее, носители этой культуры разводили крупных длиннорогих быков, близких по размерам зубрам. Их изображения выгравированы на окуневских плитах (Ермолова 1983: 105–106; Леонтьев Н. 1980: 31, табл. XXX–XXXI). В жертвенных ямах обнаружены также остатки шкур быков, овец и лошади (Наглер, Парцингер 2006: рис. 9, 11–12). Роль скотоводства в хозяйстве окуневского населения со временем увеличивалась, и поделки стали изготавливать из костей домашних животных, а также использовать иногда говядину и баранину в качестве заупокойной пищи. Но процесс внедрения этой отрасли экономики был, видимо, длительным. Во всяком случае, могилы, свидетельствующие о культе домашних животных, пока не обнаружены.

Особенности остеологического материала из окуневских могил. Носители окуневской культуры, видимо, регламентировали употребление костей и зубов животных в погребальном обряде. Об этом свидетельствуют две группы фаунистических находок из окуневских могил. Первую составляют зубы хищников, грызунов и парнокопытных, которые использовали для украшения одежды покойника и его аксессуаров. Ко второй группе относятся кости, перечень которых будет дан ниже. Они служили для совершения ритуальных действий. В статье также рассмотрены иные свидетельства культовой практики (окрашенность зубов и костей охрой и наличие в могилах предметов ритуала).

Определения костей и зубов животных из могил, раскопанных до 1963 г., принадлежат авторам раскопок, преимущественно А. Н. Липскому (Тас Хазаа;³⁰ Бельтыры, огр. 5) и М. П. Грязнову (Карасук II, Пристань I; Тас Хазаа, уточнение определений А. Н. Липского). В 1963–1983 гг. остеологические материалы Красноярской экспедиции изучала Н. М. Ермолова (Лебяжье, 1975 г., мог. 2–3; Сыда V, кург. 1, мог. 3, кург. 2, мог. 3; Усть-Тибик 1968 г., кург. 1, мог. 1; Черемушкин Лог I, мог. 1, 6–8; Черемушкин Лог III; Черновая VIII, кург. 4, мог. 1, кург. 8, мог. 13) и М. П. Грязнов. В 1980–1990-е гг. кости определял А. В. Громов (Верхний Аскиз I, кург. 2, мог. 15, 21; Уйбат III, кург. 1, мог. 1; Уйбат V, кург. 1, мог. 1–3, верхнее погр., 4, 7, 9), а позже – М. В. Саблин (Абакан-Сорск, мог. 2, 4; Есино IV, мог. 2; Итколь II, кург. 26, мог. 4). Имеются также определения В. И. Цалкина (Тас Хазаа, мог. 5), И. В. Перевозчикова (Усть-Бюрь, мог. 1), Е. Г. Андреевой (Усть-Бюрь, мог. 2) и Н. Д. Оводова (Уйбат V, кург. 1, мог. 2; Тас Хазаа, уточнение определений А. Н. Липского и М. П. Грязнова). В процессе работы над этой статьей я неоднократно обращалась за консультациями к Н. Д. Оводову, за что выражаю ему глубокую признательность.

Погребальные одежды

Украшения нагрудников (резцы сурка). Верхняя погребальная одежда женщин часто была расшита каменными и костяными бляшками, бусами и особенно бисером. Судя по его расположению на скелете, им расшивали грудь, иногда подол, либо рукава одеяния. Существует устойчивое мнение, что поверх одежды носили передники или нагрудники, которые изображены также на окуневских изваяниях (Вадецкая 1980: 24, 70). Остатки таких «нагрудников» выявлены в могилах окуневской ограды Тас Хазаа, где в большинстве захоронений украшения сохранились под грудью погребенных женщин, а на четырех скелетах были не потревожены (Липский, Вадецкая 2006: табл. VIII). Эти нагрудники можно условно разделить на два типа.

Нагрудники первого типа украшены резцами сурка и другими зубами животных, а также другими мелкими украшениями того времени. По описанию А. Н. Липского на верхнюю часть нагрудника (мог. 1) нашиты 82 стеатитовые бусинки, ниже их располагаются 34 стеатитовых колечек, а еще ниже – 44 резца сурка (22 правых и 22 левых). Кроме них были по три правых и левых клыка и три посверленных коренных зуба хищника, которые впоследствии, видимо, были утеряны. Поверх нагрудника пришит игольник с костяной иглой (Там же: 15, табл. XIV, 2; XV, 4, 7).

К верхней части другого нагрудника (мог. 2, погр. 5) прикреплены пять нитей, на которые нанизаны более 100 бисеринок и бусин. К концам двух нитей привязаны резцы сурка. Ниже к нагруднику пришиты пять клыков волка и 23 резца сурка (рис. 1, 1), половину которых составляют верхние, а другую половину – нижние резцы, причем среди них есть зубы непополовозрелых особей (Там же: 17, табл. VII, 1; VIII, 4; XV, 1а–1б).

В верхней части еще одного нагрудника (мог. 2, погр. 3) нашито не менее пяти низок из 124 бусин, под которыми прикреплены 33 резца сурка (Там же: 18, табл. VIII, 1–2) (рис. 1, 3).

Редким вариантом нагрудника первого типа является нагрудник из мог. 2 (погр. 4), на котором сверху пришиты 24 верхних и нижних резца сурка. Ниже вдоль позвоночника умершего находилось свыше 36 стеатитовых колечек, размещенных в четыре или в пять рядов (Там же: 17, табл. VIII, 3; XIV, 4–5) (рис. 1, 2).

Нагрудники второго типа украшены лишь зубами животных, чаще всего резцами сурка. В мог. 4 (Тас Хазаа) были похоронены две женщины в таких нагрудниках. От одного из них найдено шесть верхних и 12 нижних резцов сурка, а также два верхних клыка лисицы, нижний клык барсука и 12 клыков волка или крупной собаки. На втором нагруднике лежали 10 нижних и 10 верхних резцов сурка (Там же: 19–20, табл. X).

На груди женщины (мог. 6), между ее правой рукой и позвоночником, обнаружено много резцов сурка, среди которых хорошо сохранились 12 нижних и 13 верхних. Еще в шести могилах под грудью женщин зафиксировано от трех до 10 резцов сурка, которые украшали нагрудник (Там же: 18–22).

³⁰ Здесь и далее в тексте перед названием памятника опущено слово «могильник».

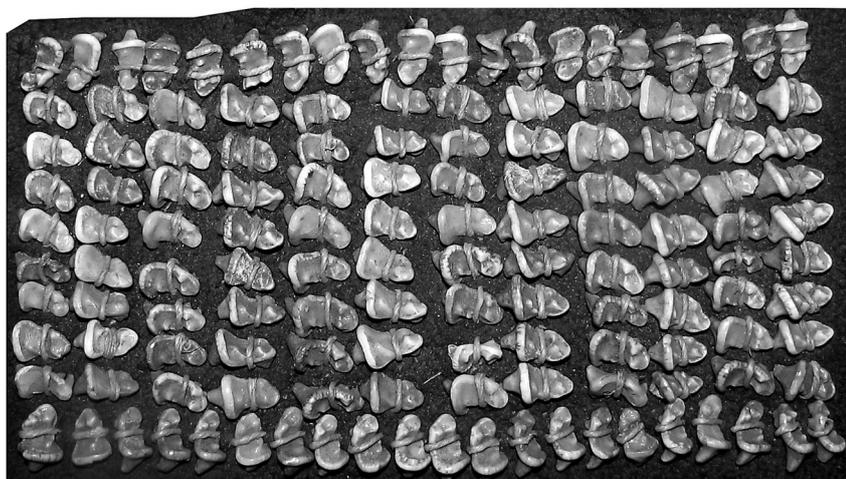
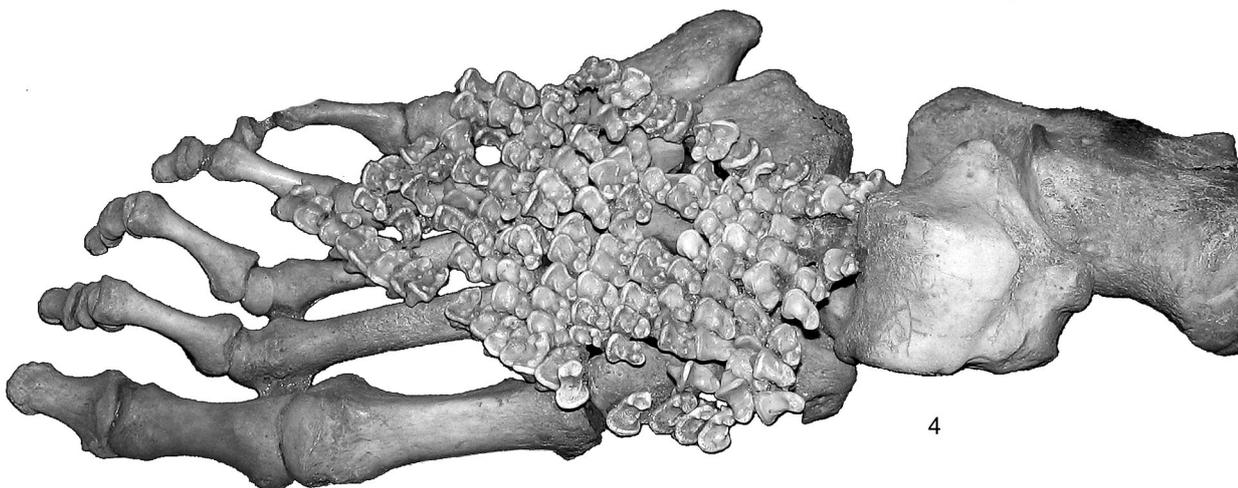
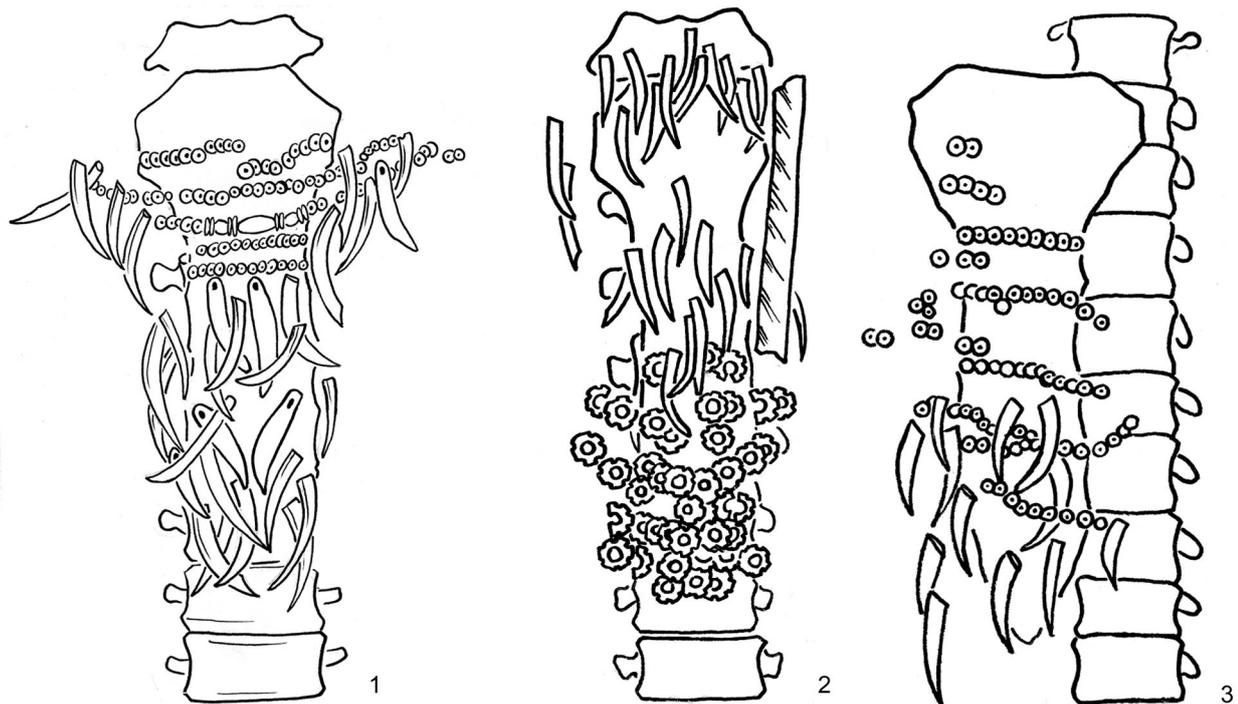

Рис. 1. 1–3 – Тас Хазаа, мог. 2, украшения нагрудников (1 – погр. 5; 2 – погр. 4; 3 – погр. 3);
4–5 – Карасук II, украшения обуви (4 – правая туфля; 5 – левая туфля)

Нагрудники обоих типов известны и в других могильниках. На ребенке 2–5 л. (огр. Большое кольцо, мог. 3) было, очевидно, украшение первого типа, от которого сохранились 54 костяные бисеринки, четыре резца сурка, 25 зубов травоядного животного и один хищника. Головной убор и обувь ребенка расшиты костяным бисером, 320 и 38 шт. соответственно. В ногах положены необычные для умершего в таком возрасте изделия: костяные игольник и игла, а также длинная пластина от лука или орудие для вязания сетей. (Киргинеков 2010: 85–86, рис. 4, 1–6). Такой же детский нагрудник (выявлено 170 резцов сурка, клыки зверя и две бусины) обнаружен в единственном погребении могильника Черемушный Лог III (Вадецкая 1986: 38, № 19).

В погребении взрослого человека (Уйбат, 1966 г., мог. 6) был найден нагрудник – сохранились 100 каменных бусинок и 4 резца сурка, окрашенные охрой (Наглер, Парцингер 2006: рис. 3, 4–6). В захоронении, вероятно, женщины (Абакан, у церкви, мог. 4) обнаружен, видимо, нагрудник, поскольку на ее груди кроме бусин зафиксировано пять резцов сурка (Левашева 1975). В могиле подростка (Малые Копены II, кург. 1, впускная мог. 3) от нагрудника сохранились 33 резца сурка и несколько костяных бусин. Помимо них здесь выявлена орнаментированная костяная подвеска кинжаловидной формы (Киселёв 1949: рис. 1, 4–7).

Из заполнения могилы девочки 7–8 л. (Черновая VIII, кург. 8, мог. 13) извлечены остатки нагрудника (девять резцов сурка и каменные бусины-кружочки) (Максименков 1980: табл. XXV, 3). В разрушенных могилах остатки нагрудника первого типа иногда представлены резцом сурка и бусинкой: Лебяжье кург. 2, мог. 2; Красный Яр II, кург. 2 (Максименков 1981: рис. 3, 11; Вадецкая 1989: рис. 5, 4).

Нагрудник второго типа (56 резцов сурка), найден в погребении младенца (Уйбат V, кург. 1, мог. 7). Зубы животного лежали рядом с костяным игольником и иглой. Стенки ящика-гроба раскрашены фигурами и крестами (Лазаретов 1997: 24).

Находки резцов сурка в некоторых захоронениях (Черновая VIII, кург. 5, мог. 1; Уйбат V, мог. 3, верхнее погр.; Большое Кольцо, 1959 г., мог. 2; Усть-Тибик, кург. 1, мог. 1) позволяют предполагать наличие в них нагрудников второго типа (Максименков 1980: табл. XIX, 10; XXV, 2; Лазаретов 1997: 23; Киргинеков 2010: 80; Наглер, Парцингер 2006: рис. 7, 9). В одном случае (Уйбат III, кург. 1, мог. 1) от нагрудника остались два резца сурка и просверленные клыки соболя (Лазаретов 1997: 20, табл. XIV, 16).

Таким образом, резцы сурка были обязательной частью магических украшений многих нагрудников, а иногда и единственным их украшением. Использовали и верхние, и нижние не просверленные резцы. Видимо, зубы крепили к одежде, обхватывая их ниткой или конским волосом. Большую часть резцов предварительно окрашивали охрой.

Украшения обуви (моляры соболя). В трех окуневских могилах на костях стоп лежали именно эти зубы соболя, которыми был расшит верх погребальных туфель или сапог. По сведениям Н. Д. Оводова, моляры выдергивали из челюстей недавно убитых соболей, скорее всего, при помощи ножа. Наиболее известны находки, сделанные М. Н. Комаровой и М. П. Грязнова в могиле ограды Карасук II в 1958 г., а также в могиле Пристань I в 1962 г. (Вадецкая 1986: 37, № 10, 4).

На женских туфлях (Карасук II) было нашито по 150–160 зубов (третьи правые верхние моляры) (рис. 1, 4). М. П. Грязнов закрепил зубы на правой стопе скелета и дал реконструкцию первоначального положения моляров на левой туфле (Комарова 1981: 83, рис. 6, 3, 6). Оказалось, что они образовывали на верхней части обуви расположенную вдоль стопы прямоугольную рамку из 12 рядов зубов, окаймленную с каждой из ее длинных сторон рядом моляров, расположенных поперек туфли. Этот узор дал возможность М. П. Грязнову предполагать, что одежда и мягкая утварь украшалась рядами простых фигурок в виде квадратиков, треугольников и других, как это распространено у ряда современных северных народов (Грязнов 1969: 51) (рис. 1, 5).

По мнению Н. Д. Оводова, из-за своеобразной формы коронки третьего моляра соболя и отсутствия межкорневой пластинки, которую можно было бы просверлить, зубы крепили на обуви, следующим образом. «Талию» моляра обхватывали конским волосом, туго его стягивали и

в прикорневой части зуба фиксировали двойным узлом. Затем обоими концами волоса протыкали ткань или кожу туфли и с ее внутренней поверхности завязывали концы волоса двойным узлом. Если же расшитые зубами туфли предназначались только для загробной жизни, моляры могли приклеивать смолой молодых кедров.

В разрушенной могиле Пристань I на костях обеих стоп мужчины 40–60 л. сохранились 68 третьих верхних правых и левых моляров от 40 особей (Комарова 1981: 87, рис. 4, 14). В могиле женщины 20 л. (Уйбат V, кург. 1, мог. 2) на костях ее стоп располагались 248 верхних моляров. Шапочка женщины, видимо, была обшита сотнями бусин каменного бисера (Лазаретов 1997: 23).

Украшения головного убора (моляры соболя). В двух слегка потревоженных могилах зубами соболя были расшиты шапки. В погребении ребенка 5–6 л. (Уйбат V, кург. 1, мог. 6) остатки украшения головного убора (96 моляров) сохранились на теменной части черепа. В захоронении лежало также костяное кинжаловидное орудие (Там же: 24).

В другой могиле около сотни правых и левых моляров были, видимо, прикреплены к шапке женщины 35–45 л. (Уйбат V, кург. 4, мог. 4). Ее череп смещен грызунами и поэтому зубы соболя и каменное зубчатое колечко обнаружены в заполнении могилы несколько выше черепа (Там же: 28).

Находки моляров в заполнении разграбленных захоронений позволяют предполагать наличие вышивок туфель или шапок в следующих могилах: погребение у с. Лебязье, кург. 2, мог. 2 – несколько зубов (Максименков 1981: рис. 3, б); Туим, мог. 4 – два зуба (раскопки Л. Р. Кызласова); Красный Камень, кург. 1, мог. 5 – пять зубов. При исследовании последнего памятника³¹ впервые замечено, что зубы соболя окрашивали охрой.

Аксессуары

Украшения сумок или мешочков (моляры соболя и клыки марала). Расположение зубов зверей в трех могилах свидетельствует о том, что их нашивали на небольшие сумки или мешочки.

Круглую сумочку (диаметр не менее 10 см), находившуюся под правым бедром женщины (Уйбат III, кург. 1, мог. 1), украшали пришитые по ее краям 35 просверленных клыков. Средняя часть изделия была расшита 86 правыми и левыми молярами (Лазаретов 1997: 20, табл. XIV, 14, 17).

В могиле Карасук II на уровне правого поднятого вверх колена женщины выявлено 45 левых и 6 правых моляров, предположительно, украшавших мешочек. Остатки сумочки прослеживаются по 40 подвескам из клыков, компактно лежавших у правого локтя покойной. Очевидно, они были с двух сторон нашиты на сумочку, которая предположительно имела застежку – каменную подвеску с бусинкой (Комарова 1981: 83, рис. 6, 4).

В 2010 г. И. П. Лазаретов обнаружил остатки похожей сумочки в погребении женщины (Красный Камень, кург. 1, мог. 5). Не менее 37 просверленных зубов марала лежали справа от ее локтя. В сумке был костяной гребень с антропоморфным изображением.

Украшения

Ожерелья (нижние челюсти соболя). В погребениях окуневской культуры находят украшения, составленные из половинок нижних челюстей зверя с просверленным отверстием в венечных отростках. В Тас Хазаа (мог. 5) такое ожерелье (13 половинок челюстей) лежало слева от шеи женщины (Липский, Вадецкая 2006: 21) (рис. 2, 2). Аналогичное украшение (три правые и 11 левых половинок челюстей) (табл. 2, 1) и пять каменных бусин обнаружено у шеи младенца (до 6 мес.) (Итколь II, кург. 26, мог. 4).³² Еще одно ожерелье (четыре половинки челюстей) выявлено на дне могилы с двумя скелетами, один из которых принадлежал женщине (Усть-Тибик, 1968 г., кург. 1, мог. 1) (Наглер, Парцингер 2006: рис. 7, 2). Половинка нижней челюсти найдена в заполнении могилы мужчины (Верхний Аскиз I, кург. 2, мог. 15) (Ковалёв 1997: 90).

³¹ Благодарю И. П. Лазаретова за возможность использовать в моей статье неопубликованные материалы его раскопок памятника Красный Камень.

³² Благодарю А. В. Полякова за возможность использовать в моей статье неопубликованные материалы его раскопок памятника Итколь II.

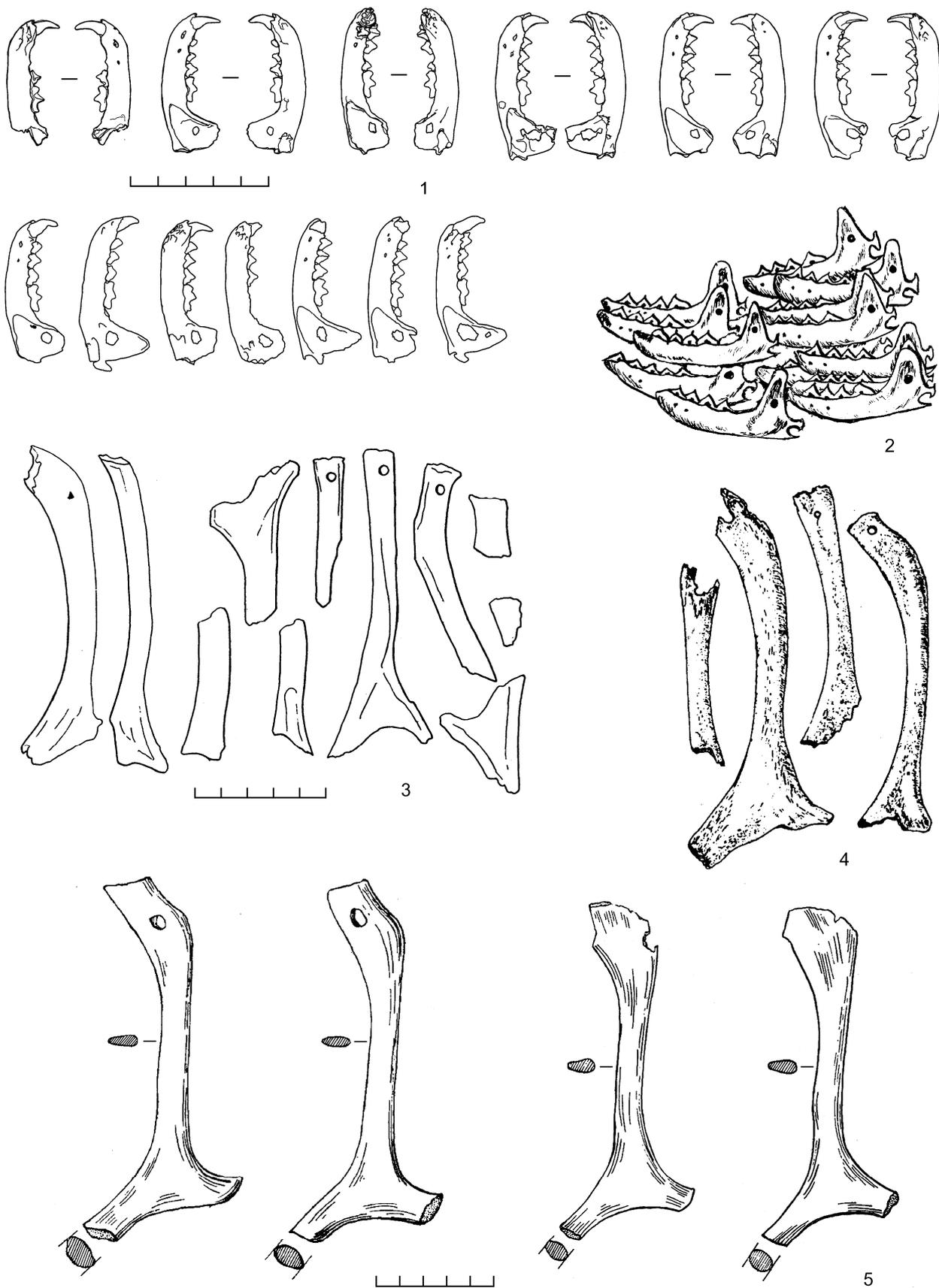

Рис. 2. Кости диких животных: половинки нижних челюстей соболя (1 – Итколь II, кург. 26, мог. 4; 2 – Тас Хазаа, мог. 5); подъязычные кости оленя (3 – Черемушный лог I, мог. 6), косули (4 – Верхний Аскиз 1, кург. 2, мог. 15 и 21) и дикого быка (5 – Усть-Бюрь, кург. 5, мог. 1)

Ожерелье из семи просверленных клыков соболя и четырех резцов медведя обнаружено у головы младенца (Уйбат V, кург. 1, мог. 9) (Лазаретов 1997: 25).

Ожерелья (зубы медведя). Такое украшение (шесть просверленных в корневой части зубов молодой особи) найдено под нижней челюстью женщины, похороненной с младенцем (Стрелка, мог. 1). У ее правого локтя обнаружена проколка из кости оленя, под левым локтем – костяной нож (Савинов 1981: рис. 3, 3).

Еще одно ожерелье обнаружено в захоронении мужчины (Черновая VIII, кург. 8 мог. 21), причем рядом с умершим, на черепе которого сохранились следы росписи, встречены также клыки лисицы (Максименков 1980: табл. XXI, 1, 4). Украшение, включающее 10 третьих фаланг медведя, выявлено в заполнении могилы взрослого с младенцем (Уйбат V, кург. 2 мог. 1; Лазаретов 1997: 26).

Остатки ожерелий из зубов зверя зафиксированы в погребении мужчины (клык и три просверленных коренных зуба) (Пристань I); в заполнении могилы женщины (пять зубов) (Уйбат III, кург. 1, мог. 2); в заполнении могилы (три подвески из клыков) мужчины, взрослого и ребенка (Черновая VIII, кург. 8 мог. 6) (Комарова 1981: рис. 4, 13, 18–20; Лазаретов 1997: 21; Максименков 1980: табл. XXV, 30, 31).

Ожерелья (клыки марала). Эти украшения встречены в заполнении могилы (24 клыка) подростка 16–18 л. (Лебяжье, кург. 3, мог. 9), в погребении молодой женщины (семь зубов) (Туим, мог. 4; раскопки Л. Р. Кызласова), в разграбленном захоронении (три имитации клыка марала) (Абакан-Сорск, мог. 2) (Максименков 1981: рис. 3, 9, 12; Гультов и др. 2006: 121, рис. 6).

Кроме того, в двойном погребении обнаружено ожерелье из восьми зубов оленя, зуба лося, 11 просверленных косточек косули и 10 птичьих косточек (Усть-Тибик, 1968 г., кург. 1, мог. 1) (Наглер, Парцингер 2006: рис. 7, 2, 4, 6–7).

Ожерелья (зубы лисы и собаки). Эти украшения зафиксированы лишь в двух случаях. В парном захоронении (Бельтыры, огр. 5) найдены четыре клыка и шесть резцов нижней челюсти лисы или собаки (Липский, Вадецкая 2006: табл. II, 7). В погребении взрослого человека (Есино IV, мог. 2) обнаружено 22 резца и два клыка собаки, а также два клыка лисы. Все зубы лежали у правого предплечья умершего. В заполнении могилы выявлены также просверленные клык собаки, коренной зуб и клык лисы, которые, видимо, являлись частью того же ожерелья (Паульс 1997: 125, рис. 2, 4).

В двух случаях видовая принадлежность зубов, образующих украшение, не определена. В разрушенной могиле ребенка (Верхний Аскыз I, кург. 2, мог. 11) найдено ожерелье из трех резцов грызуна и просверленной костяной лапчатой подвеской (Ковалёв 1997: 89), в погребении женщины (Усчуль) на ее шее обнаружено ожерелье из зубов зверей (Липский 1949: 76).

В целом ожерелья из зубов диких зверей чаще находят в погребениях женщин, хотя иногда эти украшения встречены в захоронениях мужчин и детей. Преобладают ожерелья из зубов медведя и марала. Украшения из зубов собаки и лисы редки, и лишь в одном случае известно ожерелье, элементы которого представляют имитации зубов марала.

Брелки (зубы марала, медведя, косули, кабарги). Брелки, состоящие из нескольких просверленных зубов, лежат около пояса или рук погребенных, причем эти поделки встречены как в богатых, так и в рядовых могилах. Известны находки четырех брелков: шесть просверленных зубов марала (Уйбат 1966 г., мог. 7) (Наглер, Парцингер 2006: рис. 3, 9); два просверленных клыка марала и два резца медведя (Уйбат V, кург. 1, мог. 7) в погребении младенца, у его левой руки (Лазаретов 1997: 24, табл. XIV, 15); пять просверленных клыков кабарги (Абакан-Сорск, мог. 4) (Гультов и др. 2006: рис. 11, 6); две первые и восемь копытных фаланг косули и зуб марала (Лебяжье 1975 г., мог. 3) в погребении мужчины (Вадецкая 2003/2004: рис. 5).

Подвески (коренные зубы и клыки медведя). Как правило, умершему полагалось одно такое украшение, причем уложенные в мешочек подвески всегда имеются в могилах с культовыми изделиями или с особым набором костей животных. Вероятно, клыки и коренные зубы медведя считались амулетами.

Не менее двух клыков найдено возле скелета мужчины (Черновая VIII, кург. 4, мог. 21) (Максименков 1980: 10, табл. XXI, 3). Клык выявлен и в захоронении мужчины, женщины и ребенка (Черновая VIII, кург. 4, мог. 1) (Там же: табл. XXV, 23).

В могиле подростка (Черемушный Лог I, мог. 6) лежали два коренных зуба (Шер, Грушин 2006: рис. 4, 1–2). Просверленный нижний коренной зуб был встречен в заполнении могилы мужчины (Усть-Бюрь, кург. 5, мог. 1). В самой могиле выявлен просверленный верхний клык медведя (Кызласов 1986: 273).

Клык мог быть частью ожерелья из бус, причем его нанизывали в середине украшения, как, напр., в захоронении женщины (Тепсей VIII) (Грязнов 1969: 28, рис. 19, 3). В рядовых могилах такую подвеску находили под поясничными позвонками женщины (Лебяжье, кург. 3, мог. 4) (Максименков 1981: рис. 3, 19); в кожаном футляре (Большое Кольцо, 1974 г., мог. 4) (Вадецкая 1986: 39 № 35); в ногах мужчины вместе с гарпуном, причем подвеска, видимо, находилась в мешочке (Итколь I,³³ кург. 3, мог. 5); в разрушенной могиле рядом с острогой (Уйбат V, кург. 4, мог. 2) (Лазаретов 1997: 27, табл. XV, 17).

В тех случаях, когда клык находят в заполнении могил (Малые Копены II, кург. 1, впускная мог. 3, два зуба; Черновая VIII, кург. 4, мог. 8; Лебяжье, кург. 1 мог. 2; Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 12; Верхний Аскиз II, кург. 2, мог. 21, 36) (Киселёв 1949: рис. 5, 6; Максименков 1980: табл. XXV, 27–28; 1981: рис. 3, 16; Хаврин 1997: 66, табл. V, 17; Ковалёв 1997: 91, 93), его функцию определить невозможно.

Подвески (клыки марала и кабарги). Подвески из клыков марала находятся в могилах, как поодиночке, так и группами. В последнем случае они не только украшают, но видимо, и оберегают ценную вещь, напр., уже упоминавшиеся сумочки в погребениях Карасук II и Красный Камень, кург. 1, мог. 5 (Комарова 1981: 83, рис. 6, 4; раскопки И. П. Лазаретова).

Менее четко эти подвески фиксируются на концах завязок для одежды. В одном погребении два клыка мелкого хищника лежали у левой стопы человека 20–25 л. (Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 6). Возможно, они были прикреплены на концах подвязки штанов у щиколоток. Третий клык, вероятно, от правой подвязки найден в заполнении этой могилы (Хаврин 1997: 66, табл. V, 4–6).

Вероятно такое же назначение этих зубов реконструируется для погребения Карасук II, где 13 клыков лежали на дне могилы, под коленями и у стоп женщины (Комарова 1981: 83). Возможно, они по одному или по два были нанизаны на концы ремешков, которыми подвязывались штаны под коленями и выше стоп. Такие ремешки изображены на ногах одетых персонажей, выгравированных на некоторых окуневских плитах, в частности, на тех, которые нашли в могилах ограды Тас Хазаа (Липский, Вадецкая 2006: табл. XVI, 2; XVII; XIX, 1).

Клыки служили амулетами, которые вешали на грудь или подвешивали к поясу. Подвеска из клыка лежала в погребении женщины, у ее правого локтя (Абакан у церкви, мог. 4) (Левашева 1975), а также – в захоронении женщины с ребенком до 1 г. (Черновая XI, мог. 1) (Леонтьев С. 2001). Подвеска из нижнего резца марала лежала в погребении женщины, справа у ее ребер (Есино IV, мог. 2). Одежда умершей богато украшена костяным бисером (Паульс 1997: рис. 2, 4).

Подвеску из клыка кабарги также носили на груди или подвешивали к поясу. Но их редко использовали в качестве амулета и никогда как украшение. Клык, закрепленный на медной проволочке, найден в могиле воина (Уйбат V, кург. 1, мог. 5) вместе с наконечниками стрел (Лазаретов 1997: 24, табл. XV, 16). В другом погребении (Окунев улус, мог. 8) клык обнаружен у поясицы женщины (Комарова 1947).

Пять клыков встречено в заполнении могил: по одному в погребениях Окунев улус, мог. 5 и Лебяжье 1975 г., мог. 1 (Комарова 1947; Вадецкая 2003/2004: рис. VI, 3) и три в захоронении Уйбат V, кург. 1, мог. 3, верхнее погр. (Лазаретов 1997: 23, табл. XV, 15).

³³ Благодарю С. В. Морозова за возможность использовать в моей статье неопубликованные материалы его раскопок памятника Итколь I.

Единичные подвески из зубов крупных животных. В окуневских могилах найдены два таких украшения: клык волка в погребении мужчины 45–55 л. (Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 13) и зуб хищника с отверстием в корневой части, который лежал на груди мужчины (улус Мохов 6) (Хаврин 1997: табл. V, 18; Киргинеков 1997: рис. 3, 5). Кроме того в 2008 г. А. В. Поляков обнаружил клык волка над перекрытием центральной мог. 1 (Итколь II, кург. 26), а Л. Р. Кызласов в 1984 г. зафиксировал в заполнении могилы резец крупного травоядного (Туим, мог. 4). Четыре нижних резца овцы и резец косули обнаружены в заполнении еще одного погребения (Есино IV, мог. 2) (Паульс 1997: 125, рис. 2, 4).

Единичные подвески из зубов грызунов. В двух окуневских погребениях выявлены резцы бобра. Один был положен в могилу мужчины 30–40 л., похороненному вместе с женщиной (Уйбат V, кург. 4, мог. 4) (Лазаретов 1997: 28, табл. XV, 10). Другой извлечен из заполнения могилы мужчины 35–45 л. (Уйбат V, кург. 4, мог. 15) (Там же: 29, табл. XV, 11). У таза женщины (Уйбат-Хулган, кург. 2) обнаружен резец грызуна и костяной игольник с двумя иглами (Кызласов 1962: 116, рис. 4, 6).

Ритуальные кости

К ним относятся кости диких животных, которые, не являясь амулетами или украшениями, были использованы в обрядах, связанных с культом зверей. Чаще всего в окуневских могилах находят подъязычные кости, астрагалы, части рогов, черепа и кости нижних конечностей.

Подъязычные кости разных парнокопытных. Такие находки встречаются редко. Места их расположения в погребениях, за одним исключением, не установлены, иногда эти кости встречены в заполнении могил. Они имеют полированную поверхность и отверстие для крепления, поэтому их называют «подвесками», хотя для подвесок такие поделки слишком массивны. Семантика их пока неясна. Высказано мнение, что они были частью жреческого снаряжения (Кызласов 1986: 274).

В трех случаях сообщается лишь о том, что рассматриваемые кости находились в могилах. Речь идет о 20 обломках костей оленя (Черемушный Лог I, мог. 6) от нескольких особей (рис. 2, 3), вместе с которыми обнаружено четыре медвежьи кости *os penis* (Шер, Грушин 2006: 96, рис. 5); о двух костях крупного животного, найденных в могиле взрослого с младенцем (Туим, мог. 5; раскопки Л. Р. Кызласова); о «подвеске» из кости животного (Черновая XI, мог. 3) в погребении ребенка 1,5–2 л. (Леонтьев С. 2001: 118).

В двух случаях подъязычные кости встречены в заполнении коллективных погребений: две обломанные кости лося со следами окраски охрой (Уйбат V, кург. 1, мог. 3, верхнее погр.) (Лазаретов 1997: 23, табл. XV, 3–4) и семь заполированных костей косули, причем четыре из них с отверстиями (Верхний Аскиз I, кург. 2, мог. 21) (рис. 2, 4). В последнем случае подъязычные кости выявлены вместе с двумя клыками медведя и фрагментом птичьей кости (Ковалёв 1997: 90, табл. XI, 31). Обломки костей косули обнаружены в могиле пожилого мужчины (Верхний Аскиз I, кург. 2, мог. 15). Они лежали выше его головы (рис. 2, 4), вместе костяной пластинкой, на которой черной краской нанесен рисунок (Ковалёв 1997: 90). Восемь подвесок из костей дикого быка (*Bovinae*) (рис. 2, 5) лежали в погребении мужчины (Усть-Бюрь, кург. 5, мог. 1) (Кызласов 1986: 274, рис. 186–188, 2, 3).

Слуховые кости животного. Три такие полированные кости обнаружены в погребении женщины (Итколь I, кург. 3, мог. 6), причем они лежали по обе стороны от черепа (раскопки С. В. Морозова в 2007 г.).

Астрагалы (таранья кость). В окуневских могилах найдены астрагалы диких животных (в основном, косули – более 30 %, изредка, горного барана) и овец. Астрагалы находят, преимущественно, в могилах детей и подростков в количестве от одного до 62 штук. На них часто вырезаны кресты и насечки. Поэтому астрагалы иногда воспринимают как игральные кости. Однако их семантика, видимо, была разнообразнее, поскольку в могилах вместе с ними положены культовые предметы: мраморные шарики и антропоморфные фигурки божков (Вадецкая 1980: 71, табл. XXIV). В 1999 г. впервые обнаружены астрагалы, выкрашенные в красный или черный цвет. Встречаются

кости, окрашенные в оба цвета. Возможно, что ранее на астрагалах не замечали следы краски, которая придавала им магическое значение.

Первая такая находка была сделана в 1940 г. (Малые Копены II, кург. 1, впускная мог. 3). Речь идет о шести затесанных с разных сторон астрагалах овцы, обнаруженных в погребении подростка (Киселёв 1949: 26). В захоронении подростка 14 л. (Черновая VIII, кург. 4, мог. 7) найдено 36 астрагалов козули, причем один из них украшен насечкой и крестом (Максименков 1980: 7). В могиле ребенка 10–12 л. (Черновая VIII, кург. 11, мог. 5) обнаружено 62 астрагала козули (Максименков 1980: 13). Десятки астрагалов козули, на 15 из которых вырезаны кресты, встречены в погребении подростка 14–16 л. (Черновая VIII, кург. 11, мог. 8) (Максименков 1980: 13).

Окрашенные астрагалы зафиксированы в пяти случаях. Речь идет о захоронении женщины и ребенка до 1 г. (Черновая XI, мог. 1), где нашли 16 астрагалов козули или овцы, причем пять из них окрашены в красный и черный цвет, два – в красный и два – в черный, на некоторых астрагалах прорезаны и рисунки; о погребении младенца 1,5–2 г. (Черновая XI, мог. 3), где обнаружен зачерненный астрагал; о захоронении двух женщин и двух детей до 2-х л. (Черновая XI, мог. 4), в котором найдено четыре астрагала, причем два из них окрашены охрой; о погребении мужчины с ребенком до 2-х л. (Черновая XI, мог. 5), где встречено шесть астрагалов, один из которых раскрашен в черный и красный цвет; о разрушенной могиле (Черновая XI, мог. 2), в заполнении которой найдено 26 астрагалов козули или овцы, причем девять из них окрашены в красный цвет, шесть – в черный, шесть – в черный и красный, на двух астрагалах вырезаны рисунки. (Леонтьев С. 2001: 117–119)

В двух случаях эти кости выявлены в могилах без инвентаря: астрагал горного барана (подросток 10–12 л.; Усть-Бюрь, кург. 5, мог. 2) (Кызласов 1986: рис. 188, 4) и астрагал дикого животного (взрослый и ребенок; Туим, мог. 5; раскопки Л. Р. Кызласова).

В погребениях взрослых людей астрагалы встречены в двух случаях. Они обнаружены в захоронении мужчины (Уйбат V, кург. 1, мог. 4), где четыре правых и четыре левых кости барана с симметричной подрезкой располагались у правой стопы умершего (Лазаретов 1997: 24, табл. XVI, 5; XXI, 6). Три просверленные астрагала козули зафиксированы в погребении мужчины 40–50 л. (Сыда V, кург. 1, мог. 3). Они лежали у локтя покойного и, видимо, служили брелком (Грязнов, Комарова 1997: 54, табл. 3–5).

Рога. В трех захоронениях найдены рога животных. В двойном погребении женщины и мужчины (Тас Хазаа, мог. 2, погр. 5) две массивные корневые части рога марала обнаружены в изголовьях покойных (Липский, Вадецкая 2006: табл. VII, 1). Два обработанных рога козули встречены в могиле женщины-шаманки (Карасук II), где они располагались в ногах покойной (Комарова 1981: 83). Рог лося, покрытый резным орнаментом и густо окрашенный охрой, помещен у головы подростка 12–14 л. (Разлив X, мог. 9). (Пшеницына, Пяткин 2006: 91, рис. 6, 5).

Череп. Череп или части черепов животных встречены в пяти захоронениях. В погребении мужчины 20 л. (Уйбат V, кург. 1, мог. 1) обнаружена черепная крышка козла с обоими роговыми стержнями – часть ритуального головного убора или череп козла (Лазаретов 1997: 23). В захоронении взрослого и ребенка (Черновая VIII, кург. 4, мог. 1), где выявлен камень, похожий на изображение медведя, лежал череп птицы, вероятно, от маски (Максименков 1980: табл. XXV, 25). Еще одна такая же находка встречена в погребении мужчины 30 л. (Черемушный Лог I, мог. 7) (Вадецкая 1986: 38, № 18). Череп выдры лежал в захоронении мужчины 40–60 л. (Сыда V, кург. 2, мог. 3), в котором также обнаружена плечевая кость журавля. Несколько костей женщины и двух новорожденных, видимо попали в эту могилу из других погребений при их ограблении (Грязнов, Комарова 2006: 54, табл. 5). Череп рыси найден в заполнении могилы взрослого и ребенка (Лебяжье, 1975 г., мог. 2) вместе с наконечником стрелы. (Вадецкая 2003/2004: 16).

Кости нижних конечностей. Девять пястных и три плюсневые кости трех молодых и трех взрослых особей козули обнаружено в безынвентарном погребении мужчины 40–45 л. (Черемушный Лог I, мог. 8) (Шер, Грушин 2006: 96). Кости лап трех волков (восемь плюсневых костей и

паястная) встречены в погребении подростка (Черемушный Лог I, мог. 11). В восточном углу могилы из них выложена Т-образная фигура (Там же: 96, рис. 6).

Культ диких животных и его истоки в религии окуневских племен

Треть раскопанных окуневских могил имеет кости диких животных, причем они представлены во всех непотревоженных или мало разрушенных погребениях. Следовательно, изначально в окуневских захоронениях было больше остеологического материала.

В могилах представлены кости марала, лося, косули, кабарги, горного барана, медведя, рыси, волка, лисы, выдры, барсука и соболя. Из костей марала, лося и косули изготавливали орудия (топоры, остря, остроги, иглы для вязания сетей, ручки шильев) и оружие (лук, ручки ножей и кинжалов). Клыки лося, косули и кабарги почти не использовали для изготовления амулетов, которые, как правило, делали из клыков марала, украшая ими сумки, нанизывая из них ожерелья, употребляя их как подвески. Среди зубов хищников преобладают медвежьи. Из них составляли ожерелья и брелки, изготавливали подвески. Следует отметить, что зубы медведя находят, преимущественно, в мужских погребениях, а зубы марала – в женских. Резцы сурка прикрепляли только к верхней женской одежде – нагрудникам. Узоры на головных уборах, обуви и сумках выполнены из моляров соболей с помощью конского волоса или клея, причем сложные узоры на сумках образованы молярами соболей и клыками маралов.

Разнообразные украшения из зубов диких животных имели не только эстетическое, но и религиозное значение. Магическая символика зубов и костей диких животных доказывается их окрасенностью охрой, сохранившейся на некоторых резцах сурка (Уйбат 1966 г., мог. 6), подъязычных костях парнокопытных (Уйбат V, кург. 1, мог. 3, верхнее погр.), молярах соболя (Красный Камень, кург. 1, мог. 5), частях рогов лося (Разлив X, мог. 9), астрагалах (Черновая XI, мог. 1–5).

Ритуальный характер обнаруженных зубов и костей подтверждается также тем, что покойники, одежды которых украшены звериной символикой, похоронены с предметами культа. К ним относятся мраморные шарики, ношение которых как религиозного символа и атрибута власти было распространено в окуневской культуре, причем они встречены и в погребениях мужчин (Тас Хазаа, мог. 2, погр. 5; Черновая VIII, кург. 4, мог. 21), и в захоронениях женщин (Тас Хазаа, мог. 2, погр. 5, мог. 4; Карасук II; Уйбат-Хулган, кург. 2), и в могилах подростков (Малые Копены II, кург. 1, впускная мог. 3), и в погребениях детей (Черновая VIII, кург. 11, мог. 5). Такие же предметы найдены в двух захоронениях взрослых людей (Уйбат 1966 г., мог. 7; Есино IV, мог. 2) (Кызласов 1962: 116, рис. 4, 6; Липский, Вадецкая 2006: 27–31; Максименков 1980: 10, табл. XXI, 3; Наглер, Парцингер 2006).

Магическими изделиями являются также антропоморфные фигурки родовых божков в виде каменных стерженьков (Уйбат V, кург. 2, мог. 1.; Черновая VIII, кург. 8, мог. 13; Черновая XI, мог. 5) (Лазаретов 1997: 26; Леонтьев С. 2001: 119; Максименков 1980: табл. XXV, 3) и костяные пластинки с изображениями женской головы (Абакан у церкви, мог. 4) (Левашева 1975). В ритуальных целях, видимо, использовалась зооморфная скульптура: роговая фигурка медведя и две его головки (Карасук II), роговая пластинка с изображением лося и медведя (Стрелка, мог. 1), большие лунообразные каменные подвески (Усть-Бюрь, кург. 5, мог. 1; Черновая VIII, кург. 4, мог. 21), а также костяной ритон и роговой жезл (Черновая VIII, кург. 4, мог. 21) (Комарова 1981: 82–83; Кызласов 1986: 273; Максименков 1980: 10, табл. XXI, 3; Савинов 1981: рис. 3, 3).

Особое внимание привлекают могилы, в которых представлены кости зверей, указывающие на обрядовые действия, связанные с культом диких животных. Эти погребения либо бедны вещами, либо их там нет. В качестве примера можно назвать три захоронения могильника Черемушкин Лог I. Мужчине 40–45 л. (мог. 8) положили лишь 12 костей нижних конечностей косуль, подростку 14 л. (мог. 6) – несколько подъязычных костей оленя и 4 os penis медведей, другому подростку (мог. 11) – кости трех лап волков, горшок и ритуальную миниатюрную курильницу (Шер, Грушин 2006: 96). Нет сомнения в том, что эти могилы свидетельствуют о культе тех зверей, останки которых там обнаружены.

Однако проживавшие совместно с ранним окуневским населением племена афанасьевской культуры, также как и обитавшие поблизости от позднего окуневского населения племена андроновской культуры, не имели культа диких животных. По всей видимости, он присущ только тем народам, происхождение которых связано с таежной зоной Сибири. Население, пришедшее в При-саянье издалека (афанасьевские и андроновские племена), его не имело.

В последние десятилетия раскопки новых могильников позволили разделить окуневскую культуру на два хронологических этапа (Лазаретов 1997: 30–38). Количество украшений из зубов диких животных на одеждах умерших, использование зубов как оберегов (ожерелья, брелки и подвески) зависит от принадлежности рассматриваемых артефактов к одному из двух этих этапов. Оказалось, что охотничьи промыслы и культы особенно развиты у окуневского населения на раннем этапе его развития. Таким образом, культ диких животных окуневских племен является весомым аргументом, подтверждающим таежные истоки их культуры.

- Вадецкая 1980 – *Вадецкая Э. Б.* Изваяния окуневской культуры // *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 37–80, табл. XXXII–LVI.
- Вадецкая 1986 – *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Вадецкая 1989 – *Вадецкая Э. Б.* Археологический комплекс под горой Оглахты // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск., 1989. Вып. 1. С. 272–279.
- Вадецкая 2003/2004 – *Вадецкая Э. Б.* Рисунки на плитах окуневского могильника у с. Лебяжье, на правом берегу Енисея // Вестник САИПИ. 2003/2004. Т. 6–7. С. 8–17.
- Грязнов 1969 – *Грязнов М. П.* Саяно-Алтай в эпоху бронзы и раннего железа (рукопись) // НА ИИМК РАН, РА, ф. 91, оп. 1, д. 85. Л., 1969.
- Грязнов, Комарова 2006 – *Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Сыда V – могильник окуневской культуры // ОС. 2006. Вып. 2. С. 53–71.
- Гультов и др. 2006 – *Гультов С. Б., Подольский М. Л., Цыганков И. Н.* Окуневский курган «94 километр» // Там же. С. 120–129.
- Ермолова 1983 – *Ермолова Н. М.* Новые данные по истории охоты и скотоводства на юге Сибири // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 103–107.
- Киргинеков 1997 – *Киргинеков Э. Н.* Окуневский курган около у. Мохов // ОС. 1997. Вып. 1. С. 128–133.
- Киргинеков 2010 – *Киргинеков Э. Н.* Итоги исследования кургана Большое Кольцо в долине реки Камышта // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 79–91.
- Киселёв 1949 – *Киселёв С. В.* Древняя История Южной Сибири. М.; Л., 1949 (МИА. № 9).
- Ковалёв 1997 – *Ковалёв А. А.* Могильник Верхний Аскиз 1, курган 2 // ОС. 1997. Вып. 1. С. 80–112.
- Комарова 1947 – *Комарова М. Н.* Погребения Окунева улуса // СА. 1947. Т. IX. С. 47–60.
- Комарова 1981 – *Комарова М. Н.* Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы Западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 76–90.
- Кызласов 1962 – *Кызласов Л. Р.* Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. № 2. С. 112–123.
- Кызласов 1986 – *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986.
- Лазаретов 1997 – *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // ОС. 1997. Вып. 1. С. 19–63.
- Левашева 1975 – *Левашева В. П.* Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г. // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 99–104.
- Леонтьев Н. 1980 – *Леонтьев Н. В.* Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 27–34, табл. XXX–XXXI.
- Леонтьев С. 2001 – *Леонтьев С. Н.* Памятник окуневской культуры курган Черновая XI // АЭАЕ. 2001. № 4 (8). С. 116–123.
- Липский 1949 – *Липский А. Н.* Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 г. // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 76–86.
- Липский, Вадецкая 2006 – *Липский А. Н., Вадецкая Э. Б.* Могильник Тас Хазаа // ОС. 2006. Вып. 2. С. 9–52.

- Максименков 1975 – *Максименков Г. А.* Окуневская культура: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск. 1975.
- Максименков 1980 – *Максименков Г. А.* Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 3–26, табл. I–XXIX.
- Максименков 1981– *Максименков Г. А.* Могильник окуневской культуры у с. Лебяжьего // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 91–110.
- Наглер, Парцингер 2006 – *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // *ОС.* 2006. Вып. 2. С. 123–127.
- Паульс 1997 – *Паульс Е. Д.* Два окуневских памятника на юге Хакасии // *ОС.* 1997. Вып. 1. С. 123–127.
- Пшеницына, Пяткин 2006 – *Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н.* Курган Разлив X // *ОС.* 2006. Вып. 2. С. 82–94.
- Савинов 1981– *Савинов Д. Г.* Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 111–117.
- Хаврин 1997 – *Хаврин С. В.* Могильник Верхний Аскиз 1, курган 1 // *ОС.* 1997. Вып. 1. С. 65–79.
- Шер, Грушин 2006 – *Шер Я. А., Грушин С. П.* Могильник раннего бронзового века Черемушный лог I // *ОС.* 2006. Вып. 2. С. 95–103.

И. П. Лазаретов (Санкт-Петербург, Россия)

Окуневские курганы с диагональными кладками

До недавнего времени на территории Хакасско-Минусинской котловины было известно всего лишь три кургана с диагональными кладками, относящихся к эпохе ранней бронзы. Отличительной особенностью памятников данного типа является наличие дополнительных каменных вымосток, соединяющих противоположные углы квадратной ограды. В центре такого кургана, в точке пересечения диагоналей, располагается основное захоронение, перекрытое куполообразным каменно-земляным надмогильным сооружением. В плане такая конструкция напоминает некоторые разновидности окуневских солярных знаков: квадрат с точкой в центре, рассеченный косым крестом.

Первая ограда с диагональными кладками была найдена М. П. Грязновым во время разведки 1955 г. в устье р. Карасук и привлекла к себе внимание необычным видом надмогильного сооружения. Другой курган аналогичной конструкции был обнаружен им в 1962 г. при раскопках могильника эпохи поздней бронзы на противоположном берегу реки. Оба памятника (Карасук II, Карасук VIII) были исследованы М. Н. Комаровой и дали исключительно яркий, но нетипичный для своего времени материал (Комарова 1981). Кроме дополнительных диагональных кладок эти ограды выделялись из всех известных на тот момент окуневских курганов конструкцией могил и своеобразием сопроводительного инвентаря. Центральное захоронение ограды Карасук II было устроено в грунтовой яме, а не в традиционном окуневском каменном ящике. В Карасуке VIII основное погребение представляло собой обширную грунтовую яму с заплечиками. Округлодонная керамика с монотонной орнаментацией, зооморфные подвески, обилие украшений из зубов соболя и марала придавали этим захоронениям архаичный облик. Не случайно, данные памятники были выделены в раннюю окуневскую группу или особый культурно-исторический этап эпохи энеолита (Комарова 1981: 88–90; Хлобыстина 1973: 37). Последующие раскопки подтвердили принадлежность оград Карасук II и Карасук VIII к комплексам уйбатского этапа окуневской культуры, а их особенности стали надежными хроноиндикаторами ранних окуневских памятников (Лазаретов 1997: 36).

Еще более необычно выглядел кург. Туим-Кольцо, исследованный Л. Р. Кызласовым в 1984 г. Помимо ограды с диагональными кладками, он имел с восточной стороны «вход», обозначенный шестью гранитными менгирами (рис. 1, I). Такие же вертикальные камни располагались в углах ограды. Весь комплекс был вписан в кольцо диаметром 82 м из менгиров, установленных по кругу с промежутками в 8–9 м (Кызласов 1987). Центром этого монументального сооружения являлось основное захоронение кургана – каменный ящик, в котором была погребена молодая

женщина. В разграбленной могиле были обнаружены фрагменты керамического сосуда, каменный наконечник стрелы, два зуба соболя и шесть подвесок из просверленных клыков марала. Судя по наличию в ограде четко выраженных угловых камней и манере оформления погребений в виде стандартных каменных ящиков, этот комплекс, вероятно, относится к черновскому этапу окуневской культуры.

В последние годы количество изученных курганов с диагональными кладками удвоилось. В 2007 г. на мог-ке Уйбат-Батень нами была исследована ограда размерами $7,8 \times 7,8$ м, сложенная на уровне дневной поверхности из плоских каменных глыб. В двух ее углах сохранились корневые части угловых камней из плит песчаника, врытых вертикально. В центре ограды располагался каменный ящик размерами $1,5 \times 0,8 \times 0,65$ м. В его заполнении обнаружены обломки костей юноши и фрагменты придонной части сосуда, орнаментированного рядами оттисков зубчатого штампа, образующими горизонтальную «елочку». В насыпь кургана был впущен каменный ящик с детским захоронением. В нем найдены миниатюрная стеатитовая головка-куколка и классический черновский сосуд, украшенный по венчику и придонной части прочерченными горизонтальными линиями. Сочетание архитектурных особенностей памятника и вещевой материал позволяют уверенно датировать его поздним этапом окуневской культуры.

Еще один курган этого же типа исследован С. В. Морозовым на мог-ке Итколь I в 2009 г. Его ограда неоднократно перестраивалась и расширялась. В конечном счете она приобрела вид своеобразной «матрешки» – четырех квадратов, последовательно вписанных один в другой. Сложно определить, существовали ли диагональные кладки у первичной ограды или они появились только на втором этапе функционирования комплекса. У двух поздних, самых крупных оград, диагональных кладок уже не было. Центральная могила представляла собой обычный каменный ящик. Он неоднократно использовался для многочисленных подхоронений взрослых и детей. Установить, кто и когда в нем был изначально погребен, уже невозможно. Все впускные захоронения кургана были совершены в каменных ящиках и содержали материал черновского облика.

Значительно лучше сохранился курган, исследованный нами в 2010 г. на мог-ке Красный Камень. Он имел квадратную ограду размерами $12,5 \times 12,5$ м из врытых на ребро плит с четко выраженными диагональными кладками. В точке их пересечения располагалась центральная могила, перекрытая слоем камней. Поверх камней было возведено земляное надмогильное сооружение, на которое частично заходили диагональные кладки. Сама могила была оформлена в виде обширной и довольно глубокой грунтовой ямы, в нижней части которой был установлен каменный ящик. Перекрытие из плит располагалось на уровне краев ящика, а вся верхняя часть ямы до погребенной почвы была заполнена камнем. Захоронение было частично ограблено. Грабители, вероятно, изъяли из него только металлические предметы. В могиле сохранился практически полный скелет женщины 20–25 л., лежавшей на спине, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх. У ее правого бедра стоял баночный горшок, орнаментированный ногтевидными оттисками. Рядом с ним было разбросано 24 просверленных зуба марала, вероятно, остатки расшитой сумочки. Еще 13 таких же подвесок, 35 мелких цилиндрических бусинок, круглая костяная и плоская каменная бусина с насечками по краю были перемещены в заполнение могилы. У правого локтя погребенной лежал прекрасно сохранившийся костяной гребень с антропоморфным изображением. Его рукоятка оформлена в виде верхней части женской фигурки с сердцевидной личиной, выполненной в технике низкого рельефа. Зубчики на верхней и боковых гранях изделия в сочетании со сквозными прорезями имитируют заплетенные косы и подчеркивают силуэт. Конструкция могилы и сохранившийся набор предметов позволяют отнести данное погребение к уйбатскому этапу окуневской культуры, скорее, к его финалу. Материал, обнаруженный во впускных погребениях и в насыпи кургана, подтверждает эту датировку.

При доследовании могильника в 2011 г. выяснилось, что данный курган был вписан в кольцо из менгиров диаметром 60 м (рис. 1, 2). Большая его часть оказалась уничтожена при строительстве объездной дороги и оросительной системы. Полностью сохранилась только одна стела

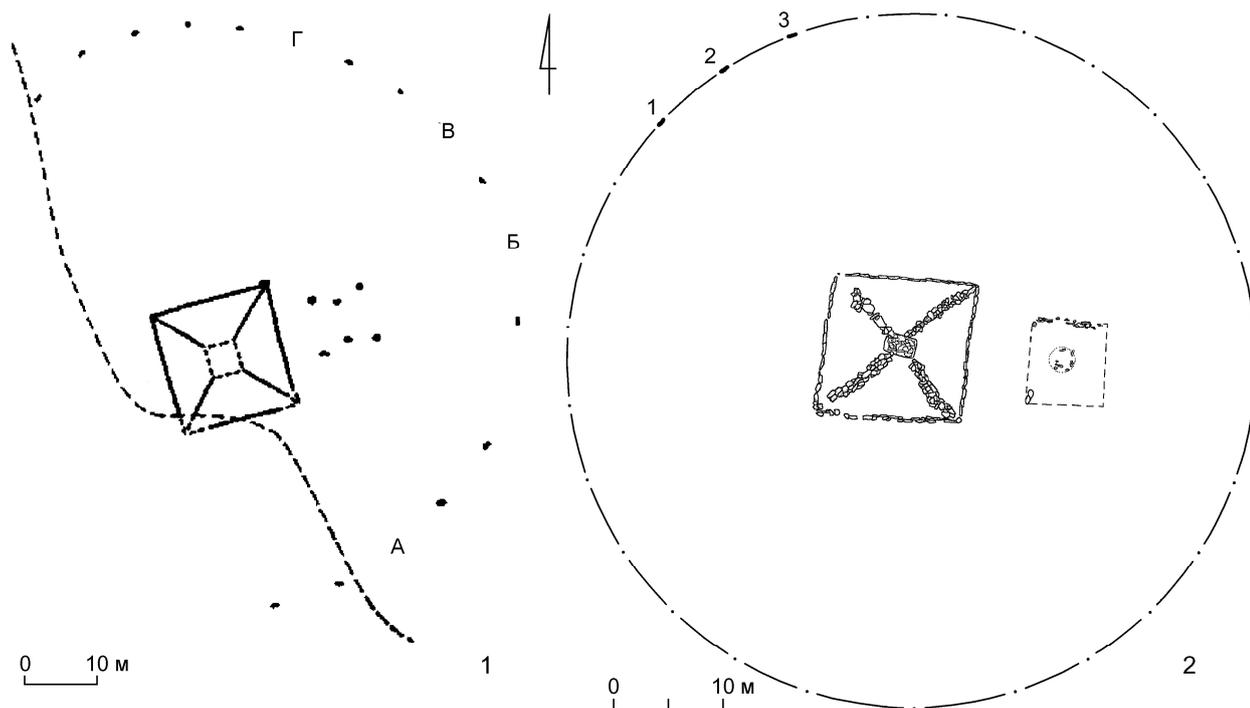

Рис. 1: 1 – Туим-Кольцо (по Кызласов 1987); 2 – Красный Камень, кург. 1

высотой 0,7 м и корневые части еще двух менгиров. Судя по ним, вертикальные плиты были развернуты плоскостью к центральному погребению кургана и располагались на удалении 7–7,5 м друг от друга. Соответственно, данное сооружение могло состоять из 25–27 менгиров. В пределах этого кольца, в 5 м к В от кург. 1 была расчищена оградка размерами 7×7 м из врытых на ребро плит песчаника. Следов захоронений и каких-либо артефактов в ней не обнаружено. Подобные ритуально-поминальные площадки, расположенные к востоку от оград-кладбищ и огороженные врытыми плитами, найдены уже в нескольких окуневских могильниках (Поляков 2010). Вероятно, именно такая площадка, а не «вход», имела и у кург. Туим-Кольцо. В этом случае совпадение конструктивных элементов мог-ков Туим-Кольцо и Красный Камень оказывается полным. Не исключено, что и другие курганы с диагональными кладками являлись частью подобных архитектурных комплексов, не сохранившихся до нашего времени.

Еще одна важная деталь отличает ограды с диагональными кладками от основной массы известных нам комплексов эпохи ранней бронзы. Стандартные окуневские курганы обычно представляли собой ограды-кладбища, функционировавшие на протяжении длительного времени. Захоронения в них совершались последовательно, одно за другим, и каждое из них имело собственное надмогильное сооружение. Они занимали свободные места в ограде, либо встраивались в развалы уже существующих надмогильных сооружений. Центральное погребение в таких оградах практически не отличается по своей конструкции, размерам и глубине от боковых захоронений и даже не всегда является самым ранним. Создание общей курганной насыпи над оградой-кладбищем, как правило, означало окончание его функционирования. Трудозатраты, вложенные в строительство такого кургана, были значительными, но они распределялись на несколько равноценных или близких по своему статусу погребений. У оград с диагональными кладками курганная насыпь возводилась сразу же после устройства центральной могилы. Соответственно, трудозатраты на строительство такого комплекса были целиком адресованы только основному погребению. Все последующие захоронения впускались в уже сформированное тело кургана, не меняя его архитектурного облика. Следовательно, центральное погребение в оградах с диагональными кладками имело высокий социальный статус и предназначалось для захоронения особой категории лиц.

В связи с этим, уместно вспомнить реконструкцию семантики курганов эпохи бронзы и раннего железного века, в частности, комплекса Туим-Кольцо, предложенную И. Л. Кызласовым. В его понимании, данное монументальное сооружение можно интерпретировать как образ земного мира, ограниченного горными хребтами со священными вершинами по углам и в центре, вписанный в кольцо из менгиров, символизирующих охватывающий Землю небесный круг (Кызласов 1989: 207–209). Тогда центром этой своеобразной модели Вселенной оказываются захоронения молодых женщин. Именно женщины репродуктивного возраста были погребены в основных могилах кург. Карасук II, Туим-Кольцо и Красный Камень. В центральном погребении кург. Карасук VIII, по публикации, были обнаружены кости взрослого мужчины, мужчины 40–60 л. и двух детей 6 л. (Комарова 1981: 86). Однако проведенные антропологом К. В. Солодовниковым измерения единственного черепа из этого захоронения показали, что он, возможно, принадлежал женщине зрелого возраста.³⁴ Данная могила представляла собой классическую грунтовую яму с заплечками, нижняя часть которой была предназначена для одиночного захоронения. Не исключено, что там и была погребена женщина. Остальные покойники могли располагаться в верхнем ярусе могилы, на перекрытии первичного захоронения. Половую принадлежность погребенных в основных могилах кург. Уйбат-Батень и Итколь I установить не удалось. Примечательно, что центральные захоронения в обычных окуневских оградах содержат только индивидуальные мужские, парные или коллективные погребения. В курганах же с диагональными кладками, на сегодняшний день, определено 3–4 индивидуальных женских погребения и ни одного достоверного мужского. Если конструкция таких курганов могла восприниматься древним населением как модель Вселенной, то центральные женские захоронения в них, возможно, отражали воплощение идеи сохранения и постоянного возрождения существующего миропорядка.

В литературе уже отмечалось конструктивное сходство окуневских оград с диагональными кладками и херексуров эпохи поздней бронзы – раннего железного века Саяно-Алтая (Комарова 1981; Кызласов 1989: 204–205). Данное совпадение казалось случайным, учитывая значительный хронологический и территориальный разрыв, существовавший между этими комплексами. Теперь же выясняется, что ограды с диагональными кладками существовали на протяжении всей окуневской культуры, а не только на раннем ее этапе. Соответственно, временной промежуток между угасанием одной культурной традиции и формированием другой сокращается до минимума. К тому же, на территории Алтая и Тувы уже выявлены памятники каракольской и чаа-хольской культур, родственных окуневской (Кубарев 2009: 28; Семёнов 1995: 25). Именно они могли стать хранителями и ретрансляторами мировоззренческих идей, столь ярко и зримо проявившихся у окуневского населения Среднего Енисея. В таком случае, вклад племен эпохи ранней бронзы в формирование культур предскифского и скифского времени Центральноазиатского региона оказывается более весомым, чем это представлялось ранее. А такие элементы курганной архитектуры как диагональные кладки, угловые камни, «входы» и поминально-ритуальные площадки, ставшие визитной карточкой культур эпохи поздней бронзы и раннего железного века Саяно-Алтая, в действительности, являются воплощением и творческим развитием религиозно-философских представлений, сформировавшихся еще в III тыс. до н. э.

Комарова 1981 – *Комарова М. Н.* Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 76–91.

Кубарев 2009 – *Кубарев В. Д.* Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009.

Кызласов 1987 – *Кызласов Л. Р.* Письмо из энеолита // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 143–145.

Кызласов 1989 – *Кызласов И. Л.* Воплощения вселенной (Археологические памятники как объект палеоастрономии) // Историко-астрономические исследования. М., 1989. Вып. XXI. С. 193–212.

Лазаретов 1997 – *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // ОС. 1997. Вып. 1. С. 19–64.

³⁴ Пользуясь случаем, выражаю благодарность К. В. Солодовникову за представленные мне неопубликованные данные.

- Поляков 2010 – Поляков А. В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама. СПб, 2010. С. 75–80.
- Семёнов 1995 – Семёнов Вл. А. Несколько слов об окуневской и «чаа-хольской» культуре в Туве // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб, 1995. С. 24–26.
- Хлобыстина 1973 – Хлобыстина М. Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы в Южной Сибири // СА. 1973. № 1. С. 24–39.

С. П. Грушин (Барнаул, Россия)

Наконечники копий сейминско-турбинского типа Обь-Иртышского междуречья³⁵

Одной из актуальных проблем, связанных с изучением сейминско-турбинского феномена, является вопрос о генезисе данного явления на огромных пространствах Северной Евразии. Территория Обь-Иртышья в контексте рассмотрения данной проблемы занимает особое место. Это связано с тем обстоятельством, что данный регион рассматривается как один из вероятных мест, где могло произойти формирование этого феномена (Черных, Кузьминых 1989: 270).

Основной комплекс бронзового оружия, который традиционно включается в данный культурный контекст, состоит из трех основных категорий – кельты, кинжалы и наконечники копий. Объектом нашего исследования стала последняя категория предметов. К настоящему времени на территории лесостепного и степного Обь-Иртышья известно 16 пунктов нахождения бронзовых копий с сейминско-турбинскими морфологическими традициями. Данные изделия представлены втульчатыми наконечниками, которые характеризуются «вилчатым» стержнем пера, т. е. имеющие два коротких выступа в его основании и один длинный, продолжающийся от втулки до острия. По низу втулки проходит поясok из рельефных параллельных линий. Наконечники происходят как из погребальных комплексов, так и представлены случайными находками. Общее количество учтенных бронзовых копий с обозначенной территории насчитывает 37 экз., включая литейные формы для их отливки (три экз.).

Поверхностное знакомство с данными артефактами показывает, что они морфологически неоднородны. Выявить группы наконечников по морфологическим особенностям, предпринять попытку их культурно-хронологической интерпретации являются целью данной работы. В исследовании использовался морфологический анализ, в котором важное диагностируемое значение было отведено пропорциям пера и «вилки». В работе использован показатель отношения длины пера к его максимальной ширине. Метод картографии позволил выявить особенности пространственного распространения бронзовых наконечников копий.

В процессе анализа было выделено три группы изделий. Выявленные морфологические отличия, на наш взгляд, объясняются хронологически и демонстрируют динамику развития сейминско-турбинских бронзолитейных традиций, проявившихся в производстве наконечников копий (Грушин и др. 2009: 32).

К первой группе отнесены изделия, обозначенные нами, как наконечники копий «преображенского» типа (рис. 1, 1–3). Морфологические особенности данных изделий – перо эллипсоидной формы, с максимальным расширением в центральной части. Введенный показатель отношения длины пера к его максимальной ширине составил 4,1–5,1 см. Перо с такими показателями выглядит узким и длинным. Морфологическими особенностями отличаются расположение и характер «вилки» пера. У большинства изделий она покрывает лишь незначительную часть (1/6 или 1/8).

³⁵ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», гос. контракт № П1140 «Система жизнеобеспечения и производства населения Алтая в эпоху энеолита и ранней бронзы (вторая половина IV–начало II тыс. до н. э.)».

«Зубья вилки» расположены не параллельно друг другу, а сходятся на центральном ребре жесткости. К такому типу изделий относиться наконечник с долины Чарыша (Уманский, Дёмин 1983: рис. 144). По разработанной классификации изделие относиться к типу КД-10 (Черных, Кузьминых 1989: 67). Особенность данного экземпляра – наличие под пером большого крюка-багра, который оформлен с той же стороны, что и ушко на втулке. Длина копыя – 34,5 см, ширина пера – 4,3 см, диаметр втулки – 3,3 см. В отличие от классических сейминско-турбинских образцов копые с Чарыша имеет узкое перо, длина которого 21 см, ширина – 4,5 см, диаметр втулки – 3,1 см. Также к изделиям такого типа можно отнести наконечники из мог-ка Приображенка-6 (Молодин и др. 2007: рис. 2) и мог-ка Калистратиха-III. Еще одной особенностью таких изделий является то, что они, как правило, единичны и происходят из одного погребения на мог-ке. Такая картина наблюдается на памятнике Приображенка-6 и, вероятно, Калистратиха-III. Захоронения с наконечниками могли маркировать высокий социальный статус конкретного человека в коллективе.

Картография наконечников преображенского типа показывает, что все изделия происходят с территории Верхнего Приобья, возможно, именно здесь происходило формирования морфологических особенностей этой группы вильчатых наконечников.

Вторая группа наконечников копий – классические изделия сейминско-турбинского типа, ее можно обозначить как ростовкинская (рис. 1, 4–17). Она является самой многочисленной. Морфологические особенности предметов, входящих в данную группу, включают перо т. н. пламевидной формы с максимальным расширением в нижней части. По сравнению с первой группы у наконечников ростовкинского типа данная часть изделия значительно шире, причем у отдельных экземпляров максимальная ширина достигает 9 см. Показатель отношения длины и максимальной ширины пера варьирует в пределах 1,8–3,18 см. «Вилка» таких изделий, в отличие от первой группы, значительно длиннее и занимает до 1/4 части пера. «Зубья вилки» расположены параллельно друг другу. Кроме наконечников копий из мог-ка Ростовка в эту группу можно отнести находку копыя у дер. Клепиково (Савинов 1975: рис. 6), вероятно, литейную форму для отливки наконечника с поселения Калантырь-11 (Кирюшин 2002: рис. 154), случайные находки с р. Омь (Черных, Кузьминых 1989: рис. 33, 1), у дер. Соузга (Кочеев 1997) и пять изделий из частной коллекции, происходящей из под г. Омска (Молодин, Нехорошев 2010). В отличие от изделий первой группы данный тип наконечников сопряжен с крупными могильниками, в которых обнаружено до десятка и более бронзовых предметов сейминско-турбинского типа. Такие изделия маркирует не просто отдельных представителей элиты, как могильники с наконечниками преображенского типа, но и места захоронения представителей социальной элиты.

Третью группу составляют копыя из сел Устьянка (Уманский, Дёмин 1983: рис. 2), Парфёново (Кирюшин 2002: рис. 152) и р. Иртыш (Черных, Кузьминых 1989: рис. 36, 4). Изделия этой группы более разнообразны и морфологически менее однородны (рис. 1, 18–20). Условно эту группу можно обозначить как парфёновскую. Их объединяет узкое подтреугольное вытянутое перо, с максимальным расширением в нижней части. Динамика изменения морфологии данной части изделия проходила в сторону увеличения проникающей способности пера. Его разрез близок к ромбической форме. Можно предположить, что такой признак носит поздний характер. На изделии из сел. Парфёново вилка состоит из двух «зубьев», а на изделии из Устьянки она едва намечена.

На обозначенной территории известны еще два оригинальных предмета, на которых необходимо остановиться. Первое изделие происходит из сборов на поселении Курейка-III (рис. 1, 22). Наконечник массивный, длина – 25,2 см, максимальная ширина в нижней трети – 5,5 см, длина пера – 15,6 см, втулки – 9,6 см, внутренний диаметр втулки – 1,5 см. Посредине пера проходит широкое плоское ребро, сужающееся в верхней части. Втулка с отверстиями с обеих сторон, вылита в виде прямоугольника, раскована и затем согнута в трубку. С внутренней стороны втулки нанесен точечный орнамент в два ряда. С лицевой стороны наконечника на границе втулки и пера – два узких выступающих прилива, отдаленно напоминающих вилки на сейминских копыях. Отверстий для крепления наконечника к древку на втулке нет. Маленький диаметр втулки и массивное перо позволили

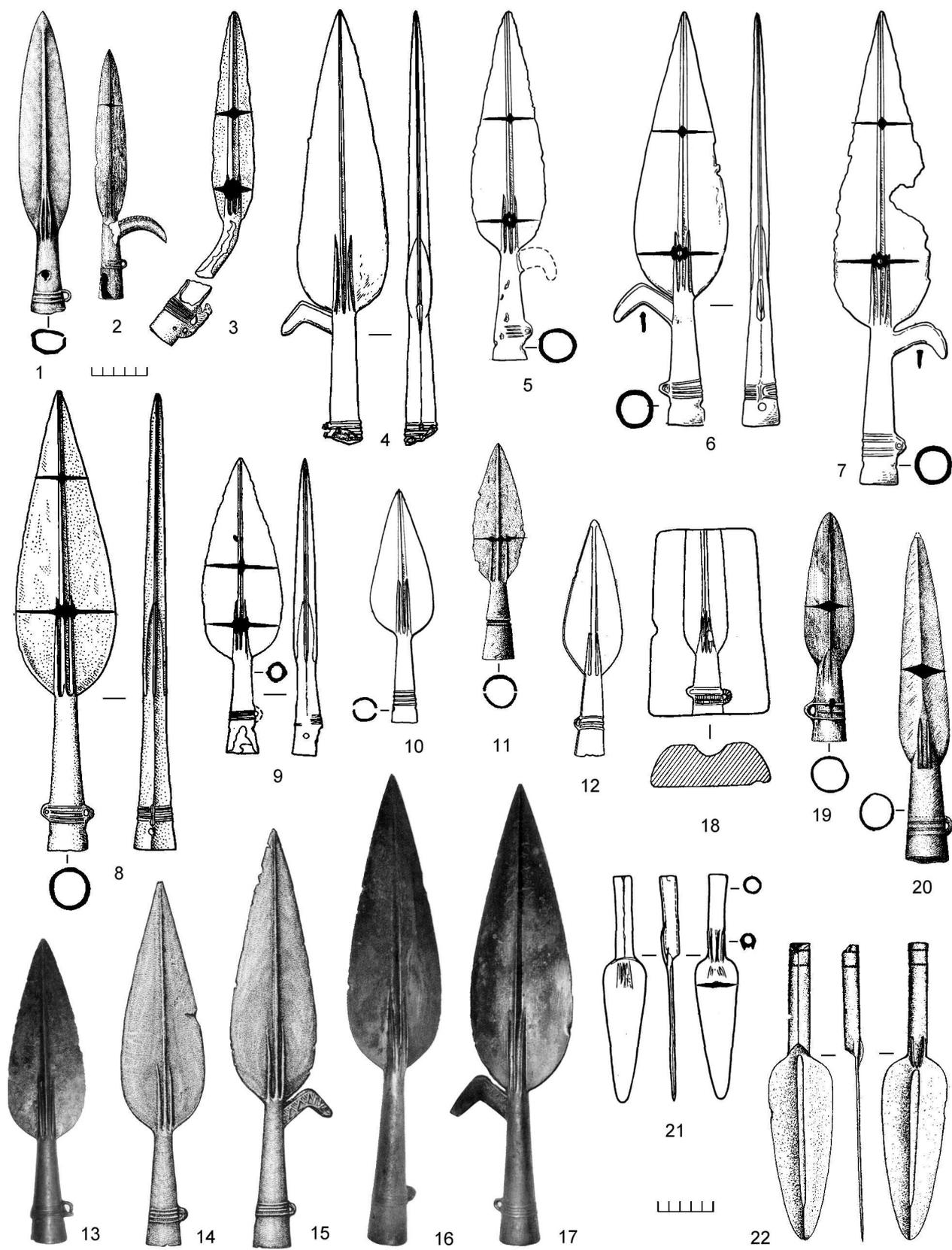

Рис. 1

К рис. 1. Наконечники копий преображенского типа (1–3): 1 – Преображенка-6 (по Молодин и др. 2007); 2 – р. Чарыш (по Уманский, Дёмин 1983); 3 – г. Омск (по Черных, Кузьминых 1989). Наконечники копий ростовкинского типа (4–17): 4–10 – Ростовка (по Черных, Кузьминых 1989); 11 – Соузга (по Кирюшин 2002); 12 – Клепиково (по Савинов 1975); 13–17 – частная коллекция из под г. Омск (по Молодин, Нехорошев 2010). Наконечники копий парфёновского типа (18–20) и кинжалы с сейминско-турбинскими орнаментальными элементами (21–22): 18 – литейная форма с Иртыша (по Черных, Кузьминых 1989); 19 – Устьянка (по Уманский, Дёмин 1983); 20 – Парфеново (по Кирюшин 2002); 21 – Семипалатинск (по Черников 1960); 22 – Курейка-III (по Иванов 1977)

И. Г. Иванову утверждать, что это наконечник именно дротика, а не копья (Иванов 1987: 131). Близкое по морфологии и конструктивным деталям изделие (рис. 1, 21) хранится в Семипалатинском музее и происходит из коллекции Белослюдовых (Черников 1960: табл. LXII, 1).

Функционально такие предметы могли быть кинжалами с рукоятями, об этом свидетельствует форма пера, близкая по своим параметрам не к копьям, а к кинжалам. Маленький диаметр «втулки» – 1,5 см, к тому же оформленный не конусом, как у всех наконечников копий, а цилиндром, не эффективен, т. к. приводил бы к постоянным поломкам черенка древка дротика. Поэтому эту часть изделия с функциональной точки зрения более правомерно рассматривать как рукоять, а само изделие как кинжал. Однако окончательный ответ на вопрос о предназначении таких изделий могли бы дать трасологические исследования.

Реальность выделенных типов изделий подтверждается, на мой взгляд, тем обстоятельством, что предметы, отнесенные к разным типам, ни разу не встречены в одном комплексе или даже памятнике. Важной проблемой в изучении рассматриваемой категории изделий является вопрос о культурно-хронологической атрибуции выделенных типов «вильчатых» наконечников копий Обь-Иртышского региона. При решении этого вопроса важны некоторые наблюдения.

К наиболее ранней группе наконечников копий можно отнести преображенский тип изделий. Мог-к Преображенка-6, из которого происходит подобный артефакт, был отнесен к одиновской культуре, которая сформировалась во второй половине III тыс. до н. э. (Корякова, Молодин 2012: 93). В мог-ке Калистратиха-III, где было обнаружено еще одно изделие преображенского типа, погребальный обряд значительно отличался от мог-ка Преображенка-6. Если в последнем случае умершие были похоронены вытянуто на спине, то в первом – на боку с согнутыми в коленях ногами. Такая погребальная поза характерна для погребального обряда елунинской культуры Обь-Иртышья.

Форму пера в виде эллипса можно рассматривать как ранний признак наконечников копий, на что указывает находка наконечника стрелы с подобной формой пера в елунинском погребении на мог-ке Телеутский Взвоз-I (Грушин 2001), который хронологически занимает более раннее положение относительно классических сейминско-турбинских некрополей. Таким образом, наконечники копий преображенского типа на данном этапе изучения можно рассматривать как самые ранние в кругу сейминско-турбинских изделий в Обь-Иртышском регионе и связать их с одиновско-елунинскими древностями.

Наконечники второй группы, обозначенные нами как изделия ростовкинского типа, самые многочисленные, большинство из них происходит из одноименного мог-ка Ростовка в Омском Прииртышье. Данный памятник отнесен В. И. Молодиным к кротовской культуре, датируемой концом III–началом II тыс. до н. э. и имеющей местную одиновскую основу (Корякова, Молодин 2012: 95).

Поздняя группа изделий, характеризующаяся подтреугольным абрисом пера, является самой аморфной. Предметы представлены исключительно случайными находками, связать которые с какими-либо культурно-хронологическими комплексами в настоящее время не представляется возможным. Вероятно, отдельные сейминско-турбинские элементы наконечников копий: «вилка», орнаментация втулки, – в качестве рудиментов могли доживать до ПБВ. Г. И. Иванов вслед за С. С. Черниковым связывает находки из Курейки-III и Семипалатинского музея с саргаринско-алексеевским населением ПБВ (Иванов 1987: 133).

Необходимо отметить, что по своим морфологическим признакам изделия преобразенского типа ближе к изделиям поздней третьей группы. Их объединяет короткая «вилка», на изделии из Устьянки, как и на наконечнике из Преображенки-6, «зубья» вилки не параллельны, а сходятся на центральном ребре жесткости. Возможно, что данные группы можно рассматривать как отдельную линию развития наконечников.

Морфология пера классических «ростовкинских» изделий находит свое продолжение в комплексах поздней бронзы мог-ка Осинки (Савинов 1975). Наконечники из данного некрополя не несут такие важные сейминско-турбинские элементы, как «вильчатый» стержень пера и орнаментированный поясок на втулке. Однако «пламевидное», относительно широкое перо морфологически связано с ростовкинской группой изделий.

Представленная выше схема демонстрирует морфологическую вариабельность и динамику развития сейминско-турбинских стандартов на примере наконечников копий с территории юга Западной Сибири. В результате работы намечились две линии эволюционного развития изделий: преобразенско-устьянская и ростовкинско-осинкинская. Они демонстрируют развитие морфологии предметов, их основных признаков, однако сами вещи могли использоваться продолжительное время и сосуществовать. Другими словами, намеченную эволюцию морфологии наконечников копий необходимо рассматривать как определенную типологическую тенденцию, а не как жесткую схему развития предметов. Культурно-хронологическую атрибуцию отдельных изделий невозможно определить, основываясь только на их морфологии и типологических особенностях, для этого, несомненно, необходимо опираться на археологический контекст.

- Грушин 2001 – *Грушин С. П.* Наконечник стрелы сейминско-турбинского типа с Верхней Оби // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Мат-лы XII Западносибирской археолого-этнографической конф.* Томск, 2001. С. 29–32.
- Грушин и др. 2009 – *Грушин С. П., Папин Д. В., Позднякова О. А., Тюрина Е. А., Федорук А. С., Хаврин С. В.* Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009.
- Иванов 1987 – *Иванов Г. Е.* Бронзовый наконечник дротика с поселения Курейка-III (степной Алтай) // *Археологические исследования на Алтае.* Барнаул, 1987. С. 128–136.
- Кирюшин 2002 – *Кирюшин Ю. Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Корякова, Молодин 2012 – *Корякова Л. Н., Молодин В. И.* Изучение культурной изменчивости в археологии // *Вестник НГУ. Серия истории и филологии.* Новосибирск, 2012. Том II. Вып. Археология, этнография. С. 82–102.
- Кочеев 1997 – *Кочеев В. А.* Новые находки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края.* Барнаул, 1997. С. 171–173.
- Матющенко, Сеницына 1988 – *Матющенко В. И., Сеницына Г. В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.
- Молодин, Нехорошев 2010 – *Молодин В. И., Нехорошев В. А.* Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // *АЭАЕ.* 2010. № 3. С. 58–71.
- Молодин и др. 2007 – *Молодин В. И., Чемякина М. А., Позднякова О. А.* Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // *ПАЭАССТ.* 2007. Т. XIII. С. 344–359.
- Савинов 1975 – *Савинов Д. Г.* Осинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // *Первобытная археология Сибири.* Л., 1975. С. 94–100.
- Уманский, Дёмин 1983 – *Уманский А. П., Дёмин М. А.* Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // *Древние горняки и металлурги Сибири.* Барнаул, 1983. С. 143–150.
- Черников 1960 – *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., 1960 (МИА. № 88).
- Черных, Кузьминых 1989 – *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.

Саянский блок археологических культур как индикатор кросс-культурного взаимодействия

Во второй половине III тыс. до н. э. в различных регионах Южной Сибири (Минусинская котловина, Алтай и Тува) фиксируется по совокупности признаков общность, которая включает окуневский культурный феномен Минусинской котловины в его гибридном окуневско-афанасьевском варианте, каракольскую культуру Алтая и т. н. окуневскую культуру Тувы (чаа-хольская культура).

Минусинская котловина является родиной окуневской культурной традиции, развивавшейся от неолита до эпохи средней бронзы, под несомненным влиянием миграционных потоков из ближних и дальних пределов Сибири. В развитии окуневского культурного комплекса можно выделить четыре стадии, которые отличаются как планиграфией могильников, так и типами инвентаря (в первую очередь керамики), а также иконографией стел (Соколова 2007). Выявленная стратиграфия погребальных комплексов позволила связать набор признаков, который Г. А. Максименков (1975) атрибутировал как окуневскую культуру, с III хронологической группой окуневской культурной традиции (Соколова 2007), наиболее репрезентативно представленной в раскопанных комплексах, и отражающей стадию консолидации признаков, характерных для данного древнего этноса. Однако ошибкой стало включение ранних и поздних памятников в одну группу без учета авторских наблюдений (Теплоухов 1929; Комарова 1981; Липский 1961). Тем более досадно выглядит отрицание этапа сосуществования местной окуневской и пришлой афанасьевской культур (Максименков 1975), что постулируется как принципиальная позиция автора, не признававшего возможности сосуществования разных культур на одной территории (Максименков 1965а).

Утверждая, что окуневская культура сложилась на основе местных неолитических традиций, Г. А. Максименков (1965б) вынужден был выдвинуть гипотезу «конкисты и реконкисты», чтобы объяснить явные несоответствия своей теории происхождения окуневской культуры (Максименков 1975). «Конкиста» – т. е. нападение афанасьевских племен и «реконкиста» – возвращение окуневского населения, по мысли исследователя, должны были сопровождаться тотальным изгнанием или уничтожением оккупантов. Однако, реальный материал рисует совершенно другую картину – носители обеих культур часто погребены в одних могилах, каждый со своим характерным инвентарем (мог-ки Афанасьева гора, кург. 6; Тас-хазаа, мог. 2 и 4; Бельтыры, кург. 6).

При решении вопроса об окуневско-афанасьевском контакте, на наш взгляд, значительную роль сыграло то обстоятельство, что, раскопанный Г. А. Максименковым могильник Черновая VIII, был определен им как «эталонный памятник» окуневской культуры (Максименков 1980). Однако стратиграфия погребальных комплексов и типология керамики показывают, что в его керамическом комплексе присутствуют поздние орнаментальные схемы с параллельными нарезками у венчика и дна сосудов. Такая керамика находилась и во впускных могилах, перекрывавших основные погребения в афанасьевских курганах. По логике автора получается, что «эталонный памятник» сформировался позднее афанасьевских могильников, а значит и сама окуневская культура относится к более позднему времени, чем афанасьевская.

Во второй главе своей докторской диссертации Г. А. Максименков рассматривает 19 памятников, в которых, по его мнению, обнаружены впускные окуневские могилы. Однако девять из них выявлены в круглых оградах афанасьевского типа (мог-ки Афанасьева гора, мог. VI, мог. VIII; Уйбат-Хулган, кург. 2; Моисеиха, кург. 5, кург. 24, мог. 2; Тесь II, кург. 9; Верхний Аскиз, кург. 2; Аскиз; Бельтыры, кург. 6). В этих случаях Г. А. Максименков предполагает, что авторы раскопок (С. А. Теплоухов, С. В. Киселёв, Л. Р. Кызласов, А. Н. Липский, В. М. Старущенко) не нашли основное (афанасьевское) погребение (рис. 1, III, V–VI).

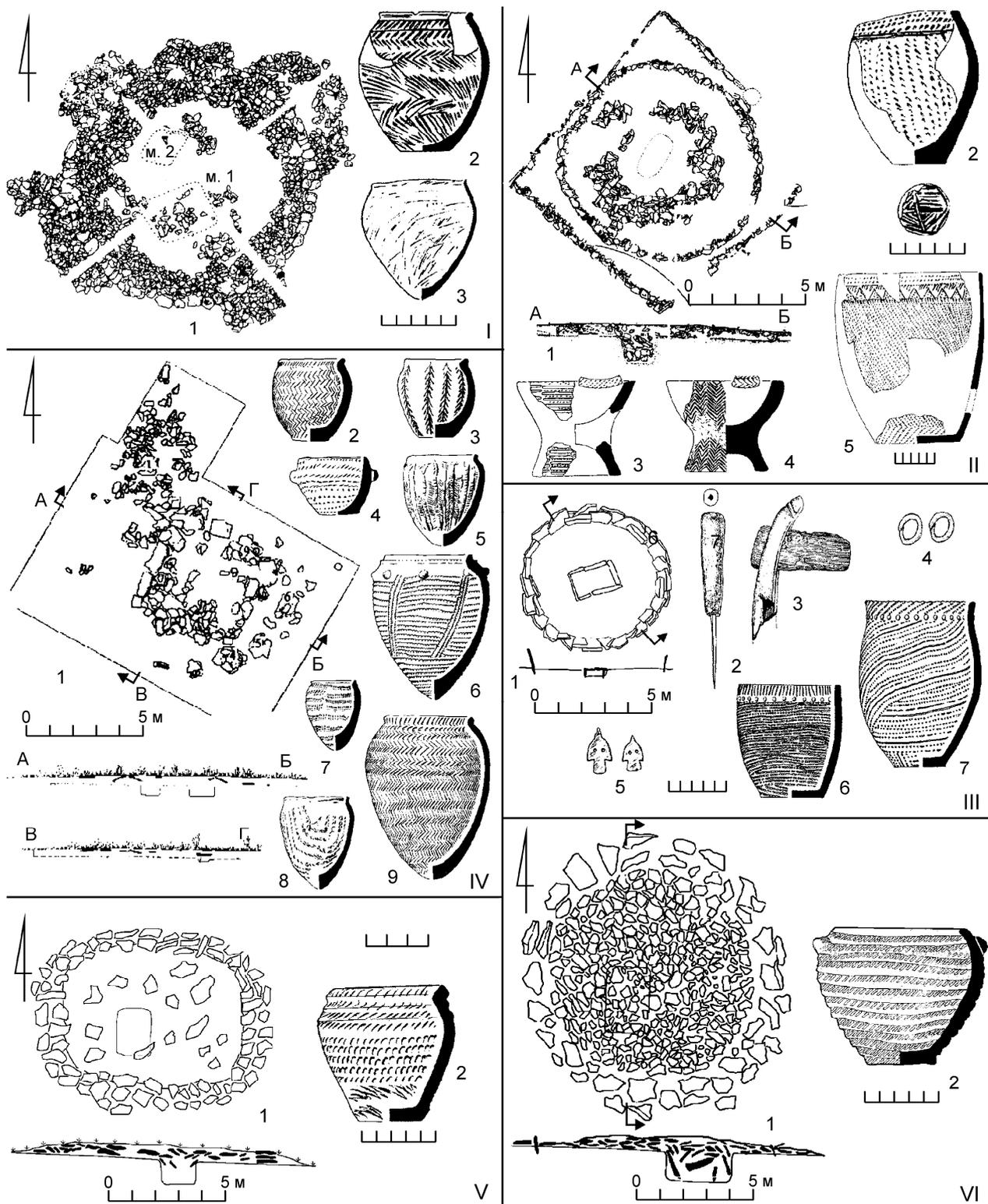

Рис. 1. Гибридные окуневско-афанасьевские комплексы:

- I – мог-к Пистах, кург. 2 (1 – план, 2 – сосуд из мог. 4, 3 – сосуд из мог. 1); II – мог-к Пистах, кург. 3 (1 – план, 2–5 – сосуды из мог. 1); III – мог-к Бельтыры, ограда 6 (1 – план, 2–3 – украшения, 4–5 – орудия, 6–7 – керамика); IV – мог-к Карасук III, ограда 4 (1 – план; 2–9 – сосуды: 2 – мог. 7, 3–4 – мог. 8, 5 – мог. 4, 6 – мог. 10, 7 – мог. 9, 8 – мог. 6, 9 – мог. 1); V – мог-к Моисеиха, кург. 2 (1 – план, 2 – сосуд); VI – мог-к Моисеиха, кург. 9 (1 – план, 2 – сосуд)

Кург. Тас-Хазаа, раскопанный А. Н. Липским в 1957 г., истолкован Г. А. Максименковым как памятник, который нельзя «использовать для широких исторических выводов» (Максименков 1975: 29). В этом кургане зафиксировано не только совместное нахождение окуневских и афанасьевских захоронений в одной могиле с соответствующим инвентарем (мог. 4), но и уникальный случай прямой стратиграфии, когда в ярусном погребении захоронение с афанасьевским инвентарем перекрывает окуневское погребение (мог. 2).

Однако проблема сосуществования культур не ограничивается фиксацией разнокультурного инвентаря в погребениях. В целом ряде памятников признаки обеих культур образуют гибридный комплекс, что выражается в появлении сосудов гибридного типа в смешанных комплексах (Соколова 2002: 233). Имея маленькое плоское дно, эти сосуды сохраняют афанасьевскую профилировку с отогнутым венчиком и раздутым туловом.

Носители смешанного окуневско-афанасьевского комплекса, по всей видимости, осознавали свою двойственную природу. Это можно проследить, в частности, по материалам мог-ка Пистах (Подольский 1997). Здесь афанасьевский и окуневский курганы сооружены в непосредственной близости друг от друга, в обоих есть гибридные сосуды, причем конструкция окуневского кургана явно отражает идею совместимости двух традиций: в квадратную ограду из врытых плит вписано каменное кольцо, лежащее на насыпи внутри ограды (Подольский 1997: 114) (рис. 1, I–II).

Гибридный тип сосудов можно наблюдать в детских захоронениях мог-ков Карасук III (Грязнов 1999: 34, 35) (рис. 1, IV) и Летник 6 (Пшеницына 2011). Здесь вокруг оград афанасьевских курганов располагались многочисленные детские могилы, керамика из которых представлена как яйцевидными, так и плоскодонными баночными формами окуневского типа, однако изготовленными по правилам афанасьевского гончарства с расчесами на поверхности. В Летнике 6 комплекс детских могил был перекрыт развалом ограды, а это означает, что детские захоронения были совершены не многим позднее основных захоронений. Таким образом, процессы гибридизации происходили, по всей видимости на протяжении жизни двух-трех поколений. Однако гибридные плоскодонные сосуды нередко встречаются и в основных погребениях курганов: Бельтыры, ограда 6 (рис. 1, III); Моисеиха, кург. 9 (рис. 1, VI); Моисеиха, кург. 19 (рис. 1, V); Афанасьева гора, мог. 26 (Грязнов 1999, рис. 11, 5). Анализ материала показывает, что афанасьевская культурная традиция развивалась параллельно окуневской, что привело к их взаимной гибридизации.

Эти процессы отражаются и в изобразительном искусстве, т. к. в гибридных комплексах появляются изображения выполненных в своеобразной манере персонажей (Тас-Хазаа, Камышта-БК), которые не встречаются в чисто окуневских комплексах. Если для окуневского антропоморфного искусства характерна торжественная статичность, то стиль гравировок из кург. Тас-Хазаа отличается динамикой и гибкостью фигур (Савинов 2006: 157–160). Несмотря на различную стилистику изображений, Тас-Хаазинские композиции сохраняют окуневский «символ веры» – членение личины в различных вариантах. Приуроченность тасхаазинского стиля к гибридным комплексам предполагает возможность существования не связанной с погребальной сферой афанасьевской изобразительной традиции, представленной на изделиях из органики. Ее инкорпорирование в окуневскую погребальную обрядность, для которой характерна мегалитическая направленность, могло способствовать проявлению упомянутой традиции в наскальном искусстве (Соколова 2004: 245).

Таким образом, можно констатировать, что в результате процесса гибридизации складывается новое культурное образование, имеющее как окуневские, так и афанасьевские признаки, которые представлены в разных вариантах и в сопредельных регионах – на Алтае и в Туве, что свидетельствует о миграционных процессах, переносивших на другие территории, гибридные признаки, где они фиксируются в различных комбинациях с характерными чертами местных культур.

Автор статьи предлагает дать гибридной окуневско-афанасьевской группе название «Саянский комплекс», т. к. начальный (основной) импульс миграции был связан в середине III тыс. до н. э. с отрогами Саян. Результатом этих миграций стало сложение блока археологических культур, несущих окуневско-афанасьевские гибридные признаки разной степени выраженности. Главной

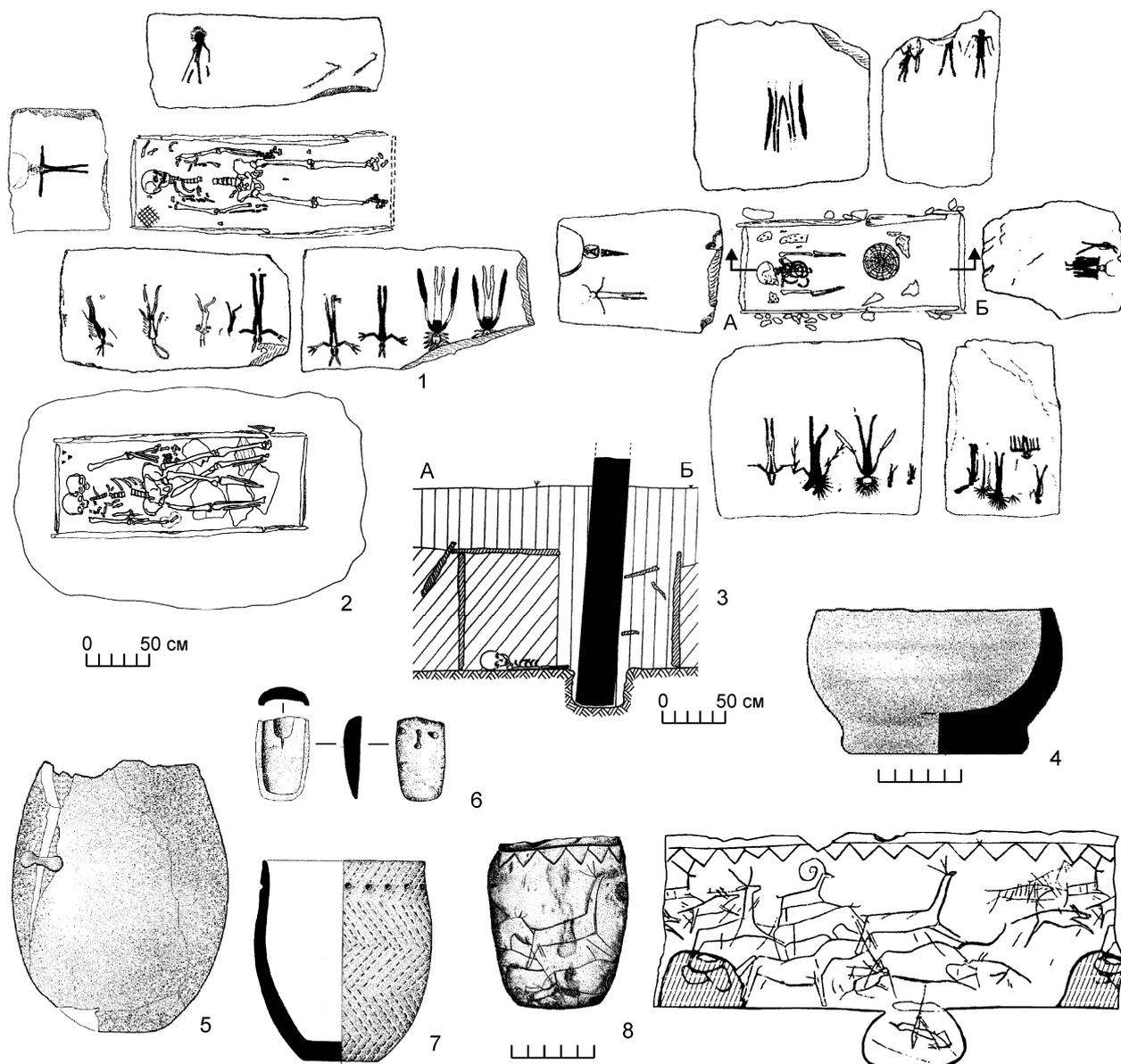

Рис. 2. Комплексы и инвентарь каракольской культуры: 1 – мог-к Каракол, кург. 2, погр. 2;
 2 – мог-к Каракол, кург. 2, погр. 3; 3 – мог-к Каракол, кург. 2, погр. 5;
 4 – каменная курильница (случайная находка); 5 – мог-к Каракол, кург. 2, погр. 6, каменный сосуд;
 6–7 – Озерное, кург. 1, мог. 1 (6 – литейная форма, 7 – сосуд); 8 – Лаптев Лог, каменный сосуд

особенностью, объединяющей весь блок культур, является мегалитическая погребальная обрядность с использованием каменных плит для сооружения могильных ящиков и оград.

Самым ярким культурным феноменом Саянского блока культур является каракольская культура. В первых публикациях В. Д. Кубарев относил ее памятники к алтайскому варианту окуневской культуры. В последней работе автор вновь возвращается к проблеме связей родственных культур, сожалея о поспешном, по его мнению, выделении каракольской культуры (Кубарев 2009: 28). Однако, на мой взгляд, выделение каракольской культуры методически обосновано, и это в дальнейшем позволит избежать путаницы при выявлении новых различий, как это произошло с т. н. окуневской культурой Тувы (чаахольская культура).

В могильниках каракольской культуры каменные ящики не имели оград. В отличие от окуневского похоронного ритуала покойников укладывали в вытянутом положении на спине, поэтому каракольские погребальные ящики длиннее окуневских. Автор раскопок эпонимного памятника

пишет, что «пожалуй, поза умерших является единственным различием в погребальной обрядности двух родственных культур Сибири» (Кубарев 2009: 33).

Керамический сосуд, найденный лишь в мог-ке Озерное, по всем признакам относится к категории окуневско-афанасьевских гибридов (рис. 2, 7), причем самые близкие ему аналогии имеются в комплексах мог-ка Бельтыры (рис. 1, III).

Основное погребение в кург. Каракол I принадлежало носителю афанасьевской культуры, а все остальные захоронения в каменных ящиках являются впускными, что вполне соответствует окуневскому похоронному канону (рис. 2, I–3). По антропологическим признакам ближайшим аналогом этих погребенных является окуневское население Минусинской котловины. «Если и существует археологическая аргументация принадлежности этих памятников к разным культурам, то антропологическая близость оставившего их населения несомненна» (Чикишева 1995: 106).

Но самым ярким свидетельством окуневского влияния выступают изображения на стенках каракольских погребальных каменных ящиков. В отличие от окуневских гравировок изображения здесь выполнены природными красителями. Сюжетный ряд, однако, сопоставим не с чисто окуневским искусством, а с гравировками из Тас-Хафзы и Камышты – гибридными памятниками со специфической иконографией (рис. 2, I, 3). Таким образом, в каракольской культуре фиксируется миграционный поток из Минусинской котловины не чисто окуневского, а гибридного окуневско-афанасьевского характера.

В т. н. окуневской культуре Тувы (чаахольская культура) также представлены каменные ящики без оград (рис. 3, I, VIII). Умершие здесь ориентированы в северный сектор (Стамбульник, Чугунов 2006), тогда как минусинское окуневское население предпочитало западную и юго-западную ориентировку. Другим отличием служит положение на правом боку, что является редкой ритуальной позой у окуневских племен Минусинской котловины. Однако кардинальное отличие «окуневцев Тувы» от носителей окуневской культуры в Минусинской котловине заключается в том, что первые были европеоидами средиземноморского типа (Солодовников, Тур 2003), а последние – монголоидными метисами.

Таким образом, представители т. н. окуневской (чаахольской) культуры Тувы – это группа европеоидного населения, которое восприняло некоторые черты материальной культуры окуневских племен, не являясь родственной им популяцией. В предварительном сообщении эта культура была охарактеризована, как «во многом близкая» окуневской культуре Минусинской котловины (Мандельштам, Стамбульник 1980: 45). По нашему мнению, термин «окуневская культура Тувы» несет в себе искаженную информацию, основанную на первом восприятии раскопок мог-ка Аймырлыг.

Вопрос о хронологии окуневского культурного комплекса в настоящее время не может считаться решенным. Недавно опубликована самая представительная сводка ^{14}C дат по афанасьевской и окуневской культурам (Svyatko et al. 2009: 249–250, 267). По мнению авторов, к окуневскому времени относятся 45 дат. К сожалению, в культурной атрибуции памятников допущено много ошибок – в таблицы с окуневскими комплексами попали также карасукские и афанасьевские даты. В результате из 45 заявленных дат только 33 даты относятся к окуневскому культурному комплексу. Однако часть их не соответствует окуневскому времени, а часть относится к развитому и позднему периодам – 2486–1887 гг. до н. э. (Соколова 2011). Единственная дата по раннему памятнику – Уйбат III, мог. 1 – оказалось одной из самых поздних. Это может быть связано с тем, что данная могила была ограблена и содержала разрозненные кости 14 скелетов, время погребения которых могло не соответствовать времени сооружения кургана (Лазаретов 1997). При этом не были датированы комплексы, содержащие как окуневские, так и афанасьевские материалы (Тас-Хазаа, Камышта БК, Афанасьева гора-6, Бельтыры и т. п.). В результате, приходится признать, что достоверность датировок ^{14}C во многом зависит от репрезентативности выборки образцов, и далеко не всякая колонка дат ^{14}C отражает реальную историческую ситуацию.

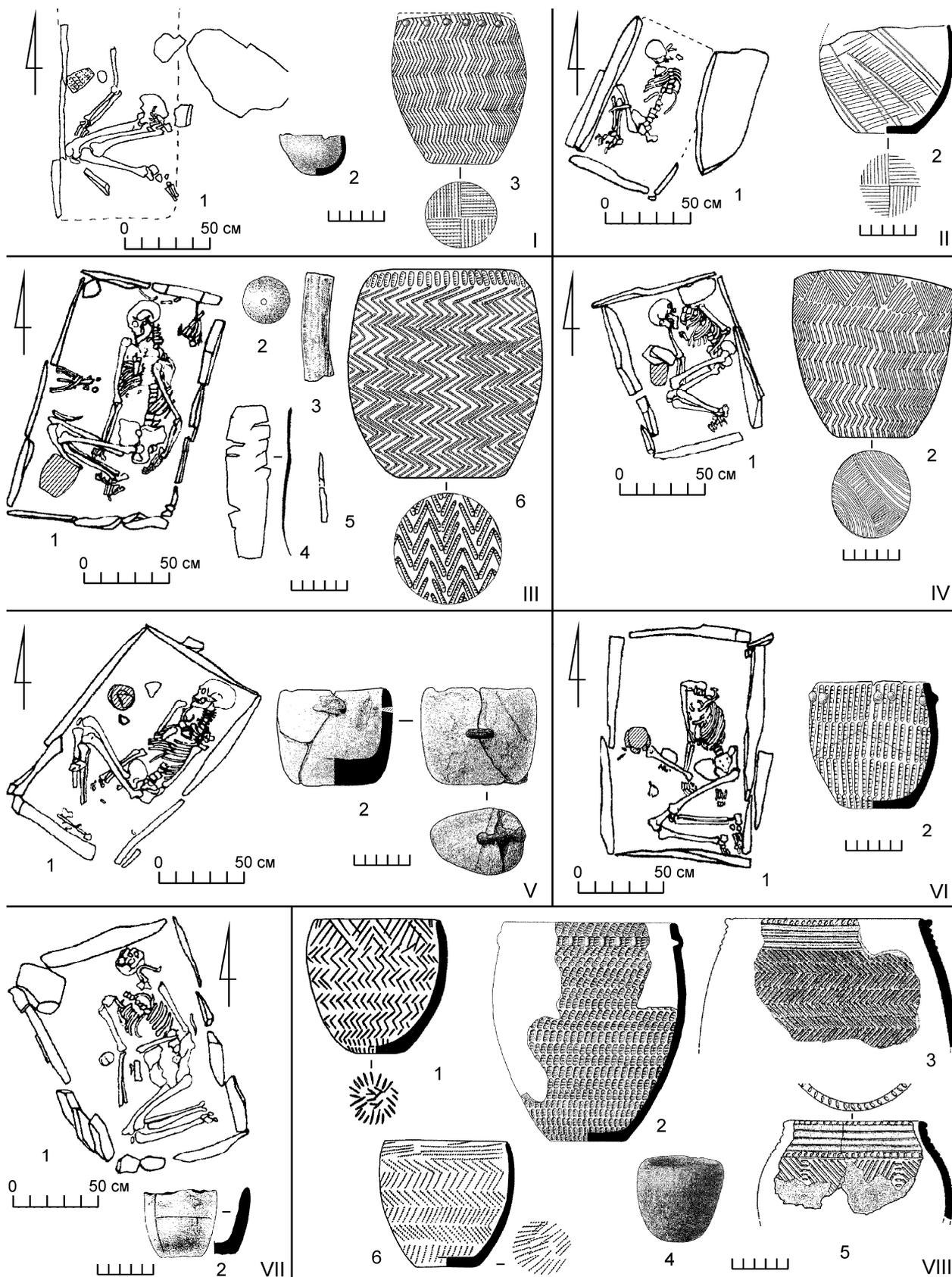

Рис. 3

К рис. 3. Комплексы и инвентарь т. н. окуневской культуры Тувы (чаахольская культура):

- I – Аймырлыг XII, погребение (1 – план, 2 – каменный сосуд, 3 – керамический сосуд);
II – Аймырлыг XIII, погр. 1 (1 – план, 2 – керамический сосуд); III – Аймырлыг XIII, погр. 2
(1 – план, 2 – каменный шарик, 3 – игольник, 4 – бронзовый нож, 5 – бронзовое шило,
6 – керамический сосуд); IV – Аймырлыг XIII, погр. 3 (1 – план, 2 – керамический сосуд);
V – Аймырлыг XIII, погр. 4 (1 – план, 2 – каменный сосуд); VI – Аймырлыг XIII, погр. 6 (1 – план,
2 – керамический сосуд); VII – Аймырлыг XIII, погр. 9 (1 – план, 2 – каменный сосуд);
VIII – Аймырлыг, карьер (1 – сосуд из мог. 1; 2 – сосуд из мог. 2; 3 – сосуд из мог. 6;
4 – каменный сосуд из ящика 5; 5 – сосуд без номера и 6 – сосуд из мог-ка Аймырлыг XXXI)
-

Таким образом, можно сделать вывод, что Саянский комплекс сложился в первой половине III тыс. до н. э. на базе гибридной окуневско-афанасьевской популяции, мигрирующей в южном направлении. Основными признаками этого комплекса можно считать погребения в каменных ящиках как в оградах, так и без оград. Керамика саянского комплекса носит следы влияния, в основном, окуневской орнаментики. Морфология сосудов представляет гибридные окуневско-афанасьевские формы, на которые оказали воздействие традиции местного гончарства, что выражается в смещении наибольшего диаметра сосуда к его середине или к нижней половине (рис. 2, 7; 3, I, 3, II, 2, III, 5, VI, 2, VIII, 1–2, 6). Местное влияние выражается также в появлении каменных сосудов, совершенно не известных в афанасьевском и окуневском комплексах. В каракольской и чаахольской культурах они составляют до половины всего набора посуды (рис. 2, 4–5, 8; 3, I, 2, V, 2, VII, 2, VIII, 4). К Саянскому комплексу тяготеет и чемурчекская культура западной Монголии, в которой присутствует весь указанный инвентарь и аналогичная каракольской форма для кельта-лопатки (рис. 2, 6) (Ковалёв 2011).

Грязнов 1999 – *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб, 1999.

Ковалёв 2011 – *Ковалёв А. А.* Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай // РАЕ. 2011. № 1. С. 183–244.

Комарова 1981 – *Комарова М. Н.* Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы Западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 76–90.

Кубарев 2009 – *Кубарев В. Д.* Памятники каракольской культуры Алтая. Барнаул, 2009.

Лазаретов 1997 – *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // ОС. 1997. С. 19–64.

Липский 1961 – *Липский А. Н.* Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 269–278.

Максименков 1965а – *Максименков Г. А.* Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // СА. 1965. № 4. С. 205–211.

Максименков 1965б – *Максименков Г. А.* Окуневская культура в Южной Сибири // Новое в советской археологии: Памяти С. В. Киселёва. К 60-летию со дня рождения. М., 1965. С. 168–174 (МИА. № 130).

Максименков 1975 – *Максименков Г. А.* Окуневская культура: Автореф. дис... докт. ист. наук. Новосибирск, 1975.

Максименков 1980 – *Максименков Г. А.* Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 3–26.

Мандельштам, Стамбульник 1980 – *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 43–59.

Подольский 1997 – *Подольский М. Л.* Два окуневских памятника на ручье Узунжол // ОС. 1997. С. 113–122.

Пшеницына 2011 – *Пшеницына М. Н.* Погребальные памятники афанасьевской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии // Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 267–270.

Савинов 2006 – *Савинов Д. Г.* О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // ОС. 2006. Вып. 2. С. 157–171.

- Соколова 2002 – *Соколова Л. А.* Характеристика и типология окуневского керамического комплекса // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 230–236.
- Соколова 2004 – *Соколова Л. А.* Методика работы с сериями изображений – «концентрация» изображений по выделенному признаку (на примере окуневского искусства) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: (Мат-лы науч.-тематич. конф.). СПб, 2004. С. 240–246.
- Соколова 2007 – *Соколова Л. А.* Окуневская культурная традиция в стратиграфическом аспекте // АЭАЕ. 2007. № 2 (30). С. 41–51.
- Соколова 2011 – *Соколова Л. А.* Формирование окуневского культурного комплекса. Саарбрюккен, 2011.
- Солодовников, Тур 2003 – *Солодовников К. Н., Тур С. С.* Краниологические материалы эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // *Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А.* Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул, 2003. С. 142–176.
- Стамбульник, Чугунов 2006 – *Стамбульник Э. У., Чугунов К. В.* Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // ОС. 2006. Вып. 2. С. 292–302.
- Теплоухов 1929 – *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // МЭ. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.
- Чикишева 1995 – *Чикишева Т. А.* Некоторые новые палеоантропологические материалы эпохи бронзы с территории Сибири // Третья годовая итоговая сессия ИАЭ СО РАН, ноябрь 1995. Новосибирск, 1995. С. 103–106.
- Svyatko et al. 2009 – *Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J.* New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. Vol. 51, no 1. P. 243–273.

Ш. Наджафов (Баку, Азербайджан)

Некоторые проблемы и результаты исследований поселений эпохи бронзы Северной Евразии

Важнейшей задачей современной археологии является изучение проблем становления этнической общности, ее социально-экономического развития и взаимоотношений с соседними племенными и государственными образованиями.

В настоящее время, когда в Сибири и на Алтае открыты памятники V–III тыс. до н. э. и определены культуры бронзового века, следует, в первую очередь, выявить те ранние древности, с которыми можно было бы связать исторические племена.

В последние три десятилетия открыты и исследованы поселения эпохи бронзы, которые тянутся цепочкой от Южного Урала до Восточной Сибири, включая территорию Северного Казахстана, и маркируют тот регион, в котором происходили процессы формирования культур бронзового века. Оборонительные укрепления Урало-Казахстанского региона являются самыми древними в северной части степной Евразии и датируются XVII–XV вв. до н. э. Эти архаичные сооружения представляют собой систему рвов, внутренних и внешних валов.

Планомерное изучение уральских, сибирских и алтайских поселений бронзового века (III–II тыс. до н. э.) позволяет поставить вопрос о социальной структуре оставивших их общин. Во II–I тыс. до н. э. они характеризуются гнездовым расположением селищ, отсутствием административно-политических центров – городищ и признаков имущественной дифференциации населения.

Основной экономической ячейкой этой общины была большая матриархальная семья, состоящая из малых семей, число которых определяется количеством одновременных жилищ, расположенных группами, составляющими домохозяйства.

На поселениях бронзового века Северной Евразии были обнаружены различные археологические материалы. Прежде всего, следует упомянуть многочисленные фрагменты глиняных сосудов

(кувшины, маслобойки, миски, горшки). Как правило, эти находки не отличаются выразительностью форм, за исключением андроновских сосудов с тремя грибовидными налепами. Большая группа находок включает каменные изделия: терки, зернотерки, пестики, ступы и молоты. Представлены также изделия из металла (оружие и орудия труда), костяные орудия и бусы.

Раскопки, произведенные на поселениях Сибири и Алтая, стали большим шагом вперед с точки зрения изучения памятников такого типа на территории Северной Евразии.

**В. И. Молодин, Ж. В. Марченко, Л. А. Орлова, А. Е. Гришин
(Новосибирск, Россия)**

Хронология погребальных комплексов одиновской культуры памятника Сопка 2/4а (лесостепная полоса Обь-Иртышского междуречья)³⁶

С именем Михаила Петровича Грязнова связаны значительные страницы в отечественной археологии. Весомый вклад ученый внес в изучение древней истории Западной Сибири (прежде всего ее южной части). Центральное место в творчестве Грязнова всегда занимали вопросы периодизации и хронологии древних памятников, в т. ч. и эпохи бронзы (напр., Грязнов 1969; 1975; Савинов 2002). По сути, первой фундаментальной разработкой данной проблемы для юга Западно-Сибирской равнины явилась монография М. П. Грязнова «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» (1956), не потерявшая и сегодня своей актуальности.

Конечно, с течением времени и получением новых археологических источников, использованием мультидисциплинарного подхода в их интерпретации, меняются и наши представления о культурно-хронологической ситуации в регионе. Однако фундамент, заложенный С. А. Теплоуховым его первой научной периодизацией культур эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири (Теплоухов 1927; 1929), и постоянное совершенствование этой схемы М. П. Грязновым и его учениками (напр., Грязнов 1965; Максименков 1975; Вадецкая 1986; и др.) остается, по сути, неизменным. Именно этими разработками руководствовался один из авторов данной статьи, предложив первую схему историко-культурного развития в лесостепной полосе Обь-Иртышского междуречья (Молодин 1983). В 1980-е гг. в этом регионе были впервые выделены комплексы одиновского типа (Косарев 1981), а затем, с пополнением источниковой базы, поставлен вопрос о существовании в Зауралье и Западной Сибири особой одиновской культуры (Молодин 2008).

Открытие и изучение серии могильников одиновской культуры в Барабинской лесостепи позволяют уже сегодня говорить о той существенной роли, которую играли ее носители в историко-культурных процессах, протекавших в регионе в эпоху бронзы.

Что касается вопросов хронологии культуры, то у нас существуют возможности использовать традиционные для археологии методы датирования, руководствуясь методом аналогий отдельных предметов с достаточно надежно датированными комплексами с территории Средней Азии. Кроме того, недавно получены уникальные стратиграфические данные по соотношению погребальных комплексов практически всех известных на сегодняшний день культур эпохи бронзы в регионе, где позиция захоронений одиновской культуры проявилась совершенно отчетливо (Молодин и др. 2011а).

Вместе с тем, радиоуглеродная хронология имеет целый ряд преимуществ по сравнению с традиционными методами датирования археологических комплексов (Вагнер 2006). В настоящее время идет активная работа по формированию представительного банка данных радиоуглеродных дат по всем известным на сегодняшний день культурам эпохи бронзы региона.

³⁶ Исследование поддержано РФФИ, проект № 10-06-00005а.

Среди погребальных комплексов одиновской культуры памятник Сопка 2/4а занимает особое место. На некрополе выявлено 164 погребения.³⁷ В последние годы было получено восемь новых ¹⁴C дат, выполненных по костям человека.³⁸

В настоящее время при отборе образцов на датирование мы руководствовались следующими задачами: установить возраст комплексов на могильном поле Сопка 2/4а (датирование рядов могил в разных частях одиновского некрополя) и предметов погребального инвентаря. Контроль результатов осуществлялся по нескольким направлениям: датирование разных скелетов из одного погребения [погр. 208 (кург. 22, погр. 62)], датирование захоронений из одного ряда [(погр. 180 (кург. 22, погр. 34), погр. 190 (кург. 22, погр. 44)] (табл. 1). Шесть радиоуглеродных определений получены в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН (г. Новосибирск, лаб. код СОАН-), а две – в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург, лаб. код Ле-) (табл. 1). Часть этих данных опубликована (Молодин и др. 2010).

Таблица 1

¹⁴C даты и их калиброванные значения захоронений планиграфической группы мог-ка Сопка 2/4а (одиновская культура)

№ погр.	Лаб. №	¹⁴ C дата ВР	Cal BC (2 σ)
180 (кург. 22, погр. 34)	Ле-9070	3930 ± 180	2900 (95,4 %) 1900
190 (кург. 22, погр. 44)	СОАН-7716	4220 ± 100	3100 (95,4 %) 2450
208 (скелет Ж, нижний, 2 ярус; кург. 22, погр. 62)	СОАН-7714	4170 ± 80	2920 (93,2 %) 2560 2530 (2,2 %) 2490
208 (скелет Д, верхний, 1 ярус; кург. 22, погр. 62)	СОАН-7715	4125 ± 110	2950 (95,4 %) 2300
237 (кург. 25, погр. 19)	СОАН-7719	3545 ± 90	2140 (95,4 %) 1660
253 (кург. 25, погр. 35)	Ле-9072	3450 ± 450	3100 (95,4 %) 500
278 (кург. 25, погр. 60)	СОАН-7730	4275 ± 120	3350 (95,4 %) 2500
592	СОАН-7734	4210 ± 110	3100 (95,4 %) 2450

Новые данные хорошо согласуются между собой и образуют единую хронологическую группу, относящуюся, преимущественно, к первой половине III тыс. до н. э. Единственным исключением на данный момент является погребение 237 (кург. 25, погр. 19) (СОАН-7719), дата которого относится к рубежу III–II тыс. до н. э. (рис. 1, I). Дату этого захоронения мы склонны относить к числу возможных случайных ошибок (Фирсов 1976: 24–36, Вагнер 2006: 28–29). Планиграфическое положение этого захоронения (нахождение в ряду одиновских могил), а также нюансы погребальной практики (неглубокая могильная яма, положение скелета вытянуто на спине, костяная проколка в качестве сопроводительного инвентаря) позволяет без сомнения отнести его к числу одиновских. Этот случай в очередной раз демонстрирует преимущества серийного датирования однородных культурно-хронологических комплексов: такой подход позволяет выявить возможную случайную погрешность.

Кроме того были продатированы образцы от разных скелетов в ярусном погр. 208 (кург. 22, погр. 62) (СОАН-7714; СОАН-7715), которые дали сопоставимые результаты (табл. 1, рис. 1). Данные по одиновским комплексам на могильнике Сопка 2/4а, полученные в разных лабораториях (новосибирской и санкт-петербургской), также оказались схожими (табл. 1, рис. 1). Картину дополняет тот факт, что радиоуглеродное датирование памятников в Барабинской лесостепи следующей эпохи – андроновских древностей – осуществлявшееся в нескольких лабораториях (в т. ч. зарубежных) и по разным материалам, выявило хорошую сопоставимость результатов разных радиоуглеродных центров (Молодин и др. 2008; Molodin et al. 2011).

³⁷ В настоящее время завершается подготовка к публикации монографии, посвященной анализу данного могильника.

³⁸ На сегодняшний день по одиновским захоронениям памятника существует 16 радиоуглеродных дат, восемь из которых опубликованы ранее (Орлова 1990; 1995). Существуют некоторые расхождения между группами дат, полученных в 1980–1990-е гг. и в настоящий момент. Данной проблеме будет посвящена специальная методическая статья.

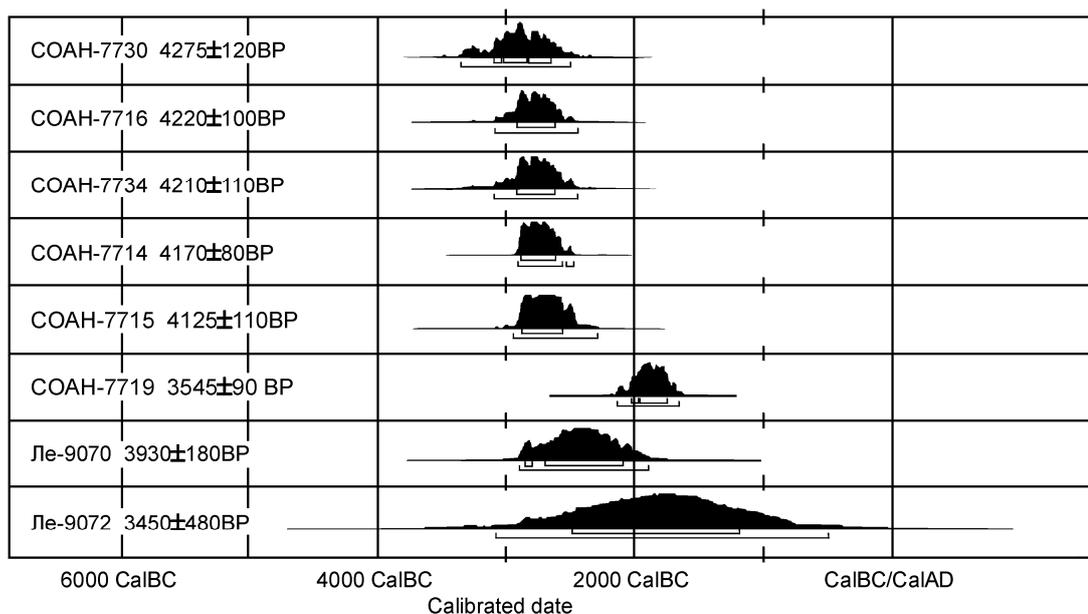

Рис. 1. Расположение калиброванных ^{14}C дат мог-ка Сопка 2/4а на хронологической шкале

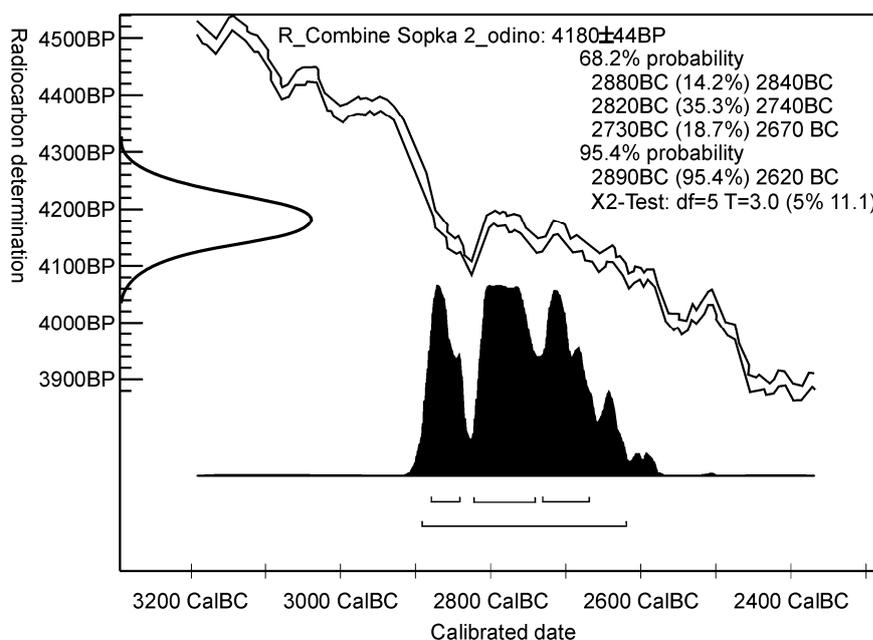

Рис. 2. Суммарная вероятность радиоуглеродной хронологии калиброванных дат одиновских комплексов мог-ка Сопка 2/4а

Таким образом, средний суммарный возраст одиновских захоронений на могильнике Сопка 2/4а по новым данным относится к XXIX–XXVII вв. до н. э.³⁹ (рис. 2).

Радиоуглеродные даты одиновских захоронений могильника Сопка 2/4а сопоставимы с результатами, полученными традиционными методами датирования. В качестве яркого примера приведем погр. 588 и предметный комплекс из него (рис. 3). Так, наряду с другими ординарными изделиями, в нем обнаружено составное ожерелье, которое, по нашему мнению, является образцом

³⁹ Из статистического расчета исключена вышеописанная дата COAH-7719, а также дата Ле-9072. Последняя дата не противоречит указанным хронологическим границам, но имеет большое среднее квадратичное отклонение (± 450), что размывает границы возраста при измерении средней величины.

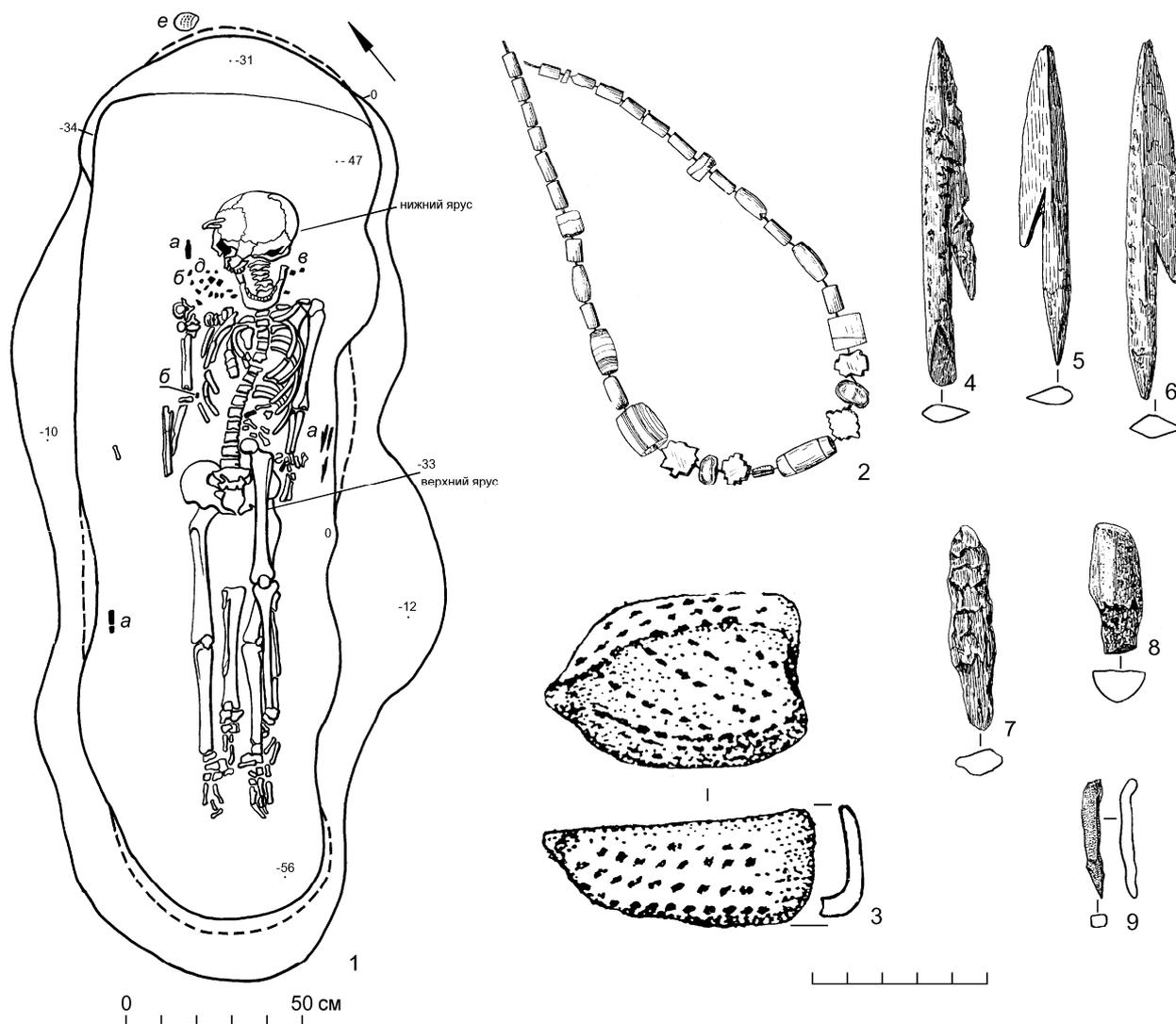

Рис. 3. Мог-к Сопка 2/4а, погр. 588: 1 – план; 2 – ожерелье (камень, золото); 3 – сосуд (глина); 4–8 – наконечники (кость); 9 – шило (бронза)

среднеазиатского импорта. В его набор входит 18 бусин из энстатита.⁴⁰ Также к числу предметов из этого минерала относится четыре бусины-подвески, выполненные в виде крестов (рис. 3, 2). Два изделия изготовлены из темно-оранжевого с прожилками сердолика, еще два – из материала, весьма напоминающего халцедон (одно из распространенных названий – травленный халцедон). На самом деле обе бусины изготовлены из железистого кварцита (джеспилита). Три других элемента украшения выполнены из халцедона-кремня. По одной бусине изготовлено из агата-оникса и из оникса-кремня, из горного хрусталя-халцедона (оникса). Завершает состав предметов ожерелья золотая бусина-пронизка.

Каменные бусины из анализируемого погребения одиновской культуры имеют прямые аналогии в памятниках энеолита и бронзы Средней Азии (Массон 1967; 1981). Особенно важно отметить, что, по данным геолога В. И. Васильева, местонахождение джеспилита находится в Средней Азии. Именно к этой территории тяготеют месторождения и многих других, упомянутых выше минералов. С этой же территорией однозначно связано и происхождение бусин-пронизок в виде

⁴⁰ Определение пород камня бусин ожерелья выполнено в конце 1980-х гг. научными сотрудниками Института геологии и геофизики СО АН СССР к. г-м. н. В. И. Васильевым и Н. А. Пальчик, за что авторы выражают искреннюю признательность.

крестов (Хлопин 1966). Традиция помещения золотых бусин-пронизок в ожерелье также характерна для культур эпохи энеолита и бронзы Средней Азии (Хлопин 1966: 122; Массон 1966а: 210).

Бусины-крестовики, которые имеют аналогии в комплексах Гиссар ПБ–ПВ, синхронны комплексам Намазга IV (Хлопин 1962: 19, 21, рис. 4, 12–15), датируемых серединой–второй половиной III тыс. до н. э. (Массон 1966б: 181), в то же время изображения креста на керамике и в мелкой пластике представлены еще в эпоху энеолита (комплексы времени Намазга II–III) (Массон 1963), т. е. в IV–первой половине III тыс. до н. э. Таким образом, анализируемые в настоящей работе радиоуглеродные даты подтверждают традиционные для историографии представления.

Вместе с тем, новые данные, полученные в последние годы на памятниках Барабинской лесостепи, могут свидетельствовать о длительном существовании одиновской культуры, в т. ч. в середине и во второй половине III тыс. до н. э. Речь идет о стратиграфических наблюдениях на разновременном мог-ке Тартас 1, где захоронения кротовской культуры без сомнения моложе одиновских (Молодин и др. 2011б), а также о находках сейминско-турбинских бронзовых предметов в комплексах одиновской культуры на некрополе Преображенка 6 (Молодин и др. 2007) и Тартас 1 (Молодин и др. 2011а). Однако, для детализации картины необходимо существенно расширить количество радиоуглеродных дат, в т. ч. и по другим памятникам одиновской культуры. Только в таком случае мы выйдем на ее внутреннюю периодизацию и хронологию.

Вагнер 2006 – *Вагнер Г. А.* Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М., 2006.

Вадецкая 1986 – *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Грязнов 1956 – *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956 (МИА. № 48).

Грязнов 1965 – *Грязнов М. П.* Работы Красноярской экспедиции // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 62–71.

Грязнов 1969 – *Грязнов М. П.* Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 18–22.

Грязнов 1975 – *Грязнов М. П.* К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников // УСА. 1975. Вып. 3. С. 9–12.

Косарев 1981 – *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Максименков 1975 – *Максименков Г. А.* Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 48–58.

Массон 1963 – *Массон В. М.* Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до нашей эры // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 15–23.

Массон 1966а – *Массон В. М.* Культура Заман-Баба // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 208–212.

Массон 1966б – *Массон В. М.* Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада // Там же. С. 151–178.

Массон 1967 – *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. 1967. № 3. С. 165–190.

Массон 1981 – *Массон В. М.* Алтын-Депе. Л., 1981.

Молодин 1983 – *Молодин В. И.* Бараба в древности: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1983.

Молодин 2008 – *Молодин В. И.* Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири: Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 9–13.

Молодин и др. 2007 – *Молодин В. И., Чемякина М. А., Позднякова О. А.* Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка 6 в Барабинской лесостепи // ПАЭАССТ. 2007. Т. XIII. С. 339–344.

Молодин и др. 2008 – *Молодин В. И., Парцингер Г., Марченко Ж. В., Пиецонка Х., Орлова Л. А., Кузьмин Я. В., Гришин А. Е.* Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 325–328.

Молодин и др. 2010 – *Молодин В. И., Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Орлова Л. А.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка 2 эпохи ранней – развитой бронзы // ПАЭАССТ. 2010. Т. XVI. С. 240–246.

- Молодин и др. 2011б – Молодин В. И., Мильникова Л. Н., Новикова О. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Соловьёв А. И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней–развитой бронзы на памятнике Тартас 1 // АЭАЕ. 2011. № 3 (47). С. 40–56.
- Молодин и др. 2011а – Молодин В. И., Хансен С., Мильникова Л. Н., Наглер А., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Новикова О. И., Нестерова М. С., Ненахов Д. А., Ковыришина Ю. Н., Мосечкина Н. Н., Васильева Ю. А. Археологические исследования могильника Тартас 1 в 2011 году: основные результаты // ПАЭАССТ. 2011. Т. XVII. С. 206–211.
- Орлова 1990 – Орлова Л. А. Голоцен Барабы. Новосибирск, 1990.
- Орлова 1995 – Орлова Л. А. Радиоуглеродное датирование памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995. С. 207–232.
- Савинов 2002 – Савинов Д. Г. Система хронологии сибирских древностей в трудах М. П. Грязнова // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 74–78.
- Теплоухов 1927 – Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. III, вып. 2. С. 57–112.
- Теплоухов 1929 – Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // МЭ. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.
- Фирсов 1976 – Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976.
- Хлопин 1962 – Хлопин И. Н. Изображение креста в земледельческих культурах Южной Туркмении // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 14–21.
- Хлопин 1966 – Хлопин И. Н. Энеолит юго-запада Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 93–128.
- Molodin et al. 2011 – Molodin V. I., Marchenko Zh. V., Grishin A. E., Orlova L. A., Kuzmin Ya. V., van Stroydonk M. Radiocarbon chronology for burial grounds of the Andronovo period in Baraba forest steppe (the Bronze Age of Western Siberia) // Radiocarbon and Archaeology. 6th International Symposium. Pafos; Cyprus, 2011. P. 49.

П. И. Шульга (Барнаул, Россия)

О древнем земледелии в Горном Алтае

Одной из самых малоизученных отраслей хозяйства у жителей Горного Алтая в раннем железном веке является земледелие. Жители Алтая традиционно воспринимались как скотоводы-кочевники, подобно населению горно-долинных ландшафтов Тувы и Монголии. Действительно, природно-климатические условия на большей части Горного Алтая не благоприятны для выращивания зерновых, и не случайно, что после распада СССР и крупных хозяйств, имевших государственную поддержку, пашни в скотоводческой засушливой зоне Горного Алтая были заброшены или стали засеиваться многолетними травами на корм скоту. Тем не менее, при наличии соответствующих навыков и посевного материала земледелие могло быть рентабельным не только в увлажненных предгорьях с более мягким климатом, но и в некоторых долинах Центрального Алтая.

В эпоху энеолита (афанасьевская культура III тыс. до н. э.) земледелия в Горном Алтае, по видимому, не было, хотя, по мнению Я. И. Сунчугашева, наличие зернотерок и пестов указывает на его существование в афанасьевскую эпоху в Минусинской котловине (Сунчугашев 1989: 21). По всем данным афанасьевские племена в Горном Алтае жили за счет разведения скота, охоты и собирательства в скотоводческой зоне – в тех же самых местах, где затем располагались зимние стоянки всех последующих скотоводов. Места, выбранные афанасьевским населением под зимние поселения, оказались настолько подходящими для этих хозяйственных занятий, что почти все из 52 учтенных поселений с афанасьевской керамикой перекрываются слоями более поздних эпох, в т. ч. на 17 поселениях представлены все три основные эпохи: энеолит, ранний железный век и средневековье. В афанасьевских слоях поселений зернотерки достоверно не известны, но они

встречаются на насыпях афанасьевских курганов (оград). Вопрос о назначении этих зернотерок типа «паспах» с афанасьевских курганов Горного Алтая возник после нахождения на мог-ке Усть-Теплая (р. Чарыш) двух нижних камней зернотерок в оградах 16 и 7 (Шульга 2006). Изначально автор допускал, что зернотерки могли попадать на афанасьевские ограды Усть-Теплой в более позднее время, тем более, что на этом могильнике представлены захоронения почти всех эпох. Однако временной промежуток не мог быть большим, поскольку зернотерки укладывали непосредственно на камни оград еще до того, как были скрыты быстро образующимися в той местности наслоениями грунта и дерном. находка куранта на камнях кург. 3 в Щучьем Логу (в 20 км ниже по р. Чарыш), где поблизости не было найдено ни одного более позднего захоронения или поселения, позволяет рассматривать зернотерки как артефакты, связанные с поминальными обрядами, проводимыми вскоре после сооружения указанных объектов. Подчеркнем, что во всех трех случаях зернотерки находились в СВ части оград. С этой же стороны в Щучьем Логу на кург. 1 лежал пест, а в Покровке-4 установлены стелы, рядом с которыми найдены фрагменты керамики, кости животных и угольки (Шульга 2006: 59; 2010). Все это очень напоминает обстоятельства нахождения зернотерок и жерновов в курганах скифского времени (Молодин, Бородовский 1994), но было бы преждевременно считать эту черту обряда доказательством наличия земледелия у афанасьевских племен.

Маловероятны занятия земледелием и в эпоху бронзы у носителей каракольской культуры, проживавших в бассейне Урсула. Возможно, что в этот период (II–начало I тыс. до н. э.) климат Горного Алтая был более суров, чем в III и I тыс. до н. э., и не случайно занимавшееся комплексным хозяйством андроновское и ирменское население в глубину гор не проникало даже эпизодически. По-видимому, тогда были трудности даже у скотоводов Горного Алтая, на что указывает крайне малое количество захоронений и отсутствие поселений с хорошо выраженным культурным слоем.

Ранний железный век. Сравнительно больше данных о земледелии в раннем железном веке. Так, обнаружив семена проса в Тузкте-1, С. И. Руденко предположил, что в долине р. Урсул, отличающейся более мягким и теплым климатом, пазырыкские племена сеяли эту злаковую культуру (Руденко 1953: 76; 1960: 200). М. П. Грязнов и С. В. Киселёв считали, что они получали зерно путем обмена от оседлых земледельческих племен за пределами Горного Алтая (Руденко 1960: 200–201). Вероятно, такой обмен существовал, на что, возможно, указывает обнаружение в Денисовой пещере в слое раннего железного века ямы с 15 кг пшеницы обыкновенной (*Triticum vulgare* Host). С учетом радиоуглеродных дат исследователи склонны датировать слой, к которому относилась яма с зерном, примерно III–II вв. до н. э. (Деревянко, Молодин 1994: 105). Пещера находится на границе увлажненных предгорий и скотоводческой зоны и могла быть своего рода перевалочной базой. По мнению В. И. Молодина, «качественный скачок в развитии земледельческого хозяйства в Горном Алтае связан с пазырыкской культурой. Сакрализация земледельческих орудий у пазырыкцев (как, вероятно, и у тагарцев) ярко свидетельствует о весьма существенной роли земледельческого хозяйства, качественный скачок которого вполне логично связывать с пришлым иранским населением» (Молодин 2003: 155–156). Впрочем, как отмечалось выше, подобным образом относились к зернотеркам и носители афанасьевской культуры.

Значительный материал был получен и в ходе изучения поселений раннего железного века. В 1990 г. в Горном Алтае были выделены группы скотоводческих и «земледельческих» поселений (Шульга 1990; 1994). Последние немногочисленны. Они отличаются необычным расположением на пологих склонах южной экспозиции, мощным культурным слоем, специфической керамикой без валиков и большим количеством зернотерок. Обнаружены «земледельческие» поселения на Нижней Катунь и в Центральном Алтае, где имеются условия для возделывания сельскохозяйственных культур (Модина, Югова 1975: 79). Наиболее оптимальное, в сравнении с другими районами предгорий, сочетание влаги и тепла отмечается в долине р. Катунь – от р. Чемал на юге до р. Майма на севере (Югова 1975: 87). Условия для произрастания и возделывания культурных растений в окрестностях Маймы и Горно-Алтайска даже лучше, чем в степных и лесостепных районах

Алтайского края. Климатические условия долины Катунь от Чемала до Маймы, с одной стороны, оставляли возможность для занятий скотоводством, а с другой, способствовали успешному занятию земледелием. Одним из аргументов в пользу наличия земледелия на этом отрезке Нижней Катунь является довольно прочная оседлость жителей поселения раннего железного века Чепеш-2 (Шульга 1996). В сохранившейся части поселения расчищены три летние полуземлянки без очагов. Одна яма, заглубленная в материк на 1,05 м, изнутри была обмазана глиной и, очевидно, использовалась как печь для обжига керамики. На поселении отмечена высокая концентрация керамики, местами до 80–120 фрагментов на 1 м². Большинство из 27 обнаруженных хозяйственных ям имели бочонковидную форму. Дно и стенки ям плотно утрамбованы. Вполне возможно, что часть из них могли использовать под хранение зерна. На занятии земледелием в Чепеше-2 указывают также зернотерки. Для большинства исследователей они служат главным аргументом, подтверждающим наличие земледелия, если не найдены злаки или отпечатки зерен (Сидоров 1986). На поселении Чепеш-2 найдено 16 обломков от верхних и нижних камней зернотерок и целый курант. Зернотерки, как правило, находились в хозяйственных ямах полуземлянок. Размеры зернотерок составляют ок. 35 × 20 см. Судя по сохранившемуся куранту, ширина нижнего камня зернотерки (в комплекте с которой он использовался) – 23–25 см. Обломки от 20 зернотерок (курантов и нижних камней) найдены на поселении Кастахта-3. Обнаруженная там зернотерка, размерами 53 × 25 × 6 см – одна из самых крупных, найденных в Алтайском крае. Это максимальные размеры нижнего камня, т. к. «именно настолько позволяет совершать возвратно-поступательные движения длина человеческой руки» (Сидоров 1986: 63). Один из курантов длиной 27 см, использовали в комплекте с зернотеркой шириной до 22 см. Остальные зернотерки несколько меньше: длиной 35–40 см и шириной до 20 см. Куранты ладьевидные, шириной 6–10 см, сработаны на 1–2 см. Климатические условия Усть-Коксинской долины, где найдено поселение Кастахта-3, являются самыми благоприятными в Центральном Алтае для земледелия. Земля в долине плодородная, мощность гумуса – до 1 м. И не случайно на этих землях поселились первые в Горном Алтае русские крестьяне.

На расположенных в логах скотоводческих поселениях, исследованных раскопами, зернотерки встречаются значительно реже. Судя по валиковой керамике, эти поселения предположительно соотносятся с этнической группой носителей пазырыкской культуры, погребенных в срубках с лошадьми. Однако и они использовали зернотерки достаточно широко. На это указывают не только случаи их обнаружения в пазырыкских курганах. Так, на пазырыкском поселении Куротинский Лог-1, расположенном у известных Туэктинских курганов, в жилище было обнаружено четыре куранта (в т. ч. очень крупный, переделанный из нижнего камня зернотерки), три заготовки курантов и обломок нижнего камня зернотерки типа «паспах» (Шульга 1997).

Найденные в Горном Алтае на поселениях раннего железного века зернотерки и куранты вполне уместно рассматривать как показатель земледелия в местах их обнаружения. Однако нахождение жерновов, курантов и зернотерок в пазырыкских курганах на р. Юстыд в Чуйской долине (более 2000 м над уровнем моря), в безлесной высокогорной долине Бертек (ок. 2300 м над уровнем моря) и примыкающей долине Мойнак (Кубарев 1991: 166; Дервянко и др. 1994: 72, 143, рис. 59; 62; 1; Молодин и др. 1993: 23, рис. 17), где земледелие было невозможно, а собирательство мало что давало, явно указывают на то, что эти зернотерки использовались лишь для растирания зерна. Выращено же зерно было за пределами этих высокогорных пастбищ – в предгорьях, на Нижней Катунь или в Центральном Алтае. Очевидно, что на зернотерках также перерабатывали дикорастущие растения, семена и плоды. В. Д. Кубарев считал, что аналогично алтайцам и монголам, пазырыкские племена в этих высокогорных районах на юго-востоке Горного Алтая собирали впрок и употребляли в пищу корни сараны, стебли ревеня, дикий лук, семена сульхира и кедровые орехи. Нехватка продуктов земледелия компенсировалась сбором дикорастущих злаков, в частности, волоснеца, лепешки из которого найдены в кург. 2 мог-ка Уландрык-1 (Кубарев 1987: 137). Подробно об употреблении в пищу дикорастущих растений в высокогорных Кош-Агачском и Улаганском р-нах пишет В. П. Дьяконова, в частности, отметившая растирание свежих ягод черемихи

зернотерками «паспак»» (Дьяконова 2001: 81). Таким образом, встречающиеся в Горном Алтае зернотерки и ручные мельницы, а также зерна проса и пшеницы эпохи раннего железа указывают на наличие у пазырыкцев зерна и на высокую вероятность растирания зерен в месте их находки.

Особый интерес представляют круглые жернова (ручные мельницы). Они были найдены комплектами из двух камней в насыпях пазырыкских кург. Башадар-2 (Руденко 1960: рис. 14); в кург. 1 на Бертеке-1 (Деревянко и др. 1994: 65–66, рис. 62, 1; Молодин, Бородовский 1994) и на Юстыде (Молодин, Бородовский 1994: 77). Традиционно считалось, что такие жернова относятся к средневековью или этнографическому времени, и не случайно С. И. Руденко связывал комплект жерновов и даже зернотерку типа «паспак» («паспак») из насыпи Башадара-2 с впускными погребениями алтайцев (Руденко 1960: 32). Однако, по сводным данным В. И. Молодина и А. П. Бородовского, жернова в Западной Сибири появляются уже в эпоху бронзы и могут «гарантированно свидетельствовать о наличии земледелия у человеческого сообщества, поскольку сама конструкция жерновов предопределяет растирание прежде всего зерен» (Молодин, Бородовский 1994: 72). В. Д. Кубарев, учитывая находку жернова в БСК, также предполагал, что жернова и простые зернотерки использовались в быту и поминальных ритуалах носителей пазырыкской культуры (Кубарев 1987: 166).⁴¹

Известны жернова и на древних поселениях Горного Алтая. В Текпенек-Боочи-2 (близ Больших Башадарских кург.) на глубине 23 см в слое с углями, костями животных и неорнаментированными фрагментами керамики (чуть ниже были встречены и фрагменты, достоверно относящиеся к скифскому времени) автором обнаружен верхний камень («бегун») ручной мельницы с двумя углублениями для съемного штока. На такой же глубине от поверхности, в комплексе с небольшими фрагментами керамики найдена половина еще одного верхнего камня ручной мельницы на поселении Кемечекпан-2, где зафиксированы слои раннего железа и средневековья. Очевидно, что слои с жерновами на указанных поселениях сложились значительно раньше этнографического времени. В Текпенек-Боочи-2 зафиксирована только афанасьевская керамика и фрагменты эпохи раннего железа, а потому найденный там «бегун» от жернова, скорее всего, относится к скифскому времени. Нижний камень жернова был найден и на многослойном (эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье) поселении Тыткескень-3. По мнению А. Л. Кунгурова, он относится к эпохе средневековья (Кунгуров 1994: 45).

Таким образом, имеющиеся данные позволяют предполагать использование жерновов не только в средневековье, но и в скифское время. Вместе с тем, это вовсе не является доказательством наличия пашенного земледелия у племен Горного Алтая уже в I тыс. до н. э. Нельзя согласиться и с заключением, что «земледелие в Горном Алтае с самого начала было орошаемым» (Соенов 2003: 171). Во-первых, в увлажненной зоне, включая участок Катуня от Чемала до Маймы, можно было вполне обойтись без полива. Во-вторых, у нас нет никаких оснований предполагать орошение в скифское время, и, тем более, в эпоху бронзы.

Итак, предположительно занимавшиеся выращиванием злаков скотоводы раннего железного века заселяли, в основном, увлажненную часть Нижней Катуня от Чемала до Маймы (Чепеш-2 и др.), отличающуюся мягким климатом и плодородием почвы (Акимова и др. 2008). В меньших масштабах земледелие было распространено в Центральном Алтае. При этом зернотерки там обнаружены как на «земледельческих» поселениях с кастахтинской керамикой, так и на скотоводческих

⁴¹ По мнению В. П. Дьяконовой, отнесение жерновов из археологических раскопок в Горном Алтае, Туве и Минусинской котловине к скифскому времени не обосновано. В. П. Дьяконова полагала, что в БСК была найдена зернотерка типа «паспак» как у теленгитов (Дьяконова 2001: 76). Однако Л. Р. Кызласов, на которого она ссылается, однозначно указывал о нахождении там нижнего жернова ручной мельницы «вместе с курантом зернотерки» (Кызласов 1979: 74). Я. И. Сунчугашев, опубликовавший рисунок нижнего камня мельницы из БСК, полагал, что такие ручные мельницы появились в скифское время, а, возможно, «еще в эпоху бронзы» (Сунчугашев 1989: 40, рис. 15).

с куротинской керамикой. Их обитатели, очевидно, имели в долинах на зимних пастбищах селения из одного–трех рубленых домов с загонами для скота. Поблизости располагались небольшие посе­вы, за которыми летом ухаживали остающихся в поселке люди. Большая часть жителей этих се­лений в летнее время находилась со скотом на летних пастбищах, расположенных в 10–30 км от зимника. Это небольшое расстояние можно было проехать верхом на лошади всего за несколько часов, а потому оставшиеся в поселке люди постоянно поддерживали связь со своими откочевав­шими родственниками. Все это создавало стабильные условия для возделывания небольших зе­мельных участков неподалеку от стационарных жилищ и зимних пастбищ, которые также нужно было охранять от потравы.

Эпоха средневековья. По мнению некоторых исследователей, многочисленные ороситель­ные каналы (сувахи) на остепненных террасах Катуня, Чуи, Чулышмана и других рек являются показателем расцвета земледелия в средневековую эпоху (см. Соенов 2003: 172). К сожалению, этой проблеме не уделяется должного внимания, и исследование этих чрезвычайно интересных сооруже­ний ведется крайне медленно (см. Вдовина 2004; 2007 и др.). Назначение и датировка ка­налов не вполне ясны. Сторонники земледельческой направленности сувахов, как правило, ссы­лаются на сведения об использовании их в конце XVIII–начале XX вв. (Вдовина 2004) и на заклю­чение о распашке, производившейся в древности в рамках оросительной системы урочища Тото в Курайской степи (Евтюхова, Киселёв 1941; Киселёв 1951: 513). Однако этих данных достаточно лишь для постановки проблемы. На наш взгляд, очень крупные размеры некоторых сувахов (дли­на до нескольких километров) не предполагали в древности столь же больших по площади обра­батываемых полей, сопоставимых с современными распашками. Основным их назначением, ви­димо, было орошение пастбищ. По результатам осмотра оросительных систем по Чулышману на использование каналов для орошения пастбищ указывал в 1927 г. С. И. Руденко: «искусственное орошение целой системой арыков (сувахов) обеспечивает урожай хлебов и трав» (цит. по: Вдови­на 2004: 116). В Минусинской котловине, по мнению И. Я. Сунчугашева, уже в скифское время «орошались не только посе­вы зерновых культур, но и пастбища» (Сунчугашев 1989: 57, 90). По наблюдениям автора в 1980-х гг. сувахи на Катуня между Урсолом и Чемалом выводили воду не на плодородные участки с мощным слоем гумуса у склонов, а на выжигаемые солнцем террасы с бедным и тонким гумусированным слоем. Выращивание злаков в засушливой скотоводческой зо­не по Катуня и Чуе, где далеко не везде и не всегда по долинам вырастает даже хорошая трава, в древности могло занимать очень скромное место в хозяйстве скотоводов. Возможно, что, крупные сувахи на остепненных и, тем более, высокогорных террасах предназначались, прежде всего, для орошения жизненно важных зимних пастбищ. Благодаря орошению в засушливые годы, урожай трав там мог быть увеличен в несколько раз. К тому же более высокий, благодаря орошению, тра­востой меньше заносится снегом и его могут поедать даже не тебенюющие коровы. Фактически, поливные зимние пастбища можно считать своеобразным вариантом заготовки кормов на зиму без их скашивания. Насколько верными окажутся наши предположения, покажут исследования ороси­тельных систем, но говорить о повсеместном (судя по наличию сувахов) распространении пашен­ного земледелия в Горном Алтае в эпоху средневековья пока нет оснований. На курганных насы­пях в Чуйской степи у р. Юстыд и Барбургазы были обнаружены два лемеха и отвал эпохи Тан (X–VII вв.) (Кубарев 1997), предназначенные для распашки земель. Однако суровый климат и щебнистая почва в той части долины (ок. 2000 м над уровнем моря) не позволяют вызревать зла­ковым в этой местности. Очевидно, данные орудия использовались в более низких и плодородных долинах, а на курганы в верховьях Чуи эти изделия были помещены согласно особенностям по­гребально-поминальной обрядности.

С начала монгольского времени, в связи с известными военно-политическими событиями, население Горного Алтая, по-видимому, сокращается, а земледелие приходит в упадок. О хозяйст­ве и земледелии последующего времени говорить трудно, поскольку археологические памятники XV–XVI вв. не выявлены, а письменные источники по этому периоду не известны (Самаев 1991: 53;

Тишкин, Горбунов 2005: 164). Предположительно, это запустение было вызвано очередным культурно-генетическим сбоем и/или длительным похолоданием в XIV–XVI вв. (Тишкин, Горбунов 2005: 164). Однако, ландшафты Горного Алтая очень разнообразны и некоторое понижение среднегодовых температур не могло препятствовать в течение двух–трех веков традиционным занятиям скотоводством и охотой в центральной и северной частях Горного Алтая, отличающихся более мягким климатом. На наш взгляд, отсутствие в Горном Алтае памятников этого времени объясняется произошедшими изменениями в погребальном обряде – как и в соседней Монголии умерших перестали хоронить в могилах. Это предположение подтверждается сохранением у алтайцев во второй половине XIX в. обычая погребать умерших на поверхности земли в срубках, на деревьях или кремировать на поверхности (иногда с последующим подвешиванием останков на дереве), как это было широко распространено у других тюркских народов Сибири (Тошачкова 1978: 127–141; Жамбалова 2000: 297; и др.). По мнению В. П. Дьяконовой, в более раннее время наземный способ погребения у алтайцев преобладал (Дьяконова 2001: 194). Зафиксировать такие погребения через 300–600 лет практически невозможно. Очевидно, жители Горного Алтая в XIV–XVI вв. также пасли скот, занимались охотой, а мотыжное земледелие играло подсобную роль.

По данным о хозяйстве южных алтайцев середины XVIII в. мотыжным земледелием занимались во многих местах от р. Майма до р. Чуя, но наиболее часто возделываемые участки фиксировались в увлажненной зоне по р. Майма и Сема (Самаев 1991: 40; и др.). В высокогорной юго-восточной части Горного Алтая в верховьях Чуи (Кош-Агачский р-н) зерновые культуры (ячмень, пшеница, рожь) стали возделываться только в 1940-х–1950-х гг. (Дьяконова 2001: 74).

- Акимова и др. 2008 – *Акимова Т. А., Бородовский А. П., Бородовская Е. Л., Киреев С. М.* Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008.
- Вдовина 2004 – *Вдовина Т. А.* Изучение оросительных систем Горного Алтая в 2003 году // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 116–131.
- Вдовина 2007 – *Вдовина Т. А.* Методические аспекты археологического изучения остатков ирригационных сооружений Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 5. С. 144–153.
- Деревянко, Молодин 1994 – *Деревянко А. П., Молодин В. И.* Денисова пещера. Новосибирск, 1994. Ч. 1.
- Деревянко и др. 1994 – *Деревянко А. П., Молодин В. И., Савинов Д. Г. и др.* Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994.
- Дьяконова 2001 – *Дьяконова В. П.* Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001.
- Евтюхова, Киселёв 1941 – *Евтюхова Л. А., Киселёв С. В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Жамбалова 2000 – *Жамбалова С. Г.* Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск, 2000.
- Киселёв 1951 – *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кубарев 1987 – *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кубарев 1991 – *Кубарев В. Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кубарев 1997 – *Кубарев Г. В.* О земледелии на Алтае в древнетюркскую эпоху // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1997. С. 154–157 (Изв. Лаборатории археологии. № 2).
- Кунгуров 1994 – *Кунгуров А. Л.* Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 43–58.
- Кызласов 1979 – *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Модина, Югова 1975 – *Модина Т. Д., Югова Н. И.* Агроклиматическая оценка долин Северного Алтая // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. Барнаул, 1975. С. 77–86.
- Молодин 2003 – *Молодин В. И.* Этногенез, этническая история и исторические судьбы носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как

этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск, 2003. С. 148–178.

- Молодин и др. 1993 – *Молодин В. И., Каен-Делайе А., Массар К., Мыльников В. П., Хохлова О. Н.* Исследование памятника Майнак-2 на плоскогорье Укок // *Altaica*. Новосибирск, 1993. Вып. 2. С. 21–49.
- Молодин, Бородовский 1994 – *Молодин В. И., Бородовский А. П.* Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // *Altaica*. Новосибирск, 1994. Вып. 4. С. 72–79.
- Руденко 1953 – *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко 1960 – *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Самаев 1991 – *Самаев Г. П.* Горный Алтай в XVII–середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991.
- Сидоров 1986 – *Сидоров Е. А.* О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // *Палеоэкономика Сибири*. Новосибирск, 1986. С. 54–66.
- Соенов 2003 – *Соенов В. И.* Земледелие на Алтае в древности и средневековье // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири*. Барнаул, 2003. С. 169–172.
- Сунчугашев 1989 – *Сунчугашев Я. И.* Памятники орошаемого земледелия в древней Хакасии. Красноярск, 1989.
- Тишкин, Горбунов 2005 – *Тишкин А. А., Горбунов В. В.* Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.
- Тощакова 1978 – *Тощакова Е. М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1978.
- Югова 1975 – *Югова Н. И.* Некоторые особенности агроклиматических условий территории Горно-Алтайской автономной области // *Некоторые проблемы географии Горного Алтая*. Барнаул, 1975. С. 87–90.
- Шульга 1990 – *Шульга П. И.* Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // *Охрана и использование археологических памятников Алтая*. Барнаул, 1990. С. 83–87.
- Шульга 1994 – *Шульга П. И.* Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // *Археологические и фольклорные источники по истории Алтая*. Горно-Алтайск, 1994. С. 48–60.
- Шульга 1996 – *Шульга П. И.* Поселение Чепош-2 на средней Катунь // *Археология, антропология и этнография Сибири*. Барнаул, 1996. С. 106–123.
- Шульга 1997 – *Шульга П. И.* Поселение Куротинский Лог-1 // *Изв. Лаборатории археологии*. Горно-Алтайск, 1997. № 2. С. 73–84.
- Шульга 2006 – *Шульга П. И.* Погребения эпохи энеолита-бронзы в долине Сентелека // *Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая*. Барнаул, 2006. С. 47–72.
- Шульга 2010 – *Шульга П. И.* Захоронения эпохи энеолита-бронзы из могильников Щучий Лог-1 и Усть-Теплая // *Афанасьевский сборник*. Барнаул, 2010. С. 189–199.

В. А. Кисель, С. В. Хаврин (Санкт-Петербург, Россия)

Миграция в Туву в бронзовом веке (новые материалы)

Летом 2011 г. Тувинская археолого-этнографическая экспедиция МАЭ им. Петра Великого («Кунсткамера») РАН при проведении спасательных раскопок исследовала курган на могильном поле Догээ-Баары (Кисель, Хаврин 2012).⁴² Некрополь Догээ-Баары, расположенный в Кызылском кожууне Республики Тыва, включает памятники эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Скопление курганов и поминальных сооружений практически полностью охватывает степную часть местности, именуемую Вавилинским Затонам, которая находится в 7–8 км к С от места слияния Бий-Хема (Большой Енисей) и Каа-Хема (Малый Енисей).

⁴² Авторы благодарят фонд «Контекст», финансировавший исследования, сотрудников лаборатории ИИМК РАН, сделавших радиоуглеродный анализ, Н. Д. Бурову и Е. Н. Учаневу, представивших зоологические и антропологические заключения, О. Б. Варламова и Е. В. Степанову оказавших большую и активную помощь в раскопках, а также Вл. А. Семёнова и К. В. Чугунова, высказавших ценные советы и замечания.

Основная часть некрополя сформировалась в скифское время и датируется VI–III вв. до н. э. Исследованный объект (кург. 40, мог-к Догээ-Баары 2) располагался несколько в отдалении от основного средоточия курганов, рядом с обрывом второй надпойменной террасы Бий-Хема, в месте, где мощный галечный слой едва прикрыт пустынно-степной растительностью. Внешне памятник напоминал холм диаметром ок. 15 м и высотой 20–30 см, состоящий из слабо задернованной гальки, незначительного количества мелких плит и валунов.

Насыпь кургана была сильно разрушена – отсутствовало значительное число камней. Под насыпью было расчищено кольцо, составленное из подогнанных друг к другу продолговатых валунов приблизительно одного размера. Валуны располагались таким образом, что одна из узких сторон была направлена к центру памятника. По-видимому, первоначально кольцо было сделано из двух слоев камней, но к моменту раскопок верхний слой успел развалиться. В южной части кольца три валуна были уложены широкими сторонами к центру. Возможно, они символично запирали проход на сакральную площадь.

Несмотря на разрушения, в северной части памятника удалось проследить первоначальное расположение мелких плит. Они были установлены широкой торцевой частью на землю и прислонены к валунам, тем самым обрамляя насыпь.

В процессе разборки камней выяснилось, что множество крупных галек закопчено снизу, а некоторые вообще расколоты в результате воздействия высокой температуры. Такое могло произойти в том случае, если насыпь возводилась поверх большого костра, пока огонь не успел погаснуть. При этом ни один валун не был обожжен. Не зафиксировано и значительных скоплений древесного угля, что указывает на использование в качестве основного горючего материала сухой травы, камыша или хвороста.

Приблизительно в центре кольца с небольшим смещением к В находилось погребение мужчины 40–50 л. и пары лошадей. Погребенные животные являлись крупными (156 см в холке) тонкокостными жеребцами в возрасте 19 и более 15 л.⁴³ Моляры у них оказались стерты, что позволяет с большой долей уверенности предположить знакомство лошадей с уздой.

Скелеты располагались на грунтовой подсыпке. Человек был уложен головой на СЗ. Лошади размещались юго-восточнее погребенного, сразу за его ногами, параллельно друг другу, головами на СЗ. Скелеты человека и одной из лошадей были частично нарушены грабителями. Судя по положению неповрежденных костей, погребенный лежал на левом боку с сильно согнутыми в коленях ногами, а лошади – на животах с подогнутыми ногами.

Погребение окружала деревянная конструкция из бревенчатых клеток, расходящихся от центра в форме креста по осям СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ. Впрочем, судя по некоторым остаткам бревен, конструкция могла представлять и восьмиугольник (рис. 1, 1). Все бревна обуглены, хотя сердцевина их не обгорела, что указывает на интенсивное, но непродолжительное горение. При этом скелеты практически не пострадали: лишь несколько костей одной лошади и тазовая кость человека испытали воздействие огня. Очевидно, захоронение во время горения костра было укрыто тонким слоем грунта. В северо-западной части кургана между бревнами и кольцом было обнаружено отдельное небольшое кострище с костями МРС.

Сопроводительный инвентарь состоял только из металлической иглы-крючка. Предмет был согнут в виде прямоугольной скобки и располагался в районе таза погребенного. Вещь, изготовленная из проволоки, имела своеобразно выполненную петельку. Возле окончания стержень был раскован, расплюснутая часть свернута в трубку, а оставшийся конец заправлен внутрь трубки (рис. 1, 2). Как показал рентгено-флюоресцентный анализ металла, проведенный одним из авторов в Отделе научно-технологической экспертизы ГЭ, материалом для иглы-крючка послужила мышьяковистая медь (Cu – основа; As – 1–2 %; Pb ~1 %; Ag < 0,3 %; Ni – следы; Fe – 0,3 %).

⁴³ Значительный возраст лошадей не должен вызывать удивления. Согласно исследованиям В. О. Витта, часть коней из Пазырыкских кург. имела возраст более 20 л. (Витт 1952: 169).

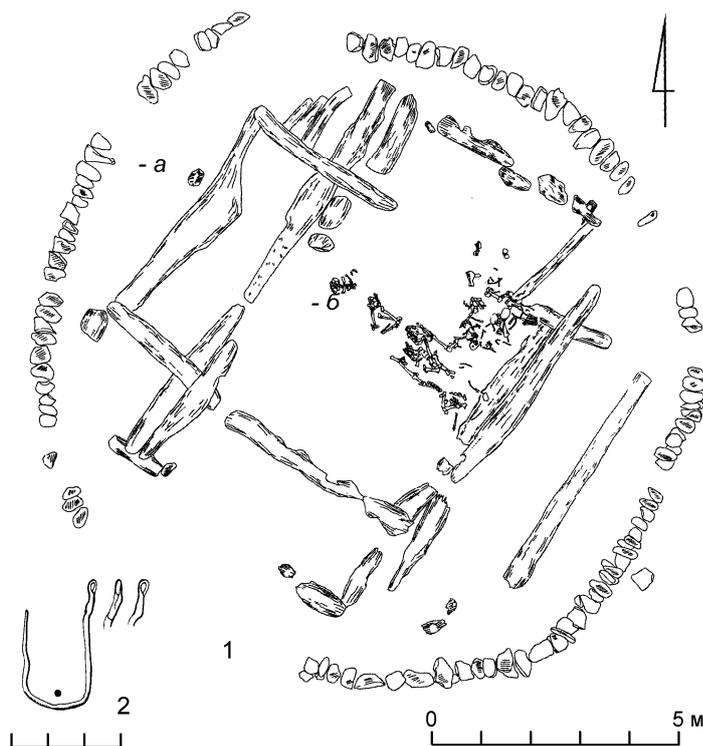

Рис. 1. Мог-к Догээ-Баары 2, кург. 40: 1 – план (а – кострище с костями мелкого рогатого скота; б – игла-крючок) (чертеж А. А. Михайлова и М. Ю. Ватолина); 2 – игла-крючок (рисунок А. В. Клеевой)

Последовательность сооружения памятника можно реконструировать следующим образом. Первым этапом стало возведение каменного кольца и устройство внутри него невысокой грунтовой площадки. Вероятно, одновременно с этим у северо-западной части кольца был разложен костер, в который бросили куски туши жертвенного козла или барана. Затем было совершено погребение: в центре уложили покойного с парой сопроводительных лошадей и присыпали землей. Вокруг из бревен соорудили многоугольную конструкцию-клеть, которую укрыли хворостом и сухой травой. Позднее конструкцию подожгли и, не дожидаясь полного сгорания, закидали камнями. Заключительным этапом стало оформление курганной насыпи и обрамление ее плитами.

Радиоуглеродный анализ образцов кости дал дату 3420 ± 520 BP (Le-9489), которая позволяет отнести памятник к эпохе бронзы. Материал иглы-крючка также не противоречит столь ранней дате. Мышьяковистая медь использовалась именно в бронзовом веке (Хаврин 2003: 173; 2008: 215–216).

Раскопанный курган не находит точных подобий среди известных археологических памятников Тувы. В бронзовом веке на этой территории были распространены памятники монгунтайгинской культуры. Монгун-тайгинские курганы имели каменные насыпи. Они возводились поверх камер из валунов и цист из плит, сооруженных на древней поверхности, а также неглубоких узких могильных ям. Погребенных, как правило, не снабжали сопроводительным инвентарем. Покойные часто лежали на левом боку со слегка согнутыми ногами (Чугунов 1994: 51). В монгунтайгинской культуре не практиковались сопроводительные захоронения лошадей, а также возведение крупных бревенчатых конструкций.

На территории Саяно-Алтая известно лишь несколько памятников, сопоставимых с кург. 40 на Догээ-Баары. Так, на мог-ке Хондей в Туве одно из сооружений имело каменное кольцо со входом с восточной стороны, а погребенный, уложенный на древний горизонт, был помещен в клеть (Савинов 2002: 55). Подобные захоронения, хотя в большинстве своем сильно потревоженные, отмечались и на других тувинских могильниках – Суглуг-Хем 1, Сыпучий Яр, Копту-Аксы, Хадынных II. На мог-ках Аймырлыг 25 и Эйлиг-Хем зафиксировано сочетание каменных колец с плиточной цистой и валунной камерой, в которых находились останки лошадей (Семёнов 2000: 148).

Интересной параллелью выступает курган мог-ка Баданка IV, расположенного в пограничной с Тувой Усинской долине. Этот объект имел насыпь из гравия и гальки, кольцевую ограду из валунов и захоронение человека с лошадьё. Человек и животное были уложены на уровне древней поверхности. Погребенный располагался на левом боку. Лошадь размещалась юго-восточнее человека. Человек и животное были ориентированы головами в западном направлении (правда, на ЮЗ). Вблизи захоронения в западной части кургана находились два костра.

На территории соседнего с Тувой Горного Алтая тоже имеются параллели кург. 40 на Догээ-Баары. Их рассматривают как древнейшие кочевнические памятники и относят к куртусскому этапу бийкенской культуры. Наиболее показателен курган мог-ка Ак-Алаха II, в котором на уровне древней поверхности были обнаружены скелеты людей и лошадей, обнесенные четырехугольной оградой, заключенной в каменное кольцо. Другим примером служит памятник мог-ка Курту II, в котором находилось захоронение человека с лошадьё. Лошадь была размещена южнее погребенного, головой на З, в отдельной каменной выкладке (Савинов 2002: 56; Тишкин 2011: 278–279, рис. 1, 17–18). Особый интерес вызывает то, что погребения лошадей в бийкенской культуре обычно находятся к В от похороненного человека (Чугунов 2009: 348).

Среди перечисленных памятников только курганы мог-ков Ак-Алаха II, Курту II и Баданка IV имеют обоснованную датировку. Обнаруженные в них предметы (элементы конской узды) типологически соответствуют находкам из «царского» кург. Аржан I (IX/VIII–VIII вв. до н. э.) – комплексу начальной фазы эпохи древних кочевников. Впрочем, Н. А. Боковенко, рассмотрев детали сбруи памятника Баданка IV, сделанные из клыков кабана и когтя медведя и покрытые резным орнаментом, отметил их сходство с казахстанскими изделиями эпохи поздней бронзы. Это позволило исследователю датировать курган преаржанским временем и выделить «скрытый» этап (из-за маловыразительности и недостатка материалов) периода формирования всаднического комплекса и кочевнического погребального обряда (Боковенко 1994: 43–44; 1995: 85–89).

Большинство из перечисленных памятников не имело деревянных конструкций и, тем более, следов ритуального поджога, как кург. 40 на Догээ-Баары. Зато этот обряд был зафиксирован в кург. Аржан I. Аржан I имел громадные деревянные клетки-ячейки, расходящиеся от центра в разные стороны. Бревна конструкций местами были обожжены.⁴⁴ Кроме того, кург. 40 на Догээ-Баары и Аржан I имеют и другие несомненные параллели. Это – каменное кольцо, захоронения лошадей с восточной стороны, погребенные, уложенные на древнюю поверхность на левый бок головой на СЗ (Грязнов 1980; Савинов 2002: 37–51). Сближаются памятники и по составу металла. Большинство аржанских находок было изготовлено из мышьяковистой меди (Пяткин 1983: 85–87; Хаврин 2003).

Надо указать и на ряд существенных отличий. Аржан I обладал гораздо большими размерами, его кольцо представляло собой массивную стену из плит, клетки расходились не диаметрально, а радиально, имелось бревенчатое перекрытие, центральное погребение было дополнительно обложено плитами, наличествовал богатый сопроводительный инвентарь. Безусловно, Аржан I продемонстрировал более усложненный и развитый погребальный обряд, чем кург. 40 на Догээ-Баары. Но Аржан I разительно отличается и от современных ему памятников. Его уникальность выражается в многокомпонентности и сложности проведенных ритуалов. Это можно объяснить необычно высоким статусом погребенного «царя», для захоронения которого потребовалось смешение культурных традиций «разных племен, принадлежавших одной большой этнокультурной общности» (Грязнов 1980: 51) или, скорее всего, пришлым характером населения, соорудившим курган.

По мнению Д. Г. Савинова, Аржан I имеет сходство с памятниками эпохи бронзы Южного Урала и, в первую очередь, с Синташтой и Аркаимом (Савинов 1994). Наиболее показательными признаками являются наземные сооружения типа цисты, юго-западная ориентировка, радиальная

⁴⁴ М. П. Грязнов, отметивший следы воздействия огня на бревенчатых сооружениях Аржана I, интерпретировал их как деятельность грабителей (Грязнов 1980: 6).

планировка, обрамление стеной круглой площадки, бревенчатые клетки в два–три венца, незаполненность большинства клеток, использование камыша, размещение погребений дугой вокруг центральных захоронений, скорченная на боку поза покойных, погребение вождя на уровне древней поверхности, сопроводительные захоронения коней, уложенных рядами. Согласно Д. Г. Савинову, сложение этих культурных элементов восходит к андроновской традиции.

Кург. 40 на Догээ-Баары отразил значительное количество отмеченных черт. При этом перечень сходных признаков можно расширить. Одним из них является парность сопроводительных лошадей. Парные конские погребения довольно широко практиковались в эпоху бронзы. Они известны в Казахстане, Поволжье, на Южном Урале, а также в Греции, на Кипре и Крите (Смирнов 1957: 214–215; Зданович, Куприянова 2008). Представители синташтинской культуры Южного Урала, петровской и алакульской культуры Северного Казахстана, покровских памятников Поволжья укладывали умерщвленных лошадей головами на 3 прямо на древнюю поверхность или на невысокие глиняные площадки (Зданович 1988: 72–78, 101–102; Зданович, Куприянова 2008: 191), подобно строителям кург. 40 на Догээ-Баары.

Из западных параллелей необходимо также отметить особое значение культа огня в похоронном обряде абашевской культуры Поволжья, где костры нередко разводились непосредственно над захоронениями. А в южноуральских абашевских курганах обычной конструктивной деталью являлись каменные кольца (Кузьмина 1992: 7–9). Правда, для этой культуры были характерны погребения в грунтовых могилах, в которых покойного укладывали не скорченно на боку, а на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на В или Ю. Но не исключено, что такое расположение было рудиментом. Согласно О. В. Кузьминой, эта поза являлась «реминисценцией, сохранившейся по какой-то причине, заставлявшей абашевцев соблюдать в положении умершего обычай, характерный для эпохи энеолита и ранней бронзы степной полосы» (Там же: 10).

На западные связи кург. 40 на Догээ-Баары указывает и внешний вид иглы-крючка. Медные предметы, напоминающие прямоугольный крючок, были найдены в памятниках эпохи бронзы Поволжья и Южного Урала (синташтинская, абашевская, турбинская культуры) (Зданович 1988: табл. 10, 15; Кузьмина 2000: рис. 10, 2). Именно у этих вещей имеются раскованные окончания с «петлей, загнутой вовнутрь» (Кузьмина 2000: 95). Представители катакомбной культуры Калмыкии сходным образом изготавливали даже ушки на черенках некоторых ножей (Гак 2011: рис. 7, 4). Прием оформления ножей, при котором черенок расплющивался, а затем сворачивался в трубку, по мнению Е. И. Гака, зародился в раннем бронзовом веке на территории Предкавказья и юга Доноволжского междуречья (Там же: 82). Добавим, что на фоне западных культур эпохи бронзы Поволжье и Южный Урал выделялись широким использованием мышьяковистой меди (Дегтярёва 2010: 68; Гак 2011: 80).

Как показывают приведенные примеры, похоронный ритуал, отмеченный в кург. 40 на Догээ-Баары, имел не восточные, центрально-азиатские, а западные корни. Формирование этого обряда происходило, пожалуй, в районе Нижнего Поволжья, что подтверждают некоторые памятники. Близ сел. Макаровка, Одоевщина и Старые Печеуры были исследованы курганы, в которых на уровне древней поверхности открыты кремации покойных. Поверх этих кострищ располагались квадратные бревенчатые клетки. В кургане у сел. Старые Печеуры кострище дополнительно было перекрыто слоем камня (Смирнов 1957: 220).

Все же надо подчеркнуть, что точных аналогий кург. 40 на Догээ-Баары нет и на западных территориях. Даже парное захоронение коней, несмотря на близость к западной погребальной традиции, имеет характерное отличие. В эпоху бронзы подавляющее большинство сопроводительных погребений пар лошадей было связано с колесничной символикой (Зданович, Куприянова 2008: 189–192). В кург. 40 на Догээ-Баары никаких намеков на колесницу не зафиксировано. По всей видимости, здесь были захоронены не тягловые, а верховые кони, являвшиеся походными, сменными.

Своеобразие кург. 40 на Догээ-Баары, очевидно, объясняется принадлежностью его к «скрытому» этапу формирования древнекочевнической культуры, выделенному Н. А. Боковенко. Подобный период проходит любая зарождающаяся культура. В это время ослабевают и утрачиваются связи со старой традицией, а новые культурные составляющие только начинают складываться.

Надо думать, что раскопанный памятник отразил появление в Туве первых представителей всаднической культуры, отказавшихся от колесниц и освоивших верховую езду. Эти подвижные коллективы зарождающейся кочевнической культуры создали «мобильный» обряд погребения, при котором покойного не кремировали и не закапывали в яму, а укладывали на поверхность земли. В район Саяно-Алтая обряд был принесен мигрантами с западных территорий, скорее всего, из Нижнего Поволжья и Южного Урала. Малое количество и разрозненность оставленных пришельцами памятников указывает не на массовое переселение, а на дальние походы сравнительно небольших групп. Проникновение носителей новых традиций в Туву, вероятно, произошло во второй половине II тыс. до н. э. – времени сооружения кург. 40 на Догээ-Баары.

- Боковенко 1994 – *Боковенко Н. А.* Проблема генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб, 1994. С. 41–48.
- Боковенко 1995 – *Боковенко Н. А.* Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. СПб, 1995. С. 85–90 (АИ. Вып. 24).
- Витт 1952 – *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. XVI. С. 163–205.
- Гак 2011 – *Гак Е. И.* Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 69–87.
- Грязнов 1980 – *Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Дегтярёва 2010 – *Дегтярёва А. Д.* Морфология и технология изготовления украшений синташтинской культуры // ВААЭ. 2010. № 1. С. 59–70.
- Зданович 1988 – *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.
- Зданович, Куприянова 2008 – *Зданович Д. Г., Куприянова Е. В.* Парные жертвоприношения лошадей в бронзовом веке Центральной Евразии: археология, мифология и ритуал // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008. С. 188–197.
- Кисель, Хаврин 2012 – *Кисель В. А., Хаврин С. В.* «Странный» курган Вавилинского Затона в Туве // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб, 2012. С. 46–54.
- Кузьмина 1992 – *Кузьмина О. В.* Абашевская культура в Волго-Уралье: Учебное пособие к спецкурсу. Самара, 1992.
- Кузьмина 2000 – *Кузьмина О. В.* Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб, 2000. С. 65–134 (АИ. Вып. 63).
- Пяткин 1983 – *Пяткин Б. Н.* Результаты спектрального анализа бронз из кургана Аржан // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 84–96.
- Савинов 1994 – *Савинов Д. Г.* Синташта и Аржан // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб, 1994. С. 170–175.
- Савинов 2002 – *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб, 2002.
- Семёнов 2000 – *Семёнов Вл. А.* Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: Сб. статей к 60-летию М. Л. Подольского. СПб, 2000. С. 134–157.
- Смирнов 1957 – *Смирнов К. Ф.* О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. 1957. Т. XXVII. С. 209–221.
- Тишкин 2011 – *Тишкин А. А.* Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica»: Мат-лы междунар. симпозиума. Новосибирск, 2011. С. 272–290.

- Хаврин 2003 – *Хаврин С. В.* Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // СЕДС. 2003. Кн. II. С. 171–173.
- Хаврин 2008 – *Хаврин С. В.* Древнейший металл Саяно-Алтая (энеолит – ранняя бронза) // Изв. Алтайского гос. университета. Серия: История. Барнаул, 2008. Вып. 4/2 (60). С. 210–216.
- Чугунов 1994 – *Чугунов К. В.* Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. 1994. № 8. С. 43–53.
- Чугунов 2009 – *Чугунов К. В.* Саяно-Алтай в начале эпохи ранних кочевников: перспективы комплексного анализа // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях: Сб. науч. тр. Барнаул, 2009. С. 347–349.

В. В. Бобров (Кемерово, Россия)

Культуры эпохи поздней бронзы Среднего Енисея и Верхней Оби (в аспекте синхронизации и проблемы хронологии)

В истории изучения эпохи поздней бронзы лесостепного Приобья изначально были сформированы две концепции. Одна, представленная Н. Л. Членовой (1955), о существовании и развитии самостоятельной ирменской культуры, другая, обоснованная М. П. Грязновым (1956), о вариантах карасукской эпохи на более широком географическом пространстве, чем Приобье. Это достаточно хорошо известно специалистам. В настоящее время ирменская культура (общепринятый термин) является наиболее полно изученной, как, впрочем, и культуры эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. Однако ряд вопросов до сих пор остается дискуссионным. Среди них такие вопросы, как – синхронны ли карасукская и лугавская (каменноложский этап по М. П. Грязнову) культуры ирменской? Какова степень взаимодействия культур поздней бронзы Среднего Енисея с культурой лесостепного Приобья? Следует отметить, что решение этих вопросов имеет давнюю историю и историографически исследовательский процесс отвечал определенному уровню археологических знаний. Причем этот уровень знаний о поздней бронзе двух сибирских регионов мог не совпадать.

Исследователи неоднократно отмечали компоненты карасукской культуры в материальной культуре и погребальной практике ирменского населения. Обычно в этом качестве выступали ножи (из случайных сборов), типичные для среднеенисейского региона. Более детальный анализ признаков, свойственных поздней бронзе Минусинской котловины, в ирменских комплексах Кузнецкой котловины впервые был дан Д. Г. Савиновым и В. В. Бобровым (1978; 1981). В частности, к таким признакам отнесены: могилы в виде трапециевидного каменного ящика; лапчатые привески; бляхи с орнаментом, выполненным пунсонной техникой; круглодонные сосуды с неорнаментированной зоной венчика; технологический прием отливки изделий со сферической шляпкой (гвоздевидные украшения). Это позволило существенно дополнить характеристику инского варианта ирменской культуры. Несколько позже список находок среднеенисейского типа дополнили биконический перстень, шестилепестковые бляхи, сосуд с уступом, найденные в могиле Журавлёво-4 (Бобров и др. 1993). На ирменских поселениях, расположенных по берегам р. Оби, найдены роговые основы для составных ножей, которые также свойственны среднеенисейской эпохе поздней бронзы (Матвеев 1993).

В работах западносибирских археологов подобные факты или факт объясняли результатом взаимодействия разного по происхождению населения двух центров развития древних культур – верхнеобского и среднеенисейского. Но с точки зрения логики специалистов результат этого взаимодействия отражает одностороннее направление – карасукское в ирменском (Мартынов 1964; Матющенко 1974; и др.). Хотя по одной из достаточно аргументированных версий происхождения карасукской культуры в ее сложении, по крайней мере, северного варианта, принял участие постандроновский компонент Верхнего Приобья (еловская и/или корчажкинская культуры), т. е. противоположное направление. Базируясь на этих представлениях, можно было бы построить неинтересную историческую комбинацию.

Но достоверно ли определена культурная атрибуция среднеенисейских признаков в ирменских комплексах? С 1960-х гг. в знаниях об эпохе поздней бронзы Минусинской котловины получили распространение две тенденции: о существовании синхронно или последовательно двух самостоятельных археологических культур (карасукской и лугавской) и об одной карасукской культуре с двумя последовательными этапами развития (собственно карасукским и каменоложским). Основоположником первой являлась Н. Л. Членова, и ее точку зрения на культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы в среднеенисейском регионе разделяют Э. А. Новгородова (1970), В. В. Бобров (1992), И. П. Лазаретов (2006) и др. Близка ей позиция М. Д. Хлобыстиной (1963: 13–15). М. П. Грязнов являлся автором второй тенденции, которая нашла поддержку среди его учеников и последователей – Г. А. Максименкова (1975), Э. Б. Вадецкой (1986), Б. Н. Пяткина.

Таким образом, к началу XXI столетия уровень знаний об эпохе поздней бронзы лесостепного Приобья и на территории Среднего Енисея существенно отличался. В археологии верхнеобского региона общепринята концепция о хронологически последовательном развитии культур от постандроновского времени (еловская и корчажкинская культуры) к заключительной фазе эпохи бронзы (ирменская культура). Переходное время к раннему железу на этой территории представлено комплексами позднеирменского и завьяловского типов. Среди некоторых барнаульских археологов поддержку получила идея А. Б. Шамшина о принадлежности к переходному времени большереченской культуры с двумя этапами – мыльниковским и ближнеелбанским (Шамшин 1988). При этом они считают, что в раннем железном веке вместо большереченской культуры, выделенной М. П. Грязновым, существовали 3–4 самостоятельных археологических культуры. Данная точка зрения возникла в первом десятилетии нового столетия. В археологии поздней бронзы Среднего Енисея ситуация оставалась дискуссионной. Заметным событием в ее разрешении явилась защита двух кандидатских диссертаций в ИИМК РАН А. В. Полякова (2006) и И. П. Лазаретова (2006). Во-первых, ими была дана более дробная периодизация эпохи поздней бронзы, включающая четыре хронологически последовательных этапа; во-вторых, выделены локальные варианты позднебронзовых культур; в-третьих, определена принадлежность бронзовых изделий карасукской и лугавской культур (это то, что не поддавалось дифференциации и рассматривалось как принадлежавшее обеим культурам или этапам). Представленные специалистами характеристики материальной культуры эпохи поздней бронзы среднеенисейского региона позволяют на новом уровне знаний вернуться к проблеме взаимодействия с ирменским населением Кузнецкой котловины и лесостепного Приобья.

К собственно карасукским компонентам в ирменских памятниках можно достоверно отнести только круглодонный сосуд с уступом и неорнаментированным венчиком из мог-ка Журавлёво-4. Вероятно, с карасукской гончарной традицией связано распространение в ирменской культуре круглодонных сосудов с венчиком без орнамента или полностью неорнаментированных. Следует отметить, что они найдены, преимущественно, в погребениях, поэтому корректно сопоставлять их с карасукской посудой, которая также происходит из захоронений. Вероятно, это сходство послужило основанием для специалистов видеть карасукское влияние в материалах поздней бронзы Верхней Оби (Киселёв 1951; Косарев 1964; Матющенко 1974; Максименков 1978; Мартынов 1964; и др.). Не исключая карасукского влияния на культуру ирменского населения, тем не менее, А. В. Матвеев (1993: 110) считает, что данный тип керамической посуды имел автохтонное происхождение на общей для двух регионов андроновской основе.

В ареале ирменской культуры среди сборов известны две находки ножей с кольцевым навершием, которые можно отнести к группе карасук-лугавских ножей, по терминологии А. В. Полякова и И. П. Лазаретова. Если исключить лапчатые подвески (типология дана А. В. Поляковым) и двухщитковые перстни, которые имели распространение на всех этапах эпохи поздней бронзы Среднего Енисея, то представленными признаками исчерпывается собственно карасукский компонент в ирменской культуре. К ним бы следовало отнести могилы в виде каменного ящика в ирменских некрополях, прежде всего, Кузнецкой котловины (Бобров 1991). Таким образом, можно сделать вывод о

том, что результат влияния/воздействия карасукской культуры на ирменскую, если и был, то последствия его очень незначительные.

Иная ситуация наблюдается при анализе лугавских компонентов в ирменской материальной культуре. Впервые на это обстоятельство обратили внимание Д. Г. Савинов и В. В. Бобров, определяя тридцать лет назад данные компоненты как каменнолоожские (Савинов, Бобров 1981: 134). Правда, сравнительно недавно С. А. Ковалевский добросовестно переписывает выделенные вышеназванными авторами признаки, считая это результатом собственного исследования, но при этом относит их к карасукскому влиянию (Ковалевский 2008: 95). В настоящее время можно дать анализ лугавского компонента на более широком круге источников. Прежде всего, это ножи из случайных сборов с шипом и выемкой при переходе к лезвию и грибовидным с петелькой-навершием рукояти в ареале ирменской культуры. Данный тип ножей, по результатам исследования А. В. Полякова и И. П. Лазаретова, характерен только для лугавских погребальных комплексов. По Н. Л. Членовой, они принадлежат 2, 3 и 4 группам (Членова 1970: 42–43). Из ирменских поселений и могильников происходят четыре бляхи-розетки с шестью лепестками. Аналогичные изделия найдены только в лугавских погребениях Среднего Енисея (Кутень-Бурук, кург. 11, 13; Арбан-1, мог. 37; Бейская шахта, кург. 3; Белое Озеро I, кург. 58, 69, 74; Лугавское III, кург. 3). В жилище 2 поселения Быстровка 4 найдено бронзовое изделие в виде двух сферических бляшек, соединенных перемычкой и украшенных по краю насечками. На его оборотной стороне в центре сфер имеются шпеньки для крепления к основе. Назначение предмета непонятно. Типологически идентичные изделия в небольшом количестве происходят из лугавских погребальных памятников (Бейская Шахта; Белое Озеро I). По мнению И. П. Лазаретова, они, возможно, являлись украшением ножен из органических материалов. Дополняют список лугавских компонентов в ирменской среде роговые рукояти для составных ножей, найденные на поселениях Верхней Оби. Наконец, среди ирменской посуды Маякова городища оказались сосуды, близкие яйцевидной форме, и с орнаментальной композицией в зоне венчика, нетипичной для ирменской культуры (Ширина 2004: 176–177). Эти сосуды могли представлять только лугавско-ирменский синкретизм. Памятник расположен в верховьях р. Томи, на юго-восточной периферии Кузнецкой котловины. Лугавские керамические комплексы в незначительном количестве известны на поселениях Горной Шории (Бобров 1994; Кимеев, Ширина 2011).

Касаясь проблемы взаимодействия населения лугавской и ирменской археологических культур, отметим, что на северо-востоке Кузнецко-Салаирской горной области открыты памятники, в культурном слое и в инвентаре захоронений которых сочетаются лугавский и ирменский керамические комплексы. Это нашло освещение в работах В. В. Боброва и Н. Л. Членовой (1991). Более того, в северных предгорьях Кузнецкого Алатау лугавская керамика могла иметь мотивы и композиции ирменской орнаментальной традиции, о чем свидетельствуют материалы Устинкинского мог-ка и поселений на берегу р. Дудет (Тамбарское водохранилище) и Усть-Парная (Савинов, Бобров 1983). Следует также отметить, что в Назаровской котловине, а точнее в Шарыповском р-не Красноярского края, который является пограничным с Мариинской лесостепью, где известны немногочисленные ирменские комплексы, эпоха поздней бронзы представлена пока исключительно лугавскими (каменнолоожскими) памятниками и материалами (Красниенко, Субботин 1999: 28–29). Не исключено, что основной причиной контакта ирменцев с лугавцами, получившего отражение в археологических источниках, явилась ориентация цветного металлопроизводства ирменского населения, прежде всего, Кузнецкой котловины на минусинские центры сырьевых ресурсов (Бобров и др. 1997).

Таким образом, приведенные факты позволяют констатировать, что в эпоху поздней бронзы синхронно существовали ирменская культура на территории лесостепного Приобья и лугавская в предгорных районах Минусинской котловины. Косвенным подтверждением такого сосуществования является то, что в данных культурах найдены роговые трехдырчатые псалии, которые имели широкое распространение от Подунавья до Северного Китая. Носители этих археологических культур имело, вероятно, регулярные контакты в северных предгорьях Кузнецкого

Алатау (Мариинская лесостепь, Назаровская котловина) и, в меньшей степени, на юго-восточной периферии Кузнецкой котловины (Верхнее Притомье и Горная Шория).

Слабый импульс карасукской традиции в ирменской материальной и духовной культуре может иметь разные версии интерпретации. Если принять распространенную концепцию о том, что карасукская культура предшествует лугавской, то тогда она синхронна андроновидным культурам Верхней Оби – еловской и корчажгинской. На андроновидные черты карасукского керамического комплекса, особенно северных районов ареала культуры, неоднократно обращали внимание исследователи (В. И. Матющенко, В. И. Стефанов, А. В. Поляков и др.). В таком случае логичнее допустить появление карасукского в ирменском как результат преемственности от верхнеобских андроновидных культур. Но в них пока не выявлено собственно карасукских черт ни в орнаментальной традиции, ни в погребальной практике. При этом необходимо отметить, что в Кузнецкой котловине исследовано достаточно постандроновских памятников (Танай-4, Танай-4а, Танай-12, Танай-1, Заречное-1 и др.). Соответственно, данная версия имеет эфемерную аргументацию. Другая версия, непопулярная в археологической среде, должна допускать сосуществование карасукской и лугавской культур в пределах Среднего Енисея, но в разных ландшафтных условиях, свойственных горной экосистеме. При этой ситуации выход карасукскому населению на контакт с ирменцами был перекрыт населением лугавской культуры (здесь нужно обратить внимание на указанные выше приграничные районы).

В связи с приведенными археологическими данными возникает проблема хронологии карасукских, лугавских и ирменских древностей. Не касаясь анализа датировок, предложенных А. В. Поляковым и И. П. Лазаретовым, в т. ч. основанных на естественнонаучных методах, отмечу, что в последнее время получена достаточно представительная серия радиоуглеродных дат по материалам ирменского городища Чича в лабораториях Европы. Время существования этого памятника укладывается в пределы XIV–XI вв. до н. э. (Молодин 2008; Молодин, Парцингер 2009). Близкие по времени даты получены Д. В. Папиным для ирменских памятников лесостепного Алтая. Видимо лугавская культура также существовала в аналогичных хронологических пределах. Хотя на периферии (Мариинская лесостепь и Назаровская котловина) обе эти культуры могли доживать до VII–VI вв. до н. э.

- Бобров 1991 – *Бобров В. В.* Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышского междуречья. Омск, 1991. С.60–72.
- Бобров 1992 – *Бобров В. В.* Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Дис. докт. ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск, 1992.
- Бобров 1994 – *Бобров В. В.* Этапы освоения Горной Шории в древности (по материалам поселения Печергол-2) // Шорский сборник: Сб. статей. Кемерово, 1994. Вып. 1. С. 164–176.
- Бобров и др. 1993 – *Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И.* Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4. Новосибирск, 1993.
- Бобров и др. 1997 – *Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О.* Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово, 1997.
- Вадецкая 1986 – *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Грязнов 1956 – *Грязнов М. П.* Древняя история племен Верхней Оби. М., 1956 (МИА. Вып. 48).
- Лазаретов 2006 – *Лазаретов И. П.* Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2006.
- Кимеев, Ширин 2011 – *Кимеев В. М., Ширин Ю. В.* Этноархеологический комплекс бассейна реки Мрассу // Археология Южной Сибири: Сб. статей. Кемерово, 2011. Вып. 25. С. 192–198.
- Киселёв 1951 – *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Ковалевский 2008 – *Ковалевский С. А.* Проблема взаимодействия населения юга Западной и Средней Сибири в эпоху поздней бронзы // Изв. Алтайского гос. университета. Барнаул, 2008. Вып. 4/2. С. 94–97.
- Косарев 1966 – *Косарев М. Ф.* О происхождении ирменской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1966. С. 169–175.

- Красниенко, Субботин 1999 – *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб, 1999.
- Максименков 1975 – *Максименков Г. А.* Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 45–48.
- Максименков 1978 – *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Мартынов 1964 – *Мартынов А. И.* Новый район карасукской культуры // СА. 1964. № 2. С. 122–133.
- Матвеев 1993 – *Матвеев А. В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1983.
- Матющенко 1974 – *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Еловско-ирменская культура. Томск, 1974 (Из истории Сибири. Ч. 4, вып. 12).
- Молодин 2008 – *Молодин В. И.* Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 155–163.
- Молодин, Парцингер 2009 – *Молодин В. И., Парцингер Г.* Хронология памятника Чича // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2009. Т. 3 (Материалы по археологии Сибири. Вып. 1).
- Новгородова 1970 – *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- Поляков 2006 – *Поляков А. В.* Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2006.
- Савинов, Бобров 1978 – *Савинов Д. Г., Бобров В. В.* Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири: Сб. статей. Новосибирск, 1978. С. 47–62.
- Савинов, Бобров 1981 – *Савинов Д. Г., Бобров В. В.* Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 122–135.
- Савинов, Бобров 1983 – *Савинов Д. Г., Бобров В. В.* Устинкинский могильник // Археология и этнография Южной Сибири Кемерово, 1983. Вып. 4. С. 31–71.
- Хлобыстина 1963 – *Хлобыстина М. Д.* Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963.
- Членова 1955 – *Членова Н. Л.* О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // СА. 1955. Т. XXIII. С. 38–57.
- Членова 1970 – *Членова Н. Л.* Хронология карасукской эпохи. М., 1970.
- Шамшин 1988 – *Шамшин А. Б.* Эпоха поздней бронзы и переходное время к железу в Барнаульско-Бийском Приобье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988.
- Ширин 2004 – *Ширин Ю. В.* Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: Сб. статей. Барнаул, 2004.

А. В. Поляков (Санкт-Петербург, Россия)

Комплекс археологических памятников Старая Копь на правом берегу р. Амыл

В 2010 г. в ходе разведок на правом берегу р. Амыл в 2 км к ССВ от пос. Старая Копь было выявлено поселение, получившее такое же название. В 2011 г. на этом объекте были проведены археологические раскопки, которые позволили установить, что здесь же расположен грунтовый могильник позднескифского времени Старая Копь 2. Эти два памятника частично перекрывают друг друга и могут рассматриваться, как комплекс археологических объектов.

Поселение Старая Копь 1 расположено в 2 км к ССВ от пос. Старая Копь на краю террасы, образованной, вероятно, старым руслом р. Амыл. На сегодняшний день – это сенокос на краю высокого обрыва (свыше 20 м). Внизу протекает небольшой руч. Смородиновка, исчезающий в полях.

С запада площадка поселения ограничена обрывом, с севера и востока – грядой, образующей вокруг поселения чашу. Рельефом не отсекается только южное–юго-западное направление. Была заложена серия шурфов, которые позволили оценить площадь поселения примерно в 10000 м². Объект вытянут вдоль обрыва по линии С–Ю на 200 м и отступает от его края на ок. 50 м. Вся площадка продолжительное время подвергалась интенсивной распашке. В результате этого культурные слои в стенках и бровках не просматриваются. Средняя мощность слоя запашки (черный гумусированный), содержащего находки, составляет 0,6–0,7 м.

На площади поселения было заложено два раскопа. Раскоп 1 (112 м²) в центральной части состоял из двух траншей, расположенных буквой Г. Целью закладки первой траншеи, вытянутой по линии С–Ю, была зачистка осыпающийся обрыва и определение степени разрушения поселения. Вторая траншея была проложена по линии З–В для оценки плотности и размещения археологических материалов от периферии к центру поселения. Раскоп 2 (40 м²) находился на южном краю поселения, его закладка связана с выявлением грунтового могильника Старая Копь 2.

Всего было обнаружено три конструкции (все – в раскопе 1), которые можно связать с материалами поселения. Сооружение 1 шириной ок. 2 м и глубиной ок. 1,6 м было выкопано в борту обрыва в виде ниши. Никакого перекрытия над ним не зафиксировано. Форма ему была придана грушевидная – с более узким входом и расширяющейся камерой. Никаких артефактов в нем не обнаружено. Назначение этого сооружения осталось неясным. Кроме него, были выявлены хозяйственная яма и каменная наброска из булыжников среднего размера. Можно отметить, что большинство находок зафиксировано вокруг сооружения 1 и ямы 1.

В ходе исследования поселения Старая Копь 1 на его площади в двух раскопах и шести шурфах обнаружено 113 артефактов (рис. 1). Из них 105 (93 %) представлены фрагментами керамики, которые относятся к различным сосудам (не менее 30 сосудов). Окраска черепков различная – от ярко красной до черной. Тесто сосудов плотное, однородное. В качестве отощителя использована мелкая дресва. Поверхность сосудов заглажена, но лощение отсутствует. Удалось обнаружить 19 фрагментов венчиков и 11 элементов придонной части. Судя по этой серии, сосуды представлены двумя типами. Первый тип, более распространенный – плоскодонные банки с прямым орнаментированным венчиком, второй тип – шаровидные формы с уплощенным дном и отогнутым наружу венчиком (рис. 1, 10–12). Во всех случаях дно либо плоское, либо уплощенное. Преобладают орнаментированные венчики (свыше 75 %). Представлены следующие элементы орнаментов: горизонтальные узкие и широкие желобки, ряды наклонных оттисков «гладкого» штампа, ямки, «жемчужины», выдавленные изнутри концом острой палочки, горизонтальный зигзаг.

Остальные артефакты немногочисленны: часть камня с шлифованной поверхностью (возможно, фрагмент верхнего куранта зернотерки; рис. 1, 21); каменное тесло из продолговатой гальки (рис. 1, 26); желобчатая бляшка из аргиллита (рис. 1, 25); медный шлак и фрагмент створки литейной формы из шурфа № 11 (рис. 1, 22; предположительно в этой форме мог отливаться бронзовый нож); обломок рогового острья со следами использования (рис. 1, 23) – вероятно, фрагмент сломанного инструмента.

Наиболее интересной находкой, обнаруженной в шурфе № 12, является цельнолитой бронзовый нож (рис. 1, 20). Нож имеет выделенное навершие в виде кольца. Ручка от лезвия никак не отделена. Форма профиля лезвия – клиновидная. Вдоль края ручки нанесен орнамент – зигзаг из двух линий, а в месте перехода ручки к лезвию – неясное изображение, возможно, стилизованная голова грифона. Нож имеет следы активного использования – лезвие заметно выкрошено.

Грунтовый мог-к Старая Копь 2. В 2011 г. в ходе закладки шурфов для уточнения границ поселения, в одном из них, расположенном на южной окраине, была найдена очень крупная каменная плита. Она была открыта только частично и для того, чтобы разобраться с причинами ее нахождения в этом месте, пришлось расширить этот шурф до раскопа 2. В результате, в восточной части раскопа были обнаружены два погребения грунтового могильника. Могилы расположены параллельно друг другу, причем мог. 1 южнее мог. 2. Вполне вероятно, что они входили в ряд захоронений.

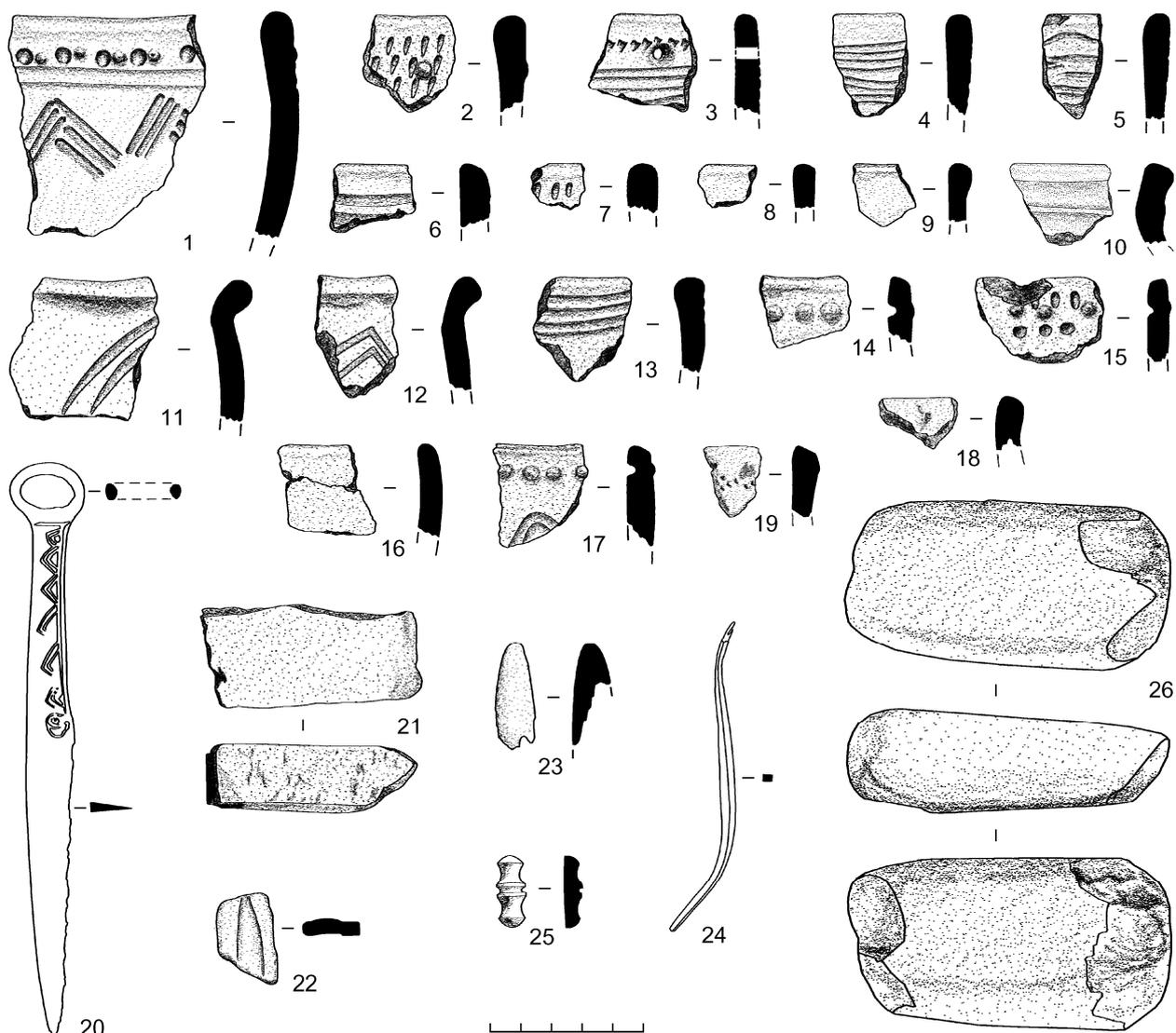

Рис. 1. Поселение Старая Копь 1, артефакты из раскопов и шурфов (1–19, 22 – керамика; 20, 24 – бронза; 21, 26 – камень; 23 – рог; 25 – аргиллит)

Мог. 1 была выявлена в процессе зачистки дна раскопа. Представляет собой небольшое углубление в «материке», подпрямоугольное со скругленными углами (рис. 2, 1) размерами примерно $1,65 \times 0,8$ м, глубиной 0,1 м. Уровень, с которого могила была впущена, установить не удалось, в стенке раскопа никаких следов не выявлено. Над могилой на разных уровнях встречались отдельные камни, вероятно, от несохранившегося перекрытия, уничтоженного распашкой, аналогичного тому, что зафиксировано над мог. 2.

На дне мог. 1 в западной части вдоль короткой стенки было выставлено пять керамических сосудов без орнамента (рис. 3, 1–5). Все они однотипные: с шаровидным туловом и уплощенным дном. Шейка четко выделена, венчик отогнут наружу и заканчивается плоским срезом. Сосуды были явно выставлены в ряд по размеру (с Ю на С он увеличивался). Почти по центру погребения возле северной стенки *in situ* находился бронзовый нож, лежавший плашмя, острием на В (рис. 3, 6). Изделие пластинчатого типа, цельнометаллическое, с навершием в виде трапецевидного расширения, в центре которого – небольшое отверстие. На ручке с обеих сторон нанесен процарапанный орнамент. В юго-западном углу могилы находились кости ягненка – лопатка и голень (сопроводительная пища).

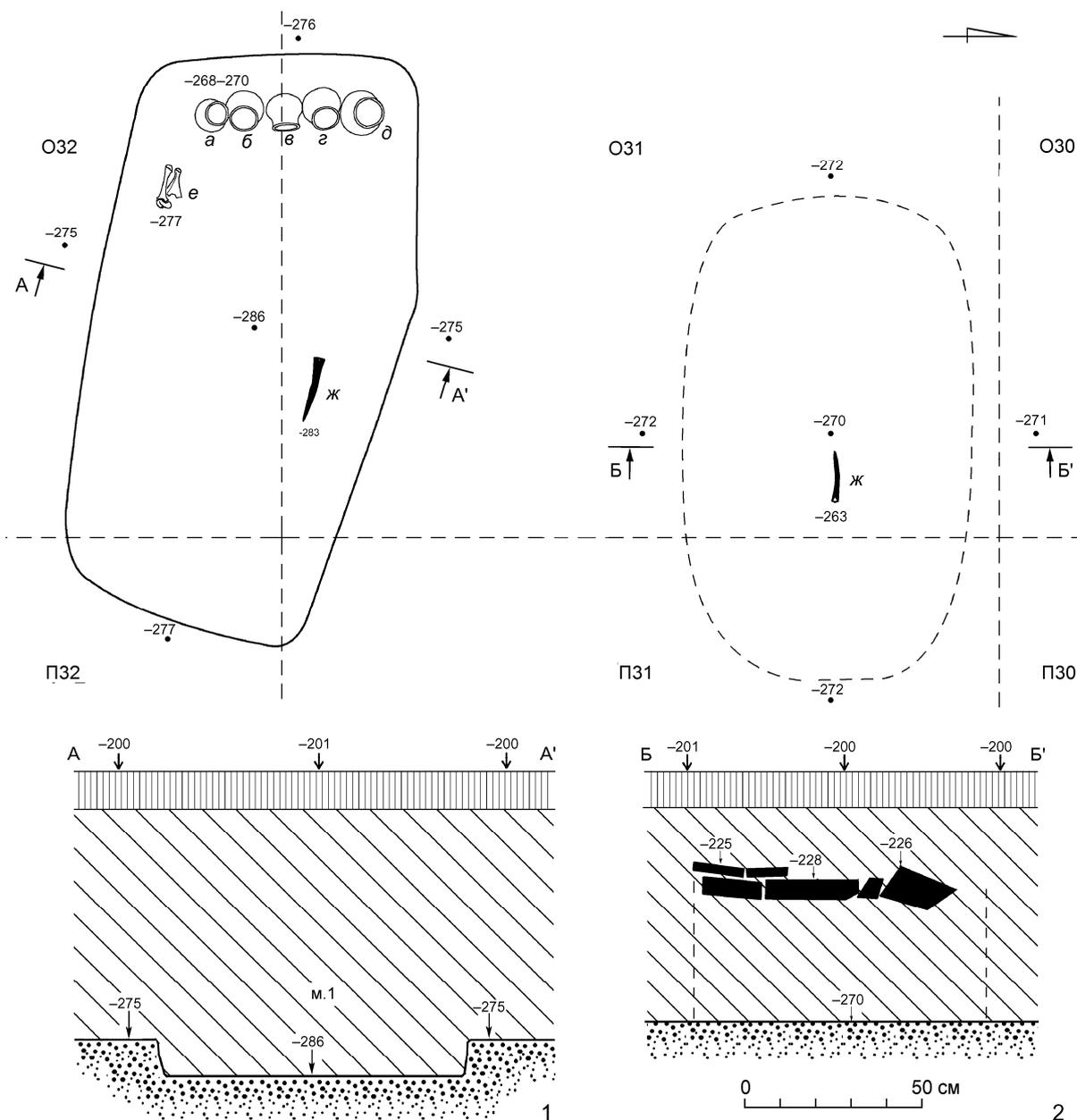

Рис. 2. Старая Копь 2, планы и разрезы погребений

Кроме того, в заполнении могилы в разных местах были обнаружены три фрагмента керамики и обломок рога со следами использования. Эти находки связаны с поселением Старая Копь 1. Судя по их размещению (один фрагмент керамики находился прямо под сосудом), могила сооружалась в уже существующем культурном слое поселения. Ни на дне могилы, ни в ее заполнении не обнаружено костей человека или их следов. Возможность того, что кости не сохранились, ничтожна. Могила явно не потревожена. Все предметы находятся на своих исходных местах. При этом отличная сохранность костей ягненка исключает возможность того, что кости человека полностью истлели.

Мог. 2 обнаружена в восточной части раскопа 2 (рис. 2, 2). Представлена в виде неповрежденной овальной выкладки из камней среднего размера. Выкладка располагалась параллельно мог. 1 и составляла с ней единый погребальный комплекс. Перекрытие могилы из камней, сложенных в один слой, имело средние размеры $1,5 \times 0,8$ м. Контур могилы и ее точную глубину установить не удалось, т. к. она, в отличие от мог. 1, не прорезала материковый слой и целиком

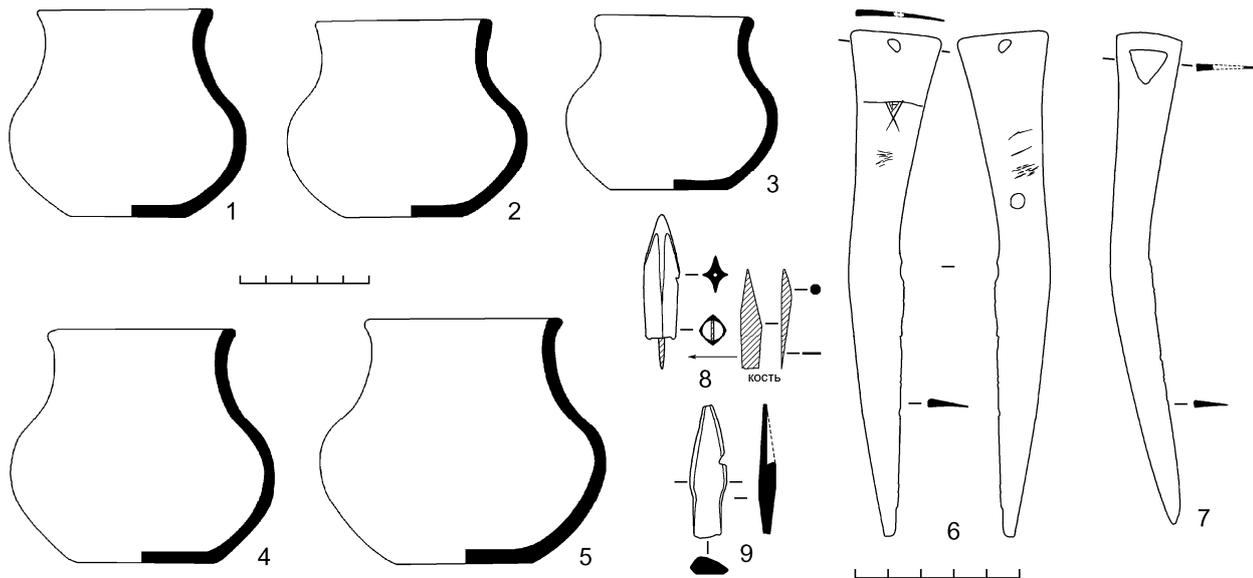

Рис. 3. Старая Копь 2, артефакты из погребений (1–5 – керамика; 6–7 – бронза; 8 – бронза, кость; 9 – кость)

находилась в черном гумусированном слое. Можно полагать, что размер погребения примерно соответствует размерам каменного перекрытия. Глубину от уровня перекрытия можно реконструировать на основании уровня залегания бронзового ножа (–0,35 м), находившегося на своем первоначальном месте.

Почти в центре могильной ямы, возле северной границы *in situ* находился бронзовый нож (рис. 3, 7), лежащий плашмя, острием на 3. Изделие пластинчатого типа, цельнометаллическое. Навершие ножа – в виде трапециевидного расширения с треугольным отверстием в центре. Кроме того, в процессе разборки заполнения могилы обнаружены два наконечника стрел. Один из них – бронзовый, втульчатый, с костяной пластинкой внутри для насада древка (рис. 3, 8). Другой – костяной, с уплощенным черешковым насадом (рис. 3, 9). Оба наконечника были перемещены, вероятно, мелкими грызунами и их первоначальное место установить невозможно. Как и в случае с мог. 1, костей человека или их следов не обнаружено.

Комплекс памятников Старая Копь интересен в силу своего местоположения на восточной окраине Минусинской котловины. Основная часть исследованных памятников правобережья Енисея расположена вдоль его течения и на берегах крупных притоков Сыда и Туба. По мере удаления в восточном направлении число памятников заметно уменьшается, а исследованы из них единицы. Поэтому любые археологические раскопки в этом малоизученном регионе имеют крайне важное значение.

Поселение Старая Копь 1 еще недостаточно исследовано для того, чтобы можно было составить полное представление о его параметрах. При этом особенность местных почв не позволяет выделять визуально видимый слой, с которым связаны находки артефактов. Плотность их размещения крайне неравномерна. Наблюдаются явные скопления вокруг выявленных сооружений. К сожалению, пока не обнаружены остатки жилищ, очаги, кострища. Единственная хозяйственная яма содержала незначительное число фрагментов керамики. Однако в некоторых шурфах число находок весьма значительно.

Кроме серии фрагментов керамики обнаружены предметы, относящиеся к литейному производству: фрагмент створки литейной формы для отливки бронзового ножа и кусочек медного шлака. Это позволяет рассчитывать на обнаружение здесь других свидетельств металлургии. Найденные артефакты позволяют датировать это поселение скифским временем. Все они относятся к различным этапам тагарской культуры (IX–II вв. до н. э.). Более точная хронологическая атрибуция этого памятника возможна только после проведения масштабных раскопок.

Грунтовый мог-к Старая Копь 2 представляет еще бóльший интерес. В степной части Минусинских котловин погребальные памятники сарагашенского этапа тагарской культуры представлены исключительно курганами с крупными насыпями и коллективным обрядом погребения в срубках. Однако именно на восточной окраине региона на правом берегу р. Казыр недавно был обнаружен памятник Таяты III, с материалами которого можно провести очень интересные параллели (Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009: 13–19). Он расположен всего в 42 км к ВСВ от Старой Копи, т. е. их можно рассматривать, как локальную группу. Причем наблюдаются как важные аналогии, которые их объединяют, так и принципиальные отличия.

Во-первых, уникален сам факт существования на Среднем Енисее одиночных грунтовых погребений этого хронологического периода. И то, что они обнаружены уже на двух памятниках, не позволяет рассматривать это явление, как случайность. Во-вторых, в обоих случаях эти грунтовые погребения расположены на площади поселения. В-третьих, наблюдается связь с определенной возрастной группой – дети и подростки. Наконец, в-четвертых, бронзовые ножи, обнаруженные в могилах, практически идентичны и позволяют уверенно датировать могилы сарагашенским этапом тагарской культуры.

Следует отметить и принципиальные отличия. Над погребениями в Таятах III перекрытия отсутствуют, а сами они совершены по обряду кремации на стороне. Мог-к Старая Копь 2 отличается наличием над могилами наброски из камней, которая явно опиралась на деревянное перекрытие. Следов кремации в них не зафиксировано, впрочем, как и самих остатков погребенных. При этом в мог. 1 инвентарь размещен как при обряде ингумации: сосуды в головах, рядом сопроводительная пища (кости ягненка) и бронзовый нож в районе пояса. Можно предполагать, что в данном случае мы имеем дело с кенотафом.

Отметим, что пока информация о грунтовых погребениях сарагашенского этапа тагарской культуры явно недостаточна. Однако необходимо обратить внимание на этот новый тип памятников, который открывает принципиально иной аспект погребальной обрядности. Учитывая крайне слабую исследованность поселений тагарской культуры и сарагашенского этапа, в частности, нельзя исключать, что подобные детские грунтовые могильники будут в дальнейшем обнаружены и в других районах Минусинских котловин. Во многом это восполнит определенную лауну, на которую обращали внимание антропологи. В частности, Н. И. Лазаретова на основе статистических исследований отмечала явную недостаточность детских и подростковых захоронений в коллективных склепах сарагашенского этапа тагарской культуры. Опираясь на эти данные, было высказано предположение о существовании в этот хронологический период на Среднем Енисее отдельных могильников, содержащих погребения детей (Лазаретов, Лазаретова 2007: 185). Обнаруженные захоронения на поселениях Таяты III и Старая Копь 1 являются важным аргументом, подтверждающим эту гипотезу.

Лазаретов, Лазаретова 2007 – *Лазаретов И. П., Лазаретова Н. И.* Могильник Трошкино 2 и некоторые актуальные проблемы тагарской культуры // Археологические материалы и исследования Северной Азии в древности и средневековье. Томск, 2007. С. 174–197.

Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009 – *Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н.* Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово, 2009.

К вопросу об освоении тагарским населением подтаежных районов в юго-западной части Хакасии

Как свидетельствуют многолетние археологические исследования на территории Хакасско-Минусинского края, носители тагарской археологической культуры (VII–III вв. до н. э.) наиболее плотно заселили его степные и лесостепные районы. Вопрос о том, насколько ими были освоены подтаежные, предгорные территории, окружающие степные и лесостепные просторы, остается мало изученным. Известные в подтаежной зоне тагарские могильники немногочисленны, а стоянки и поселения практически неизвестны в силу того, что целенаправленных поисков памятников скифского времени здесь не проводилось. Исключение составляют археологические исследования, осуществленные Н. В. Леонтьевым и С. Н. Леонтьевым в 2000–2007 гг. в междуречье р. Кизир и Казыр – в юго-восточной части горно-таежного обрамления Хакасско-Минусинской котловины. В результате работ были выявлены памятники различных культур, в т. ч. на поселениях Таяты III, Таяты IV и Жаровской скальной стоянке обнаружены материалы скифского времени, принадлежавшие лесостепному тагарскому населению (Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009: 51–57).

Исследования, проведенные в 2001–2008 гг. Археологической экспедицией научно-исследовательской части Хакасского государственного университета и Таштыпским отрядом Хакасской археологической экспедиции под руководством автора статьи в подтаежной местности, непосредственно прилегающей к горно-таежному обрамлению Минусинской котловины, в юго-западной части современной Республики Хакасии, в пределах Аскизского, Таштыпского и Бейского р-нов, показали, что в т. н. скифское время, которое соотносится в этом регионе с существованием тагарской культуры, представители этой, по преимуществу, степной скотоводческой культуры, активно освоили в хозяйственном отношении подтаежные районы.

В ходе археологических разведок было обнаружено 10 местонахождений, которые располагаются по берегам притоков р. Абакан: Читыгол I–III, Лог Карасук I (все на левом берегу р. Большая Есь, левого притока р. Абакан); Кизтигей (правый берег р. Лырсы, левый приток Абакана); Матрос I и Большой Арбат I – оба на правом берегу р. Большой Арбат (правый приток Абакана); Семёновский ручей I, II (правый берег р. Малый Арбат, правого притока р. Абакан); Куйбышево I (правый берег р. Джебаш, правого притока р. Абакана). Местонахождения располагаются на первой (5–7 м) или второй (8–12 м) надпойменных речных террасах. Археологический материал скифского времени залегает на глубине 0,12–0,5 м в современном гумусном слое (Зубков 2002; 2008; 2009).

В настоящей статье рассматриваются тагарские материалы археологических памятников, обнаруженных в бассейне Верхнего Абакана, на участке выхода этой реки из предгорий Западного Саяна в районе г. Абаза до впадения в нее правого притока реки – Большой Монок.

Стоянка Большие Арбаты I расположена на правом берегу р. Большой Арбат, в 0,6 км к В от сел. Малые Арбаты, на второй надпойменной террасе. Терраса отделена от русла р. Большой Арбат обширной высокой поймой и находится от него в 0,5–0,6 км. Раскопом вскрыта площадь 143 м².

1-й культурный слой залегает в слое современного гумуса (1-й геологический слой) на глубине 0,15–0,3 м от современной поверхности. Находки представлены фрагментами тагарских гладкостенных неорнаментированных сосудов. Фрагменты, судя по венчикам, принадлежат, по меньшей мере, 9–10 сосудам. Форму сосудов восстановить невозможно. Ниже приводим описание венчиков, дающих представление об этой посуде. 1) Венчик гладкостенного сосуда, прямой, имеет легкий наклон внутрь сосуда, верхняя плоскость венчика – прямая. 2) Венчик гладкостенного сосуда, прямой. 3) Фрагменты венчиков, принадлежащих трем разным сосудам (два венчика – прямые, а край третьего слегка отогнут наружу; все три венчика по боковой поверхности орнаментированы пояском небольших, овальных выпуклин-налепов, идущих в ряд в 1,5–2 см от края венчика). 4) Фрагмент венчика гладкостенного сосуда, край венчика слегка отогнут наружу.

5) Фрагмент венчика сосуда, который имеет легкий наклон внутрь; по боковой поверхности параллельно краю венчика прочерчены одна или две линии. 7) Фрагменты керамики, орнаментированные небольшими овальными вдавлениями.

Стоянка Матрос I располагается примерно в 2 км от сел. Малые Арбаты на первой террасе правого берега р. Большой Арбат, ограниченной с В руч. Матрос, а с ЮЗ – проселочными дорогами. Раскопом вскрыта площадь в 105 м².

Керамика представлена фрагментами глиняных сосудов. Наиболее выразительны фрагменты венчиков, которые принадлежат 19–20 различным сосудам. 1) Фрагменты трех сосудов, у которых венчик прямой или внешний край слегка отогнут наружу; боковая поверхность венчиков украшена поясом из выпуклин-«жемчужин» («жемчужины» выполнены вдавлениями, произведенными изнутри сосуда круглой в сечении палочкой). Диаметры венчиков – 18–23 см. 2) Фрагменты венчика гладкостенного сосуда. Венчик слегка отогнут наружу, его диаметр – 23–24 см. 3) Фрагменты венчиков двух гладкостенных сосудов; один из венчиков – прямой, а другой имеет легкий наклон внутрь. 3) Фрагменты прямых венчиков от двух–трех сосудов. На боковых поверхностях венчиков – поясок в виде ряда выпуклин-«жемчужин». 3) Фрагмент придонной части гладкостенного керамического сосуда на невысоком круглом поддоне.

На стоянке Матрос I было обнаружено также три грунтовые ямы 1, 3, 4, относящиеся к 1-му культурному слою.

Яма 1 округлая в плане, несколько вытянутая по линии З–В. Размеры ямы в верхней части – 0,7 × 0,6 м при глубине до 0,6–0,7 м от уровня современной поверхности. В верхней части заполнения ямы лежало ребро крупного животного и нуклеидный оббитый камень. В средней части заполнения найдено четыре крупных галечных скола, два из которых имеют по краям ретушь утилизации. Около края ямы 1 обнаружены два, лежащих рядом бронзовых кольца диаметром 3,7 см и 3,9 см. Внутри второго кольца «вписано» стилизованное изображение животного – оленя или козла. Оба кольца, вероятно, были связаны тонким кожаным ремешком, от которого сохранился след в виде тлена.

Яма 3 диаметром 0,75–0,8 м и глубиной 0,65–0,7 м от уровня современной поверхности. В верхней части заполнения ямы найдены: плоская, подпрямоугольная плитка песчаника, обработанная сколами по обоим продольным краям (вероятно, фрагмент зернотерки); продольно расколотая галька; крупный скол с гальки. В нижней части заполнения ямы и на ее дне найдены: 1) небольшие фрагменты гладкостенного керамического сосуда котловидной формы на поддоне; 2) фрагмент восьмигранного призматического каменного предмета, грани которого обработаны шлифованием; 3) бронзовый литой бипирамидальный предмет (шило?), оба конца которого острые, а в средней части имеется небольшое сквозное отверстие. В заполнении ямы 3 обнаружено также большое количество мелких расколотых костей животных, преимущественно, овцы (50 экз.). Из определимых костей найдено 11 альчиков, принадлежавших трем особям овцы. Семь обломков костей принадлежат, возможно, птицам.

Яма 4 овальной в плане формы, размерами в верхней части 0,6 × 0,55 м, глубиной 0,6 м от уровня современной поверхности. В ее заполнении обнаружены фрагмент венчика гладкостенного сосуда, заготовка костяного наконечника стрелы и фрагмент призматической каменной пластинки. Остеологический материал представлен осколками костей и альчиком овцы.

Раскопом была вскрыта часть поселения, вероятно, позднетагарского времени, о чем свидетельствует наличие хозяйственных ям.

Семёновский ручей I. Стоянка расположена на правом крутом берегу одноименного ручья, на террасе с отметками 6–7 м от уровня его русла и в 180–200 м от его впадения в р. Малый Арбат, на довольно ровной площадке примерно 35 × 12 м. Южная граница этой площадки определяется краем обрывистого берега ручья, а северная – современной пашней. Площадь раскопа – 20 м². Здесь выявлен довольно мощный культурный слой – археологический материал зафиксирован в современном гумусном слое на глубине 0,12–0,4 м. В раскопе площадью 25 м² найдено 618 предметов: 589 фрагментов керамики от 16–18 сосудов, 18 артефактов из камня и бронзовое шило.

По формам венчиков и орнаментации выделены три группы сосудов. Первая группа – венчики прямые, неорнаментированные (11 экз.). Преобладают венчики с закругленным верхним краем (8 экз.), три венчика имеют прямую край, слегка скошенный внутрь. Вторая группа – прямые венчики, орнаментированные в 1–1,5 см от края поясом выпуклин-«жемчужин» (5 экз.). Четыре венчика имеют закругленный край, а один венчик – прямой, слегка скошенную наружу. Третья группа – неорнаментированные сосуды с плавно отогнутым наружу венчиком и невысокой шейкой (5 экз.).

При расчистке 1-го культурного слоя обнаружены три ямы, в заполнении которых встречаются обломки керамики и немногочисленные кости животных. Наибольший интерес представляет округлая в плане яма 1 диаметром 0,85–0,9 м и глубиной 0,85–0,87 м от уровня современной поверхности. Это «мусорная» яма – в ее заполнении и, особенно, непосредственно на дне обнаружены фрагменты керамики (169 экз.) по меньшей мере от четырех сосудов, которые удалось частично реставрировать. 1) Фрагмент керамического сосуда с прямым венчиком, верхняя часть которого скошена внутрь. Диаметр венчика – ок. 22 см. 2) Сосуд овоидной закрытой формы с плоским дном. Внешний диаметр венчика – 24 см, наибольший диаметр тулова – 25 см, высота сосуда – 25–27 см, диаметр дна – 8,5 см. В 1–1,5 см от края венчика сосуд орнаментирован пояском выпуклин-«жемчужин». 3) Фрагмент сосуда с плавно отогнутым венчиком и шаровидным туловом, дно сосуда, видимо, плоское. Диаметр венчика составляет 17 см, наибольший диаметр тулова – 24 см. 4) Плоское дно керамического сосуда.

Изделия из бронзы представлены четырехгранным шилом с шейкой в верхней части. Длина шила – 10,1 см, длина шейки – 2,5 см.

Куйбышево I. Стоянка расположена на первой надпойменной террасе правого берега р. Джебаш, в 100–120 м к В от русла безымянного ручья, который впадает в р. Джебаш также с правой стороны. Ранее на этой террасе располагалась небольшая дер. Куйбышево, ныне исчезнувшая. До ближайшего населенного пункта (сел. Малые Арбаты, находящегося к В) – 16 км. Площадь раскопа – 100 м².

В 1-м культурном слое археологический материал залегает на глубине 0,35–0,5 м от современной поверхности, в нижней части гумусного слоя черного цвета (1-й геологический слой). В культурном слое найдены немногочисленные фрагменты гладкостенной тагарской керамики, принадлежащие нескольким сосудам, в т. ч. обломки трех поддонов.

При проведении пешего маршрута по правому берегу р. Джебаш от бывшей дер. Куйбышево до фермерского хозяйства Чистобай, на проселочной дороге, за верхней ее околицей найден бронзовый нож с прямым двусторонним лезвием и крупным овальным отверстием на навершии рукояти. Длина ножа составляет 15,5 см, рукояти – 8 см. Подобные ножи типичны для финала тагарской культуры. Проведенные полевые исследования позволяют сделать некоторые общие выводы.

Основной категорией находок являются многочисленные фрагменты глиняной посуды, представленной плоскодонными сосудами овоидной или баночной форм (последние нередко имеют невысокий поддон). Венчик таких сосудов прямой или слегка наклонен внутрь. Сосуды довольно часто орнаментированы пояском в виде ряда выпуклин-«жемчужин», расположенным в 1–1,5 см ниже края венчика. Представлены также сосуды с шаровидным туловом и плавно отогнутым наружу венчиком. Второй по численности категорией являются изделия из камня: крупные сколы с галек, которые нередко имеют краевую ретушь утилизации; тесловидные инструменты; грубо оббитые речные гальки; терочки из песчаника.

Встречены на тагарских поселениях и предметы из бронзы: шилья (3 экз.), бипирамидальный остроконечник, прямой нож с крупным овальным отверстием на навершии рукояти. В подтаежной зоне подобные находки представлены достаточно редко.

Хозяйственные ямы на местонахождениях Большой Арбат I, Матрос I и Семёновский ручей I, в заполнении которых встречено множество фрагментов керамики, изделия из камня, бронзы и кости домашних и диких животных, явно свидетельствуют о достаточно длительном обитании

здесь людей и прочном хозяйственном освоении тагарским населением подтаежной территории в бассейне верхнего Абакана. Судя по типам керамической посуды и изделиям из бронзы, наиболее интенсивно хозяйственная деятельность «тагарцами» осуществлялась в IV–III вв. до н. э.

Следует отметить также ряд тагарских курганных могильников, расположенных непосредственно в подтаежной зоне: в долинах р. Большой и Малый Монок (не менее пяти); на Правобережье р. Большой Арбат между сел. Большие и Малые Арбаты; в устье Семёновского ручья на его низком левом берегу (практически напротив стоянки Семёновский ручей I).

Зубков 2002 – Зубков В. С. Новые неолитические местонахождения в подтаежной зоне Хакасии // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 145–148.

Зубков 2008 – Зубков В. С. Археологические исследования в Таштыпском районе Республики Хакасия (предварительные итоги) // Мартъяновские краеведческие чтения. Красноярск, 2008. Вып. V. С. 30–35.

Зубков 2009 – Зубков В. С. Исследования в Аскизском и Таштыпском районах Хакасии // АО 2006 года. 2009. С. 572–573.

Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009 – Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово, 2009.

Абу А.-Х. Бакри (Каур, Египет)

Были ли гиксосы в Средней Азии? Телль Эль-Даб'а и Гонур-депе (торговые центры бронзового века в Древнем Египте и в Центральной Азии)

На юго-востоке Туркменистана в ходе многолетних археологических работ в Мургабском оазисе исследуется новая цивилизация бронзового века – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс или Цивилизация Окса. Ее открытие можно назвать одной из крупнейших археологических сенсаций последних десятилетий (Сарианиди 1990; 1993; 2002). Заслуга изучения многих памятников этой цивилизации принадлежит В. И. Сарианиди.

В конце 1970-х гг. была обнаружена ее предполагаемая столица – поселение Гонур-депе (Сарианиди 2005), расположенное в древней дельте р. Мургаб. Гонур, вероятно, существовал в последние столетия III тыс. до н. э. и пережил период расцвета между 2300–1700 гг. до н. э., что совпадает с данными месопотамских клинописных текстов (см. Сарианиди 2001а; 2006; и мн. др.). В начале II тыс. до н. э. Гонур был крупным центром. Его цитадель с царским дворцом, храмами и окружающими их зданиями имеет площадь в 10 га. Вне цитадели находились бассейны, жилые дома и площади. За городом был воздвигнут храмовый комплекс (теменос). Все постройки были возведены из необожженного кирпича. К городу примыкал некрополь.

Гонур, возможно, являлся столицей страны, которая в ахеменидских клинописных текстах известна как Маргуш, а в трудах греческих историков – как Маргиана. В месопотамских клинописных текстах есть свидетельства о том, что существовало царство Мархаши (иногда Бархаши или Маршази) (Francfort, Temblay 2010). Оно осуществляло контроль над восточной частью Иранского плато и было посредником между Месопотамией, Эламом и Мелуххой (Хараппкая цивилизация). Самое раннее сведение о нем относится к правлению Саргона Древнего (2334–2279 гг. до н. э.). В документе упоминается брат царя Мархаши, который был союзником Элама. Следующее сообщение о царе Мархаши и его управителе относится ко времени Римуша (2287–2270 гг. до н. э.). А при Нарам-Суэне (2254–2218 гг. до н. э.)⁴⁵ упоминаются некие деятели на востоке Мархаши. В тексте царя Шульги (2093–2046 гг. до н. э.) отмечено, что он отдал свою дочь за царя Мархаши

⁴⁵ Отечественные специалисты по истории Древнего Востока относят правление Саргона Древнего к 2316–2261 гг. до н. э., Нарам-Суэна – к 2236–2200 гг. до н. э., что же касается Римуша, то известен лишь год его вступления на престол – 2260 г. до н. э. (История Древнего Востока 1983: 488; История Востока 1997: 57–61) (прим. редакции).

(имя царя неизвестно). Кроме того, в текстах периода III династии Ура говорится о солдатах Мархаши, которые составляли элитное подразделение в Месопотамии. Во времена правления царей из династий Исина и Ларсы упоминаются посланцы царя Мархаши. Последнее упоминание об этом царстве относится ко времени правления вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), который победил Элам и дошел до границ Мархаши. Возможно, после этого времени оно перестало существовать или с ним прервались контакты. Последнее предположение более вероятно.

Таким образом, географически и археологически царство Мархаши, видимо, соответствует Бактрийско-Маргианскому комплексу бронзового века. В месопотамских текстах упоминаются материалы, которые происходят из Мархаши (лазурит, музыкальный инструмент, дерево, медь, одежды и, возможно, благовония). Судя по письменным источникам, период расцвета Мархаши приходится на 2300–1700 гг. до н. э. или шире – на 2400–1500 гг. до н. э.

Чем занимались жители страны Маргуш или маргианской цивилизации? На этот вопрос отвечает Л. Б. Кирчо в одной из своих работ (Кирчо 2010). Исследовательница показала, что кроме ирригационного земледелия и скотоводства, у обитателей страны Маргуш были развиты ремесла (керамическое производство, изготовление терракотовых и каменных предметов, металлургия, ювелирное дело и т. д.). Однако существуют веские основания полагать, что главную роль в экономике маргушцев играла торговля, свидетельством чего являются многочисленные импортные предметы из городов долины Инда, Элама и Месопотамии. Истоки таких торговых связей уходят, по крайней мере, во вторую половину IV тыс. до н. э. (эпоха среднего энеолита, период Намазга II).

Торговые связи были стимулированы начавшейся дальней торговлей лазуритом. Активизируются передвижения групп населения Юго-Западного Ирана, где начинает формироваться прото-эламская цивилизация. В последних веках III тыс. до н. э. Маргуш начинает играть важную роль в дальней торговле лазуритом от долины Инда до Передней Азии. Одомашнивание в середине III тыс. до н. э. двугорбого верблюда-бактриана (самое удобное средство передвижения по пустыням) и появление в конце ранней–начале средней бронзы четырехколесной повозки, запряженной верблюдами, резко увеличивали мобильность населения и сыграли важную роль в развитии дальней торговли в Средней Азии (Там же). Тогда и начал формироваться знаменитый Шёлковый путь. Удобное расположение страны Маргуш на этом древнем пути, для охраны которого были нужны воины, послужило экономической основой расцвета Маргианы в III–II тыс. до н. э.

Таким образом, торговля играла важнейшую роль в экономике Гонура. К периоду его расцвета относится монументальный дворцово-храмовый комплекс, основная масса элитных и «царских» захоронений и крупная меднолитейная мастерская. Тогда же началось формирование основ раннего государства. Элита, нуждающаяся в престижных изделиях и предметах роскоши, стимулирует ремесленное производство, торговлю и, в целом, все развитие общества.

В архитектуре Маргианы (дворец и «теменос» Гонура, храмы Тоголок 1 и 21) повторяется архитектурная схема, напоминающая типы строений, известные на севере Сирии, начиная со второй половины IV тыс. до н. э. и до эпохи средней бронзы. Одну из таких построек называют «дом с центральным залом». Подобные сооружения выявлены во дворце Мари. В. И. Сарияниди обозначает этот тип как «дом в обводе коридоров» (Bietak 1996; Schiestl 2002).

Обратимся к погребениям Гонура, некрополь которого является одним из самых крупных могильников Центральной Азии. Он располагался в 300 м к З от дворцово-храмового комплекса. Датировка некрополя соответствует датировке всего памятника (конец III – первая половина II тыс. до н. э.). В нем погребено свыше 2500 умерших (Сарияниди 2001б)

Характерной чертой некрополя является разнообразие типов погребальных сооружений. Подавляющее большинство умерших (86,8 %) – предполагаемый средний класс населения, было захоронено в шахтных (подбойных) могилах. Бедная часть населения (9 %) была похоронена в обычных могильных ямах, а элита – в цистах (2,2 %) и камерных могилах (2,0 %) (Дубова 2004). Несмотря на то, что цисты и камерные гробницы были неоднократно разграблены, самые богатые находки были сделаны именно в них. Важно отметить, что цисты Гонура (кирпичные погребальные

сооружения прямоугольной формы со сводчатым перекрытием) своими формами, особенностями погребального обряда и инвентарем, являются самыми близкими аналогиями гробницам Телль Эль-Даб'а (Египет). Камерные гробницы также имели сводчатое перекрытие. Большинство погребенных лежало на правом боку (87,7 %), головой на С или СЗ (82,7 %) в скорченной позе. Преобладают одиночные захоронения, хотя в редких случаях были найдены останки от двух до девяти человек.

На Гонуре выделяется особая группа гробниц, раскопанных в т. н. царском некрополе. Они находятся на южной окраине Гонура и относятся к последним векам III тыс. до н. э. до возведения на Гонуре дворцово-храмового ансамбля (ср. с погребениями воинов, которые в Телль Эль-Даб'а существовали до возведения гиксосской цитадели). Все гробницы представляют собой котлованы прямоугольной формы. К этой группе следует отнести и цисту 2900, находящуюся на северной стороне Гонура, и три цисты за обводной стеной всего комплекса с южной стороны. Эти гробницы принадлежали элите гонурского общества, судя по их устройству, размерам, а также найденным в них погребальным приношениям. В них отмечены следы человеческих жертвоприношений, каменные посохи, каменные миниатюрные колонки, повозки, верблюды, ослы (лошади?) Именно в этих гробницах было найдено наибольшее количество вещей, которые имеют сходство с обнаруженными в других, порой отдаленных регионах.

Среди этих гробниц были камерные, имитирующие жилые дома. В. И. Сарияниди отмечает аналогии им в северо-месопотамском регионе (Телль Барсип, мог-к Талл Туттул в Сирии, 2600–2100 гг. до н. э.) (Сарияниди 2006). В камерных гробницах были найдены ювелирные изделия из серебра, лазурита, золота и т. д. Среди возможных импортных вещей, следует отметить: золотые разделители в ожерелье (Телль Банат, Сирия); изделия из слоновой кости (Хараппа); серебряные кубок с орнаментом сиро-хеттского типа; бронзовые светильники (Шахдад, Юго-Восточный Иран); серебряные изделия в виде воронки-ситечка и мотивы мозаичных изображений (Месопотамия); серебряный чайник (Гиссар ШС, Северо-Восточный Иран).

В элитарном некрополе Гонура вместе с лицами высокого ранга, видимо, хоронили слуг, скелеты которых лежали внутри гробниц. В гробнице 3200 были найдены три скелета – женщины и двух подростков 14–16 л., а в двух других (3210 и 3240) – два и пять скелетов (в Телль Эль-Даб'а были одиночные захоронения). По-видимому, это были человеческие жертвоприношения. В большинстве случаев человеческие скелеты лежали рядом со скелетами верблюдов. Во дворе гробницы 3200 была найдена четырехколесная повозка недалеко от скелетов молодой лошади (?) и верблюда. Все это может указывать на особый статус умершего. Кроме того, отметим, что верблюды в Гонуре и осел в Тель Эль-Даб'а были явно связаны с караванной торговлей.

Предположительно в этом некрополе Гонура были похоронены воины, на что указывает состав погребального инвентаря некоторых больших гробниц: мозаичные изображения на стенках гробницы (грозные грифоны), большое количество кремневых наконечников стрел, медно-бронзовые «лесенки», бронзовый наконечник копья с загнутым концом, меч-«секач», медное навершие булавы с четырьмя зубчатыми завершениями.

В некоторых гробницах Гонура обнаружены двухкамерные очаги (с топкой и духовкой) для приготовления жертвоприношений, которые почти всегда находились на полу гробниц, что напоминает жертвенные ямы в Телль Эль-Даб'а.

В Гонуре найдены ритуальные захоронения животных, находившиеся внутри цист рядом с умершим (3155), либо в яме около цист (2900), либо в отдельных цистах с погребальным инвентарем (3130). Самую близкую аналогию с Телль Эль-Даб'а представляет коллективное ритуальное захоронение животных за восточной стеной цисты 2900, где были погребены два барана, два ягненок и две собаки. Предполагается, что в этой цисте был похоронен воин (Сарияниди 2006), который, по моему мнению, был связан с караванной торговлей. На высокий статус умершего в этой цисте указывает ее местонахождение непосредственно перед въездом во дворец (ср. элитарные гробницы Телль Эль-Даб'а, находившиеся в саду дворца).

Весьма интересным является тот факт, что в одной из цист (3130), где были похоронены бараны, среди медно-бронзовых изделий были найдены два т. н. гарпуна, у одного из которых сохранилась серебряная ручка с округлым навершием. Подобные «гарпуны» известны в Египте в Телль Эль-Даб'а (из погребения воина), Сиро-Палестине и Библие. Более близкие параллели встречены в Бактрии и Эламе. Такие «гарпуны» или похожие на них предметы держали в руках божества и знатные лица, изображенные на цилиндрических печатях Месопотамии. Скорее всего, упомянутое ритуальное захоронение животных принадлежало воину (в цисте найдены наконечники стрел, медная булавка, кинжал).

Следует отметить, что захоронение молодых баранов в кирпичных цистах, видимо, играло особую роль не только на Гонуре, но и во всей Маргиане и Бактрии (ср. с Телль Эль-Даб'а). Не исключено, что этот ритуал был тесно связан с воинами.

Обратимся теперь к северо-востоку Египта, где находится поселение Телль Эль-Даб'а – древний город Аварис на востоке дельты Нила, столица гиксосов, чужеземцев, правивших в этой части Египта в 1638–1580 гг. до н. э.⁴⁶ (Biatak 2010). Гипотеза о том, что именно Телль Эль-Даб'а и есть древний город Аварис была впервые выдвинута египетским археологом Лабибом Хабаши в начале 1950-х гг. Австрийские археологи ведут здесь археологические работы уже более 40 лет. По их данным, поселение Телль Эль-Даб'а существовало задолго до образования гиксосского царства. Население этого города, составлявшего ядро гиксосского государства, имело, видимо, ближневосточное происхождение.

В результате раскопок выяснено, что самое древнее поселение в Телль Эль-Даб'а относится к периоду правления фараона XII династии Аменемхета I (1963–1934 гг. до н. э.). Находки грубо обожженной лепной керамики, указывают на контакты с регионом Сиро-Палестины в период СБВ I. Люди, основавшие это поселение, возможно, переселились в Телль Эль-Даб'а во время активизации экспедиций за металлом на Синай и торговых контактов с Левантом.

Присутствие ближневосточного населения в Телль Эль-Даб'а становится заметным в конце XII–начале XIII династии. Это отразилось на архитектуре домов и в погребениях. На поселении были выявлены дома (раскоп F/I), дворец (F/II) и храмы, планы которых напоминают «дом с центральным залом» (Biatak 1996; ср. с Гонуром).

Погребения, относящиеся к этому периоду, располагались рядом с домами, что нехарактерно для Египта и в то же время указывает на сиро-палестинское происхождение похороненных в них людей. Важно отметить, что 50 % мужчин похоронено с сиро-палестинским оружием. Видимо, большинство населения Телль Эль-Даб'а составляли воины, выходцы из Сиро-Палестины. Традиция привлечения азиатских воинов в Египет засвидетельствована, по крайней мере, со времен Древнего царства. В ту пору их изображали на рельефах с характерным для них оружием. Во времена XII династии было построено отдельное поселение для азиатских воинов в Эллахуне около резиденции фараона Аменемхета III.

Погребения воинов в Телль Эль-Даб'а образуют особую группу хорошо устроенных элитарных гробниц. Похороненные в них люди, несмотря на свое ближневосточное происхождение, видимо, имели тесные контакты с египетской администрацией. Захоронения располагались в двух некрополях (d/2 и d/1) раскопа F/I. Более поздний некрополь (d/1) находился в саду дворца, где, скорее всего, жили высокопоставленные азиатские чиновники. Все гробницы являются прямоугольными сводчатыми камерными сооружениями из сырцового кирпича. Большинство их имеют ориентировку ВЮВ–ЗСЗ. Конструкция гробниц, в целом, соответствует египетским традициям (планировка, месторасположение в некрополе, внутренние размеры, использование «египетского локтя»). Однако погребальный инвентарь и скорченное положение умерших указывает на их чужеземное происхождение.

⁴⁶ Российские исследователи относят период владычества гиксосов в Северо-Восточном Египте к рубежу XVIII/XVII вв. до н. э. – началу XVI в. до н. э. (История Востока 1997: 175) (*прим. редакции*).

На поселении Телль Эль-Даб'а, кроме камерных гробниц, были еще и ямные могилы, прямоугольные или овальные цисты из необожженного кирпича с плоским перекрытием и детские захоронения в глиняных горшках (Fostner-Müller 2008).

Судя по погребальному инвентарю, женские погребения составляли 1/3 захоронений некрополя d/2. Согласно данным антропологии, женщины имели местное происхождение. Подобные особенности мужских и женских погребений зафиксированы в некрополе железного века Камид Эль Лоз (Левант).

Одной из черт погребального обряда, не имеющей аналогии в похоронном ритуале Древнего Египта, являются захоронения ослов, баранов и коз. Их погребения находят либо во входной яме, либо в отдельной яме около входа в гробницу. В некоторых случаях животных хоронили в отдельной яме, в которую помещали туши убитых животных, относящихся, видимо, к нескольким гробницам. Культовые захоронения животных у входа в гробницу, вероятно, имеют месопотамское происхождение (III тыс. до н. э.). Скорее всего, эта традиция распространилась в эпоху средней бронзы в Сирии и Палестине (Иерихон, Лахиш, Телль Акко, Телль Харор, Телль Эль-Аджул) и оттуда проникла в Египет (Телль Эль-Даб'а). Предполагается, что этот тип захоронений был присущ лишь главам караванов. В этой связи, следует отметить важную роль ослов в караванной торговле в рассматриваемом регионе. Их туши хоронили у входа в гробницы. Кроме того, в некрополе были т. н. жертвенные ямы, появившиеся в конце XIII династии, которые располагались у входа лишь в некоторые гробницы, но иногда были коллективными, относившимся ко всем погребенным. В них найдены остатки ритуальной пищи и преднамеренно разбитые сосуды. Большинство жертвенных животных представлено особями МРС.

В некрополях Телль Эль-Даб'а практиковался еще один культ не местного происхождения – захоронения слуг вдоль гробницы хозяина или перед ней. Речь идет о молодых девушках, которых, видимо, хоронили в то же время, что и хозяина. Похожие захоронения были известны в Месопотамии в первой половине III тыс. до н. э.

Погребальные приношения отражают богатство и статус умерших. Самой характерной частью инвентаря было бронзовое оружие азиатского происхождения периода СБВ ПА в Леванте (копья, топор, кинжал). Найдены также образцы оружия из серебра. В гробницах обнаружены сиро-палестинские украшения (браслеты из золота с аметистами) и медные пояса. В Телль Эль-Даб'а встречены керамические изделия с Кипра и Крита, а также изделия, характерные для минойской культуры.

Азиатское население в Телль Эль-Даб'а занималось, в основном, военной службой. Среди них были мореходы из Библа, вероятно, порта-партнера Авариса. Доказательством этого предположения является упоминание в письменных источниках о захваченных в Аварисе многочисленных судах, груженых кедром. Азиатские воины и мореходы вначале, вероятно, служили египетскому государству в качестве торговцев, начальников экспедиций и т. д. Со временем в результате ослабления центральной власти в Египте азиаты создали гиксосское царство. Будучи воинами, мореходами и торговцами, они стимулировали торговые контакты с окружающими регионами. Это определило экономическую основу гиксосского царства.

Итак, перед нами два торговых столичных центра, лежащих на путях международной торговли – Телль Эль-Даб'а и Гонур. В обоих поселениях отмечается сходство в материальной культуре (архитектура домов, погребения воинов, погребальные культы и др.). Говорит ли такое сходство об общем их происхождении? Их элиту частично составляли воины-торговцы. Уже доказано, что в Телль Эль-Даб'а они являлись пришельцами из Сиро-Палестины и Леванта. Были ли пришельцы из этого региона и в Гонуре? Как они могли стать элитой общества? Какими путями они там оказались? Все это – пока вопросы, открытые для дальнейшего исследования.

Дубова 2004 – Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации: Сб. статей к 75-летию В. И. Сараниди. М., 2004. С. 254–281 (ТМАЭ. Т. 1).

- История Востока 1997 – История Востока. Т. I. Восток в древности / Под ред. В. А. Яacobсона. М., 1997.
- История древнего Востока 1983 – История Древнего Востока / Под ред. И. М. Дьконова. М., 1983. Ч. 1.
- Кирчо 2010 – *Кирчо Л. Б.* К вопросу об экономической основе расцвета маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации: Сб. статей к 80-летию В. И. Сарианиди. СПб, 2010. С. 38–43 (ТМАЭ. Т. 3).
- Сарианиди 1990 – *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди 1993 – *Сарианиди В. И.* В поисках страны Маргуш. М., 1993.
- Сарианиди 2001a – *Сарианиди В. И.* Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане // Мировоззрение древнего населения Евразии: Сб. статей. М., 2001. С. 257–318.
- Сарианиди 2001б – *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001 (на русск. и англ. яз.).
- Сарианиди 2002 – *Сарианиди В. И.* Маргуш: Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Сарианиди 2005 – *Сарианиди В. И.* Гонур-депе, город царей и богов. Ашхабад, 2005.
- Сарианиди 2006 – *Сарианиди В. И.* Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2. С. 155–192.
- Bietak 1996 – *Bietak M.* Avaris, The Capital of the Hyksos and Residence of Early 18th Dynasty. Recent Excavations. London, 1996.
- Bietak 2010 – *Bietak M.* From Where Came the Hyksos and Where did They Go? // Martée M. (ed.). The Second Intermediate Period (Thirteenth–Seventeenth Dynasties): Current Research, Future Prospects. Leuven; Paris; Wapole, 2010. P. 139–182 (Orientalia Lovaniensia Analecta. 192).
- Forstner-Muller 2008 – *Forstner-Muller I.* Tell El-Dab'a XVI: Die Gräber des Areals A / II von Tell El-Dab'a. Wien, 2008 (Denkschriften der Gesamtakademie. Bd. 44).
- Francfort, Temblay 2010 – *Francfort H, Temblay X.* Marashi et La civilisation de l'Oxus // Iranica Antiqua. 2010. Vol. XLV. P. 51–224.
- Schiestl 2002 – *Schiestl R.* Some Links between a Late Middle Kingdom Cemetery at Tell El-Dab'a and Syria-Palestine: The Necropolis of F/I, Strata d/2 and d/1 (= H and G/4) // The Middle Bronze Age in the Levant. Proceedings of an International Conference on MB IIA Ceramic Material. Vienna, 2002. P. 329–352.

Н. А. Аванесова (Самарканд, Узбекистан)

Своеобразие культурно-исторических процессов Зеравшанского бассейна

Бассейн р. Зеравшан является обширным регионом среднеазиатского междуречья, где сосредоточено значительное количество разновременных памятников. В эпоху палеометалла здесь сложились две зоны производственной специализации (зона с преобладанием земледелия и зона с преобладанием животноводства), у которых хозяйство сочеталось с металлургией, ориентированной на местное сырье. Население каждой из этих областей представляло собой культурное единство, где одинаково сильным было влияние и Севера, и Запада, и Юга, отразившееся в археологическом материале.

Исследования древностей эпохи палеометалла в Зеравшанском бассейне позволяют рассматривать его как поликультурный регион. Особенность этой историко-культурной области вызвана сложными процессами интеграционного характера, в которых принимали единовременное участие несколько разных культур, что объясняется как природно-географическими факторами, так и особенностями культурно-исторического развития буферной зоны (по В. С. Бочкарёву). С проблемой своеобразия древних памятников связан вопрос об этнокультурных контактах древнего населения Зеравшана с соседними областями и более отдаленными регионами Евразии. Показательны в этом плане Саразмский, Тугайный, Жуковский, Сазаганский комплексы (Исаков 1991; Аванесова 1995; 2010; Аванесова, Джуракулова 2008). Важными факторами, способствовавшими сложению зеравшанской культурно-географической области, определившим ее историческую роль в древности, явилось наличие минерально-сырьевой базы и расположение в центре Евразийского континента. Они в значительной мере определили облик и пути развития палеометаллических

культур. Начиная с раннего палеолита, в регионе сохранялась преемственность культур каменного века, но экспансия сюда в IV тыс. до н. э. из Геоксюрского оазиса (Юго-Восточный Туркменистан), а позднее – пастушеских групп ямно-афанасьевского типа внесли существенные изменения в процессы культурогенеза Зеравшанского региона.

История Зеравшанского края в IV–II тыс. до н. э. предстает как непрерывная смена родственных, но генетически не связанных культур. Здесь мирно сосуществовали местные жители и пришлые группы населения с различным хозяйством. Своеобразие археологических памятников указывает на динамику культурно-исторических процессов.

К настоящему времени реестр археологических древностей эпохи бронзы существенно расширился и составляет более 50 объектов, причем многие материалы не введены в научный оборот. Произведенный подсчет не исчерпывает действительного количества памятников за счет незафиксированных находок. Древности представлены несколькими информационными блоками: места проживания (поселения, остатки жилища, развешенные стоянки, производственные участки); погребальные памятники (могильники, отдельные погребения); ритуальные комплексы; производственные районы, связанные с горным делом (центры металлопроизводства и месторождения ювелирно-поделочных камней); отдельные местонахождения (материальные остатки без культурного слоя); случайные находки (сборы во время строительных и сельскохозяйственных работ). Растущее количество новых объектов отражает неоднозначность происходивших в регионе процессов. Анализ всего корпуса источников выявляет сложную мозаику культурных образований исследуемой зоны.

Исторический опыт свидетельствует о том, что важным фактором, определяющим форму хозяйства, образ жизни и расселение людей на ранних этапах развития общества, являлись природные условия. Из этого следует, что для лучшего понимания самобытности историко-культурных процессов необходимо ознакомиться с физико-географической средой изучаемого региона, проясняющей расселение древних обществ в бассейне Зеравшана. Установлено, что современное природное окружение оформилось в течение позднего плейстоцена–начала голоцена и не претерпело существенных перемен (Гранитов 1967: 23; Кесь 1958; Закиров 1955: 6–9; 1971: 11–19; Баратов 1977: 19–22; Тетюхин 1978: 46–47; Джуракулов, Мамедов 1986: Бабушкин, Когай 1975: 34–40; Мамедов 1982). Однако некоторые изменения зеравшанского рельефа (без смещения ландшафтных зон) происходили и в последующее время. Они были связаны, прежде всего, с водобеспеченностью Зеравшана, которая неоднократно менялась, отражая сложный ход локальных тектонических, и, особенно, палеоклиматических изменений (Джуракулов и др. 1992: 15).

Изложенное позволяет рассматривать современную географическую среду (с учетом литолого-геоморфологических и климатических условий), как близкую той, которая окружала обитателей Зеравшана в эпоху палеометалла.

Среди природных условий, способствовавших развитию хозяйственной жизни в бассейне Зеравшана, главное значение отводится самой реке. Ее длина составляет 781 км, площадь бассейна – 41,860 км². Направление реки примерно широтное и только в нижнем течении она несколько поворачивает к югу. Зеравшан имеет благоприятный для орошения режим стока, благодаря снеглодниковому питанию. Его долина с аллювиальными почвами переходит в среднем и нижнем течении реки в обширную равнину. В орогидрографическом и гипсометрическом отношении в бассейне Зеравшана различаются три природные области: Горный Зеравшан, Самаркандско-Пенджикентская котловина или Зеравшанская впадина и Низовье Зеравшана – континентальная дельта. Размещение природно-хозяйственных зон носит с глубокой древности оазисный характер, причем плотность освоения людьми бассейна Зеравшана не одинакова. Последняя зависела от биологических (почва, флора, фауна), минеральных (полезные ископаемые) и климатических (высотные гипсометрические отметки) ресурсов.

Горный или Верхний Зеравшан окаймляют южные склоны Туркестанского хребта, северные склоны Гиссарского и Зеравшанский хребет, расположенный параллельно между двумя первыми.

Протяженность этой области составляет 24,7 км, а площадь – 40,8 км² (Джуракулов, Мамедов 1986: 7). Горные хребты и их отроги имеют широтное или субширотное направление. Для Горного Зеравшана характерна вертикальная зональность. В его пределах абсолютная высота достигает на востоке 5301 м; между кишлаком Даштикозы и г. Пенджикентом расположена более низкая (1000 м) часть Горного Зеравшана. Здесь наблюдается чередование горных и долинных участков. Сложность рельефа обусловила довольно пестрый почвенно-растительный покров, который меняется по вертикальным поясам, имея свой набор видов и типов растительности. Сероземы являются основным зональным типом почвы. Регион охватывает большую часть богарных земель занятых пшеницей, ячменем, кунжутом и льном масличным. Специфические природные условия определили преобладание горно-пастбищного хозяйства.

На высоких предгорьях и склонах хребтов раскинулись горные степи, покрытые пырейно-разнотравной ассоциацией, зонтичным, диким ячменем. На восточных и западных склонах Туркестанского и Зеравшанского хребтов можно наблюдать арчу зеравшанскую и туркестанскую, барбарис, жимолость, кизильник. Есть злаки – ячмень, типчак. Луга высокогорий издавна использовались как летние пастбища (Баратов 1977: 93–98; Закиров 1955: 44–46). Природа гор богата и живописна не только обилием растительности, но и фауной. В пределах рассматриваемого пояса из копытных животных распространен бухарский дикий баран, сибирский козел или килик, встречается и винторогий козел. Для высокогорья характерны хищные животные – снежный барс и белокотный медведь.

Горный край Зеравшана богат полезными ископаемыми. В его недрах находятся значительные запасы цветных и редких металлов (золото, серебро, олово, свинец, цинк, вольфрам), нерудных и строительных материалов (полевошпат, графит, каолиновые глины, мрамор, гранит), поделочных камней – бирюза, лазурит, халцедон, оникс (Щербаков 1968; Раззаков 1997). Геологические и археологические свидетельства позволяют считать, что в юго-западной части Зеравшанского хребта, на высоте ок. 3000 м в эпоху бронзы велись разработки оловянно-медного месторождения Мушистон. Древние выработки эксплуатировали андроновцы (Бороффка и др. 2000: 81). В целом, горная часть Зеравшана представляла вполне пригодную для жизни людей территорию. Во второй половине II тыс. до. н. э. она была освоена андроновцами (могилиник Дашти-Казы, погребение Чорбог и отдельные находки). Свидетельств о более раннем проникновении людей в пределы описываемого микрорайона пока нет (Исаков, Потёмкина 1989; Якубов 1980: 168–170).

Самаркандско-Пенджикентская межгорная впадина охватывает среднюю часть Зеравшанского бассейна. Она вытянута в субмеридиональном направлении между западными отрезками отрогов Туркестанского и Зеравшанского хребтов. Протяженность ее от г. Пенджикента до Хазаринской теснины (западнее г. Навои) составляет ок. 230 км, а ширина в средней части достигает 60–65 км. Рельеф представляет собой сочетание равнин, предгорий и гор с преобладанием высотной зоны адыров. Последние охватывают возвышенности, с трех сторон окружающие равнинную часть долины Зеравшана и отделяют ее от вышележащей зоны гор. Западные отроги Туркестанского и Нуратинского хребтов, ограничивающие Зеравшанскую впадину с севера, распадаются на несколько горных массивов. На юге Зеравшанская впадина обрамлена горами и горными грядами, которые относятся к западной оконечности Зеравшанского хребта. В ее дно вложена речная долина с хорошо развитыми террасами по склонам. (Джуракулов, Мамедов 1986: 8–17).

Одна из характерных особенностей рельефа – лессовые равнины, прослеживаемые до г. Катакурмана. Они наиболее пригодны для освоения и удобны для искусственного орошения. Для земледелия благоприятны почвенные условия восточной части долины, где находятся обширные массивы сероземов и луговых аллювиальных почв, не требующие мелиорации и борьбы с засолением. В среднезеравшанской части бассейна ярко выражены зональные изменения ландшафта. По растительному покрову регион принадлежит к поясу адыров, за относительно небольшим исключением – пустынь на юге и гор на севере и юге. В пониженной части развит пойменный ландшафт с тугайной растительностью, представляющей густые заросли ивы, облепихи, джиды, туранга и

дикого винограда. Что касается травянистых растений, то они в большинстве образуют сообщества, относящиеся к лугово-болотному типу растительности. Это часть Зеравшанского бассейна наиболее благоприятна для развития земледелия. Здесь возделывают различные сельскохозяйственные культуры. В рассматриваемой области развиты и пустынные ландшафты межгорных равнин с осоково-мятликовой растительностью, распространенные в Санзарской и Нурагинской впадинах. Они пригодны для непродолжительного выпаса скота. Значительное пространство занимают степные ландшафты низкогорий и предгорий с осочковыми мятличниками и эфемероидными пырейниками. На склонах сильно расчлененных гор имеются заросли арчи, которые подверглись сильному воздействию человека. В прошлом арчевые леса занимали громадные площади (Закиров 1955: 43–46).

Разнообразие ландшафтов определяет своеобразие и многообразие животного мира. В непроходимых зарослях колючего чингиля и тамариска из копытных млекопитающих встречаются кабаны и бухарские олени. В тугаях обитают хищники – шакал, волк, лисица, камышовый кот, в подгорных равнинах и предгорьях водится косуля, сохранились антилопы-джейраны (Баратов 1977: 100–101; Зимица и др. 1968: 268–285).

К общей характеристике природных условий следует добавить, что в горах среднего Зеравшана имеются значительные минеральные и рудные ресурсы. В регионе известны месторождения и проявления золотоносных, сереброносных, медных, свинцовых, цинковых, оловянных, мышьяковых, висмутовых и железных руд. Они приурочены, главным образом, к основным горным массивам – Нуортау, Мальгузар, Каратюбе, Зиаэтдин, Зирабулак. Сырьевая база включает нерудные формы минерального сырья (полевой шпат, тальк, графит, цемент, каолиновый концентрат и др.), облицовочных (мрамор, гранит, ганч и т. д.) и поделочных (бирюза, халцедон, ониксы и др.) камней (Минерально-сырьевые ресурсы... 1976). На многих месторождениях отмечены многочисленные следы эксплуатации в древности. Так, комплексными геолого-археологическими работами партии «Древние выработки» Министерства геологии Узбекистана (1961–1975 гг.) в горах Нуортау зафиксировано множество отработанных в прошлом месторождений золота и бирюзы; в горах Мальгузар – следы разработки киноварных месторождений, меди и бирюзы, в Зиаэтдин-Зирабулакских горах – оловянных и серебряно-мышьяковистых руд; в горах Каратюбе – меди и бирюзы. Следует отметить, что обследованные древние выработки, шлаковые отвалы, остатки плавильных печей и рудничных поселений в большинстве своем функционировали с эпохи бронзы и эксплуатировались катакомбно-срубно-андроновскими рудознатоками и металлургами (Аванесова 2012; Аванесова и др. 2005: 17–27). Новые исследования позволяют полагать, что регион стал объектом экспансии из-за рудных источников.

Рассматриваемый микрорайон занимает ключевую позицию в бассейне Зеравшана. Здесь наиболее полно отражены следы взаимопроникновения различных культурных групп. Удобная для обитания эта часть долины на рубеже IV–III тыс. до н. э. была природным убежищем как для ранних земледельцев (Саразм), так и скотоводов (Жуков). Необходимо указать, что различия в занимаемых экологических нишах отразились на моделях экономики. Она носила комплексный характер, свидетельством чего являются: саразмский культурный комплекс, который развивался на основе земледельческо-скотоводческого хозяйства в сочетании с металлургией; пастушеские сообщества срубно-андроновского типа, также специализировавшиеся на горно-металлургическом производстве, направленном на освоение и переработку местных сырьевых ресурсов (горные выработки Карнаб, Тым, Лапас, Чангалли, Кочкарли и др.; поселения Тугайный, Медоми, Чакка и др.); памятники зеравшанской культурной провинции БМАК (сазаганское староречье, Зарча Халифа, Джам, Аксай и др.), свидетельствующие об использовании минерального ресурсного потенциала в торгово-обменных операциях. Указанные источники моделируют многоотраслевую систему экономики с производственной специализацией, направленной на внутрорегиональные и трансрегиональные культурные связи.

Низовья Зеравшана лежат в зоне континентальной дельты, представляющей собой систему разновозрастных конусов Зеравшана. Дельта расположена между западной оконечностью

Нуратинских гор и Амударьей, протягиваясь в широтном направлении на 260 км и занимая обширное пространство между горами Кульджуктау на севере и озером Денгизкуль на юге. Площадь этой области составляет ок. 34000 км². В ее пределах обособлено несколько субдельт и староречий. Своеобразие природной зоны низовьев Зеравшана определяется непосредственным влиянием Кызылкумов. Почвенно-биологические условия теснейшим образом связаны с палеографией и геоморфологией этого региона, а также с современным климатическим и гидрогеологическим режимом. Поэтому территория Низовьев Зеравшана делится на две различные зоны: оазисную (поливную) и полупустынную (пастбищную).

На лессовидных породах поливной зоны в условиях пустынного климата и под влиянием многовекового занятия земледелием формируются плодородные культурно-поливные почвы, отличающиеся от естественных наличием агроирригационного горизонта. В местах повышенного грунтового увлажнения вдоль Зеравшана формируются луговые почвы. В орошаемой зоне отдельными пятнами встречаются такыровидные и солончаковые почвы (Умаров 1964: 68; Гранитов 1967: 329). В полупустынно-пастбищной зоне преобладают песчаные и супесчатые сероземы, серо-бурые почвы, характерные для третично-меловых плато и останцев туранского плато.

Богатая ландшафтами пустыня Кызылкум, расположенная в растительном поясе чуль, входит в рассматриваемую область только своей юго-западной частью, которая, в основном, занята песками, закрепленными, преимущественно, иляково-белосаксауловыми ассоциациями. Значительная территория юго-западного участка Кызылкум представляет собой гипсовую пустыню с полыниками. Среди пастбищных кормовых растений представлены различные эфемероиды, охотно поедаемые скотом – песчаная осока (ранг), мятлик живородящий. Перечисленные виды растительности вегетируют посезонно, обеспечивая пастбищный выпас почти весь год (Гранитов 1967: 331). Наряду с домашними животными в полупустынной зоне во множестве водятся джейраны, зайцы, в заболоченной Минбулакской котловине – кабаны. Повсюду распространены сайгаки и красные лисы.

Характерно, что археологические памятники региона большей частью приурочены к массивам или островкам песков. К числу возможных причин, объясняющих тяготение древнего человека к местообитанию на песчаных субстратах, относится, видимо, не только высокая среднегодовая продуктивность развитой на них растительности, но и сравнительно равномерное распределение урожая по сезонам года, гарантировавшие круглогодичное присутствие в песках охотничье-промысловых животных и выпас домашнего скота. Важнейшим природным фактором, привлекавшим древнего человека в исследуемый район, считаются полезные ископаемые: кремь, халцедон, кварцит, медные руды, самоцветы – бирюза, мраморный оникс и др. Для понимания деятельности древнего населения рассматриваемой области особенно информативны разработки медных руд и многочисленные пункты с остатками медных плавок с комплексом керамического материала культур степной бронзы. Большая часть таких местонахождений сосредоточена в районе староречья Зеравшана – Дарьясай, Аякагитминской впадины и Кульджуктау (Максудов и др. 1975: 87–89). Важное место в древнем горном промысле на территории юго-западных Кызылкумов занимала добыча бирюзы (Виноградов и др. 1965; Пругер 1978).

На рубеже III–II тыс. до н. э. дельтовая часть Зеравшана оказалась занятой племенами культур степной бронзы. Наиболее отчетливо это демонстрируют районы Махандарьи и Гуджайли с археологическими комплексами культуры Заманбаба. Основу экономического уклада последней составляло пастбищное скотоводство с элементами приречного земледельческого и охотничьего хозяйствования. С середины II тыс. до н. э. отмечается высокая концентрация памятников андроновского круга. В районе сухого русла Гуджайли исследован могильник и остатки 12 стоянок. На Малом Тузкане известны две стоянки, а на Большом – пять. Остатки развешанных стоянок обнаружены по сухому руслу Махандарьи (Гулямов и др. 1966: 118–223).

Подводя некоторые итоги, отметим, что атипичные памятники Зеравшанского бассейна эпохи палеометалла – самостоятельный культурный феномен, обладающий внутренней динамикой. Естественно-географические условия, доступность ресурсного потенциала каждой из отмеченных

зон способствовали сложению и развитию многоукладного хозяйства. Оно формировалось, преимущественно, путем спонтанной трансформации на местном неолитическом субстрате. Генезис культур в каждом конкретном случае связан с локальным исходным компонентом поликультурного населения Зеравшана. Наблюдаемая картина жизнедеятельности, отражающая процесс специфического синтеза, отличается от процессов культуругенеза как в степном, так и земледельческом мире. Самым важным хозяйственно-культурным направлением зеравшанцев было освоение местных рудных залежей. В эпоху бронзы Зеравшанский край был одним из наиболее культурно интегрированных макрорайонов Средней Азии, где пересекались различные традиции и формировались несколько локальных образований типа БМАК и культур андроновского круга.

- Аванесова 1995 – *Аванесова Н. А.* Новое о проникновении пастушеских племен бронзового века в земледельческие оазисы // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Мат-лы пленума ИИМК РАН. 11–14 апреля 1995. СПб, 1995. С. 82–86 (АИ. Вып. 22).
- Аванесова 2010 – *Аванесова Н. А.* Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации: Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб, 2010. С. 334–364 (ТМАЭ. Т. 3).
- Аванесова 2012 – *Аванесова Н. А.* Древние горняки Зеравшана // Археология Узбекистана. 2012. № 1 (4). С. 3–35.
- Аванесова, Джуракулова 2008 – *Аванесова Н. А., Джуракулова Д. М.* Древнейшие номады Зеравшана // Культура номадов Центральной Азии: Мат-лы Междунар. конф. Самарканд, 2008. С. 13–33.
- Аванесова и др. 2005 – *Аванесова Н. А., Шайдулаев Ш. Б., Еркулов А.* К вопросу о культурной принадлежности джамских древностей эпохи палеометалла // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии: Мат-лы Междунар. конф. Самарканд; Бишкек, 2005. С. 12–33.
- Бабушкин, Когай 1975 – *Бабушкин Л. Н., Когай Н. А.* Природные территориальные комплексы юго-запада Средней Азии. Ташкент, 1975.
- Баратов 1977 – *Баратов П. Б.* Природные ресурсы Зеравшанской долины и их использование. Ташкент, 1977.
- Бороффа и др. 2000 – *Бороффа Н., Бубнова М., Вайсгербер Г., Луц Й., Парцингер Г., Перницка Е., Старшинин Д., Циерны Я., Якубов Ю.* Исследования в районе древних разработок олова в Северном Таджикистане (Мушистон и Такфон) // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 71–119.
- Виноградов и др. 1965 – *Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д.* Кызылкумская бирюза // СЭ. 1965. № 2. С. 114–134.
- Гранитов 1967 – *Гранитов И. И.* Растительный покров Юго-Западных Кызылкумов. Ташкент, 1967. Т. II.
- Гулямов и др. 1966 – *Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскарлов А. А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966 (Тр. Махандарьинского отряда Узбеккистанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Кн. 1).
- Джуракулов, Мамедов 1986 – *Джуракулов М. Д., Мамедов Э. Д.* Геология археологических памятников Зеравшана. Ташкент, 1986.
- Джуракулов и др. 1992 – *Джуракулов М. Д., Зуева О. В., Мамедов Э. Д., Трофимов Г. Н., Холматов Н. У.* Полевая практика Коратюбе. Самарканд, 1992.
- Закиров 1955 – *Закиров К. З.* Флора и растительность бассейна реки Зеравшан. Ташкент, 1955.
- Закиров 1971 – *Закиров П. К.* Ботаническая география низкогорий Кызылкума и хребта Нуратау. Ташкент, 1971.
- Зимина и др. 1968 – *Зимина Р. П., Панфилов Д. В., Турдаков Ф. А.* Животный мир // Средняя Азия. М., 1968. С. 268–285.
- Исаков 1991 – *Исаков А. И.* Саразм: К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе, 1991.
- Исаков, Потёмкина 1989 – *Исаков А. И., Потёмкина Т. М.* Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989. № 1. С. 145–167.
- Кесь 1958 – *Кесь А. С.* Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии // КСИЭ. 1958. Вып. 30. С. 5–17.

- Максудов и др. 1975 – *Максудов И. З., Киреев В. И., Шевцова Л. П., Пругер Е. Б.* Отчет по поискам, ревизии и оценке объектов благородных металлов по следам древних горных работ в Центральных Кызылкумах, Нуратинском и Чаткало-Куралинском регионах (по работам за 1974–1975 гг.) // Фонды «Самгеология», инв. № 1639. Самарканд, 1975.
- Мамедов 1982 – *Мамедов Э. Д.* Плювиалы и ариды в позднплейстоценовой и голоценовой истории пустынь СССР и сопредельных стран // Развитие природы в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 37–43.
- Минерально-сырьевые ресурсы... 1976 – Минерально-сырьевые ресурсы Узбекистана. Ташкент, 1976. Ч. I.
- Пругер 1978 – *Пругер Е. Б.* К проблеме Кызылкумов – одного из локальных древних горнопромышленных регионов Узбекистана // Материалы по истории, историографии и археологии: Сб. науч. тр. ТашГУ. Ташкент, 1978. № 556. С. 38–41.
- Раззоков 1997 – *Раззоков А. Р.* Древние рудники верховьев долины Зеравшана // 50 лет раскопок древнего Пенджикента: ТД науч. конф. 15–20 августа 1997 г. Пенджикент, 1997. С. 44–46.
- Тетюхин 1978 – *Тетюхин Г. Ф.* Палеогеоморфология территории Узбекистана в четвертичный период. Ташкент, 1978.
- Умаров 1964 – *Умаров М.* Ландшафты низовья Зеравшана и перспективы их хозяйственного освоения // Тр. Отдела географического факультета ТашГУ. Ташкент, 1964. Вып 3, № 251. С. 67–72.
- Щербаков 1968 – *Щербаков Д. И.* Полезные ископаемые // Средняя Азия. М., 1968. С. 30–38.
- Якубов 1980 – *Якубов С. Ю.* Работы Зеравшанского отряда в 1975 г. // АРТ. 1980. Вып. XV. С. 167–178.

В. А. Алёшкин (Санкт-Петербург, Россия)

К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага

Дата финального этапа периода Намазга VI на юге Туркменистана является предметом дискуссии. Различные исследователи помещают ее в интервале от последней четверти II тыс. до н. э. до начала I тыс. до н. э. (Массон 1959: 28; 1966: 169; 2006: 71; Пьянкова 1994: 147; Сариниди 1975: 26; 1990: 71, 74; Хлопин 1983: 55; Хлопина 1978: 18; Sarianidi 1998: 76, 78).

Решение этой проблемы тесно связано с датировкой инокультурной керамики, которая была обнаружена при раскопках некоторых анауских поселков времени Намазга VI в Южном Туркменистане. Такую посуду археологи вначале именовали тазабагьябо-андроновской (Массон 1956б: 312), андроновско-тазабагьябской (Массон 1956а: 251) или андроновской (Массон 1959: 98, 116). Затем Е. Е. Кузьмина, указав на сложность культурной идентификации данных сосудов, дала им название «керамика степного типа эпохи бронзы» (Кузьмина 1964: 147). Эта дефиниция стала общепринятой в отечественной и зарубежной науке.

Изучение упомянутых артефактов включает определение их стратиграфической позиции в напластованиях древнеземледельческих поселений, установление культурной атрибуции таких находок и, наконец, их синхронизацию с керамическими комплексами археологических культур степной зоны Евразии, что позволит датировать заключительную стадию периода Намазга VI.

Проанализируем в соответствии с этим подходом черепки степной посуды, обнаруженной во время раскопок поселения Теккем-депе, которое расположено в подгорной полосе Копетдага. Находки аналогичных сосудов, встреченные на других поселениях упомянутого региона, из-за ограниченного объема статьи не рассматриваются.

На Теккем-депе (рис. 1, I) фрагменты грубой лепной орнаментированной керамики, которую в настоящее время исследователи определяют как обломки посуды, типичной для племен, населявших в эпоху позднего бронзового века степную зону Евразии (Кузьмина 1964), были впервые обнаружены А. Ф. Ганялиным в 1952 и 1953 гг. (Ганялин 1956). Им были получены важные стратиграфические наблюдения о залегании этих черепков в культурных напластованиях памятника.

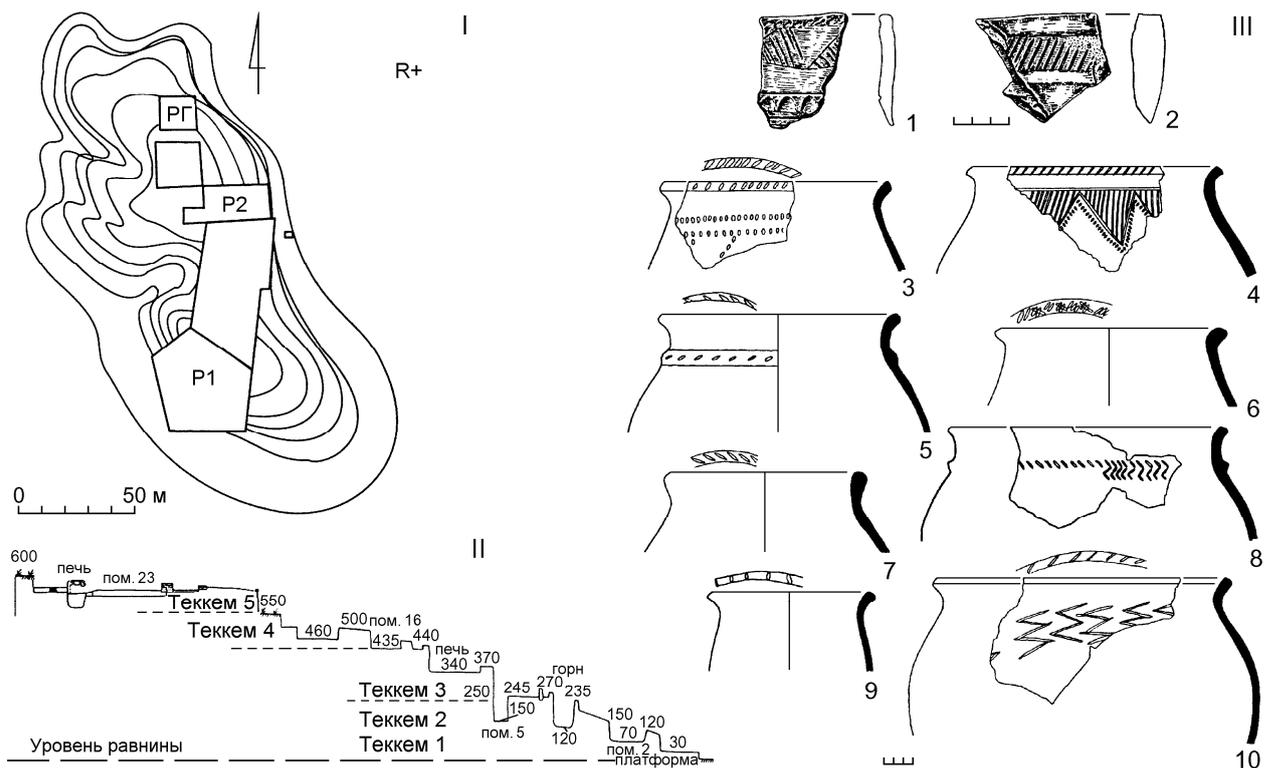

Рис. 1. Теккем-депе: I – план поселения (РГ – раскоп А. Ф. Ганялина; P1 и P2 – раскопы А. Я. Щетенко [по Щетенко, Кутимов 1999]); II – стратиграфический раскоп 1, верхняя часть разреза (С–Ю) юго-западного склона поселения (по Щетенко 1999); III – степная керамика (1–2 – раскоп 1, период Теккем 3, фрагменты алакульских сосудов [по Щетенко 1999]; 3–10 – раскопы 1 и 2, периоды Теккем 5 и Теккем 6, фрагменты саргаринско-алексеевских сосудов [по Щетенко, Кутимов 1999])

В основном раскопе (северо-восточная часть поселения) на глубине 0,2–0,4 м от нулевой отметки, были выявлены стены двух домов, которые существовали в течение двух периодов. Относящиеся к раннему времени полы комнат северного здания обнаружены на глубине 1,9 м от нулевой отметки, полы помещений позднего периода – на уровне 1,3 м. Связанные с ранним временем полы комнат южной постройки зафиксированы на глубине 1,8–1,85 м от нулевого репера, полы помещений позднего периода – на уровне 1,3–1,35 м. Сооружения раннего времени были оставлены их жителями, в результате чего на полах заброшенных комнат скопился мусор толщиной 30–35 см в северном доме и 25–30 см – в южном. Впоследствии оба дома были перестроены и жизнь на этом участке поселения возобновилась. Здания позднего периода были уничтожены пожаром, причем сгоревшие перекрытия построек рухнули, образовав на полах комнат горелый слой толщиной 10 см. Несколько обломков степной керамики лежали на полах комнат северного сооружения, которые функционировали в раннем периоде. Количество этих артефактов значительно возрастает в обоих домах на полах помещений, относящихся к позднему времени. Данные находки представлены также и в заполнении комнат над полами позднего периода. Таким образом, А. Ф. Ганялин обнаружил степную посуду, залегающую *in situ*, на различных уровнях культурного слоя времени позднего Намазга VI (Ганялин 1956: 71–73, 76–78, 84–85, рис. 9; Кузьмина 1964: 150; Массон 1959: 116).

Раскопки Теккем-депе, предпринятые в 1970–1980-е гг. А. Я. Щетенко (рис. 1, I), подтвердили и уточнили выводы А. Ф. Ганялина о стратиграфической позиции лепной орнаментированной посуды, выявленной на этом памятнике. В соответствии с данными, полученными А. Я. Щетенко при исследовании стратиграфического раскопа 1 (рис. 1, II), который был заложен в юго-западной, самой возвышенной части поселения, поселок существовал в течение пяти основных

периодов. Ранние периоды представлены большим, возведенным на мощной сырцовой платформе зданием, помещения которого вначале предназначались для жилья (Теккем 1), а после их перепланировки – для хозяйственных нужд (Теккем 2) (Щетенко 2000а: 132; 2000б: 261; 2001а: 231). Артефакты, найденные в этом сооружении, относятся ко времени раннего Намазга VI (Щетенко 2000а: 137; 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 106; 2006: 330). После того как здание перестали использовать по назначению, в его помещения начали сбрасывать различные отбросы, включая золу и угли. Постепенно участок, занимаемый домовладением, превратился в мусорную свалку. Бытовые отходы не только заполнили оставленные помещения, но и образовали над ними слой толщиной 0,8–1 м. Автор раскопок обозначил эти отложения как период Теккем 3, который, по его мнению, представлен средними слоями поселения и соответствует конечной фазе периода раннее Намазга VI (Щетенко 2000а: 132, 137–138; 2000б: 262; 2001а: 231; 2001б: 105; 2002а: 59–60; 2002б: 214; Щетенко, Кутимов 1999: 121).

В начальный период функционирования свалки, на уровне второго пола пом. 43 в заброшенном здании были обнаружены два алакульских черепка (рис. 1, III: 1, 2) (Кутимов 1999: 320; Щетенко 1999: 327, 329, рис. 3, 9, 10; 2000а: 132, 137–138; 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 106; 2002а: 59–60; 2002б: 214; Щетенко, Кутимов 1999: 118, 120–121, рис. 6, 1, 2).

А. Я. Щетенко отнес эти артефакты к XVI–XV вв. до н. э. (Щетенко 2000б: 261; 2001б: 106). Однако Е. Е. Кузьмина датирует алакульскую керамику в соответствии с традиционной хронологией этой культуры, которую она относит либо к третьей четверти II тыс. до н. э. (Кузьмина 1964: 152; 2008: 74), либо к XVI–XIII вв. до н. э. (Кузьмина 1988: 51; 1994: 232). В связи с этим следует указать, что за последние годы в Южном Зауралье были получены новые серии радиоуглеродных дат для закрытых комплексов доалакульских культур (синташтинской и петровской) андроновского круга, которые позволили синхронизировать их с первой четвертью II тыс. до н. э. (Епимахов 2010; Епимахов и др. 2005: 99). Поэтому алакульскую культуру, сменившую петровскую, также следует относить ко времени, более раннему, чем полагали прежде, а именно к XVII–XVI вв. до н. э. (Кутимов 2002: 197). Таким образом, степную керамику периода Теккем 3 следует датировать не позднее конца второй четверти II тыс. до н. э. и не ранее 1700 г. до н. э. Учитывая заключение Е. Е. Кузьминой о позднем алакульском возрасте степной керамики южных районов Центральной Азии (Кузьмина 2008: 77), упомянутые черепки периода Теккем 3, видимо, датируются рубежом XVII и XVI вв. до н. э. Эта абсолютная дата, вероятно, маркирует начало периода Теккем 3.

А. Я. Щетенко полагал, что структура рассматриваемого культурного слоя свидетельствует о том, что поселение было оставлено жителями (Щетенко 1999: 325; 2000а: 132; 2000б: 262; 2001а: 231; 2001б: 106), однако, с таким суждением нельзя согласиться. Если бы поселок был заброшен, то вряд ли поверх архитектуры периода Теккем 2 отложилась бы мусорная свалка. Археологический контекст, выявленный исследователем при раскопках напластования периода Теккем 3, свидетельствует лишь о перерыве в обживании данного участка памятника, а не всего поселения в целом.

Слой мусора, в свою очередь, перекрыт двумя последовательными периодами Теккем 4 и Теккем 5, для которых характерны однокомнатные дома. Находки, обнаруженные в помещениях обеих периодов, относятся ко времени позднего Намазга VI (Щетенко 1999: 325–326; 2000а: 133; 2000б: 261–262; 2001а: 231; 2001б: 106; 2006: 330). При раскопках жилищ периода Теккем 5 были найдены немногочисленные фрагменты орнаментированной степной керамики (рис. 1, III, 3–10), о культурной принадлежности которой будет сказано ниже (Щетенко 2000а: 138; 2000б: 262; 2001б: 106). А. Я. Щетенко датировал оба периода XIII–XII вв. до н. э. (Щетенко 2001б: 106).

Поверх домов периода Теккем 5 находится еще одно, самое позднее культурное отложение, в котором не удалось проследить жилую архитектуру. А. Я. Щетенко определил это напластование как период Теккем 6, который, по его мнению, синхронен финалу эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана (Щетенко 2000а: 138; 2000б: 262; 2001б: 105; 2002б: 216; 2006: 330). Данное отложение является кроющим слоем памятника.

В одной из публикаций исследователь подчеркивает, что в слое периода Теккем 6 впервые в большом количестве появляется степная керамика (рис. 1, III, 3–4, 6–7, 9–10) (Щетенко 2002б: 216), часть фрагментов которой имеет налепной валик (рис. 1, III, 5, 8) (Щетенко 2006: 330; Щетенко, Кутимов 1999: 116). Значительная часть черепков этой посуды залегает выше горизонта построек периода Теккем 5 (Щетенко 1999: 326, рис. 2: 3, 4, 327, рис. 3, 1–3, 5, 7–8; Щетенко, Кутимов 1999: 117–118, рис. 5; 6, 3–9). Рассматриваемые обломки сосудов были сосредоточены, видимо, на глубинах от 0 до 0,8 м от поверхности холма (Щетенко 1972: 530), хотя иногда они встречаются в толще культурного слоя Теккема вплоть до отметок 1,5–2 м от поверхности памятника (Щетенко, Кутимов 1999: 115). Такое распределение степной керамики в напластованиях поселения объясняется повреждением его кроющего слоя (период Теккем 6) многочисленными средневековыми погребениями (Там же). Именно потому, что в средние века холм использовали под кладбище и рыли в культурном слое памятника глубокие могилы, фрагменты орнаментированной лепной посуды периода Теккем 6 попадали иногда в отложения более раннего периода Теккем 5, где они, будучи переотложенными, выявлены, как отмечено выше, в заполнении оставленных комнат (Щетенко 2001б: 105).

Судя по наличию валика, эта степная керамика относится к саргаринско-алексеевской культурной традиции андроновского круга, которая распространилась в зоне азиатских степей в пост-фёдоровское время (Кузьмина 1988: 54; 2008: 74). Впрочем, следует отметить, что налепной валик на посуде культур андроновского круга появляется еще в позднее фёдоровское время (Кутимов 1999: 320; Щетенко 2000а: 138–139; 2000б: 262; 2001а: 231; Щетенко, Кутимов 1999: 119–120).

Вначале автор раскопок датировал период Теккем 6 на основании находок рассматриваемой посуды XII–XI вв. до н. э. (Щетенко 2001б: 107), но затем, видимо, в связи с удревнением хронологической шкалы культур, составлявших андроновскую общность, он синхронизировал финальный этап существования памятника с XIV–XIII вв. до н. э. (Щетенко 2000б: 262), поскольку саргаринско-алексеевскую керамику в настоящее время относят именно к этому времени (Кутимов 2002: 197; 2008: 175–177; Щетенко 2000б: 263). Однако учитывая тот факт, что завершение периода Теккем 3, вероятно, относится к концу XVI в. до н. э., периоды Теккем 4 и Теккем 5 следует датировать XV в. до н. э., т. е. более древним временем, чем предполагал А. Я. Щетенко.

Верхняя часть культурных отложений Теккем-депе была также вскрыта А. Я. Щетенко в центре поселения, в седловине, поверхность которой находится ниже возвышенных участков на севере и юге холма. На этой площадке, лежащей между раскопом А. Ф. Ганялина и стратиграфическим раскопом 1, был заложен планиграфический раскоп 2, где исследованы напластования периода Теккем 5. Здесь в заполнении заброшенных жилищ и дворов обнаружена степная керамика, характерная для саргаринско-алексеевской культуры (рис. 1, III, 3–4, 6–7, 9–10), в т. ч. и с налепным валиком (рис. 1, III, 5, 8). Находки черепков этой посуды на полах помещений очень редки. Обломки таких сосудов встречены и в ямах, вырытых в отложениях периода Теккем 5, видимо, в эпоху средневековья (Щетенко 1999: 326; Щетенко, Кутимов 1999: 115–116).

Стратиграфическая позиция степной керамики на раскопе 2 не исключает вероятности того, что она залегала здесь в переотложенном состоянии, будучи смытой с южного и северного всхолмлений памятника, кроющий слой которых был сильно поврежден средневековым кладбищем.

По мнению А. Я. Щетенко, поселение Теккем-депе было заброшено в конце периода Теккем 5, а напластования Теккем 6 были оставлены пришлыми племенами, использовавшими в быту саргаринско-алексеевскую керамику (Щетенко 2002б: 138–139; 2000б: 262). Об этом, с его точки зрения, свидетельствует появление в отложениях периода Теккем 6 степной посуды и открытие на раскопе 2 нижних частей ряда ямок, вырытых в натечно-надувных слоях вдоль восточной стены пом. 14. Эти углубления, как считает исследователь, указывают на то, что поверх пола заброшенного глинобитного жилища периода Теккем 5 была возведена какая-то конструкция, перекрытие которой покоилось на деревянных столбах (Щетенко 1999: 333).

К сожалению, на опубликованном плане раскопа 2 (Щетенко, Кутимов 1999: 116, рис. 4) упомянутые ямки не воспроизведены. Не помечены они и на сохранившейся в НА ИИМК РАН полевой документации, касающейся раскопок Теккем-депе. В связи с этим вывод автора о сходстве обнаруженных им в отложении финального этапа периода Намазга VI остатков деревянно-столбовой конструкции с жилищем, характерным для племен степной бронзы Евразии, представляется, по меньшей мере, преждевременным. К тому же общее количество саргаринско-алексеевской керамики Теккем-депе, находки которой, хотя и не единичны (не менее 215 фрагментов), но все же не являются массовым археологическим материалом (Там же: 116), не позволяют видеть в слое периода Теккем 6 долговременное поселение людей, проникших в подгорную полосу Копетдага из северных областей Центральной Азии. Напротив, природа последнего культурного напластования рассматриваемого памятника (остатки полностью разрушенных процессами дефляции глинобитных сооружений последнего строительного горизонта) соответствует структуре кроющего слоя древнеземледельческих городищ Южного Туркменистана.

Итак, степная саргаринско-алексеевская керамика анализируемого поселения, в основном, находится в его кроющем слое (стратиграфический раскоп 1, период Теккем 6), нарушение которого средневековыми захоронениями привело к тому, что часть фрагментов такой посуды оказалась в заполнении помещений и дворов нижележащего периода Теккем 5. Аналогичные черепки сосудов, обнаруженные на планиграфическом раскопе 2, возможно, были смыты дождями со склонов южного и северного всхолмлений, окружавших седловину холма, в которой располагался упомянутый раскоп.

Следует упомянуть о том, что в 1980 г. на Теккем-депе был произведен отбор образцов для радиоуглеродного датирования памятника. Все полученные даты, кроме одной, помещают поселение в III тысячелетие до н. э. (Зайцева и др. 1981: 45) и поэтому являются слишком ранними для периода Намазга VI.

Черепки степной посуды, найденные А. Ф. Ганялиным в заполнении домов, построенных, судя по глубинам их полов (1 м–1,35 м от нулевого репера), в период Теккем 5, принадлежали, вероятно, как и в исследованных А. Я. Щетенко раскопах 1, 2, носителям саргаринско-алексеевской культуры.

Несколько фрагментов степной керамики обнаружены А. Ф. Ганялиным на полах домов на глубине 1,8–1,9 м. Эти сооружения, скорее всего, были возведены в период Теккем 4. Однако, раскопки А. Я. Щетенко не выявили лепной керамики в его отложениях. Поэтому вопрос о синхронизации данных находок с периодом Теккем 5 или с периодом Теккем 3 остается открытым.

Все изложенное позволяет сделать вывод о том, что земледельческий поселок на Теккем-депе был заброшен в конце периода Намазга VI. Впоследствии, но еще в эпоху поздней бронзы, на двух самых возвышенных участках холма, северном и южном, появляются временные стоянки скотоводов, которые, скорее всего, разновременны. Судя по количеству степной керамики в кроющем слое памятника, обе стоянки существовали недолго. Поскольку обнаруженная на них посуда относится к XIV–XIII вв. до н. э., оставление Теккема земледельцами произошло ранее этого времени, вероятно, в конце XV в. до н. э. Именно с этой датой и следует синхронизировать завершение здесь периода Намазга VI. Таким образом, следы пожаров, выявленные на поселении А. Ф. Ганялиным, не могут свидетельствовать о насильственном захвате земледельческого поселка пастухами-скотоводами, как предполагалось ранее (Виноградова, Кузьмина 1986: 130; Ганялин 1956: 84; Кузьмина 1964: 150; 1988: 54; 1994: 238; 2008: 75).

В заключение еще раз подчеркну, что, судя по результатам раскопок Теккем-депе, финальный этап периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага следует датировать XV в. до н. э.

Ганялин 1956 – *Ганялин А. Ф.* К стратиграфии Намазга-тепе // ТрИИАЭ АН Туркменской ССР. Ашхабад, 1956. Т. II. С. 37–66 (Материалы по археологии Туркменистана).

- Виноградова, Кузьмина 1986 – *Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е.* Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 126–151.
- Епимахов А. В. 2010 – *Епимахов А. В.* Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2010.
- Епимахов и др. 2005 – *Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2005. № 4. С. 92–102.
- Зайцева и др. 1981 – *Зайцева Г. И., Марков Ю. Н., Щетенко А. Я.* Абсолютная хронология памятника эпохи поздней бронзы (Теккем-депе, Южная Туркмения) // Изотопные и геохимические методы в биологии, геологии и археологии: ТД регионального совещания. Лохусалу, 13–15 октября 1981 г. Тарту, 1981. С. 44–46.
- Кузьмина 1964 – *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков. М., 1964. С. 141–158.
- Кузьмина 1988 – *Кузьмина Е. Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. № 2. 1988. С. 35–59.
- Кузьмина 1994 – *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии: Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоариев. М., 1994.
- Кузьмина 2008 – *Кузьмина Е. Е.* Арии – путь на юг. М.; СПб, 2008.
- Кутимов 1999 – *Кутимов Ю. Г.* Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 314–322.
- Кутимов 2002 – *Кутимов Ю. Г.* Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазабагыябской культуры Южного Приаралья // Археологические вести. СПб, 2002. № 9. С. 191–203.
- Кутимов 2008 – *Кутимов Ю. Г.* Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 159–180.
- Массон 1956б – *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. Т. VII. С. 291–373.
- Массон 1956а – *Массон В. М.* Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа) // Там же. 1956. С. 233–259.
- Массон 1959 – *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М; Л., 1959 (МИА № 73).
- Массон 1966 – *Массон В. М.* Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 151–178.
- Массон 2006 – *Массон В. М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб, 2006.
- Пьянкова 1994 – *Пьянкова Л. Т.* Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // Инф. бюл. Междунар. Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1994. Вып. 19. С. 135–157.
- Сарианиди 1975 – *Сарианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2. С. 20–29.
- Сарианиди 1990 – *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Хлопин 1983 – *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы: По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.
- Хлопина 1978 – *Хлопина Л. И.* Намазга-тепе и эпоха поздней бронзы Южной Туркмении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978.
- Щетенко 1972 – *Щетенко А. Я.* Раскопки Теккем-депе и Намазга-депе // АО 1971 года. 1972. С. 529–530.
- Щетенко 1999 – *Щетенко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 323–335.
- Щетенко 2000б – *Щетенко А. Я.* Хронологические аспекты контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной бронзы евразийских степей // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: Мат-лы науч. конф. «75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга». 28–30 марта 2000 г. Ижевск, 2000. С. 260–263.
- Щетенко 2000а – *Щетенко А. Я.* К проблеме периодизации культуры Намазга VI // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб, 2000. С. 127–141.

- Щетенко 2001б – *Щетенко А. Я.* Финальные этапы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1998–1999 гг.: Кр. содерж. докл. СПб, 2001. С. 105–107.
- Щетенко 2001а – *Щетенко А. Я.* Стратиграфия – основа относительной периодизации эпохи бронзы Южного Туркменистана // БВВЕ. 2001. С. 230–233.
- Щетенко 2002а – *Щетенко А. Я.* Археологические комплексы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана (по материалам Намазга-депе) // Археологические вести. СПб, 2002. № 9. С. 51–64.
- Щетенко 2002б – *Щетенко А. Я.* Основные этапы разработки археологической периодизации эпохи поздней бронзы Средней Азии // Исторична наука: проблеми розвитку: Мат-ли Міжнар. наукової конф. (17–18 травня 2002 р.). Секція «Археологія». Луганськ, 2002. С. 204–223.
- Щетенко 2006 – *Щетенко А. Я.* О периодизации культур эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (к 100-летию экспедиции Р. Пампелли) // ЗВОРАО. Новая серия. СПб, 2006. Т. II [XXVII]. С. 317–345.
- Щетенко, Кутимов 1999 – *Щетенко А. Я., Кутимов Ю. Г.* Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Археологические вести. СПб, 1999. № 6. С. 114–123.
- Sarianidi 1998 – *Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.

Л. Б. Кирчо (Санкт-Петербург, Россия)

Север и Юг – встреча на Зеравшане

Одной из важнейших научных заслуг Михаила Петровича Грязнова является создание им археологической школы изучения Южной Сибири эпохи энеолита–раннего железного века, ярким свидетельством чего являются как настоящий сборник, так и другие издания и конференции его памяти (СЕДС 2002; 2003; ИЧ и т. д.). Как и десяткам других ленинградских археологов, мне посчастливилось слушать университетские курсы М. П. Грязнова, работать в Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР, а также принимать участие в раскопках кург. Аржана 1. Именно М. П. Грязнов учил нас, что в науке нет случайных фактов, любая, даже кажущаяся незначительной, деталь или находка должна быть изучена, по возможности, максимально полно и найти свое объяснение.

Настоящая заметка посвящена фрагменту керамики, случайно обнаруженному на поселении Саразм в верховьях Зеравшана (Таджикистан). Это поселение – выдающийся археологический памятник второй половины (последней трети) IV–III тыс. до н. э., изучалось в 1970–1990-х гг. А. И. Исаковым (с 1986 г. – совместно с французскими специалистами Р. Безенвалем, Б. Лионне и др.) (Исаков 1991а; 1991б; 1992; Раззоков А. 1994 – Besenval, Isakov 1989; Isakov, Lyonnet 1988; Lyonnet 1996),⁴⁷ а с конца 1990-х гг. археологические исследования в Саразме возглавляет А. Р. Раззоков (2008). В 2010 г. Саразм включен в перечень памятников мирового культурного наследия, охраняемого ЮНЕСКО. Многолетнее изучение Саразма показало, что здесь находился крупный раннеземледельческий центр с развитым строительным делом, металлургией и металлообработкой, гончарством и обработкой камня (Раззоков Ф. 2012). Поселение основано при непосредственном участии групп населения из Южного Туркменистана (Исаков 1991а; Кирчо 2007; и др.) и здесь уже в самом раннем комплексе Саразм I выявлены следы контактов с культурами Севера и Юга. Речь идет о некрополе, окруженном круглой каменной оградой, и совершенном в нем погребении (погр. 5, скелет 1) т. н. царицы Саразма (Исаков 1992). Каменная ограда некрополя, по мнению исследователей, отражает влияние энеолитической культуры ямно-афанасьевского круга (Avanessova 1996),⁴⁸ а в состав богатого инвентаря женского захоронения из погр. 5 входили, в т. ч.

⁴⁷ Здесь приведена лишь основная библиография исследований Саразма. Отчеты о раскопках регулярно публикуются в издании «Археологические работы в Таджикистане».

⁴⁸ О роли не только Саразма, но и Зеравшанской долины в целом как контактной зоны взаимодействий культур Севера и Юга в эпоху энеолита и бронзы, а также о многокомпонентности состава населения региона подробнее см. Аванессова

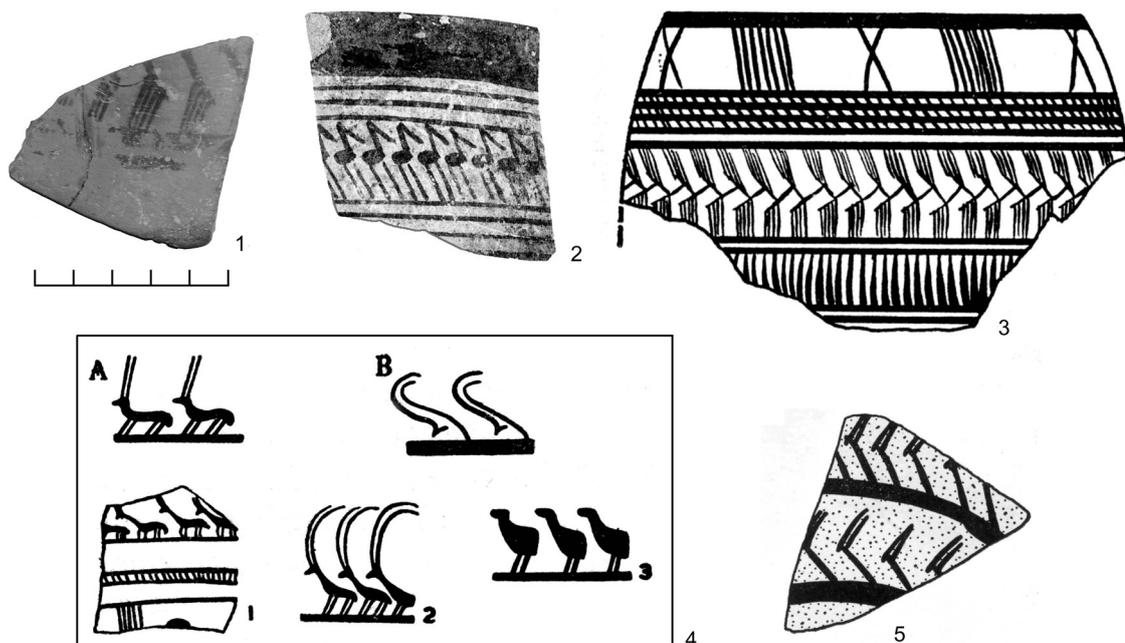

Рис. 1. Фрагменты расписной керамики:

- 1 – Саразм, Таджикистан (фото Ф. А. Раззокова); 2 – Тали Гап, Хузистан (по Egami, Sono 1962);
 3 – Сур Джангал, Северный Белуджистан (по Fairservis 1959); 4 – керамика типа Тогай А и В
 (по de Cardi 1965); 5 – Кили-Гул-Мохаммед III (по Fairservis 1956) (2–4 – без масштаба)

массивные браслеты из раковин Индийского океана и многочисленные мелкие бусины из обожженного стеатита – импорт из Северного Белуджистана.⁴⁹ В то же время данные о прямых контактах населения Саразма и населения Белуджистана в IV тыс. до н. э. отсутствовали. Дело в том, что украшения, как и металлические изделия в древности служили предметом многоступенчатого обмена. Единственным же индикатором непосредственных контактов для эпохи энеолита–бронзы является керамика. Так, заключение о приходе в долину Зеравшана группы населения из Южного Туркменистана сделано, в первую очередь, именно на основании многочисленных находок в Саразме расписной керамики т. н. геоксюрского стиля конца периода среднего–начала периода позднего энеолита (позднее Намазга II–раннее Намазга III).

Вернемся, однако, к интересующему нас фрагменту. Этот обломок керамики, обнаруженный на поверхности Саразма при сборе подъемного материала, был впервые опубликован Б. Лионне (Isakov, Lyonnet 1988: pl. I, 3), однако в сводной монографии исследовательницы (Lyonnet 1996) этот черепок, как и несколько других мелких обломков расписной посуды, не представлен. Фрагмент вторично был обнаружен нами при разборке коллекции поселения, которую производит в последние годы Ф. А. Раззоков. Это небольшой подтреугольный обломок средней части (тулова?) сосуда, орнаментированного расписным горизонтальным фризом в виде процессии идущих влево друг за другом, стилизованных изображений четырехногих козлов (рис. 1, 1). Роспись выполнена темно-коричневой краской.

Первое, что бросается в глаза, это высочайшее качество изготовления сосуда, который был сформован из тончайшей отмученной глины и равномерно обожжен до кремово-розоватого цвета. Толщина черепка составляет 2,5–3 мм. К сожалению, фрагмент сильно окатан и визуальных следов изготовления – ручную или на гончарном круге – не прослеживается. Однако сразу было видно, что этот обломок не имеет отношения к расписной керамике эпохи энеолита–ранней брон-

сова, Джуракулова 2008; Аванесова 2010; и др., а также статью Н. А. Аванесовой в настоящем сб.

⁴⁹ Технология обжига стеатита известна в Северном Белуджистане, начиная с неолита (Vidale 1990).

зы Южного Туркменистана и происходит из далекого южного центра, где было высоко развито гончарство. Первоначально я предположила, что это импорт из Хузистана (Юго-Западный Иран, район поселения Тали Бакун). Действительно, в материалах Тали Гап – небольшого поселения этого оазиса, обнаружались стилистические параллели росписи фрагмента, правда с изображениями идущих влево длинноногих птиц, вероятно, цапель (рис. 1, 2; Egami, Sono 1962: pl. XXXVI, 7–8). Эта керамика найдена в горизонте Тали Гап II позднего Убейда–раннего Урука, т. е. конца V–начала IV тыс. до н. э. Однако, после изучения литературы, выяснилось, что при публикации фрагмента Б. Лионне привела параллели ему из комплексов керамики памятников Белуджистана, исследованных Б. де Карди и У. Фэрсервисом (рис. 1, 4–5; de Cardi 1965: 129, fig. 10, 2; Fairservis 1956: 273, fig. 15) – Тогай А и Кили-Гул-Мохаммед III. Эти комплексы датируются в настоящее время серединой или первой половиной IV тыс. до н. э. и синхронизируются Б. Лионне с комплексом Мергар III (конец V–первая половина IV тыс. до н. э.). Соответственно французская исследовательница датирует наиболее ранние проявления булуджистанских связей в Саразме и основание самого поселения серединой IV тыс. до н. э. Недавно эти аргументы в пользу столь ранней датировки Саразма были повторены Ж.-Ф. Жаррижем в поддержку его гипотезы о белуджистанских корнях геоксюрского комплекса (Jarrige et al. 2011: 11).

Однако приводимые Б. Лионне параллели фрагменту керамики из Саразма не показались нам убедительными. Керамика Кили-Гул-Мохаммед III имеет яркий красный ангоб и черную роспись, а стиль изображений козлов и в Тогай А, и в Кили-Гул-Мохаммед сильно отличается от росписи черепка из Саразма (ср. рис. 1, 1 и 4–5). В то же время *абсолютная* аналогия рассматриваемому фрагменту в материалах раскопок В. Фэрсервиса в Северном Белуджистане имеется. Это довольно крупный обломок венчика и средней части глубокого с округлым туловом расписного сосуда из поселения Сур-Джангал в районе Зхоб (рис. 1, 3; Fairservis 1959: 393, no 84) комплекса Джангал II, синхронизируемого В. Фэрсервисом с комплексом керамики типа раннего Кечи-Бег (Ibid.: 365–366). Кстати, по мнению Б. Лионне, комплекс Джангал II предшествует керамике типа Кветта (Lionnet 1988: 41). Синхронизация же керамики типа Кветта, широко представленной и в материалах Мундигака III, 3–6, с комплексом времени Намазга III Южного Туркменистана уже давно проведена В. М. Массоном (1960: 30–32; 1964: 437; 1981: 110–111) и В. И. Сарияниди (1965: 49–50).

Таким образом, анализ аналогий обломку расписной посуды из Саразма показывает, что прямые контакты населения Саразма с населением Белуджистана (культура Зхоб) относятся к последним векам (последней трети?) IV тыс. до н. э. и что Саразм был, вероятно основан не ранее 3400-х гг. до н. э. (скорее 3300-х), т. к. самые ранние южнотуркменистанские импорты относятся к раннегеоксюрскому времени (период позднего Намазга II). Учитывая, что проявлению афанасьевских традиций в раннем комплексе Саразма должен был предшествовать определенный отрезок времени, становление этих традиций, вероятно, можно отнести к середине IV тыс. до н. э.

Аванесова 2010 – *Аванесова Н. А.* Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации: Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб, 2010. С. 334–364 (ТМАЭ. Т. 3).

Аванесова, Джуракулова 2008 – *Аванесова Н. А., Джуракулова Д. М.* Древнейшие номады Зеравшана // Культура номадов Центральной Азии: Мат-лы Междунар. конф. Самарканд, 2008. С. 13–33.

Исаков 1991а – *Исаков А. И.* Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы: Дис. ... докт. ист. наук в форме науч. докл. Л., 1991.

Исаков 1991б – *Исаков А. И.* Саразм: К вопросу становления древнеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе, 1991.

Исаков 1992 – *Исаков А. И.* Богатое женское захоронение из Саразма (Таджикистан) // Археологические вести. СПб, 1992. № 1. С. 64–75.

Кирчо 2007 – *Кирчо Л. Б.* Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 193–208.

- Массон 1960 (1961) – *Массон В. М.* Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1960 (1961). Т. X. С. 11–36.
- Массон 1964 – *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964.
- Массон 1981 – *Массон В. М.* Алтын-депе. Л., 1981 (ТЮТАКЭ. Т. XVIII).
- Раззоков 1994 – *Раззоков А. Р.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма (по экспериментально-трассологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1994.
- Раззоков А. 2008 – *Раззоков А.* Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). Душанбе, 2008.
- Раззоков Ф. 2012 – *Раззоков Ф. А.* Новые исследования поселения Саразм в Таджикистане // ЗИИМК. 2012 (в печати)
- Сарианиди 1965 – *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965 (САИ. Вып. БЗ-8, ч. 4).
- Avanessova 1996 – *Avanessova N. A.* Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan) au début de l'âge du bronze: Relations et influences mutuelles // Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan) ceramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris, 1996. P. 117–131 (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. VII).
- Besenval, Isakov 1989 – *Besenval R., Isakov A.* Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand // Arts Asiatiques. 1989. T. XLIV. Paris. P. 5–20.
- de Cardi 1965 – *de Cardi B.* Excavations and Reconnaissance in Kalat, West Pakistan – the Prehistoric Sequence in the Hurab Region // Pakistan Archaeology 1965, no 2. P. 86–182.
- Fairservis 1956 – *Fairservis W. A.* Excavations in the Quetta valley, West Pakistan. New York, 1956 (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. 45, part 2).
- Fairservis 1959 – *Fairservis W. A.* Archaeological survey in the Zhob and Loralai districts, West Pakistan. New York, 1959 (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. 47, part 2). P. 393, no 84, Djangal Painted, Variant 1.
- Egami, Sono 1962 – *Egami N, Sono T.* Marv-Dasht II. The excavation at Tall-i-Gap 1959. Tokyo. 1962 (The Tokyo University Iraq–Iran Archaeological Expedition. Report 3).
- Jarrige et al. 2011 – *Jarrige J.-F., Didier A., Quivron G.* Shahr-i Sokhta and the chronology of the Indo-Iranian regions // Paléorient. 2011. Vol. 37/2. P. 7–34.
- Isakov, Lyonnet 1988 – *Isakov A., Lyonnet B.* Ceramiques de Sarazm (Tadjikistan, URSS): Problèmes d'échanges et de peuplement à la fin du chalcolithique et au début de l'âge du Bronze // Paléorient. 1988. Vol. 14/1. Paris. P. 31–47.
- Lyonnet 1996 – *Lyonnet B.* (avec la collaboration de A. Isakov). Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris, 1996 (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. VII).
- Vidale 1990 – *Vidale M.* Early Harappan steatite, faience and paste beads in a necklace from Mehrgarh – Nausharo // East & West. 1990. No 39 (1–4). P. 291–300.

Л. М. Сверчков (Ташкент, Узбекистан)

К вопросу о происхождении и распространении катакомбного способа захоронения

В III тыс. до н. э. погребальные сооружения катакомбного типа распространяются по всей Евразии – в Причерноморье, странах Западного и Восточного Средиземноморья и даже в Восточной Сибири. География памятников с катакомбным способом захоронения предполагает единственно возможное объяснение – эпицентр происхождения этого уникального типа погребального устройства находился в центре Евразии, но не в северной, причерноморско-прикаспийской зоне, а к югу от Каспия.

Древнейшие в мире катакомбные захоронения были обнаружены в Северной Месопотамии при раскопках неолитического памятника халафской культуры (ок. 6000–5300 гг. до н. э.) Ярмтепе II (Северо-Западный Ирак). В нижних слоях поселения выявлены захоронения трех различных типов: трупосожжения, погребения отдельных черепов и труположения в катакомбах. Рядом с поселением был устроен специальный некрополь, причем во всех установленных случаях захоронения также совершались в катакомбах. Н. Я. Мерперт и Р. М. Мунчаев предполагают их происхождение от традиционного для халафской культуры круглого жилища с округлым перекрытием и входным дромосом (Мерперт, Мунчаев 1982).

После длительного перерыва, который может быть объяснен также отсутствием археологических данных, катакомбный обряд захоронения обнаруживается в Северо-Восточном Иране и Юго-Западном Туркменистане. Он соотносится с т. н. культурой серой керамики (Eastern Grey Ware culture), иногда называемой по имени знаменитого клада астрабадской. Появляется она во второй половине IV тыс. до н. э. и сосуществует с комплексом Намазга II–III. Так, в мог-ке Шахри Сохте (Юго-Восточный Иран) отмечаются два компонента: захоронения в кирпичных склепах, присущие культуре Намазга, и погребения в катакомбах и т. н. псевдокатакомбах (Tosi, Piperno 1975). Ближе к центру ареала культуры серой керамики, в Юго-Западном Туркменистане И. Н. Хлопин исследовал захоронения, аналогичные иранским, но более древние. На примере могильников долины р. Сумбар автор раскопок показал процесс трансформации погребальных сооружений – от полуподземных склепов в «псевдокатакомбы», а потом – и в катакомбы (Хлопин 1983: 59–64, рис. 14). В Юго-Западном Туркменистане, начиная с конца V тыс. до н. э., существовал единственный тип погребального сооружения – полуподземный склеп с боковым входом и деревянно-земляным перекрытием, который и явился прообразом будущих классических катакомб эпохи бронзы (Хлопин 1989: 126–127).

В таком выдающемся памятнике как поселение Саразм (Верхний Заравшан) выделяются те же две составляющие, что и на памятниках Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана. Археологический комплекс Саразма включает два компонента: доминирующие признаки анауской культуры расписной керамики периода Намазга II–III и существенный вклад культуры серой (или чернолощеной) керамики. В Саразме имеется и третий, компонент, указывающий на высокую степень контактов с кельтеминарской культурой. В слоях поселения Саразм периода II найден фрагмент типичного кельтеминарского сосуда с орнаментом по венчику, в т. ч. напоминающим оттиск шнура (Исаков 1991: 24, 81, рис. 26, 20; Lyonnet 1996, pl. V, 4). Фрагменты кельтеминарской керамики имеются в слоях поселения периодов III и IV (Исаков 1991: 90–91, рис. 4, 9–10; Lyonnet 1996: pl. V, 5–6), а в некрополе Саразма, в мог. 4 обнаружен сосуд конической формы, аналогичный кельтеминарским (Исаков 1992: 67). Форма этой посуды и ее орнаментация в виде полос коротких косых насечек или оттисков зубчатого штампа более всего напоминает керамику третьего этапа кельтеминарского неолита Лявляканских стоянок во Внутренних Кызылкумах, датируемого IV–первой половиной III тыс. до н. э. (Виноградов, Мамедов 1975: 223–224; см. также Parzinger 1997: 127–128).

Перечисленные три компонента, хотя в иных пропорциях, присущи и т. н. культуре Заманбаба, открытие которой вызвало оживленную дискуссию о ее хронологии и происхождении (Алёкшин 1989: 153–154). Культура Заманбаба представлена поселением с могильником, расположенным на южной окраине пустыни Кызылкум в нижнем течении Заравшана. В могильнике раскопаны захоронения в ямах и катакомбах (Кузьмина 1958: 24; Аскарлов 1962: 59–60; Гулямов и др. 1966: 119–129). Археологический комплекс поселения и мог-ка Заманбаба включает те же три компонента, что и в Саразме, причем с явным усилением кельтеминарской составляющей, что объясняется расположением памятника в ареале кельтеминарской культуры. Это проявляется, прежде всего, в типе жилища, изделиях из керамики и камня. Меньше всего вклад анауской культуры – это фрагмент расписного сосуда периода позднего Намазга IV и, отчасти, украшения. Основной составляющей археологического комплекса Заманбабы являются элементы культуры

серой керамики. Хотя в мог-ке Заманбаба был найден всего один фрагмент серолошенной посуды, здесь были обнаружены те же металлические изделия и, главное, тот же способ захоронения – в катакомбах.

Среди керамики культуры Заманбаба имеются т. н. кормушки – квадратные или прямоугольные плоские с боковым отделением в одном из углов (Кузьмина 1958: 25, рис. 1, 6; Гулямов и др. 1966: табл. VII, 1; XIV, 3–6). Такие же изделия характерны в эпоху поздней бронзы для погребений Северного Афганистана, точнее, Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Сарианиди 1979: 26–27, рис. 3–4). Некоторые исследователи считают эти вещи курильницами. А. А. Аскарлов отмечает аналогии подобным сосудам в афанасьевской и катакомбной культурах (Гулямов и др. 1966: 181–182). Сходство заманбабинских погребальных конструкций, многих форм сосудов и их орнаментов с материалами афанасьевской, ямной и, особенно, катакомбной культур несомненно (Латынин 1958: 49–50; Кузьмина 1958: 26–28). Отсюда происходит убеждение большинства исследователей, что культура Заманбаба – гибрид северных степных и южных земледельческих культур, а поскольку главным ее признаком является катакомбный обряд погребения, значит, преобладал северный компонент, что свидетельствует о проникновении племен катакомбной культуры в Среднюю Азию. Не так давно Ю. Г. Кутимов вполне убедительно обосновал датировку мог-ка Заманбаба ок. середины III тыс. до н. э., но, в свою очередь, также связал его происхождение с северными культурами, хотя и не с катакомбной, а с ямной (Кутимов 2005: 203–205).

Оба утверждения основаны на обычном подходе, при котором система доказательств выстраивается, отталкиваясь от известного, как правило, лучше известного или даже единственно известного. Под «известным» выступают плоды многолетних исследований ямной и катакомбной культур, хотя состояние проблемы происхождения их самих оставляет желать лучшего. Эта тенденция коснулась не только Средней Азии, но и других историко-культурных областей юга Евразии. Например, появление в эпоху бронзы катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе традиционно связывалось с продвижением племен из Юго-Восточной Европы на юг (Котович 1978: 55–56). На тот факт, что по кратчайшему пути на север в IV–III тыс. до н. э. передвигались огромные массы населения, указывают результаты раскопок поселения и катакомбного могильника начала III тыс. до н. э. Великент недалеко от Дербента. В материалах из поселения усматривается участие культуры восточной черно-серой керамики, а последовательные коллективные захоронения в катакомбах без курганных насыпей указывают на южное происхождение памятника (Kohl 2001; Kohl et al. 2002).

Для Средней Азии археологический комплекс Заманбаба свидетельствует о передвижении носителей культуры серой керамики в северо-восточном направлении. Учитывая круг аналогий, вряд ли стоит сомневаться, что поселение Заманбаба было основано выходцами из Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана, начавшими уже со второй половины IV тыс. до н. э. активные передвижения по всем направлениям. Насколько далеко они уходили можно видеть по находкам в Ферганской долине вещей южного происхождения (Массон 1966: 205–206, рис. 47). Ю. А. Заднепровский приводит перечень таких предметов из двух кладов, вероятнее всего, являющихся частью погребального инвентаря. Хакский клад 1894 г. состоял из шести металлических предметов, Афлатунский (1924 г.) – из нескольких металлических украшений, пастовых бус и девяти бронзовых человеческих фигурок (длиной 2,5–2,8 см) в остроконечных головных уборах. Все изделия являются типичными для культуры Северо-Восточного Ирана, где лучше всего известны по раскопкам Тепе Гиссара (период III). Из Ферганской долины происходят три бронзовых ножа-кинжала т. н. катакомбного типа, названные так потому, что характерны для катакомбной культуры, но в Средней Азии их обнаружили в слоях Анау периода III, возможно, периода II (Заднепровский 1962: 52–57). К той же группе случайных находок можно причислить эламскую каменную гирию или, как полагают некоторые исследователи, культовый предмет с изображением сплетающихся змей, обнаруженную в селении Сох на юге Ферганы (Альбаум 1992: 77, рис. 6; Brentjes 1971: 155; Winkelmann 2004).

Недавно в Ферганской долине удалось найти один из тех памятников, с которыми можно соотносить подобные находки. В Киргизии, на востоке Ферганской долины открыт пострадавший при земляных работах мог- Шагым. Археологи собрали часть находок из разрушенных погребений и определили контуры двух частично сохранившихся могил, причем одна из них, судя по описанию, была катакомбного типа. Исследователи обнаружили здесь фрагменты серолощеного сосуда, определили юго-западное происхождение комплекса и его связь с памятниками раннеземледельческих культур энеолита и эпохи бронзы (Аманбаева и др. 2006).

В целом, археологи преувеличили уровень аналогий этого могильника с более поздними материалами Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, которому Шагым не современник, не наследник, но, родственник, что подразумевается стандартным набором инвентаря и типом погребального сооружения. Е. Е. Кузьмина назвала открытие могильника «давно ожидаемой сенсацией», уверенно указав на его южное, точнее юго-западное происхождение, но включила Шагым в круг памятников чувствской культуры (Кузьмина 2009: 65). Однако обряд захоронения и инвентарь из него характерен не для чувствской культуры расписной керамики, находок которой в Шагyme вообще нет, а для культуры серой керамики юго-запада Средней Азии. Материалы из Ферганской долины ясно свидетельствуют о прямых связях людей, оставивших мог-к Шагым, с населением Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана. Промежуточными звеньями этой цепи являлись поселение и мог-к Заманбаба, а также, в какой-то степени, Саразм.

Еще одним таким звеном является Ордос, где были найдены типичные для культур юга Средней Азии бронзовые печати, в орнаменте и форме которых отображен мотив креста (Антонова 1988: 153–154). Сами по себе эти находки не могут прямо свидетельствовать о переселении людей, но вся совокупность разрозненных, на первый взгляд, фактов позволяет усматривать в распространении вещей юго-западного происхождения явную закономерность, особенно в связи с появлением на востоке Евразии катакомбного обряда захоронения.

Конечной точкой распространения катакомбного способа погребения стала Восточная Сибирь, где на территории Хакассии и Тувы ок. 2400 г. до н. э. внезапно появляется иная для тех мест окуневская культура (Görsdorf et al. 1998). Для нее характерны захоронения в грунтовых ямах с заплечиками и катакомбах, в антропологическом типе отмечается значительная доля монголоидного элемента, отсутствовавшего в предыдущей, афанасьевской культуре. Взамен афанасьевских курильниц с массивной ручкой появляются классические «катакомбные» без ручки и с камерой внутри резервуара, как у «кормушек» Заманбабы (см. Грязнов 1999; Лазаретов 1997). Недавно П. М. Кожин вновь привлек внимание к связям между культурами Средней Азии и Сибири. Это видно на примере палочек из кости со сложным геометрическим орнаментом, обнаруженных на юге Туркменистана (Алтындепе, Гонур) и в афанасьевских захоронениях на Енисее, по находкам серебра, миниатюрных стеатитовых головок и графическим изображениям на могильных плитах захоронений окуневской культуры (Кожин 2010: 138–139).

Я. А. Шер подметил в окуневском комплексе, казалось бы, абсолютную несовместимость невыразительного погребального инвентаря с богатой изобразительной традицией. Последняя отражает «мировоззрение скотоводов, в основе которого лежит общеиндоевропейский миф», а в изображениях на ряде предметов усматриваются истоки скифо-сибирского стиля. Объяснение bipolarности окуневской культуры и монголоидных черт ее носителей автор видит в симбиозе европеоидных степных скотоводов, предположительно, афанасьевцев, и монголоидных таежных охотников-рыболовов (Шер 2006: 250). Однако участие афанасьевцев в этом симбиозе не требовалось, выходцы из Юго-Восточного Прикаспия сами были европеоидными скотоводами, хотя, возможно, их антропологический облик уже несколько изменился после общения с народами Северного Китая и Монголии.

Что повлияло на трансформацию археологического комплекса южан по дороге в Сибирь и кто еще в глубинных просторах Центральной Азии был вовлечен в этот процесс, пока можно

только догадываться, но в керамике окуневской культуры, как раньше афанасьевской, прослеживается кельтеминарский след. Еще более отчетливые признаки кельтеминарской культуры видны в комплексе мог-ка Кээрмуци (фаза I) в юго-западных предгорьях Алтая. В результате повторного анализа материалов Кээрмуци было подтверждено наличие двух хронологических периодов. Первый из них (фаза I) относится к эпохе бронзы и датируется концом III–началом II тыс. до н. э., второй (фаза II) включает погребения эпохи раннего железа. Авторы исследования пришли к заключению, что культура Кээрмуци отличается от афанасьевской и окуневской культур, хотя, несомненно, имеет общие с ними черты, особенно с последней (Wei Ming Jia, Betts 2010). В качестве аналогий рассматривались исключительно сибирские материалы, но если бы авторы обратились к среднеазиатским, то могли бы заметить сходство культуры Кээрмуци с кельтеминарской.

Столь масштабные передвижения племен и народов обычно объясняют изменением экологии, что вполне справедливо в отношении кельтеминарской общности. Начиная с середины III тыс. до н. э., ее ареал довольно быстро превратился в то, что сегодня мы называем пустынями Каракумы и Кызылкумы. Что касается исхода из Южного Прикаспия носителей культуры серой керамики с катакомбным способом захоронения, то в этом случае климатический фактор не был решающим. Их расселение началось еще в конце IV тыс. до н. э. и происходило поэтапно, несколькими волнами, и только в конце III тыс. до н. э. они, оставив знаменитые клады в Горгане, вынуждены были покинуть свои коренные земли. Переселившись на восток, выходцы из Юго-Восточного Прикаспия положили начало новой культурно-исторической общности, названной БМАК (2100–1500 гг. до н. э.) и состоящей из трех локальных вариантов – прикопедагского, мургабского и дашлы-сапаллинского. На окраине бывшего ареала осталась только малая часть культуры серой керамики (юго-запад Туркменистана), представленная могильниками долины р. Сумбар. Здесь уклад хозяйства и преемственность катакомбной традиции не нарушались в течение многих столетий, начинаясь, по меньшей мере, с конца IV и вплоть до середины II тыс. до н. э.

Таким образом, опираясь на археологические материалы Средней Азии, нельзя объяснить происхождения катакомбного обряда на ее территории в результате воздействия степных культур. Но если допустить обратную возможность – сложение его на юге с последующим распространением на север, то получит объяснение внезапное появление катакомбных культур в самых разных частях Евразии. В отличие от степей Севера, в Южном Прикаспии катакомбный способ захоронения имеет свои корни.

- Алёкшин 1989 – *Алёкшин В. А.* Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит-эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата., 1989. С. 150–157.
- Альбаум 1992 – *Альбаум Л. И.* Некоторые культовые предметы в экспозиции Музея истории народов Узбекистана (эпоха камня и бронзы) // *Времен связующая нить* (по материалам музейных фондов). Ташкент, 1992. С. 68–82.
- Аманбаева и др. 2006 – *Аманбаева Б. Э., Рогожинский А. Е., Мэрфи Д.* Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Кыргызстан) // *Археологические исследования в Узбекистане*. Ташкент, 2006. Вып. 5. С. 256–265.
- Антонова 1988 – *Антонова Е. В.* Бронзовый век // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Очерки истории*. М., 1988. С. 136–155.
- Аскарлов 1962 – *Аскарлов А. А.* Культура Заман-баба в низовьях Зеравшана // *Общественные науки в Узбекистане*. Ташкент, 1962. № 11. С. 59–65.
- Виноградов, Мамедов 1975 – *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан: Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. М., 1975 (Мат-лы Хорезмской экспедиции. Вып. 10).
- Грязнов – *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб, 1999.
- Гулямов и др. 1966 – *Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскарлов А. А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966 (Тр. Махандарьинского отряда Узбекстанской археологической экспедиции АН УзССР. Кн. I).

- Заднепровский 1962 – *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962 (МИА. № 118).
- Исаков 1991– *Исаков А. И.* Саразм: К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе, 1991.
- Исаков 1992 – *Исаков А. И.* Богатое женское погребение из Саразма (Таджикистан) // Археологические вести. СПб, 1992. № 1. С. 64–75.
- Кожин 2010 – *Кожин П. М.* Новый этап первобытной и раннеисторической археологии Средней Азии // На пути открытия цивилизации: Сб. статей к 80-летию В. И. Сарианиди. СПб, 2010. С. 135–143 (ТМАЭ. Т. 3).
- Котович 1978 – *Котович В. Г.* Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II. С. 54–61.
- Кузьмина 1958 – *Кузьмина Е. Е.* Могильник Заманбаба (К вопросу о культурных связях населения долины нижнего Зеравшана в III–II тысячелетиях до н. э.) // СЭ. 1958. № 2. С. 24–33.
- Кузьмина 2009 – *Кузьмина Е. Е.* Кыргызстан – центр распространения культурных влияний Запада в Синьцзяне // Древность: историческое знание и специфика источника. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. 14–16 декабря 2009 г. М., 2009. Вып. IV. С. 65–67.
- Кутимов 2005 – *Кутимов Ю. Г.* Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // Археологические вести. СПб, 2005. № 12. С. 188–208.
- Лазаретов 1997 – *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // ОС. 1997. Вып. 1. С. 19–64.
- Латынин 1958 – *Латынин Б. А.* О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы // СА. 1958. № 3. С. 46–53.
- Массон 1966 – *Массон В. М.* Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 76–92.
- Мерперт, Мунчаев 1982 – *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 28–49.
- Сарианиди 1979 – *Сарианиди В. И.* К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 23–28.
- Хлопин 1983 – *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам Сумбарских могильников). Л., 1983.
- Хлопин 1989 – *Хлопин И. Н.* Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) // СА. 1989. № 3. С. 113–130.
- Шер 2006 – *Шер Я. А.* Была ли Окуневская культура? // ОС. 2006. Вып. 2. С. 248–250.
- Brentjes 1971 – *Brentjes B.* Ein elamitischer Streufund aus Soch, Fergana (Usbekistan) // Iran. 1971. Vol. IX. P. 155–157.
- Görsdorf et al. 1998 – *Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leont'ev N.* Neue 14C-Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // EA. 1998. Bd. 4. S. 73–80.
- Kohl 2001 – *Kohl Ph. L.* Migrations and Cultural Diffusions in the Later Prehistory of the Caucasus // Migration und Kulturtransfer: Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23.–26. November 1999. Bonn, 2001. P. 313–327.
- Kohl et al. 2002 – *Kohl Ph. L., Gadzhiev M. G., Magomedov R. G.* Between the Steppe and the Sown: Cultural Developments on the Caspian Littoral Plain of Southern Dagestan, Russia, 3600–1900 BC // Ancient interactions: east and west in Eurasia: McDonald Institute Monographs. Cambridge (Mass.), 2002. P. 113–128.
- Lyonnet 1996 – *Lyonnet B.* Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Avec la collaboration de A. Isakov et la participation de N. Avanessova. Paris, 1996 (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. VII).
- Parzinger 1997 – *Parzinger H.* Choresmien zwischen Džanbas und Tagisken probleme der Bronzezeit südlich des Aral-Sees // *Χρόνος*: Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. Marburg, 1997. S. 125–141.

- Tosi, Piperno 1975 – *Tosi M., Piperno M.* The Graveyard of Šahr-e Sūxteh (A presentation of the 1972 and 1973 campaigns) // *Proceedings of the IIIrd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran*, 2nd–7th November 1974. Tehran, 1975. P. 121–141.
- Wei Ming Jia, Betts 2010 – *Wei Ming Jia P., Betts A. V. G.* A re-analysis of the Qiemu'erqieke (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China // *JIES*. 2010. Vol. 38, nos 3–4. P. 275–317.
- Winkelmann 2004 – *Winkelmann S.* Betrachtungen zu einigen neuen Kult-Objekten im “intercultural style” aus den Funden von Jiroft und dem Museum in Tabriz sowie zum Becher von Karašam // *Morgenländische Altertümer: Studien aus dem Institut für Orientalische Archäologie und Kunst*. Herausgegeben von Markus Mode. Hallesche Beiträge zur Orientwissenschaft. Halle (Saale), 2004. Bd. 37. S. 135–179.

А. А. Ткачёв (Тюмень, Россия)

Погребальный обряд степного населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы⁵⁰

Эпоха бронзы стала переломной в развитии древнего общества. Распространение металлургического производства не только ускорило социально-экономические процессы, но и окончательно предопределило переход к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству. Изменяется социальная структура общества, мировоззренческие представления, расширяется культурная сфера. Поэтому одной из наиболее сложных проблем, возникающих при реконструкции исторических процессов, является воссоздание социальной организации древних сообществ, ряд аспектов которой отражены в погребальном обряде.

В степях Центрального Казахстана исследовано множество погребальных памятников, давших представительный комплекс среднебронзовых⁵¹ атасуских погребальных объектов. Преобладающая часть могильников, изученных на территории Сары-Арки, приурочена к предгорным зонам или высоким водоразделам Казахского мелкосопочника, располагаясь на высоких открытых площадках, на возвышенностях коренных террас или на склонах сопок, вплотную примыкающих к реке и господствующих над окружающей местностью.

Исследование погребальных объектов показало, что атасуские общины почти полностью отказались от традиции курганных захоронений, характерных для предшествующего нуртайского времени. В основе их погребальных конструкций лежит ограда из каменных плит, поставленных в канавки на ребро. Значительная часть оград имеет от одной до девяти пристроек. Исследовано около 40 погребальных памятников, содержащих свыше 700 захоронений. Это свидетельствует о том, что просторы Сары-Арки в атасуское время являлись одной из самых плотно заселенных территорий Урало-Казахстанского региона.

Ограбление большинства памятников затрудняет воссоздание многих деталей погребальной обрядности, но, судя по остаткам скелетов и наличию отдельных костей в ограбленных могилах, основная часть захоронений совершалась по обряду ингумации (77,3 %). Преобладают одиночные захоронения, реже парные (дети, женщины с детьми, мужчины и женщины), единичны тройные захоронения (дети, взрослые с детьми). Погребенных всех возрастных групп помещали в могилы в скорченном положении, в основном, на левом боку (87,8 %). В парных и, как исключение, в одиночных погребениях женщины лежат на правом боку лицом к мужчине. Ориентированы погребенные, преимущественно, на З (41,9 %), с отклонениями на ЮЗ (34,2 %) или

⁵⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект № 0624 ГФ «Культурогенез населения Казахстана эпохи бронзы и раннего железного века».

⁵¹ Атасуские памятники алакульской культурной провинции отнесены А. А. Ткачёвым к периоду средней бронзы. Однако большинство исследователей относят алакульские древности к ПБВ (*примеч. редакции*).

СЗ (14,3 %). Значительно реже представлена ориентация головой на С или Ю; крайне редко фиксируется направление на В.

В рассматриваемой выборке велика доля абсолютно пустых могил, где отсутствуют скелеты (19,8 %). Вероятно, в атасуской среде, как и в других регионах алакульской культурной провинции (Матвеев 1997: 15–16; 1998: 200–204; Потёмкина 1885: 263; Стоколос 1972: 39; Усманова 1992: 104), существовал обычай (как и в более раннее время – Генинг 1977: 62–63; Генинг и др. 1992: 132, 134, 208) заранее готовить могилу для некоторых членов общества. В то же время, в могилу не всегда могли помещать погибшего на стороне, а занимать гробницу, подготовленную для другого, было нежелательно.

Практически во всех атасуских оградах обнаружены остатки поминальных приношений, помещенные в дерн или в небольшие углубления в материке (Маргулан и др. 1966: 104–112; Кадырбаев, Курманкулов 1992: 70, 94). Наиболее многочисленную группу поминальных комплексов образуют отдельно стоящие сосуды или разделанные части туш КРС и МРС, помещенные в могилу, на перекрытие или оставленные рядом с ней. Значительно реже отмечается сочетание сосуда с костями животных, при этом поминальное жертвоприношение обычно располагалось у плит ограждения, снаружи или внутри ограды. В алакульских памятниках Притоболья и Северного Казахстана жертвенными животными также являлись преимущественно взрослые особи КРС и МРС (Зданович 1988: 66–67, 73; Потёмкина 1985: 163, 175, 183, 220, 255; Матвеев 1998: 204–214; Сальников 1952: 53–63).

Появление погребальных сооружений в евразийских степях явилось результатом победы производящего хозяйства, усложнения религиозно-идеологических функций рода. В зависимости от типа хозяйства род мог существовать как группа совместно живущих людей, либо родство мыслилось идеально, а основные функции несла группа семей. Г. А. Марков, исследовавший скотоводческие народы Евразии, подчеркивал, что «коллективное, общинное содержание скота невозможно при отгонном пастушеском скотоводстве, при низком уровне развития производительных сил и разделения труда. <...> скот мог находиться только в индивидуальной семейной (а позднее частной) собственности» (Марков 1980: 21). Если частная собственность появляется только при становлении раннегосударственных образований, то индивидуально-семейную собственность следует понимать как собственность большесемейной общины. Очевидно, в степных районах в алакульско-атасуских общинах, где основным направлением хозяйственной деятельности было скотоводство, род не мог быть производственной единицей. Сходное положение, по этнографическим данным, занимал род у народов Сибири, где в силу природно-географических условий, хозяйственной ячейкой являлась большесемейная община демократического типа – братская семья, а роды сохраняли лишь религиозно-идеологическое значение (Гемуев 1984: 119–120).

Детские могилы повторяют погребения взрослых как по типу могильных сооружений – грунтовая яма, ящик, спаренный ящик, так и по особенностям обряда захоронения – на левом и правом боку, одиночные, парные, кремация. Ориентировка у детских могил неустойчива, что можно объяснить менее строгой регламентацией детской погребальной обрядности. По особенностям расположения могил можно выделить несколько групп детских захоронений: в насыпи кургана, совместно со взрослыми в одной оgrade, за оградой, в отдельной пристройке. Исключением из общего правила является ограда 18 мог-ка Майтан, имеющая девять пристроек и содержащая 19 детских и две взрослые могилы (в одной находилось погребение женщины, вторая – женский кенотаф), причем последние вторичны и расположены в наиболее поздних пристройках. Близкое по основным особенностям погребальное сооружение с детскими могилами изучено в Семиречье в мог-ке Каракудук (Максимова 1961: 62–71, рис. 1). Общее количество детских погребений в атасуских памятниках – от 5 до 42 %, что может объясняться как недостаточной изученностью отдельных памятников, так и существованием отдельных детских кладбищ, известных не только у петровского, но и у алакульского населения. С установлением прочных брачных уз и усилением индивидуального биологического родства в атасуском погребальном обряде возникают многочис-

ленные пристроечные комплексы, где детей захоранивали со взрослыми в отдельных оградах и пристройках. В Зауралье и Северном Казахстане в алакульских общинах появляются большесемейные усыпальницы: вокруг центральных погребений взрослых подхоранивали по окружности в один-два ряда женщин, подростков, детей (Потёмкина 1985: 199, рис. 58, 86; Сальников 1952: 62–63, рис. 2, 4; Матвеев 1998: рис. 9, 1). Все это свидетельствует не только о существовании дифференцированного подхода к умершим, но и существовании различных представлений о градациях жизненного цикла или возрастных рангах. Можно допустить, что у различных андроновских групп, занимавших огромные пространства, существовали и различные возрастные критерии при определении ступеней социализации в детском возрастном классе.

Погребения взрослых являются основными в атасуских погребальных комплексах, но их социальное членение затруднено вследствие разнообразия надмогильных сооружений и погребальных камер. Погребения встречены в курганах, в одиночных оградах, в основных оградах и в пристройках. Ограды с пристройками можно разделить на три группы: ограды с бессистемно сделанными пристройками, различающиеся по числу пристроек к основной ограде; ограды, пристроенные последовательно одна к другой; соединительные ограды, объединяющие в один комплекс два отдельных погребальных сооружения. Последний тип надмогильной конструкции наиболее малочислен (мог-к Майтан – 2 сооружения, мог-к Копа – 1, мог-к Нуркен – 1, мог-к Жапалак II – 1) и встречается не только в памятниках эпохи бронзы Центрального Казахстана. Наиболее ранняя погребальная конструкция подобного типа отмечена в Степном Поднепровье в энеолитическом мог-ке Кичкас II (Шарафутдинова 1982: 69, рис. 23).

Погребения взрослых совершались по обряду ингумации, случаи кремации единичны. В погребальных камерах отмечены одиночные мужские и женские захоронения, реже – парные разнополюе. В общей массе захоронений практически невозможно выделить особо богатые погребения, т. к. атасуское общество еще не зашло далеко по пути социальной и имущественной дифференциации. В то же время, практически в каждом атасуском могильнике можно вычленил из общей массы изученных конструкций отдельные сооружения, отличающиеся по ряду характерных признаков: могила расположена в ограде с крупной насыпью или в большой одиночной ограде; большое число жертвенников в ограде; принесение в жертву одного-двух коней; наличие престижного инвентаря.

В большинстве могильников отмечены ограды с насыпями, что позволяет говорить о наличии в атасуском обществе особой социальной группы, стоявшей во главе коллектива. Наиболее наглядно это демонстрируют материалы мог-ка Майтан. Самый крупный курган располагался на высшей точке погребальной площадки, откуда хорошо просматривается долина вверх и вниз по течению реки. Единственное центральное погребение содержало останки пожилого мужчины, перекрытые скелетом молодой женщины. Инвентарь, вследствие ограбления основной части камеры, отсутствует, но величественность погребенного в ней человека подчеркнута захоронениями младенцев в насыпи погребальной конструкции. Единичные курганы в атасуских погребальных объектах могли сооружаться для предка-родоначальника, приведшего свой род на место данного проживания.

Среди погребальных конструкций многих могильников выделяются крупные одиночные ограды, которые, как правило, сильно ограблены. В мог-ке Майтан в могиле подобной ограды найдена булава и зафиксировано большое число жертвенников. Вокруг подобных сооружений концентрируются остальные типы надмогильных погребальных конструкций, свидетельствующие о том, что здесь похоронены уважаемые члены общества – главы большесемейных общин. Обычно, в крупных могильниках подобных группировок от двух до четырех. Небольшие могильники, не имеющие крупных курганов, могут принадлежать обособленным индивидуальным большесемейным общинам.

В мог-ке Майтан значительный интерес представляют погребения мужчин в сопровождении коней, располагавшиеся во второстепенных оградах, пристроенных цепочкой друг к другу:

1) одиночный костяк лошади не связан с конкретной могилой (ограда 15А); 2) парное захоронение лошадей, уложенных на правый бок вдоль длинных сторон ящика (ограда 7Г); 3) парное захоронение лошадей, лежавших на правом и левом боках с подогнутыми ногами, параллельно длинным сторонам ящика; на морде одного из коней найдены костяные псалии (ограда 29В); 4) парное захоронение лошадей с подогнутыми переплетенными ногами, уложенных на правом и левом боках вдоль северной стенки ящика, перекрывавшее небольшую грунтовую яму, содержащую погребение младенца (ограда 29Г).

Такие захоронения составляют особую группу. Характерно, что умершие, захороненные с сопровождением лошадей, находились в оградах, пристроенных друг к друг цепочкой, причем не в основных, а во второстепенных. Это свидетельствует о том, что в процессе становления и стабилизации общественных отношений в атасуских общинах военно-родовая прослойка перестала играть основополагающую роль, в то же время сохранившись как необходимый элемент общественной жизни. Военные руководители общин подчинялись главам большесемейных коллективов, что подтверждается наличием отдельных захоронений с конем и на сопредельных территориях.

Особую социальную группу индоиранского общества, представителями которого в эпоху бронзы являлись андроновские степные племена, составляли жрецы, их атрибутом «были специальный головной убор и чаша для жертвоприношений» (Смирнов, Кузьмина 1977: 57; Кузьмина 1977: 43). Выделить по исследованным погребениям людей данного социального ранга практически невозможно. В то же время во многих атасуских и алакульских могильниках встречаются единичные погребения по обряду кремации (Сорокин 1962: 53–54; Стоколос 1972: 39). Эти захоронения, с известной долей вероятности, можно считать погребениями жрецов, т. к. в Ригведе и Авесте нет конкретных указаний на особенности погребального обряда умерших в жреческом ранге. Упоминание обрядов кремации и ингумации в этих источниках позволяет рассматривать их как два равноправных действия по отношению к умершему, сосуществовавших с глубокой древности. Этнографические данные свидетельствуют о том, что у большинства индоевропейских народов были распространены представления об очищающей силе огня, избавляющего от вредного влияния духов (Кузьмина 1977), с которыми приходилось иметь дело служителям культа. Можно допустить, что в андроновских коллективах по обряду трупосожжения хоронили не рядовых, а высших представителей жречества, чем и объясняется незначительное количество кремаций в алакульско-атасуских могильниках. Например, в мог-ке Майтан выявлено шесть погребений по обряду кремации, сопровождающий инвентарь которых представлен только посудой. Все они сделаны в пристройках или оградах, располагавшихся по периферии погребального поля и выделявшихся конструктивными особенностями. Судя по размерам могил, альтернативным способом были погребены ребенок и пятеро взрослых. Кремация трупа проходила на стороне, следов огня в могилах не обнаружено. Кучки пепла и пережженных костей аккуратно ссыпаны в угол или в центр могилы. Вероятно, и после смерти представители жреческого сословия должны были не только охранять кладбище, но и первыми свидетельствовать за умерших после их прибытия в потусторонний мир. При этом в алакульском погребальном обряде очистительная сила огня довольно часто использовалась лишь для ритуального сожжения перекрытия и срубов после захоронения умерших (Сальников 1952: 60; Потёмкина 1985: 175, 198, 226; Матвеев 1998: 194–195). Если допустить, что обряду кремации подвергались только верховные служители культа, то при средней продолжительности жизни в андроновскую эпоху в 25–35 л. (Кузьмина 1974: 105), мог-к Майтан мог функционировать в течение 60–120 л.

Изучение памятников эпохи бронзы Сары-Арки показало важность данной территории как одного из центров формирования и развития культур андроновской общности, сыгравшей важную роль в эволюции культурных традиций всей евразийской степи. Значение региона при реконструкции исторических процессов бронзового века обусловлено не только территориально-географическим положением и богатством недр, но и ролью передаточного и связующего звена

между сельскохозяйственными культурами Средней Азии и сельскохозяйственно-скотоводческим населением лесостепной и степной зоны Зауралья, Западной Сибири и Казахстана.

- Гемуев 1984 – *Гемуев Н. Г.* Семья у селькупов. М., 1984.
- Генинг 1977 – *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблемы ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 53–73.
- Генинг и др. 1992 – *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. Т. I.
- Зданович 1988 – *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Кадырбаев, Курманкулов 1992 – *Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алматы, 1992.
- Кузьмина 1974 – *Кузьмина Е. Е.* О некоторых вопросах андроновской демографии // Известия СО АН СССР. 1974. № 6, вып. 2. С. 102–105.
- Кузьмина 1977 – *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культ коня у индоиранских племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 28–52.
- Максимова 1961 – *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук // Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР. 1961. Т. 12. С. 62–71.
- Маргулан и др. 1966 – *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Марков 1980 – *Марков Г. Е.* Социальная структура и организация древних и средневековых кочевников // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 21–29.
- Матвеев 1997 – *Матвеев А. В.* О некоторых особенностях раннеандоновских захоронений Притоболья со следами огня // ВИАЭ. 1997. Вып. 1. С. 15–23.
- Матвеев 1998 – *Матвеев А. В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Потёмкина 1985 – *Потёмкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Сальников 1952 – *Сальников К. В.* Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952. Т. 1. С. 51–71 (МИА. № 24).
- Сорокин 1962 – *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М., 1962 (МИА. № 120).
- Смирнов, Кузьмина 1977 – *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Стоколос 1972 – *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М., 1972.
- Усманова 1992 – *Усманова Э. Р.* Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения 1990. М., 1992. С. 97–104.
- Шарафутдинова 1982 – *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982.

М. К. Хабдулина (Астана, Казахстан)

История изучения поздней бронзы Центрального Казахстана

Начало изучения бронзового века Казахстана связано с именем М. П. Грязнова. В 1930-е гг. в результате работ в Актюбинских степях он определил западную границу андроновской культуры. В Центральном Казахстане М. П. Грязнов раскопал первый памятник эпохи поздней бронзы – кург. 11 мог-ка Дындыбай и на основе детального анализа погребального обряда и находок дал характеристику этого времени как особого исторического периода между андроновской культурой и ранним железным веком (Грязнов 1952: 162).

В 1946 г. в Казахстане была создана Академия наук Казахской ССР и в ее составе открыт Институт истории, археологии и этнографии. Отдел археологии возглавил А. Х. Маргулан, первые сотрудники отдела – А. Г. Максимова и Т. Н. Сенигова были выпускницами МГУ. Институт орга-

низовал Центрально-Казахстанскую археологическую экспедицию (далее ЦКАЭ), которой руководил А. Х. Маргулан. ЦКАЭ начала планомерное изучение памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана. В ее составе осваивали археологию будущие известные ученые – К. А. Акишев, А. М. Оразбаев, М. К. Кадырбаев. С 1946 г. ЦКАЭ приступила к обследованию Сары-Арки. Ее маршруты пролегли от северных склонов хребта Каратау до низовьев р. Нуры, от Эмбы до предгорьев хребта Чингиз.

Самым массовым видом археологических памятников Сары-Арки являются памятники эпохи бронзы. Уже первые разведочные маршруты ЦКАЭ позволили А. Х. Маргулану выделить районы концентрации разнообразных археологических объектов этого времени. Скопление курганов, оград, менгиров, древних шахт, оросительных сооружений (позднее были открыты и поселения) было зафиксировано на р. Атасу, в горных долинах Ортау, Баян-Аула и Каркаралинска. А. Х. Маргулан пишет, что памятники расположены на расстоянии 3–5–10 км вдоль русла рек, но есть и более насыщенные регионы. Например, в долине р. Акблек (приток р. Жарлы) они тянутся сплошными рядами на протяжении 80 км (!) (Маргулан и др. 1966: 54).

В 1946 г. при проведении археологической разведки по р. Сарысу и ее притокам было открыто много новых археологических памятников (Маргулан 1948). В 1947 г. была продолжена разведка в северной и северо-западной части Бетпак-Далы, давшая интересный материал по эпохе бронзы и раннего железного века. Здесь были выявлены мог-ки Айшрак, Дарат, Сангру, поселения Атасу I, Бугулы I, II, III.

Уже в первые годы внимание исследователя привлекают величественные некрополи у подножия гор Бегазы. Начиная их раскопки, А. Х. Маргулан не предполагал, что они относятся к эпохе бронзы. Он считал, что эти огромные «скальные мавзолеи» воздвигнуты в средневековую эпоху. По этому поводу он пишет: «Само название гор и реки Бегазы сохраняет до наших дней древнее племенное название обитателей района. Здесь жили и погребались “беки” из племени “азов”. “Азы”, имя которых сохранилось в географическом названии Бегазы (Бек азы) – известное в истории племени, населявшее степи в VI–VIII вв. н. э.» (Маргулан 1949: 13–14).

В 1947 г. была раскопана ограда 4, в 1948 г. – ограды 2 и 3, и, наконец, в 1952 г. – ограды 5 и 6. Самая большая ограда 1 была ограблена, но и в ней в 1960 г. была произведена расчистка погребальной камеры, сложенной из плит. Материалы первых оград выявили принадлежность некрополя Бегазы к эпохе бронзы (Там же).

Сегодня можно сказать, что становление академической археологической науки Казахстана было связано с исследованием бронзового века. Изучение древностей других эпох стало задачей последующих десятилетий. К середине XX в. памятники эпохи бронзы были исследованы в большом количестве. В целом, период второй половины 1940-х гг. может быть отмечен в истории андроноведения, как выявление Центрального Казахстана в качестве центра андроновской культуры. В эти годы планомерные раскопки проводились, преимущественно, в двух регионах андроновской культуры: на Южном Урале (К. В. Сальников) и в Центральном Казахстане (А. Х. Маргулан).

К середине XX в. была создана первая периодизация андроновской культуры (К. В. Сальников) и сделано первое обобщение всех накопленных источников (материалы 118 оград из 18 могильников) по бронзовому веку Центрального Казахстана (Акишев 1953). Памятники были разделены на хронологические этапы, соответствующие стадиям периодизации К. В. Сальникова. Изменения были внесены в наименование третьего этапа, который был назван К. А. Акишевым дандыбаевским (Там же: 9). В отличие от замараевского этапа, выделенного К. В. Сальниковым по керамике поселений, дандыбаевский этап был представлен керамикой погребений. Количество известных в то время захоронений этого этапа было незначительно: 17 могильных сооружений, открытых в трех могильниках Центрального Казахстана – Дандыбай (1933 г.), Бегазы (1947–1949 гг.) и Бугулы II (1952 г.). Но уже со времени раскопок первого памятника рассматриваемого времени – кург. 11 мог-ка Дандыбай (1933 г.) не смолкали дискуссии относительно происхождения и датировки дандыбаевского этапа.

В трактовке дандыбаевского этапа К. А. Акишев расходится с мнением ученых, поддерживавших миграционную теорию происхождения культуры этих племен. В автореферате он объясняет, почему называет этот этап дандыбаевским: «Несмотря на близость указанных могильников с минусинскими в настоящей работе они называются памятниками дандыбаевского этапа, чтобы этим подчеркнуть наличие целого ряда отличающих их особенностей, вполне своеобразных и специфичных для данной территории. Несомненно, возникновение своеобразной культуры дандыбаевского этапа явилось не результатом влияния карасукской культуры Минусинска, хотя и нельзя отрицать его роли, а результатом развития культуры алакульского этапа, на достижениях которого она и выросла» (Там же). Так, уже в 1953 г. К. А. Акишев отстаивает местное андроновское происхождение дандыбаевских памятников.

Рост экспедиционных работ, расширение географии раскопок андроновских памятников привели к масштабному накоплению материала и пересмотру культурологической схемы развития андроновской общности. В 1960–1970-е гг. все явственнее проступают этнографические различия разных территорий, и это приводит к появлению локально-хронологических периодизаций со своими местными наименованиями этапов. В монографии 1966 г. этапы андроновской культуры Центрального Казахстана были переименованы в нуринский и атасуский, а культура поздней бронзы названа бегазы-дандыбаевской (Маргулан и др. 1966: 61). Новые названия этапов андроновской культуры рассматриваемого региона отражали локальные отличительные особенности памятников, но в общих чертах они были синхронны и близки по культуре фёдоровскому и алакульскому этапам Зауралья.

Следующий виток активных исследований памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана начинается с середины 1970-х гг. Одновременно работают несколько экспедиций. В северной Бетпак-Дале в Атасуском микрорайоне масштабные раскопки поселений и могильников проводит ЦКАЭ под руководством М. К. Кадырбаева. Основным объектом раскопок стало поселение металлургов Атасу. Из 27 видимых на поверхности котлованов жилищ было раскопано шесть, получено 10000 фрагментов керамики. Большие площади были исследованы на поселениях и мог-ках Мыржик, Ак-Мустафа, Акмая, Шет I–III (Кадырбаев, Курманкулов 1992). Статистика керамики, типология жилищ и погребальных сооружений позволили включить древности северной Бетпак-Далы в общую канву трехчленной периодизации эпохи бронзы Центрального Казахстана. Датировка периодов была уточнена по типологии металлического инвентаря (Кадырбаев, Курманкулов 1992: 229–240).

В 1970–1980-е гг. в Карагандинских степях работает экспедиция областного историко-краеведческого музея под руководством А. А. Ткачёва. Масштабные раскопки были проведены на поселениях и могильниках андроновской культуры Икпень, Нуртай, Бозенген, Актопрак (Ткачёв 1987). С середины 1970-х гг. активные работы проводит археологическая экспедиция Карагандинского государственного университета под руководством В. В. Евдокимова. Яркими открытиями экспедиции стали раскопки кург. 1 мог-ка Карагаш, погребения воинов-колесничих в мог-ках Сатан, Бозенген, Аяпберген, исследования поселения Кент (Евдокимов, Варфоломеев 2002: 20–22).

В итоге количество открытых и исследованных памятников эпохи бронзы выросло более чем в два раза. На материалах этих экспедиций было защищено шесть кандидатских и две докторские диссертации. Создано четыре периодизации эпохи бронзы Центрального Казахстана (Евдокимов 2007: 38).

В последние три десятилетия наблюдается колоссальный информационный взрыв, который заставляет пересмотреть многие трактовки андроновской культурно-исторической общности.

В истории изучения бронзового века Центрального Казахстана можно выделить несколько направлений: а) открытие, обоснование и характеристика нуртайской культуры, синхронной петровской культуре; б) масштабные раскопки Кентского мегаполиса, ставшие базой для историко-археологических интерпретаций бегазы-дандыбаевской культуры и, в целом, социокультурной характеристики эпохи поздней бронзы; в) выделение донгальского пласта памятников как пере-

ходного этапа от бронзового к раннему железному веку, способствовавшее разработке проблем культуругенеза.

Нуртайская археологическая культура была выделена А. А. Ткачёвым по материалам мог-ков Нуртай, Сатан, Бозенген, Актобе I-II, поселений Икпень I-III (Ткачёв 1987; 2009). В последние годы к известным с конца XX в. 200 погребениям (Ткачёв 2009: 200) прибавились новые памятники с «колесничной атрибутикой». Наиболее яркие материалы получены в мог-ках Аяпберген, Ащису. Находки в них позволяют реконструировать вооружение воина-колесничего (Кукушкин 2011: 102). Набор оружия, предметы конской узда имеют аналогии в Синташте и Петровке. Радиоуглеродная дата дает рубеж III-II тыс. до н. э. (Кукушкин 2011: 100). Таким образом, удревняется начало эпохи бронзы Центрального Казахстана. В изучении нуртайской культуры дискуссионной остается проблема ее происхождения. А. А. Ткачёв на основе открытия ямного погребения в мог-ке Карагаш, связывает формирование нуртайской культуры с западным импульсом (Ткачёв 1987: 204).

В течение десятилетий одной из актуальных проблем археологии эпохи бронзы Казахстана является вопрос о происхождении бегазы-дандыбаевской культуры. Яркими ее признаками являются тонкостенная керамика с изящным декором и сложные по архитектуре погребальные каменные сооружения, получившие название «скальные мавзолеи». Облик керамики и огромные затраты труда по возведению погребальных сооружений не вызывали сомнений в том, что они принадлежали знати. Однако историческая трактовка социального устройства эпохи бронзы как эгалитарного общества затрудняла и сдерживала направление археологических поисков.

Изначально в связи с проблемой происхождения бегазы-дандыбаевской культуры были выдвинуты две концепции: автохтонная, как развитие на местной алакульско-атасуской основе, и миграционная, как локальный вариант карасукской культуры. Распространению и укреплению второй точки зрения способствовали малочисленность погребальных памятников бегазы-дандыбаевского типа, известных всего в 17 пунктах Каркаралинского региона, и отсутствие поселенческих материалов с такой керамикой. Ситуация с трактовкой эпохи поздней бронзы усложнилась после открытия и выделения саргаринской археологической культуры (Зданович 1979).

Саргаринская (алексеевско-саргаринская) культура, характерным признаком которой является грубая, бедно орнаментированная керамика с налепным валиком, была выделена на материалах Северного Казахстана. Культурные слои с этой керамикой зафиксированы на 53 поселениях. Из них два однослойных поселения – Саргары и Петровка IV и два могильника – Саргары и Жукей II. На поселениях вскрыто 16000 м², получено более 40000 артефактов. Полностью раскопаны поселения Саргары (6500 м²) и мог-к Саргары (Зданович 1983: 72).

Хотя валиковая керамика является самым массовым материалом многослойных поселений эпохи бронзы и встречается в погребениях бегазы-дандыбаевской культуры, первоначально саргаринская культура воспринималась как региональная культура Северного Казахстана. В 1980-е гг. яркие однослойные памятники с валиковой керамикой были открыты и на территории Центрального Казахстана: поселения Атасу I, Бугулы II, Суук-Булак, Каркаралинское, Копа I, Кент, мог-ки Айдарлы, Актопрак, Донгал, Дермен (Евдокимов, Варфоломеев 2002). В результате этих открытий стало очевидным расширение ареала саргаринской культуры и распространение ее на территорию Центрального Казахстана. Встал вопрос о ее соотношении с бегазы-дандыбаевской культурой. С. Я. Зданович, в свое время, определила, что это две синхронные, но отдельные культуры (Зданович 1983: 78). С этой точкой зрения согласились исследователи поздней бронзы. В. В. Варфоломеев писал о двух линиях развития в эпоху поздней бронзы (Варфоломеев 1987: 56; 1988: 81–82).

Большую роль в пересмотре этой концепции и новом осмыслении культурно-исторической ситуации в эпоху поздней бронзы сыграли материалы поселения Кент. Раскопки памятника ведутся с 1985 г. Его площадь составляет 30 га, на поверхности видны остатки 120 сооружений, выделены производственные участки, площадки сакрального (храмового) характера (Варфоломеев 2003; 2011a: 87). Изучена округа памятника, установлены размеры, плотность заселения, количе-

ство жилищ и демографическая емкость поселения Кент (Варфоломеев 2003: 92). Коллекция его артефактов выделяется огромным разнообразием видов и категорий изделий, которые не встречаются в таком составе и количестве на поселениях поздней бронзы. Поражают тщательностью изготовления и изящным орнаментальным декором вещи, сделанные из кости и рога. Назначение многих из них неясно. Но понятно, что такие вещи не использовали в повседневном быту и являлись предметами престижного характера (Варфоломеев 2003: 103; 2011а: 92).

Пространственная планировка и размеры поселка подтверждают его центральное, структурообразующее положение в рамках Кентского микрооазиса. Одновременные с ним поселения (11 пунктов) образуют сельскую округу (Варфоломеев 2003: 92). Иерархическая система расселения с выделением суперцентра свидетельствует о специализации его отдельных частей и отражает сложную модель социальной структуры. Функционирование такой системы требовало выделения организационных функций, которые в данном случае осуществляло поселение Кент, по многим показателям соотносимое с поселением городского типа (Варфоломеев 1992; 2003: 94; 2011а). Наряду с крупными поселениями – организационными, административными центрами округов, существуют в массе небольшие по площади поселения и могильники рядового населения. В. В. Варфоломеев отмечает, что крупные поселения соседствуют с крупными по площади могильниками, на которых представлены погребальные сооружения мавзолейного типа (Варфоломеев 2011б: 225). Объединяет обе группы памятников валиковая керамика, которая преобладает на памятниках в эпоху поздней бронзы.

С целью определения взаимоотношений саргаринской и бегазы-дандыбаевской культур и определения статуса культур в рамках эпохи поздней бронзы в целом В. В. Варфоломеевым сделан статистический анализ керамических коллекций поздней бронзы Центрального Казахстана. Классификация посуды основана на 3500 сосудах, происходящих из 28 памятников. Керамика систематизирована по формам, орнаментам и технологии изготовления (Варфоломеев 2011б: 213–215). Оказалось, что 94 % всего массива посуды – это валиковая керамика и лишь 6 % составляют пышно украшенные сосуды бегазинского облика. Выяснилась неоднородность каждой из этих групп. Среди валиковой керамики выделяются более ранние и более поздние группы. Состав бегазинского комплекса представляет собой смешение посуды трех различных по культурной принадлежности групп, появившихся в результате торгово-обменных связей с населением Западной Сибири, Приаралья и Средней Азии. В. В. Варфоломеев называет бегазинский комплекс суперстратным, направленным на обслуживание запросов элиты населения эпохи поздней бронзы (Варфоломеев 2011б: 214–215). Местной субстратной основой бегазы-дандыбаевской культуры он считает валиковую посуду.

На основании результатов анализа керамики В. В. Варфоломеев обосновывает существование в эпоху поздней бронзы Центрального Казахстана одной археологической культуры. Следуя принципу приоритета открытия, предлагает оставить для нее название «бегазы-дандыбаевская» и понимать под ней археологическую культуру валиковой керамики (Варфоломеев 2011б: 216).

Бегазы-дандыбаевская культура датируется XIII–VIII вв. до н. э. Ранняя группа керамики имеет аналогии в нуриной (фёдоровской) керамике. Выделяется и поздняя группа керамики IX–VIII вв. до н. э., получившая название донгальский тип (Ломан 1987; Варфоломеев 1987: 66). Ее поздняя хронологическая позиция доказана стратиграфическими наблюдениями на поселении Кент, где жилище с донгальской керамикой прорезает котлован заброшенного жилища с валиковой посудой (Варфоломеев 1987: 66). На территории Центрального Казахстана открыты однослойные поселения с донгальской керамикой – Донгал, Тагибай-Булак.

Донгальская керамика имеет аналогии в керамике памятников переходного периода Поволжья, известной как нурская (Качалова 1989), в керамике поселения Кеноткель X (Хабдулина 2003: 191–192). Раскопки поселений и изучение технологии гончарства позволяют определить статус донгальской керамики как культурно-хронологического пласта, переходного от эпохи бронзы к раннему железному веку (Варфоломеев 1987: 66; Бейсенов, Ломан 2009). Значение этих работ

заключается в расширении источников для исследования важной теоретической проблемы – происхождения тасмолинской археологической культуры (Хабдулина 2007: 190–191).

- Акишев 1953 – *Акишев К. А.* Эпоха бронзы Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953.
- Бейсенов, Ломан 2009 – *Бейсенов А. З., Ломан В. Г.* Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы, 2009.
- Варфоломеев 1987 – *Варфоломеев В. В.* Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 56–68.
- Варфоломеев 1988 – *Варфоломеев В. В.* О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 80–99.
- Варфоломеев 1992 – *Варфоломеев В. В.* Кент как поселение городского типа // Маргулановские чтения – 1991. Петропавловск, 1992. С. 81–82.
- Варфоломеев 2003 – *Варфоломеев В. В.* Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1: Древние эпохи. Астана, 2003. С. 88–108.
- Варфоломеев 2011а – *Варфоломеев В. В.* Кент – город бронзового века. Новые исследования в эпоху независимости // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991–2011): ғылыми мақалалар жинағы. Алматы, 2011. С. 85–96.
- Варфоломеев 2011б – *Варфоломеев В. В.* Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 20 жылдығына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары. Алматы, 2011. С. 210–240.
- Грязнов 1952 – *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. Т. XVI. С. 129–162.
- Евдокимов 2007 – *Евдокимов В. В.* Археологическая периодизация памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана А. Х. Маргулана в свете новых данных экспедиции КарГу // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007. С. 37–39.
- Евдокимов, Варфоломеев 2002 – *Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана; Учебное пособие. Караганда, 2002.
- Зданович 1979 – *Зданович С. Я.* Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века Северного Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- Зданович 1983 – *Зданович С. Я.* Происхождение саргаринской культуры (к постановке проблемы) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 69–80.
- Кадырбаев, Курманкулов 1992 – *Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-ата, 1992.
- Качалова 1989 – *Качалова Н. К.* О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) // СА. 1989. № 1. С. 33–47.
- Кукушкин 2011 – *Кукушкин И. А.* Археологические комплексы Казахстана с колесничной атрибутикой. Новый аспект в археологии бронзы Казахстана // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991–2011): ғылыми мақалалар жинағы. Алматы, 2011. С. 97–113.
- Ломан 1987 – *Ломан В. Г.* Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 115–129.
- Маргулан 1948 – *Маргулан А. Х.* Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана // Изв. АН Казахской ССР. 1948. Серия археол. Вып. 1. С. 119–145.
- Маргулан 1949 – *Маргулан А. Х.* Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1947 г. // Изв. АН Казахской ССР. 1949. Серия археол. Вып. 2. С. 4–36.

- Маргулан и др. 1966 – *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Ткачёв 1987 – *Ткачёв А. А.* Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 25–35.
- Ткачёв 2009 – *Ткачёв А. А.* Хронология и периодизация нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. «Маргулановские чтения-2008». Караганда, 2009. С. 200–209.
- Хабдулина 2003 – *Хабдулина М. К.* Поселения раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003. Т. 1: Древние эпохи. С. 189–214.
- Хабдулина 2007 – *Хабдулина М. К.* Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2007. № 2. С. 181–194.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

*М. Т. Кашуба, О. Г. Левицкий
(Санкт-Петербург, Кишинёв; Россия, Молдова)*

Гальштаттский (карпато-дунайский) фактор в культурогенетических процессах финала эпохи бронзы и раннего железного века в Северном Причерноморье

В западных областях Северного Причерноморья в финальный период эпохи бронзы и в раннем железном веке было распространено несколько культур и культурных групп, ведущих свое происхождение из Карпатской котловины и Подунавья. В середине XX в. эти факты активно обсуждались в специальной литературе – тогда речь шла, скорее, о влияниях, а приоритеты в культурно-историческом развитии рассматриваемого региона все-таки отдавались культурам восточноевропейского происхождения, особенно в начальный период раннего железного века. Современный уровень знаний позволяет уверенно говорить о присутствии в этом регионе носителей карпато-дунайских культур и гальштаттских культурных традиций, представленных многочисленными и разнообразными укрепленными и открытыми поселениями, могильниками, случайными находками, а также импортами⁵². Следствием этого явились процессы «гальштаттизации», широко охватившие в XII–VII/VI вв. до н. э. регион, что существенно отличало его от остальных северопричерноморских территорий. Другие события были обусловлены той ролью, которую в заключительный период эпохи бронзы и в раннем железном веке сыграли носители инокультурных гальштаттских (карпато-дунайских) традиций в формировании, развитии и упадке отдельных культурных общностей в Северном Причерноморье. В настоящей статье наметим основные направления, согласно которым можно судить о том или ином вкладе гальштаттских (карпато-дунайских) культур в вышеобозначенные процессы.

Терминология. Применение термина «гальштаттские» в отношении культур и культурных групп Карпато-Подунавья обусловлено сложившейся в румынской археологической литературе традицией систематики, периодизации и хронологии финального периода эпохи бронзы и раннего железного века этого региона. Такие археологические культуры рассматриваются как гальштаттские культуры раннего (XII–IX вв. до н. э.), среднего (VIII в. до н. э.) и позднего (VII/VI вв. до н. э.) этапов развития (Istoria Romîniei 1960: 137 сл., 147–155; Vulpe 1990: 102–104, Taf. 62; László 2001: 294 сл., fig. 50). В современной отечественной историографии вместо первоначально применявшегося термина «культуры фракийского гальштатта» используется термин «гальштаттские культуры» с обозначением их названий (см. Kaşuba, Leviţki 2010: 316–324; и др.). Для русскоязычной научной среды важно отметить, что в румынской и отечественной специальной литературе неоднократно подчеркивалось, что термин «гальштаттизация» не имеет ничего общего с распространением культуры Гальштатт из Средней Европы. Этот термин был выдвинут, чтобы подчеркнуть распространение и восприятие местными общностями специфических культурных традиций как внутри Карпатской котловины и Дунайском регионе, так и к востоку от них, включая территории Днестровского бассейна (см. Morintz 1987: 61 сл.; László 2001: 299; Кашуба 2012). Соответственно, применение терминологии «ранне-, средне- и позднегальштаттские» культуры, время и пр. имеет силу исключительно для этих культур/культурных групп, но ни в коей мере не относится к другим культурам как на востоке – в Северном Причерноморье, так и на западе – в альпийской юго-восточной зоне и на юге Средней Европы.

Регион. Западные области Северного Причерноморья, в частности, Карпато-Поднестровье является самостоятельным природно-географическим регионом, включающим бассейны р. Днестр, Прут и Сирет. На западе он ограничен Восточными Карпатами, на юге – северо-западным побережьем

⁵² Библиография дается выборочно в силу ограниченности объема статьи.

Чёрного моря, с северо-востока – Подольской возвышенностью. Взаимосвязь природно-географических и исторических факторов обеспечили «галыштаттизацию», которая в рассматриваемый период составила главную специфику этих территорий.

Среди основных природно-географических факторов Карпато-Поднестровья выделяются следующие (Дергачёв 1999): 1) южное местоположение в пределах Европы, что благоприятствовало его заселению с самых древнейших времен, а с наступлением голоцена – успешному развитию присваивающего и производящего хозяйства; 2) полная открытость просторам лесостепной и степной зон юга Восточной Европы, способствующая тому, что регион выступал в качестве связующего звена между Восточной Европой и близлежащими областями Юго-Восточной и Средней Европы: на юге и юго-западе он соединяется со Средним Подунавьем, Балканами и далее вплоть до Восточного Средиземноморья и приальпийской зоны; сеть межгорных путей связывает его с различными областями Внутрикarpатской котловины, а через верховья Днестра он соединяется с восточными областями Средней Европы; 3) расположение в двух природно-ландшафтных зонах: лесостепной и степной, разделенных незначительным по высоте Центрально-Молдавским плато; лесостепная зона с ее плодородными почвами была более эффективной для развития земледелия, степная с ее богатым разнотравьем – для скотоводства; 4) исключительное богатство Восточных Карпат и Прикарпатья полиметаллическими (в частности, меднорудными) сырьевыми ресурсами, а также залежами соли, добыча и переработка которых стимулировали технический и социально-экономический прогресс, развитие обмена и торговли с далекими территориями.

Из важных культурно-исторических факторов свою значимость в рассматриваемый период сохранили три: юго-восточноевропейский, восточноевропейский и средневропейский. Приоритетное значение в культурно-историческом развитии региона, бесспорно, оставалось за юго-восточноевропейским фактором, обусловленным сильными импульсами со стороны Средиземноморья и Передней Азии. Благодаря этому были переданы навыки обработки металла, металлического сырья и готовых металлических изделий (Dergačev 2002; и др.), а в период перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку Карпато-Поднестровье почти полностью включается в ареал галыштатских (карпато-дунайских) культурных общностей (Мелюкова 1979; Levițki 1994: 159–214; 2003; Кашуба 2000: 241–488; Nicic 2008; Niculiță et al. 2008). Восходящие к юго-восточноевропейским традициям культурные общности имели в своей основе, преимущественно, земледельческий уклад хозяйства и развивались путем диффузии, постепенно осваивая и присоединяя (колонируя) новые районы к исходному ареалу.

Конкретным проявлением действенности восточноевропейского фактора, связанного с общностями степных районов Восточной Европы, было расселение подвижных животноводов/скотоводов, а в дальнейшем – ранних кочевников на запад, вплоть до отдаленных районов юга Средней Европы. О роли восточного фактора в рассматриваемый период свидетельствуют известные здесь памятники белозерской, «киммерийской» и скифской культур (Ванчугов 1990; Андрух 1995; Синика 2007; Kaşuba, Levițki 2010: 313 сл.; Kaşuba 2010: 399–410). Расселение степных скотоводов осуществлялось не только путем постепенного расширения территории обитания, но также кратковременными глубинными экспансиями в инокультурные ареалы, что нередко приводило к дестабилизации обстановки.

Среднеевропейский фактор сохранил свое значение, что обеспечивалось устойчивыми влияниями на общности Карпато-Поднестровья, распространяемыми вплоть до его периферийных и даже глубинных внутренних районов. В рассматриваемый период трансляторами этих влияний как раз и выступали сами носители галыштатских (карпато-дунайских) культур (Levițki 2003; Kaşuba 2008: 211 сл. Abb. 18–19; Кашуба 2012).

Таким образом, заселившие регион в XII–VII/VI вв. до н. э. племена галыштатских (карпато-дунайских) культур не только несли собственную культурную традицию (чуждую для северопричерноморских общностей), но также сосуществовали и вступали во взаимодействие с носителями

нескольких различных культурных традиций – средневропейской, средиземноморской и восточноевропейской (рис. 1).

Значение и вклад гальштаттских (карпато-дунайских) культур в культурно-историческое развитие можно проследить по нескольким основным направлениям.

1. *Ресурсы и производство готовых изделий.* Не останавливаясь детально на металлопроизводстве в интересующий нас период, проблематика которого имеет обширнейшую библиографию (Бочкарёв 2010; Дергачёв 2010; 2011), подчеркнем следующее – носители гальштаттских культур Карпато-Подунавья и Карпато-Поднепровья способствовали тому, что в Северном Причерноморье отсутствовало «сырьевое ограничение». В период поздней бронзы развилась мощная металлообработка – уникальный факт для территорий, лишенных собственных сырьевых ресурсов (Бочкарёв 2002: 45 сл.).

В XVI–IX вв. до н. э. добыча соли во Внутривосточном регионе носила индустриальный характер. По данным В. Каврука, 80 % из 45 радиоуглеродных дат, полученных для внутривосточных памятников, где добывали соль, указывают на период XIV–IX вв. до н. э. (Каврук 2011: 42). Соль предназначалась для Нижнего Потисья и Среднего Подунавья, не исключается балканское направление поставок и, можно добавить – северопричерноморское. Проникшие на северо-восток Прикарпатья «разведчики» раннегальштаттской культуры Гава-Голиграды отыскивали в этом регионе залежи соли (Крушельницка 1985: 49; 1993: 56 сл.). Соль, будучи одним из важнейших товаров обменной торговли, явилась гарантом закрепления здесь этих племен. Основанные в Прикарпате городища были призваны обеспечить охрану торгово-обменных путей, выступая своего рода накопительными и перевалочными пунктами. Свое значение соль сохраняет и в последующее время, что убедительно демонстрирует, напр., Подоло-молдавская группа VII–VI вв. до н. э. Мог-к Кажвана этой позднегальштаттской группы находится рядом с соляным источником Солка–Слатина Маре, откуда до сих пор жители окрестных сёл добывают соль (Кашуба и др. 2010: рис. 15).

2. *Трансфер технологий.* Перенос и передача технологий носителями гальштаттских (карпато-дунайских) культур/культурных групп прослеживается в нескольких областях: архитектурно-строительное дело, железообработка, керамическое производство и др. В архитектурно-строительном деле отметим наличие мощных искусственных оборонительных сооружений на раннегальштаттских городищах Карпато-Поднепровья. Их ведущим типом в XII/XI–VIII вв. до н. э. была комбинированная стена, состоящая из земляной платформы с вкопанными двумя рядами вертикальных бревен, пространство между которыми забутовывалось землей и камнями (Zanosi 2011: 117 сл.). Это обстоятельство может оказаться важным в объяснении трансформации поселенческих структур в лесостепных областях Правобережного Поднепровья в раннем железном веке, а также в решении проблемы истоков строительных традиций, фиксируемых при сооружении больших городищ последующего раннескифского времени. Было также отмечено, что под влиянием гальштаттских (карпато-дунайских) домостроительных традиций в Северном Причерноморье в раннем железном веке появились легкие глинобитные дома каркасно-столбовой конструкции, а в раннескифское время в варварской среде – небольшие круглые землянки.

Исследования последних лет показывают, что ранний период железообработки в рассматриваемом регионе представляет собой локальное (северопричерноморское) проявление раннегальштаттской железоделательной традиции Карпато-Подунавья. Последняя, в свою очередь, могла вырасти на местной основе (и быть «трансильванской») или иметь средиземноморские истоки. В Карпато-Поднепровье стабильное присутствие железообработки документируется уже с конца XI–начала X в. до н. э., что позволяет здесь вести отсчет раннего железного века с X в. до н. э. (Кашуба 2011: 53–59).

Гальштаттский (карпато-дунайский) вклад в генезис и эволюцию керамических комплексов северопричерноморских культур, начиная с белозерской, особенно ощутим в лощеной посуде (кубки и кубковидные сосуды, чаши и двуручные чаши, корчаги, отдельные типы черпаков – Levićki 2003: 51–66). Влияния такого рода со стороны культурной группы Холеркань-Ханска, культуры

Горизонты кладов бронзовых изделий		Средняя Европа		Карпато-Подунавье							Карпато-Поднестровье					Северное Причерноморье		Лет до н.э.			
Венгрия	Трансильвания	Карпато-Поднестровье	по Райнке Моллер-Карте	Обновленная	Мараму-реш	Трансильвания	Кришана	Банат	Олтения	Мунтения	Восточная Мунтения	Добруджа	периодизация	Верхнее Поднестровье	Сучавское плато	лесо-степь	Кодры	степь	степь	лесо-степь	Лет до н.э.
			HaD1	HaD1/2									Etapa târzie	Западно-Подольская группа				раннескифская культура 3			600
	Vințu de Jos- Vaiidei Bivănești- Ghidici		HaC	HaC1/2			?	Basarabi		Basarabi		Basarabi	Etapa mijlocie				Шолдэнешть	раннескифская культура 2	раннескифская культура 1		700
	Șomartin- Vetiș		HaB3	HaC1a			Mezőcsát			Basarabi		Babadag III					Сахарна-Шолдэнешть	киммерийская культура III	киммерийская культура II		800
	Fizeșul (Romând) Gherlii- Sinoara de Padure	Bărlad Valea Rusului	HaB2	HaB3				Gornea Kalakata		Insula Banului		Babadag II					Сахарна IIa	киммерийская культура I			900
	(Hajdúböszörmény) Moigrad- Tăutei		HaB1	HaB1				Bosut IIIa					Etapa timpurie								
	B Va		HaB1	HaB1																	
	(Gyermely) B Vc	Turria- Jupalnic	HaA2	HaA2				Gava		Hinova- Mala Vrbița II		Babadag I	Perioada de tranziție				Кишинэу-Сахарна I Корлэтенъ III	Белозерка III			1000
	(Kurd) B Vb	Socoleni Ilișeni Măndrești	HaA1	HaA1				Bobda- Susani		Hinova- Mala Vrbița I		Tămăoani Șihleanu					Холеркень-Ханска Кишинэу-Корлэтенъ II	Белозерка II			1100
	(Aranynos) B Va	Rîșești Băleni Lozova Dancu	BrD	BrD				Cruceni- Belegiș II		Bistret- Isănița Gârla Mare IV Verbișoara V Tei V		Coslogeni	Perioada târzie a epocii bronzului				Кишинэу-Корлэтенъ I	Белозерка I			1200
	(Ópály) B Va		BrD	BrD				Cruceni- Belegiș I										Белозерка I	Сабатиновка		

Рис. 1. Гальштатские (карпато-дунайские) культуры Северного Причерноморья финального периода эпохи бронзы и раннего железного века в системе синхронных древностей Юго-Восточной и Средней Европы [названия культур/культурных групп для Карпато-Подунавья и Средней Европы даны на языке оригиналов (румын., нем. и венг.); горизонты кладов бронзовых изделий даны по Mozsolics 1985; 2000; Petrescu-Dîmbovița 1977; Дергачёв 2010; 2011; нижняя граница культуры Кишинэу-Корлэтенъ нуждается в уточнении]

Козия-Сахарна и Басарабь-Шолдэнешть прослеживаются в XI–VIII вв. до н. э. в северопричерноморских культурах сравнительно глубоко – вплоть до Левобережья Днестра и Нижнего Подонья. Самая ранняя серая гончарная керамика, появившаяся в середине VII в. до н. э. в Восточном Прикарпатье, могла попадать по прутскому и/или сиретскому пути непосредственно через варварскую среду Восточных Балкан – при этом в передаче новой технологии одним из ключевых центров могла быть Троя (Кашуба и др. 2010: 28 сл.).

3. *Культурогенетические процессы.* Наиболее показательными представляются вклады носителей раннегалльштаттской культуры Кишинэу-Корлэтенъ и культурной группы Холеркань-Ханска. Миграции их носителей к востоку способствовали попаданию в среду белозерской культуры некоторых технологических новшеств, напр., новые одеяния (см. смычковые фибулы – Кашуба 2008: 211 сл. Abb. 18). Этим, в конечном счете, была обеспечена фаза расцвета (или второй этап) в развитии белозерской культуры в период НаА2–начале НаВ1. Также отметим два локальных варианта позднечернолесской культуры на Среднем Днестре, каждый из которых сложился при непосредственном участии носителей двух раннегалльштаттских культур – Гава-Голиграды и Козия-Сахарна (Смирнова, Кашуба 1988: 18 сл.; Крушельницька 1998). Около 800 г. до н. э. в южной части лесостепи на Правобережье Днестра носителями культуры поздней Сахарны из Днестровского бассейна и культурного комплекса Басарабь из Среднего Подунавья было основано Жаботинское поселение, давшее здесь последующее развитие жаботинской культуры (Дараган, Кашуба 2008: 68, рис. 1; Дараган 2011: 733, 760–761; Кашуба 2012).

Археологические реалии позднегалльштаттского периода однозначно указывают на то, что культурно-историческая ситуация в Карпато-Днестровских землях, население которых на предыдущих этапах (раннем и среднем) выступали в роли проводника западных инноваций в культурную среду лесостепного и степного населения Северного Причерноморья, существенно меняется. Процесс дестабилизации обстановки и постепенного прекращения одностороннего, галльштаттского (фракийского) контроля над этим регионом, начинавшийся уже в конце среднегалльштаттского периода (образование «фрако-киммерийских» комплексов – Левицкий, Кашуба 2011: 239 сл.), еще больше углубился к середине VII в. до н. э. одновременно с появлением здесь носителей раннескифского комплекса. Глубокие проникновения ранних скифов к западу от Днестра удостоверены погребениями, совершенными по характерному обряду в сопровождении свойственного им инвентаря, образцами раннескифского вооружения и украшений (Левицкий, Демченко 1995: 41–53; Бруяко 2005: 149–157). На территории распространения культурного комплекса Басарабь (Басарабь-Шолдэнешть) и поздней Гава-Голиграды-Грэничешть образуется целая свита локальных позднегалльштаттских культурных групп: Балта Верде и Гогошу, Бырсешть-Фериджиле, Трестяна, Западно-Подольская/Подоло-молдавская и др. (Левицкий, Кашуба 2009: 250 сл.; László 1989: 126–128), имеющих уже ограниченный потенциал влияния на культурогенетические процессы в Северном Причерноморье.

В *заключении* отметим, что сделанный обзор показывает весомый вклад галльштаттских (карпато-дунайских) культур/культурных групп в культурно-историческое развитие финала эпохи бронзы и раннего железного века в Северном Причерноморье. Носителями галльштаттских (карпато-дунайских) культурных традиций были освоены дальние транскарпатские и трансдунайские пути, межгорные дороги и перевалы, многие из которых находились под их контролем и охраной. Таким образом, была сформирована и поддерживалась сеть коммуникаций. Это обеспечивало торгово-обменные операции и придавало стабильность сырьевым потокам (металлы, соль) и «движению» готовых изделий (орудия труда, оружие и утварь, предметы престижного характера и пр.). В последующее предскифское/раннескифское время именно этими, уже освоенными и проторёнными важнейшими трансмагистральями в дальние походы на запад ходили носители восточноевропейских культурных традиций (ранние кочевники, затем «ранние скифы»), проникая во Внутрикарпатскую котловину, Среднее Подунавье и до приальпийской зоны и юга Средней Европы.

- Андрух 1995 – *Андрух С. И.* Нижнедунайская Скифия в VI–начале I в. до н. э. Запорожье, 1995.
- Бочкарёв 2002 – *Бочкарёв В. С.* Проблемы интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация: Мат-лы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб, 2002. С. 45–54.
- Бочкарёв 2010 – *Бочкарёв В. С.* 2010. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб, 2010.
- Бруяко 2005 – *Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до н. э.). Кишинёв, 2005.
- Ванчугов 1990 – *Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.
- Дараган 2011 – *Дараган М. Н.* Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011.
- Дараган, Кашуба 2008 – *Дараган М., Кашуба М.* Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // RA. 2008. Vol. IV, nr. 2. P. 40–73.
- Дергачёв 1999 – *Дергачёв В. А.* Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 169–221.
- Дергачёв 2010 – *Дергачёв В. А.* Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 1. Одношковые кельты с арковидными фасками. Кишинёу, 2010.
- Дергачёв 2011 – *Дергачёв В. А.* Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Кишинёу, 2011.
- Каврук 2011 – *Каврук В.* Олово и соль в Карпатском бассейне в бронзовом веке (Часть первая) // RA. 2011. Vol. VII, nr. 1–2. P. 5–46.
- Кашуба 2000 – *Кашуба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // STRATUMplus. 2000. № 3. С. 241–488.
- Кашуба 2011 – *Кашуба М. Т.* Днестровско-Прутское междуречье как локальный центр перехода к раннему железному веку в Северном Причерноморье // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: Мат-лы Круглого стола. Санкт-Петербург, 23–24 июня 2011 года. СПб, 2011. С. 53–59.
- Кашуба 2012 – *Кашуба М. Т.* О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье – современное состояние исследований // Археологические вести. СПб, 2012. № 18 (в печати).
- Кашуба и др. 2010 – *Кашуба М., Дараган М., Левицкий О.* Технологические новшества раннего железного века: перспективы изучения ранней гончарной сероглиняной керамики Восточного Прикарпатья // RA. 2010. Vol. V, nr. 2. P. 28–61.
- Крушельницька 1985 – *Крушельницька Л. І.* Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж бронзи і заліза). Київ, 1985.
- Крушельницька 1993 – *Крушельницька Л. І.* Нові пам'ятки культури Гава-Голігради // Пам'ятки гальштатського періоду в межиріччі Вісли, Дністра і Прип'яти. Київ, 1993. С. 56–122.
- Крушельницька 1998 – *Крушельницька Л.* Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток). Львів, 1998.
- Левицкий, Демченко 1995 – *Левицкий О. Г., Демченко Т. И.* Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древности Северного Причерноморья и Крыма. 1995. Вып. V. Запорожье. С. 41–53.
- Левицкий, Кашуба 2009 – *Левицкий О. Г., Кашуба М. Т.* О культурных традициях в погребальной обрядности населения проживавшего на западных рубежах Архаической Скифии (источники, проблематика) // Эпоха раннего железа: Сб. науч. тр. к 60-летию С. А. Скорого. Киев; Полтава, 2009. С. 250–267.
- Левицкий, Кашуба 2011 – *Левицкий О. Г., Кашуба М. Т.* Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей (опыт изучения «пустых» погребений) // Археологические вести. СПб, 2011. № 17. СПб, С. 239–258.
- Мелюкова 1979 – *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Синика 2007 – *Синика В. С.* Погребальные памятники скифской культуры конца VII–начала III в. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

- Смирнова, Кашуба 1988 – *Смирнова Г. И., Кашуба М. Т.* О двух локальных группах культуры позднего Черноморья на Среднем Днестре // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 18–28.
- Dergačev 2002 – *Dergačev V.* Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. Stuttgart, 2002 (PBF. XX/9).
- Istoria României 1960 – *Istoria României. I. Comuna primitivă. Sclavagismul. Perioada de trecere la feudalism / Red. resp. C. Daicovicui.* București, 1960.
- Kašuba 2008 – *Kašuba M.* Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa // EA. 2008. Bd. 14. S. 193–231.
- Kašuba 2010 – *Kašuba M.* Primă epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î. Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Cultura cimmerienilor // *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V).* Chișinău, 2010. P. 399–410.
- Kašuba, Levițki 2010 – *Kašuba M., Levițki O.* Primă epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î. Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Considerații generale // *Ibid.* P. 313–329.
- László 1989 – *László A.* Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpathes. La Moldavie aux XII–VII siècles av. n. è. // *La civilisation de Hallstatt, bilan d'une rencontre.* Liège, 1989. P. 111–129 (Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 36).
- László 2001 – *László A.* Prima epocă a fierului // *Istoria românilor / Coord. M. Petrescu-Dîmbovița, Al. Vulpe.* București, 2001. Vol. I: Moștenirea timpurilor îndepărtate. P. 294–353.
- Levițki 1994 – *Levițki O.* Culturile din epoca Hallstatului timpuriu și mijlociu // *Thraco-Dacica.* 1994. Vol. XV, nr. 1–2. București. P. 159–214.
- Levițki 2003 – *Levițki O.* Lumea tracică și masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII–X î. e. n.). București, 2003 (Bibl. Thrac. XL).
- Morintz 1987 – *Morintz S.* Noi date și probleme privind perioadele hallstattiană timpurie și mijlocie în zona istropontică (Cercetările de la Babadag) // *Thraco-Dacica.* 1987. T. VIII, nr. 1–2. București. P. 39–71.
- Mozsolics 1985– *Mozsolics A.* Bronzefunde aus Ungarn. Depotfundhorizonte von Aranyos, Kurd und Gyermely. Budapest, 1985.
- Mozsolics 2000 – *Mozsolics A.* Bronzefunde aus Ungarn. Depotfundhorizonte Hajdúböszörmény, Románd und Bükkszentlászló. Kiel, 2000 (PAS. 17).
- Nicic 2008 – *Nicic A.* Interferențe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II–începutul mil. I a. Chr. Chișinău, 2008 (Bibl. “Tyragetia”. XV).
- Niculici et al. 2008 – *Niculici I., Zanoci A., Arnăut T.* Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). Chișinău 2008 (Bibl. “Tyragetia”. XVIII).
- Petrescu-Dîmbovița 1977 – *Petrescu-Dîmbovița M.* Depozitele de bronzuri din România. București, 1977.
- Vulpe 1990 – *Vulpe A.* Die Kurzschwerte, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. München, 1990 (PBF. VI/9).
- Zanoci 2011 – *Zanoci A.* Tipologia și evoluția construcțiilor defensive din spațiul est-carpatic în secolele XII/XI–III a. Chr. // *Tyragetia, s. n.* Chișinău, 2011. Vol. V [XX], nr. 1. P. 117–152.

Проблемы формирования археологических культур раннего железного века в Волго-Камье

Финальный период эпохи бронзы – время формирования основы археологических культур ананьинской культурно-исторической области (далее АКИО) Волго-Камья – еще в 1960-е гг. получил название предананьинского (Генинг, Совцова 1967: 66–67). Географические рамки Волго-Камья ограничиваются Волго-Камским междуречьем с естественной границей в виде «Северных увалов», на юго-западе – северной частью Приволжской возвышенности, на востоке и юге – левым берегом р. Кама с прилегающими к ней территориями. Кроме того, в область формирования АКИО входили лесостепные участки Южного Приуралья. Общеизвестно, что основой сложения археологических культур предананьинского времени были заосиновская, сусканско-луговская и межовская культуры (Денисов 1967: 30; Ашихмина 1985: 6–8; Денисов, Мельничук 1991; Обыденнов 1998а: 5–42; 1998б; Казаков, Рафикова 1999), отличающиеся своим происхождением. Материальная культура и, прежде всего, керамика сусканско-луговской и межовской культур сложились под воздействием андроновского мира (Кузьминых, Чижевский 2009: 31), заосиновская культура продолжает местные традиции энеолитической посуды (Митряков 2011: 50–51).

Затухание андроновских традиций в оформлении керамики на рассматриваемой территории происходит в XIV/XIII вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский 2009: 32). На рубеже XIV в. до н. э. заосиновская культура перерастает в ерзовскую (Коренюк 2003: 84). С рубежа XIV/XIII вв. до н. э. можно говорить о собственно предананьинской эпохе, начало которой характеризуется появлением валиковой посуды и культур, в основе орнамента керамики которых присутствуют «обедненный» андронидный орнамент. Конец предананьинской эпохи связан с трансформацией культур финального периода эпохи бронзы в культуры раннего железного века. В свою очередь, предананьинскую эпоху также можно разделить на два этапа: ранний (в оформлении посуды активно используется валик) и поздний (валик практически не используется, появляется воротничковая керамика и керамика без дополнительных деталей оформления венчика).

На территории Приустьевого Прикамья к XIV/XIII вв. до н. э. оформляется маклашеевская культура (Кузьминых, Чижевский 2009: 32). Характерным элементом внешнего облика керамики этой культуры на атабаевском этапе был валик – приостренный (подтреугольный) или сглаженный, который размещался в верхней части шейки сосуда у скошенного наружу венчика. Глиняная посуда с примесью раковины была плоскодонной или уплощеннодонной. Орнамент располагался на венчике и в верхней трети сосуда. Основным элементом узора являлся гладкий и мелкий гребенчатый штамп, образующий горизонтальный зигзаг (однорядный и многорядный), флажок, заштрихованные ромбы, сетку и ямки, которые размещались под валиком. В Приустьевом Прикамье известны могильники атабаевского времени – Балымский и Рождественский I, которые характеризуются размещением погребенных в вытянутом положении, в сопровождении круглодонной керамикой и, изредка, медными украшениями и двулезвийными ножами.

В XII–XI вв. до н. э. происходит трансформация атабаевской керамической традиции в маклашеевскую. Под влиянием миграции с запада носителей средневожской культуры «текстильной» керамики (далее СКТК) формируется новый облик глиняной посуды – круглодонной, с высокой цилиндрической горловиной. Треугольный валик исчезает, на смену ему приходит широкий воротничок или безворотничковая керамика. Наряду с раковинной в качестве примесей к глине начинают использовать органику и песок. Часть маклашеевских по облику сосудов содержит «текстильные» – «нитчатые» отпечатки. Орнаментальные мотивы упрощаются, и зачастую на сосудах присутствуют только глубокие ямочные отпечатки. Ямки размещаются на шейке сосуда, как правило, группируясь по три, продолжает использоваться гладкий и мелкий гребенчатый штамп, который образует многорядный горизонтальный зигзаг, сетку и т. д.

Взаимодействие местного и пришлого населения было значительным, что демонстрируют сосуды с «текстильными» отпечатками, найденные в маклашеевских могильниках. На маклашеевский этап (XII/XI–первая половина IX в. до н. э.) в Приустьевом Прикамье приходится 13 могильников маклашеевской культуры (Чижевский 2002; 2008: 12–23). Умерших хоронили вытянуто, как правило, перпендикулярно берегу реки, встречаются и вторичные погребения. Погребенные сопровождалась керамикой и изделиями из бронзы: украшениями, двулезвийными ножами, наконечниками копий, а также кельтами – двуушковыми и с лобным ушком.

В начале раннего железного века на территории Приустьевого Прикамья формируется постмаклашеевская культура АКИО. О преемственности постмаклашеевской и маклашеевской культур свидетельствует существование многочисленных поселений и могильников переходного времени, таких как II Березовогривский, Измерский VII, Мурзихинский II, Тетюшский, II Полянский (Чижевский 2008: 119–126). Характерной особенностью керамического комплекса постмаклашеевской культуры была бедная орнаментация: глиняная посуда украшалась ямками и вдавлениями в различных сочетаниях (только на поздних этапах появляются разреженные отиски шнура); орнамент располагался, в основном, по шейке. Другой отличительной чертой постмаклашеевской культуры были бронзовые и медные кельты с овальным устьем втулки т. н. ананьинского типа.

Культурная ситуация в Казанско-Марийском Поволжье, в целом, соответствует ситуации в Приустьевом Прикамье: начиная с XIV/XIII вв. до н. э. здесь формируется атабаевский керамический комплекс, а в XII/XI вв. до н. э. – маклашеевский. Однако проникновение носителей СКТК происходило здесь раньше и датируется третьей четвертью II тыс. до н. э. (Соловьёв 2000: 93; Чижевский 2010). Этот процесс иллюстрируют совместные находки «текстильной» и поздняяковской керамики, а также находки в заполнениях жилищ сусканско-луговской (балымско-карташихинской) керамики (Соловьёв 2000: 93). Кроме того, эта датировка основывается на серии радиоуглеродных дат, полученной по образцам нагара на сосудах с «текстильными» отпечатками: Козьмодемьянское поселение – 3890 ± 35 BP (He1a 939), пос. Нармус – 3450 ± 50 BP (He1a 934), Кокшайское поселение IV – 3315 ± 50 BP (He1a 933), База отдыха – 3310 ± 60 BP (He1a 937)⁵³ (Лавенто 2011: 268). Заметно больше свидетельств совместного залегания «текстильной» керамики и атабаевской (раннемаклашеевской) посуды – их сочетание отмечено на 10 поселениях.

Зона этого взаимодействия охватывала Марийское и часть Казанского Поволжья. Под влиянием СКТК на некоторых атабаевских сосудах появляются «текстильные» отпечатки (Соловьёв 2000: 91), а на смену плоскодонным (атабаевским) формам приходят круглодонные. В дальнейшем, вплоть до раннего железного века включительно, форма сосудов с «текстильными» отпечатками и сосудов с гладкими стенками, выполненных в местной традиции, была одинаковой и следовала единым тенденциям развития. Данный факт свидетельствует, вероятно, о включении мигрантов в предананьинскую общность, а в дальнейшем и в состав ананьинской культурно-исторической области. Однако процесс взаимодействия пошел здесь иначе, чем в Приустьевом Прикамье – в Казанско-Марийском Поволжье верх одержала «текстильная» традиция. К началу раннего железного века на этой территории оформилась аказинская культура АКИО, носители которой использовали керамику с «текстильными» отпечатками и меларские кельты. Под влиянием постмаклашеевской культуры в начале раннего железного века у носителей аказинской культуры появляются захоронения умерших в землю, ранее им не известные (Чижевский 2010). Особенностью данного региона в раннем железном веке было чересполосное проживание носителей аказинской и постмаклашеевской культур, заложенное еще в финале бронзового века.

В состав Среднего Прикамья обычно включают современное Удмуртское и Пермское течение р. Кама. Так как концепции, характеризующие культурную ситуацию в этих регионах, различны, то они будут рассматриваться отдельно. На территории Удмуртского и прилегающей к нему части Нижнего Прикамья к началу XIII в. до н. э. существовала позднелуговская культура.

⁵³ Даты некалиброванные.

Отличительной особенностью ее керамики был скошенный наружу венчик, часто с подтреугольным валиком или небольшим плоским воротничком в верхней части шейки. Эта керамика плоскодонная, с примесью раковины. Орнамент располагался на венчике и в верхней трети сосуда. Основными элементами орнамента был гладкий и зубчатый штамп, а также прочерченные линии, образующие горизонтальный зигзаг, узкие каннелюры из резных линий, горизонтальную сетку, заштрихованные треугольники с бахромкой. В конце первого этапа предананьинского периода появляется посуда с отпечатками ямок на шейке.

В XI/X вв. до н. э. в керамическом комплексе поселений Нижнего Прикамья происходят значительные изменения, вызванные проникновением носителей маклашеевской культуры. Это приводит к «обеднению» орнамента и замещению плоскодонной посуды круглодонной. Здесь образуется своеобразный конгломерат керамики, сочетающий как местные атабаевские (позднелуговские) черты, так и маклашеевские. Л. И. Ашихмина предложила называть данный керамический комплекс быргындинской культурой. Погребальный обряд второго этапа предананьинской эпохи известен по материалам четырех могильников маклашеевской культуры, который не отличается от обряда некрополей Приустьевого Прикамья. Культурные слои на поселениях позднего бронзового века в данном регионе отражают процесс постепенного перехода к раннему железному веку. Здесь фиксируются поселения с непрерывным культурным слоем, содержащим напластования от ПБВ до РЖВ. На основании этих культурных отложений было прослежено постепенное формирование ананьинской культуры шнуровой керамики (далее АКШК). Именно здесь, в начале раннего железного века, отмечена самая ранняя керамика со сложношнуровой орнаментацией (городище Зуевы Ключи). Особенностью керамики АКШК является шнуровая орнаментация, образующая сложные композиции: наклонные и зигзагообразные линии, решетка, ромб, треугольники, ямка. Самый ранний, Зуевключевской этап развития АКШК, относится к VIII–VI вв. до н. э. (Ашихмина 1985: 11). Другой чертой, определяющей культурную обособленность АКШК в рамках АКЮ, являются кельты с шестигранным сечением устья втулки (Кузьминых 1983: рис. 46, 6; табл. 9; Марков 2007: 58–59).

В Пермском Прикамье в начале предананьинской эпохи сформировалась ерзовская культура. Большинство сосудов первого этапа ерзовской культуры имело прямую или слегка отогнутую шейку, заостренный венчик с налетом в виде треугольного валика или небольшого воротничка (иногда вместо воротничка фиксируется скошенный наружу венчик), днища сосудов, как правило, очень маленькие (Денисов 1967: 35). В качестве примесей к глине использовали шамот, песок и органику. Основными элементами орнамента были прочерченная линия, зубчатый и гладкий штамп, ямки и вдавления, которые образуют «решетку», «флажки», ромбы, треугольники, горизонтальный зигзаг, «елочку». Орнамент располагался на венчике и в верхней трети сосуда.

На втором этапе развития ерзовской культуры исчезает подтреугольный валик в верхней части шейки, форма которой остается неизменной, плоскодонная посуда замещается круглодонной. В качестве примесей к глине использовали песок и раковину. Последнее, вероятно, обусловлено проникновением керамики маклашеевской культуры в данный регион (Денисов 1967: 41, рис. 2, 24). Маклашеевская керамическая традиция оказала определенное влияние на формирование общего облика (сосуды с круглым днищем) и орнамента позднеерзовской керамики. Происходит «обеднение» орнамента, основными элементами которого оставалась ямка, овальные и треугольные вдавления, гладкий и зубчатый штамп, прочерченные линии. Орнаментальные мотивы представлены сочетаниями ямочных вдавлений, образующих розетки, многочисленны различные насечки и «змейки», реже встречены орнаментальные мотивы, образованные гребенчатым и гладким штампом (горизонтальный зигзаг, «флажок» и т. д.).

Погребальный обряд ерзовской культуры известен по Заозерскому мог-ку (Коренюк 2000). Умерших хоронили по обряду ингумации, зафиксированы как полные, так и частичные погребения. Погребенные лежали головой к реке, зафиксировано использование камней для конструирования внутреннего устройства могильной ямы. Погребальный инвентарь беден – это круглодонная керамика, кремневые долотовидные орудия, скребки и шлифованные топорики.

На поселениях Пермского Прикамья наблюдается процесс постепенного перехода к раннему железному веку – здесь также шел процесс формирования АКШК. Об этом свидетельствуют находки в жилищах позднего этапа ерзовской культуры керамики, орнаментированной сочетаниями горизонтальных полос шнура, узорами в виде «решетки», наклонной гребенки и горизонтального зигзага, выполненными оттисками гребенчатого штампа (Оборин 1968: 20). Особенностью АКШК в данном регионе было сочетание керамики со сложношнуровой орнаментацией и посуды с простой ямочной орнаментацией. Другой особенностью этих памятников по сравнению с Удмуртским Прикамьем является наличие в могильниках как кельтов с шестигранной, так и с овальной втулкой специфически камских типов – КАН-2, КАН-8, КАН-12, КАН-18, КАН-36, КАН-38, КАН-44 и КАН-50 (Чижевский 2008: 63).

Культурная ситуация в бассейне р. Вятка наименее изучена. Скорее всего, процесс развития культур этого региона шел тем же путем, что и в Удмуртском Прикамье. Однако, начиная с начала раннего железного века, в культуругенезе участвовали носители лебяжской культуры Северного Приуралья (Марков 2007: 56). В позднем бронзовом веке она занимала бассейны рек Печоры и Вычегды, а на рубеже эпох ее носители начинают движение на юг. На основе лебяжской керамической традиции сформировалась ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики (далее АКГШК), которая появилась в бассейнах рек Вятка и Ветлуга в уже сформированном виде. Керамика АКГШК – это круглодонные чашевидные и горшковидные сосуды с примесью раковины в тесте, орнаментированные оттисками зубчатого штампа и шнуром. Элементы орнамента и орнаментальные мотивы лебяжской и АКГШК очень близки. Основным отличием их является замена гребенчатой техники на шнуровую в передаче горизонтальных линий отдельных элементов композиции. Кроме керамики, культуруопределяющим признаком АКГШК является наличие в инвентаре ветлужских могильников кельтов с шестигранной втулкой типа КАН-90. В качестве области формирования АКГШК указываются Пермское Прикамье, т. к. здесь встречены и шнуровые, и гребенчатые керамические комплексы (Марков 2007: 57), и территории европейского Северо-Востока (Кузьминых, Чижевский 2009: 35). Памятники АКГШК датируются VII–V вв. до н. э.

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что на протяжении всей предананьинской эпохи территорию Волго-Камья занимали носители похожих керамических традиций, особенно близких на раннем этапе. Керамика первого этапа характеризуется наличием подтреугольного «атабаевского» валика, который определял внешний облик сосуда; аналогичны и орнаментальные мотивы, несколько отличается лишь орнамент самой северной ерзовской керамики. На втором этапе под влиянием миграции носителей средневолжской культуры «текстильной» керамики происходит изменение керамического комплекса. Керамика становится круглодонной, на большей части территорий исчезает валик на шейке. С этого момента единая волго-камская керамическая традиция распадается. В Приустьевом Прикамье образуется маклашеевская культура, керамика которой претерпела максимальные изменения. В Казанско-Марийском Поволжье продолжала свое развитие СКТК. В Удмуртском Прикамье, наряду с проникновением маклашеевских керамических традиций, продолжалось развитие валикового атабаевского комплекса. Проникновение носителей маклашеевской культуры в Пермское Прикамье и здесь приводит к изменению керамических традиций. Однако орнамент ерзовской культуры по-прежнему сохраняет значительное своеобразие по сравнению с остальным Волго-Камьем.

Таким образом, уже в финальном периоде бронзового века в Волго-Камье появляются ощутимые различия в оформлении керамических комплексов разных территорий. Наряду с этим наблюдается и некоторая неравномерность в развитии материальной культуры в целом. Все это в начале раннего железного века приводит к оформлению разных культур в составе ананьинского мира: аозинской – в Казанско-Марийском Поволжье, постмаклашеевской – в Приустьевом Прикамье и р. Белой, АКШК – в Среднем Прикамье. АКГШК сформировалась, вероятно, вне пределов Волго-Камья, либо на самой границе этого региона. Наряду с некоторыми различиями, культуры Волго-Камья в предананьинское и ананьинское время имели и много общего, обусловленного

влиянием СКТК, а затем маклашеевской и постмаклашеевской культур. Именно это общее позволяет объединять их в рамках таких надкультурных образований, как культурно-исторические области (общности) и отделять от соседних культур лесной и степной зоны.

- Ашихмина 1985 – *Ашихмина Л. И.* Генезис ананьинской культуры Среднего Прикамья // Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиала АН СССР. 1985. Вып. 119. С. 1–26.
- Генинг, Совцова 1967 – *Генинг В. Ф., Совцова Н. И.* О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // УЗ ПермГУ. 1967. № 148. С. 50–71.
- Денисов 1967 – *Денисов В. П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПермГУ. 1967. № 148. С. 29–50.
- Денисов, Мельничук 1991 – *Денисов В. П., Мельничук А. Ф.* Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. С. 102–113 (Археология и этнография Марийского края. Вып. 19).
- Казаков, Рафикова 1999 – *Казаков Е. П., Рафикова З. С.* Очерки древней истории Восточного Закамья. Казань, 1999.
- Коренюк 2000 – *Коренюк С. Н.* Новые могильники I тысячелетия до н. э. в Среднем Прикамье // Оборинские чтения. Пермь, 2000. Вып. 1. С. 12–15.
- Коренюк 2003 – *Коренюк С. Н.* Жилища ерзовской культуры // Международное (XVI) УАС. Пермь, 2003. С. 84–87.
- Кузьминых 1983 – *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
- Кузьминых, Чижевский 2009 – *Кузьминых С. В., Чижевский А. А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 29–55 (АЕС. Вып. 8).
- Лавенто 2011 – *Лавенто М.* Новые АМС датировки текстильной керамики Среднего и Верхнего Поволжья // Тверская земля и сопредельные территории в древности: Мат-лы IV археологической конф. 12-го заседания научно-метод. семинара. Тверь, 2011. Т. 1. С. 263–272.
- Марков 2007 – *Марков В. Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007 (АЕС. Вып. 4).
- Митряков 2011 – *Митряков А. Е.* Проблемы функционирования поселений эпохи бронзы Удмуртского Прикамья (по материалам керамического комплекса Зуевключесвского II поселения) // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2011. Вып. 1. С. 50–54.
- Оборин 1968 – *Оборин В. А.* Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961–1966 гг. // УЗ ПермГУ. 1968. № 191. С. 7–27.
- Обыденнов 1998а – *Обыденнов М. Ф.* Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа, 1998.
- Обыденнов 1998б – *Обыденнов М. Ф.* Межовская культура. Уфа, 1998.
- Соловьёв 2000 – *Соловьёв Б. С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000.
- Чижевский 2002 – *Чижевский А. А. Е. А.* Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы историко-культурного наследия Волго-Камья. Казань, 2002. С. 30–37.
- Чижевский 2008 – *Чижевский А. А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового-раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008.
- Чижевский 2010 – *Чижевский А. А.* Культура «текстильной» керамики в Марийско-Казанском Поволжье и Нижнем Прикамье // XVIII УАС. Уфа, 2010. С. 258–260.

А. А. Дудин (Краматорск, Украина)

К вопросу о социальной элите ранних кочевников Северного Причерноморья в первой трети I тыс. до н. э.

Реконструкция социальных структур древних обществ остается одной из актуальных проблем современной археологической науки. Используя эффективные методики универсального характера, в первую очередь, междисциплинарный подход, можно предложить модель/модели социальной структуры того или иного общества древности. При этом важным остается характер археологического материала, его социоинформативный потенциал. Он зависит, в первую очередь, от параметров погребального обряда, количественной и качественной характеристик погребального инвентаря, а в некоторых случаях – результатов раскопок поселений. Наиболее важным этапом в реконструкции социального организма является извлечение из археологического источника социальной информации. Ее дальнейшая интерпретация и преобразование в язык социальной терминологии, отличающейся своей многокомпонентностью, предоставляет широкий выбор методик для реконструкции социальных отношений в том или ином древнем обществе. Примером чему может служить разноплановость самой социальной культуры, функционирование которой предполагает целый ряд различных структурных элементов (Ольховский 1995: 89–90).

Вопросы реконструкции социальных структур обществ ранних кочевников степей Евразии активно разрабатываются специалистами (см. Васютин и др. 2005; Крадин 2008; и др.). Исследователи заметно продвинулись в понимании социальных структур населения Алтая в скифскую эпоху (Тишкин, Дашковский 2003: 169–207). У истоков этого направления стоял выдающийся археолог Михаил Петрович Грязнов, который одним из первых комплексно подошел к воссозданию социальных структур ранних кочевников (Грязнов 1961; 1980: 45–50). При этом явно недостаточно подобного рода реконструкций для ранних кочевников юга Восточной Европы первой трети I тыс. до н. э. (или предскифского периода). Это вызвано как характером самого археологического материала, так изучением, прежде всего, вопросов этнокультурной принадлежности раннекочевнического населения Северного Причерноморья в предскифский период, направленных на решение т. н. киммерийской проблемы (Тереножкин 1976: 212–215). Однако в последнее время наметился определенный прогресс в разработке вопросов социальной структуры ранних кочевников Северного Причерноморья в первой трети I тыс. до н. э. (Махортых 2005: 286–293; Бруяко 2005: 308; Дудин 2010; 2011). На основе анализа погребений ранних кочевников Северного Причерноморья первой трети I тыс. до н. э. в настоящей статье делается попытка выделить элиту – наиболее престижную группу ранговой и имущественно дифференцирующей социальной структуры.

Само понятие «элита», являясь политологической и социологической категорией, не имеет четкого определения. Традиционно в политологии элита рассматривается как самостоятельная, немногочисленная и обладающая особыми качествами социальная группа, имеющая высший социальный статус и принимающая непосредственное участие в осуществлении решений, связанных с использованием политической власти (Погорелый 2010: 267). Использование данной категории для обозначения группы лиц, выполняющих функции управления и обладающими властными полномочиями, стало практиковаться специалистами в области социальной номиналогии совсем недавно наряду с такими уже традиционными дефинициями как «аристократия» и «знать» (Мейкшан 2011: 142). Обладая значительной динамичностью, «элита», как один из элементов социально-политической системы, наиболее точно отображает характер развития кочевого общества со свойственной ему нестабильностью и милитаризацией. Особо прогрессивный характер «элита» приобретает именно в эпоху ранних кочевников, в какой-то степени являясь результатом военно-аристократического пути политогенеза обществ степной бронзы (Массон 1994: 2).

Для выделения и обозначения признаков категории «элита» в социальных структурах ранних кочевников Северного Причерноморья первой трети I тыс. до н. э., автором был разработан комплекс критериев, позволяющий осуществить детальный анализ погребений, являющихся основным источником для реконструкции. Одной из задач такого анализа было выделение социальных маркеров – элементов погребального обряда, отображающих в разной степени прижизненный социальный статус индивида. Сам механизм такого выделения, представляющий из себя статистический и сравнительно-типологический методы анализа погребальных памятников, из-за ограниченного объема данной публикации, будет рассмотрен в несколько упрощенном виде.

Источниковую базу настоящего исследования составили материалы 148 погребений, хронологическая принадлежность которых к рассматриваемому периоду не вызывала сомнений, а их параметры, хотя и не всегда полноценные (ограбленные и/или разрушенные захоронения), все же содержали информацию о погребальном сооружении и сопроводительном инвентаре. Одним из ведущих критериев в процессе анализа погребений была сложность и особенности конструкции погребального сооружения, находящихся в тесной взаимосвязи с трудозатратами на их создание, и, следовательно, являющихся показателем социального статуса погребенного. В целом, погребальная обрядность ранних кочевников предскифского времени Северного Причерноморья не отличается значительной вариабельностью. Преимущественно все погребения являлись впускными в курганы эпохи бронзы, отличаясь размерами досыпки и, в редких случаях, наличием каменных выкладок. Преобладающими типами погребальных сооружений являлись простая грунтовая яма и подбой. В последнем случае иногда встречаются катакомбы и подбои, имеющие сложную конструкцию. Что касается погребений в грунтовых ямах, то и среди них выделяются погребения с усложненной конструкцией, в виде деревянных срубов, перекрытий и т. д. В большинстве случаев размеры подбоя или грунтовой ямы ограничивались созданием необходимого пространства для размещения там тела умершего. Особенно четко такая закономерность просматривается в случае с подбоями, где скорченная или вытянутая поза умершего предполагает соответствующие размеры погребального сооружения. В результате детального анализа погребальных сооружений был выделен целый ряд захоронений, выделяющихся своими параметрами и особенностями конструкции.

При анализе погребального инвентаря основное внимание было обращено на материальную ценность изделий, количество находок, а также их престижность и символическую значимость. С учетом этих показателей были выделены погребения, содержащие предметы, изготовленные из драгоценных металлов или с их использованием (височные подвески, накладки на деревянные сосуды), а также редко встречающиеся изделия с явным проявлением престижного характера (каменные и бронзовые молотки, детали конской узды, предметы вооружения).

Далее были выделены 18 захоронений, в которых сочетались социально значимые показатели по погребальному сооружению и сопровождающему инвентарю. Анализ этих захоронений, заключающийся в подсчете наличия социальных маркеров в каждом, позволил их распределить по двум основным группам.

К первой группе были отнесены погребения с шестью–четырьмя социальными маркерами: шесть социальных маркеров – Высокая Могила, погр. 5; пять социальных маркеров – Слободзея, кург. 3, погр. 3; четыре социальных маркера – Великая Александровка, Зольное, кург. 1, погр. 10 и Калиновка, кург. 1, погр. 2. Ко второй группе отнесены погребения с тремя–одним социальными маркерами: три социальных маркера – Высокая Могила, погр. 2; Головковка, кург. 4, погр. 13; Звонецкое, кург. 15, погр. 2; Зимогорье, кург. 2, погр. 5; Новопетровка; Целинное, кург. 16, погр. 3; Чечелиевка, кург. 1, погр. 3; Малая Цимбалка; два социальных маркера – Бирюково, кург. 8, погр. 2; Димитрово, кург. 1, погр. 1; Зеленый Луг, кург. 3, погр. 6. Отдельно стоит упомянуть два эталонных погребения Черногоровка, кург. 1, погр. 3 и Камышеваха, кург. 256, о которых имеются неполные сведения, что позволяет предположительно (с учетом деталей конской узды) отнести их к захоронениям всадников.

Предложенное распределение погребений по группам имеет относительный характер, поскольку информационный потенциал социальных маркеров различен и обладает своей спецификой. Напр., разнятся признаки сложности погребального сооружения: в некоторых погребениях они стандартны (Чечелиевка, кург. 1, погр. 8; Зимогорье, кург. 2, погр. 5), несмотря на присутствие в их инвентаре целого ряда социально значимых маркеров. Это подтверждает мнение о том, что трудозатраты на возведение погребального памятника не являются абсолютным критерием социального статуса погребенного и экономического потенциала общества, представителем которого он являлся. Погребальный памятник мог возводиться согласно религиозно-мифологических представлений, и не демонстрировать реальный социальный статус умершего (Ольховский 1995: 95). Соглашаясь с этим мнением, отметим, что в рассматриваемых памятниках имеется четкая закономерность в соотношении показателей погребального сооружения и инвентаря – внушительному по своим размерам погребальному сооружению соответствует богатый инвентарь. Здесь важен факт, что инвентарь большей части погребений предскифского времени Северного Причерноморья составляла только керамика, и по своим размерам эти захоронения были стандартно небольшими.

Социально значимым элементом погребальной обрядности ранних кочевников Северного Причерноморья первой трети I тыс. до н. э. можно считать изделия, изготовленные из драгоценных металлов или выполненные с использованием последних. Из 18 выделенных погребений в половине из них было зафиксировано наличие драгоценных металлов в виде золотых или плакированных золотом височных подвесок «бараньи рожки», золотых и серебряной накладок на деревянные сосуды, золотых пронизей. Знаковый статус золота наряду с его материальной ценностью известен. Одни из ярких примеров – использование золота в скифском погребальном обряде (Гуляев, Савченко 1999). Именно у скифов золото выступает символом царской власти. Имеются основания предполагать существование такого же символизма и в предскифское время, подтверждением чему являются височные подвески «бараньи рожки», демонстрирующие ассоциации и связь с древнеиранским фарном (Дудин 2009: 13). В свою очередь, фарн у иранцев был тесно связан с идеологией сакральной царской власти (Шауб 2007: 123). Таким образом, золотые височные подвески «бараньи рожки» можно использовать в качестве социального индикатора, маркирующего особый статус их владельца в иерархической структуре общества ранних кочевников предскифского времени.

Говоря о золотых и серебряной деталях декорирования деревянных сосудов, прежде всего чаш, необходимо учитывать многообразие использования самих чаш. Будучи наиболее подходящей для кочевого быта по своим качествам, деревянная посуда широко использовалась кочевниками не только в быту, но и в культово-обрядовой сфере, где приобретала существенный семиотический статус. Можно допустить, что металлические детали ее декорирования как раз и были призваны способствовать переходу посуды из бытовой категории в категорию знаков, обладающих определенным символизмом, в т. ч. социальным. Напр., находки деревянных чаш, декорированных металлическими деталями, в погребениях срубной культуры эпохи бронзы могут быть использованы как социальные маркеры погребений служителей культа (Цимиданов 2004: 75–76). Однако для первой трети I тыс. до н. э. деревянная посуда (чаши) перестает быть полноценным маркером служителей культа, утрачивая свой информационный потенциал, в то же время деревянные чаши, прежде всего, с золотыми накладками, маркируют собой погребения индивидов, совмещающих функции властителя и служителя культа, т. е. наряду с военной и административной, обладающих и религиозной властью (Дудин 2011: 24). Подобная ситуация особо характерна для скифской эпохи (Дашковский 2007; Марсадоллов 2011 и др.).

К социально значимой категории погребального инвентаря также относятся детали конского снаряжения. Они встречены в половине выделенных погребений, несомненно, выступая веским основанием для отнесения их к захоронениям всадников. Всадничеству отводится существенная роль в становлении кочевого скотоводства, однако его развитие происходило, по крайней мере, двумя путями: превращение всадника в воина-агрессора и путем рационального использования

верховой езды в кочевой экономике и только при необходимости – в военных целях. Поэтому лишь в случае сочетания в одном захоронении деталей конского снаряжения и предметов вооружения можно его интерпретировать как погребение воина-всадника. В этом отношении к числу эталонных можно отнести три комплекса: Высокая Могила, погр. 5; Зольное, кург. 1, погр. 10 и Слободзея, кург. 3, погр. 3.

Предметы вооружения присутствовали и в других погребальных комплексах, поэтому важно определить, были ли они воинскими. Напр., большинство таких захоронений С. В. Махортых относит к числу погребений военных вождей (Махортых 2005: 290–292). В целом, это согласуется с возможными реалиями общественного уклада ранних кочевников Северного Причерноморья предскифского времени, однако имеются существенные уточнения. В первую очередь, это касается комплексов Калиновка, кург. 1, погр. 2 и Звонецкое I, кург. 15, погр. 2. В них были найдены бронзовый и каменный молотки, которые наряду с другими признаками погребального обряда, по мнению С. В. Махортых, являются доказательством принадлежности захоронений военным вождям. Напр., погребение у Калиновки находится в степном Побужье, где в захоронениях почти полностью отсутствуют детали конской узды и предметы вооружения, что может свидетельствовать о сравнительно мирном характере кочевого населения этой территории. К тому же бронзовый молоток, скорее всего, мог олицетворять собой символ административной власти.

Проведенный анализ социально значимых элементов погребальной обрядности позволяет выделить захоронения представителей социальной элиты ранних кочевников Северного Причерноморья первой трети I тыс. до н. э. По всей видимости, в них были погребены представители разных элитных групп – воинской (Высокая Могила, погр. 2 и 5; Зольное, кург. 1, погр. 10; Слободзея, кург. 3 погр. 3) и административно-религиозной (Великая Александровка, кург. 1, погр. 1; Калиновка, кург. 1, погр. 2; Звонецкое I, кург. 15, погр. 2 и Целинное, кург. 16, погр. 3). Полученные результаты требуют дальнейшей разработки, в т. ч. с учетом материалов из Среднего Поднепровья, Волго-Донского региона и Предкавказья.

Бруяко 2005 – *Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р. Х.). Кишинёв, 2005.

Васютин и др. 2005 – *Васютин С. А., Крадин Н. Н., Тишкин А. А.* Реконструкция социальной структуры ранних кочевников в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 16–44.

Грязнов 1961 – *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 7–31.

Грязнов 1980 – *Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Гуляев, Савченко 1999 – *Гуляев В. И., Савченко Е. И.* К вопросу о роли золота в погребальном обряде скифов // Евразийские древности: 100 лет Б. Н. Гракова. Архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 151–160.

Дашковский 2007 – *Дашковский П. К.* Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Изв. Алтайского гос. университета. Барнаул, 2007. Сер. История. № 4/2. С. 46–52.

Дудин 2009 – *Дудин А. А.* Височные подвески – «бараньи рога» и некоторые вопросы мировоззрения ранних кочевников степей Восточной Европы (IX–VII вв. до н. э.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Харків, 2009. Вип. 12. С. 8–16.

Дудин 2010 – *Дудин А. А.* К вопросу об уровне социального развития ранних кочевников степей Восточной Европы в первой трети I тыс. до н. э. // Проблемы истории и археологии Украины: Мат-лы VII Международ. науч. конф. (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). Харьков, 2010. С. 30–31.

Дудин 2011 – *Дудин А. А.* К вопросу о возможности выделения комплексов служителей культа среди погребений ранних кочевников степей Восточной Европы в первой трети I тыс. до н. э. // Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; М., 2011. Вып. 10. С. 15–28.

- Крадин 2008 – *Крадин Н. Н.* Социальная структура ранних кочевников Евразии // Номады казахских степей: этнокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сарматской эпохи. Астана, 2008. С. 28–38.
- Марсадолов 2011 – *Марсадолов Л. С.* Сакральное, социально-экономическое и геополитическое лидерство вождей кочевых племен Саяно-Алтая в I тыс. до н. э. // Теория и методология архаики. Лидерство в архаике: условия и формы проявления. СПб, 2011. С. 130–142.
- Массон 1994 – *Массон В. М.* Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: Мат-лы заседаний «Круглого стола» 22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург. СПб, 1994. С. 1–8.
- Махортых 2005 – *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.
- Мейкшан 2011 – *Мейкшан И. А.* Элита, аристократия, знать в кочевом обществе: некоторые аспекты изучения по материалам письменных и археологических источников // Изв. Алтайского гос. университета. Барнаул, 2011. Сер. История. № 4/1 (72). С. 142–147.
- Погорелый 2010 – *Погорелый Д. Е.* Новейший политологический словарь. Ростов-на-Дону, 2010.
- Ольховский 1995 – *Ольховский В. С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2. С. 85–98.
- Тереножкин 1976 – Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Тишкин, Дашковский 2003 – *Тишкин А. А., Дашковский К. П.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003.
- Цимиданов 2004 – *Цимиданов В. В.* Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004.
- Шауб 2007 – *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб, 2007.

М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба (Санкт-Петербург, Россия)

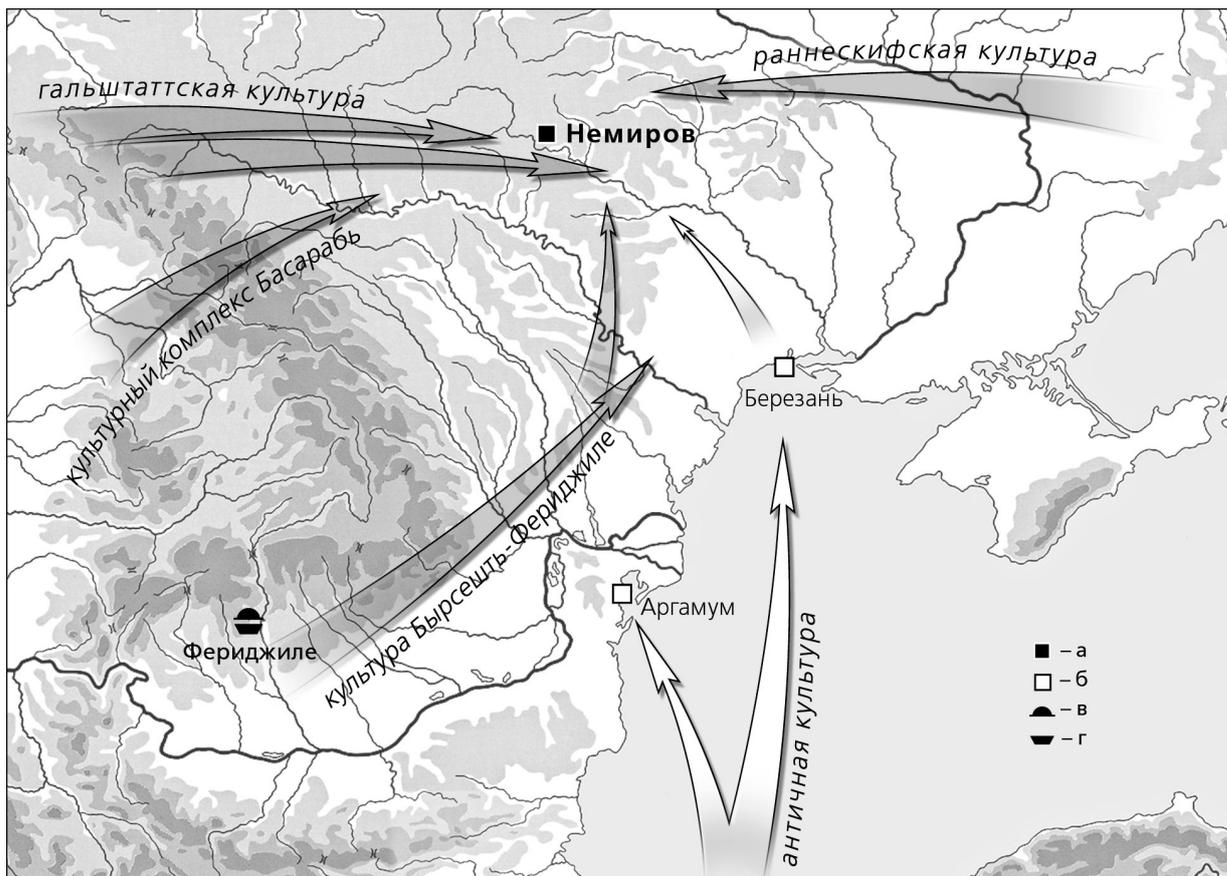
Восточноевропейский, гальштаттский и греческий импульсы в материальной культуре раннего железного века Немировского городища

В археологии раннего железного века Северного Причерноморья имеются памятники, материалы которых хотя и не принадлежат к числу признанных шедевров древней культуры, продолжают оставаться ключевыми в изучении многих важных проблем, в т. ч. кардинальных проблем взаимодействия различных культурных миров, «варваров» и «цивилизаций» и пр. К числу таких памятников по праву принадлежит Немировское городище, расположенное в глубинном лесостепном районе бассейна Южного Буга. В его материальной культуре раннего железного века сфокусированы влияния нескольких восточных и западных варварских культур, а также восточно-греческий, «ионийский» импульс (рис. 1, 1–2).

Полевые исследования Немировского городища, начатые еще в 1909 г. (Гамченко 1911: 20 сл.; Спицын 1911) и продолженные М. И. Артамоновым в середине прошлого столетия (Артамонов 1947; 1948: 177 сл.; 1955; 1998: 59 сл.),⁵⁴ а также последующее «кабинетное» изучение полученных материалов силами многих специалистов (библиографию см. Кашуба и др. 2010: 156 сл.; Kaşuba et al. 2010: 24 сл.) заложили хороший фундамент для дальнейших исследований.

Немировское городище, несмотря на отсутствие полноценной публикации раскопанных материалов, стало базовым памятником восточноподольского/побужского локального варианта лесостепной культуры скифского времени (Фабрициус 1951: 52 и сл.; Граков, Мелюкова 1954: 82–86, рис. 9; Ильинская, Тереножкин 1983: 282–286; Бессонова 1994: 3 сл.). Среди особенностей культурно-исторического развития этого региона в скифский период назывались влияния из Средней Европы (гальштаттская и «а ля гальштаттская» лощеная посуда Немирова), а также первые контакты с греками (ранний греческий импорт опять же из Немирова). Материальная культура РЖВ

⁵⁴ В силу характера настоящего сборника библиография в тексте дается выборочно.

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА	ГРЕЦИЯ	СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ			Лет до н. э.
		Днестровско-Прутское междуречье	Среднее Побужье	Периодизация (лесостепь и степь)	
Lt A	классический период	классическая гетская культура		классический скифский период	500
Ha D	поздняя архаика				
	Ha C	зрелая архаика	раннегетская культура	↑↑↑	раннескифский период
ранняя архаика		позднегальштаттские группы	Немиров		
Ha B3	«темные века»	↑↑↑	↓↓↓	предскифский период	700
		Шолдэнешть (Басарабь-Шолдэнешть)	??		
		Сахарна- Шолдэнешть			800

Рис. 1. Немировское городище на Южном Буге:

- 1 – культурные импульсы и контакты, отразившиеся в его материальной культуре РЖВ (а – городище, б – греческие колонии/эмпории, в – курганный могильник, г – грунтовый могильник);
 2 – синхронизация периода существования Немирова в РЖВ с существующими хронологическими схемами и периодами развития Средней Европы, Древней Греции и Северного Причерноморья

самого городища была разделена на три этапа: предскифский, раннескифский доколониционный и раннескифский колониционный, приходящиеся на вторую половину VIII–VI в. до н. э. (Смирнова 2001: 33 сл.; 2002: 217). Однако не все важные компоненты легли в основу этой периодизации – в качестве ведущих были учтены только скифский и греческий факторы. Гальштаттский импульс рассматривался как второстепенный и в предложенной периодизации не учитывался. Появление особой лощеной керамики Немирова, по мнению Г. И. Смирновой, было обусловлено преобладающими влияниями позднегальштаттской (карпато-дунайской) культуры Фериджиле-Бырсешть (миски), и лишь отдельные типы корчаг выводились из культур Восточногальштаттского круга Средней Европы. Считалось, что специфические формы и орнаментация лощеной посуды в лесостепных раннескифских культурах Северного Причерноморья были обусловлены гальштаттскими влияниями разных культур. Однако механизм таких влияний оставался неясным. Появившиеся в последнее десятилетие новые материалы, интерпретации и концепции позволяют по-новому осмыслить значение Немировского городища в раннескифский период.

Местные и шире – восточноевропейские материалы. Базовая составляющая материальной культуры Немирова – лесостепная культура скифского времени этого региона имеет ряд отличительных признаков. Ее основу составляет позднее Чернолесье, несущее ощутимый вклад культуры поздней Гава-Голиграды или даже пост-Гава-Голиграды. Стоит отметить, что уже при первом обобщении материалов своих раскопок на Немирове и, в целом, в Южной Подолии М. И. Артамонов отмечал существенный вклад в местную культуру голиградской группы восточнокарпатских областей. Это важное наблюдение в дальнейшем подтвердилось выявленной значительной ролью культуры Гава-Голиграды в сложении керамического комплекса позднечернолесской культуры Поднестровья и в культурогенезе обществ РЖВ Прикарпатья и Западной Волыни (Крушельницкая 1991: 24 сл.). Также выяснилось, что появление низких черпаков с возвышающейся ручкой в Среднем Поднестровье и в лесостепном Днепровском Правобережье можно связывать с непосредственным влиянием носителей культуры Гава-Голиграды Восточного Прикарпатья. На первоначальном этапе РЖВ они были переняты северопричерноморским населением, начавшим производить эту специфическую керамическую форму (Кашуба, Левицкий 2011а). Это в какой-то мере объясняет и появление черпаков т. н. немировского типа, не имеющих местных прототипов.

К числу восточноевропейских материалов из Немирова относятся изделия скифского типа – хроноиндикаторы, среди которых костяные и бронзовые наконечники стрел, костяная палочка-застежка и два роговых псаля. Важны также ручка бронзового зеркала и два костяных гребня с вертикальной ручкой. Их характеристика была представлена Г. И. Смирновой в ряде ее работ: датировки самых ранних бронзовых наконечников стрел относятся ко второй половине VIII–началу VII в. до н. э., а остальных находок – укладываются в пределы РСК-2 и, частично, РСК-3, в целом не переживая середину VI в. до н. э. (Смирнова 2002: 217 сл.). Часть таких предметов на городище могла попасть непосредственно от носителей раннескифского комплекса, другие – путем торговли или дарения/обмена.

Гальштаттские материалы. Согласно современным представлениям о характере и механизме появления в Северном Причерноморье гальштаттских культур и отдельных находок, в материалах Немировского городища выделяются несколько гальштаттских импульсов. Два из них связаны с гальштаттскими (карпато-дунайскими) культурами Басарабь и Бырсешть-Фериджиле, третий – со средневропейскими культурами Восточногальштаттского круга.

Присутствие материалов среднегальштаттской (карпато-дунайской) культуры Басарабь среди находок в Немирове известно давно и не раз было отмечено. Однако в последнее время были пересмотрены механизмы и пути трансляции басарабских традиций (Kaşuba 2008; Кашуба 2008: 29; и др.). Поэтому появление в Немирове на раннем этапе его существования материалов культуры Басарабь частично могло быть связано с ее носителями, продвинувшимися (северным путем) в лесостепные области Западной и Южной Подолии из внутривосточноевропейской котловины (рис. 1, 1). В пользу этого свидетельствуют объем и характер таких материалов, среди которых не только

специфическая (культуроопределяющая) керамика, но также и раскопанные на Немирове круглые углубленные жилища (см. Кашуба, Левицкий 2011б: 529 сл.). В случае позднегалльштаттской (карпато-дунайской) культуры Бырсешть-Фериджиле можно говорить именно о влияниях.

Расширились наши представления о механизме появления в Северном Причерноморье материалов Восточногалльштаттского круга, что связано с деятельностью носителей РСК, отдельные группы которых участвовали в дальних западных походах вплоть до рубежей Средней Европы (см. Кашуба и др. 2010: 163 сл.; Кашуба 2012). Изделия бытовой культуры в Немирове (посуда) и находки элитного характера из других памятников (элементы парадного женского головного убора, детали костюма и украшения, шлем и посуда с металлическими аппликациями) показывают, что вместе с возвращающимися из походов на запад воинскими контингентами в лесостепные области Северного Причерноморья пришла группа мигрантов (женщины, ремесленники, торговцы) из Средней Европы. Они обосновались на Немировском городище, откуда осуществлялись трансляции восточногалльштаттских культурных стандартов в среду местного северопричерноморского населения.

Греческие материалы. Коллекция греческой керамики, обнаруженная во время раскопок Немировского городища, состоит из образцов расписной столовой посуды и фрагментов тарных амфор (Фармаковский 1914: табл. VI–VII; Онайко 1966: кат. № 1; Вахтина 1996: 85 сл.; 1998; 2007: 49 сл.; Vakhtina 2007; и др.). Значительную часть коллекции составляют фрагменты ойнохой, расписанных в ориентализирующем стиле, которые можно отнести к 640/630–600 гг. до н. э. По количеству находок греческой импортной архаической посуды Немировское городище продолжает оставаться «лидером» среди скифских лесостепных городищ Побужья–Поднепровья.

Это, на наш взгляд, свидетельствует об интенсивных контактах между греками и туземным населением, установившимися не позднее третьей четверти VII в. до н. э. Большинство найденных в Немирове античных материалов датируются в пределах этого столетия; к VI в. до н. э. можно отнести лишь единичные экземпляры столовой посуды и фрагменты остродонных амфор. Вся найденная на городище античная керамика была изготовлена в Восточной Греции. Важно отметить, что аттический импорт, «волна» которого выразительно представлена в варварских памятниках Северного Причерноморья позднеархаического и, в особенности, классического времени, на городище полностью отсутствует.

Таким образом, в материальной культуре РЖВ Немировского городища выявляются следующие компоненты: местный (доскифский/позднечернолесский и скифоидный), раннескифский (пришлый раннекочевнический), галльштаттский карпато-дунайского происхождения (культуры Басарабь и Бырсешть-Фериджиле), галльштаттский из Средней Европы (культуры Восточногалльштаттского круга) и греческий (восточногреческий). Приведенные данные свидетельствуют о выдающемся значении Немировского городища в раннескифский период как крупного пункта, где постоянно проживала какая-то влиятельная группа населения. Не исключено, что именно Немировское городище являлось одним из важных (административно-хозяйственных, идеологических?) центров Европейской Архаической Скифии.

В заключении отметим, что по материалам Немировского городища на Южном Буге можно проследить совпадение ритмов развития нескольких и разных культурных миров (рис. 1, 2). «Затухание» первоначального, «ионийского» импульса греко-варварских связей синхронно не только угасанию жизни на городище, но и, шире, приблизительно соответствует рубежу, разделяющему: 1) архаическую скифскую и классическую скифскую культуры Северного Причерноморья, 2) Галльштатт и Латен Средней Европы и 3) две эпохи в истории Древней Греции – архаическую и классическую. Речь идет о времени, приблизительно соответствующем концу VI–рубежу VI/V вв. до н. э.

Артамонов 1947 – *Артамонов М. И.* Юго-Подольская экспедиция // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 74–75.

Артамонов 1948 – *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкой области) в 1948 г. // Вестник ЛГУ. 1948. № 11. С. 177–181.

- Артамонов 1955 – *Артамонов М. И.* Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции // КСИАУ. 1955. Вып. 4. С. 84–87.
- Артамонов 1998 – *Артамонов М. И.* Немировское городище: анализ полевой документации из раскопок 1909–1910 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 59–76.
- Бессонова 1994 – *Бессонова С. С.* Курганы лесостепного Побужья // Древности скифов. Киев, 1994. С. 3–34.
- Вахтина 1996 – *Вахтина М. Ю.* Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археологія. 1996. № 4. С. 85–93.
- Вахтина 1998 – *Вахтина М. Ю.* Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 122–139.
- Вахтина 2007 – *Вахтина М. Ю.* Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища в Побужье // Ранній залізний вік Європи: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна: Мат-ли Міжнар. наукової конф. 16–19 травня 2007 р. Київ; Чигирин, 2007. С. 49–51.
- Гамченко 1911 – *Гамченко С.* Археологические исследования 1909 г. в Подолье по трипольской культуре // Библиотека ИИМК РАН, шифр 2703 (Санкт-Петербург 1911); Папки с иллюстрациями // НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, д. 85а-е/1909.
- Граков, Мелюкова 1954 – *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 39–93.
- Ильинская, Тереножкин 1983 – *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
- Кашуба 2008 – *Кашуба М. Т.* О восточных (северопричерноморских) памятниках и импортах культурного комплекса Басарабь, VIII–начало VII вв. до н. э. // Проблеми історії та археології України: Мат-ли VI Міжнар. наукової конф., присвяченої 150-річчю з дня народження академіка В. П. Бузескула (Харків, 9–11 октября 2008 р.). Харків, 2008. С. 29.
- Кашуба 2012 – *Кашуба М. Т.* О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье – современное состояние исследований // Археологические вести. СПб, 2012. Вып. 18 (в печати).
- Кашуба, Левицкий 2011а – *Кашуба М. Т., Левицкий О. Г.* Заметка о происхождении одной категории сосудов для питья позднейшего предскифского – раннескифского времени в Северном Причерноморье // Древности Восточной Европы: Сб. науч. тр. к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011. С. 148–159.
- Кашуба, Левицкий 2011б – *Кашуба М. Т., Левицкий О. Г.* Круглые жилища раннескифского времени в Северо-Западном Причерноморье: население и контакты, истоки и традиции домостроительства // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб, 2011. С. 522–533.
- Кашуба и др. 2010 – *Кашуба М. Т., Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю.* Немировское городище: сто лет археологических исследований // Древние культуры Евразии: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама. СПб, 2010. С. 156–167.
- Крушельницкая 1991 – *Крушельницкая Л. И.* Северо-Восточное Прикарпатье в эпоху поздней бронзы и раннего железного века (проблемы этнокультурных процессов): Дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Киев, 1991.
- Онайко 1966 – *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М., 1966 (САИ. Вып. Д1-27).
- Смирнова 2001 – *Смирнова Г. И.* Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // Российская археология. 2001. № 4. С. 33–44.
- Смирнова 2002 – *Смирнова Г. И.* Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002. С. 217–233.
- Спицын 1911 – *Спицын А.* Скифы и Гальштатт // Сб. археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб, 1911. С. 155–168.
- Фабрициус 1951 – *Фабрициус I. В.* До питання про топографізацію племен Скіфії // Археологія. 1951. Т. 5. С. 50–80.
- Фармаковский 1914 – *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России. Петроград, 1914 (МАР. Вып. 34).

- Kaşuba 2008 – *Kaşuba M.* Materiale ale culturii Șoldănești în bazinul Nistrului de Mijlociu – observații preliminare // *Tyragetia*, s. n. Chișinău, 2008. Vol. II [XVII], nr. 1. P. 37–50.
- Kaşuba et al. 2010 – *Kaşuba M., Smirnova G., Vakhtina M.* Un secol de la începutul investigațiilor arheologice la cetatea Nemirov de pe Bugul de Sud (scurte bilanțuri și noi obiective) // *RA*. 2010. Vol. VI, nr. 2. P. 24–43.
- Vakhtina 2007 – *Vakhtina M.* Archaic East-Greek pottery from Nemirovo City-Site // *Frues Ionien. Akten des Symposium am Panionion*, 29.09.–1.10.1999. Berlin, 2007. P. 141–149 (*Milesische Forschungen*. 5).

Н. Эбертс (Мюнхен, Германия)

Проблема интерпретации погребальных обрядов Западно-Подольской группы раннескифской культуры

В западных лесостепных областях Северного Причерноморья культурно-исторические процессы в РЖВ характеризуются своеобразным слиянием отдельных специфических культурных элементов, с одной стороны, присущих местному населению, с другой, характерных для пришлых кочевников – носителей раннескифского комплекса. Начиная с VII в. до н. э., в Среднем Поднестровье наиболее ощутимы и влияния соседних западных и юго-западных культур гальштаттского мира. Эти процессы прослеживаются не только в погребальном инвентаре, но и в погребальных обрядах населения Западно-Подольской группы раннескифской культуры (далее Западно-Подольской группы РСК).

Погребальные обряды, практиковавшиеся населением в РЖВ на Среднем Днестре, остаются малоизученными, а по раннескифским курганным захоронениям Западной Подолии и Северной Буковины до сих пор отсутствует обобщающее исследование. За исключением работы Т. Сулимирского (*Sulimirski 1936*) нет единого каталога известных раннескифских погребальных памятников Западно-Подольской группы. Поэтому мной были изучены погребальные обряды Западно-Подольской группы РСК. Были учтены все плохо сохранившиеся, частично разрушенные и крайне суммарно опубликованные захоронения, которые по своеобразным конструкциям центральных камер, способу захоронения и инвентарю дают возможность выделить особенности погребального ритуала. Был проведен сравнительный анализ курганной архитектуры и надмогильных сооружений, изучался погребальный обряд, а также был поставлен вопрос о размерах и планиграфии могильников. Спецификой Западно-Подольской группы РСК является не столько инвентарь, сколько способ захоронения, который существенно отличается от погребений соседних культур. Если учесть тот факт, что 99 % всех курганных могильников в Западной Подолии и Северной Буковине ограблены, то, следовательно, только погребальный ритуал и обряды, особенности курганной архитектуры и погребальных сооружений позволяют выделить единую локальную Западно-Подольскую группу РСК.

На сегодняшний день известно ок. 50 курганных могильников, единичных курганных и бескурганных захоронений Западно-Подольской группы РСК на Среднем Днестре (рис. 1). Имеются сведения о 130 полностью или частично исследованных курганах и трех грунтовых могилах. К раннескифским курганам Западно-Подольской группы были причислены также неисследованные и сегодня полностью или частично разрушенные курганы возле сел. Нивра (Бандрівський 1995; *Bandrivskij 1998*), Верхние Панивцы (Винокур, Хотюн 1965), Заздрость и Зубрец (*Sulimirski 1936: 62, 85*). Из насыпей этих курганов извлечены раннескифские предметы, отнесенные к изделиям Западно-Подольской группы РСК. Были учтены и курганные могилки Ивановцы (Щукин 1989: 107), Окно (Тимошук 1960: 4, 6; 1974: 72), Завадинцы (*Sulimirski 1936: 99*), которые были исследованы, но по разным причинам до сих пор остаются неопубликованными (Гуцал А., Гуцал В. 2003). Однако благодаря исследованиям А. И. Мелюковой, Г. И. Смирновой, Ю. М. Малеева, а также новым раскопкам А. Ф. Гуцала, М. Бандривского и др. стало известно значительное количество раннескифских курганов на Среднем Днестре. Так, в 1960-е и 1970-е гг.

Г. И. Смирновой были тщательно исследованы и опубликованы раннескифские курганы возле сел. Долиняны (Смирнова 1968: 23–24; 1977а; 1977б: 3–8), Перебыковцы (Смирнова 1979) и Круглик (Смирнова 1968). Из числа новых исследований можно назвать публикации под общим руководством А. Ф. Гуцала, посвященные курганным мог-кам Текливка, Шутнивцы и др. (Гуцал и др. 2003; 2009; Гуцал А., Гуцал В. 2009; и др.), а также работы М. Бандривского по курганам возле сел. Коцюбинчики и Швайкивцы (Бандривский 2009а: 30 сл.; Бандрівський 2009б).

Анализ опубликованных погребальных памятников Западно-Подольской группы РСК показывает, что почти все курганные захоронения были ограблены или частично разрушены. Единственным исключением является кург. 6 возле сел. Братышев (Sulimirski 1936: 59, 61–62). Однако в начале 1930-х гг. была раскопана только его центральная часть диаметром 8 м при диаметре самого кургана в 20 м, поэтому его пока нельзя считать неразрушенным и закрытым погребальным комплексом.

Большинство курганов Западно-Подольской группы РСК были расположены на природных возвышенностях и в непосредственной близости от воды, напр., кург. 1, 5 и 6 возле сел. Братышев (Sulimirski 1936: 45), два кургана возле пос. Городок Тернопольской обл. (Sulimirski 1936: 67), несколько курганов Ивахновецкого мог-ка (Ibid.: 88), курганы возле сел. Малинивцы (Гуцал и др. 2004: 114), Новосёлка (Тимошук 1974: 90–91), Оселивка (Тимошук 1969: 32 сл.), Шутнивцы (Гуцал А. 2000), Текливка (Гуцал и др. 2009), Швайкивцы (Бандрівський 2009б: 202 сл.), Мышкивцы (Малеев 1991а: 122–123) и др. Интересен тот факт, что курганный могильник возле сел. Лука-Врублевецкая предшествующей здесь позднечернолесской культуре (Шовкопляс 1952: 5), а также курганы мог-ков Сахарна II и Алчедар раннегалльштаттской культуры Козия-Сахарна из более южных областей Среднего Поднестровья (Кашуба 2000: 272–273) также были расположены на природных возвышенностях. Сооружение среднестровских курганов на природных возвышенностях играло определенную роль в мировоззрении местного населения раннескифского времени. Такие курганы виднелись издалека и выделялись среди окружающего ландшафта. Возможно, они играли роль своеобразной маркировки в системе местной инфраструктуры, как напр., курганы Доленской группы возле Стичны в Словении, расположенные вдоль дороги, ведущей к самому поселению Стична. Это предположение может подтвердить и тот факт, что большая часть курганов некоторых раннескифских западно-подольских могильников расположены в линию на расстоянии 300–500 м друг от друга, как напр., кург. Братышева (Sulimirski 1936: 45–46) или Колодиевки (Гуцал и др. 2005: 118). Расположение раннескифских курганов в одну линию было зафиксировано также на мог-ках Перебыковцы (Смирнова 1979: 39) и Долиняны (Смирнова 1977а: 32 сл.).

Погребальные сооружения. В курганах Западно-Подольской группы РСК зафиксированы различные сложные и простые погребальные сооружения. В свое время Т. Сулимирски выделил два типа центральных погребальных сооружений (Sulimirski 1936: 104). Мною было выделено четыре основных типа погребальных камер (рис. 2, 1), в свою очередь, разделенных на подтипы. Одним из важных элементов построения гробницы являлось сооружение центральной камеры на древнем горизонте или в неглубокой яме. Таким образом, можно изначально разделить центральные захоронения в курганах на погребения в яме и погребения на древнем горизонте. Выяснилось, что в обоих этих типах захоронений имелись или отсутствовали следы деревянных погребальных конструкций. К погребениям с деревянными конструкциями относятся центральные захоронения с сохранившимися столбовыми ямами, отпечатками древесины на дне могильной ямы или с ровиком вокруг центральной могилы. Неглубокие ровики использовались как своего рода фундаменты для деревянных конструкций, как это было прослежено в центральных захоронениях кург. 5 у сел. Перебыковцы, кург. 2 у сел. Долиняны или кург. 2 у сел. Коцюбинчики. В подтипы были выделены те погребальные конструкции, в которых имелись дромос, ровики или каменная кладка вокруг центрального погребения.

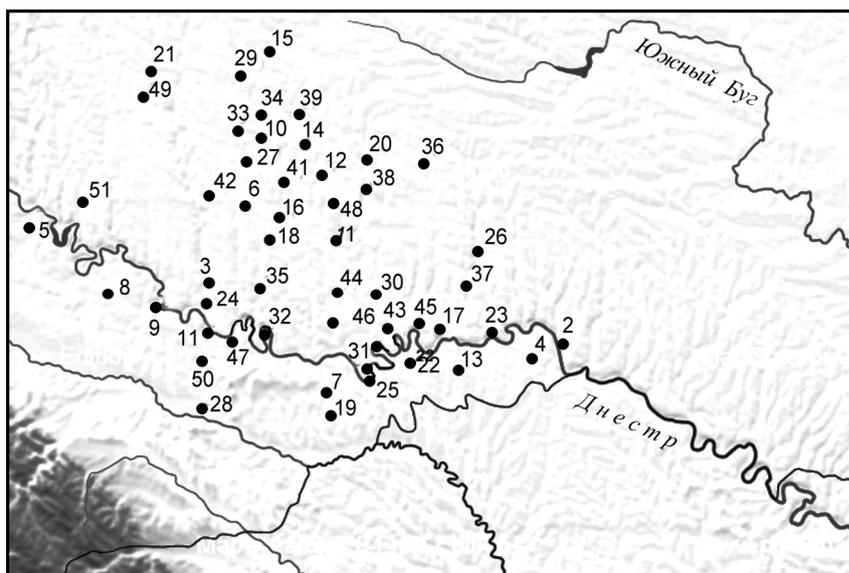

Рис. 1. Погребальные памятники Западно-Подольской группы РСК: 1 – Беремяны, 2 – Бернашевка, 3 – Бильче Золотое, 4 – Белоусовка, 5 – Братышев, 6 – Черноконцы, 7 – Долиняны, 8 – Дуплишка, 9–10 – Городница, 11 – Городок, 12 – Ивахновцы, 13– Иванкивцы, 14 – Ивановцы, 15 – Качановка, 16 – Коцюбинчики, 17 – Колодиевка, 18 – Кругле, 19 – Круглик, 20 – Купин, 21 – Ладычин, 22 – Ленковцы, 23 – Лоивцы, 24 – Лисичники, 25 – Малиновцы, 26 – Миньковцы, 27 – Мышковцы, 28 – Новосёлка, 29 – Новосёлка-Гримайловская, 30 – Нивра, 31 – Оселивка, 32 – Перебыковцы, 33 – Постолювка, 34 – Раков Кут, 35 – Сапогов, 36 – Серватинцы, 37 – Соколец, 38 – Скипче, 39 – Спасовка, 40 – Шутнивцы, 41 – Шидловцы, 42 – Швайкивцы, 43 – Тарасивка, 44 – Текливка, 45 – Врублевцы, 46 – Верхние Паневцы, 47 – Окно, 48 – Завадинцы, 49 – Заздрость, 50 – Зозулинцы, 51 – Зубрец

Таким образом, сделана следующая классификация погребальных сооружений Западно-Подольской группы РСК. К типу 1 отнесены центральные погребения в ямах без каких-либо конструкций (тип 1, вариант 1) или с каменными стенами (тип 1, вариант 2), а к типу 2 – центральные погребения в ямах с деревянными конструкциями. Тип 2, в свою очередь, был разделен на несколько вариантов: погребения с деревянными конструкциями (тип 2, вариант 1); с деревянными конструкциями и каменной облицовкой (тип 2, вариант 2); с деревянной конструкцией, ровиком и каменной облицовкой (тип 2, вариант 3); с деревянной конструкцией, каменной облицовкой и дромосом (тип 2, вариант 4). К типу 3 относятся погребения на древнем горизонте без деревянных конструкций, а к типу 4 – погребения на древнем горизонте с деревянными конструкциями. Варианты типов 3 и 4 соответствуют вариантам первых двух типов, отличаясь тем, что их центральные захоронения были помещены на древнем горизонте. Наличие временного разрыва между выделенными типами 1–4 погребальных сооружений на сегодняшний день проверке не поддается. Это связано, в первую очередь, с отсутствием общепринятой периодизации Западно-Подольской группы РСК, а также с объективными сложностями по датировке каждого из проанализированных памятников из-за их полного или частичного ограбления.

Одним из строительных элементов и особенностью курганных захоронений Западно-Подольской группы РСК можно считать покрытие пола центральной камеры. Покрытие пола могло быть выложено из квадратных, частично отшлифованных каменных плит, из гладко утрамбованного слоя чернозема или же состояло из утрамбованной белой глины. Все эти виды покрытий полов присутствовали как в погребениях типов 1–2 в ямах, так и в погребениях на древнем горизонте (типы 3–4), при общем доминировании каменного пола/вымостки. Каменный пол является строительной особенностью курганов Западно-Подольской группы РСК и отсутствует в захоронениях синхронных соседних культур. Лишь дно погребений высоцкой культуры часто бывает выложено мелкими камнями или крупными каменными плитками, как напр., в некоторых захоронениях

мог-ка Лукивец (Бандрівський 1994: 36–39, рис. 9b, g, d, e). Но наиболее близкой аналогией можно считать центральные захоронения с каменным полом/вымосткой позднечернолесской культуры (Смирнова 1982: 37–38): в кург. 2, 3 и 4 мог-ка Лука-Врублевецкая полы центральных камер были выложены квадратными каменными плитками (Шовкопляс, Максимов 1952: 91–92), а в погр. 1, 2 и 3 кург. у сел. Днестровка-Лука умершие лежали на каменной вымостке, выложенной в виде четырехугольника (Там же: 31–33).

Погребальный ритуал. В Западно-Подольской группе РСК зафиксировано сосуществование ингумации (в центральных камерах курганов и в простых могилах, облицованных камнями), кремации на стороне (урновые; в центральной камере кургана; простые бескурганные погребения с рассеянными остатками кремации) и на месте (вместе с погребальным сооружением). Количество случаев кремации и ингумации, практиковавшихся населением, одинаково (рис. 2, 2). Количество самих захоронений превышает число центральных гробниц примерно в два раза. Так, в центральной камере кург. 4 Шутнивецкого мог-ка было найдено три захоронения, а в центральной части кург. 2 возле сел. Тарасивка – семь (Гуцал, Мегей 1997; Гуцал и др. 1998). Пока остается неясным вопрос, являлись ли такие погребения коллективными и, соответственно, одновременными или между ними существовал какой-то временной промежуток, и в таком случае осуществлялись подзахоронения в готовое погребальное сооружение.

К курганам с ингумацией принадлежат Ивахновецкие кург. (Sulimirski 1936: 88–93; Pułaski 1902: 7), кург. 1 и 2 Серватинцы (Sulimirski 1936: 93–98), кург. Зозулинцы (Малеєв 1991б: 162 сл.), Круглик (Смирнова 1968) и др. Из 21 раскопанного кургана Колодиевского мог-ка в 12 центральных могилах зафиксирован обряд ингумации (Гуцал и др. 2005; 2006; 2007).

Среди захоронений с сожженными человеческими останками известны кремации на стороне и на месте. Среди кремаций на стороне зафиксированы захоронения праха в урнах – в кург. Швайкивцы, где урной служил деревянный сосуд (Бандрівський 2009б: 203–204), в кург. Спасивка (Гуцал и др. 2008), в кург. 1 Малиновцы (Гуцал и др. 2004), в кург. 1 Тарасивка (Гуцал и др. 1997: 85, 87). Урновые захоронения представлены в коллективных погребениях, но могли являться и центральным единственным погребением, напр., в кург. 19 мог-ка Колодиевка (Гуцал и др. 2007).

Намного чаще среди кремаций на стороне встречаются погребения с разбросанными или аккуратно уложенными останками кремации и погребального инвентаря в центральной камере. Этот способ захоронения присутствовал в 29 (23,8 %) из 122 раскопанных курганов Западно-Подольской группы РСК. В Тарасивском мог-ке зафиксировано восемь таких захоронений в двух курганах (Гуцал, Мегей 1997), в кург. 4 Братышевского мог-ка остатки кремации лежали аккуратно сложенными кучкой рядом с погребальным инвентарем (Sulimirski 1936: 53–55). В мог-ках Качанивка (Sulimirski 1936: 85), Шидливцы (Ibid.: 74–78), Окно (Тимощук 1960: 4, 6) и Иванкивцы сгоревшие человеческие остатки в центральной погребальной камере находились, как минимум, в одном из курганов.

Кремации с захоронением праха в урнах и в погребальной камере известны в синхронных культурах, распространенных как западнее Карпат, так и к востоку от рассматриваемой территории – в Среднем Поднепровье. Так, в курганах куштановицкой культуры исследованы не только захоронения в урнах, но и могилы с разбросанными кальцинированными человеческими костями (Попович 2006: 26–27). Обычай сжигания покойника и захоронения останков в могиле, в основном, без использования урны, встречается в северных и северо-западных областях ареала культуры Сентеш-Векерзуг (или скифской группы Алфёльда) – в мог-ках Чаньтелек-Уйхаласто, Алшотелекеш, Перешлань над Иплом и Тисавашвари-Чардапарт (Kemenczei 2009: 29 сл.). Этот обычай был также зафиксирован в более восточных областях – на Среднем Днепре: напр., в центральных погребальных камерах некоторых курганов мог-ков Тенетинка (кург. 174), Оситняжка (кург. 6), Берестняги (кург. 6), Матусов (кург. 234), Гуляй Город (кург. 326) кальцинированные человеческие кости были разбросаны или лежали в кучке (Ковпаненко и др. 1989: 34, 39).

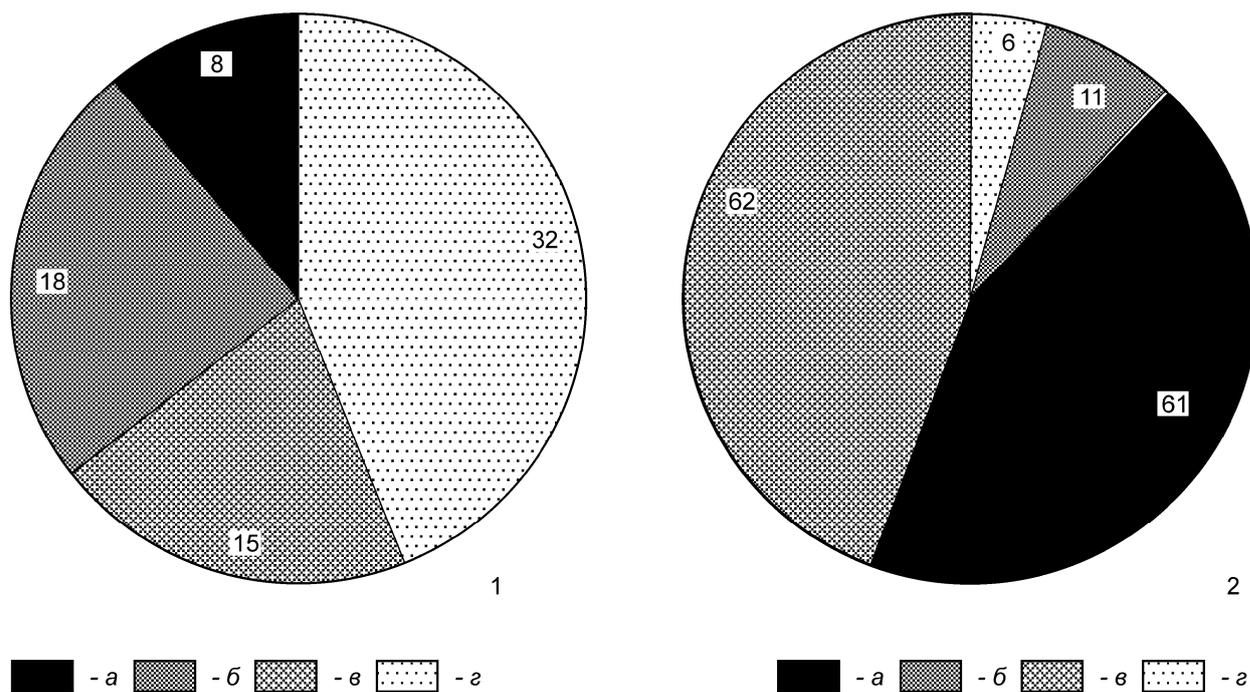

Рис. 2. Погребальный обряд Западно-Подольской группы РСК:

1 – типы погребальных камер (а – яма без деревянных конструкций; б – яма с деревянными конструкциями; в – на древнем горизонте без деревянных конструкций; г – на древнем горизонте с деревянными конструкциями); 2 – способы захоронения (а – ингумация; б – без останков; в – кремация; г – кенотаф)

Кремации на месте представлены в курганах, центральные камеры которых были сожжены вместе с останками усопшего и погребальным инвентарем. К ним можно отнести захоронения в кург. 5 Беремяны, в кург. 1 Бильче Золотое, в кург. 3 и 6 Братышев, в кург. 1 и 2 Дуплыська (Sulimirski 1936: 45–62, 66–67, 70–72); в кург. 1 Белоусивка (Тимошук 1969: 36; 1974: 87–88); в кург. 3 Малинивцы (Гуцал и др. 2004); в Минькивцы; в кург. 1 и 3 Перебыковцы (Смирнова 1979); в Спасивка (Гуцал и др. 2008); в кург. 2 и 4 Текливка (Гуцал и др. 2009) и др. Всего насчитывается 35 таких курганов в 24 могильниках. Отмечу, что в кург. 5 Беремяновского мог-ка в полностью сгоревшей центральной камере были найдены лишь небольшие фрагменты кальцинированных человеческих костей (Sulimirski 1936: 66), а в кург. 1 Бильче Золотое сохранились сильно обгоревшие человеческие кости и несгоревший череп, который был накрыт большим камнем (Ibid.: 71). В некоторых курганах были найдены мелкие частицы кальцинированных костей. Если сравнить сгоревшие погребальные камеры и человеческие останки в них со сгоревшими центральными камерами в курганах на Среднем Днепре, то там сохранность кремаций гораздо лучше. Вероятно, западно-подольские курганные камеры были сконструированы таким способом, который способствовал длительному и сильному процессу горения. В противном случае можно предположить, что первоначально покойника сжигали на стороне, далее его прах разбрасывали в погребальной камере, которую затем сжигали. Обряд сожжения останков усопшего и всего погребального сооружения, скорее всего, мог быть принесен на Средний Днестр носителями РСК из Среднего Поднепровья, где насчитывается большое количество курганов с сожженной центральной погребальной камерой (Ковпаненко и др. 1989: 34).

Отдельно выделяются курганы с полностью сгоревшей гробницей без человеческих останков. К ним можно причислить кург. 2, 3 и 4 Беремяны, кург. 2 Братышева, курганы возле Купина, Ладычина, Новосёлки (Черновицкой обл.), Оселивка, Ленковцы, Серватинцы и др. Большинство таких курганов (Беремяны, Дуплыська, Серватинцы, Новосёлка и др.) известны из старых (до 1950 г.) раскопок Т. Сулимирского (Sulimirski 1936), Б. А. Тимошука (1968: 23–24; 1969: 34–35;

1970: 21; 1974: 90–91) и др., которые в силу ряда объективных причин не сопровождались достаточной документацией или не были опубликованы. Эти обстоятельства вызывали сомнения в реальности существования сожженных погребальных конструкций без человеческих останков. Однако раскопками второй половины XX в. и сравнительно недавнего времени было открыто большое количество курганов без захоронений: Лоивцы (Крушельницька 1998: 129–133), кург. 9 и 10 Колодиевка (Гуцал и др. 2006: 158–159), кург. 2 и 4 Текливка (Гуцал и др. 2003: 91–92), – с сожженной или несожженной центральной камерой без каких-либо человеческих останков. Такие погребальные памятники не раз становились объектом дискуссии среди специалистов. Б. А. Тимошук видел в них раннескифские святилища (Тимошук 1969: 34–36), Г. И. Смирнова считала, что их погребальные конструкции ничем не отличаются от всех остальных (Смирнова 1977б: 3, 8–10), в свою очередь, А. И. Мелюкова интерпретировала центральное погребение кургана Ленковцы как могилу воина, погибшего вдали от дома (Мелюкова 1953: 60).

Многообразие погребальных обрядов на Среднем Днестре в раннескифское время на Среднем Днестре демонстрирует, что представления местного населения о потустороннем мире были разными. Остается под вопросом, какие из отмеченных погребальных обрядов могли быть переняты от непосредственных соседей – носителей синхронных культур. Возможно, сооружение деревянных конструкций и сжигание погребальных камер вместе с усопшим могло быть перенято местным населением от своих восточных соседей из Среднего Поднепровья. Нельзя исключать и тот факт, что отмеченные погребальные обряды могли существовать не одновременно, т. к. в раннескифских курганах на Среднем Днестре кремация наиболее характерна для самых ранних памятников и к концу VI в. до н. э. полностью исчезает. Однако это предположение требует дальнейшей разработки. Таким образом, в погребальных обрядах Западно-Подольской группы РСК присутствуют как элементы предскифских чернолесской и висоцкой культур, так и раннескифской культуры Среднего Днепра.

- Бандривский 1994 – *Бандрівський М.* Скринькові поховання висоцької культури в межиріччі Збруча і Стрипи. Львів, 1994.
- Бандривский 1995 – *Бандрівський М.* Кістяне навершия ранньоскіфського псалія з Ніври на Західному Поділлі // Літопис Борщівщини. 1995. № 7. С. 3–6.
- Бандривский 2009а – *Бандривский Н.* Коцюбинчики-2 – новый памятник эпохи скифской архаики в Среднем Приднестровье (предварительное сообщение) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Мат-лы Междунар. научн. конф. СПб, 2009. С. 30–38.
- Бандрівський 2009б – *Бандрівський М.* Новий ритуальний об'єкт скіфської архаїки зі Швайківець біля Чорткова на Тернопільщині (попереднє повідомлення) // Взаємозв'язки культур бронзи і раннього заліза на території Центральної і Східної Європи: Збірка наукових праць на пошану Л. І. Крушельницької. Київ; Львів, 2009. С. 202–235.
- Винокур, Хотюн 1965 – *Винокур І. С., Хотюн Г. М.* Скіфський амулет // Археологія. 1965. № 19. С. 111–121.
- Гуцал А. 2000 – *Гуцал А. Ф.* Стовпові гробниці Шутнівських курганів // Матеріали Х-ої Подільської історико-краєзнавчої конф. Кам'янець-Подільський, 2000. С. 101–102.
- Гуцал А., Гуцал В. 2003 – *Гуцал А. Ф., Гуцал В. А.* Поховальні споруди в курганах Західного Поділля (за матеріалами Т. Сулімирського) // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету. Кам'янець-Подільський, 2003. № 11. С. 13–20.
- Гуцал А., Гуцал В. 2009 – *Гуцал А. Ф., Гуцал В. А.* Курганна група ранньоскіфського часу у пониззі Смотрича // Вісник Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. Кам'янець-Подільський, 2009. Історичні науки. Вип. 2. С. 5–15.
- Гуцал, Мегей 1997 – *Гуцал А. Ф., Мегей В. П.* Дослідження курганів скіфського часу біля с. Тарасівка // Кам'яничина в контексті історії Поділля: Науковий зб-к. Кам'янець-Подільський, 1997. Т. 1. С. 85–87.
- Гуцал и др. 1998 – *Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Мегей В. П.* Дослідження курганів скіфського часу у Середньому Подністров'ї // АБУ 1997–1998 рр. Київ, 1998. С. 74–75.

- Гуцал и др. 2003 – *Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Мегей В. П., Могилев О. Д.* Результати досліджень курганів скіфського часу біля с. Теклівка на Поділлі // АБУ 2001–2002 рр. Київ, 2003. С. 90–92.
- Гуцал и др. 2004 – *Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Мегей В. П., Могилев О. Д.* Розкопки курганів раннього заліза в с. Малинівці на Середньому Дністрі // АБУ 2002–2003 рр. Київ, 2004. С. 114–116.
- Гуцал и др. 2005 – *Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Мегей В. П., Могилев О. Д.* Кургани ранньоскіфської доби біля села Колодіївка на Середньому Дністрі // АБУ 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005. С. 118–119.
- Гуцал и др. 2006 – *Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Мегей В. П., Могилев О. Д.* Розкопки курганів ранньоскіфської доби біля села Колодіївка у Середньому Подністров'ї // АБУ 2004–2005 рр. Київ; Запоріжжя, 2006. С. 157–159.
- Гуцал и др. 2007 – *Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Мегей В. П., Могилев О. Д., Болтанюк П. А.* Продовження робіт на курганах ранньоскіфського часу біля с. Колодіївка // АДУ 2005–2007 рр. Київ, 2007. С. 158–160.
- Гуцал и др. 2008 – *Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Мегей В. П., Могилев О. Д., Баженов О. Л., Болтанюк П. А.* Дослідження курганів ранньоскіфського часу в районі середньої течії р. Збруч // АДУ 2006–2007 рр. Київ, 2008. С. 91–93.
- Гуцал и др. 2009 – *Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Мегей В. П., Могилев О. Д.* Теклівський курганный некрополь // Вісник Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. Кам'янець-Подільський, 2009. Історичні науки. Вип. 1. С. 6–23.
- Кашуба 2000 – *Кашуба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // STRATUMplus. 2000. № 3. С. 241–488.
- Ковпаненко и др. 1989 – *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи Днепроовского лесостепного Правобережья. Киев, 1989.
- Крушельницька 1998 – *Крушельницька Л. І.* Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток). Львів, 1998.
- Малеев 1991а – *Малеев Ю. Н.* Курган скифского времени у с. Мышковцы в бассейне р. Збруч // Курганы степной Скифии. Киев, 1991. С. 122–130.
- Малеев 1991б – *Малеев Ю. М.* Курган западнорудольської групи поблизу с. Зозулинці // Поховальний обряд давнього населення України. Львів, 1991. С. 162–179.
- Мелюкова 1953 – *Мелюкова А. І.* Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 60–73.
- Попович 2006 – *Попович І.* Закарпаття за доби раннього заліза. Краків; Львів, 2006.
- Смирнова 1968 – *Смирнова Г. І.* Раскопки курганов у с. Круглик и Долиняны на Буковине // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 14–27.
- Смирнова 1977а – *Смирнова Г. І.* Курганный могильник раннескифского времени у с. Долиняны на Буковине // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 32–40.
- Смирнова 1977б – *Смирнова Г. І.* Що до поховального характеру ранньоскіфських пам'яток поблизу сіл Долиняни, Новосілки, Білоусівки // Археологія. 1977. № 23. С. 3–10.
- Смирнова 1979 – *Смирнова Г. І.* Курганы у села Перебыковцы – новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // ТГЭ. 1979. Т. XX. С. 37–67.
- Смирнова 1982 – *Смирнова Г. І.* Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1982. С. 30–53.
- Тимошук 1960 – *Тимошук Б. О.* Звіт про археологічні дослідження Чернівецького краєзнавчого музею в 1960 році // НА Інституту археології НАН України, Київ. 1960/23.
- Тимошук 1968 – *Тимошук Б. О.* Дорогами предків. Ужгород, 1968.
- Тимошук 1969 – *Тимошук Б. О.* Північна Буковина – земля слов'янська. Ужгород, 1969.
- Тимошук 1970 – *Тимошук Б. О.* Археологічні пам'ятки Чернівецької області (конспект лекцій). Чернівці, 1970.
- Тимошук 1974 – *Тимошук Б. О.* Зустріч з легендою. Ужгород, 1974.
- Шовкопляс 1952 – *Шовкопляс І. Г.* Курганный могильник передскифского часу на Середньому Дністрі // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952. Т. IV. С. 5–11.

- Шовкопляс, Максимов 1952 – *Шовкопляс І. Г., Максимов Є. В.* Дослідження курганного могильника передскифського часу на Середньому Дністрі // *Археологія*. 1952. Т. VII. С. 89–108.
- Щукин 1989 – *Щукин М. Б.* Семь сезонов Славяно-сарматской экспедиции // *Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Л., 1989. С. 103–114.
- Bandrivskij 1998 – *Bandrivskij M.* Zum frühesten Muster des skythischen Tierstils in der Westukraine // *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten [4000–500 v. Chr.]*. München; Rahden/Westf., 1998. S. 467–471.
- Kemenczei 2009 – *Kemenczei T.* Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe. Budapest, 2009.
- Pułaski 1902 – *Pułaski F.* Mogily o nasypie kamiennym w powiecie Kamienieckim // *Swiatowit*. Warszawa, 1902. Т. IV. Р. 1–39.
- Sulimirski 1936 – *Sulimirski T.* Scytowie na zachodniem Podolu. Lwów, 1936.

М. Н. Дараган, В. А. Подобед (Киев, Донецк, Украина)

Жаботинский горизонт и черногоровская культура: хронологические соотношения

Хронология черногоровской культуры⁵⁵ является и по сей день предметом острых дискуссий. Пожалуй ни у кого не вызывает сомнений лишь место черногоровских древностей в колонной секвенции археологических культур финала бронзового и начала раннего железного века Северного Причерноморья: считается, что эти древности следуют во времени вслед за белозерской культурой и памятниками позднерубной культуры Восточной Украины, сменяя их хронологически и территориально, и непосредственно предшествуют появлению в Причерноморской степи археологического комплекса раннескифского облика. Пока не имеет удовлетворительного решения проблема внутренней периодизации черногоровского пласта памятников, хотя она неоднократно ставилась и обсуждалась (Дубовская 1996; Махортых 2005: 119–274). Нет единого мнения и о том, какой хронологии («длинной» или «короткой») следует отдать предпочтение, определяя временные рамки черногоровской культуры и «хронологически значимых» комплексов, к ней причисленных.

В пределах «черногоровской Ойкумены», которая, простираясь на Востоке до Поволжья, а на Западе достигая Буджакской степи, граничила с естественной природной преградой – Дунаем, известны немногочисленные, но выразительные «воинские» погребения (Камышеваха, кург. 256; Черногоровка, кург. 1, погр. 3; Зимогорье, кург. 2, погр. 5), горизонт погребений типа Стрижена Могила–Красная Деревня–Веселая Долина, которые сопровождалась украшениями конского оголовья, выполненными из клыка вепря; и некрополи представителей «нобилитета» – воинской и жреческой (?) элиты, упокоенных в погр. 2 и 5 Высокой Могилы; погр. 1, кург. 1 у сел. Великая Александровка; погр. 3, кург. 1 у сел. Слободзея. Отражающие субкультуру черногоровского воинства предметы наступательного вооружения, колчаные наборы, уздечные принадлежности, входившие в состав заупокойных даров, выступают в качестве ведущих хроноидикаторов и позволяют определить основные хронологические вехи предскифского периода – его верхнюю и нижнюю границу.

В большинстве черногоровских комплексов сопровождающее погребенного «приданное» представлено исключительно посудой. В западном ареале «черногоровского мира» исследована представительная серия погребений с чернолощенным кубком/корчагой, редко черпаком, имеющим близкие, а зачастую и прямые аналогии в продукции чернолесских, жаботинских и сахарнянских керамических центров, что позволяет хронологически атрибутировать этот пласт погребений, сопоставив его с уже существующими региональными хронологическими колонками сопредельных синхронных культур украинской и молдавской лесостепи. Эта керамика, со времен «киммерийцев»

⁵⁵ Наше представление о черногоровской культуре во многом совпадает с концепцией О. Р. Дубовской (1999) и В. В. Потапова (2000).

А. И. Тереножкина и «тясминских» штудий В. А. Ильинской неоднократно становилась объектом внимания исследователей (Мелюкова 1979: 62–72; Гаврилюк 1979; 1999; Махортых 2005: 119–254; Бруяко 2005: 13–35; Гребенников 2008: 19–24), что вполне объяснимо, т. к. анализ керамических форм позволяет определять если не абсолютную, то относительную хронологию комплексов. Однако, приходится учитывать факт историографических и концептуальных «пристрастий» исследователей. Проблемой является качество и достоверность воспроизведения в публикациях целого ряда керамических форм, являющихся, как правило, опорными при культурных и хронологических построениях. Вследствие этого для всех наиболее выразительных сосудов предложены многочисленные принципиально различные атрибуции. Примером является культурная и хронологическая атрибуция корчаги из кург. 56, погр. 2 у сел. Любимовка. Опубликованы, как минимум, три версии декора корчаги (Мелюкова 1979: рис. 21, 5; Ильинская 1975: рис. 18, 5; Гаврилюк 1979: рис. 4, 5) каждая из которых не сопоставима с опубликованными ранее А. М. Лесковым (Лесков 1972: илл. 9) и А. И. Тереножкиным (1976: рис. 23) фотографиями сосуда.

Следуя своему «прочтению» орнаментальной композиции, А. И. Мелюкова видела в орнаменте корчаги влияние культуры Басарабь (Мелюкова 1979: 66, рис. 21, 5). В качестве басарабского импорта корчага фигурирует в сводках и картах А. Вульпе (Vulpe 1986: S. 60, Abb. 19, № 130) и М. Т. Кашубы (Kaşuba 2008: Fig. 1). Однако В. А. Ильинская (1975: рис. 18, 5) и, по-видимому, А. И. Тереножкин, относивший само погребение к кругу черногородовских памятников (Тереножкин 1976: 169 – для него эта культурная атрибуция равнозначна хронологической позиции комплексов), рассматривают этот сосуд как корчагу чернолесского типа. По Н. А. Гаврилюк орнаменту кубка из Любимовки присущи черты орнаментации белозерского и черногородовского времени, а сам сосуд отнесен к раннечерногородовской группе керамики (Гаврилюк 1979: 27, рис. 4, 5). С. В. Махортых находит близкие параллели отдельным элементам орнамента корчаги в керамике памятников типа Инсула-Банулуй, а форму сравнивает с суботовскими корчагами первой ступени чернолесской культуры (Махортых 2005: 127).

На обеих опубликованных фотографиях корчаги из Любимовки видно, что горло у нее украшено невыразительными горизонтальными каннелюрами, непосредственно под венчиком сосуда расположен узкий горизонтальный орнаментальный фриз, еще два аналогичных фриза – на корпусе сосуда. Все три фриза заполнены, на первый взгляд, небрежным и хаотичным узором, в котором, впрочем, просматриваются ряды наклонных линий и линий, образующих треугольники. Поверх нижнего орнаментального фриза представлены группы, состоящие из трех равнобедренных треугольников с заштрихованными полями, из вершин которых «вырастают» ряды прочерченных S-овидных знаков, которые примыкают к основанию верхнего фриза. Мотивы орнаментации, техника заполнения орнаментальных полей и фигур, равно как и сама форма корчаги, типично жаботинские, но ряд приемов (узкие фризы) и мотивов (группы треугольников в сочетании с S-овидными знаками) вызывают ассоциации с орнаментальной традицией культуры Басарабь. Небрежность заполнения фризов, отсутствие характерной басарабской техники нанесения орнамента (в нашем случае S-овидные знаки скорее прорезаны, нежели оттиснуты) свидетельствует о том, что мы имеем дело с неким подражанием – репликой на продукцию басарабских керамистов.

Геоинформационная база данных черногородовских погребений. Для количественной оценки изменений состава, структуры и пространственного распределения погребений черногородовской культуры была создана база данных – 276 захоронений,⁵⁶ в которой каждое погребение описано в соответствии с наличием/отсутствием заданных признаков. На основании этих данных на электронной карте Украины и Молдавии в программе ArcInfo 9.3 был создан слой точек с привязкой информации из базы данных к атрибутивной таблице полученного слоя. Составлен конечный набор признаков, характеризующий особенности погребального обряда (положение, ориентировка, особенности погребального сооружения) и инвентаря (включены все категории погребального

⁵⁶ В нее включены все погребения из свода С. В. Махортых, а также неучтенные ранее и вновь открытые захоронения.

инвентаря), который стал основой для описания погребений. Отдельной графой дана характеристика керамики из захоронений, относящейся к продукции Чернолесья, Сахарны и Жаботина.

Имеющаяся микрохронология лесостепной посуды (IX–VII вв. до н. э.) позволяет перенести ее на выборку степной керамики, с которой наблюдается совпадение форм, отделки наружной поверхности, построения композиций геометрического орнамента, часто затертого белой пастой, и проанализировать декор последней, по схеме, использованной для орнаментации жаботинской посуды из лесостепи (Дараган, Пефтиц 2011).

Строение элементов и мотивов керамики (комбинации треугольников и лент, которые заполнены, как косой штриховкой, так и типичной только для Жаботина «щеточкой», заполнение поля треугольника наклонными косыми, прерывистыми линиями), найденной в степи, имеет прямые аналогии в массиве жаботинской керамики лесостепи, тогда как построение композиций различно. Композиции жаботинского геометрического орнамента делятся на ленточные и радиальные, а в степной зоне орнаментация представлена исключительно ленточными композициями, в основе которых лежит ленточное построение узора: отдельные компоненты (элементы или мотивы) расположены в определенной последовательности. В зависимости от того, какие принципы симметрии используются, ленточные композиции делятся на ритмичные и зональные. В первом случае единственной симметрией является горизонтальная – компоненты повторяются (с изменениями или без) вдоль горизонтальной оси, во втором – они разграничиваются еще и по вертикали (Дараган, Пефтиц 2011: 415).

Сосуды с зональной композицией. Орнаментальное поле разделено на зоны, внутри заполненные повторяющимися или различными мотивами. Наиболее типично деление на две или четыре зоны. К этой группе относятся сосуды из кург. 1, погр. 3 у сел. Васильевка, кург. 4, погр. 1 у сел. Колпаковка, кург. 8, погр. 4. у сел. Тамарино, кург. 2, погр. 1 у сел. Семёновка и сосуд из погребения у сел. Терновка (рис. 1, 1–3). Следуя жаботинской микрохронологии они должны относиться к наиболее раннему горизонту Жаботин Ia. В системе орнаментации, наряду с жаботинскими элементами, наблюдаются аналогии, близкие традициям поздней Сахарны (Дараган, Кашуба 2008: 59). Аналогичные формы известны как на Жаботинском поселении, так и в раннежаботинских погребениях Поднепровья и Побужья (Дараган, Пефтиц 2011: рис. IV. 19, 7–8; IV. 21, 4; IV. 22, б). К зональным узорам, относится «сюжет» на сосуде из кург. 2, погр. 5 у сел. Касперовка (рис. 1, 4). В данном случае используются сквозные мотивы, характерные как для позднего Чернолесья, так и для Жаботина, но традиция деление на зоны – орнаментальный прием, появившийся только в жаботинское время. Эти сосуды в рамках хронологии жаботинского горизонта могут датироваться началом VIII в. до н. э. (Дараган 2011: 531, 549–550). Характерно, что типично жаботинской зональной орнаментации, присущей уже горизонту Жаботин Ib–Жаботин II в степи, по сути, нет. Единственный пример – композиция на корчаге из кург. 1, погр. 1 Великой Александровки (рис. 1, 5). И форма сосуда, и элементы орнаментации имеют прямые аналогии в горизонте Жаботин II, финал которого вероятно относится ко времени – ок. третьей четверти–конца VIII в. до н. э. (Дараган, Подобед 2011: 570)

Сосуды с ритмичной композицией. Орнамент представляет собой повторение одного мотива или же состоит из последовательно расположенных комбинаций отдельных, иногда повторяющихся элементов. Корчаги и кубки с таким узором составляют самую значительную серию. Среди них можно выделить те, в декоре которых использовано более шести элементов (Вильногрушевка, кург. 11, погр. 2; Софиевка, кург. 40, погр. 2; Дальник, кург. 1, погр. 1; Маяки, кург. 1, погр. 5; Кут, кург. 8, погр. 17; Балабаново, кург. 3, погр. 13) (рис. 1, 6–11) и декорированные с использованием максимум трех элементов (Ясиноватое, кург. 27, погр. 3; Белоцерковка, кург. 3, насыпь; Спасское, кург. 3, погр. 3; Великодолинское, кург. 1, погр. 11; Пивденное, кург. 1, погр. 1; Огородное, кург. 1, погр. 9; Облои, кург. 3, погр. 1; Показовое, кург. 5, погр. 2; Чернобаевка, кург. 2; погр. 1 у сел. Петродолина; сосуд из Днепропетровского музея) (рис. 1, 12–14). Обратим внимание и на такой жаботинский орнаментальный прием, как украшение внутренней поверхности венчика сосуда

Рис. 1: 1 – Тамарино, кург. 8, погр. 4; 2 – Васильевка, кург. 4, погр. 1; 3 – Колпаковка, кург. 8, погр. 4; 4 – Касперовка, кург. 2, погр. 5; 5 – Великая Александровка, кург. 1, погр. 1; 6 – Вильногрушевка, кург. 11, погр. 2; 7 – Софиевка, кург. 40, погр. 2; 8 – Пивденное, кург. 1, погр. 1; 9 – Дальник, кург. 2, погр. 1; 10 – Маяки, кург. 1, погр. 5; 11 – Балабаново кург. 3, погр. 13; 12 – Спасское, кург. 3, погр. 3; 13 – Днепропетровский музей; 14 – Великодолинское, кург. 1, погр. 11

различного рода насечками (Пивденное кург. 1, погр. 1; Дальник кург. 1, погр. 1; Софиевка кург. 40, погр. 2; Спасское кург. 3, погр. 3). Сосуды с ритмичным узором имеют аналогии в горизонтах Жаботин I–Жаботин II, т. е. в первой половине–третьей четверти VIII в. до н. э.

Особую группу составляет керамика, происхождение которой связано с жаботинской керамической традицией. Можно предположить, что ее появление инспирировано модой на продукцию жаботинских керамистов. Эти сосуды, роднит с жаботинскими лишь одинаковое использование мотивов, тогда как композиционное построение прямых аналогий пока не имеет: Жаботин ритмичен, в отличие от аритмичной степи (Пришиб, кург. 4, погр. 25; Широкая Балка кург. 2, погр. 13; Новая Одесса, кург. 1, погр. 6; Ивановка, кург. 4, погр. 1; Гурьевка, кург. 1, погр. 2; Любимовка, кург. 56, погр. 2; Богдановка, кург. 5, погр. 3; Костычи, кург. 1, погр. 8; Кут, кург. 32, погр. 7; Кривой Рог, кург. 1, погр. 3; Малокатериновка, кург. 2, погр. 8; Мамай-гора, кург. 161, погр. 8; Новая Петровка, кург. 1, погр. 3; Панкратово, кург. 1, погр. 5; Пришиб, кург. 25, погр. 25; Дубовая могила, погр. 14) (рис. 2, 1–6, 8, 12). На некоторых сосудах этой группы наряду с орнаментальными элементами и мотивами, используются и знаки, которые также ритмично не повторяются (Костычи, кург. 1, погр. 8; Новая Петровка, кург. 1, погр. 3; Кривой Рог, кург. 1, погр. 3). Эту группу посуды следует датировать в рамках жаботинской орнаментальной традиции, скорее всего, в пределах VIII в. до н. э. Возможно комплекс из Любимовки наиболее ранний по времени, но его дата также не выходит за пределы VIII в. до н. э.

Отдельную группу составляют сосуды (корчаги и кернос) с каннелированным декором (нижняя часть корчаги из погр. 2, кург. 5 у сел. Великая Знаменка украшена вертикальными каннелюрами; кернос из погр. 1, кург. 1 Великой Александровки декорирован косыми каннелюрами и в подобной же технике нанесены каннелюры на горле корчаги из Калиновки; чернолощенная корчага из погр. 4, кург. 3 у сел. Соколово украшена у основания горла пояском «пролощенных» полос, от которых вниз по тулову опущены группы коротких каннелюр) (рис. 2, 9–11). Несмотря на то, что эта посуда имеет определенные соответствия в собственно жаботинском керамическом массиве (Дараган 2011: 421–422, 558–560), все четыре сосуда (а также корчага из разрушенного погр. у сел. Сарата), на наш взгляд, импортированы из культур Балкано-Дунайского региона.

В анализируемой выборке орнаментированной керамики отдельную группу составляют сосуды, связанные с продукцией керамистов группы Сахарна (Конгаз, кург. 1, погр. 1; Парканы, погр. 97; Каушаны, кург. 1, погр. 2; Красное, кург. 2, погр. 7 и Киркаешты, кург. 2, погр. 6) (Гаврилюк 1999: 93; орнаментальные аналогии – Кашуба 2000: 309–313), причем эта группа, будучи по своему облику, безусловно, сахарнянской, синхронна наиболее ранней группе жаботинских сосудов с зональной орнаментацией. Некоторые формы и типы орнаментации сосудов, например из Киркаешты, кург. 2, погр. 6 – «сквозные» – характерны как для поздней Сахарны, так и для Жаботина.

Немногочисленную группу сосудов можно сопоставить с изделиями позднечернолесских (Панкратово, кург. 1, погр. 2; Кривой Рог, Северный ГОК [Горно-обогадательный комбинат], курганная группа «Рядовые могилы», кург. 1, погр. 2; Новая Одесса, кург. 2, погр. 6; Днепрорудный, кург. 7, погр. 1; сосуды из Малой Цимбалки; погр. 1 у сел. Волошское; погр. 4, кург. 1 у сел. Галагановка; кург. 1, погр. 2 у с. Александровка) и раннесахарнянских (кург. 3 у сел. Суклея) керамистов. Эти сосуды оказались в черногоровских погребениях задолго до эпохи господства жаботинского кубка в предскифской степи. Небольшую группу сосудов пока сложно атрибутировать – в их орнаментации просматриваются элементы и Сахарны, и позднего Чернолесья, и Жаботина (Великодолинское, кург. 1, погр. 5 и Ковалёвка, кург. 4, погр. 6; Виноградный Сад, кург. 4, погр. 2; Шахта № 22, кург. 14, погр. 4, Благодатное, кург. 4, погр. 11) (рис. 2, 7).

Рассмотренная сводка черногоровских погребений с жаботинскими кубками хронологически соответствует горизонту Жаботин I–Жаботин II. При этом основная масса комплексов датируется в рамках Жаботин Iб–Жаботин II, что соответствует первой половине–третьей четверти VIII в. до н. э. Сложнее «точечно» датировать черногоровские погребения с чернолесской керамикой. На шкале относительной хронологии они должны соответствовать горизонту Субботов II

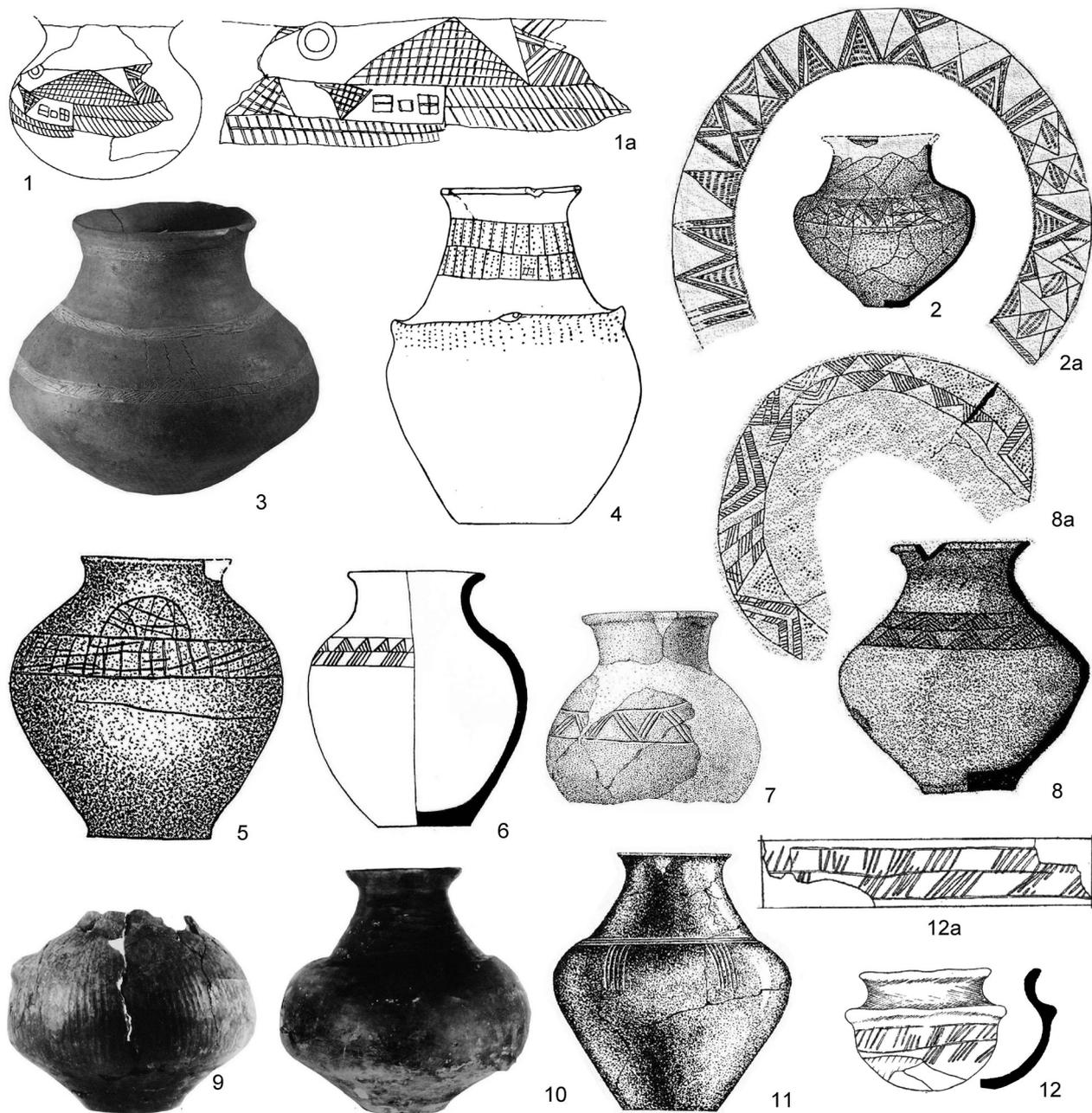

Рис. 2: 1 – Костычи, кург. 1, погр. 8; 2 – Малокатериновка, кург. 2, погр. 8; 3 – Любимовка, кург. 56, погр. 2; 4 – Новая Петровка, кург. 1, погр. 3; 5 – Кривой Рог, кург. 1, погр. 3; 6 – Гурьевка, кург. 1, погр. 2; 7 – Шахта № 22, кург. 14, погр. 4; 8 – Мамай-гора, кург. 161, погр. 8; 9 – Великая Знаменка, кург. 5, погр. 2; 10 – Калиновка, кург. 1, погр. 2; 11 – Соколово, кург. 3, погр. 4; 12 – Панкратово, кург. 1, погр. 5

по А. И. Тереножкину. В абсолютных датах – это IX в. до н. э. Следует отметить, что определение «нижнего предела» присутствия черногоровской культуры к западу от Днепра во многом зависит от пока еще дискуссионных представлений о верхнем хронологическом рубеже белозерской культуры.

Если в лесостепи в рамках горизонта Жаботин II и Жаботин III еще продолжают использовать строго определенные формы керамики и разновидности геометрической орнаментации, то в степном регионе ни одной формы горизонта Жаботин III пока не обнаружено. Следует согласиться с И. В. Бруяко, что позднейшая продукция жаботинских керамистов по каким-то причинам в степь уже не поступала и «горизонт геометрической керамики в Северном Причерноморье завершается

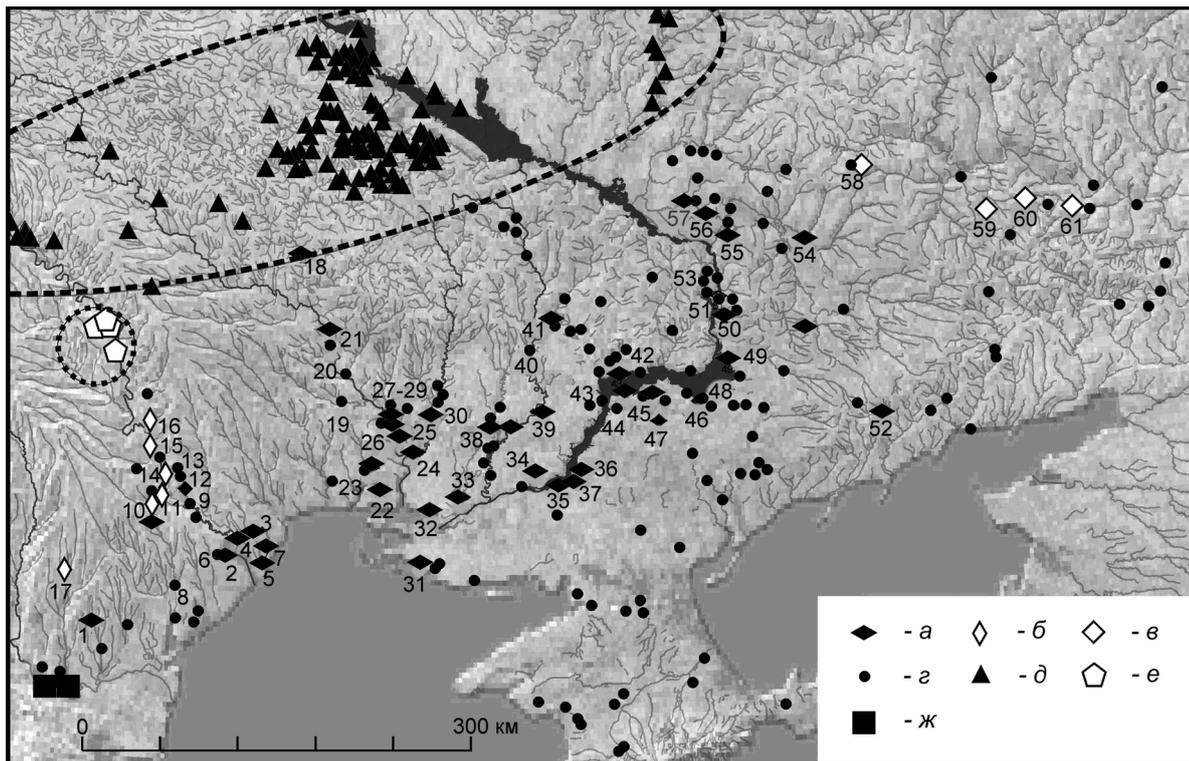

Рис. 3: 1 – Огородное, кург. 1, погр. 9; 2 – Пивденное, кург. 1, погр. 1; 3 – Петродолина, кург. 2, погр. 1; 4 – Маяки, кург. 5, погр. 1; 6 – Семёновка, кург. 2, погр. 1; 7 – Великодолинское, кург. 1, погр. 5 и погр. 11; 8 – Сарата; 9 – Слободзея, кург. 3, погр. 1 и погр. 3; 10–14 – Каушаны, кург. 1, погр. 2; Киркаешты, кург. 2, погр. 6; Парканы, кург. 97 и 98б; Сукляя, кург. 3; 15 – Бутор, кург. 14, погр. 2; 16 – Красное, кург. 15, погр. 3; 17 – Конгаз, кург. 1, погр. 1; 18 – Показовое, кург. 5, погр. 2; 19 – Калиновка, кург. 1, погр. 2; 20 – Виноградный сад, кург. 4, погр. 2; 21 – Панкратово, кург. 1, погр. 2 и погр. 5; 22 – Благодатное, кург. 4, погр. 11; 23 – Ивановка, кург. 4, погр. 1; 24 – Терновка; 25 – Гурьевка, кург. 1, погр. 2; 26 – Ковалёвка, кург. 4, погр. 6; 27 – Новая Петровка, кург. 1, погр. 3; 28 – Касперовка, кург. 2, погр. 5; 29 – Новая Одесса, кург. 1, погр. 3 и кург. 2, погр. 2; 30 – Костици, кург. 1, погр. 8; 31 – Облои, кург. 3, погр. 1; 32 – Широкая Балка, кург. 2, погр. 13; 33 – Чернобаевка; 34 – Тамарино, кург. 8, погр. 4; 35 – Любимовка, кург. 56, погр. 2; 36 – Софиевка, кург. 40, погр. 2; 37 – Васильевка, кург. 1, погр. 3; 38 – Пришиб, кург. 4, погр. 24; 39 – Великая Александровка, кург. 1, погр. 1; 40 – Дубовая могила, погр. 14; 41 – Кривой Рог, кург. 1, погр. 2 и погр. 3; 42 – Шахта 22, кург. 14, погр. 4; 43 – Кут, кург. 8, погр. 12 и кург. 32, погр. 7; 44 – Мамай-гора, кург. 161, погр. 8; 45 – Великая Знаменка, кург. 5, погр. 2; 46 – Высокая могила, погр. 2 и погр. 5; 47 – Малая Цимбалка; 48 – Днепрорудный, кург. 7, погр. 1; 49 – Малокатериновка, кург. 2, погр. 8; 50 – Вильногрушевка, кург. 11, погр. 2; 51 – Ясинуватое, кург. 27, погр. 3; 52 – Белоцерковка, кург. 3; 53 – Волошское; 54 – Богдановка, кург. 5, погр. 3; 55 – Соколово, кург. 2, погр. 1; 56 – Спасское, кург. 3, погр. 3; 57 – Колпаковка, кург. 4, погр. 1; 58 – Черногоровка, кург. 1, погр. 2; 59 – Веселая Долина, кург. 1, погр. 2; 60 – Камышеваха; 61 – Зимогорье, кург. 2, погр. 5

а-г – погребения черногоровской культуры (*а* – с жаботинской керамикой, *б* – с керамикой группы Сахарна, *в* – воинские погребения, *г* – остальные погребения); *д* – памятники жаботинского горизонта лесостепи, *е* – основной конгломерат памятников группы Сахарна, *ж* – поселения Орловка и Новосельское несколько раньше, чем в лесостепи. Может быть, в самом начале VII в. до н. э.» (Бруяко 2005: 35). По нашему мнению, финал этот наступил еще раньше – не позже конца VIII в. до н. э. и связан с появлением раннескифского комплекса в лесостепи.

Примечательны территориальные закономерности в распространении степных погребений с орнаментированными сосудами. Все они тяготеют к речным магистралям Днестра, Буга, Ингула и

Днепра. При этом погребения с жаботинскими кубками, расположенные на левобережье Днепра, примыкают именно к нему, маркируя, видимо, места древних переправ (исключения – кубок, обнаруженный в насыпи кург. 3 у сел. Белоцерковка, и корчага из кург. 2, погр. 3 у сел. Богдановка). В этом ареале исследованы погребения, сопровождающиеся жаботинскими кубками, тогда как посуда, связанная своим происхождением с продукцией сахарнянских керамистов, найдена в погребениях, которые непосредственно граничат с ареалом группы Сахарна. Обратим внимание и на тот факт, что если вся анализируемая нами выборка массово представлена в степях к западу от Днепра, то наиболее выразительные воинские погребения черногоровской культуры пока известны только в противоположащих восточных землях черногоровского мира или у крайних западных пределов освоенной черногоровцами степи, непосредственно у южного ареала группы Сахарна (рис. 3). Заметим также, что практика совершения воинских погребений в черногоровской культуре появилась в причерноморской степи до становления жаботинского археологического комплекса.

- Бруяко 2005 – *Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до н. э.). Кишинёв, 2005.
- Гаврилюк 1979 – *Гаврилюк Н. А.* Лощенная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 20–40.
- Гаврилюк 1999 – *Гаврилюк Н. А.* Местные заимствованные компоненты киммерийской культуры (по материалам керамики) // ВДИ. 1999. № 1 (228). С. 85–96.
- Гребенников 2008 – *Гребенников Ю. С.* Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н. э.). Николаев, 2008.
- Дараган 2011 – *Дараган М. Н.* Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев, 2011.
- Дараган, Кашуба 2008 – *Дараган М., Кашуба М.* Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // РА. 2008. Vol. IV, nr. 2. С. 40–73.
- Дараган, Пештиц 2011 – *Дараган М. Н., Пештиц Д. Н.* Геометрическая орнаментация Жаботина // *Дараган М. Н.* Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011. С. 411–428.
- Дараган, Подобед 2011 – *Дараган М. Н., Подобед В. А.* Финал горизонта Жаботин II. Хронология горизонта Жаботин III // Там же. С. 563–589.
- Дубовская 1996 – *Дубовская О. Р.* Этапы черногоровской культуры (в плане относительной хронологии) // МАЕ. 1996. С. 115–118.
- Ильинская 1975 – *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев, 1975.
- Кашуба 2000 – *Кашуба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // STRATUMplus. 2000. № 3. С. 241–448.
- Лесков 1972 – *Лесков А. М.* Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972.
- Махортых 2005 – *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.
- Мелюкова 1979 – *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Потапов 2000 – *Потапов В. В.* Предскифские племена степи Восточной Европы // Донская археология. 2000. № 1 (6). С. 6–21.
- Тереножкин 1976 – *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Caşuba 2008 – *Caşuba M.* Materiale ale culturii Şoldăneşti în bazinul Nistrului de Mijlociu – observaţii preliminare // Tyragetia, s. n. Chişinău, 2008. Vol. II [XVII], nr. 1. P. 37–50.
- Vulpe 1986 – *Vulpe A.* Zur Entstehung der geto-dakische Zivilisations (Die Basarabi-Kultur) // Dacia. NS. 1986. T. XXX, nr. 1–2. P. 49–90.

Ногайская степь в раннем железном веке (по материалам Ногайского краеведческого музея)

Ногайская степь (сухие степи и полупустыня) на севере ограничена р. Кума, на юге – р. Терек, восточная ее граница – берег Каспийского моря, западная – может быть представлена в виде некой линии между Терекком и Кумой в месте их наибольшего сближения, т. е. примерной линии Минеральные Воды–Залукокоаже–Баксан–Прохладный (западнее и южнее степь переходит в горы). С учетом административно-политических границ, Ногайская степь включает север Республики Дагестан (Ногайский, Кизлярский и Тарумовский р-ны), север Чеченской Республики (Шелковской и Наурский р-ны), восток, юго-восток и отчасти юг Ставропольского края (Нефтекумский, Степновский, Курский и Кировский р-ны, южные части Левокумского и Георгиевского р-нов, восточные части Буденновского и Советского р-нов), север Республики Северной Осетии (северная часть Моздокского р-на) и северо-восток Кабардино-Балкарской Республики (большая часть Прохладненского р-на, незначительные части Майского и Баксанского р-нов).

Практически все районы Ногайской степи недостаточно исследованы археологически, в части их вообще не проводились археологические раскопки. В некоторых районах отсутствуют даже краеведческие музеи. Все эти факторы сильно затрудняют общую характеристику археологических памятников Ногайской степи. Даже когда такая задача ставилась хотя бы для части Ногайской степи, то обнаруживаются т. н. белые пятна. Так, А. И. Абакаров и О. М. Давудов, составившие «Археологическую карту Дагестана» (Абакаров, Давудов 1993), представили напр., по Ногайскому р-ну краткую характеристику археологических находок по 23 пунктам (можно добавить три пункта по Тарумовскому р-ну и всего два – по Кизлярскому). Среди них – находки, сделанные не позднее 1970-х гг. (Там же). Однако за пределами этой работы остались несколько публикаций 1970–1980-х гг. (Бжания и др. 1976; Магомедов и др. 1976; Марковин 1981; 1984).

Для анализа памятников раннего железного века автором был выбран тот же Ногайский р-н Республики Дагестан. В районном центре – сел. Терекли-Мектеб действует Ногайский краеведческий музей, являющийся филиалом Дагестанского государственного объединенного исторического и архитектурного музея имени А. Тахо-Годи. В Ногайском краеведческом музее собрана и пополняется коллекция до сих пор неизданных археологических находок, относящихся к различным эпохам – от неолита и энеолита до средневековья. Археологическая коллекция Ногайского краеведческого музея заслуживает полной публикации – совокупность этих, пусть и случайных, находок позволяет судить о различных проблемах древней и средневековой истории Ногайской степи. Разумеется, объем сообщения позволяет ввести в научный оборот лишь часть музейной коллекции – те изделия, которые более или менее уверенно можно датировать ранним железным веком.⁵⁷

Предметом, предшествующим скифо-сарматскому времени, является фрагмент литого бронзового топора (размеры – 4,2 × 3,5 см; рис. 1, 1). Бесспорно, это обломок топора, характерного для кобанской культуры с конца II тыс. до середины VII в. до н. э. – выделенная пятка, продольные ребра на боковых гранях обуха (Козенкова 1977: 78–79, 81; 1995: 68–72, 152–153). Данный предмет – не первая находка кобанских бронзовых изделий в Ногайской степи (Крупнов 1952: 25, 28; Магомедов и др. 1976: 135).

Рассмотрим различные изделия скифо-сарматского времени. В Ногайском краеведческом музее хранится не менее 20 наконечников стрел этого периода.

Пять бронзовых наконечников двухлопастные и распределяются по следующим типам:

⁵⁷ По этой же причине в сообщении не будет рассматриваться керамика. В Ногайском краеведческом музее хранятся не менее 15 целых или практически полностью склеенных сосудов, предположительно, савромато-сарматского времени.

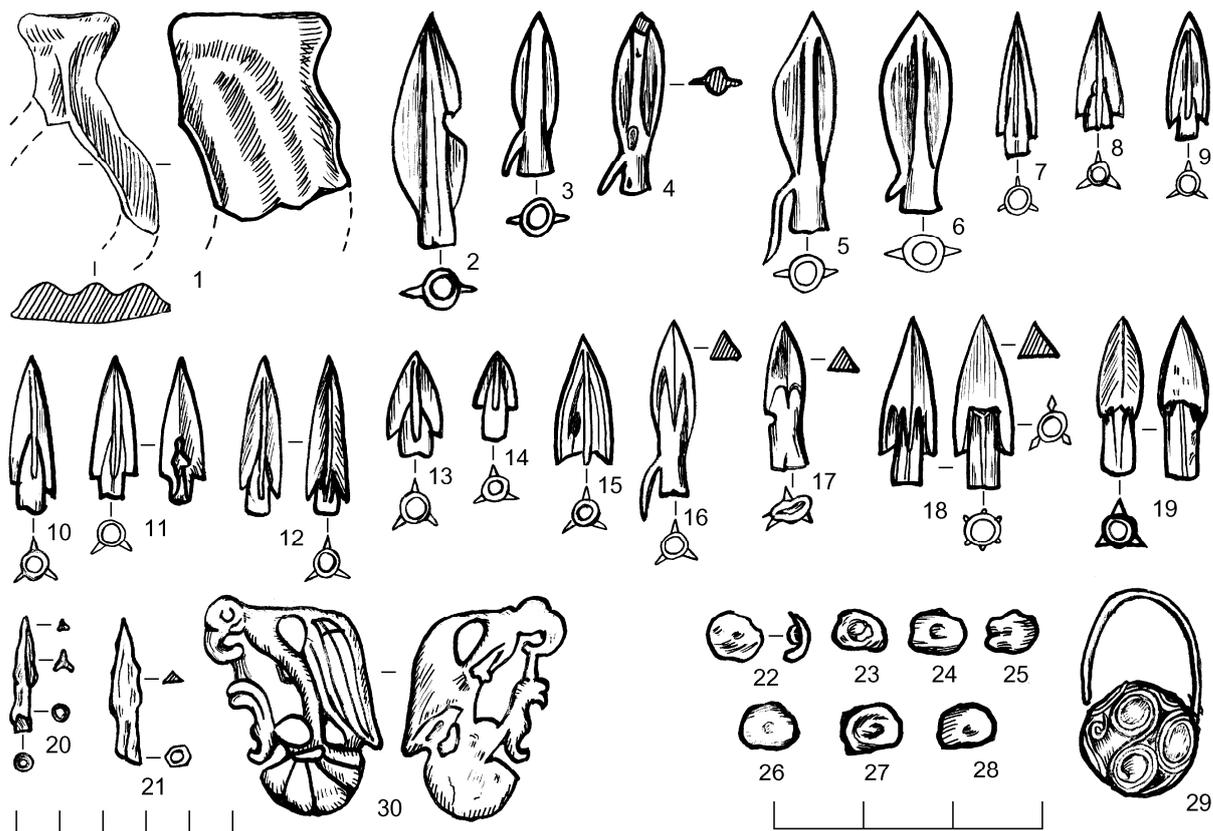

Рис. 1. Изделия из археологической коллекции Ногайского краеведческого музея:
 1 – фрагмент топора; 2–21 – наконечники стрел; 22–28 – нашивные бляшки; 29 – серьга;
 30 – изображение птицы (1–19, 30 – бронза, 20–21 – железо, 22–29 – золото)

1) крупный наконечник с выступающей втулкой; перо лавролистное, с расширением ближе к основанию. Длина – 4,9 см, ширина – до 1,6 см (рис. 1, 2). Соответствует типам IA и IB савроматских наконечников стрел, датируемым VIII–VI вв. до н. э. (здесь и далее типология – по Смирнов 1961: табл. I–IV);

2) наконечник с выступающей втулкой и боковым шипом; перо лавролистное, с расширением посередине и ближе к основанию (у разных лопастей). Длина – 3,4 см, ширина – до 0,9 см (рис. 1, 3). Соответствует типу IB савроматских наконечников стрел (VI в. до н. э.);

3) наконечник с выступающей втулкой и боковым шипом; перо лавролистное, с асимметрично-ромбическим очертанием. Длина – 3,87 см, ширина – до 1 см (рис. 1, 4). Соответствует типу III савроматских наконечников стрел (VII–VI вв. до н. э.);

4) наконечник с выступающей втулкой и боковым шипом; перо асимметрично-ромбическое, расширенное ближе к острию, со сглаженными очертаниями. Длина – 5 см (с шипом) и 4,5 см (без шипа), ширина – до 1,2 см (рис. 1, 5);

5) такой же наконечник. Длина – 4,4 см, ширина – до 1,5 см (рис. 1, 6). Наконечники 4 и 5 соответствуют типу VB савроматских наконечников стрел (VII–V вв. до н. э.).

Семь наконечников трехлопастные, с выступающей втулкой. Лопасты у основания имеют форму подрезов, составляя с втулкой прямые, острые и тупые углы. Распределяются по двум типам:

6) наконечник стрелы с выступающей втулкой; перо округло-подтреугольное; общие очертания вытянутые. Длина – 3,02 см, ширина – до 0,8 см (рис. 1, 7);

7) такой же наконечник. Длина – 2,35 см, ширина – до 0,7 см (рис. 1, 8);

8) такой же наконечник. Длина – 2,85 см, ширина – до 0,82 см (рис. 1, 9);

9) такой же наконечник. Длина – 2,9 см, ширина – 0,8 см (рис. 1, 10);

10) такой же наконечник. Длина – 3,1 см, ширина – 0,8 см (рис. 1, 11);

11) такой же наконечник. Длина – 3,25 см, ширина – до 0,9 см (рис. 1, 12). Наконечники 6–11 соответствуют типам VIA–IXB савроматских наконечников стрел, датируемым VI–IV вв. до н. э.;

12) такой же наконечник, но гораздо менее вытянутый; округло-подтреугольная головка имеет более короткие и широкие пропорции. Длина – 2,2 см, ширина – до 0,9 см (рис. 1, 13);

13) такой же наконечник. Длина – 1,8 см, ширина – до 0,9 см (рис. 1, 14). Наконечники 12 и 13 соответствуют типу VII наконечников стрел, датируемых VI–IV вв. до н. э., отчасти, III в. до н. э.

К другому типу трехлопастных наконечников относится один наконечник:

14) наконечник стрелы трехлопастной, со скрытой втулкой. Перо имеет округлые очертания, лопасти в основании имеют остроугольные подрезы. Длина – 2,7 см, ширина – до 1,05 см (рис. 1, 15). Наконечник стрелы соответствует типу XII наконечников стрел, датируемых VI–IV вв. до н. э., отчасти III–II вв. до н. э.

Три наконечника имеют «переходную» форму пера: у основания трехлопастную, ближе к острию – трехгранную:

15) наконечник стрелы с выступающей втулкой и боковым шипом. Перо лавролистной формы, с наибольшим расширением посередине. Длина – 4,2 см (с шипом) и 3,6 см (без шипа), ширина – до 1 см (рис. 1, 16);

16) наконечник стрелы с выступающей втулкой; перо лавролистной формы, с наибольшим расширением ближе к основанию. Длина – 3,1 см, ширина – 0,85 см (рис. 1, 17). Наконечники 15 и 16 соответствуют типу II савроматских наконечников стрел, датируемых VI–IV вв. до н. э., в основном – V в. до н. э.;

17) наконечник стрелы с выступающей втулкой и округло-треугольной головкой. Головка у острия трехгранная, у основания трехлопастная, причем у лопастей остроугольные подрезы. Длина – 3,64 см, ширина – до 1 см (рис. 1, 18). Наконечник соответствует типам VA–VG и VI наконечников стрел (VI в. до н. э. и позднее – с заходом в III в. до н. э.).

Один наконечник – трехгранный:

18) наконечник стрелы с выступающей втулкой; головка трехгранная, листовидной формы, с расширением ближе к основанию. Длина – 3,4 см, ширина – до 0,9 см (рис. 1, 19). Соответствует типу II савроматских наконечников стрел и датируется, в основном, V в. до н. э.

В целом, собранные в Ногайском краеведческом музее бронзовые наконечники стрел типичны для скифов и савроматов и могут быть датированы в пределах VIII–IV вв. до н. э. Часть их может относиться и к более позднему времени – III–II вв. до н. э.

Помимо бронзовых наконечников стрел, в собрании музея имеются два железных втульчатых наконечника. Один из них с трехлопастной головкой, переходящей к жалу в трехгранную (длина – 2,4 см; ширина – до 0,5 см – рис. 1, 20). У второго (рис. 1, 21) – головка настолько разрушена коррозией, что невозможно определить, была она трехлопастной или трехгранной (длина – 3 см; ширина – до 0,61 см). Железные втульчатые наконечники стрел появляются у савроматов в IV в. до н. э. (Смирнов 1961: 131, рис. 29; Мошкова 1963) и преобладают в раннесарматское и позднесарматское время. Материалы больших северокавказских могильников говорят о появлении железных черешковых наконечников стрел в I в. н. э. и вытеснении ими втульчатых во II в. н. э. (Абрамова 1972; 1987; Кеферов 1985: 135 сл.).

В коллекции Ногайского музея имеются остатки двух железных мечей, по-видимому, морфологически близких. Один из мечей – лучшей сохранности и полностью собирается из восьми обломков. У него длинный двулезвийный клинок с тремя продольными желобками на одной из сторон. Другая сторона клинка покрыта пропитанным железными окислами древесным тленом – остатками ножен. Навершие меча брусковидное, округлое в поперечном сечении. Перекрестие отсутствует. На рукояти сохранились остатки пропитанной железными окислами древесины. Поперечное сечение рукояти – эллипсоидно-подпрямоугольное. Общая длина меча составляет 86,6 см, максимальное поперечное сечение клинка – 10,86 × 1,4 см, длина рукояти с перекрестием – 10,5 см (рис. 2, 1). Второй меч представлен семью фрагментами, из которых только две пары «собираются».

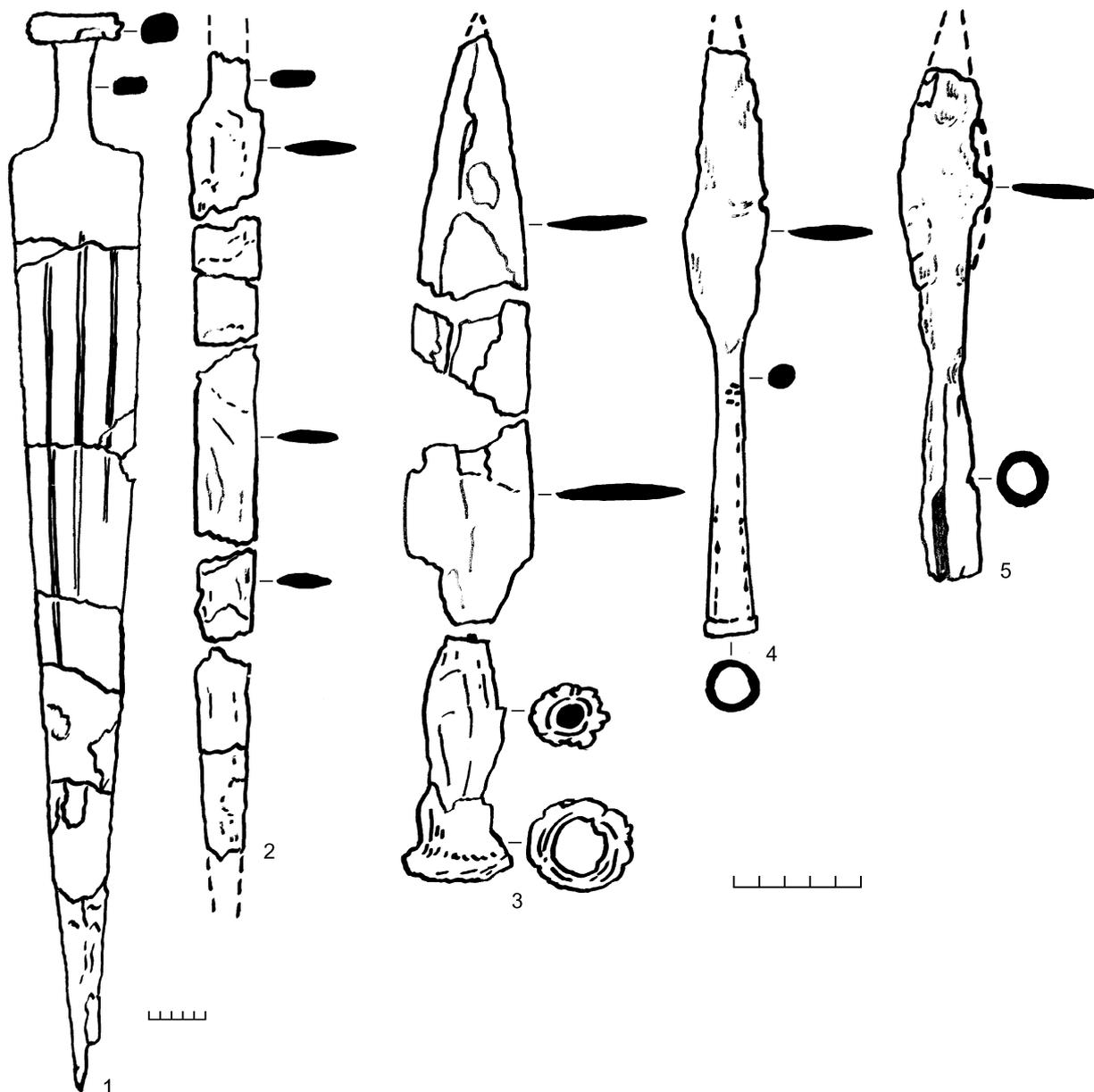

Рис. 2. Железные мечи (1–2) и наконечники копий (3–5)
из археологической коллекции Ногайского краеведческого музея

Верхняя часть рукояти с навершием не сохранилась. Перекрестие отсутствует. Общая длина семи фрагментов меча достигает 64 см, но длина целого меча явно превышала эту величину. Поперечное сечение клинка составляет до 6×1 см, поперечное сечение сохранившейся части рукояти – $3,2 \times 1,4$ см (рис. 2, 2). Значительная общая длина и отсутствие перекрестия говорят в пользу того, что второй меч относится к тому же типу, что и первый. Оба меча являются к крупными мечами с брусковидным навершием и без перекрестия – синдо-меотского типа. Учет находок таких мечей показывает, что территория их распространения не ограничивается синдским, меотским или синдо-меотским ареалом, т. е. Западным Предкавказьем или Западным Кавказом. Их ареал охватывает все Предкавказье или весь Северный Кавказ. Общую датировку подобных мечей можно ограничить второй половиной V–II в. до н. э. (Смирнов 1980; Эрлих 1992; Лесков и др. 2005). Датировку мечей из Ногайского краеведческого музея вряд ли можно сузить, поскольку они – случайные находки, лишённые археологического контекста.

Несколько музейных предметов также оторваны от археологического контекста, что позволяет лишь предположительно определить их датировку. В разных местах Ногайского р-на были

найжены три стальных втульчатых наконечника копий. Хуже всего сохранился наиболее крупный экземпляр – от него остались шесть фрагментов (рис. 2, 3). У этого артефакта было широкое подтреугольное перо и массивная втулка, у основания «окольцованная» хорошо выраженным мягким валиком. Длина наконечника восстанавливается до 34 см, поперечное сечение пера – до $5,3 \times 1,2$ см, диаметр втулки – от 2–2,5 см до 4,2 см (у основания). Два других наконечника меньшего размера, с узким листовидным пером, не имеющим четко выраженного продольного ребра. Перо у обоих наконечников обломано. Длина сохранившейся части одного наконечника – 23,7 см, поперечное сечение пера – до $3,15 \times 0,6$ см, диаметр втулки – до 2 см. Наконечник узкий, вытянутый. На основании втулки заметен кольцевой поясок (рис. 2, 4). Третий наконечник копья сохранился в длину на 21 см, поперечное сечение пера – до $3,5 \times 0,7$ см, диаметр втулки с раскрытым швом – до 2,5–2,2 см (рис. 2, 5). При всей выразительности остатков стальных наконечников копий их датировка затруднительна, также не исключено, что они могут датироваться эпохой средневековья.

К среднесарматскому и позднесарматскому времени относятся хранящиеся в музее золотые украшения. Сравнительно большую группу составляют семь нашивных бляшек, изготовленных из тонкого золотого листа (толщина не более 0,1 мм) – это одинаковые бляшки круглой в плане формы, их сечение – сегментовидное. На обороте каждой бляшки припаяны петельки-колечки из тонкой и круглой в сечении проволоки. Все бляшки деформированы, имеют вмятины и разрывы. От этого имеются различия в их размерах: поперечный диаметр – 0,61–0,46 см, высота – 0,27–0,22 см (рис. 1, 22–28). Такие бляшки хорошо известны в сарматских погребениях, датирующихся, в основном, I–II вв. н. э. (Гущина, Засецкая 1994; Мордвинцева, Хабарова 2006).

Более редким изделием является золотая серьга (рис. 1, 29). Основная ее часть – полая сфера, спаянная из плоских участков и спиралевидных филигранных завитков. Восемь таких завитков образуют четыре восьмеркообразные пары (верхние и нижние спиральные завитки переходят друг в друга). В одном месте напаян маленький спиралевидный филигранный завиток. Проволока, использованная для завитков, имеет косые насечки. В этой части серьги фиксируются разрывы, очевидно, по месту пайки. С основной сферической частью серьги соединена плавно изогнутая и круглая в сечении игла. Высота сферической части серьги составляет 1,2 см, высота вместе с иглой – 2,2 см, диаметр (поперечный размер) сферической части – 1,15 см. Точная аналогия этому украшению обнаружена в кург. 12 мог-ка Львовский Первый-2 на Нижнем Сулаке в Северном Дагестане – могильник датируется III–IV вв. н. э. (Абрамова и др. 2000: 10, 65, 81, рис. 10, 2).

К более раннему времени, вероятно, относится бронзовый литой предмет, служивший, скорее всего, украшением конской сбруи. По существу – это изображение птицы, проработанное с лицевой стороны (оборотная сторона плоская и имеет два прилива – остатки петли) (рис. 1, 30). Размеры изделия составляют $5,3 \times 3,15$ см, толщина – 0,4–0,53 см. Изображение птицы «ажурно» (имеет три сквозных проема) и как бы собрано из деталей, трактованных в скифо-сибирском зверином стиле: небольшая округлая голова с кольцевидным глазом и несоразмерно большим крючковатым носом; большое крыло с оперением, трактованным четкими продольными линиями; большой хвост в форме сектора круга, разделенный на пять радиально расходящихся крупных подтреугольных перьев; мощная лапа с тремя несоразмерно большими пальцами. Наиболее точной аналогией этой вещи является бляшка из погр. 16 кург. 5 мог-ка Кривая Лука VIII (Астраханская обл.), датируемого VI–IV вв. до н. э. (Королькова 1998: 167–168, рис. 1, 15). Эта находка в Ногайском р-не – незаурядное произведение раннекочевнической анималистики.

В целом, археологическая коллекция Ногайского краеведческого музея с учетом иных материалов из Ногайской степи позволяет если не решать, то ставить серьезные вопросы в сфере изучения скифо-сарматского периода на Северо-Восточном Кавказе.

Абакаров, Давудов 1993 – *Абакаров А. И., Давудов О. М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1993.

Абрамова 1972 – *Абрамова М. П.* Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972.

Абрамова 1987 – *Абрамова М. П.* Подкумский могильник. М., 1987.

- Абрамова и др. 2000 – *Абрамова М. П., Красильников К. И., Пятых Г. Г.* Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2. М., 2000.
- Бжания и др. 1976 – *Бжания В. В., Ерохин О. Г., Ошаев М. Х.* Разведки в Бажиганских песках // АО 1975 года. 1976. С. 111–112.
- Гущина, Засецкая 1994 – *Гущина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб, 1994.
- Кеферов 1985 – *Кеферов Б. М.* Чегемский курган-кладбище сарматского времени // *В. М. Батчаев, Т. Б. Барцева, Б. М. Кеферов.* Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э. – II в. н. э.). Нальчик, 1985. С. 135–259 (АИНКБ. Т. 2).
- Козенкова 1977 – *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Восточный вариант. М., 1977 (САИ. Вып. В2-5).
- Козенкова 1995 – *Козенкова В. И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология): Западный вариант. М., 1995 (САИ. Вып. В2-5).
- Королькова 1998 – *Королькова Е. Ф.* Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI–IV вв. до н. э. // Проблемы археологии: История и культура древних и средневековых обществ: Сб. науч. статей, посвящ. 100-летию со дня рожд. М. И. Артамонова. СПб, 1998. С. 166–177.
- Крупнов 1952 – *Крупнов Е. И.* Жемталинский клад. М., 1952.
- Лесков и др. 2005 – *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI–начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М., 2005.
- Магомедов и др. 1976 – *Магомедов А. Р., Криштопа А. Е., Фёдоров Г. С.* Разведки в Дагестане // АО 1975 года. 1976. С. 135–136.
- Марковин 1981 – *Марковин В. И.* Работы в Дагестане // АО 1980 года. 1981. С. 110.
- Марковин 1984 – *Марковин В. И.* Работы Прикаспийской экспедиции // АО 1982 года. 1984. С. 129–130.
- Мордвинцева, Хабарова 2006 – *Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В.* Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь, 2006.
- Мошкова 1963 – *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. М., 1963.
- Смирнов 1961 – *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА. Вып. 101).
- Смирнов 1980 – *Смирнов К. Ф.* О мечях синдо-меотского типа // КСИА. Вып. 162. 1980. С. 38–45.
- Эрлих 1992 – *Эрлих В. Р.* Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Т. В. Рябкова (Санкт-Петербург, Россия)

Колчанный набор из кургана 524 у сел. Жаботин⁵⁸

Курган 524 у сел. Жаботин был исследован А. А. Бобринским в 1913 г., и практически сразу же был введен в научный оборот (Бобринский 1916: 2–3). В публикации была приведена опись предметов, даны фотографии нашивных бляшек, каменной булавы и семи «больших, двубоких, старинного образца» наконечников стрел из колчанного набора. Этот набор, равно как и курган, стали эпонимными: словосочетания «жаботинский тип наконечников» и «жаботинский этап в развитии материальной культуры раннескифского типа» употребляются настолько часто, что сами по себе являются уже классификационными единицами. Как правило, заключение о том, что колчанный набор включает наконечники жаботинского типа, позволяет соотнести памятник с жаботинским этапом, что влечет за собой ряд выводов, касающихся, в первую очередь, хронологической позиции комплекса. Вокруг наконечников стрел из кург. 524 у сел. Жаботин сформировалась обширная историографическая традиция, которая, тем не менее, в большей степени касается не конкретных предметов, а понятия «жаботинский тип наконечников стрел».

⁵⁸ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00532а «Культуры скифского круга эпохи архаики на территории Северного Кавказа и Причерноморья (VII–VI вв. до н. э.). Новые данные и подходы».

Невозможно переоценить вклад В. А. Ильинской в изучение материалов кург. 524 у сел. Жаботин, выделившей в 1973 г. наконечники стрел т. н. новочеркасского и жаботинского типов. Типологическими признаками наконечников жаботинского типа, по В. А. Ильинской, являются: массивность; наличие двух лопастей; значительная (до 5 см) общая длина; асимметрично-ромбовидная форма пера, охватывающего длинную выступающую втулку до двух третей ее размера и наличие шипа. На определение относительно ранней хронологической позиции рассматриваемого комплекса (и колчанного набора) повлияло наличие в нем, наряду с предметами келермесского типа, докелермесских изделий – псалиев с соляными знаками на муфтах и каменной булавы. Положение этого комплекса на шкале относительной хронологии после работ В. А. Ильинской так и не было пересмотрено, хотя абсолютные даты имеют тенденцию к понижению: если В. А. Ильинская датировала комплекс концом VII–рубежом VII/VI вв. до н. э. (Іллінська 1973: 14), то теперь время его создания смещается к рубежу VIII/VII вв. до н. э. (Рябкова 2009: 354) или к концу VIII в. до н. э. (Дараган 2011: 570).

В. А. Ильинской была намечена линия эволюции жаботинских наконечников от асимметрично-ромбических наконечников типа Енджа (получивших название «раннежаботинских»), а также определена их связь с ранним этапом истории скифов в Северном Причерноморье и с формами наконечников, «принесенными из глубин Степного Востока» (Іллінська 1973: 17, 26). С. В. Полин объединил раннежаботинские наконечники (типа Енджа) и позднежаботинские (типа Жаботин 524) в один тип, назвав его «тип Енджа-Жаботин» (Полін 1987: 21), условность выделения раннежаботинских и позднежаботинских наконечников была поддержана М. Н. Дараган (2011: 564). Для И. Н. Медведской наличие подобных наконечников в кург. у хут. Алексеевский; Сержень-Юрте; мог-ке Самтавро, погр. 27 и 106; мог-ке Тли, погр. 129 стало основанием для отнесения этих комплексов к жаботинскому этапу, хронологически разделяющему новочеркасский и келермесский этапы (Медведская 1992: 86). Жаботинский этап соответствует 1 этапу РСК, выделенному Г. Коссаком (Kossack 1987: 48–84). Несмотря на то, что В. А. Ильинская отмечала встречаемость наконечников типа Жаботин с наконечниками келермесского типа не только в Причерноморье (Журовка, кург. 406; Скоробор, кург. 4; Осняги, кург. 1; Аксютинцы, кург. 15; Комаровский, кург. 3 и 9), но и в переднеазиатских памятниках (Джерар, Зивийе), существует мнение о том, что скифские наконечники стрел представлены в Передней Азии в основном келермесскими формами (Иванчик 2001: 49).

Таким образом, на сегодняшний день в исследованиях, посвященных древнейшему этапу скифской истории в Причерноморье, появились устойчивые представления о том, что: 1) жаботинский тип наконечников маркирует древнейший, вероятно, допоходный этап, поскольку в памятниках Передней Азии таких наконечников практически нет; 2) наконечники жаботинского типа древнее наконечников келермесского типа и, соответственно, курганы Келермеса моложе кург. 524 у сел. Жаботин, поскольку в них отсутствуют наконечники жаботинского типа; 3) генезис наконечников жаботинского типа связан с центрально-азиатским регионом; 4) наличие наконечников типов Енджа-Жаботин в памятниках Причерноморья связано с активностью кочевников, вероятно, мигрировавших из Центральноазиатского региона, результатом чего явились слои разрушения на поселениях жаботинского времени в украинской лесостепи и Закавказье (Дараган 2011: 563–570).

Представляется, однако, что часть этих утверждений, рассматриваемых уже как аксиомы, нуждается в проверке, дополнительных обоснованиях и уточнении, тем более что с 1980-х гг. накоплен значительный археологический материал. При определении типа наконечника, кроме признаков, сформулированных А. И. Мелюковой: поперечный разрез, форма головки, соотношение длины и ширины наконечника, наличие внутренней или внешней втулки и ее размеры (Мелюкова 1964: 16), – необходимо также учитывать форму, размеры и место прикрепления шипа. Сложность такой исследовательской работы заключается в отсутствии полных и подробных рисунков в публикациях. Кург. 524 у сел. Жаботин не является исключением, поскольку с момента исследования его комплекс так и не был полностью издан.

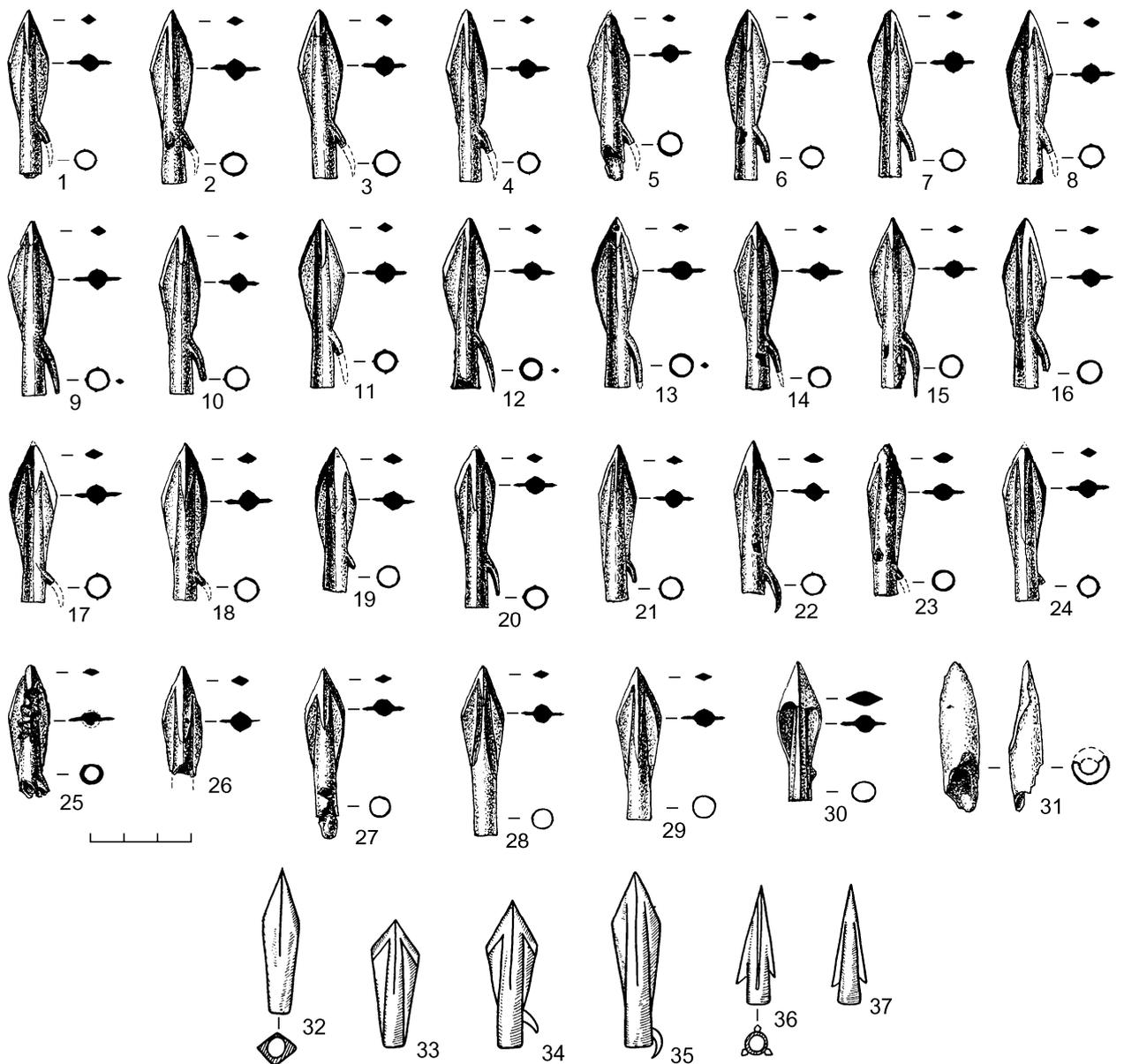

Рис. 1: 1–30 и 31 – наконечники стрел и предмет из кург. 524 у сел. Жаботин;
 32–37 – наконечники стрел из погр. 1 кург. 2 у сел. Енджа (1–30, 32–37 – бронза, 31 – кость)
 (1–31 – рисунки с оригиналов, публикуются впервые; 32–37 – по Тереножкин 1976: рис. 16)

Колчаный набор кург. 524 у сел. Жаботин состоит из 30 бронзовых двухлопастных наконечников стрел (рис. 1, 1–30), из которых 26 имеют шипы на втулках, три – без шипов и один наконечник фрагментирован. Фрагментированный костяной предмет (рис. 1, 31), вероятно, также является наконечником стрелы, хотя он слишком массивен – толщина его стенок превышает обычную для пулевидных наконечников. По заключению ведущего научного сотрудника Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Р. С. Минасяна, большая часть наконечников колчанного набора из кург. 524 у сел. Жаботин вряд ли когда-либо использовалась, поскольку на них отсутствуют следы деформации, а заточка выполнена не особенно качественно.

Наконечники рассматриваемого колчанного набора описываются по группам с учетом их особенностей:

1) 16 экземпляров (рис. 1, 1–16) стандартны: их длина – 5–5,1 см, перо симметрично-ромбической формы, максимальная ширина пера – 1,2–1,4 см; длинная (1,6–1,7 см) втулка составляет практически 1/3 длины всего наконечника, плавно изогнутый шип прикреплен в верхней части

втулки. В тех случаях, когда шип сохранился полностью, длина его достигает 1,9 см, превышая длину втулки (рис. 1, 12, 15);

2) два экземпляра (рис. 1, 17–18) отличаются от вышеописанных размерами (длина – 4,5 см) и более короткой втулкой, у одного из них (рис. 1, 18) шип прикреплен в средней части втулки;

3) один экземпляр (рис. 1, 19) длиной 4,1 см имеет перо листовидной формы, максимальная ширина пера – 1,1 см, шип длиной 0,4 см прикреплен в верхней части втулки;

4) один экземпляр (рис. 1, 20) отличается от массово представленных наконечников размерами (длина – 4,6 см) и асимметрично-ромбической формой пера, по остальным параметрам (длина втулки, место прикрепления и размеры шипа) он сопоставим с ними;

5) четыре экземпляра (рис. 1, 21–24) длиной 4,3–4,5 см с асимметрично ромбической формой пера, имеют укороченные втулки, длина которых составляет 1/4 длины наконечника. У трех экземпляров шип прикреплен в нижней части пера (рис. 1, 21–23), у одного – в средней части втулки (рис. 1, 24). В двух случаях шипы сохранились частично, но поскольку в данном наборе короткие шипы сохраняются полностью, можно считать, что они были такими же длинными и изогнутыми, как у прочих экземпляров. Один наконечник (рис. 1, 21) имеет короткий тонкий шип длиной 0,6 см;

6) у трех экземпляров (рис. 1, 27–29) длиной 4,2–4,8 см с пером асимметрично-ромбической формы и максимальной шириной пера 1,1–1,2 см, втулки составляют 1/4 длины наконечника, шипы отсутствуют;

7) один экземпляр (рис. 1, 30) длиной 4 см имеет перо симметрично-ромбической формы (максимальная ширина 1,2 см) с утяжеленной головкой (в верхней части перо в сечении не двухлопастное, а ромбическое); длина втулки составляет 1/4 от длины наконечника, шип, прикрепленный в нижней части пера, сохранился частично.

Таким образом, в колчанный набор кург. 524 у сел. Жаботин, помимо большой серии стандартных образцов, входят и другие наконечники, значительно от них отличающиеся, поэтому, если говорить о «наконечниках жаботинского типа», то необходимо определиться, о чем идет речь. Если принимать за «жаботинский тип» наконечники, наиболее массово представленные в данном наборе, то следует отметить, что их ярким признаком, кроме симметрично-ромбической формы пера (которая в ряде случаев могла становиться листовидной из-за заточки), являются длинные (свыше 1,5 см) втулки и длинный изогнутый шип, прикрепленный в верхней части втулки. Надо отметить, что длинные втулки в сочетании с шипами – явление редкое и отмечены лишь у единичных экземпляров из мог-ка Самтавро, погр. 27; Имирлера; Богазкёя.

Наконечники с шипами и пером ромбической формы представлены во многих кочевнических памятниках Северного Причерноморья (Клады, кург. 41; курганы Келермеса; Красное Знамя, кург. 9; Журовка, кург. 401; Бельское городище; пос. Пожарная Балка; и др.) и Передней Азии (Имирлер, Богазкёй, Тарсус, Амасья, Гордион). Следует все же подчеркнуть, что ни в одном из известных ныне памятников наконечники жаботинского типа не составляют такой представительной серии, как в кург. 524 у сел. Жаботин. Если считать жаботинские наконечники маркерами самого раннего этапа раннескифской культуры, то тогда необходимо (вслед за В. А. Ильинской) признать тот факт, что древности этого этапа распространены не только в Северном Причерноморье и Предкавказье, но также в Передней Азии. Это может обозначать близость хронологических позиций кург. 524 у сел. Жаботин, комплексов Имирлера, Амасьи, Богазкёя, и, следовательно, нет достаточных оснований для заключения о том, что комплекс кург. 524 у сел. Жаботин сооружен во время, предшествующее переднеазиатским походам.

Наконечник с листовидным пером (рис. 1, 19) по всем параметрам аналогичен широко распространенным в раннескифских памятниках наконечникам, получившим название «келермесских». Это обстоятельство, как и наличие в колчаных наборах Келермеса ромбических наконечников с длинным шипом и несколько более короткой втулкой, свидетельствует о возможной близости хронологических позиций келермесских комплексов и погр. из кург. 524 у сел. Жаботин.

Обращает на себя внимание тот факт, что наконечники стрел из погр. 1 кург. 2 у сел. Енджа, суммарно отнесенные к раннежаботинскому типу или же типу Енджа-Жаботин, также представлены различными экземплярами (рис. 1, 32–37), в значительной степени отличающимися от жаботинских. Они менее массивны (длина – от 3,3 до 4,8 см), у многих из них – скрытая или укороченная втулка. Кроме того, шипы, насколько можно судить по публикации, значительно отличаются от длинных и массивных шипов большинства жаботинских экземпляров: они маленькие и прикрепляются не только в верхней, но и в нижней части втулки (рис. 1, 34).

Важно отметить, что маленький шип у основания втулки – признак, характерный для наконечников стрел предшествующего, аржано-черногоровского времени как на востоке, так и на западе евразийского степного пространства: Аржан 1; Малая Цимбалка; Высокая Могила, погр. 5; Верхний, кург. 1 погр. 2; мог-к Бегазы, ограда 2; поселение Чича; Большереченские курганы; Тигир-Тайджен IV, кург. 1 мог. 1; погр. 5; и др. Эта традиция прослеживается и в погр. 5 Большого Гумаровского кург., кург. 39 мог-ка Уйгарак, кург. 3 мог-ка Сакар-Чага 6. Вероятно, именно по наличию маленького шипа, смещенного к концу втулки, можно выделять наиболее ранние наконечники стрел в сериях из памятников Причерноморья и Предкавказья. В таком случае набор из погр. 1 кург. 2 у сел. Енджа, безусловно, относится к более раннему времени, нежели набор из кург. 524 у сел. Жаботин. Важно отметить, что в жаботинском наборе лишь два наконечника имеют маленькие шипы и лишь у трех экземпляров шипы расположены не под пером, а смещены к средней части втулки.

Кроме этого, в погр. 1 кург. 2 у сел. Енджа присутствует ромбический в сечении наконечник со скрытой втулкой (рис. 1, 32), значительный круг аналогий которому представлен в центрально-азиатских памятниках, что позволяет предполагать центральноазиатское происхождение всего рассматриваемого набора. Дополнительным доказательством этого предположения служит наличие в наборе из этого погребения асимметрично-ромбических наконечников со скрытой втулкой (рис. 1, 33), формально-типологические аналогии которым широко представлены в архаических комплексах восточного ареала скифской культуры (Гумаровский кург., погр. 5; мог-к Сакар-Чага 6, кург. 3 и 23; мог-к Уйгарак, кург. 39; и др.).

В жаботинском колчанном наборе наконечников со скрытой втулкой нет, и лишь длинновтульчатые наконечники без шипов (рис. 1, 27–29) можно считать сходными с наконечником из погр. 1 кург. 2 у сел. Енджа, который, однако, имеет шип (рис. 1, 34). Характерно, что исключительно длинновтульчатыми формами без шипов представлен набор из Белоградца, сходные с длинновтульчатыми наконечниками из Жаботина экземпляры известны в наборах из Квиток, Ольшаны, есть подобные экземпляры и в наборе из разграбленного погребения близ Амасьи.

Во всяком случае, необходимо признать, что полностью аналогичные наконечники в наборах из кург. 524 у сел. Жаботин и погр. 1 кург. 2 у сел. Енджа отсутствуют, что, как и предполагала В. А. Ильинская (Ілліньска 1973: 17), является показателем их хронологической дистанции. Именно поэтому представляется неоправданным объединение наконечников из кург. 524 у сел. Жаботин и погр. 1 кург. 2 у сел. Енджа в один тип.

Наконечник из кург. 524 у сел. Жаботин с утяжеленной головкой (рис. 1, 30) относится к типу, редкому для раннескифских памятников Северного Причерноморья (напр. погр. 1 кург. 4 мог-ка Холмский в Закубанье). Аналогии ему можно найти лишь среди наконечников стрел из разрушенного погребения близ Амасьи, Гордиона и в центрально-азиатских комплексах (кург. 20 мог-ка Сакар-Чага 6; кург. 39 и 84 мог-ка Уйгарак).

Из проведенного анализа колчанного набора из кург. 524 у сел. Жаботин следует, что в него входят наконечники, как минимум, пяти модификаций, что необходимо учитывать при определении культурно-хронологической позиции этого комплекса. Прямых аналогий в наборах кург. 524 у сел. Жаботин и погр. 1 кург. 2 у сел. Енджа не имеется, при этом комплекс из Енджи обнаруживает тесные связи с центрально-азиатским регионом. Наконечники из Енджи, как и сходные с ними наконечники с укороченной или скрытой втулкой и маленьким шипом у ее основания, видимо, мо-

гут считаться маркерами проникновения кочевнической волны из Центральноазиатского региона. Массово же представленные в кург. 524 у сел. Жаботин наконечники нельзя напрямую связывать с центрально-азиатским регионом, где известны двухлопастные втульчатые наконечники, но они отличаются гораздо меньшими размерами, и, что важнее, практически никогда не имеют шипа под пером. Очевидно, в Причерноморье произошла модификация этих исходных типов, попавших в европейскую часть степи, по всей вероятности, еще в аржано-черногоровское время, которая и привела к появлению «жаботинских наконечников».

Бобринский 1916 – *Бобринский А. А.* Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1912 г. // Изв. ИАК. 1916. Вып. 60. С. 1–6.

Дараган 2011 – *Дараган М. Н.* Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев, 2011.

Иванчик 2001 – *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Іллінська 1973 – *Іллінська В. А.* Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. 1973. № 12. С. 13–26.

Медведская 1992 – *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток // СА. 1992. № 3. С. 86–107.

Мелюкова 1964 – *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1964 (САИ. Вып. Д1-4).

Полін 1987 – *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17–36.

Рябкова 2009 – *Рябкова Т. В.* Бронзовый сосуд из кургана 524 у с. Жаботин // Эпоха раннего железа: Сб. науч. тр. к 60-летию С. А. Скорого. Киев; Полтава, 2009. С. 351–354.

Тереножкин 1976 – *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.

Kossack 1987 – *Kossack G.* Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München, 1987. S. 24–86.

Д. С. Гречко (Киев, Украина)

К вопросу о смене культур кочевников на юге Восточной Европы в VI в. до н. э.

Проблема единства Скифии и культуры ее населения на протяжении VII–IV вв. до н. э. относится к числу основных в скифологии. Долгое время, начиная с М. И. Ростовцева, предполагалось поступательное развитие скифского объединения – от прихода скифов с востока, властвование в Передней Азии, дальнейшее перемещение центра Скифии в Северное Причерноморье и до сарматского вторжения (Алексеев 2003: 15). В начале 1990-х гг. появились первые реконструкции истории населения юга Восточной Европы скифского времени, приведшие к выделению двух Скифий – Древней (Архаической) и Геродотовой (Классической), различных в этническом отношении и сменяющих друг друга (Алексеев 1992; 2003). Ю. А. Виноградов и К. К. Марченко также отмечали в конце VI–начале V в. до н. э. в регионе миграцию нового населения и ее влияние в регионе (Виноградов, Марченко 1990: 149–150). В настоящей работе предпринята попытка детализировать историю кочевого населения Северного Причерноморья в VI в. до н. э.

Хотя на сегодняшний день отсутствует единый подход к периодизации Европейской Скифии, наименьшие разногласия все же вызывают два момента: завершение формирования архаической скифской культуры в середине VII в. до н. э. и резкое изменение облика материальной культуры на рубеже VI–V вв. до н. э. (Алексеев 2003: 22). Важным является вопрос о начале среднескифского периода/культуры (далее ССК), чему значительное внимание уделил А. Ю. Алексеев (Там же: 153–192). Исследователь считает, что в середине–последней трети VI в. до н. э. происходит смена раннескифского материального комплекса среднескифским: на смену Древней Скифии с ее киммерийско-скифским этническим содержанием приходит Классическая Скифия (Там же: 156, 182). Изменения были стремительные (двухкомпонентность инвентаря некоторых комплексов переходного периода), при этом в сфере погребальной обрядности они носили более эволюционный характер (Там же: 192).

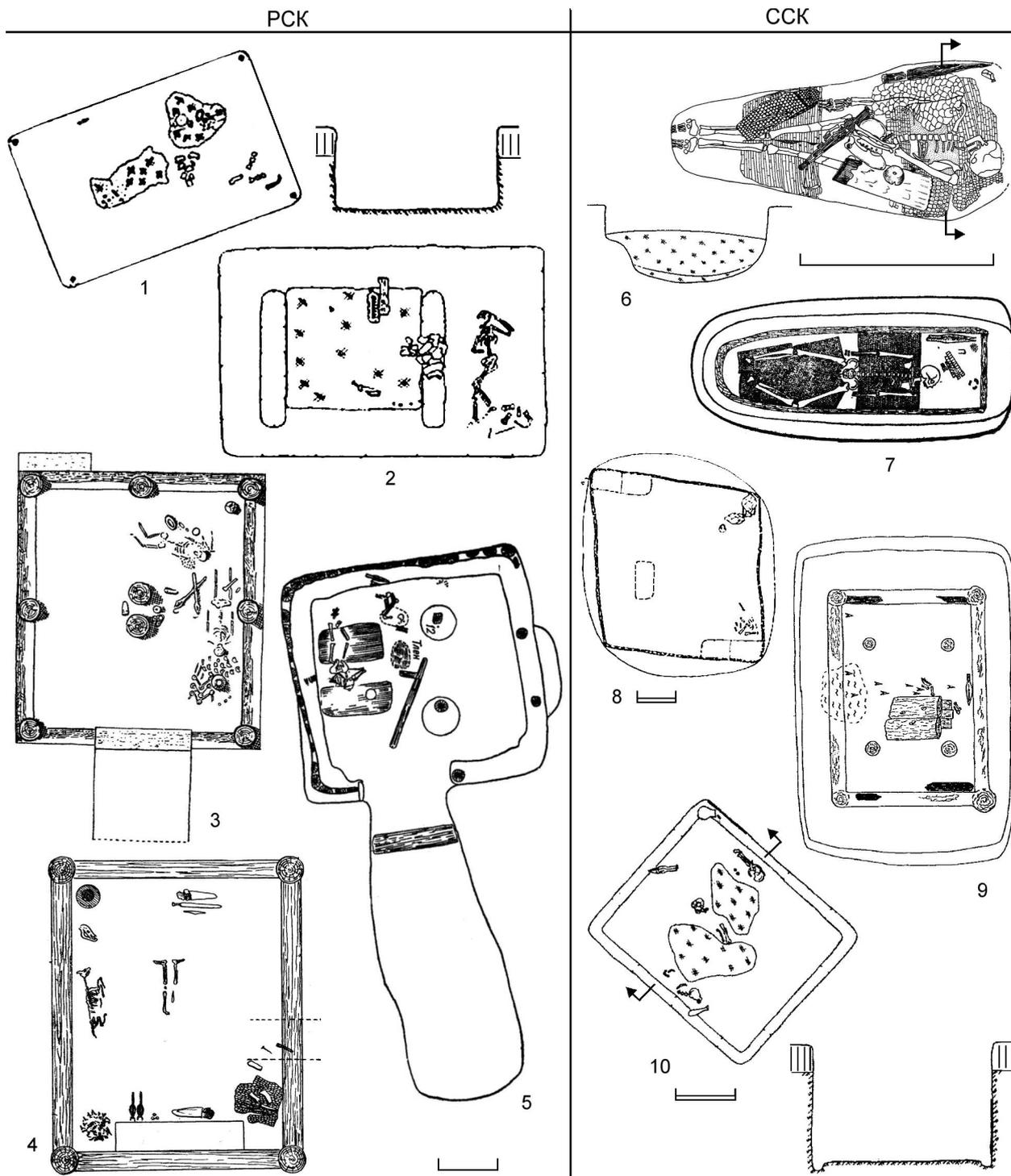

Рис. 1. Погребальные сооружения второй половины VII–VI в. до н. э. юга Восточной Европы: 1 – Купьеваха, кург. 14; 2 – Купьеваха, кург. 15, погр. 2; 3 – Журовка 407; 4 – Старшая Могила; 5 – Репяховатая Могила, погр. 1; 6 – Вишневое; 7 – Александровка; 8 – Тетюшино; 9 – Броварки, кург. 5; 10 – Купьеваха, кург. 19 (по Ильинская 1968; 1975; Ильинская и др. 1980; Ковалёва, Мухопад 1980; Батчаев 1985; Гавриш 1998; Бандуровский, Буйнов 2001; Бойко, Берестнев 2001)

Несколько комплексов (Журовка 447, Куцеволовка) дают привязку финала РСК-3 к концу второй четверти–началу третьей четверти VI в. до н. э., что, в целом, соответствует традиционным представлениям. Древнейшие погребения ССК можно датировать ок. 560–540 гг. до н. э.,

что свидетельствует об отсутствии запустения в Северном Причерноморье во второй–третьей четвертях VI в. до н. э.⁵⁹ и быстрой смене культур где-то в середине VI в. до н. э.

Существенно обновленный и инновационный материальный комплекс ССК включает захоронения с крестовидными бляхами. Лишь погр. 3, кург. 3 мог-ка Аксай-1 имеет узкую датировку благодаря находке североионийской столовой амфоры (Дьяченко и др. 1999: 93 сл.), которая может быть отнесена к 560–540 гг. до н. э.⁶⁰ Вероятно, с такими комплексами и стоит связывать появление новых номадов, прервавших существование РСК. Для этого же времени (середина–вторая половина VI в. до н. э.) отмечены следы разрушений на Березани (Чистов 2011: 445–447), в Мирмекии (Бутягин 2000: 182), пожары и возведение оборонительных сооружений на нескольких античных памятниках Керченского полуострова (см. Алексеев 2003: 165). В лесостепи следов погромов этого времени не зафиксировано, и большинство поселений непрерывно существуют весь VI в. до н. э.⁶¹ Возможно, во второй половине VI–начале V в. до н. э. скифы⁶² были сконцентрированы на походах на запад. Их путь можно проследить по находкам крестовидных блях от Нижнего Подонья до Северо-Западного Причерноморья (Полидович 2009: 483–484). Среди наконечников стрел, найденных на разрушенных городищах Средней Европы (Вицина, Смоленице-Мольпир), присутствуют экземпляры с башневидной головкой, что дало основания А. И. Мелюковой датировать их около середины VI в. до н. э. (Мелюкова 2006: 28). Это позволяет говорить о прямой или косвенной связи боевых действий с рассматриваемыми событиями в Северном Причерноморье.⁶³

Среди следов проникновения новых кочевников в VI в. до н. э. в восточноевропейскую лесостепь, следует отметить нападение на Трахтемировское городище после 80-х гг. этого столетия, которое авторы относят ближе к его середине и связывают с началом второго скифского нашествия в Среднюю Европу (Фіалко, Болтрик 2003: 89). Интересно, что наконечники стрел, обнаруженные при исследовании оборонительных сооружений, находились, преимущественно, на внешнем склоне рва (Фіалко, Болтрик 2003: 28–29), что свидетельствует об их принадлежности защищающимся.

Сложным является вопрос об этнокультурном содержании восточного импульса середины VI в. до н. э. Представляется аргументированным мнение А. Ю. Алексеева, имевшим в виду не только новую культурную, но и в какой-то степени этническую основу, что хорошо прослеживается в эволюционном развитии погребального обряда (Алексеев 2003: 184, 186). Большинство позднейших раннескифских захоронений совершено в камерных могилах с деревянными конструкциями («склепы»), с дромосами или без них. Ориентировка нестабильна. Абсолютно преобладает ингумация (рис. 1, 1–5). Древнейшие захоронения ССК совершены в обычных ямах без деревянных конструкций (Витова Могила; Опишлянка; Вишневое; Купьеваха, кург. 21), либо с канавками без столбов (Купьеваха, кург. 19) (рис. 1, 10). Среди немногочисленных захоронений данной группы весомое место занимает кремация покойника (Скоробор, кург. 4 – Шрамко 1994: 108), в Опишлянке кальцинированные кости были помещены в урну (Zakharov 1932: 76–77). Распространение получает

⁵⁹ Не являются сторонниками хронологического разрыва в первой половине VI в. до н. э. С. В. Полин (1998: 58), А. Ю. Алексеев (2003: 27) и И. В. Бруяко (2005: 243).

⁶⁰ Определение д. и. н. А. В. Буйских, которой я признателен за исчерпывающие консультации.

⁶¹ Исключениями являются Хотовское городище, вероятно, прекратившее свое существование в третьей четверти VI в. до н. э. (Дараган 2005: 260). Нападение на Трахтемировское городище было осуществлено несколько ранее: в конце первой–второй четверти VI в. до н. э. (Фіалко, Болтрик 2003: 67, 89). Во второй половине этого же столетия происходит создание новых укреплений и строительство валов вокруг уже существующих поселений в северскотодонецкой лесостепи (Гречко 2010: 29).

⁶² Вероятно, первоначально их численность была недостаточной для проведения военных акций, как в Средней Европе, так и в лесостепи.

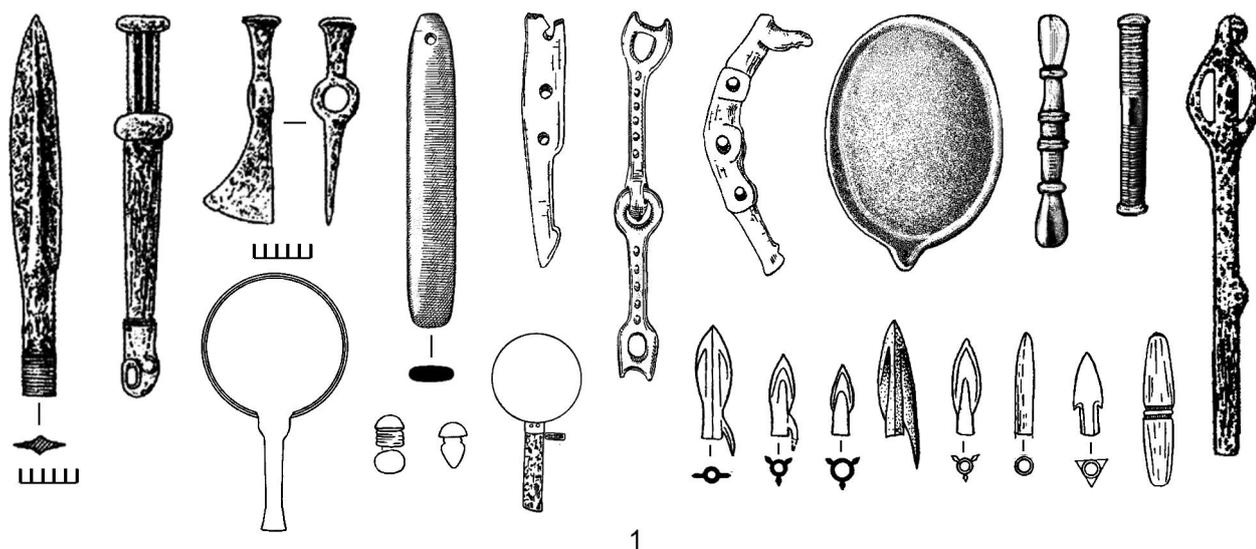
⁶³ А. Ю. Алексеев (2003: 156) синхронизирует погром в Смоленице-Мольпир и древнейшие ольвийские захоронения с колчанными наборами.

камерные погребения, размещенные в ямах меньших размеров по сравнению с большой входной ямой (Броварки, кург. 5 – Гавриш 1998: 32), Тетюшино (рис. 1, 8–9). Впервые фиксируется захоронение в дубовой колоде (Александровка) (рис. 1, 7). Появляется традиция размещения умерших на разостланном доспехе (рис. 1, 6–7), которая получит дальнейшее развитие в V–IV вв. до н. э. Таким образом, определенные отличия в погребальном обряде все же имеются, что не противоречит этнокультурному размежеванию рассматриваемых групп.

Если рассматривать изменения материальной культуры, то более правомерно сравнивать материалы позднейших захоронений РСК (первая половина VI в. до н. э.) и древнейших ССК (вторая–третья четверть VI в. до н. э.) (рис. 2). Предметы вооружения и воинской амуниции ССК хотя отличаются типологически от более ранних, но генетически в значительной степени связаны с РСК. Во второй–третьей четвертях VI в. до н. э. используются смешанные наборы наконечников стрел, т. е. не происходит резкой смены стрел келермесского типа базисными. Стоит отметить лишь исчезновение костяных столбиков, боевых топоров, наверхий и появление новых украшений колчанов и горитов – крестовидных блях и «конусов». Принципиально отличаются детали конской узды. Исчезают изделия в зверином стиле раннескифских типов, взамен которых появляются немногочисленные изображения другой изобразительной традиции (Алексеев 2003: 176). Женских погребений второй половины VI в. до н. э. (начало ССК) мне не известно, поэтому сравнивать украшения и предметы туалета проблематично. Судя по материалам архаического некрополя Ольвии, каменные блюда и зеркала ольвийского типа продолжают использовать и во второй половине VI в. до н. э. (Скуднева 1988: 48–49, 68–69, 92–93, 112–115). «Конусы» А. Ю. Алексеев правомерно считает маркерами новых групп кочевников. Первые конусы по форме, скорее, являются полусферами. Наиболее ранние образцы найдены в древнейших среднескифских захоронениях второй половины VI в. до н. э.: Вишневка (Колотухин 2000: 8, 82, рис. 2), Ольвия, погр. 1913/82 (Скуднева 1988), Витова Могила (Zakharov 1932: 67–72). В целом, изменения облика материальной культуры не были столь радикальными, как их оценивает А. Ю. Алексеев (2003: 168–190), а в ряде случаев вообще носили эволюционный характер. Учитывая единство материальной культуры киммерийцев и скифов в VII в. до н. э., данный факт вполне объясним, и близость культур разных групп кочевников в следующем столетии представляется вполне закономерной.

Интересная картина получается при картографировании позднейших раннескифских и древнейших среднескифских погребений (рис. 3). Погребения «нового» и «старого этнокультурного облика» зафиксированы на разных территориях. Позднейшие комплексы РСК отмечены на окраинах Днепровской Левобережной лесостепи (Шумейко, Гладковщина). Их больше и они расположены компактной группой в верховьях р. Тясмин, в Правобережной лесостепи (Журовка 447, Гуляй-Город 38, Куцеволовка), в то время как обладатели крестовидных блях заняли густонаселенные территории вокруг Бельского городища (Витова Могила, Опишлянка, Енковцы). Возможно, именно с этими событиями связаны следы пожаров оборонительных сооружений Бельска (Шрамко 1987: 34–36). На Правобережье древнейшие среднескифские комплексы отсутствуют, вероятно, поэтому на данной территории и зафиксированы позднейшие («доживающие») раннескифские комплексы начала третьей четверти VI в. до н. э. (Журовка 447, Куцеволовка). Таким образом, можно предполагать появление новой, этнически близкой предшественникам, группы кочевников,⁶⁴ которые при завоевании включили в свой состав значительное число номадов, контролировавших лесостепь в раннескифское время, что не могло не сказаться на облике материальной культуры и погребальной обрядности.

⁶⁴ Об этом свидетельствует появление новых образов в «зверинном стиле» (хищники на крестовидных бляхах и др.), не имеющих ничего общего с архаической традицией, истоки которых стоит искать в аржано-казахстанских образах. Данное явление Ю. Б. Полидович правомерно связывает с волной мигрантов с востока (Полидович 2010: 218–222). Это подтверждается и дестабилизацией этнополитической ситуации в регионе, и сменой династий Скифии.

~ 550 г. до н. э.

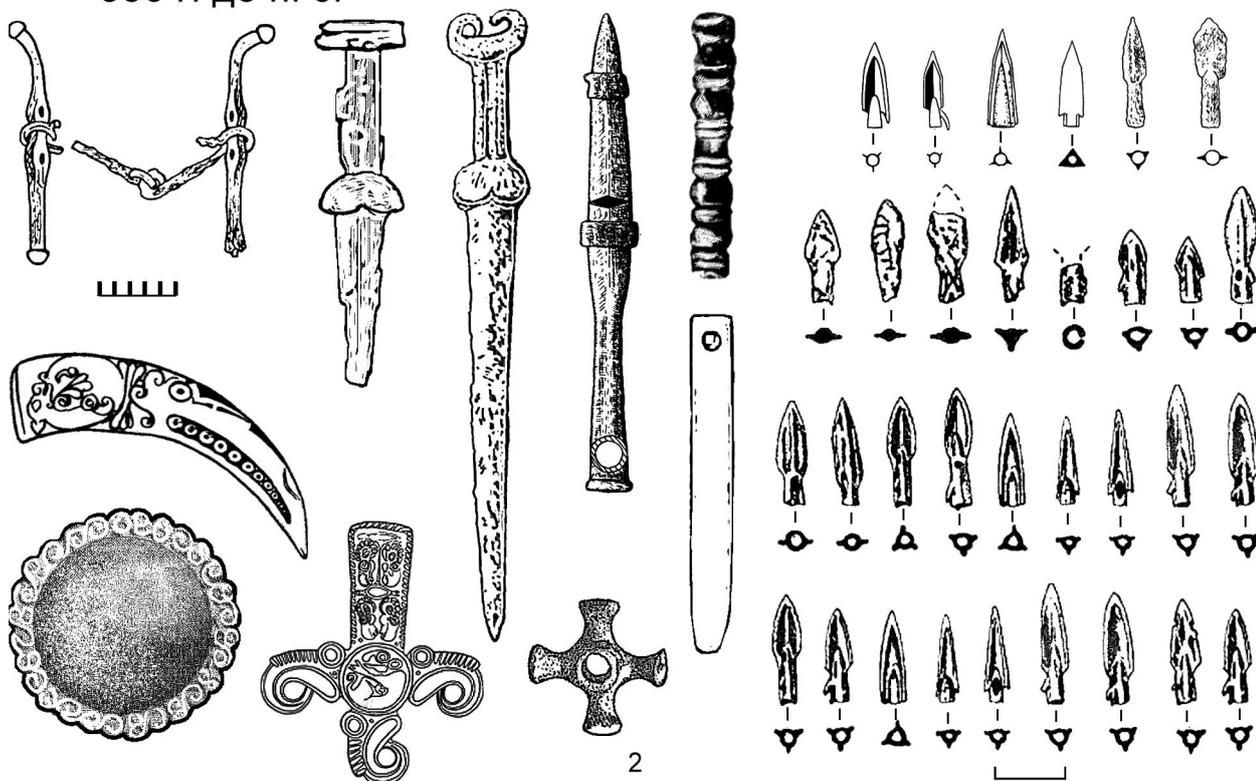

Рис. 2. Некоторые материалы из погребений PCK-3 (1) и CCK (2)

(по Zaharov 1932; Капошина 1956; Ильинская 1968; 1975; Ильинская и др. 1980; Батчаев 1985;

Галанина 1997; Дьяченко и др. 1999; Бандуровский, Буйнов 2001; Бойко, Берестнев 2001; Полидович 2009)

Если допускать монолитность новой группы кочевников, появившейся на юге Восточной Европы в конце второй четверти–середине VI в. до н. э., то можно гипотетически допускать принадлежность их верхушки к династии Спаргапифа, правление последних представителей которой, судя по датам жизни Анахарсиса и Иданфирса, как раз относится к рассматриваемому периоду (Алексеев 2003: 153–154, 290–291). Смена данной династии родом Ариапифа в начале V в. до н. э. (Там же: 291–292) намного лучше фиксируется археологически. В это время появляется большое количество новых могильников с основными захоронениями. Усиливается давление на эллинов Северного Причерноморья и земледельцев лесостепи. Стоит отметить близость описываемых событий условному финалу пребывания скифов в Передней Азии – «кровавому пиру» Киаксара ок. 585 г. до н. э.

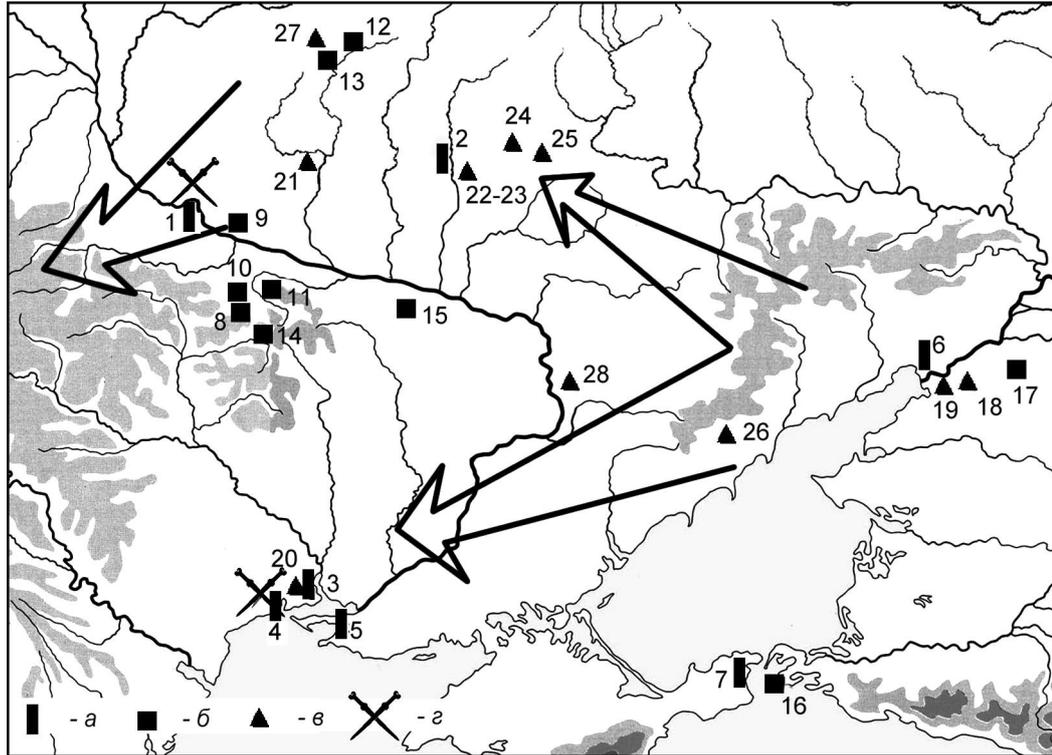

Рис. 3. Памятники VI в. до н. э. юга Восточной Европы и вероятные направления движения кочевников: а – городища лесостепи и античные центры (1 – Трахтемиров, 2 – Бельск, 3 – Ольвия, 4 – Березань, 5 – Ягорлык, 6 – Таганрог, 7 – Пантикапей); б – погребения РСК-3 (1 – Репяховатая Могила, 2 – Гладковщина, 3 – Райгород, Михайловка, 4 – Гуляй-Город, 5 – Волковцы, 6 – Аксютинцы, 7 – Журовка, 8 – Куцеголовка, 9 – Цукур-Лиман, 10 – Бушуйка); в – погребения ССК (1 – Аксай, 2 – хут. Дугино, 3 – Ольвия, 4 – Енковцы, 5 – Опишлянка, 6 – Витова Могила, 7 – Купьеваха, 8 – Тетюшино, 9 – Гусарка, 10 – Басовка, 11 – Приднепровка); z – следы нападений VI в. до н. э.

(иные датировки данного события – см. Там же: 153–154). Можно предположить, что после отмеченного мидийского застолья, как раз после 80-х VI в. до н. э., кочевники нападают на Трахтемировское городище и проникают в Среднюю Европу.⁶⁵

Косвенные аргументы также свидетельствуют в пользу того, что в это время номады, пройдя Кавказ, продвинулись в Северное Причерноморье и в Южное Приуралье, где появляется несколько воинских могильников (напр., Пятимары 1).⁶⁶ На это, в частности, могут указывать бронзовые крестовидные навершия булав из ольвийского погребения 1911/66 (рис. 3) (Капошина 1950: 213, рис. 7) и из кург. 9 некрополя Пятимары-1 (Смирнов 1964: 317, рис. 24, б), имеющих прямые аналогии только на Кавказе (МАК 1900: табл. XXX, 8; XXXVI, 22; Козенкова 1995: 78–80, табл. XXI, б). Стоит отметить и еще одну инновацию – металлические ворворки (Алексеев 2003: 182), которые получают широкое распространение в V в. до н. э. В Северном Причерноморье и Предкавказье древнейшие их образцы найдены в переходных комплексах второй–третьей четверти VI в. до н. э. (Огородное; Купьеваха, кург. 19; Перебыковцы, кург. 2; Новозаведенное-II, кург. 17). Они все небольшие, конические, в основном, железные. Находки подобных ворворок

⁶⁵ Логично предположить, что погребения новых кочевников были совершены спустя определенное время после их появления в регионе, а некоторые престижные вещи могли попадать в захоронения через какой-то более значительный промежуток времени.

⁶⁶ А. Ю. Алексеев (2003: 161) считает маловероятным возвращение большой массы кочевников в Северное Причерноморье из Передней Азии, но частичное – не исключает.

раннескифского времени зафиксированы на Северном Кавказе (Батчаев 1985: 42, табл. 48, 22; Козенкова 1995: 112–115), хотя они известны и в Северном Причерноморье еще с предскифского времени (Махортых 2005: 67–68). Кроме того, с возвращением части скифов можно связывать и ольвийские трехлопастные наконечники стрел с треугольной головкой, которые соотносятся с походом Дария I в Северо-Западное Причерноморье (Полін 1987: 29). И. Н. Медведская считает подобные экземпляры мидийскими и отмечает, что аналогичные стрелы использовались в Иране в конце VII–IV в. до н. э. (Медведская 1980: 31–33).

Приведенные данные, хотя и косвенные в своем большинстве, позволяют предполагать, что часть новых кочевников, носителей ССК, по пути в Северное Причерноморье не прошла мимо Кавказа. Если учитывать, что появившейся новый «звериный стиль» имеет параллели в Средней Азии (Казахстан, Тува), то нельзя исключать, что в это же время на юг Восточной Европы по степи прошли какие-то группы кочевников из-за Урала. А. Ю. Алексеев (2003: 27) отмечает, что появление новой группы кочевников (предположительно скифов, вытесненных массагетами), возможно, описано у Геродота [Herod. IV, 10] и у Диодора [Diod. II, 43], при этом важное значение для определения маршрута их миграции имеет идентификация Аракса с современными реками.

Развивая далее гипотезу и предполагая, что носители ССК были остатками скифов, которые могли вернуться из Передней или прийти из Средней Азии, можно вспомнить мнение А. Ю. Алексеева о том, что основа Древней Скифии была киммерийско-скифская. В этом контексте, учитывая идентичность материальной культуры киммерийцев и скифов (Медведская 1992: 86 сл.), нелогичной является ситуация, когда скифы, властвуя в Передней Азии, по непонятным причинам начинают именно в период апогея своего могущества покидать столь благодатный регион.⁶⁷ Скорее можно было бы предположить обратное. Более предпочтительно видеть в «беженцах» из Малой Азии в середине VII в. до н. э. киммерийцев после смерти Дугдамми (Лигдамиса), после чего они прекращают упоминаться в переднеазиатских источниках. С этим событием хорошо согласуется и датировка древнейших некрополей к северу от Кавказа (Келермес и др.), возникших в результате оттока кочевников из Передней Азии ок. 670–665 гг. до н. э. (Алексеев 2003: 110–111). Исследователь отмечает, что трофеи из Келермесских курганов могли быть получены в результате военных акций лишь киммерийцами, поскольку в это время в Малой Азии (в частности в Ионии) действовали только они. При этом он не видит альтернативы соотнесения Келермесских курганов ни с кем, кроме как со скифами, и считает, что последние получили эти трофеи от киммерийцев, хотя и не исключает, что в числе разнородных групп кочевников, которые переместились во второй половине VII в. до н. э. к северу от Кавказа, могла быть и часть киммерийцев (Там же: 106, 110–111).

Вышеизложенное показывает, что на современном уровне исследований ничто не противоречит соотнесению большинства погребений,⁶⁸ содержащих инвентарь келермесского типа второй половины VII–начала VI в. до н. э. к северу от Кавказа (выделено мной. – Д. Г.), с киммерийцами клинописных источников, хотя имеется недостаточно фактов, которые бы с уверенностью подтверждали данное предположение. Киммерийцы при подобной реконструкции остаются предшественниками скифов в Европе. Проблема соотношения предскифских памятников с историческими киммерийцами требует отдельного рассмотрения. Таким образом, есть основания полагать, что Древняя Скифия (следуя вышеизложенному – Киммерия) с ее раннескифским материальным комплексом уступила место Классической Скифии около середины VI в. до н. э. под давлением новой группы кочевников – скифов, вернувшихся из Передней или пришедших из Средней Азии.

⁶⁷ Отсутствие упоминаний скифов в 670–660-е гг. до н. э. в ассирийских источниках не может быть надежным аргументом в пользу оттока кочевников из Передней Азии (возражения см. Тохтасьев 1993: 95). В обратном случае необходимо искать и следы исхода киммерийцев после 714 г. до н. э., поскольку они после этого не упоминаются ок. 35 л.

⁶⁸ Безусловно, нельзя исключать присутствия групп скифов, меотов и др. среди всей массы захоронений.

- Алексеев 1992 – *Алексеев А. Ю.* Скифская хроника. СПб, 1992.
- Алексеев 2003 – *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб, 2003.
- Бандуровский, Буйнов 2001 – *Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В.* Исследование курганов скифского периода в Валковском районе на Харьковщине // АБУ 1999–2000 рр. Київ, 2001. С. 72–75.
- Батчаев 1985 – *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // *Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Кеферов Б. М.* Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э.–II в. н. э.). Нальчик, 1985. С. 7–116 (АИНКБ. Т. 2).
- Бойко, Берестнев 2001 – *Бойко Ю. Н., Берестнев С. И.* Погребения VII–III вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001.
- Бруяко 2005 – *Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р. Х.). Кишинёв, 2005.
- Бутягин 2000 – *Бутягин А. М.* Расписная керамика из ранних комплексов Мирмекия (раскопки 1992 г.) // Античное Причерноморье. СПб, 2000. С. 166–185.
- Виноградов, Марченко 1991 – *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 145–155.
- Галанина 1997 – *Галанина Л. К.* Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997 (Степные народы Евразии. Т. I).
- Гавриш 1998 – *Гавриш П. Я.* Розкопки курганів скіфського часу біля с. Броварки на Полтавщині // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 1998. № 1–2. С. 29–37.
- Гречко 2010 – *Гречко Д. С.* Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. Київ, 2010.
- Дараган 2005 – *Дараган М. Н.* Античная керамика Хотовского городища скифской эпохи // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб, 2005. С. 256–261.
- Дьяченко и др. 1999 – *Дьяченко А. Н., Мейб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М.* Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. 1999. № 2. С. 93–126.
- Ильинская 1968 – *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.
- Ильинская 1975 – *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.) Киев, 1975.
- Ильинская и др. 1980 – *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 31–64.
- Капошина 1950 – *Капошина С. И.* Погребение скифского типа в Ольвии // СА. 1950. Т. XIII. С. 205–216.
- Ковалёва, Мухопад 1982 – *Ковалёва И. Ф., Мухопад С. Е.* Скифское погребение конца VI–V вв. до н. э. у с. Александровка // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 91–102.
- Козенкова 1995 – *Козенкова В. И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология): Западный вариант. М., 1995 (САИ. Вып. В2-5).
- Колотухин 2000 – *Колотухин В. А.* Киммерийцы и скифы степного Крыма. Симферополь, 2000.
- МАК 1900 – Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства. М., 1900. Вып. VIII.
- Махортых 2005 – *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.
- Медведская 1980 – *Медведская И. Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II–первой половины I тыс. до н. э. // СА. 1980. № 4. С. 23–37.
- Медведская 1992 – *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток // Российская археология. 1992. № 3. С. 86–107.
- Мелюкова 2006 – *Мелюкова А. И.* По поводу скифских походов на территорию Средней Европы // Древности скифской эпохи. М., 2006. С. 25–40.
- Полидович 2009 – *Полидович Ю. Б.* Крестовидная бляха из архаического некрополя Ольвии в контексте скифского «звериного стиля» // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира. СПб, 2009. С. 477–484.
- Полидович 2011 – *Полидович Ю. Б.* Находки в тувинском кургане Аржан-2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама. СПб, 2010. С. 217–224.
- Полін 1987 – *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17–36.

- Полин 1998 – Полин С. В. О хронологии раннескифской культуры (по И. Н. Медведской) // Российская археология. 1998. № 4. С. 50–63.
- Скуднова 1988 – Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Смирнов 1964 – Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
- Тохтасьев 1993 – Тохтасьев С. Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // Российская археология. 1993. № 2. С. 89–97.
- Фіалко, Болтрик 2003 – Фіалко О. С., Болтрик Ю. В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ, 2003.
- Чистов 2011 – Чистов Д. Е. Новые исследования в восточной части Березанского поселения: хозяйственно-промысловая зона середины–второй половины VI в. до н. э. // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб, 2011. С. 445–455.
- Шрамко 1987 – Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.
- Шрамко 1994 – Шрамко Б. А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности. Харьков, 1994. С. 102–106.
- Zaharov 1932 – Zaharov A. A. I. A. Zaretsky's Excavations in the Government of Kharkov // ESA. 1932. VII. P. 59–81.

А. С. Балахванцев (Москва, Россия)

Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию)⁶⁹

В феврале 1932 г. ГЭ приобрел трехдырчатый костяной псалий, верхний конец которого представлял собой скульптурную головку грифобарана (бараноптицы). По словам продавца, псалий был найден в раскопанном крестьянами кургане в бывшей Самарской губ., в 15 верстах от Бугуруслана, возле сел. Рысайкино. Новый музейный экспонат привлек внимание исследователей – он дважды публиковался К. Ф. Смирновым, отнесшим его к концу VII–VI в. до н. э. (Смирнов 1961: 80–81; 1964: 243, 259, рис. 77, 2). Но только через пятьдесят лет после поступления псалия в Эрмитаж Е. Ф. Королькова обнаружила, что на его спинке находится, остававшаяся прежде незамеченной, надпись. В 1986 г. надпись была изучена В. А. Лившицем, который пришел к заключению, что она является арамейской, датируется ахеменидской эпохой, состоит из семи букв и читается *šwghmš'* (варианты: *šwghtš'*, *šwlhtš'*), что означает «скребок (?) Маша» (Чежина 1989: 263, прим. 1).

Согласиться с данными выводами, за исключением того, надпись арамейская, не представляется возможным. Сама надпись состоит не из семи, а из восьми знаков, т. к. находящийся слева от третьей буквы вертикальный штрих, судя по аналогиям в надписях на бронзовом кувшине из Луристана (Dupont-Sommer 1964: 109, fig. 1) и стеле I из Сфире (Dupont-Sommer, Starcky 1958: 91, pl. XIII, 6–7), является словоразделителем. Что же касается прочтения В. А. Лившицем надписи в целом, то все буквы определены неверно и не имеют ничего общего с тем, как они изображались в ахеменидскую, да и более раннюю эпоху развития арамейской письменности.

В 2011 г., благодаря любезному содействию со стороны Е. Ф. Корольковой, которой выражаю свою глубокую благодарность, мне удалось визуально осмотреть надпись с использованием электронного микроскопа (рис. 1). В результате я смог уточнить начертание отдельных знаков и дать новую транслитерацию рысайкинской надписи: *hdq l-wld*. По мнению одного из ведущих отечественных специалистов в области арамейского языка С. В. Лёзова, которому я искренне благодарен за ценные консультации и предоставленную научную литературу, надпись читается «*hadīq li/a wald*». Глагол *hdq* имеет значение «плотно прилегать, плотно пригонять» (Sokoloff 2002: 363).

⁶⁹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00532а «Культуры скифского круга эпохи архаики на территории Северного Кавказа и Причерноморья (VII–VI вв. до н. э.). Новые данные и подходы».

Рис. 1. Псалий из Рысайкино, фрагмент

Арамейский предлог *l-* употребляется для выражения цели предпринимаемого действия (Винников 1962: 150). Существительное *wld* означает «детеныш животного» (Sokoloff 2002: 395). Таким образом, всю надпись можно перевести как «крепко пригнанный (прилаженный) для жеребенка», что очень хорошо соответствует сути предмета, на который она была нанесена. Не исключено, впрочем, что слово *wld* является именем собственным и тогда его, как считает А. П. Мошинский, следует понимать как кличку лошади – «Малыш».

Что можно сказать о дате надписи, основываясь на ее палеографических признаках? Представленный на рысайкинском псалии курсивный *xe* появляется в последней четверти VIII в. до н. э. (Naveh 1970: 11, fig. 2, 2; Herr 1978: 14, no 8) и бытует на протяжении VII–IV вв. до н. э. (Naveh 1970: 19, fig. 2–11; Dupont-Sommer 1964: 116, fig. 3; Fales 1986: 112, pl. XIII–XIV; Kwasman 2000: 276, 280–281, fig. 1–3; Fales, Attardo 2005: 663, no 55; Attardo 2005: 668, no 226). Наиболее близкая аналогия с Рысайкино обнаруживается на табличке времени Асархаддона (681–669 гг. до н. э.) из Верхней Месопотамии (Lemaire 2001: 31–32, fig. 2a).

Курсивный *коф* в арамейской графике, начиная с последней четверти VIII в. до н. э., имеет несколько разновидностей (Naveh 1970: 11, fig. 2, 2; Fales 1986: 116; Attardo 2005: 669). Вариант, использованный в рысайкинской надписи, полностью совпадает с начертанием *коф* на табличке из Ниневи, датируемой 680–670 гг. до н. э. (Fales 1986: 126, pl. V, 13). Аналогичный рысайкинскому курсивный *вав* появляется уже в середине VIII в. до н. э. на стеле I из Сфире (Dupont-Sommer, Starcky 1958: 6, pl. III, 7) и часто встречается в VII в. до н. э. (Herr 1978: 11, no 2; Fales 1986: pl. V, 13; Lemaire 2001: fig. 1b, 3e, 3d, 10d).

Ламед в рысайкинской надписи используется дважды, но в различных начертаниях: у первого – нижняя часть ствола загибается вправо, у второго – вертикальная гаста соединяется с горизонтальной под прямым углом. Аналогичное сочетание встречается на стеле I из Сфире (Dupont-Sommer, Starcky 1958: pl. III, 10; X, 29) и на относящемся к середине VII в. до н. э. остраконе из Ашшура (Naveh 1970: fig. 2, 7). Эти же формы *ламед* присутствуют на печатях, датируемых серединой VIII–серединой VII в. до н. э. (Herr 1978: 12, 32, 43, 48, no 3; 56; 86; 100).

Ключевую роль в определении хронологии рысайкинской надписи играет *далет*. Дело в том, что в памятниках IX–VIII вв. до н. э. используется только «закрытая» форма *далета* (Naveh 1970: 10), существовавшая в двух вариантах: в первом – буква представлена в виде треугольника (Herr 1978: 40, 47, no 78; 97; Bordreuil 1986: 77, no 87; Abou-Assaf et al. 1982: 89; Dupont-Sommer, Starcky 1958: pl. III, 11; X, 30), во втором – от правого нижнего угла треугольника отходила ножка, длина которой могла сильно варьировать (Dupont-Sommer, Starcky 1958: pl. III, 7–8; Herr 1978: 18, 20, 31, 36, 39, no 16; 24; 52; 68; 75; Biran, Naveh 1995: fig. 9; Fitzmyer 1995: pl. XIII, 1). Трудно сказать, к какому варианту можно отнести первый рысайкинский *далет*, т. к. его нижняя грань выглядит довольно невнятно, но второй, похоже, снабжен едва различимой ножкой. Впрочем, нет

оснований сомневаться в том, что обе буквы являются «закрытыми». Это обстоятельство важно, т. к. в конце VIII в. до н. э. треугольная головка *далета* стала раскрываться (Naveh 1970: fig. 2, 3), и на смену «закрытой» пришла «открытая» форма, напоминающая арабскую цифру «четыре», которая преимущественно использовалась в VII–VI вв. до н. э. (Naveh 1970: 19; Attardo 2005: 668). Предпринятый мной просмотр более сотни арамейских надписей VII–VI вв. до н. э. (Bordreuil 1986: 80–96; Fales 1986: 111, pl. XIII–XIV; Fales, Attardo 2005; Fales, Radner 2005; Herr 1978: 12–44; Kwasman 2000; Lemaire 2001; Porten, Yardeni 1986: A1.1; 1993: C3.1, C3.2; 1999: D11.1) дал лишь одно исключение из этого правила – на табличке из Ниневии, датируемой ок. 680 г. до н. э., *далет* представлен в виде треугольника с очень короткой ножкой (Fales 1986: 126, pl. III, fig. 7; pl. XIII, 7). Следовательно, отстаиваемое некоторыми исследователями мнение о неупотреблении *далета* с короткой ножкой после 750 г. до н. э. (Herr 1978: 18, no 16; Bordreuil 1986: 20, no 2) слишком категорично. Однако с конца VIII в. до н. э. случаев употребления «закрытой» формы *далета* становится все меньше.

Таким образом, палеография рысайкинской надписи не позволяет датировать ее ранее последней четверти VIII в. до н. э. и позднее первой четверти VII в. до н. э. Возможно, дальнейшее накопление эпиграфического материала позволит уточнить время нанесения надписи на псалий. В настоящий момент наиболее вероятной датой представляется рубеж VIII–VII вв. до н. э. Какие выводы из этого следуют?

Первое. Вопреки прежним мнениям о датировке рысайкинского псалия концом VII–VI в. до н. э. (Смирнов 1961: 80–81; Мышкин, Скарбовенко 2010: 92, 98), его следует отнести к периоду не позднее начала VII в. до н. э.

Второе. Определение *terminus ante quem* для рысайкинского псалия позволяет внести большую ясность в вызывавший многочисленные споры вопрос о времени складывания образа грифобарана (бараноптицы) в раннескифском искусстве (Медведская 1992: 87–88; Иванчик 2001: 34–35; 2006: 148; Скаков, Эрлих 2005: 35; и др.).

Третье. До недавнего времени самые ранние ассирийские свидетельства о появлении скифов в Передней Азии датировались 677–676 гг. до н. э. (Иванчик 1996: 82). Надпись на псалии из Рысайкино позволяет говорить о нахождении скифов на границах Ассирии уже на рубеже VIII–VII вв. до н. э. Это, в свою очередь, укрепляет доверие к свидетельству Геродота [Herod. IV, 1. 2, 12. 2–3], согласно которому скифы вторгаются в Азию непосредственно вслед за киммерийцами, впервые упоминающимися в ассирийских источниках в 714 г. до н. э. (Иванчик 1996: 57).

Четвертое. Находка в Рысайкино псалия, вместе со своим хозяином в начале VII в. до н. э. побывавшего на границах Ассирии, заставляет усомниться в том, что скифам лишь однажды, при своем возвращении из Азии, пришлось пройти через Кавказ с юга на север. Очевидно, что такие переходы – как в южном, так и в северном направлении – совершались неоднократно. Во всяком случае, идея о попадании псалия в район Рысайкино уже после завершения эпохи скифских походов в Азию, на рубеже VII–VI вв. до н. э., представляется маловероятной.

Пятое. Обнаружение раннескифского псалия в Рысайкино на таком огромном расстоянии от Северного Кавказа, где происходило оформление образа бараноптицы (Канторович 2007), вряд ли можно объяснить простой случайностью. Уже в наши дни примерно в 35–40 км от Рысайкино был найден биметаллический клевец с головкой хищной птицы под бойком, отнесенный ко второй половине VII–началу VI в. до н. э. (Балахванцев 2011: 46). Если же принять во внимание, что район Бугуруслана относится к территории, на которой во времена Геродота находились «отложившиеся скифы» [Herod. IV, 22. 3], то необходимы археологические исследования этого участка Самаро-Оренбургского пограничья.

Балахванцев 2011 – Балахванцев А. С. Биметаллический клевец из Бугуруслана и некоторые проблемы раннескифской истории // Древность: историческое знание и специфика источника. М., 2011. Вып. V. С. 41–49.

- Винников 1962 – *Винников И. Н.* Словарь арамейских надписей // Палестинский сборник. М.; Л., 1962. Вып. 9. С. 141–158.
- Иванчик 1996 – *Иванчик А. И.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э. М., 1996.
- Иванчик 2001 – *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.
- Иванчик 2006 – *Иванчик А. И.* Раннескифская хронология в свете древневосточных данных // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 1. С. 146–161.
- Канторович 2007 – *Канторович А. Р.* Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: Сб. памяти М. П. Абрамовой. М., 2007. С. 235–257 (МИАР. Вып. 8).
- Медведская 1992 – *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток // Российская археология. 1992. № 3. С. 86–107.
- Мышкин, Скарбовенко 2010 – *Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А.* Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Самара, 2010. С. 87–100 (Краеведческие записки. Вып. XV).
- Скаков, Эрлих 2005 – *Скаков А. Ю., Эрлих В. Р.* О хронологии киммерийских и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 201–227.
- Смирнов 1961 – *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА. № 101).
- Смирнов 1964 – *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Чежина 1989 – *Чежина Е. Ф.* Уникальная надпись на раннескифском псалии из Южного Приуралья // СА. 1989. № 1. С. 261–264.
- Abou-Assaf et al. 1982 – *Abou-Assaf A., Bordreuil P., Millard A. R.* La statue de Tell Fekherye et son inscription bilingue assyro-araméenne. Paris, 1982.
- Attardo 2005 – *Attardo E.* Paleographical analysis of the Aramaic inscriptions // Tell Shiukh Fawqani: 1994–1998. Padova, 2005. Vol. II. P. 667–671.
- Biran, Naveh 1995 – *Biran A., Naveh J.* The Tel Dan Inscription: A New Fragment // Israel Exploration Journal. 1995. Vol. 45. P. 1–16.
- Bordreuil 1986 – *Bordreuil P.* Catalogue des sceaux ouest-sémitiques inscrits de la Bibliothèque Nationale, du Musée du Louvre et du Musée biblique de Bible et Terre Sainte. Paris, 1986.
- Dupont-Sommer 1964 – *Dupont-Sommer A.* Trois inscriptions araméennes inédites des bronzes du Luristan. Collection de M. Foroughi // Iranica Antiqua. 1964. Vol. IV. P. 108–118.
- Dupont-Sommer, Starcky 1958 – *Dupont-Sommer A., Starcky J.* Les inscriptions araméennes de Sfiré (stèles I et II). Paris, 1958.
- Fales 1986 – *Fales F. M.* Aramaic Epigraphs on Clay Tablets of the Neo-Assyrian Period. Roma, 1986.
- Fales, Attardo 2005 – *Fales F. M., Attardo E.* Tablets in Aramaic alphabetic script // Tell Shiukh Fawqani: 1994–1998. Padova, 2005. Vol. II. P. 650–667.
- Fales, Radner 2005 – *Fales F. M., Radner K.* Tablets in Neo-Assyrian cuneiform script // Ibid. P. 623–650.
- Fitzmyer 1995 – *Fitzmyer J. A.* The Aramaic inscriptions of Sefire. Roma, 1995.
- Herr 1978 – *Herr L. G.* The scripts of ancient Northwest Semitic seals. Missoula, 1978.
- Kwasman 2000 – *Kwasman T.* Two Aramaic Legal Documents // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2000. Vol. 63. P. 274–283.
- Lemaire 2001 – *Lemaire A.* Nouvelles tablettes araméennes. Genève, 2001.
- Naveh 1970 – *Naveh J.* The Development of the Aramaic Script. Jerusalem, 1970.
- Porten, Yardeni 1986; 1993; 1999 – *Porten B., Yardeni A.* Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Jerusalem, 1986. Vol. 1; 1993. Vol. 3; 1999. Vol. 4.
- Sokoloff 2002 – *Sokoloff M.* A Dictionary of Jewish Babylonian Aramaic of the Talmudic and Geonic Periods. Jerusalem, 2002.

Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле⁷⁰

Популярный в скифском зооморфном искусстве синкретический образ бараноптицы или грифобарана, ассоциируемого с идеей высшей благодати – фарна, неоднократно привлекал внимание исследователей. Термин «бараноптица», предложенный М. И. Артамоновым (1968: 34 и сл.) и поддержанный А. И. Шкурко (1982: 3), представляется более правомерным, нежели широко распространенное в научной литературе понятие «грифобаран» (см. Канторович 2007: 235). Необходимым иконографическим признаком бараноптицы является сочетание в едином зооморфном образе двух анатомических элементов – птичьего клюва (загнутого или закрученного) и бараньих рогов, исходящих из двух близко расположенных точек на темени, затем расходящихся в стороны вниз по поверхности головы, обрамляющих глаза снизу и проходящих перед глазами, иногда почти сходясь на лбу (рис. 1–2; табл. 1).⁷¹

Таблица 1

Распределение предметов с изображением бараноптицы (грифобарана) по регионам и по категориям украшаемых изделий (экз.)

Регион \ Категория	Псални	Насадки на псални	Распределители перекрестных ремней	Налучья	Ритуальные наперья	Насадки со шпеньком	Всего
Северный Кавказ	6	10	16	1	–	1	34
Степное Северное Причерноморье, в т. ч. Крым	–	–	–	4	–	–	4
Лесостепное Северное Причерноморье	17	5	19	–	2	–	43
Поволжье (Левобережье и Правобережье)	3	–	–	–	–	–	3
Закавказье и Передняя Азия	3	1	2	–	–	1	7
Итого:	29	16	37	5	2	2	91

В предшествующих работах мною были дифференцированы образы бараноптицы и грифона в скифском искусстве, прослежены вариации иконографии бараноптицы, что на основе анализа статистики и иконографии изображений бараноптицы позволило прийти к выводу о формировании ее «архетипа» изначально на территории Северного Кавказа – на базе древнейших скифских образов горных баранов и хищных птиц, имеющих, в свою очередь, стилистических предшественников в переднеазиатском искусстве (Там же: 235 сл.; 2010: рис. 21). Был сделан вывод об ограниченном распространении изделий с этим образом, в основном, в ареале скифской культуры – в степи и лесостепи Северного Причерноморья и на Северном Кавказе. В искусстве других регионов предметы с изображениями бараноптицы встречаются значительно реже и только там, где проявлялось скифское влияние: в зоне «савроматской» культуры и территориях скифского присутствия

⁷⁰ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00532а «Культуры скифского круга эпохи архаики на территории Северного Кавказа и Причерноморья (VII–VI вв. до н. э). Новые данные и подходы». Я глубоко признателен сотрудникам музеев и хранителям коллекций (Азовский краеведческий музей, Археологический музей ИА НАНУ, ГЭ, Музей археологии Украины, Национальный музей истории Украины, Национальный музей Республики Кабардино-Балкария) за предоставленную возможность визуального изучения и фотофиксации ряда предметов.

⁷¹ На рис. 1–2 представлены все оригинальные изображения бараноптицы, оформляющие изделия, учтенные в табл. 1, исключая копии. Изображения, происходящие из ареала скифской культуры Восточной Европы, обозначены цифрами, изображения за его пределами – буквами.

и влияния в Закавказье и Передней Азии. Таким образом, был подтвержден тезис В. А. Ильинской (1965: 100) и А. И. Шкурко (1982: 3) о самобытности образа скифского грифобарана (бараноптицы). В настоящей статье с учетом новых материалов будут рассмотрены ареал изображений бараноптицы, а также их хронология.

В настоящее время опубликовано 91 изделие, оформленное изображениями бараноптицы (табл. 1).⁷² Ассортимент изделий и их территориальное распределение по сравнению с предыдущими данными не изменились. Преимущественно, образ бараноптицы связан с предметами конского снаряжения. Как следует из табл. 1, последних не менее 82 изделий (90 %), а возможно и более, поскольку не следует исключать функционирование насадок со шпеньком из мог-ка Новозаведенное-II (кург. 7) и из Кармир-Блура в качестве наверший деревянных псалиев (рис. 2, 26, В). В абсолютном большинстве – это костяные или роговые изделия, гораздо реже – бронзовые (рис. 1, Г; 2, Б, 27).

Согласно картографированию предметов, оформленных в виде бараноптицы, 91 изделие распределяется по 29 местонахождениям (рис. 4). Среди них 18 погребальных комплексов, девять поселений и две случайные находки, из которых одна (Рысайкино) может быть связана с ограбленным погребальным комплексом. Большинство этих местонахождений (23) относится к территории лесостепного Среднего Поднепровья (13, в т. ч. семь погребальных комплексов и шесть поселений) и степей Северного Кавказа и Северного Причерноморья, включая Крым (10, погребальные комплексы). Соответственно, с этой основной территории скифского присутствия в эпоху «скифской архаики» и происходит большинство предметов с изображением бараноптицы – 81 (89 %).

Различаются два варианта воплощения рассматриваемого образа. Первый вариант – отображение головы бараноптицы в сочетании с условно переданным туловищем и одной или несколькими конечностями (условно-полнофигурное воспроизведение). В таком виде бараноптица представлена на псалиях, противоположные концы которых оформлены в виде головы и конечности животного (рис. 1). В основном, это костяные и роговые псалии (рис. 1, 1–9, 12–16, А–В, Д), в одном случае – бронзовые (рис. 1, Г), а также костяные насадки в виде головы и копыта, соответственно, на вершину и на нижнюю часть деревянных псалиев (рис. 1, 10–11). Такие псалии могут интерпретироваться как упрощенное воспроизведение всего животного (Полидович 2004: 209–210) или как его обозначение – «альфа» (голова) и «омега» (копыто). Таким образом, это не птица с бараньими рогами, а некое копытное существо (чаще – с конскими копытами), в идеале – четвероногое (все четыре конечности изображаются редко, обычно они обозначаются копытом на нижнем выступе псалия), с бараньими рогами и птичьим клювом. С наибольшей полнотой это существо представлено на псалиях из кург. 16 мог-ка Новозаведенное-II, где отображены все четыре копыта (одно – на нижнем конце псалия, три – в виде выступов сбоку от отверстий псалия), а на шее, животе и ноге бараноптицы завитками или елочкой передана шерсть (рис. 1, 1–2, 14–16, В–Г). Вторым вариантом образа бараноптицы – мотив обособленной головы (иногда с шеей), оформляющей костяные насадки-навершия деревянных псалиев, не имеющих костяных насадок в виде копыт⁷³ (рис. 2, 1–8, А), костяные, роговые (рис. 2, 9–25) и бронзовые распределители перекрестных ремней (рис. 2, Б), костяные и роговые навершия луков (рис. 2, 28–32), предметы неизвестного назначения – насадки со шпеньком (рис. 2, 26, В), а также детали бронзовых ритуальных наверший (рис. 2, 27). Рассмотренные условно-полнофигурные образы позволяют аналогичным образом интерпретировать изображения обособленной головы бараноптицы без туловища и конечностей,

⁷² При подсчете были исключены фрагментированные изображения голов с сохранившимися бараньими рогами, но с утраченной передней частью (поскольку неясно, отображают ли они бараноптиц или просто баранов), а также неповрежденные изображения с недостаточным качеством воспроизведения птичьих черт или с преднамеренной иконографической «пограничностью».

⁷³ Не исключено, что эти псалии могли оформляться подобно псалиям из стойких материалов в виде туловища и конечностей бараноптицы.

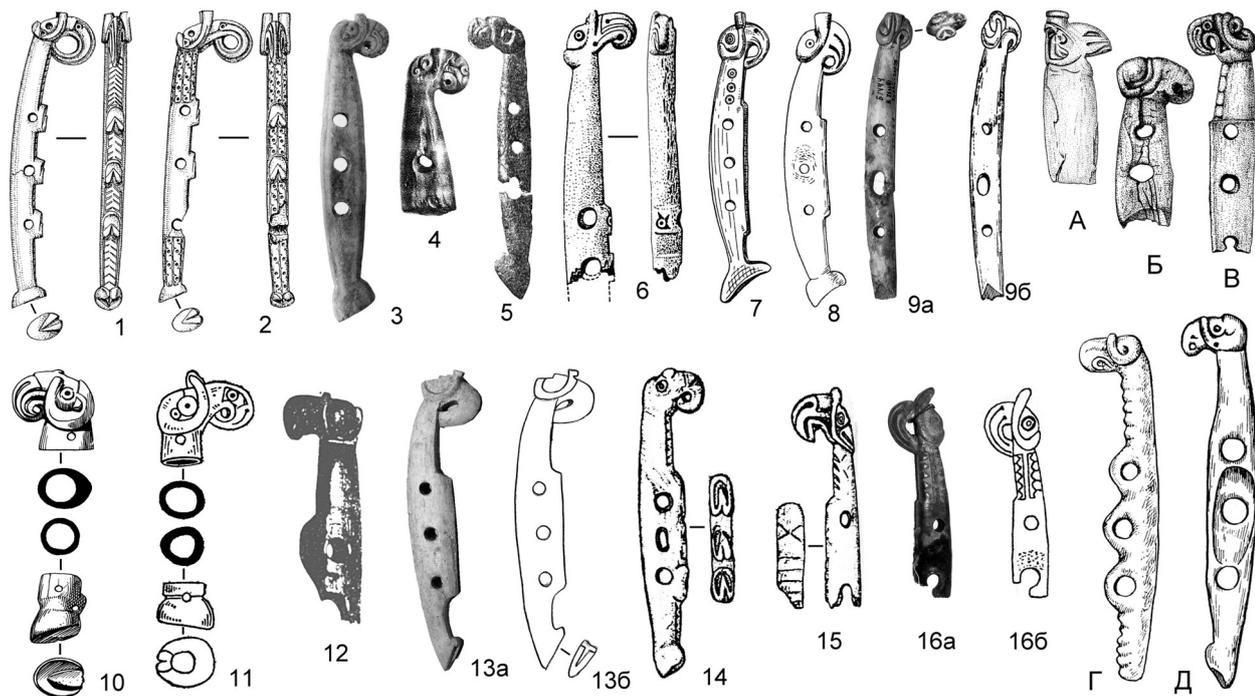

Рис. 1. Условно-полнофигурное отображение бараноптицы: псалии и насадки на псалии.

1–2 – Новозаведенное-II, кург. 16 (по Петренко и др. 2000); 3 – Аксютинцы, кург. 2 (по Бобринской 1901);
 4 – кург. у Мельниковки (по Бобринской 1887); 5 – Журовка, кург. 407 (по Бобринской 1905);
 6 – Немировское городище (по Смирнова 1996); 7 – Старшая могила (по Ильинская 1968); 8 – Волковцы,
 кург. 2 1886 г. (по Могилов 2008); 9а–б – Гуляй-Город, кург. 40 (фото автора, Национальный музей истории
 Украины, Б-1444; рис. – по Ильинская 1975); 10 – Келермес, кург. 1/В, набор коня 21 (по Галанина 1997);
 11 – Репяховатая могила, погр. 1 (по Ильинская и др. 1980); 12 – поселение Пожарная Балка
 (по Андриенко 2001); 13а–б – Нартан-1, кург. 15 (фото автора, рис. В. Г. Петренко, Национальный музей
 Республики Кабардино-Балкария, № ИК 50717); 14–15 – Бельск, зольник Царина (по Могилов 2008);
 16а–б – Волковцы, курган 4 (фото автора по Национальный музей истории Украины, Б-3237,
 рис. – по Могилов 2008); А–Б и В – Хасанлу-III и Чавуш-тепе (по Иванчик 2001);
 Г – Ртищево (по Смирнов 1961); Д – Рысайкино (по Чежина 1987)

вопреки трактовке этого мотива В. П. Андриенко (1999: 22–23) в качестве «рогатой царственной птицы».⁷⁴

Если не учитывать копии и зеркальные отображения, насчитывается 21 оригинальное «полнофигурное» изображение и 35 изображений обособленной головы бараноптицы (16 и 32 изображения на территории скифской культуры Восточной Европы, соответственно), т. е. всего 56 оригинальных изображений (48 – на территории скифской культуры Восточной Европы) (рис. 3).

Хронологические рамки изображений бараноптицы определяются, в первую очередь, датами закрытых комплексов, содержащих изделия, имеющих независимую датировку. Наиболее ранние закрытые комплексы с изображениями бараноптицы – Южная гробница кург. 1 Краснознаменского могильника и Келермесские курганы. Краснознаменское захоронение по бронзовой обкладке дышла колесницы с изображением Иштар датировано В. Г. Петренко временем Ашшурбанапала, – серединой–третьей четвертью VII в. до н. э. (Петренко 2006: 108–109). Согласно Л. К. Галаниной, «по погребальному инвентарю Келермесские курганы 1/В и 2/В вплотную примыкают к старейшим погребениям Краснознаменской группы, с которыми они, по-видимому, составляют

⁷⁴ Ср. реализацию вышеназванного принципа «голова и копыто» в изображениях некоторых обособленных головок, рога которых завершаются отчетливыми копытами (рис. 2, 7–8).

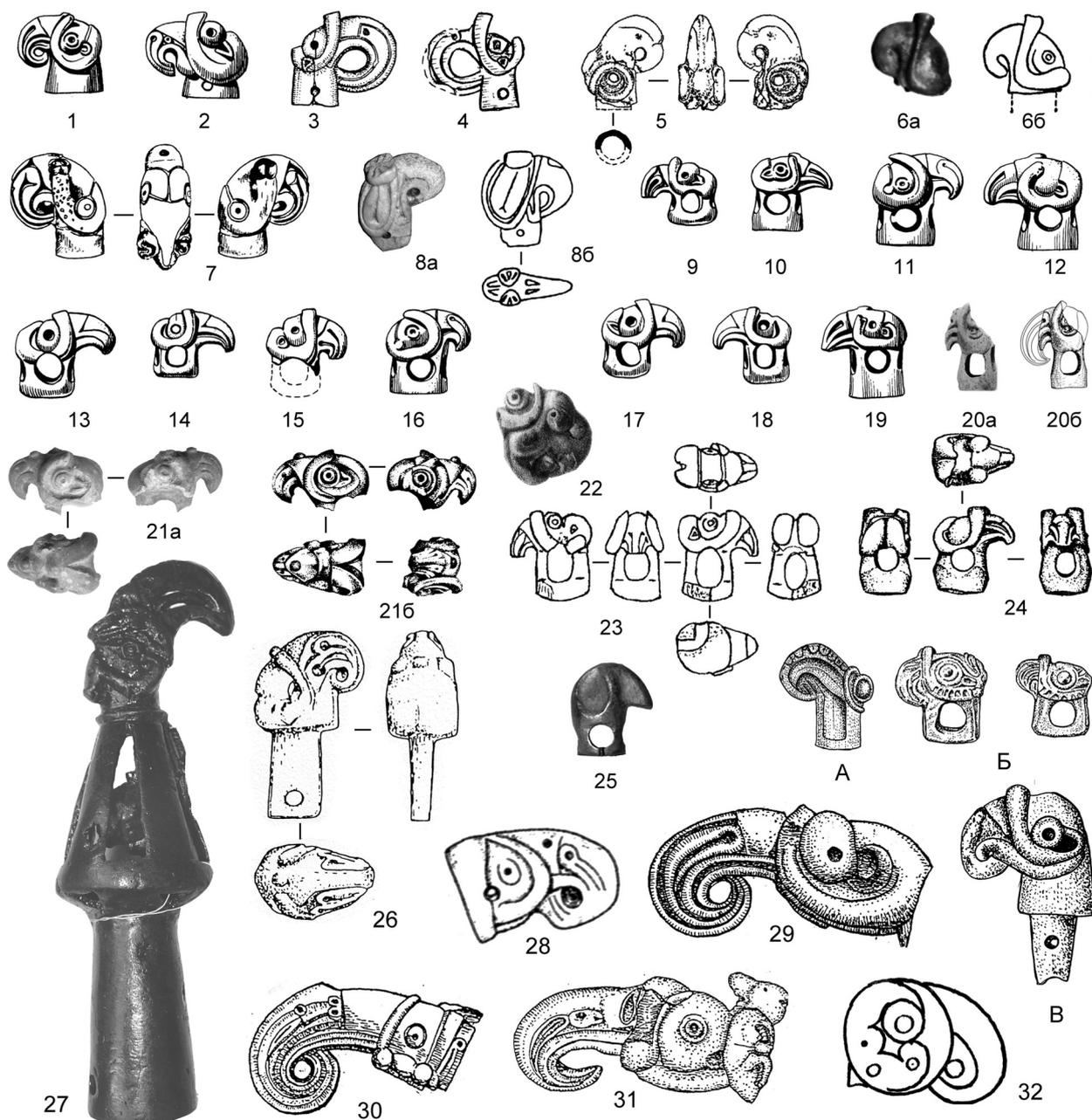

Рис. 2. Изображение обособленной головы бараноптицы – насадки на псалии и распределители уздечных ремней (1–25, А, Б), налучья и наверхия (26–32, В); 1 и 2 – Келермес, кург. 1/В, наборы коней 19–20 и 24 (по Галанина 1997); 3 – Новозаведенное-II, кург. 14 (по Петренко и др. 2000); 4 – Новозаведенное-II, кург. 5 (по Канторович 2010); 5 – Кореновский-VII, кург. 2, погр. 1 (по Рябкова 2005); 6а–6б – Репяховатая могила, погр. 2 (фото автора, Музей археологии Украины, рис. – по Ильинская и др. 1980); 7 – поселение Нивра (по Бандрівський 1996); 8а–8б – поселение Залесье (фото автора по экспозиции НМИУ, рис. – по Могилев 2008); 9–10, 11–12, 13–16, 17, 18, 19 – Келермес, кург. 1/В, наборы коней 19–20, 22, 3–4, 5, 11, 14 (по Галанина 1997); 20а–20б – Красное Знамя, кург. 1, Южная мог. (по Петренко 2006); 21а–21б – Новопавловск-3, кург. 1 (по Канторович и др. 2007); 22 – Тенетинка, кург. 211 (по Бобринской 1894); 23 – поселение Сокол (по Могилев 2008); 24 – поселение Пожарная Балка (по Андриенко 2001); 25 – Журовка, кург. 407 (по Бобринской 1905); А – Кармир-Блур (по Ильинская, Тереножкин 1983); Б – Норшун-тепе (по Науртманн 1983); 26 – Новозаведенное-II, кург. 7 (по Петренко и др. 2004); 27 – Волковцы, кург. 476 (фото автора; ГЭ, Дн 1932 16/8); 28 – кург. Дюнный в Аксайском р-не Ростовской обл. (по Посегун 2009); 29 – Семёновка (по Leskov 1974); 30 – Новозаведенное-II, кург. 13 (по Петренко и др. 2000); 31 – Темир-гора (по Яковенко 1976); 32 – Высочино (по Кореняко, Лукьяшко 1982; с дополнениями автора; Азовский краеведческий музей, КП-15207); В – Кармир-Блур, «комната привратника» (по Пиотровский 1950; 1954)

Рис. 3. Карта распространения изделий с изображениями бараноптицы
(а – погребения; б – поселения; в – случайные находки)

единый хронологический пласт» (Галанина 1983: 52–53). Л. К. Галанина, разделив на основе типологии изделий и с учетом импортов раннюю (курганы Веселовского) и позднюю группу (курганы Шульца) Келермесских кург., отнесла древнейшие курганы Келермеса (1/В и 2/В) к 660–640 гг. до н. э. (Галанина 1997: 184–192; ср. Алексеев 2003: 103–107), несколько углубив датировку этих комплексов по сравнению с ранее предложенной (третья четверть VII в. до н. э. – см. Галанина 1983: 37, 53).

Недавно А. Ю. Алексеев и Т. В. Рябкова предложили удревнить нижнюю хронологическую границу Келермесского мог-ка и, соответственно, датировку ранней группы (курганы Веселовского) до времени, предшествующего первому упоминанию переднеазиатских походов скифов в ассирийских источниках, т. е. ранее 670-х гг. до н. э., не исключая и VIII в. до н. э. (Алексеев, Рябкова 2010: 243–245). Исследователи аргументировали свою корректировку хронологии Л. К. Галаниной тем, что попытались оспорить ее предположение о ближневосточном происхождении или о местном производстве под ближневосточным влиянием тех изделий торевтики в курганах Веселовского (конское снаряжение,⁷⁵ наконечник рукояти скипетра или секиры), которые

⁷⁵ Охарактеризовав I группу из выявленных ею шести комплектов конского снаряжения, в т. ч. «золотую шестерку» коней из кургана 1/В, Л. К. Галанина пришла к выводу о том, что «появление в Прикубанье анализируемого конского убранства находится в непосредственной связи с переднеазиатскими походами скифов» (Галанина 1983: 40).

послужили для Л. К. Галаниной основанием для синхронизации начала сооружения курганов ранней группы (Веселовского) со скифским вторжением в Переднюю Азию. А. Ю. Алексеев и Т. В. Рябкова также опираются на калиброванные радиоуглеродные датировки Келермесских кург. 31 (или 2/В) 810–540 гг. до н. э., а кург. 3/Ш или 4/Ш – 760–390 гг. до н. э. При этом они не подвергают сомнению верхнюю хронологическую границу Келермесского мог-ка и, в целом, датировку его поздней группы (курганы Шульца) (Алексеев, Рябкова 2010: 243–245), подкрепляемую синхронизацией инвентарей Келермесского кург. 24 и кург. 16 мог-ка Новозаведенное-II, надежно датируемого античным керамическим импортом рубежом VII–VI вв. до н. э. (Петренко и др. 2000: 240–241, 246). В результате по хронологии А. Ю. Алексеева и Т. В. Рябковой возникает не менее чем 30-летний разрыв между старшей и младшей группами Келермесских курганов, а в целом сооружение шести курганов единой Келермесской группы со сходным погребальным обрядом растягивается, как минимум, на целое столетие.⁷⁶ Этот факт, сам по себе нуждающийся в объяснении, а также «расплывчатость» радиоуглеродных дат, перекрывающих друг друга, и, наконец, крайняя дискуссионность тезиса А. Ю. Алексеева и Т. В. Рябковой о сомнительности ближневосточного происхождения торевтики из курганов Веселовского, заставляет меня на данный момент оставаться приверженцем хронологии Л. К. Галаниной (1997: 184–192).

Не вызывает сомнений датировка погребения у Темир-горы второй половиной VII в. до н. э. по ионийской ойнохое – дискуссия ведется по поводу того, относить ли саму ойнохою и весь данный комплекс к третьей четверти этого столетия (традиционное мнение – см. Копейкина 1972: 156) и, более узко, к 640–630 гг. до н. э. (Алексеев 2003: 295) или же к последней четверти VII в. до н. э. (Масленников 2001: 301).

Что касается мог-ка Новозаведенное-II, то для одних его комплексов, содержащих изображения бараноптиц (кург. 13 и 14), налицо большее сходство с инвентарями Келермесских курганов группы Веселовского, для другого комплекса (кург. 16) – с материалами Келермесских курганов группы Шульца (в т. ч. с кург. 24 – 3/Ш или 4/Ш) (см. Петренко и др. 2000: 241–246). Отметим также морфологическую и иконографическую близость налучья в виде бараноптицы из Новозаведенского кург. 13 налучью из Темир-горы. *Terminus ante quem* для кург. 13 (и косвенно – кург. 14) Новозаведенского мог-ка определяется датировкой кург. 16⁷⁷ по фрагментам двух ионийских сосудов (ойнохоя и чаша) 610–590 гг. до н. э. (Петренко и др. 2000: 238–241, 247, рис. 1, 1). Следовательно, Новозаведенские кург. 13 и 14⁷⁸ должны датироваться в пределах второй половины VII в. до н. э., но не позднее кург. 16, сооруженного в конце VII – начале VI в. до н. э. Еще один Новозаведенский кург. 7 с изображением бараноптицы должен быть датирован в рамках второй половины VII – начала VI в. до н. э., поскольку его вещевой комплекс составляет единый хронологический пласт с комплексами Новозаведенских кург. 13, 14 и 16 (Петренко и др. 2004: 197). Аналогична датировка и кург. 5, комплекс которого сходен с комплексами кург. 7 и 13 этого могильника.

Территориально близкий Новозаведенскому-II мог-ку комплекс кург. 1 группы Новопавловск-3 по типологии изделий и надмогильных конструкций и с учетом радиоуглеродных данных датируется концом VII – началом VI в. до н. э. (Канторович и др. 2007: 206). При этом происходящие из него изображения бараноптиц на распределителях уздечных ремней, помимо тщательности исполнения (четко показаны глаза и зрачки, рога, восковица, ноздри, линия рта), имеют ряд архаичных деталей, утраченных во многих подражаниях и поздних трактовках (уши, теменной выступ, связанный с влиянием образа восточногреческого грифона, – одного из стилистических истоков бараноптицы). По этим показателям из всего массива изображений бараноптицы новопавловским головам наиболее близки головы на аналогичных предметах из ранних Келермесских кург. 1/В и 2/В.

⁷⁶ Ср. также недавно опубликованную совместную работу (Галанина, Алексеев 2010: 186–187).

⁷⁷ С учетом абсолютного совпадения отдельных типов вещей в комплексах кург. 13 и кург. 16 мог-ка Новозаведенное-II.

⁷⁸ Отметим, что изображения бараноптицы на насадках на псалии из кург. 14 Новозаведенного-II мог-ка и из кург. 1/В Келермеса практически идентичны.

Датировка кург. 16 мог-ка Новозаведенное-II концом VII–началом VI в. до н. э. может служить отправной точкой и для кург. 15 мог-ка Нартан-I, комплекс которого содержит псалии с бараноптицей, ближайшую иконографическую и территориальную аналогию которым составляют именно псалии из Новозаведенского кург. 16.

Независимые хроноиндикаторы имеются и в комплексе Репяховатой могилы – милетская амфора и ионийский кувшин из впускного захоронения (погр. 2). При всей дискуссионности их датировки (конец VII–первая половина VI в. до н. э. или же середина–вторая половина VI в. до н. э. – см. Монахов 2003: 31–32), эти даты составляют *terminus ante quem* для основного погребения кургана (погр. 1). Между основным и впускным погребениями Репяховатой могилы, судя по планиграфии, стратиграфии и инвентарю, в т. ч. по колчанным наборам, не может быть большого хронологического разрыва. А. Ю. Алексеев совокупно датирует оба погребения Репяховатой могилы второй половиной VII–VI в. до н. э., не возражая против сужения датировки до рубежа VII–VI или конца VII в. до н. э. (Алексеев 2003: 53, 295). Датировка Репяховатой могилы рубежом VII–VI вв. до н. э. представляется обоснованной, поскольку вполне согласуется с аналогиями некоторым материалам из обоих погребений Репяховатой могилы (псалии в виде бараноптиц из погр. 1, бронзовые жертвенные ножи из погр. 2) (Ильинская и др. 1980: рис. 4, 13–14; 22, 23) в комплексе хронологически эталонного Новозаведенского кург. 16 (Петренко и др. 2000: рис. 3).

Для хронологии образа бараноптицы также важен тот факт, что псалии из нестойких материалов с костяными насадками в виде головок бараноптиц и баранов бытовали короткий отрезок времени (если исходить из датировки Репяховатой могилы рубежом VII–VI вв. до н. э.), поскольку они встречены лишь в нескольких хронологически близких комплексах – кург. 5 и 10 мог-ка Новозаведенное-II (Петренко 1990: 68), в кург. 1/В и 2/В Келермесского мог-ка (Галанина 1997: табл. 21, кат. 166–167, 179–180, 191; табл. 23, кат. 291–292), а также в погр. 1 и 2 Репяховатой могилы (Ильинская и др. 1980: 35, 46–47, рис. 4, 13–14; 17, 3). Еще две насадки, не имеющие столь надежную дату (пос. Нивра и Залесье), А. Д. Могиллов в рамках разработанной им типологии конского снаряжения, датировал вместе с остальными вышеупомянутыми изделиями в пределах середины VII–середины VI в. до н. э. (Могиллов 2008: 29, рис. 56, 19–23). Этим же периодом, исходя из типологии А. Д. Могилова, должны датироваться в лесостепном Поднепровье костяные/роговые псалии в виде условно-полнофигурной бараноптицы (Могиллов 2008: 26, рис. 43, 1–11).

Таким образом, период функционирования образа бараноптицы должен определяться рамками второй четверти VII (исходя из датировки ранней группы Келермесских курганов) – середины VI в. до н. э. В этих временных пределах намечаются несколько линий развития иконографии образа. Эталонные изображения бараноптицы, характеризующиеся тщательной проработкой всех анатомических деталей, связаны с территорией Северного Кавказа – вероятного истока данного образа, где он возник, скорее всего, в среде скифских и работавших в скифском духе нескифских мастеров «саккызско-келермесской школы» (Шкурко 1982: 3; Чежина 1987: 27; Королькова 2006: 67; Канторович 2010, рис. 21). Степное и лесостепное Северное Причерноморье, равно как и Передняя Азия, были в этом отношении вторичны – здесь при наличии весьма качественных отображений начинается искажающее тиражирование с утратой ряда анатомических деталей (ушей, глаз) и с превращением рогов в восковицу (рис. 1, 6–9, 15–16; 2, 6, 8, 22, 28), в конечном счете, с семантической трансформацией в образ барана, птицы или грифона (ср. Шкурко 1976: 91; Королькова 2006: 68). В то же время и на Северном Кавказе стилизация могла вести к геометризации клюва и рогов бараноптицы (рис. 1, 1–2, 13). Кроме того, возникла особая группа удлинённых голов бараноптицы на наверхиях и налучьях (рис. 2, 27, 30–31), для которых, с одной стороны, присуще высокое качество исполнения, с другой, тематическая нечеткость, о чем свидетельствует зооморфное трансформирование рогов и вписывание дополнительных зооморфных мотивов в плоскость удлинённого клюва (Канторович 2007: рис. 5). Очевидно, семантическая сложность и перегруженность образа бараноптицы, в конечном итоге, и послужила причиной его раннего исчезновения и замены иными синкретическими мотивами.

- Алексеев 2003 – *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб, 2003.
- Алексеев, Рябкова 2010 – *Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В.* Скифы // АНК. 2010. Т. 1. С. 236–258.
- Андриенко 1999 – *Андриенко В. П.* О находках изображений рогатых птиц на поселениях Ворсклы // Проблемы истории и археологии Украины: ТД науч. конф. 21–23 октября 1999 г. Харьков, 1999. С. 22–23.
- Андриенко 2001 – *Андриенко В. П.* Детали конской узды с поселения Пожарная Балка // Донецкий археологический сб. 2001. Вып. 9. С. 46–54.
- Артамонов 1968 – *Артамонов М. И.* Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4. С. 27–45.
- Бандрівський 1996 – *Бандрівський М. С.* Про час появи найраніших зразків скіфського звіриного стилю на заході України // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи: Збірник наукових праць. Полтава, 1996. С. 345–352.
- Батчаев 1985 – *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // *Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Кеферов Б. М.* Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э.–II в. н. э.). Нальчик, 1985. С. 7–116 (АИНКБ. Т. 2).
- Бобринской 1887; 1894; 1901 – *Бобринской А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб, 1887. Т. 1; 1894. Т. 2; 1901. Т. 3.
- Бобринской 1905 – *Бобринской А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. // ИАК. 1905. Вып. 14. С. 1–43.
- Галанина 1983 – *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы // АСГЭ. 1983. Вып. 24. С. 32–55.
- Галанина 1997 – *Галанина Л. К.* Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997 (Степные народы Евразии. Т. 1).
- Галанина, Алексеев 2010 – *Галанина Л. К., Алексеев А. Ю.* Древности скифской эпохи из Прикубанья // АНК. 2010. Т. 3. С. 170–197.
- Иванчик 2001 – *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы: Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.
- Ильинская 1965 – *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1. С. 86–107.
- Ильинская 1968 – *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.
- Ильинская 1975 – *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.
- Ильинская, Тереножкин 1983 – *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
- Ильинская и др. 1980 – *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 51–63.
- Канторович 2007 – *Канторович А. Р.* Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: Сб. памяти М. П. Абрамовой. М., 2007. С. 235–257 (МИАР. Вып. 8).
- Канторович 2010 – *Канторович А. Р.* Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк, 2010. С. 189–224 (АА. № 21).
- Канторович и др. 2007 – *Канторович А. Р., Петренко В. Г., Маслов В. Е.* Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавловска (предварительная публикация) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2007. Вып. VII. С. 168–207.
- Кореняко, Лукьяшко 1982 – *Кореняко В. А., Лукьяшко С. И.* Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3. С. 149–164.
- Копейкина 1972 – *Копейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-гора // ВДИ. 1972. № 1. С. 147–158.
- Королькова 2006 – *Королькова Е. Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб, 2006.
- Масленников 2001 – *Масленников А. А.* Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 291–323.

- Могилев 2008 – *Могилев А. Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський, 2008.
- Монахов 2003 – *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. М.; Саратов, 2003.
- Петренко 1990 – *Петренко В. Г.* К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 60–81.
- Петренко 2006 – *Петренко В. Г.* Краснознаменский могильник: Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо, 2006 (Степные народы Евразии. Т. III).
- Петренко и др. 2000 – *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 238–248.
- Петренко и др. 2004 – *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004. С. 179–210 (МИАР. № 6).
- Полидович 2004 – *Полидович Ю. Б.* Раннескифские зооморфно оформленные псалии как воплощение фигуры животного // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2004. Вип. XI. С. 206–210.
- Пиотровский 1950 – *Пиотровский Б. Б.* 1950. Кармир-Блур. I. Ереван, 1950.
- Пиотровский 1954 – *Пиотровский Б. Б.* Скифы и Древний Восток // СА. 1954. № XIX. С. 141–158.
- Посегун 2009 – *Посегун А. А.* Раскопки кургана Дюнный в Аксайском районе Ростовской области // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 6. С. 114–127.
- Рябкова 2005 – *Рябкова Т. В.* Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // АСГЭ. 2005. Вып. 37. С. 42–65.
- Смирнов 1961 – *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА. № 101).
- Смирнова 1996 – *Смирнова Г. И.* Предварительные данные о Немировском городище // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи: Збірник наукових праць. Полтава, 1996. С. 183–198.
- Чежина 1987 – *Чежина Е. Ф.* Раннескифские зооморфные псалии из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // СГЭ. 1987. Т. LII. С. 25–28.
- Шкурко 1976 – *Шкурко А. И.* О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 90–105.
- Шкурко 1982 – *Шкурко А. И.* Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 3–8 (Тр. ГИМ. Вып. 54).
- Яковенко 1976 – *Яковенко Э. В.* Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 128–137.
- Hauptmann 1983 – *Hauptmann H.* Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Mainz, 1983. Bd. 1. S. 251–270.
- Leskov 1974 – *Leskov A. M.* Die Skythischen Kurgane: die Erforschung der Hügelgräber Südrusslands. Zürich, 1974 (Sondernummer of Antike Welt: Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte, Jg. 5).

Керамический комплекс раннескифского времени Центрального Предкавказья⁷⁹

Скифская архаическая культура общепринято считается одним из новообразований, возникнувших в Великом поясе евразийских степей в переходный период от позднего этапа эпохи бронзы к раннему железному веку. Многокомпонентность ее культурной основы особо проявляется при анализе происхождения различных артефактов, входящих в состав знаменитой «скифской триады». Давно существуют оценки этого хронологического пласта скифских древностей как самостоятельного этнокультурного горизонта (Алексеев 1992: 92–112). После открытия Нартанского и Краснознаменского могильников большинство специалистов убеждено, что скифские племенные объединения в конце VII–начале VI в. до н. э., в период окончания переднеазиатских походов, переместились на территорию Северного Кавказа.

Рассмотрим географическое распространение памятников скифской культуры на Северном Кавказе. Этот обширный регион находится в двух крупных природно-территориальных комплексах: Крымско-Кавказской горной стране и на Восточно-Европейской равнине, каждый из которых в соответствии геоморфологического строения разделяется на ряд обширных регионов (Савельева, Магомедов 1987: 6). Горная система Большого Кавказа сечениями через его высочайшие вершины Эльбрус и Казбек разбита на Западный, Центральный и Восточный Кавказ. Севернее расположено Предкавказье, занимающее обширную территорию, ограниченную с севера Кума-Манычской впадиной, с запада – Азовским, а с востока – Каспийским морями. Этот район также подразделяется на три естественноисторических области: Западное, Восточное и Центральное (или Среднее) Предкавказье. На территории последнего расположены Ставропольская и Терско-Сунженская возвышенности и горы-локалиты Минералводской группы. Внутри этой обширной области выделяется целый ряд различных ландшафтных зон, сильно различающихся своими природными характеристиками (Гвоздецкий 1954: 9, 90, 124). Именно на этой территории обнаружена большая часть памятников, которые связаны со скифской культурой на Северном Кавказе. Другой ее значительный очаг расположен в Западном Предкавказье. Однако исторические судьбы этих двух соседних областей настолько отличны друг от друга, что традиционно они исследуются дифференцированно.

Остановимся на характере размещения наиболее известных памятников скифской культуры. На Ставропольских высотах, разделенных широкими балками и долинами многочисленных рек на столообразные горы, занятые лесостепью, открыты Ставропольские курганы 1924 и 1984 гг., Мамайские курганы и т. д. Причем в отдельных случаях отмечается непосредственная близость скифских курганов и синхронных им поселений (Охонько 1988: 252). В центральном Ставрополье близ р. Калауса и Прикалаусских высот в верховьях р. Томузловки расположен знаменитый Краснознаменский мог-к, наиболее крупный курган которого интерпретируется как «царский», а близ него известны синхронные поселения (Охонько 1988: 251; Козенкова 1989: 49). Недалеко от слияния р. Золки и Кумы и близ слияния Подкумка и Кумы на высокой террасе ее левого берега находится могильник Новозаведенное-II. Остатки густых дубовых пойменных лесов сохранились здесь и по сию пору. По свидетельству земских источников еще в начале прошлого века леса здесь были более обширными. В ближайших окрестностях этого памятника по данным археологических разведок также имеется серия синхронных поселений (Козенкова 1989: 47–48). Всего в нескольких километрах от лесистых гор Среднего хребта в Кабардино-Балкарии находится Нартанский мог-к.

Таким образом, наиболее богатые курганные могильники тяготеют к долинам рек и возвышенностям с очагами лесостепного ландшафта, которые были хорошо освоены автохтонным

⁷⁹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00278а.

населением, что подтверждают многочисленные данные (Махортых 1991: 17–18). В меридианальном направлении эти памятники вытянуты вдоль пояса разнотравных ковыльных и злаковых степей (Савельева, Магомедов 1987: рис. 23). Практически близ любой раннескифской курганной группы в Центральном Предкавказье можно найти следы синхронных поселений.

Н. А. Охонько отметил определенную закономерность в размещении скифских памятников по линии Ставрополь–сел. Александровское–р. Кума, которая практически совпадает с Азово-Черноморской линией первых русских крепостей, основанных при покорении Кавказа (Охонько 1988: 252). Знакомство с текстом доклада 1777 г. светлейшего князя Г. Потёмкина «Об учреждении линии от Моздока до Азова» позволяет проиллюстрировать этот тезис: о р. Куме сказано, что она «есть лучшая река на всей Нагайской степи. Она имеет от самого Подкумка почти до Маджар великие леса и заключает все выгоды, которые только желать можно. Калмыки обыкновенно зимой по ней кочуют», а о р. Томузловке в ее верховьях – что она «имеет хорошую и здоровую воду, а по вершине оной имеются темные и множеством зверей наполненные леса». Район г. Ставрополя обозначен как «Черный лес» (Гниловский 1974: 127–130).

Однако почти неисследованной остается предгорная зона – Кабардинская и Осетинская равнины, где в средневековье была сконцентрирована основная масса населения. Можно полагать, что аналогичные явления имели место и в раннескифский период. М. П. Абрамова, указывая на концентрацию скифских материалов на территории нынешней Кабардино-Балкарии, объясняет это ориентированностью воинственных кочевников на горные перевалы Центрального Кавказа (прежде всего Дарьяльский), служившие дорогой в богатое Закавказье (Батчаев 1985: 54; Абрамова 1992: 22–23). Находки кладов сырья для литейного производства, концентрация в бассейне р. Баксан вотивных кинжаловидных привесок, в которых В. М. Батчаев видит примитивную форму денег, позволяет предполагать, что здесь обитали развитые в экономическом и социальном отношении местные племена, вероятно, составившие производственную базу скифской культуры (Крупнов 1960: 320; Батчаев 1980: 16–17; 1985: 10–12). Сравнительно изолированными являлась Кисловодская котловина и горные районы Карачаево-Черкессии, которые обладали значительным культурным своеобразием и составляли периферийную область распространения культуры скифского типа (Абрамова 1992: 23).

В итоге, можно подчеркнуть очень неравномерное изучение памятников скифской эпохи в этом регионе. В первую очередь, это касается фактически не исследованных поселений. Кроме того, практически не известны погребения рядовых скифов, хотя здесь имеются сотни грунтовых могильников с вещами скифского типа, также остающимися, за редким исключением, пока не изученными. Что касается дружинных курганных могильников, то материалы из них позволяют говорить о существовании крайне милитаризированной элиты, вряд ли связанной со скотоводством, а, скорее, ориентированной на контроль торговых путей и ключевых территорий, с которых она получала дань. Вероятность того, что скифские вожди могли проживать на территории кобанских поселений очень велика.

По мнению большинства исследователей, наиболее многочисленными и важными для этнокультурной атрибуции скифской материальной культуры наряду с особенностями погребального ритуала являются предметы культа (включая каменные изваяния), оружие и принадлежности конской упряжи. Керамике в этих построениях отводится роль категории вещей, целиком или почти целиком заимствованной скифами у окружающих их местных племен (Махортых 1991: 43). Не оспаривая этого тезиса, следует заметить, что наборы керамической посуды в погребениях военной аристократии, по-видимому, составляли своеобразные гарнитуры и входили в число наиболее престижных предметов, определявших высокий социальный статус умерших.

Наборы посуды, происходящие из различных памятников скифской эпохи и, прежде всего, из аристократических могильников, представляют собой единый керамический комплекс. Это подтверждает как статистический анализ мерных параметров сосудов различных категорий, так и относительное однообразие орнаментальных сюжетов и сравнительно широкое бытование некоторых

технологических приемов их нанесения. Напомним, что использование многоконечных орнаментов зафиксировано на всех категориях керамики, кроме горшков. Оно отмечено на сосудах из всех важнейших памятников скифской эпохи: Краснознаменском, Комаровском, Моздокском, Нартанском и Новозаведенском-II мог-ках.

Данный керамический комплекс характеризуется целым рядом ярких особенностей – прежде всего, геометризацией формы значительной части парадных (-?) изделий: корчаг, кружек и чаш, – входивших в своеобразные гарнитуры посуды в составе богатых наборов погребального инвентаря. Есть основания полагать, что наборы высококачественной (парадной) посуды в погребениях отражали прижизненный социальный статус своих владельцев. Весьма вероятно, что они поступали во владение элитарных групп населения не как итог циклических экономических связей, а в результате прямого внеэкономического принуждения. Нельзя не отметить, что сосуды различных категорий имеют сильные типологические связи: различные варианты кружек в увеличенных размерах являются корчагами и кувшинами, чаши одной формы также значительно варьируют по размерам.

Подчеркнутый антропоморфизм корчаг, очевидно, был связан с идеей воплощения человеческого тела в форме сосуда, который мог рассматриваться какместилище души человека. В нескольких комплексах Новозаведенского-II мог-ка было зафиксировано украшения горла корчаг гирляндами бус из раковин каури. Можно связывать подобную традицию с воплощением изобилия и плодородия, аналогичным способом выраженного на оленных камнях предскифского периода. Определенные соответствия этот ритуал имеет в некоторых памятниках лесостепного Поднепровья, связанных с гальштаттским миром Средней Европы, напр., кург. у сел. Глеваха (Тереножкін 1954).

Своеобразная унификация керамических форм в погребениях на значительной территории, связанной с основным ареалом распространения памятников скифского типа, показывает, что новые образцы посуды приобрели характер знаковых атрибутов в таких сложных культурных моделях, как погребальные сооружения военно-кочевой знати. Общеизвестно, что одной из составляющих дружинной субкультуры являются пиры с обильным употреблением спиртных напитков (медов, браги, пива). У горских народов Кавказа по этнографическим данным также хорошо известны пиршества с употреблением большого количества хмельного, связанные с общинными или религиозными праздниками. При этом посуда, используемая при ритуальном распитии браги, араки и пива во время культовых праздников у хевсур, тушин, чеченцев и ингушей, хранилась при храмах (Мадаева 1990: 48–49). Вполне вероятно, что набором такой посуды, спрятанной на территории святилища, являлся широко известный Жемталинский клад (Крупнов 1960: 320). Таким образом, наборы посуды из курганных погребений в ряде случаев, возможно, имели культовое значение, служа целям имитации ритуального пиршества при переходе покойника в потусторонний мир.

Именно в курганах дружинной знати в Нартанском, Новозаведенском-II и Краснознаменских мог-ках обнаружено большинство предметов, выполненных в скифском зверином стиле. Орнаментальные композиции, которые находятся на сосудах из этих же памятников, отличаются по своей смысловой направленности от сюжетов данной изобразительной традиции. Богатая орнаментация на сосудах различных категорий имеет семантические и иконографические соответствия среди орнаментальных мотивов широкого круга земледельческих культур. Она в полной мере воплощала представления, связанные с аграрными культурами и магией плодородия. Прежде всего, это геометрические орнаментальные композиции, образующие зигзагообразные построения из треугольников, ромбическая и прямоугольная сетки, сдвоенные разнонаправленные треугольники и т. д. В пользу того, что керамика из памятников скифского типа изготавливалась на территории поселений земледельческих культур, можно рассматривать отпечатки зерен ячменя и проса, обнаруженные на фрагментах керамики из Краснознаменского и Новозаведенского-II мог-ков.

Воздействие скифского искусства на орнаментальные сюжеты на керамике весьма ограничено и связано лишь с образом оленя – фигура животного с подогнутыми ногами из кург. 3 Новозаведенского-II мог-ка; форма рогов и некоторые другие детали у изображений из Нартана,

Шалушкинского и кург. 9, 12 и 17 Новозаведенского-II мог-ков. Следы обратного влияния в эпоху скифской архаики отсутствуют.

Некоторые изображения на посуде близки к изображениям, представленным на керамике предскифского времени западного варианта кобанской культуры. Другие – имеют черты иконографического родства с гравированными изображениями на бронзовых вещах из памятников Центрального Кавказа. В качестве примера можно привести изображение зигзагообразных змей на кубке из кург. 3 Новозаведенского-II мог-ка. Генезис керамических форм, составивших основные типы посуды из памятников скифской культуры на Северном Кавказе, тесно связан с центральным вариантом кобанской культурной общности. Для материалов предскифской эпохи здесь известны крупные корчаги, в т. ч. с геометризованным туловом и налепами, различные варианты сосудов с каннелюрами и петлеобразными ручками, вероятно, явившимися прототипами кружек скифской эпохи. Именно здесь также сложилась традиция использования многозубчатого орнамента, позднее получившая самое широкое распространение.

Распространение «скифских моделей» посуды, судя по материалам могильников Кисловодской котловины, сопровождалось появлением достаточно грубо выполненных местных подражаний, хорошо различимых визуально, а также явной деградацией местного керамического комплекса, проявлявшегося, прежде всего, в постепенном вытеснении ряда керамических форм и утрате местных орнаментальных традиций. Следует также особо отметить появление ряда культурных инноваций, связанных с Закавказьем. В первую очередь, это появление в курганах кувшинов со сливом. На донцах некоторых кружек встречаются пролощенные кресты, также имеющие прямые аналогии в Восточном Закавказье, и, по-видимому, являющиеся своеобразными апотропеями. Появляются чаши с радиально расположенными налепами, а также чаши на ножках, имеющие, скорее всего, культовое значение, что косвенно подтверждается их орнаментацией свастического типа. Для подобных чаш также весьма вероятно наличие восточнозакавказских прототипов.

При создании ряда сосудов различных категорий в Нартанском и Новозаведенском-II могках бесспорно использовался гончарный круг. Наблюдения над круговыми сосудами позволяют предполагать, что приемы формообразования, использованные с помощью гончарного круга, суммарно соответствуют РФК-2–РФК-4, по А. А. Бобринскому (1978: 191). По данным этнографии уровень РФК-3–5 уже соответствует ремесленному производству, ориентированному на сбыт продукции в ближайшей округе (Там же: 26–37). Напомним, что к близкому заключению в свое время пришел Е. И. Крупнов, полагавший, что гончарное производство кобанских племен находилось на стадии перехода к специализированному ремесленному производству (Крупнов 1960: 327–329). Конечно, только этнографические данные не могут быть единственным основанием для столь далеко идущих выводов. Скорее всего, домашнее ремесло являлось побочным производством, лишь дополнявшим основной производственный цикл. Так, у многих северокавказских народов пастухи на высокогорных пастбищах занимались изготовлением деревянных вещей, что требовало достаточно высокой квалификации (Калоев 1993: 168).

Появление в скифскую эпоху достаточно большой группы изделий, выполненных при помощи гончарного круга, напрямую связано с вопросом об истоках его происхождения. Однако эта проблема принципиально неразрешима без всеобъемлющего исследования керамики, относящейся к предшествующему периоду. В то же время, нельзя отрицать возможности переселения на Северный Кавказ отдельных мастеров из соседнего Закавказья.

В связи с рассмотрением скифского керамического комплекса нельзя не упомянуть одну из основных проблем в археологии Северного Кавказа – проблему преемственности древностей скифского и сарматского горизонтов. Черты преемственности между материалами двух эпох на примере керамического комплекса описаны М. П. Абрамовой, которая в своих работах неоднократно подчеркивала, что комплекс керамики савроматской эпохи сложился на местной региональной основе (Абрамова 1993: 62–66). Орнаментальные композиции, представленные на корчагах, кувшинах, мисках и кружках сарматской эпохи также имеют несомненные параллели с

орнаментальными сюжетами на посуде скифского горизонта (Там же: рис. 9, 10–12; 11, 18–20; 13, 6–7, 18, 24). При этом от предшествующей эпохи была унаследована часть композиций, основанных на использовании зигзага, сходящихся разнонаклонных отрезков, а также расчерченные вертикальными или наклонными линиями поверхности и пр. Вероятно, что и в сарматскую эпоху продолжали использоваться многозубчатые орнаменты.

- Абрамова 1992 – *Абрамова М. П.* Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // Российская археология. 1992. № 2. С. 20–32.
- Абрамова 1993 – *Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э.–IV в. н. э.). М., 1993.
- Алексеев 1992 – *Алексеев А. Ю.* Скифская хроника. СПб, 1992.
- Бобринский 1978 – *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.
- Батчаев 1980 – *Батчаев В. М.* Кобанские кинжаловидные привески // Х КЧ: ТД. М., 1980. С. 16–17.
- Батчаев 1985 – *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // *Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Кеферов Б. М.* Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э.–II в. н. э.). Нальчик, 1985. С. 7–116 (АИНКБ. Т. 2).
- Гвоздецкий 1954 – *Гвоздецкий Н. А.* Физическая география (курс лекций). М., 1954. Вып. 1.
- Гниловский 1974 – *Гниловский В. Г.* Первые карты Азово-Моздокской линии // Северный Кавказ (физическая историческая география). Ставрополь, 1974. Вып. 3. С. 120–134.
- Калоев 1973 – *Калоев Б. А.* Материальная культура и прикладное искусство Осетии. М., 1973.
- Козенкова 1989 – *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант. М., 1989 (САИ. Вып. В2-5).
- Крупнов 1960 – *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Мадаева 1990 – *Мадаева З. А.* Народные календарные праздники Вайнахов. Грозный, 1990.
- Махортых 1991 – *Махортых С. В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
- Охонько 1988 – *Охонько Н. А.* Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы и исследования Ставропольского краевого музея. Ставрополь, 1988. № 15–16. С. 243–291.
- Савельева, Магомедов 1987 – *Савельева В. В., Магомедов К. А.* География Ставропольского края (учебное пособие). Ставрополь, 1987.
- Тереножкін 1954 – *Тереножкін О. І.* Кургани біля с. Глеваха // Археологія. 1954. Т. IX. С. 80–97.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (Краснодар, Россия)

Зеркала из раннемеотских погребений Правобережья Кубани

Находки бронзовых зеркал в раннемеотских погребениях – редкое явление. Поэтому рассмотрим известные 12 бронзовых зеркал из комплексов VI–V вв. до н. э., происходящих из нескольких грунтовых могильников Правобережья Кубани и относящихся к разным типам.

Литые зеркала с бортиком и петелькой в центре диска были найдены в комплексах 124з и 331з мог-ка Старокорсунского городища 2, их диаметры – 9,0 см и 10,2 см (рис. 1, 1–2). По классификации Т. М. Кузнецовой, эти зеркала относятся к I классу, I отделу, I типу (Кузнецова 2002: табл. 12, 13). Одно имеет трапециевидную петельку (вариант 3), второе – треугольную (вариант 2). Хронология этих комплексов, близких по составу инвентаря, может быть определена в пределах второй четверти V в. до н. э. Еще одно зеркало с трапециевидной петелькой (рис. 1, 3) – случайная находка в восточной части мог-ка Старокорсунского городища 2 и, по всей вероятности, происходит из обрушившегося погребения.

Появление зеркал этого типа на Северном Кавказе связано с распространением здесь степных элементов. Аналогичные зеркала известны в ареале кобанской культуры (Козенкова 1998: 84, табл. XXVIII, 3). Недавно такое зеркало было найдено в погр. 7 Горно-Джутского мог-ка середины VII в. до н. э. (Березин, Дударев 2009: 258–270, рис. 1, 2). По мнению Т. М. Кузнецовой, в

Северопричерноморском регионе такие зеркала получили широкое распространение в VI в. до н. э. (Кузнецова 2002: 39–40, 43). С. В. Полин отнес их появление в скифских памятниках к началу VI в. до н. э. Опираясь на находку из кург. 400 у сел. Журовка, он полагает, что такие зеркала существовали на протяжении всего столетия (Полин 1987: 23). В. А. Ильинская ограничивала время бытования зеркал с ручкой-петелькой концом VI–началом V в. до н. э., а зеркало из кург. 400 Журовки считала наиболее поздним экземпляром (Ильинская 1968: 152, рис. 41, 4–5). По уточненной хронологии А. Ю. Алексеева, этот курган датируется 500–475 гг. до н. э. (Алексеев 2003: 198–199, 296). На Нижнем Дону аналогичное зеркало было встречено в погр. 3 кург. 2 из Спичаковки (Парусимов 2000: рис. 8, 1). До недавнего времени в этом регионе было известно только одно зеркало этого типа (отдел I вид I тип I, вариант 3, по Т. М. Кузнецовой) из погребения VI в. до н. э. (Кузнецова 2002: 39, табл. 13, № 480). Погребение из Спичаковки, по-видимому, также можно датировать этим временем.

Что касается меотской территории, то самое раннее зеркало этого типа происходит из Закубанья – это погр. 27 Келермесского грунтового мог-ка. Второе зеркало из погр. 8 этого же могильника отличается наличием рельефного геометрического орнамента на тыльной стороне диска (Галанина 1985: 163, рис. 3, 10; 4, 3). Опираясь на аналогии бронзовым пронизям и деталям конской узды, Л. К. Галанина датировала погр. 27 второй половиной VII в. до н. э., остальные – второй половиной VII–началом VI в. до н. э. (Там же: 163). Два аналогичных зеркала есть в Уляпском мог-ке. У зеркала из комплекса 12/35 по описанию петелька не сохранилась. Т. М. Кузнецова определила это зеркало как одноставное с боковой ручкой (т. н. ольвийского типа), отметив, что ручка утрачена (Кузнецова 2010: 239, рис. 45). Второе зеркало было найдено в погр. 45 этого же кургана. Оба комплекса относятся к первой хронологической группе середины VI–конца V в. до н. э. (Лесков и др. 2005: 37–38, 76, рис. 96, 4; 102, 4).

Другой тип представляют собой литые зеркала с центральной ручкой в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой. Таких зеркал известно два. Зеркало из погр. 65 мог-ка городища 2 хут. Ленина (рис. 1, 4) имеет ручку, перекрытую бляшкой-кружочком с изображением многолучевой розетки (на рис. из отчета А. З. Аптекарева не отображена). Подобные зеркала известны в скифских памятниках Днепровского лесостепного Левобережья (Ильинская 1968: 151, рис. 41, 2–3) и на Северном Кавказе (Виноградов 1972: рис. 3, 4; 14, 4), где наиболее поздними являются западнокобанские зеркала, датирующиеся второй половиной VI в. до н. э. (Козенкова 1998: 85, табл. XXVIII, 4–6). Т. М. Кузнецова отнесла их к I классу, I отделу, II типу, варианту 3 и «условно» датировала первой половиной–серединой VI в. до н. э. (Кузнецова 2002: 64, табл. 21–22). На территории Синдики, сопредельной меотам Прикубанья, следует отметить находку аналогичного зеркала в слое VI–V вв. до н. э. Раевского городища (Малышев 2010: 178, рис. 4, б).

Второе зеркало этого типа, но варианта 4, было найдено в погр. 2 у хут. Ленина (рис. 1, б). Ручка из двух столбиков перекрыта зооморфной бляшкой, которая сильно корродирована. На рисунке в публикации В. Н. Каминского зеркало изображено с фасетками по краю (Каминский 1987: рис. 3, 1). На самом деле его край гладкий. Зеркала, на которых из-за плохой сохранности невозможно определить вид животного, Т. М. Кузнецова датировала в пределах второй половины VI в. до н. э. (Кузнецова 2002: 74, табл. 26, № 296). Однако погребение у хут. Ленина по набору бронзовых и железных наконечников стрел надежно датируется концом VII–первой четвертью VI в. до н. э. Автор раскопок, сопоставляя данный набор наконечников с наборами келермесского типа, датировал комплекс второй половиной VII–началом VI в. до н. э. (Каминский 1987: 257–258, рис. 3, 3, 6–16), а Л. К. Галанина относила это погребение ко второй половине VII в. до н. э. (Галанина 1997: 140). По нашему мнению, колчаный набор из этого погребения занимает промежуточное положение между позднекелермесскими наборами и стрелами из уляпского комплекса 15/48, в котором преобладают базисные наконечники (Эрлих 1988: 109; Лесков и др. 2005: 76). Отсутствие в наборе из погр. 2 у хут. Ленина базисных наконечников стрел свидетельствует о том, что он сформировался, скорее всего, до начала второй четверти VI в. до н. э. (Полин 1987: 28).

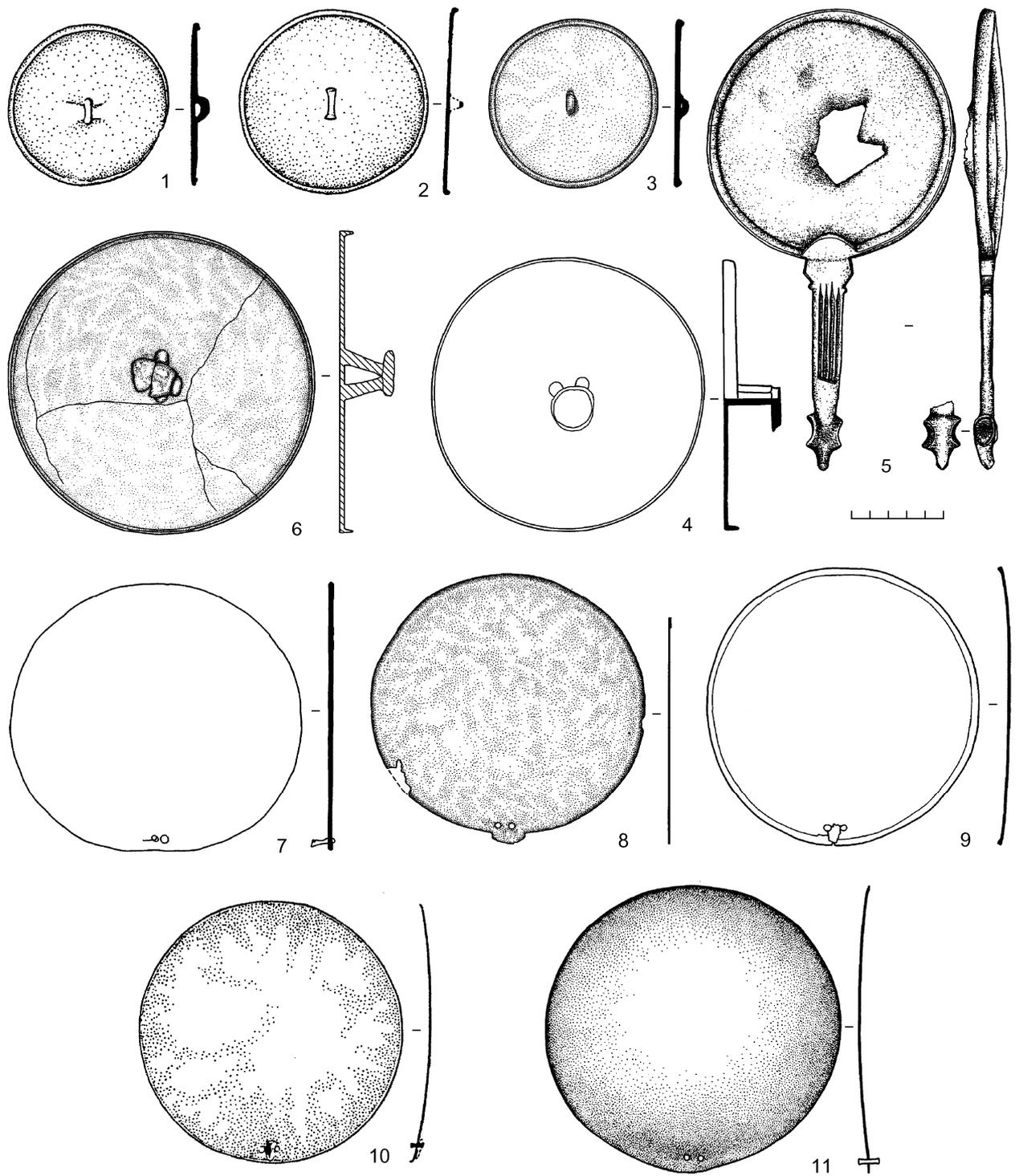

Рис. 1. Зеркала бронзовые:

1–3, 5, 8, 10–11 – Старокорсунское городище 2 (1– погр. 124з; 2 – погр. 331з; 3, 5 – подъемный материал; 8 – погр. 260в; 10 – погр. 199в; 11 – погр. 260в); 4 и 7 – городище 2 хут. Ленина (1980), погр. 65 и погр. 4; 6 – хут. Ленина (1980), погр. 2; 9 – Старокорсунское городище 3, погр. 450

Три зеркала варианта 4 известны в Закубанье. Два из них были найдены в Келермесских курганах. Зеркало с бляшкой в виде копытного животного (лежащий козлик) из погр. 5 кург. 19 относится ко второй половине VII в. до н. э. (Галанина, Алексеев 1990: рис. 9, 6; Галанина 1997: 140). Самым ранним является зеркало из кург. 2, бляха которого украшена изображением свернувшегося кошачьего хищника. Его датировка – ок. 650 г. до н. э. (Галанина 1997: 140, табл. 31, кат. 223).

Зеркало с такой же бляхой, датированное не позднее первой половины VI в. до н. э., было случайно найдено на мог-ке Казазово (Пьянков, Тарабанов 1997: 67–69, рис. 4, 1). Следует отметить, что Т. М. Кузнецова, отстаивая старую хронологию Келермесского мог-ка, ограничивает датировку скифских зеркал этого типа с Северного Кавказа VI в. до н. э. (Кузнецова 2010: 235, 237, схема 2).

Из случайных находок на восточном участке мог-ка Старокорсунского городища 2 известно бронзовое зеркало т. н. ольвийского типа с боковой каннелированной ручкой, конец которой украшен головкой барана (рис. 1, 5), диаметр диска зеркала – 14 см, высота бортика – 0,7 см. Диск зеркала имеет пробоину неправильной формы – результат преднамеренного повреждения в древности (Хачатурова 1996: 45, рис. 1). По классификации Т. М. Кузнецовой, это зеркало-«патера» (№ 516-б) относится к II классу, II отделу, 1 группе, III типу, I виду, варианту 3 (верхняя часть ручки представляет собой геометрическую фигуру). Аналогичное зеркало учтено ею из некрополя Цемдолина (№ 48). Вслед за В. М. Скудной исследовательница датировала этот вариант зеркал второй половиной VI–первой половиной V в. до н. э. (Скудна 1962: 16–20; Кузнецова 2002: 195, № 48, табл. 109, № 516-б, табл. Б).

Два зеркала известны в Закубанье. Оба являются случайными находками на территории мог-ков Начерзий (Ескина 1995: 108–110, рис. 1, фото 1) и Казазово (Пьянков, Тарабанов 1997: 69–70, рис. 3, 1; Кузнецова 2002, табл. 90, № 218-б) и относятся к середине VI–началу V в. до н. э. Такое же зеркало недавно найдено на Правобережье Кубани, в степной зоне, в курганном погребении раннескифского времени (Цокур 2008: 172, рис. 23, 1). Эти зеркала, в отличие от старокорсунского, украшены фигурками лежащего оленя у верхнего основания ручки и стоящей пантеры на нижнем ее конце.

Еще один тип – это кованые зеркала со слегка утолщенным краем (рис. 1, 9–11). Они были обнаружены в комплексах 199в и 260в мог-ка Старокорсунского городища 2 и погр. 450 мог-ка Старокорсунского городища 3 (раскопки А. В. Кондрашева). Деревянная ручка крепилась при помощи двух штифтов непосредственно к диску. Диски вогнутые. Диаметр таких зеркал обычно не превышает 15–16 см. Зеркало из погр. 260в мог-ка Старокорсунского городища 2 отличается от вышеописанных экземпляров небольшим выступом для крепления ручки (рис. 1, 8). Во всех погребениях с такими зеркалами были найдены чернолаковые аттические скифосы, датировка которых позволяет отнести появление таких зеркал у меотов к первой–третьей четвертям V в. до н. э. (Sparkes, Tallcott 1970: Nr. 341, 343–344, 358–359). Встречаются аналогичные зеркала и в античных некрополях архаического времени (Скудна 1988: 132–133, кат. 208, 10; Кашаев 2009: 195, рис. 5, 2). В Уляпском могильнике они происходят из погребений первой хронологической группы (Лесков и др. 2005: 76, рис. 81, 1; 136, 1; 189, 2; 213, 6). О длительном бытовании зеркал этого типа у меотов свидетельствуют их находки в погребениях второй четверти IV в. до н. э. (Бочковой и др. 2005: 172, рис. 21, 10; Лимберис, Марченко 2005: 261–262, рис. 31, 13). Подобное зеркало с двумя отверстиями для крепления ручки, но литое, с ровным гладким краем (рис. 1, 7), происходит из погр. 4 мог-ка городища 2 у хут. Ленина (раскопки А. З. Аптекарева). Этот комплекс, в котором также присутствует чернолаковый скифос середины–третьей четверти V в. до н. э. (Sparkes, Tallcott 1970: No 343–344), мы датировем второй половиной V в. до н. э.

Одно зеркало из раскопок Н. В. Анфимова на мог-ке Старокорсунского городища 2 (погр. 34 1976 г.) известно нам только по описанию: «листовое, край немного загнут, ручка прямоугольная с двумя гвоздиками», его диаметр – 14 см. По чернолаковому чашевидному скифосу (Sparkes, Tallcott 1970: No 575, 578) и вазочке ионийского или восточно-греческого производства (Boardman, Hayes 1966: 66–67, kat. 870, fig. 27, pl. 50; Dreßler 2006: 32–33, 42, Kat. 17, Abb. 8) это погребение датируется первой половиной V в. до н. э.

Алексеев 2003 – Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб, 2003.

Березин, Дударев 2009 – Березин Я. Б., Дударев С. Л. Новые материалы VII–VI вв. до н. э. с территории Кавминвод // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. № 9. С. 257–272.

- Бочковой и др. 2005 – *Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 172–218.
- Виноградов 1972 – *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
- Галанина 1985 – *Галанина Л. К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156–165.
- Галанина 1997 – *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.
- Галанина, Алексеев 1990 – *Галанина Л. К., Алексеев А. Ю.* Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 34–54.
- Ескина 1995 – *Ескина А. В.* Зеркало «ольвийского» типа из могильника Начерзий // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 108–112.
- Ильинская 1968 – *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
- Каминский 1987 – *Каминский В. Н.* Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара // СА. 1987. № 2. С. 254–259.
- Кашаев 2009 – *Кашаев С. В.* Некрополь Артющенко-2 // БИ. Симферополь; Керчь, 2009. № 22. С. 188–267.
- Козенкова 1998 – *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М., 1998 (САИ. Вып. В2-5).
- Кузнецова 2002 – *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М., 2002. Т. 1.
- Кузнецова 2010 – *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М., 2010. Т. 2.
- Лесков и др. 2005 – *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М., 2005.
- Лимберис, Марченко 2005 – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология комплексов с античными импортными из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 219–323.
- Мальшев 2010 – *Мальшев А. А.* Новое в хроностратиграфии Раевского городища // СИМВОЛА. М.; Киев, 2010. Вып. 1. С. 175–178.
- Парусимов 2000 – *Парусимов И. Н.* Раскопки курганов в Азовском районе в 1998 г. // Тр. Новочеркасской археологической экспедиции. Азов, 2000. № 5. С. 3–44
- Полін 1987 – *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17–36.
- Пьянков, Тарабанов 1997 – *Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* Могильник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // МИАР. 1997. № 1. С. 62–70.
- Скуднова 1962 – *Скуднова В. М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Тр. ГЭ. 1962. Т. 7. С. 5–27.
- Скуднова 1988 – *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Хачатурова 1996 – *Хачатурова Е. А.* Новая находка архаического бронзового зеркала в Прикубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. Вып. 2. С. 45–46.
- Цокур 2008 – *Цокур И. В.* Курганный могильник «Украинский-1» (Динской район Краснодарского края) // Наследие Кубани. Краснодар, 2008. Вып. 1. С. 156–249.
- Эрлих 1988 – *Эрлих В. Р.* Бронзовые наконечники стрел и проблема хронологического распределения комплексов раннескифского времени среднего Закубанья // Материальная культура Востока. М., 1988. Ч. 1. С. 100–120.
- Boardman, Hayes 1966 – *Boardman J., Hayes J.* Excavation at Tocra 1963–1965. The Archaic Deposits I. London, 1966 (British School of Archaeology. Suppl. Vol. IV).
- Sparkes, Talcott 1970 – *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Princeton, 1970 (The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. XII).
- Dreßler 2006 – *Dreßler T.* Die äolisch-assische archaische Keramik // Ausgrabungen in Assos 1993. Bonn, 2006. S. 27–45 (Asia Minor Studien. Bd. 57).

The Lorestan bronze industry and the Eurasian steppes

Lorestan is a region of the central Zagros Mountains in Western Iran, where a significant bronze-working industry flourished in 2800–700 BC. It was characterized by horse trappings, utensils, weapons, jewelry, belt buckles, as well as ritual and votive objects all made of bronze. Many scholars believe the Lorestan bronze industry to have been influenced by the nomadic people of the mid-Ist Millennium BC. from the steppes of Southern Russia who displaced there the Cimmerians. They had been at first a horse-riding aristocracy that became subsequently a settled agricultural population. In the early 7th c. BC, they moved into Iran and Anatolia, occupied the Urartu territory and appeared in Assyrian records. They were skilled artists and metalworkers, and so could be somehow connected with the Luristan bronzes. Their greatest contribution was the zoomorphic style of art. Its influence may be seen in the art developments of Lorestan and the neighboring areas of Iran. This research is aimed to compare the Lorestan bronzes with parallel evidences from the Eurasian steppes.

3. Брагвадзе (Тбилиси, Грузия)

Иран при Ахеменидах и древняя Колхида

До недавнего времени проблемам изучения связей между Колхидой и ахеменидским Ираном особого внимания не уделялось. Одной из причин этого была, прежде всего, недостаточная база письменных источников: за исключением немногочисленных сведений Геродота и Ксенофонта о взаимоотношениях этих регионов в середине I тыс. до н. э. мало что известно. Поэтому археологические данные имеют особое значение. В результате интенсивных археологических работ, проводимых в Грузии в 1970–1980-е гг., накоплен значительный материал, четко увязанный с иранским миром V–IV вв. до н. э. Исследование археологического материала и изучение имеющихся письменных источников со всей очевидностью показывают, что в V–IV вв. до н. э. отношения между Колхидой и ахеменидским Ираном интенсивно развивались в политическом, религиозном и культурном отношении.

Письменные источники. Самые ранние сведения о взаимоотношениях ахеменидского Ирана и Колхиды сохранились в «Истории» Геродота. Как известно, Дарий I в ходе административных реформ разделил подвластные ему территории на сатрапии. Одна из них, XIX сатрапия, включала племена, проживающие на юге Колхиды. Согласно Геродоту, в эту сатрапию входили мосхи, тибарены, моссиники, макроны и маары [Herod. III, 94]. Колхиду Геродот выделяет отдельно и отмечает, что колхи не были включены ни в одну из сатрапий. «Отец истории» рассказывает, что на колхов были наложены подати в виде добровольных даров, и они посылали царю по 100 мальчиков и по 100 девочек [Herod. III, 97].

В 401 г. до н. э. на территории южной Колхиды вместе с военным отрядом побывал Ксенофонт, который отмечает, что к этому времени проживающие здесь племена (кардухи, мосхи, халибы, халды, макроны, тибарены, моссиники и колхи) уже не подчинялись Ирану и были независимы от него [Anab. VII, 8, 25]. Сведения Ксенофонта относятся к тому периоду истории Ахеменидского царства, когда царевич Кир восстал против своего брата Артаксеркса II. По-видимому, этой ситуацией воспользовались племена, проживавшие на юге Колхиды и которые смогли освободиться от персидской зависимости. Основываясь на сведениях Ксенофонта, некоторые историки полагают, что в V–IV вв. до н. э. отношения между Колхидой и Ахеменидским царством не были тесными и не играли важной роли в культурной и политической жизни Колхиды той поры.

Однако *археологические находки* показывают совсем иную картину. Для понимания отношений Колхиды и ахеменидского Ирана особо важные материалы дали раскопки городища Саирхе, расположенного в северо-восточной части Колхиды, в 200 км от Черноморского побережья.

Здесь в 1960–1980-е гг. проводились археологические исследования под руководством Дж. Надирадзе, в результате которых изучены богатые погребения V–IV вв. до н. э. (Надирадзе 1990: 24–62). По мнению исследователей (О. Лордкипанидзе, Дж. Надирадзе, З. Брагвадзе и др.), эти погребения принадлежат представителям высшей аристократии Колхиды – правителям одной из скептухий Колхидского царства. Для рассматриваемой темы особый интерес представляют материалы из погр. 1, 8, 13 и предметы на «культовой площадке» (рис. 1).

К числу самых ранних в Саирхе относится погр. 13, которое датируется первой половиной V в. до н. э. (Махарадзе, Церетели 2007: 54). Оно остается пока и самым древним богатым погребением на территории Колхиды. Среди многочисленных найденных в нем материалов особого внимания заслуживают золотая пластина и серебряный сосуд, на которых представлен один и тот же сюжет – сцена терзания – нападение льва на быка (рис. 1, 1, 3). Аналогичный сюжет имеется и на диадеме из Вани (Лордкипанидзе 1972: 12).

Тема борьбы животных широко представлена в искусстве ахеменидского Ирана. Влияние ахеменидского искусства прослеживается в многочисленных деталях изображений на предметах из Саирхе. Это обстоятельство дает повод думать, что подобные сюжеты в Колхиде могли распространяться именно из Ирана. Можно предполагать, что в сюжетах из Саирхе и Вани прослеживается прямое влияние иранского искусства и религии. Местное происхождение Ванской диадемы несомненно, т. к. подобные головные уборы неизвестны за пределами Колхиды и выявлены только в Вани и Саирхе (Брагвадзе, Церетели 1997: 114). Что касается золотой пластины и серебряного сосуда из Саирхе, то они также могли иметь местное происхождение, однако пока нельзя исключать и их происхождение из Ирана. Если эти предметы были колхидского происхождения, то местные мастера могли по заказу их владельцев изготавливать изделия с иранским сюжетом. Однако это предположение корректируется некоторыми другими археологическими находками из Саирхе: медальонами из погр. 8, золотой серьгой из погр. 1 и стеклянной фиалой на «культовой площадке».

Золотые медальоны из погр. 8 (рис. 1, 2) относятся к середине IV в. до н. э. Как предполагают исследователи, на них изображен Ахурамазда – главное божество зороастризма. Культ Ахурамазды был популярен на территории древней Грузии. Было отмечено, что основное божество Иберийского (Картлийского) царства Армази есть ни что иное как местное воплощение Ахурамазды (Гвелесиани 2000: 49–60).

В Саирхе была раскопана и «культовая площадка» четырехугольной формы (4 м²), на которой были зафиксированы разбросанные обуглившиеся каштаны. Помимо обгоревших каштанов здесь были найдены приношения, среди которых золотые пластинчатые нашивки с изображением орла, глиняные и стеклянные сосуды, в т. ч. стеклянная ахеменидская фиала (рис. 1, 4). На территории Грузии найдено лишь два стеклянных сосуда античной эпохи – из мог-ка Алгети (Сагинашвили, Гагошидзе 1973: 73) и из Саирхе. Стеклянная фиала из Саирхе датируется серединой V в. до н. э. и является самой ранней на рассматриваемой территории (Сагинашвили, Махарадзе 1999: 50).

В погребальном обряде и ритуалах в Саирхе огонь, несомненно, занимал особое место. Обнаружение следов огня и изображение Ахурамазды могут служить доказательствами версии, согласно которой официальная религия ахеменидского Ирана – зороастризм – оказала определенное влияние и на религию древней Колхиды. На наш взгляд, в V–IV вв. до н. э. в Саирхе и в Колхиде в целом прослеживаются локальные варианты зороастризма. К сожалению, недостаточность археологических материалов пока не дает возможность изучить разные аспекты этой проблемы.

Еще одним доказательством культурных связей Колхиды и ахеменидского Ирана служит золотая лунообразная серьга из погр. 1. Ювелирные изделия подобного типа в литературе признаются типичными образцами ахеменидского искусства (Stronach 1978: 168–178).

Имеются и другие материалы из Колхиды, имеющие аналогии или даже принадлежащие иранскому миру. На тесные контакты между двумя регионами, помимо дорогих и престижных изделий, указывают предметы, предназначенные для ежедневного использования. Прежде всего, это красноокрашенные кувшины, по форме и внешнему виду отличающиеся от местных керамических

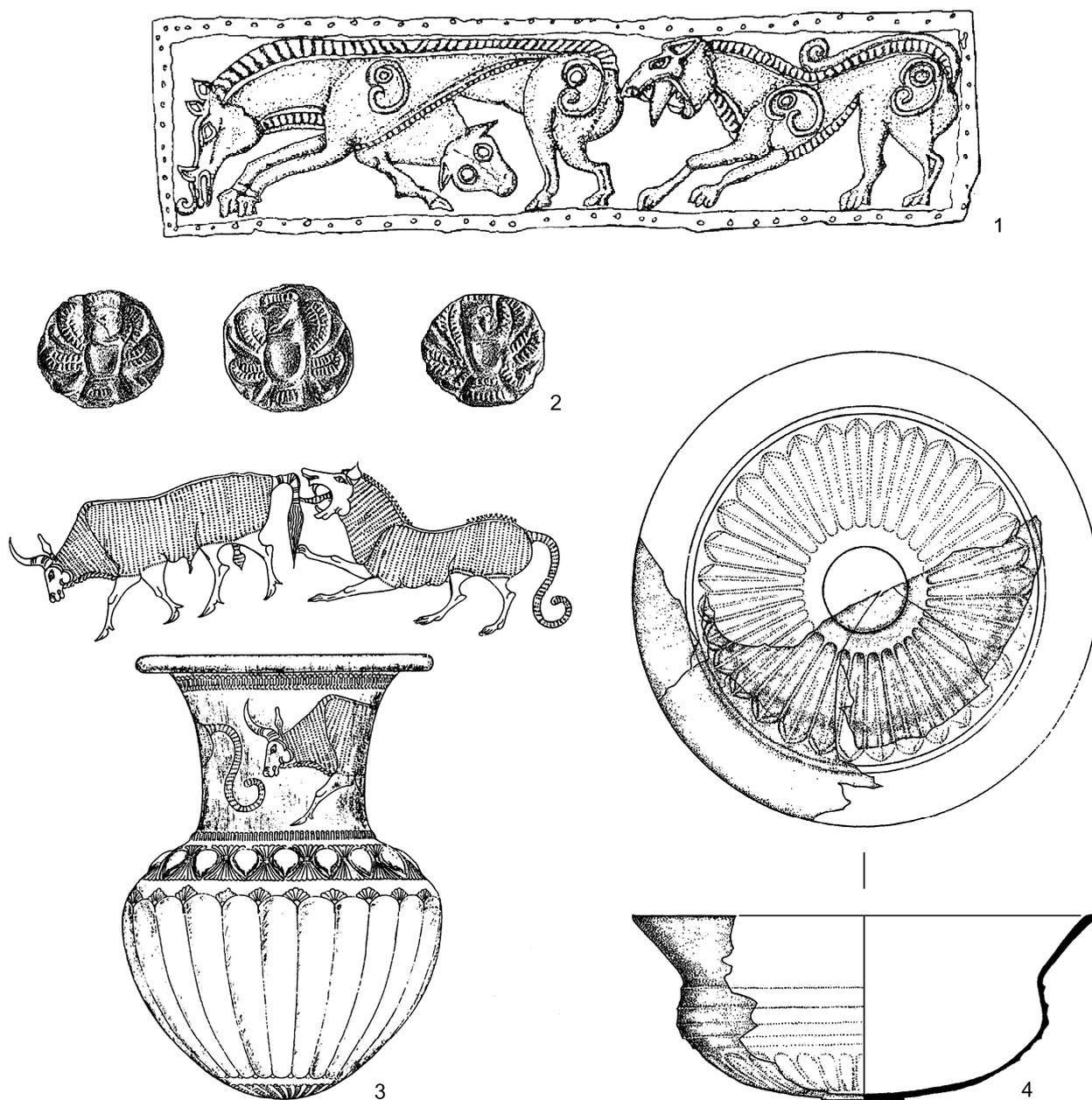

Рис. 1. Городище Саирхе. 1, 3 – погр. 13, пластина и сосуд со сценами терзания; 2 – погр. 8, медальоны с изображением Ахурамазды; 4 – «культовая площадка», фиала (1–2 – золото, 3 – серебро, 4 – стекло)

изделий. Арал находок подобной керамики охватывает практически все внутренние районы Грузии – Картли, Квемо Картли, Месхети, Имерети (Нариманишвили 1991: 79–102). Их иранское происхождение не вызывает сомнений. В Колхиде такие кувшины обнаружены в Вани, Саирхе, Итхвиси и Дзеври (Брагвадзе 2009: 53). Многочисленность находок дает основания считать, что кувшины попали в Колхиду в результате интенсивных торговых отношений с Ираном.

Можно также предполагать, что помимо торговых связей должны были существовать и тесные политические отношения. Уже отмечалось, что в результате реформ Дария I Ахеменидское царство распространило свое влияние и на северные территории. Процесс формирования государства в Колхиде совпадает с правлением Дария I. В литературе было высказано мнение, согласно которому государство в Колхиде было образовано в VI в. до н. э. и период его подъема – V–IV вв. до н. э. (Инадзе 1995: 117) совпадает с эпохой расцвета Ахеменидского царства.

Образование государственности подразумевает регулирование управления страной и формирование, в частности, административно-территориальных единиц. Согласно сведениям Страбона, Колхидское царство было разделено на скептухии. Скептухия была административной единицей, созданной по территориальному принципу, во главе этой единицы стоял скептух [Strabo. XI. II. 13, 18], который был наделен верховным правительством Колхиды светскими и религиозными правами (Лордкипанидзе 1989: 211 сл.). Судя по археологическим материалам с территории Колхиды V–IV вв. до н. э., Вани и Саирхе представляли собой главные центры скептухий и обнаруженные там богатые погребения принадлежат именно скептухам (Лордкипанидзе 1989: 211; Брагвадзе 2009: 74). В результате реформ Дария I в Иране были образованы административно-территориальные единицы – сатрапии. Хотя они включают более обширные территории по сравнению со скептухиями, но это по существу ничего не меняет, потому что их общей целью было управление конкретным административным округом и защита государственных интересов.

Информации об административном устройстве древней Колхиды, кроме сообщения Страбона, нет. Однако имеются сведения грузинского историка XI в. Леонти Мровели, который рассказывает о деятельности Картлийского (Иберийского) царя III в. до н. э. Парнаваза. Он пишет, что царь «создал и устроил свою страну подобно стране персов» (Леонти Мровели 1955: 23) и проводил административные реформы, разделяя царство на эриставства, т. е. на административные единицы. Иранская модель государственного устройства в Картлийском царстве функционировала и после распада Ахеменидской империи. Свидетельство Леонти Мровели показывает, что и другое грузинское государство – Картли, которое возникло позднее, чем Колхидское царство, воспроизводит ту же систему организации государства, которая существовала в Колхиде. Почему и под влиянием какого государства возникли скептухии в Колхиде? На данном этапе исследования можно высказать предположение, что территориальные единицы, названные Страбоном «скептухиями», могли иметь другое название, связанное с иранским ономастиком. Они могли быть созданы под влиянием ахеменидского Ирана, который имел свои военно-стратегические интересы в Колхиде, и были прямо связаны с политическими интересами на Южном Кавказе.

Геродот подробно описывает сражения, которые Дарий I вел с кочевыми племенами, в частности, со скифами. Представляется, что Ирану на Кавказе нужна была сила, на которую можно было опереться в борьбе против кочевых племен. Поскольку Колхида непосредственно граничит с Кавказским хребтом, здесь была необходима сильная государственная организация, которая закрывала бы перевалы Кавказа и удерживала кочевые племена. Можно полагать, что существование сильной Колхиды входило в сферу политических интересов Ирана. По-видимому, не случаен и тот факт, что скептухии в Вани и Саирхе прекращают свое существование после свержения Ахеменидов в конце IV в. до н. э.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что изделия иранского происхождения из Саирхе можно считать результатом политического влияния и культурно-религиозных связей между Ираном и Колхидой. Ахеменидские сатрапы отправляли драгоценные подарки своим верным союзникам – скептухам Колхиды. Частью таких даров являлись, по нашему мнению, высокохудожественные образцы иранской торевтики и золотые украшения из погребений Саирхе.

Брагвадзе, Церетели 1997 – *Брагвадзе З. Д., Церетели М. В.* Саирхе – культовый центр древней Колхиды // Археология. 1997. № 4. С. 128–133.

Брагвадзе 2009 – *Брагвадзе З.* Иран и Колхида в V–IV вв. до н. э. // Bulletin of the American-Georgian Institute of Biblical and Archaeological Studies. Тбилиси, 2009 (на груз. яз., резюме на англ. яз.).

Гвелесиани 2000 – *Гвелесиани М.* К вопросу бога Армази // Очерки Музея искусств Грузии. Тбилиси, 2000. Т. VI (на груз. яз., резюме на англ. яз.).

Инадзе 1995 – *Инадзе М.* Общество древней Колхиды. Тбилиси, 1995 (на груз. яз., резюме на англ. яз.).

Леонти Мровели 1955 – *Леонти Мровели.* История Царей. «Картлис Цховреба» («Житие Картли»). Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).

- Лордкипанидзе 1972 – *Лордкипанидзе О.* Городище Вани. Вани I. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).
- Лордкипанидзе 1989 – *Лордкипанидзе О.* Наследие Древней Грузии. Тбилиси, 1989.
- Махарадзе, Церетели 2007 – *Махарадзе Г., Церетели М.* Саирхе. Тбилиси, 2007 (на груз. яз., резюме на англ. яз.).
- Надирадзе 1990 – *Надирадзе Дж.* Саирхе – древний город Грузии. Тбилиси, 1990 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).
- Нариманишвили 1991 – *Нариманишвили Г.* Керамика Картли V–I вв. до н. э. Тбилиси, 1991.
- Сагинашвили, Гагошидзе 1973 – *Сагинашвили М., Гагошидзе Ю.* Фиала из Алгети // Вестник АН Грузии. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1973. № 4 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).
- Сагинашвили, Махарадзе 1999 – *Сагинашвили М., Махарадзе Г.* Стеклянная фиала ахеменидской эпохи из Саирхе // Очерки Музея искусств Грузии. Тбилиси, 1999. Т. V (на груз. яз., резюме на англ. яз.).
- Stronach 1978 – *Stronach D.* Pasagradae: A report on the excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxford, 1978.

Б. А. Раев (Ростов-на-Дону, Россия)

К интерпретации редких типов наконечников стрел из Новолабинского могильника

Погребальные и поминально-погребальные комплексы конца III–начала I в. до н. э., исследованные в грунтовом мог-ке 4 Новолабинского городища в 2003 г. (Раев, Беспалый 2006), хорошо известны специалистам. В 2011 г. работы на могильнике были продолжены, раскопано свыше 100 захоронений, большая часть из которых была разграблена в древности. О богатстве и разнообразии погребального инвентаря можно судить по уцелевшим захоронениям, а также по предметам и их обломкам, оставленным грабителями в могилах.

Самой многочисленной категорией инвентаря являются железные наконечники стрел, найденные во всех погребениях, в которых имелось какое-либо оружие. Железные трехгранные втульчатые наконечники стандартны и различаются только размерами, длина их – 3–6,5 см. Помимо них были найдены три чрезвычайно редких и даже уникальных типа. Два из них были обнаружены в погр. 26 (рис. 1, 1).

На дне ямы (погр. 26) лежали частично перекрывающие друг друга три конских скелета, два из которых были ориентированы черепами в одну сторону (рис. 1, 1: А–Б), а третий, нижний – в противоположную (рис. 1, 1: В). У задних конечностей верхних коней вытянуто на боку лежал скелет человека. Инвентарь – железные кольчатые удила – сопровождал только конские захоронения. С востока вплотную, на 0,2 м ниже, находились перемешанные кости второго скелета, между ними железные предметы – более 70 втульчатых трехлопастных наконечников стрел, нож и колокольчик от жезла с зооморфными протомами. Сам жезл, разломанный на три части, лежал частично под задними конечностями верхних коней. Вероятно, это погребение, к которому относился и скелет коня В, было разрушено при сооружении безынвентарного захоронения с двумя конями. В заполнении последнего найдены несколько костей конечностей лошади (от нижнего скелета?), а в стороне – бронзовое орнаментированное зеркало и пучок наконечников стрел которые, скорее всего, относились к разрушенному погребению (рис. 1, 1: 5–6).

В наборе было два вида наконечников стрел: пять железных трехгранных с короткими головками и круглыми черешками, два – целых и три извлечены частями (рис. 1, 2). Длина целых – 32 и 32,3 см, конец черешка одной из стрел раскован, на уплощенном конце снизу сделана серповидная выемка (рис. 1, 2д).

В Прикубанье железные наконечники стрел с длинными черешками, согласно сводке И. И. Марченко, найдены всего в пяти могилах, что составляет чуть более 1 % от учтенных автором памятников (Марченко 1996: № 156, 288, 302, 356, 367). Относительно стрел из двух последних могил известно, что они двусоставные: в железные трехлопастные втульчатые наконечники

вставлены железные черешки (Марченко 1984: 38, 50, рис. 1, 13; 4, 4). Составные или цельнометаллические стрелы были в трех других комплексах – непонятно, поскольку в типологии не отражена конструкция стрел. Кубанские погребения подкурганые, И. И. Марченко связывает их с кочевниками-сираками. В грунтовых могильниках кубанских городищ наконечники стрел такого необычного типа до сих пор найдены не были.

Железные стрелы с длинными круглыми в сечении черешками известны в савроматских памятниках Южного Приуралья и Поволжья рубежа IV–III вв. до н. э. Форма головки копирует характерные для этого времени бронзовые трехгранные наконечники, что, по мнению К. Ф. Смирнова, свидетельствует об их местном производстве (Смирнов 1961: 64, рис. 40, 14). Трехлопастные стрелы с железными черешками есть в курганах III–II вв. до н. э. в Башкирии и Поволжье (Мошкова 1963: 32, табл. 17, 48–49, 62–64). К востоку от Волги такие стрелы позднее II в. до н. э. неизвестны.

Вероятными прототипами стрел с железными черешками К. Ф. Смирнов считал стрелы V–III вв. до н. э., найденные в Китае. Они отличаются от Новолабинских тем, что черешки у них короче, и стрела двусоставная: в бронзовые трехгранные или трехлопастные втульчатые головки вставлены железные стержни. Китайские аналогии подобному оружию можно значительно расширить (ср., напр., Симоненко 1989: 64), такие стрелы есть в памятниках сюнну II–I вв. до н. э. (Давыдова 1995: табл. 29, 4). В погребальном сооружении 10 в Ханалы на северо-западе Туркмении были найдены не составные, а цельные железные стрелы с длинными черешками (Вайнберг, Юсупов 1992: 127, табл. 50, XVII). Китайские и другие восточные наконечники с черешками длиной более 15–20 см и дополнительными элементами в конструкции стержня (ср. наконечник из Бань-по, мог. 86/2: Цзинь Сюешань 1957: 71, рис.) являются арбалетными болтами (Симоненко 1989: 64). Их появлением отмечено изобретение арбалета, а наконечники со вставными стержнями длиной 5–7 см, вероятно, использовали при стрельбе из лука, и у них железный стержень служил для скрепления наконечника с тростниковым древком (Мошкова 1963: 32).

Наряду с железными наконечниками известны цельнодеревянные стрелы, у которых наконечник и древко вырезаны из одного куска дерева. Пять таких стрел длиной 40 см были найдены в катакомбном погр. 4 кург. 5 у сел. Владимировка в степном Крыму (Колотухин 2000: 14, рис. 6, 9–10). У всех стрел нижний конец древка оформлен ушком для тетивы: четыре – с трехгранными наконечниками, одна – с наконечником листовидной формы. Четыре целых и три-четыре фрагментированных деревянных наконечника (из них два двухлопастные) найдены в погр. 9 кург. 5 у сел. Григорьевка в наборе с 97 бронзовыми наконечниками с остатками деревянных древков (Там же: 36, рис. 22, 3–4). Затрудняясь понять из-за плохой сохранности, к каким стрелам относились древки, автор считает, что здесь также были цельнодеревянные стрелы. В. С. Ольховский предположил, что подобные стрелы использовали как «учебные модели», как охотничьи стрелы, либо в качестве вотивов (Ольховский 2004: 89). Остановлюсь подробнее на последнем предположении.

Стрелы, типа новолабинских, вряд ли использовали практически: баллистические качества тонкого железного стержня с утолщением на одном конце не дадут такой стреле пролететь сколь-нибудь долго. Баллистика деревянной стрелы, выпущенной из лука, известна любому, кто когда-либо делал и использовал подобное «оружие» в детских играх. Удивляет небольшое количество подобных стрел в наборе. В отличие от обычных стрел, которые в колчанах хранятся десятками, количество цельнометаллических и цельнодеревянных стрел с длинными черешками не превышает 5–10 экз. Видимо, они были предназначены для каких-то иных целей.

Наборы по пять стрел с длинными черешками из Новолабинского погр. 26 (2011) и Владимировского кург. 5, погр. 4 удивительно совпадает с количеством стрел, которые были переданы скифскими царями Дарию [Herod. IV, 131]. К сожалению, количество стрел в других случаях авторами раскопок и публикаций не отмечено. Вкладывался ли какой-то смысл в то, что стрел было именно пять, сказать трудно, но то, что они играли в погребальной церемонии определенную роль и сопровождают особые могилы – несомненно.

Роль наконечников стрел, как показателя богатства погребений катакомбной культуры, обосновал Л. С. Клейн в одной из своих лучших, по моему мнению, и незаслуженно забытых статей (Klejn 1967). В рассматриваемом случае говорить о богатстве погребения не приходится, как и о богатстве погребенных в других могилах с подобными наконечниками. Необычные наконечники символизируют здесь не богатство, а, возможно, какие-то священные свойства, связанные со стрелой.

В верованиях первобытных народов стрела обладала весомым сакральным смыслом. Лук и стрела были инструментом шамана до того, как их заменил бубен (Потапов 1934: 71), а иногда использовались вплоть до нового времени (Радлов 1989: 212). У алтайских народов до недавнего времени существовало представление о бубне как о луке, с помощью которого сражаются с духами. Одна из перекладин рукояти бубна носила название «тетива», а железные подвески на ней обозначались термином «стрела». При камлании бубен символизирует лук, и шаман поражает стрелами из него злых духов (Потапов 1991: 161, 164). В прошлом, согласно С. В. Иванову, шаман действительно был вооружен, и даже носил доспехи, которые со временем трансформировались в отдельные его части, пришиваемые к одежде кама (Иванов 1978: 136 сл.). Исследователи отмечали особую роль стрелы в сказках и преданиях именно восточных народов (Веселовский 1921: 74–76).

Стрела и лук являлись также символом верховной власти, чему посвящены специальные работы Я. Харматты (Harmatta 1951) и Д. Ласло (László 1951). В первой автор приводит многочисленные примеры из истории тюркских народов, у которых слово «стрела» приравнено слову «род». Тюрки вручали колчан со стрелами как символ власти главе военного отряда, лук во время торжественных церемоний был знаком ханского достоинства (Harmatta 1951: 118, 121–124). Происхождение царской власти у тюрков связано с легендарным ханом Огузом, зарывшим в землю золотой лук и три серебряных стрелы, которые впоследствии были найдены его детьми, основателями династий (Ibid.: 131). Д. Ласло приводит археологические факты, иллюстрирующие роль лука и стрелы в гуннских и аварских погребениях (László 1951: 100 сл.).

Аналогичную роль играли лук и стрелы в мифологии иранских народов. Достаточно вспомнить скифскую легенду о происхождении царской власти: натянуть заветный лук отца смог Скиф, который и стал царем Скифии [Herod. IV, 9–10]. Молитвы, обращенные к стреле в Ригведе (VI, 75), свидетельствуют об обожествлении этого оружия с глубокой древности (Harmatta 1951: 114–116). У луров Ирана до настоящего времени словом «стрела» обозначается отдельный племенной род (Ibid.: 118).

Вернемся к набору стрел из новолабинского погр. 26 (2011). В тот же набор входили шесть костяных втульчатых наконечников пулевидной формы длиной 1,3–3,7 см. В двух из них сохранились обломки железных стержней, длина наконечников со стержнями 5,5 см и 8,5 см (рис. 1, 3). На стержнях имеются следы дерева от древков. Стрелы, в которых костяные наконечники насажены на железные стержни, мне не известны. Конструктивно они аналогичны перечисленным выше двусоставным наконечникам с железными стержнями и бронзовыми головками. Кость, из которой изготовлены головки новолабинских стрел, является общедоступным материалом, обработка которого возможна в домашних условиях. У двусоставного наконечника с костяной головкой массивные железные стержни не только служили для скрепления его с древком, но и утяжеляли его. Практическое использование костяных наконечников с железными черешками было ограниченным и вряд ли боевым: при столкновении с серьезным препятствием железный черешок, скорее всего, разломает такой наконечник.

Жезлы, подобные найденному в новолабинском погребении, обычно связываются с исполнением жреческих (шаманских? – Б. Р.) функций. Считается, что они сопровождают захоронения кочевых вождей, обладающих, в т. ч. сакральной властью (Шевченко 2006: 151). Сочетание жезла, длинных стрел, стрел с костяными наконечниками и набора обычных стрел в погр. 26 из некрополя Новолабинского городища, позволяет предполагать захоронение в нем представителя может быть и не высшей власти, но какой-то специфической социальной группы.

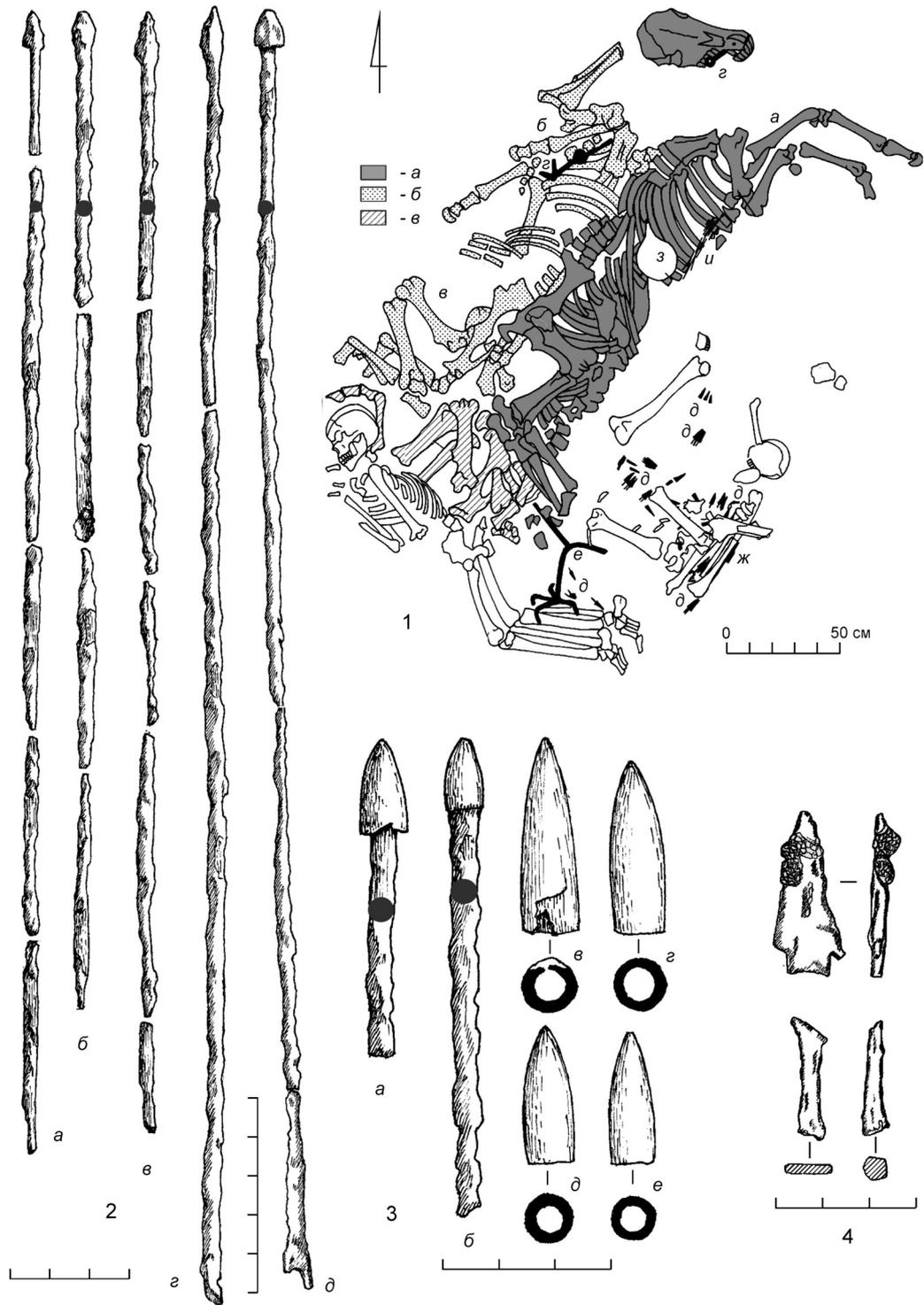

Рис. 1. Новолабинский мог-к

1–3 – погр. 26 (1 – план: *a–e* – конские скелеты, *z* – удила, *д* – железные наконечники стрел, *e* – жезл, *ж* – железный нож, *z* – бронзовое орнаментированное зеркало, *u* – пучок наконечников стрел); 2 – железные наконечники стрел; 3 – костяные наконечники стрел с железными стержнями); 4 – погр. 89, железный наконечник стрелы с остатками губчатого вещества позвонка, пропитанного окислами железа

По мнению И. И. Марченко, датировка погребений с железными трехгранными наконечниками стрел с длинными черешками второй четвертью II в. до н. э. дает основания отказаться от устоявшегося мнения о появлении черешковых наконечников стрел в Прикубанье и на Северном Кавказе в I в. н. э. (Марченко 1996: 65). В силу специфики стрел с длинными черешками их вряд ли можно считать корректным аргументом для подобного вывода.

Еще более редкий тип представляет наконечник, найденный в погр. 89 рассматриваемого Новолабинского мог-ка. Его плоское перо вытянутой треугольной формы с оттянутыми вниз шипами (сохранился один) переходит в широкий, плоский, затем округлый в сечении черешок, расширяющийся книзу. Общая длина фрагментов – 6 см (рис. 1, 4). Наконечник сохранился не полностью, восстановить его нижнюю часть невозможно, вероятно, она имела форму втулки. Аналогии такому оружию мне не известны.

Форма пера аналогична очень редким наконечникам с плоскими треугольными головками и плоским длинным черешком, заканчивающимся серповидным отростком, которые в конце IV–III в. до н. э. появляются в Поволжье. К. Ф. Смирнов считал, что моделью для сарматских стрел послужили наконечники из Мастюгинских курганов на Среднем Дону (Смирнов 1961: 62, рис. 40, 15–18). М. Г. Мошкова выделила такие наконечники во 2 тип отдела I черешковых наконечников стрел, посчитав маловероятным, чтобы мастюгинские стрелы послужили прототипами для нижневожских (Мошкова 1963: 31–32). Возможно, на таком ограниченном материале трудно выявить хронологическую последовательность наконечников и построить эволюционный ряд. В любом случае, не менее важным, чем серповидная форма черешка, является форма пера, а она ближе всего к костяным наконечникам из кург. 1, погр. 4 у сел. Джангала в Западном Казахстане (Синицын 1956: 118, табл. II, 3). Вместе с железными наконечниками такого типа из юго-западного Прикаспия, через который проходили пути кочевников из Центральной Азии в восточноевропейские степи (ср. Petrie 1974: 35, pl. XLI, 111), джангальские находки говорят о восточном (центральноазиатском?), происхождении подобных стрел.

Ф. Петри назвал тип наконечника с серповидным завершением черешка «очень странным». По его мнению, шипы на черешке избыточны: на головке пара шипов уже есть, а для привязывания наконечника к древку концы их слишком растянуты в стороны и длинны, единственным их предназначением автор счел затруднение извлечения запутавшейся в одежде стрелы (Ibid.: 35). Полагаю, что малочисленность подобных наконечников может свидетельствовать о не боевом, а ритуальном их использовании. Необычное место расположения стрел в погребении из Джангалы – на пальцах левой руки, также их и количество (пять экз.!), совпадающее с количеством стрел с длинными черешками в наборах из Новолабинской и Владимировки, как будто подтверждают эту гипотезу.

В инвентаре погребений Новолабинского мог-ка очень много общего с инвентарем среднедонских курганов скифского времени, а наконечник из погр. 89 по форме пера ближе всего к наконечникам из Мастюгинских кург. (Макаренко 1911: 53, рис. 59, 2, 8). Он был найден застрявшим в шейном позвонке погребенного, и вне всяких сомнений стал причиной его смерти, что свидетельствует о возможности не только ритуального, но и практического применения подобных стрел.

Вайнберг, Юсупов 1992 – *Вайнберг Б. И., Юсупов Х. Ю.* Кочевники северо-западной Туркмении // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М., 1992. С. 122–129 (Археология СССР).

Веселовский 1921 – *Веселовский Н. И.* Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // *ЗВОРАО.* СПб, 1921. Т. 25. 1917–1920. С. 273–292.

Давыдова 1995 – *Давыдова А. В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб, 1995.

Иванов 1978 – *Иванов С. В.* Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // *Этнография народов Алтая и Западной Сибири.* Новосибирск, 1978. С. 136–168.

Колотухин 2000 – *Колотухин В. А.* Киммерийцы и скифы Степного Крыма (подкурганые погребения Степного Крыма начала железного века). Симферополь, 2000.

Макаренко 1911 – *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907–1909 годов. I. 2. с. Мастюгино Коротоякского уезда // *Изв. ИАК.* 1911. Вып. 43. С. 47–76.

- Марченко 1984 – *Марченко И. И.* Впускные сарматские погребения Кубани // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 37–71.
- Марченко 1996 – *Марченко И. И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Мошкова 1963 – *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. М., 1963 (САИ. Вып. Д1–10).
- Ольховский 2004 – *Ольховский В. С.* Хозяйство и материальная культура культуры скифов Крыма (кон. VII–IV вв. до н. э.) // У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь, 2004. С. 79–99.
- Потапов 1934 – *Потапов Л. П.* Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // СЭ. 1934. № 3. С. 64–76.
- Потапов 1991 – *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991.
- Раев, Беспалый 2006 – *Раев Б. А., Беспалый Г. Е.* Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону, 2006.
- Радлов 1989 – *Радлов В. В.* Из Сибири (страницы дневника). М., 1989.
- Симоненко 1989 – *Симоненко А. В.* Импортное оружие у сарматов // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989. С. 56–73.
- Синицын 1956 – *Синицын И. В.* Археологические исследования в Западном Казахстане (1948–1950 гг.) // Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1956. Т. I. С. 87–136.
- Смирнов 1961 – *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА. № 101).
- Шевченко 2006 – *Шевченко Н. Ф.* «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. 2006. № 1. С. 141–154.
- Цзинь Сюешань 1957 – *Цзинь Сюешань.* Кладбище эпохи Воюющих царств в Бань-по, Сиань // Каогу хуебао. 1957. № 17. С. 63–92 (на кит. яз.).
- Harmatta 1951 – *Harmatta J.* The Golden Bow of the Huns // ААН. 1951. Т. I, Fasc. 1–2. P. 107–151.
- Klejn 1967 – *Klejn L. S.* Reiche Katakombengräber // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 1967. Jg. 8, Nr. 4. S. 210–234.
- László 1951 – *László Gy.* The Significance of the Hun Golden Bow // ААН. 1951. Т. I, Fasc. 1–2. P. 91–106.
- Petrie 1974 – *Petrie W. M.* Flinders. Tools and Weapons. Warminster, 1974.

S. Sadowski (Lublin, Poland)

New perspectives in the research of Sarmatian edged weapon on the example of swords and daggers with a ring-shaped pommel⁸⁰

The culture of the Sarmatians, who in ancient times were occupying Euroasian steppes, is characterized by an amazingly strong warlike spirit. The belligerence of these people was emphasized more than once in ancient written works. The material evidence of it is the amount of the arms unearthed in Sarmatian burials. A prominent place is occupied by swords and daggers, which in nomadic subculture were not only used for practical purposes, as a part of armament, but also symbolic, constituting a representation of social status.

The literature concerning the issue of Sarmatian swords and daggers is remarkably ample, beginning with classical sources (e. g. Ginters 1928), through attempts at a monographic outlook (Хазанов 1971), to modern studies summing up the state of knowledge and formulating research conclusions, adapted to the modern view of the development of the steppe cultures (e. g. Симоненко 2009: 13–69; Скрипкин 1990: 117–133). In spite of the abundance of studies, the state of the research can be deemed as unsatisfactory, as up till now the conclusions focus only on theses connected to the origin, chronology and spreading of certain forms of swords and daggers, similar in two aspects – the shape and the construction of their hilt. Apart from occasional observations on differences in chronology of some of the forms of the pommel, in “Sarmatian” archaeology strict typological studies are not conducted. As a consequence, there is a lack of advanced research on chronology and spreading of certain weapons.

⁸⁰ Translated by M. Ryzek.

The perspective of the development of research on Sarmatian edged weapon is connected to the possibility of development its typology based on the analysis of the variation of metric-morphologic attributes, constituting the basis in the research of, for instance, Roman or Germanic swords (e. g. Biborski 1978; Biborski, Ilkjær 2006; Miks 2007). It is, of course, difficult to assume that to achieve this goal we can implement the methodological bases of any Roman-Germanic typology to “Sarmatian ground”. It is impossible most of all because of a much broader influence and innovations shaping the features of Sarmatian weapons, as well as a grossly different time and chronological boundaries of its occurrence, as compared with weapons from Imperium Romanum and Germania areas. It seems, however, that following the example of the latter, when choosing certain classificatory aspects, it is possible to grasp a short-term and less-widely spread changes occurring in the evolution of arms. It would ultimately allow a closer analysis of the directions in which certain forms spread, as well as the changes in the manner of fighting of the nomads.

A major issue is the choice and the establishment of a hierarchy of the criteria laying at the basis of classification, which should be based on analyzing mutual occurrence of descriptive (morphological) and metric features of the arms and, as a consequence, lead to a determination of basic units, that is types constituting a tight group characterised by almost identical or similar set of attributes. The best solution seems to be merging the typological conclusions reached so far, relating to Sarmatian edged weapons, with the broadening of analysis by varying morphologic and metric characteristics of the blade.

The starting point to creating a new typology may be constituted by esteemed in literature classifications by A. S. Skripkin (Скрипкин 1990: 117–133) and A. M. Khazanov (Хазанов 1971: 5–27). After a minor adjustment, from the full set of Sarmatian edged weapon a “working” division into seven groups of swords and daggers emerges (fig. 1). On lower levels of classification, inside the groups, we can distinguish subgroups (based on the shape of the blade), and further within them – types (metric traits of the shape of the blade – mainly length and proportions – being the basis of division). The general sketch of a detailed classification, as well as its analytical and interpretative potential, will be presented on the example of items with a ring-shaped pommel, which in the typology suggested above was included in group II.

Swords and daggers with a ring-shaped pommel (in literature often referred to as Ringknaufschwert), between the 3rd c. BC and the beginning of the 3rd c. AD spread from the British Isles to Central Asia, and from southern Scandinavia to the Persian Gulf (Sadowski 2004; Садовский 2006). Currently over 750 items from over 400 archaeological sites are known. The area of their occurrence is in general divided into three main zones: 1. the Euroasian steppes occupied by Sarmatian tribes, and lands dependent to them in terms of culture and politics (e. g. the area of the Late Scythian Culture, the Bosporan Kingdom and the North Caucasus); 2. the provinces of the Roman Empire and the German Barbaricum; 3. the Near East dominated by Parthia and the South Caucasus with local cultures of Georgia and Azerbaijan.

The most numerous findings of swords and daggers with hilts in this shape occurred in the zone connected to Sarmatian influence (over 600 finds from over 300 sites – mainly kurgan cemeteries – were catalogued). Their range of occurrence spreads from the Great Hungarian Plain to Central Asia. The most numerous finds were noted in the basin of the Volga and the Don. A smaller number was registered in Bashkortostan, in the basin of the Ural river, in the North Caucasus and Ukraine. Their number is definitely smaller in Moldova, in eastern Romania and Hungary. The residue of Sarmatian influence in Central Asia are singular items from Turkmenistan and Uzbekistan (fig. 2, 1).

The discussed type of arms, in Sarmatian inventories, appeared in the Prokhorov period, not earlier than by the end of the 3rd c. BC. It disappeared at the beginning of the 3rd c. AD in the Late Sarmatian period. A vast majority of finds is dated to the Middle Sarmatian period (1st–first half of the 2nd c. AD), when swords of this kind were the most popular form of nomadic arms.

Sarmatian Ringknaufschwerten are vastly diversified metrically and morphologically. The total length of swords falls between 25 and 133 cm, while most do not exceed 45 cm. Shape-wise the blade can

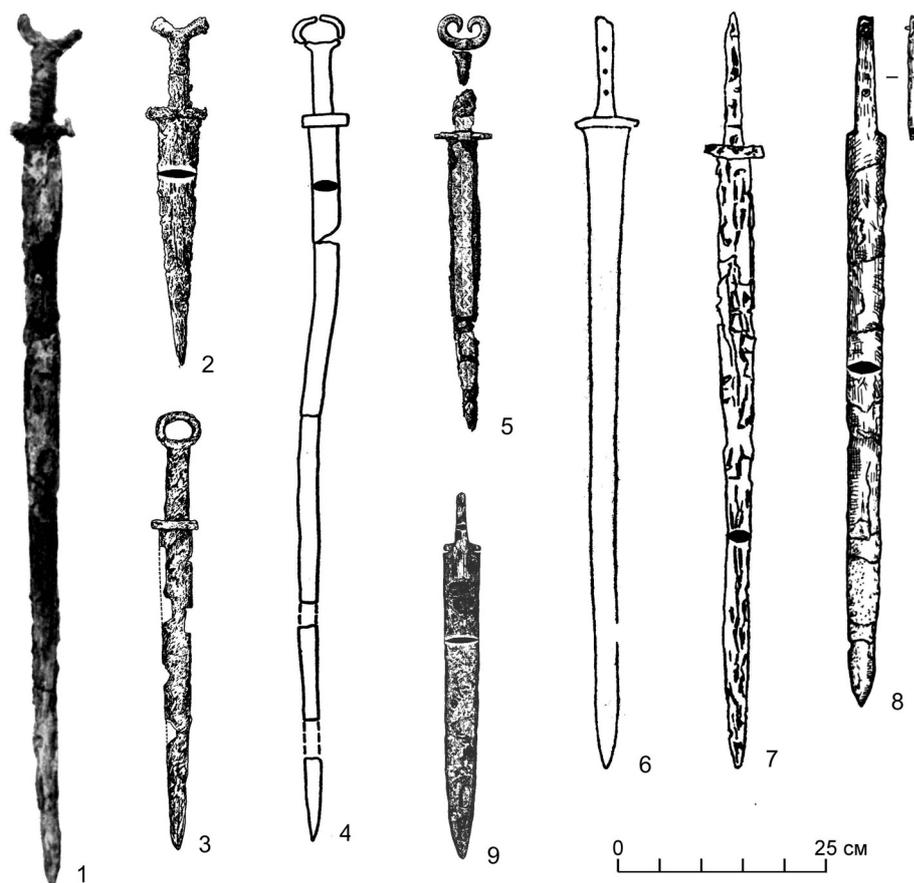

Fig. 1. Proposed group classification of Sarmatian swords and daggers: group I (1 – Kara-Oba, 11/2; 2 – Kalinovka, 19/17); group II (3 – Čerebaevo, 5/1; 4 – Rybnyj, 3/12); group III (5 – Baranovka, 17/1); group IV (6 – Žutovo, 27/4); group V (7 – Aksaj I, 6/1); group VI (8 – Kobjakovo, 6/1), group VII (9 – Družnoe, grave 87)

be divided into four subgroups, and within them there are all of 36 types of swords' and daggers' types based on the metric characteristics of the blade (dimensions and proportions).⁸¹ The first three subgroups consist of double-edged items. Subgroup I consists of simple forms of blades, shaped like a greatly elongated isosceles triangle, without a distinct point (44 items grouped in 8 types were classified here – fig. 4, 1–3). Subgroup II consists of 131 pieces of swords and daggers (14 types) with blades with edges gradually narrowing from grip hilt towards a more or less prominent point (fig. 4, 4–7). Subgroup III contains pieces with blades characterized by the parallel line of edges (at least 2/3 of its length), usually ended with arched cut point (154 items divided into 13 types – fig. 4, 8–12). Blades from subgroup II fall in between subgroups I and III. Subgroup IV comprises of only one piece of a single-edged sword, extremely rare among the Sarmatians (fig. 4, 13).

The mentioned subgroups and types underwent a chronological analysis, for which the starting point was a correlation of occurrence of swords and daggers in grave assemblages with relatively precisely-dated pieces of equipment (e. g. mirrors, ornaments, belt fittings, cauldrons, elements of horse tack, imports).

The conclusions from this kind of multi-aspect analysis of both the subgroup II separately, as well as its subgroups and types, are illustrated by specific examples.

While defining the chronology of the described weapon (without taking into consideration the division into subgroups and types), in the subsequent periods of the Sarmatian culture we could observe a tendency to shift their area of occurrence from east to west and south (fig. 2, 2). The oldest pieces, dated to the Prokhorov period, dominated in the eastern part of Sarmatia, with a definite majority of finds from

⁸¹ Due to the limited size of the article it was impossible to present the full bases of the typology. This subject will be presented in more detail in a monograph that is currently being prepared.

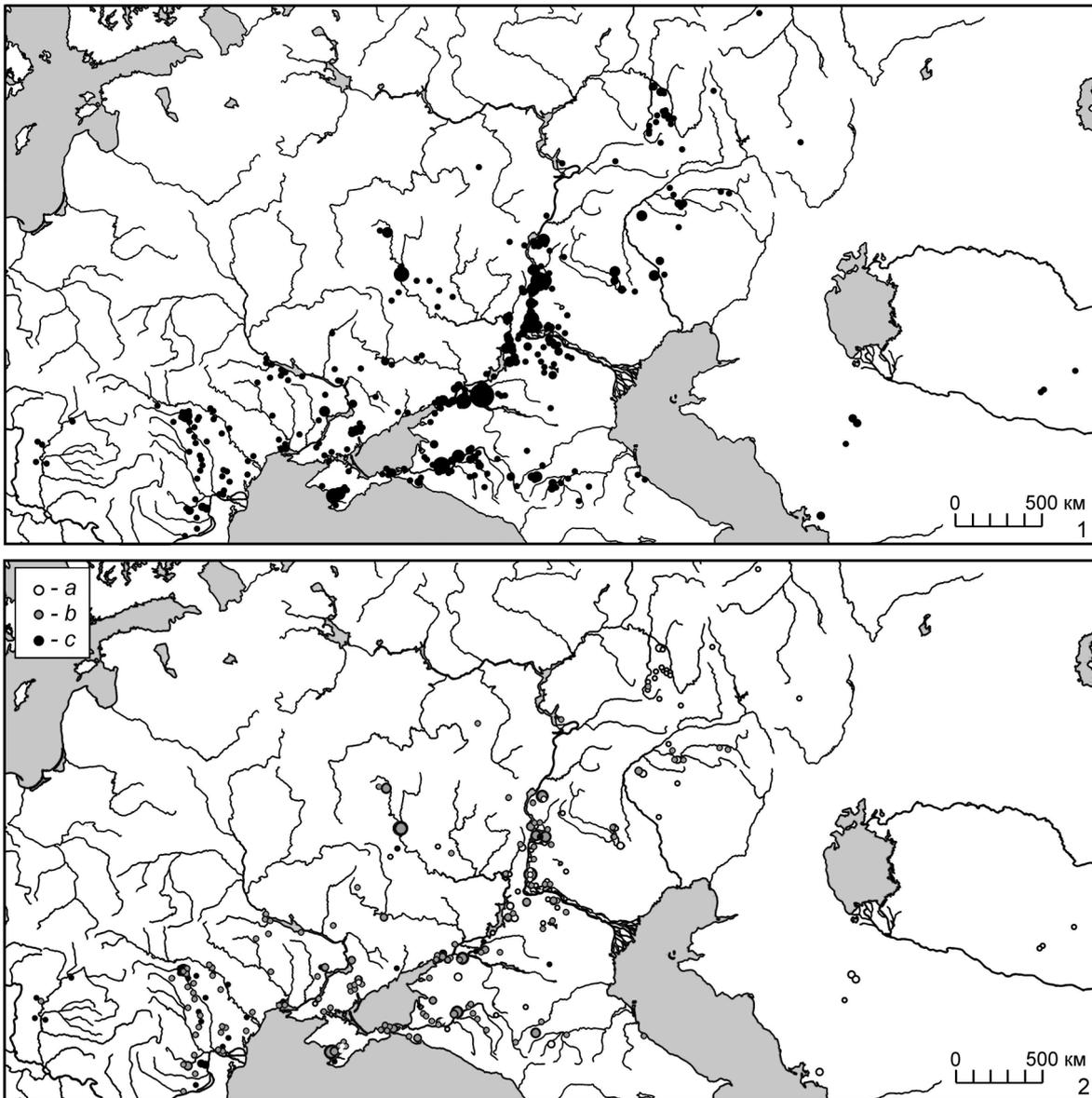

Fig 2

- 1 – the range of occurrence of Sarmatian swords and daggers with a ring-shaped pommel.
 2 – distribution of Sarmatian swords and daggers of group II in individual chronological periods:
a – the Prokhorov period (3rd/2nd – 1st c. BC);
b – the Middle Sarmatian period (1st–first half of the 2nd c. AD);
c – the beginning of the Late Sarmatian period (second half of the 2nd–first half of the 3rd c. AD)

the Volga and the Ural rivers area. In the Middle Sarmatian period, swords and daggers from this group majored in the basin of the Volga and the Don. However, at the beginning of the Late Sarmatian period they appeared virtually only in the western zone of the steppe.

While analyzing the spatial range with the division into three main subgroups (fig. 3, 1), subsequent differences are apparent. Items from subgroup I spread equally on the area from the south Ural to the basin of the Dniester. On the other hand, the territorial division between subgroups II and III clearly shows that the domain of the former were most of all the areas between the Ural basin and the Don, while to the west of the Volga and the Don the items from the latter subgroup are dominant.

Important conclusions transpire from analyzing the territorial spreading of the subgroups and types in the context of their chronology. An interesting example is the range of the oldest finds of swords and daggers, which interestingly enough, have all the shapes of blade from subgroup I (fig. 3, 2, *a*; 4, 14–20).

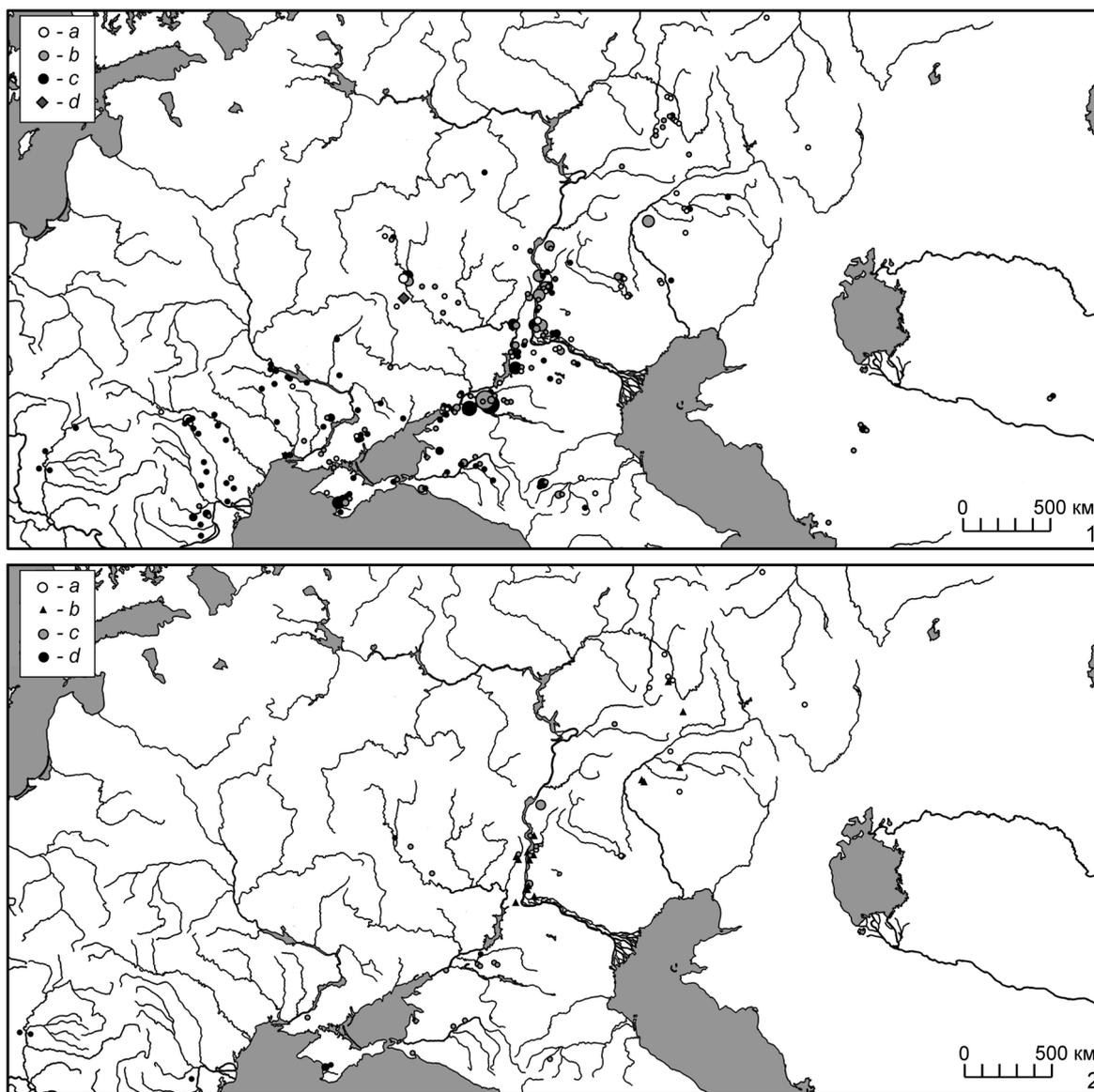

Fig 3

1 – distribution of marked subgroups of Sarmatian swords and daggers of group II:

a – subgroup I; *b* – subgroup II; *c* – subgroup III; *d* – subgroup IV.

2 – distribution of selected types of Sarmatian swords and daggers of group II:

a – the oldest specimens of group II/subgroup I; *b* – long swords: subgroup II/types 1–14 & subgroup III/type 13;

c – subgroup II/type 8; *d* – subgroup III/type 8

It spreads to the east of the Volga, mainly in the basin of the Ural river, in Bashkortostan, as well as to the east of the Southern Urals.

A similarly narrow territorial and chronological reach is shared by long swords, longer than 100 cm, classified as types 11–14 in subgroup II and type 13 in subgroup III. They are dated only to the Prokhorov period and they appeared almost exclusively in the area to the east of the basin of the Volga (fig. 3, 2, *b*).

Similar examples may be multiplied. One of the most numerous in classification – type 8 in subgroup II occurred mostly in the central part of Sarmatia, in the basin of the Volga and the Don (fig. 3, 2, *c*; 4, 21–24). Its dating is also slightly narrowed down in comparison to the chronology of the whole group of analyzed weapon and is contained within the period from the younger stage of the Prokhorov period to the Middle Sarmatian age.

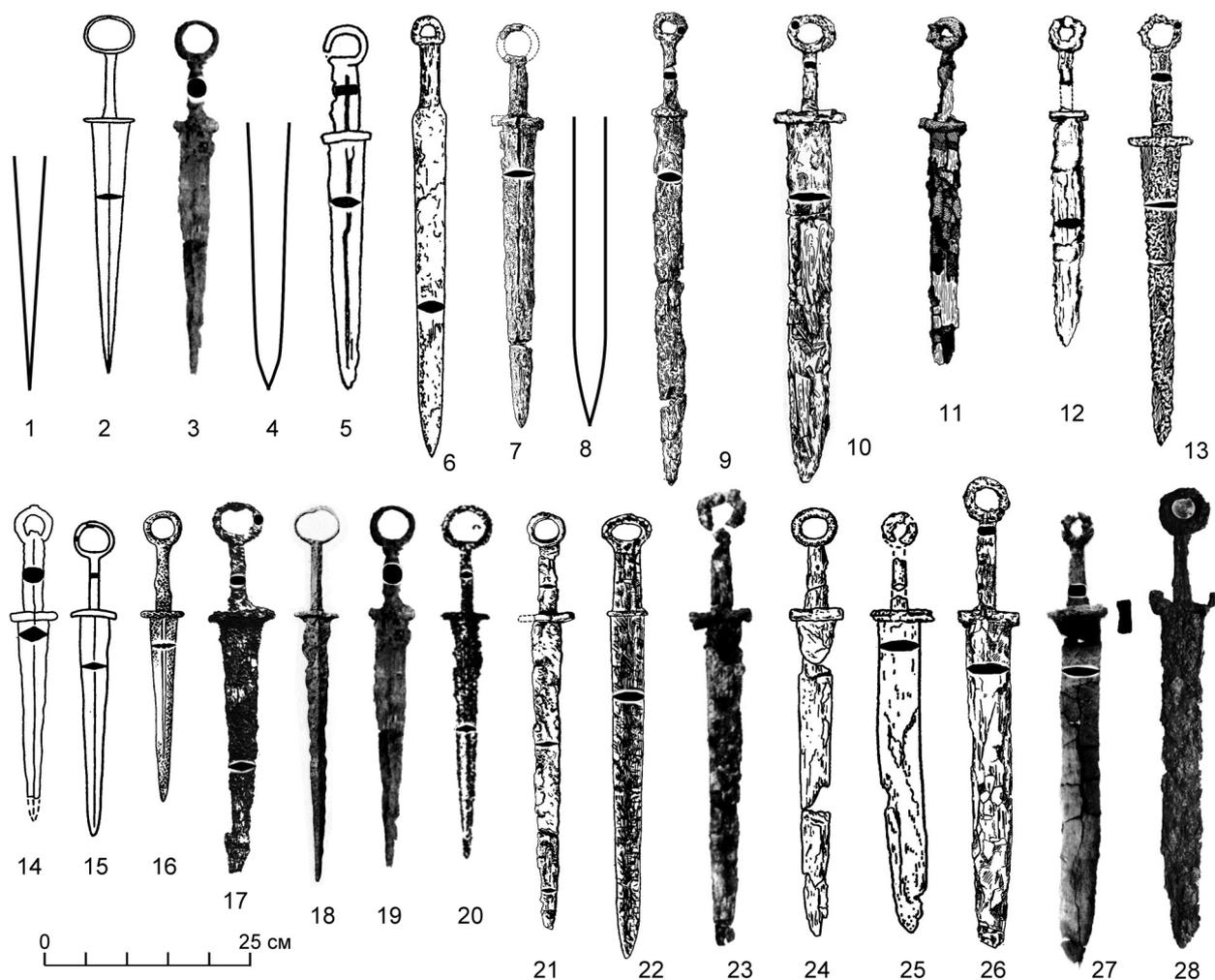

Fig. 4

1–13 – division of group II of Sarmatian swords and daggers into subgroups:

1–3 – subgroup I (2 – Serikovo; 3 – Kara-Oba, 11/2); 4–7 – subgroup II (5 – Pervomajskij VII, 16/2;

6 – Ozerskij III, 4/1; 7 – Kalinovka, 19/20); 8–12 – subgroup III (9 – Kalinovka, 34/1;

10 – Ust'-Al'ma, grave 612/1; 11 – Újszilvás-Gólyajárás; 12 – Căzănești); 13 – subgroup IV (Rep'jovka).

14–28 – selected examples of types of swords and daggers of group II:

14–20 – the oldest specimens of group II/subgroup I/type 2 (1–3), type 3 (4), type 4 (5–7) (14 – Segizsay, VII 16/8;

15 – Talačevo; 16 – Bišaul-Ungar, 2/1; 17 – Berežnovka, South Group, 2/11; 18 – Čumljak; 19 – Kara-Oba, 11/2;

20 – Berezovka); 21–24 – subgroup II/type 8 (21 – Cemdolina, grave 9; 22 – Kalinovka, 14/1; 23 – Berežnovka II,

66/1; 24 – Kazanskaja, 32/1); 25–28 – subgroup III/type 8 (25 – Central'nyj VI, 16/8; 26 – Ust'-Al'ma, grave 612/3;

27 – Lișcoteanca-Movila Oralului, grave 7; 28 – Szentes-Kistőke, grave 143)

In case of most of the described types, we may assume that the process of their creation took place in the zone of the basin of the Volga, the Don and the Ural. A slightly different situation was observed in case of the type 8 in subgroup III, which occurred only to the west of the Volga (fig. 3, 2, d; 4, 25–28). The supposed area of its formation were areas around the northeast part of the Black Sea coast. Quite accurately it can be dated between the second half of the 1st c. AD and the turn of the 2nd/3rd c. AD.

One of the results of the conducted chronological and territorial spread analysis was determining the time sequence of the moment of forming the subgroups distinguished in the typology.

The oldest one – subgroup I was formed not later than in the 2nd c. BC to the east of the Volga and in the basin of the Ural. Later on, it spread to the west and south, gradually disappearing in the Asian part of Sarmatia. A slightly newer subgroup II was formed in the developed phase of the Prokhorov period

within the Lower Volga, from where it spread further south in the direction of the Caucasus and to the west into the basin of the Dnieper river and to the Crimea, as well as to the lower Danube. Supposedly, from the Volga or the basin of the Ural it reached also Central Asia.

The latest form, in the youngest phase of the Prokhorov period, was subgroup III, which maximum range fell to the Early Sarmatian period. By then, its forming was happening not only on the Volga areas, but most of all at the lower Don. In comparison to subgroups I and II, its presence is more apparent in the European part of Sarmatia, most of all to the west of the Dnieper river. The limited spread of this subgroup on the steppes to the east of the Volga is in parallel with a process of gradual disappearing of the tradition of the Early and Middle Sarmatian culture with the coming of the new wave of the nomads connected to the Late Sarmatian period.

On the current level of the recognition of typological variations of Sarmatian swords and daggers with the ring-shaped pommel, we can formulate the following research conclusions that are at least partly adequate to other groups of edged weapon of these nomads.

A vast amount of possible to distinguished types in the boundaries of just one group of arms shows a far reaching individualism of the nomads and personalization of the parameters of the weapons. It is not adequate to the situation observed in the settled people (e. g. the area of the Roman Empire), where this type of creation bore the marks of almost mass manufacturing.

Seeming long functioning of afore mentioned groups is at least partly connected to the Sarmatian conservatism. The fact that we are dealing with mobile nomadic people is also significant. Dating one typological form in one of the Sarmatian areas does not signify that it is the same in other areas. It should be taken into consideration that the chronology of nomadic finds could “move” together with migrating nomads. To a large extent it reveals the directions of spreading of the Sarmatian culture, and probably certain peoples known from ancient written sources creating the Sarmatian cultural circle. Grasping the rules of these interrelations may in the future provide us with the answer to a number of questions connected to the Sarmatian expansion.

The case study presented above indicates the necessity of undertaking a detailed typological research of various nomadic finds. The presented example proves that it is possible to stretch the conclusions to other groups of nomadic edged weapon.

- Садовский 2006 – *Садовский С.* Мечи и кинжалы с кольцевым навершием рукояти // Боспорские чтения. Керчь, 2006. № 7. С. 254–255.
- Симоненко 2009 – *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб, 2009.
- Скрипкин 1990 – *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия (проблемы хронологии и ее исторический аспект). Саратов, 1990.
- Хазанов 1971 – *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Biborski 1978 – *Biborski M.* Miecze z okresu wpływów rzymskich na obszarze kultury przeworskiej // Materiały Archeologiczne. Kraków, 1978. Vol. XVIII. S. 53–183.
- Biborski 1994 – *Biborski M.* Typologie und Chronologie der Ringknaufschwerter // Markomannenkriege: Ursachen und Wirkungen. Brno, 1994. S. 85–97.
- Biborski, Ilkjær 2006 – *Biborski M., Ilkjær J.* Illerup Ådal. Vol. 11–12: Die Schwerter. Århus, 2006.
- Ginters 1928 – *Ginters W.* Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.
- Miks 2007 – *Miks Ch.* Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Rahden, 2007.
- Sadowski 2004 – *Sadowski S.* Miecz z grobu 8 z cmentarzyska Zvenyhorod – «Hoeva Hora» na Ukrainie. Przyczynek do badań nad rozprzestrzenieniem się mieczy z pierścieniowatym zakończeniem rękojeści // Sarmaci i Germanie. Lublin, 2004. S. 265–288.

Центральная Азия и миграционные процессы в Европейской Сарматии на рубеже эр: возможность исторических интерпретаций

На рубеже эр (II в. до н. э. – II в. н. э.) в обширном регионе от Урала до Северного Причерноморья происходят значительные изменения в облике сарматской культуры, которые обычно связываются с передвижениями кочевого населения в Центральной Азии (Раев 1985; 1989: 116; Раев 1986: 58–63; Скрипкин 1990: 214–222; 1997: 23–36, 99; 2000; Таиров 2004; Боталов 2003). В Северном Причерноморье появляются сарматские комплексы, связанные происхождением с Центральной Азией (Срединной Азией по М. И. Ростовцеву), в которых впервые встречены предметы, изготовленные в «сарматском зверином стиле». По мнению исследователей, которые следуют идеям М. И. Ростовцева (Ростовцев 1993: 43–44), эта новая волна является следствием событий, связанных с падением Греко-Бактрии, захватом ее ок. 130–120 гг. до н. э. юечжами, тохарами, асиями и пасианами и уходом части этих или других кочевников (тохаров и сатархов) на запад (Десятчиков 1973: 143; Скрипкин 1990: 192–193; Шукин 1994: 140; Мордвинцева 2003: 76). Представляется, что не менее важными событиями, приведшими к изменению этнокультурной ситуации в обширном регионе Причерноморья можно считать образование на северных и северо-западных границах Западной Хань мощной кочевой державы сюнну (хунну) и военную экспансию сюнну в сторону Западного края (Восточного Туркестана), которая привела к миграциям на запад такие народы как юечжи, усунь и др.

Можно выделить два блока сведений письменных источников, которые могут помочь объяснить нам те изменения, которые уловимы на уровне появления инноваций в раннесарматской и среднесарматской культурах.

Для *раннесарматской* эпохи (II–I вв. до н. э.) можно выделить, как наиболее важные, следующие исторические события:

1. В 206–205 гг. до н. э. Модэ (Маодунь), старший сын сюннуского шаньюя Туманя, узурпировал трон, объявив себя шаньюем и объединил всех сюнну (Боровкова 2001: 44–45).
2. Модэ разгромил дунху и овладел степной частью Манчжурии.
3. Модэ напал на юечжей в ганьсуйском коридоре, разбил и подчинил их.
4. Около 205–204 гг. до н. э. Модэ покорил ордосские племена лоуфань и байян.
5. В 203–202 гг. до н. э. Модэ подчинил племена Саяна, Алтая и верхнего Енисея (хуньюй, кюеше, динлинов, гэгунь, цайли).
6. Борьба с племенами юечжей Модэ. В письме, отправленном в 176 г. до н. э. великим шаньюем Модэ императору Поднебесной Вень-Ди пишется: «Благодаря милости Неба командиры и воины были в хорошем состоянии, лошади сильны, что позволило мне уничтожить юечжей, которые были истреблены или сдались. Я усмирил лоуланей, усуней, хуцзе и 26 соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну» (Таскин 1973: 43; Кляшторный, Султанов 2000: 69; Бичурин 1950: 54–55).
7. Борьба с племенами юечжей Лаошан-шаньюя, наследника Модэ. Вождь юечжей в 167–166 гг. до н. э. пал в бою, а из его черепа Лаошан сделал чашу для питья (Боровкова 2001: 59–61).
8. Исход на запад большей части юечжей, обитавших на территории современного Северного и Северо-Западного Китая (Крюков 1988: 239; Кляшторный, Савинов 1998: 175, 176; Гумилев 1993: 53, 69). Из Ганьсу и Нинся юечжи уходят в Таримскую котловину и долину р. Или (Восточный Туркестан и Семиречье), вытеснив оттуда сэ (саков).
9. Усунь на стороне сюнну выступили против юечжей и, преследуя их, вторглись на Тянь-Шань и в Семиречье (ок. 167 г. до н. э.). Они подчинили себе местные сакские племена и часть юечжей, большая часть которых через Фергану ушла на юг Средней Азии.

10. Между 141 и 128 г. до н. э. юечжи разгромили и подчинили Бактрию (Дася) (Крюков 1988: 236–241; Габуев 2000: 55; Бернар, Абдуллаев 1997: 68; Заднепровский 1993: 38).

11. Усуни закрепились в землях Семиречья, ставших для них второй родиной. Переселение усуней произошло во время правления Лейгяоми, который еще в малолетнем возрасте нашел приют и покровительство у сюнну. Со временем усуней стали достаточно сильны, и Лейгяоми перестал подчиняться сюнну. Именно с этим правителем усуней встретился в 125 г. до н. э. – Чжан Цянь – известный китайский путешественник и дипломат. Усуньское владение граничило на востоке с сюнну, на юге – с оседлыми владениями Восточного Туркестана, на юго-западе – с владением Давань (Ферганой), а на западе – с Кангюем.

12. 68 г. до н. э. Сюннуский принц Цзихоусянь был женат на дочери правителя Учаньму. В летописи «Цянь Ханьшу» описывается следующее: «Учаньму первоначально был правителем небольшого владения, лежащего между землями усуней и владениями Кангюй. Он неоднократно подвергался нападениям и притеснениям соседей, и поэтому во главе своего народа в несколько тысяч человек перешел на сторону сюнну. Шаньюй Хулугу приказал ему по-прежнему управлять его народом и жить на западных землях» (Бичурин 1950: 85). Через несколько лет сюннуский принц Цзихоусянь после неудачной попытки занять трон бежит со своей ордой к тестю. Цзихоусянь с общего согласия старейшин восточной стороны был избран в 60 г. до н. э. под именем Хуханье-шаньюя правителем сюнну. Произошел раскол сюнну на две враждующие части. Хуханье направился на юг и поддался в подданство Китаю. Старший брат Хуханье-шаньюя в это время объявил себя шаньюем Чжи-чжи и возглавил северных сюнну.

13. Чжи-чжи вступил в союзные отношения с Кангюем против усуней. При этом правитель Кангюя отдал свою дочь в жены Чжи-Чжи, а Чжи-чжи свою дочь правителю Кангюя. После победы союзников над усунями и захвата их столицы Чигу в долине Иссык-Куля в 42 г. до н. э. между кангюйцами и сюнну возникли раздоры. Усуни обратились за помощью к союзному ханьскому Китаю, который направил два отряда против Чжи-Чжи. Тот скрылся в долине Таласа в своем городе-ставке и приготовился к борьбе. Город китайцами был взят штурмом, а Чжи-Чжи казнен (36 г. до н. э.). Часть северных сюнну после поражения Чжи-Чжи ушла на юг к Хуханье-шаньюю.

Для *среднесарматской* эпохи (I–середина II в. н. э.) можно выделить как наиболее важные следующие исторические события:

1. В 25 г. н. э. сюнну окончательно разделились на Южный дом и Северный дом, причем южные попали в зависимость от Китая, а северные, жившие в Монголии, далеко за пределы своих территорий не переселялись.

2. Между 25–50 гг. изменяется название приаральского государства Яньцай, зависимого от Кангюя, на «Аланляо» – страну аланов (Яценко 1993).

3. Война с сяньби. В 87 г. сяньби «вступили в восточные земли, одержали совершенную победу над северными хуннами (сюнну), убили Юлю-шаньюя, содрали кожу с него и возвратились» (Бичурин 1950: 127).

4. Война с Китаем. В 89 г. «китайцы и южный шаньюй напали на северных неприятелей и одержали совершенную победу. Северный шаньюй бежал. В плен взято неприятелей до 200000 человек» (Там же: 127). В 90 году следует новое страшное поражение северных сюнну. Их шаньюй едва бежал с несколькими десятками легкой конницы, победители захватили его нефритовую государственную печать (Там же: 128). В 91 г. «северный шаньюй был разбит западным приставом Гын Кхой и бежал неизвестно куда. Его младший брат Юйчугянь объявил себя шаньюем, в 93 г. он восстал и пошел на север. Император предписал правителю военной канцелярии Ван Фу с 1000 конницы вместе с Жень Шан преследовать его. Они убедили шаньюя возвратиться и убили его, а войско уничтожили» (Там же: 128–129). Н. Я. Бичурин в примечании к этому тексту отметил: «здесь кончается царствование Северного дома сюнну» (Там же: 129, примеч. 1).

5. 93–155 гг. н. э. Этим разгромом сюнну пользуются сяньби, которые занимают их земли (Там же: 150, 154), а «оставшиеся роды хуннов, простиравшиеся до 100 тысяч кибиток, сами

приняли народное название сяньби» (Там же: 150–151). Более ни о каких войнах между сюнну и сяньби не упоминается, и связь их окончательного разгрома с событиями 155 г., когда «на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державой сюнну от востока к западу на 14 тысяч ли со всеми горами реками и соляными озерами» (Там же: 154), – явный анахронизм, и в тексте летописи ни о какой борьбе с сюнну в то время уже не говорится. Речь идет о тех землях, которые некогда входили в состав державы сюнну.

Можно предварительно выделить следующие исторические события, которые могли вызвать волны восточных инноваций, способные достичь через некоторое время отдаленных территорий Европейской Сарматии. Были ли они связаны с миграциями народов, или это были культурные импульсы с востока, необходимо решать отдельно – в каждом конкретном случае. Следует сразу отметить, что я не считаю, что именно упомянутые выше народы (сюнну, юечжи, усунь) могли переселиться в Европейскую Сарматию или напрямую повлиять на облик ее культуры. Со всем не обязательно каждая инновация в сарматских культурах Восточной Европы должна быть связана с конкретными этносами. На мой взгляд, многие процессы в степной зоне происходили по принципу домино, когда любая передвижка кочевого населения с востока на запад, напрямую влияла на соседние кочевые народы, которые вынуждены были оставить старые кочевья и искать новые дальше по степному коридору. В итоге каждое крупное военно-политическое событие далеко на востоке вызывало значительные подвижки в западном направлении. Мы, скорее всего, никогда не узнаем, откуда именно те или иные народы принесли типы изделий, украшений или оружия, с кем конкретно связано изменение тех или иных погребальных обрядов, как и то, где находилась родина роксоланов, аорсов, сатархов или сираков, пришедших в Европейскую Сарматию. Мы можем лишь попытаться уловить время начала движения в кочевом мире и причинно-следственные связи этого движения. Предварительно можно выделить девять наиболее значительных событий, произошедших в Центральной Азии, которые с большой степенью вероятности могли вызвать движение кочевых народов по степному коридору на запад:

- 1 – сюннуская волна Модэ – образование сюннуской державы в 206–205 гг. до н. э.;
- 2 – юечжийская волна – после поражений юечжей в 176 г. до н. э. в ганьсуйском коридоре;
- 3 – усуньская волна – после событий 167 г. до н. э., когда совместные действия усуней Лейгяоми и сюнну были направлены против юечжей – поход возмездия, и в ходе которого усунь переселились в Семиречье;
- 4 – вторая юечжийская волна, когда юечжи, асии, тохары и сакаравлы разгромили Бактрию (140–130 гг. до н. э.);
- 5 – сюннуская волна Хоуханье между 57–55 гг. до н. э., когда часть сюннуской орды переселяется на земли между усунями и Кангюем;
- 6 – сюннуская волна Чжи-чжи, переселение на запад в Кангюй, в долину Таласа – 58/57–36 гг. до н. э.;
- 7 – аланская волна – переименование страны Яньцай в Приаралье в страну Аланляо между 25 и 50 гг. н. э.;
- 8 – северосюннуская волна инноваций, последовавшая после поражений северных сюнну в 87–93 гг. н. э.;
- 9 – сяньбийская волна восточных инноваций, последовавшая после воцарения Таншихуая и захвата сяньби всей территории северных сюнну в 155 г.

А. С. Скрипкин пишет, что за период со II в. до н. э. по II в. н. э. произошло, по крайней мере, три существенные изменения этнического состава кочевников восточноевропейских степей (Скрипкин 2000: 145). Первое – во время около середины II до н. э., когда появился целый ряд новых объединений кочевников, впервые наиболее полно описанных Страбоном и нашедших отражение в некоторых эпитафических памятниках. В письменных источниках с этого времени появляется новая этническая номенклатура, ранее не известная древним историкам и географам, включающая юечжей, усуней, асиев и тохаров в Средней Азии, а также роксоланов, аорсов, сираков и

сатархов – в Причерноморье. Территорию между Днепром и Доном занимали роксоланы, в Крыму появляются сатархи. Скорее всего, к этому времени относится утверждение аорсов на Дону и в Северном Прикаспии и, вероятно, сираков на Кубани.

Второе изменение – это появление в Восточной Европе аланов, которое имело место в первой половине I в. н. э., а к его середине они закрепились на Дону и в Приазовье, что приводит к подвижке обитавших здесь ранее кочевников на запад.

Третье изменение приходится на II в. н. э., причем оно фиксируется не столько письменными, сколько археологическими источниками и выражается в появлении памятников позднесарматской культуры, что позволяет говорить об определенных изменениях этнического состава населения по сравнению с предыдущим временем.

Я полагаю, вслед за моими коллегами (Скрипкин 2000; Сергацков 2004; Таиров 2004), что события, начиная с образования государства сюнну в 206/205 гг. до н. э. вплоть до уничтожения Греко-Бактрийского царства ок. 130–128 гг. до н. э., привели к миграции целого ряда новых народов (роксоланов, сатархов, аорсов) в Европейскую Сарматия и к серьезному изменению облика раннесарматской культуры во II в. до н. э. («волны» 1–4).

События 58/57–36 гг. до н. э., приведшие к распаду сюнну на южных и северных и к гибели Чжи-Чжи в Кангюе, также могли вызвать приход новых степных народов востока в Европейскую Сарматия. В частности, следствием этого стало появление памятников зубовско-воздвиженской группы в середине I в. до н. э. (Щукин 1992). Конечно, здесь нельзя исключать и роль Боспора и Рима, которые могли повлиять на появление новых кочевых народов востока. Это эпоха Митридатых войн и Митридат Евпатор вполне мог пригласить в качестве союзников «неведомые» народы из Азии («волны» 5–6).

Согласно версии С. А. Яценко (1993: 67–68), появление аланов связано с переселением усуней в Кангюй в период борьбы у них за престол, что привело к усилению Кангюя. В это время происходит переименование одного из вассалов Кангюя, Яньцай, в Аланья. Это событие произошло между 25 и 50 гг. Аланы в Кангюе появляются вместе с переселением усуней и уже, видимо, в рамках политики Кангюя захватывают Яньцай. На новом археологическом фоне в Европейской Сарматии появляются богатейшие погребения, такие как Хохлач, Садовый, Александровка, Дачи на Дону, Пороги на Днестре, в материалах которых с наибольшей отчетливостью прослеживается связь с восточными районами. Окончательное утверждение этой новой группировки кочевников, видимо, следует относить к времени появления богатых («царских») курганов на Дону. Не исключено, что события последней трети I в. н. э., когда китайские войска и сяньби громили северных сюнну, также повлияли на появление новых восточных группировок в Европейской Сарматии. Существует целый ряд ярких комплексов, которые датируются именно последней третью I в. н. э. и отличаются от более ранних («волны» 7–8).

В начале позднесарматской эпохи, во второй половине II в. н. э. в Северное Причерноморье перекочевали племена «поздних сарматов». Это фиксируется по целому ряду инноваций на обширной территории от Приуралья до Дуная, в число которых входят преобладание подбойных ям и северной ориентации, обычай деформации черепов, специфические всаднические погребения с длинными мечами, кинжалами, оселками и конской упряжью. А. С. Скрипкин связывает начало этого процесса с переселением какой-то части кочевников из региона нижней и верхней Амударьи, Бухары и Ферганы, для которых был характерен подбойно-катакомбный обряд погребений (Скрипкин 1992: 47). Я думаю, что эти процессы вполне можно связать с усилением племени сяньби при Таншихуае в середине II в. н. э., захватом в 155 г. всех бывших территорий сюнну, и миграцией вытесненного «по принципу домино» населения на запад («волна» 9).

Кто были эти народы, принесшие новые погребальные обряды, остается только гадать. «Частичная замена одного стандартного погребального обряда другими, т. е. кардинальное изменение большинства элементов, составляющих прежний стандартный погребальный обряд, и трансформация его в новый стандартный погребальный обряд говорят о проникновении в среду

носителей конкретной археологической культуры носителей *пришлой* археологической культуры. Это зачастую приводит к формированию третьей, отличающейся от двух первых, археологической культуры» (Алѣкшин 1981: 21).

В заключение можно сказать, что выделение опорных исторических дат, определяющих, по моему мнению, начало передвижек населения в степном коридоре от Центральной Азии до Причерноморья на рубеже эр, пока носит сугубо предварительный характер, и уточнение этих датировок является делом будущих исследований.

- Алѣкшин 1981 – *Алѣкшин В. А.* Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981. С. 18–22.
- Бернар, Абдуллаев 1997 – *Бернар П., Абдуллаев К.* Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // Российская археология. 1997. № 1. С. 68–86.
- Бичурин 1950 – *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1.
- Боровкова 2001 – *Боровкова Л. А.* Царства «Западного края». М., 2001.
- Боталов 2003 – *Боталов С. Г.* Сарматские памятники урало-казахстанских степей и среднеазиатских оазисов конца III–I в. до н. э. (юэчжийско-сарматский историко-культурный комплекс) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: Сб. науч. статей. Уральск, 2003. Вып. 2. С. 89–99.
- Габуев 2000 – *Габуев Т. А.* Происхождение алан по данным письменных источников // ВДИ. 2000. № 3. С. 50–62.
- Гумилѣв 1993 – *Гумилѣв Л. Н.* Хунну: Степная трилогия. СПб, 1993.
- Десятчиков 1973 – *Десятчиков Ю. М.* Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 131–144.
- Заднепровский 1993 – *Заднепровский Ю. А.* Подбойные погребения Центральной Азии: к вопросу об этнической атрибуции памятников юечжей // Вторая Кубанская археологическая конф.: ТД. Краснодар, 1993. С. 37–39.
- Кляшторный, Савинов 1998 – *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб, 1998. С. 169–177.
- Кляшторный, Султанов 2000 – *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб, 2000.
- Крюков 1988 – *Крюков М. В.* Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988. С. 223–296.
- Раев 1985 – *Раев Б. А.* «Княжеские» погребения сарматского времени в г. Новочеркасске // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985. С. 126–131.
- Раев 1989 – *Раев Б. А.* Аланы в евразийских степях: Восток–Запад // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конф. памяти акад. М. И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 г.). Новочеркасск, 1989. С. 116–117.
- Ростовцев 1993 – *Ростовцев М. И.* Сарматы // ПАВ. 1993. № 5. С. 91–97.
- Сергацков 2004 – *Сергацков И. В.* К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 107–116.
- Скрипкин 1990 – *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
- Скрипкин 1992 – *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: Дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. М., 1992.
- Скрипкин 1997 – *Скрипкин А. С.* Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997.
- Скрипкин 2000 – *Скрипкин А. С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 17–40.
- Таиров 2000 – *Таиров А. Д.* Этнокультурные трансформации III–II вв. до н. э. в урало-казахстанских степях // Изв. Челябинского научного центра. Челябинск, 2004. Вып. 4. С. 144–148.
- Таскин 1973 – *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1973. Вып. 2.

- Щукин 1992 – *Щукин М. Б.* Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир (Мат-лы III-го археологического семинара). Новочеркасск, 1992. Ч. I. С. 103–125, 128–130.
- Щукин 1994 – *Щукин М. Б.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э.–I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб, 1994
- Яценко 1993 – *Яценко С. А.* Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э. // ПАВ. № 3. 1993. С. 60–72.
- Raev 1986 – *Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986 (BAR. IS. 778).

Л. А. Краева (Оренбург, Россия)

Культурогенез ранних кочевников Южного Приуралья IV–I вв. до н. э. (по результатам технико-технологического анализа керамики)

Лепная керамическая посуда местного производства найдена практически в каждом сарматском захоронении. Исследование ее подтверждает наличие гончарного производства у ранних кочевников Южного Приуралья в IV–I вв. до н. э. (Краева 2008; 2011a). Одним из подходов в изучении древнего гончарства является историко-культурный, в рамках которого работает созданная А. А. Бобринским в России научная школа (Бобринский 1978; 1999). Данный подход предусматривает изучение технологии изготовления керамики с помощью микроскопа МБС, на основе чего предлагается реконструкция историко-культурных процессов.

В основе возможности перевода информации из технологической в историко-культурную область лежат общие закономерности функционирования гончарных производств, а также способности разных навыков труда с различной скоростью реагировать на возникновение и ход процессов смешения. Субстратные навыки труда (способы формообразования и конструирования сосудов – начинов, полых тел) сохраняются неизменными в течение жизни 5–6 поколений гончаров. Изучая эти навыки, можно получить информацию о предыстории и истории сложения культурных традиций в гончарстве изучаемого населения. Приспособительные навыки труда (приемы отбора, добычи и подготовки ИПС – глины и илов, составления рецептов формовочных масс, обработки поверхностей) изменяются достаточно быстро – в течение жизни одного-двух поколений гончаров. Поэтому их изучение позволяет получить информацию об «истории населения», напр., на момент совершения того или иного захоронения. Смешение носителей культурных традиций в доремесленном гончарстве отражает и смешение групп древнего населения в целом (см. Бобринский 1978: 242–244).

Обобщение данных о технологии и морфологии сосудов из комплексов IV–I вв. до н. э. Южного Приуралья (350 сосудов) позволяет проследить изменения, происходившие в то время в среде сарматских племен, которые нашли отражение в динамике развития гончарного производства. В результате изучения лепной керамики было установлено, что субстратные и приспособительные навыки савроматских (VI–V вв. до н. э.) и раннесарматских (IV–I вв. до н. э.) гончаров близки между собой, а их гончарные производства имели сложную структуру. Преемственность прослеживается также в формах сосудов и их орнаментации. Данные факты позволяют говорить о том, что корни происхождения раннесарматского гончарства кроются в савроматском гончарстве, что свидетельствует о генетической связи населения савроматской и раннесарматской культур Южного Приуралья. Этот вывод подтверждается археологическими и антропологическими исследованиями (Смирнов 1964: 286–290; 1975: 173; Мошкова 1974: 28, 48; Пшеничнюк 1983: 128; Балабанова 2000; Краева 2011б).

Вместе с тем существенные отличия, которые были зафиксированы в раннесарматском гончарстве, свидетельствуют об изменениях, наступивших в среде изучаемого населения в IV–III вв. до н. э. Именно в этот период контакты становятся более разнообразными, что проявляется

в увеличении ассортимента форм и многообразии технологических традиций. Уже на рубеже V–IV вв. до н. э. появляется лепная посуда, отличная от «савроматской», – это сосуды с грушевидным туловом, резко отогнутым венчиком, округлым дном и сложным орнаментом. Технология их изготовления также отличается от более ранней. Они изготовлены из формовочной массы глина + тальк + органика или из тальковой глины с добавлением органических добавок (далее ОД), конструирование сосудов произведено лоскутным налепом с помощью формы-модели, а орнамент нанесен штампом (рис. 1, 1–2). Доля такой посуды в сарматском керамическом комплексе была небольшой (8 %). Причины появления и исчезновения «тальковой» керамики в Южном Приуралье неоднократно рассматривались исследователями, что привело к выработке «миграционной» (Мошкова 1974: 22; Таиров 1998: 93) и «контактной» (Железчиков, Пшеничнюк 1994: 8; Могильников 1999; Савельев 1999; Краева 2010: 61–62) гипотез, объясняющих эту проблему.

Проведенный технологический анализ показал, что появление такой посуды и дальнейшие изменения в технологии изготовления сарматской керамики связаны с массовым приходом в степи Южного Урала на рубеже V–IV вв. до н. э. носителей традиций составления формовочных масс глина + тальк + органика из лесостепного Зауралья. Именно в этом регионе имеются залежи талька, а также была широко распространена традиция его использования, начиная с бронзового века (Мошкова 1974: 6, 22; Гутков 1995: 141).

В результате смешения пришлых групп с местным населением произошло: 1) широкое распространение круглодонной посуды, а также плоскодонной посуды «переходного типа» с плавным переходом стенок в неустойчивое дно; 2) изменение в орнаментации – уменьшение доли орнаментов в виде пиктограмм, усложнение композиций, приоритет за украшением плечевых зон; 3) появление новых способов орнаментации; 4) массовое появление смешанных рецептов формовочных масс глина + шамот + тальк + ОД; 5) сложение общих навыков в конструировании полых тел при сохранении разных программ конструирования начинов; 6) появление новых поколений гончаров, которые еще придерживались старых программ конструирования начинов (емкостно-донный и донно-емкостный спирально-жгутовой), а полые тела сосудов уже начали делать лоскутным налепом по спирали; 7) массовое использование при изготовлении посуды форм-моделей (Краева 2008; 2009: 200; 2010: 62–63).

Вероятно, одной из первых групп населения, которая раньше всех вошла в контакт с лесостепными племенами из Зауралья, была Орско-Кумакская группа. Именно в ней зафиксировано наибольшее количество плоскодонной и круглодонной керамики с резко отогнутой шейкой и грушевидным туловом, а также рецептов с примесью талька (глина + тальк + органика; глина + тальк + шамот + органика). Появление керамики, изготовленной из формовочной массы глина + тальк + органика, было связано не просто с поступлением импортной посуды, а происходил постепенный процесс смешения носителей разных гончарных традиций, о чем свидетельствует возникновение смешанных рецептов формовочных масс: глина + шамот + тальк + ОД. В эти рецепты первоначально (под влиянием контактов) тальк или шамот добавляли в небольшой «символической» концентрации носители разных традиций. Анализ шамота показал, что сначала на него дробили, в основном, сосуды, изготовленные из формовочной массы: глина + тальк + органика с большой концентрацией талька. Возможно, они были привезены переселенцами или изготовлены из первоначально привезенного сырья (имеется в виду тальк). Не случайно количество сосудов с большой концентрацией талька незначительно, т. к. они, по всей видимости, после выхода из обращения пошли на изготовление шамота. Этот факт указывает на преемственность со старыми традициями. Таким образом, наблюдается явный процесс зарождения новых гончарных традиций «смешанного» населения.

Следует отметить, что при визуальном определении примесей у исследователей часто складывается впечатление, что посуда в IV в. до н. э. имеет значительную примесь талька. Это ощущение возникает в результате того, что при составлении рецептов формовочных масс на изготовление шамота шли черепки от сосудов со значительной примесью талька (концентрация 1 : 2), и

происхождение большей части частиц талька связано с шамотом, когда при дроблении частицы талька выпадают из него. Микроскопическое изучение керамики показало, что на самом деле присутствие значительной примеси талька фиксируется, в основном, в формовочной массе посуды первой половины IV в. до н. э., а также в единичных случаях – во II–I вв. до н. э., когда происходил процесс инфильтрации пришлого населения. В течение IV–III вв. до н. э. доля концентрации шамота в рецептах глина + тальк + шамот + ОД возросла, а талька – уменьшилась. В то же время продолжали существовать сосуды, где концентрация талька более значительная, чем шамота (рис. 1, 3–4).

Результаты технологического анализа керамики второй половины IV–III вв. до н. э. показали, что рецептов, в которых шамот изготовлен из посуды со значительной концентрацией талька (глина + шамот + ОД; глина + тальк + шамот + ОД), гораздо больше, чем самой посуды, изготовленной по рецепту глина + тальк + органика. Эти факты свидетельствуют о процессах культурной интеграции, когда вследствие проникновения более или менее массовых инокультурных явлений возникла устойчивая культурная неоднородность населения. Надежными критериями данного процесса, по Ю. Б. Цетлину, являются: наличие на памятниках от 10 до 50 % посуды со смешанными приспособительными традициями и частично или полностью смешанными субстратными традициями в технологии, а также смешанными культурными традициями в формах и орнаментах глиняной посуды (Цетлин 1998: 59–60). Все эти признаки фиксируются в изученном материале (Краева 2011а: 58).

По-видимому, наиболее активно процесс смешения в IV–III вв. до н. э. шел в Орско-Кумакской группе памятников, где больше всего зафиксировано сосудов со смешанными рецептами формовочных масс (Мошкова 1972; Смирнов 1977). Данная особенность этой группы может быть объяснена как большей возможностью контактов, обусловленных территориальной близостью к племенам лесостепного Зауралья, так и большей доступностью сырьевых источников в виде тальковых глин и залежей талька.

Со второй половины или с конца IV в. до н. э. появился и существовал весь III в. до н. э. новый компонент искусственно введенных примесей – дробленая обожженная кость. Носители данной традиции также участвовали в сложении раннесарматской культуры, однако откуда они пришли пока неизвестно. Попав в сарматскую среду, их традиция в изготовлении керамики (глина + кость + навоз) смешалась с местной (глина + шамот + ОД). В результате этих контактов позднее возник, а какое-то время, возможно, и сосуществовал смешанный рецепт глина + кость + шамот + ОД (органика, навоз), в котором концентрация кости (1 : 3) значительно преобладала над концентрацией шамота (1 : 4/5). Формы посуды носителей традиции глина + кость + навоз ничем не выделялись из общей массы сарматской керамики второй половины IV–III вв. до н. э. (рис. 1, 5–6). Однако гончарные традиции этой группы были очень устойчивыми, т. к. для изготовления керамики они использовали ожелезненную «жирную» глину, кость и навоз, а на шамот дробили только свою посуду. Скорее всего, носители традиции глина + кость + навоз изначально делали круглодонную керамику, т. к. преобладающей формой посуды, изготовленной из такой формовочной массы, были сосуды с круглым дном. Подтверждается этот факт и тем, что большие плоскодонные сосуды, изготовленные по рецептам глина + кость + навоз и глина + кость + шамот + навоз, также как и круглодонные, конструировались с помощью форм-моделей лоскутным наделом (рис. 1, 8).

Период с конца (второй половины?) IV по III в. до н. э. характеризуется большим разнообразием в технологии изготовления посуды, что отражает наличие интенсивных процессов смешения различных групп населения в это время.

Во II–I вв. до н. э. произошло возобладание местных традиций, существующих еще с VI в. до н. э. в составлении формовочных масс (глина + шамот + ОД) и в изготовлении плоскодонных форм керамики. Это явилось логическим завершением развития предыдущей формы культурных контактов и свидетельствует об этнокультурной ассимиляции пришлого населения, когда контактирующие группы постепенно в ходе их смешения приобретают в гончарных традициях черты преобладающей группы населения (Цетлин 1998: 60).

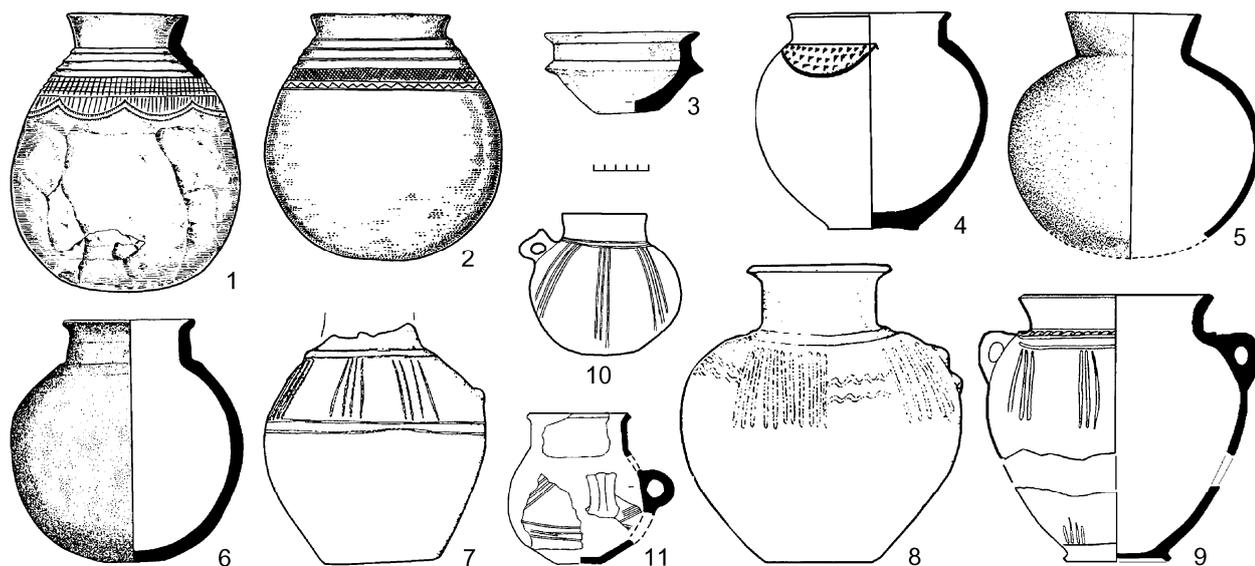

Рис. 1. Керамика ранних кочевников Южного Приуралья в IV–I вв. до н. э.:

- 1 – Мечет-Сай, кург. 8, погр. 1; 2 – Новый Кумак, кург. 21, погр. 2; 3 – Бердянка, кург. 5, погр. 3;
 4 – Мечет-Сай, кург. 7, погр. 10; 5 – Шумаево 2, кург. 9, погр. 4; 6 – Покровка 2, кург. 8, погр. 5;
 7–8 – Благодановка ОК, погр. 4, 6; 9 – Чкаловский, кург. 4, погр. 13;
 10 – Краснохолм 2, кург. 1, погр. 3, скелет 1; 11 – Чкаловский, кург. 1, погр. 3, скелет 1

Однако, несмотря на кажущееся внешнее единство, в это время продолжали сосуществовать группы населения, изготавливавшие свою керамику по другим рецептам, которая не отличалась по типам от остальной посуды. Во II–I вв. до н. э., наряду с наиболее распространенным рецептом ИПС + шамот + ОД, существовали рецепты более характерные для IV–III вв. до н. э.: глина + тальк + органика; глина + тальк + шамот + органика; глина + кость + шамот + навоз.

Наличие значительной примеси талька (1 : 2/3), выявленное в формовочных массах сосудов II–I вв. до н. э., свидетельствует о том, что ни о каком «исчезновении» традиции добавления талька в это время говорить нельзя. Вся посуда II–I вв. до н. э., изготовленная из формовочной массы с добавлением талька, была плоскодонной и характеризуется рядом общих технологических особенностей, отличающихся от посуды IV–III вв. до н. э. (рис. 1, 7, 9) (Краева 2010: 64). На основании этих фактов можно предположить, что в это время существовала группа гончаров, у которой была распространена традиция составления формовочных масс по рецепту глина + тальк + органика. Вполне вероятно, что эта группа была связана с Зауральем, где продолжала бытовать тальковая керамика, а характерные примеси в виде обломков горных пород указывают на происхождение ИПС из горных или предгорных районов. Судя по формам и способам конструирования, это вполне могла быть группа гончаров с сарматскими традициями в изготовлении посуды, но проживающая на территории Зауралья, где доступность такого вида сырья как тальк была очевидной. Возможно, что произошла инфильтрация новых групп населения из Зауралья, в частности, такая посуда могла попасть к кочевникам в результате брачных контактов.

Посуда II–I вв. до н. э., изготовленная из формовочной массы глина + кость + шамот + навоз, также отличается рядом особенностей от керамики IV–III вв. до н. э., изготовленной по такому рецепту: 1) в качестве ИПС использовали, наряду с ожезненной «жирной», и нежезненную «тощую» глину; 2) внешнюю поверхность сосудов иногда окрашивали красной краской и затем ложили (рис. 1, 11). Вся эта посуда представлена плоскодонными формами и украшена орнаментами, характерными для сарматской посуды II–I вв. до н. э. (рис. 1, 10–11).

Существование традиции использования примеси кости в период II–I вв. до н. э. может быть объяснено наличием групп населения, продолжающих изготавливать керамику по рецептам глина + кость + шамот + навоз. Однако под влиянием традиций иных групп населения, чья керамика

еще не найдена, произошли изменения в представлениях об ИПС и в обработке поверхности. Возможно также, что в это время произошел приток второй волны переселенцев – носителей традиции примеси кости, которые пришли с уже измененными традициями в обработке поверхности и в представлениях об ИПС.

Таким образом, судя по данным изучения технологии керамики, в культурогенезе ранних кочевников Южного Приуралья принимали участие несколько групп населения из разных регионов. На протяжении IV–III вв. до н. э. можно выделить несколько волн миграций, под влиянием которых происходили изменения в формах посуды и технологии ее изготовления. В начале IV в. до н. э. в среду кочевников Южного Приуралья из Зауралья произошла инфильтрация инокультурного населения, которое несло с собой собственные традиции в изготовлении круглодонных форм керамики, нехарактерные ранее для местного населения (использование примеси талька, форм-моделей и т. д.). На протяжении второй половины IV и в III в. до н. э. происходил процесс интеграции местного населения с первой волной «мигрантов», что проявилось в возникновении смешанных технологических навыков в изготовлении посуды и в появлении массовых переходных форм керамики.

Со второй половины или с конца IV в. до н. э. на территории Южного Приуралья фиксируется приход новой группы населения, несущей традиции изготовления керамики по рецепту глина + кость + навоз, которая также участвовала в сложении раннесарматской культуры. Это проявилось в появлении смешанных рецептов формовочных масс кость + шамот + навоз.

Во II–I вв. до н. э. наблюдается процесс ассимиляции пришлых групп населения, и произошло возобладание местных традиций в изготовлении керамики, т. е. наступил процесс относительной культурной однородности общества. Наряду с этим, фиксируются группы населения, для которых характерна посуда, по морфологическим особенностям идентичная сарматской, но отличающаяся по технологии изготовления. В частности, в составе ее формовочной массы фиксируется тальк или кость в большой концентрации, что характерно для рецептов первой половины IV в. до н. э. Этот факт может быть объяснен либо существованием групп гончаров в среде сарматов, которые продолжали составлять формовочные массы «по старым рецептам», либо произошла инфильтрация новых групп населения.

Не исключено, что волн миграций инокультурного населения на территорию Южного Приуралья в IV–I вв. до н. э. было больше, но часть из них, видимо, не нашла своего отражения в изменениях в гончарстве. В среде ранних кочевников Южного Приуралья происходили неоднократные процессы смешения с инокультурными группами на протяжении всего периода IV–I вв. до н. э., что может объясняться большей мобильностью кочевых обществ.

Бобринский 1978 – *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Бобринский 1999 – *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.

Балабанова 2000 – *Балабанова М. А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Ранний железный век. М., 2000.

Гутков 1995 – *Гутков А. И.* Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 135–146.

Железчиков, Пшеничнюк 1994 – *Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х.* Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н. э. // Проблемы истории и культуры сарматов: ТД. Волгоград, 1994. С. 5–8.

Краева 2008 – *Краева Л. А.* Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Краева 2009 – *Краева Л. А.* Технология изготовления керамики ранних кочевников Южного Приуралья в IV–I вв. до н. э. // НАВ. 2009. Вып. 10. С. 193–211.

Краева 2010 – *Краева Л. А.* К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010. С. 58–65.

- Краева 2011a – *Краева Л. А.* Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // АЭАЕ. 2011. № 4 (48). С. 51–60.
- Краева 2011б – *Краева Л. А.* Сравнительная характеристика гончарных традиций савроматского и раннесарматского периодов // Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 350–351.
- Могильников 1999 – *Могильников В. А.* К характеристике контактов кочевников Южного Зауралья с населением лесостепи // XIV УАС: ТД. 1999. С. 133–134.
- Мошкова 1972 – *Мошкова М. Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 27–48.
- Мошкова 1974 – *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Пшеничнюк 1983 – *Пшеничнюк А. Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Савельев 1999 – *Савельев Н. С.* «Зауральские автохтоны»: идентификация, роль в формировании прохоровской культуры, дальнейшая судьба // XIV УАС: ТД. 1999. С. 139–140.
- Смирнов 1964 – *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Смирнов 1975 – *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975.
- Смирнов 1977 – *Смирнов К. Ф.* Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 3–51.
- Таиров 1998 – *Таиров А. Д.* Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. 1998. Вып. II. С. 87–96.
- Цетлин 1998 – *Цетлин Ю. Б.* Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // ТАС. 1998. Вып. 3. С. 50–63.

А. Д. Цыбиктаров (Улан-Удэ, Россия)

**К проблеме формирования кочевого скотоводства
в Центральной Азии и его влияния на историческое
развитие древнего населения региона
(по материалам культуры плиточных могил)**

Бронзовый век в степной зоне Евразии был временем утверждения производящего хозяйства в качестве ведущей отрасли экономики ее населения. Отрасли присваивающего хозяйства стали играть второстепенное значение и дополнять продукцию скотоводства и земледелия. В природно-климатическом отношении эпоха бронзы, в целом, была временем становления современной природной среды, хотя следует отметить, что на протяжении как бронзового века, так и последующих периодов раннего железного века и средневекового времени имели место определенные климатические колебания в сторону сухости или увлажнения. Древние этнические общности, представленные населением степных археологических культур, безусловно, реагировали на изменения природной среды и в процессе адаптации к ним вырабатывали определенные новации в ведении хозяйства, в своей материальной и духовной культуре. Эти общие особенности в культурно-историческом развитии населения степей Евразии в эпохи бронзы и раннего железа нашли отражение и в культуре населения степной зоны Южного Забайкалья и Монголии.

Культура населения степных районов Южного Забайкалья, Восточной и Центральной Монголии в бронзовом и раннем железном веках представлена памятниками культуры плиточных могил. Благодаря исследованиям нескольких поколений отечественных и монгольских археологов она получила достаточно полную и подробную характеристику в литературе (Боровко 1927; Соновский 1940; 1941; Киселёв 1954; Окладников 1956; Диков 1958; Волков 1967; Наваан 1975; Гришин 1975, 1981; Цыбиктаров 1989; 1998; Членова 1992), что избавляет от ее подробного описания. Территория ее распространения охватывала огромные пространства от Южного Забайкалья на севере до предгорий Нань-Шаня на юге, от хребтов Большого Хингана на востоке до котловины Больших озер на западе Монголии.

Основными памятниками культуры плиточных могил, изученными в значительных объемах, являются погребальные. Нами учтены материалы более 600 таких захоронений, раскопанных

по всей территории распространения культуры. Они классифицируются на несколько типов: обычные плиточные могилы (давшие название культуре), фигурные могилы, погребения дворцовского типа. Оградки типа плиточных могил использовали и в качестве жертвенников.

Умерших укладывали на спине, головой ориентируя в восточный сектор. Инвентарь представлен украшениями, принадлежностями одежды и туалета, реже – орудиями труда. Еще более редкой находкой являются предметы вооружения. Среди погребений встречаются и безынвентарные, в которых отсутствуют даже фрагменты керамики. Характеризуя инвентарь в целом, нельзя не отметить одну особенность. В нем очень слабо представлены изделия, украшенные в скифо-сибирском зверином стиле, хотя поздний этап развития культуры плиточных могил приходится на скифское время.

Фигурные могилы представляли один из вариантов погребальных сооружений населения культуры плиточных могил.⁸² Среди захоронений в них встречаются и безынвентарные погребения. Вместе с тем положение умерших в фигурных могилах и их ориентация более разнообразны. Они лежали на спине вытянуто, на животе, на боку с согнутыми ногами. Скелеты, наряду с традиционной восточной ориентировкой, иногда ориентированы на Ю, ЮЮВ, ССЗ.

Своеобразный вариант в погребальной практике населения культуры плиточных могил составляют захоронения т. н. дворцовского типа.⁸³ Они представляют собой крупные каменные кладки курганного типа овальной или подпрямоугольной в плане формы до 6–8 м в поперечнике. В могильных ямах глубиной от 50 см до 1,5–2,5 м, плотно забутованных камнем, костяки лежат на спине в вытянутом положении, головой в восточном направлении. Их сопровождают черепа домашних животных (лошади, МРС и КРС) в количестве от 3–5 до 30 в одном погребении. В единичных случаях они принадлежали представителям дикой фауны. Черепа укладывали вокруг погребенного, двумя рядами в изголовье и в ногах, полукругами с одной или обеих сторон могильной ямы.

Захоронения сопровождаются очень богатым и разнообразным инвентарем. Он включал орудия труда, предметы вооружения, украшения, принадлежности одежды и туалета (в т. ч. наборные пояса), изготовленные из бронзы, кости, камня. Фрагменты глиняных сосудов по технологии изготовления и орнаментации идентичны керамике из обычных плиточных могил. Поверхность сосудов имела отпечатки перевитого шнура или была заглажена, верхняя часть украшена наклепными рассеченными валиками (Кириллов И. 1979: 51–52; 1981: 34–35; Кириллов О. 1994: 10–15). Погребения дворцовского типа принадлежали, по моему мнению, родо-племенной знати населения культуры плиточных могил.

Основой хозяйства населения культуры плиточных могил являлось кочевое скотоводство. Разводили лошадей, МРС и КРС, по данным Д. Наваана – верблюдов (Сосновский 1940: 41–42; 1941: 308; Диков 1958: 57–61; Волков 1967: 92–95; Гришин 1975: 99–101; 1981: 193–196; Наваан 1975: 95–119; Цыбиктаров 1998: 147–149). По нашим подсчетам кости лошади были найдены в 54 % могил, овец – в 35,8 %, коров – 16,6 %, диких животных – в 4,8 % могил. Соотношение костей домашних животных убедительно указывает на кочевую структуру стада. По мнению В. В. Волкова (1967: 92), Д. Наваана (1975: 104–105) и Ю. С. Гришина (1981: 194), скотоводство приняло кочевой характер с начала I тыс. до н. э. Г. П. Сосновский и Н. Н. Диков считали, что перекочевки совершались на небольшие расстояния и носили сезонный характер (Сосновский 1940: 41; 1941: 308;

⁸² В последнее время А. А. Ковалёв и Д. Эрдэнэбаатар выделили фигурные могилы в отдельную культуру Тэвш (Ковалёв, Эрдэнэбаатар 2010: 104–105).

⁸³ Вопрос о культурной принадлежности погребений дворцовского типа дискусионен. И. И. Кириллов, О. И. Кириллов и Ю. С. Гришин выделяют их в самостоятельную культуру бронзового века Восточного Забайкалья (Кириллов И. 1979: 50–52; 1981: 33–35; Кириллов О. 1994; Гришин 2002: 66–70). В. В. Волков, Н. Л. Членова и автор статьи считают их одним из типов памятников культуры плиточных могил (Цыбиктаров 1989: 17–19; 1998: 128–136; Членова 1992: 249–250; устное сообщение В. В. Волкова автору статьи).

Диков 1958: 61). С нашей точки зрения принципиальных различий между взглядами тех и других нет, т. к. в обоих вариантах не отрицаются перекочевки в процессе ведения хозяйственной деятельности. Вероятно амплитуда кочевок зависела от природных условий: на севере в лесостепной зоне они были небольшими, на юге в засушливых гобийских районах – значительно большими. Такая ситуация прослеживалась еще в 1940-х гг. у монголов. Расстояние от зимовок до летних стоянок у них колебалось от 5 до 185 км (Ковалёва 1951). Однако, по моему мнению, переход населения степных районов Забайкалья и Монголии к подвижной форме ведения скотоводческого хозяйства совершился гораздо раньше – в середине II тыс. до н. э. (Цыбиктаров 2007). Это произошло в среде населения селенгинско-даурской культуры в конце существования этого культурного образования в результате адаптации ее населения к изменению природно-климатической обстановки – сухому теплому климату, установившемуся в Монголии и Забайкалье во второй четверти II тыс. до н. э. (Виппер и др. 1989: 165; Динесман и др. 1989: 197–200, рис. 1.7; Дорофеюк 2008: 34, 37, табл. 2). При переходе к ведению кочевого и полукочевого скотоводства сменился образ жизни. В совокупности эти факторы вызвали трансформацию материальной и духовной культуры населения степей. Результатом этих процессов стала смена археологических культур при переходе от раннего бронзового века к средней бронзе в середине II тыс. до н. э. Селенгинско-даурская культура сменилась культурой плиточных могил (Цыбиктаров 2003: 22, 26, 43; 2006: 182–183).

Охота, рыболовство и собирательство в хозяйственных занятиях населения культуры плиточных могил играли подсобную роль. Об этом свидетельствует редкость находок костей диких животных по сравнению с костями домашних животных (см. выше их процентное соотношение). В незначительном объеме население плиточной культуры занималось земледелием. В одной из могил Жаргаланты в Южной Бурятии были найдены две зернотерки (раскопки автора), а Д. Эрдэнбаатаром в могиле Элст-хотол в Монголии – крупный фрагмент кольца-утяжелителя от деревянной мотыги.⁸⁴ По данным С. В. Киселёва и Д. Наваана с выдувов в среднем течении р. Толы происходят каменные песты и зернотерки тагарских форм (Киселёв 1947: 362; Наваан 1975: 153). Бассейн р. Толы входил в ареал распространения этого культурного образования, что позволяет использовать эти находки для реконструкции палеоэкономики его носителей.

Духовную культуру, религиозные верования населения культуры плиточных могил, наряду с материалами погребений, характеризуют наскальные рисунки – петроглифы селенгинского типа. Их семантика связана с идеей плодородия скота, посевов, обеспечения благополучия людям через обращения к высшим небесным силам (Окладников, Запорожская 1969; 1970; Волков 1967; Наваан 1975; Гришин 1981; Новгородова 1984; Мазин 1988; 1994; Тиваненко 1990).

В определении времени существования культуры плиточных могил существуют разные варианты датировки и внутренней периодизации. Г. И. Боровко (1927), Г. П. Сосновский (1941), С. В. Киселёв (1954), Н. Н. Диков (1958), В. В. Волков (1967), И. И. Кириллов (1979; 1981) и О. И. Кириллов определяли ее дату скифской эпохой VII–III вв. до н. э. А. П. Окладников (1956), Ю. С. Гришин (1981), Д. Наваан (1975) и Э. А. Новгородова (1989), считая, что расцвет данной культуры пришелся на скифское время, были склонны полагать, что плиточные могилы могли появиться в середине II тыс. до н. э., а завершение развития культуры произошло в III в. до н. э. или во II в. н. э. Н. Л. Членова, разделяя мнение первой группы ученых, считала, что поздние плиточные могилы также сооружались во II в. н. э. (Членова 1992). По мнению автора, культура плиточных могил датируется от периода развитой бронзы до раннескифского времени с середины II тыс. до VI в. до н. э. и в своем развитии прошла три этапа: тологийский времени развитого бронзового века – XV–XIII вв. до н. э.; чулутский периода поздней бронзы – XIII–VIII вв. до н. э.; ацайский начального периода скифского времени – VIII–VI вв. до н. э. (Цыбиктаров 1989: 11–17;

⁸⁴ Приношу глубокую благодарность Д. Эрдэнэбаатару за предоставленную информацию и возможность ознакомиться с находкой в Институте истории АН Монголии в 1999 г.

1998: 88–125; 2003: 22). Вместе с тем я не исключаю возможности сооружения некоторых плиточных могил в период до V–III до н. э.

Таким образом культура плиточных могил существовала длительное время. При этом, если согласиться с мнением сторонников датировки наиболее ранних плиточных могил временем развитой бронзы, то из всех археологических культур степной полосы Евразии лишь культура плиточных могил, наряду с кобанской культурой предгорных и горных районов Кавказа, не претерпела кардинальных трансформаций при переходе от эпохи бронзы к раннему железному веку. Но начало существования кобанской культуры соотносится с периодом позднего бронзового века евразийских степей (Козенкова 1989).

При переходе от позднего бронзового века к эпохе раннего железа практически во всех областях евразийских степей от Причерноморья на западе до Тувы и Северо-Западной Монголии на востоке произошла смена археологических культур. Культуры эпохи поздней бронзы прекратили свое развитие и сменились новыми культурными образованиями РЖВ, которые принято называть культурами скифо-сибирского типа, а время их существования определять скифской эпохой. Одной из отличительных особенностей этих культур является широкое распространение в среде их населения изделий т. н. скифской триады: оружия и конского снаряжения скифо-сибирских типов, звериного стиля в искусстве (Мелюкова, Мошкова 1989: 5–7; Мошкова 1992).

Указанные выше новации прослеживаются и в культуре населения Южного Забайкалья и Монголии, но не в таком полном объеме, как у населения степной зоны более западных областей. Сопоставление материалов из плиточных могил ПБВ (чулутский этап, XIII–VIII вв. до н. э.) и начального периода РЖВ (ацайский этап, VIII–VI вв. до н. э.) по разным аспектам (экономика, материальная и духовная культура, погребальный обряд) показало плавное эволюционное развитие этой культуры на протяжении конца бронзового века и начала РЖВ. При распространении среди других этнических общностей евразийских степей изделий скифо-сибирских форм население культуры плиточных могил по-прежнему продолжало пользоваться бронзовым инвентарем т. н. карасукских типов предшествующего чулутского этапа. Инвентарь скифо-сибирского типа в среде рассматриваемой культуры получил лишь незначительное распространение. С вступлением в РЖВ не изменился и тип погребальных сооружений. Новые черты появились лишь в деталях их конструкции (Цыбиктаров 1989: 11–17; 1998: 116–122; 2003: 22).

Вместе с тем, зафиксированные изменения в составе сопровождающего инвентаря (увеличение количества предметов вооружения, уменьшение количества керамики и некоторые др.) соотносятся с теми новыми особенностями, которые были характерны для культур скифо-сибирского типа более западных областей Великого пояса степей Евразии. Это свидетельствует о том, что эпохальные изменения, происходившие в среде степного населения от Северо-Западной Монголии и Тувы до Причерноморья, имели место и в историческом развитии населения культуры плиточных могил. Но при переходе от бронзового века к РЖВ на территории Южного Забайкалья и значительной части Монголии изменения происходили в рамках прежней культуры ПБВ. Культура населения скифского времени степной зоны Забайкалья, Северной, Центральной и Восточной Монголии складывалась на основе культуры плиточных могил времени развитой и поздней бронзы, которая при переходе к новой исторической эпохе не претерпела кардинальных изменений. Таким образом, резкой смены облика материальной и духовной культуры на рассматриваемых территориях при переходе от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железа не произошло. Переход осуществлялся плавно и эволюционно вследствие того, что в хозяйстве и верованиях не произошло резких изменений. В этом заключается одна из главных черт своеобразия культурно-исторических процессов при переходе от бронзового века к РЖВ в Центральной Азии по сравнению с более западными областями евразийских степей.

Исследователи справедливо полагают, что трансформация позднебронзовых культур в разных сферах жизнедеятельности их носителей (материальной и духовной культуре, социальных отношениях, общественном строе) при переходе к эпохе раннего железа во многом была связана с

изменениями, произошедшими в их в хозяйственном укладе. В экономике населения многих областей степной зоны при переходе от ПБВ к скифского времени произошел переход к кочевому или полукочевому скотоводству (Мелюкова, Мошкова 1989: 5; Мошкова 1992: 5–6).

В степях Монголии и Южного Забайкалья формирование кочевого и полукочевого типа скотоводческого хозяйства произошло, на наш взгляд, гораздо раньше – в середине II тыс. до н. э. Это событие в экономической жизни степного населения сопровождалось, как указывалось выше, трансформацией его материальной и духовной культуры и завершилось образованием новой археологической культуры – культуры плиточных могил.⁸⁵ Эти процессы происходили в среде населения селенгинско-даурской культуры времени энеолита и ранней бронзы и датируются второй четвертью II тыс. до н. э. На протяжении этого времени происходило завершение развития селенгинско-даурской культуры, сопровождавшееся вызреванием нового культурного облика ее населения в результате появления новаций в разных сферах жизнедеятельности под воздействием постепенной смены хозяйственного уклада. Эти процессы гипотетически можно представить в следующем виде.

Изменения в хозяйственном укладе вызвали модификации в материальной и духовной культуре и в образе жизни населения селенгинско-даурской культуры в целом. Изначально носители этой культуры жили оседло и вели комплексное многоотраслевое хозяйство, сочетавшее земледелие, скотоводство, охоту, рыболовство и собирательство. Комплекс материальной и духовной культуры селенгинцев был адаптирован к такому хозяйственному укладу и оседлому образу жизни и получил соответствующее оформление (Цыбиктаров 2006: 74–101, 149–158). С установлением сухого и теплого климата во второй четверти II тыс. до н. э. ухудшились возможности для занятия земледелием и отраслями присваивающего хозяйства. По этой причине основой хозяйства постепенно становилось скотоводство, которое к середине II тыс. до н. э. приняло подвижный характер. Люди перестали жить оседло и перешли к сезонным перекочевкам. В процессе адаптации к изменившемуся образу жизни происходила трансформация материальной и духовной культуры. В результате произошло завершение развития селенгинско-даурской культуры, и она сменилась культурой плиточных могил.

Таким образом, собственно с формированием нового хозяйственного уклада – кочевого и полукочевого скотоводства у населения степей Центральной, Восточной Монголии и Южного Забайкалья – и связано происхождение археологической культуры плиточных могил. Население этой культуры со времени ее формирования в середине II тыс. до н. э. продолжало заниматься, как показывают материалы толгойского этапа среднебронзового (XV–XIII вв. до н. э.) и чулутского этапа позднебронзового (XIII–VIII вв. до н. э.) времени, кочевым и полукочевым скотоводством на протяжении второй половины II тыс. и начала I тыс. до н. э. Эта форма ведения скотоводческого хозяйства у населения плиточной культуры не изменилась и началом скифской эпохи VIII–III вв. до н. э. Весь же комплекс материальной и духовной культуры, в т. ч. инвентарь, религиозные верования и погребальный обряд населения культуры плиточных могил еще с середины II тыс. до н. э. были самым тесным образом связаны с кочевым и полукочевым скотоводством и с соответствовавшим такой экономике образом жизни. Поэтому с началом скифской эпохи в степях Евразии население культуры плиточных могил в связи с сохранением прежнего типа хозяйства (кочевого и полукочевого уклада жизни) продолжало пользоваться привычным инвентарем карасукских типов, придерживаться прежних верований, хоронить своих умерших сородичей согласно прежним погребальным обрядам. В результате на территории ее распространения не произошло и смены археологической культуры, как это четко прослеживается в других областях Великого пояса степей Евразии.

Главная особенность культурно-исторического развития населения степных районов Монголии и Забайкалья в эпоху бронзы и раннем железном веке в середине II–середины I тыс. до н. э.,

⁸⁵ В Западной Монголии аналогичные процессы, происходившие в среде носителей монгольского варианта афанасьевской культурной общности, завершились образованием культуры херексуров (Цыбиктаров 2003: 26–28).

по сравнению с другими районами Великого пояса степей Евразии заключалась в том, что на их территории кочевое скотоводство возникло гораздо раньше, чем в других районах евразийских степей – в середине II тыс. до н. э., и такой тип хозяйства там продолжал сохраняться и с переходом к эпохе раннего железа (скифскому времени). В свою очередь, эта особенность экономического развития степного центральноазиатского населения обусловила плавное эволюционное его вхождение в скифскую эпоху без кардинального изменения жизненного уклада, без трансформации материальной и духовной культуры и без смены культурного облика в целом. В результате с наступлением скифской эпохи в Центральной, Восточной Монголии и Южном Забайкалье продолжила свое развитие культура плиточных могил, которая по существу являлась культурой бронзового века. Вместе с тем в скифское время в облике населения культуры плиточных могил появляются определенные новации, обусловленные общими эпохальными изменениями этого периода и контактами с группами населения культур скифо-сибирского типа соседних территорий. Но такие новации не определяли своеобразия и специфики облика этой культуры.

- Боровко 1927 – *Боровко Г. И.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Л., 1927. Вып. II. С. 43–88.
- Виппер и др. 1989 – *Виппер П. Б., Дорофеюк Н. И., Метельцева Е. П., Соколовская В. Т.* Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989. С. 160–167.
- Волков 1967 – *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.
- Гришин 1975 – *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975.
- Гришин 1981 – *Гришин Ю. С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981.
- Гришин 2002 – *Гришин Ю. С.* Забайкальские культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологические статьи и материалы: Сб. участников Великой Отечественной войны. Тула, 2002. С. 55–76.
- Диков 1958 – *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.
- Динесман и др. 1989 – *Динесман Л. Г., Киселёва Н. К., Князев А. В.* История степных экосистем Монгольской народной республики // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской народной республики. М., 1989. Т. XXXII.
- Дорофеюк 2008 – *Дорофеюк Н. И.* Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии): Автореф. дис. ... докт. биол. наук. М., 2008.
- Кириллов И. 1979 – *Кириллов И. И.* Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск, 1979.
- Кириллов И. 1981 – *Кириллов И. И.* Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1981.
- Кириллов О. И. 1994 – *Кириллов О. И.* Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.
- Киселёв 1947 – *Киселёв С. В.* Монголия в древности // Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. 1947. Т. IV, вып. 4. С. 355–372.
- Киселёв 1954 – *Киселёв С. В.* Эпоха производства орудий из бронзы // История Монгольской народной республики. М., 1954. С. 46–51.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар 2010 – *Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной центрально-азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 104–117.
- Ковалёва 1951 – *Ковалёва В. И.* Природные условия Монгольской народной республики и расселение кочевников: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1951.
- Козенкова 1989 – *Козенкова В. И.* Кобанская культура Кавказа // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 252–267 (Археология СССР).
- Мазин 1988 – *Мазин А. И.* Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1988.

- Мазин 1994 – *Мазин А. И.* Древние святилища Приамурья. Новосибирск, 1994.
- Наваан 1975 – *Наваан Д.* Дорнод Монголийн хурлийн уе. Улаанбаатар, 1975.
- Новгородова 1984 – *Новгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
- Новгородова 1989 – *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М., 1989.
- Окладников 1956 – *Окладников А. П.* Древнее население Сибири и его культура // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 21–107.
- Окладников, Запорожская 1969; 1970 – *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья. Л., 1969. Ч. 1; 1970. Ч. 2.
- Сосновский 1940 – *Сосновский Г. П.* Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. 1940. Вып. VIII. С. 36–42.
- Сосновский 1941 – *Сосновский Г. П.* Плиточные могилы Забайкалья // Тр. ОИПК ГЭ. 1941. Т. I. С. 273–309.
- Мелюкова, Мошкова 1989 – *Мелюкова А. И., Мошкова М. Г.* Введение // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 5–8 (Археология СССР).
- Мошкова 1992 – *Мошкова М. Г.* Введение // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 5–8 (Археология СССР).
- Тиваненко 1990 – *Тиваненко А. В.* Древнее наскальное искусство Бурятии. Новосибирск, 1990.
- Цыбиктаров 1989 – *Цыбиктаров А. Д.* Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
- Цыбиктаров 1998 – *Цыбиктаров А. Д.* Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998.
- Цыбиктаров 2007 – *Цыбиктаров А. Д.* Формирование кочевого скотоводства в Центральной Азии в свете данных археологии и палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья и его влияние на культурно-историческое развитие населения бронзового века // Этноистория и этноархеология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон, 2007. С. 194–198.
- Цыбиктаров 2003 – *Цыбиктаров А. Д.* Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II–первая половина I тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2003.
- Цыбиктаров 2006 – *Цыбиктаров А. Д.* Центральная Азия на заре бронзового века. Улан-Удэ, 2006.
- Членова 1992 – *Членова Н. Л.* Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 247–354 (Археология СССР).

K. M. Linduff (Pittsburgh, USA)

The After Effect of Gryaznov's Investigations: Trade and Exchange of Goods in the late First Millennium BCE

Introduction. The characterization of Siberia made possible with the publication of Professor Mikhail Gryaznov's classic synthesizing work in English translation (Gryaznov 1969). Prior to that access to his work for most China specialists was primarily in Chinese translation. Gryaznov set the Siberian story straight – he proposed a linear progression from the Eneolithic in the late third millennium BCE to the Bronze and Iron Ages in the latter half of the first millennium BCE and later. His 236-page summary of southern Siberian archaeology was often all we had to explain that material, and with this book as a guide, we observed and then documented analogous artifacts in Chinese contexts. The scale and significance of excavations on both sides of the national and linguistic borders since then has both increased our knowledge of the Eastern Eurasian region including much of today's northern China and made clear the need to reconsider the role of the Siberian peoples in the region, especially in relation to the people who have lived within the borders of present-day China. It is the material implications of the relationship in the volatile, as well as flexible, atmosphere of the area they inhabited that I will address here.

The Context. The presence of Siberian artifacts in early Chinese dynastic contexts fuelled debates in Europe late 1940s among China specialists. Most especially, for instance, between the Swedish philologist B. Karlgren (1945) and the German art historian M. Loehr (1949a; 1949b) about the origins of bronze production and the primacy of Siberia or China in that invention. Moreover, speculations about the

relationship between the peoples of these regions essentialized their ways of life: the sedentary, agricultural, and politically centralized peoples in China, while those in southern Siberia were thought to be mobile herders who roamed across great tracts of open steppe. That model, commonly called the ‘steppe vs. the sown,’ also alleged that these lifestyles were self-generating, exclusive, and incompatible (Lattimore 1940). In the second half of the 20th century this antipodal model was feverishly defended, evidently sustained by the tension along the borders between China and Russia as well as the politics of the Cold War.

Likewise, the types and styles of artifacts commissioned by each set of patrons were looked upon as stemming from opposing traditions. For instance, the animal imagery on the Chinese ritual bronzes is a composite made up of parts of wild animals or is fantastic altogether. By contrast, the representations of animals, either singly or in combat, that adorned portable bronze items such as belt plaques, ornaments, knives, and daggers of the peoples of the steppe were more naturalistically rendered (Karlgrén 1945; Loehr 1949a; Bunker et al. 1970). These contrasting visual models have continued to guide discussions since, even though newly excavated materials confirm that contact between Siberia and China was frequent, episodic and varied in purpose and result so that a much more nuanced picture of lifestyles, exchange as well as artifact production has already begun (Bunker et al. 1997).

I suggested at the 100th anniversary meeting in honor of Prof. Gryaznov that the presence of “Siberian” artifacts in Chinese contexts was due to at least the following four types of interface (Linduff 2006):

Transmission of ideas (metallurgical technology, no later than c. 2000 BCE) (Linduff 1995);

The presence of surplus extraction (raw materials, c. 1600 BCE) (Linduff 1995);

The establishment of marriage alliances (at Anyang, Henan Province, c. 1250–1050 BCE) (Linduff 1996);

The assertion of military control over hostile peoples within dynastic political limits (at Yuhuangmiao, District of Beijing, c. 8th–5th c. BCE).

Here I would like to add to that list discussion of a type of exchange that emerged and blossomed in the last four centuries BCE and propose that the dichotomous model be further revised to include a fifth concept, one that sees this eastern Siberia/northern China region as a “contact zone” where reinvention and adaptation should be expected:

Invention of Local Markers that become part of a Two-way exchange (particularly in metal production) rooted in political and economic strategies of a frontier, especially from the 4th c. BCE to the 2nd c. CE (Linduff and Rubinson forthcoming).

This case study will extend the period that Prof. Gryaznov studied to include the time that immediately predated the establishment and use of the Silk Road, and argue for a frontier/contact zone economy that was fluid and that encouraged contact and the exchange of ideas, peoples and artifacts. By this later period, the exchanges were systematic and new technologies were used to produce items on which iconography was neither steppe nor Chinese (Bunker 1992; Linduff and Rubinson forthcoming).

Case Study – Invention in the Frontier. The production of objects and iconographic types such as symmetrically confronting animal plaques blended artistic styles and aesthetics and follow iconic models from neither China nor Eurasia. Moreover, they were exported beyond their early production centers and will be studied here as products of a frontier region. These items were produced and found in places far from dynastic centers, areas where local and outsider groups were in touch intermittently (fig. 1): in the *beifang* (北方) including the Ordos region (Tian, Guo 1986), the Minusinsk Basin, Buryatia, and areas of Siberia presumed to be the source of some of the Peter the Great Siberian Gold Collection in St. Petersburg (Руденко 1962) (fig. 2, 1). The desirability and ultimately the selection of plaques with such animal motifs and their disposition were determined in areas where allegiances, affiliations and group identity changed sometimes rapidly and with significant consequences. During the late first millennium BCE, groups who possessed them can be distinguished by their autonomy and self-sufficiency, and with the rise and use of distinctive metallurgical technologies (Bunker 1988; 1991). Their find spots document the loci of invention and reinterpretation in the metal industry as well as trade networks in the 3rd and 2nd centuries BCE in Eastern Eurasia.

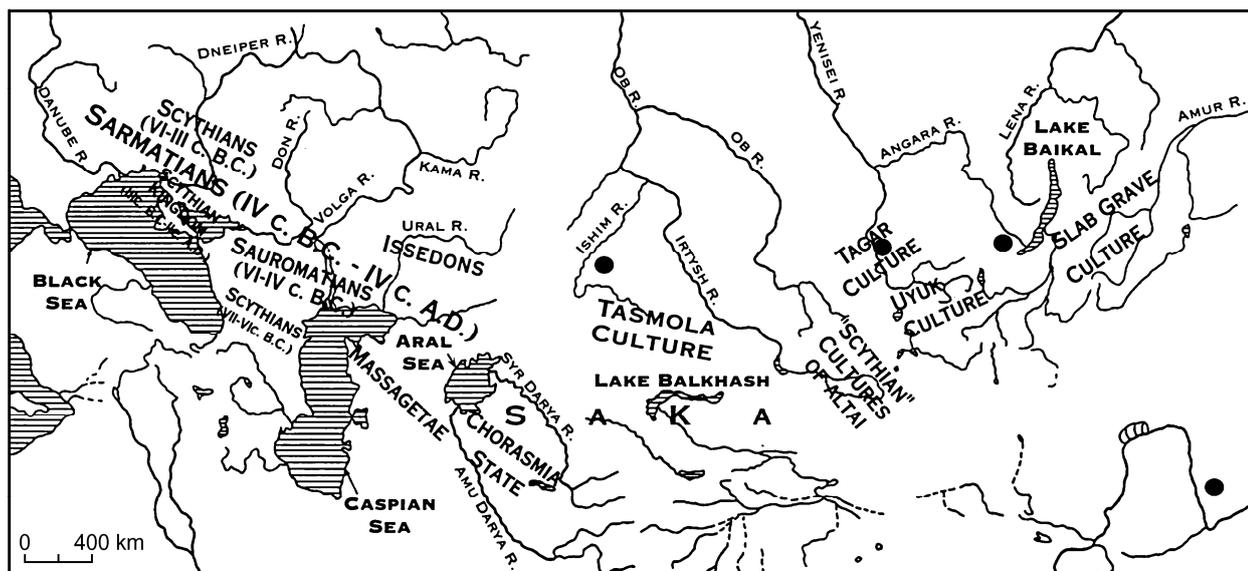

Fig. 1. Find Spots of Confronting Dragon Plaques

Production of metal objects in Chinese foundries for frontier populations has now been documented archaeologically with the discovery of the tomb of a metal worker/technician dating from the late 4th to early 3rd c. BCE in Beikang near Xi'an (Yue 2003; AISP 2006; Linduff 2009). The sophisticated metal industry known to have existed in western China during this period has been studied in relation to internal markets within Dynastic borders, but by the 2nd and 1st c. BCE, the transmission of the technology, objects and perhaps even people is documented in Xiongnu territories in present-day Buryatia, Siberia, and in China and even further afield. The intersection of new technologies and visual emblems were a natural outcome of a place where the junction of many peoples due to conflict, commercial exchange, and political expansion of the Chinese and Xiongnu empires took place.

The Evidence. *Openwork Confronting-Animal Plaques* have shared subject matter, style and/or type and have parallels in pieces excavated in many locations (fig. 2).

For example, bronze openwork plaques:

Confronting Dragons (Linduff and Rubinson forthcoming): 1. Golden plaque (H157), Peter The Great Siberian Gold Collection (from the Sargat or related Culture), State Hermitage Museum – inlaid with semi-precious stones and glass paste, gold, openwork, lost/wax/lost-textile cast (dated from 6th c. to 3rd/2nd c. BCE (Bunker 2002; Минасян, Шаблави́на 2009: 247) (fig. 2, 1); 2. Golden plaque, Sidorovka, Sargat Culture, Central Siberia, 3rd c. BCE? Gold inlaid plaque with semi-precious stones and glass paste with confronting lupine-headed dragons, some textile impressions with evidence of hammering on the reverse (fig. 2, 2) (Матющенко, Татаурова 1997); 3. Gilt bronze openwork plaque, Zhao King's Tomb 2, from Handan, Hebei Province, PRC, 3rd c. BCE (fig. 2, 3); 4. Bronze openwork plaque, Ivolga, Buryatia, Russian Federation, Tomb 100, late 3rd-2nd c. BCE (fig. 2, 4); 5. Bronze openwork plaque, Daodunzi, Tongxin Co., Ningxia, PRC, 2nd-1st c. BCE (Bunker 2002: 47; NXWWKGYJS 1988a; 1988b) (fig. 2, 5).

Confronting horses (fig. 3, 1-2) (Tian, Guo 1986: no 55, Pl. 59.A).

Confronting bovines (fig. 3, 3) (Tian, Guo 1986: 102, no 67).

Confronting camelids (fig. 3, 4) (Tian, Guo 1986: Pl. 2).

Geometric plaques (fig. 3, 5-6) (Tian, Guo 1986: Pl. 59, 2.B).

Symmetry is the structural framework for all these presentations and it came from Chinese aesthetic models as did the dragon motif; the naturalistic animal representations of horses, bovines and camelids were seemingly inspired by steppe models. The results were hybrids hatched under frontier conditions to be further discussed below.

Fig. 2. Confronting Dragon Openwork Plaques: 1 – golden plaque, Peter The Great Siberian Gold Collection (from Bunker 2002); 2 – golden plaque, Sidorovka, Central Siberia (по Матющенко, Татаурова 1997); 3 – gilt bronze openwork plaque, Zhao King’s Tomb № 2, from Handan, Hebei Province; 4 – bronze openwork plaque, Ivolga, Buryatia, Tomb 100 (по Давыдова 1985); 5 – bronze openwork plaque, Daodunzi, Tongxin Co., Ningxia (from NXWWKGYJS 1988b).

Technological Issues. These sets of plaques raise questions about alloying technology that along with their iconographic features define a wide geographic distribution and localization of this expertise and imagery from the 3rd c. to as late as the 1st c. BCE. The place of manufacture and dating of the objects as well as the socio-economic or socio-political positions of their patrons of some are known. For instance, the gilded bronze dragon plaque was excavated in a kingly burial context in Handan, Hebei, in northern China (fig. 2, 3) and that confirms its noble patronage. Elite contexts are suspected as well for the inlaid gold plaques from the Peter the Great Siberian Collection (fig. 2, 1) and Sidorovka (fig. 2, 2), whereas the bronze openwork examples from Daodunzi (fig. 2, 5) and Ivolga (fig. 2, 4) are more modest in material, are later in date, from the 2nd and 1st c. BCE, and were probably mass produced for a much less wealthy clientele.

In addition, these and related bronze openwork plaques were made using two very different alloys – some, such as ones from Ivolga, use an arsenic copper base and others, such as those from Daodunzi, are made of copper-tin-lead combination, suggesting that the plaques by that date were produced locally, and probably in more than one region. Furthermore, the gilded bronze plaque found at Handan was made using mercury gilding technology that developed in China. And finally, some bronze plaques display textile impressions on their backs. They document the earliest dated production and use of the lost-wax/lost-textile technology in the 3rd century BCE at Xigoupan for the social elite; other

manufacturing technologies have been studied as well by S. S. Minyaev (Миняев 1980) to confirm that there were multiple production sites. The additional presence of Chinese objects in Sargat Culture elite burials and many other burials from Buryatia to Tillya Tepe) makes clear a contemporary trade in artifacts that signals technology transfer and exchange of goods (Koryakova, Epimakhov 2007: 304; Koryakova 2006: 109).

During the late 3rd to the 1st c. BCE, golden and gilded plaques have been documented in tombs of military and political leaders (Handan) and have even been found in 1st c. CE context at Tillya Tepe where they appear to be used as ‘exotic’ or ‘antique’ relics in tombs of leaders (Rubinson 2008). Mass production of openwork bronze plaques for less prestigious patrons by the late 2nd/early 1st c. BCE (Daodunzi) confirms continued production of tin bronze openwork plaques in the Ordos. Similar representational metal plaques found in Minusinsk and Buryatia presumably date from the same period as they are thought to be commissions within the territory of the Xiongnu confederation dated from that time, although many Minusinsk examples are arsenic copper and so suggest that there were two production centers—one in the Ordos for tin bronze and another in the Minusinsk Basin for arsenic copper (Дэвлет 1980; Давыдова 1985: 96). Moreover, no later than the 2nd c. BCE, tin bronzes produced in the Ordos traveled to western Siberia, Minusinsk (Дэвлет 1980) and to Transbaikal at Dyrestuy. But the reverse can also be documented, that is, arsenic copper artifacts have been found in the Ordos (Bunker 2002: 101, pl. 98) and at Pokrovka (Яблонский и др. 1993) that were probably produced in Minusinsk.

These shared iconographies, varied technologies and metallurgical traditions firmly document the exchange of goods, technology and people across the Eurasian steppe to and from China, and by the 2nd c. BCE, the transmission is found in Xiongnu held territories and even further afield.

Discussion: I have argued that the implications of the above chronology from dated contexts suggests that (Linduff and Rubinson forthcoming):

The trade goes both ways – in the 2nd to 1st c. BCE production of bronze openwork plaques in the Minusinsk Basin and in Buryatia accounts for the arsenic copper examples found there (Дэвлет 1980), and the tin bronze examples were made in China. The mercury-gilded examples must have been made in the Chinese foundries.

The Ordos would appear to be one generating hub for this production and dissemination – but there are probably other production centers as well by the late 3rd/2nd c. BCE.

The initiation of this market and technology precedes the Xiongnu Empire, or as early as the 4th c. BCE as documented at Beikang.

The transmission of the technology and materials follows the emergence of the Xiongnu confederation established in 209 BCE and Han Empire established in 202 BCE. The increase of Chinese luxury goods including bronze mirrors and occasionally vessels (Tillya Tepe; Isakovka; middle Sarmatian graves), lacquers and silks in burials of elites found in sites on or with access to the trade routes (Siderovka and Isakovka) speak of an increasing exchange between the two. Evidence from burials at Siderovka, Isakovka and Tillya Tepe (Rubinson 2008; Torres-Rouff, Yablonsky 2005) also document the importation of Chinese objects and products such as glass (Довгальюк 1997), probably in the form of paste (Isakovka); and embroidery technology with gold thread (Погодин 1999) that were adopted and adapted by Eurasian artisans.

This vast ‘Xiongnu’ network must have been the engine that moved these items and technology across western China into eastern Eurasia and beyond (Дэвлет 1980; Миняев 1980), although it may be the groups they pushed aside who brought both further west (Enoki et al. 1994).

How can we explain the creative artistic atmosphere in which these new technologies and iconography developed?

Frontiers or Contact Zones. Given its changeable political circumstances and its contentious alliances with the many peoples in the area, the region over this three hundred year period can perhaps best be seen as a ‘contact zone’ (Pratt 1992). Such places are ambiguous spaces that lay at the margins of direct political control by other states and in a place where local ideas and practices were reconstructed

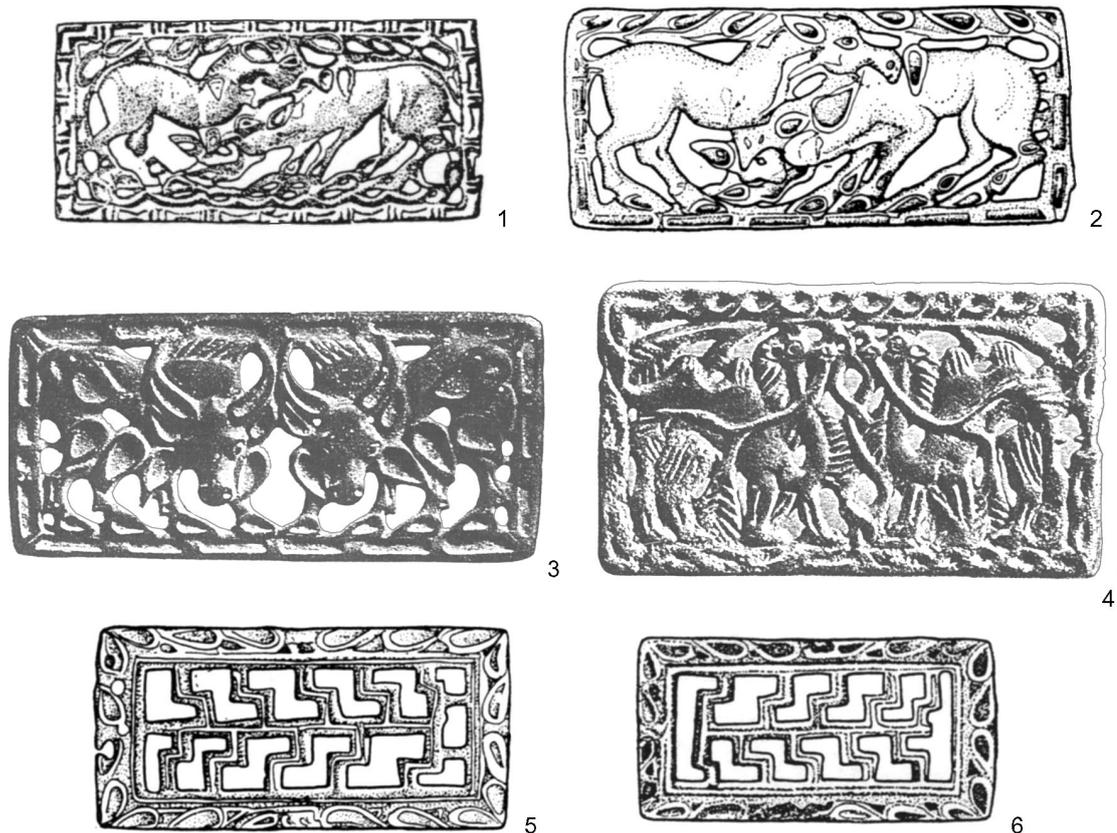

Fig. 3. Confronting Animal Plaques from the Ordos (from Tian and Guo 1986):

1–2 – confronting horses; 3 – confronting bovines; 4 – confronting camelids; 5–6 – geometric plaques

trans-culturally (Parker 2002; 2006; Ferguson, Whitehead 2005: xii). The nature of such spaces can be seen as highly permeable, constantly breached and put into question by processes that belie discourse of difference (Whitehead 1997a; 1997b; Ferguson, Whitehead 2005: xii). For instance, R. B. Ferguson and N. L. Whitehead (2005: xii) explain that because material circumstances, patterned social interactions and structured ways of thinking are in countless ways disrupted by the process of culture contact, they are frequently recast into something unique for the region and time (Linduff and Rubinson *forthcoming*).

Although these regions and their material cultures have most often been viewed as offshoots of nearby state level societies such as dynastic China or the Xiongnu Empire, the peoples of the region were physically dispersed in often-rugged terrain, and their mixed life way practices, topography and ecosystem inhabited enhanced mobility and even resisted political expansion or absorption. Apparently though, they were largely self-sufficient and strategically located. As a result, their political and cultural alliances and identities were pliable and they must have reinvented their histories while they lived at the edges of other states (Scott 2009: ix–xiv). The Chinese dynastic written accounts report, for instance, that they desired was to ally themselves with the beifang states as well as the state-lets of the Western Regions (of 2nd c. BCE–1st c. CE during the Han China) in an effort to secure their borders against the Xiongnu as well as maintain the corridor through which valuable goods, especially horses, could be made available for the Chinese military. In return the Han provided silk, princesses and gold (Hulsewé 1979).

These conditions, I think, brought increased significance to the use of material culture that was commissioned, displayed and worn, given in exchange, and/or locally produced and ritually buried. Located at the margins of state power and at a geographic and physical distance from large state centers, contacts in all periods were serendipitous and/or episodic. In this context it is no surprise that the artifacts, most of which come from ritualized settings, were sometimes direct borrowings from those centers, or were oft times hybrids, and/or were even more frequently distinctively different from anything known in the power centers. Such is the case with our animal plaques.

It is my contention that the patron/collectors of these artifacts were sensitive to the process of contact and exchange and were actively choosing how to position themselves in relation to the circumstances. As such the materials chosen, including these plaques, marked a vision of place and person that could create and present a symbol matrix that might mobilize support, legitimate rule and, ostensibly even bind people together. That is, the objects, whoever designed them, were chosen for a purpose and affective value. The artifacts were activated at the will of the patrons and circumstances, for political, occupational, as well as social and/or familial purposes. The more distinctive they were the better. I like to call them, artifacts in action.

Artifacts in Action. The dangerous circumstances on the frontier rendered former group emblems or items impotent or at least differently charged in the newly constituted political setting as shifts in allegiances occurred. Perhaps as a result, death on the frontier was often elaborately celebrated and recognized by its inhabitants as a time to mark victories, their distinctive lifestyle and/or other identity with artifacts that signified those attributes. In other words, burial practices were used to delineate difference; to define solidarity (cultural, political or otherwise); to declare one's own identity; to construct ideas about status, gender or age; and/or to resist or substantiate tradition or change in places where cultural coherence was threatened (Appadurai 1996; Eller 1999; Tambiah 1996).

Artifacts acted as cultural documents, invested with information about the peoples and regions where they were found, so that their political, economic, ideological, and other meanings should be identifiable within the context of history. One specific example will make clear the point here. The Tomb of King Wuling (r. 325–299 BCE) of the Chinese border state of Zhao bore a gilded bronze dragon plaque (Liu, Bin 2008; Zhao 2004). King Wuling was the Chinese leader who avowed that his military begin to wear trousers in and ride horseback 'barbarian fashion' in 307 BCE. In a heated exchange recorded in the *Stratagems of War* the following was stated:

Official Cheng: "Dear King of Zhao, if you adopt nomadic clothing and cavalry in the battles with them, you are going to lose your Chinese identity!"

King Wuling: "There is no one way to rule the world, nor is there any need to copy the old to benefit my country." – Zhanguo Ce (*Stratagems of the Warring States*), (475–221 BCE) (CQZZ 1981)

With this exchange we see this Chinese leader of a border state consciously changing his identity through dress and in doing so separated himself and the Zhao State from the dynastic Chinese Zhou confederation presumably for strategic military and political reasons. The gilded dragon plaque found in his tomb displayed a new iconography that borrowed elements from the Chinese model and cast it in a steppe belt plaque shape. This border state was constantly under threat of absorption and/or annihilation by the larger, stronger powers, and thus such images were significant. Seen in this context, I think such an object is of signal importance in subject and material of manufacture as a distinctive marker of locality and affiliation as well as discriminating the person buried with it. Its hybrid iconography and gold overlay suited the circumstance and allowed the use of local technological knowhow as well as the creation of a new iconography. Dragons placed in mirrored symmetry as well as the mercury gilded surface à la the Chinese was combined in a 'steppe-style' plaque creating a whole new visual expression of identity.

This preliminary study of exchange of luxury goods, hopefully, illustrates the potential for understanding the interdependency between peoples of Eurasia and the regions as far east as the borderlands of the early Chinese dynasties. Such invention benefitted from its frontier location – and produced products that were neither fully in the dynastic nor steppe mode that could be exchanged and reproduced over a wide area.

Давыдова 1985 – Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.

Довгалюк 1997 – Довгалюк Н. П. Находки китайских стеклянных изделий на территории Западной Сибири // Россия и Восток: археология и этническая история: Мат-лы IV междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 42–47.

- Дэвлет 1980 – *Дэвлет М. А.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э.–I в. н. э. М., 1980 (САИ. Вып. Д4-7).
- Матющенко, Татаурова 1997 – *Матющенко В. И., Татаурова Л. В.* Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997.
- Миняев 1980 – *Миняев С. С.* Производство и распространение поясных пластин-пряжек с зооморфными изображениями // *Дэвлет М. А.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э.–I в. н. э. М., 1980 (САИ. Вып. Д4-7). С. 29–31
- Минасян, Шаблавина 2009 – *Минасян Р. С., Шаблавина Е. А.* О роли технической терминологии в археологической литературе // *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем.* СПб, 2009. С. 236–261.
- Погодин 1999 – *Погодин Л. И.* Золотое шитье Западной Сибири (первая половина I тыс. н. э.) // *Исторический ежегодник.* 1996 год. Омск, 1999. С. 123–134.
- Руденко 1962 – *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962 (САИ. Вып. Д3-9).
- Яблонский и др. 1993 – *Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В. Л.* Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // *Курганы Левобережного Илека.* М., 1993. Вып. 1.
- AISP 2006 – The Archaeology Institute of Shanxi Province. The Qin Tomb in the Northern Suburb of Xi'an. Xi'an, 2006.
- Appadurai 1996 – *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996.
- Bunker 1988 – *Bunker E. C.* Lost Wax Lost Textile // *The Beginning of the Use of Metals and Alloys.* Cambridge (Mass.), 1988. P. 222–227.
- Bunker 1991 – *Bunker E. C.* Sino-Nomadic Art: Eastern Zhou, Qin and Han Artifacts Made for Nomadic Taste // *International Colloquium on Chinese Art History Proceedings.* Taipei, 1991. P. 269–290.
- Bunker 1992 – *Bunker E. C.* Significant Changes in Iconography and Technology Among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C. // *Bulletin of the Asia Institute.* New Series. Detroit, 1992. Vol. 6. P. 99–115.
- Bunker 2002 – *Bunker E. C.* Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppe: The Eugene Thaw and Other New York Collections. New York; New Haven; London, 2002.
- Bunker et al. 1970 – *Bunker E. C., Chatwin C. B., Farkas A. R.* Animal Style Art from East to West. New York, 1970.
- Bunker et al. 1997 – *Bunker E. C., Kawami T., Linduff K. M., En W.* Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections. New York, 1997.
- CQZZ 1981 – An Annotated Version of Master Zuo's Commentaries on the Spring and Autumn Annals. Beijing, 1981.
- Eller 1999 – *Eller J. D.* From Culture to Ethnicity to Conflict: An Anthropological Perspective on International Ethnic Conflict. Ann Arbor, 1999.
- Enoki et al. 1994 – *Enoki K., Koshelenko G. A., Haidary Z.* The Yüeh-chih and their migrations // *History of civilizations of Central Asia.* Vol. II: The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Paris, 1994. P. 171–189, 525–527.
- Ferguson, Whitehead 2005 – *Ferguson R. B., Whitehead N. L.* War in the Tribal Zone: Expanding States and Indigenous Warfare. 2nd ed. Santa Fe, 2005.
- Gryaznov 1969 – *Gryaznov M. P.* The Ancient Civilization of Southern Siberia: An Archaeological Adventure. New York, 1969.
- Hulsewé 1979 – *Hulsewé A. F. P.* China in Central Asia. The Early Stage: 125 B. C. – A. D. 23: An Annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty. Leiden, 1979.
- Karlgren 1945 – *Karlgren B.* Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities.* Stockholm, 1945. Vol. XCII. P. 101–144.
- Koryakova 2006 – *Koryakova L.* On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region // *The Golden Deer of Eurasia: Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World.* New York; New Haven; London, 2006. P. 102–113.
- Koryakova, Epimakhov 2007 – *Koryakova L. N., Epimakhov A. V.* The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge; New York, 2007.
- Lattimore 1940 – *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. Oxford, 1940.

- Linduff 1995 – *Linduff K. M.* Zhukaigou, steppe culture and the rise of Chinese civilization // *Antiquity*. 1995. Vol. 69, no 262. P. 133–145.
- Linduff 1996 – *Linduff K. M.* Art and Identity: The Chinese and Their “Significant Others” in the Shang // *Cultural Contact, History and Ethnicity in Inner Asia: Papers presented at the Central and Inner Asian Seminar, University of Toronto, March 4, 1994 and March 3, 1995*. Toronto, 1996. P. 12–48.
- Linduff 2006 – *Linduff K. M.* Beyond the Steppe and the Sown: Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology. Leiden; Boston, 2006. P. 358–370.
- Linduff 2009 – *Linduff K. M.* Production of Signature Artifacts for the Nomad Market in the State of Qin During the Late Warring States Period in China (4th–3rd Century BCE) // *Metallurgy and Civilisation: Eurasia and beyond*. London, 2009. P. 90–96.
- Linduff, Rubinson *forthcoming* – *Linduff K. M., Rubinson K. S.* Transfer of Metallurgical Technology and Objects across Eurasia and northern China in the late 1st millennium BCE–early 1st millennium CE // *Festschrift in Honor of Elena Kuzmina*. Moscow.
- Liu, Bin 2008 – *Liu T., Bin Ch.* Discussion on Artifacts Excavated from the Zhao King Tomb No 2 during the Warring States Period // *Wenwu Shijie*. 2008. Vol. 6.
- Loehr 1949a – *Loehr M.* Ordos Daggers and Knives: New Material, Classification and Chronology. First Part: Daggers // *Artibus Asiae*. Ascona, 1949. Vol. 12, no 1/2. P. 23–83.
- Loehr 1949b – *Loehr M.* Weapons and Tools from Anyang, and Siberian Analogies // *AJA*. 1949. Vol. 53, no 2. P. 126–144.
- NXWWKGYJS 1988a – Excavation of Xiongnu Tombs in Lijiataozi, Tongxin County, Ningxia) // *Kaogu yu Wenwu*. 1988. No 3.
- NXWWKGYJS 1988b – Xiongnu (Hun) Cemetery at Daodunzi in Tongxin County, Ningxia // *Kaogu Xuebao*. 1988. No 3. P. 333–356.
- Parker 2002 – *Parker B. J.* At the Edge of Empire: Conceptualizing Assyria’s Anatolian Frontier, ca. 700 B.C. // *Journal of Anthropological Archaeology*. New York, 2002. Vol. 21, no 3. P. 525–557.
- Parker 2006 – *Parker B. J.* Toward an Understanding of Borderland Processes // *American Antiquity*. Menasha, 2006. Vol. 71, no 1. P. 77–100.
- Pratt 1992 – *Pratt M. L.* *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London; New York, 1992.
- Rubinson 2008 – *Rubinson K. S.* Tillya Tepe: Aspects of Gender and Cultural Identity // *Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham, 2008. P. 51–63.
- Scott 2009 – *Scott J. C.* *The Art of not being governed: An Anarchist history of Upland Southeast Asia*. New Haven, 2009.
- Tambiah 1996 – *Tambiah S. J.* *Leveling Crowds: Ethnonationalist Conflicts and Collective Violence in South Asia*. Berkeley, 1996.
- Tian, Guo 1986 – *Tian G., Guo S.* *Erdos-type Bronzes*. Beijing, 1986.
- Torres-Rouff, Yablonsky 2005 – *Torres-Rouff C., Yablonsky L. T.* Cranial vault modification as a cultural artifact: a comparison of the Eurasian steppes and the Andes // *Homo: Journal of Comparative Human Biology*. Jena, 2005. Vol. 56, no 1. P. 1–16.
- Whitehead 1997a – *Whitehead N. L.* While Tulips, Black Caribs and Civilized Indians: The rhetoric of ethnic transgression in the colonial possession of South America: Paper presented at the 20th Burdock-Vary Symposium. Madison, 1997.
- Whitehead 1997b – *Whitehead N. L.* Monstrosity and marvel: Symbolic convergence and mimetic elaboration in trans-cultural representation // *Studies in Travel Writing: Papers from the Essex Symposium on “Writing Travels”*. Nottingham, 1997. No 1. P. 72–96.
- Yue 2003 – *Yue L.* Preliminary excavation report of the Warring States period tomb of a bronze caster in the northern suburbs of Xi’an) // *Wenwu*. 2003. Vol. 9. P. 4–14.
- Zhao 2004 – *Zhao J.* Explorations on the Gilded Plaque from the Zhao King Tomb // *Wenwu Chunqiu*. 2004. Vol. 1.

«Царские» погребально-поминальные комплексы Тувы: некоторые итоги и перспективы исследований

Памятники Турано-Уюкской котловины, в частности, ее западной части, получившей название «долины царей», безусловно имеют огромный потенциал для реконструкции элитарной субкультуры древнего кочевого социума. Археологические исследования кург. Аржан (далее Аржан 1), проведенные здесь под руководством М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-оола (Грязнов 1980), произвели большой резонанс в мировой науке и позволили по-новому оценить вклад восточной зоны Великого пояса степей в формирование культурных традиций начала I тыс. до н. э. Большинство исследователей признают, что на сегодняшний день этот памятник, датированный самым началом VIII в. до н. э., может выступать хронологическим репером не только для культуры ранних кочевников Тувы, но и для комплексов начала I тыс. до н. э. всей степной Евразии. Однако материалы, полученные в результате раскопок Аржана 1, поставили множество вопросов, которые до сих пор обсуждаются.

Именно эти дискуссии и вопросы послужили основным научным стимулом изучения еще одного «царского» погребально-поминального комплекса, входящего с кург. Аржан 1 в одно Аржанское могильное поле. Погребально-поминальный комплекс Аржан-2, исследованный в начале XXI в. российско-германской экспедицией, расположен в 9 км от первого кургана. В отличие от Аржана 1, этот памятник, несмотря на попытки ограбления в древности и позднейшие разрушения, сохранил не потревоженными все, непосредственно связанные с комплексом, захоронения. Датировка Аржана-2 серединой–второй половиной VII в. до н. э. устанавливается как типологическими соответствиями предметов (прежде всего – вооружения и конского снаряжения), так и радиоуглеродными определениями. Таким образом, возникла возможность сравнительного анализа двух «царских» комплексов, отстоящих по времени на полтора века.

Материалы курганов сопоставлялись по архитектуре сооружения; погребальному обряду; сопроводительным конским захоронениям и инвентарю, в т. ч. – произведениям изобразительного искусства. Проведенное сравнение показывает значительное сходство между памятниками в концептуальном подходе к устройству элитного погребального комплекса, хотя идея захоронения вождя воплощалась в обоих случаях разными приемами (Chugunov 2007: 47). Почти полное отсутствие параллелей в материальном комплексе свидетельствует об определенном хронологическом промежутке между ними, причем Аржан 1 открывает «царский» могильник в этой части долины, а Аржан-2 завершает его (Chugunov 2010: 160–163).

Между тем, эти исследования не только отвечают на поставленные ранее вопросы, но ставят множество новых. Некоторые из них кратко сформулированы ниже.

Как известно, элита любого общества впитывает все доступные ей новации в бытовой, культурной, технологической и других сферах жизни. Материалы Аржана-2 показали насколько это справедливо для культуры населения Тувы раннескифского времени. При этом строго регламентированный «царский» погребальный обряд предусматривал захоронения рядовых кочевников, сопровождающих вождя. Находки из этих могил позволяют соотнести памятник с исследованными ранее комплексами. Так, Аржан-2, несомненно, является «царским» курганом населения, оставившего алды-бельскую археологическую культуру, выделенную А. Д. Грачом по материалам раскопок в Центральной Туве (Грач 1971: 96–97; 1980: 24–26). Позиция Аржана 1 в этом смысле более неопределенна. Было высказано предположение о синхронизации с ним т. н. памятников шанчигского типа – небольших, часто безынвентарных захоронений в каменных камерах-цистах на уровне древней дневной поверхности (Кызласов 1977: 35–37; Чугунов 1992: 78–79; 1994: 48–51). Поиск и датирование современными методами таких захоронений – насущная задача. Не исключено, что курганы

этого типа зафиксированы в зоне строительства железной дороги на северном побережье Белого озера, однако прояснить этот вопрос можно только после раскопок.

Трансформация погребального канона, произошедшая за полтора века, отделяющих первый «царский» курган от второго, требует своего объяснения. Для решения этой задачи необходимо исследование надежно датированных представительных комплексов конца VIII–первой половины VII в. до н. э. Критерии такой датировки пока не определены для памятников Тувы. Если верно предположение, что «царский» могильник в этой части долины развивался от Аржана 1 к Аржану-2, то, исследовав комплексы остальных двух памятников, мы получим искомую хронологическую колонку. Очевидно, что в ближайшее время такие широкомасштабные и дорогостоящие работы едва ли возможны. Однако не исключено, что ограниченные работы на связанной с курганами Аржан 3 и Аржан 4 периферии могут помочь установить их датировку.

Судьба алды-бельской культуры, степень ее участия в формировании последующей, уюкско-саглынской – еще одна научная проблема, ждущая своего разрешения. Исследование на современном методическом уровне курганов с каменно-земляными и земляными насыпями, безусловно, внесут свой вклад в ее решение. Однако, как показывает опыт предыдущих работ, необходимо сконцентрировать усилия на поиске и исследовании стратиграфически взаимосвязанных объектов. Это позволит получить наиболее убедительные наблюдения за изменениями погребального обряда и материального комплекса. Возможно, в случае удачи, мы сможем приблизиться и к решению ранее сформулированной задачи – выделению комплексов VIII–первой половины VII в. до н. э. Кроме того, учитывая наличие в подавляющем большинстве памятников глубоких могильных ям с погребальными камерами-срубами из бревен, нельзя недооценивать возможности дендрохронологического анализа, способного определить разницу во времени между памятниками с точностью до одного года. Некоторые отрезки такой «плавающей» хронологической колонки уже получены (Мыглан и др. 2006; Мыглан, Слюсаренко 2008), но эти работы необходимо продолжать для построения базовой дендрошкалы для всей эпохи ранних кочевников региона. Работа в этом направлении уже ведется – специалистами в ИАЭ СО РАН взяты и обрабатываются спилы бревен из могилы Кош-Пей (раскопки Вл. А. Семёнова). Повторное частичное открытие конструкций курга Аржан 1, проведенное совместно с дендрохронологами в 2010 г., позволило получить новую значительную серию образцов древесины из этого ключевого памятника.

Большое внимание следует уделять точной фиксации планов могильников и, особенно, крупных погребально-поминальных комплексов аржанского типа. Как показали предварительные наблюдения, иногда возможно выявить последовательность их сооружения только на основании взаимного расположения окружающих ритуальных сооружений. Кроме того, при проведении инструментальной съемки выявляются определенные общие закономерности в структуре комплексов. Начало этой работе уже положено, т. к. на базе экспедиций ИИМК РАН и ГЭ над составлением подробной карты памятников успешно трудится топографическая группа под руководством А. Г. Акулова.

Отдельной задачей, и не только для региона «долины царей», но и для всей Тувы, является поиск и исследование поселенческих комплексов эпохи ранних кочевников. Конечно, особенности степного почвообразования дают мало шансов на обнаружение стратифицированных стоянок. Не исключено, что поиск стоянок нужно сместить в открытые к югу межгорные лога отрогов Куртушибинского хребта. Как показывает опыт таких исследований в Горном Алтае (Шульга 1990), весьма возможно обнаружение древних зимников скифского времени в непосредственной близости от могильных полей.

В настоящее время в «долине царей» продолжаются археологические работы. В западной части долины экспедицией ГЭ начаты исследования еще одного «царского» мемориала, получившего название Чинге-Тэй I. Этот памятник – самый западный в долине Уюка погребально-поминальный комплекс «царского» уровня. Особенности этого мемориала – наличие кольцевого рва вокруг центрального сооружения и вынесенная за пределы склона кургана ограда из вертикальных

плит у его подножия – отличают комплекс от других памятников «аржанского типа». В то же время общая планиграфия Чинге-Тэя I очень близка Аржану-2, а в процессе раскопок были выявлены и другие соответствия.

Диаметр кургана, расположенного в центре комплекса, составляет (судя по ограде из вертикально установленных плит) ок. 70 м, высота на наиболее сохранившихся участках – 2,2–2,3 м. Диаметр кольцевого рва, окружающего курган на расстоянии ок. 15 м, составляет 106 м по внешней его границе.

За несколько лет работ на памятнике были исследованы участки наземного сооружения между кромлехом и фасадом выявленной под склоном стены; изучены четыре сопроводительных могилы с богатым воинским инвентарем; обнаружен ритуальный «клад» металлических предметов в кромлехе; в конструкции найдена специально уложенная стела с изображениями; проведены раскопки на участках рва. Во рву и с внутренней стороны кромлеха зафиксирована технология заливки этого пространства илом, впервые встреченная в памятниках Тувы. На основании анализа предметного комплекса, прежде всего, представительных колчаных наборов, можно предварительно датировать сопроводительные комплексы началом VI в. до н. э. (Чугунов 2012), т. е. временем несколько более поздним, чем дата Аржана-2. Однако это определение относится только к сопроводительным могилам, которые могли сооружать позднее расположенных в центральной, пока не исследованной, части кургана. На дискретность постройки наземного сооружения Чинге-Тэя I указывают прослеженные в процессе раскопок ровики, перекрытые погребенной почвой и затем слоями ила, а также некоторые другие наблюдения. Исследования комплекса продолжаются и носят систематический характер. Как и при раскопках двух других «царских» курганов, в процессе изучения Чинге-Тэя I возникает множество вопросов, на некоторые из которых пока нет ответов. Однако без сомнения исследование третьего элитного комплекса поможет нам полнее понять и Аржан 1, и Аржан-2.

- Грач 1971 – *Грач А. Д.* Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. XV. С. 93–106.
- Грач 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грязнов 1980 – *Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Кызласов 1977 – *Кызласов Л. Р.* Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. 1977. № 2. С. 60–86.
- Мыглан и др. 2006 – *Мыглан В. С., Слюсаренко И. Ю., Ойдунаа О. Ч., Гаркуша Ю. Н.* Царский курган Аржан-2 в Туве: дендрохронологический аспект // АЭАЕ. 2006. № 4. С. 130–138.
- Мыглан, Слюсаренко 2008 – *Мыглан В. С., Слюсаренко И. Ю.* Дендрохронологические исследования курганов Аржан и Аржан-2 в Туве: подходы, проблемы, перспективы // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. III. С. 380–383.
- Чугунов 1992 – *Чугунов К. В.* Выделение погребальных памятников аржанского этапа в Туве // II ИЧ памяти М. П. Грязнова: Тез. конф. Омск, 1992. Ч. 2. С. 78–79.
- Чугунов 1994 – *Чугунов К. В.* Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. Вып. 8. 1994. С. 43–53.
- Чугунов 2012 – *Чугунов К. В.* Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «Terra Scythica»: Мат-лы симпозиума. Новосибирск, 2012. С. 358–369.
- Шульга 1990 – *Шульга П. И.* Поселения раннего железного века в Горном Алтае: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990.
- Chugunov 2007 – *Chugunov K.* The Comparative Study of the “Royal” Burial-Memorial Complexes of Tuva // Abstracts of the 1st International Congress of Eurasian Archaeology. Izmir, 21–24 May, 2007. P. 47.
- Čugunov 2010 – *Čugunov K. V.* Die Materialien aus Aržan 2 im Kontext der Periodisierung skythenzeitliche Denkmäler Tuvas // *Čugunov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010. S. 160–168 (AE. Bd. 26. Steppenvölker Eurasiens. Bd. 3).

Н. Ю. Смирнов (Санкт-Петербург, Россия)

На чем ездил аржанский «царь»?

*«Пусть мой господин не садится на коней,
но пусть садится только на колесницу или мулов
и уважает свою царскую голову!»*
Из письма управляющего дворцом к царю

Со времени исследования М. П. Грязновым кургана Аржан 1 прошло почти 40 лет, материалы раскопок большей частью опубликованы – вышли обобщающие монографии и большое количество статей, посвященных отдельным вопросам. И все же Аржан 1 продолжает ставить перед археологами все новые и новые вопросы. К ним можно отнести и проблему выделения из комплекса вещей, найденных в кургане, элементов колесничной упряжи, озвученную относительно недавно.⁸⁶

Первое предположение о том, что в кург. Аржан 1 могли находиться сопроводительные погребения коней из колесничных упряжек, высказал в 2002 г. Д. Г. Савинов. Основанием для этой гипотезы послужили косвенные признаки: наблюдения о принципах размещения коней в сопроводительных погребениях и особенностях расположения костей конских скелетов. Такие детали погребального обряда, как «установка» трупов коней в некоторых камерах плотными рядами,⁸⁷ наличие опоры для «поставленных» таким образом трупов коней; вытянутые задние ноги; головы, положенные на бревна первого венца клетки – позволили сопоставить кург. Аржан 1 с кругом памятников синташтинского типа с погребениями колесничных (Савинов 2002: 51–52). Из предметов материальной культуры в связи с колесничной гипотезой Д. Г. Савинов указал только на знаменитые бронзовые навершия в виде фигурок горных баранов, но не высказал конкретных предположений об их назначении или практическом использовании (Там же: 65).

Позднее идею о наличии упряжных лошадей в составе конских захоронений кург. Аржан 1 развил П. И. Шульга. Анализ комплексов сопроводительных погребений коней с территории Тувы, Алтая и Казахстана позволил ему выявить косвенные и прямые признаки наличия колесничных упряжек. В этом случае определяющими факторами стали: отсутствие седел и седельных ремней; однотипное оформление уздечек; наличие трехжелобчатых застежек и застежек с перехватом; наличие дополнительных ворворок; присутствие различных наверший (Шульга 2008: 47–49). Оказалось, что все эти признаки присутствуют в комплексе кург. Аржан 1. Однако однозначного вывода о наличии упряжных лошадей в составе сопроводительных захоронений П. И. Шульга не сделал.

Приведенные выше аргументы очень важны для решения рассматриваемой проблемы, но не являются исчерпывающими. Ниже будут изложены не только наблюдения автора, но и представлены некоторые материальные свидетельства, ранее ускользавшие от внимания коллег.

Образцы инвентаря, связанные с сопроводительными конскими погребениями в кург. Аржан 1 (рис. 1, 1–9) происходят из нескольких камер с погребениями коней и не составляют целого комплекса. Но все они могут служить индикаторами присутствия упряжных лошадей.

⁸⁶ Сам М. П. Грязнов, вероятно, считал всех коней, погребенных в кургане, верховыми. Никаких указаний автора раскопок на то, что среди сопроводительных конских погребений могли быть упряжные кони обнаружить не удалось.

⁸⁷ Эта реконструкция деталей обряда принадлежит М. П. Грязнову (1980: 26), что отмечал и Д. Г. Савинов.

*Бронзовые наверхия в виде фигур горных баранов*⁸⁸ (рис. 1, 1). Различные наверхия, часто представляющие собой высокохудожественные изделия, выполненные в зверином стиле, встречаются в погребениях эпохи ранних кочевников первой половины I тыс. до н. э. на всей территории евразийской горно-степной полосы. Обычно они трактуются как составные части разного рода штандартов, украшавших погребальные ложа или повозки, которые также могли исполнять функцию ложа (напр., Петренко 2006: 72, рис. 3). Важно, что в ряде случаев фиксируется связь подобных наверхий с наборами конской упряжи, на что последовательно обращали внимание К. А. Акишев, А. К. Акишев (1978: 56–58), Д. Г. Савинов (2002: 65) и П. И. Шульга (2008: 47–50). К. А. Акишев и А. К. Акишев выдвинули наиболее правдоподобное объяснение роли наверхий в составе упряжи: они крепились по краям ярма, а сквозь петли, расположенные на втулке, могли пропускаться ремни вожжей (Акишев К., Акишев А. 1978: 57). Такое расположение наверхий подтверждают и художественные памятники Ближнего Востока – резные каменные панели – декор стен в дворцовых комплексах Новоассирийского царства. На плитах 8 и 9 из пом. 2 дворца Саргона II в Дур-Шаррукине изображена царская колесница, ярмо которой украшено вертикально ориентированными наверхиями, видимо, изготовленными из металла, т. к. на них имеются рельефные изображения⁸⁹ (Albenda 1986: pl. 113, 115). О том, что так украшалось именно ярмо, свидетельствует и изображение вотивной колесницы, концы ярма которой украшены наверхиями (в этом случае ориентированными горизонтально) в виде козлиных голов, на плите 27 фасада L того же дворца (Ibid.: pl. 47). Переднево-сточная традиция изображения целых фигур козлов или козлиных протом на деталях штандартов и различных наверхиях, видимо, связанных с колесничной упряжью, находит ближайшее соответствие в оформлении аналогичных наверхий Казахстана, Ордоса и Монголии (Акишев К., Акишев А. 1978: рис. 7, 4, 6, 13–15, 17, 18). У значительного числа подобных наверхий на втулках имеются боковые петли-ушки (напр., рис. 1, 1 – второе слева и крайнее справа) или дополнительные кольца в основании, как у наверхий из Биже и кург. 2 мог-ка Тасмола V (Там же: рис. 3, 7, 15). По реконструкции К. А. Акишева и А. К. Акишева, видимо, поддержанной П. И. Шульгой, сквозь них пропускались ремни вожжей. В основу этого предположения легли наблюдения о стертости петель или дополнительных колец, преимущественно с внутренней стороны (Там же: 41, 57–58; Шульга 2008: 48–49). Такая реконструкция представляется вероятной, т. к. соответствует традиции размещения на ярме направляющих колец, помогавших распределять вожжи, зафиксированной для колесничной упряжки еще в конце XVI в до н. э. (Нефёдкин 2001: 73). Внимательное рассмотрение колесничных сюжетов на резных каменных панелях Дур-Шаррукина – резиденции Саргона II (722–705 гг. до н. э.), а также на бронзовой обивке Балаватских ворот эпохи Салманасара III (858–824 гг. до н. э.) и алебастровых рельефах эпохи Ашшур-нацир-апала II (884–858 гг. до н. э.) подтверждает возможность такого использования дополнительных колец и петель при размещении наверхий на ярме – вожжи, собранные в руках возниц биг, триг и квадриг, расходятся к определенным местам на ярме, что может быть обусловлено только наличием таких разделительных колец⁹⁰ (Albenda 1986: pl. 97, 103, 121, 123; Андерсон 2006: рис. 3а–4а; Littauer, Crouwel 1979: fig. 53).

⁸⁸ При интерпретации материалов кургана Аржан I М. П. Грязнов обошел стороной вопрос относительно назначения этих наверхий, осторожно предположив, что они «не имеют прямого отношения к сбруе коня» (Грязнов 1980: 49).

⁸⁹ Аналогичные наверхия украшают ярмо вотивной золотой квадриги из Амударьинского клада. На своих местах сохранились три наверхия: два располагаются на концах ярма и одно – между первой и второй лошадьми справа (Зеймаль 1979: 37, кат. 7). То, что это именно металлические наверхия, а не султаны, как предполагал Е. В. Зеймаль, подтверждают приведенные выше изображения из Дур-Шаррукина. Можно предполагать, что изначально наверхия располагались на ярме вотивной квадриги симметрично, соответственно, их общее количество равнялось пяти. Именно пять бронзовых наверхий обнаружены в составе принадлежностей сопроводительных конских погребений в камере 26 кург. Аржан I (Грязнов 1980: 36, рис. 25).

⁹⁰ Возможно, именно разделительные кольца для вожжей показаны на ярме колесницы, изображенной на плите 30 фасада L Дур-Шаррукина (Albenda 1986: pl. 49).

Петли (одна или две), часто встречаются на втулках копий эпохи поздней бронзы Евразии, где, как убедительно показал В. С. Бочкарёв, играют роль соединительных элементов для привешивания различного рода кистей, лент и прочих штандартов, выполненных из мягких материалов (Бочкарёв 2010). В ряде случаев копьё с подвешенными штандартами могли заменять боевой стяг отряда (Там же: 141).

Все пять бронзовых наверший из кург. Аржан 1 происходят из камеры 26, при этом четыре обнаружены попарно и являются «комплектными». Из третьего «комплекта» сохранилось только одно навершие. На втулках одной пары имеются расположенные с боку петли (Грязнов 1980: 36, рис. 25, 2, 5).

Обращает на себя внимание расположение парных наверший в камере. Два навершия с круглыми втулками лежали рядом с тремя конскими черепами, снабженными тремя комплектами удил. Рядом находилась богато украшенная вырезанными из клыков кабана бляшками (в т. ч. восьмерковидной или бабочковидной форм) деталь (или детали) узды или упряжи (Грязнов 1980: 36, рис. 25, 3, 4). В той же группе изделий, относящихся к снаряжению коня, была обнаружена пара стремечковидных пряжек с выступом-шпеньком (Грязнов 1980: 36, рис. 23, 4). Подобные пряжки, как элемент колесничной упряжи, выделяет П. И. Шульга, сравнивая их с аналогичными по конструкции изделиями из Краснознаменского кург. I (Шульга 2008: 47). Именно в Краснознаменском мог-ке В. Г. Петренко удалось обнаружить двуконные, трехконные и четырехконные колесничные упряжки и остатки колесниц, в состав снаряжения которых входили не только упоминаемые пряжки, но также навершия и застежки с перехватом (Петренко: 2006: 68–83).

Другая пара наверший, на квадратных втулках с дополнительными боковыми петлями, была обнаружена «посередине камеры, *поверх бревен, покрывавших коней* (курсив мой – Н. С.), на уровне между первым и вторым венцами сруба» (Грязнов 1980: 36, рис. 25, 2, 5). Особенность их расположения может указывать на попытку воспроизведения колесничной упряжки без размещения самой колесницы и ее громоздких деталей (бревна, лежавшие над конями, могли символизировать ярмо). В этот контекст логично вписывается предположение Д. Г. Савинова о том, что пустые камеры третьего яруса деревянных клетей кург. Аржан 1 могли символизировать повозки или колесницы, расположенные позади «поставленных» упряжных коней (Савинов 2002: 52). Общее количество коней в камере 26, по реконструкции М. П. Грязнова (1980: 36), – семь. При этом три коня составляют отдельную группу (см. выше), возможно, представлявшую запряжку триги. Остальные кони вполне могут быть объединены в рамках квадриги.

Бабочковидные и восьмерковидные бляшки (рис. 1, 2, 3). Подобные изделия, выполненные из кости/рога или металла, получают широкое распространение в евразийских степях в первой половине I тыс. до н. э. Безусловно, время появления такой формы нашивных украшений относится еще к эпохе бронзы и изначально связано с костюмом и снаряжением человека.

В кург. Аржан 1 украшения в форме восьмерковидных и бабочковидных нашивных бляшек, вырезанных из клыков кабана, обнаружены компактной группой в камере 26. Вместе с ними находились удила для трех лошадей, пара стремечковидных пряжек, пара наверший и проч. (Грязнов 1980: 36). Исходя из компактности расположения бляшек, а также предположения о том, что три коня, к которым они относились, составляли тригу, можно отождествить их с украшениями нагрудника (подперся) колесничих лошадей переднеазиатского типа. Аналогично украшенные нагрудники упряжных лошадей известны по дворцовым рельефам Новоассирийского царства с эпохи Саргона II напр., из дворца в Дур-Шаррукине (Albenda 1986: pl. 27, 97, 102, 103, 113, 121, 123). Схожую реконструкцию конских нагрудников из кург. Аржан 1 в свое время предложил Н. А. Боковенко (Bokovenko 2004: fig. 2, 38, 39).

Всего в камере 26 было учтено 66 различных бляшек, хотя М. П. Грязнов отмечал, что их могло быть и больше, т. к. часть разрушилась под воздействием времени и среды (Грязнов 1980: 36). При подсчете количества бляшек, изображенных на нагрудниках упряжных лошадей на рельефах Дур-Шаррукина, получается, что один нагрудник могли украшать 15–30 восьмерковидных

или бабочковидных бляшек. Полученная цифра в среднем соответствует тому количеству бляшек (по крайней мере, сохранившихся), которое было обнаружено у трех коней в камере 26 кург. Аржан 1.⁹¹

Ярмо-рогатка, вырезанное из рога марала (рис. 1, 8). Ярмо-рогатка – одна из конструктивных частей колесницы – вилкообразный элемент, крепившийся к ярму, – препятствовал соскальзыванию ярма и облегчал тягу лошади (Нефедкин 2001: 28). Именно такое ярмо-рогатка было обнаружено в составе инвентаря сильно ограбленной камеры 2 (Грязнов 1980: 26). К сожалению, при публикации памятника изображение этого предмета не вошло в издание и о нем имеется лишь скупое авторское упоминание: «"хомут" – вырезанная из рога марала развилка, образованная двумя первыми отростками и частью стержня рога» (Грязнов 1980: 26). Такое определение долгое время вводило в заблуждение исследователей, обращавшихся к опубликованным материалам памятника, и лишало их возможности оценить истинное значение этой находки.⁹² На мой взгляд, наличие в материалах кург. Аржан 1 ярма-рогатки со следами использования является неоспоримым аргументом в пользу гипотезы о существовании сопроводительных погребений упряжных лошадей. Аналогичные по конструкции, но более грубые ярма-рогатки, сделанные из дерева, были обнаружены в Пятом Пазырыкском кург. вместе с погребением упряжных лошадей и повозкой. Именно эту находку П. И. Шульга приводит как единственно достоверный случай обнаружения упряжки и колесницы в памятниках I тыс. до н. э. на территории Саяно-Алтая (Шульга 2008: 45).

Подвесное массивное украшение в виде свернувшегося кошачьего хищника, отлитое из бронзы (рис. 1, 9). Непревзойденный по своей лаконичности шедевр звериного стиля ранних кочевников – самый известный предмет из кург. Аржан 1 – происходит из той же камеры 2, где было обнаружено ярмо-рогатка (Грязнов 1980: 26). Назначение этого изделия остается невыясненным до сих пор. По реконструкции Н. А. Боковенко, бляха с изображением свернувшегося хищника служила украшением конской узды, крепившимся (непонятно каким образом) на нагрудных ремнях (Мандельштам 1992: табл. 72, 67; Vokovenko 2003: fig. 2, 36). С обратной стороны бляхи имеются две небольшие петли-скобы, ориентированные горизонтально, что подразумевает вертикальное расположение ремней для подвешивания (фрагменты этих ремней остались в петлях) (рис. 2, 1, справа). Это препятствует размещению изделия, которое предложено в реконструкции Н. А. Боковенко. При внимательном осмотре обратной стороны бляхи сразу бросается в глаза значительная залощенность, практически заполированность, всех выступающих деталей: «ребер» отливки, образующих контур свернувшегося хищника, и скоб-петель. Это может быть следствием только регулярного, ритмичного трения (вызванного интенсивным движением) обратной стороны бляхи о

⁹¹ Бабочковидные бляшки неоднократно привлекали для подтверждения культурных контактов степных кочевников и населения древних государств Передней Азии. Спорные моменты таких сопоставлений специально рассмотрены А. И. Иванчиком (2001: 210–220). Он привел важный, в контексте проблемы назначения восьмерковидных и бабочковидных бляшек, пример – спекшиеся украшения узды из слоя разрушений Хасанлу IV (Иванчик 2001: рис. 105, 20, 21). Возможно бляшки использовали для украшения налобного и суголовных ремней узды. На конских нагрудниках изображения бабочковидных или восьмерковидных бляшек четко определяются, начиная только с рельефов Дур-Шаррукина (напр., Albenda 1986: pl. 33, 85, 86, 88).

⁹² Само ярмо-рогатка было практически недоступно вниманию исследователей, т. к. хранилось в фондах Тувинского республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Тыва) среди прочих переданных туда находок из кург. Аржан 1. В 2007 г. мне удалось осмотреть и сфотографировать его, а также удостовериться в том, что, во-первых, этот предмет действительно является ярмом-рогаткой, а, во-вторых, несет на себе следы использования (залощенные участки рога вокруг отверстий для пропуска крепёжных ремней, следы потертости). При этом рисунок ярма-рогатки, сделанный О. Л. Пламеневской, опубликован в таблицах к соответствующему тому «Археологии СССР» еще в 1992 г. (Мандельштам 1992: табл. 72, 61). Однако отсутствие упоминания о нем в тексте и в описании таблицы привело к тому, что на этот предмет просто не обращали внимания.

какую-то поверхность.⁹³ Можно предположить, что бронзовая бляха не была жестко закреплена (как это предполагает вышеупомянутая реконструкция), а обладала определенной степенью свободы, необходимой для истирания обратной стороны. Поиск возможных аналогий такому расположению орнаментированного плоского округлого предмета типа бляхи в составе декора конской упряжи или упряжи привел меня к тем же изобразительным памятникам Древнего Востока.

Самыми ранними изображениями колесничных лошадей с плоскими (?) дисковидными деталями упряжи (возможно, украшениями), свободно подвешенными в области лопаток и основания шеи к нагрудному ремню или к окончанию ярма, по всей видимости, являются схематические изображения на бортах колесницы из могилы Тутмоса IV (1425–1417 гг. до н. э.) (Yadin 1963: 192–193). Аналогичные украшения упряжи обнаруживаются и на лошадях, запряженных в колесницу фараона на панно из Абу-Симбела, запечатлевшем битву при Кадеше (ок. 1300 г. до н. э.) (Нефёдкин 2001: рис. на стр. 79). Больше информации дают рельефы из дворцов Новоассирийского царства, а также позднеегипетские древности. На рельефе Ашшур-нацир-апала II из Нимруда (рис. 1, 10–10А), хорошо видна плоская, дисковидная прорезная бляха с обернувшимся хищником, украшенная снизу кистями и подвешенная на параллельных ремешках к нагрудному ремню (или, возможно, к окончанию ярма) колесничной лошади. Показательно не только совпадение семантики декоративного сюжета, но и сам способ крепления бляхи – она свободно свисает вдоль лопатки лошади на нескольких параллельных ремнях. Именно при такой конструкции крепления эта деталь декора упряжи может скользить обратной стороной по боку лошади и, тем самым, истираться. Аналогичная бляха, только оформленная в виде многолепестковой розетки, подвешена на ремне к нагруднику на другом рельефе того же времени из Ниневии, изображающем боевую тригу (Нефёдкин 2001: рис. на стр. 442). Схожая бляха-подвеска входит в состав упряжи биги, изображенной на Балаватских воротах Салманасара III (858–824 гг. до н. э.) (Андерсон 2006: рис. 3а). Такие же многолепестковые бляхи-розетки украшают упряжных лошадей на рельефах из Дур-Шаррукина (Albenda 1986: pl. 97, 103, 111, 113, 121, 123), причем хорошая сохранность резных панелей позволяет определить, что эти бляхи свободно подвешены на специальном вилкообразном переходнике к окончаниям ярма (Ibid.: pl. 121; рис. 1, 11, 11А). На еще одном рельефе из Сакчегёзу (первая половина VIII в. до н. э.), где представлена сцена колесничной охоты на льва, изображен круглый плоский предмет, украшенный кистями по нижнему краю, свободно подвешенный либо к подпружному ремню, либо к окончанию ярма, ниже лопатки лошади (Littauer, Crouwel 1979: fig. 58). Так как здесь показан хорошо защищенный доспехом конь, можно предположить, что и интересующее нас изделие имело не только декоративную, но и защитную функцию.

К рис. 1. 1–9 – маркеры присутствия колесничной упряжки в комплексе кург. Аржан 1 (1–3 – камера 26; 4–6, 9 – камера 2; 7–8 – камера 1): 1 – навершие (украшения ярма?); 2 – бабочковидные бляшки; 3 – восьмерковидные бляшки; 4 – навершие и наконечник плети; 5 – распределители ремней нагрудника; 6 – желобчатая (трехжелобчатая) застежка; 7 – удила с двукольчатыми окончаниями; 8 – ярмо-рогатка; 9 – бляха-подвеска в виде свернувшегося хищника (1, 5, 7, 9 – бронза; 2–4, 8 – рог/кость; 6 – камень; 1–3 – по Грязнов 1980; 4–8 – по НА ИИМК РАН, ФА, О.2928; 9 – по Коренько 2002)
10–11 – материалы к реконструкции назначения бляхи-подвески – фрагменты декора каменных рельефов с изображением боевых колесниц и деталей убранства упряжных коней:
10 и 10А – дворец Ашшурнацирпала II, Нимруд (по Littauer, Crouwel 1979);
11 и 11А – дворец Саргона II, Дур-Шаррукин (по Albenda 1986)

⁹³ Бляха была осмотрена и сфотографирована мной в 2007 г. в фондах Тувинского республиканского краеведческого музея. Очевидно, что залощенность не является результатом целенаправленного действия, рассчитанного на придание красоты и гладкости «ребрам» отливки на обратной стороне бляхи – в ряде случаев хорошо заметны каверны, появившиеся в металле при отливке. Если бы перед мастером стояла задача придать обратной стороне бляхи благообразный вид, то ребра были бы сточены равномерно, а внутренняя поверхность отливки зачищена.

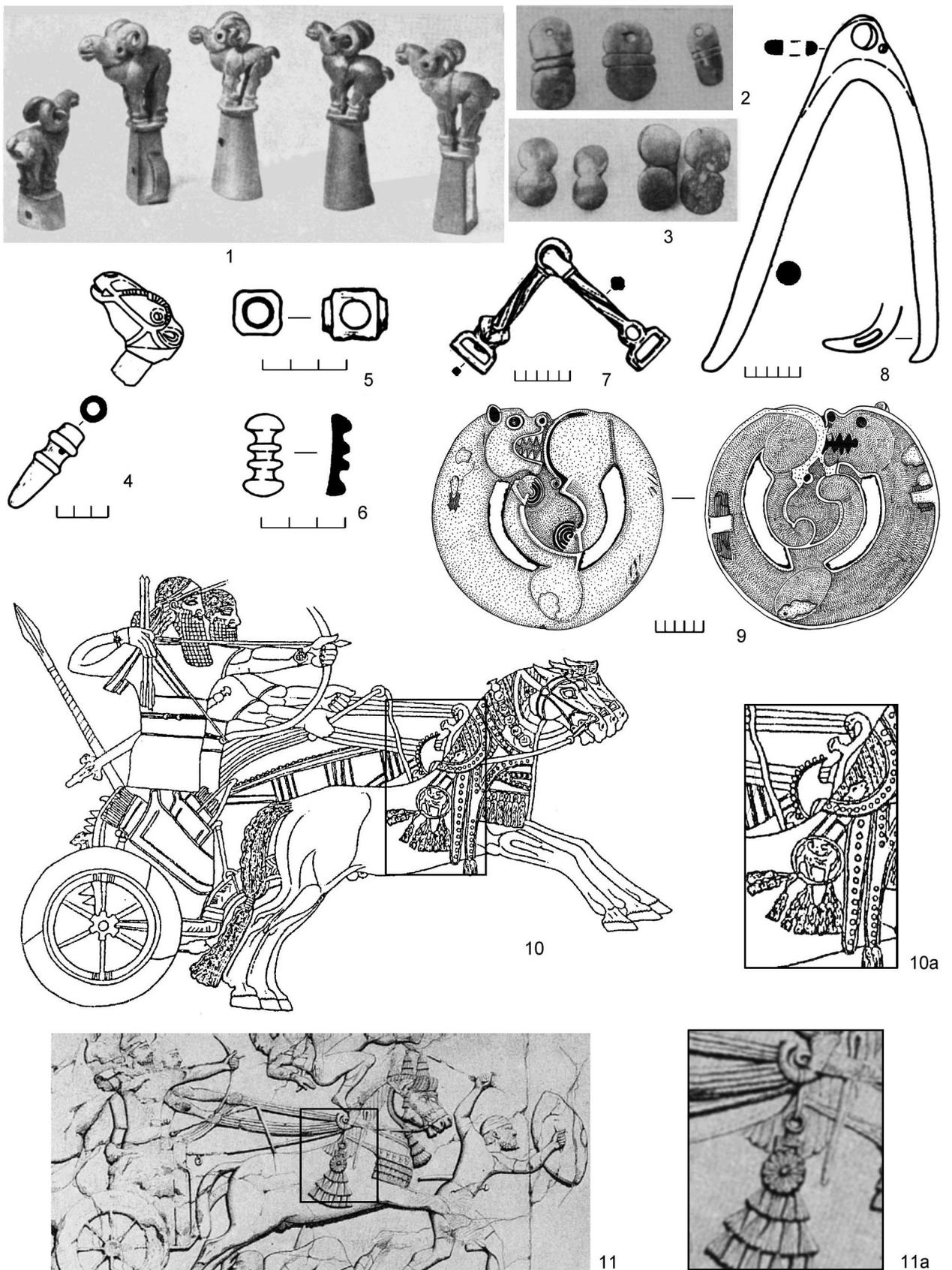

Рис. 1

Плоский предмет с подвешенными к нему кистями изображен свисающим с подперся мула в сцене с эламскими лучниками, едущими на боевой двуколке на рельефах из дворца Ашшурбанипала (середина VII в. до н. э.) в Ниневии (Там же: fig. 51) и т. д.

Таким образом, прослеживается длительная традиция украшения колесничной упряжи крупными плоскими орнаментированными бляхами, которые, возможно, имели не только декоративное, но и практическое значение. Форма, конструкция крепления и следы использования, имеющиеся на оборотной стороне бляхи со свернувшимся хищником из кург. Аржан 1, в целом позволяют отнести ее к кругу рассмотренных выше изделий и, таким образом, реконструировать ее назначение как подвесного парадного украшения упряжи (обладающего и защитной функцией?), свободно располагавшееся в области лопатки колесничной лошади.

Детали парадной плети (рис. 1, 4). В той же камере 2 были обнаружены два предмета, вырезанные из рога: навершие в виде головки взнузданного коня и наконечник в виде полого стержня с двумя валиками (Грязнов 1980: 26). М. П. Грязнов предположил, что это могли быть части составного псалия (Там же). В свое время я поддержал эту гипотезу, выделив целый ряд изделий типа полых наконечников, вырезанных из рога или кости из памятников Казахстана, Западной Сибири и Саяно-Алтая эпохи поздней бронзы–начала эпохи ранних кочевников (Смирнов 2005). Параллельно П. И. Шульга высказал предположение, что навершие и наконечник из камеры 2 кург. Аржан 1 являются составными частями плети (Шульга 2005). Сейчас можно признать правоту П. И. Шульги и поддержать его вывод о назначении этих изделий. Таким образом, в камере 2, кроме ярма-рогатки и бляхи со свернувшимся хищником, находилась и парадная (?) (учитывая художественную ценность навершия в виде головы взнузданной лошади) плеть, которую также можно отнести к снаряжению колесницы (колесничего). На то, что эта плеть может являться маркером присутствия колесничной упряжки, косвенно указывает ее размещение в камере, где были погребены только лошади. Плеть всадника, чаще всего, помещали рядом с ее владельцем. В то же время плеть является неотъемлемым атрибутом возничего колесницы, что хорошо подтверждается данными изобразительных памятников Древнего Востока (напр., рис. 2, 2, 4).

Удила с двукольчатыми окончаниями (рис. 2, 7). Эта категория конского снаряжения также может являться косвенным показателем колесничной упряжки. Конструктивный аналог двукольчатых удил из камеры 1 кург. Аржан 1 – двукольчатые удила с внешним круглым кольцом – в европейской части степей, на новочеркасском этапе использовался в составе колесничной упряжи. Именно там новый тип удил сопряжен с новым видом псалиев – трехпетельчатых, «классического новочеркасского облика» (Эрлих 1997: 23). Судя по всему, это двойное «новшество» – отражение единого процесса. Удила с двукольчатыми окончаниями, несомненно, появляются, как отклик на необходимость усовершенствовать всю конструкцию узды, что, видимо, связано с внедрением колесничной упряжки.

Желобчатые (трехжелобчатые) бляшки-застежки (рис. 2, 6). В кург. Аржан 1 в камерах 1, 13, 26, найдено восемь желобчатых бляшек-застежек, из которых как минимум шесть составляют пары. Возможно, первоначально их было больше. Пять застежек вырезаны из камня, а три – деревянные, обложенные золотом (Грязнов 1980: 25, 36; НА ИИМК РАН, ФА, О.2928/32, 2). В двух случаях (камеры 1 и 26) желобчатые застежки обнаружены в составе снаряжения сопроводительных погребениях коней. При этом в камере 26 две застежки обнаружены в составе снаряжения предполагаемой триги, а в камере 1 пять (вероятно, изначально их было 6) – в составе снаряжения трех из шести «коней царя»⁹⁴ (Грязнов 1980: 25, 36). Назначение этих изделий – конструктивные части узлов крепления ремней оголовья – реконструируется по находкам деталей упряжи с подобными элементами в восточноевропейских памятниках Носачево и Квитки (Махортых 2000: рис. 2, 12, 14). Об использовании подобных застежек в колесничной упряжи, со ссылкой на E. Kohler, писал и

⁹⁴ Интересно, что количество сохранившихся «комплектных» предметов конского снаряжения в камере 1 соответствует набору для трех коней. Возможно, в этом случае также была помещена трига упряжных коней, как и в камере 26.

А. Ю. Алексеев (2003: 144). На принадлежность желобчатых (трехжелобчатых) застежек деталям упряжи специально указывал П. И. Шульга (2008: 47–49).

Распределители ремней с отверстиями в разных плоскостях (рис. 1, 5). В той же камере 2 была обнаружена пара необычных, архаичного вида массивных бронзовых пронизей для перекрестья ремней с двумя сквозными, пересекающимися отверстиями, расположенными в одной плоскости и с одним сквозным отверстием, перпендикулярным им. Можно предположить, что они относятся к нагруднику⁹⁵ одной из упряжных лошадей.

На мой взгляд, рассмотренные выше материалы представляют собой как прямые, так и косвенные доказательства наличия упряжных лошадей в составе сопроводительных конских захоронений кург. Аржан 1. Они подтверждают и усиливают аргументы сторонников колесничной гипотезы.

- Акишев, Акишев 1978 – *Акишев К. А., Акишев А. К.* Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // *Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 38–63.*
- Алексеев 2003 – *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб, 2003.
- Андерсон 2006 – *Андерсон Дж. К.* Древнегреческая конница. СПб, 2006.
- Бочкарёв 2010 – *Бочкарёв В. С.* О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // *Бочкарёв В. С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб, 2010. С. 123–143.
- Грязнов 1980 – *Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Зеймаль 1979 – *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад: Каталог выставки. Л., 1979.
- Иванчик 2001 – *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы: Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001 (Степные народы Евразии. Т. II).
- Кореняко 2002 – *Кореняко В. А.* Происхождение скифо-сибирского звериного стиля (прагматические аспекты семиотики) // *Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2002. Т. 1. С. 131–188.*
- Мандельштам 1992 – *Мандельштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 178–205 (Археология СССР).*
- Махортых 2000 – *Махортых С. В.* Об актуальных вопросах раннескифской археологии // *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 186–193.*
- Петренко 2006 – *Петренко В. Г.* Краснознаменский могильник: Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо, 2006 (Степные народы Евразии. *Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum.* Т. III, вып. 1).
- Савинов 2002 – *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея: Археологические культуры и культурогенез. СПб, 2002.
- Смирнов 2005 – *Смирнов Н. Ю.* К вопросу о составных частях эпохи поздней бронзы – начала РЖВ на востоке евразийских степей // *Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 88–92.*
- Шульга 2005 – *Шульга П. И.* О находках нагаек скифского времени на Алтае // Там же. С. 183–189.
- Шульга 2008 – *Шульга П. И.* Снаряжение верховой лошади и конские пояса на Алтае. Барнаул, 2008. Ч. 1.
- Эрлих 1997 – *Эрлих В. Р.* К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // *МИАР. 1997. Вып. 1. С. 19–34.*
- Albenda 1986 – *Albenda P.* The palace of Sargon, king of Assyria. Monumental wall reliefs at Dur-Sharrikin, from original drawings made at the time of their discovery in 1843–1844 by Botta and Flandin. Paris, 1986.
- Vokovenko 2004 – *Vokovenko N. A.* Migrations of early nomads of the Eurasian steppe in a context of climatic changes // *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht, 2004. P. 21–33 (IV Earth and Environmental Sciences. Vol. 42. Ch. 3).*

⁹⁵ Этот вывод сделан с опорой на классификационные разработки деталей конской узды и упряжи, принадлежащие П. И. Шульге (2008: 79–80).

Littauer, Crouwel 1979 – *Littauer M. A., Crouwel J. H.* Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. Leiden; Köln, 1979.

Yadin 1963 – *Yadin Y.* The Art of Warfare in Biblical Lands in the Light of Archaeological Discovery. London, 1963.

НА ИИМК РАН, ФА, О.2928.

Вл. А. Семёнов (Санкт-Петербург, Россия)

Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве

Мог-к Суме-Беш расположен на левом берегу р. Чаа-Холь, примерно в 1 км к Ю от горы Сюме, на восточном отроге которой в XIX в. была создана знаменитая буддийская ниша Чурумал-Бурханнэг. Территория могильника попадает в зону затопления водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. Весной и в начале лета уровень в резервуаре достигает минимальных отметок. Тогда открываются нераскопанные еще курганы, размывые стоянки каменного века и сама буддийская ниша с варварски обезображенными фигурами Будды Сакья-Муни и бодхисатв – Аволокитешвары и Манчжушри. В это время она становится объектом паломничества местного населения.

ТАЭ ИИМК РАН проводит мониторинг памятников в зоне затопления с 2000 г. Также эпизодически здесь происходит археологическая практика студентов-историков Тувинского государственного университета. За несколько полевых сезонов были исследованы памятники монгун-тайгинской, алды-бельской, уюкской и саглынской культур скифского времени. Осуществлялось исследование как вновь выявленных, так и опубликованных наскальных рисунков, доступных во время низкого уровня водохранилища. Несмотря на то, что в Туве уже много десятилетий ведутся систематические археологические исследования известных и хорошо изученных культур, случаются открытия нетипичных для этого региона Центральной Азии памятников. Таким неординарным памятником оказался кург. 14 на мог-ке Суме-Беш 1.

Курган стоял на краю высокой террасы р. Чаа-Холь. Во время полного набора воды здесь образуется т. н. Чаа-Хольский залив и тогда курган превращается в островок или вообще исчезает под водой. В результате воздействия водной стихии он, конечно, утратил свой первоначальный облик. Визуально по форме каменного сооружения определить культурную принадлежность памятника было невозможно. Это мог быть кыргызский или монгун-тайгинский курган с цистой или разрушенная временем оваа. По этой причине тувинские студенты отказались работать на данном объекте. Высота кургана достигала 1,5 м, его диаметр был чуть больше 6 м (рис. 1, 1–2). Курган сложен из плитняка, добытого в скалах горы Сюме. Крепида или каменное кольцо, обычное для памятников такого типа, отсутствовали.

Курган перекрывал прямоугольную грунтовую яму размерами 2,5 × 1,5 м и глубиной 1,6 м, вытянутую по линии ВСВ–ЗЮЗ (рис. 2). Яма была вырыта в легком супесчаном грунте. Ее перекрытие состояло из нескольких слоев больших плит. Это, собственно, не было перекрытием и являлось нижним слоем камней, уложенных в основании кургана. Несколько плит было установлено вертикально по периметру ямы. Это были крепежные плиты, служившие для сохранения стенок. Они не достигали дна могилы. Несколько тяжелых плит находилось в заполнении ямы вперемежку с грунтом.

Деревянная конструкция, служившая погребальной камерой, представляла собой длинные плахи, лежащие вдоль СЗ и ЮВ стенок ямы. Получилось подобие рамы, перекрытой пятью поперечными плашками, на которые было уложено несколько каменных плит (рис. 2, 4). Пол в камере отсутствовал, возможно, он не сохранился.

В могиле был захоронен мужчина мощного телосложения и высокого роста со множественными следами ранений на костях – рубцы были на длинных костях, на ребрах и на основании черепа. Он имел ярко выраженный европеоидный облик. Погребенный лежал вытянуто на спине

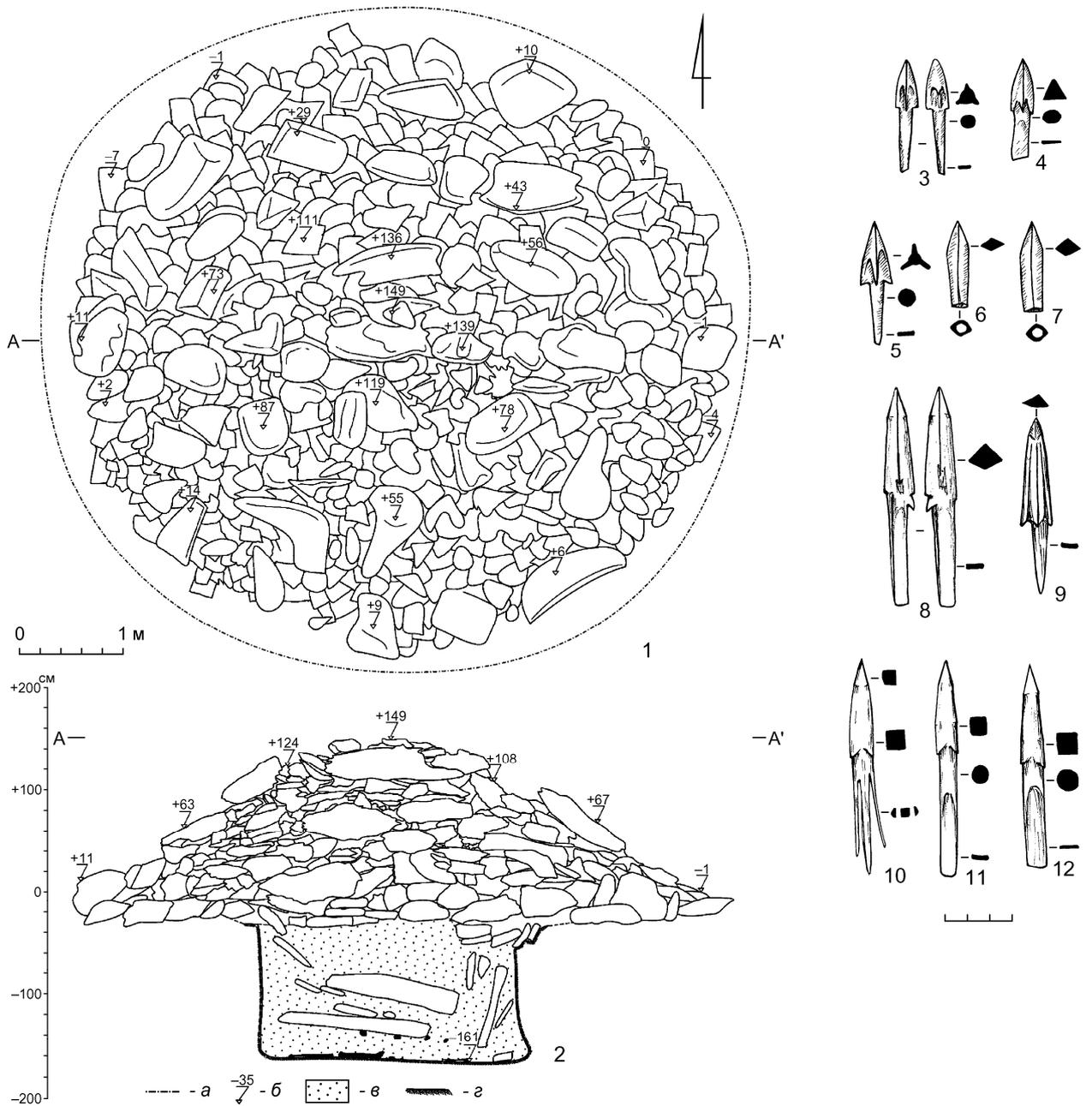

Рис. 1. Мог-к Суме-Беш 1, группа 2, кург 14:

1–2 – план и разрез наземного сооружения (*a* – граница раскопа, *б* – нивелировочные отметки, *в* – песок, *г* – материк); 3–12 – наконечники стрел из погребения (3–7 – бронза, 8–12 – кость)

головой на ВСВ (рис. 2, 5). Под головой была каменная плита-«подушка», длина которой соответствовала ширине могильной ямы. Руки умершего были вытянуты вдоль туловища. У левого плеча находилась лопатка коровы или быка. Между этой лопаткой и стенкой ямы на краю могилы лежали фрагменты кожаного колчана. В колчаный набор входило 29 стрел с 15 бронзовыми и 14 костяными наконечниками. Пятнадцатый костяной наконечник стрелы был найден в развале костей, оставленных после трапезы под курганом к СВ от СВ угла ямы (рис. 2, 1). Таким образом, можно предположить, что колчан содержал 30 стрел, но одна из них была преднамеренно брошена в кучу с костями животных.

Костяные наконечники имеют уплощенный насад, который вставляли в расщепленное древко стрелы и закрепляли в нем с помощью тонкой веревочки, сохранившейся на части стрел. В одном

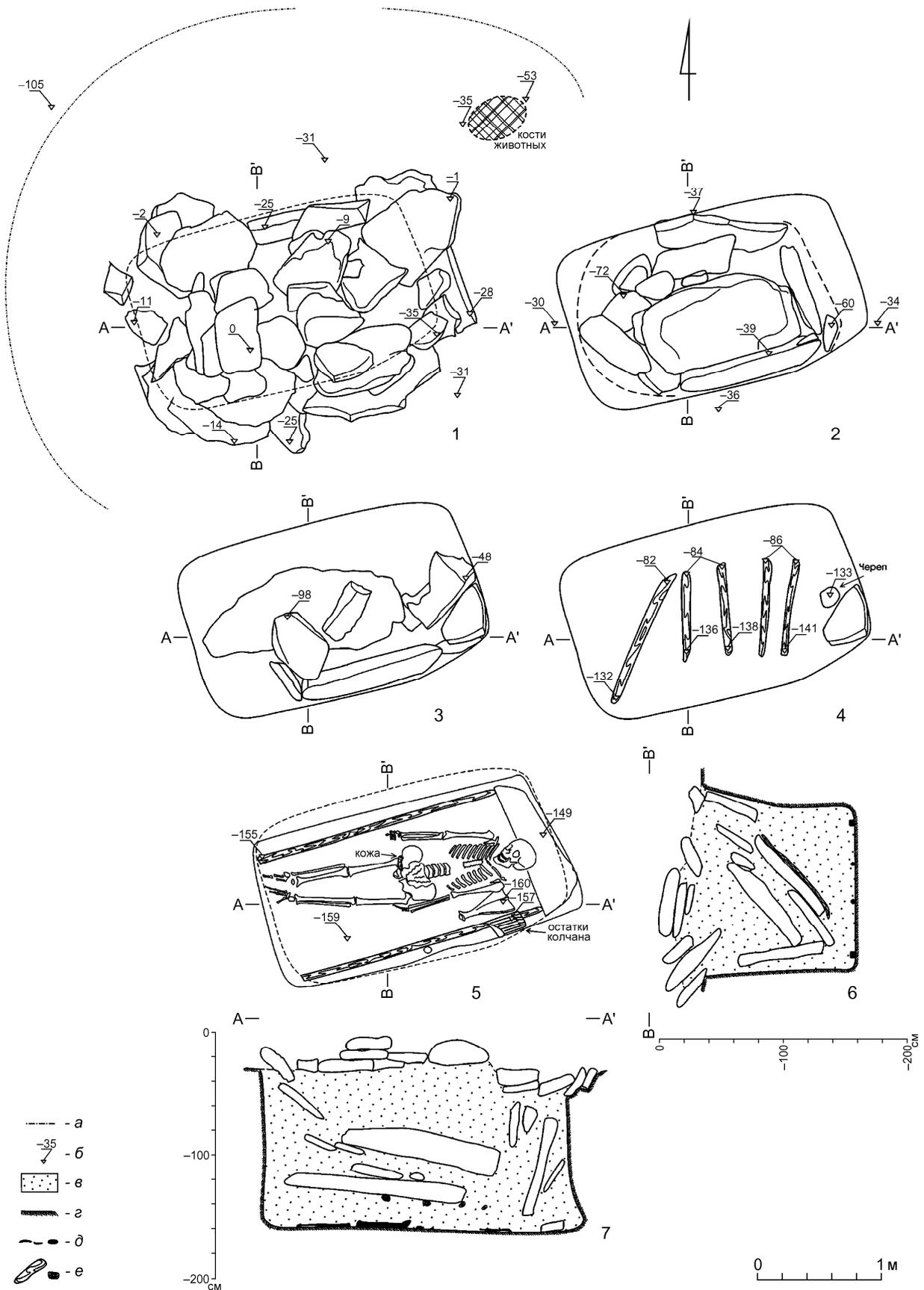

Рис. 2. Мог-к Суме-Беш 1, группа 2, кург 14, планы и разрезы погребения (а – граница раскопа, б – нивелировочные отметки, в – песок, г – материк, д – кости в разрезе, е – остатки дерева)

случае насад имел комбинированную форму. Он был снабжен двумя вырезанными длинными лопастями, составляющими одно целое с наконечником. Насад вставлялся в расщепленное древко. К нему прижимали лопасти и приматывали к древку стрелы. Остальные наконечники отличались длиной головки и насада. В одних случаях длина боевой части превосходила на 5–10 мм длину насада, в других – наоборот. Длина самого длинного наконечника составляла 10,7 см, самого короткого – 7,7 см. Остальные варьируют в пределах от 8,5 до 10,5 см, но различаются по форме сечения головки и другим мелким особенностям, образуя небольшие серии изделий одного типа. Первая из этих серий представлена пятью экземплярами трехгранных наконечников, в основании которых вырезан шип (рис. 1, 8). Вторая серия также включает пять трехгранных наконечников, но в основании их сделаны треугольные вырезы, благодаря чему наконечники оснащены опущенными вниз жалцами (рис. 1, 9, 11–12). Третья серия – пять наконечников с четырехгранной головкой. В нее также попадает и наконечник с расщепленным насадом. Острия этих наконечников оформлены особенно тщательно (рис. 1, 10).

Бронзовые наконечники стрел из колчана делятся на две неравные группы. Первая группа – втульчатые ромбические длиной 4–4,4 см – включает 12 изделий (рис. 1, 6–7). Вторая группа – 3 экз. Это черешковые наконечники примерно одного размера. Отличия только в оформлении боевой части. Первый из них трехлопастной с плоским черешком (рис. 1, 5). Второй также трехлопастной, более массивный. Лопастии слабо выступают за черешок (рис. 1, 4). Третий трехгранно-трехлопастной с вырезом в виде буквы М на гранях (рис. 1, 3).

А. М. Манделъштам отмечал наличие на могильном поле Аймырлыг захоронений с восточной ориентацией, совершенных в ямах с уступами, в которых находились черепа и кости конечностей лошади и черепа коз. В сопроводительный инвентарь входили наконечник стрел, аналогий которым в кург. 14 на мог-ке Суме-Беш 1 нет (Манделъштам 1992: 183, табл. 71, 16–17). Скопление костей в рассматриваемом кургане находилось не в могильной яме, а под курганом. Предварительно можно сказать, что здесь были челюсти и черепа МРС, лошадей, а также крупного хищника, возможно, медведя. С некоторой долей вероятности наличие погребений с восточной ориентацией и костями животных в Центральной Туве можно связать с влиянием тасмолинской культуры, но фактического материала, чтобы обосновать это предположение, пока недостаточно.

Манделъштам 1992 – *Манделъштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М., 1992. С. 178–196 (Археология СССР).

Е. В. Шелепова (Барнаул, Россия)

Результаты изучения ритуальных объектов раннескифского времени Алтая и сопредельных территорий⁹⁶

Значительное место в научных интересах М. П. Грязнова занимало изучение мировоззрения древних обществ. В 1971–1974 гг. Михаил Петрович вместе с М. Х. Маннай-Оолом осуществляли раскопки царского кург. Аржан 1 в Туве. По радиоуглеродным анализам Аржан 1 датируется рубежом IX–VIII вв. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху... 2005: 102) и является основой для выделения начального этапа скифской эпохи Саяно-Алтая.

Архитектурная композиция Аржана рассматривается как своеобразный «эталон» организации сакрального пространства на могильниках раннескифского времени, т. к. М. П. Грязнов выявил группу ритуальных сооружений, непосредственно связанных с курганом. «Каменные выкладки

⁹⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 10-01-00544а/Чел. «Древние и современные культовые места Алтая: инвентаризация, картографирование и оценка их роли в сакрализации территорий в символическом и историко-культурном планах».

располагались полосой в два-три ряда около подошвы кургана на расстоянии 15–30 м и охватывали больше половины его окружности на протяжении примерно 300 м» (Грязнов 1980: 44). В ЮВ части дуги была раскопана 21 «круглая оградка». Обнаружены кости лошади, остатки МРС (Там же: 44–45, 73, рис. 1, А). М. П. Грязнов отмечал, что подобные оградки известны в Казахстане и широко представлены в Монголии и Забайкалье. По его мнению, эти сооружения «оставлены на месте поминок», причем в качестве жертвы использовали лошадь (Там же: 44). В 1973 г. на перекрытии погребальной камеры 34а кург. Аржан 1 была найдена средняя часть небольшого «оленного» камня с изображениями «пояска» стоящих «на цыпочках» животных (Там же: 41, рис. 29, 2).

Заключения М. П. Грязнова о значении «внекурганых» сооружений в ходе последующих открытий «элитных» и «рядовых» погребальных комплексов раннескифского времени на территории Центральной Азии и Южной Сибири, подтвердились. В Туве исследованы такие памятники как Улуг-Хорум (Грач 1980: рис. 73), Аржан-2 (Чугунов и др. 2002), Аржан IV (Марсадолов 2004), на Алтае выделена бийкенская культура (конец IX – вторая–третья четверть VI в. до н. э.) (Кирюшин, Тишкин 1997), получены интересные данные по археологическим объектам Монголии (Тишкин и др. 2006; Ковалёв, Эрдэнэбаатар 2007) и т. д.

При раскопках кург. Аржан-2, расположенного в «Долине царей», в 9 км от кург. Аржан 1 получены важные для изучения сакрального пространства кургана данные. С погребальным комплексом связано ок. 200 ритуальных сооружений, расположенных вокруг кургана (Чугунов и др. 2002: 182; Чугунов 2004: 14). Погребенная почва под ними отсутствовала, но в ЮВ и СЗ частях зафиксировано скопление фрагментов керамики (Чугунов и др. 2006: 303–305). Кроме того, в разных частях памятника и на одной из окружающих курган кольцевых «поминальных» оградок зафиксировано четыре «оленных» камня и стела (Чугунов 2004: 34). Стела и два «оленных» камня составляли меридиональный ряд (Там же).

Новые источники позволили скорректировать ранее сделанные выводы и приблизиться к пониманию сущности погребальных и «поминальных» обрядов, характерных для раннескифского времени. Остановлюсь на характеристике схем организации сакрального пространства по материалам бийкенской культуры: Бийке, Усть-Бийке-III и IV, Кызык-Телань-I, Кор-Кобы-I, Тыткескень-I и VI, Чоба-7, Ак-Алаха-II, Нижний Тюмечин-II, Песчаная-I, Семисарт-I, Юстыд (Шелепова 2008а; 2008б; 2009а).

Могильники группируются по два–три объекта или компактными микрогруппами (до пяти сооружений), ориентированными по линии ЮЗ–СВ (Тишкин 1996: 45). Курганную насыпь в ряде случаев окружает кольцевая выкладка («крепида» или «стенка»). Погребальные камеры ориентированы по линии ЮВ–СЗ. Умершие уложены в каменный ящик, устроенный на уровне древнего горизонта. Одной из особенностей обряда является захоронение лошади в ящике или яме с юго-восточной стороны, отдельно от человека, но под одной курганной насыпью. Гораздо реже человека и лошадь помещали в одну погребальную камеру (Кирюшин, Тишкин 1997: 45–47).

«Дополнительные» сооружения и объекты, зафиксированные возле бийкенских курганов, определенным образом размещены на местности и территории могильников и имеют специфическое оформление (Шелепова 2008а; 2008б). Во-первых, это подовальные или подквадратные сооружения: *кольца-выкладки* (ограничены только выложенными по периметру камнями) и *вымостки* (внутри заполнены в один-два слоя небольшими камнями, а по периметру оконтурены более крупными). Эти конструкции занимают разные части околокурганного пространства, располагаясь либо с одной стороны кургана (с С, СЗ, Ю или ЮЗ, с ЮВ), либо находятся одновременно с разных сторон (с СВ и ЮВ; с С и СВ; с Ю и В). Кроме того, часть выявленных ритуальных сооружений не имеет заметной связи с погребениями. Например, они находятся между курганами или в одной цепочке с ними, в стороне, образуют «ряды» и т. д. При раскопках выкладок и вымосток обнаружены кальцинированные кости животных, фрагменты керамики, орнаментированной «жемчужинами» или без орнамента, следы кострищ (зола и угли).

Во-вторых, к объектам, являющимися свидетельством ритуальной практики, относятся вертикально установленные камни. Выявлено несколько вариантов их размещения (Шелепова 2009б: 12). Одни стелы и изваяния («надкурганые») устанавливали вертикально в курганной насыпи, над ящиком с погребением человека и/или лошади. В настоящее время большая их часть смещена с места первоначальной установки, что могло произойти в результате ограбления погребения или надругательства над ним враждебными племенами (Тишкин 1996).

Другие («околокурганые») камни помещали вблизи или на небольшом расстоянии от кургана, в случае наличия кольца – за его пределами, с одной или с двух противоположных сторон. В достоверно зафиксированных ситуациях такие обелиски отмечают различные точки западного и/или восточного сектора околокурганной площади, а иногда составляют одну линию с погребальной камерой, как на памятнике Ак-Алаха-II.

Наконец, можно говорить об изваяниях «жертвенных» комплексов, не связанных с погребениями. Например, на Юстыде (Кош-Агачский р-н Республики Алтай) стелы образуют меридиональные ряды, «сопровождаются» кольцами-выкладками, в которых при раскопках найдены следы кострищ и фрагменты керамики (Кубарев 1979: рис. 3–11).

Отмечу, что почти все из обнаруженных на могильниках бийкенской культуры «оленных» камней относятся к наиболее распространенному, т. н. общеевразийскому типу. Только на одном обелиске зафиксированы изображения животных, выполненные в реалистичной манере (кург. 17, Кызык-Телань-I; Суразаков, Тишкин 2007: 71–72).

Погребальный обряд и модель организации сакрального пространства, типичные для «бийкенцев», имеют обширные аналогии в синхронных культурах Центральной Азии – алдыбельской, тасмолинской и др. По некоторым признакам бийкенская культура близка майэмирской культуре, локализованной в Западном и Северо-Западном Алтае и Предалтайской равнине (Тишкин 2003).

В памятниках алды-бельской культуры Тувы (конец VIII–конец VI в. до н. э.), как и в бийкенских, обнаружены «оленные» камни и необработанные стелы. Их находят за оградой (в пристроенных к ней небольших выкладках, оградках), в насыпях или на поверхности курганов. Особенности оформления погребальных конструкций (округлые, обнесенные крепидой и заключенные в ограду курганы) и специфика обряда (скорченное положение захороненных на левом или правом боку, головой на З, СЗ и др.) (Савинов 2002: 84–85, 94–95) также близки бийкенским.

Культурогенез в Туве и на близлежащих территориях в раннескифское время проходил в русле или при сильном воздействии аржанских традиций (Там же: 100–101). В свою очередь облик Аржана I в Северной Туве формировался при значительном влиянии наследия херексуров и других комплексов поздней бронзы азиатских и урало-казахстанских степей, в т. ч. андроновского круга (Чугунов 2002: 143).

Херексуры – сложноорганизованные курганы, которые имеют общие и специфические признаки конструкции. Они состоят из каменной насыпи, заключенной в ограду разных форм, с различными «дополнительными» сооружениями вокруг нее (Цыбиктаров 2004: 35). Могила в херексурах устраивалась на уровне древнего горизонта: в валунной камере, цисте, каменном ящике, яме и т. д. Умерших укладывали внутри таких сооружений или на древней поверхности, вытянуто на спине, гораздо реже – на боку с согнутыми ногами и ориентировали головой на З или СЗ (Цыбиктаров 2003: 83–84; 43, табл. 1). Важным элементом памятников были разнотипные ритуальные выкладки, «курганчики» и «оленные» камни.

В отличие от Тувы и Монголии, где зафиксирована преемственность развития (Семёнов 2000: 137–138, 143), на Алтае культура раннескифского времени появляется уже в сложившемся виде и не имеет связи с традициями поздней бронзы (Тишкин 2007: 97). В то же время архитектура бийкенских памятников сближается с херексурами определенной планировки: круглой оградой, расходящимися (радиально или крестообразно) лучами, жертвенно-поминальными выкладками, «оленными» камнями. По радиоуглеродным анализам определена хронология такого

типа курганов – поздняя бронза и раннескифское время (Эрдэнэбаатар, Ковалёв 2009). Херексуры этого типа выявлены и на Алтае (Тишкин 2009: рис. 1).

В Западной Монголии «оленные» камни находят почти всегда у херексуров с круглыми оградками (Волков 2004: 10; Ковалёв, Эрдэнэбаатар 2007: 100). Первоначально многие из таких изваяний стояли в центре над погребальной камерой (ящиком или цистой). Выкладки на площади херексуров с круглой оградой размещены по-разному. Например, на памятнике Улаан худаг-I (Западная Монголия) ритуальными сооружениями занят только западный сектор кургана (Тишкин и др. 2006: 110). Есть и другие варианты планировки.

Основа формирования погребального обряда бийкенской культуры могла находиться в Северо-Западной Монголии, откуда носители соответствующей традиции распространялись в другие регионы Азии (Кирюшин, Тишкин 1997: 61–62).

Безусловно, для корректного сравнения моделей организации сакрального пространства требуются раскопки памятников большими площадями. До сих пор, в основном, исследовались погребальные камеры или «сопроводительные» сооружения херексуров. Но даже эти сведения позволяют говорить об устойчивых элементах ритуальной практики. Одним из интересных моментов является обнаружение под «курганчиками» в восточном секторе херексуров конских черепов (Allard, Erdenebaatar 2005). Традиция их использования в погребальных и жертвенных обрядах в раннескифское время получает широкое распространение. Выкладки с конскими черепами изучены на Алтае (Тыткескень-VI и Бике) (Шелепова 2007: рис. 1). В бийкенских курганах, при сохранности всех остальных частей скелета лошади, череп нередко отсутствует. В то же время отдельные его фрагменты фиксируются в разных частях погребальных конструкций, а также под «дополнительными» сооружениями.

Объяснение охарактеризованных моделей оформления сакральной площади и реконструкция содержания обрядов затрудняется тем, что вплоть до хуннского времени Северная Азия была практически полностью исключена из сферы действия письменных источников. Однако, бийкенской культуре и по времени создания, и в смысловом плане близки тексты китайского, индийского и индоиранского происхождения – Ригведа, Атхарваведа, Упанишады, И-Цзин («Книга перемен» или «Канон перемен»), Ши-Цзин («Книга песен» или «Канон поэзии»). Некоторые из них ранее привлекались для анализа семантики погребального обряда и погребальных конструкций бийкенской культуры (Тишкин, Леонова 2005). Особое значение имеет представленная в текстах характеристика отдельных сторон света и ритуальной ориентации в погребальных, поминальных действиях и жертвоприношениях.

В ведических источниках восточная сторона именуется «жертвенной ложкой», южная – «страдающей», западная – «царицей», северная – «благоденствующей» (Упанишады. III, 15, 2; Атхарваведа. III, 10, 7). В большей степени жертвы обращались к восточной, солярной стороне (Ригведа. I, 86, 5; I, 188, 4; III, 6, 10). Север и восток считались сферой богов (т. е. благоприятными направлениями), юг – областью Ямы, царством мертвых (Ригведа. X, 14, 1) и одновременно наиболее солнечной стороной, также связанной с жертвой. В погребальном ритуале «бийкенцев» сакрализация благоприятного юго-востока отразилась в захоронениях на этой стороне жертвенных лошадей.

Голова коня в ведических текстах ассоциируется с утренней зарей, солнцем. Согласно некоторым традициям в отделенной от туловища голове аккумулировалась особая сила. В течение долгого времени она могла храниться отдельно от других частей туши (Антонова 2005: 112–113).

Центральным пунктом всей религиозно-этической системы Китая⁹⁷ эпохи Чжоу стал культ мертвых предков (Васильев 2001: 44, 75). Резко возрастает количество обрядов жертвоприношений богам и духам, Небу и Земле (Там же: 73). Согласно пространственной символике И-Цзин запад и юго-запад считались областью тьмы, а восток и северо-восток – областью света (Шуццкий

⁹⁷ Привлечение китайских источников основано на некоторых предположениях об этногенезе бийкенской культуры. По мнению А. А. Тишкина (2005: 324–325), в этом процессе приняли участие племена из Северо-Западных районов Китая.

1993: 50). По индоиранским источникам на стороне солнечного заката размещена страна предков, которым предназначались обильные жертвоприношения (Атхарваведа. III, 29). Поминаение «отцов», в разное время ушедших из земной жизни, описано в Ригведе (X. 15, 17–8).

Можно полагать, что западная сторона в кодах пространственной ориентации населения бийкенской культуры и других кочевых обществ раннескифского времени являлась неблагоприятной частью мира. Это объясняет положение и ориентацию человека и лошади в могилах. Однако у «бийкенцев» характерная для многих культур оппозиция С–Ю и З–В при устройстве погребальных конструкций и размещении цепочек курганов была смещена по линии ЮВ–СЗ (для первого случая) и ЮЗ–СВ (для второй ситуации), что также отразилось на ритуальных сооружениях.

Выкладки и вымостки, пристроенные с В, Ю, ЮВ и СВ к бийкенским курганам, а также «курганчики» в восточном секторе херексуров следует рассматривать как «жертвенники». Сооружения западной и северной части херексуров имели другое назначение и служили для поминовения умерших («поминальники»). Свидетельства сакрализации отдельных сторон света и зон околокурганного пространства можно видеть и в структуре других памятников Центральной Азии раннескифского времени. В частности, на выявленную особенность указывают дуги ритуальных сооружений вокруг херексуров, которые на СЗ и ЮВ, либо СВ и ЮЗ не смыкаются.

Стелы, найденные у основания западной и восточной полы бийкенских курганов, могли выполнять функцию коновязей (Тишкин 1996: 46–47). Другую роль играли обелиски, помещавшиеся над погребальной камерой. В похоронном гимне Ригvedы (X, 18, 13) столб выступает элементом образа дома, который сооружают умершему для продолжения его существования в царстве мертвых, и ассоциируется с подпоркой кровли жилища (Тишкин 2007: 110). Наряду с отмеченным, изваяния воплощали ось мироздания, символизировали мировое древо, выполняли коммуникативную, медиативную функцию и т. д.

Таким образом, в конкретный исторический период способы отправления погребального и поминального обрядов, оформление сакральной площади определялись представлениями о смерти и нахождении потустороннего (загробного) мира в рамках господствующей религиозно-мифологической системы. Данные воззрения складывались под влиянием разнообразных условий существования социумов: природных, хозяйственных и др. Религиозно-мировоззренческая система населения раннескифского времени и, в частности, носителей бийкенской культуры носила синкретичный характер и включала, по меньшей мере, два компонента, значение которых еще предстоит оценить. Околокурганные ритуальные конструкции на памятниках раннескифского времени разделяются на «жертвенники» (восточный сектор) и «поминальники» (западный сектор). Кроме того, зафиксированы «жертвенники», представлявшие самостоятельные комплексы взаимосвязанных конструкций. Конкретное место отводилось вертикально установленным стелам, в т. ч. «оленным» камням. Выделенные функции изваяний отражают условия их нахождения, но не исчерпывают всего многообразия значений этих монументальных памятников. Например, Д. Г. Савинов (1994: 147) полагает, что на «оленных» камнях изображались мертвые люди – своеобразный сакрализованный образ после пересечения грани из мира живых в мир мертвых.

Отдельного исследования ожидает разработка семантики херексуров. Их назначение, скорее всего, сводилось не только к погребению умершего, о чем свидетельствует безынвентарный характер большинства курганов и колоссальные трудовые затраты, положенные на их возведение. Возможно, некоторые или большинство херексуров являлись святилищами, обсерваториями, в которых находили реализацию многие древние культы.

Антонова 2005 – Антонова Е. В. Об останках животных в памятниках бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК) // Центральная Азия: источники, культура. М., 2005. С. 105–117.

Атхарваведа 1976 – Атхарваведа. Избранное / Перевод, коммент. и вступ. статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1976.

Васильев 2001 – Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.

- Волков 2004 – *Волков В. В.* Оленные камни Монгольского Алтая // Памятники археологии и древнего искусства Евразии, 2004. С. 9–21.
- Грязнов 1980 – *Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Евразия в скифскую эпоху... 2005 – Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб, 2005.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар 2007 – *Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 80–85.
- Кирюшин, Тишкин 1997 – *Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.
- Кубарев 1979 – *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979.
- Марсадолов 2004 – *Марсадолов Л. С.* Памятник Аржан IV в Туве // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. С. 121–133.
- Ригведа – Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. Мандалы IX–X. М., 1999.
- Савинов 1994 – *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб, 1994.
- Савинов 2002 – *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб, 2002.
- Семёнов 2000 – *Семёнов Вл. А.* Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб, 2000. С. 134–157.
- Суразаков, Тишкин 2007 – *Суразаков А. С., Тишкин А. А.* Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007.
- Тишкин 1996 – *Тишкин А. А.* Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.
- Тишкин 2003 – *Тишкин А. А.* О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // СЕДС. 2003. Кн. II. С. 164–166.
- Тишкин 2005 – *Тишкин А. А.* Проблема происхождения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени и выделение основных этапов ее развития // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. I. С. 322–327.
- Тишкин 2007 – *Тишкин А. А.* Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007.
- Тишкин 2009 – *Тишкин А. А.* Крупный херексур в Центральном Алтае (Онгудайский район Республики Алтай) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск, 2009. С. 74–78.
- Тишкин, Леонова 2005 – *Тишкин А. А., Леонова И. Ю.* Погребальная практика носителей бийкенской культуры: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2005. Т. II. С. 179–194.
- Тишкин и др. 2006 – *Тишкин А. А., Нямдорж Б., Дашковский П. К., Нямсурен М., Мунхбаяр Ч.* Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) // Эколого-географические, археологические и социогеографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул, 2006. С. 107–114.
- Упанишады – Упанишады / Пер. с санскр. М., 2000.
- Цыбиктаров 2003 – *Цыбиктаров А. Д.* Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н. э.) // АЭАЕ. 2003. № 1 (13). С. 80–97.
- Цыбиктаров 2004 – *Цыбиктаров А. Д.* Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ. Вып. 2. С. 35–50.

- Чугунов 2002 – *Чугунов К. В.* Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы. Барнаул, 2002. С. 142–149.
- Чугунов 2004 – *Чугунов К. В.* Аржан-источник // Аржан: Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб, 2004. С. 10–37.
- Чугунов и др. 2002 – *Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г.* Исследование «царского» кургана Аржан-2 в Туве // Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 182–183.
- Чугунов и др. 2006 – *Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г.* Аржан-2: материалы эпохи бронзы // ОС. 2006. Вып. 2. С. 303–311.
- Шелепова 2008а – *Шелепова Е. В.* Изучение ритуальных комплексов кочевников Алтая раннескифского времени (бийкенская культура) // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 104–107.
- Шелепова 2008б – *Шелепова Е. В.* Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности: систематика и анализ // Изв. Алтайского гос. университета. Серия: История. Барнаул, 2008. № 4/2. С. 223–230.
- Шелепова 2009а – *Шелепова Е. В.* Изучение морфологии сакрального пространства погребально-поминальных памятников кочевников Алтая раннескифского времени в контексте реконструкции ритуальной практики // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск, 2009. Т. II: Общественные науки. С. 55–61.
- Шелепова 2009б – *Шелепова Е. В.* Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья: Автореф... дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2009.
- Шуцкий 1993 – *Шуцкий Ю. К.* Китайская классическая книга перемен. М., 1993.
- Эрдэнэбаатар, Ковалёв 2009 – *Эрдэнэбаатар Д., Ковалёв А. А.* Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез Северной Азии. Иркутск, 2009. С. 70–84.
- Allard, Erdenebaatar 2005 – *Allard F., Erdenebaatar D.* Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia // *Antiquity*. 2005. Vol. 79, no 305. P. 547–563.

М. Очир-Горяева (Элиста, Россия)

О порядке расположения людей, инвентаря и коней в пазырыкских курганах

Погребенные в пазырыкских курганах всегда положены вдоль южной стены деревянного сруба, на полу-настиле, в деревянной колоде или на т. н. ложах, похожих на кровать. Вдоль северной стены или в северо-восточном углу расставлены предметы, обычно рассматриваемые как предметы хозяйственного инвентаря: деревянный столик на ножках с крестцовыми позвонками овцы и железным ножом, деревянные ковшик с закругленным дном и боковой ручкой, глиняный кувшин с высоким горлом, раздутым туловом и узким дном. Все остальные вещи, входящие в погребальный инвентарь относятся, как правило, к одежде, украшениям и вооружению погребенного. Таким образом, к хозяйственному отсеку относятся только посуда и нож. Количество наборов посуды всегда соответствует количеству людей, погребенных в одном срубе. Это правило распространяется не только на кувшины, но и на ковшики, а также столики с крестцовой частью овцы – соответственно, набор «хозяйственного» инвентаря, как правило, имеет индивидуальный характер. Каждый погребенный был снабжен таким набором в обязательном порядке, а расположение набора в погребальной камере демонстрирует явное стремление класть их обособленно друг от друга.

В случаях коллективных погребений взрослый лежит всегда в южной части камеры, а севернее, перед ним был положен ребенок, тот же принцип соблюдался при захоронении мужчины и женщины. Женщина всегда находится севернее мужчины. В случае однополых парных погребений, по всей видимости, соблюдался принцип старшинства. Так, в кург. 6 мог-ка Уландрык-II были погребены две женщины с сопроводительными захоронениями трех коней. Южный скелет принадлежал женщине старческого возраста, об чем свидетельствовали «атрофированная нижняя челюсть» и выпавшие зубы, аккуратно сложенные в мешочек, подвешенный к поясу умершей. Северный скелет принадлежал взрослой молодой женщине (Кубарев 1987: 172).

Кони в пазырыкских погребениях всегда расположены с северной стороны, за стенкой сруба на приступке или на дне ямы. В результате наблюдается картина того, что носители пазырыкской культуры располагали людей и предметы с юга на север. На юге располагался мужчина или главное погребенное лицо, далее были положены женщины и дети, а еще дальше, т. н. хозяйственный отсек и только потом, за стенкой сруба, были положены сопровождающие захоронения коней. Таким образом, кони были крайними в ряду людей и предметов.

Последовательность расположения в кургане людей, предметов и коней давно замечена авторами раскопок, но пока еще никто из археологов не обращал внимания на универсальность этого принципа. Между тем, именно последовательность расположения людей и сопровождающего инвентаря является ключом к пониманию расположений курганов в виде меридиональных цепочек и последовательности сооружения курганов в этой цепи.

Меридиональные цепочки курганов. Для пазырыкской культуры характерны маленькие курганы с одним погребением. В основном, они расположены в виде вытянутых цепочек по линии С–Ю. Это служит хорошим опознавательным признаком пазырыкских курганов, отличающим их от курганов других культур. Меридиональная ориентация цепочек пазырыкских курганов не зависит от окружающего ландшафта. В одних случаях они проходят поперек долин или склонов, тянущихся с запада на восток, как, напр. Башадарские и Туэктинские кург. В других случаях, если рельеф тянется в меридиональном направлении, то цепочки курганов располагаются вдоль течения реки или вдоль склона, как напр., курганная группа Тыткескень-VI. Можно заключить, что меридиональность расположения цепочек пазырыкских курганов не зависит от внешних обстоятельств, а их столь последовательное расположение было обусловлено иными причинами.

П. И. Шульга полагает, что вполне обоснованной выглядит мысль о восприятии древних людьми погребальных сооружений как жилищ умерших и видит непосредственную связь планировки погребальных сооружений с системой расположения жилищ. Материалы пазырыкской культуры как будто подтверждают это положение. Исследователями неоднократно отмечалась схожесть погребальных срубов пазырыкской культуры с жилыми помещениями. Напр., покрытие срубов непромокаемой березовой берестой, обширные, задрапированные коврами погребальные камеры с делением на хозяйственную и жилую (спальную) половины. Ссылаясь на аналогичное расположение цепочкой жилищ у ряда современных народов: киргизов казахов и монголов с входами перпендикулярно цепочки (Руденко 1960: 327; Викторова 1980: рис. 9), – П. И. Шульга, отмечает, что «причины такой ориентации пока неясны» (Кубарев, Шульга 2007: 39).

Наблюдаемая последовательность сооружения пазырыкских курганов внутри цепочек вызвала споры среди исследователей. С учетом важности южной стороны для кочевников Л. С. Марсадалов полагал, что цепочки курганов пристраивались с юга (Марсадалов 2000), С. С. Сорокин, опираясь на изучение мог-ка Кок-су, полагал, что цепочки пристраивались, наоборот, с севера на юг (Сорокин 1974: 90–91). В. Д. Кубарев предполагал, что цепочки пристраивались как с севера, так и с юга от центрального кургана (Кубарев 1992: 8–9). Для курганной группы Уландрык-1 из 15 курганов было проведено специальное дендрохронологическое и геодезическо-астрономическое исследование. Для взятия образцов дерева из деревянных срубов были заново вскрыты могильные ямы 15 курганов этого могильника, насыпи которых были рекультивированы после раскопок В. Д. Кубарева более 30 лет назад. В результате анализа 78 образцов дерева было установлено, что цепочка пристраивалась как с юга, так и с севера от первых трех курганов (Быков и др. 2004).

Имеются и другие факты, указывающие – в какую сторону пристраивались курганы в цепочках. Напр., С. С. Руденко заметил, что Туэктинский кург. 2 был сооружен позднее кург. 1: с южной стороны каменная выкладка и кольцо кург. 2 перекрывали кольцо кург. 1, т. е. расположенный на юге кург. 1 был построен раньше. В кург. 1 был погребен мужчина 40–45 л., а в кург. 2 – женщина 35 л. Размеры курганов и глубина могил также подчеркивают разницу в степени важности погребенных. Кург. 1 имел диаметр 68 м и высоту 4,1 м, являясь самым большим курганом в

цепи из шести наиболее крупных курганов Туэктинского курганного поля, состоявшего из 197 курганов (Руденко 1960: 93–96, рис. 52). Кург. 2 был самым северным и самым последним в цепи больших курганов, размеры его были примерно в 2 раза меньше кург. 1: диаметр – 32 м, высота – 2,6 м. В такой же пропорции различаются глубины могил. Могильная яма мужского погребения в кург. 1 имела глубину 7,9 м, в то время как могильная яма женского погребения в кург. 2 имела глубину 4,5 м. Одинаковым было только количество сопровождающих коней – восемь особей, что, возможно, отражало принадлежность к одному уровню в социальной иерархии. Таким образом, к уже существовавшему большому кургану с погребением мужчины был пристроен с северной стороны меньший по размерам курган с погребением женщины. То есть прослеживается та же закономерность, что и внутри погребального сруба.

Между тем, если опираться на этнографические данные о важности и престижности владельцев жилищ, то можно объяснить, почему входы жилищ направлены перпендикулярно линии, вдоль которой выстроены жилища. Монгольские юрты обращены входами на юг. Монголоязычные народы (монголы, буряты, калмыки) традиционно ориентируются на местности, стоя лицом на юг. Тогда правой оказывается западная сторона. Юрта самого уважаемого в хотоне ставилась с краю цепи, самой южной и самой правой (западной). Все остальные имели право ставить свою юрту с левой стороны этой юрты, в одну линию, либо образовывать второй ряд сзади, но только не правее этой юрты. Аналогичные данные приводились в свое время В. Д. Кубаревым со ссылкой на статью К. В. Вяткиной. В феодальной Монголии «старшие, знатные, а также наиболее богатые люди ставили свои юрты в юго-западной части стойбища. Сын не мог поставить юрту впереди отца, а бедняк ставил свою юрту всегда сзади всех» (Кубарев 1987: 124). Правее в один ряд мог поставить юрту только тот, кто был более важен или почетен. Поэтому монгольские юрты тянулись в одну широтную линию или же стояли в несколько широтных рядов, образуя прямоугольник. Юрта уважаемого оставалась самой южной и самой правой. Поэтому южная сторона обозначалась словом «вперед» и называлась передней – «Омн юзг», а северная сторона обозначалась словом «сзади» и называлась задней – «Ар юзг». Передняя сторона «Омн юзг» воспринимается как позитивная, светлая, в противоположность ей северная, «задняя сторона» воспринималась как темная, опасная. В сказках и эпосе враги обычно приходят с задней стороны.

Исходя из этого, можно предположить, для меридиональных цепочек пазырыкских курганов, понятие впереди было на востоке, а понятие сзади на западе, т. е. они ориентировались на местности, как современные тюркоязычные народы, стоя лицом на восток. Юрты тюркоязычных кочевников ориентированы входом на восток. Поэтому вполне логично, что самое правое почетное место у них занимал тот, кто был на юге, с правой стороны. Тогда становится понятным, почему в пазырыкских погребениях люди, предметы и кони расположены с юга на север по степени убывания значения. Экстраполируя это правило на порядок расположения курганов в цепочках, можно сделать заключение, что в них члены семьи или рода пристраивали курганы с юга, если статус был выше статуса уже захороненного в кургане, и с севера, если он был младше по родственной иерархии или социальному положению. Кроме того, объяснение отклонения пазырыкских курганных цепочек, в основном, в восточную сторону может быть связано с тем, что «вперед» было позитивно, а «назад» – негативно.

Принимая во внимание пример с монгольскими юртами, надо признать, что главным аргументом является расположение людей в коллективных погребениях, и таких примеров множество. По данным А. А. Тишкина, коллективные погребения составляют 39 % или 234 захоронения от общего числа учтенных им 600 погребений пазырыкской культуры (Тишкин, Дашковский 2003: 174). Поэтому коллективные погребения обеспечивают высказанному предположению твердую фактологическую базу.

Отклонения курганных цепочек от меридиональной линии. Встречающаяся иногда широтная ориентация цепочек курганов, как установил П. И. Шульга, является результатом отклонения, чаще всего, на восток. Величина отклонений может составлять от нескольких градусов до 45°, т. е.

до линии ЮЗ–СВ. Как и юрты кочевников, меридиональные цепочки часто идут вдоль (параллельно) течению реки, склона горы, края террасы и, повторяя их абрис, могут отклоняться до 45°. Если отклонение ландшафтных структур достигает широтного, то курганная цепочка вновь «возвращается» к меридиональному расположению и занимает перпендикулярное положение к природному объекту.

Как показано выше, согласно представлениям пазырыкского населения, отклонение на В допускалось чаще, т. к. оно считалось более безопасным. Особенно интересен факт, отмеченный П. И. Шульгой на Туэктинских кург. С. И. Руденко в свое время указал, что могилы и внутримогильные конструкции в Туэктинских кург. 1 и 2 имеют отклонение к югу, а для кург. 2 указал величину отклонения – 16° (Руденко 1960: 107). Именно на 16° отклонена на В цепочка Туэктинских кург. (Шульга 2003: рис. 60–64). Этот факт свидетельствует, что пристраивание курганов к цепочке велось в соответствии с заданным первым курганом направлением или ориентацией. Возможно, оставались какие-то «реперы» и применялись некие приспособления типа примитивного циркуля в виде веревки и колышка. Иначе трудно объяснить такое точное совпадение оси внутри курганов и расположения всей цепочки.

Меридиональная ось и принцип перпендикулярности. Взаимное расположение погребенных в линейных цепочках курганов, по всей видимости, было важнее, чем соблюдение меридиональности в пространстве. Линия С–Ю иногда нарушалась, но последовательность захоронений была обязательной. Надо полагать, что строгая планомерность пристраивания к цепочке была обусловлена более глубокими причинами, чем инженерная точность, а именно, представлениями о мироздании и семейно-родовой иерархии. Эту мысль подтверждает выявленный П. И. Шульгой и названный им «принцип перпендикулярности» (Шульга 2003: 74–75). Как бы ни располагалась цепь курганов, погребенные были положены всегда строго перпендикулярно оси цепи, даже если отклоненность цепи приводила к нарушению ориентации погребенных по странам света. Можно также говорить о том, что длинная ось прямоугольных пазырыкских срубов всегда находилась перпендикулярно оси цепочки курганов.

Таким образом, цепь курганов была вытянута вдоль некоей идеальной линии, по отношению к которой погребенные должны были располагаться только под углом в 90°. Взаимное расположение погребенных в линейных цепочках курганов и следование идеальной линии, по всей видимости, было важнее, чем соблюдение ориентации головой на восток. То есть ориентации головой на В пазырыкские племена могли придерживаться не строго, но обязательным было правильное (в данном случае «перпендикулярное») расположение по отношению к линии цепи.

Мир мертвых на западе. Смысл соблюдения этой идеальной оси или линии становится понятным, если рассматривать цепочку курганов пазырыкской культуры вместе с сопутствующими сооружениями, а именно, поминальными кольцами и балбалами. С западной стороны цепочки курганов, на некотором отдалении располагаются т. н. поминальные кольца – выкладки из камней. На один курган приходится одно или несколько поминальных колец. Проведенные полевые исследования показывают, что внутри поминальных колец находятся фрагменты керамики, обломки костей, угли, что указывает, что к западу от могилы совершались поминальные тризны и обряды «кормления души». Судя по расположению поминальных колец на западе от пазырыкских курганов, мир мертвых располагался для них на западе. Это положение как будто не оспаривает никто из исследователей. Но в таком случае, можно предполагать, что восточная сторона должна быть связана с миром живых. К такой мысли также подводят данные этнографии о бинарных оппозициях, характерных для архаических культур, или бинарной модели мира (Жуковская 1983).

Система бинарных оппозиций в архаических культурах охватывает ряд парных признаков по принципу под – антипод. С точки зрения архаической культуры один член каждой пары рассматривается как благоприятный (положительный), второй – как неблагоприятный (отрицательный). Примерами универсальных оппозиций, характерных для разных культур, могут служить такие оппозиции как правый–левый, мужской–женский, свой–чужой, сакральный–обыденный,

живой–мертвый. Учитывая бинарность модели мира в архаических обществах, можно предполагать, что если западная сторона для носителей пазырыкской культуры была связана с миром мертвых, то восточная сторона должна быть связана с миром живых. Меридиональная линия, вдоль которой выстраивались погребенные, была как раз линией разделения двух миров. Именно поэтому было так важно соблюдать этот принцип «перпендикулярности», чтобы не была нарушена идеальная линия разделения двух миров.

Мир живых и ряды балбалов. В специальной литературе долгое время дискутируется вопрос назначения вертикально поставленных в одну линию камней–балбалов. Ряды балбалов тянутся по тому же принципу «перпендикулярности» на В от меридиональной цепочки курганов. Если цепочка отклонялась от меридиональной линии, то, соответственно, отклонялся и ряд балбалов, что лишнее раз доказывает их полную соподчиненность общему семантическому порядку, выражавшемуся в строгой «архитектурной планировке» могильного комплекса пазырыкской культуры.

Существует целый ряд предположений, что могли символизировать ряды балбалов. Но наиболее подходящим, при учете бинарной модели мира, представляется точка зрения, высказанная В. Н. Ткачёвым (1983). Рассматривая ряды балбалов как средство ориентации, он предположил, что они были предназначены для того, чтобы «повысить ориентационные качества мемориала». Вертикально поставленные балбалы давали первый сигнал о месте расположения памятника, т. е. прекрасно просматривались издали на ровной поверхности. В пользу важности просмотра ряда балбалов издали говорит отмеченное П. И. Шульгой увеличение высоты балбалов кург. Сентелек по мере понижения склона, компенсирующее перепад высот, – разница между высотой первой стелы и последней двадцатой по счету составляла 4 м (Шульга 2003: 215–217). «В годы с высоким травостоем вертикальные визиры не позволяли «тонуть» каменным выкладкам» и указывали «направление подхода процессий, а также подсказывали содержание обряда» (Ткачёв 1983: 158 сл.).

Такая интерпретация балбалов вполне логично увязывается с выше прослеженной бинарностью пазырыкского кургана. Живые родственники могли подойти к могиле только со своей «живой» восточной стороны. Восточная сторона – она же и правильная сторона в данном контексте. Тогда легко объясняется высказанное Ю. С. Худяковым недоумение, почему ряды балбалов ставились только у шестой части погребений пазырыкской культуры, и почему они поставлены не только у курганов воинов-мужчин, но и женщин и детей. Им приведена цифра, что из 137 раскопанных В. Д. Кубаревым курганов, ряды каменных столбиков были обнаружены только у 24 насыпей (Худяков 1996: 87). Ряд балбалов указывали ориентир, направление не только к его персональному кургану, но ко всему мемориальному комплексу – цепочке родовых курганов.

Исключительная важность подхода к могилам родственников с «правильной стороны» прослеживается и по погребальным памятникам других регионов скифской эпохи. У восточной перемычки во внешнем рву скифских курганов Северного Причерноморья: Желтокаменка, Бабина Могила, Корнеевка, Новое Запорожье, – были установлены большие каменные менгиры (Мозолевский 1982: 180; Мозолевский, Полин 2005: 107). Вокруг Большого Бешатырского кург. также были выложены оградки в форме спирали, начало которой находилось с восточной стороны кургана (Акишев 1963: 28, рис. 3).

Акишев 1963 – *Акишев К. А.* Культура саков долины реки Или (VII–IV вв. до н. э.) // *Акишев К. А., Кушаев Г. А.*

Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. С. 9–138.

Быков и др. 2004 – *Быков Н. И., Быкова В. А., Панюшкина И. П., Слюсаренко И. Ю.* Дендрохронологическая и геодезическо-астрономическая оценка последовательности сооружения курганов в могильниках пазырыкской культуры Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 258–267.

Викторова 1980 – *Викторова Л. Л.* Монголы. М., 1980.

Жуковская 1983 – *Жуковская Н. Л.* Бинарные оппозиции в традиционной монгольской культуре // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. М., 1983. Ч. 2. С. 127–138.

- Кубарев 1987 – *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кубарев 1992 – *Кубарев В. Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.
- Кубарев, Шульга 2007 – *Кубарев В. Д., Шульга П. И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007.
- Марсадолов 2000 – *Марсадолов Л. С.* Планиграфия могильников Горного Алтая VI–IV вв. до н. э. // V ИЧ памяти М. П. Грязнова: ТД Всерос. науч. конф. (Омск, 19–20 октября 2000 г.). Омск, 2000. С. 69–72.
- Мозолевский 1982 – *Мозолевский Б. Н.* Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 179–222.
- Мозолевский, Полин – *Мозолевский Б. Н., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев, 2005.
- Сорокин 1974 – *Сорокин С. С.* Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 62–78.
- Руденко 1960 – *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Тишкин, Дашковский – *Тишкин А. А., Дашковский П. К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003.
- Ткачёв 1983 – *Ткачёв В. Н.* Степные ориентиры в кочевой архитектуре Центральной Азии // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: Доклады и сообщения науч. конф. М., 1983. Ч. 2. С. 158–170.
- Худяков 1996 – *Худяков Ю. С.* Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Мат-лы междунар. конф. СПб, 1996. С. 87–89.
- Шульга 2003 – *Шульга П. И.* Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003.

Е. В. Степанова (Санкт-Петербург, Россия)

Седла из Третьего Пазырыкского кургана

По свидетельству С. И. Руденко, в Третьем Пазырыкском кург. «кожа почти совсем не сохранилась, и поэтому мы располагаем всего тремя-четырьмя уздами, несколькими обрывками ремней от конской упряжи и не имеем ни одного цельного седла» (Руденко 1953: 185). По поводу цельности с автором раскопок, безусловно, можно согласиться, тем не менее, именно седла из этого кургана дают наилучшее представление о внешнем виде пазырыкских и скифских седел в целом. Если мы имеем во Втором Башадарском и Первом Пазырыкском кург. почти исключительно войлочные и тканевые элементы декора (покрышки и линзовидные медальоны), а в Первом Туэктинском кург. – кожаные оболочки выпотрошенных седельных подушек, то в Третьем Пазырыкском кург. до нас дошла именно набивка из оленьего волоса, простеганная шерстяными шнурами, с фрагментами кожаных оболочек и войлочных деталей (покрышек и потников). Благодаря этому седла сохранили свою подлинную форму. Такая форма реконструируется и по остаткам седел в других курганах, но именно реконструируется, т. е. требует доказательств. В Третьем Пазырыкском кург. мы можем увидеть ее воочию (рис. 1, 1).

Пазырыкские седла не имели жесткого каркаса – ленчика, и, соответственно, таких его элементов, как луки. Они представляли собой две кожаные подушки, более широкие в передней части, заполненные оленьим волосом или сухой травой и сшитые так, чтобы между набитыми частями оставался седельный желоб, как у современных седел (назначение седельного желоба – разгрузка позвоночника лошади и выравнивание области сидения для всадника). На концах седельных подушек, перпендикулярно их плоскости, располагались высокие упорные элементы, имевшие вид полукруглых уплощенных выступов – два спереди и два сзади. Они обеспечивали прочную посадку всаднику.⁹⁸ Сидение и упоры формировались благодаря крою и набивке подушек,

⁹⁸ Функционально данные детали аналогичны коленным и бедренным подушкам (валикам) современных английских седел и батам европейских седел XVI–XVIII вв. Упорные элементы английских седел с каркасом не связаны и являются

затем простегивались. Детали кроя торцевых частей подушек имели линзовидную форму, что и определяло внешний вид упоров. Сверху поперек подушек ремешками закреплялся широкий ремень, концы которого выступали в качестве приструг, и еще два более узких ремня с внутренней стороны упоров для увеличения прочности конструкции и крепления приторочных ремешков. Войлочные потники, подшивавшиеся под седло, и декоративные покрышки, располагавшиеся сверху, имели такой же размер и форму, что и седельные подушки. Для фиксации седел на спинах лошадей использовали подпруги, приструги, нагрудники и подхвостники. Нагрудники состояли из основного ремня, располагавшегося горизонтально, и двух пришивавшихся перпендикулярно ему ремешков, завязывавшихся или застегивавшихся на холке лошади. Горизонтальные ремни крепились к пристругам, как и у современных нагрудников такого типа. Подхвостники крепились к задним упорам.

За время существования пазырыкской культуры конструкция седел не претерпела существенных изменений, однако у седел из памятников разных этапов имеются определенные различия в пропорциях, фурнитуре и деталях оформления (Степанова, 2006). Для седел поздней хронологической группы (Третий Пазырыкский кург.) характерно наличие распорок, регулируемых подхвостников, использование одночастных застежек и щитовидных подвесок как основного элемента декора.

В Третьем Пазырыкском курге сохранились остатки 10 седел, у всех утрачена центральная, не набитая часть – седельный желоб, но его параметры легко восстанавливаются по размерам распорок, которые имелись у всех седел. Распорки – прямоугольные дощечки шириной 2,4–3,5 см с шипами на узких концах, располагавшиеся в начале и конце седельного желоба под поперечными ремнями. Шипы вставлялись в набивку подушек. Длина центральной части распорок равнялась ширине седельного желоба и составляла 7,5–9 см.

Регулируемые подхвостники состояли из двух широких подтреугольных деталей, крепившихся к упорам, и собственно подхвостного ремня, концы которого продевались в прорези на треугольных частях и завязывались. В Третьем Пазырыкском курге сохранились фрагменты трех подхвостников, наибольшая длина треугольных деталей – 25–28 см, ширина – 4 см, все выполнены из сложенных вдвое и сшитых по центру сухожильными нитями лоскутов кожи. Шов располагался снаружи. Детали покрывали войлоком, который пришивали мелкими стежками. Для основного ремня подхвостника использовали круглые (свернутые в трубочку и сшитые сухожильными нитями) ремни.

Если в ранних курганах (Башадар, Туэкта) обнаружены почти исключительно двухчастные подпружные застежки «петля–пряжка», то в средних и поздних, преимущественно, одночастные, что соответствовало общим тенденциям развития конского снаряжения в скифском мире. Хотя поздние варианты двухчастных застежек продолжали использоваться, по крайней мере, до конца III в. до н. э. В нашем случае была найдена всего одна костяная пряжка одночастной застежки с носиком, лежащем в плоскости рамки.⁹⁹ Еще у трех седел имелось по одной щитовидной накладке на приструги с большими отверстиями (Руденко 1953: табл. XLVIII, 4; LIX, 12–14). Данные предметы, возможно, служили накладками на кожаные петли двухчастных застежек. Типичные костяные петли подвешивались к концам приструг и имели толщину 7–11 мм. Накладки имеют такой же размер центрального отверстия, как у петель (2,4–3,6 см), но их толщина всего 1,5–3 мм.

Дужки упоров или седельные дужки, которые в археологической литературе часто необоснованно называют луками, являются характерными, но не обязательными деталями скифских седел. В Третьем Пазырыкском курге плоские костяные дужки, обычные для поздних седел, имелись

частями подушек. Основу батов составляли деревянные дощечки, крепившиеся к передним и задним лукам.

⁹⁹ Отсутствие подпруг и пряжек связано с особенностями погребального обряда (Степанова 2006: 141–144).

всего в двух комплектах. У семи седел на бортики упоров были нашиты кожаные полоски с наклеенной золотой фольгой, у одного – войлочные полоски.

Все седла здесь были украшены щитовидными подвесками. Стандартный минимальный набор подвесок в памятниках пазырыкской культуры включал четыре подвески к поперечным ремням и две – к передним упорам. Кроме них в седельный комплект могли входить еще две подвески к широким частям регулируемых подхвостников, две подвески несколько большего размера к пристругам, а также две накладки на приструги (полукруглые или в виде трилистника с ровным основанием) и четыре линзовидные или арковидные накладки на наружные стороны упоров. Комплекты без накладок на упоры или с арковидными накладками включали также четыре уплощенные пронизи, прикрывавшие отверстия на упорах для подвешивания щитовидных подвесок и крепления подхвостника; у комплектов с линзовидными накладками такие пронизи отсутствуют (иногда они имитируются резьбой или аппликациями на накладках). Изредка встречаются трапециевидные накладки на широкие части подхвостников. Материал подвесок, накладок и пронизей – дерево, кость и толстая кожа. В Третьем Пазырыкском кург. было три костяных и семь деревянных комплектов. Все 10 седел имели стандартные наборы щитовидных подвесок, кроме того, у шести были подвески на подхвостниках, а у трех, видимо, к пристругам. Трапециевидные накладки с изображением зайцев имело одно седло. Полукруглыми накладками были снабжены восемь седел, причем только костяные были функциональными (имели отверстия для привязывания нагрудников); пять пар деревянных без таких отверстий были изготовлены, очевидно, специально для погребения.

Девять из десяти рассматриваемых нами седел по всем критериям типичны для пазырыкской культуры. Длина их седельных подушек колеблется от 55 до 60 см, ширина набитой части крыла – 19–23 см, узкой части – 16–19 см, толщина – 4–6 см. Наружная высота передних упоров в пределах 9,5–13 см, задние на 1–2 см ниже, ширина в основании – 3–5 см, по бортику – 1–3 см. Превышение над сидением – 5–7 см. Большинство седел из других курганов Пазырыкского, Башадарского и Туэктинского мог-ков, находящиеся в фондах ГЭ, имеют аналогичные параметры. Однако, судя по размерам войлочных медальонов, кожаных линзовидных вставок седельных подушек и деревянным дужкам упоров, у некоторых седел во Втором Башадарском и Первом Туэктинском кург. высота упорных элементов могла достигать 20 см (!). Для сравнения рассмотрим подобные элементы у более поздних седел. По свидетельству Ф. Р. де Ля Гериньера высота батов военного седла в начале XVIII в. составляла ок. 10 см, но наиболее удобными как для войны, так и полевой езды считались седла с батами не более 6 см¹⁰⁰ (Ля Гериньер 2009: 92). У английских седел упоры еще ниже, и даже у конкурных не превышают последней цифры. Таким образом, в ранних памятниках пазырыкской культуры фиксируется значительный разброс в размерах упоров и их максимальные габариты. Позднее пропорции седел были унифицированы. Седла из Третьего Пазырыкского кург. имели упоры средней и, видимо, оптимальной высоты.

Стёжка седельных подушек пазырыкских седел выполнялась строго определенным образом. Сидение прошивалось в продольном направлении, обычно было четыре шва, которые располагались не равномерно по ширине подушки, а как бы «пучком» (расстояние от крайних швов до границ подушки было больше, чем между швами), и повторяли внешний контур подушки с крыловидным выступом, т. е. имели резкий перегиб в районе крыла. Упоры прошивались в поперечном направлении, дугами, в три–пять рядов. Прихватывалось только верхнее полотнище подушки и верхняя половина линзовидной вставки. Концы нижнего полотнища и нижняя часть линзовидной вставки оставались непрошитыми, образуя широкое основание упора. В отличие от туэктинских седел с плотной стёжкой подушек, выполненной тонкими ремешками, в Третьем Пазырыкском кург. подушки простеганы более редко, шнурами из конского волоса или шерсти, разной толщины и степени крутки. Упоры средней высоты, поэтому имеют только три ряда стёжки.

¹⁰⁰ У батов наружная и внутренняя высота одинаковы.

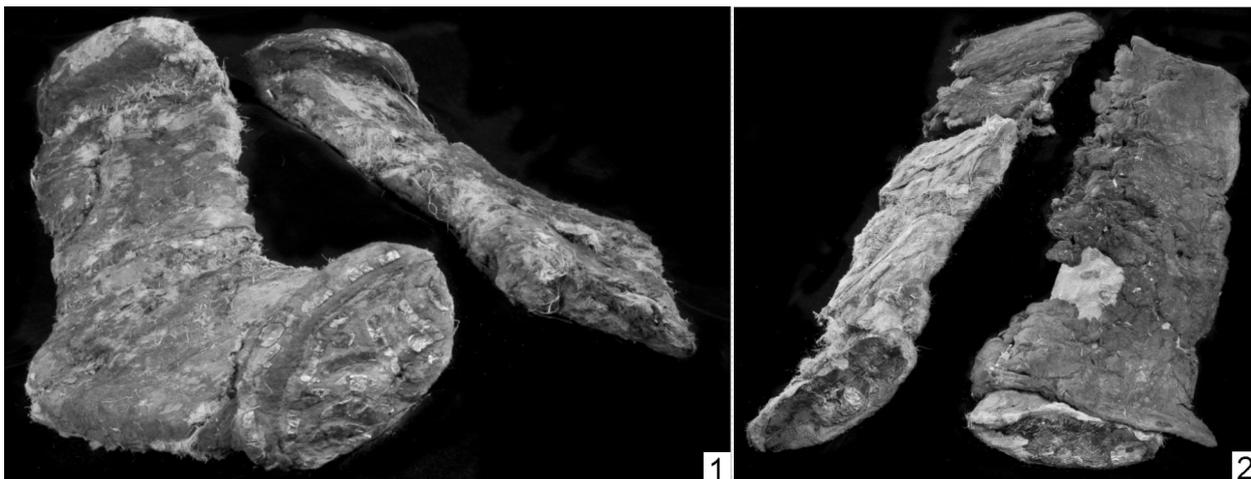

Рис. 1. Седла из Третьего Пазырыкского кург.:

1 – типичное пазырыкское седло (инв. 1685/358); 2 – «китайское» седло (инв. 1685/364, 384)

Оформление упоров у этих девяти седел следующее. Одно седло имело подтрапециевидные с закругленными углами накладки, выполненные из кости, без орнамента. Костяные дужки были пришнурованы по периметру накладок. Четыре седла имели арковидные накладки: два комплекта костяных (один без орнамента и один с парными головками лосей), один деревянный (также с головками лосей) и один из двух слоев кожи (нижний слой окрашен киноварью, а верхний, с прорезными зубчатыми лепестками, покрыт золотой фольгой). Костяные дужки с обычным креплением (в трех местах) входили в комплект с гладкими костяными накладками. Арковидные накладки и круглые пронизи помещались поверх линзовидных медальонов из красной шерстяной ткани, нашитых с наружной стороны упоров. Три седла имели линзовидные накладки из тонкой кожи, окрашенной киноварью, с ажурными аппликациями золотой фольгой. Одно седло имело на упорах войлочные аппликации, дополненные золотой фольгой, с использованием простых геометрических мотивов. У части седел аппликациями простых форм из золотой и оловянной фольги были отделаны и внутренние стороны упоров.

На общем фоне пропорциями и особенностями конструкции выделяется одно седло из Третьего Пазырыкского кург. У него очень плоские (толщина ок. 2–3 см) и сравнительно узкие (ширина ок. 16,5 см, без учета седельного желоба) подушки, без выраженного «крыла». Упоры очень низкие, наружная высота достигает всего 6 см, внутренняя – 3 см. Отношение высоты к длине составляет ок. 3, тогда как у типичных пазырыкских седел – 1,5–2 см. С внутренней стороны видны всего два ряда поперечной стёжки упоров. Зато продольных швов целых пять, стежки выполнены в шахматном порядке. Швы располагаются равномерно по всей ширине подушек, не образуя выраженного «пучка» и не имея перегиба, т. к. расширение в центральной части очень незначительное (рис. 2, 2).

Наружную сторону упоров закрывали овальные накладки из лакированной кожи. Исследования показали, что это китайский лак на основе уруши.¹⁰¹ Лакокрасочное покрытие состоит из двух слоев. Верхний слой красный (пигмент киноварь), нижний – лак черного цвета (цвет обусловлен образованием комплекса пирокатехинов лака с железом). Подложкой служит грунт на основе уруши и речного ила с армирующими включениями растительного происхождения, предположительно конопля. Судя по внешнему виду, лаковое покрытие имеет следы потертостей, образовавшихся, вероятно, вследствие эксплуатации. Вопреки указаниям С. И. Руденко (1953: 195, 197–198; и др.), это

¹⁰¹ Все определения лака выполнены к. т. н., ст. н. с. Лаборатории физико-химических исследований материалов Отдела научно-технологической экспертизы ГЭ О. Г. Новиковой.

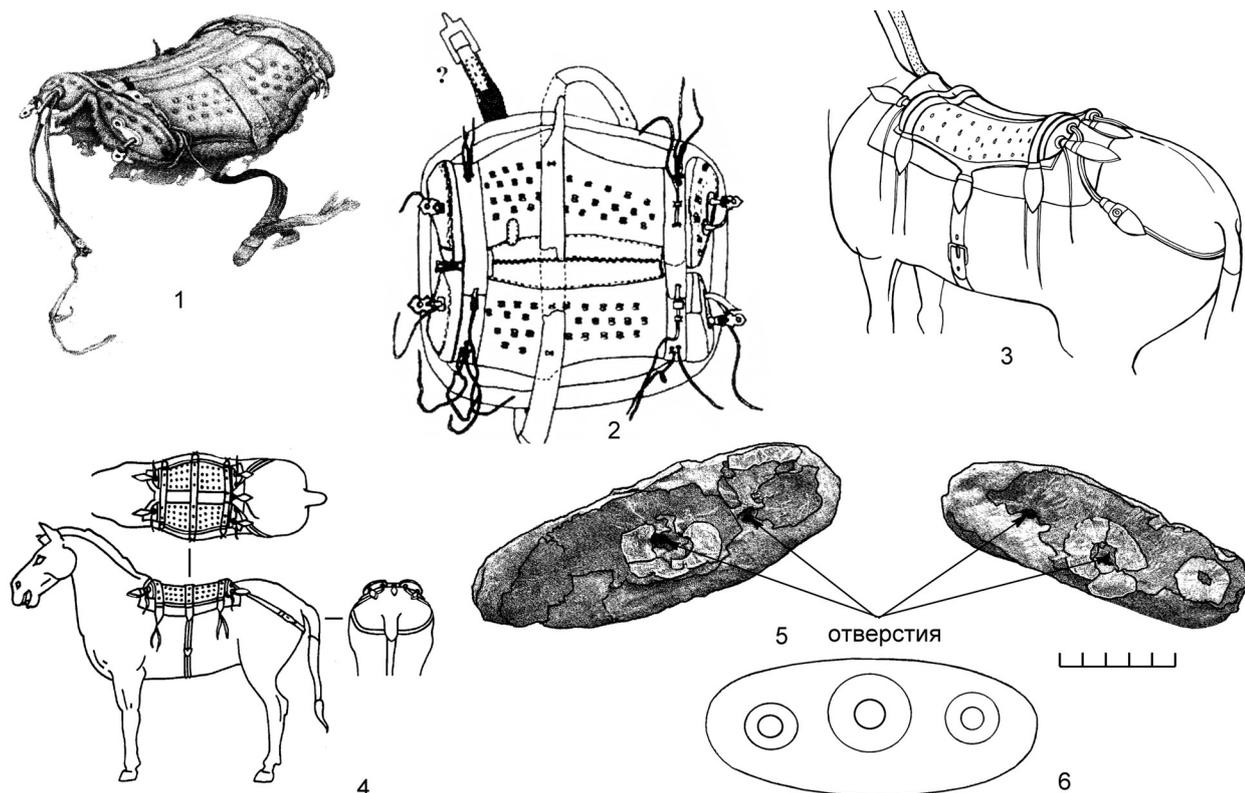

Рис. 2. «Китайское» седло и его аналогии: 1–2 – седло из Субаши-1, мог. М10; 3–4 – седла на терракотовых лошадях из гробницы Цинь Шихуанди; 5 – задние упоры «китайского» седла из Третьего Пазырыкского кург.; 6 – накладка на упор из лакированной кожи с кольцами из золотой фольги (1 – по Лю Юнхуа 2002; 2 – по Шульга 2010; 4 – по Вайнштейн 1991; 6 – по Руденко 1953; 3, 5 – рисунки автора)

единственный случай использования лака для декора упоров седел. В остальных случаях мы имеем дело с кожей, окрашенной краской на основе водорастворимых органических связующих (которые не сохранились), с использованием киновари в качестве пигмента.

Накладки сохранились только на задних, менее деформированных упорах.¹⁰² Эти упоры имеют по два отверстия для проходивших сквозь них ремешков – по центру и ближе к внутреннему краю, что совершенно не типично для пазырыкских седел. Оба отверстия были оформлены кольцами из золотой фольги, наклеенными на лаковое покрытие, третье кольцо помещено для равновесия композиции ближе к наружному краю упора, но отверстия под ним нет. Собственно на накладках сейчас одно и два кольца, остальные отдельно (рис. 2, 5–6).¹⁰³

Похожие признаки мы видим у седел, происходящих из северных районов современного Китая – у седла из Субаши-1, мог. М10 (Синьцзян) и у седел на лошадях глиняной армии из мавзолея императора Цинь Шихуанди (Шэньси). Седла на терракотовых лошадях имеют совершенно плоские и узкие подушки, с очень небольшим расширением в средней части, с низкими упорами, очевидно, закрытыми снаружи накладками, т. к. не видна поперечная стежка упоров. Швы самих подушек выполнена редкими короткими стежками по всему полю подушек и визуалью очень похожа на стёжку нашего седла. Циньские седла имеют удлиненные щитовидные подвески к передним упорам, поперечным ремням, пристругам и регулируемым подхвостникам, а также дополнительные подвески к задним упорам и еще одну по центру между ними, при этом крепление подхвостника смещено к внутреннему краю упоров (Ciarla et al. 2005: 210, 215; Вайнштейн 1991: рис. 96, 2)

¹⁰² От накладок на передние упоры сохранились только фрагменты лака, отделенные от истлевшей кожаной основы.

¹⁰³ У С. И. Руденко приведен рисунок накладок с тремя кольцами (Руденко 1953: табл. CIV, 6).

(рис. 2, 3–4). То есть на задних упорах было по два отверстия, причем расположенных так же, как у описанного седла из Третьего Пазырыкского кург.

Седло из Субаши (Субэйси) тоже имеет низкие упоры. Накладки на наружной стороне упоров у него отсутствуют, а на задних упорах виден всего один ряд стежки. У данного седла также имеются подвески к задним упорам, а ремень подхвостника смещен к центру. Однако крылья седельных подушек выражены более явно и смещены в переднюю треть седла, как и у седел пазырыкской культуры, похожим образом, с образованием «пучка» выполнена стежка подушек. Хотя полных швов всего три и один короткий дополнительный в широкой части подушек (Ван Бинхуа 1993: 16; Лю Юнхуа 2002: рис. 154; *The ancient culture...* 2008: 106–107, fig. 4; Шульга 2010: рис. 70, 2) (рис. 2, 1–2).

Сколько же и какие подвески были у рассматриваемого «китайского» седла? Заманчиво предположить, что роговые, но они входят в комплекты с роговыми накладками на упоры. Из комплектов деревянных подвесок, которые однозначно не соотносятся с конкретным седлом, вероятнее всего использование подвесок, как у седла с деревянными накладками с головками лосей (Руденко 1953: табл. LIV, 1, 6, 7). Таких подвесок было выполнено три комплекта (у С. И. Руденко перечислены два), видимо, специально перед погребением для дополнительного украшения уже существующих седел. Все наборы щитовидных подвесок стандартные для памятников пазырыкской культуры – с двумя подвесками к передним упорам, которые легко отличимы от подвесок к седельным ремням. Они более узкие и обычно имеют одно округлое или прямоугольное отверстие в верхней части шириной ок. 1 см. Аналогичными признаками характеризуются и подвески к задним упорам у седла из Субаши, у глиняных лошадей видны только более узкие основания подвесок. Таким образом, седло с лаковыми накладками не имело дополнительных подвесок в момент погребения, хотя отверстия от них остались. Видимо, все лишние подвески были сняты, и седло было оформлено в соответствии со стандартами пазырыкской культуры. Вероятно, тогда же для маскировки лишних отверстий были наклеены малые золотые кольца на концах накладок.

Захоронение в мавзолее Цинь Шихуанди совершено в 210 г. до н. э., хотя работы по его созданию начались при жизни императора, в самом начале его правления, т. е. в 20-е гг. III в. до н. э. Погребение М10 из Субаши-1 П. И. Шульга датирует IV–III вв. до н. э. (по подпружной пряжке, стреле и ножу), китайские исследователи приводят более ранние даты – конец V–IV в. до н. э. (Шульга 2010: 101; Ван Бинхуа 1993: 18; *The ancient culture...* 2008: 107). Однако, судя по изображениям Цинь и Западной Хань, седла с подвесками использовались в Китае с конца III в. до н. э. до рубежа эр. На Алтае декор седел с комплектами щитовидных подвесок характерен только для курганов поздней пазырыкской культуры (Третий, Четвертый, Пятый, Шестой Пазырыкские кург., Шибэ, Каракол), хотя подвески к передним упорам появляются еще в конце предыдущего хронологического периода (Второй Пазырыкский кург. и др.). Зеркало типа «цинь» из Шестого Пазырыкского кург. датируется в пределах 311–222 г. до н. э. (Bunker 1991: 20–21). Если принять последние радиоуглеродные датировки Первого и Второго Пазырыкских кург. рубежом IV–III вв. до н. э. (*Евразия в скифскую эпоху...* 2005: 165), то дата Третьего Пазырыкского кург. лежит в пределах первой половины III в. до н. э. По дендрологической шкале Третий, Четвертый и Пятый кург. сооружены позднее Второго, причем, по мнению И. М. Замоторина и Л. С. Марсадолова, Четвертый кург. раньше Третьего, а по И. Ю. Слюсаренко – наоборот. Соответственно, Третий Пазырыкский кург. датируется в интервале от +1 до +30 лет, Четвертый – от +7 до +35 лет, а Пятый – от +48 до +52 лет (Руденко 1960; Марсадолов 1988; Слюсаренко 2000). Предпочтительнее более поздняя дата Третьего Пазырыкского кург., т. к. по материалу он очень близок Пятому, тогда как Четвертый – Второму.

Интересно, что в Третьем Пазырыкском кург. есть и другие аналогии деталям конского снаряжения из гробницы Цинь Ши-хуанди. Например, узды бронзовых колесничих лошадей украшены подпрямоугольными пронизями с продольным желобком, выполненными из бронзы, попеременно позолоченной или посеребренной. В Третьем Пазырыкском кург. очень похожие

пронизи, украшавшие узду, а также ремни нагрудника и подхвостника, были вырезаны из дерева и попеременно покрыты золотой и, возможно, оловянной фольгой¹⁰⁴ или окрашены в красный цвет (Ciarla et al. 2005: 154–157; Руденко 1953: табл. LIII, 4).

На контакты пазырыкцев с Китаем, пусть и опосредованные, указывают детали украшений узды и одежды из кожи, покрытой лаком на основе уруши, которых особенно много в поздних курганах. В частности, в Третьем, Четвертом и Пятом Пазырыкских кург. широко использовались фигурные подкладки под уздечные бляхи, покрытые красным лаком. Обычно они имеют форму кружка, трилистника или древесного листка. Все они небольшого размера и, очевидно, вырезаны из кусков лакированной кожи самими пазырыкцами.

А вот уникальный комплект седельных украшений из Третьего Пазырыкского кург., выполненных из резной кости, детали которых покрыты китайским лаком, не мог быть изготовлен на месте. Хотя арковидные накладки на упоры с парными головками лосей, входящие в комплект, являются прекрасными образцами скифо-сибирского звериного стиля.¹⁰⁵ Лак на основе уруши допускает транспортировку и хранение, но сам процесс нанесения лаковых покрытий связан со значительными технологическими сложностями (Новикова 2000: 34; Голиков 2000: 50–51). Поэтому можно утверждать, что работы выполнялись ремесленниками-профессионалами в специализированных мастерских (Кравцова 2010: 274–275).

Такое редкое сочетание художественных и технологических традиций можно было бы связать с регионами Ордоса или Синьцзяна, расположенными ближе к тем территориям Китая, где в V–III вв. до н. э. существовало развитое лаковое производство. По свидетельству письменных источников, в период Чжань-го (Сражающихся царств) данная отрасль древнекитайского ремесла процветала не только в районах среднего и нижнего течения р. Янцзы и Хуанхэ, но и севернее, в современных провинциях Шаньси и Шэньси (Кравцова 2010: 275).

В Синьцзяне, например в могильниках Цзяохэ Гоубэй, Алагоу, Субаши-1 и 3 (все – вокруг г. Турфана) довольно широко представлены элементы декора седел, характерные для поздних памятников пазырыкской культуры, в т. ч. выполненные из кости (Шульга 2010: рис. 64–67, 69–70). Хотя до сих пор находки костяных изделий, покрытых лаком, мне не известны. Интересно, что седло, для которого были использованы костяные накладки с головками лосей, ничем по особенностям изготовления и пропорциям от пазырыкских не отличается, т. е. в данном случае мог быть привезен сам набор украшений. Обращает на себя внимание скромность оформления узды и нагрудника этого комплекта: костяные, шаровидные, уплощенных снизу пронизи, диаметром 2,4–2,8 см, украшенные врезанными кружками и треугольниками, помещены на наноснике и на пересечении ремней узды и нагрудника, четыре более мелкие «бусины», очевидно, располагались между ними. На Алтае подобные наборы представлены также в Четвертом Пазырыкском кург. и кург. 5 Чендека-6, в Синьцзяне в Цзяохэ Гоубэй, M27 и M28 (Руденко 1953: табл. LX–LXI; Киреев, Шульга 2006: рис. 3; Шульга 2010: рис. 64; 66). Все они входят в комплекты с костяными щитовидными бляхами и накладками на приструги. Шаровидные пронизи из дерева достаточно широко представлены в поздних памятниках пазырыкской культуры (в Третьем и Пятом Пазырыкских кург., в Шибе), но они обычно играют вспомогательную роль, а в узлах пересечения ремней помещены крупные фигурные бляхи.

¹⁰⁴ Часть пронизей, ритмично чередующихся с «золотыми» и красными, не имеет окраски или покрытия золотой фольгой. Возможно, они были обтянуты оловянной фольгой, которая разрушается быстро и почти бесследно. Рентгенофлюоресцентный анализ показал, что даже в тех случаях, когда на предмете сохранились фрагменты оловянной фольги, буквально рядом с ними на дереве следы олова не фиксируются. Исследования выполнены зам. зав. Отдела научно-технологической экспертизы ГЭ С. В. Хавриным.

¹⁰⁵ Костяные накладки с головками лосей являются прототипами деревянных накладок из того же кургана (Руденко 1953: 186, 192, табл. XLVIII, 1 и VIII, 1).

С. И. Руденко писал, что все детали набора в углублениях резьбы были покрыты красным лаком (Руденко 1953: 186–188). Однако в настоящее время небольшие фрагменты лака сохранились только на трех предметах – на одной из четырех накладок на упоры с головами лосей и на двух «бусинах». Лак на основе уруши многослойный, верхние слои насыщены пигментами – верхний красный слой содержит киноварь, лежащий под ним черный, предположительно, сажу. Нижние коричневые слои (собственно, уруши) и черные слои (содержащие комплекс пирокатехинов лака с железом) – прозрачные. Грунтом служит высоконаполненный слой на основе уруши с минеральными добавками и армирующими волокнами. Внешний вид верхнего слоя под микроскопом свидетельствует, что данные предметы достаточно длительное время находились в употреблении – отсутствует блеск, поверхность «мелит». Места, когда-то покрытые лаком на накладках, бусинах, а также на круглых пронизях с вихревым орнаментом, слегка выделяются визуально, под микроскопом в ряде случаев видны следы грунта. Наличие лакового покрытия на щитовидных подвесках весьма спорно.

Интересно, что покрышки обоих седел (с кожаными и костяными накладками, покрытыми китайским лаком) отличаются от остальных покрышек из Третьего Пазырыкского кургана и изготовлены сходным образом – из однотонного войлока, простеганного сухожильными нитями мелкими стежками длиной 1 мм швом вперед иголку. Покрышка седла с костяными накладками прошита сплошь по диагонали, швы на второй покрышке образуют квадраты со стороной 2,5 см. Последняя покрышка изготовлена из трех слоев довольно рыхлого войлока, ее толщина даже в настоящее время – не менее 0,5 см. Обычно подобные предметы изготавливались из высококачественного войлока толщиной ок. 1,5 мм. Очевидно толстая и мягкая покрышка «китайского» седла была призвана компенсировать слишком тонкие седельные подушки. Обе покрышки, в отличие от остальных, не имели кожаной бахромы по краю, характерной для поздних седел и имеющейся также у некоторых седел в Первом и Втором Пазырыкских кург. Отмечу, что на седлах лошадей глиняной армии и у седла из Субаши покрышки отсутствуют.

Таким образом, с определенной осторожностью можно говорить о наличии в Третьем Пазырыкском кург. одного импортного седла и одного импортного комплекта украшений узды и седла, которые, возможно, происходят из районов Синьцзяна.

- Вайнштейн 1991 – *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
- Ван Бинхуа 1993 – *Ван Бинхуа.* Субэйсийские находки // Китай. 1993. № 3. С. 15–18.
- Голиков 2000 – *Голиков В. П.* Технологические особенности восточноазиатских лаковых изделий // Восточноазиатские лаки: Методика реставрации, исследования: М., 2000. С. 38–57.
- Евразия в скифскую эпоху... 2005 – Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб, 2005.
- Киреев, Шульга 2006 – *Киреев С. М., Шульга П. И.* Сбруйные наборы из Уймонской долины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3, 4. С. 90–107.
- Кравцова 2010 – *Кравцова М. Е.* Лак // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. 6 (дополнительный). Искусство. М., 2010. С. 274–281.
- Ля Гериньер 2009 – *де Ля Гериньер Ф. Р.* Конная библия: Школа верховой езды / Пер. с франц. С. Н. Низова. М., 2009.
- Марсадолов 1988 – *Марсадолов Л. С.* Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 65–81.
- Новикова 2000 – *Новикова О. Г.* Исследования химического состава восточных лаков. Области применения. Обзор литературы // Восточноазиатские лаки: Методика реставрации, исследования. М., 2000. С. 33–37.
- Руденко 1953 – *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Слюсаренко 2000 – *Слюсаренко И. Ю.* Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // АЭАЕ. 2000. № 4 (4). С. 122–130.

- Степанова 2006 – *Степанова Е. В.* Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. СПб, 2006. № 13. С. 102–150.
- Шульга 2010 – *Шульга П. И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы: Хронология и периодизация). Барнаул, 2010.
- Bunker 1991 – *Bunker E. C.* The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // SOURCE: Notes in the History of Art. 1991. Vol. X, no 4. P. 20–24.
- Ciarla etc. 2005 – *Ciarla R., Lanciotti L., Scarpari M., Wetzel A.* The Eternal Army: The Terracotta Soldiers of the First Chinese Emperor (Timeless Treasures). 2005.
- The ancient culture... 2008 – The Ancient Culture in Xinjiang along the Silk Road. Ürümqi, 2008.
- Лю Юнхуа 2002 – *Лю Юнхуа.* Жонгью гу дай ши йю ма ю (Древнекитайские колесницы и конское снаряжение). Шанхай, 2002 (на кит. яз.).

Д. Ю. Гук, Н. Н. Николаев (Санкт-Петербург, Россия)

Повозка из Пятого Пазырыкского кургана

Курганы в уроч. Пазырык были выявлены Саяно-Алтайской экспедицией Этнографического отдела Русского музея еще в 1924 г., но только четыре года спустя под руководством М. П. Грязнова был раскопан первый из «царских» курганов¹⁰⁶ (Грязнов 1937; 1950). В 1947 г. Горно-Алтайской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством С. И. Руденко были продолжены дальнейшие исследования. Начиная с 1948 г., в работах экспедиции принимал участие ГЭ. «Раскопкой большого пятого Пазырыкского кургана и трех малых, рядовых погребений в 1949 г. закончилось исследование всей группы Пазырыкских курганов» (Руденко 1951: 106). Находки поступили в ГЭ и в период с 1950 по 1952 гг. были приняты на постоянное хранение. Одновременно проводилась консервация и реставрация вещей.

В списке предметов, нуждающихся в реставрации, составленном А. А. Иессеном 29 июля 1952 г., первым пунктом указана: «Колесница деревянная из 5-го Пазырыкского кургана на Алтае (IV в до н. э.), представляющая собой сооружение размерами 3 × 3 × 2,6 м (не считая дышла), составленная из многих частей, найденная в кургане в разломанном, перерубленном и расчлененном виде». А. А. Иессен достаточно точно описал состояние, в котором находилось транспортное средство, найденное в Пятом Пазырыкском кург. (рис. 1). Используя имеющиеся детали и фрагменты повозки, ее предстояло собрать заново. Работами по восстановлению руководили Е. А. Румянцев и М. П. Грязнов. Сохранностью дерева и кожи, подбором разрозненных частей и дополнением недостающих деталей занимался Е. А. Румянцев (Грязнов 1955б: 31), в то время как мнение М. П. Грязнова было определяющим при решении вопросов, касающихся конструкции повозки. Информация, которая могла бы помочь в этой работе, появилась в предварительном сообщении С. И. Руденко о раскопках 1949 г. (Руденко 1951). В нем указывалось, что помимо прочих вещей в северной части могилы, за пределами внешнего сруба были положены «большие со ступицами и многими спицами колеса и оси специальной повозки». Здесь же находилось «дышловое приспособление для упряжи». Упоминались также «плетенка с четырьмя привязанными к ней войлочными скульптурными фигурами лебедей, набитыми оленьим волосом, бархатный стриженный ковер и огромный (4,5 × 6,5 м) войлочный ковер» (Там же: 109–111). Основу найденной четырехколесной повозки, по мнению С. И. Руденко, составляла оригинальная решетчатая платформа. «Повозка эта на резных колонках была, видимо, крытая, но конструкция этого покрытия еще не разобрана» (Там же: 113). Отмечалось, что «в повозку запрягалась четверка коней, из них – пара в дышло, со своеобразными рогатками и пара с боков на постромках, от которых сохранились вальки».

¹⁰⁶ Материалы этих раскопок вошли в состав экспозиции ГЭ, посвященной скифской эпохе Евразии, которая открылась в 1941 г. в зале № 100 (ныне экспозиция отдела Востока «Древний Египет»).

Рис. 1. Повозка из Пятого Пазырыкского кург. перед реставрацией. 1952 г.
(из архива Отдела археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ)

Не исключалось, что «помимо такой упряжи практиковалась еще запряжка в оглобли, одна из которых сохранилась». Предполагалось, что повозка использовалась в погребальной процессии и была накрыта «огромным войлочным ковром», который затем был вместе с ней «брошен в могильную яму» (Там же).

Развернутое описание было приведено несколько позже в фундаментальном труде С. И. Руденко «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (1953: 232–235). Уточнив описание практически всех сохранившихся частей и элементов повозки, С. И. Руденко снова отметил, что у нее «был довольно сложный верх», не все детали которого выяснены. При этом он не сомневался, что верх повозки был частично покрыт черным войлоком. Помимо этого С. И. Руденко более определенно высказался по поводу войлочных фигур «лебедей». Они, по его мнению, украшали решетчатую часть верха «колесницы», сделанную из тонких прутьев (Там же: 234).

М. П. Грязнов не во всем согласился с автором раскопок. Отметив, что С. И. Руденко «удалось правильно представить ходовую часть колесницы и ее платформу», он считал его точку зрения об устройстве крытого верха и способе упряжи ошибочной (Грязнов 1955б: 30). Расхождения, касающиеся того, как лошади запрягались в повозку, были не столь значительны. Куда более существенные разногласия возникли по поводу того, как выглядела верхняя часть повозки. М. П. Грязнов предположил, что гнутые жерди небольшого диаметра, соединенные между собой длинными деревянными штифтами (рис. 1, 1), и стойки с лопаткообразными окончаниями являются частями шатровой конструкции, которая была установлена на корпус повозки. Внизу стойки крепились к набранной из гнутых жердей «стенке-решетке», а сверху привязывались к четырехугольной раме, которая затем покрывалась «щитом из тонких связанных ремнями досок» (Грязнов 1955б: 31). Дополнительных элементов в виде войлочных фигур птиц эта реконструкция не предполагала. Они, по мнению М. П. Грязнова, располагались на верхней кромке шатра, который был сооружен на месте погребения для временного размещения мумии вождя (Грязнов и др. 1956: 13–14). На реконструкции также показаны длинные узкие ленты темного войлока, свисающие с многочисленных шестов, установленных внутри сооружения (Грязнов 1992: 168, 415, табл. 65, 9).

Большая часть деталей повозки изготовлена из березы. Настил, которым покрыта верхняя рама, собран из ивовых прутьев, а некоторые из колесных спиц вырезаны из крушины.¹⁰⁷ Описывая повозку, С. И. Руденко отметил, что «ободья колес состоят из двух половинок, края которых наложены один на другой и скреплены между собой деревянными костыльками», а в одном случае они еще и стянуты кожаной обмоткой (Руденко 1953: 232). Не исключено, что это следы ремонта. Значит, повозкой пользовались. Впрочем, тот факт, что она могла ездить, не ставился под сомнение ни С. И. Руденко, ни М. П. Грязновым. Правда, передвигаться на этом транспортном средстве в условиях горного ландшафта было весьма непросто (Руденко 1953: 232–234; Грязнов 1955б: 31).

Конструкция повозки была несовершенна. В первую очередь это касается ее ходовой части. Люфт колес при езде был настолько значителен, что они могли просто слететь с осей. Чтобы этого не произошло, применяли деревянные штанги с отверстиями на противоположенных концах. Два таких приспособления крепились на переднюю и заднюю ось повозки с левой и правой стороны. Они надевались поверх колес и удерживались деревянными чеками, вставленными в отверстия на концах осей. Внутренняя поверхность этих «наосников» затерта ступицами колес. К сожалению, ответить на вопрос, указывают следы износа на интенсивность или продолжительность использования повозки, нельзя. Нет оснований серьезно рассматривать предположение С. И. Руденко о том, что на повозке прибыла китайская принцесса, отданная замуж за пазырыкского вождя (Руденко 1953: 235). Во-первых, транспортные средства, которыми пользовались в Китае, не сопоставимы с примитивной алтайской повозкой. Во-вторых, китайская традиция, независимо от того, идет речь о колеснице, повозке или телеге, была ориентирована на создание одноосных транспортных средств (Кожанов 1984: 68, рис. 1, 71; 2). В-третьих, южно-сибирский генезис двуосных повозок подтверждается археологически (Савинов 2002; Мухарёва 2011: 74, рис. II, 1).

Другой тезис С. И. Руденко о том, что повозку использовали в погребальной процессии, развил Г. Н. Курочкин. Он пришел к выводу, что «сильная изношенность погребальных дрог»¹⁰⁸ указывает на то, что «тело покойного долго возили за пределами Алтая, в районах, входивших в сферу культурных и политических контактов алтайской элиты скифского времени» (Курочкин 1994: 64). Отмечая, что подобная практика описана Геродотом у причерноморских скифов, Г. Н. Курочкин считал допустимым экстраполировать этот обряд на пазырыкское население Алтая (Курочкин 1994: 64). Затруднение вызывает одна деталь. Рост мужчины погребенного в Пятом Пазырыкском кург. на момент смерти составлял 1,75–1,76 м (Баркова, Гохман 2001: 84). Длина шатровой конструкции,

¹⁰⁷ Пробы древесины идентифицированы микроскопическим методом по анатомическим признакам к. б. н. М. И. Колосовой.

¹⁰⁸ На наш взгляд, формулировка Г. Н. Курочкина «сильная изношенность» несколько преувеличена.

куда мог быть уложен покойный, не превышает 1,6 м. Этот размер обусловлен размером ивового настила, перекрывающим 3/4 верхней рамы повозки. С. И. Руденко считал, что около четверти длины рамы, где настил уложен в поперечном направлении, занимало место возницы (Руденко 1953: 234). Реконструкция, выполненная под руководством М. П. Грязнова, позволяет говорить о том, что он согласился с доводами С. И. Руденко. Вместе с тем, если предположить, что шатровая конструкция, которая сохранилась фрагментарно, была выполнена заподлицо с верхней рамой повозки, в ней можно разместить мумию вождя. Коней в этом случае вели под уздцы, а убранство повозки, действительно могли составлять фигуры птиц и темный войлок. Однако, как показывают расчеты, погребальный шатер для временного размещения тела вождя даже отдаленно не напоминал сооружение, изображенное на графической реконструкции. Скорее всего, это была конструкция типа чума или обычный навес, для возведения которого использовали только шесты и большой войлочный ковер (Гук, Николаев 2011).

На постоянной экспозиция ГЭ материалы из раскопок Пятого Пазырыкского кург. представлены с января 1955 г. (Грязнов 1955а: 9). В ходе реэкспозиции 2007–2010 гг. повозка прошла реставрацию, во время которой была заменена часть крепежных приспособлений 1950-х гг., при этом ее внешний облик, созданный М. П. Грязновым, изменен не был. Однако, называть этот «громоздкий неповоротливый экипаж» колесницей не совсем правильно. Наиболее оптимальным для него представляется нейтральный термин «повозка».

- Баркова, Гохман 2001 – *Баркова Л. Л., Гохман И. И.* Еще раз о мумиях человека из Пазырыкских курганов // АСГЭ. 2001. Вып. 35. С. 78–89.
- Грязнов 1937 – *Грязнов М. П.* Пазырыкский курган, М.; Л., 1937.
- Грязнов 1950 – *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган, Л., 1950.
- Грязнов 1955а – *Грязнов М. П.* Выставка памятников культуры и искусства ранних кочевников Алтая // СГЭ. 1955. Т. VIII. С. 8–9.
- Грязнов 1955б – *Грязнов М. П.* Колесница ранних кочевников Алтая // СГЭ. 1955. Т. VII. С. 30–32.
- Грязнов и др. 1956 – *Грязнов М. П., Давидан О. И., Скалон К. М.* Культура и искусство ранних кочевников Алтая // Первобытная культура: Путеводитель по выставке. Л., 1956. С. 9–22.
- Грязнов 1992 – *Грязнов М. П.* Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 161–178 (Археология СССР).
- Гук, Николаев 2011 – *Гук Д. Ю., Николаев Н. Н.* Замечания к реконструкции погребального шатра из пятого Пазырыкского кургана // Методика междисциплинарных археологических исследований. Омск, 2011. С. 49–62.
- Кожанов 1984 – *Кожанов С. Т.* Колесный транспорт эпохи Хань // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984. С. 67–75.
- Курочкин 1994 – *Курочкин Г. Н.* Скифские корни сибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» пазырыкских курганов // ПАВ. 1994. № 8. С. 60–70.
- Мухарёва 2011 – *Мухарёва А. Н.* Изображения крытых повозок в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2011. С. 72–78 (Изв. лаборатории археологических исследований. Вып. 25).
- Руденко 1951 – *Руденко С. И.* Пятый Пазырыкский курган // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 106–116.
- Руденко 1953 – *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Савинов 2002 – *Савинов Д. Г.* Изображение четырехколесной повозки на плите из могильника Есино V // Вестник САИПИ. Кемерово, 2002. Вып. 5. С. 27–30.

Стерегущие входы (по материалам погребений тесинской культуры в Минусинской котловине)

Настоящая работа дополняет статью автора «Ограбление или обряд?», в которой были рассмотрены особенности ограблений могил в древности и реконструированы возможные цели (ограбление-осквернение, изъятие родовых ценностей соплеменниками и др.) подобных действий (Кузьмин 1991). В рассматриваемом ныне случае ограбление могил совершалось, скорее всего, пришлыми инокультурными племенами, носило массовый характер и, вероятно, помимо добычи ценных вещей, утверждало право пришельцев на новые земли.

«Важнейшим локусом на пути в иной мир была могила, откуда вели дороги во все миры, поэтому сами погребальные памятники часто представляли собой модель мира, причем их сооружение можно приравнять к повторению космогонического акта и описанию загробного путешествия» (Петрухин 1979: 13).

С большой долей уверенности можно предполагать, что в эту же систему религиозно-мифологических представлений, связанных с погребальным обрядом, входили и представления о смертельной опасности искусственного нарушения структуры погребального комплекса, происшедшего при ограблении: грабители вновь открывали «каналы связи» с потусторонним миром, из которого в мир живых могли проникнуть грозные хтонические чудовища. Чтобы этого не произошло, применялись определенные меры защиты.

Для тесинской культуры (конец III в. до н. э.–середина III в. н. э.) характерны два основных типа погребальных памятников: курганы-склепы и грунтовые могилы (Кузьмин 2011). Те и другие подвергались ограблению не только в новое время, но и в древности.

Одиночно расположенные курганы-склепы представляли собой сложенные в форме усеченной пирамиды высокие насыпи из кусков дерна, под которыми находились каменные ограды, окружавшие обширные деревянные камеры с мощным покрытием и входом-дромосом. После искусственных операций с телами умерших в склепах последовательно захоранивали до 200 и более мумий-манекенов, созданных на основе скелета.

В пяти тесинских курганах в середине ВСВ стороны ограды (в двух – ЗЮЗ) были сооружены входы из вертикально врытых плит, заложенные позднее камнями. В остальных случаях вход специально не устраивали, но, вероятно, в этих местах ограды оставался не перекрытый ранее плитами проход.

Таким образом, в ограниченное оградой сакрализованное пространство вел вход, а в отождествляемую с «миром мертвых» погребальную камеру – вход-дромос, который всегда сооружался на ЗЮЗ борту могильной ямы (рис. 1).

Следует отметить, что обычай сооружения входов-дромосов не характерен для предшествующих культур Минусинской котловины. Первое появление здесь кургана с входом-дромосом зафиксировано в позднескифское время (БСК), что, видимо, связано с инновациями, проникавшими с территории Казахстана, где традиция сооружения входов-дромосов прослеживается с эпохи поздней бронзы (Там же: 95–97). В скифское и хуннское время дромос углублялся в землю и выходил на поверхность в самой могиле, либо с ним соединялись дополнительные подземные ходы. Возможно, это делалось с охранной целью – помешать проникновению хтонических существ из мира мертвых в мир живых.

Понять религиозные представления грабивших курганы пришельцев, в частности, связанных с защитой мира живых, позволяют некоторые археологические факты, в первую очередь, впускные захоронения во входе в ограду и входе-дромосе в склеп. В наиболее полном виде такие захоронения зафиксированы в исследованном автором в 1989 г. тесинском кургане-склепе Тогр-Таг

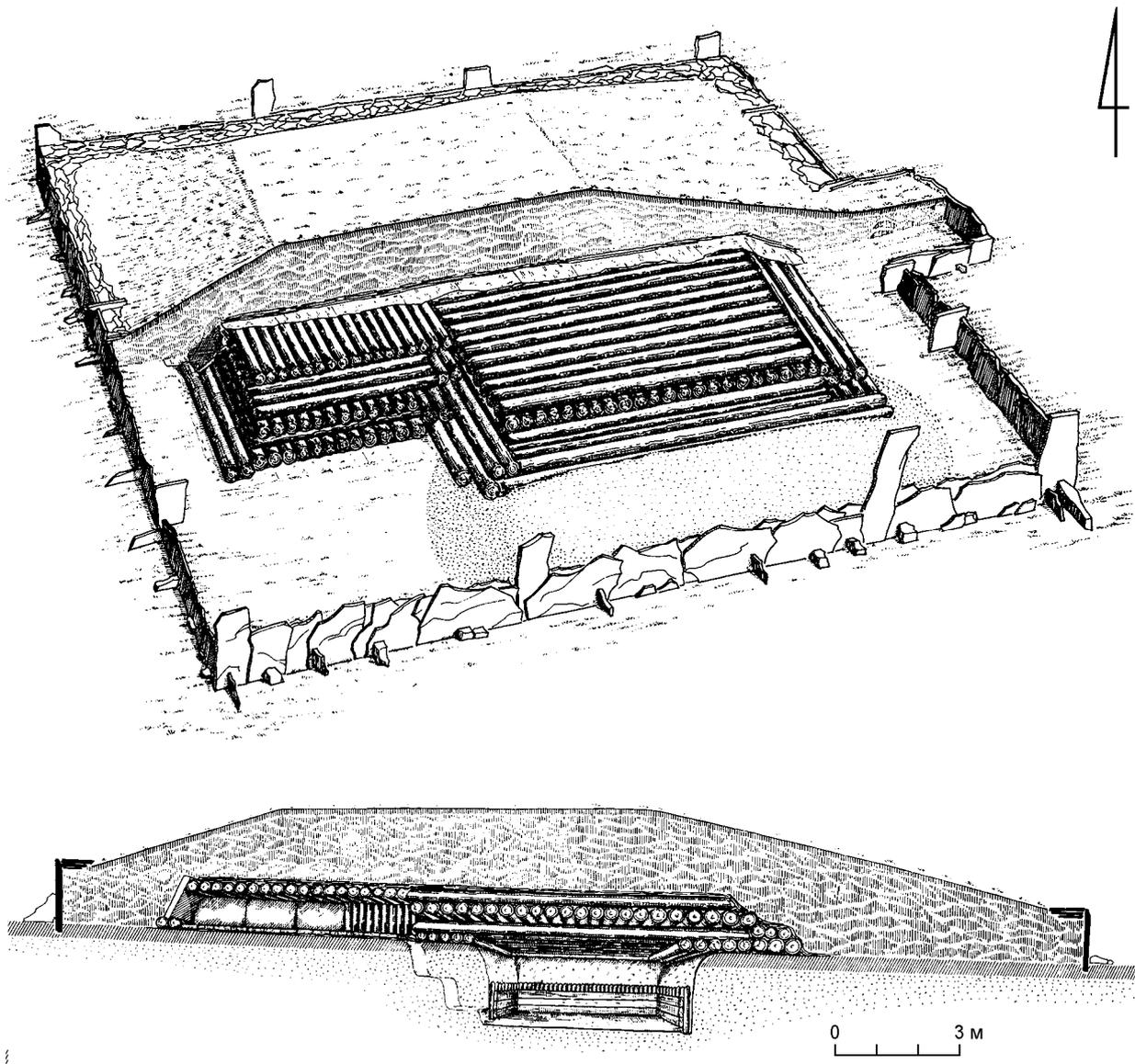

Рис. 1. Тогр-Таг, кург. 1, реконструкция (без впускных могил)

(рис. 2), где одна впускная могила была сооружена в заложенном ранее входе в каменную ограду (рис. 3, 1), а другая – в коридоре, ведущем в склеп (рис. 2, мог. 2).

В Большом Новоселовском кург. два скелета были обнаружены в заполнении входа в склеп (Курочкин 1992: рис. 36), в кург. Есино IV тесинская могила была впущена непосредственно над входом (Кузьмин 2011: Приложение I). В мог-ке Чалпан в кург. 1 трое взрослых были захоронены в коридоре входа, а в кург. 2 – четыре могилы сооружены к ЮЗ от входа (Зубков 1998: 126, 127). Продолжая аналогию, можно предположить, что в БСК захоронения двух «слуг» у южной стены коридора-дромоса (Марсадолов 2010: 12) также были впускными, совершенными после ограбления склепа, возможно, в тесинское время (положение одного из погребенных ничком, череп собаки или лисы рядом с ним). Складывается впечатление, что все эти факты не случайны: видимо грабители, боясь мести потусторонних сил мира мертвых (ограбленные ими склепы), «запирали» своими погребениями каналы связи (входы) с этим миром.

Еще одним (альтернативным) средством защиты от опасного воздействия потусторонних сил являлось захоронение собаки в насыпи или непосредственно в ограбленной могиле: Медведка I, кург. 1, мог. 3; Сабинка I, кург. 1, мог. 8; кург. Большое Русло, мог. 10; кург. Целинный, Барсучий Лог, Туим, Новые Мочаги и др. (Кузьмин 2011: Приложение I).

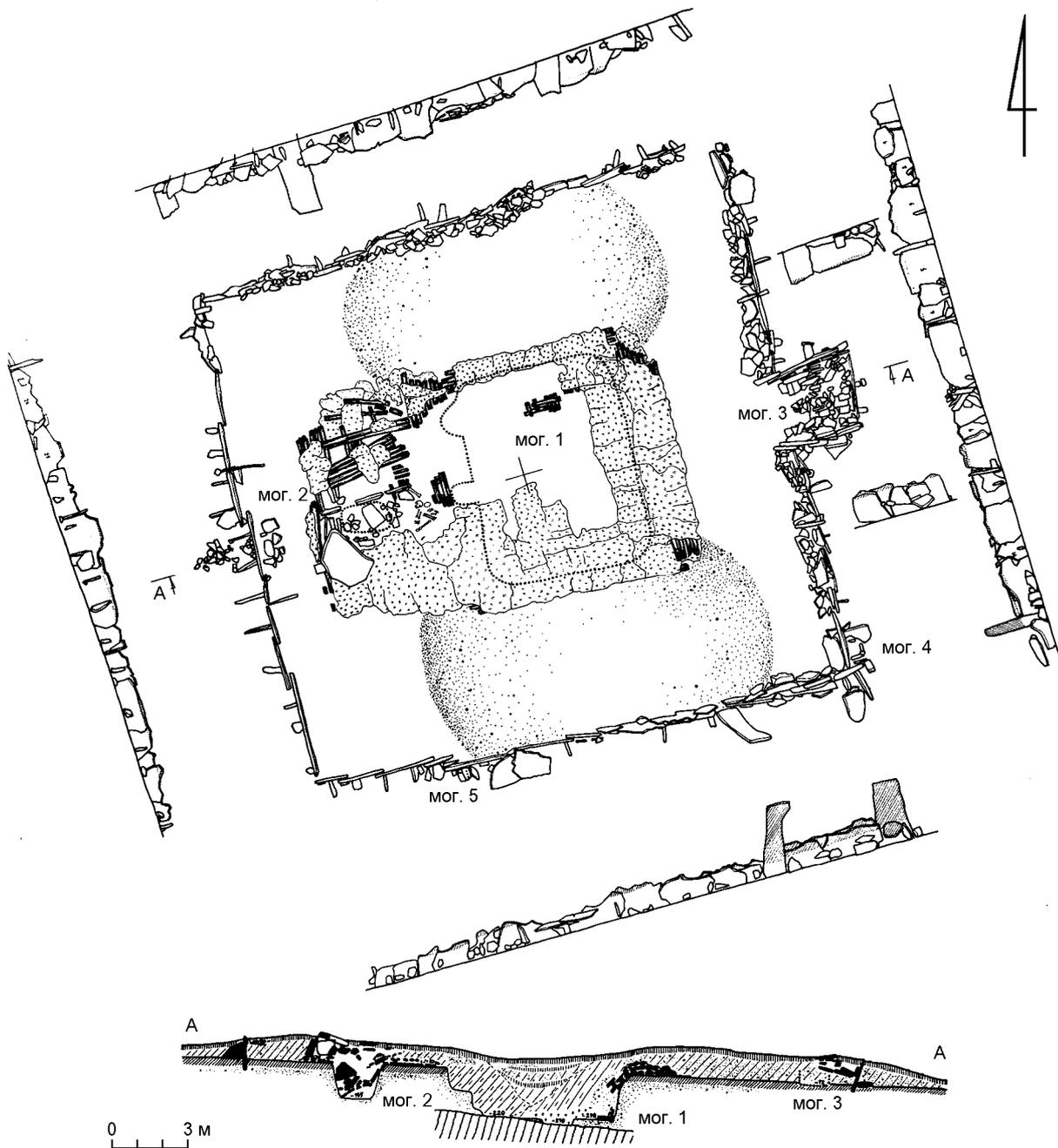

Рис. 2. Тогр-Таг, кург. 1, план ограды и берестяного покрытия склепа, фасады ограды и входа, разрез, местоположение впускных мог. 2 и 3

В позднесарагашенском кургане у дер. Новомихайловка были исследованы три основные могилы. Кости собаки обнаружены в заполнении неграбленной мог. 1, скелет собаки с обожженными костями найден за срубом ограбленной мог. 2, на борту ограбленной мог. 3 рядом с очажной ямкой была захоронена еще одна собака (Кузьмин 1994: 33).

Показательно, что захоронения собак совершались и в тех случаях, когда тесинские грунтовые могильники сооружались на месте более древних кладбищ, могилы которых грабились строителями. Например, при исследовании тесинского грунтового мог-ка у дер. Калы выяснилось, что ранее на этом месте находились баиновские ограды (мог. 4, 40, 47). В тесинское время мог. 47 была ограблена и в нее было впущено захоронение двух собак, а поблизости от мог. 4 – похоронена еще одна (Кузьмин 1988). В кург. 3 мог-ка Чёрное Озеро исследовано 30 тесинских могил. Ранее на

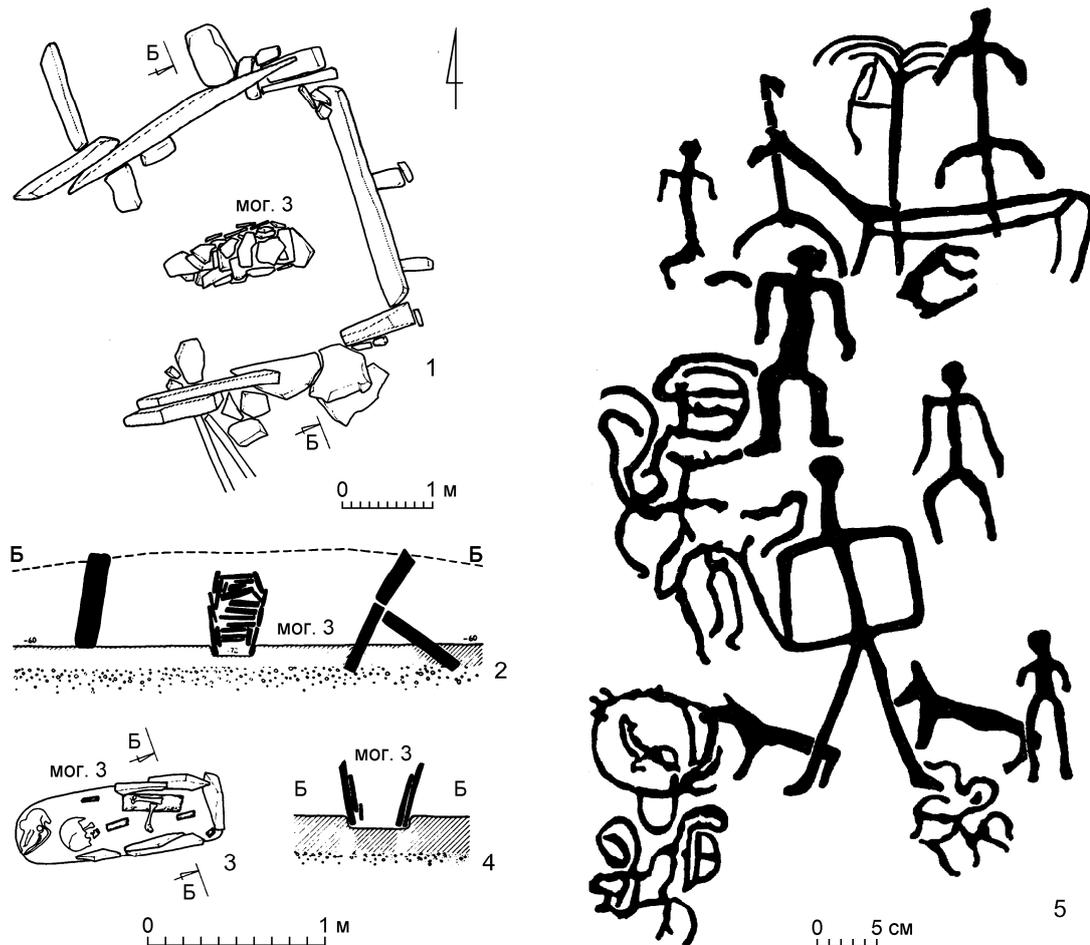

Рис. 3: 1–4 – Тоqr-Таг, кург. 1, мог. 3, впущенная во вход в ограду кургана, планы, разрезы; 5 – мог-к Есино X, многофигурная композиция на плите ограды тагарского кургана (по Савинов 2009)

этом месте была сооружена каменоложская ограда с пристройкой. Захоронение собаки (мог. 25) было совершено внутри ограды (Савинов 2009: 131–140). Мог-к Разлив II, исследованный М. Н. Пшеницыной в 1972 г., состоял из 9 тесинских могил, одна из них была пристроена к ограбленной баиновской ограде. Рядом находилось захоронение собаки в каменном ящике в сопровождении глиняного сосуда (Пшеницына 1973; Вадецкая 1986: 125). Список подобных примеров можно было бы продолжить, но суть явления очевидна – как и в случаях с погребениями людей в реальных входах в ограды и склепы, захоронения собак «запирали» «входы» в потусторонний мир. При этом можно предположить еще одну функцию подобных захоронений – собаки сторожили выходы из потустороннего мира.

Видимо, подобные культовые действия были распространены в древности достаточно широко. Например, при раскопках усуньского кург. 9 мог-ка Карагай-Булак в Чуйской долине установлено, что непосредственно над разрозненными костями нарушенного скелета человека на дне могилы было совершено погребение собаки; выше по уровню обнаружены еще два скелета собак (Абетеков 1978). В этой же статье А. К. Абетеков привел некоторые сведения о захоронениях собак разного времени в других регионах и с привлечением работ В. Ф. Миллера (1876), Б. А. Литвинского (1972), Л. Л. Викторовой (1974) и др. кратко рассмотрел отдельные аспекты семантики подобных захоронений.

Необходимо подчеркнуть, что в большинстве случаев погребения собак были совершены одновременно с захоронением человека, т. е. собаку – помощника человека в реальной жизни – укладывали вместе со своим бывшим хозяином. В настоящей же работе рассматриваются особые

случаи, когда собак захоранивали после разграбления могил и, следовательно, они не имели отношения к основному погребению человека.

Образ собаки присутствует во многих мифологических системах древних народов мира. Трактовка этого образа сложна и многопланова, т. к. отношение к собаке и ее роли в жизни человека у разных народов во многом отличается.

Если попытаться в самых общих чертах охарактеризовать образ собаки в мифологии и религии, то первое, что нужно отметить, это неоднозначное отношение к ней. Например, у древних иудеев (что сохранилось и в Библии) и у исповедующих ислам собака считается нечистым, грязным животным. Но у большинства народов отношение к ней позитивное. Здесь можно выделить три основных аспекта. Собака – помощник человека в реальной жизни, особенно на охоте; собака – проводник душ умерших в загробный мир, как, напр., у племен ухуань, сяньби, хуннов (Викторова 1974: 264; Данилов 1983: 110); собака – охранник мира мертвых. Последний аспект, в связи с рассматриваемой проблемой, представляет для нас наибольший интерес.

В Древнем Египте Анубис, страж и повелитель мира мертвых, изображался в виде собаки или человека с собачьей головой. В индийской мифологии псы охраняли царство бога мертвых Ямы. В древнегреческих мифах трехголовый пес Цербер (Кербер) охранял загробное царство Аида. В скандинавской мифологии демонический пес Гарм был стражем подземного мира. В зороастрийской религии иранских племен, согласно Авесте, собаки охраняют Чинватский мост – переход в мир мертвых (Миллер 1876; Литвинский 1972: 118–120; Литвинский, Седов 1984: 161–169). Перечень примеров в мировых мифологических системах можно было бы продолжить, но для настоящего исследования наибольший интерес представляют параллели в Саяно-Алтае и на Дальнем Востоке.

При «путешествии» в иной мир алтайский шаман встречается с собаками, которые стерегут подземное царство Эрлик Хана (Потапов 1991: 142). В корякских верованиях вход в мир мертвых охраняется собаками (Антропова 1976: 265). По представлениям эскимосов собака охраняет вход в подводный мир Такакапсалука.

Удивительным образом наличие подобных представлений в тесинское время подтверждают изображения на отдельных плитках и плитах оград, собранные и проанализированные Д. Г. Савиновым (Савинов 1993; 1995; 2009: 89–101). Находки среди камней наземных конструкций и в могилах тесинского мог-ка Есино III плиток с изображениями спиралей, концентрических кругов, «лабиринтов» и др. позволили идентифицировать серию многофигурных композиций на плитах оград и скалах именно по присутствию на них подобных рисунков. Сами спирали и «лабиринты» отождествляют, по мнению Д. Г. Савинова, потусторонний путь, который проходит душа человека после смерти (Савинов 1995: 28–31).

В рассматриваемом аспекте наибольший интерес представляет многофигурная композиция на плите ограды тагарского кургана из мог-ка Есино X (Савинов 2009: 96, рис. 13). В верхней части композиции, согласно трактовке Д. Г. Савинова, изображен «небесный» всадник с луком (рис. 3, 2), в нижней и правой частях выбиты лабиринты, остальное пространство занимают антропоморфные фигуры, среди которых выделяются две противостоящие – «светлая» и «темная». Изображения двух животных в нижней части плиты не идентифицированы (Там же: 98).

Однако можно предложить и другое «прочтение» семантики этой композиции. В верхней части изображен сидящий на коне шаман с луком. Семь антропоморфных фигур – его духи-помощники. Животные внизу – это две собаки. Одна из них заглядывает в «лабиринт», другая спешит ей на помощь. Судя по поднятым ушам, собаки насторожены. По-видимому, они стерегут входы в лабиринты – пути в загробный мир – для того, чтобы оттуда не пробрались в мир живых смертельно опасные хтонические чудовища.

Абетеков 1978 – *Абетеков А. К.* О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 59–65 ().

- Антропова 1976 – *Антропова В. В.* Представления коряков о рождении, болезни и смерти // *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера.* Л., 1976. С. 254–267.
- Вадецкая 1986 – *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Викторова 1974 – *Викторова Л. Л.* Ранние формы религии киданей // *Бронзовый и железный век Сибири.* Новосибирск, 1974. С. 261–264.
- Данилов 1983 – *Данилов С. В.* Животные в погребальных обрядах Забайкалья // *По следам древних культур Забайкалья.* Новосибирск, 1983. С. 107–112.
- Зубков 1998 – *Зубков В. С.* О соотношении тесинских склепов и грунтовых могил (по материалам могильника Чалпан) // *Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии,* II. Абакан, 1998. С. 123–131.
- Кузьмин 1988 – *Кузьмин Н. Ю.* Тесинский могильник у деревни Калы // *Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири: По материалам раскопок 1980–1984 гг.* Л., 1988. С. 55–82.
- Кузьмин 1991 – *Кузьмин Н. Ю.* Ограбление или обряд? // *Реконструкция древних верований: источники, метод, цель.* СПб, 1991. С. 146–155.
- Кузьмин 1994 – *Кузьмин Н. Ю.* Курган у деревни Новомихайловка: Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э. СПб, 1994.
- Кузьмин 2011 – *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб, 2011.
- Курочкин 1992 – *Курочкин Г. Н.* Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб, 1992.
- Литвинский 1972 – *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
- Литвинский, Седов 1984 – *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.
- Марсадалов 2010 – *Марсадалов Л. С.* Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010.
- Миллер 1876 – *Миллер В. Ф.* Значение собаки в мифологических верованиях // *Древности.* М., 1876. С. 193–210 (Тр. Московского Археологического общества. Т. VI, вып. 3).
- Петрухин 1979 – *Петрухин В. Я.* О функциях космологических описаний в погребальном культе // *Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира.* М., 1979. С. 3–16.
- Потапов 1991 – *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991.
- Пшеницына 1973 – *Пшеницына М. Н.* Тагарские могильники у пос. Разлив на Енисее // *АО 1972 года.* 1973. С. 233–235.
- Савинов 1993 – *Савинов Д. Г.* Тесинские «лабиринты» – к истории появления персонифицированного шаманства в Южной Сибири // *Кунсткамера: Этнографические тетради.* СПб, 1993. Вып. 1. С. 35–48.
- Савинов 1995 – *Савинов Д. Г.* Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) // *Древнее искусство Азии.* Кемерово, 1995. Вып. 1: Петроглифы. С. 22–32.
- Савинов 2009 – *Савинов Д. Г.* Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб, 2009.

D. Erdenebaatar (Ulan Bator, Mongolia)

Xiongnu king cemetery in Gol Mod-2

In 2001 when we worked the Mongolian-American joint expedition in the valley of the river in Hanuy Undur-Ulaan Sum Arkhangai province, local guy gave us information about the goal model. There we spent the first exploration and then made general plan. At Gol Mod-2, we found 188 Xiongnu burial mounds, burial mounds from which 98 were with dromus and square mound, 9 dromus and mounds with a round shape, other 81 mounds without dromuse, round form.

Mongol-American international joint projects, in Xiongnu burial modeling Gol Mod-2 were sent to the satellite burial tombs 1, located at the NW edge of the cemetery. Arc 27 burials a satellite to the east of the central mound of the tomb, a large burial between the arc and the central tomb, as well as a grave north of the central mound is a collection of individuals of varying age, sex, and, possibly, cultural

backgrounds, have been deliberately buried in the vicinity of the deceased in the main shrine. Excavations carried out so far during deviated field seasons, are trying to shed light on the identity of these individuals and their relationships to each other and the dead in the center of the mound.

In response to the excavations which are conducted in a cemetery in Tsaram Buriatiya that the supposed age progression in the burial tombs of the arc Xiongnu complex, we dig graves the first 6 (1 – second burial), and two large later in the arc (7–8th burial) in the summer of 2002, so we can test this hypothesis. Our first season of excavations have revealed a group of young people in the southern part of the arc, it would seem, all children with two adults at the top of disposal of the arc. Despite the absence of human remains were discovered in the first grave, coffin size (102 × 24 cm), said the funeral of a very young child. The remains of the skulls from burial no 3 were analyzed by an American anthropologist, Christiane Lee and the ages of 6 and 7 years.

Two significant discoveries of material also occurred in the first season. Child buried in a grave 3 was buried with the remains of a prior adult horse and four pre-adult sheep, as well as nearly 300 ankle-bone games, 36 of which were marked by punches and having a different seal. Some of these characters have been seen in other among themselves, but many of them occur the first time at Gol Mod-2. At the burial 7 bronze disc was found wrapped in the remnants of multilayer textile bag with two thick stone beads, and the rest of the thread the cord through them. Disk found dead legs, reminiscent of a similar bronze found in nomadic graves in Xinjiang (northwest China), and not Han Chinese bronze mirrors.

In order to fully clarify the mock funeral arc cleared from the first 30 cm of the other graves at the beginning of the season in the summer of 2004, as well as information from the 2002 excavations have been included to create a single illustration of burial of the arc to the east of the tomb 1. Then we continued the excavations are progressing from graves north of the numbers 6 and manufacture of arc to a total of seven burials (9 on the 15th the funeral) as well as excavations of burial on top of the arc (27th burial). We have completed the excavation of graves arc in the summer of 2005 (16–26th burial), and additional excavations of burial singular to the north of the tomb mound (burial 29).

Twenty-seven of the total burials of one man were found buried with 23 containing the extracted human skeletal remains. All burials were disturbed and looted in antiquity, most likely during Xiongnu. Skeletal preservation was poor and the extremely sketchy. Most individuals were represented by at least 25 % of the total skeleton. Bone health was generally poor with eroded long ends of the bones, and foam surfaces of bones and teeth. Some graves do not remain on the left, just a light sketch of a skeleton in the coffin bottom. Sex was determined when you can do with the skull morphology, the diameter of the femoral head and pelvic shape. Age is determined by tooth eruption, the relative tooth wear, and fusion of the cranial sutures. Height was calculated using the femur length.

Gol Mod-2, the first mound in the first burial. No man's remains were discovered.

Gol Mod 2, the first mound in the second burial. Rather incomplete skeleton. Paul was uncertain. Age 15–20 years, probably closer to 15. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 3-th burial. A very incomplete skeleton. Sex was uncertain, perhaps, men from the large size of the tooth. Age 6–7 years. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the fourth funeral. A very incomplete skeleton. Paul was uncertain. Less than 7 years. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the fifth funeral. No man's remains were discovered.

Gol Mod-2, the first mound in the second burial. A very incomplete skeleton. Sex was uncertain. Less than 5 years. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the ninth burial. Rather incomplete skeleton. Male, 20–25 years. Left occipital condyle has a mild arthritis. Some teeth are chipped.

Gol Mod-2, the first mound in the 10th burial. Rather incomplete skeleton. Male, 30–35 years. Height of 164–170 cm. Right talus, lower the head, has a small plot of bone missing. This is perhaps the rejection of ossification due to an injury or stress. Cervical vertebrae 2 (axis) has the beginning of arthritis

in their dens. The left sphenoid bone has a small osteophyte near the temporary suture, probably caused by muscle activity. Some teeth are chipped.

Gol Mod-2, the first mound in the 11th funeral. No man's remains were discovered.

Gol Mod-2, the first mound in the 12th Funeral. A very incomplete skeleton. Paul was uncertain, possibly male, 17–25 years. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 13th burial. Rather incomplete skeleton. Male, 35–45 years, probably closer to 35–40. Some teeth lost ante mortem. Right temporal mandible joint has evidence of arthritis.

Gol Mod-2, the first mound in the 14th Funeral/ A very incomplete skeleton. Paul was uncertain. 17–25 years. No abnormalities were found. Right heel 1 two additional aspects of joint, probably caused by human bones.

Gol Mod-2, the first mound in the 15th Funeral. A very incomplete skeleton. Paul was uncertain. 40–45 years. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 12th Funeral. A very incomplete skeleton. Male. This man represents the skull, teeth, left and right leg and left and right legs. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 17th Funeral. A very incomplete skeleton. Paul was uncertain. 25–30 years. This person is isolated teeth and phalanges. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 18th Funeral. A very incomplete skeleton. Male. Adult. Height 158–165 cm, this man represents the left and right leg, left pelvis, left and right leg, and lumbar vertebrae. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 19th Funeral. A very incomplete skeleton. Paul was uncertain. Adult. This person is isolated teeth. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 20th Funeral. A very incomplete skeleton. The bone – good. Male, 25–30 years. This man represents the skull, teeth, right leg, pelvis and left and right legs. Occipital condyle have mild arthritis.

Gol Mod-2, the first mound, in the 21st burial. No man's remains were discovered.

Gol Mod-2, the first mound, in the 22nd burial/ A very incomplete skeleton. Male, 30–40 years. This man represents the skull, teeth, right scapula, clavicle, right and left humerus. The skull remains of hair and skin attached. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 23rd Funeral. A very incomplete skeleton. Paul was uncertain. Adult. This man represents the left leg and foot. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 7th Funeral. A very incomplete skeleton. Male. Adult. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 18th Funeral. A very incomplete skeleton. Male, 25–30 years. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 24th Funeral. A very incomplete skeleton. Paul was uncertain. Adult. This man was presented to the left and right leg and left foot. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 25th Funeral. A very incomplete skeleton. Sex uncertain. Adult. This man was presented to one tooth left and right foot and right foot. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 26th Funeral. A very incomplete skeleton. Sex uncertain. Adult. This person was submitted to the teeth, jaw, left and right leg, and cervical vertebrae. No abnormalities were found.

Gol Mod-2, the first mound in the 27th burial. Rather incomplete skeleton. Male, 30–35 years. Hair and skin still attached to the skull. The left eye orbit V-neck, measuring 1 cm wide and 1.2 cm depth. On the one hand to reduce the direct, on the other hand a few uneven. This model is consistent with a sword cut. The amount of wear of teeth against a person does not agree with his skeletal age. It looks like the diet may be different from the others, is buried in an arc.

Gol Mod-2, the first mound in the 28th burial. Rather incomplete skeleton. Paul neopredelne. Since in this burial found two ceramic vessels, glass cup.

Gol Mod-2, the first mound in the 29th burial. This burial was skeletal horse without a head.

Gol Mod-2, the first mound in the 30th burial. Full robbery was. Only one man's skull discovered. But this is not the burial belonged to the first mound Xiongnu nobles, later being made.

Although it is very small and fragmented sample, there are some trends that are emerging. All the skulls for analysis were identified in Asia. Preliminary statistics (average measure of divergence) is done using dental nonmetric traits found Gol Mod-2 burial to be indistinguishable from other burials Xiongnu in Mongolia. Most of the skull, usually in the morphology of the Xiongnu. Burial 22 and 27, possibly Asians from other parts of the Xiongnu Empire. Although cranial nonmetric data for burial in 1922 is not significantly different from the other graves Xiongnu face narrower and design than is typical for the Xiongnu. Unfortunately, this skull is fragmentary and distorted, and no further diagnosis can be made at this time. 27 no dumping many of cranial nonmetric traits shared by other graves on the arc (the lower jaw and the palatine torus, the cranial bones), his teeth exhibits different rate of wear of the other burials and skulls of different shapes (lower) than normal Xiongnu. Maybe he spent his childhood in various parts of the empire, perhaps, to the east, with more agricultural diet, and then went to this area as an adult. People from other cultures are not uncommon in the burials of Xiongnu. Both graves 22 and 27, is for skin and hair on their skulls.

Both skulls also show a green spot, probably a result of contact with metal objects. It is suggested a chemical reaction when a metallic object remained the surrounding skin and hair. All known burials half men. This means that dumping within the arc is not representative of normal living. These people were chosen to be buried with unusual causes, and not only on the basis of family, religious and cultural ties. The presence of several children in the arc suggests a hereditary status. No evidence of infectious diseases, malnutrition, or dental disease was found. Lack of chronic infectious diseases common to the sparsely populated nomadic population. Lack of nutritional deficiency and dental diseases in them means instant access to enough food and had a diet low in carbohydrates. Burial 9 and 10, cutting teeth, probably due to using their teeth as a tool. Deceased 9, 10, 13 and 20 exhibit arthritis models in accordance with reasonable riding. Xiongnu's are known to have used horses extensively in their daily lives and in long distance. Burial 27 has evidence of a sword blow to the face is no evidence of healing, that is, he died shortly afterwards. His injury in accordance with the right to strike from the left side of his face, his opponent in front of him. This man probably died in battle and was taken to a place in the cemetery. Persons buried within the arc characteristics of the exhibition, which are common to other high burial Xiongnu. Analysis of human remains found in these graves, revealed the location of individuals and of the age spectrum is more complex than originally suggested in 2002. Despite groups of young people at the bottom of the arc, at the age of the deceased is not made in a strictly linear from young to old.

In addition, for large graves appear in clusters at the top of the arc, nor the size of the surface of the demarcation stone ring, nor the depth of burial of the structure of steady growth. The orientation of the coffins, and on the other hand, can not match the general pattern of burial of the arc. The dead in graves Xiongnu more often than not directed the heads of the north, and all satellite burial tombs complex 1 are oriented more or less to the north. An obvious pattern is the deviation from true north is the transition from the east of the north just west of the north burial advance along the arc, showing major trends that seem to follow the line of the arc. Factors of age, size of burial and burial depth does not seem to involve a linear progression, although further analysis may reveal other models depending on the variables that have not yet been fully explored.

A variety of styles coffin include not only simple wooden coffins and wooden coffins, stone cist, such as found in the first season of excavations, as well as domestic and foreign invested casket (burial 23) and the two coffins with the lattice work of iron and jewelry (burial 23 and 27). In addition, the selection of animals and the order of their placement in graves ranging from graves. Heads and legs of horses, sheep and cattle were found near the head, near the coffins. Several ribs of sheep were found coffins, as well as near the head. Interesting changes in the placement of faunal remains are buried between 19 and 23 (and possibly 24) and burial 3, 7, 13 and 15. Former three graves a horse's head and one head of cattle

are placed on both sides of the coffin at the north end and both presidents were installed on the north. Other graves contained a head of horses and cattle, but this placement heads, which also varies. In these cases, the horse's head would be located north of the head end of the coffin and set pointing to the west. Although Xiongnu graves still contain only the head and legs of horses and cattle, burial 23 contains more or less the entire skeleton of a calf, whose remains were thrown to the west side of the buried during an incident of looting. In addition, in one grave which lies outside the arc and to the north of the central tomb mound (burial 29) showed the entire skeleton of a horse, fully articulated, as set out in the wild horse in a dream, and with its body oriented to the north. Only the skull was missing from the grave, and there is no evidence for the looting of horse remains.

Most of the artifacts buried in tombs made of cast iron and are linked to personal attributes have on their faces. Most of them are buckles, buckles and rings, as well as another interesting piece of type found in most of the graves. A small piece of iron is called "clothing decor may be worn by threading a small stream through the loop holes and dangling by weight of the flat end of an oval shape". Remains of horses supplemented riding gear, such as bits. Some blades were found, although the most numerous artifacts weapons are by far the arrows and shafts. Iron circles and in other graves, Xiongnu's, were also found in several graves, as well as two beads of amber were found in graves 23 and 7, the same two burial containing bronze discs in textile bags. These bronze disks have a sharp contrast with the broken Chinese bronze mirrors found in the tomb 22. To further clarify the nature of these rare bronze discs, disc and hemisphere, with 23 burials, and wrapped in cloth, now at the Smithsonian Conservation Research Center in Washington, DC, as metals and textiles tests conducted and the majority of studies are expected to be completed in the space of 12 months. While all the graves were robbed, the robbers have left ample evidence of precious metals in their graves.

Gol Mod-2, first mound in the 28th Burial: Fairly incomplete skeleton. Genders and age not defined. Since then, the burial found two ceramic vessels, roman glass cup.

Gol Mod-2, first mound in the 30th burial: Full robbery was. Only one skull found of the human. But this is not the burial not connected first mound Xiongnu nobles, later being made.

In 2011, our Company Sponsor "Jenko-Tour", we were given a budget to complete the main mound. So we worked there four months on this mound. Dromus length was 38 m; the left and right wall was 46 m long. North wall was 45 m length and height of 4.1 m. Left and right wall was the height of 2 m. At the center of the mound of stone wall was from N to S, the breadth was 1 m. On top of stone structures from the central stone shaft to the left and right to the wall was a section 8 and 9 the process of clearing, then we recorded the sacrifice layer 27 horses and four passing horned animals. This is above the mounds of stone structures at the bottom continued to 7-8 m. After 16 meters depth, this stone building was reduced to a layer of carbon coating. The robbers entered the burial chamber carcass through the left fourth section. After the robbers wooden camera broke and fell to the bottom. When we removed all the stone buildings, the levels of a layer, of coal from N to S have put so many of the chariots. This special chariot broke and put on a coat. At this layer was a whole wooden chariot, the other 6 or 7 chariot specifically they broke and left. Bronze flower shaped jewelry for an umbrella, found 4 or 5 different types of flowers shaped bronze ornaments for the umbrella to the chariot.

The thickness of the layer of coal was from 80 cm to 1 m. After the coal layer was stone embankment without sand. This layer thickness was between 1 m to 1.3 m.

20 m depth, we recorded the wooden timbered cover the camera. The total size of wooden log cabins, 6 × 3.4 m, inside the four main sections, first section for the sacrifice, and 2nd section was bronze and ceramic vessels, the remains of two glass cups Roman. Two bronze cauldron and also two bronze small vessels for tea and so on. The 3rd section of the burial tomb, the 4th section was for all the ornaments of the chariots and the chariot. At the funeral the coffin is almost nothing left; even thieves have stolen all the external gold jewelry. For happiness there remained a round jade stone jewelry was intact. No human bones found, but the remains of the skull and bones Wear layer. Could not determine gender and age.

While we do not complete all recorded archaeological finds, and decorations for the chariot. Because so many artifacts are not honored, cleared.

Still, we did not finish the laboratory analysis. Maybe this is the mound from 90 years to 100 years AD. We have already given for the analysis to determine the age, and are waiting for a response of this analysis. The accompanying mound 30th of the 1st mound, we found the Roma Glass cup, and also of the main mound found two fragments of two different glass cups Roman. Of Roman glass dated 80 AD. Perhaps this Roman glass cup went to Mongolia, then the next 50–100 years ago.

Another feature of this mound in all gold, silver and bronze decorative artifacts are a horned animal. In this legend, a horned animal symbol of all the heavenly kingdom. So far we have four different one horned animal was recorded. A horned animal a cat's head, phoenix, the second animal a horned antelope, an animal tritium horned tiger or snow leopard, the fourth animal a horned goat. They all had decorative royal chariot.

А. Гасс (Берлин, Германия)

О периферии больших сакских курганов Юго-Восточного Семиречья (Казахстан)

Благодаря открытию и исследованиям больших курганов сакской элиты на мог-ках Бесшатыр (Акишев, Кушаев 1963: 25–87) и Исык (Акишев 1971: 408; 1974; 1978) небольшой регион степного пояса Северо-Восточной Евразии – Юго-Восточное Семиречье – получил широкую известность и был окончательно включен в круг распространения скифо-сакской культурно-исторической общности. Особое внимание специалистов привлекают большие курганы сакской элиты, как носители разнообразной информации о кочевниках раннего железного века этого региона. С целью получения новых данных о таких могильниках в Юго-Восточном Семиречье (на стыке северных склонов гор Заилийского Алатау и равнины) в 2008–2009 гг. нами¹⁰⁹ были проведены разведочные работы по их фиксации и картированию. Всего на исследованной территории: от р. Или и Капчагайского водохранилища на севере до гор Заилийского Алатау, включая высокогорное плато Кеген, на юге и от р. Большая и Малая Алматинка на западе до восточной оконечности Заилийского Алатау на востоке, – были выявлены и зафиксированы 31 могильник, насчитывающий 955 курганов, 319 из которых могут быть оценены как большие курганы. В качестве большого кургана сакской элиты нами рассматривались конструкции высотой от 2 м и диаметром свыше 30 м.

Почти все исследованные большие сакские курганы имеют следы ограбления, а их периферия (или окологурганное пространство) в большинстве случаев часто потревожена. Несмотря на частое разрушение периферии, вокруг 73 больших курганов удалось выявить ряд разнообразных конструкций: курганы малых размеров; подпрямоугольные сооружения типа каменных ящиков; подпрямоугольные, овальные или округлые углубления. Все они были включены в группу «объекты периферии». Кроме того, вокруг больших сакских курганов были выявлены ритуальные дороги, рвы и каменные кольца. В единичных случаях у подножия курганов располагались земляные или каменные валы, которые были включены в группу «особые конструкции», куда также вошли стоящие на платформах курганы и ведущие к ним земляные строительные ramпы. В целом, практически

¹⁰⁹ Исследования проводились при участии Междисциплинарного научно-исследовательского объединения ТОПОЙ (г. Берлин, А. Гасс), Фонда Прусского Культурного Достояния (г. Берлин, Г. Парцингер при участии М. Наврота и М.-Р. Бороффки), Германского Археологического института (г. Берлин, А. Наглер), Института физической географии Свободного университета Берлина (г. Берлин, Б. Шютт, К. Зингер и М. Блетгерманн) и Отдела по изучению памятников раннего железного века и первобытных искусств Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы, З. Самашев при участии Б. Нурмуханбетова).

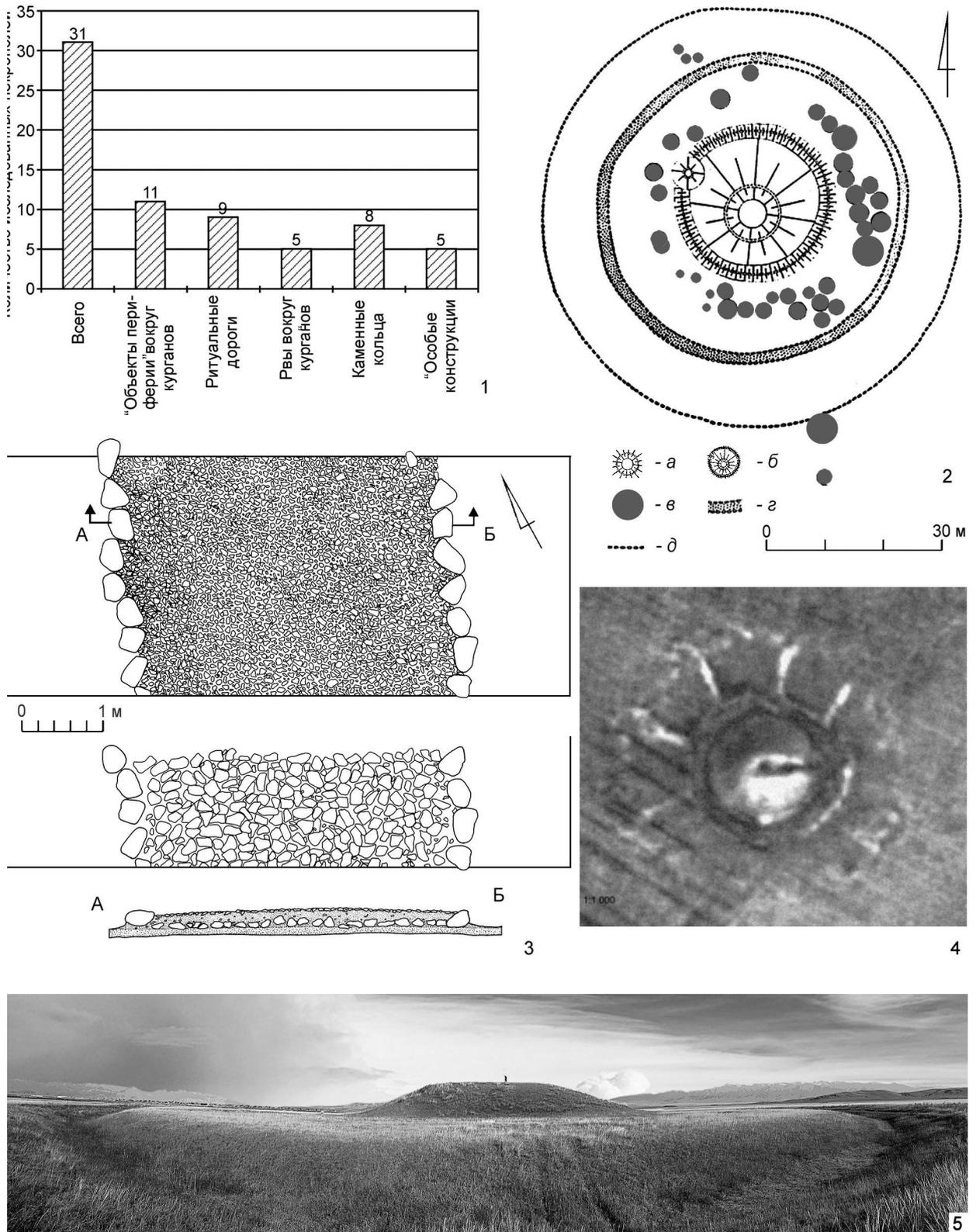

Рис. 1. 1 – соотношение некрополей царской элиты с дополнительными элементами конструкций периферии больших курганов; 2 – кург. 3 мог-ка Турген, план (а – грабительская воронка; б – насыпь кургана; в – «объект периферии»; г – ритуальная дорога; д – каменное кольцо; по Нурмуханбетов 1998); 3 – кург. 1 мог-ка Жуан Тобе, ритуальная дорога в восточном секторе, планы верхнего и нижнего уровней и разрез; 4–5 – некрополь на плато Кеген [4 – кург. 2 (SPOT 2,5 m); 5 – ров вокруг кург. 4, вид с В]

на каждом третьем исследованном могильнике с большими сакскими курганами встречались курганы с «объектами периферии» или ритуальными дорогами, а на каждом четвертом – с каменными кольцами (рис. 1, 1). Значительно реже (в каждом шестом могильнике) встречались большие курганы со рвами или курганы с «особыми конструкциями». Необходимо отметить, что на одном могильнике вокруг различных курганов, а также одного из них могли встречаться различные конструкции периферии.

При проведении раскопок больших курганов скифо-сакской культурно-исторической общности на всей территории Евразии в большинстве случаев периферия курганов (ров или пространство за рвом, за валом или каменным кольцом) мало изучалась. Хотя, как показали результаты исследований, напр., кург. 1 мог-ка Тёрт-Оба в западном Казахстане,¹¹⁰ именно здесь встречаются дополнительные сооружения и конструкции ритуального характера, остатки околочурганых тризн и сопровождающие человеческие захоронения. На данном этапе работ при проведении разведок на могильниках с большими сакскими курганами Юго-Восточного Семиречья нами фиксировались видимые наземные конструкции.

«Объекты периферии». У подножия 22 больших сакских курганов 11 исследованных могильников были зафиксированы различные дополнительные архитектурные элементы, расположенные как единично или небольшими скоплениями, так и компактно, преимущественно, с южной и восточной сторон большого кургана. Это небольшие округлые или овальные скопления камней диаметром от 1,5 м до 6,5 м, интерпретируемые как курганы малых размеров (рис. 1, 2). Зафиксированные округлые земляные насыпи (высотой до 1,2 м, диаметром 3–20 м) также являлись небольшими курганами. Все курганы малых размеров встречались у подножия больших курганов на расстоянии от 0,3 м до 37 м, в среднем – на 14 м. Курганы малых размеров располагались по одному (шесть), попарно (два), в единичных случаях были зафиксированы три, четыре, восемь, 21, 28 или 41 малых кургана.

На периферии двух больших курганов известны подпрямоугольные сооружения типа каменных ящиков (размерами 2,9–4,0 × 0,5–2,1 м), состоящие из вертикально вкопанных камней. В основном они были ориентированы по линии В-З, хотя известна ориентировка С-Ю. Конструкции подобного рода располагаются, в основном, к западу или ЮВ от большого кургана, находятся у его подножия или на расстоянии 9–15 м.

В единичных случаях вокруг больших курганов были зафиксированы подпрямоугольные углубления (2–2,5 × 1 м), находящиеся в 2 м от края кургана и располагающиеся к нему своей узкой стороной. Около одного большого кургана на удалении 11 м с северной и СЗ сторон были выявлены округлые конструкции диаметром 10–18 м и обозначенные на современной поверхности небольшим валом высотой до 0,2–0,3 м.

Курганы с «объектами периферии» встречаются на всей территории исследования. Как правило, «объекты периферии» возводились вокруг наибольших курганов, расположение которых в системе могильника или курганной цепи существенной роли не играло, но отмечена преимущественная концентрация «объектов периферии» вокруг центральных курганов могильника или цепи. В пределах одной цепи фиксировалось от одного до трех курганов с подобными «объектами».

Ритуальные дороги. Вокруг 19 больших курганов на девяти сакских некрополях были возведены ритуальные дороги (рис. 1, 3). Они представляют собой двойные каменные кольца, расположенные в 0,5–5 м по отношению друг к другу, пространство между которыми заполнено галькой, перемешанной с мелким щебнем и глиной.

Впервые конструкция подобного рода была исследована вокруг кург. 1 мог-ка Жоан Тобе в 2008 г. немецко-казахской археологической экспедицией. Раскопки нескольких участков показали, что вокруг кургана была возведена именно дорога с применением развитой технологии

¹¹⁰ С материалами раскопок меня ознакомили Г. Парцингер, А. Наглер, Ф. Ротт и М.-Р. Бороффка, за что выражаю им искреннюю признательность.

(рис. 1, 3).¹¹¹ Трассу будущей дороги шириной до 5 м выравнивали, утрамбовывали и вымачивали камнями средней величины, что создавало фундамент, ограниченный по краям уложенными в линию крупными продолговатыми камнями. Затем наносили и утрамбовывали слой глины, перемешанной с мелким щебнем (Самашев и др. 2009: 351; Гасс 2011: 67–68), в результате чего центральная часть была несколько выше края. Этот строительный прием способствовал улучшению водооттока дождевых вод с дороги (Gass 2011: 213). Такая дорога, скорее всего, не имела практического значения, а ограничивала ритуальное пространство вокруг кургана.

Необходимо отметить, что подобные сооружения известны только на территории Юго-Восточного Семиречья и являются древнейшим свидетельством бытования у населения Средней Азии традиции дорожного строительства в столь раннее время (Самашев и др. 2009: 351; Nagler 2009: 406; Наглер и др. 2010: 50–53; Гасс 2011: 68). Интересно, что ритуальные дороги повторяли форму кургана: вокруг округлых в плане курганов они имели форму круга, вокруг подквадратных – квадрата. Крупные камни внешних границ ритуальной дороги, как правило, были красного цвета, окатыши и щебень внутреннего пространства были белые или серые.

Внешний диаметр ритуальных дорог вокруг больших сакских курганов – от 39 м до 252 м и во всех известных случаях пропорционально зависел от диаметра самого кургана. Если рассматривать диаметр всей конструкции (большого кургана и ритуальной дороги) как одно целое, то постоянная составляющая диаметра самого кургана – $3/5$, а расстояние от его подножия до внешней границы дороги – $1/5$. Такая пропорция сохраняется у курганов округлой и четырехугольной формы.

Большие сакские курганы с ритуальными дорогами вокруг них встречаются на всей исследуемой территории. Однако не выявлено закономерностей их расположения в пределах могильников или одной курганной цепи, в последней может находиться несколько больших курганов с ритуальной дорогой. Между ритуальной дорогой и подножием девяти курганов шести различных могильников были зафиксированы «объекты периферии». В одном случае ритуальная дорога пролегла внутри каменного кольца вокруг кургана (рис. 1, 2).

Рвы (рис. 1, 5). Всего на всей исследуемой территории на пяти могильниках было выявлено 19 больших курганов со рвом вокруг них. Размеры рвов варьировали от 32 м до 223 м в диаметре по внешнему краю, от 0,5 м до 24 м в ширину и от 0,3 м до 2,5 м в глубину. Расстояние от подножия кургана до внутренней границы рва составляло от нескольких сантиметров до 43 м. Ров вокруг восьми курганов прерывался и имел одну (пять курганов) или две (три кургана) перемычки с противоположных сторон. Единичное прерывание рва зафиксировано с западной, южной и ЮЗ сторон, двойное – отмечено по линии З–В с небольшим отклонением к ЮЗ–СВ. В остальных случаях (11) ров был сплошным.

Постоянного пропорционального соотношения диаметра кургана к внешнему диаметру рва на территории всего Юго-Восточного Семиречья не зафиксировано. Хотя в рамках одного могильника удалось определить, что если на нем встречены несколько курганов со рвами, то их пропорциональное соотношение было всегда одинаковым, но отличалось между некрополями.

Сакские курганы большого размера со рвом вокруг них встречаются на всей территории исследований. Если на равнинной плоскости севернее гор Зайлийского Алатау такие курганы распределяются равномерно по всей территории могильника (мог-к Боролдай), то юго-восточнее в горах, в частности на высокогорном плато Кеген, они концентрируются только в северной или в южной частях могильника.

Сочетание рва вокруг кургана с другими конструкциями периферии встречается крайне редко. Известен курган с «объектом периферии» и рвом, курган со рвом и каменным кольцом, а непосредственно у подножия кург. 10 мог-ка Боролдай были сооружены сменяющие друг друга ров, вал и еще один ров.

¹¹¹ Выражаю благодарность Г. Парцингеру, З. Самашеву, А. Наглеру, М. Навроту и М.-Р. Бороффке за предоставленную возможность опубликовать данную иллюстрацию.

Традиция возведения рвов вокруг больших курганов известна по всей территории распространения скифо-сакской культурно-исторической общности. Ближайшие параллели – это памятники северного Казахстана: большой курган Байкара (Парцингер и др. 2003: 30–34, рис. 36–39, табл. 4, прил. 1–2, 6–7) и курганы Кара-Оба и Обалы (Хабдулина 1994: табл. 28; 30Б). Курганы со рвами известны в ареале саргатской культуры среднего Иртыша и Барабинской лесостепи (Parzinger 2006: 571, Abb. 185, 26) и на Алтае (Самашев и др. 2000: 8). Западнее такие курганы встречаются в Поднепровье: Слоновская Близница (Близницы Слоновские 1872: 64), Толстая могила (Мозолевский 1979: 153); Водяна, Бабина и Соболева могилы (Мозолевский, Полин 2005: 78–79, 104–107, 150, рис. 4–5; 11; 27–28; 43; 77; 79–81); Огуз (Boltrik, Fialko 2007: 269, Abb. 1) и Александропольский кург. (Полин, Дараган 2010: 190–193, 197, рис. 6). Во рвах больших курганов Северного Причерноморья были обнаружены следы тризн – кости домашних и диких животных, части скелетов или полные скелеты лошадей, фрагменты греческой посуды и скифская керамика, наконечники стрел, части конского снаряжения и ритуальных повозок, а также части и человеческих скелетов (Мозолевский, Полин 2005: 78–81, 150, 294–298; Polin 2007: 259; Полин, Дараган 2010: 190–193, 197).

Каменные кольца. Они были выявлены вокруг 12 больших сакских курганов на восьми могильниках (рис. 1, 2). Курганы с каменными кольцами встречались на всей территории исследований. Такие курганы всегда округлой формы и не превышали 8 м в высоту. При сооружении каменного кольца использовался вкопанный вертикально колотый камень красноватых оттенков или белые или светло-серые речные окатыши средних размеров. Диаметр каменного кольца вокруг кургана – 31–200 м, расстояние от подножия кургана до кольца – 1–65 м. Единственная выявленная закономерность – каменное кольцо всегда является самой крайней конструкцией всей периферии большого кургана.

Комбинация каменного кольца с другими элементами периферии больших курганов встречается только в единичных случаях. Лишь внутри каменного кольца вокруг кург. 3 мог-ка Турген были выявлены ритуальная дорога и 41 «объект периферии» – курганы малых размеров (рис. 1, 2). Внутри каменного кольца кург. 25 мог-ка Боролдай находился ров. Стоит упомянуть еще «большой каракемерский курган» с тремя каменными кольцами вокруг него, исследованный Р. Сулеймановым в 1934 г. на мог-ке Турген и описанный позже в рапорте и отчете А. Н. Бернштама и Б. Н. Дублицкого (1936: 5–6).¹¹²

В половине всех исследованных случаев большие курганы с каменным кольцом вокруг них располагались в центральной части могильника. В пределах одной курганной цепи могло находиться от одного до трех больших сакских курганов с кольцами. Интерес представляют кург. 25, 27 и 29 мог-ка Боролдай, стоящие в одной цепи и чередующиеся с большими курганами со рвом.

Прямых параллелей большим курганам с каменным кольцом вокруг них в пределах распространения скифо-сакской культурно-исторической общности выявить не удалось. Хотя каменные кольца известны – они встречаются вокруг курганов малых размеров на территории степного Приишимья (Parzinger 2006: 787) и в Поднепровье (Мозолевский, Полин 2005: 294).

«Особые конструкции». Они выявлены у 11 больших сакских курганов на пяти могильниках. Все курганы с «особыми конструкциями» периферии имели округлую, с уплощенной вершиной форму насыпи, наименьшие из них достигали в высоту 4 м. Они известны на всей исследуемой территории.

Наибольшую группу представляют девять курганов с земляными валами вокруг них на двух мог-ках Боролдай и Улжан, находящихся на расстоянии 2,5 км друг от друга на северо-западной окраине г. Алматы. Земляные валы были возведены в непосредственной близости к подножию всех девяти курганов. В пяти случаях подножие кургана опоясывал ров, а выкид из него на внешнюю

¹¹² Чертежи к рапорту и отчету не сохранились, сам курган локализовать на местности не удалось из-за расширения сел. Каракемер на правом берегу р. Турген.

сторону формировал вал. Вал кург. 10 мог-ка Боролдай находился между двумя рвами, так что подножное пространство кургана составляло конструкцию: ров – вал – ров. В трех остальных случаях вокруг большого кургана фиксировался только вал.

Сооружение земляного вала представляет собой довольно известный феномен конструкции периферии кургана на территории скифо-сакской культурно-исторической общности. Курганы с валом вокруг них встречаются на территории степного Приишимья – курган Кара-Оба (Хабдулина 1994: 24, табл. 30, А), а также в Поднепровье – Александропольский курган, Бабина могила, Слоновская Близница, Геремесов, Огуз или Солоха (Близницы Слоновские 1872: 64; Геремесовы курганы 1872: 30; Мозолевский, Полин 2005: 107, 298, табл. 23, 1; Полин, Дараган 2010: 193–195, рис. 1; Boltrik, Fialko 2007: 268–269). Параллели также имеются в северной полосе лесостепной зоны Северного Причерноморья (Острая Могила – ОАК за 1889 г.: 29–31) и на Северном Кавказе – кург. 4 у сел. Гойты или большой курган некрополя Горгиппия (Марковин 1965: 166; Кругликова 1980: 7).

Кург. 7 мог-ка Турген также опоясывал вал, сооруженный из камней средних размеров. Этот каменный вал, шириной 3 м и с сохранившейся высотой в 0,1 м, находился на расстоянии 14–15 м от подножия кургана. Прямые аналогии подобной конструкции не известны. Хотя стоит упомянуть каменный вал вокруг кург. 1 мог-ка Байкара в Северном Казахстане, сооружение которого являлось одним из строительных этапов при постройке большого кургана. Впоследствии каменный вал этого кургана был включен в общую конструкцию насыпи и перекрыт каменным панцирем (Парцингер и др. 2003: 44–48, 102, рис. 45–50; 80–81; 84).

У подножия самого южного кургана на мог-ке Асы Зага с его северной стороны зафиксирована своеобразная «ступенька» (52 × 22 × 0,5 м) из земли, глины и битого камня, представляющая собой остатки разрушенной платформы кургана (Гасс 2011: 67, рис. 15; 22). Находящийся на высокогорном плато Кеген кург. 2 (диаметр 145 м, высота 12 м) стоял на хорошо сохранившейся платформе (рис. 1, 4). Платформа имела подквадратную форму, с закругленными углами, ориентированными по сторонам света. Длина одной стороны платформы достигала 164 м, высота над современной поверхностью 1 м, общая высота конструкции – 13 м. С северной и западной сторон от платформы отходили пять «лучей» шириной 8–10 м. Как показали исследования 2009 г., «лучи» представляли собой остатки строительных рамп, ведущих к платформе и подножию кургана. Грунт из «межлучевого» пространства служил в качестве строительного материала при сооружении кургана. Сами же рампы после завершения строительства не были разрушены.¹¹³ Таким образом, диаметр всей конструкции увеличился до 330 м, а конструкция приобретала дополнительный элемент в архитектуре всего комплекса, что, несомненно, придало дополнительную монументальность.

В то время как большие сакские курганы, сооруженные на платформах, встречаются не только в Юго-Восточном Семиречье, но и в Восточном Казахстане (курганы мог-ка Аксуат – см. Наглер, Самашев 2010: 47–48; Самашев и др. 2010: 94–95), возведение строительных рамп и интегрирование их в общую конструкцию курганной насыпи остается уникальным и неповторимым архитектурно-строительным приемом, известным лишь на территории Юго-Восточного Семиречья.

В заключение можно отметить, что такие дополнительные элементы на периферии больших сакских курганов Юго-Восточного Семиречья как рвы, каменные кольца или земляные валы находят большое количество аналогий среди памятников в различных регионах распространения скифо-сакской культурно-исторической общности. В противовес им ритуальные дороги, каменные валы и строительные рампы составляют уникальные конструкции, характерные только для Юго-Восточного Семиречья.

Ритуальные дороги, рвы, каменные кольца и валы могли представлять собой своеобразную границу сакрального пространства вокруг кургана. Они, вероятно, табуировали это пространство

¹¹³ С материалами раскопок меня ознакомили Г. Парцингер, З. Самашев, А. Наглер, М. Наврот и М.-Р. Бороффка, за что выражаю им искреннюю благодарность.

или ограждали мир живых от мира мертвых (Раппорт, Трудновская 1979: 156; Грач 1980: 70; Белов, Ляшко 1991: 29; Мозолевский, Полин 2005: 294). Форма, размеры и тип сооружений периферии курганов, по всей вероятности, зависели от размеров самого кургана. Сооружения периферии могли обозначать определенные сакральные участки, отображая различный социальный статус погребенных в курганах представителей сакской элиты.

- Акишев 1971 – *Акишев К. А.* Раскопки Иссыкского кургана // АО 1970 года. 1971. С. 408.
- Акишев 1974 – *Акишев К. А.* Курган Иссык: Предварительные итоги раскопок // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 61–77.
- Акишев 1978 – *Акишев К. А.* Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Акишев, Кушаев 1963 – *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Белов, Ляшко 1991 – *Белов А. Ф., Ляшко С. Н.* Об одном из аспектов возникновения курганного погребального обряда степей Восточной Европы // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1991. Вып. 2. С. 21–30.
- Бернштам, Дублицкий 1936 – *Бернштам А. Н., Дублицкий Б. Н.* Рапорт и отчет об археологической работе казахского научно-исследовательского института национальной культуры за 1934–1936 гг. // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана, оп. 2, д. 10.
- Близницы Слоновские 1872 – *Близницы Слоновские* // Древности Геродотовой Скифии: Сб. описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб, 1872. 2. С. 64–66.
- Гасс 2011 – *Гасс А.* К проблеме изучения памятников раннего железного века Юго-Восточного Семиречья в свете данных геоархеологических исследований // АЭАЕ. 2011. № 3 (47). С. 57–69.
- Геремесовы курганы 1872 – *Геремесовы курганы* // Древности Геродотовой Скифии: Сб. описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях СПб, 1872. 2. С. 29–42.
- Грач 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Кругликова 1980 – *Кругликова И. Т.* История исследования Горгиппии и ее некрополя // Горгиппия. Краснодар, 1980. С. 6–8 (Тр. Анапской археологической экспедиции. Т. 1).
- Марковин 1965 – *Марковин В. И.* Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА. 1965. № 2. С. 160–173.
- Мозолевский, Полин 2005 – *Мозолевский Б. Н., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев, 2005.
- Мозолевський 1979 – *Мозолевський Б. Н.* Товста Могила. Київ, 1979.
- Наглер, Самашев 2010 – *Наглер А., Самашев З.* Скифские курганы в Казахстане. Восточный Казахстан: курганный некрополь Аксуат // Археологические исследования в Казахстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Берлин, 2010. С. 47–48.
- Наглер и др. 2010 – *Наглер А., Самашев З., Парцингер Г., Наврот М.* Южный Казахстан: Курганы Асы Зага, Кеген и Жоан Тобе // Там же. С. 49–54.
- Нурмуханбетов 1998 – *Нурмуханбетов Б. Н.* Тургенский культурно-ландшафтный комплекс // *Байпаков К. М., Марьяшев А. Н.* Отчет о работах Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в 1997 г. // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана, д. 2496.
- ОАК за 1889 г. – Отчеты Археологической комиссии за 1889 г. СПб, 1892.
- Парцингер и др. 2003 – *Парцингер Г., Зайберт В., Наглер А., Плеваков А.* Большой курган Байкара. Исследование скифского святилища. Mainz am Rhein, 2003 (AE. Bd. 16).
- Полин, Дараган 2010 – *Полин С. В., Дараган М. Н.* Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // СΥΜΒΟΛΑ. М., Киев, 2010. Вып. 1. С. 187–205.
- Раппорт, Трудновская 1979 – *Раппорт Ю. А., Трудновская С. А.* Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. С. 151–166 (ТХАЭЭ. Т. XI).
- Самашев и др. 2000 – *Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С.* Берел. Алматы, 2000.

- Самашев и др. 2009 – *Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Наврот М.* Совместные германско-казахские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция: Мат-лы. Краснодар, 2009. С. 350–352.
- Самашев и др. 2010 – *Самашев З., Наглер А., Оралбай Е., Виланд Р., Төлегенов Е., Кариев Е., Бесетаев Б.* Ақсуат қорғандары (қазақ-неміс зерттеулерінің алғашқы қорытындылары) // «Кадырбаевские чтения–2010»: Мат-лы II Междунар. науч. конф. Ақтобе, 2010. С. 94–105.
- Хабдулина 1994 – *Хабдулина М. К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.
- Boltrik, Fialko 2007 – *Boltrik Ju. V., Fialko E. E.* Der Fürstenkurgan von Oguz // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskat. Berlin 6. Juli bis 1. Oktober 2007, München 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008, Hamburg 15. Februar bis 25. Mai 2008. München; Berlin; London; New York, 2007. S. 268–275.
- Gass 2011 – *Gass A.* Einige Aspekte der archäologischen und geoarchäologischen Untersuchungen der Früheisenzeit im Siebenstromland/ Kasachstan // Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.). Bd. 2 Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Chişinău, Moldavien (4.–8. Oktober 2010). Rahden/Westf., 2011. S. 209–225 (PAS. Bd. 27).
- Nagler 2009 – *Nagler A.* Großkurgane im Siebenstromland (Kazachstan) // Archäologischer Anzeiger. 2009. Beih. 1. Jahresbericht 2008 des DAI. S. 406–408.
- Polin 2007 – *Polin S. V.* Fürstenkurgane in der ukrainischen Steppenzone // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskat. Berlin 6. Juli bis 1. Oktober 2007, München 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008, Hamburg 15. Februar bis 25. Mai 2008. München; Berlin; London; New York, 2007. S. 256–267.
- Parzinger 2006 – *Parzinger H.* Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. München, 2006.

В. В. Гусаков (Киев, Украина)

Сакские племена на северо-восточной периферии среднеазиатского эллинизма

В результате завоеваний Александра Македонского большая часть среднеазиатского региона (его главные земледельческие районы) оказалась интегрирована в расширенное завоеваниями эллинистическое сообщество. После недолгого периода замешательства, вызванного смертью великого царя и полководца, все бывшие греко-македонские владения в Средней Азии были реинтегрированы Селевком Никатором. Селевкидами были заложены основы политики управления покоренным регионом, продолженной их наследниками из Греко-Бактрийского царства. Эта политика отличалась своей враждебностью по отношению к местному кочевому (сакскому) населению. В конечном итоге, она привела к выдавливанию сако-массагетских племен из среднеазиатского междуречья, их вытеснению на северную и северо-восточную периферию эллинистической Средней Азии.

Основой своего регионального господства новые власти считали преумножение числа местных греко-македонских общин и увеличение, т. о., общей доли и значения эллинского населения. Возникшие в Средней Азии многочисленные полисы требовали бесперебойного снабжения водой и сельскохозяйственной продукцией, что представляло насущную проблему. В виду недостаточного естественного орошения, огромные территории вокруг небольших согдийских оазисов были, зачастую, непригодны для обработки. По этой причине значительное количество местного населения практиковало кочевой образ жизни и было слабо включено в региональную экономическую систему. Существующие земледельческие общины были немногочисленны, неэффективны и малопродуктивны.

Эллинистическая модернизация потребовала создания в регионе разветвленной системы искусственного орошения, достигшей в период среднеазиатской античности выдающихся результатов. Постоянно увеличиваясь, длина ведущих магистральных каналов превысила сотню километров. Эксплуатация сложных и масштабных ирригационных сооружений обусловила процесс унификации земель в единую, непрерывную территорию, экономически и политически интегрированную. Этот

процесс был связан с переходом от менее продуктивной экосистемы (болота, тростниковые пласты, прибрежные леса, полупустынная степь, можжевеловые заросли) к более продуктивной в соответствии с критериями экономики, построенной сетью иерархически организованных рынков и исполнительных властей. При этом консолидация эллинских владений сопровождалась вытеснением неуправляемого кочевого сакского населения из пределов Согдианы в Приаралье, а также в нижнее и среднее течение Сырдарьи (р-ны Чача, Илака, Отрара) (Гусаков 2007).

Впрочем, селевкидских наместников (епархов) не устраивало и такое беспокойное соседство. По крайней мере, два из них – Демодам и Патрокл предприняли масштабные наступательные операции, имевшие целью отбросить сакские племена как можно дальше от оазисов Согда, Маргианы и Бактрии (Tarn 1941).

Демодам, грек из Милета, в должности стратега возглавлял на востоке местные военные силы Селевкидского царства в начальный период совместного правления Селевка I и его сына Антиоха (293–280 гг. до н. э.). Собрав из бойцов греко-македонских гарнизонов внушительный экспедиционный корпус, Демодам спланировал и провел удачную военную операцию против соседних сакских племен. Он действовал наступательно: решительно пересек Яксарт (Сырдарью), бывший политической и ментальной границей двух цивилизаций, и продвинулся в глубинные районы, подконтрольные племенам саков. В знак своей полной победы над саками Демодам воздвиг за Яксартом алтари Аполлону.

Успешная компания существенно раздвинула центрально-азиатские пределы греко-македонской ойкумены, как минимум, до Ташкентского оазиса (Чач–Чирчик–Ангренская долина) (Gusakov 2011). Политическим актом, закрепляющим необратимость состоявшегося расширения, стало основание на завоеванных территориях нового крупного города и административного центра Антиохии в Скифии.

На этом наступательная активность селевкидских наместников не иссякла. Преемник Демодама Патрокл в 80-е гг. III в. до н. э. провел масштабную комбинированную (с привлечением флота) военную акцию, пройдя вдоль побережья Каспийского моря. По-видимому, с этого времени в орбиту эллинистической Средней Азии был вовлечен Хорезм (Tarn 1941: 93–94).

Вполне естественно считать, что греко-бактрийские цари, оперировавшие военно-политическими ресурсами, намного превышавшими таковые ахеменидских сатрапов и селевкидских епархов, впоследствии добились и гораздо большего расширения северо-восточных границ своих владений. Не будет преувеличением включать в сферу влияния Греко-Бактрийского царства в первой половине II в. до н. э. Фергану и некоторые оазисы среднего течения Сырдарьи, напр., Отрар (Гусаков 2010).

Принципиально новый этап в отношениях сако-массагетских племен и среднеазиатских эллинистических режимов наступил во второй четверти II в. до н. э. В 60-х гг. этого столетия сакские племена были выбиты из предгорий Тянь-Шаня пришедшими из Турфанской котловины племенами юечжей. Не будучи в силах противостоять захватчикам, саки покинули родные места и, перевалив Памир, заняли Гибинь (Кашмир). Впоследствии, распространившись далеко на юг, установив свой контроль над долиной Инда практически на всем ее протяжении, саки (в инд. традиции кшатрапы) переживут ренессанс, но он уже не будет иметь никакого отношения к событиям в Средней Азии.

Среднеазиатский период в истории греков продлился немногим дольше. Вынужденные вскоре покинуть недавно завоеванные территории, юечжи под давлением другого евразийского племени – усуней, мигрировали на юг в Ферганскую долину и далее в Согд и Бактрию. Местное Греко-Бактрийское царство оказалось не в состоянии противостоять нашествию и в 30-х гг. II в. до н. э. рухнуло под его напором. Свою частичную независимость сохранили лишь несколько небольших греческих владений (Каписа, Уддияна, Таксила), разбросанных на отрогах Гиндукуша. Впрочем, их история протекала уже за пределами непосредственно Средней Азии, а исчезновение в следующем столетии означало окончательный конец причудливого феномена среднеазиатского эллинизма.

- Гусаков 2007 – *Гусаков В. В.* Центральнo-азиатская политика Греко-Бактрийского царства // Вестник Международнoго Института центрально-азиатских исследований. Самарканд, 2007. № 6. С. 34–42.
- Гусаков 2010 – *Гусаков В. В.* Индийская экспансия Греко-Бактрийского царства в контексте проблемных вопросов его хронологии. // Проблемы истории и культуры Древнего Востока: Мат-лы междунар. науч. конфр., посвящ. памяти Г. М. Бонгард-Левина. М., 2010. С. 33–35.
- Gusakov 2011 – *Gusakov V.* Political Strategy of the Seleucid Empire in the region of Central Asia // Sparta Journal. London, 2011. URL: <http://www.sparta.markoulakispublications.org.uk/index.php?id=297>
- Tarn 1941 – *Tarn W. W.* Tarmita // Journal of Hellenic Studies. 1941. Vol. 60. S. 89–94.

М. А. Бубнова (Душанбе, Таджикистан)

К вопросу о датировке могильников Южбок, Южбок II и Южбок III

Исследования мог-ков Южбок (Южбок I), Южбок II (Южбок III) и Южбок III¹¹⁴ начались в 1971 г. Согласно данным А. Д. Бабаева, названия могильники получили от р. Южбок (правый приток р. Шахдары, на правом берегу которой они расположены). В действительности, в долине р. Шахдары нет притока с таким названием. Под названием Юрбох (медведь) известна гора, расположенная на левом берегу р. Шахдары, ниже слияния р. Джаушангоз и Айрансу (соответственно, левая и правая составляющие р. Шахдары). То есть все исследованные А. Д. Бабаевым могильники расположены в долине р. Джаушангоз (на современной карте издания 2005 г. она переименована в р. Шохдара).

По опубликованным сведениям мог-к Южбок расположен «в 50 м южнее дороги Хорог–Рошт-Кала–Джилянды, в 100 м восточнее крепости Джаушангоз (Держуж – М. Б.), на правой террасе р. Южбок – правого притока р. Шахдара. Терраса, на которой находится могильник, тянется с северо-запада на юго-восток на 2 км (ширина ее 200 м) и возвышается над берегом реки на 1,5–2 м. Кое-где хорошо сохранились каменные насыпи. Могильник включает четыре кургана с грунтовыми могилами и две насыпи с каменными ящиками» (Бабаев 1975: 39). Отметим, что А. Д. Бабаев не раскапывал насыпи целиком, а ограничивался раскопами, заложенными на их верхней части и таким образом, углубляясь, доходил до могильной ямы.

В его описании указано, что у кург. 1 и 2 насыпи невысокие, овальные, сложены из круглых камней. Насыпи окружены кольцом из больших камней (диаметры насыпей – 15 × 11 м, 12 × 10 м, высота – 0,5 м). Размеры кург. 3: диаметр – 5 × 4 м, высота – 0,5 м.

«В 10 м восточнее описанных курганов была обнаружена огромная насыпь без кольцевой выкладки, в которой под большим слоем пепла (толщиной 0,7 м) находился каменный ящик, сложенный из больших плоских плит и перекрытый ими. Длинные стороны образованы двумя плоскими камнями (длина 0,9 м и высота 0,6 м). Ориентирован каменный ящик с севера на юг. Его размеры 1,7 × 0,7 м. В западном углу ящика находился череп, положенный лицом вниз. В 10 см выше черепа лежали нижняя челюсть и кости рук. Других костей скелета и находок не обнаружено» (Там же: 40). Описанный курган номера не имеет. В монографии 2006 г. обозначен как «каменный ящик» (Бабаев 2006: 18). Без номера описан еще один курган: «В 50–70 м восточнее насыпи, содержащей каменный ящик, расположен большой круглый курган, сложенный из плоских довольно больших (0,95–1,0 × 0,8–0,85 м) камней, с глубоким провалом в центре. Высота насыпи 0,5 м, диаметр 21 м, глубина провала 0,6 м. В южной его части открыто скорченное погребение, а в центральной, там где имелся провал? найден каменный ящик. На глубине 0,13–0,18 м обнаружен пол, сложенный из девяти кусков плоского камня, тщательно подогнанных друг к другу. <...> Следы захоронения отсутствуют» (Там же).

¹¹⁴ Нумерация могильников менялась. В заглавии статьи указаны номера по монографии А. Д. Бабаева (2006: 16–23). В тексте статьи использованы те номера, которые были приняты в предшествующих публикациях (Бабаев 1975: 39; 1980; 1988). Какой именно из могильников исследован в 1971 г., установить не удалось.

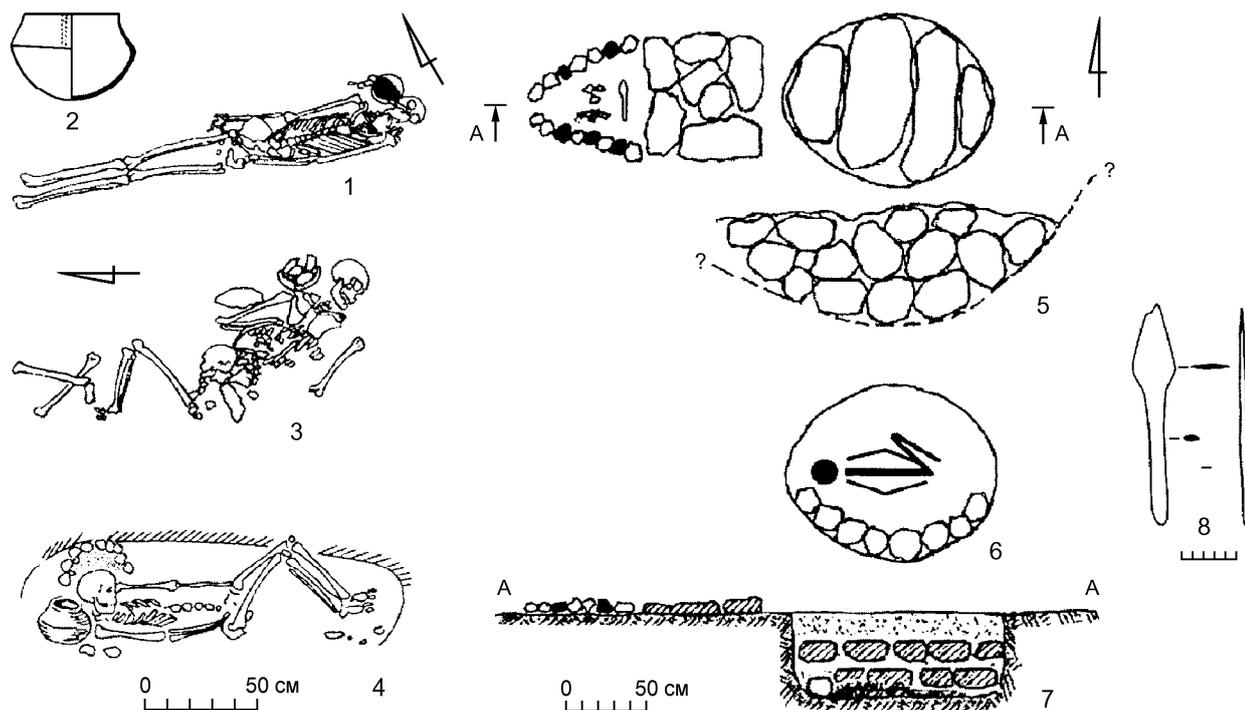

Рис. 1. Мог-к Джаушангоз V (Южбок): 1, 3–4 – планы погребений; 5–7 – планы и разрез намогильного сооружения и погребения, рядом с которым был найден бронзовый наконечник копья (8)

В 3 м южнее «каменного ящика» обнаружен кург. 4.¹¹⁵ От него сохранились лишь часть каменной выкладки в виде полукруга, сложенного из крупных окатанных камней. На глубине 0,5 м погребенный лежал на спине, головой на З, руки подведены под таз. Сверху был прикрыт большими плитами. С южной стороны могильная яма облицована круглыми среднего размера камнями. Западнее могильной ямы участок площадью в 1 м² был выложен плитами, от него в юго-западной и северо-западном направлении отходили каменные «усики», сложенные из цветных камней. Концы усиков сближаются, но не смыкаются. На площадке между кусками лежали кости овцы, фрагменты грубой керамики и наконечник копья, плоский кованый, снабжен длинным черенком, заостренным на конце» (Бабаев 2006: 17–18) (рис. 1, 8).

Сравнивая керамический материал из мог-ка Южбок и мог-ков Чильхона и Рычив Западного Памира А. Д. Бабаев не исключает датировку мог-ка Южбок III–II вв. до н. э. (Бабаев 1975: 41). Однако далее он пишет: «Заметим, что, судя по материалам опубликованного могильника Касвир, имеющего вытянутые погребения и очень выразительную кушанскую керамику, могильник Южбок считается переходным памятником от сакской эпохи к кушанской. Таким образом Южбок может датироваться поздне-сакским временем или переходным от сакского к кушанскому, т. е. рубежом I тыс. н. э.–началом I тыс. до н. э.» (Там же: 42). Позднее А. Д. Бабаев передатировал мон-к Южбок и отнес его к эпохе бронзы (Бабаев 2006: 22–23).¹¹⁶

В 1984 г. раскопки мог-ка Южбок были продолжены, было раскопано еще восемь курганов, материалы которых не опубликованы, сведения о них есть только в рукописи докторской диссертации (Бабаев 1989).

В 1980 г. был опубликован могильник Южбок II. Его местоположение: «расположен на правом берегу на третьей террасе горной речки Южбок р. Шахдары, в 8 км от кишлака Джаушангоз <...> Могильник включает пять курганов, расположенных в незначительном отдалении друг от друга

¹¹⁵ Кург. 4 в издании 2006 г., опубликован как кург. 6.

¹¹⁶ Так как рядом с одним из погребений находился бронзовый наконечник копья (рис. 1, 5–8) (примеч. редакции).

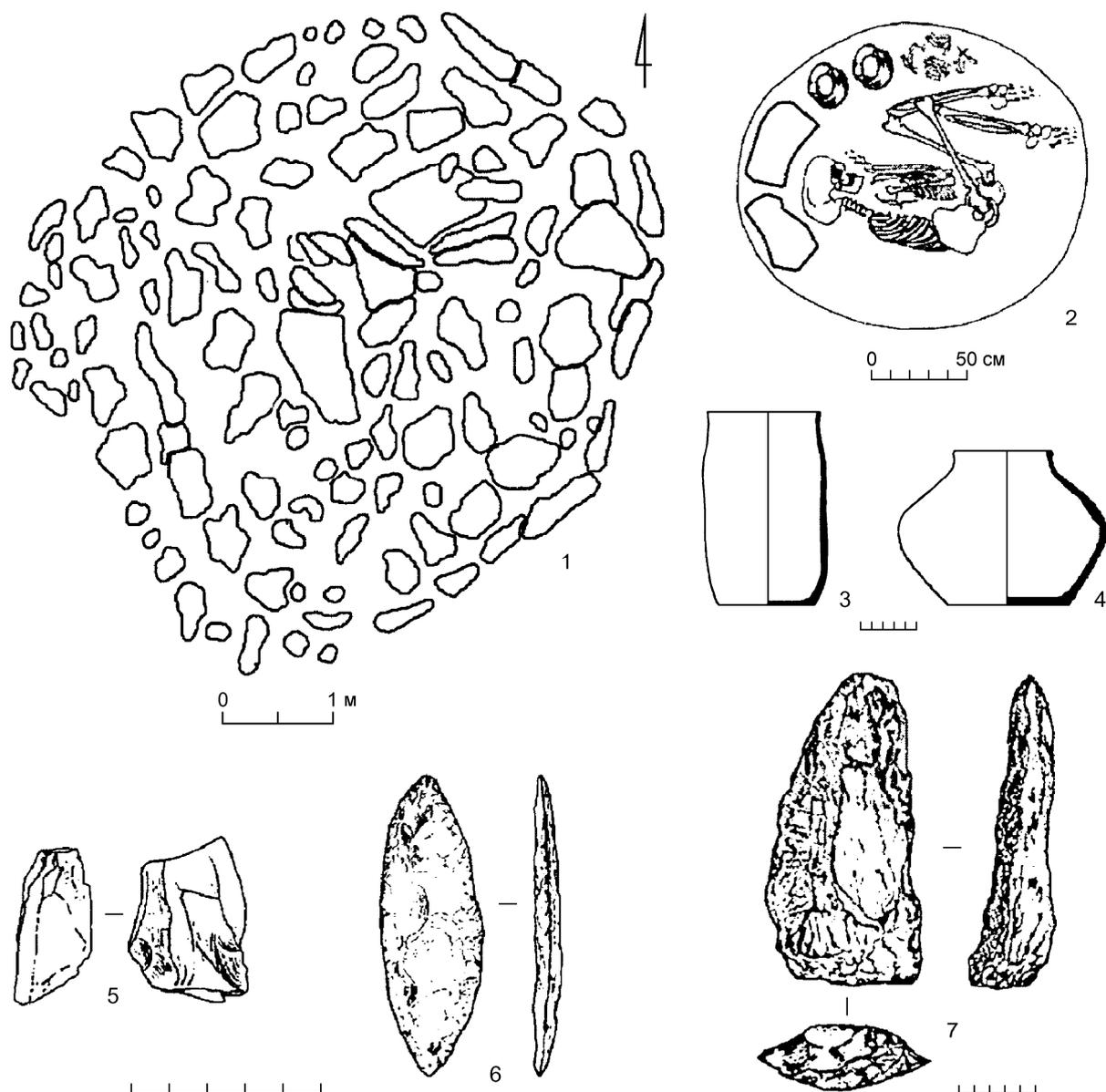

Рис. 2. Мог-к Джаушангоз VII (Южбок III): 1 – план насыпи; 2 – положение погребенного; 3–4 – глиняные лепные сосуды; 5–7 – каменные орудия

(до 50 м)» (Бабаев 1980: 75). Описан кург. 2, в котором обнаружены два сосуда, каменное ручное рубило миндалевидной формы (Там же: 81). Погребальный инвентарь из остальных четырех курганов представлен бронзовыми бусами (14 экз.) и бронзовым наконечником копья. То, что это материалы из мог-ов Южбок II и Южбок, подтвердил и сам А. Д. Бабаев, опубликовав статью, посвященную наконечнику копья из кургана мог-ка Южбок (Бабаев 1984). В последней публикации 2006 г. мог-ку Южбок II соответствует мог-к Южбок III (Бабаев 2006: 20–22).

Собственно мог-к Южбок II, о котором речь шла выше, не был опубликован до 2006 г. Сведения о нем с описанием 10 курганов есть только в рукописи докторской диссертации. Наземные конструкции представлены округлыми насыпями, заключенными в каменные ограды из плит. Четырехугольные ограды вытянуты с В на З (насыпь: диаметр – 5,7 × 7 м; ограда: длина – 14 м, ширина – 5 м, высота плит – 0,5 м). Насыпи округлой формы (диаметр – 4,1 × 4,2 м, высота – 0,5 м) (Бабаев 1989). Кург. 2, 6, 10 опубликованы (Бабаев 2006: 18–20).

Антропологические материалы мог-ка Южбок II исследованы Т. П. Кияткиной (1987).

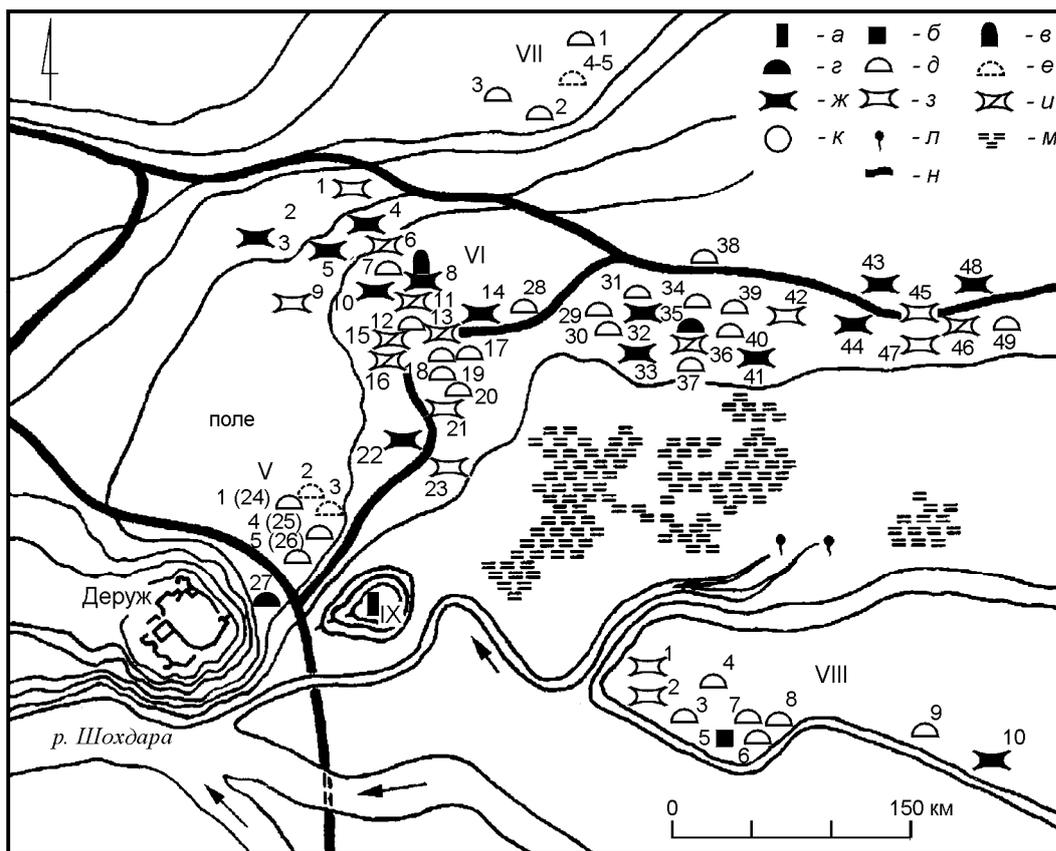

Рис. 3. Схема размещения мог-ков Джаушангоз III–V (Южбок I–III) и крепости Деруж:
а – тупхона; *б* – поселение; *в* – святилище; *г–е* – курганы (*г* – нераскопанный, *д* – раскопанный, *е* – несохранившийся); *ж–з* – погребение в прямоугольной оgrade (*ж* – раскопанное, *з* – нераскопанное);
и–к – каменные выкладки (*и* – фигурная, *к* – кольцевая); *л* – термальный источник;
м – заболоченная местность; *н* – автомобильная дорога

С 1989 г. археологические исследования древних памятников в долине р. Джаушангоз вел Памирский археологический отряд Южно-Таджикской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикской ССР под руководством автора. Работы проводились в 1990, 1992–1993 и 1996 гг. С учетом обнаруженных памятников, могильники, выявленные А. Д. Бабаевым, получили новые наименования: Южбок (Южбок I) – Джаушангоз IV, Южбок II – Джаушангоз IV, Южбок II – Джаушангоз V, Южбок III – Джаушангоз VI.¹¹⁷

За исключением могильника Джаушангоз IV (Южбок III) (рис. 2) датировка которого осталась неизменной, дата погребений двух первых могильников пересмотрена.

Снятый план могильных сооружений (рис. 3), раскопки семи погребений, фигурных выкладок и обследование погребений, исследованных А. Д. Бабаевым, позволили выяснить конструкцию погребальных сооружений.

1. Конусообразная земляная насыпь, под ней кольцевая ограда, сложенная из камней, положенных в один ряд. В центре ограды находился конусовидный курган, сложенный из камней. Во время погребения в оgrade с восточной стороны оставляли проход. Когда обряд заканчивался, вход

¹¹⁷ К сожалению, в присланных автором материалах имеются явные нестыковки, в первую очередь, в римских обозначениях памятников в тексте, на схеме (рис. 3) и в подписях под рисунками. Длительные попытки редакции разобраться в этих нестыковках (в т. ч. с помощью других работ М. А. Бубновой) к успеху не привели, а связаться с автором оказалось невозможно. В то же время материалы из Западного Памира представляют несомненный интерес. Статья оставлена в том виде, в котором она была прислана, внесена только мелкая литературная правка (*примеч. редакции*).

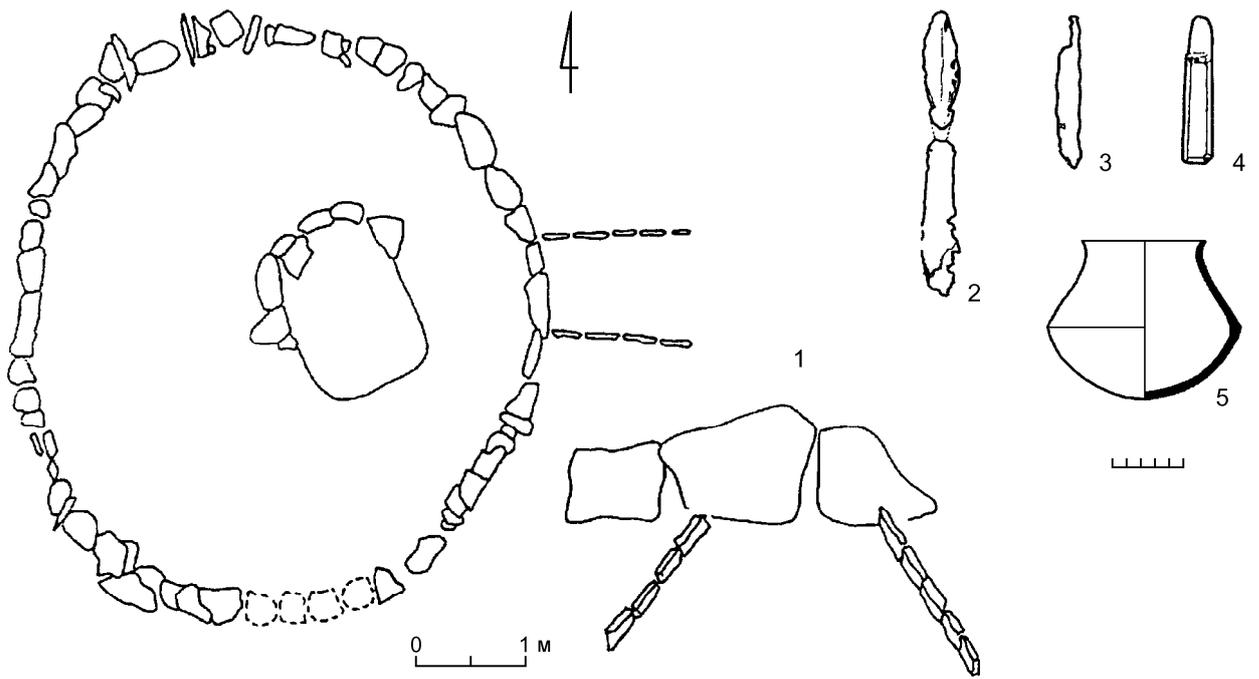

Рис. 4. Мог-к Джаушангоз IV (Южбок), кург. 12: 1 – план; 2 – железный наконечник копья; 3 – железный нож; 4 – деревянная рукоятка (ножа?); 5 – глиняный лепной горшок

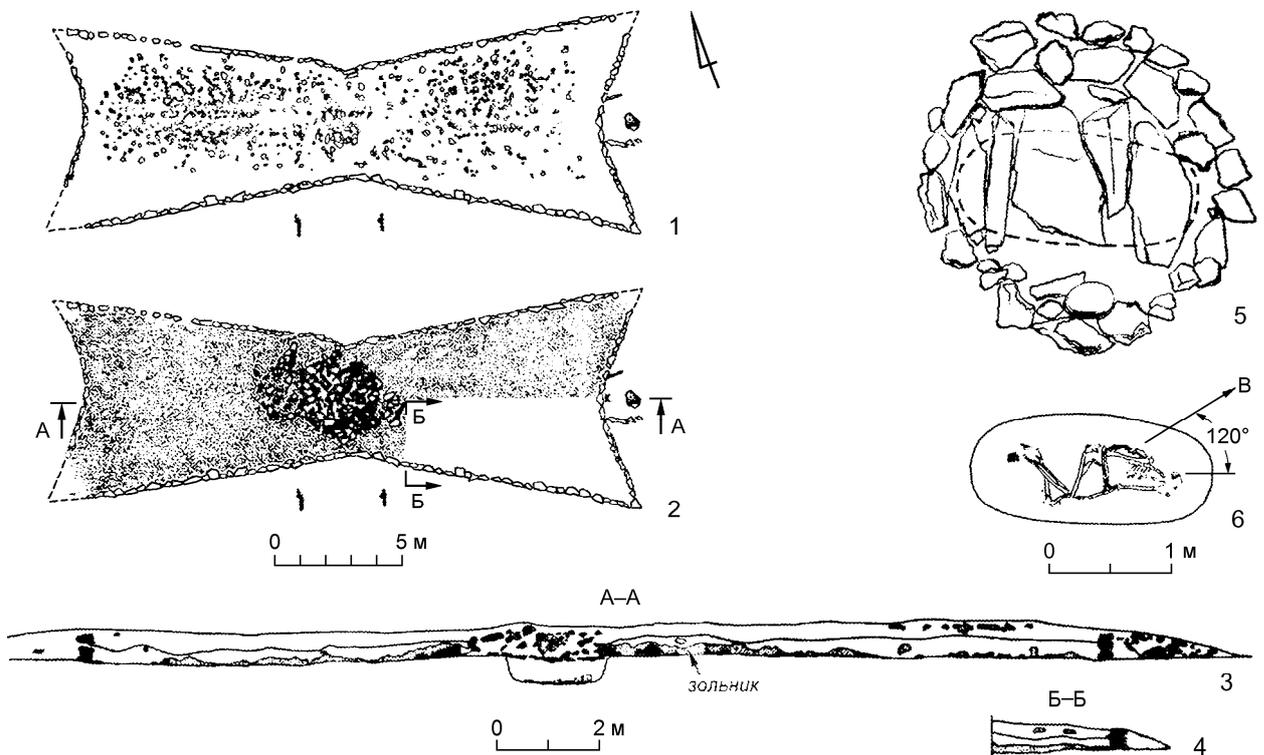

Рис. 5. Мог-к Джаушангоз IV (Южбок), фигурная ограда 23, план, разрезы (внутренний слой зхолы и пепла)

закладывали большим камнем. Ко входу вела «дорожка», по краям обложенная небольшими камнями, положенными в один ряд. Поверхность «дорожки» покрыта небольшими сланцевыми плитами (рис. 4).

2. Валообразные земляные насыпи, сложенные из песка и глины. Под ними находились ограда в форме прямоугольника с вогнутыми сторонами и в разной степени оттянутыми углами. В центре ограды находился небольшой курган, сложенный из небольших камней. Вход в ограду находился с восточной стороны. Его закладывали после погребения. В одной из оград (№ 42) после погребения внутри был зажжен большой костер (рис. 5).

Кроме погребальных сооружений, на территории могильника обнаружены плоские выкладки в форме прямоугольников с вытянутыми углами, разделенными долевыми и поперечными линиями внутри на четыре сектора. Контур и линии сложены из небольших темных камней. У одной фигуры сектора по диагонали были засыпаны темными мелкими камнями и более светлыми (Бубнова 2000).

Фигурные ограды, плоские фигуры на территории могильника близки фигурам, по которым определяли начало четырех основных сезонов (дни весеннего и осеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния). Время создания своеобразной обсерватории – VI–V вв. до н. э. (Бубнова, Коновалова 2006).

Таким образом, мог-ки Южбок и Южбок II могут быть датированы IV–II вв. до н. э., что совпадает с первоначальной датировкой могильника Южбок.

То, что бронзовый наконечник копья (сплав медь и мышьяк; определение М. С. Шемаханской и А. Ф. Дубровина) был найден за пределами могильной ямы, а также вытянутое положение погребенных в могильниках исключает их датировку эпохой бронзы.

Бабаев 1975 – *Бабаев А. Д.* Могильник Южбок на Западном Памире // УСА. 1975. Вып. 3. С. 39–42.

Бабаев 1980 – *Бабаев А. Д.* Могильник Южбок II – памятник эпохи бронзы на Западном Памире // АРТ. 1980. Вып. XV. С. 75–87.

Бабаев 1984 – *Бабаев А. Д.* Бронзовый наконечник копья из могильника Южбок (Западный Памир) // Памироведение. 1984. Вып. 1. С. 104–106.

Бабаев 1988 – *Бабаев А. Д.* Могильники Западного Памира эпохи поздней бронзы и их связь с религиозными верованиями местных племен // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1988. Вып. 15. С. 70–84.

Бабаев 1989 – *Бабаев А. Д.* Историко-археологический очерк Западного Памира: Дис. ... докт. ист. наук (рукопись).

Бабаев 2006 – *Бабаев А. Д.* Древние земледельцы «Крыши мира». 2006. С. 16–22.

Кияткина 1987 – *Кияткина Т. П.* Антропологические материалы с Западного Памира // Палеоантропология Западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. 1987. С. 13–144.

Бубнова 2000 – *Бубнова М. А.* Отчет об археологических исследованиях памятников долины Джаушангоз в 1990, 1992, 1993, 1996 годах и обобщение результатов предыдущих лет // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 209–239.

Бубнова, Коновалова 2006 – *Бубнова М. А., Коновалова М. А.* Древние солнечные календари Памира // Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). 2006. С. 170–209.

**Ремесло Хорезма во второй половине I тыс. до н. э.
(опыт палеоэкономического исследования)¹¹⁸**

Становление ремесленного производства Хорезма неразрывно связано с первыми шагами урбанизации в этом регионе и возникновением в низовьях Амударьи ранних форм государственности, будь то сатрапия в составе державы Ахеменидов в середине I тыс. до н. э. или самостоятельное государство, образовавшееся на территории Южного Приаралья не позднее конца V–начала IV в. до н. э. (см. Балахванцев 2006).

В последней трети I тыс. до н. э. в низовьях Амударьи отмечается бурный экономический и культурный рост, формируется своеобразная материальная и художественная культура, которую можно рассматривать как органичный сплав местной традиции и привнесенных извне элементов. В этот же период здесь складывается устойчивая палеоэкономическая система, обладающая определенными чертами, характерными только для этого региона. Есть основания полагать, что в низовьях Амударьи начинает формироваться единый внутренний рынок. Об этом свидетельствует удивительно единообразный облик материальной культуры на территории всего Хорезма, а также высокий уровень стандартизации в гончарном производстве (Болелов 1999; 2004б: 108–109).

Важнейшей составляющей палеоэкономической системы, сложившейся в Хорезме в период ранней государственности, является ремесленное производство. Наиболее изученным в археологическом отношении видом ремесла для этого времени является гончарство. На территории Хорезма в настоящее время известно девять археологических объектов, непосредственно связанных с керамическим производством, датирующихся IV–II вв. до н. э. Полностью раскопано 13 горнов, относящихся к этому времени. Все горны были двухъярусные, с прямой вертикальной тягой и радиальным расположением жаропроводящих каналов (Болелов 2002а: 92–93).

По месту расположения относительно жилых построек и поселений, а также по количеству и степени концентрации обжигательных горнов, объекты, связанные с гончарным производством, подразделяются на категории, по всей видимости, соответствующие различным по размеру и по объему производимой продукции гончарным мастерским. Выделяются небольшие мастерские – обычно один–два горна около жилых построек или непосредственно в пределах усадьбы, а также сравнительно крупные производства – пять–восемь горнов, расположенные компактно на некотором удалении от поселений и жилых построек.

Остатки небольшой мастерской открыты на поселении IV–II вв. до н. э. у мыса Тарым-кая. Здесь во дворе усадьбы, в непосредственной близости от небольшого жилого здания находились два небольших двухъярусных горна с радиальным расположением жаропроводящих каналов.

Среди крупных гончарных производств почти полностью изучена мастерская, которая функционировала на развалинах архаического городища Кюзели-гыр. Здесь раскопано восемь горнов, в большинстве случаев располагавшихся попарно. Рядом с ними расчищены рабочие площадки – вымостки из сырцового кирпича, ямы с выбросами бракованной продукции и отходов производства. Здесь же выявлены остатки производственного помещения, а рядом – остатки нескольких очагов и ямы с пережженным гипсом (Воробьева 1959: 200–202).

Отдельно следует отметить крупный производственный центр около крепости Гяур-кала Черменябская в Левобережном Хорезме, где функционировало крупнейшее на территории региона гончарное производство. Здесь зафиксировано более 50 обжигательных горнов. Раскопки не проводились, но по подъемному материалу памятник датируется в пределах IV в. до н. э. – II–III вв. н. э. (Неразик 1976: 16). Обращает на себя внимание крупное ремесленное поселение Нурум-депе, рас-

¹¹⁸ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 10-01-00157а.

положенное приблизительно в 15 км к СВ от Гяуркалинского производственного центра, на протоках Среднего Даудана. Здесь на территории 9 км² зафиксированы значительные по площади агро-ирригационные планировки, в т. ч. виноградники, а также не менее 20 отдельно стоящих зданий – сельских усадеб. В непосредственной близости от жилых построек было по два–четыре обжигательных горна, расположенных попарно. Таким образом, каждую усадьбу поселения можно рассматривать как самостоятельный жилищно-производственный комплекс, значительное место в хозяйственной деятельности которого занимало производство глиняной посуды (Болелов 2005). На поселении зафиксированы следы и других производств – бронзоволитейного и кузнечного. По подъемному материалу отдельные постройки на поселении, напр., центральные усадьбы, можно датировать IV–II вв. до н. э. (Вайнберг, Болелов 1999; Болелов 2002б).

Следов металлообрабатывающего и бронзолитейного производств, датирующихся в пределах последней трети I тыс. до н. э., на территории Хорезма зафиксировано немного. На Кой-Крылган-кале открыт производственный комплекс, который, по мнению исследователей памятника, был связан с металлургией (Кой-Крылган-кала... 1967: 16). Небольшое бронзолитейное производство открыто на Калалы-гыр 2, где в одном из помещений расчищено два очага явно производственного назначения. Здесь же обнаружены фрагменты глиняных тиглей с каплями меди на внутренней поверхности (Калалы-гыр 2... 2004: 148–151). Кроме бронзолитейного на Калалы-гыр 2 обнаружены следы, надо полагать, кузнечного производства. В больших ямах-полуземлянках зафиксированы нижние части двух «печек» вертикальной конструкции. Удалось расчистить нижние части глиняных продухов, идущих от нижней части землянки наверх. Рядом найдены фрагменты глиняных сопл. По всей видимости, это остатки конструкции кузнечного горна с принудительной вертикальной подачей воздуха. В верхней части разогревали железные крицы, из которых изготавливались изделия. Фрагменты нескольких криц найдены в заполнении материковых ям (Там же: 148). Все производственные комплексы на Калалы-гыр 2 были перекрыты ранними полами помещений, т. е. они работали только в период строительства комплекса.

Остатков других ремесленных производств, относящихся к древнехорезмийскому периоду, раскопками на территории Хорезма пока не обнаружено. Вместе с тем, предметы, найденные на таких памятниках как Кой-Крылган-кала, Калалы-гыр 2, Гяур-кала 3, свидетельствуют о достаточно высоком уровне технологий в это время.

Так, во время раскопок Калалы-гыр 2 была получена немногочисленная, но довольно представительная коллекция деревянных предметов, в которой имеются, как импортные пиксиды из самшита, так и сосуды, изготовленные из местных пород дерева. Установлено, что при изготовлении посуды использовали токарный станок разных скоростей, а другие деревянные предметы (веретена, черпаки, ложки) вырезали из целых кусков дерева (Болелов, Двуреченская 2002: 142–143). Стоит отметить, что, если резные предметы могли изготавливать в домашних мастерских, то вытачивание на токарном станке требовало определенного навыка и могло производиться только в ремесленных мастерских. Еще одним свидетельством использования токарного станка в то время является наличие в древнехорезмийских археологических комплексах миниатюрных тарелочек и плакеток из мрамора и мергелистого известняка. Форма и качество этих предметов, безусловно, свидетельствует о том, что они изготавливались с использованием токарного станка быстрого вращения. Достаточно вспомнить круглые пиксиды из мергелистого известняка и сланца, которые по внешней стороне были украшены параллельными горизонтальными желобками (Кой-Крылган-кала... 1967: табл. XV, 7–9).

На основе имеющихся в настоящее время археологическим данным можно выявить признаки, характеризующие уровень развития и организации гончарного ремесленного производства в Хорезме в последней трети I тыс. до н. э.¹¹⁹

¹¹⁹ С. П. Толстов, на основании гипотезы об отождествлении Хорезма с государством Кангюй, назвал этот период в истории Хорезма «кангюйским». В настоящее время, на основании исследований последних десятилетий на террито-

Гончарное ремесленное производство последней трети I тыс. до н. э. характеризуется, прежде всего, появлением производственных центров. Отсутствие капитальных жилых построек рядом с мастерскими дает основания предполагать, что это были сезонные производства, которые работали на заказ, в течение определенного сезона и обслуживали население одного ирригационного района (Болелов 2006: 122). Несколько особняком стоит производственный центр на городище Кюзели-гыр, который расположен в 7 км от культового центра того же времени Калалы-Гыр 2. Так как поселений IV–II вв. до н. э. в окрестностях Кюзели-гыр не обнаружено, можно предполагать, что гончарный производственный центр на заброшенном городище был организован для обслуживания этого храмового центра, о чем красноречиво свидетельствуют находки в ямах выброса на Кюзели-гыр и в культурном слое на Калалы-Гыр 2 терракотовых статуэток, оттиснутых в одной форме (Воробьева 1959: 203). Наличие на Калалы-Гыр 2 храмового хозяйства не вызывает сомнения, об этом красноречиво свидетельствуют агро-ирригационные планировки у подножья возвышенности (Калалы-гыр 2... 2004: 19). Возможно, частью этого хозяйства был и производственный центр на городище Кюзели-гыр. Мы ничего не знаем о социальном положении людей, обслуживавших культовый центр Калалы-Гыр 2. Вряд ли это были храмовые рабы, подобные *širku*, известных по нововавилонским документам (Периханян 1959: 114–115). Производство на Кюзели-гыр было сезонным, следовательно, скорее всего, здесь работали свободные ремесленники, обеспечивавшие культовый центр керамической посудой в определенный период, может быть во время календарных праздников, предполагавших многолюдные совместные трапезы.

Сезонный характер гончарного производства – явление достаточно распространенное и универсальное. Следы временных гончарных мастерских зафиксированы в Поднепровье, на поселениях черняховской культуры (Бобринский 1991: 86–87). По всей видимости, также небольшое сезонное производство открыто неподалеку от крепости Кампыртепа в Северной Бактрии (Болелов 2001). В конце XIX–начале XX в. в Ташкентском оазисе в отдаленные селения, не имевшие своих гончаров, обыкновенно в летнее время приезжали мастера из ближайшего центра и выделывали посуду на месте (Шишов 1904: 289).

Масштабы производства в гончарных производственных центрах и предполагаемый объем продукции дают все основания считать, что в них работали небольшие коллективы – артели профессионалов-ремесленников, обеспечивавшие керамической посудой внутренний рынок. Керамика могла изготавливаться на заказ или в обмен на натуральный продукт. Косвенно это предположение подтверждается хозяйственным документом, найденным в верхних культурных слоях Хумбуз-тепе – крупного гончарного центра в южном Хорезме. На остраке указаны меры полученного или выданного продукта и личные имена (Мамбетуллаев 1984: 36). Особого внимания заслуживает тот факт, что острак найден на территории крупного производственного центра, который возник на рубеже VII–VI вв. до н. э. и функционировал, по меньшей мере, до рубежа нашей эры (Болелов 2004а). Учитывая это обстоятельство, можно предполагать, что документ фиксирует плату натуральным продуктом за изготовленную партию продукции, скорее всего, керамической посуды.

О товарном производстве керамике в древнехорезмийский период косвенно свидетельствуют также широко распространившиеся в то время простейшие знаки на керамике, нанесенные острым предметом до обжига. Многие из них находят аналогии среди знаков, наносившихся на

рии Приаралья и средней Сырдарьи, эта гипотеза не получила подтверждения и отвергается большинством исследователей (см. Вайнберг 1999: 266–285). Как упоминалось, Хорезм становится самостоятельным государством не позднее начала IV в. до н. э. Надо полагать, что в это же время начинается качественно новый этап экономического и культурного развития этой территории, меняется облик материальной культуры, ни коем образом не связанный с влиянием государства Кангуй, под властью которого были объединены области в нижнем и среднем течении Сырдарьи. Учитывая эти обстоятельства, на мой взгляд, этот период в истории Хорезма можно назвать *«древнехорезмийским»*, т. к. он связан с образованием первого самостоятельного государства в низовьях Амударьи (Болелов 2004а: 44–45).

сырцовые кирпичи. Учитывая это, вполне правомерно провести параллель между ними. Также как и на кирпичах, знаки на керамике подразделяются на две группы: «простой – усложненный». Как аргументировано показал А. Н. Гертман (1991; 1998), это свидетельствует о том, что партии кирпича изготавливались артелями, которые использовали знаки для учета количества изготовленных кирпичей. Принимая во внимание это заключение, мне представляется, что вполне правомерно предположить, что знаки на керамике являлись инструментом учета произведенной продукции – определенным знаком метился каждый пятый или каждый десятый сосуд партии. Возможна и другая интерпретация: если партия посуды изготавливалась на заказ, то знаками могли метить сосуды, предназначенные для определенного заказчика.

Характерной особенностью организации гончарного ремесленного производства Хорезма в последней трети I тыс. до н. э. следует считать размещение производственных центров и небольших мастерских в сельской местности. Это вполне объяснимо, т. к. большая часть населения Хорезма в это время проживала в открытых рассредоточенных на местности сельских поселениях, и производство размещалось в непосредственной близости к потребителю. Собственно городов на этой территории известно немного (Неразик 2005: 551). Причем широкомасштабных археологических раскопок на памятниках не проводилось, и ничего не известно о структуре и принципах планировки городов древнехорезмийского периода. Вполне определенно можно говорить лишь о том, что сколько-нибудь значимого по масштабам ремесленного производства в городах не было. Наряду с производственными центрами на сельских поселениях Хорезма работали небольшие гончарные мастерские, одна из которых была открыта у мыса Тарым-Кая. Надо полагать, в этих мастерских работали гончары – члены сельскохозяйственной общины, в течение всего года, по мере надобности, обеспечивавшие посудой жителей поселения. По всей видимости, занятие ремеслом они совмещали с сельскохозяйственными работами, поэтому эту форму ремесленной деятельности можно считать общинным ремеслом.

По масштабам производства выделяются крупный производственный центр около крепости Гяур-кала в Левобережном Хорезме и Нурумское поселение. Эти крупные производства расположены в зоне расселения скотоводческих племен, которые появляются на западных окраинах Присаракамьшской дельты не позднее IV–III вв. до н. э. (Вайнберг 1981: 122–123). Вероятно, возникновение крупных производственных центров и многопрофильных ремесленных поселений на окраине земледельческого оазиса связано, в первую очередь, с экономическими интересами государства. Есть все основания рассматривать их как выдвинутые в скотоводческую зону центры древнехорезмийской культуры для снабжения кочевников продуктами земледелия и ремесла. Кочевники, очевидно, обеспечивали безопасность государства в силу каких-то договорных отношений, а также могли занимать определенное место в палеоэкономической системе Хорезмийского государства, за что, в свою очередь, государство расплачивалось с ними продуктами земледелия (хлеб, вино) и ремесла (керамика, металлические изделия и т. д.) (Вайнберг 1999: 109).

Следов крупных производств, связанных с обработкой металла, на территории Хорезма в настоящее время неизвестно. Можно предполагать, что бронзолитейным производством и изготовлением железных предметов занимались общинные ремесленники в небольших мастерских, расположенных в пределах поселений или небольших оазисов. Как это было, напр., в оазисе Дингильдже (Воробьева 1973: 211). Вместе с тем, нельзя не отметить остатки производств, открытые на Калалы-Гыр 2, которые функционировали только в период строительства культового центра. По всей видимости, строительство Калалы-Гыр 2, расположенного в некотором отдалении от земледельческих оазисов и крупного городского центра (Куныя-Уаз) осуществлялось коллективом профессионалов-строителей. В период строительства на Калалы-Гыр 2 функционировали бронзолитейное и кузнечное производство, удовлетворявшие потребности строителей в орудиях труда и металлических деталях, использовавшихся при строительстве. Таким образом, можно предполагать, что в коллективе или артели, строившей культовый центр, помимо профессионалов-строителей были кузнецы и литейщики. Учитывая значение такого крупного центра как Калалы-Гыр 2 для всего региона,

можно полагать, что участие в его строительстве было обязанностью, возложенной на всех жителей прилегающих оазисов и поселений. Однако нельзя исключать и того, что высококвалифицированные строительные работы, а также обеспечение строителей орудиями труда и металлическими изделиями было прерогативой мобильных коллективов профессионалов-ремесленников.

На основании вышеприведенных данных можно составить некоторое представление о месте ремесла в палеоэкономической системе, сложившейся в Хорезме к последней трети I тыс. до н. э., а также организационных формах ремесленного производства того времени в регионе.

Экономической основой хозяйства области было ирригационное земледелие. В рассматриваемый период времени Хорезм был аграрной страной, поэтому ремесленное производство, прежде всего, гончарное, размещалось именно в сельской местности – в непосредственной близости от основного потребителя. Можно предполагать, что основная масса гончарной посуды (тарные хозяйственные сосуды, столовая керамика) производилась в производственных центрах мобильными коллективами гончаров-ремесленников, изготавливавших крупные партии посуды на заказ в течение определенного сезона. Видимо, в данном случае можно говорить о товарном ремесленном производстве, полностью отделившись от земледелия, когда платой за произведенную продукцию являлся натуральный продукт. Надо отметить, что подобная система экономических взаимоотношений, по всей видимости, функционировала в центральных районах оазиса, прежде всего, в Правобережном Хорезме, населенном исключительно земледельцами. Несколько другая ситуация была на западных окраинах Хорезма (Присаракамышская дельта), где проживали группы полукочевых или кочевых скотоводов. Особую роль здесь играли крупные производственные центры (Гяур-кала) и ремесленные поселения (Нурумское поселение), возникшие или созданные, может быть, не без участия государственной власти в непосредственной близости от поселений и кочевых скотоводов. Эти производства были ориентированы на определенного потребителя. В данном случае платой за произведенные ремесленные изделия были продукты скотоводческого хозяйства. Возможно, создание таких производственных центров было обусловлено не только экономическими, но и политическими причинами. Видимо, таким образом реализовывалась протекционистская политика молодого Хорезмийского государства по отношению к кочевникам, расселившимся на окраинах земледельческого оазиса. Роль групп кочевого населения в политической и экономической системе Хорезмийского государства еще остается до конца неясной. Как известно, низовья Амударьи бедны полезными ископаемыми, а рудопроявлений меди и железа здесь вовсе неизвестны. Весьма вероятно, что именно группами подвижных скотоводов во время меридиональных перекочевок от Присаракамышья до Южного Урала транспортировалось в Хорезм сырье для металлообрабатывающего ремесленного производства.

- Балахванцев 2006 – *Балахванцев А. С.* К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект. // ЗВОРАО: Новая серия. 2006. Т. II (XXVII). С. 365–375.
- Бобринский 1991 – *Бобринский А. А.* Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М., 1991.
- Болелов 1999 – *Болелов С. Б.* К вопросу о стандартизации среднеазиатской керамики в древности (по материалам Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме). // VI чтения памяти проф. В. Д. Блаватского: ТД. М., 1999. С. 20–21.
- Болелов 2001 – *Болелов С. Б.* Гончарная мастерская III–II вв. до н. э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в северной Бактрии эпохи эллинизма) // Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент, 2001. Вып. 2. С. 15–30.
- Болелов 2002a – *Болелов С. Б.* Керамические обжигательные горны на территории южного и юго-восточного Приаралья (вт. пол. I тыс. до н. э. – первые века н. э.) // ИМКУ. 2002. Вып. 33. С. 85–95.
- Болелов 2002b – *Болелов С. Б.* Нурумское поселение в Левобережном Хорезме // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002. С. 34–37.
- Болелов 2004a – *Болелов С. Б.* К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // Transoxiana. История и культура: Сб. научн. статей. Ташкент, 2004. С. 48–55 (Серия «Культура Средней Азии в письменных источниках, документах, материалах»).

- Болелов 2004б – *Болелов С. Б.* Керамика // Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме. М., 2004. С. 93–147.
- Болелов 2005 – *Болелов С. Б.* Раскопки усадьбы в Нурумском оазисе (Северная Туркмения) // Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск, 2005. Вып. XV. С. 90–110.
- Болелов 2006 – *Болелов С. Б.* Гончарные производства Средней Азии во второй половине I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. // Российская археология. 2006. № 3. С. 116–127.
- Болелов, Двуреченская 2002 – *Болелов С. Б., Двуреченская Н. Д.* Комплекс деревянных предметов из раскопок культового центра Калалы-Гыр 2 // Российская археология. 2002. № 3. С. 133–144.
- Вайнберг 1981 – *Вайнберг Б. И.* Скотоводческие племена в Древнем Хорезме // Культура и искусства Древнего Хорезма. М., 1981. С. 121–130.
- Вайнберг 1999 – *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. М., 1999.
- Вайнберг, Болелов 1999 – *Вайнберг Б. И., Болелов С. Б.* Нурумский оазис на западе Хорезма // Культурные ценности. 1997–1998. СПб, 1999. С. 46–62.
- Воробьева 1959 – *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. М., 1959 (ТХАЭЭ. Т. IV).
- Воробьева 1973 – *Воробьева М. Г.* Дингильдже: Усадьба середины I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973.
- Гертман 1991 – *Гертман А. Н.* Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса // Древности южного Хорезма. М., 1991. С. 277–285 (ТХАЭЭ. Т. XVI).
- Гертман 1998 – *Гертман А. Н.* Знаки на кирпичках и некоторые вопросы организации древневосточного строительства (по материалам Древнего Хорезма) // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 136–150.
- Калалы-гыр 2... 2004 – Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме. М., 2004.
- Кой-Крылган-кала... 1967 – Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н. э.–IV в. н. э. М., 1967 (ТХАЭЭ. Т. V).
- Мамбетуллаев 1984 – *Мамбетуллаев М.* Хумбуз-тепе – керамический центр южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. II. Ташкент, 1984. С. 21–39.
- Неразик 1976 – *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М., 1976 (ТХАЭЭ. Т. IX).
- Неразик 2005 – *Неразик Е. Е.* Древние города Хорезма и пути их развития (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) // Центральная Азия: источники, история, культура: Мат-лы Междунар. науч. конф., Москва, 3–5 апреля 2003 г. М., 2005. С. 543–561.
- Периханян 1959 – *Периханян А. Г.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959.
- Шишов 1904 – *Шишов А.* Сарты. Сборник для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1904. Кн. XI.

А. Н. Подушкин (Шымкент, Казахстан)

**Катакомбы арысской культуры Южного Казахстана:
коллективные погребения могильников Культобе и Кылышжар
(II в. до н. э.–III в. н. э.)**

Проблема изучения катакомбных погребальных объектов первых веков до нашей эры – первых веков нашей эры на территории Южного Казахстана остается актуальной. Благодаря археологическим исследованиям могильников арысской культуры, в последние годы были достигнуты существенные результаты, однако, катакомбы, как специфическая погребальная конструкция и форма обрядности, продолжают привлекать внимание ученых. Среди направлений исследований – генезис сооружений подобного типа, этническая, социальная и культурная атрибуции населения, оставившего такие памятники. В рамках реализации научно-исследовательской программы «Археологические и письменные памятники государства Кангюй (Канцзюй) II в. до н. э.–IV в. н. э.» в Южном Казахстане осуществлялись археологические исследования курганных могильников на

территории арыско-бадамского укрепленного района. В их числе – мог-ки Культобе и Кылышжар (Подушкин 2006; 2007; и др.).

Могильники находятся на гребневидных лессовых останцах правой надпойменной террасы р. Арысь, в 2,5–3 км к С и СЗ от городища Культобе. В обоих могильниках отмечены цепочки насыпей в сочетании с бессистемным их расположением. Количественно они включают от 70 до 100 курганов, размерами от 8 до 20 м и более в основании при высоте от 1,5 до 2,5 м. Планировка насыпей округлая и вытянутая овальная, со смещенной от центра максимальной точкой по высоте; сами насыпи однородные по составу (сложены из лесса). В результате раскопок южной группы мог-ка Культобе наиболее значимыми оказались коллективные погребения в катакомбах 24 и 25.

Кург. 24 мог-ка Культобе имел каплевидную форму, вытянутую по длинной оси в направлении Ю–С насыпь. Была раскопана трехчастная Т-образная катакомба (дромос, лаз, камера), в которой узкотраншейный ступенчатый дромос-коридор перпендикулярно примыкал к подземной сводчатой погребальной камере. В месте соединения дромоса с лазом отмечена комбинированная горизонтальная и вертикальная закладка всего проема лаза из крупного прямоугольно-трапезиевидного кирпича-сырца (рис. 1, I). В центре камеры открыты шесть скелетов по обряду – труположение на спине (рис. 1, II). Погребальный инвентарь представлен столовой керамикой (шесть кувшинов, фляга и кружка – рис. 1, III, 1–8); аксессуарами одежды, среди которых – округлое изделие с отверстием в центре, из природного мягкого материала коричнево-желтого цвета со сложной слоистой фактурой (могло быть пуговицей-застежкой; рис. 1, III, 11); к украшениям относятся наборный браслет из бронзового колокольчика, бубенчиков, бусин и ожерелье (собрано из крупной круглой хрустальной бусины, обоймочковых многослойных стеклянных бусин с подглазурным нанесением золота, цилиндрической бусины из голубого стекла, гагатовой бусины квадратной конфигурации, найдены также круглые янтарные шарики – рис. 1, III, 9, 12–14); каменное пряслице (рис. 1, III, 10).

Кург. 25 мог-ка Культобе имел каплевидную форму, насыпь вытянута по длинной оси в направлении Ю–С. В ее южной части вскрыта трехчастная Т-образная катакомба (ступенчатый дромос, лаз, камера), в которой дромос перпендикулярно примыкает к подземной сводчатой погребальной камере; в месте соединения дромоса с лазом отмечены остатки закладки проема лаза крупным прямоугольно-трапезиевидным кирпичом-сырцом (рис. 2, I). В катакомбе открыты шесть нарушенных и анатомически целых скелетов по обряду – труположение вытянуто на спине (рис. 2, II). Погребальный инвентарь представлен: керамикой (четыре кувшина, фляга и курительница; рис. 2, III, 1–6); среди вещевого инвентаря – железная иголка с ушком в футляре из полый обработанной и отшлифованной кости желтого цвета (рис. 2, III, 7); из украшений – две фаянсовые круглые ребристые бусины светло-голубого цвета (рис. 2, III, 8, 10) и круглая шлифованная подвеска с большим отверстием в центре из речного галечника серого цвета (рис. 2, III, 9).

На мог-ке Кылышжар начаты раскопки локальной южной группы курганов, включающей 10 насыпей, где коллективные погребения обнаружены в катакомбах 2 и 6.

Кург. 2 мог-ка Кылышжар имел насыпь овальной формы, сложенную из лесса и слегка вытянутую по длинной оси в направлении В–З. В западном секторе, под насыпью, с небольшим смещением от центра была раскопана трехчастная катакомба правильной Т-образной планировки. Она состояла из узкотраншейного одноступенчатого дромоса; короткого аркообразного в разрезе лаза (проем лаза был заложен прямоугольным кирпичем-сырцом) и сводчатой полый погребальной камеры неправильной овально-прямоугольной планировки со сглаженными углами (рис. 3, I). Катакомба была потревожена грабителями (закладка лаза разобрана), однако на уровне пола погребальной камеры удалось раскопать коллективное погребение, включавшее: мужской скелет 1, лежавший в анатомическом порядке ближе к СЗ стенке камеры; женский скелет 2 в анатомическом порядке, лежавший почти в центре камеры. У обоих скелетов визуальнo фиксируется искусственная деформация черепной коробки (рис. 3, III). Обряд погребения – труположение вытянуто на спине с ориентацией на СВ. Погребальный инвентарь представлен керамикой (столовый кувшин,

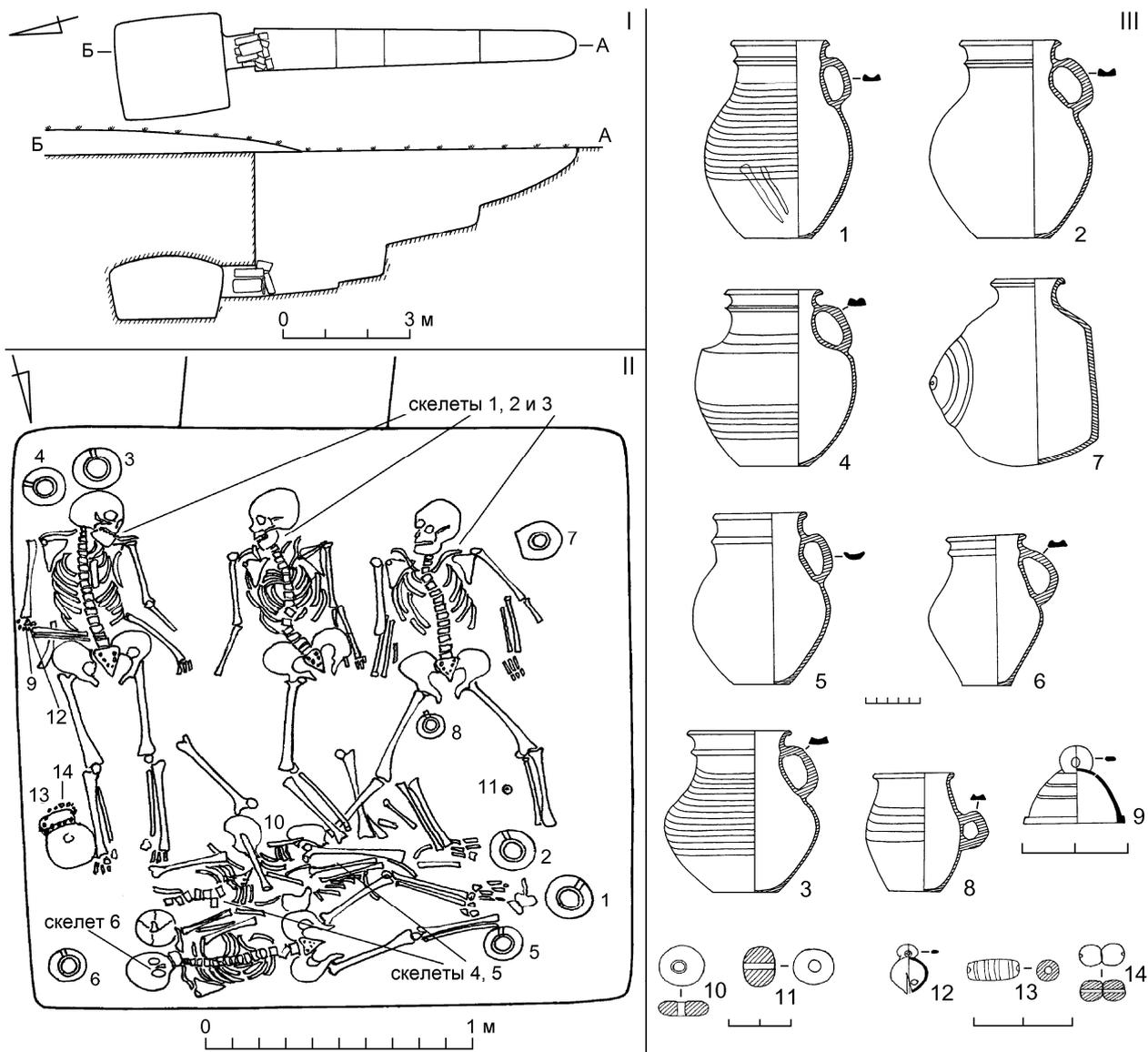

Рис. 1. Мог-к Культобе, кург. 24:

I – план и разрез катакомбы; II – план погребальной камеры; III – погребальный инвентарь
(1–8 – глина; 9, 12 – бронза; 10 – камень; 11 – камень (?); 11, 13 – стекло; 14 – янтарь)

горшок и кухонная кружка; рис. 3, II, 1–3) и оружием (железный кинжал обоюдоострый, черешковый, без перекрестия и навершия в сложно-конструктивных ножнах из ткани, дерева, кожи, окрашенных в ярко красный цвет; рис. 3, II, 4).

Кург. 6 мог-ка Кылышжар был сложен из лесса. Его округло-овальная насыпь не имела выраженного профиля, а склоны ее были пологие. У края ЮЗ сектора насыпи, со значительным смещением от центра было раскопано катакомбное погребальное сооружение – трехчастная Г-образная катакомба с дромосом «с заплечиками» (рис. 4, I). В погребальной камере открыто коллективное погребение, включающее пять скелетов: один мужской, два женских и два детских (рис. 4, II). Обряд погребения – труположение вытянуто на спине с ориентацией на В. По всей площади погребальной камеры зафиксированы следы камышовых плетеных матов. Погребальный инвентарь представлен: керамикой (пять сосудов кухонного назначения: горшок, кружка, кувшин и два миниатюрных сосуда; рис. 4, III, 1–5); предметами быта (бронзовое круглое зеркало с короткой ручкой-штырьком с отверстием, декоративная сторона его диска по периметру имеет невысокий бортик, а функциональная поверхность – следы изъязнов; рис. 4, III, 6); ритуальными предметами

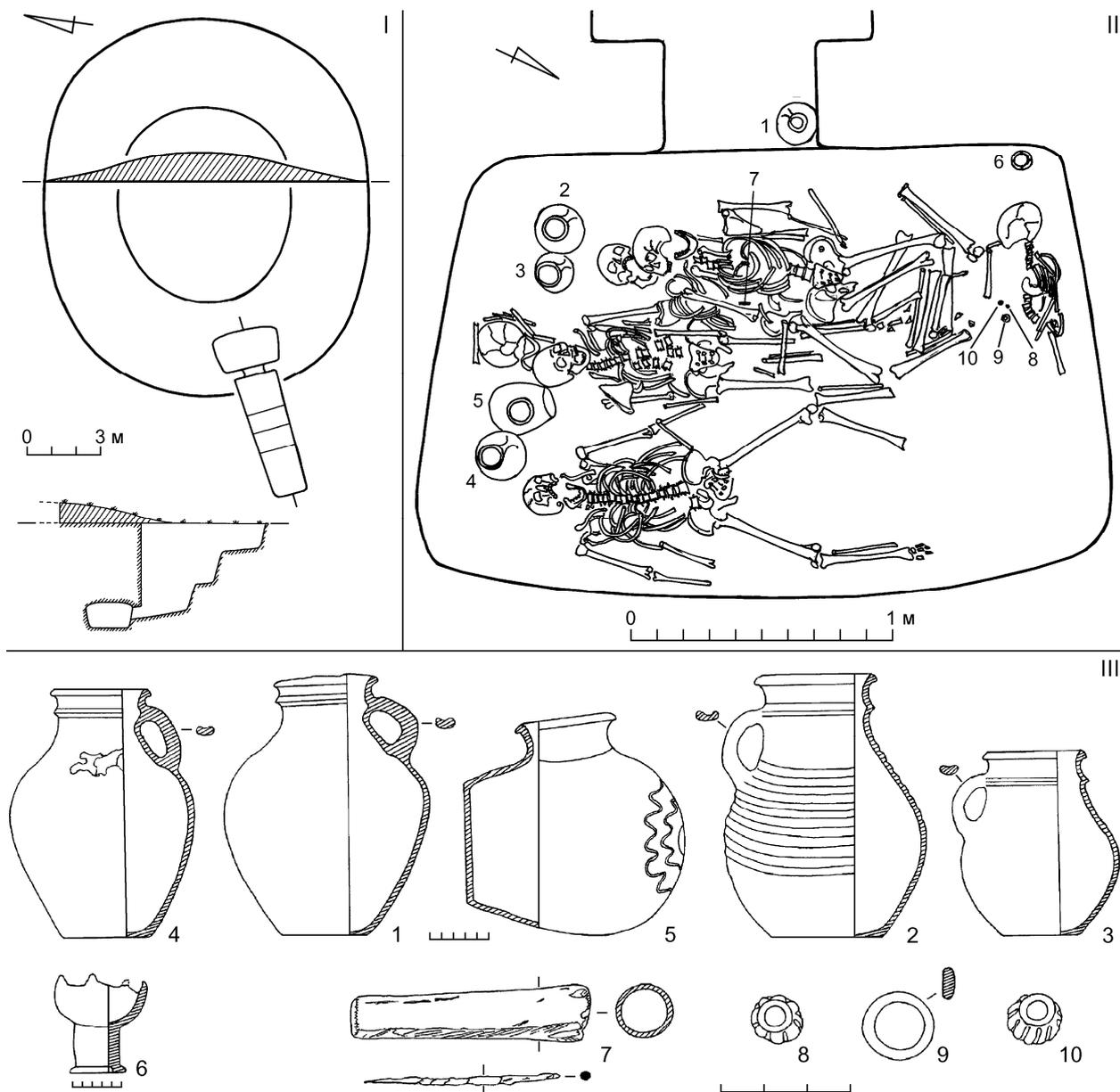

Рис. 2. Мог-ка Культобе, кург. 25: I – план кургана и катакомбы, разрез катакомбы; II – план погребальной камеры; III – погребальный инвентарь (1–6 – глина; 7 – железо и кость; 8, 10 – фаянс; 9 – камень)

(бронзовые колокольчики, бронзовое кольцо и алебастровый амулет; рис. 4, III, 7–8, 15–16) и украшениями (железная подвеска, бронзовые серьги, бронзовая декоративная нашивка и бусины; рис. 4, III, 9–14).

Катакомбы мог-ка Культобе с коллективными погребениями по многочисленным аналогиям (керамика, бронзовые колокольчик и бубенчики, пр.) датируются I в. до н. э.–II в. н. э. (каратабинский этап арысской культуры Южного Казахстана – Подушкин 2000: 114–121; Дашевская 1989: 144, табл. 51, 47; Вайнберг, Левина 1992: 59, табл. 14, 51–52). Бусы с подглазурной позолотой (в т. ч. обоймочковые), изготовленные в Египте, а затем – в Северном Причерноморье, широко известны в сарматских памятниках первых веков до нашей эры–первых веков нашей эры (Алексеева 1984: 238–239, табл. CLVI, 1–10, 20, 22, 26). Украшения в виде наборных ожерелий из бус с подглазурным нанесением золота отмечены в погребениях джетыясарской культуры этого же времени (Левина, Довгалоук 1995: 205–212, рис. 1–3).

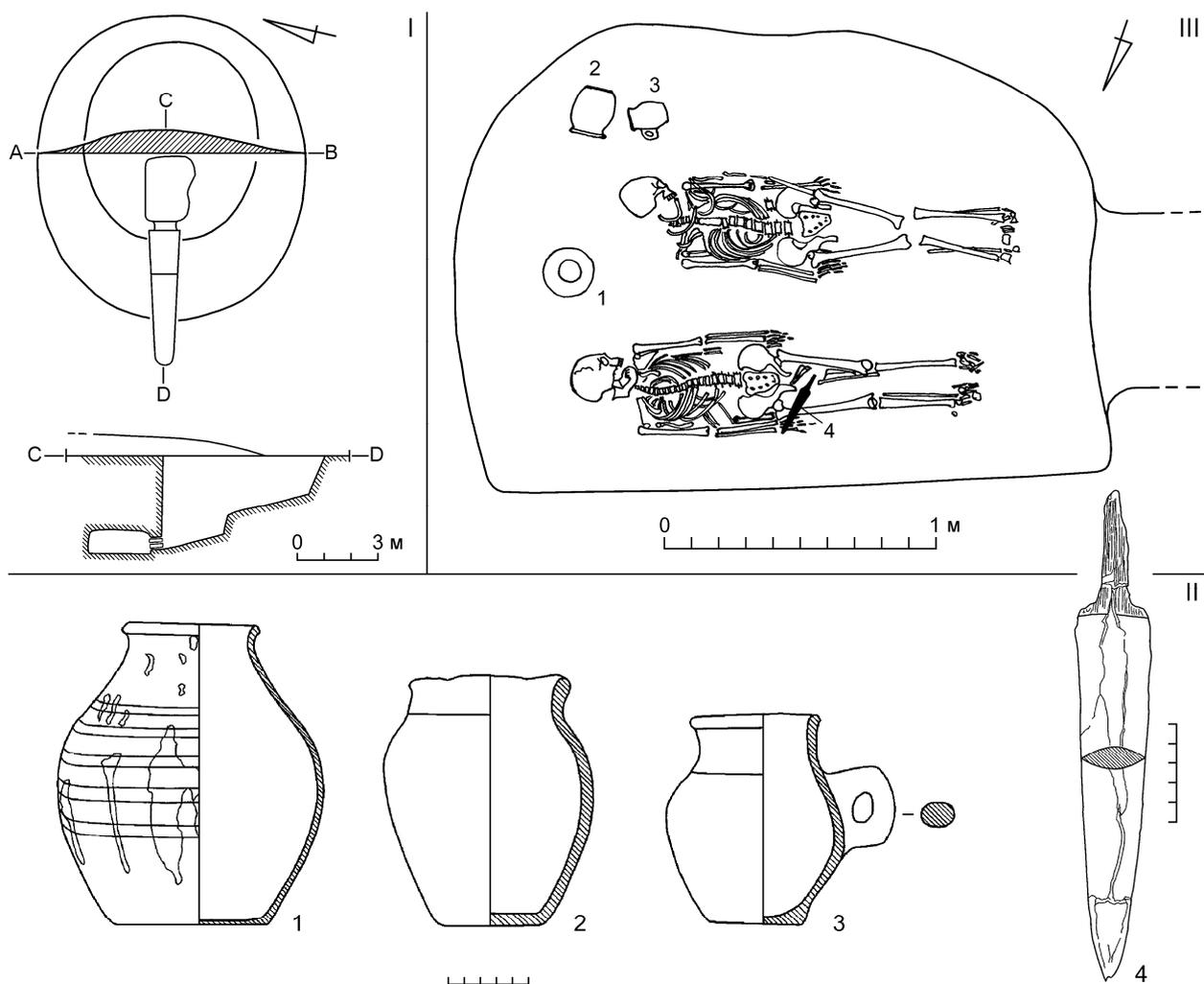

Рис. 3. Мог-к Кылышжар, кург. 2: I – план кургана и катакомбы, разрез катакомбы; II – погребальный инвентарь (1–3 – керамика; 4 – железо и органика); III – план погребальной камеры

Несколько более ранним временем датируются коллективные погребения в катакомбах мог-ка Кылышжар. Предварительно по аналогиям археологические комплексы из погребений южной группы курганов этого могильника датируются в пределах III в. до н. э.–II в. н. э. Так, бронзовые дисковидные зеркала с «бортиком» и короткой ручкой-штырьком встречены в погребениях конца раннесарматской (прохоровской) культуры IV–II вв. до н. э. (Смирнов 1989: 174, табл. 69, 35) и в среднесарматской культуре первых веков до нашей эры–II в. н. э. (Мошкова 1989: 187–188). Железные кинжалы без навершия и перекрестия характерны для конца среднесарматской и всей позднесарматской культуры рубежа нашей эры–III в. н. э. (Там же: 195–197, табл. 81, 59–61; Симоненко 2010: 46, рис. 29–30). Зафиксированы они и в погребальных памятниках Средней Азии: кург. 1, 2, 6 и 8 Агалыксайского мог-ка, мог-ки близ Самарканда, которые датируются первыми веками до нашей эры–первыми веками нашей эры (Обельченко 1972: 57–62, рис. 1; 1973: 159–171). В среднесарматское время на территории Северного Причерноморья, а также в суннских погребальных памятниках Забайкалья отмечены колокольчики с треугольной прорезью в составе конской экипировки, наборных ручных браслетов и наборных поясов (Мошкова 1989: 191; табл. 80, 16; Давыдова, Миняев 1987: 185, 187, рис. 9).

Поскольку коллективные погребения в катакомбах мог-ков Культобе и Кылышжар по мере дальнейших исследований становятся главными объектами изучения, отметим наиболее значимые особенности, которые выделяют погребения этого типа среди материалов из других катакомб

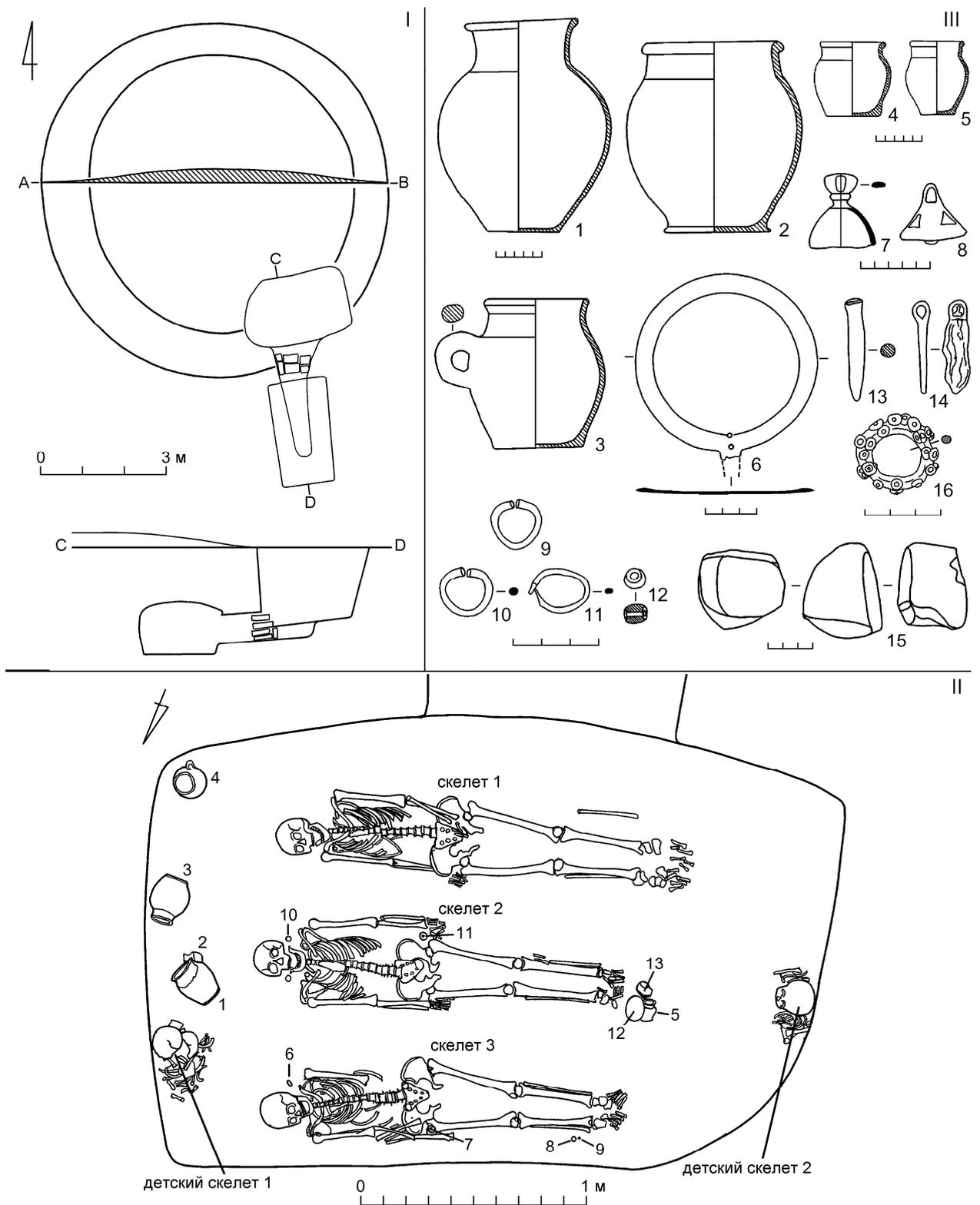

Рис. 4. Мог-к Кылышжар, кург. 6: I – план кургана и катакомбы, разрез катакомбы; II – план погребальной камеры; III – погребальный инвентарь (1–5 – глина; 6–8, 10–14, 16 – бронза; 9 – железо; 15 – алебастр)

арысской культуры. Одна из них – местонахождение погребальной камеры со значительным смещением от центра кургана, насыпь которого в большинстве случаев не перекрывает полную подземную конструкцию. В результате – узкотраншейный ступенчатый дромос или дромос «с заплечиками» остаются открытыми (возможно, в древности их как-то маскировали). Это позволяло

иметь к ним беспрепятственный доступ в случае необходимости осуществления последующих впускных погребений, часто практиковавшихся в древности, вследствие представлений религиозного дуализма и факторов семейной (клановой) принадлежности умерших. Только этим можно объяснить большое количество скелетов в погребальной камере, которая зачастую оказывалась переполненной.

Об этом же говорят некоторые неоднократно потревоженные элементы конструкции катакомбы: нарушенные закладки проема лаза кирпичем-сырцом; новые закладки, связанные с этой процедурой; части сырцовых кирпичей и крупных фрагментов керамики от хумов в дромосе, которые не были задействованы в процессе новой закладки. Однако решающими аргументами в пользу того, что катакомбы мог-ков Культобе и Кылышжар длительное время являлись семейными (родовыми) склепами, являются как большое количество скелетов разной половой принадлежности и возраста, так и их местонахождение в погребальной камере вместе с сопровождающим инвентарем. Отмечена тенденция: новый усопший укладывался, преимущественно, в анатомическом порядке, несмотря на явную «перегруженность» камеры – для чего предшествующие костные останки просто перемещались к стенке (стенкам) камеры, либо, когда камера была уже предельно загружена скелетами, усопшего укладывали непосредственно сверху на останки сородичей.

О том, что в катакомбе были погребены люди, связанные родством, свидетельствует факт достаточно уважительного отношения к останкам предшественников при манипуляциях с освобождением площади камеры для тела нового покойника. Как правило, при механическом передвижении костей погребальный инвентарь оставался в целостности – керамические сосуды, вещи и украшения не изымались. Если иметь в виду, что великолепная керамика представляла известную ценность, а часть предметов включала изделия из драгоценных металлов (напр., бусы с подглазурным нанесением золота), то можно заключить, что все обрядовые действия при осуществлении впускных погребений исполнялись родственниками или очень близкими людьми. Более того, половозрастной состав погребенных, где представлены почти все возрастные группы (взрослые, подростки, дети) указывает на то, что в одной камере могли быть погребены члены одной семьи (напр., катакомба 25 мог-ка Культобе и катакомба 6 южной группы мог-ка Кылышжар – рис. 2, II; 4, II).

Судя по местонахождению и назначению сопровождающего инвентаря, он имел определенный установленный «набор» и соответствовал социальному рангу умерших и их статусу в семье. Так, каждому покойнику «полагался» один керамический сосуд столового назначения (кувшин, фляга; обычно количество скелетов и сосудов в погребальной камере совпадает); мужчинам – железный кинжал, нож, предметы личного обихода и аксессуары одежды (железные пряжки, пуговицы-застежки); женщинам – украшения (ожерелья, наборные браслеты, зеркала, колокольчики) и предметы обихода (игла в игольнице); детям – игральные кости, бусы и подвески.

Между тем, при близких совпадениях как в обрядности, так и в наборе инвентаря, материалы коллективных погребений мог-ков Культобе и Кылышжар имеют свои особенности и различия.

Для Культобинского мог-ка можно отметить: доминирование большого количества скелетов в камере (от четырех до семи–восьми), при этом их основная часть в той или иной степени сохраняет анатомическое положение; большое значение в обрядности керамики, связанной с водой (качественная, хорошей выделки и декора посуда доминирует в инвентаре почти всех погребений), при этом основная масса сосудов никогда не использовалась в быту, о чем свидетельствует ее «пачкающий» ярко-красный ангоб, и отсутствие соляных выделений на тулове кувшинов, фляг и кружек (признак использования сосудов по назначению – для хранения воды); большое значение ритуальных керамических изделий – курильниц, связанных с культом огня; фактическое отсутствие клинкового и дистанционного оружия (мечей, кинжалов, частей сложносоставного лука, наколочников стрел).

Для коллективных погребений мог-ка Кылышжар характерны: ограниченное количество скелетов в камере (от двух до пяти), при этом часто практикуется действие, когда при впускном погребении костные останки предшествующих покойных сдвигаются в одно место в виде груды

костей, а центральную часть камеры в анатомическом порядке занимают один, два и, редко, три скелета; присутствие в погребении как керамики высокого качества местного изготовления, так и посуды более грубой выделки, явно импортной, при этом набор сосудов, преимущественно, связан с использованием на огне (кухонная керамика и курильницы); наличие в инвентаре оружия, элементов конского снаряжения; присутствие в погребениях бронзовых зеркал, алебастровых амулетов.

Приведенные отличия и анализ археологических комплексов коллективных погребений указанных могильников свидетельствует о том, что в катакомбах Культобе погребены, преимущественно, представители оседлого населения (о чем свидетельствует явно земледельческий облик сопровождающего погребального инвентаря), а в катакомбах Кылышжара – номады, о чем не менее убедительно говорит соответствующий набор вооружения и иные, характерные для кочевников артефакты. Наблюдается вполне реальная социальная, и, возможно, этническая «специализация» Культобинского и Кылышжарского некрополей, которые как ритуальные объекты обеспечивали потребности, по крайней мере, двух ключевых групп древнего населения Южного Казахстана – оседлых земледельцев и кочевников-номадов.

Все перечисленное в контексте тех реалий, что катакомбы арысской культуры фактически функционировали как семейные, клановые или родовые склепы позволяет рассматривать их как погребальные сооружения, оставленные, с одной стороны, автохтонным оседло-земледельческим населением Южного Казахстана, а с другой – номадами, которые оказались в бассейне Средней Сырдарьи и р. Арысь в результате миграций. И те, и другие в первых веках до нашей эры – первых веках нашей эры входили в состав государства Кангуй и жили в многочисленных оазисах предгорной и горной зон Южного Казахстана. Судя по находкам культобинского письма, они были ираноязычными (говорили на одном из восточных диалектов древнеиранского языка), знали арамейский алфавит и письменность (Sims-Williams 2009: рис. на стр. 145, 156). Что касается этнической атрибуции коллективных погребений в катакомбах, то она связана с сармато-суннским кругом племен.

- Алексеева 1984 – *Алексеева Е. М.* Бусы и подвески // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 237–241 (Археология СССР).
- Вайнберг, Левина 1992 – *Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Чирикбадская культура в низовьях Сыр-Дарьи // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 47–61 (Археология СССР).
- Дашевская 1989 – *Дашевская О. Д.* Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 125–147 (Археология СССР).
- Давыдова, Миняев 1987 – *Давыдова А. В., Миняев С. С.* Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 184–187.
- Левина, Довгалюк 1995 – *Левина Л. М., Довгалюк Н. П.* Бусы из джетысарских памятников // Низовья Сыр-дарьи в древности. М., 1995. Вып. V. Джетысарская культура. Ч. 5. С. 202–228.
- Мошкова 1989 – *Мошкова М. Г.* Среднесарматская культура. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 177–202 (Археология СССР).
- Обельченко 1972 – *Обельченко О. В.* Агалыксайские курганы // ИМКУ. 1972. Вып. 9. С. 56–72.
- Обельченко 1973 – *Обельченко О. В.* Курганы в окрестностях Самарканда // Афрасиаб. Ташкент, 1973. Вып. II. С. 157–172.
- Подушкин 2000 – *Подушкин А. Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э.–VI в. н. э. Туркестан, 2000.
- Подушкин 2006 – *Подушкин А. Н.* Программа «Археологические и письменные памятники государства Кангуй II в. до н. э. – IV в. н. э.»: итоги и перспективы реализации // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. Вып. 2. С. 208–229.

- Подушкин 2007 – *Подушкин А. Н.* Некоторые итоги археологического исследования могильника Кылышжар в 2007 году // Кадырбаевские чтения–2007: Мат-лы Междунар. науч. конф. Актобе, 2007. С. 138–144.
- Смирнов 1989 – *Смирнов К. Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 165–177 (Археология СССР).
- Симоненко 2010 – *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб, 2010.
- Sims-Williams 2009 – *Sims-Williams N.* The sogdian inscriptions of Kultobe: text, translation and linguistic commentary // Тр. Центрального Музея. Алматы, 2009. Т. II. С. 153–171.

В. П. Никоноров (Санкт-Петербург, Россия)

Перун Зевса на «Дальнем Востоке» античного мира

Греко-македонское завоевание «Дальнего Востока» ойкумены (т. е. областей Восточного Ирана, юго-западной части Центральной Азии и Северо-Западной Индии) в 330–325 гг. до н. э. не только оказало самое серьезное воздействие на его дальнейшее политическое и социально-экономическое развитие, но и в значительной степени повлияло на духовную культуру, в т. ч. религиозную идеологию, поскольку завоеватели принесли с собой туда привычные им формы культовых представлений и продолжали следовать им на протяжении всего времени своего военно-политического господства. Важной составной частью этой культурной экспансии стало внедрение древнегреческой религиозной символики, засвидетельствованное, прежде всего, изображениями на монетах греко-бактрийских и индо-греческих царей, а также памятниками искусства из Парфии и Бактрии.

В настоящей работе будет затронут только один аспект означенной проблемы, а именно, распространение на указанной территории одного из важнейших атрибутов главы олимпийского пантеона богов Зевса и одновременно его главного оружия, называвшегося в древнегреческих письменных источниках «керавн» (*κεραυνός*). На русский язык данный термин переводится как «громовой удар», «гром», «молния», «перун». В эллинской иконографии это оружие сверхъестественного происхождения было представлено в виде массивного, заостренного с обеих сторон стержня, символизировавшего, собственно, удар грома, который часто дополнялся несколькими изогнутыми прутьями-молниями, – такая конструкция керавна обычно именуется в исследовательской литературе «пучок/связка молний». Иногда этот божественный атрибут изображался с одной или двумя парами крыльев – в таких случаях к нему добавляется эпитет «крылатый». В самой Греции культ Зевса Громовержца сложился не позднее VIII в. до н. э., а многочисленные изображения его небесного оружия присутствуют в монетных выпусках, вазописи и скульптуре архаической, классической и эллинистической эпох (Jacobsthal 1906: 10–49; Cook 1925: 722–824; Agafat 1990; Sibley 2009: 70–112) (рис. 1, 1). Особый импульс воплощению перуна в иконографической традиции был получен при Александре Македонском, который под влиянием грандиозности своих военных подвигов начал рассматривать себя (и уже при жизни почитаться) в качестве сына Зевса, а его облик на монетах и произведениях искусства стал дополняться атрибутикой, присущей его божественному «родителю» (Stewart 1993: 95–102, 191–209, fig. 65–70; Holt 2003: 118–124, fig. 5, pl. 2–5) (рис. 1, 2). С тех пор керавн Зевса получил статус символа военной мощи и высшей политической власти, освященного божественным авторитетом.

Судьба перуна в восточных областях эллинистического мира не была одинаковой. В иконографии собственно Ирана он не нашел сколько-нибудь заметного отражения. Для западной его части известны только изображения крылатых связок молний на монетах, чеканенных селевкидским царем Деметрием I (162–150 гг. до н. э.) и парфянским государем Митридатом II (ок. 123–88 гг. до н. э.) в Сузах – главном городе Сузианы/Элимаиды (Le Rider 1965: 56, 71, 83, 86–87, 90, 133, 141, 181, 184, pl. III/39; VII/75, 5–8; XI/108, 3–4; XII/118, 1–3, 123, 1, 3–6; XIV/139, 1, 6–9; XXIII/292, 1; XXIV/292, 2; XXVII/A; XXXV/407; XXXVI/416; Sellwood 1971: No 23/6, 27/17) (рис. 1, 3–4). Столь же малочисленны свидетельства о бытовании рассматриваемого атрибута главы

Рис. 1: 1 – Зевс Громовержец на греческой краснофигурной вазе раннеклассического периода (по Arafat 1990); 2 – т. н. медальон Пора Александра Македонского (по Holt 2003); 3–4 – селевкидская и парфянская монеты из Суз (по Le Rider 1965); 5 – фрагмент изображения на ритоне из Старой Нисы (по Массон, Пугаченкова 1959); 6 – голова скульптуры из Старой Нисы (по Пилипко 1989); 7–15 – монеты греко-бактрийских и индо-греческих царей, соответственно, Диодота, Гелиокла I, Архебия, Антиалкида, Антимаха I, Деметрия III, Менандра I, Стратона I и Стратона II (по Voregarachchi 1991); 16 – фрагмент статуи из Ай-Ханум (по Bernard 1969); 17–18 – деталь мебели из слоновой кости и бронзовая пластинка из Ай-Ханум (по Francfort 1984); 19 – терракота из Кампыртепа (по Nikonogov 2012)

олимпийских богов и для Парфии – области на северо-востоке Ирана, где зародилась империя парфянских Аршакидов. Так, пучки молний сопровождают образ Зевса, запечатленный на некоторых из знаменитых ритонов (II в. до н. э.), найденных в т. н. Сокровищнице Старой Нисы (Массон, Пугаченкова 1956: табл. VIII, 2; XV, 1; XXIX, 1; XXXII, 2; LIII, 2; 1959: 76, 88, 102, 104, 131, 153, 157, 159, 183, 185) (рис. 1, 5). Однако эти ритуальные сосуды для питья вряд ли были изделиями парфянских мастеров и попали в хранилище Аршакидов, скорее всего, из греческой Бактрии (Ghirshman 1962: 30, Barnett 1968: 49, Bernard 1985: 89–91). В другом раскопанном объекте Старой Нисы, т. н. Здании с квадратным залом, была обнаружена голова мужской глиняной статуи в шлеме греческого типа с нащечниками, украшенными рельефными изображениями керавна с крыльями (Пилипко 1989: 170, 174, рис. 1, 2, 5, 7–8; Pilipko 1995: 17, pl. III; IV) (рис. 1, 6). Не вызывает сомнения тот факт, что эта скульптура была изваяна греческим мастером, причем не позднее II в. до н. э., и, что не менее важно, – шлем на ней принадлежит не парфянскому, а эллинистическому (вероятно, селевкидскому) комплексу защитного снаряжения. Другими словами, в пределах Парфянской державы немногочисленные известные изображения перуна Зевса были явно заимствованы из греческой культурной среды, тогда как в религиозных представлениях самих парфян, которые, как и другие, подвластные им ираноязычные народы, в большинстве своем исповедовали зооастризм, культу главного эллинского бога не нашлось места.

Иначе обстояло дело в Бактрии с ее многочисленным греческим населением, обосновавшимся там еще со времени среднеазиатского похода Александра Македонского, а также в областях за Гиндукушем – Паропамисадах и Арахозии и в Северо-Западной Индии, где бактрийские греки, начиная со II в. до н. э., установили свой политический контроль. Уже первые цари Греко-Бактрийского царства, Диодот I и его сын Диодот II (примечательно, что их имя буквально означает «данный Зевсом»), правившие в период с ок. 250 по 230 гг. до н. э., в качестве символа своей власти избрали изображение идущего влево Зевса с щитом-эгидой в левой руке и перуном, занесенным для броска, в правой. Этот образ размещен на реверсе большинства их монет (Borearachchi 1991: 41–46, 147–150, 153, pl. 1, sér. 1–7; 2, sér. 16; Holt 1999: 87–106, pl. 7–16; Kovalenko 1996) (рис. 1, 7). Позднее данный монетный тип был воспроизведен в коммеморативных выпусках Агафокла (ок. 190–180 гг. до н. э.), возглавлявшего Паропамисады, и Антимаха I (ок. 185–170 гг. до н. э.), чьи владения охватывали часть Бактрии и Арахозию (Borearachchi 1991: 56–62, 177–178, 187, pl. 8/sér. 13–15, 10, sér. 9; Holt 1999: 68, pl. 3–5). Зевс, стоящий фронтально и держащий связку молний в правой руке и скипетр в левой, показан на реверсе монет Гелиокла I (ок. 145–130 гг. до н. э.), последнего царя Греко-Бактрии (Borearachchi 1991: 74–76, 222–224, pl. 24–26, sér. 1–2) (рис. 1, 8), а также Гелиокла II (ок. 110–100 гг. до н. э.) и Деметрия III (ок. 100 г. до н. э.), правивших в Гандхаре и Западном Пенджабе (Ibid.: 97–99, 281–283, 287, pl. 42, sér. 1–6; 43, sér. 1–2). Близкий образ Зевса – изображенного в полный рост и в три четверти влево, но не в статичной позе, а в момент метания перуна – мы видим на оборотной стороне монет Архебия (ок. 90–80 гг. до н. э.), осуществлявшего контроль над той же территорией (Ibid.: 110–112, 319–323, pl. 50–51, sér. 1–10) (рис. 1, 9). На аверсе бронзовых выпусков Антиалкида (ок. 115–95 гг. до н. э.), царствовавшего в Паропамисадах и Арахозии, изображен бюст Зевса вправо, сжимающего керавн в правой руке (Ibid.: 95–97, 277–280, pl. 41, sér. 14–17; 42, sér. 1) (рис. 1, 10).

Упомянутые уже выше Антимех I и Деметрий III чеканили, в т. ч., и монеты, на реверсе которых присутствуют только пучки молний – соответственно горизонтально и вертикально расположенные (Ibid.: 186–187, 287, pl. 10, sér. 6–8; 43, sér. 3) (рис. 1, 11–12).

Перун занимал особое место в индо-греческой монетной иконографии Афины, где она часто изображалась в полный рост и в профиль влево (иногда вправо), облаченной в доспехи и держащей щит в одной руке и поднятый для броска керавн – оружие ее божественного отца Зевса – в другой. Впервые в таком виде богиня предстает на оборотной стороне монет Менандра I (ок. 155–130 гг. до н. э.) – самого могущественного индо-греческого монарха (Ibid.: 76–88, 227–237, 239, 240, pl. 26–30, sér. 3–16; 31, sér. 21, 23) (рис. 1, 13). Образцом для них могли послужить более

Рис. 2: 1–2 – монеты индо-сакского царя Мауэса (по Mac Dowall 2007; Gardner 1886); 3–5 – монеты индо-сакского государя Аза I (по Gardner 1886; Mac Dowall 2007); 6 – изображение на монете сакского сатрапа Раджувулы (по Cribb 1985); 7–8 – изображения на монетах индо-парфянского царя Гондофара (по Senior 2001; Cribb 1985); 9 – монета индо-парфянского правителя Убузана (по Cribb 1985); 10 – монета Западного Кшатрапа Нахапаны (по Senior 2001); 11 – юечжийское подражание монете Гелиокла I (по Mac Dowall 2007); 12 – монета кушанского правителя «Сотера Мегаса» (по Зеймаль 1983); 13–14 – монеты кушанского царя Хувишки (по Rosenfield 1967); 15 – скульптурное изображение Ваджрапани-Геракла из Хадды в Афганистане (по Tarzi 1976); 16 – Ваджрапани-Геракл на фрагменте гандхарского рельефа из собрания Британского музея (по Cribb 1997); 17 – гандхарская скульптура из собрания Пешаварского музея (по Zin 2009)

ранние по времени монетные эмиссии, выпущенные на западе эллинистического мира – в Македонии, Беотии, Афинах и Ликии (Cook 1940: 819–820, 868–871, fig. 627, 702–704, 710–711; Voutiras 1998: 127, fig. 9, 10). В литературе образ Афины на монетах Менандра обычно отождествляется с богиней, имеющей эпитет «Алкидема» (Alcidemos: Liv. XLII, 51 [rec. W. Weissenborn]), что означает «Защитница народа», культ которой в эллинистическую эпоху был популярен в македонской столице Пелле, где, вероятно, находился посвященный этой богине храм с ее статуей (Brett 1950; Vorearachchi 1991: 86–87; Mac Dowall 2007: 242, 248). Впрочем, учитывая тот факт, что на монетах самой Пеллы Афина вооружена копьем, а не перуном (Cook 1940: 869–870, fig. 705–706), эта идентификация может быть принята только условно.

После смерти Менандра I и распада его державы реверсное изображение мечущей молнии Афины продолжало использоваться в чеканах греческих властителей, правивших в областях на северо-западе Индийского субконтинента – прежде всего, жены Менандра Агафоклеи и их сына Стратона I в период совместного царствования последних (ок. 130–125 гг. до н. э.) и Стратона I уже в качестве единоличного государя (ок. 125–110 гг. до н. э.) (Vorearachchi 1991: 88–93, 252–263, pl. 35, sér. 5, 6 [Агафоклея и Стратон I], 35, sér. 1–13 [Стратон I]; 36, sér. 13–21, 23–26; 37, sér. 27, 28), а также многих других индо-греческих царей вплоть до самого последнего из них, Стратона II (ок. 25 г. до н. э.–10 г. н. э.) (Ibid.: 99, 102–103, 106–108, 135–141, 286, 303, 305, 310–311, 346–348, 361, 363–365, 368–369, 371, pl. 43, sér. 1, 2; 47, sér. 13; 48, sér. 1; 49, sér. 1; 61, sér. 1–3; 69, sér. 1, 2, 6) (рис. 1, 14–15). Интересно, что наряду с наиболее распространенным, каноническим обликом Афины «Алкидемы», т. е. показанной строго в профиль (рис. 1, 13, 15), некоторые монеты Стратона I и Никия (ок. 90–85 гг. до н. э.) воспроизводят ее фигуру в три четверти влево (рис. 1, 14).

Свидетельства популярности перуна как атрибута Зевса в эллинистической Бактрии не ограничиваются лишь нумизматическими материалами. Его изображения встречаются на ритонах из Старой Нисы (рис. 1, 5), изготовленных, вероятно, в греко-бактрийской мастерской (см. выше), а также на других памятниках искусства из Бактрии. Так, из целлы т. н. «Храма с уступчатыми нишами», раскопанного в эллинском городе Ай-Ханум на левом берегу Амударьи, происходит скульптурный фрагмент в виде части ступни с одетой на нее сандалией, декорированной крылатой связкой молний (Bernard 1969: 338–341, fig. 15–16; Grenet 1991: 148, fig. 2) (рис. 1, 16). Надо полагать, что он принадлежал стоявшей здесь же колоссальной статуе Зевса, исполненной в лучших греческих традициях. В святилище этого же храма были обнаружены две пластинки – одна из слоновой кости, а другая из бронзы, несущие на себе изображения керавнов (Francfort 1984: 12, 56, pl. 10, no 10; II, no 10; XX, no 26) (рис. 1, 17–18). Кроме того, имеются сведения о кольце, предположительно также найденном в Ай-Ханум, которое было украшено таким же культовым символом (Vorearachchi, Flandrin 2005: 111–112).

Раскопки на цитадели городища Кампыртепа, расположенного на правобережье Амударьи, недалеко от г. Термеза, выявили уникальную терракотовую плитку с рельефным изображением воина, стоящего под аркой (рис. 1, 19). Стратиграфические условия нахождения этого произведения коропластики и анализ показанных на нем предметов вооружения позволяют датировать его временем правления греко-бактрийского царя Евкратида I (ок. 170–145 гг. до н. э.). Боевое снаряжение персонажа на терракоте сочетает в себе греческие и кельтские элементы – к последним относится большой овальный щит типа «тюреос», эмблема на котором представляет собой стилизованное изображение крылатого пучка молний (подробно см. Nikonov 2012).

Нет ничего удивительного в том, что в греко-бактрийской и индо-греческой монетной иконографии значительное место занимала эллинская религиозная тематика. Греки, жившие в областях индо-иранского приграничья, поклонялись богам олимпийского пантеона, пусть порой и в форме синкретических верований, тогда как коренное население могло исповедовать культы своих божеств под видом иноземных. Однако эллинские боги не исчезают с монет Бактрии и Северо-Западной Индии и после прекращения там греческого господства. Так, индо-саки (сакские племена), пришедшие в самом начале I в. до н. э. из Центральной Азии и постепенно установившие свой

политический контроль в долине Инда и Пенджабе, который они осуществляли примерно до 30 г. н. э., в основном следовали стандартам и образцам индо-греческого монетного дела. В области религиозной политики они, будучи сами приверженцами зороастризма, проявляли терпимость к адептам местных религий, в т. ч. и эллинской, и даже оказывали им покровительство. В результате божества олимпийского пантеона занимали самое видное место в монетном чекане индо-саков (Puri 1994: 203–204, 206–207; Mac Dowall 2007: 249–254). Среди монет первого индо-сакского государя Мауэса (ок. 90–80 гг. до н. э.) имеются два выпуска, изображения на которых уникальны для всей древнегреческой нумизматики. На аверсе одного из них показан Зевс, сидящий на троне и держащий правой рукой за плечо персонаж маленького роста, из-за фигуры которого выступает высокий перун (Gardner 1883: 210, pl. XIV, 24; 1886: lviii, 70, no. 12–13, pl. XVI, 9; Cook 1925: 783–784, fig. 744–745; Senior 2001: iss. 19; Mac Dowall 2007: 252, fig. 9, 64; Fröhlich 2009: 61, fig. 2) (рис. 2, 1). Эта загадочная комбинация «персонаж-перун» обычно интерпретируется исследователями как антропоморфная персонификация оружия Зевса, но, как бы там ни было на самом деле, главное заключается в том, что она более не известна ни по каким другим источникам. На лицевой стороне монет второй редкой эмиссии Мауэса показан морской бог Посейдон, мечущий керавн – совершенно не свойственное ему оружие, поскольку его главным атрибутом всегда был трезубец (Gardner 1886: 71, no. 17, pl. XVII, 2; Senior 2001: iss. 27; Srivastava 1996: 328–329, pl. XIII, 3–5; Fröhlich 2009: 62) (рис. 2, 2). Аналогии этому индо-сакскому Посейдону Громовержцу встречаются только на немногочисленных монетных эмиссиях второй половины V в. до н. э. из Мессины (Сицилия) и Посейдонии (Южная Италия) (Cook 1925: 794–795, fig. 757, 764).

Перун также фигурирует на монетах последующих индо-сакских правителей, чеканенных по типам оборотных сторон эмиссий греко-бактрийских и индо-греческих царей, а именно: Гелиохла I и Архебия с изображениями Зевса, керавн которого, соответственно, опущен (рис. 1, 8) и поднят (рис. 1, 9), и Менандра I – с Афиной «Алкидемой» (рис. 1, 13, 15). Монеты первой группы выпускали Вонон совместно с Спалахором, Спалагадамом и Спалирисом, сам Спалирис, Спалирис совместно с Азом I и сам Аз I (Gardner 1886: 73, no. 2–5; 98, no. 1–5; 99, no. 1–4; 100, no. 1–2; pl. XVII, 9–10; XXI, 7–8, 10; XXII, 1, 3; Senior 2001: iss. 65, 67, 70–71, 74, 80, 89; Fröhlich 2008: 90, sér. 1–2; 91, sér. 1; 93, sér. 1–2; 100, sér. 6; 101, sér. 7; pl. 3, 24–29, 39, 40; 5, 61; 6, 62–64; 9, 119–121; 10, 122–125) (рис. 2, 3), второй – Аз I (Gardner 1886: 73, no. 6–7, pl. XVII, 11; Senior 2001: iss. 88; Fröhlich 2008: 100, sér. 4–5, pl. 9, 117, 118; Mac Dowall 2007: 252, fig. 9, 58) (рис. 2, 4) и третьей – Азилис и Аз I (Gardner 1886: 78, no. 56–69, pl. XVIII, 2, 3; Senior 2001: iss. 50, 90; Fröhlich 2008: 101–102, sér. 8–9, pl. 10, 126–142; 11, 143–145; Mac Dowall 2007: 252, fig. 9, 57) (рис. 2, 5).

Раджувула, сакский сатрап Матхуры, ок. 10 г. н. э. захватил последний оплот греков в Индии – царство Стратона II в Восточном Пенджабе (Джамму) и стал чеканить свои монеты с Афиной «Алкидемой» на реверсе по типу драхм побежденного Стратона (рис. 1, 15). Изображения на них вооруженной керавном богини (Allan 1936: 185–186, no. 98–112, pl. XXVI, 7–11; Cribb 1985: 282, fig. 33, 1–4; Senior 2001: iss. 151–152; Mac Dowall 1977: 189–190) (рис. 2, 6), как и на их прототипах, сильно искажены вследствие деградации искусства местных резчиков монетных штемпелей, начавшейся еще в поздний индо-греческий период. От индо-саков территория Джамму перешла под контроль индо-парфян (новой волны иноземцев-завоевателей в лице сако-парфян из Сакастана/Дрангианы) во время правления самого могущественного их царя Гондофара (ок. 20–45 гг. н. э.). Индо-парфянские правители наладили там выпуск медных драхм по типу монет Раджувулы, причем со столь же низким художественным уровнем воспроизведения облика Афины (Cribb 1985: 282–290, fig. 33, 5–9, 34–35; Senior 2001: iss. 222; Mac Dowall 2007: 255, fig. 9, 76; Gardner 1886: 103, no. 4–7, pl. XXII, 7; Vorearachchi 1998: 390) (рис. 2, 7–9).

Другая, отличная от индо-саков группировка кочевых племен центральноазиатского происхождения под общим наименованием юечжей в последней трети II в. до н. э. ликвидировала власть греков в Бактрии и обосновалась на правом берегу Амударьи. Для нужд местного денежного рынка юечжи чеканили подражания тетрадрахам и драхам последнего греко-бактрийского

царя Гелиокла I (рис. 1, 8) – с головой правителя на аверсе и Зевсом, стоящим в полный рост и держащим пучок молний в опущенной правой руке, на реверсе (Массон 1956; Зеймаль 1983: 110–128, табл. 13–15; Senior 2001: iss. A21; Mac Dowall 2007: 256, fig. 9, 77) (рис. 2, 11). Эти имитации имели хождение с конца II в. до н. э. по I в. н. э. Впрочем, несмотря на то, что образ Зевса на них в целом был заимствован с греческих монет, на некоторых экземплярах присутствует такая новая иконографическая черта как лучистый нимб вокруг головы. Это, в свою очередь, наводит на мысль о синкретическом, греко-иранском характере изображаемого божества, которое, возможно, воспринималось населением юечжийской Бактрии как Зевс-Митра (Mac Dowall 2007: 256). К подражаниям типа «варварский Гелиокл» восходят монеты одной из групп чекана безымянного кушанского государя с титулом «Сотер Мегас» («Великий Спаситель»), на оборотной стороне которых была выбита похожая фигура Зевса с перуном (Зеймаль 1983: 120–121, 162–163, табл. 19/ХП.01; Gardner 1886: 116, no 23–25, pl. XXIV, 5; Senior 2001: iss. B15) (рис. 2, 12). Согласно новейшей гипотезе, предложенной авторитетным нумизматом О. Бопераччи, этот царь-узурпатор правил в Кушанской империи в период с 92/97 по 110 г. (Bopparachchi 2008).

Изображения олимпийских богов и их атрибутов на монетах индо-саков, индо-парфян и юечжей, по сути, просто копировались (с той или иной степенью точности и качества воспроизведения) с греко-бактрийских и индо-греческих оригиналов. Это и понятно, поскольку в таком виде монеты завоевателей были вполне привычны для жителей покоренных ими территорий, где развитое денежное обращение сложилось еще в эпоху греческого господства, да и вера в эллинских богов имела в их среде давние традиции. Другое дело сами пришельцы из Центральной Азии и Восточного Ирана, для которых религиозная символика греческого происхождения была попросту чуждой. Исключений тут немного: в частности, это упомянутые выше новшества на двух уникальных эмиссиях Мауэса и на некоторых экземплярах «варварского Гелиокла». Сюда следует добавить еще два примера, касающихся, что особенно важно, перуна Зевса, а именно, его отображения в монетных выпусках двух других групп иноземцев – шакских (сакских) по происхождению Западных Кшатрапов и вышедших из юечжийской среды кушан. Западные Кшатрапы с именами Бхумака и Нахапана (отец и сын) из династии Кшахаратов, контролировавшие ряд областей на западе Индии, включая Гуджарат, чеканили монеты с несколько стилизованными изображениями перуна и стрелы, очевидно, избрав их эмблемой своего рода (Rapson 1908: xcvi, cvii, clxix, 63–67, pl. IX, 237–252; Senior 2001: iss. 301–308, 310, 311; Rosenfield 1967: 131, pl. XV, 283; Зеймаль 1975: 8, № 1, рис. 1, 1) (рис. 2, 10). Время правления Нахапаны одни исследователи помещают в I в. н. э. (Cribb 1992), другие – в первой четверти II в. н. э. (Rosenfield 1967: 131; Зеймаль 1975: 8). Идея воспроизведения в поле монеты одного лишь (без божества) вертикально стоящего керавна могла быть заимствована Кшахаратами из чекана индо-греческого царя Деметрия III (рис. 1, 12).

В кушанскую эпоху в Бактрии и Северо-Западной Индии произошли серьезные изменения в государственной религиозной политике, наглядно засвидетельствованные в монетной иконографии. Теперь многие эллинские боги, включая самого Зевса, уступили свое место иранским и индийским. У кушанских царей не было никакой необходимости освящать свою власть и военную мощь авторитетом главы Олимпа. Тем не менее, перун Зевса все же нашел свое отражение в одной из эмиссий царя Хувишки (150–188 гг. н. э.) с фигурой Виши-Шивы на оборотной стороне, где это кушано-индийское божество держит в своей правой поднятой руке связку молний (Cribb 1997: 17, 53, 59 [K1]; Zeymal 1997: 254, fig. 2.8, tabl. 2; Rosenfield 1967: 93, pl. VIII, 164) (рис. 2, 13). Впрочем, это единственное в кушанской нумизматике изображение громового оружия в типичном для греческой культовой иконографии виде. Серия «Сотера Мегаса» с Зевсом на реверсе (рис. 2, 12) не в счет, ибо она лишь подражает юечжийским выпускам «варварского Гелиокла». На других же монетах Хувишки, как и на монетах его предшественников Вимы Кадфиза (100/105–127 гг. н. э.) и Канишки I (127–150 гг. н. э.), тот же самый атрибут Виши-Шивы выглядит уже по-иному, напоминая своими внешними очертаниям песочные часы (Bopparachchi 2008: 6, no 2–4, 10, 11, 9, sér. II, III; 14, sér. VII; 22, dess. no 2–3; Cribb 1997: 14–17, 46, 51–54, 58, 60–61 [A1, A3, G1–G9, H1–H5, J1,

L1]; Zeymal 1997: 254, fig. 2, 4–7, tabl. 2; Rosenfield 1967: 92, pl. VIII, 158–163) (рис. 2, 14). Этот же предмет, именуемый на санскрите «ваджра» (два значения: «гром/молния» и «алмаз»), представлен и на памятниках гандхарской скульптуры II–IV вв. н. э., выступая в качестве оружия буддистского божества-охранителя по имени Ваджрапани («Держащий молнию»), который часто изображался в образе греческого Геракла (Flood 1989; Zin 2009; Tarzi 1976: 394–397, fig. 10–11; Cribb 1997: 34, 65, fig. 7) (рис. 2, 15–17).

- Зеймаль 1975 – *Зеймаль Е. В.* Монеты Западных Кшатрапов в коллекции Государственного Эрмитажа // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975. С. 4–20.
- Зеймаль 1983 – *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
- Массон 1956 – *Массон В. М.* Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла // Эпиграфика Востока. М., 1956. Вып. XI. С. 63–75.
- Массон, Пугаченкова 1956 – *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Парфянские ритоны Нисы. Из культурного наследия туркменского народа: Альбом иллюстраций. М., 1956.
- Массон, Пугаченкова 1959 – *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Парфянские ритоны Нисы. Ашхабад, 1959.
- Пилипко 1989 – *Пилипко В. Н.* Голова в шлеме из Старой Нисы // ВДИ. 1989. № 3. С. 167–177.
- Allan 1936 – *Allan J.* Catalogue of the Coins of Ancient India. London, 1936.
- Arafat 1990 – *Arafat K. W.* Classical Zeus: A Study in Art and Literature. Oxford; New York, 1990.
- Barnett 1968 – *Barnett R. D.* The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus // Iranica Antiqua. Leiden, 1968. Vol. VIII. P. 34–53.
- Bernard 1969 – *Bernard P.* Quatrième campagne de fouilles à Aï Khanoum (Bactriane) // CRAI. 1969 (Juillet–Octobre). P. 313–355.
- Bernard 1985 – *Bernard P.* Les rhytons de Nisa. 1: Poétesses grecques // JS. 1985 (Janvier – Septembre). P. 25–118.
- Bopearachchi 1991 – *Bopearachchi O.* Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991.
- Bopearachchi 1998 – *Bopearachchi O.* Indo-Parthians // Das Partherreich und seine Zeugnisse / The Arsacid Empire: Sources and Documentation. Beiträge des internationalen Colloquiums, Eutin (27.–30. Juni 1996). Stuttgart, 1998. P. 389–406.
- Bopearachchi 2008 – *Bopearachchi O.* Les premiers souverains kouchans: chronologie et iconographie monétaire // JS. 2008 (Janvier–Juin). P. 3–56.
- Bopearachchi, Flandrin 2005 – *Bopearachchi O., Flandrin Ph.* Le Portrait d'Alexandre le Grand: Histoire d'une découverte pour l'humanité. Monaco, 2005.
- Brett 1950 – *Brett A. B.* Athena ΑΛΚΙΔΗΜΟΣ of Pella // American Numismatic Society Museum Notes. New York, 1950. IV. P. 55–72.
- Cook 1925 – *Cook A. B.* Zeus: A Study in Ancient Religion. Vol. II: Zeus God of the Dark Sky (Thunder and Lightning). Part. 1: Text and Notes. Cambridge, 1925.
- Cook 1940 – *Cook A. B.* Zeus: A Study in Ancient Religion. Vol. III: Zeus God of the Dark Sky (Earthquakes, Clouds, Wind, Dew, Rain, Meteorites). Pt. 1: Text and Notes. Cambridge, 1940.
- Cribb 1985 – *Cribb J.* New Evidence of Indo-Parthian Political History // Coin Hoards. 1985. Vol. VII. P. 282–300.
- Cribb 1992 – *Cribb J.* Numismatic Evidence for the Date of the «Periplus» // Indian Numismatics, History, Art, and Culture: Essays in Honour of Dr. P. L. Gupta. Delhi, 1992. Vol. 1. P. 131–145.
- Cribb 1997 – *Cribb J.* Shiva images on Kushan and Kushano-Sasanian coins // Studies in Silk Road coins and culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday. Kamakura, 1997. P. 11–66.
- Flood 1989 – *Flood F. B.* Herakles and the «Perpetual Acolyte» of the Buddha: Some Observations on the Iconography of Vajrapani in Gandharan Art // South Asian Studies. London, 1989. Vol. 5. P. 17–27.
- Francfort 1984 – *Francfort H.-P.* Fouilles d'Aï Khanoum. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles. Paris, 1984.
- Fröhlich 2008 – *Fröhlich C.* Monnaies indo-scythes et indo-parthes du Département des monnaies, médailles et antiques: Catalogue raisonné. Paris, 2008.

- Fröhlich 2009 – *Fröhlich C.* A Study of some Deities in Indo-Scythian and Indo-Parthian Coinages // Migration, Trade and Peoples. European Association of South Asian Archaeologists: Proceedings of the 18th Congress (London, 2005). London, 2009. P. 60–72.
- Gardner 1883 – *Gardner P.* The Types of Greek Coins: An Archaeological Essay. Cambridge, 1883.
- Gardner 1886 – *Gardner P.* The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886.
- Ghirshman 1962 – *Ghirshman R.* Persian Art. The Parthian and Sassanian Dynasties, 249 B.C.–A.D. 651. New York, 1962.
- Grenet 1991 – *Grenet F.* Mithra au temple principal d’Aï Khanoum? // Histoire et cultes de l’Asie Centrale préislamique: Sources écrites et documents archéologiques: Actes du Colloque International du Centre national de la recherche scientifique (Paris, 22–28 novembre 1988). Paris, 1991. P. 147–151.
- Holt 1999 – *Holt F. L.* Thundering Zeus: The Making of Hellenistic Bactria. Berkeley; Los Angeles; London, 1999.
- Holt 2003 – *Holt F. L.* Alexander the Great and the Mystery of the Elephant Medallions. Berkeley; Los Angeles; London, 2003.
- Jacobsthal 1906 – *Jacobsthal P.* Der Blitz in der orientalischen und griechischen Kunst. Ein formgeschichtlicher Versuch. Berlin, 1906.
- Kovalenko 1996 – *Kovalenko S.* The Coinage of Diodotus I and Diodotus II, Greek Kings of Bactria // Silk Road Art and Archaeology. Kamakura, 1996. Vol. 4 [1995/96]. P. 17–74.
- Le Rider 1965 – *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l’histoire de la ville. Paris, 1965.
- Mac Dowall 1977 – *Mac Dowall D. W.* The Context of Rajuvula the Satrap // AAH. 1977. T. XXV. Fasc. 1–4. P. 187–195.
- Mac Dowall 2007 – *Mac Dowall D. W.* Coinage from Iran to Gandhāra – With special reference to divinities as coin types // On the Cusp of an Era: Art in the Pre-Kuṣāṇa World. Leiden; Boston, 2007. P. 233–265.
- Nikonorov 2012 – *Nikonorov V. P.* More about western elements in the armament of Hellenistic Bactria: the case of the warrior terracotta from Kampyr-tepe // Zwischen Ost und West – neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Darmstadt, 2012 (in press).
- Pilipko 1995 – *Pilipko V. N.* Clay sculptures from Nisa // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Firenze, 1995. P. 13–21.
- Puri 1994 – *Puri B. N.* The Sakas and Indo-Parthians // History of civilizations of Central Asia. Vol. II: The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Paris, 1994. P. 191–207, 527–529.
- Rapson 1908 – *Rapson E. J.* A Catalogue of the Indian Coins in the British Museum: Catalogue of the Coins of the Andhra Dynasty, the Western Kṣatrapas, the Traikūṭaka Dynasty, and the «Bodhi» Dynasty. London, 1908.
- Rosenfield 1967 – *Rosenfield J. M.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley; Los Angeles, 1967.
- Sellwood 1971 – *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. London, 1971.
- Senior 2001 – *Senior R. C.* Indo-Scythian Coins and History. Vol. II, III. Lancaster; London, 2001.
- Sibley 2009 – *Sibley J. T.* The Divine Thunderbolt: Missile of the Gods. Philadelphia, 2009.
- Srivastava 1996 – *Srivastava P.* Aspects of Ancient Indian Numismatics. Delhi, 1996.
- Stewart 1993 – *Stewart A.* Faces of Power: Alexander’s Image and Hellenistic Politics. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993.
- Tarzi 1976 – *Tarzi Z.* Hadda à la lumière des trois dernières campagnes de fouilles de Tapa-é-Shotor (1974–1976) // CRAI. 1976 (Juillet–Octobre). P. 381–410.
- Voutiras 1998 – *Voutiras E.* Athéna dans les cités de Macédoine // Kernos: Revue internationale et pluridisciplinaire de religion grecque antique. Liège, 1998. No 11. P. 111–129.
- Zeymal 1997 – *Zeymal E. V.* Visha-Shiva in the Kushan Pantheon // Gandharan Art in Context: East-West Exchanges at the Crossroads of Asia. New Delhi, 1997. P. 245–266.
- Zin 2009 – *Zin M.* Vajrapāṇi in the Narrative Reliefs // Migration, Trade and Peoples. European Association of South Asian Archaeologists: Proceedings of the Eighteenth Congress (London, 2005). London, 2009. P. 73–88.

Cultural Transfer in the Central Eurasian Steppes and Warfare of Arsacid Iran

One of the history's greatest paradoxes is the phenomenon that military needs always were an essential spur to develop technologies (by inventing new kinds of weaponry) and numerous aspects of culture. A diffusion of ideas and arms also resulted from peaceful contacts including trade, diplomatic relations, tributes, and bridal exchange. Thus, trade, migrations, diplomacy and military conflicts promoted mutual contacts and interference between different peoples. In particular, this applies to Iranian and Central Asian history determined by warlike nomadic peoples to a great extent (Olbrycht 1998). The present paper focuses on nomadic influences upon Arsacid Iran (247 B.C.–A.D. 226) in the form of some specific types of daggers and scabbards.

In Parthian Iran a new set of weapons was introduced which embraced – next to a bow and a quiver (*gorytos*) – a long sword and one or two daggers worn attached to the thighs. In the iconography of monuments in the Parthian empire (Shami, Susa, Hatra, Ashur), the daggers often are represented, as attached with straps to the warrior's thigh. The most common type of arms among the Parthian elite seems to have been the ring-pommel dagger worn in the elaborate scabbard. Genuine daggers of that type have been found in Tillyatepe (Afghanistan), ed-Dur (U. A. E.) and in the Sarmatian burials of the Caspian-Pontic steppes. Of special importance are the scabbards with four side projections (or applications). Ring-pommel daggers and elaborate scabbards, probably originating from Central Asia and southern Siberia, demonstrate the range of cultural interaction from Inner Asia up to Iran, Arabia, Palmyra in Syria and the Northern Pontic Sarmatian tribes.

Achaemenid soldiers used the so-called *akinakes* daggers and the «Elamite» daggers. The *akinakes* scabbards were fastened to the belt by means of a string from a loop in the form of the letter «P». The lower end of the scabbard, the chape, was fastened to the thighs. The «P» loop was hanged up with a strip or directly to the belt. The so-called «Elamite» daggers, with elaborate hilts, were carried at the belt and hidden in wide coats.

The most characteristic Parthian offensive weapon was the ring-pommel dagger (with some variations). Unlike Achaemenid Persians, Parthians usually used two daggers whose scabbards were often provided with four rounded projections intended for their attachment to the thigh by means of leather straps. The straps were led through holes in the projections. Sometimes the top pair of straps or an additional strap led to a belt hidden under the jacket, or to a strap suspended from the belt, allowing the top part of the scabbard to be fastened.

The best-known Parthian sculpture, the Prince from Shami, demonstrates typical Parthian costume and weapons (although the daggers have no ring-pommels). The figure is shown wearing a V-necked jacket/kaftan, trousers and leggings. The date of the sculpture is disputed – in my opinion a dating into the second half of the 1st c. B.C. is most probable.¹²⁰ The prince has two daggers attached at the right and left hip. The hilt of the right dagger is flat, tapering towards the top, without pommel. The grip of the second dagger is broken and shows no narrowing shape. About the cross-guards one can say nothing for they are hidden in the scabbards that are partially covered with trousers. At each scabbard, two oblong projections are visible provided with knobs covering holes for straps. The scabbards have such projections on both sides respectively, thus each scabbard must have been provided with four side projections. Straps fastening the scabbards at the thighs are visible at the lower projections. The upper projections may have been fastened at the jacket but this seems improbable. No strap connecting the scabbard and the belt is visible, but the sculptor was perhaps not specific about such details. The strap may have been hidden under the jacket.

¹²⁰ Dates range from the 2nd c. B.C. to the 2nd c. A.D., see Mathiesen 1992: vol. II, 166–167; Kawami 1987: 63 (50 B.C.–A.D. 50).

Dagger scabbards with four side projections are depicted on several Parthian reliefs. So, a relief showing a standing Parthian prince with a long sword was discovered at Ashur. He has a dagger at each hip (Mathiesen 1992: vol. II, 191–192, cat. no 160). The scabbards are provided with four side applications. The pommels seem to be drop-shaped. The sculpture is firmly dated to the early 1st c. A.D. (Mathiesen 1992: vol. II, 190–191, cat. no 158–159). Other representations of Parthian daggers and scabbards in sculpture include reliefs and round sculptures from Masjed-e Soleiman, Susa, and Hatra (Winkelman 2003; 2009).

For any analysis of Parthian weapons numismatic material is of particular importance. The Arsacids often showed themselves with weapons as important royal insignia on their coins. In the early Arsacid period the most essential emblem was the bow as a badge of royal power. Under Orodes II (57–38 B.C.), the daggers began to be presented as a special royal attribute (Winkelman 2007). At first, the ring-pommel daggers appeared, whose scabbards were usually provided with four rounded applications at sides and one at the chape. This type can be seen on the coins of Orodes II, Phraates IV, Phraatakes, and Artabanos II, i. e. within the period from 60 B.C. to 40 A.D. Of a next type were daggers with a drop-shaped or slightly thickened grip. They appeared on coins of Phraates IV, Phraatakes, Gotarzes and Vologases I, i. e. ca. 40 B.C.–A.D. 80. The scabbards show four side oblong projections and one application at the chape. Of another type were daggers with disc-shaped or spherical pommels, known from the coins from Phraates IV to Gotarzes II (ca. 40 B.C.–A.D. 50). Their scabbards show four rounded disc applications provided sometimes with short legs. At the chape there is a disc or a rounded element.

In sum, Parthian coins demonstrate that since Orodes II the Arsacid kings began to show a specific dagger type as an essential royal attribute and symbol of power. In all likelihood, the daggers with four side applications or projections became a vehicle of monarchic ideas. How can we explain this innovation?

By and large, emblems on Parthian coins were vehicles of important propaganda statements in political ideology and its individual nature often reflected the political program of a Parthian ruler. Orodes II stemmed from the line of Sinatrukes (ca. 78/7–71/70 BC) who issued coins showing a tiara with stags. Sinatrukes ascended to Parthian throne with the help of the nomads called Sakaraukai, with whom he had previously stayed (Lucian. *Makrob.* 15). Stemming from Central Asia, the Sakaraukai were among the steppe tribes that invaded Bactria and Parthia in the second half of the 2nd c. B.C. Taking advantage of a turmoil in Parthia, they made the Arsacid Sinatrukes king of Parthia. The new king's tiara boasts emblems indicative of this development as they make references to religious symbolism of Central Asian nomadic tribes. Tiaras decorated with deers were used by Sinatrukes and his son Phraates III (see in detail Olbrycht 1997). But the patricide Orodes II, who murdered his father Phraates III, needed new royal emblems. While fighting for the Parthian throne, he was supported by the Suren clan and some nomadic peoples, probably including Yuezhi and Asioi clans from Bactria. Thus, if we look for the origins of the dagger types used by Orodes II (57–38 B.C.) and his successors, we must take into consideration the nomadic tribes of Central Asia which conquered Bactria and became neighbors of the Parthians (ca. 140–120 B.C.). In the light of available evidence until Orodes II no ring-pommel daggers and elaborate scabbards appeared in Parthian official art. However, it seems probable that the Parthians, having close contacts with the steppe peoples of Central Asia, knew ring-pommel daggers and scabbards with rounded applications before Orodes II. It was only under the Sinatrukids that the new weapons became popular as royal and elite attributes.

Aside from Iran proper, there is a number of sculptures in Kommagene showing splendid daggers in scabbards with four side applications. Kommagene, a country in eastern Anatolia on the Euphrates, was a small kingdom under Parthian political influence in the 1st c. B.C. One of the Kommagenian kings, Antiochus I (ca. 70–37 B.C.), erected several sanctuaries with outstanding sculptures showing him in conjunction with some heroes and gods. The king is often shown in an ornamented royal garb, with a scepter and a special crown. But aside from these insignia, an ornamented dagger is visible on the king's left thigh in most of the monuments. A ring-pommel dagger is clearly visible on the famous *dexiosis* relief representing Antiochus and Herakles-Verethragna. The scabbard decorated with floral motifs has four side disc applications ornamented with lions' heads. A similar application is at its chape. The upper

applications are connected to the belt by means of straps partially hidden under the ring-pommel dagger. Similar ring-pommel daggers are on several sculptures of Kommagene. Sporadically another type of dagger appears. On the relief showing Antiochus (wearing a unique torque) and Apollo-Mithras the dagger has a volute pommel resembling the antennae pommels of Sarmatian daggers. But the scabbard is of the usual type – with five rounded applications (Winkelmann 2003: Abb. 12).

Antiochus of Kommagene used different emblems and specific costumes to demonstrate his connections to the Achaemenids, the Seleucids and the Parthians. It is in this political context that the Parthian type dagger was introduced in Kommagene. We know that Orodes II of Parthia married a daughter of Antiochus of Kommagene (Dio Cass. 49. 23.4; SEG 1983: Nr. 1215). It seems that this alliance promoted a strong Parthian influence in Kommagene visible in royal attributes – the Kommagenian king adopted Parthian daggers as important vehicles of his ideology. A similar process of the adoption of Parthian-type daggers and Parthian garbs is visible in Hatra, Edessa, Palmyra and Armenia.

Genuine ring-pommel daggers and their depictions on figurines are known from ed-Dur (U. A. E.) in an area of the Persian Gulf coast under Parthian political supremacy (Delrue 2006). Furthermore, a Parthian-type dagger was discovered at the necropolis Tillyatepe in northern Afghanistan (ancient southern Bactria). In Tomb no. 4, where a prince was buried, the deceased had a dagger with a rounded pommel on his right side. The dagger has a bar cross-guard, its handle is covered with gold, hilt and scabbard are ornamented with scenes showing the mauling of beasts. The lower, holed, scabbard projections were intended for straps to attach to the thigh. The prince had to his left a sheath provided with two projections containing a short knife and two small daggers. Some similar sets of daggers and knives are known from nomadic tombs in Tuva and Mongolia in the 5th–3rd c. B.C. (Сарианиди 1989: 94–101, рис. 33–34). The high-status person buried in Tillyatepe in the second quarter of the 1st c. A.D. was probably a nomadic vassal of the Parthians.

Given intense contacts among nomadic steppe peoples it is not surprising to find ring-pommel daggers and richly decorated scabbards among Sarmatian tribes in the Northern Black Sea area. In the 3rd c. B.C., a ring-shaped pommel began to appear in the midst of the Sarmatians as part of a one-piece iron-hilt. This type became dominant from the 2nd c. B.C. to 2nd c. A.D. Ring-pommel daggers and swords had usually a short straight metal guard. The genesis of ring-pommel daggers seems to have been connected to the cultures of southern Siberia, Mongolia and eastern Central Asia in the first half of the 1st millennium B.C. (Скрипкин 2005: 171–181). But the ways of transfer to the west have not been scrutinized properly. The earliest firmly dated ring-pommel daggers in the Southern Urals and the northern Caspian area are dated to the 2nd c. B.C. (Там же: 182). From Sarmatian graves several richly decorated daggers are known, including the objects from Porogi, Dachi and Gorgippia (dated between the mid-1st and mid-2nd c. A.D.).

Daggers with ring pommels were used in the Bosphorus (now the Crimea, Ukraine, and the Taman peninsula, Russia) in the 1st and 2nd c. A.D. They are depicted on some funerary stelae stored at the Kerch Museum. In particular, such a dagger is seen on the Chrestion stele (1st c. A.D.). It has a straight guard and is attached to the thigh, its pommel is fastened to a strap on the hip. The scabbard is provided with side projections (Трейстер 2010). Chrestion proudly demonstrates his dagger and scabbard as his principal emblem and weapon. On the Atossos stele (first half of the 2nd c. A.D.) a ring-pommel dagger has a scabbard with side projections too (Там же).

In the light of the available data it is evident that the ring-pommel daggers were not employed in Achaemenid Iran. Likewise, there is no evidence that the Parthians made use of ring-pommel daggers in the early Arsacid period. At that time, their weapons were probably similar to those in the Ustyurt and Uzboi areas, close to the original homeland of the nomadic Dahae, who gave rise to the Parthian empire, and of their kindred tribes. In the 3rd–1st c. B.C., there were in use daggers with the antennae-, crescent- and bar-shaped pommels (Zuev, Ismagilov 1994; Zuev, Ismagil 1996; Юсупов 1986: 51). Sometimes, the double volute pommel (similar to the antennae type) appeared (Brentjes 1996: 27). The scabbards were attached to the thigh and to the belt. Within the Ustyurt and Uzboi areas, scabbards with rounded projections or medallions were in the absence.

Scabbards with projecting side attachments, usually in the form of discs or medallions, were widespread among the Pazyryk culture population. They were discovered at the sites like Ulandryk, Saygyulem, Yustyd and Barburgazy (Brentjes 1996: 25). The scabbards from Ulandryk and Yustyd, dated to the 5th–3rd c. B.C., had five projections with loops – one at the chape and four on both sides of the scabbard. They were made from wood, whereas the daggers from iron and copper. There were also models of scabbards and daggers. A number of those objects can be dated to the 3rd c. B.C. (Ibid.). Recently, several daggers and scabbards with four or five applications have been discovered in Mongolia. They belong to the period of the 5th to 3rd c. B.C. (Parzinger et al. 2009: fig. 22; Törbat et al. 2009: fig. 12–13).

Therefore, the ring-pommel daggers were invented in southern Siberia and Mongolia. Swords and daggers with ring-pommels appeared in western Kazakhstan, southern Urals and Uzbekistan during the 2nd c. B.C. For some time, they were used in parallel to the daggers with crescent pommels. The ring-pommel daggers and swords must have been introduced into Bactria after the great migrations of the Yuezhi, Saka and Asioi tribes in the second half of the 2nd c. B.C. at latest. The Parthians adopted ring-pommel daggers and medallion-scabbards as royal emblems in the first half of the 1st c. B.C.

Arsacid Iran faced a number of invasions from Central Asia, and the invading tribes sometimes brought new weaponry types which were then employed by the Parthians. The ring-pommel daggers and scabbards with side projections (or applications) well demonstrate to us that the types of armament migrated across the political boundaries and along the cultural movement paths. The ring-pommel daggers and ornamented scabbards became elite attributes in Parthia, Kommagene, Bactria and in the midst of the Sarmatians.

Brentjes 1996 – *Brentjes B.* Arms of the Sakas (and other tribes of the Central Asian steppes). Varanasi, 1996.

Delrue 2006 – *Delrue P.* Ring-pommel daggers from ed-Dur (Umm al-Qaiwain, U.A.E.): An archaeometallurgical and typological analysis // *Arabian archaeology and epigraphy*. Copenhagen; Oxford, 2006. Vol. 17, no 2. P. 201–213.

Kawami 1987 – *Kawami T. S.* Monumental Art of the Parthian period in Iran. Leiden, 1987.

Mathiesen 1992 – *Mathiesen H. E.* Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology. Aarhus, 1992. Vol. I–II.

Olbrycht 1997 – *Olbrycht M. J.* Parthian King's Tiara – Numismatic Evidence and some Aspects of Arsacid Political Ideology // *Notae Numismaticae (Zapiski Numismatyczne)*. Kraków, 1997. T. 2. P. 27–65.

Olbrycht 1998 – *Olbrycht M. J.* Parthia et ulteriores gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München, 1998.

Parzinger et al. 2009 – *Parzinger H., Molodin V., Tseveendorzh D., Bemann J.* New Discoveries in Mongolian Altai: The warrior grave of the Pazyryk Culture at Olon-Güüriin-Gol 10 // *Current Archaeological Research in Mongolia: Papers from the 1st Intern. Conf. on «Archaeological Research in Mongolia» held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd, 2007*. Bonn, 2009. P. 203–220.

SEG 1983 – *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Amsterdam, 1983. Vol. 33.

Törbat et al. 2009 – *Törbat T., Giscard P.-H., Dunbüree B.* First Excavations of Pazyryk Kurgans in Mongolian Altai // *Current Archaeological Research in Mongolia: Papers from the 1st Intern. Conf. on «Archaeological Research in Mongolia» held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd, 2007*. Bonn, 2009. P. 221–230.

Winkelman 2003 – *Winkelman S.* Eurasisches in Hatra? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse partherzeitlicher Bildquellen // *Orientalwissenschaftliche Hefte*. Halle/Saale, 2003. Ht. 9. S. 21–140.

Winkelman 2007 – *Winkelman S.* Waffen und Waffenträger auf parthischen Münzen // *Parthica: Incontri di cultura nel mondo antico*. Pisa; Roma, 2007. Vol. 8 [2006]. S. 131–152.

Winkelman 2009 – *Winkelman S.* Partherzeitliche Waffen und Waffenträger in Edessa und Umgebung // *Edessa in hellenistisch-römischer Zeit: Beiträge des Internationalen Edessa-Symposiums in Halle, Juli 2005*. Beirut, 2009. S. 35–64.

Zuev, Ismagil 1996 – *Zuev V. Ju., Ismagil R.* Frühsarmatische Steinstelen von Ustjurt und Mangyshlak, West-Kazachstan // *EA*. 1996. Bd. 2. S. 397–404.

- Zuev, Ismagilov 1994 – *Zuev V. Yu., Ismagilov R. B.* Ritual Complexes with Statues of Horsemen in the North-western Ustyurt // *New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 1994. P. 54–57.
- Сарианиди 1989 – *Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
- Скрипкин 2005 – *Скрипкин А. С.* Сарматские мечи с кольцевым навершием // *Тр. ГИМ*. 2005. Вып. 145. С. 171–185.
- Трейстер 2010 – *Трейстер М. Ю.* Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // *ДБ*. 2010. 14. С. 484–561.
- Юсупов 1986 – *Юсупов Х. Ю.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В. А. Дмитриев (Псков, Россия)

Между Ираном и Византией: возникновение Тюркского каганата и внешнеполитическая ориентация алан в 50-е–70-е гг. VI в.

Как и все могущественные державы, сасанидский Иран и Византийская империя в своей внешней политике реализовывали систему мероприятий, которую, используя терминологию Э. Люттвака, можно обозначить как «большая стратегия» (Luttwak 1979).¹²¹ Одним из наиболее важных аспектов «большой стратегии» двух крупнейших империй позднеантичного Ближнего Востока являлось вовлечение в орбиту своего влияния народов, проживавших в непосредственной близости от их границ. При этом особое значение имела борьба за привлечение на свою сторону тех этносов, территории расселения которых являлись сопредельными с владениями обеих держав одновременно. В VI в., в период обострения борьбы Византии и Ирана за преобладание в Передней Азии при персидском царе Хосрове Ануширване (531–579) и византийском императоре Юстиниане Великом (527–565), одним из таких народов оказались кавказские аланы.

В I–IV вв. н. э. ираноязычные племена алан занимали территорию от Нижнего Поволжья и Прикаспия на востоке до Приазовья на западе, северная граница ареала их расселения доходила до большой излучины Дона (Кузнецов 1992: 43, 56) (рис. 1). Первые попытки военного вмешательства алан в ситуацию на Кавказе относятся к I–первой половине II вв. н. э., когда ими были организованы три крупных похода (35–36, 72 и 135 или 136 гг.)¹²² в Закавказье (Габуев 1999: 31–46; Кузнецов 1992: 45–49). Судя по всему, ощутимым было присутствие алан на Кавказе и в III в. – не случайно в надписи верховного жреца сасанидского Ирана (мобедан-мобеда) Картира, жившего в середине–второй половине III в., в качестве особой заслуги покровительствовавшего ему царя Шапура I (241–272) сообщается об успешном рейде этого шаханшаха в направлении Аланских ворот (Дарьяльского прохода) (Габуев 1999: 65; Алемань 2003: 444). «Врата алан» как важный пункт на кавказском участке границы Ирана упоминается и в надписи самого Шапура I (Алемань 2003: 445–447). Примерно такая же ситуация – эпизодические нападения алан на территорию закавказских государств (прежде всего – Армении и Иберии, а также Персии) – сохранялась и на протяжении большей части IV в. (Габуев 1999: 46–54, 65).

Тем не менее, в течение четырех первых столетий н. э. вторжения алан не оказывали существенного влияния на геополитическую ситуацию в регионе. Этому способствовало то, что державы Передней Азии (с одной стороны – Римская империя, с другой – Парфянское царство и с первой половины III в. н. э. – сасанидский Иран) в течение указанного периода не предпринимали активных попыток вовлечь алан в орбиту своего влияния. Обусловлено это было, вероятно, нежеланием римлян и иранцев заручиться поддержкой алан или же отсутствием у них возможностей установить с аланами военно-политические контакты, а тем обстоятельством, что основные районы проживания алан до конца IV в. располагались на некотором отдалении от границ как Рима, так и Ирана (к северу от Кубани и Кумы), а их появления на рубежах обеих империй носили эпизодический характер (не более двух–трех значительных набегов в столетие).

Кроме того, вплоть до конца IV в. набег алан в большинстве случаев непосредственно не затрагивали владений Римской империи и сасанидского Ирана, поскольку путь аланским рейдам в

¹²¹ Понятие «большая стратегия» Э. Люттвак трактует в духе политического реализма – как «применение метода и избрательности в использовании как убеждения, так и силы <...> начиная с высших уровней государственного управления до военной тактики» (Люттвак 2010: 5; Luttwak 2009: ix).

¹²² 136 г. как альтернативную дату вторжения алан в римские владения предлагает С. М. Перевалов (2006: 321–322; 2010: 317–318).

Закавказье преграждало Армянское царство, являвшееся, таким образом, буферной зоной между аланами и Римом и Персией (Алемань 2003: 364). Однако положение серьезно изменилось в 387 г., когда произошел раздел Великой Армении между Римом и Ираном, причем большая (восточная и центральная) часть Армении вошла в состав Персидского царства. В результате при вступлении на территорию Закавказья аланы неизбежно оказывались во владениях Сасанидов, да и римские границы стали теперь более досягаемы для аланских рейдов. Это не могло не вызвать ответной реакции со стороны обеих держав, для каждой из которых аланы могли стать как полезными союзниками, так и опасными врагами.

И все же определяющее влияние на изменение в конце IV в. места и роли алан в системе международных отношений на Ближнем Востоке оказали другие процессы. К 370-м гг. на восточных границах территории, занимаемой аланами, появились орды гуннов. Часть алан оказалась вовлечена в начавшееся вскоре Великое переселение народов и затем, присоединившись к вандалам и готам, проникла в Западную Европу, дойдя до самой Испании, а оттуда, переправившись через Гибралтарский пролив, оказалась в Северной Африке, где в первой половине V в. возникло Королевство вандалов и алан, просуществовавшее до 533 г. (Кузнецов 1992: 62–84; об исторических судьбах западных алан см. также: Аланы... 1992; Сулимирский 2008: 166–179). В то же время дружная группировка аланских племен, уходя от прямого столкновения с гуннами, двинулась не на запад, а на юг и заняла районы Северного Кавказа южнее Терека и Кубани (Кузнецов 1992: 86). В результате аланы оказались в непосредственной близости от римских и персидских владений в Закавказье, и соперничество великих держав за привлечение воинственных кавказских соседей на свою сторону стало лишь вопросом времени.

Появление алан непосредственно на границах Византии и Ирана объективно способствовало возрастанию интенсивности их нападений на владения обеих империй (Кузнецов 1992: 88), особенно – Персии, которая в силу своего географического положения оказывалась первой жертвой аланских набегов. Согласно Табари, уже при шаханшахе Перозе (459–484) вторжения алан стали настолько серьезной проблемой, что он был вынужден воздвигнуть на кавказском участке границы систему пограничных укреплений (Шмидт 1958: 455). Однако набег не прекращались, и сыну Пероза – Каваду (488–531) пришлось «построить в этих местах еще много новых сооружений» (Шмидт 1958: 455; Кузнецов 1992: 88–90).

Такая активность алан на границе сасанидского Ирана, кроме традиционного стремления племенной верхушки к обогащению путем захвата добычи, обуславливалась еще и тем, что Персия к концу V–началу VI вв. была ослаблена как внутренними смутами (в первую очередь, маздакитским движением – Yarshater 1983: 159–161), так и напряженной борьбой на востоке – с эфталитами. Сам шаханшах Пероз ок. 469 г. потерпел крупное поражение в одной из битв с эфталитами, попал к ним в плен и сумел освободиться только ценой уплаты огромного выкупа; в 484 г., попытавшись организовать ответный поход против эфталитов, он вновь потерпел поражение и погиб (Yarshater 1983: 147–148; Fyfe 1984: 322).

Таким образом, Хосрову I Ануширвану проблема аланских вторжений с севера досталась от его предшественников в качестве своеобразного внешнеполитического наследства. С приходом Хосрова к власти ситуация в Иране быстро стабилизировалась (Yarshater 1983: 153–154), что создало благоприятные предпосылки и для перехода в наступление на внешнеполитическом фронте. Согласно «Шах-наме» Хосров организовал против алан крупную военную экспедицию, однако до открытого конфликта дело не дошло: как сообщает Фирдоуси, к царю прибыли представители аланской знати с дарами и просьбой о пощаде; они были прощены, но получили от Хосрова приказ воздвигнуть неприступный замок (вероятно, в Дарьяльском ущелье), окружить его мощной стеной и нести здесь охрану для предотвращения нападений других кочевников на территорию Ирана. В результате Хосрову удалось не только ликвидировать аланскую угрозу на своих северных рубежах, но и сделать алан своими союзниками (Firdausi 1915: 239–241; см. также: Алемань 2003: 461–463).

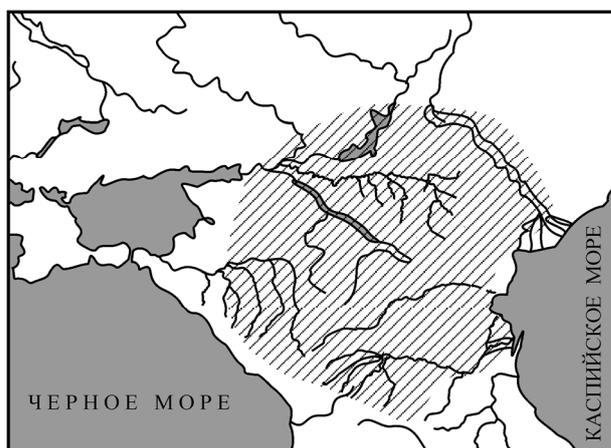

Рис. 1. Область расселения алан в I–IV вв. н. э. (по Исторический атлас Осетии 2002)

Сведения Фирдоуси в общих чертах согласуются с данными Табари, который писал, что, когда аланы и вступившие с ними в коалицию другие северокавказские племена вторглись на территорию персидских владений в Закавказье, царь «направил против них войска, которые вступили с ними в сражение и уничтожили всех, кроме 10 000 человек», которые были захвачены в плен и расселены в Азербайджане и прилегающих областях (Шмидт 1958: 455). При этом не вызывает сомнений факт, что аланам (в традициях «большой стратегии») был навязан союзный договор, предполагавший участие их в боевых действиях на стороне сасанидского Ирана. Об алано-персидском союзе сообщают и современники рассматриваемых событий. Так, Прокопий Кесарийский, говоря в своей «Войне с готами» о персидском вторжении 550 г. в Закавказье и упоминая в этой связи алан, прямо указывает на то, что «это племя независимое; по большей части оно было союзным персам и ходило походом на римлян и на других врагов персов» [Proc. Bell. VIII. 3. 4].¹²³ Агафий Миринейский, повествуя о событиях на Кавказе 556 г., упоминает аланов среди народов, враждебных Византии [Agath. IV. 9].

Однако к концу 50-х гг. VI в. этнополитическая обстановка в кавказском регионе серьезно осложнилась. В 530-х–540-х гг. в Центральной Азии возникла новая степная империя – Тюркский каганат, с первых же лет своего существования развивший активную экспансию как в восточном, так и западном направлении. Под натиском тюрков авары, эфталиты и другие народы степной полосы Евразии были вынуждены отходить на запад, в т. ч. – и по территории Предкавказья; по пятам за ними следовали тюрки, чья держава росла буквально на глазах (подробнее см. Гумилёв 2004: 24–39; Кляшторный 2005: 73–95). В результате аланы, чтобы избежать опасности, грозившей им со стороны воинственных аваров и их союзников, а также шедших за ними тюрков, в поисках сильного покровителя были вынуждены выбирать между Ираном, с которым их связывали союзнические отношения, и Византией. Трудно сказать, какими именно соображениями руководствовались аланские правители при осуществлении своего внешнеполитического выбора, однако

¹²³ Описывая в «Войне с персами» события годичной давности (т. е. 549 г.), Прокопий упоминает о том, что за вознаграждение в размере трех кентинариев (ок. 98,2 кг) золота аланы вместе с сабирами выразили согласие охранять от персидских вторжений границу союзной с Византией Лазики и совершить набег на Иберию, находившуюся под контролем Сасанидов [Proc. Bell. II. 29. 29]. Впоследствии, однако, золото было выплачено только сабирам [Proc. Bell. II. 30. 28], в связи с чем аланы, судя по всему, воздержались от антиперсидских действий. Исходя из незначительности подлежавшей выплате суммы (к тому же причитавшейся не одним аланам, а еще и сабирам), можно абсолютно уверенно говорить о том, что в данном случае Прокопий сообщает не обо всех аланах, а об относительно небольшом отряде аланских наемников, готовность которых за деньги служить интересам Византии была лишь отдельным частным эпизодом и не имела ничего общего с внешнеполитической ориентацией основной части аланских племен, вынужденных в это время дистанцироваться от Византии и следовать в фарватере персидской дипломатии.

в последние годы правления императора Юстиниана Великого и при его преемнике Юстине II (565–578) аланы упоминаются в источниках уже в качестве союзников Византии. В «Истории» Менандра Протектора содержится сюжет, в котором один из аланских вождей по имени Саросий (Σαρώσιος) (см. PLRE III: 1115) в 558 г. выступил в роли посредника между византийцами и аварами при заключении между ними военного союза. Как пишет Менандр, «авары после долгого скитания пришли к аланам и просили их вождя Саросия, чтобы он познакомил их с римлянами» [Men. Prot. Fr. 4]. Он же сообщает, что в 568 г. Саросий крайне доброжелательно встретил следовавшую через его владения римскую дипломатическую миссию [Men. Prot. Fr. 22], а в 572 г. помог византийскому посольству, возвращавшемуся из ставки тюркского кагана, избежать опасности быть захваченными в плен персами [Ibid.]. По данным Феофана Византийского, относящимся к 572–573 гг., аланы во главе с Саросием принимали участие в византийско-персидской войне на стороне ромеев [Theoph. Fr. 4].

Представляется, что решение алан об установлении союзнических отношений с Византией было обусловлено объективными причинами. Обращение аваров за помощью к аланскому вождю Саросию можно считать поворотным пунктом внешнеполитической истории алан в середине VI в., в лучшем случае это был лишь слегка завуалированный ультиматум. Менандр передает содержание речи, произнесенной аварским послом перед византийским императором: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов; племя аварское неодолимо; оно способно легко отразить и истребить противников» [Men. Prot. Fr. 4]; если уж авары осмелились на такой тон в общении с самим Юстинианом, то нетрудно представить, насколько убедительна была их «просьба», адресованная Саросию. В результате ему ничего не оставалось делать, кроме как идти навстречу своим новым соседям и налаживать дружественные отношения с Византией.

Кроме того, в 567–568 гг. оформился военный союз Тюркского каганата и Византийской империи, направленный против сасанидского Ирана (Гумилёв 2004: 51–52; Кляшторный 2005: 95), что делало сохранение союзнических отношений алан и Персии невозможным, ибо грозило аланам опасностью оказаться меж двух огней, одним из которых была Византия, другим – держава тюрков. Аланские правители прекрасно это понимали, а потому их выбор в пользу Византии был основан на абсолютно объективной и взвешенной оценке сложившейся ситуации. Последовавшие вскоре события подтвердили правильность решения алан: в 568–569 гг. имела место первая крупная война между тюрками и персами, в ходе которой был захвачен и разорен ряд персидских городов на территории Гургана (Гумилёв 2004: 52; Кляшторный 2005: 95).

Однако произошедшее вскоре очередное изменение расстановки сил привело к нарушению сложившегося к этому времени на Кавказе статус-кво: в середине 570-х гг. наметилось обострение отношений между Византией и Тюркским каганатом. Причиной конфликта, вероятно, стало носившее со стороны Византийской империи вынужденный характер заключение ок. 570 г. мирного договора с заклятым врагом тюрков – аварами (Гумилёв 2004: 54; Кляшторный 2005: 96).

Судя по данным источников, аланы быстро отреагировали на изменение ситуации в регионе и в первой половине 570-х гг.¹²⁴ вновь перешли на сторону сасанидского Ирана. Однако на этот раз союз оказался недолговечным, и уже в 576 г. аланы, до того поддерживавшие персов благодаря щедрому денежному вознаграждению, пообещанному им соправителем Юстина Тиберием, с радостью перешли на сторону Византии, «сделавшись подданными империи» [Men. Prot. Fr. 42]. Вероятной причиной возвращения алан к провизантийской внешнеполитической линии стало не только (и, скорее всего, не столько) византийское золото, но и трезвый политический расчет. Дело в том, что в первой половине–середине 570-х гг. Византийская империя успешно отражала враждебные действия как тюрков, так и персов, действуя на всех фронтах без головокружительных

¹²⁴ Вероятно, это произошло около (или вскоре после) 573 г. – именно этим временем датируется упомянутое выше сообщение Феофана Византийца [Theoph. Fr. 4] об участии алан в персидско-византийских войнах еще на стороне Византии.

успехов, но в целом достаточно эффективно: единственным значительным успехом тюрков стал временный захват Боспора Киммерийского в 576 г., а боевые действия между ромеями и персами в Месопотамии в 570-х гг. шли с переменным успехом; все это вместе взятое объективно являлось стратегической победой Византии. Прочность положения империи на Ближнем Востоке и в Кавказско-Причерноморском регионе продемонстрировала, кто здесь является реальным центром силы, и, скорее всего, именно это стало главным фактором возрождения в 576 г. алано-византийского союза.

Кроме того, у алан, по всей видимости, был еще один мотив вступить в коалицию с Византией и тем самым получить ее покровительство. Под тем же 576 г. Менандр Протектор сообщает о визите ко двору Турксанфа – одного из восьми тюркских удельных князей – византийского посольства во главе с Валентином, которого историк называет «царским меченосцем» [Men. Prot. Fr. 43]. При этом Менандр указывает, что в ходе переговоров между византийцами и тюрками Турксанф назвал алан (как и болгар-утигуров) своими «подданными» и «рабами» [Ibid.]. Глава византийской делегации не возразил Турксанфу и ни словом не обмолвился о том, что аланы являются союзниками византийцев, а не подданными тюрков. Следовательно, информация Менандра Протектора о нахождении алан под властью кагана (верховным правителем тюрков в это время был Арсила), несомненно, соответствовала действительности. Из сообщения Менандра становится ясным, что к этому времени (к середине 570-х гг.) какая-то часть аланских племен оказалась покорена тюрками¹²⁵; остальные аланы, стремясь избежать печальной судьбы своих соплеменников, обратились за помощью и покровительством к византийскому императору, результатом чего и стало заключение в 576 г. нового союза между Византией и аланами.

После событий 576 г. аланы на длительное время исчезают из поля зрения писателей-историков; их имя вновь появляется на страницах сочинений лишь спустя более ста лет, в период правления Юстиниана II (685–711) [Theoph. 6209]. Однако к этому времени ситуация в Передней Азии кардинально изменилась – в результате арабских завоеваний исчезла с лица земли Сасанидская держава, восточные владения Византии были ограничены малоазийскими областями, а на всем пространстве Ближнего и Среднего Востока начиналась эпоха ислама.

Завершая рассмотрение вопроса о месте кавказских алан в системе международных отношений второй половины VI в., следует остановиться на одной дискуссионной проблеме. Выше мы упомянули об эпизоде, датированном 549 г., в котором аланы (вместе с сабирами) за обещанное союзником Византии лазским царем Губазом вознаграждение согласились охранять границы Лазики и совершить набег на территорию Иберии, находившейся под властью Персии. Факт готовности алан выступить против сасанидского Ирана на стороне Византии указывает, казалось бы, на то, что они являлись союзниками империи. Прокопий прямо говорит о том, что аланы «издревле находились в дружбе с римлянами» [Proc. Bell. II. 29. 15]. Это сообщение Прокопия явно противоречит данным «Шах-наме», из которых следует, что, по всей вероятности, уже в начале своего правления (т. е. не позднее 530-х–540-х гг.) Хосров Ануширван принудил алан к союзу с Ираном. При этом с «Шах-наме» согласуется небольшой пассаж из книги «Войны с готами» Прокопия Кесарийского, в котором историк, повествуя о странах и народах, расположенных вокруг Понта Эвксинского, отмечает, что аланы – это «племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов» [Proc. Bell. VIII. 3. 4].¹²⁶ В этой

¹²⁵ Опираясь на данные Л. Н. Гумилёва и С. Г. Кляшторного, можно сделать вывод, что завоевание тюрками Северного Кавказа (в т. ч., вероятно, и части аланских племен) произошло уже к 571 г. (Гумилёв 2004: 53; Кляшторный 2005: 95).

¹²⁶ При этом оговорка Прокопия – «по большей части» (τὰ πολλὰ) – может быть истолкована как намек на то, что какая-то незначительная часть алан параллельно поддерживала союзные отношения не с Ираном, а с Византией или, как минимум, сохраняла нейтралитет.

же книге Прокопий неоднократно сообщает, что в ходе кампании 550 г. аланы присутствовали в персидском войске, вторгшемся в Лазику [Proc. Bell. VIII. 1. 4–5; 8. 28, 34, 37].

В дальнейшем, как было показано выше, на протяжении буквально двух десятков лет (в 550-х–570-х гг.) внешнеполитическая ориентация аланских племен, включенных в систему ирано-византийских отношений, неоднократно менялась: они выступали то как союзники Византийской империи, то как сторонники сасанидского Ирана.

Таким образом, возникает достаточно противоречивая и сложная для какой-либо однозначной интерпретации картина: аланы фигурируют в источниках как союзники обеих великих держав (и Византии, и Персии) практически одновременно!

Вероятно, именно эти и подобные им трудности и противоречия в источниках дали ряду исследователей основание выдвинуть гипотезу, согласно которой аланские племена в VI в. делились на две группировки – западную и восточную, первая поддерживала Византию, вторая – Иран (Кузнецов 1992: 92–97; Alemany 2003: 8 – со ссылкой на работу: Kouznetsov, Lebedynsky 1997). В качестве главного аргумента выдвигается деятельность упомянутого выше аланского вождя Саросия, который находился в союзных с Византией отношениях, в то время как другие аланские правители в те же самые годы, якобы, поддерживали сасанидский Иран.

Если первый из приведенных доводов прочно базируется на сведениях письменных источников, в т. ч. синхронных рассматриваемой эпохе, то второй не имеет под собой никаких оснований: в исторических текстах нигде не говорится о том, что какие-то аланские группировки поддерживали персов в современную Саросию эпоху. Представляется также, что подход к рассмотрению места и роли алан в системе международных отношений в Кавказском регионе, основанный лишь на деятельности одного из аланских вождей, в значительной степени упрощает ситуацию, судя по всему, являвшуюся гораздо более сложной. Кроме того, кажется не совсем корректным перенесение характеристик, свойственных этнополитической ситуации на Кавказе в годы правления Саросия (ок. 557–ок. 573), на весь VI в.

В связи с этим представляется, что сколько-нибудь вразумительное, лишенное натяжек и допущений объяснение стремительного лавирования алан между Византией и Ираном в 50-х–70-х гг. VI в. без изучения этой проблемы на более широком историческом фоне, а именно – без рассмотрения гео- и этнополитических процессов в степном поясе Евразии в целом и проблемы возникновения Тюркского каганата – в частности, вряд ли возможно. Более того, по нашему мнению, в указанный период времени именно «тюркский фактор» определял динамику и характер расстановки сил в Кавказском регионе, в т. ч. и внешнеполитические предпочтения алан.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы: на протяжении 550-х–570-х гг. внешнеполитическая ориентация проживавших на Северном Кавказе алан неоднократно менялась.

Основным геополитическим фактором, определявшим внешнеполитический курс алан, являлась активно развивавшаяся в западном направлении экспансия Тюркского каганата.

Хронология динамики изменений внешнеполитических предпочтений алан имеет следующий вид: первоначально (вероятно, с 530-х гг.) они являлись союзниками сасанидского Ирана; затем (не позднее, чем с 558 и до 573 г.) аланы состояли в союзе с Византией; в 573–576 гг. алано-персидская коалиция был возобновлена, однако с 576 г. аланы вновь вступили в союзные отношения с Византийской империей.

В имеющихся в нашем распоряжении источниках не прослеживается наличие в середине VI в. двух – западной (провизантийской) и восточной (проиранской) – группировок аланских племен, существовавших одновременно.

Аланы... 1992 – Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ, 1992.

Алемань 2003 – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Габуев 1999 – Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.

- Гумилёв 2004 – *Гумилёв Л. Н.* Древние тюрки. М., 2004.
- Исторический атлас Осетии 2002 – Исторический атлас Осетии / Под ред. Р. С. Бзарова. Владикавказ, 2002.
- Кляшторный 2005 – *Кляшторный С. Г.* Степные империи: рождение, триумф, гибель // *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб, 2005. С. 7–180.
- Кузнецов 1992 – *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
- Люттвак 2010 – *Люттвак Э. Н.* Стратегия Византийской империи / Пер. с англ. А. Н. Ковалю. М., 2010.
- Перевалов 2006 – *Перевалов С. М.* Аланский набег 136 г. н. э. в страны Закавказья: проблемные вопросы // *Античная цивилизация и варвары.* М., 2006. С. 318–335.
- Перевалов 2010 – *Перевалов С. М.* Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. М., 2010.
- Сулимирский 2008 – *Сулимирский Т.* Сарматы: Древний народ юга России. М., 2008.
- Шмидт 1958 – *Шмидт А. Э.* Материалы по истории Средней Азии и Ирана // УЗ Института востоковедения. 1958. Т. 16. С. 443–470.
- Alemaný 2003 – *Alemaný A.* Sixth Century Alania: between Byzantium, Sasanian Iran and the Turkic World // *Ērān ud Anērān – Transoxiana Webfestschrift Series I. Webfestschrift Marshak 2003. Studies presented to V. I. Marshak on the occasion of his 70th birthday.* URL: <http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/alemany.pdf> (дата обращения 07.04.2011).
- Frye 1984 – *Frye R. N.* The history of Ancient Iran. München, 1984.
- Kouznetsov, Lebedynsky 1997 – *Kouznetsov V., Lebedynsky I.* Les alains: Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase. Paris, 1997.
- Luttwak 1979 – *Luttwak E.* The grand strategy of the Roman Empire from the first century A.D. to the third. Baltimore, 1979.
- Luttwak 2009 – *Luttwak E.* The grand strategy of the Byzantine Empire. Cambridge (Mass.), 2009.
- PLRE III – *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* The Prosopography of the Late Roman Empire. Cambridge, 1980. Vol. 3. A.D. 527–641.
- Yarshater 1983 – The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian periods / Ed. by E. Yarshater. Cambridge; New York, 1983.
- Agath. – *Agathiae Mirinaei Historiarum libri quinque cum versione latina. Accedunt Agathiae Epigrammata / Rec. B. G. Nieburus.* Bonnae, 1828. – Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. с греч. М. В. Левченко. М.; Л., 1953.
- Firdausi – The Shāhnāma of Firdausi / Transl. by A. G. Warner and E. Warner. Vol. 7. London, 1915.
- Men. Prot. Fr. – *Menandri Protectoris Fragmenta // Fragmenta historicorum graecorum / Ed. C. Mullerus.* Vol. 4. Paris, 1851. P. 200–269. – Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой / Пер. с греч. С. Дестуниса // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец СПб, 1860. С. 318–470.
- Proc. Bell. – *Procopius. History of the wars. Vol. 1–7 / With an English translation by H. B. Dewing.* London; New York; Cambridge (Mass.), 1914–1940. – Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч. А. А. Чекаловой. М., 1993; Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950.
- Theoph. – *Theophanis Chronographia / Rec. I. Classenus.* Vol. 1. Bonnae, 1839. – Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакты / Пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1884.
- Theoph. Fr. – *Theophanis Byzantii Fragmenta // Fragmenta historicorum graecorum / Ed. C. Mullerus.* Vol. 4. Paris, 1851. P. 270–271. – Выписки из «Истории» Феофана / Пер. с греч. С. Дестуниса // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец СПб, 1860. С. 492–495.

Некоторые природные аспекты появления кочевых народов в степях Прикаспия-Приазовья, упадка Хазарского каганата и Золотой Орды

Для всех природных зон Евразии характерна высокая степень многолетней изменчивости атмосферного переноса и, следовательно, режима увлаженности, температурного фона (Гумилёв 1966: 81–85). При высоких температурах и низкой увлажненности формировались процессы, способствующие иссушению степей и возникновению длительных засух, пожаров, эпидемий, эпизоотий, а в фазы похолодания – суровых и даже, судя по летописям, лютых зим. Племена кочевников, в раннем средневековье переселявшиеся из Центральной Азии на запад, несомненно, обладали высокой степенью адаптации к условиям резко континентального климата. Однако в приморских степях Аральского, Каспийского, Азовского и Чёрного морей они столкнулись с большей контрастностью этих процессов и неизвестными природными факторами. В частности, на формирование ландшафтов влияли колебания уровня морей и подземных вод, тектонические движения и процессы, характерные для аридных и семиаридных зон. В этих зонах испарение преобладает над поступлением атмосферных осадков. Поэтому кормовая продуктивность пастбищ зависела от уровня подземных вод, контролируемого водным балансом морей.

В свою очередь уровень рассматриваемых морей зависел от стока рек, водосборные площади которых располагались как в пределах горных стран (Памир, Кавказ, Крым), так и гумидной зоны (лесостепь). В фазы похолодания увеличивалась площадь ледников, а с некоторым запозданием происходило уменьшение жидкого стока рек (Максимов, Максимова 1971: 523–524; Лурье 2002: 338–348). Такая цепочка взаимосвязанных явлений приводила к падению уровня водоприемных бассейнов. В случае Каспийского моря существенное влияние на его водный баланс и уровень оказывали геодинамические процессы (Лиленберг, Яценко 1991: 23–24; Ковалёв и др. 2011: 69–70). Контрастность условий формирования речного стока на пространстве от Тянь-Шаня до Кавказа и Крыма предопределяла неравномерность колебаний уровня морей. Так, например, в период с VI–VII вв. до н. э. по X в. н. э. уровни Аральского и Каспийского морей развивались в противофазе. Стадии низких уровней Аральского моря соответствовали стадиям небольших повышений уровня Каспийского моря (Вейнбергс и др. 1972: 83–85). Для оз. Балхаш характерна еще большая динамичность уровня поверхности. Даже в условиях сообщающихся котловин Азовского и Чёрного морей проявлялась асинхронность развития их водных поверхностей (рис. 1). Она объяснялась как разными характеристиками поступления речного стока и испарения, так и периодическим возникновением в Керченском проливе (Киммерийском Боспоре) аккумулятивных барьеров (наносных пробок).

В самом общем виде можно констатировать, что в условиях регрессивной стадии моря происходит активный врез русла реки с соответствующим уменьшением его ширины. При подъеме уровня моря возникает гидравлический подпор речного стока, вызывающий активное меандрирование водного потока и даже значительное возрастание поперечных размеров русла и долины. Эвстатический подъем уровня Азовского моря, фиксирующийся в последние 30–40 лет и составивший всего 25–27 см, проявился на Дону в форме водяной призмы, прослеживающейся вверх по руслу почти на 70 км от устья (Михайлов и др. 2001: 651). При этом отмечается подтопление русловых островов и части поймы. Деформации русла в условиях подъема уровня водоприемного бассейна на 1–2 м и более, разумеется, были более значительны.

Отчасти подтверждают этот феномен исторические данные. Так, Э. Челеби, описывая возвращение крымской конницы в 1641 г. после неудачной попытки штурма крепости Азов, захваченной донскими казаками, отмечал: «Мы переправились через реку Дон в том месте, где ее воды смешиваются с морем <...> так как вода не доходила до стремян, [спокойно] переправились на тот берег» (Челеби 1979: 36). Такие глубины в описываемой части Дона могли быть только в условиях

очень низкого стояния уровня моря. В нормальных условиях здесь глубины никогда не бывают менее 2–3,5 м. Столь же просто татарская конница преодолела и реки Миус, Еланчик, Кальмиус, Обиточную, Лозоватку, Корсак, Молочную, Большой и Малый Утлюк. Анализ показывает, что в конце XVI–первой половине XVII в. наблюдалось снижение уровня Азовского моря по меньшей мере на 3–4 м, из-за чего турецкий флот не мог подвозить войска, оружие и боеприпасы непосредственно к устью Дона, а разгружался в пределах открытой части моря (Артюхин 2010: 157–158).

Перечисленные и иные природные факторы редко учитываются при объяснении ключевых исторических событий. Всегда ли могли кочевники при движении на запад преодолеть водную преграду Волги и Каспийского моря? Между тем, если 2000–4000 л. н. уровень Каспийского моря находился на 20–22 м ниже отметок, характерных для середины XX в., то с VIII–VII вв. до н. э. начался активный его подъем. К III–IV вв. н. э. уровень суммарно повысился на 12–15 м. Затем произошло некоторое снижение уровня, после чего он вновь продолжал подниматься. Судя по всему, часть кочевников, мигрирующих из Центральной Азии на запад, могла попадать на ту стадию развития водной системы Волги и Каспийского моря, при которой размеры моря существенно были меньше, чем в настоящее время. Поперечные размеры реки позволяли преодолеть ее даже с помощью примитивных средств переправы. Интересной представляется проверка гипотезы, согласно которой водная система Волги, Каспийского и Аральского морей являлась своеобразным «этническим фильтром». Из-за него одним кочевым племенам на определенном этапе удавалось попасть из Заволжья на степные пространства юга Европы, тогда как при более сложных гидрологических условиях другие кочевники вынуждены были огибать Каспийское море, а в некоторые периоды и Аральское с юга. Поэтому они оказывались в пределах Малой и Передней Азии.

В IV в. н. э. Зосима сообщал, что гунны «посуху» перешли из Азии в Европу (через Киммерийский Боспор) (Карпов 1957: 215). Анализ кривых колебаний уровня древних Азовского и Чёрного морей, дополненный геоморфологическими сведениями об эволюции рельефа Киммерийского Боспора, позволяет предложить комплексное толкование этого события (рис. 1). Вторжение гуннов в Приазовье-Причерноморье произошло на том историческом этапе, когда нимфейская трансгрессия (подъем уровня с отметок –6...–10 м до 2...3 м БС) сменилась непродолжительной мелкомасштабной регрессией (спадом уровня до отметки, предположительно –2...–3 м БС). Причиной развития этой микрогрессии, скорее всего, стало уменьшение речного стока вследствие возрастания площади горного оледенения Кавказа на фоне кратковременного похолодания. Не последнюю роль играло и возникновение в Керченском проливе уже упомянутых аккумулятивных барьеров, отделявших Азовское море от Чёрного. Механизм этого явления до недавнего времени мог быть объяснен формированием множественных банок и отмелей, на определенном этапе превращавшихся в сплошную пересыпь между Керченским и Таманским берегами. Но весной 2011 г. природа показала возможность принципиально иного механизма.

В течение нескольких месяцев на подводном склоне мыса Каменный со дна в результате смещения тектонических структур был выдавлен из-под воды на дневную поверхность огромный блок пластичных глин, подлинных размеров которого даже не удалось зафиксировать. Образованная этими породами надводная терраса имела протяженность вдоль берега 600–700 м, а с учетом переработанной волнами части – не менее 1 км, при ширине 250–300 м. Породы были выдавлены со дна до отметки 3 м БС, что соответствует общей мощности поднятой толщи ок. 5–6 м. Это событие наглядно показывает, что в прошлом подобные же формы могли образоваться в любой части северного фланга Керченского пролива, становясь ядром аккумуляции песчано-ракушечных и илистых масс. Причем возникший подобным способом барьер мог формироваться очень быстро, тем более, если на этот процесс накладывалось извержение подводных грязевых вулканов. Даже в XVIII–XIX вв. подводные вулканы не раз оказывали негативное влияние на фарватер в Керченском проливе.

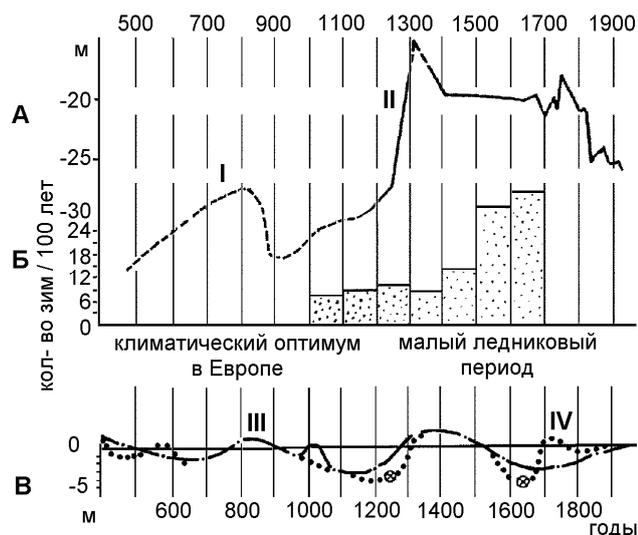

Рис. 1. Схема изменений в V–XIX вв. положения уровней Каспийского (А), Чёрного и Азовского морей (В) и динамика суровых зим в XI–XVII вв. (Б): А – кривая колебаний уровня Каспийского моря (I – по Варущенко С., Варущенко А., 1984; II – по Вознесенский 1927); Б – количество суровых зим в столетие (по Борисенков, Пасецкий 1983); В – изменение уровня Чёрного моря (III – по Арсланов и др. 1982) и Азовского моря (IV – составлена автором по радиоуглеродным датировкам и письменным источникам)

Можно предполагать, что колебания уровня морей, нередко весьма значительные, серьезно сказались в развитии таких квазигосударственных образований как Хазарский каганат и Золотая Орда. Упадок Хазарского каганата часто увязывают с восточным походом князя (конунга) Святослава (Лунин 1949: 123–128; Гадло 1971: 63–67; Гуркин 1992: 69). Становление административной и хозяйственной инфраструктуры Хазарского каганата происходило в благоприятных климатических условиях, на фоне низкого стояния уровня Каспийского моря (рис. 1). Именно поэтому столицу Итиль было выгодно разместить на большом острове в дельте Волги. Таким способом обеспечивалась безопасность административного центра и контроль над важнейшей водной магистралью. Прав был Л. Н. Гумилёв, считавший, что столица была уничтожена в результате внезапного подъема уровня моря (Гумилёв 2002: 227). Эта точка зрения подтверждена современными археологическими раскопками (Зиливинская, Васильев 2008: 224–225).

Подъем уровня Каспийского моря предоставлял Святославу и его дружине возможность перебраться из Каспийского в Азовское море не по трассе традиционной Волго-Донской переправы, а через возникшую лагунно-речную систему Кумы и притоков Маныча. Возникший водный путь обеспечил князю неожиданное для гарнизона крепости Саркел появление киевского войска. Реальность нового пути подтверждает изучение разновременных картографических данных. Анализ показал, что даже в XIX в., в условиях сравнительно незначительного подъема уровня моря, затоплялось обширное пространство Калмыцких степей и межваловое понижение т. н. системы «Бэровских бугров». В условиях же более значительного проникновения каспийских вод в конце IX–сердине X в. масштабы подтопления Кумо-Манычского прогиба были несоизмеримо больше.

В отличие от каганата, столица Золотой Орды была расположена на несколько десятков километров севернее Итиля и дельты Волги. Однако такая предосторожность не спасла столицу от затопления в условиях гораздо более существенного подъема уровня Каспийского моря в XIII–XIV вв. (рис. 1). Изучение современных процессов, вызванных затоплением побережья Северного Каспия в условиях подъема уровня моря в 1980–1990-х годах, наглядно показало, что происходит очень быстрое изменение степного ландшафта в результате засоления почв, сукцессии (смена) растительных сообществ, не говоря уже о механическом затоплении низинных пространств. Указанный подъем уровня, даже если он был и не столь значителен, как это показывал А. В. Вознесенский, привел

к выведению из хозяйственного оборота обширных пастбищ (Вознесенский 1927: 776). Это не могло не сказаться на поголовье скота и, в первую очередь, на численности верховых лошадей. Подтопление, несомненно, вызвало крупномасштабную миграцию мышевидных грызунов и, скорее всего, эпидемии и эпизоотии.

Перестройка уровня режима Каспийского моря привела к подтоплению Дербентско-Самурского коридора, который использовался караванами и военными отрядами. Весь юг и среднюю часть Каспия сотрясали землетрясения, а на западном побережье активизировались многочисленные грязевые вулканы. На восточном же побережье подъем уровня наверняка привел к увеличению радиационного фона вследствие промывки грунтовыми водами ряда глубоких депрессий, приуроченных к месторождениям урановой смолки. Все эти природные катаклизмы должны были сказаться на поступлении средств из разных источников в казну орды. К этому следует добавить, что р. Амударья, до того впадавшая в Аральское море, изменила направление течения и через Узбой направила свои воды в Каспий. Этот факт установлен палеогеографическими данными и подтвержден географической нагрузкой итальянских портоланов XIV–XV вв. (Волков 2001: 605–607). Сформировавшееся между Аральским и Каспийским морями обширное водное пространство Кара-Богаз-Гол–Амударья надолго затруднило ордынским войскам переход через плато Устюрт и Мангыстау на юг. Нельзя исключать, что описанные природные катаклизмы могли вызвать такие экономические и административные потрясения Золотой Орды, которые и дали толчок к возникновению т. н. великой замятни. Впоследствии же династическая борьба развивалась по социально-политическим и этническим сценариям.

Принято считать, что ордынские власти в XIV–XV вв. стремились восстановить экономическую жизнь, создавая разветвленную сеть городов, переправ, караван-сараев, призванных налаживать торговлю между Европой, Китаем и государствами Центральной Азии (Недашковский 2010: 25). К числу важнейших торговых центров относят Азак. Однако никто не учитывает тот несомненный факт, что Азак не сформировался бы во второй половине XIII в., если бы уровень Азовского моря стоял на тех отметках (–2,5... –3,5 м относительно современного его положения), которые были зафиксированы в 1100–1200 гг. В подобных океанологических условиях Азак никогда не превратился бы в крупнейший торговый порт Орды. «Спас» ситуацию эвстатический подъем уровня Азовского моря на 2–3 м выше современного, который завершился уже к началу XVI в. Это обстоятельство, видимо, и сыграло решающую роль в замирании европейской торговли через Азак, наряду с наступлением малого ледникового периода. Из рис. 1 видно, что уже в XV в. количество суровых зим, наблюдавшихся в столетие, стало увеличиваться (Борисенков, Пасецкий 1983: 156–178). В XVI и XVII вв. суровость климата настолько возросла, что продолжительность навигационного периода снизилась до 2–3 месяцев. В подобных условиях европейская морская торговля стала нерентабельной. На экономическом и социально-политическом развитии Орды сказались неблагоприятные факторы и в бассейнах Каспийского и Аральского морей.

Образ жизни кочевых народов требует смены мест для выпаса скота на свежих пастбищах. Однако в пределах кубанской части степи Хейхат (Дикой степи) важную роль играло геодинамическое воздействие на режим грунтовых и подземных вод, которое предопределяло не просто кочевье, а периодический уход из мест обитания. В этом контексте интересно привести сведения, собранные Л. Я. Апостоловым в конце XIX в.: «Наряду с наблюдениями, показывающими постоянное уменьшение вод, можно привести замеченное повсюду в (Кубанской) области какое-то периодическое повышение почвенной воды. В конце семидесятых в начале восьмидесятых годов [XIX в.] высохшие балочки наполнились водой, пруды и озера увеличились. Это явление <...> было замечено как в степной, так и в нагорной полосе, причем, по словам одних, вода в земле поднялась на ½ аршина, а, по словам других, – на целый аршин [0,7 м]. В середине восьмидесятых годов почвенные воды пошли на убыль, а начало девяностых годов, по-видимому, сопровождалось наибольшим усыханием почвы. Говорят, что лет 30 тому назад было замечено подобное же явление. Теперь, к концу 90-х годов замечается опять некоторое повышение почвенной воды» (Апостолов 1897: 133).

Очевидно, что эти фазы поднятия и опускания уровня грунтовых вод не были связаны с изменением количества атмосферных осадков, они прослеживались и в более ранние эпохи. Но имело место и другое явление – резкое возрастание минерализации речных и грунтовых вод в результате выброса на дневную поверхность засоленных подземных вод, выдавливаемых антиклинальными куполами – ловушками углеводородов. Изменение качества вод ощутили на себе первые переселенцы Черноморского казачьего войска в 1792–1794 гг. Через полгода-год вода в реках, прежде пригодная не только для скота, но и для приготовления пищи, становилась горько-соленой. Такое явление, видимо, не раз возникало в средние века вследствие взаимодействия тектонических структур и Азово-Кубанского артезианского бассейна. Вероятно, нечто подобное могло происходить и в пределах северо-кавказских степей, междуречья Эмбы и Урала.

- Апостолов 1897 – *Апостолов Л. Я.* Географический очерк Кубанской области // Сб. мат-лов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. 1897. С. 1–304.
- Арсланов и др. 1982 – *Арсланов Х. А., Балабанов И. П., Гей Н. А. и др.* Методы и результаты картирования и геохронологической привязки древних береговых линий на суше и шельфе Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманского района // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. М., 1982. С. 144–150.
- Артюхин 2010 – *Артюхин Ю. В.* Собрание документов Азовской и Новороссийской губерний в составе Днепропетровского областного исторического архива // Большой Ромбит. Ейск, 2010. С. 155–160.
- Борисенков, Пасецкий 1983 – *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.
- Варущенко С., Варущенко А. 1984 – *Варущенко С. И., Варущенко А. Н.* Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности Русской равнины в средние века // Изв. АН. Сер. географическая. 1984. № 4. С. 61–70.
- Вейнбергс и др. 1972 – *Вейнбергс И. Г., Ульст В. Г., Розе В. К.* О древних береговых линиях и колебаниях уровня Аральского моря // Вопросы четвертичной геологии. Рига, 1972. Вып. 6. С. 69–89.
- Вознесенский 1927 – *Вознесенский А. В.* Изменение уровня Каспийского моря // Природа. 1927. № 10. С. 774–783.
- Волков 2001 – *Волков И. В.* О времени составления портоланов Азовского и Каспийского морей // Картография XXI века: теория, методы, практика. М., 2001. Т. II. С. 600–607.
- Гадло 1971 – *Гадло А. В.* Восточный поход Святослава (к вопросу о начале Тмутараканского княжения) // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 59–67.
- Гумилёв 1966 – *Гумилёв Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник ЛГУ. 1966. № 18. С. 81–90.
- Гумилёв 2002 – *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 2002.
- Гуркин 1992 – *Гуркин С. В.* Некоторые вопросы русско-византийских отношений середины XI–первой трети XII вв. // Историческая география Дона и Северного Кавказа. 1992. С. 54–76.
- Зиливинская, Васильев 2008 – *Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В.* О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 224–226.
- Карпов 1957 – *Карпов А. Н.* Из истории изучения Азовского моря и окружающих его районов в греко-римскую эпоху // Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. Таганрог, 1957. Вып. 1. С. 191–220.
- Ковалёв и др. 2011 – *Ковалёв В. В., Астахов В. В., Нечипорова Т. П.* Геолого-геоморфологические аспекты изменений уровня Каспийского моря в голоцене // Изв. вузов Северо-Кавказского региона. Естеств. науки. 2011. № 5. С. 68–70.
- Лилиенберг, Яценко 1991 – *Лилиенберг Д. А., Яценко В. Р.* Основные тенденции современной геодинамики горных морфоструктур Большого Кавказа по новым геодезическим данным // Геодезия и картография. 1991. № 2. С. 21–28.

- Лунин 1949 – Лунин Б. В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Ростов-на-Дону, 1949. Кн. 1.
- Лурье 2002 – Лурье П. М. Водные ресурсы и водный баланс Кавказа. СПб, 2002.
- Максимов, Максимова 1971 – Максимов Е. В., Максимова Н. Н. Дендрохронологические аспекты внутри-вековой изменчивости горных ледников // Изв. Всесоюз. Географического общества. 1971. № 6. С. 517–530.
- Михайлов и др. 2001 – Михайлов В. Н., Повалишников Е. С., Зудилина С. В., Тигунцев Л. А. Многолетние изменения уровней воды в восточной части Азовского моря и на устьевом участке Дона // Водные ресурсы. 2001. Т. 28. № 6. С. 645–654.
- Недашковский 2010 – Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.
- Челеби 1979 – Челеби Э. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М., 1979. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья.

Д. Ф. Мадуров (Чебоксары, Россия)

Локализация земель буртасов и их княжества Веда в IX–XIII вв.

Уже в конце XIX в. сложилось представление о местонахождении буртасов от Саратова до Пензенской обл. и далее (Селиванов 1890: 2). Открытие Армиевского мог-ка в Шемьшейском р-не Пензенской обл. с захоронениями типа зороастрийских, вперемешку с ингумациями, дали основание исследователям для локализации земель буртасов в этом районе. В «Худуд ал-алем» говорится о том, что берадасы: «придерживающиеся веры гузов; владеют палатками; мертвых сжигают; повинуются хазарам» (1930). Но мы не должны забывать, что Насир-еддин Туси говорит об обычае кремации у эрзи: «А Арса и народ русов сжигают своих умерших» (Блинов и др. 2012).

О религиозных мировоззрениях буртасов нам известно из сведений Насир-еддин Туси (XIII в.): «Часть буртасов – мусульмане» (Там же; см. также Hammer 1827 (1825): 32). В дальнейшем эти данные повторили Хаджи Халфа, Алилах (XV в.) и Мухаммеда (XVI в.) (Селиванов 1890: 2). Плано Карпини считает захваченных монголами буртасов иудеями: «Брутахи, которые суть Иудеи» (1997: 60).

На локализацию земель буртасов повлиял и текст Рашид ад-Дина: «в год курицы, соответствующий 634 г. х. (4 сентября 1236–23 августа 1237 г.), сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке, сын Угедей-каана – Кадан, внук Чагатая – Бури и сын Чингиз-хана – Кулкан занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими (Рашид ад-Дин 2002: 38; см. также Березин 1855: 90–96). В то же время, Лев Африканский упоминал и африканских буртасов: «Буртас-и барбар».

Ономастика, связанная с этнонимом «буртас», распространена на Правобережье Средней Волги. Наиболее северный населенный пункт Буртасово находится в Костромской обл. При изучении топонимов, связанных с буртасами, выясняется, что все они довольно поздние и перемещаются в Чувашию и Пензенскую обл. из Татарстана, да и там их трудно назвать коренными.

Почти все арабские и персидские источники помещают буртас между хазарами и булгарами. «Ибн Са'ид помещает город буртасов к востоку от города сариров; юго-восточную границу владений буртасов составляла Волга. Далее к востоку находился большой залив Каспийского моря (очевидно, Мертвый Кутлук – *мнение автора*); к востоку от залива было озеро Марга (или Мазга), занимавшее пространство в 8 дней в окружности; в него впадало много рек, вытекавших из гор Асгарун; к этим рекам принадлежала большая река Марга; другая река вытекала из озера и впадала в Волгу. В той же местности, на горе Кармания, находились крепости Дендера, откуда совершались нападения буртасов на гузов и на тюркские племена, жившие в окрестностях озера, и Дарку (или Дарму), откуда совершались нападения гузов на буртасов и других». «У Идриси название Марга прилагается только к горам или к вытекающей из них реке. Города Дендера и Дарку тоже упоминаются у Идриси, причем расстояние между ними определяется в 3 дня пути (первый находится к западу от истоков реки Марга). О значении этих городов для буртасов и гузов Идриси

не упоминает; в качестве соседей гузов у него названы не буртасы, а башкиры (داسجمت), причем горы Марга составляли границу между владениями обоих народов» (Бартольд 1973: 110). Горы Марга, по мнению В. В. Бартольда, сегодня носят название Мугоджарских гор, крупного озера сегодня возле них нет, но есть ряд водоемов, которые в прежние времена могли быть соединены между собою.

Итак, в сведениях Ибн Са'ида сохранились данные о юго-восточной, и, видимо, более древней доменной территории проживания буртасов на территории современного Казахстана. На карте XVI в. «Carte de Tartarie (Magnaе Tartariae Tabula). Amsterdam. Chez I. Covens et C. Mortier» мы можем найти и горы Марга (Margha), и город Дендера (Darandd), и Дарку (Darku), упоминаемые ал-Идриси. Эти топонимы помогут нам локализовать место обитания буртасов. Видимо, именно этих буртасов упоминает в «Шахнаме» Абу'л-Касим Мансур Фирдоуси (936/41–1020/26 гг.) (Фирдоуси 1989: 489, 511).

По сведениям Ибн Русте: «Земля буртасов лежит между Хазарскою и Болгарскою землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой. Буртасы подчиняются царю хазар и выставляются в поле 10000 всадников. Нет у них верховного главы, который бы управлял ими, и власть которого признавалась бы законною» (Хвольсон 1869: 19–21). Ал-Бекри добавляет к этим сведениям: «Они (буртасы) воюют с блкарами и печенегами, и вера их сходна с верою гузов. Они имеют обширную страну и много торговых мест; земля их имеет в длину 1 ½ месяца пути и в ширину столько же» (449: الكتاب " ١٩٩٢).

«От земли Буртасов до земли этих (серебряных, волжских) болгар три дня пути. Последние производят набеги на первых, грабят их и в плен увозят» (Хвольсон 1869: 22–25). В то же время, ибн-Хордазбех (ок. 820–912/13 гг.) приводит и такие сведения: «Иногда они (хазары) совершают поход на страну буртасов; у них есть знамена, копья, крепкие панцири и хорошие кольчуги» (Бартольд 1897: 120). Хазарский хакан Иосиф (860-е гг.) считал буртасов своими подданными (Коковцев 1932: 98–99). Псковский книжник в середине XV в. в «Слове о погибели...» в предисловии к одному из списков «Жития Александра Невского» дает, с моей точки зрения, неверные сведения относительно дани Киевским и Владимирским князьям со стороны буртасов и других народов (Изборник 1969: 326–327; 738–739).

Ибн-Русте (ок. 903–925 гг.) сообщает: «Хазары имеют челны, на которых они плавают из своего города вверх по реке, которая течет в их реки из верхних мест и которая называется Буртас; вдоль нее живут оседлые тюркские племена, составляющие часть Хазарского царства. Их поселения тянутся непрерывно между хазарским царством и бургарами» (Сборник материалов... 1908: 196). Ал-Димашки (1350–1420/29 гг.) также упоминает реку Буртас: «Буртасы селятся по реке Буртас, которая впадает в Волгу. Их дома из войлока и дерева. От них до хазаров пятнадцать дней пути, у них свой язык» (Марджани 2005: 62–63). Река Буртас, правый приток р. Цны, известна в Пензенской обл. Если принять во внимание, что на месте г. Воронеж находился г. Хазар, это описание явно не относится к этому региону, возможно, это р. Ахтуба.

В текстах «Худуд ал-алем» (982 г.) четко различаются два народа: буртасы и берадасы: «Слово об области буртасов. Люди там мусульмане; у них особый язык; царя называют М-с. Они владеют шатрами и палатками. Их три группы: бахдула, ишкиль и булгар; все находятся в войне друг с другом; когда же появляется враг, они становятся вдруг друзьями. Слово об области берадасов. Они – люди, придерживающиеся веры гузов; владеют палатками; мертвых сжигают; повинуются хазарам; их доход от мехов горностаев. У них два царя, не общающиеся друг с другом» (Худуд ал-алем 1930). В. В. Бартольд (1973: 545) считает, что эти сведения о булгарах ошибочно перенесены на буртасов. Три племени – это берсула (царские сарматы – барсилы), эсегель и булгар. Насир-еддин Туси (XIII в.) выделяет две группы буртасов: «Одна из них [находится] на окраине *велайата* Гуз, рядом с Булгаром. Их ок. 2000 мужей [живущих] в лесах, а подчиняются они булгарам. Другая их половина располагается против тюрков» (Блинов и др. 2012).

По сведениям Абуль-Феда (1331 г.): «Увек (Укек) есть пограничный город царя татарского в смежности со страной Беркетов (буртасов); некоторые не вдалеке от него» (Селиванов 1890). Упомянутое городище находится у современной дер. Увек близ г. Саратова, а это значит, что в XIV в. северная граница распространения степей буртасов была южнее Саратова (Срот), судя по арабской карте 1154 г. уже существовавшего в то время. Топоним Саратов (по моему мнению, Сарату) явно не буртаского происхождения, вероятно, дан по названию известковой горы, вдающейся в этом месте в р. Волгу и в переводе с современного чувашского языка означает *сар* – «желтая», *ту* – «гора».

За самую северную границу расселения буртасов в X в. можно принять волок между Волгой и Доном, в районе хазарского города Саркиль (Саркел). В 913 г., после разгрома хазарскими мусульманами русов, их остатки бежали на кораблях вверх по Волге. Достаточно было отправить гонцов к хазарским народам, проживавшим в районе волока между Доном и Волгой и к Черным болгарам, проживавшим у впадения Дона в Чёрное море, чтобы окончательно добить грабителей, что и произошло (Бубенок 2008: 23).

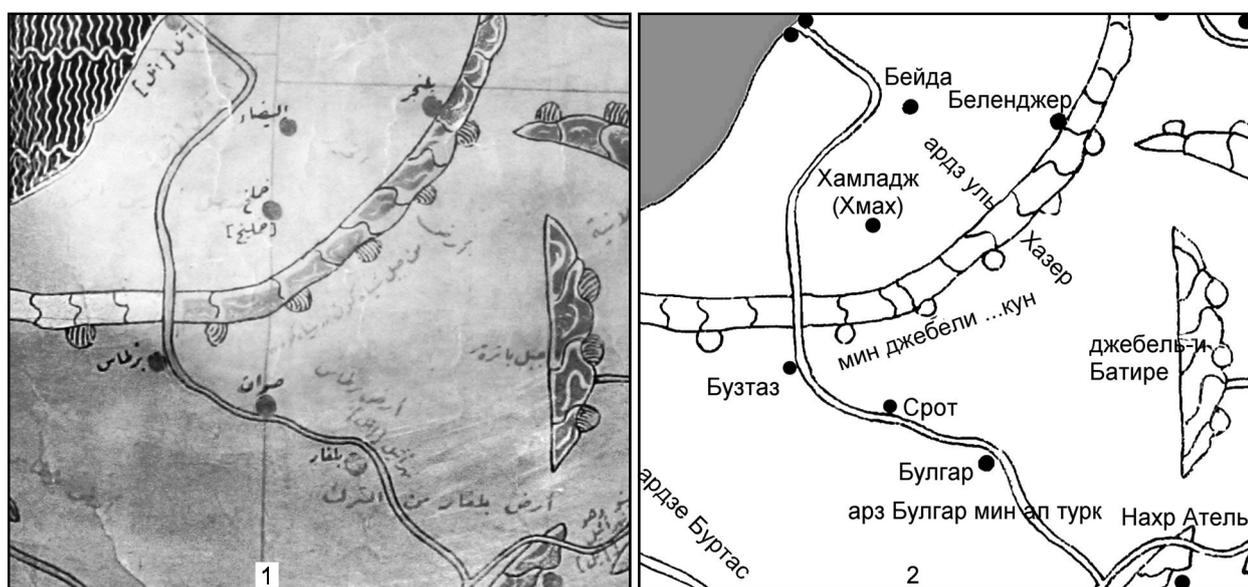

Рис. 1: 1 – фрагмент карты мира 1154 г. ал-Идриси (Дамаск, библиотека имени Ассада, № 1);
2 – перевод фрагмента карты мира ал-Идриси

По сведениям ал-Идриси: «[Волга] вытекает из верхних частей тюркских земель». При этом ал-Масуди и Ибн-Русте подчеркивают, что «от нее рукав течет в направлении страны бургар (*нахва билад ал-Бургар*) и впадает в Майтас (Меотис – Азовское море)» (Сборник материалов... 1908: 192). Это не ошибка историка, ал-Идриси также подчеркивает, что «в верхней части хазарской реки (Волга) есть проток (*массаб*), вливающийся в залив моря Нитас (Чёрное море)» (Минорский 1963: 196–197). На карте мира ал-Идриси (1154 г.) р. Дон, также как и Волга, обозначены «нахр Атель» (река Волга) (рис. 1). Восточная география представляла р. Дон рукавом Волги и это не случайность, через этот волок сплошным потоком шли торговые суда в Чёрное море, этим же путем совершили свой грабительский рейд скандинавы-русы в 913 г.

По мнению О. Б. Бубенок, «русы высадились на берег, вероятно, для того, чтобы перебраться на Дон прежней своей дорогой». Возле волока между Доном и Волгой их добивали буртасы, а далее, болгары. Перечисление буртасов рядом с болгарами побудили В. Ф. Минорского произвести собственную интерпретацию перевода текста ал-Мас’уди: «Они бросили свои суда и двинулись по суше. Некоторые из них были убиты буртасами; другие попали к бургарам-мусульманам, которые (также) поубивали их» (Минорский 1963: 200). Следовательно, есть больше оснований доверять переводу А. Я. Гаркави: «Около же 5000 из них спаслись и отправились на судах в страну,

примыкающую к стране Буртас, где они оставили свои суда и стали на суше; но из них кто был убит жителями Буртаса, а кто попался к мусульманам в стране Бургар и те убили их» (Гаркави 1870: 133). Далее автор рассуждает: «Отсюда следует, что буртасы проживали возле волока между Волгой и Доном, а одно из болгарских племен проживало по соседству с ним». Вполне вероятно, что именно об этих буртасах ал-Масуди сообщал следующее: «Здесь же хазарским царем поставлены в большом количестве люди, которые удерживали приходящих этим морем (Найтасом – Чёрным морем), также приходящих сухим путем с той стороны, где полоса Хазарского моря соединяется с морем Найтас» (Там же: 131).

Буртасы, участвовавшие в походе русов на Бердаа в 944 г., добивают на своих землях русов, ограбивших мусульман в 913 г. (Алемань 2003: 472). Более того, мы узнаем, что уже на 913 г. болгары были мусульманами и дата принятия у них ислама не связана с событиями 921 г., а, как уже говорилось ранее, их мусульманизация была связана с событиями 737 г. (Мадуров 1999).

Таким образом, ранние сведения упоминают буртасов в районе Мугоджарских гор в Казахстане, кочевавших вместе с огузами. Источники X в. помещают буртасов в 15 днях пути от хазар на Нижней Волге и до границ болгар, по-видимому, обозначенных г. Саратов. Несмотря на гипотезы отдельных татарских исследователей по поводу тюркского происхождения буртасов, опирающихся на сообщение ал-Мас'уди (893, 896–956/57 гг.) (Гаркави 1870: 26; см. также История татар 2006: 710–713), исследование ономастики, связанной с этим народом, привело филолога И. Г. Добродомова (1986) к выводу об их происхождении от сарматов, что вполне согласуется с данными историографии. Если принять, что основателями Армиевского мог-ка были буртасы, то анализируя клинковое оружие из него, М. Р. Полесских (1968) приходит к выводу об их типологическом сходстве с оружием из аланских погребений Крыма и Северного Кавказа.

Надежные географические сведения приводит аль-Балхи: «Буртасы – народ, который граничит с хазарами. Между этими двумя народами не живет другой. Буртасы живут рассеянно по берегам Волги. Буртас – имя страны, также Русь и Хозар;... Буртас имя страны и буртасы имеют деревянные дома и живут рассеянно... Буртасы же говорят на языке различном от языка двух упомянутых народов. Равным образом различается язык русов от языка хазар и буртас» (Хвольсон 1869: 83, 105; см. также: Калинина 1976: 6/227; BGA 1870: 225). Подобную локализацию подтверждают сведения Ибн-Русте: «Земля буртасов лежит между Хазарскою и Болгарскою землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой» (Хвольсон 1869: 19). Ал-Идриси подчеркивает: «И также [говорят], что народ буртас соседствует с [народом] ал-хазар и между ним и ал-хазар нет никакого другого народа» (Коновалова 2006: 111). Ибн-Хордазбех приводит те же сведения, что и Ибн-Русте, с прибавлением, что набеги на болгар и печенегов совершаются каждый год. Дальше: «Вся местность между их владениями и страной хазар представляет равнину; на пути есть населенные места, с источниками, деревьями и текущими водами. Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар по реке Итилю, на судне; другие едут сухим путем. Их оружие – два дротика, топор и лук; панциря и кольчуги у них нет; лошадь имеет не всякий, а только очень богатые. Их одежда – серьги (?) и джубба [шуба]. Плодов в той стране нет; вино у них делается из меда. Они носят шапки и обвертывают их чалмами» (Бартольд 1897: 121).

Ибн Са'ид помещает город буртасов к востоку от города сариров. По мнению В. В. Бартольда (1973: 110), юго-восточная граница владений буртасов проходила по Волге. Предполагалось, что столица буртасского княжества город Буртас мог располагаться на месте Юловского городища, находящегося на верхней Суре (Полесских 1978; см. также Белорыбкин 2003: 34/22, 32/18; 196). На персоязычной карте Насир-еддин Туси (XIII в.) «Суратхой хазар» («Снимок хазар») область Бортос отмечена в низовьях на правом берегу Волги (Атл), выше хазар. Левобережье Волги в данном случае никак не обозначено. Выше области Буртас расположена область Сувар (Блинов и др. 2012; см. также Nasir-eddin Tusi 1868). Однако, на арабоязычной карте мира 1154 г. ал-Идриси город «Бузтаз» отмечен на левобережной части р. Волги, южнее г. Саратова (на карте «Срот»), южной которого нарисована горная гряда, опоясывающая

Каспий с севера, обозначенная как «мин джебели ...кун». О том, что название города может читаться и как Буртас свидетельствует надпись на карте, расположенная чуть восточней «ардзе буртас» («земля буртас»).

Ал-Истахри подтверждает, что: «Река Итиль <...> уходит на запад к Булгару и снова возвращается на восток, пока не пойдет мимо (страны) буртасов и впадает в Хазарское море» (Материалы... 1939: 168). Ал-Идриси подтверждает эти сведения (Коновалова 2006: 111). На 982 г. северней буртасов в «Худуд ал-Алем» обозначены печенеги: «Восток их страны (печенегов) граничит с гузами, на юг от них буртасы, на запад от них мадьяры и рус, на север от них река Рута» (Плетнёва 1990: 10). Ал-Идриси уточняет: «От (земли) Буртас до (земли) Баджнук десять дней, а от (города) Исил до (земли) Баджнук один месяц пути» (Коновалова 2006).

Мы полагаем, что изображение города Буртас на левобережье Волги корректное, т. к. в общении доминиканского монаха Юлиана прослеживается именно эта схема расположения столицы княжества Вела (Veda) города Буртаса (Бундаз, Bundam): «Пройдя пустыню без всякой дороги и тропы, на 37 день пришли они в страну сарацинов, что зовется Вела, в город Бунда» (Аннинский 1940). Veda (Vela) – мусульманская страна, входившая в состав Великой (Серебряной) Булгарии, обозначенная среди завоеванных монголами в начале текста о втором путешествии Юлиана (Там же: 98). В таком случае, зная путь Юлиана, можно считать, что город Буртас является столицей княжества Вела – части Серебряной Булгарии.

Оборонительным рубежом булгар во время вторжения монголо-татар была р. Урал (Яик). Восточные границы княжества Ведин на момент вторжения монголов могли проходить по этому рубежу. Правда, Плано Карпини упоминает уничтоженный монголами город «Орнаск», населенный хазарами, русами. Судя по описанию – это город «Оенаск» на р. Яик, отмеченный на карте «Les Etats du Czar ou Empereur des Russes en Europe et enAsie, Nicholas De Fer /Benard (1722) op basis van gegevens Witsen», проходящей через страну «бисерминов» – царских сарматов – барсиллов (1997: 50). Ибн-Хаукаль (вторая половина X в.), описывая карту, помещает буртасов за башкирами: «а сверху реки, идущей рядом, – булгар, русы, башджарты, буртасы, хазары» (Калинина 1976: 9).

Таким образом, источник устанавливает восточную границу ареала распространения буртасов – степи до р. Яик, до бесермян на северо-востоке и башкир на востоке. Башкиры и бесермяне, так же как и буртасы, входили в Серебряную (Волжскую) Булгарию. Отзвуком существования этого народа являются гидроним Буртас, большое количество деревень с названием Буртасы, фамилия, имя, производные от этнонима Буртас, название одного из видов рыбы по-чувашски.

Алемань 2003 – *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Аннинский 1940 – *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII– XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. III.

Бартольд 1897 – *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893–1894 гг. СПб, 1897.

Бартольд 1973 – *Бартольд В. В.* Работы по источниковедению. М., 1973. Т. VIII.

Белорыбкин 2003 – *Белорыбкин Г. Н.* Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003.

Березин 1855 – *Березин И. Н.* Нашествие Батя на Россию // ЖМНП. 1855, май. С. 80–114.

Блинов и др. 2012 – *Блинов А. В., Мадуров Д. Ф., Норик Б. В.* Тексты историко-географического содержания о булгарах и сувах персидского автора XII–XIII века Мухаммада Насир ад-Дина ат-Туси // Государственность восточных булгар IX–XIII вв.: Мат-лы междунар. конф. Чебоксары, 2012.

Бубенок 2008 – *Бубенок О. Б.* Сведения ал-Мас'уди о волоке между Доном и Волгой // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социальный феномен: XX чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. 16–18 апреля 2008 года. М., 2008. С. 21–27.

Гаркави 1870 – *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб, 1870.

Добродомов 1986 – *Добродомов И. Г.* Этимология этнонима буртас // Ономастика Поволжья. Саранск, 1986. Вып. 5.

- Изборник 1969 – Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1969. С. 326–327, 738–739.
- История татар 2006 – История татар с древнейших времен. В 7 т. Казань, 2006. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь.
- Карпини 1997 – *Карпини Джованни дель Плано*. История Монгалов / Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Книга Марко Поло. М., 1997.
- Калинина 1976 – *Калинина Т. М.* Древняя Русь и страны Востока в X веке (Средневековые арабо-персидские источники о Руси): Дис. ... канд. ист. наук (рукопись) // НА Института истории АН СССР. М., 1976.
- Коковцев 1932 – *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
- Коновалова 2006 – *Коновалова И. Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М., 2006.
- Мадуров 1999 – *Мадуров Д. Ф.* Хазарско-арабские войны и их последствия для жителей Юго-Восточной Европы // Проблемы первобытной и средневековой археологии: ТД Первых Халиковских чтений. 12–13 октября. Казань, 1999.
- Марджани 2005 – *Марджани Шихабуддин*. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад алахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Казань, 2005. Ч. I.
- Материалы... 1939 – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л. 1939 (Тр. Института востоковедения. Т. XXIX).
- Минорский 1963 – *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.
- Плетнёва 1990 – *Плетнёва С. В.* Половцы. М., 1990.
- Полесских 1968 – *Полесских М. Р.* Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа // СА. 1968. № 1. С. 198–207.
- Полесских 1978 – *Полесских М. Р.* Находки на Юловском городище XI–XIII вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 242–247.
- Рашид ад-Дин 2002 – *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. 2-е изд. М.; Л., 1960. Т. 2.
- Селиванов 1890 – *Селиванов А. Ф.* Материалы для истории буртасов. Пенза, 1890.
- Сборник материалов... 1908 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.
- Фирдоуси 1989 – *Фирдоуси*. Шахнаме. От царствования Йездигерда, сына Бахрама Гура, до конца книги. М., 1989. Т. 6.
- Хвольсон 1869 – *Хвольсон Д. А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даства, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. В первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон профессор Петербургского университета. СПб, 1869.
- Худуд ал-алем 1930 – *Худуд ал-алем*. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930.
- ابو عبيده البكري المسالك والممالك. بيروت: "الدار العربية للكتاب", ١٩٩٢
- BGA 1870 – *Viae Regnorum*. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri / Lugduni Batavorum, 1870 (Bibliotheca geographorum arabicorum. I).
- Nasir-eddin Tusi 1868 – *Nasir-eddin Tusi // Melgunof G.* Das südliche ufer des Kaspischen meeres oder die nordprovinzen persiens. Leipzig, 1868.
- Hammer 1827 (1825) – *de Hammer J.* Sur les origines Russes: Extraits de manuscrits orientaux. SPb, 1827 (1825).

Возможность и необходимость постижения пратюркской культуры

Если отойти от насколько расхожего, настолько и неверного в глазах не лингвиста, но историка, обозначения *древнетюркской* культуры раннего средневековья, в политической истории, привязанной к эпохе Тюркского каганата (от середины VI в.) и его прямых преемников (по IX в. включительно), то ради прояснения поставленной темы следует обратиться даже не к древней, относящейся к гунно-гянгуньскому времени (III в. до н. э.–V в. н. э.) (Кызласов 2011: 36–38), а к древнейшей культуре, некогда объединявшей дальних предков тюркоязычных народов. Культуре, существовавшей в таких глубинах истории, что она остается все еще неизвестной даже археологам.

В этом внешне парадоксальном положении нет ничего необычного. Раз человеческий разум так устроен, что способен постичь несуществующее, тем естественнее для него отыскать то, что было. Следы этого бывшего, но давно прошедшего, вполне реально обнаружить в известных археологических данных.

Немота материальных свидетельств в нашем случае преодолевается благодаря памятникам руноподобной письменности тюркоязычных народов. Именно эта письменность позволяет увязать заметные культурные протопризнаки с тюркоязычным миром. Вполне понятно, что мир этот разнолик, поскольку *тюрки* – это обобщающее понятие лишь для одного языкознания, но не для истории и не для археологии. Однако намечаемые разработки позволят увидеть в этом разнообразии и то общетюркское, что некогда объединяло народы-предки в культурном отношении, что отличало тогда еще единый быт, одинаково воспринимавших мир пратюркских народов (см., напр., Кызласов 2009; 2010).

Естественные науки знают, что материя не исчезает без следа, преобразуясь в другое состояние. Гуманитарные науки также подошли к пониманию того, что духовное, раз возникнув и видоизменяясь, не исчезает без следа, сохраняя в позднейшем свои ранее пройденные этапы без изъятия. Речь, понятно, идет не об индивидуальном сознании, всякий раз набирающем все с социального нуля, а о коллективной духовности человеческих обществ. На осознании этого стоит и археологическая, и рунологическая составляющая выдвигаемого исследования.

Давние занятия автора археологией и рунологией тюркских народов высветили лишь отдельные черты древней пракультуры. Дальнейшие исследования, естественно, пополнят будущие знания. Но ждать их не следует – взяв на себя предоставление первых прочных данных, следует не только стремиться повлиять на ход этих последующих изысканий, надеясь их стимулировать, но и вполне понимать обширность, если не безбрежность, поставленной здесь задачи.

Не откладывая эту работу побуждают и широко распространившиеся ныне попытки обрисовать глубокую древность тюркских народов, минуя источниковедчески строгие разработки исторической науки. Эти романтические, розовые *мечтания о прошлом* небезобидны для общества.

Увлечения заранее заданными историко-культурными параметрами распространились ныне и в тюркологии, и в алтаистике. К российскому востоковедению нельзя не применять особых требований – слишком велики и чтимы научные заслуги наших ученых-предшественников.

Между тем, говоря об истории, а не об исторической фонетике, мы, строго говоря, не нуждаемся в гипотетических реконструкциях ранних тюркских слов и титулов на вероятных их отражениях в давнем звучании чужеродной речи (Кызласов 2011: гл. 1). Не нуждаемся до тех пор, пока не исчерпаем собственно тюркские языковые возможности. Посему предпочтительно ограничиться, хотя и не всеохватными, зато во всем надежными источниками тюркской рунической письменной речи, в своей этимологической основе содержащей несомненные пратюркские понятийные основы (Кызласов 1996; 2011: 33–35). Добавив к ним археологические проявления раннесредневековых тюркских культур, в сходстве своем содержащих былую общность установок пратюркского мировоззрения.

Правомерность обращения к руническим памятникам. Требуется обоснования сама возможность обращения к памятникам азиатского рунического письма (енисейского и орхонского), в равной мере появляющимся перед нами лишь в VIII в., для изучения пратюркского состояния неизвестной древности.

Относительно енисейских рунических начертаний особых сомнений не возникает – они архаичны не только в отношении алфавита и облика письменных документов – протографов каменнописных текстов, но и в раннем средневековье продолжают связь с древним поминальным обрядом, уходящем в века до нашей эры (Кызласов 1998а; 1998б; 2006). Все эти особенности должны быть подробно показаны.

Другое дело – орхонские надписи. Новые по обряду, содержанию и облику, они не имеют столь очевидных связей с предшествующими эпохами. Высеченные на камнях мемориальные тексты создавались образованными людьми на выработанном литературном языке, без диалектных различий и просторечья. И правомерность их привлечения требует прояснения.

Во II Восточнотюркском каганате письменность впервые становится в степях символом независимости. Отказ от иероглифики и согдийского языка был намеренным: их применяли враги – Китай и тюркешы. На памятных стелах Орхона деяния знати продолжают подвиги предков – от сотворения мира и первоправителей Бумына и Истеми. В этом две главных идеи возрожденной страны: наследование I каганату – возврат древних установлений. Первое объясняет устройство и политику государства, второе – нашу возможность по орхонским текстам познать тюркскую архаику. Из глубин истории было извлечено и само руническое письмо, лишь к VIII в. получившее у народа тюрков государственный статус.

В 687–716 гг., усмиряя «четыре угла мира», Эльтериш-каган (682–692 гг.) и Капаган-каган (692–716 гг.) восстановили границы I каганата в Центральной Азии: подчинили Монголию, Манчжурию, Туву, разбили карлуков и тюркешей, каган Бильге (716–734 гг.) захватил и бассейн Тарима. Но возникла угроза с севера – Китай и тюркешы втянули в антитюркский союз Древнехакасское государство. Военный конфликт с ним показателен для рассматриваемой темы.

Видно, Барс-бег, древнехакасский правитель из рода кыргызов, был незаурядным человеком. Ранее тюрки пытались сами получить его поддержку и выдали за него дочь основателя государства – Эльтериш-каган, и вскоре в 693 г. признали его каганом, во всем уравнивая с собою. «Кыргызский сильный каган», идя на это, также искал мира (ни до, ни веком после древние хакасы не вели внешних войн), но он знал и опасался тюрков. А те не собирались захватывать его земли (ведь они никогда не входили в I каганат). Подчинив Туву, три полководца в 710 г. напали на Хакасию, героически пройдя зимой через Саянские горы лишь затем, чтобы убить самого Барс-кагана. Он пал в бою, и они ушли, оставив страну жить своей жизнью. Эпопея описана в трех тюркских эпитафиях из пяти уцелевших (Кюль-тегина и Бильге-кагана – братьев жены, Барс-кагана и его убийц – а также на стеле Тоньюкука), а балбал Барс-кагана – символ главного убитого врага – был установлен в мемориале самого Капаган-кагана.

Возрождая историю тюрков, II Восточный каганат позаботился о вечности: в нем были созданы величественные мемориалы выдающимся деятелям страны. Ваятели пошли дальше портретной скульптуры, запечатлев деяния и думы героев. Величественные стелы испещрены тысячами рунических знаков. Пусть уподоблена Китаю форма этих стел (драконы на вершине, постамент-черепаша, вертикали строк), сами письмена звучат по-тюркски и несут тюркские мысли. Месяцами составлялись эти эпические поистине художественные тексты – появилась своя интеллигенция, считавшая образованность жизненным назначением (Кызласов 1999).

Но в жизни каганат не смог достичь былой славы тюрков: Китай ни разу не отдал за каганов своих принцев. Держава, чтившая доблесть, ослабла в бесконечных битвах. Подвластные тюркские народы бунтовали один за другим, наседали враги извне. Бильге-каган вновь «поднял к жизни гибнущий народ», установив мир с тюркешами и Китаем. Он стремился к смиренному буддизму (буддийский титул носил и один из его преемников). Но смута росла: Бильге отравили, за 11 лет

сменилось семь владык. Карлуки, басмылы и уйгуры дождались мести и в 742–744 гг. совместно уничтожили каганат. Страна, повторявшая прошлое, прожила 60 лет. Ее историческую роль определили не битвы, а высеченные в их честь письмена.

Актуальность тематики. Подобно каждому изысканию в сфере гуманитарных наук, представленную здесь тематику вызывают вполне конкретные общественные условия современности.

К исследованию авторов побуждают три обстоятельства. Во-первых, ныне резко возрос интерес к проблемам своего происхождения и ранней истории среди народов Евразии, в т. ч. тюркоязычных, коих на территории бывшего СССР проживало более 50 млн. человек. Вместе с тем, этот интерес сегодня удовлетворяется в значительной мере не трудами историков, а работами представителей самых разных групп творческой интеллигенции, в которых много того, что можно было бы назвать «розовыми национальными мечтаниями о прошлом» и что, по большей части, не имеет отношения к подлинным процессам и событиям этого прошлого. Во-вторых, на исследования специалистов всех гуманитарных дисциплин все более заметные ограничения накладывают исходные позиции, согласно которым раннесредневековое и древнее тюркоязычное население по своему жизненному укладу расценивается как кочевники. Само это понятие порождает заранее заданное и, как выясняется при непредвзятом анализе, очень узкое и чрезвычайно условное восприятие как археологических, так и исторических источников. В-третьих, и археология, и тюркская рунология ныне накопили качественно новые источники, содержащие объективную возможность проникновения в весьма глубокую древность. Еще недавно такой возможности для науки не существовало. Не только анализ, но в немалой доле и само публичное ознакомление с такими данными – насущная необходимость нашего времени.

Первое из отмеченных общественных явлений порождено, с одной стороны, явной нехваткой работающих во всех отраслях тюркологии квалифицированных специалистов, с другой – осознанием ограниченности тех подходов к постижению названных проблем, которые предлагает сегодня сама наука. Вместе с тем искренне стремящаяся к восполнению имеющихся пробелов национальная творческая интеллигенция, как легко заметить, глубоко впитала в себя схематизм академического кочевниковедения и неизбежно отразила мифы современной науки в своих попытках осмысления этногенетических и историко-культурных вопросов. Поэтому в ныне многочисленных изданиях, посвященных обсуждаемой тематике, в т. ч. и в тех, которые подготовлены университетами и научно-исследовательскими институтами, можно встретить утверждения о тюркоязычности и саков, и скифов, и многих более древних и совершенно неведомых нам по языку народов (таких, напр., как носители ямной археологической культуры). Основанием же служат лишь факты присущего им подвижного способа скотоводства, доения кобылиц и употребления кумыса, ведения боя воинами-конниками и т. п. черты быта, никак не связанные ни с этнической, ни с языковой природой общества.

И поиски специалистов, и разыскания *любителей* охотно ведутся лишь в заранее избранной сфере т. н. кочевнических древностей. Иными словами, и в любительской и в профессиональной области тюркологии, они и начинаются с заранее заданных позиций, и приводят к заранее известным результатам.

Здесь наиболее понятна и потому извинительна позиция не ученых, а любителей. Историк же осознает, что во времена, когда интерес к собственному прошлому приобретает массовый характер, каждый народ в лице своей интеллигенции проходит этап *исторического мифотворчества*. Основой этого всякий раз служит обращение к известным той самой интеллигенции как можно более глубокой хронологически, но *описанной* в источниках древности (античной, древневосточной или иной; и часто обращение именно к ее *мифам*). Неизменно применяемый при этом метод можно именовать *филологическим*, поскольку объяснение этимологии названий народов, стран, мест и личных имен привлекаемых древних текстов (по сути одних и тех же: перечень в Евразии весьма ограничен) в любом случае ведется на почве родного для авторов и родственных языков.

Этот путь историческая мысль в Скандинавии и Западной Европе прошла в XVI–XVIII вв., в России (в отношении русского народа) – в XVIII–XIX вв. (Грот 2008) (и вновь, как видим, проходит ныне). Опуская эпоху Абу-л-Гази, лишенную массовых книжных знаний и прервавшуюся в традиционном научном развитии, увидим, что тюркоязычные народы вышли на этот путь только в XX в. и во многом следуют по нему сегодня. Как и у их европейских предшественников, здесь также преобладают сочинения обратившихся к истории литераторов и филологов. И поскольку ничего особенного в этом нет, следует ли их судить? Профессиональному историку полезнее, как думается, делать собственную работу, уповая на то, что ее результаты заменят в массовой мысли те самые мифологические подходы.

Переходя на гуманитарное поле, легко понять, что профессиональные исследования уже в силу названного кочевниковедческого сужения поля зрения не могут отвечать всем требованиям. Нельзя забывать важнейшую особенность работы с историческими источниками любого рода: при их осмыслении можно почерпнуть лишь то, что нами отыскивается, точнее то, что мы готовы воспринять. Если при анализе любого древнего общества мы предпочтем методу внешних сравнений способ реконструкции присущих ему внутренних особенностей, то полученные результаты во многом изменят привычные для нас представления. Продемонстрировать сказанное в отношении наиболее существенных черт ранней истории тюркоязычных народов и, вследствие этого, изменить ее восприятие – и входит в задачу выдвигаемой мною исследовательской тематики.

- Грот, 2008 – *Грот Л. П.* Гносеологические корни норманизма // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 111–117.
- Кызласов 1996 – *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // Российская археология. 1996, № 3. С. 73–88.
- Кызласов 1998а; 1998б – *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. 1998. № 1. С. 71–83; № 2. С. 68–84.
- Кызласов 1999 – *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология. 1999. № 4. С. 99–117.
- Кызласов 2006 – *Кызласов И. Л.* Роль религии в развитии письменности: енисейские рунические надписи // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2006. С. 43–52.
- Кызласов 2009 – *Кызласов И. Л.* Два этапа пратюркого культурогенеза // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: Материалы конференции. М., 2009. С. 167–172.
- Кызласов 2010 – *Кызласов И. Л.* К основам изучения тюркских народов древности // На пути открытия цивилизации: Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб, 2010. С. 547–552 (ТМАЭ. Т. 3).
- Кызласов 2011 – *Кызласов И. Л.* Алтаистика и археология. М., 2011.

Н. П. Матвеева (Тюмень, Россия)

Погребальные памятники раннего средневековья в лесостепном Зауралье

Погребальные памятники начального этапа средневековой эпохи в западной части Западной Сибири продолжают оставаться мало изученными. Поэтому возникает много вопросов, напр., имели ли бакальская, кушнаренковская, караякуповская археологические культуры один корень или нет, какую роль сыграли этническая многокомпонентность кочевых сообществ, различные социальные и природные условия и др.

Основными памятниками начальной поры средневековья в Зауралье следует считать Козловский мог-к (83 погребения), Устюг-1 (25 погребений) и Ипкуль-15 (Чикунова 2011), материалы которого пока не опубликованы, но имеют весьма значительное сходство с вышеуказанными некрополями.

Цепочки маленьких курганов проложены поперек мыса, на стрелке довольно плотно, а далее – более разреженно. Причем более удаленные от стрелки мыса курганы, расположены относительно выше на местности и являются большими по размерам (Матвеева 2011). В них наблюдается деление на погребения, ориентированные строго на С, и на расположенные под углом 45° к нему, что, видимо, объясняется сезонными отличиями в расположении полуденного солнца, на которое ориентировались при размещении могил. С точки зрения наличия посуды определенного типа все захоронения можно разделить на саргатско-кашинскую, бакальскую, карымскую, кушнарниковскую и смешанную группы.

Раннесредневековые могилы расположены в широтных рядах, как под насыпями, так и без них – анализ микротопографии поверхности раскопов показывает, что над «бескурганскими» погребениями также были низкие насыпи высотой 15–20 см. Умершие однотипно размещены в могилах вытянуто на спине, с руками вдоль туловища, глубина и форма могильных ям одинаковые. Они вытянуто-овальные, размером 2–2,5 × 0,7–1,1 м, глубина, преимущественно, 0,3–0,6 м от уровня материка. В редких случаях зафиксированы сруб на дне ямы, челнок (мог-к Козловский), деревянное гробовище (мог-к Устюг-1), что указывает на имевшее место разнообразие в использовании вместилищ для тела умершего. У всех захороненных точно за головой или с отклонением влево или вправо установлены сосуды (от одного до четырех). В местах их прижизненного ношения находились бронзовые поясные пряжки с подвижным язычком, ременные наконечники, крупные синие или черные, мелкие стеклянные рубленные бусы голубого, синего, бледно-зеленого и красного цветов, браслеты, гривны, серьги. В нескольких случаях обнаружен мех, прилипший к бронзовым предметам, что указывает на обычай захоронения в зимней одежде или на зимнее время совершения обряда. Интересно, что в качестве поясных использовались и щитковые, и бесщитковые пряжки, а в качестве обувных – только бесщитковые. Предметы вооружения – наконечники стрел, кинжалы в ножнах – редки. Предметы культа, к которым мы относим полые литые изображения птиц, медведей, также единичны. Интересно отметить, что наибольшее количество украшений происходит из захоронений детей и подростков, где украшения, видимо, играли роль оберегов и были помещены отдельно, завернутыми в ткань. Возможно, какую-то символическую роль играли кварцитовые гальки белого цвета, положенные в изголовье могил.

Вблизи могил сохранились остатки совершения поминальных обрядов: сосуды в 30–50 см от края могилы на уровне древней поверхности, битая посуда в засыпке ям, скопления зубов от разрушившихся голов и копыта лошади, кости ног МРС. В качестве заупокойной пищи клали мясо крупных копытных, однажды встречены кости песка в сосудике. Некоторые могилы содержали следы кремации каких-то органических останков (линзы из толстого слоя жирного угля ок. 40 см толщиной и 40–50 см диаметром, прокал от кострища, концентрированно помещенный в одном из углов ямы), но не человеческих, т. к. кости скелета там тоже присутствовали. Не исключено, что остатки костра и погребальной пищи могли собирать в берестяной короб или мешок и перед засыпкой могилы в ней закапывать. Реже такие кострища располагались в изножье могилы на древнем горизонте.

Интересен тот факт, что могилы с бакальскими, карымскими, «кушнарниковскими» сосудами одинаково расположены на площади некрополя, не образуя какой-либо значительной концентрации. Часты случаи размещения в захоронениях разнородной керамики.

Важной особенностью рассматриваемой группы населения являлась черепная деформация, которую производили с применением круговой повязки вокруг мозгового отдела черепа, без использования плоских подкладок. В результате лоб оказался скошен назад, теменные бугры выступают, черепная коробка приобрела удлинённую форму. Причем зафиксированную на черепе деформацию можно признать деформацией сарматского типа, появившуюся в лесостепи Западной Сибири с юго-запада в эпоху РЖВ (Золотарёва 1957: 250).

Затем в раннесредневековых популяциях Западной Сибири этот обычай кольцевой деформации приобретает гипертрофированные черты, хотя для предшествующего саргатского населения он

был более характерен на раннем этапе, а на позднем – следы его в антропологических коллекциях практически отсутствуют (Багашев 2000: 214). Обычай изменять форму черепа зафиксирован у сарматского населения в широком ареале евразийских степей, а также у части кочевников Средней Азии. Особенно массово кольцевая деформация применялась и существовала как устойчивая традиция со времени проникновения и расселения гуннов в Восточном Приаралье, на Тянь-Шане (Ходжайов 2006: 14–15) и в Поволжье, Подонье (Батиева 2006: 55). Эта традиция затем развивалась у средневековых племен на довольно обширной территории лесостепи и подтайги Западной и Южной Сибири, что установлено по материалам мог-ков Окунёво-7, Усть-Тара-7 (Скандаков, Данченко 1999: рис. 12), Усть-Тартас, Умна, Юрт-Акбалык, Красный Яр, Осинки и др.

В раннем железном веке разного вида деформации черепа были характерны для элитарных групп номадов и служили внешним признаком социального превосходства. В период гунно-сарматской экспансии в Европе на весьма представительных данных памятников II–III вв. Е. Ф. Батиевой прослежена корреляция между деформацией черепа и уровнем травматизма боевого характера у мужской части популяций. Этот факт позволил предположить либо воинский характер маркированных таким образом групп населения, либо их миграционное происхождение (Батиева 2006: 57). Причем у женщин, скелеты которых не имели признаков деформации головы, установлен более высокий травматизм и ранний возраст смерти, свидетельствующие о неблагоприятных условиях их жизни (Там же). В целом выдвинута идея социальной сегрегации, в т. ч. выраженной и во внешнем облике людей. Выводы о большом числе черепных травм и высоких физических нагрузках, сочетающихся с особенностями погребальных конструкций и размещения могил, у обладателей «башнеобразных» голов, позволяющие видеть в них переселенцев, сделала А. П. Бужилова по мог-ку Косасар-2 (Бужилова 2006: 174). Однако, поскольку по данным антропологов, от 80 % сармато-аланских погребений в могильниках II–IV вв. на востоке Европы и до 40 % – на западе содержали деформированные черепа, то следует считать, что данная традиция – несомненно, азиатская, введенная в моду гуннами и племенами их союза, – стала понто-дунайской, т. к. «башневидные» черепа известны и у готов, варваризированных греков, остроготов, гепидов, свевов, ругов, бургундов (Казанский 2006: 129, 131).

Специалисты считают, что деформация костей черепа и давление повязки на мозг могли приводить к расстройствам психики, связанным с недостатком внимания, повышенной агрессивностью, галлюцинациями, эпилептическими припадками (Балабанова, Сычёва 2006: 160). По нашему мнению, формирование подобных черт психики у части людей было преднамеренным, т. к. должно было усиливать черты воинского лидерства и шаманского «предвидения» с точки зрения «потребностей» общества.

Деформация в Козловском мог-ке установлена преимущественно у мужчин (Matveeva, Poshekhonova 2010), а в Устюге-1 – у всего населения. Инвентарь в погребениях – не рядовой, имеются привозные металлические и стеклянные вещи, оружие. Однако размеры погребальных сооружений как в грунтовой части некрополей, так и в курганах, невелики, следы поминальных обрядов представлены остатками столбов и костями от головы и ног лошади. В рассматриваемом случае деформация черепа встречается со всеми типами керамики и играла, видимо, роль объединяющего культурного признака.

Есть основания считать, что при переселениях и метисации придание удлиненной формы головам детей путем их тугого бинтования, по-видимому, превратилось в традицию поддержания престижа у зауральских скотоводов. Она прослежена в зоне верхнеобской (Громов 2006: 90; Дрёмов 1977), потчевашской и бакальской культур, сложившихся на основе местного лесостепного субстрата с суперстратными включениями таежных и степных мигрантов так же, как эта традиция удерживалась в культуре многих европейских народов.

Поскольку погребальный обряд бакальской культуры мало известен, то поле для сравнений не велико. Обращает на себя внимание определенное сходство рассматриваемых некрополей с более поздним курганным Бобровским мог-ком на Иртыше, содержащим в керамическом комплексе

16 % бакальского материала в близких по размеру насыпях, наряду с потчевашскими кувшинами, деревянными чашами и профилированными банками оседлого населения Южного Казахстана. Однако ориентация могил в нем иная – на ЮЗ, размещение тел такое же – в гробах, колодах, в кошме. Там же наблюдались остатки голов, ног и копыт лошадей у могил, подобные жертвенные комплексы обнаружены и в курганах с кремацией (Арсланова 1980: 79, 82, 86), которая зафиксирована и как захоронение сожженных костей, и как зольные и углистые пятна, аналогичные по мощности изученным в лесостепном Зауралье. Интересной детали – помещение в сосуд костей песка – также имеется аналогия в кург. 3 Бобровского мог-ка, где в сосуд были сложены нижние челюсти лисицы, сайги и хорька (Арсланова 1980: 85).

Отчасти сходный погребальный обряд демонстрирует мог-к Усть-Тара-7 – близкие размеры насыпей и могил, северная ориентировка, деформированные черепа погребенных, жертвоприношение лошади (Скандаков, Данченко 1999: 167). Однако погребальная традиция Усть-Тары-7 не тождественна козловской и устюжской: там есть ровики вокруг курганов, бревенчатые оградки, посуда помещалась не только в изголовье, но и в ногах покойников, по другому использовался огонь – берестяные и деревянные гробовища подвергали частичному обугливанию. В материалах мог-ка Усть-Тара-7 нет бакальской или потчевашской керамики, поэтому Е. М. Данченко относит его к карымской культуре (Данченко 2008: 49). Параллельное расположение захоронений под насыпью, следы кремации в виде скоплений, помещенных в ямки, встречены в одном из ранних потчевашских мог-ков Окунёво-3 (Могильников 1987: 186–187). Сходство в составе остатков жертвенной пищи наблюдается в скоплениях костей лошади и птицы, отдельно стоящих сосудах. Видимо, в формировании потчевашской погребальной традиции принял участие какой-то саргатский компонент – общий с участвовавшим в сложении бакальской культуры.

Некоторые аналогии погребальным традициям Козлова мыса-2 находятся и в ряде могильников Приуралья, напр., в курганной части Бродовского мог-ка. В нем внутри площадок, ограниченных маленькими незамкнутыми ровиками, возле могил имеются следы кострищ, головы лошадей, битая керамика. Могилы также расположены рядами, независимо от размеров и наличия оград и насыпей. Множество дуговидных и полукольцевых канавок у погребений указывает на присутствие мелких оградок и насыпей почти у всех захоронений (Голдина 1986: 49–52). В ранней группе погребений Бирского мог-ка, датирующейся III–началом V в. (Васюткин 1971: 98), представлены такие же неглубокие узкие ямы с отвесными стенками, тела помещены в гробах, беден ассортимент украшений. Там же встречены все варианты расположения посуды: в изголовье, в заполнении ям, рядом с могилами (Мажитов 1968: 12, 22, 25). Скопление предметов в изголовье можно сопоставить с характерными для мазунинской культуры т. н. жертвенными комплексами из вещей, положенных кучкой рядом со скелетом (Останина 1977: 31).

Параллели в погребальной практике с памятниками гунно-сарматского времени в южно-уральских степях также имеются, хотя они малочисленны: меридиональная ориентировка, размещение головы и конечностей лошади у края могилы (Боталов, Гуцалов 2000: 152, 154), однако нет ни подбоев, ни заплечиков, ни специфических хуннских типов инвентаря.

Таким образом, оригинальный погребальный обряд формирующейся бакальской культуры сочетает немногочисленные, сохранившиеся от РЖВ традиции с инновациями, обусловленными наслоениями разнородных элементов культуры мигрантных групп. Некоторые его черты (расположение могил рядами, кремации, ровики) были впоследствии утрачены.

Арсланова 1980 – *Арсланова Ф. Х.* Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 79–104.

Багашев 2000 – *Багашев А. Н.* Палеоантропология Западной Сибири. Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск, 2000.

Балабанова, Сычёва 2006 – *Балабанова М. А., Сычёва А. В.* Рентгенологическое исследование позднесарматских черепов // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006. Вып. 5. С. 152–163.

- Батиева 2006 – *Батиева Е. Ф.* Искусственно деформированные черепа в погребениях нижнедонских могильников (первые века н. э.) // *OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии.* М., 2006. Вып. 5. С. 53–72.
- Боталов, Гуцалов 2000 – *Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 2000.
- Бужилова 2006 – *Бужилова А. П.* Биоархеологические подходы к изучению деформированных черепов из Приаралья // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии.* М., 2006. Вып. 5. С. 164–176.
- Васюткин 1971 – *Васюткин С. М.* К дискуссии по бахмутинской культуре // *СА.* 1971. № 3. С. 97–105.
- Голдина 1986 – *Голдина Р. Д.* Исследования курганной части Бродовского могильника // *Приуралье в древности и средние века.* Устинов, 1986. С. 47–98.
- Громов 2006 – *Громов А. В.* Черепа из Осинкинского могильника: следы искусственного воздействия // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии.* М., 2006. Вып. 5. С. 88–95.
- Данченко 2008 – *Данченко Е. М.* К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // *Проблемы бакальской культуры: Матер. семинара.* Челябинск, 2008. С. 45–60.
- Дрёмов 1977 – *Дрёмов В. А.* Обычай искусственного деформирования головы у древних племен Западной Сибири и его происхождение // *Проблемы археологии и этнографии.* Л., 1977. Вып. 1. С. 99–110.
- Золотарёва 1957 – *Золотарёва И. М.* Черепа из Перейминского и Козловского могильников // *Смирнов А. П., Мошинская В. И., Чернецов В. Н. Золотарёва И. М.* Культура древних племен Приуралья и западной Сибири. М., 1957. С. 246–250 (МИА. № 58).
- Казанский 2006 – *Казанский М. М.* Об искусственной деформации черепа у бургунов в эпоху переселения народов // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии.* М., 2006. Вып. 5. С. 127–139.
- Мажитов 1968 – *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М., 1968.
- Матвеева 2011 – *Матвеева Н. П.* Особенности формирования средневековых культур лесостепи Западной Сибири в эпоху Великого переселения народов // *Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб; М.; Вел. Новгород,* 2011. Т. II. С. 69–70.
- Могильников 1987 – *Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // *Финно-угры и балты.* М., 1987. С. 163–235.
- Останина 1977 – *Останина Т. И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. н. э. Ижевск, 1997.
- Скандаков, Данченко 1999 – *Скандаков И. Е., Данченко Е. М.* Курганный могильник Усть-Тара-VII в южно-таежном Прииртышье // *Гуманитарное знание. Серия «Преемственность».* Омск, 1999. Вып. 3. С. 160–186.
- Ходжайов 2006 – *Ходжайов Т. К.* География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии.* М., 2006. Вып. 5. С. 12–21.
- Чикунова 2011 – *Чикунова И. Ю.* Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Притоболье // *Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб; М.; Вел. Новгород,* 2011. Т. II. С. 112–113.
- Matveeva, Poshekhonova 2010 – *Matveeva N. P., Poshekhonova O. Ye.* Cranial deformities of the population of Trans-Urals in the Early Middle Age // *16 Annual meeting the European association of archaeologists: Abstracts.* Hague, 2010. P. 50.

К проблеме происхождения «минусинского» локального варианта тюркской культуры

Специфика процессов культурогенеза, происходивших на территории Минусинской котловины в разные хронологические периоды, обусловленная в значительной степени особенностями географического положения данного региона, неоднократно отмечалась исследователями (Подольский 2007; Савинов 2007: 213–214). Не является в этом плане исключением и раннее средневековье. Важным сюжетом истории рассматриваемого периода является присутствие на Среднем Енисее тюрков – основателей крупнейших кочевых империй того времени. Несмотря на то, что памятники тюркской культуры в Минусинской котловине известны с XVIII в., а их исследованию посвящена обширная литература, многие аспекты существования кочевников обозначенной общности в данном регионе изучены весьма фрагментарно. В частности, открытой остается проблема происхождения «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрков, включающая комплекс вопросов, связанных с определением времени его сложения, уточнением компонентов, принявших участие в этом процессе, реконструкцией исторического контекста. Попытке решения отдельных проблем посвящена данная работа.

В настоящее время наиболее последовательно представлена позиция исследователей, придерживающихся точки зрения о том, что группы населения с обрядом захоронения в сопровождении лошади проникли на территорию Минусинской котловины не ранее VIII в. (Нестеров 1985: 118; Митько, Тетерин 1998: 403; Худяков 2004: 89; и др.). Гораздо менее распространенным является утверждение о появлении тюрков на Среднем Енисее в VI–VII вв. (Гаврилова 1965: 58–59; Кляшторный, Савинов 2005: 232). В то же время в работах многих исследователей в той или иной степени раскрыта специфика погребальной и поминальной обрядности древнетюркского населения в указанном регионе, однако объяснения зафиксированным особенностям не представлены. Учитывая важность реконструкции процессов, происходивших в Минусинской котловине, для понимания раннесредневековой истории всего Центральноазиатского региона, необходимо решение накопившихся вопросов путем проведения специального исследования.

Осуществление объективной реконструкции процессов формирования конкретной общности по археологическим источникам требует анализа материалов всех известных памятников. При этом наиболее информативными являются хронологически ранние объекты, сохранившие совокупность показателей, отражающих сложение характерных черт обрядовой практики. Известно, что в археологических материалах процесс становления культурных традиций зачастую отражен весьма фрагментарно (Подольский 2007: 114–115). Тем не менее, детальное исследование позволяет зафиксировать необходимые характеристики, являющиеся основой для дальнейших заключений.

Ранние памятники тюркской культуры Минусинской котловины датируются в рамках кудыргинского этапа (вторая половина VI–первая половина VII в.). Комплексы этого периода в рассматриваемом регионе, как и на сопредельных территориях, весьма немногочисленны. В Минусинской котловине к ним могут быть отнесены объекты, раскопанные на памятниках Усть-Тесь (Киселёв 1929: 146; Евтюхова 1948: 60–61), Белый Яр-II (Поселянин и др 1999), Терен-Кель (Худяков 1999). Обозначенная датировка погребений основывается на анализе характерных форм предметов сопроводительного инвентаря.

Достаточно надежными хронологическими маркерами являются предметы конского снаряжения. В ряде захоронений на территории Минусинской котловины обнаружены удила со стержневыми, с несколько загнутыми концами роговыми (костяными) псалиями, которые традиционно рассматриваются как наиболее архаичные для археологических комплексов Саяно-Алтая второй половины I тыс. н. э. (Гаврилова 1965: рис. 16, 2; Овчинникова 1990: 97). Подобные изделия фиксируются в памятниках региона и сопредельных территорий скифо-сакского и хуннского периодов

(Кляшторный, Савинов, 2005: рис. 2, 7; 3, 11; Соенов 1998: рис. 1, 9) и обнаружены в погребениях раннего кызыл-ташского этапа (вторая половина V–первая половина VI в.) тюркской культуры Алтая (Тишкин, Серёгин 2011: рис. 1). Такие псалии продолжали использоваться и во второй половине VI–первой половине VII в., о чем свидетельствуют находки из погребальных комплексов Минусинской котловины (Киселёв 1929: табл. V, 13; Евтюхова 1948: рис. 111; Поселянин и др. 1999: рис. 17, 9; Худяков 1999: рис. 2, 2), а также Алтая и Тувы (Гаврилова 1965: табл. VII, 1; XX, 36; Трифонов 1971: рис. 5; Суразаков 1982: рис. 2, 7). В памятниках катандинского этапа древнетюркской культуры (вторая половина VII–вторая половина VIII в.) такие изделия уже не встречаются; их сменяют роговые псалии с двумя небольшими отверстиями, в которых крепились железные скобы (Гаврилова 1965: рис. 8, 10; Грач 1960: рис. 95; Мамадаков, Горбунов 1997: рис. 9, 7; и др.).

Весьма показательны в хронологическом плане стремена характерных форм из памятников Минусинской котловины второй половины VI–первой половины VII в. Изделие из мог-ка Усть-Тесь (Киселёв 1929: табл. V, 12; Евтюхова 1948: рис. 111а) имеет ряд ранних признаков: неширокая плоская подножка, несомкнутая в основании петля, а также вытянутый контур. Такие же черты петельчатых стремян отличают находки из комплексов тюркской культуры Алтая кызыл-ташского этапа (вторая половина V–первая половина VII в.) (Тишкин, Серёгин 2011: рис. 2). Экземпляры, обнаруженные в ходе раскопок некрополей Белый Яр-II (Поселянин и др. 1999: рис. 16, 19, 22; 17, 12, 14) и Терен-Кель (Худяков 1999: рис. 3), демонстрируют типичные признаки стремян, получивших распространение в памятниках второй половины VI–первой половины VII в. на обширных территориях и встречающихся в объектах более позднего времени достаточно редко: сравнительно узкая, в ряде случаев прямая, подножка с небольшой нервюрой или без ребра жесткости; небольшая вертикально вытянутая или слегка приплюснутая петля; округлый контур некоторых изделий; выделенная пластина на высокой ножке и др.

Более редкими, но не менее важными для датировки находками являются украшения конского снаряжения. Лепестковые подчетырёхугольные бляхи, обнаруженные в одном из погребений некрополя Белый Яр-II (Поселянин и др. 1999: рис. 17, 16–17), судя по всему, восходят к накладкам, использовавшимся во второй половине VI–первой половине VII в. для декорирования колчана или пояса (Гаврилова 1965: табл. XII, 2; XIX, 2; XXIV, 4–5). Начиная с середины VII в., они встречаются в составе украшений конского снаряжения (Савинов 1982: рис. 10, 2; Горбунова 2010: 54).

Другие материалы, обнаруженные в ранних комплексах «минусинского» локального варианта тюркской культуры, не имеют узкой хронологии, однако приведенные показатели достаточны для уверенного определения датировки названных памятников в рамках кудыргинского этапа с возможным «заходом» в середину VII в. Дополнительным, хотя и косвенным, признаком можно считать отсутствие в рассматриваемых погребениях элементов предметного комплекса, получивших широкое распространение во второй половине VII–первой половине VIII в., прежде всего, характерной поясной гарнитуры «катандинского» типа. Добавим, что весьма интересным показателем, отличающим состав инвентаря из захоронений Минусинской котловины рассматриваемого времени, является присутствие в погребении только одного стремени. Эта особенность отмечена при исследовании комплексов Алтая кызыл-ташского этапа тюркской культуры (вторая половина V–первая половина VI в.) (Тишкин, Серёгин 2011: 21) и фиксируется в памятниках кудыргинского этапа на территории Тувы и Средней Азии (Винник 1963: 87; Вайнштейн 1966: 303; Трифонов 1971: рис. 5; и др.).

Погребальная обрядность, зафиксированная при исследовании ранних комплексов тюрков на территории Минусинской котловины, не включает каких-либо характеристик, резко отличающих памятники этого периода от объектов этого региона более позднего времени. Представляется возможным говорить о том, что основные показатели наземных и внутримогильных сооружений, а также погребальный ритуал населения «минусинского» локального варианта сложились уже на кудыргинском этапе. Приведем суммарную характеристику захоронений Минусинской котловины

второй половины VI–первой половины VII в., с акцентом на рассмотрении традиций, не типичных для обрядовой практики кочевников тюркской культуры на сопредельных территориях.

При исследовании ряда некрополей тюркской культуры Минусинской котловины, в т. ч. одного из ранних комплексов (Поселянин и др. 1999), отмечены некоторые особенности размещения объектов. Курганы расположены компактно на ограниченном пространстве, зафиксированы также смежные насыпи, образующие своего рода «соты» (Митько, Тетерин 1998: 380). Такая планиграфия не характерна для могильников раннесредневековых тюрок на других территориях. Также нетипичной является подквадратная форма насыпей-оград, отмеченная при раскопках отдельных памятников Минусинской котловины. Подобные сооружения единично зафиксированы на Алтае (Соловьёв 1999: рис. 2–3; Кубарев 2005: табл. 40; 43) и, вполне вероятно, демонстрируют контакты кочевников с населением сопредельных районов. Более стандартными являются внутримогильные конструкции ранних погребений тюрок на Среднем Енисее. Почти во всех захоронениях с лошадью животное находилось на невысокой приступке, выше человека. Для «одиночных» погребений (без лошади) характерна простая могильная яма. Погребальная камера представлена в ряде памятников кудыргинского этапа в виде гроба. Одно захоронение находилось в подбое.

Показательным элементом обрядовой практики населения «минусинского» локального варианта является погребальный ритуал. Анализ совокупности таких характеристик, как ориентировка и взаимное расположение умершего человека и сопровождавшей его лошади показывает, что во второй половине VI–первой половине VII в. у тюрок Среднего Енисея произошло сложение стандарта погребального ритуала, отличного от традиций кочевников рассматриваемой общности на других территориях (Серёгин 2009б: 31; 2010: 177). Для обрядовой практики раннесредневековых кочевников Алтая, Тувы и Монголии (более 60 % объектов) была характерна ориентировка человека на В, противоположное направление лошади и расположение животного слева от умершего. Материалы раскопок погребений тюркской культуры Минусинской котловины демонстрируют другое сочетание показателей: человек и сопровождавшая его лошадь (или овца) направлены головой на З, причем животное чаще находилось справа.

Обозначенные черты погребальной обрядности сохранились и получили продолжение на последующих этапах развития «минусинского» локального варианта. Представляется, что зафиксированная специфика ряда черт погребального обряда связана с особенностями процессов формирования локального варианта.

На наш взгляд, ответ на данный вопрос требует обращения к результатам раскопок памятников предшествующего времени. Совокупность показателей, отличающих ранние погребения тюркской культуры Минусинской котловины, имеет устойчивые аналогии в материалах развитого и, особенно, позднего этапов булан-кобинской культуры Алтая «гунно-сарматского» времени (II–V вв. н. э.). Для некрополей булан-кобинской культуры Алтая характерно компактное расположение курганов вплотную друг к другу. В ряде случаев смежные надмогильные конструкции образуют сооружения, напоминающие по форме «соты» (Соенов 2003: 30; Матрёнин 2005б). Такая ситуация весьма последовательно фиксируется в материалах комплексов позднего этапа данной общности (Соенов, Эбель 1992; Соенов 2000; Тишкин, Горбунов 2003; и др.). Одним из вариантов оформления наземных конструкций у населения булан-кобинской культуры были подквадратные ограды. Подобные конструкции отмечены в мог-ках Дялян (Соенов 2003: 16), Кальджин-VI (Молодин и др. 2004: 159–160), Кок-Паш (Бобров и др. 2003: рис. 4; 7; 24–25; и др.), Курайка (Слюсаренко и др. 2008) и др.

Распространенной формой погребального ритуала на развитом и позднем этапах существования булан-кобинской культуры Алтая было захоронение человека в сопровождении лошади при ориентировке умерших на З. Животное, нередко положенное на бок, находилось слева или справа от человека, на одном с ним уровне или на невысокой приступке. В ряде случаев человек был помещен в подбое. Такая картина, весьма схожая с традициями погребального ритуала населения «минусинского» локального варианта, зафиксирована на мог-ках Верх-Уймон (Соенов, Эбель

1992; Соенов 2000), Катанда-I (Гаврилова 1965: 54), Чендек (Соенов, Эбель 1992; и др.), датирующихся в пределах IV–V вв.

Важно отметить, что обозначенная совокупность признаков погребального ритуала, характерная для отдельных групп населения булан-кобинской культуры, не получила развития в традициях какой-либо общности раннего средневековья, за исключением носителей «минусинского» локального варианта. Вместе с тем, на территории Среднего Енисея она появляется как будто в уже сложившемся виде. Традиция захоронения по обряду ингумации в сопровождении лошади не имеет корней в рассматриваемом регионе и, очевидно, была принесена в Минусинскую котловину в середине VI в. н. э. какой-то группой населения. Учитывая наличие комплекса схожих признаков, фиксирующихся в материалах ряда некрополей Алтая IV–V вв. и памятников «минусинского» локального варианта тюркской культуры, допустимо рассматривать предположение о том, что этой пришлой группой были носители булан-кобинской культуры. Отметим, что обозначенным характеристикам наиболее полно соответствуют «айрыдашская» и «верх-уймонская» группы погребений «булан-кобинцев» (Матрёнин 2005а: 97).

Вопрос о возможной преемственности булан-кобинской и тюркской культур неоднократно рассматривался исследователями. Ранее для его решения привлекались исключительно результаты раскопок на территории Алтая (см. Серёгин 2009а). С одной стороны, анализ результатов исследования памятников обозначенных общностей показывает схожие черты в предметном комплексе (Тишкин, Серёгин 2011: 28), а также отдельных характеристиках ритуальных объектов (Матрёнин, Сарафанов 2006: 210). С другой стороны, погребальный обряд населения булан-кобинской культуры не находит устойчивого продолжения в традициях тюркской культуры. Захоронения с лошадью, оставленные населением Алтая «гунно-сарматского» времени, серьезно отличаются по ряду признаков от стандартных погребений тюрков раннего средневековья в данном регионе, а также на сопредельных территориях. Поэтому устойчивая фиксация традиций отдельных групп населения Алтая IV–V вв. в материалах раскопок памятников «минусинского» локального варианта позволяет по-новому рассматривать исторические судьбы «булан-кобинцев».

Одним из центральных сюжетов истории создателей I каганата была активная военная экспансия. Известно, что значительную часть войска тюрков составляли зависимые группы населения, включенные в империю кочевников. Интересную информацию в этом плане предоставляет часто цитируемый фрагмент китайской летописи, в котором сообщается о том, что тюрки «геройствовали в пустынях севера» силами многочисленных племен теле (Бичурин 1950: 301). Вполне вероятно, что в ходе реализации одной из военных операций, направленных на присоединение Минусинской котловины, были задействованы отдельные группы «булан-кобинцев», вошедших в состав каганата. Такой поход, судя по обоснованной выше хронологии ранних погребений «минусинского» локального варианта тюркской культуры, был осуществлен в середине–второй половине VI в.

Представленный в настоящей статье вариант реконструкции процессов происхождения «минусинского» локального варианта тюркской культуры является гипотезой, требующей не только дальнейшей проработки и развернутой аргументации, но также подробного обсуждения и проверки новыми материалами. Не менее актуальным направлением исследований остается детальное изучение особенностей последующего развития общности раннесредневековых тюрков на Среднем Енисее.

Бичурин 1950 – *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1.

Бобров и др. 2003 – *Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.* Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск, 2003.

Вайнштейн 1966 – *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. 1966. Т. II. С. 292–334.

- Винник 1963 – *Винник Д. Ф.* Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 79–93.
- Гаврилова 1965 – *Гаврилова А. А.* Могильник Кудьргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Горбунова 2010 – *Горбунова Т. Г.* Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул, 2010.
- Грач 1960 – *Грач А. Д.* Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ. 1960. Т. I. С. 73–150.
- Евтюхова 1948 – *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Киселёв 1929 – *Киселёв С. В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 1–162.
- Кляшторный, Савинов 2005 – *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб, 2005.
- Мамадаков, Горбунов 1997 – *Мамадаков Ю. Т., Горбунов В. В.* Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. С. 115–129.
- Матрёнин 2005а – *Матрёнин С. С.* К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н. э.–V в. н. э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 93–98.
- Матрёнин 2005б – *Матрёнин С. С.* Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н. э.–V в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 105–119.
- Матрёнин, Сарафанов 2006 – *Матрёнин С. С., Сарафанов Д. Е.* Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
- Митько, Тетерин 1998 – *Митько О. А., Тетерин Ю. В.* О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. I. С. 396–403.
- Молодин и др. 2004 – *Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Новиков А. В., Богданов Е. С., Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В.* Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск, 2004.
- Нестеров 1985 – *Нестеров С. П.* Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 111–121.
- Овчинникова 1990 – *Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.
- Подольский 2007 – *Подольский М. Л.* Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб, 2007. С. 113–128.
- Поселянин и др. 1999 – *Поселянин А. И., Киргинеков Э. Н., Тараканов В. В.* Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 88–116.
- Савинов 1982 – *Савинов Д. Г.* Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.
- Савинов 2007 – *Савинов Д. Г.* Археологическая периодизация и культурно-экологические области Саяно-Алтайского нагорья // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб, 2007. С. 211–228.
- Серёгин 2009а – *Серёгин Н. Н.* Булан-кобинская и тюркская культуры Горного Алтая: проблема преемственности // Полевые исследования в Горном Алтае на современном этапе (археология, этнография). Горно-Алтайск, 2009. С. 46–50.
- Серёгин 2009б – *Серёгин Н. Н.* Проблема выделения локальных вариантов тюркской культуры Саяно-Алтая // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2009. С. 28–33.
- Серёгин 2010 – *Серёгин Н. Н.* Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. С. 171–180.

- Слюсаренко и др. 2008 – *Слюсаренко И. Ю., Богданов Е. С., Соенов В. И.* Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7. С. 42–57.
- Соенов 1998 – *Соенов В. И.* Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 93–98.
- Соенов 2000 – *Соенов В. И.* Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2000. № 5. С. 48–62.
- Соенов 2003 – *Соенов В. И.* Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск, 2003.
- Соенов, Эбель 1992 – *Соенов В. И., Эбель А. В.* Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск, 1992.
- Соловьёв 1999 – *Соловьёв А. И.* Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катуні // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. № 4. С. 123–133.
- Суразаков 1982 – *Суразаков А. С.* Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.
- Тишкин, Горбунов 2003 – *Тишкин А. А., Горбунов В. В.* Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2003. Т. IX. Ч. I. С. 488–493.
- Тишкин, Серёгин 2011 – *Тишкин А. А., Серёгин Н. Н.* Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н. э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 14–32.
- Трифонов 1971 – *Трифонов Ю. И.* Древнетюркская археология Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.
- Худяков 1999 – *Худяков Ю. С.* Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 21–26.
- Худяков 2004 – *Худяков Ю. С.* Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004.

С. Е. Саранцева (Владивосток, Россия)

Предварительные результаты исследования черепицы усадьбы Алестуй в Забайкалье

Усадьба Алестуй – один из немногочисленных памятников монгольского времени, располагается в Краснокаменском р-не Забайкальского края. Памятник был открыт А. Р. Артемьевым (2003: 88; 2005: 16–17). Стационарные исследования производились в 2009–2010 гг. под руководством А. В. Харинского (Крадин и др. 2010: 247). Центральное здание усадьбы представляло собой насыпную платформу высотой ок. 1 м, размером ок. 20 × 30 м, вытянутую по линии С–Ю. Вокруг платформы расположен невысокий вал, ориентированный по сторонам света. Внутри постройки были зафиксированы остатки двух, очевидно автономных друг от друга кана, которые отапливали помещение, а также угол стены из сырцового кирпича. Крыша здания покоилась на деревянных колоннах и была покрыта черепицей.

Черепица является наиболее массовым материалом, обнаруженным при исследовании центрального здания усадьбы. В процессе исследования было собрано более 28000 обломков и целых черепиц. Изделия, как правило, серого цвета. Внешняя поверхность черепицы гладкая, а внутренняя всегда имеет оттиски ткани.

Согласно разработанной классификации вся найденная черепица по форме поперечного сечения является плоской. Она имеет вид широкого желоба, лицевая (внешняя) поверхность ее выгнута, тыльная (внутренняя) – вогнута. Ширина плоской черепицы составляет $\frac{1}{4}$ окружности, т. е. по своей сути хорду. Продольное сечение черепицы – трапецевидное, ширина нижнего края всегда больше, чем верхнего.

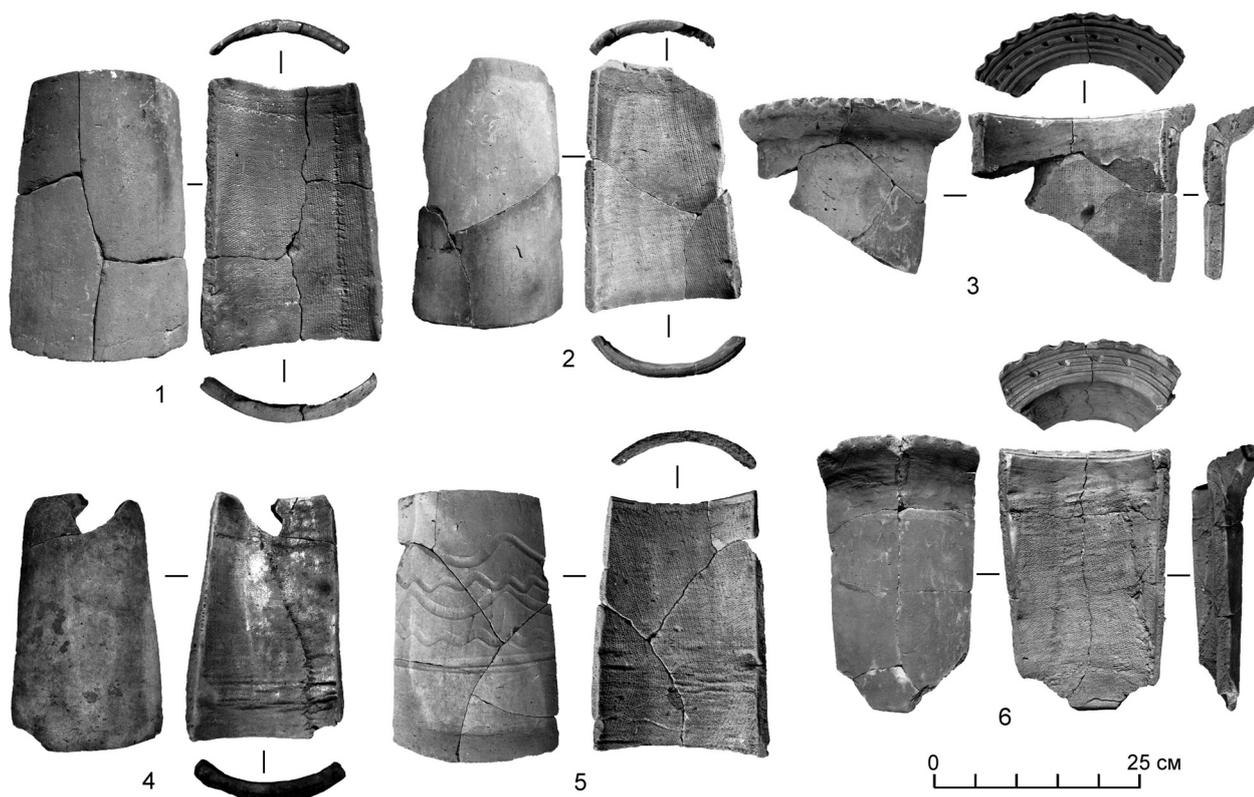

Рис. 1. Плоская черепица усадьбы Алестуй: 1–2, 4 – простая; 3, 6 – с отливом; 5 – с отпечатками прямых и волнистых линий на внешней поверхности

По оформлению конструктивных деталей выявлены следующие типы черепицы:

Тип 1. Плоская простая черепица является самой распространенной на памятнике (рис. 1, 1–2, 4). Такую черепицу укладывали непосредственно на обрешетку крыши, начиная от карниза вверх до конька, вразбежку, т. е. черепицы перекрывали своими широкими концами одна другую так, чтобы вышележащая смещалась по сравнению с нижележащей на половину или на треть ее длины. Черепица этого типа составляла основу любой кровли. Длина черепицы – 28–29,7 см, ширина широкого края – 17–21 см, узкого – 14,3–18,5 см. Толщина черепицы – 0,9–2,3 см.

Тип 2. Плоская черепица с отпечатками прямых и волнистых линий на внешней поверхности по форме выглядит как плоская (простая) (рис. 1, 5), но имеет на своей внешней поверхности вдавленные линии. Количество изделий этого типа невелико. Обнаружена только одна целая черепица длиной 28 см, шириной широкого края – 19 см, узкого – 16,3 см. Толщина черепицы – 1,1–1,6 см.

Тип 3. Плоская черепица с отливом (рис. 1, 3, 6). Находки ее также немногочисленны. По форме черепица аналогична плоской (простой), однако имеет на своем нижнем широком конце отлив – отгиб широкого края, расположенный под углом по отношению к самой черепице. Ширина широкого края изделий – 15,5–16 см, толщина – 1–2,3 см. Ширина отлива – 4,3–5,8 см, толщина – 1,6–2 см. Лицевая поверхность и бортик отлива черепицы этого типа орнаментированы. На лицевой поверхности отлива зафиксированы несколько однообразных типов декора.

Технико-технологические особенности изготовления черепицы. На поверхностях и в изломе черепица серого и серо-голубого цвета. Черепок пористый, довольно рыхлый, часто замыт. Визуально определяется, что изделия изготовлены из запесоченной глины; размеры видимых включений (как правило, белого цвета) в тесте достаточно крупный – от 0,2 до 1,3 см. На гладких поверхностях и в изломе черепицы отмечено присутствие мелких частиц биотита. Еще одной особенностью черепицы являются многочисленные отпечатки растительных включений, оставшихся после выгорания в виде крупных обломков палочек, которые, возможно, применяли в

качестве отошителя к глиняному тесту. Анализ черепицы на водопоглощение черепка горячим способом показал средние результаты 17,3 %.

Черепицу формовали на шаблоне, имевшем форму усеченного конуса, диаметр нижнего основания которого всегда больше верхнего. Шаблон, скорее всего, был выполнен из дерева. Одновременно на таком шаблоне можно было изготовить четыре черепицы. После формовки часть черепицы подвергали доработке: некоторые черепицы снабжали отливом; другие с внешней поверхности покрывали вдавленными прямыми и волнистыми линиями.

Для более легкого снятия сформованной черепицы шаблон покрывали тканью, отчего на ее внутренней поверхности всегда имеются текстильные отпечатки. Ткань, покрывавшая шаблон, плотная, изготовлена на ткацком станке простым (полотняным) переплетением довольно толстых продольных и поперечных нитей. Ткань распределялась на шаблоне равномерно, по горизонтали, подгонялась под форму шаблона. Для ее закрепления на шаблоне оба конца сшивались нитью, образуя вертикальные швы. К сожалению, отпечатки на внутренней поверхности фиксируются плохо, что обусловлено как качеством самой ткани, так и глины, из которой была изготовлена черепица. Количество швов на одной черепице колеблется от одного до трех. Некоторые черепицы их не имеют. На черепице памятника не выявлено отпечатков заплат и вставок на ткани. Помимо отпечатков швов от сшивания концов ткани, на черепице имеются отпечатки пришитого в ее верхней части, на расстоянии 2,4–5,8 см от края, шнура или веревки, шириной 0,4–0,7 см. Шнур пришивали поверх ткани для закрепления ее на шаблоне, фиксируются отпечатки стежков.

Черепица усадьбы Алестуй предположительно сформована ленточным способом, хотя размер, направление и форма лент определяются крайне редко. В ряде случаев зафиксировано, что черепица состоит из двух неравномерных по толщине слоев глины. На двух фрагментах черепицы в нижней части сохранились отпечатки дощечек шаблона, ширина которых составляла 0,9–1,1 см.

Верхний торец черепицы покатый. Нижний – грубый, на нем отсутствуют следы подравнивания черепицы после формовки. Отпечатки ножа на боковых стыках тонкие – в среднем до 0,4 см. На внутренней поверхности у боковых стыков черепицы имеются едва заметные отпечатки парных углублений – разметки, предположительно от гвоздей, вбитых на шаблоны и служивших для разделения сформованных и высушенных изделий. Располагались они на разном расстоянии от верхнего и нижнего стыков, друг напротив друга: в 3,5–10 см от нижнего края и в 3,5–11 см – от верхнего. На некоторых черепицах отпечатки имеются только у одного из торцов.

Внешняя поверхность черепицы гладкая и покрыта слоем тонкодисперсной глины. На одном изделии обмазка отслоилась. Поверхность черепицы, находившейся еще на шаблоне, затирали в горизонтальном направлении. Затирание черепицы проводили узким торцовым краем инструмента. Прямые и волнистые линии на внешней поверхности черепицы были прочерчены пальцем или тонкой и тупой палочкой, когда сформованная черепица еще находилась на шаблоне, перед сушкой.

Отливы черепицы тщательно изготовлены двумя способами. Первый способ – когда отдельно сформованная заготовка отлива присоединялась к черепице. При этом нижний стык черепицы специально покрывали глубокими вертикальными насечками ножом. Такими же насечками покрывался и отлив. Затем они скреплялись друг с другом с помощью глиняного теста. Обнаружены фрагменты как самих черепиц, так и отливов, на которых хорошо фиксируются оттиски этих насечек. При втором способе изготовления к нижнему стыку сформованной черепицы присоединяли добавочную глиняную массу, из которой формовали отлив.

Следующей операцией было нанесение декора на отлив. На лицевой поверхности отлива отмечено несколько типов декора, стилистически и технически очень близких друг другу. Первоначально с помощью специальной матрицы, которая накладывалась на отлив, отпечатывали несколько глубоких бороздок. Далее, с помощью полой палочки или косточки промежутки между бороздками заполняли штамповкой небольшими прямыми наклонными линиями, либо кружками. Следующей операцией было нанесение декора на боковой бортик отлива. Этот декор однообразен

и образован прокаткой под углом слева направо веревочки, намотанной на палочку, в результате чего формировался волнистый край отлива (рис. 1, 3, *слева*).

Боковые стыки черепиц на уровне отлива подрезали при помощи нити, о чем свидетельствуют характерные отпечатки, образуя при этом несколько округлые края. Оформленные таким образом боковые стыки позволяли плотно подогнать черепицы друг к другу на карнизе здания, не оставляя между ними большого зазора и препятствуя попаданию на обрешетку крыши влаги.

Особенностью черепицы, обнаруженной на памятнике, явилось полное отсутствие т. н. закров – вырезки кромок боковых стыков и нижних торцов, обеспечивавших хорошее замыкание черепиц в кровле постройки.

Обжиг черепицы, судя по ее серому цвету, проходил в восстановительной среде.

Прямые аналогии черепице, обнаруженной на усадьбе Алестуй, имеются на Хирхиринском городище – городе монгольского хана Исункэ, расположенном в 9 км от исследованной усадьбы (Саранцева 2011). Особенностью комплекса черепицы центрального здания усадьбы Алестуй является ее довольно узкий ассортимент: не обнаружено полуцилиндрических черепиц, отсутствуют плоские узкие черепицы и т. д. Возможно черепица этих типов была изъята при перестройках здания усадьбы. Применение черепицы с отпечатками прямых и волнистых линий на внешней поверхности (тип 2) также является характерной чертой комплекса. С. В. Киселёв, изучая материалы Хирхиринского городища, отмечал, что черепицу с такими линиями могли использовать в качестве верхней, полуцилиндрической, перекрывавшей продольные швы между плоской черепицей (Киселёв 1961:117). Учитывая немногочисленность таких находок, скорее можно предположить применение ее в качестве гребневой, покрывавшей конек и боковые коньковые скаты.

Некоторые изделия, в особенности среди плоских черепиц с отливом, имеют на своей поверхности довольно толстый слой белой краски, предположительно извести, что свидетельствует в пользу того, что карниз крыши, а также, возможно, стены постройки были окрашены в белый цвет. Черепица с прочерченными на внешней поверхности линиями следы окраски имеет очень редко.

Общее количество черепицы позволяет предположить, что крыша постройки была одноярусной. Судя по углу отгиба отлива по отношению к самой черепице, крыша центрального здания усадьбы, скорее всего, не имела крутых скатов.

При сопоставлении черепицы усадьбы с материалами из других средневековых монгольских памятников выяснилось, что стандарт размеров изделий полностью совпадает с размерами черепицы, обнаруженной при исследовании Хирхиринского городища, а также другой средневековой усадьбы – Нарсатуй (Республика Бурятия) и с одним из стандартов черепицы городища Ден-Терек (Республика Тыва). Вместе с тем, изделия очень схожи по своим технологическим характеристикам, что дает возможность предположить одновременность существования этих памятников.

Артемьев 2003 – *Артемьев А. Р.* Средневековые поселения Забайкалья // Забайкалье в геополитике России: Мат-лы междунар. симпозиума «Древние культуры Азии и Америки», 26 авг.–1 сент. 2003 г., Чита. Улан-Удэ, 2003. С. 86–88.

Артемьев 2005 – *Артемьев А. Р.* Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2005. № 2. С. 3–18.

Киселёв 1961 – *Киселёв С. В.* Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // СА. 1961. № 1. С. 103–127.

Крадин и др. 2010 – *Крадин Н. Н., Харинский А. В., Луньков А. Л., Ковычев Е. В.* Предварительные результаты исследования усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы междунар. науч. конф., 20–24 сентября 2010 г. Улан-Удэ, 2010. С. 245–247.

Саранцева 2011 – *Саранцева С. Е.* Черепица Хирхиринского городища в собрании Забайкальского Краевого Краеведческого Музея им. А. М. Кузнецова // Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. II. С. 94–95.

**Новые данные о конструктивных особенностях
и происхождении железного палаша
из позднесредневекового могильника Коя III на Енисее¹²⁷**

В предыдущих публикациях Лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части НГУ была описана находка позднесредневекового железного палаша, сделанная в ходе аварийных работ на мог-ке Коя III в Шушенском р-не Красноярского края (Скобелев 2006; Пронин, Скобелев 2011). Приведено описание палаша, обстоятельств его находки в погребении кург. 3, датируемого поздним средневековьем—началом нового времени, и сделаны предположения о его возможном происхождении.

Первоначально этот палаш был описан как палаш «маньчжурского типа с плоской гардой-перекрестием овальной формы и несколькими долами на клинке» (Выборнов и др. 2003). Однако оформление кончика клинка в виде косога среза со стороны обуха необычно для южносибирского и маньчжурского оружия (Скобелев 2006: 168). Эта особенность, в сочетании с плоской овальной гардой и остатками предположительно трапециевидного навершия рукояти, резко выделяли рассматриваемый палаш из числа подобных находок на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Схожие элементы оформления деталей оружия в виде трапециевидного навершия и овальной гарды были выявлены на саблях из собрания Оружейной Палаты (Москва, РФ) и музея Гугун (Пекин, КНР). Кроме того, для палаша из погребения кург. 3 мог-ка Коя III, датируемого XVIII в., ранее отмечалась малая вероятность влияния тибетской практики изготовления и оформления длинноклинка холодного оружия (Там же: 169).

Учитывая отличия рассматриваемого палаша от подобного оружия на территории Южной Сибири и Центральной Азии, а также новые данные об особенностях клинкового оружия Тибета и Синцзяна периода позднего средневековья и раннего нового времени (Пронин, Москвитин 2010; Бобров, Пронин 2011; Пронин, Худяков 2011), был проведен дополнительный анализ особенностей конструкции клинка, на основе которого сделаны уточненные выводы о его возможном происхождении.

Действительно, схожие по внешнему виду гарды и трапециевидные (конусовидные) навершия представлены как в маньчжурском, так и в тибетском оружии. Вопрос о маньчжурском, либо тибетском происхождении таких элементов оформления в клинковом оружии остается открытым (Скобелев 2006: 168; Горелик 2004). Тем более что факты заимствований маньчжурского стиля оформления навершия и гарды клинкового оружия уже отмечались исследователями (LaRossa 2006: 168–169) и автором настоящей статьи, как характерные для сабель яньмаодао и люедао высших чиновников и офицеров Цинской империи XVII–XVIII вв. (Бобров, Пронин 2011: 252–253). Китайские же исследователи прослеживают схожие с тибетскими детали оформления образцов клинкового оружия на церемониальных палашах из коллекции императора цинской династии Цяньлуна второй половины XVIII в. (Huang Pujiang 2007: 131–133).

Л. А. Бобров и Ю. С. Худяков предположили цинское, южномонгольское или халхасское происхождение данного палаша (Бобров, Худяков 2008: 264). Однако, как они сами отмечали, в цинской энциклопедии «Хуанчао лицзи тушу», где описаны стандартизированные типы вооружения цинских солдат второй половины XVII–первой половины XVIII в., аналоги данному предмету отсутствуют. Предположения о возможном халхасском или южномонгольском происхождении палаша авторы строят на некотором визуальном сходстве формы клинка, навершия и гарды палаша из мог-ка Коя III с известными изображениями монгольских клинков (Там же: 293, рис. 92, 5, 7–8, 12).

¹²⁷ Работа выполнена в рамках госконтракта № 14.740.11.0766 Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Наиболее близкие по данным визуального анализа образцы клинкового оружия существовали на вооружении пехоты и конницы тибетцев. Отечественные и зарубежные исследователи и путешественники неоднократно описывали прямые однолезвийные клинки «мечей» (Рерих 1999: 264; Уоддель 1906: 130). Так, Г. Ц. Цыбиков опубликовал фотографии тибетского воина в панцире, отдельно панциря, шлема, палашей и ножен (Цыбиков 1919: 210–213). Английские и российские экспедиции в Тибет конца XIX– начала XX в. оставили не только подробные описания вооружения, тактики и воинов тибетской армии, но и значительные коллекции фотографий.

Отдельные предметы вооружения тибетских воинов из собрания Музея антропологии и этнографии были описаны А. М. Решетовым в конце 1960-х гг. (Решетов 1969). В последние годы исследователям стали доступны образцы тибетских палашей XVII–XIX вв., а также первой половины XX в. из зарубежных музейных и частных собраний (LaRocca 2006; Пронин, Москвитин 2010; Бобров, Пронин 2011; Пронин, Худяков 2011). Их изучение позволило очертить круг основных типологических признаков данного типа тибетского клинкового оружия и выявить особенности конструкции таких клинков, ковавшихся из особым образом собранных пакетов твердых и мягких железных прутьев разной углеродной насыщенности (Пронин, Худяков 2011).

Именно особенности конструкции и формы клинка являются наиболее надежной основой для определений хронологии и происхождения рассматриваемого предмета. В отличие от менее трудоемких в изготовлении деталей оправы (и, возможно, более доступных для заимствования соседними народами), процесс производства клинка был наиболее ответственной частью технологического процесса изготовления оружия, что обусловлено сложной совокупностью наличия ресурсов необходимого качества, традиций и уровня технологического развития. Как главная часть всего процесса изготовления предмета вооружения, технология производства клинка, скорее всего, была максимально устойчивой к внешним влияниям и заимствованиям. Обзор длиннокликовых палашей со скошенным острием клинка из собраний музеев США, Великобритании и частных коллекций КНР и Израиля показал, что даже среди палашей, имеющих сходные по размерам и форме клинки, существовало значительное количество вариантов оформления и конструкции рукояти и гарды (Бобров, Пронин 2011; Пронин, Москвитин 2010; Пронин, Худяков 2011).

Изучение клинка палаша из погребения кург. 3 мог-ка Коя III позволило выделить характерные особенности его конструкции. Клинок палаша, длиной 550 мм и наибольшей шириной в средней части ок. 33 мм имеет пять продольных полос-углублений, проходящих практически по всей длине (рис. 1, *1*). В первых публикациях по итогам раскопок эти полосы трактовались как возможные долы клинка (Выборнов и др. 2003; Скобелев 2006: 167–168). При визуальном осмотре клинка обращает на себя внимание то, что указанные продольные полосы неровные и имеют разную глубину. При более детальном осмотре палаша с освещением клинка под разным углом и в процессе макросъемки установлено, что на участке близ скошенного острия эти полосы сходятся (рис. 1, *4, e–з*). Кроме того, на участке ближней к острию трети клинка имеется вытянутый фрагмент, отошедший от основной части клинка под влиянием коррозии. Линия «откола» вытянутого фрагмента совпадает с одним из продольных углублений на поверхности клинка (рис. 1, *б*). Подобный отошедший от основной массы металла фрагмент также расположен на основании черена палаша, близ гарды (рис. 1, *2*).

Характер и расположение продольных полос на клинке палаша в сочетании со схождением их на участке близ острия клинка совпадает по виду с известными примерами узора металла клинков тибетских палашей со скошенным острием клинка, датируемых XVII–XIX вв. (Пронин, Москвитин 2010; Бобров, Пронин 2011; Пронин, Худяков 2011; LaRocca 2006). Этот узор в зарубежной литературе называется «шпилечным» (*hairpin pattern*) (Пронин, Худяков 2011; Пронин, Москвитин 2010; Stone 1999). Его наличие говорит о том, что клинок был откован из сложенных в пакет прутьев твердого и мягкого железа, отличающихся по углеродной насыщенности. Известны примеры такого узора *thur* [thur] из семи темных и шести светлых линий (Бобров, Пронин 2011: 247).

Рис. 1. Палаш из погребения кург. 3 мог-ка Коя III на Енисее (железо): 1 – общий вид (*а* – аверс, *б* – реверс), 2 – отслоение металла из состава пакета на участке черена близ гарды (макросъемка: *а* – увеличение участка с отслоением металла, *б* – общий вид отслоения металла); 3 – трапециевидное навершие рукояти (макросъемка: *а* – аверс, *б* – реверс, *в* – общий вид навершия рукояти на черене палаша со стороны гарды); 4 – узор металла на клинке (*а* – общий вид узора ближней к острию трети клинка, увеличение; *б–ж* – макросъемка: *б–д* – расположение полос узора на участках ближней к острию трети клинка; *е, ж* – сужение узора и соединение полос в пучок [«шпилька»] близ острия клинка, стороны 1 и 2; *з* – схождение полос узора металла клинка в пучок [«шпильку»], увеличение, макросъемка); 5 – узор металла клинка палаша (увеличение: *а–в* – расположение продольных полос на разных участках сторон клинка); 6 – отслоение металла (составной стержень пакета) на участке ближней к острию трети клинка (макросъемка: *а* – аверс, *б* – реверс.); 7 – результат коррозии клинка палаша и повреждение узора металла – образование продольных канавок (увеличение, макросъемка, вид под боковым освещением); 8 – общий вид гарды палаша из могильника Коя III (2–8 – без масштаба)

Такой узор получался при сложении пакета из трех прутьев мягкого (темного) железа мо лсагс [mo lsags] и трех прутьев твердого (светлого) железа пхо лсагс [pho lsags] с одним стержнем мягкого железа в центре. Полученная таким образом основа клинка палаша обладала необходимой прочностью и гибкостью. Она обрамлялась твердым светлым железом, формировавшим лезвие и обух палаша. Характерной особенностью тибетских палашей со скосом клинка является соединение линий узора на участке у острия (Бобров, Пронин 2011: 247, рис. 1, б), повторяющее соединение (связку) прутьев в пакете. На противоположном конце пакета концы железных прутьев скрывались вместе и образовывали черен клинка.

Особенности современного состояния клинка палаша, наличие на нем параллельных продольных углублений, принятых за доли, говорит о различном поведении слоев железа разной углеродной насыщенности в процессе коррозии при нахождении палаша в земле. Слои мягкого «темного» железа, по всей видимости, оказались более подвержены процессам коррозии и были повреждены в большей степени, образовав продольные углубления на поверхности клинка (рис. 1, 5). Более насыщенные углеродом, твердые слои металла оказались и более устойчивыми к воздействию коррозии. Такое сочетание разного поведения слоев металла клинка в итоге образовало необычный рельеф поверхности (рис. 1, 7).

В свою очередь, сохранившиеся детали оправы клинка (фрагменты трапециевидного навершия и горизонтальная пластинчатая овальная гарда) (рис. 1, 3, 8), в силу распространенности типологически близких деталей в Китае, Монголии, Южной Сибири и Центральной Азии не позволяют строить на их основе предположения о возможном происхождении рассматриваемого нами палаша. Лишь в сочетании с описанными выше особенностями конструкции клинка прослеживается сходство этих элементов с оформлением восточно-тибетских палашей. Известны примеры таких палашей с трапециевидным навершием и малой гардой из расположенной горизонтально плоской пластины (Бобров, Пронин 2011; LaRocca 2006).

Рассмотренный в статье палаш фиксирует использование на территории Южной Сибири характерного для позднесредневекового Восточного Тибета длинноклинкового оружия. Данный факт расширяет ареал распространения клинкового оружия тибетского типа, резко отличавшегося от длинноклинкового оружия Средней и континентальной Восточной Азии и Южной Сибири. Преобладание прямых палашей в комплексе длинноклинкового оружия Тибета согласовывалось с монгольским комплексом, где палаши также имели широкое распространение. Специальные исследования показали, что в XVII–XVIII вв. оружейные комплексы Монголии и Тибета развивались в тесном контакте, что фиксируется как по оружию ближнего боя, так и по особенностям защитного вооружения. Однако, если в сфере защитного вооружения и оружия дистанционного боя исследователи фиксируют монгольское влияние на тибетские комплексы, то в сфере клинкового оружия отмечен обратный процесс (Бобров, Худяков 2008: 614–615). В то же время, часть центрально-азиатской знати (напр., джунгарские и кукунорские феодалы), вероятно, использовала мечи и палаши тибетского производства. Ойраты-хошоуты, поселившиеся в Центральном Тибете и Кукуноре в XVII в., также использовали тибетское клинковое оружие (Бобров, Худяков 2008: 260), что согласуется с предположениями о возможностях распространения тибетских клинков в Центральной Азии (Пронин, Москвитин 2010: 206–207).

Изучение палаша из позднесредневекового погребения кург. 3 мог-ка Коя III на Енисее позволило дополнить данные о конструктивных особенностях клинков палашей со скошенным острием, уточнить хронологию и происхождение уже введенного в научный оборот предмета и дало ценную информацию о поведении металла палашей тибетского типа в процессе коррозии при нахождении в земле. Тем не менее, проблему происхождения конкретного предмета длинноклинкового оружия ближнего боя, представленного в нашей статье, условий его попадания на территорию Хакасско-Минусинской котловины, в определенной степени изолированную от региона Центральной Азии, по-прежнему необходимо решать с учетом своеобразия погребального обряда, описанного в изученном захоронении как трупосожжение на стороне с последующей имитацией

труположения на сильно обожженной деревянной платформе (Скобелев 2006; Пронин, Скобелев 2011: 282).

- Бобров, Пронин 2011 – *Бобров Л. А., Пронин А. О.* Тибетские палаши со скошенным острием из музейных собраний Великобритании и США // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 245–255.
- Бобров, Худяков 2008 – *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV–первая половина XVIII вв.). СПб, 2008.
- Выборнов и др. 2003 – *Выборнов А. В., Нечипоренко В. Н., Скобелев С. Г.* Новая разновидность погребального обряда на Среднем Енисее в позднем средневековье – начале нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. Новосибирск, 2003.
- Горелик 2004 – *Горелик М. В.* Клинки Тибета // Прорез. 2004. № 4. С. 13–16.
- Пронин, Москвитин 2010 – *Пронин А. О., Москвитин И. А.* Тибетский меч (палаш) па-дам с богатой оправой в традиционном стиле // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. С. 206–212.
- Пронин, Скобелев 2011 – *Пронин А. О., Скобелев С. Г.* Конструктивные особенности и происхождение железного палаша из могильника Позднего Средневековья – Начала Нового времени Коя 3 на Енисее // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 273–283.
- Пронин, Худяков 2011 – *Пронин А. О., Худяков Ю. С.* Тибетские палаши па-дам XVIII–XX вв. из частных собраний Китая и Израиля // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011 (в печати).
- Рерих 1999 – *Рерих Ю. Г.* Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы. Самара, 1999.
- Решетов 1969 – *Решетов А. М.* Тибетская коллекция МАЭ (материальная культура) // Культура народов зарубежной Азии и Океании Л., 1969. С. 128–133 (СМАЭ. Вып. 25).
- Скобелев 2006 – *Скобелев С. Г.* Новая находка палаша в позднесредневековом кыргызском погребении на Енисее // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 5. Вып. 3 (приложение 2). Археология и этнография. Новосибирск, 2006. С. 150–176.
- Уоддель 1906 – *Уоддель А.* Лхаса и ее тайны: Очерк тибетской экспедиции 1903–1904 гг. СПб, 1906.
- Цыбиков 1919 – *Цыбиков Г. Ц.* Буддист – паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.
- LaRocca 2006 – *LaRocca D. J.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the arms and armor of Tibet. New York; New Heaven; London, 2006.
- Huang Pujiang 2007 – *Huang Pujiang.* Zhongguo Daojian. Jinan, 2007.
- Stone 1999 – *Stone G. C.* A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armour in All Countries and in All Times. New York, 1999.

В. В. Горбунов (Барнаул, Россия)

Сросткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения

Среди археологических культур, выделенных М. П. Грязновым в результате его работ на Верхней Оби, наиболее устойчивые позиции до сих пор сохраняет сросткинская культура эпохи средневековья.

Наименование этой культуре было дано по названию курганного мог-ка Сростки-I, расположенного на горе Пикет в Бийском р-не Алтайского края. С материалами памятника М. П. Грязнов, видимо, познакомился вскоре после его раскопок в 1925 г. и уже в своей брошюре «Древние культуры Алтая» использовал их для характеристики третьего этапа (стадии) железной культуры на Алтае, определив его время VII–X вв. (Грязнов 1930: 9–11). Судя по рисункам, приведенным в таблице (Там же: рис. 143–170), М. П. Грязнов использовал только вещи из раскопок М. Д. Копытова, хранящиеся сейчас в Бийском краеведческом музее им. Бианки.

Исследования, проведенные М. П. Грязновым на Ближних Елбанах в 1946, 1947 и 1949 гг., выявили памятники, вещи из которых были вполне сопоставимы со сrostкинскими. Уже в предварительных публикациях этих работ он стал использовать название «сrostкинская культура», отмечая, что наиболее ярко она представлена материалами Сrostкинского мог-ка (Грязнов 1949: 119; 1950: 14). Более развернутая характеристика самой культуры была дана им в итоговой монографии по раскопкам у с. Большая Речка, где к этой культуре отнесено четыре могильника в пунктах БЕ-V, VI, VII, VIII (Грязнов 1956: 145). Кроме того, к ней причислены курганные мог-ки Сrostки-I, Змеевка, Гоньба, Иня, Старый Шарап, Ордынское (Там же: 151). Датировка сrostкинских памятников определялась различно: VIII–X, IX–X, IX–XI вв. (Грязнов 1949: 117; 1950: 14; 1951: 112; 1956: 145, 150), а население, оставившее эти памятники, соотносилось с тюрками (Грязнов 1951: 112).

М. П. Грязнов считал, «что сrostкинская культура на Алтае представляет собой продукт местного развития и что примерно в VIII в. население с этой культурой распространилось из Алтая на север по лесостепным районам р. Оби» (Грязнов 1956: 151). Несколько позднее он выделил четыре локальных варианта сrostкинской культуры: бийский, барнаульско-каменский, новосибирский и кемеровский (Грязнов 1960: 24).

Заинтересовали сrostкинские материалы и С. В. Киселёва. Исследователь подробно обосновал датировку инвентаря первой группы курганов у сел. Сrostки второй половиной IX–X вв. и отметил его близость к культуре кыргызов (Киселёв 1949: 311–314).

Изучение памятников сrostкинской культуры в 1950–1960-е гг. велось медленными темпами. Наиболее представительные находки были получены при раскопках в 1951 и 1959 гг. курганного мог-ка Иня-1 в Барнаульском Приобье. Его датировка определена VIII–IX вв., а этническая принадлежность – как тюркская (Уманский 1970: 69, 72).

В своих работах обратилась к анализу сrostкинского комплекса А. А. Гаврилова. Она оперировала термином «сrostкинский тип могил», который относила к концу VIII–X в. и считала его носителями уйгуров (Гаврилова 1965: 70, 98; 1974: 180–182). Ареал сrostкинских памятников определялся ею очень широко: Верхнее Приобье, Горный Алтай, Тува, Забайкалье, Казахстан, Бараба, Южное Зауралье (Гаврилова 1965: 72).

В 1970-х гг. изучением сrostкинской культуры занялся Д. Г. Савинов. Он сравнил памятники алтайских предгорий с синхронными комплексами Восточного Казахстана и сделал вывод об их культурной тождественности (Савинов 1976: 97). Датировка этих памятников сначала определялась IX–X вв., а позднее Д. Г. Савинов писал, что часть из них может заходить и в начало XI в. (Савинов 1984: 109; 1994: 90–91). Памятники сrostкинской культуры, по Д. Г. Савинову, занимают Верхнее и Среднее Прииртышье, северные и западные предгорья Алтая, Верхнее Приобье и Кузнецкую котловину, не исключается их распространение до Семиречья и Приуралья (Савинов 1994: 84). По мнению Д. Г. Савинова, сrostкинская культура была полиэтничной государственной культурой Кимацкого каганата – «кимако-кыпчакского объединения», а население западных и северных предгорий Алтая связывается им с кыпчакским этносом (Савинов 1984: 118; 1994: 102–104). Для этой культуры выделяется несколько локальных вариантов: верхнеиртышский, павлодарский, северо-алтайский, западно-алтайский, кемеровский, новосибирский, с перспективой выделения еще двух вариантов: омского и кулундинского (Савинов 1994: 80–101).

В 1970-х–начале 1980-х гг. в Алтайском крае большое число средневековых курганов было раскопано экспедициями, которые возглавлял В. А. Могильников: зона Гилевского водохранилища, у дер. Грязново, бассейн р. Бурла. Часть этих объектов определялась как сrostкинские, другие – как кимако-кыпчакские и огузские (Могильников 1999: 64–68; 2002: 123–125). Исследователь разработал первую периодизацию сrostкинской культуры, выделив в ее развитии три последовательных этапа: 1) VIII–IX вв.; 2) IX–X вв.; 3) XI–начало XIII в. (Могильников 1981: 45). Границы распространения сrostкинских памятников он определял лесостепными районами Приобья, Притомья и Обь-Иртышского междуречья и полагал, что в формировании этой культуры приняли участие тюрки Горного Алтая и кимаки, ассимилировавшие местные угро-самодийские племена (Там же).

Дальнейшее изучение памятников сrostкинской культуры было продолжено С. В. Неверовым. На основе детальной классификации он разработал типологию отдельных видов конского снаряжения, вооружения и костюма из 50 памятников Верхнего Приобья второй половины I–первых веков II тыс. Это позволило создать дробную хронологическую схему сrostкинской культуры, в которой выделялось два периода и пять этапов. Ранний период разбивался на инской (конец VII–VIII в.) и гоньбинский (первая половина IX в.) этапы, поздний – на чулымский (вторая половина IX–начало X в.), грязновский (первая половина X в.) и шадринцевский (вторая половина X–XII в.) этапы (Неверов 1988: 17). Впоследствии чулымский этап был объединен с грязновским (Неверов 1990: 171; 1991: 182). Согласно С. В. Неверову, специфика инвентаря сrostкинского комплекса указывает в преобладающей степени на его тюркские корни, а анализ погребального обряда показывает, что основным компонентом в процессе формирования сrostкинской общности выступало тюркизированное самодийское население Верхнего Приобья (Неверов 1988: 17; 1990: 171).

Памятники сrostкинской культуры в Новосибирском Приобье специально изучал А. А. Адамов. Исследователь датировал их X–XIV вв. (Адамов 2000: 83). По А. А. Адамову, границы сrostкинского ареала включали все Верхнее Приобье и Кузнецкую котловину, а сами памятники оставили кыпчаки (Там же: 84). Отдельно рассмотрела вопрос о сrostкинской культуре на территории Новосибирского Приобья Т. Н. Троицкая. Ее выводы предостерегают как от ранней датировки появления сrostкинских памятников в этом регионе до IX в., так и от их поздней датировки до XIV в. (Троицкая 2002: 105).

Значительное количество курганных могильников второй половины I–начала II тыс. исследовано на территории Кузнецкой котловины. Проблема их соотнесения со сrostкинской культурой интересовала и кемеровских археологов. Так, А. М. Илюшин предложил отказаться от термина сrostкинская культура в широком плане, а использовать его только для средневековых материалов лесостепного Алтая (Илюшин 2002: 92). А. С. Васютин, наоборот, писал, что сrostкинская культура окончательно сменяет верхнеобскую культуру к середине X в. (Васютин 2003: 18).

Таким образом, изучение сrostкинской культуры с момента ее выделения насчитывает более 60 лет. За прошедшее время накоплена обширная источниковая база. Абсолютное большинство сrostкинских памятников составляют погребальные комплексы. Отметим, что их наибольшая концентрация наблюдается на территории лесостепного Алтая. Только за 1980-е–начало 2000-х гг. барнаульскими археологами здесь раскопано более 40 новых могильников, среди которых особо выделяются крупные, от 30 м в диаметре, элитные курганы на Приобском плато: Филин-I, Грань, Поповская Дача (Тишкин, Горбунов 2000: 410; Горбунов, Тишкин 2001: 287). Они, на наш взгляд, маркируют политический центр сrostкинского объединения.

Дальнейшая работа по классификации и типологии инвентарных комплексов позволила автору настоящей статьи совместно с С. В. Неверовым внести определенные коррективы в периодизацию сrostкинской культуры. Памятники раннего периода объединены в рамках одного этапа с ограничением его нижней границы серединой VIII в., а в позднем периоде был выделен заключительный этап (Неверов, Горбунов 1996: 187). Все памятники разделены на четыре хронологические группы: 1) инской этап (вторая половина VIII–первая половина IX в.); 2) грязновский этап (вторая половина IX–первая половина X в.); 3) шадринцевский этап (вторая половина X–первая половина XI в.); 4) змеевский этап (вторая половина XI–XII в.) (Неверов, Горбунов 2001: 176).

Эти группы отличаются типовыми наборами инвентаря, на каждом следующем этапе появляются новые типы вещей, а также видоизменяются старые. Типовые наборы вещей показывают хронологию и отражают определенные этнокультурные традиции. Но только одно их появление еще не означает проникновения носителей самих традиций. Появление предметов возможно как результат торговых отношений, военных набегов, распространения передовых технологий и моды. Гораздо адекватнее реагирует на происходящие изменения погребальный обряд, как наиболее консервативная сторона мировоззрения. Именно его составляющие: погребальные

сооружения, способы погребения – несут в себе информацию о конкретных этнических компонентах и непосредственных межэтнических контактах.

На сrostкинских некрополях фиксируется пять способов захоронения людей: ингумация, кремация, ингумация с конем, кремация с конем, ингумация со шкурой коня. Они могут встречаться на одном кладбище и даже под одной насыпью. Их также объединяет «рядное» расположение могил в кургане, восточная ориентация погребенных, надмогильные перекрытия из дерева и бересты, установка в «изголовье» могил деревянных столбов, а вокруг кургана – рва. Эти способы захоронений можно связать с определенными этническими компонентами в составе сrostкинской общности. Погребения по обряду ингумации восходят к традиции предшествующей одинцовской культуры и могут трактоваться как самодийские. Они известны на памятниках всех этапов и численно преобладают. Погребения по обряду кремации малочисленны и известны только в памятниках инского и грязновского этапов. Они также восходят к самодийской, но более древней, кулайской традиции. Погребения по обряду ингумации с конем встречаются в памятниках всех этапов и по количеству занимают второе место. Данный обряд является отличительной чертой тюркской культурной традиции и его появление связано с миграцией части тюркских племен. Погребения по обряду кремации с конем пока единичны и выявлены в памятниках инского и грязновского этапов. Их происхождение может объясняться смешением самодийско-кулайской и тюркской погребальных традиций. Погребения по обряду ингумации со шкурой коня также немногочисленны, их можно отождествить с кыпчакским этносом (Неверов, Горбунов 2001: 177–178).

Сочетание перечисленных элементов погребального обряда с характерным инвентарным комплексом, на наш взгляд, и объединяется понятием «сrostкинская культура». На сегодняшний день выявлено 130 таких памятников. Современный уровень осмысления этих источников позволяет методом картографии уточнить ареал сrostкинской культуры и проследить его изменения во времени, согласно разработанной периодизации. Эти изменения можно сопоставить с известными письменными событиями в истории Центральной и Средней Азии, тем самым, установив их причинно-следственные связи и реконструировав основные вехи развития сrostкинского объединения (Горбунов 2009: 33–35).

Памятники инского этапа локализуются на территории, примыкающей с севера к алтайской горной системе, и располагаются в восточной части Предалтайской равнины (Точильное-5), на Приобском плато (Кипринский Борок-7а, Мало-Панюшово, Плотниково), на северо-востоке Кулундинской равнины (Кулунда, Кулундинская волость, Николаевка), вдоль кромки поймы правого берега р. Оби, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности (Ближние Елбаны-V, Борковский Елбан-6, Тузовские Бугры-2) и севернее нее (Иня-1, Чингис-2). Таким образом, они занимают широкую полосу вдоль верхнего течения Оби, от предгорий Алтая до Новосибирского Приобья. Центральным районом здесь выступает Приобское плато, являвшееся ядром территории, на которой происходило формирование сrostкинской культуры. Начало инского этапа связано с гибелью II Восточно-тюркского каганата (744 г.) и переселением тюркских племен на юг Западной Сибири. Тюрки через левобережные предгорья, очевидно, вышли в лесостепь и заняли Приобское плато. Прилегающие к нему земли на этом этапе еще не были полностью освоены, за исключением небольшого участка Кулундинской степи и правобережной поймы Оби напротив плато.

Памятники грязновского этапа выявлены: на Предалтайской равнине (Белый Камень, Гилёво-I–VI, VIII–IX, XI, XIV, XVI, Ивановка-IX, XVII, XX, XXVI, Комаришинский карьер, Кондратьевка-IV, Корболиха-II, IV, VII, VIII, X, Кукушкин Елбан-2, Кураевка-I, Луговское-1, Михайловка, Новофирсово-VII, Павловка-II, Сибирь, Солонька, Сурья Сопка, Хлебоборный Елбан-I, Чёрный Камень, Чинета-II); на Приобском плато (Быково, Быково-IV, Грязново-I–IV, Коловий Мыс, Нечунаевский Елбан-2, Обьездное-2, Успенковка-II, Хабазино-4, Яровское-III); в восточной части Кулундинской равнины (Екатериновка-3, Кириловка-V, Ключи); на Бийско-Чумышской возвышенности (Ближние Елбаны-VI, XVI, Дмитротитово) и южнее нее в правобережных предгорьях (Сростки-I); на Предсалаирской равнине (Усть-Шамониha-I). Они занимают уже всю территорию

лесостепного Алтая, а их число существенно увеличивается. Данный факт свидетельствует о росте сротскинского населения и завершении консолидации общества. Начало грязновского этапа можно сопоставить с военной экспансией Кыргызского каганата (840–847 гг.) и образованием Кимакского каганата. Интересы этих держав столкнулись в междуречье Иртыша и Алея. В западной части Предалтайской равнины (Алейская степь) наблюдается массовое появление сротскинских могильников, ряд из которых соседствует с курганами кыргызов (Гилёво-III, Чинета-II). Это позволяет предположить, что сротскинское объединение выступало на данном этапе в союзе с Кыргызским каганатом против кимаков, благодаря чему за ним были закреплены выгодные юго-западные рубежи, которые позволили освоить и весь восток Кулундинской равнины.

Памятники шадринцевского этапа располагаются: на Предалтайской равнине (Веселоярск, Восход-I, Гилёво-VII, XII, XIII, XV, Ивановка-III, XXIV, Корболиха-III, V, VIII, IX, Павловка-I, Усть-Козлуха, Щепчиха-1); на Приобском плато (Грань, Заковряшино, Казачий Взвоз, Камень-I-II, Кучук-1, Нечунаево-3, Объездное-1, Поповская Дача, Прудской, Пospelихинский, Рогозиха-I, Филин-I, Шелаболиха-3, Яровское-V); на востоке Кулундинской равнины (Займище, Кайгородка-V, Нижний Кучук-VII, Степной Кучук-1); на Бийско-Чумышской возвышенности (Ближние Елбаны-VII, VIII, Лесной, Новотроицкое-I, Шадринцево-1); по обоим берегам Оби в Новосибирском Приобье (Батурицкий Мыс, Березовый Остров-1, Быстровка-1, Высокий Борок, Крохалевка-13); в западной части Кузнецкой котловины (Мусохраново-3, Торопово-1, Сапогово-1, Шанда, Беково). Таким образом, происходит дальнейшее расширение ареала сротскинской культуры за счет северных и восточных земель. Начало Шадринцевского этапа можно связать с активностью империи Ляо, основанной монголоязычными киданями. Их походы в Монголию (924–994 гг.) привели к вытеснению ряда кочевых племен на запад и ослаблению Кыргызского и Кимакского каганатов. На этот этап приходится наибольший территориальный рост и расцвет сротскинского объединения, которому способствовала благоприятная внешнеполитическая обстановка.

Памятники змеевского этапа локализуются: на Предалтайской равнине (Гилёво-II, Змеевка, Маралиха); на Приобском плато (Барчиха, Боровиково-IV-V, Ильинка); на Бийско-Чумышской возвышенности (Ближние Елбаны-VI, IX, XVI, Осинки, Татарские Могилки) и в правобережных предгорьях (Солонцы-4). Их число заметно сокращается. Начало змеевского этапа совпадает с новыми миграциями кочевых племен из Центральной в Среднюю Азию (1030–1040-е гг.). Это привело к распаду Кимакского каганата и усилению кыпчаков, которые занимают часть ареала сротскинской культуры, в первую очередь, Кулундинскую равнину и другие степные участки. Последние сротскинские могильники находятся, преимущественно, в предгорьях и вдоль поймы р. Оби. В начале XIII в. территорию лесостепного Алтая завоевывают монголы (1207 г.), и здесь складывается новая общность, получившая название кармацкой культуры, одним из компонентов которой становятся потомки сротскинского населения (Тишкин и др. 2002: 134–144).

Говоря о дальнейших перспективах изучения сротскинской культуры можно обозначить несколько направлений. Это более детальный сравнительный анализ погребального обряда сротскинских памятников с памятниками других культур: сопредельных, синхронных, предшествующих и последующих. Здесь важно сравнивать не отдельные элементы обряда, а весь набор признаков. Другое направление – детальная классификация инвентаря, которая позволит выявить детали оформления изделий, имеющие этнодиагностическое значение, а их типологический анализ – определить место возникновения и пути распространения. Успех такой работы во многом будет зависеть от полной публикации средневековых памятников лесостепного Алтая и прилегающих территорий.

Адамов 2000 – *Адамов А. А.* Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000.

Васютин 2003 – *Васютин А. С.* Сротскинская археологическая культура: историографические мифы и археологические факты (к вопросу о месте, времени и компонентах формирования культуры) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 13–19.

Гаврилова 1965 – *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

- Гаврилова 1974 – *Гаврилова А. А.* Сверкающая чаша с Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае) // *Бронзовый и железный век Сибири.* Новосибирск, 1974. С. 177–183.
- Горбунов 2009 – *Горбунов В. В.* Сросткинская культура Алтая: картографический анализ и его историческая интерпретация // *Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов.* Ховд; Томск, 2009. Том II. С. 33–35.
- Горбунов, Тишкин 2001 – *Горбунов В. В., Тишкин А. А.* Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // *ПАЭАССТ.* 2001. Т. VII. С. 281–287.
- Грязнов 1930 – *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930.
- Грязнов 1949 – *Грязнов М. П.* Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // *КСИИМК.* 1949. Вып. XXVI. С. 110–119.
- Грязнов 1950 – *Грязнов М. П.* Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950.
- Грязнов 1951 – *Грязнов М. П.* Археологические исследования территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // *КСИИМК.* 1951. Вып. XL. С. 105–113.
- Грязнов 1956 – *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956 (МИА. № 48).
- Грязнов 1960 – *Грязнов М. П.* Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // *Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока.* Иркутск, 1960. С. 22–24.
- Илюшин 2002 – *Илюшин А. М.* К дискуссии вокруг понятия «сросткинская культура» // *Древности Алтая.* 2002. № 8. С. 88–94.
- Киселёв 1949 – *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949 (МИА. № 9).
- Могильников 1981 – *Могильников В. А.* Сросткинская культура // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981. С. 45–46.
- Могильников 1999 – *Могильников В. А.* Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // *ВИАЭ.* 1999. Вып. 2. С. 64–68.
- Могильников 2002 – *Могильников В. А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002.
- Неверов 1988 – *Неверов С. В.* История племен сросткинской культуры в VIII–XII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- Неверов 1990 – *Неверов С. В.* Этнокультурные особенности сросткинской культуры // *Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири.* Томск, 1990. С. 170–174.
- Неверов 1991 – *Неверов С. В.* Хронология и периодизация сросткинской культуры Верхнего Приобья // *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири.* Барнаул, 1991. С. 180–182.
- Неверов, Горбунов 1996 – *Неверов С. В., Горбунов В. В.* Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 // *Археология, антропология и этнография Сибири.* Барнаул, 1996. С. 163–191.
- Неверов, Горбунов 2001 – *Неверов С. В., Горбунов В. В.* Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории.* Томск, 2001. С. 176–178.
- Савинов 1976 – *Савинов Д. Г.* Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // *Прошлое Казахстана по археологическим источникам.* Алма-Ата, 1976. С. 94–104.
- Савинов 1984 – *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Савинов 1994 – *Савинов Д. Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994.
- Тишкин, Горбунов 2000 – *Тишкин А. А., Горбунов В. В.* Результаты исследования курганов сросткинской культуры на Приобском Плато // *ПАЭАССТ.* 2000. Т. VI. С. 405–410.
- Тишкин и др. 2002 – *Тишкин А. А., Горбунов В. В., Казаков А. А.* Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002.
- Троицкая 2002 – *Троицкая Т. Н.* К вопросу о сросткинской культуре // *Древности Алтая.* 2002. № 9. С. 103–107.
- Уманский 1970 – *Уманский А. П.* Археологические памятники у села Иня // *Изв. Алтайского отдела Географического общества СССР.* 1970. Вып. 11. С. 45–74.

Нелюдский острог (Нерчинский острог), Нелюдский род тунгусов: этноязыковая принадлежность онимов в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии

Этнонимы как один из наиболее информативных, но чрезвычайно сложных разрядов ономастики при обоснованном сопоставлении фактов собственно лингвистического и экстралингвистического характера способны высветить моменты диахронного контактирования древних этносов. Многие этнонимно-экзонимные названия племен исторической Даурии доступны ономастике, истории, этнографии через интерпретацию зафиксированных названий «северных варваров» в китайских документальных источниках.

Отмечено, что при передаче онимов кочевых племен, китайские хронисты добавляли в название варварского племени лексический элемент *-ню*-[n'u] в значении 'раб, слуга; холоп', превращая таким образом «варварский» этноним в экзонимное для китайцев название племени кочевников, что позволяло идентифицировать «чужих» (Хоанг 1997). Лексический элемент *-ню*-[n'u] «различим» во многих исторических этнонимах Даурии: *хун-ну* [xiong-n'u]; *ки-да-нь* [chi-da-n']; *хам-ни-ган* [kha-mi-n'u-xan']; *ни-кан* [n'u-kan], *найман* [n'u-mean]; русского *нелюди* или *полулюди*, генонимах тунгусов *Никогир* или *Някугир*, топонимах Нелюдский острог (Нерчинский острог) (Жамсаранова 2010).

Отдельного анализа требует экзонимное *нелюди*, от которого образован топоним Нелюдский острог исторической Даурии. Тунгусы Нерчинского уезда в документах XVII–XVIII вв. назывались *нелюди* или *полулюди* (Государственный архив Забайкальского края, ф. 1, оп. 1/5, д. 17513). Полагаем, что именно это «прозывание» аборигенного тунгусского населения Даурии и породило ряд новых. Так, первый острог, построенный Пашковым в устье р. Нерчи в 1658 г., был назван им Нелюцким, т. е. Нелюдским (Балабанов 2003: 74). В официальных документах Пашков употребляет название острога как Нерчинский.

Определенный интерес вызывает название *нелюди/полулюди* как в плане семантики экзонима, так и определения конкретного языка, при помощи которого и образовалось подобное обозначение тунгусов у пришлых казаков Пашкова. По-видимому, «прозывание» аборигенов Даурии *полулюдьми, нелюдями* пришлым русскоязычным населением является калькированным вариантом этнонима *никан* – туземного населения Никанского царства. Финальное *-кан* этнонима *никан* было, по-видимому, интерпретировано в русскоязычном сознании как аналогичное китайскому апеллятиву *хань* 'человек; люди'. Начальное китайское *ню*-[n'u] экзонима *никан* было воспринято ими как *ни-*, идентичное по семантике русскому *ни-/не-*, что опосредовало образование русского *нелюди* для обозначения тунгусов Даурии в отписках русских. Не исключено, что калька исходного этнонима *никан* vs *нелюди* на почве русского языка приобрела отрицательное семантическое значение, возникшее по принципу вторичной номинации.

Появление экзонима *полулюди* в русских ревизских описях обусловлено, по-видимому, знакомством с правилами написания на китайском языке названий племен и народов «северных варваров». Так, известно, что «до реформы 1950 г. для обозначения «варварских народов» китайцы использовали слова, корень которых часто выражал понятие животного начала. Эти идеограммы, по сути, обозначали кочевников как «людей-собак», «людей-птиц» или «людей-насекомых» (Хоанг 1997: 83). Так было, в частности, с ксионгну (хунну), ксианби (сьен-пэй), руан-руан (авары) или найманами – «варварами», жившими к северу от Великой стены, от *ли* или *мань* – южных национальных меньшинств Китая (Там же).

М. Хоанг считает, что посредством идеограмм, обозначающих кочевников как «людей-собак», цивилизованные китайцы проявляли свое презрительное отношение к варварским народам. Однако языковой анализ генонимии нерчинских тунгусов и инородцев исторической Даурии

позволяет воспринять китайские идеограммы семантически объективными и сделать заключение о тотемно-анималистском происхождении родовых названий тунгусов и инородцев. Не исключено, что китайские идеограммы передавали действительное семантическое значение племенного названия, а не презрительное прозвище, за исключением транслитерированных вариантов племенных названий, когда добавлялось уничижительное *-ню*-[n'ʉ] в значении 'раб, слуга; холоп' (Китайско-русский словарь 1992: 658). В результате «вмешательства» патриотично настроенных хронистов в китайских документах появились такие названия северных кочевников как *никан*, *найман*, *кидань*, *хунну*. Примечательно, что подобная традиция обозначения кочевых народов существовала у китайцев задолго до нашей эры

Представляется интересным изучение экзонима *никан*, давшего начало т. н. Никанскому царству. Наименование *никан*, как оказалось, имеет в тунгусо-манчжурских (далее т.-ма.) языках ярко выраженное негативное понятие, связанное и с определением китайцев под этим названием как и понятия 'раб'; 'слуга'. *Никан* (устар.) 'разбойник' /нег./; *ниңка* (устар.) 'раб' /ороч./; *ниңка* (устар.) 'работник' /уд./; *ниңка(н)* (устар.) 'раб' /ульч./; *ниңка(н)* (устар.) 'раб'; 'слуга' /ороч./; *ниңка* (устар.) 'раб'; 'слуга'; 'лакей' /нан./ . Также это именование раба, слуги, видимо, в более поздние эпохи стало означать экзонимное китаец: *нихā* 'китаец' /сол./; *ни́кан* 'китаец' /нег./; *ниңка* 'китаец' /ороч./; *ниңка* 'китаец' /уд./; *Ниңка буани* 'Китай' /уд./; *ниңка* 'китаец' /нан./; *ниқан* [мн. ч. *ниқаса*] 'китаец' /ма./ - иногда 'мужик'; 'деревенщина'; 'китайский'. Нами выделено порядка более 14 лексических словосочетаний с атрибутивным *никан* 'китайский' (ССТМЯ).

Выявляемое первичное устаревшее значение названия *никан* в т.-ма. языках обозначает то, что в прошлом племена китайского, т. е. вышедшие с юга, происхождения были в рабском, подчиненном положении у поздних т.-ма. племен, особенно у возвысившихся маньчжуров эпохи Цинь. Впоследствии, в связи со сменой политических сил на исследуемой территории, именование *никан* в качестве презрительно прозвища перешло и на китайцев, что отразилось в словарной статье, и на некое сообщество, оставшееся в «Отписках» русских казаков под именованием *нелюди*, представляющей собой кальку исторической лексемы *никан*.

Никанское царство – это семантический аналог китайского Гоу-Го Л. Н. Гумилёва, находившегося к СЗ от Великой стены. В сочинениях иностранных путешественников средневековья о Северной Тартарии упоминается загадочное «царство песеголовых» людей Гоу-го, которое по их известиям, находилось у границ Китая. Еще армянский историк Гайтон (Гейтум) писал о народе, обитающем около Китая и по своему облику напоминавших собак. В историческом трактате династии Чеу о находящемся на Западе от Куен-Луна государстве собак дано подробное описание жителей страны Кеу (т. е. собак), которые «имеют тело человека, а голову собаки, длинные волосы, не носят одежду; их язык похож на собачий вой; все их жены имеют человеческий облик; они рожают мальчиков, которые становятся собаками, и девочек, которые становятся женщинами; потом они женятся и выходят замуж. Они живут в пещерах и едят все сырое» (Алексеев 1932: 13 – см. комментарии к запискам Плана Карпини).

В «Истории государства киданей» мы встречаем вариант легенды о царстве мужчин-псов: «Далее на север (от шивэй, которые населяли Даурию – Д. Ц.) лежит владение Гоу-Го – Собачье царство. Народ здесь имеет туловище человека и голову собаки (маску пса – Д. Ц.), покрыт длинной шерстью, поэтому не носит одежды. Голыми руками борются с хищными зверями» (Цыбикдоржиев 2004: 354).

В «Исторических записках» Сыма Цень (II–I вв. до н. э.) упоминает, что все варварские народы Запада – жун(ы) делились на три группы: сижун – западные жуны, шаньжун – горные жуны и юаньжун – собачьи жуны (Шавкунов 1990: 23). Локализация юаньжун совпадает с частью той территории, известной как историческая Даурия. Возникает закономерный вопрос – какая же этническая общность прошлых веков может быть отождествлена с песиглавцами, с собачьеголовым народом, который был известен на далеком Западе со времен Плиния (I в. н. э.)? Следует отметить, что проблема идентификации песеголовых людей занимала многие просвещенные умы. В

XVII в. немецкий писатель Олеарий пытался объяснить наличие сведений о людях с собачьими головами или с лицом на груди своеобразным костюмом самоедов, сшитым из цельной шкуры и надеваемом поверх головы. В каких-то сочинениях пытались отождествить гипербореев-песиглавцев с монголами, т. к. «их строение головы, с выдающимися по обеим сторонам скулами» могло дать повод для появления подобных рассказов (Алексеев 1932: 12).

Понятно, что однозначного ответа на вопрос об отождествлении какого-либо отдельного этноса или народа с «собачьим» народом быть не может. Однако сопоставление ранее приведенных фактов позволяет усмотреть типологические признаки, которые дают основание для некоторых догадок.

Исходя из того, что царство песеголовых людей помещали где-то в пределах исследуемой территории, обратимся к историко-археологическим фактам о прошлом народов, о которых имеются более конкретные данные. В частности, это могут быть чжурчжэни – исторические предки маньчжуров. История чжурчжэней, впрочем, как и прошлое многих народов Северной Азии состоит из череды межплеменных войн, междоусобиц, нападений и грабежей, во время которых племенам приходилось отстаивать свое право на жизнь. Имя чжурчжэней, благодаря их военнопотестарному государственному образованию под названием Айсин-Гурун, которое они создали за весьма недолгий исторический период, прославило также их военное искусство и военное снаряжение (Шавкунов 1990: 45).

Одним из видов воинского снаряжения чжурчжэней исследователи отмечают железную маску-личину. В эпоху развитого средневековья маски-личины, выполнявшие роль забрала, были распространены по всей Евразии. Их использовали кипчаки, монголы, латники Сунского Китая. В. А. Туголуков пишет, что в преданиях забайкальских тунгусов-вакаров сохранились сведения о том, что их далекие предки были «вооружены железными пиками, защищали лицо железными масками» (Туголуков 1975).

Ношение воинами антропоморфных масок-личин, видимо, и может объяснить появление сведений о собачьеголовых людях, у которых только мужчины были собаками, а женщины имели обычный человеческий вид. Песеголовость мужчин обусловлена ношением воинов масок-личин в виде морды волка или собаки, что и дало повод для появления легенд о собачьеголовых людях, о чем и пишет Д. В. Цыбикдоржиев.

Однако приведенные доводы по поводу появления в историографии понятия «песеголовых» людей, отражающие моменты межкультурного восприятия одним народом другого, основанного на специфике военной маски-личины антропоморфного характера, могут иметь «вторичность» по отношению к семантической нагрузке экзонима «люди-собаки». На наш взгляд, китайская идеограмма передала объективно существовавшую идею сходства между людьми и тотемами, учитывая древность происхождения онима.

Тотем-собака, как и волк – мифический прародитель многих центрально-азиатских этносов. Это «носители клыков», чье агрессивное поведение символизирует собой силу, мощь, потенциальное бессмертие. Высвечивается древнее восприятие тотемного первопредка – «носителя клыков», чье агрессивное вмешательство в дела человеческие удерживают социальный порядок.

Однако и это объяснение выбора тотемным животным собаки или волка также неполное и проявляет, по-видимому, этнокультурную специфику тотема. Полагаем, что использование животных символов следует воспринимать как некий код, который содержит в себе разные аспекты. Как показал лингвистический анализ, этноним содержит в своей лексической структуре апеллятив, семантика которого и проявляет еще один пласт кодифицированной семантики тотемного образа собаки или волка. В семантике корневой основы этнонима *никан* может быть передана идея уподобления индивида животному. При помощи острых клыков, ума и хитрости волку/собаке удается реализовать понятие власти, силы и превосходства. Возможно, что посредством этой разновидности кода в древних этнонимах и реализуется лингвистически репрезентированные психологические основы индивида как неотъемлемой части окружающей его природы.

Известно, что тотем-собака является мифологическим прародителем монголов, о чем писал в свое время Г. Н. Потанин, приводя монгольское предание «Нохой-эртень» (Потанин 1883). Во многих бурятских родах имеются подрод *нохой* «собака» (Цыдендамбаев 1972). К тому же этимологический анализ таких родовых названий хори-бурят как Батнайский и Худай предполагает «собачье» начало, объясняемое из самодийских языков (Жамсаранова 2009: 82–110). Сохранились легенды у некоторых групп селькупов о том, что их предком в далеком прошлом была большая черная собака (Быконя 2007: 13).

Проприальная лексика способна представлять некоторые моменты межкультурного и межъязыкового общения, проявляя тем самым концептуальное видение «своих» и «чужих». Именно эти моменты межкультурного взаимодействия цивилизованного китайского мира и «северных варваров-кочевников» и оказались зафиксированными в исторических хрониках. При этом если понятие «чужой», переданное посредством приставки идеограммы *ню* «раб; холоп», обнаруживает моменты межкультурных отношений, то корневая основа самоназвания племени способна высветить моменты и внутрикультурной специфики древнего самосознания. В этих целях попробуем разоб- рать семантику корневой *кан-*, выделяемой нами от экзонима *никан*.

Если в названиях *кидань*, *хунну* морфемное *-ню* находится в постпозиции, то в ониме *никан* *ню*-[п'у] стоит в препозиции, что может служить языковым доказательством «инородности» морфемы. По поводу этимологии этнонимного *никан*, калькированный вариант которого в русском языке остался в архивных документах как *нелюди*, заметим, что лексическое значение онимического *-кан* имеет явно самодийское начало. Так, в селькупском диалектном апеллативе *қаңаң* означает «собака». Таким образом, этноним *никан* может быть разложен на ряд семантических апеллативов: *ню*-[п'у] «раб, слуга; холоп» + *қаңаң* «собака», которое, по-видимому, в китайской идеографике передавалось как «собака-человек». В последующем, вследствие стяжения первоначальной китайской формы *ню-қаңаң* образовалось экзонимное *никан*, где гласная *-и-* в первом слоге объяснима русскоязычной почвой возникновения онима.

По поводу корневой основы экзонима *никан* *-ка(н)* можно принять то, что наиболее приемлемой сходной формой второго морфемного элемента экзонима *никан* *-кан* является, на наш взгляд, реконструированный юкагирский корнеслов *ко*, *кон* или *кан* «человек» (Курилов 2003: 48). Анализируя лексемы современного тундренного юкагирского *кодэ* «человек»; *конмэ* «друг» (или в древности *контэ*) и факта наличия корней *ко-/куо-* в словах, выражающих и обозначающих мужское начало: *койши* «самец утки, гуся»; *куодьэду* «мальчик»; *койдиэ* «старший брат»; *куодьэлаамэ* «кобель»; *куодьэдилэ* «оленье стадо, состоящее из одних самцов»; а также *көриэл* «волк» (Курилов 2003: 48–49), Г. Н. Курилов не без оснований полагает о лексико-семантическом сходстве слов-самоназваний коми, ханты, кеты, коты с возможной формой *кан* (*ко*, *кон*) «человек». Типологически сходными с этой формой могут оказаться как и бурят-монгольское *хүн* «человек», так и селькупское *кум/куп* «человек».

Однако обнаружился более близкий и по времени, и по территории расселения язык, также относящийся к палеоазиатским, как и юкагирский. Так, в кетском диалекте селькупского языка лексема *қанэй кум* означает «кет, енисейский остяк» и является, на наш взгляд, самоназванием какой-то этнической группы или же экзонимом (СРДС 2005). От основы *қаң* «гром» образованы в селькупском и лексемы *қанном/қанум* «гроза», что эксплицирует понятие верховности, всесильности, воплощенного в лексемах *хан*, *каган* и прочее. Данное значение не исключает того, что в основу титулярной лексики *хан*, *каган* как т.-ма. народов, так и тюрко-монгольских могло лечь именно этнонимно-экзонимное именование кетоязычных остяков, составивших, возможно, основу нерасчлененной этнически неоднородной массы Никанского царства.

Наше исследование показало, что семантика морфемного *кан-*, входящей в титулы т.-ма., тюрко-монгольских языков (чжурчжэньское *han-ngan-ni* < *ha-γan* «император»; маньчжурское *хан* «государь, верховный владыка»; «царь»; эвенское *кауэн* «старик»; «здоровый, живучий человек»; «живучий»; «медведь» (Цинциус 1962: 46); *хаган* или *хан*), как и селькупского *қанном/қанум* «гроза»,

именования *қәнэй қум* – ‘кет, енисейский остяк’, связана с древним понятием громовника. Г. Н. Потанин записал сведения об алтайском громовнике, называемом Кайракан, которому идентичны по функциям бурятский Хан-Тюрмас и алтайский Кам-курмось, монгольский Гурбу-стен-хан. Все имеют сыновей, согласно мифам. У бурят насчитывают трое сыновей грома: солнце, месяц и огонь.

Наблюдения Г. Н. Потанина дают основание полагать очевидную семантическую корреляцию мифонимов с эпитетом Сагаан ‘белый’ монгольских языков (Цагаан Убгэн букв. Белый старец, Сагаан Дара-эхэ – Белая Тара, Тэнгэр Цагаан Хан (букв. Небо Белый Хан), Цагаан Буруу как прежнее название созвездия Большая Медведица – Окторго Долон Бурхань) с тувинским Орон-Дэлхэй, алтайским Кайраканом и, даже с именем Белого царя – Цагаан Хан (т. е. букв. Белый царь, как называли императора Российского государства буряты в свое время). Действительно, пантеизация сил природы в сознании человека привела к появлению антропоморфно узнаваемых в образе быка/кентавра, Белого старца или же Кайракана-громовника, Тэнгэр Цагаан Хана и т. д. Те из них, имеющие конкретный животный образ, стали исполнять роль тотемных первопредков этнических сообществ, культурного героя, устроителя жизни.

В монгольской генонимии лексема *цагаан/саган* белый отражает концептуальный образ всего сущего, архетипическое начало всего живого на Земле, приобретшее со временем широкое мифопоэтическое распространение. Архетип *цагаан* в монгольской мифологии, по-видимому, это само небо, космос, т. е. энерго-информационное поле, питающее землю и дающее жизнь.¹²⁸

Благодаря союзу Земли и Неба в мир являются правители, государи, цари, князья и проч., т. е. «сыны неба». С монгольским *цагаан* соотносится тюркское *көк* синий, голубой, коррелирующее семантически с селькупским *көк* царь; государь; правитель; князь. Солярность образа быка или козла семантически идентична бурят-монгольскому атрибутиву *хухэ/хух* ‘синий, голубой’ в значении ‘сивый (пороз)’. У ряда народов образ быка-пороза идентифицировался образу оленя-самца, оленя-производителя, олицетворяя, т. о., его оплодотворяющую, живительную силу и мощь.

Также мы вполне допускаем мысль о том, что пантеон солярных образов мог включать еще и образ собаки, который, на наш взгляд, является наиболее древним, а потому с трудом поддающийся лексикализации. Однако первый элемент экзонима *қәнэй қум* ‘кет, енисейский остяк’, где *қән* идентично лексеме *қәнном/қанум* ‘гроза’, чжурчжэньскому *han-ngan-ni* < *ha-γan* ‘император’; маньчжурскому *хан* ‘государь, верховный владыка’; ‘царь’; эвенскому *кауэн* ‘старик’; ‘здоровый, живучий человек’; ‘живучий’; ‘медведь’; форме *кахан* обращению-эпитету по отношению к медведю как ‘ведун’; а также эвенскому *каган* или *каганкан* ‘главы рода’, ‘самый старший, мудрый и сильный шаман’; равно как и тюрко-монгольских *хан, каган* ‘верховный правитель’ может иметь начало в понятии *қанайн* ‘собака/ /сельк./.

Во всяком случае, на этот образ наводит то, что и название фратрии кетов Кэнтан или Ханта, как и т.-ма. именованья титулов верховного владыки, государя, императора лексически сопоставимы с экзонимным обозначением кетоязычных енисейцев-остяков, по-другому – «людей с Запада». «Осталась» эта информация зашифрованной в виде загадочного названия страны собачьеголовых людей, корни происхождения которых, вероятно, связаны с Центральноазиатским регионом, не исключая и Тибет. Известно, что на Тибете глубоко почитают собаку, считая ее своим тотемным первопредком. Отголоски этого весьма древнего исхода сохранились как в апеллятивных, так и в фондах проприальной лексики уральских и алтайских языков.

Обращает на себя внимание морфема *ка(л)*- мифонима Калесь, практически совпадающая с именем небесной собаки *Ка* нанайцев; кетского трикстера по имени *Каскет* (см. об этом: Вяч. Вс. Иванов 1982: 132–143), а также с кетским апеллятивом *клн’иң, клн’әң* ‘люди’ (так, по представлениям кетов, медведи называют людей, кетов) (см. ссылки Хелимского 1982:

¹²⁸ Читай букв. «оплодотворяющее ее».

241 на: Крейнович 1969: 37), сопоставимым, в свою очередь, с экзонимным *qōnniŋ* ‘кет’ (Хелимский 1982: 240).¹²⁹

В свою очередь представляется возможным связать представленные Е. А. Хелимским в свое время лексические параллели экзонимных именовании енисейских остяков с таким апеллятивом как *канак~канан~канаң~кэннаң~қанак~қанақ~қэннақ~қыннақ* ‘собака’ /сельк./ (СРДС 2005). Сопоставление обнаруживает, на наш взгляд, некое лексическое тождество, позволяющее выявить архетипически релевантное понятие образа собаки. В свою очередь, корневую основу обозначения собаки *кан-~қан-* в селькупском языке возможно сопоставить с апеллятивами *қāң~қāңном~қанном~қанум* /сельк. кет./ ‘гром; гроза; молния; град’ (Там же), в попытке связать образ собаки с громовником, корневая часть которого «осталась» в экзонимном *никан* исторической Даурии.

Напомним, что и морфема *қāн-* словосочетания *қāнэй қум* ‘кет’, ‘енисейский остяк’ также обнаруживает лексико-семантическое сходство, позволяющее усмотреть в этнонимах кетов как *Қэнтāн* или *Ханта*, равно как и *Хонигетский*, представляющие собой родственные рода фратрии *Богдэй* и переводимые как “ударивший огнем”, т. е. громовник. Возможно, что название *Кастрена* «канский народ», т. е. *Ханта* возможно понимать как «огненный народ» или, что ближе семантически к понятию громовника – «громовой народ», в противовес названию другой фратрии кетов *Ольгыт*, записанных А. Кастреном как «водяной народ». Очевидным становится древнее восприятие человека об образовании той природной силы – грома, которая способна породить все живое на Земле, так же, как, напр., воссоединение двух племен – «огненного» народа с «водным».

Также не исключаем и того, что лексически в одном и том же ониме могло произойти т. н. наложение смыслов, объясняемый омонимией. В кетском языке орла означают лексемой *қан* ‘орел’, что, в свою очередь, типологически схоже с именованием собаки в селькупском *қан(ан)*, олицетворявшее посредством лексики «небесное» происхождение как образа орла, так и образа собаки.

Г. М. Василевич отметила наличие родов *Каңай~Каңагир~Каңалас*, *Каңай~Ханай* в XVII в. в районе Олекминского острога, между Алданом и верховьями правых притоков Лены (Василевич 1969: 269), относя их к тунгусским родовым сообществам. Выходит, что некогда существовал род, в именовании которого различима основа *қан*, которую возможно интерпретировать или посредством кетского апеллятива *қан* ‘орел’ или селькупского, точнее остяко-самодийского *қан* ‘собака’. Добавим, что в этнографии сибирских народов в свое время существовало название аборигенных племен как, например, *канак(и)*. Однозначно семантически интерпретировать именование тунгусских родовых названий *Каңай~Каңагир~Каңалас*, *Каңай~Ханай* XVII в. не представляется возможным.

Вместо этого с большей долей вероятности можно предположить следующее. Согласно многим мифологическим сюжетам образ собаки в архаическом сознании был тесно связан с понятием воды, водной стихии. А образ орла в мифологии, в т. ч. и сибирской, олицетворял собой понятие огненной стихии, огня. Союз или соединение этих стихий порождало некую третью силу, истоки которой могут быть связаны с понятием грозы, громовника, семантически развернутым уже в ономастической репрезентации. Добавим, что среди родовых названий тунгусов *Нерчинска* имеется геноним *Конурский*, семантику которого мы склонны интерпретировать от апеллятивного *қан*.

Древнее дихотомическое начало дуально-фратриального племенного объединения енисейских остяков, обнаруживающих в своих наименованиях древнее понятие родства человека с первичными стихиями – водой и огнем – как это ни странно, осталось в своем частичном варианте в экзониме *никан*, как и в названии целого государства под именем *Гоу-Го* китайских хроник.

¹²⁹ Е. А. Хелимский приводит замечание Е. А. Алексеенко (1967: 6) в связи с селькупским названием кетов о родовом самоназвании *Кониц* у кетов и зафиксированном в XVIII в. кетское *кōннијинг* ‘остяк (енисейский)’, которое можно, по его мнению, интерпретировать как двойное заимствование (кет.>сельк.>кет.) (Хелимский 1982: 241).

- Алексеев 1932 – *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Иркутск, 1932. Т. 1.
- Алексеевко 1967 – *Алексеевко Е. А.* Кеты. Л., 1967.
- Балабанов 2003 – *Балабанов В. Ф.* История земли Даурской. Чита, 2003.
- Быконя 2007 – *Быконя В. В.* Самодийское направление // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Томск, 2007. Вып. 3. С. 13–16.
- Василевич 1969 – *Василевич Г. М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.). Л., 1969.
- Жамсаранова 2009 – *Жамсаранова Р. Г.* Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингво-историческое исследование. Чита, 2009.
- Жамсаранова 2010 – *Жамсаранова Р. Г.* Этнонимия Даурии: проблемы диахронного контактирования этносов // Мат-лы XII Междунар. науч. конф. «Ономастика Поволжья». Казань, 2010. С. 121–125.
- Иванов 1982 – *Иванов Вяч. Вс.* Кетско-американские связи в области мифологии // Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982. С. 132–144.
- Китайско-русский словарь 1992 – Китайско-русский словарь / под ред. Ся Чун И. Пекин, 1992.
- Крейнович 1969 – *Крейнович Е. А.* Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник: Мифология. Этнография. Тексты. М., 1969. С. 17–111.
- Курилов 2003 – *Курилов Г. Н.* Лексикология современного юкагирского языка. Новосибирск, 2003.
- Потанин 1883 – *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. СПб, 1883. Вып. IV.
- СРДС 2005 – Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быконя. Томск, 2005.
- ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В. И. Цинциус. Л., 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.
- Туголуков 1975 – *Туголуков В. А.* Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 78–110.
- Хелимский 1982 – *Хелимский Е. А.* Кето-Uralica // Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982. С. 238–251.
- Хоанг 1997 – *Хоанг М.* Чингисхан. Ростов-на-Дону, 1997 (Серия «След в истории»).
- Цинциус 1962 – *Цинциус В. И.* О названиях, связанных с понятием «народ» в тунгусо-маньчжурских языках // Acta Orientalica Hungarica. Л., 1962. Separatum. Т. XV. Fasc. 1–3. С. 41–48.
- Цыбикдоржиев 2004 – *Цыбикдоржиев Д. В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 334–362.
- Цыдендамбаев 1972 – *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972.
- Шавкунов 1990 – *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.
- Государственный архив Забайкальского края, ф. 1, оп. 1/5, д. 17513.

Д. Абдуллоев (Санкт-Петербург, Россия)

Зороастрийские реликты, представленные в археологических материалах

Судя по сведениям письменных источников, ираноязычное население Средней Азии до принятия ислама исповедовало зороастрийскую религию. Согласно учению пророка Заратуштры, смерть – это зло, поэтому труп считался наделенным нечистой силой. В зороастризме категорически запрещалось погребение человека в земле, т. к. тело, соприкасаясь с землей, могло осквернить ее. Трупосожжение также не допускалось, т. к. огонь и воздух, как вода и земля, для зороастрийцев были священны.

Рис. 1: 1– Кара-тепе, настенная роспись (I–II вв.), очищение мягких тканей от костей покойного человеком и собаками; 2 – Ток-кала, костехранилище-«астадан» со сценой оплакивания (VIII в.); 3 – Ташкентский музей, сцена Страшного суда на лицевой части костехранилища-«астанана» (VII в.)

В дошедшей до нас части священной книги Авесты, Видевдат говорится, что зороастрийский погребальный обряд был поэтапным и для каждого этапа существовали специальные постройки (Иностранцев 1909: 105–197, Хисматуллин, Крюкова 1997: 207–228). Первая постройка – «ката», где оставляли труп в тех случаях, когда было невозможно сразу перенести его на «дахму». В «дахме» выставляли труп на растерзании птицам и хищникам. Кости оставались в «дахме» год, после чего они становились чистыми. Тогда их собирали и помещали в «астадан» – костехранилище. В этом состоял третий и последний этап погребального обряда зороастрийцев, которые верили, что сохранение костей необходимо для грядущего воскрешения мертвых.

Практиковался и другой способ отделения мягких тканей от костей. Так, китайские письменные источники сообщают, что за городскими стенами Самарканда проживала группа людей, державших обученных собак, которые пожирали плоть мертвецов (Бичурин 1953: 30–31). Вместе с тем, отделение мягких тканей от костей производилось также людьми с помощью ножа или других острых предметов. Автор X в. Наршахи пишет, что правитель Бухары, Тогшода скончался во время приема у наместника халифа в Хорасане, после чего его приближенные очистили мягкие ткани покойного от костей, поместили их в мешок и забрали с собой в Бухару (Наршахи 1979: 35–37).

Эти сведения подтверждаются археологическими данными. Так, процесс отделения мягких тканей от костей покойника представлен на настенной росписи из Кара-тепе вблизи г. Термеза

(Staviskij 1987: 53, pl. XXVIII, 4). Здесь был изображен сидящий человек под аркой, который в правой руке держит нож, а в левой – очищенный череп человека. Возле него лежит труп, растерзанный собаками (рис. 1, 1).

В мусульманском погребальном обряде ираноязычных народов Средней Азии ритуал оплакивания является одним из распространенных элементов, хотя ислам осуждает и не одобряет оплакивание умершего. Еще сам пророк Мухаммад говорил, что ритуальный плач по умершему недопустим (Гольдциэр 1938: 151). Такого же мнения придерживаются и современные мусульманские религиозные деятели. Они считают, что недопустимо громко плакать по покойному, расцарапывать лицо и тело, наносить себе удары (Хисматуллин, Крюкова 1977: 62). Судя по этнографическим данным, несмотря на запреты ислама, оплакивание покойника является одним из главных ритуалов в погребальном обряде ираноязычных народов Средней Азии (Лыкошин 1916: 55, Писарчик 1976: 123, 179–181; Хамиджанова 1985: 54–57; Мардонова 1998: 82–92). Оплакивание начиналось сразу же после наступления смерти. Оно происходило либо во дворе, либо в комнате вокруг покойного, которого оплакивали ближайшие родственницы, родственники, но, в основном, женщины. В знак траура они расплетали косы, царапали лица, били себя в грудь (Писарчик 1976: 123; Мардонова 1998: 82–90). Весьма любопытную и наглядную картину этого процесса мы находим в археологических материалах. Так, на одном из керамических гробиков-костехранилищ из некрополя VIII в. Ток-кала в Хорезме запечатлена сцена оплакивания покойного (Гудкова 1964: 90–91). На крышке и лицевой части гробика изображен лежащий на ложе покойник, окруженный плакальщицами и плакальщиками, часть которых распустила волосы, другие бьют себя в грудь, а сидящая в изголовье фигура наносит себе увечье каким-то предметом в правой руке (рис. 1, 2).

Некоторые представления о загробной жизни были заимствованы исламом из зороастризма. Так, у зороастрийцев, судя по сведениям Авесты и поздним зороастрийским сочинениям, душа человека после смерти находится три ночи у изголовья покойника. Отделившаяся от тела душа совершенно беспомощна, и для того чтобы в этот момент ее не захватили Ахриман («Злой Дух») и демоны, душу стережет ангел-хранитель Срош (Чунакова 2004: 211–212). В течение трех суток в помещении, где лежит покойник, должен гореть огонь, который также оберегает душу от нечистых сил. Такую же картину мы наблюдаем в мусульманском погребальном обряде ираноязычных народов Средней Азии (Мардонова 1998: 62–63; Хамиджанова 1980: 58–59). Хотя, в отличие от зороастрийцев, мусульмане хоронят покойника в день смерти, но ритуал горения огня в течение трех суток в помещении, где находился покойник, сохранился. По истечении трех суток Срош приводит душу умершего к Чинвадскому мосту. Здесь происходит взвешивание его праведных и неправедных поступков на весах правосудия, которое осуществляет Рашн – «Ангел правосудия» (Чунакова 2004: 189). Пройдя это испытание, душа попадает на Чинвадский мост (Там же: 256–258). Эпитеты моста Чинвад – «страшный, высокий». Судя по зороастрийским сочинениям, он опирается одним концом на стоящую в центре мира гору Чикат-Даити, а другим – на гору Албурз. На этом мосту суд над душами умерших вершат ангелы Срош и Рашн. Души праведных легко переходят через мост Чинвад, его ширина при этом становится равной девяти копьям, а души грешников падают с моста в ад, поскольку он сужается (Там же: 257).

Эти реликты зороастрийских верований находят подтверждение в археологических материалах. Например, сцена суда представлена на стенке костехранилища (керамического гробика), ныне хранящегося в Ташкентском музее. Здесь изображен, вероятно, Рашн с весами в правой руке. Он сидит на прямоугольном возвышении, поджав ноги, на голове – зубчатая корона. Справа перед ним стоит, очевидно, Срош, тоже в короне, и протягивает ему правой рукой предмет для взвешивания, символ души в виде жертвенника. Снизу сцена ограничена горизонтальной лентой, по форме напоминающей лестницу, которая состоит из гладких столбиков. Вероятно, это изображение Чинвадского моста. Ниже моста, возможно, схематичное изображение водяного потока в виде выьющегося орнамента или языка пламени (рис. 1, 3).

Следует отметить, что эти зороастрийские представления о загробной жизни были заимствованы исламом. Так, ангелы Срош и Рашн были переименованы в мусульманских Мункара и Накира, выполнявших ту же роль. В Хадисах также упоминается о взвешивании праведных и неправедных деяний на весах правосудия, которые носят название весы «Мизан». Также в Коране, в первой суре говорится о мосте, который назван мостом «Сират». Однако функции и описание его полностью соотносятся такими же, как в зороастрийских источниках (Коран 1923: 3; Прозоров 1991: 209–210).

Таким образом, археологические материалы являются важнейшими историческими источниками. Они дополняют, уточняют, в некоторых случаях подтверждают сведения письменных источников, но также весьма существенную роль играют и этнографические данные.

- Бичурин 1953 – *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1953 (Собр. соч. Т. 3).
- Гольдциэр 1938 – *Гольдциэр И.* Культ святых в исламе // Мухаммеданские эскизы. М., 1938.
- Гудкова 1964 – *Гудкова А. В.* Ток-кала. Ташкент, 1964.
- Иностранцев 1909 – *Иностранцев К. А.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // ЖМНП. 1909. Ч. 20.
- Коран – *Ал-Кур`ан.* Изд. Хаджи Мухаммед-Хусейна. Тегеран. 1923.
- Лыкошин 1916 – *Лыкошин И. С.* Полжизни в Туркестане // Очерки быта туземного населения. Пг., 1916. С. 359–361.
- Мардонова 1998 – *Мардонова А.* Традиционные похоронно-поминальные обряды таджиков гиссарской долины (конца XIX – начала XX вв.). Душанбе, 1998.
- Наршахи 1979 – *Наршахи М.* Тарихи Бухоро. Душанбе, 1979 (на перс. яз).
- Писарчик 1976 – *Писарчик А. К.* Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976.
- Прозоров 1991 – *Прозоров С. М.* Сират // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. Ч. 1. С. 209–210.
- Хамиджанова 1985 – *Хамиджанова М. А.* Мужские джахры в похоронных обрядах таджиков верховьев Зеравшана // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985. С. 54–58.
- Хисматуллин, Крюкова 1997 – *Хисматуллин А. А., Крюкова В. Ю.* Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб, 1997.
- Чунакова 2004 – *Чунакова О. М.* Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.
- Staviskij 1987 – *Staviskij B. Ja.* Le problème des liens entre le bouddhisme bactrien, le zoroastrisme et les cultes mazdéens locaux à la lumière des fouilles de Kara-tepe sur le site de l'antique Termez (Ouzbékistan) // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris, 1987. P. 47–51.

В. И. Распопова (Санкт-Петербург, Россия)

Литейные формы из Пенджикента

Находки глиняных форм для отливки сосудов из металла очень редки, также как и самих сосудов (Ержигитова и др. 2009: 168–173). В Таджикистане мне известна лишь одна мастерская, связанная с литьем металлических сосудов. Она обнаружена при раскопках городища Тахти-Сангин. Ее дата – II в. до н. э. (Дружинина, Худжагелдиев 2009).

В Пенджикенте мастерские по обработке металла исследованы достаточно полно. За 50 с лишним лет раскопок памятника собрана большая коллекция предметов из металла. Подавляющее большинство изделий из бронзы изготовлено методом отливки в формы, но сами формы найдены не были. Теперь этот пробел ликвидирован. В двух мастерских обнаружены четыре производственные печи двухкамерной конструкции. В заполнении нижних камер печей были найдены глиняные формы, в которых отливали бронзовые сосуды. Там же обнаружены обломки тиглей для плавки бронзы.

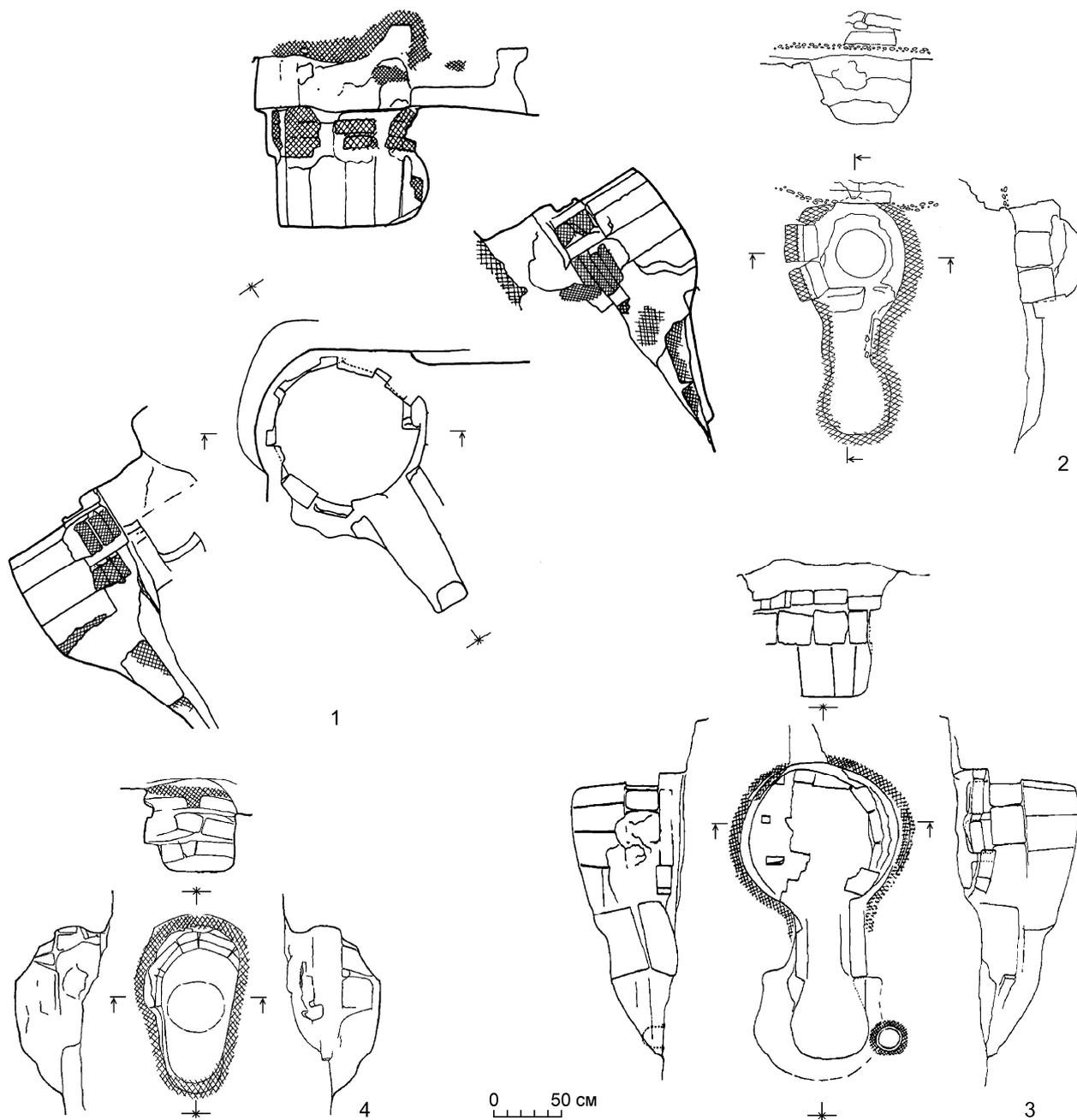

Рис. 1. Пенджикент: 1 – объект XXIII, пом. 102, печь; 2 – объект XXIII, пом. 104, печь;
3–4 – объект XXV, пом. 51, печи 1–2 (планы, разрезы)

Мастерские находились на противоположных сторонах переулка, который соединяет главную широтную улицу города с южной улицей. Остатки одной из них обнаружены на объекте XXIII. Мастерская размещалась в открытом в сторону улицы помещении площадью ок. 40 м². Позднее на ее месте появилось два помещения – 102 и 104. В пом. 102 и 104 выявлены три строительных этапа. С пола второго строительного периода в северо-восточном углу пом. 102 была вырыта топочная камера печи (рис. 1, 1). Во втором строительном периоде пом. 102 и 104 было единым, разделение на два произошло в третьем строительном периоде. Еще одна печь (в пом. 104) находилась на расстоянии 2,6 м от топочной камеры печи в пом. 102.

Печь пом. 102 круглая в плане, облицована прямоугольными сырцовыми кирпичами размером 50 × 25 × 11 см, поставленными вертикально на узкую сторону. Ширина камеры на уровне дна – 1 м, а на уровне свода – 1,15 м. Высота топки от дна до начала свода – 53 см, т. е. высота

одного кирпича. Внутренняя поверхность стенок топочной и верхней обжигательной камер плотная, прокалена добела на толщину до 4 см. Глубже кирпичи рыхлые, приобрели красный цвет. В отличие от кирпичей топочной камеры кирпичи свода верхней камеры более плотные. Видимо, это связано с тем, что они были со всех сторон окружены газами высокой температуры, хотя различия в составе глины нет.

Свод топки сохранился на высоту 30 см и выложен из двух рядов частично сохранившихся кирпичей, расположенных почти горизонтально. В поде верхней камеры выявлено шесть продухов диаметром 13–15 см и расстоянием между ними 30–35 см. Продухи открыты только вдоль стен, т. к. середина пода не сохранилась. Под сверху обмазан слоем чистой, без примеси глины (толщиной 5 см).

Верхняя камера сохранилась на высоту до 0,6 м, в длину по северной стене помещения на 0,9 м, а по восточной – на 1,15 м. Возможно, эти границы и дают размеры верхней камеры. Вход в верхнюю камеру находился с южной стороны. От него сохранилась только восточная часть. Она читается по обожженной красной поверхности обмазки высотой 25–30 см. Видимо, закладка входа была недостаточно надежной и через нее при обжиге вырывался горячий газ, прокаливший стенку докрасна.

С юго-западной стороны топочной камеры открыто наклонное устье. Глубина наиболее сохранившейся части у входа в камеру – 25 см, а на другом конце – 10 см. Длина устья – 0,77 м. Заполнение топочной камеры состояло, в основном, из завала пода печи. Ниже шел слой с углями, золой и обломками стенок «тиглей-горнов», часть которых покрыта окислами меди. Среди этих фрагментов имеются остатки «тиглей-горнов» с наибольшим внутренним диаметром ок. 30 см. В том же завале обнаружен обломок массивного предмета в виде усеченного конуса (неправильной формы) из глины с соломой. Наибольший диаметр сохранившейся части – 14 см. Снаружи он покрыт красно-коричневым стекловидным шлаком, а внутри имеет продольный не ошлакованный канал диаметром ок. 4 см. Назначение этого предмета неясно. Может быть, это сердечник, вкладываемый в форму при отливке. На самом дне топочной камеры обнаружена почти целая глиняная форма для отливки бронзового кубка на широкой полой ножке (рис. 2, 1–4). Там же найдено несколько мелких обломков других форм: от маленького кувшина с ручкой, от круглых в сечении прямых стержней (длина фрагментов до 5 см), от сердечника и какой-то круглой детали.

На расстоянии 25 см к С от устья печи в полу расчищена яма (диаметром 40 см, глубиной 10 см), поверхность дна которой слегка прокалена, а в заполнении много золы и угольков.

На третьем строительном этапе пол мастерской со всеми приспособлениями для плавления и литья бронзы был срыт, верх устья печи срезан, а устье и топочная камера засыпаны.

Печь, обнаруженная в пом. 104, как и печь из пом. 102, относится ко второму строительному периоду. В обоих случаях ямы топочных камер вырыты в плотном слое с гумусом и галькой. Однородность этого слоя в двух помещениях объясняется тем, что его насыпали и утрамбовывали, когда между пом. 102 и 104 не было перегородки. В плане печь пом. 104 состоит из округлой топочной камеры и отходящего от нее к 3 узкого устья (рис. 1, 2). Верхняя камера не сохранилась. Ширина топочной камеры по оси С–Ю составляет 0,75 м, длина – 0,9 м. Глубина от пола равняется 0,5 м, но первоначальная высота от дна до свода, как показывает след на восточной стене помещения, достигала 0,6 м. Верх стенок топки был облицован сырцовыми кирпичами размером 35 × 35 × 14 см. Со стороны камеры кирпич прокален добела на 4 см, тогда как остальные 10 см его толщи – докрасна. Сохранились два кирпича на северной стороне и один на западной. Последний опущен к дну, т. к. над ним находится выход устья, вытянутого с 3 на В. Устье сохранилось на половину своей первоначальной глубины (12 см). Основная часть устья – трапециевидная в плане. Каждая его стенка длиной 48 см облицована сырцовым кирпичом толщиной 10 см, поставленным на узкую длинную сторону. Ширина устья у топки – 31 см, а на узком конце – 28 см. Далее к западу стенки становятся пологими, так что образуется овальное углубление, вытянутое по линии 3–В (ок. 50 × 45 см по верхнему краю). Часть с боковыми кирпичами, возможно, была перекрыта

сырцовым кирпичом. Печь в пом. 104 была устроена, вероятно, несколько раньше, чем та, которая расположена к северу от нее, в пом. 102, но уничтожены они были одновременно при строительных работах третьего периода.

В заполнении ямы найдены невыразительные фрагменты литейных форм. Опознается фрагмент сердечника, похожего на сердечник, обнаруженный в форме для отливки кубка в северной печи. По анализу керамики и стратиграфическим данным можно достаточно уверенно датировать печи началом VIII в.

К западу от объекта XXIII на другой стороне переулка находится объект XXV. Здесь в пом. 51 также были открыты производственные печи, похожие на печи объекта XXIII. У западной стены, отступя от нее на 35 см, устроена двухкамерная печь 1, по конструкции похожая на гончарную (см. грушевидные в плане печи: Алиев и др. 1981: 75; Акишев и др. 1987: 143). Нижняя камера сохранилась полностью. Она имеет овальную форму (длина по линии С–Ю – ок. 1 м, З–В – 0,85 м) с вытянутым на северо-восток устьем. Высота нижней камеры с ее сводом от пода верхней камеры составляет 77 см. Стенки нижней камеры обложены двумя рядами прямоугольных кирпичей и обмазаны глиной. Кирпичи верхнего ряда почти квадратные (25–27 × 25–27 × 10 см), а нижнего – прямоугольные (45 × 25 × 10 см). При этом верхние имеют плотную светло-зеленую ошлакованную поверхность, а нижний ряд местами черный. На полу камеры – слой золы с углем.

На верхний ряд кирпичей обкладки опирается межкамерное перекрытие толщиной в один кирпич. Сверху оно обмазано глиной толщиной от 1,5 до 3 см. Перекрытие имело вид пологого свода. У южной стенки оно сохранилось *in situ*: зафиксированы три прямоугольных продуха со стороной 5–6 см и остаток четвертого почти у южной стенки устья. Расстояние между продухами – 25 см. Заполнение северной части нижней камеры – кирпичи от конструкции верхней камеры и обломки от глиняной формы для отливки котла (рис. 2, 5–6). Следует отметить, что много обломков от формы лежало на полу помещения около устья, над его южной стеной и в верхнем слое заполнения устья сверху. Под сохранившейся частью межкамерного перекрытия на 30–40 см была мягкая земля, ниже наброс из конструкций верхней камеры и пода, внизу заполнение – из золы и угольков на высоту до 20 см.

Верхняя камера овальная, почти округлая (С–Ю – 1,15 м, В–З – 1 м). С западной стороны сохранились остатки стены верхней камеры из сырцового кирпича – толщиной в один кирпич. По остаткам стен виден легкий наклон, т. к. верхняя камера была купольной. Стенки с внутренней стороны имеют плотную белую поверхность, за которой на глубину 8 см прослежен красный прогар. Местами обмазка верхней камеры двойная – толщина обмазок 3 см, следовательно, камера неоднократно использовалась.

Длина устья камеры достигает 1,2 м, ширина – ок. 40 см, спуск от пола к нижней камере пологий. Стенки устья обложены кирпичом, обмазаны и обгорели до серого цвета, за которым глубже шел красный. Наружный полукруглый конец устья (длиной 25 см) не был обложен кирпичом и не обгорел. Там, где начиналась обкладка кирпичом, имелось небольшое сужение. На расстоянии 55–60 см от восточного конца устья около этого сужения в завале лежал кирпич размером 27 × 25 × 10 см, одна сторона которого прогорела докрасна. Видимо, он служил для перекрытия устья. Рядом к востоку от кирпича обнаружен крупный обломок нижней части толстостенного глиняного горна диаметром более 40 см, предназначенного, видимо, для плавки меди. Под ним в завале найдены как шлаки с окислами меди, так и стекловидные, среди которых есть нитевидные; рядом с глиняным горном немного выше него найдены обломки тигелька, обычного для пенджикентских бронзолитейных мастерских.

В 20 см к С от устья печи расчищена ямка-горн (глубиной 12 см, диаметром 15 см), внутри ошлакованная до стекловидного состояния, кое-где прослежены зеленые окислы меди. Край ямки ровно срезан, шлак отбит по самому краю, местами чуть выше его. Стенки за стекловидным шлаком на толщину 2 см белые, а далее прогоревшие докрасна еще на 4 см. Форма для отливки котла, найденная в обломках в печи и около нее, сильно фрагментирована, но поддается реконструкции

(рис. 2, 5). Необходимо отметить, что расстояние между наиболее выступающими частями ручек – ок. 73 см. После обжига такую форму можно было извлечь, только разобрав верхнюю камеру, которая была лишь немного шире ее.

Печь 2 находится рядом с первой, к Ю от нее. Вероятно, она была построена раньше и перестроена, когда соорудили печь 1. Печь 2 первоначально имела симметричную грушевидную форму. Об этом свидетельствует полукруглая дуга уступа нижней камеры, которая уходит за ее северную стену. Северная стена печи 2, в отличие от других, прямая, а не изогнутая. На ней местами сохранился прогоревший слой обмазки серо-зеленого и светло-желтого цвета толщиной ок. 1 см. Стенки печи за обмазкой обожжены до красного цвета на толщину 8–10 см. Кирпичей, приложенных плашмя к стенкам, здесь нет. Ровная северная стенка была выложена, чтобы надежно отделить устье печи 1 от печи 2. Судя по остаткам пода вдоль южной и западной стен, печь состояла из двух камер: верхней и нижней. Верхняя камера находилась на высоте 53 см от основания нижней камеры. Сохранившаяся часть пода верхней камеры состоит из обломков сырцовых кирпичей. Поверх них имеется слой глиняной обмазки толщиной ок. 1 см, прокаленный до бледно-желтого цвета. Стенки камеры также бледно-желтого цвета. Уступ нижней камеры сохранился вдоль южной и, частично, западной стен, высота его от дна топочной камеры – 30–35 см, ширина вдоль южной и западной стен – 9 см. Уступ состоит из сырцовых кирпичей, плашмя примазанных к стенкам. На нем местами сохранился прогоревший слой желтоватого цвета толщиной ок. 1,5 см. Печь вытянута с В на З, устье ее обращено к востоку. Наибольшая ширина печи составляет 0,73 м, длина – 1,25 м. Пол нижней камеры понижается с В на З, ширина устья печи – 25 см.

Печь была заполнена кусками обожженных кирпичей, фрагментами тиглей и шлаков, на дне нижней камеры отложился тонкий (ок. 3 см) слой золы с угольками. Из завала печи происходят фрагменты от восьми горнов со стекловидным шлаком на внутренней поверхности и большое количество фрагментов горнов различных размеров, ошлакованных изнутри, со следами бронзы.

Близ поверхности пода нижней камеры найдены: ошлакованная «труба» из огнеупорной глины (скорее всего, это попавший в печь и подвергшийся там действию огня тигель с отбитым дном); часть двухсоставной формы для ножки бронзового сосуда в виде ноги копытного животного; цилиндрический сердечник от носика сосуда; мелкие фрагменты форм из обожженной глины.

В пом. 51 зафиксировано несколько полов. Пятый пол сверху находится на глубине от 3 до 30 см от четвертого. Заполнение между полами – плотная земля с фрагментами шлаков, глиняных форм и обломков кирпичей от производственных печей. Ниже этого пола сохранились остатки двух печей. Сначала была построена маленькая печь 2, а через некоторое время и большая печь 1. Пахсовые стены помещения стоят на четвертом полу, так что более ранний пол и конструкции к пом. 51 уже не относятся, а стены, синхронные печам, кроме западной, не выявляются. Возможно, печи, как и на объекте XXIII, находились на открытой площадке, ограниченной только западной стеной, основание которой ниже «пятого пола». «Пятый пол» – это условное название поверхности, лишь возле конца устьев печей совпадающей с полом, с которого спущены нижние камеры, но во многих местах пол был явно стесан во время уничтожения мастерских.

Ко времени после разрушения мастерской относятся два строительных периода, из которых более поздний приходится на 740-е гг., а более ранний – на конец первой четверти VIII в. Поэтому мастерская имеет дату *ante quem* – самое начало VIII в. и оказывается приблизительно синхронной мастерской в пом. 102 и 104 объекта XXIII.

Мастерские с печами очень похожей конструкции встречены в Пенджикенте еще трижды, однако в них не было найдено обломков форм. Одна из них открыта в пом. 70 объекта XXIII (Беленицкий и др. 1993: 151, рис. 6), похожая печь была расчищена в храме 1 в пом. 12 северной ограды внутреннего двора (Беленицкий и др. 1994: 103–105, рис. 4).

Самая крупная печь была сооружена не ранее конца V–VI в. во внешнем дворе близ северного портика с проходом во внутренний двор, где трудно представить длительное существование мастерской. Если считать, что печь служила для обжига литейных форм, то ее могли соорудить для

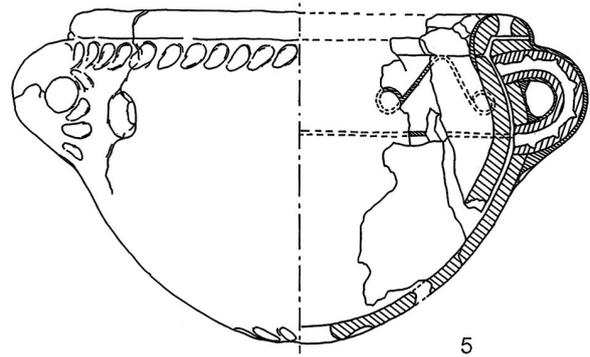
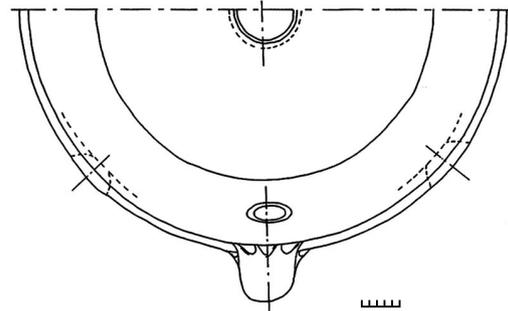
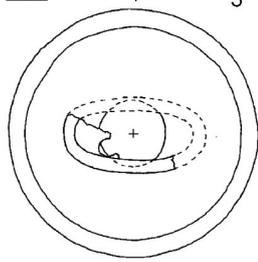
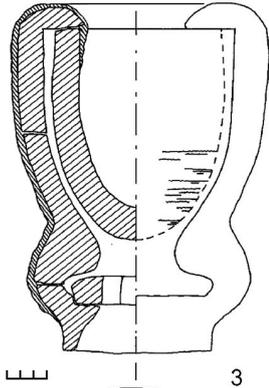

Рис. 2. Пенджикент: 1–4 – объект XXIII, пом. 102, форма для отливки кубка (1 – *in situ*);
5–6 – объект XXV, пом. 52, печь 2, форма для отливки котла

выполнения какого-то важного храмового заказа, напр., изготовления бронзовой скульптуры или большого котла для ритуальных пиров. С исчезновением надобности временная мастерская была уничтожена. Грушевидная в плане печь имеет длину 2,15 м, ширину – 1,2 м. Особенность конструкции этой печи в том, что нижняя камера имела продольную стенку, пристроенную торцом к ее западной стене, на которую опирались два свода. Для свода топочной камеры использовали

специально изготовленные трапециевидные кирпичи. У всех этих сырцовых кирпичей одна сторона прогорела сильнее, чем другая. Видимо, эта прогоревшая сторона была обращена к топке. Можно предполагать, что печь имела над подом верхнюю камеру, которая не сохранилось. По конструкции печь схожа с гончарными печами с двумя продольными отделениями в топке и арочным устьем (см. печи с двумя продольными «каналами»: Якобсон 1979: 41, рис. 20, 1; 21, 1; 23, 1).

Таким образом, в Пенджикенте найдено несколько разновременных мастерских, пригодных для обжига литейных форм, но только в двух из них найдены сами формы.

В пом. 102 объекта XXIII на самом дне топочной камеры, как отмечено выше, обнаружена почти целая глиняная форма для отливки кубка (рис. 2, 1–4). Высота формы составляет 26,5 см, толщина стенки – ок. 2 см. Зафиксированы остатки литника. Внутри формы найдено два сердечника из глины. Один из них, полый внутри, в виде яйца со срезанным концом (полуэллипсоидный) высотой 14,5 см, толщина стенок ок. 2 см; другой плоский, предназначенный для отливки поддона, сохранился фрагментарно. В плоском сердечнике имеется отверстие у края, через которое наливали расплавленный металл. Тело формы состоит из внешней и внутренней частей. На внутренней части формы сохранились швы, по которым видно, что форма была разборной и состояла из трех частей: верхней – с венчиком, средней и посередине плоского поддона (рис. 2, 2–3). На основании этого можно сделать вывод, что в специально подготовленную глину оттискивали готовый сосуд (патрицу), а, может быть, и модель сосуда из дерева. Получившиеся части матрицы сушили, возможно слегка обжигали, затем все части складывали, помещали внутрь формы сердечники и сверху обмазывали глиной (рис. 2, 4). Получившуюся форму обжигали в печи, после чего она была готова к употреблению. Отметим также, что все найденные формы достаточно пористые, что достигнуто добавлением в глину органики (ср.: Пазухин 1970: 284). Кубок, отлитый в этой форме, имел бы высоту 19,5 см, с диаметром устья 14 см и дна 11 см. Верх его почти цилиндрический; короткая ножка – широкая, полая. Сосуд цельнолитой, с гладкими стенками.

Форма для отливки котла, найденная в печи 1 пом. 51 объекта XXV и около нее, сильно фрагментирована, но поддается реконструкции (рис. 2, 5). Она была двухсоставной, сохранились обломки от обеих частей. Внутренняя часть формы имела более толстые стенки (2,5 см), чем внешняя, толщина которых 2 см. На внутренней стороне внешней части формы, примерно в 15 см от верха венчика зафиксирован след от «веревочки», идущий горизонтально. Считается, что рельефный валик, имитирующий «веревочку», на бронзовых котлах приходится на место разъема половинок формы (Максимов 1966: 59). Однако на нашей форме не наблюдается никакого разлома ее в месте отпечатка «веревочки». Возможно, «веревочка» – это неременный элемент орнамента бронзовых котлов. На пенджикентской форме, в 10 см выше горизонтальной «веревочки», прослеживается наклонный след от «веревочки» с кружком на конце.

Венчик котла горизонтальный, плоский. Диаметр котла был бы не менее 60 см, высота 42 см, наибольшая ширина (по «веревочке») – 54 см. Котел имел две вертикально посаженные ручки на плечиках. Расстояние между ними составляет ок. 73 см. Ручки округлой формы с семью небольшими выступами-шипами (рис. 2, 6). Над одной из ручек имелся овальный продох. Вполне вероятно, что такой же продох был и над другой ручкой. Дно котла округлое. Поддона, скорее всего, не было, т. к. там, где должен быть поддон, находится узкое отверстие для литника. Следует отметить, что на форме, на 3 см выше следа «веревочки», прослежены остатки песчаной подсыпки. Песчаная подсыпка засвидетельствована и на фрагментах других форм для литья из этих мастерских. Подсыпка из мелкого песка могла применяться для того, чтобы отлитое изделие легче отделялось от формы. Количество частей, из которых складывалась окончательная форма, проследить не удалось. Во всяком случае ясно, что ручки были оттиснуты отдельно, а затем прикреплены к основной форме. В форме напротив концов ручки имеются два отверстия. Когда все части формы были скреплены, они были обмазаны еще одним слоем глины. То же было отмечено и на форме для отливки кубка. Делалась эта работа очень тщательно. По верху венчика, сбоку ручек, у дна на внешней окончательной поверхности формы имеются вдавлины, нанесенные для лучшего скрепления

частей. На форме зафиксировано два сквозных отверстия, сколько их было всего, неизвестно. Но у мастера, создававшего форму, безусловно, был свой план системы выпоров-газоотводов, от которой зависело качество отливки.

Подведем некоторые итоги.

1. Оборудование мастерских состояло из печей для обжига глиняных форм и горнов-ямок разного размера. Печи по устройству близки к гончарным, раскопанным в Средней Азии (см. грушевидные в плане печи: Алиев и др. 1981: 75; Акишев и др. 1987: 143), но отличаются от них сравнительно низкой температурой в нижней камере, не приводящей к плавлению стенок, и отсутствием керамических отвалов. Это связано с тем, что печи предназначались для обжига форм, которым не требовался полный процесс обжига, как при обжиге посуды;

2. Из горнов-ямок только одна сохранилась *in situ*. Ее внутренний диаметр – 15 см, но по фрагментам восстанавливаются и ямки-плавильни с диаметром ок. 30 см. Подобные ямки были неоднократно зафиксированы в металлообрабатывающих мастерских Пенджикента (Распопова 1980: 30, 33, 45, рис. 20, 1; 1999: 7);

3. В мастерских найдены фрагменты форм для отливки различных предметов, отходы бронзового литья, а также тигли. Из пом. 104 объекта XXIII происходит бронзовая матрица (деталь поясного украшения). Бронзовые матрицы для изготовления форм для отливки металлических украшений известны в Пенджикенте (Распопова 1980: 47–48, рис. 34, 1–3). Формы для литья изготавливали из камня, глины, металла и др. материалов. Они могли использоваться как один раз, так и многократно. В Пенджикенте, где исследована почти четверть городской территории, только один раз найден обломок каменного изделия, которое с долей сомнения можно определить как литейную форму. Пенджикентские формы из глины делали с помощью оттиска готового изделия. Таким же образом в этом городе работали и фальшивомонетчики (Распопова 1980: 45).

Все это дает возможность предположить, что в исследованных мастерских не только изготавливали глиняные формы, но и занимались литьем. В пенджикентских мастерских работал человек, владевший двумя специальностями, а, скорее, тремя. Он был, несомненно, очень хорошим гончаром, литейщиком и умел обрабатывать изделие после литья.

- Акишев и др. 1987 – Акишев К. А., Байпаков К. М., Еразакович Л. Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата, 1987.
- Алимов и др. 1981 – Алимов У., Бурякова Э. Ю., Кабанов С. К., Крашенникова Н. И., Пидаев Ш. Р., Шарпихимов Ш. Ш., Шишкина Г. В. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
- Беленицкий и др. 1993 – Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1984 г. // АРТ. 1993. Вып. XXIII. С. 131–169.
- Беленицкий и др. 1994 – Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1985 г. // АРТ. 1994. Вып. XXV. С. 100–130.
- Дружинина, Худжагелдиев 2009 – Дружинина А. П., Худжагелдиев Т. У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах храмов № 17 и № 18 // АРТ. 2009. Вып. XXXIII. С. 108–119.
- Ержигитова и др. – Ержигитова А. А., Смагулов Е. А., Демиденко С. В. К происхождению одной чачской династии // Изв. национальной Академии наук Республики Казахстан. Сер. общ. наук 1 (268), январь–февраль 2009 г. Алматы, 2009. С. 168–173.
- Максимов 1966 – Максимов Е. К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. № 1. С. 51–60.
- Пазухин 1970 – Пазухин В. А. Как все же отливали сарматские котлы // СА. 1970. № 4. С. 282–284.
- Распопова 1980 – Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Распопова 1999 – Распопова В. И. Металлические изделия из Пенджикента. СПб, 1999.
- Якобсон 1979 – Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

Типология казахских сабель XVI–середины XIX вв.¹³⁰

Вопросы конструкции, эволюции и боевого применения казахских сабель¹³¹ эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени относятся к числу слабоизученных. Отсутствие систематизированных материалов по данной теме существенно осложняет исследование военного дела казахских кочевников XVI–XIX вв. как части военного искусства народов Средней Азии.

Как правило, исследователи ограничиваются общей характеристикой казахских сабель на основе данных письменных источников. К числу немногочисленных исключений следует отнести работы К. С. Ахметжана в которых он рассматривает конструкцию казахского длинноклинкового оружия на основе анализа подлинных сабель из фондов ЦГМРК и ПЦКРК, а также их изображений на кулпытасах, иранских и среднеазиатских миниатюрах, рисунках европейских художников (Ахметжан 2007: 98–103). На основании изгиба, формы и конструкции клинка К. С. Ахметжан выделяет пять групп казахских сабель и три варианта их ножен (Там же: 101–102, 104).

Привлечение материалов из музейных и частных собраний Китая, Монголии, Казахстана, Украины, России, США и Германии позволяет уточнить некоторые вопросы, связанные с конструкцией и системой оформления сабель казахских воинов рассматриваемого времени.

Исследование построено на базе вещественных, изобразительных, письменных и фольклорных источников. Изобразительные источники позволяют уточнить систему оформления и ношения сабель, а письменные и фольклорные – особенности их боевого применения. Нами собраны сведения о 98 саблях и их элементах, причем 23 экз. представлены полными комплектами (клинок, рукоять, ножны), 36 экз. – саблями без ножен, 17 экз. – только клинками, 18 экз. – элементами рукоятей или клинков, четыре экз. – только ножнами.

Форма клинка не всегда соответствует определенной конструкции рукояти, а также конструкции и системе оформления ножен. Во время использования сабли неоднократно ремонтировали и переделывали: сабельные полосы снабжали новыми гардами, а ножнам меняли обтяжку и оправу, поэтому представляется оправданным классифицировать клинки, рукояти и ножны по отдельности.

Клинки (казахск. «болот»). Для классификации клинков использованы 75 сабельных полос. Все клинки изготовлены из железа и стали и имеют подтреугольное или линзовидное сечение. Качество сабельных полос варьирует от первоклассного коленчатого и струйчатого булата до мягкого или хрупкого железа, изготовленного, видимо, в кустарных условиях.

Изогнутый сабельный клинок в зависимости от своей конструкции и формы позволяет наносить рубящие, рубяще-режущие и колющие удары. В каждом конкретном случае эффективность поражения (наряду с субъективными причинами и особенностями боевой обстановки) зависит от формы клинка и его острия, а также от степени изгиба сабельной полосы. Рубящий удар достигает максимальных показателей при наличии сбалансированного клинка со средним изгибом. Колющие удары наиболее эффективны при наличии вытянутого зауженного острия и слабого изгиба клинка. Повышение изгиба сабельной полосы делает колющий удар все менее удобным, ослабляет рубящие свойства сабли, но резко усиливает рубяще-режущие. По форме и особенностям конструкции рассматриваемые клинки могут быть разделены на четыре основных типа: клинки с

¹³⁰ Работа выполнена в рамках Программы Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4281.2012.6.

¹³¹ Под саблей мы понимаем особый вид рубяще-режущего или рубяще-колющего оружия с кривым однолезвийным клинком длиной более 50 см. и рукоятью с гардой. Учитывая, что значительную часть сабель кочевников ввозили в Дашт-и Кипчак из других регионов (см. ниже), термин «казахская сабля» здесь и далее следует понимать, как сабля, используемая казахскими воинами.

остроугольным острием, с елманью, с граненым «штыковидным» острием и с фестончатым краем. Внутри данных типов клинки различаются по степени изогнутости сабельной полосы.

Преобладающей разновидностью сабельных клинков (65 из 75 экз.) являются клинки с остроугольным острием (рис. 1; 2, 1–7). Они хранятся в частных коллекциях и музейных собраниях Китая, Монголии, Казахстана, Украины, России, США, Германии и др. стран. Большинство клинков с остроугольным острием отличаются изящной легкой и узкой (ширина у рукояти – 2,5–3,5 см.) изогнутой сабельной полосой, которая в нижней четверти плавно сужается к острию (казахск. «уш»). Общая длина остроугольных клинков обычно составляет 71–88 см (рис. 1).¹³² Преобладают сабли с клинком «шамширного типа» длиной 72–83,3 см. Отдельные экз. могут достигать 90,3 см, при ширине клинка 3,7 см. Представлены стандартизированные остроугольные клинки российского производства: 81–88 см, при ширине у перекрестья до 3,6 см (рис. 2, 3, 6–7). По степени изгиба можно выделить три основных варианта: слабоизогнутые (до 16°), среднеизогнутые (до 20°) и сильноизогнутые (свыше 20°) клинки.¹³³ Преобладают клинки со средним и сильным изгибом (более 70 %). Изгиб клинка обычно начинается в средней части или нижней трети сабельной полосы. Реже встречаются сабельные полосы, у которых заметный изгиб начинается непосредственно от рукояти. Некоторые клинки имеют настолько резкий и сильный изгиб, что предназначенные для них ножны снабжены специальными прорезями у обуха, без которых извлечь саблю из ножен было бы затруднительно. На присутствие прорезей на ножнах некоторых среднеазиатских сабель указывают и российские авторы (Парамонов 1872: 216). Девять сабельных полос снабжены одинарными или двойными долами, проходящими вдоль спинки (рис. 1, 16). Долы позволяли убавить вес клинка, но не уменьшали его прочности (Аствацатурян 2002: 84). Черен (казахск. «жете») остроугольных сабельных клинков в большинстве случаев имеет более или менее выраженную Г-образную форму. Прямой у основания и в центральной части, он изгибается под углом к лезвию у наверхия (рис. 1, 2, 7, 10, 12).

Только 18 остроугольных клинков снабжены клеймами и надписями. Судя по форме, особенностям отделки и декоративному оформлению, основная масса сабельных полос изготовлена среднеазиатскими и иранскими мастерами, а несколько – российскими оружейниками XIX в. Последние выделяются из общей массы длинным (81–88 см) слабоизогнутым клинком, наличием широкого дола (на солдатских кавалерийских клинках) или характерной комбинацией широкого дола и узкого долика вдоль обуха (у офицерских сабель, начиная с 1826 г.).

Вторым типом сабельных клинков рассматриваемой серии являются клинки с елманью (расширением в нижней части сабельной полосы). В музейных и частных собраниях Китая, России, Казахстана и Германии известно 5 экз. Эти сабли именовались у казахов «алдаспан» (Ахметжан 2007: 102). Сабельные полосы с елманью шире (до 5 см), длиннее и тяжелее, чем большинство их остроугольных аналогов. Длина клинков серии составляет 76–81 см. Фиксируются две основных разновидности елмани. В первом случае елмань представляет собой незначительное расширение у острия. Во втором – елмань более массивна, имеет значительную ширину, а обух клинка у острия заточен (рис. 2, 8–9). Клинки с такой елманью имеют аналогии в материалах Восточной Европы и Западной Азии эпохи развитого и позднего средневековья (Аствацатурян 2002: 86–97; Горелик 2002: 64, рис. 16, 19, 32). Судя по изобразительным материалам, пик популярности клинков с массивной елманью с двухсторонней заточкой в Передней и Средней Азии приходился на XV–XVI вв. Клинки с узкой (слабо выраженной) елманью продолжали применяться в среднеазиатском регионе (в т. ч. у казахов) на протяжении всего рассматриваемого периода (рис. 2, 24), хотя их популярность на протяжении XVII–XVIII вв. постепенно снижалась. В отличие от турецких сабель «кылыч» с елманью второй половины XVIII–XIX в., среднеазиатские «алдаспан» имеют не тонкий, а достаточно массивный клинок, обух которого не выступает за его пределы.

¹³² Длина клинка определяется по оси (линии), проходящей от основания клинка (у рукояти) до кончика острия.

¹³³ Кривизна клинка определяется линией, проходящей от основания клинка (у рукояти) со стороны лезвия до кончика острия.

Третьим типом сабельных клинков серии являются клинки с вытянутым «штыковидным» острием. Всего представлено три экз. (из фондов ГЭ – ВО-6 и из частных коллекций). Сабля из ГЭ (рис. 2, 10) с надписью на клинке «Бехадурь-Кучум-Хан», длительное время считалась «киргизской» (казахской). Именно так ее атрибутировал знаменитый российский оружейвед Э. Э. Ленц (1908: 106, А.9). Авторы каталога «Художественное оружие...» оспорили данную атрибуцию и предположили, что клинок был изготовлен черкесскими оружейниками Северо-Западного Кавказа XVI–XVII вв., а рукоять и ножны – крымскими мастерами (Художественное оружие... 2010: 118). Но, если клинок действительно изготовлен черкесскими оружейниками, то сам по себе этот факт не исключает вероятности использования оружия представителями степной тюркской аристократии, т. к. сабли подобного типа экспортировали далеко за пределы Северного Кавказа, а их производство было налажено в соседних государствах, в частности, в России и Иране (Аствацатурян 2004: 49–50).

Второй клинок со штыковидным концом (случайная находка в Актюбинской обл. Казахстана) (рис. 2, 12) хранится в частной казахстанской коллекции. По форме он напоминает клинок из ТГИАМЗ (рис. 2, 13). Сабельная полоса снабжена слабоизогнутым череном. Клинок расширяется на конце в широкую елмань (3,6 см) и плавно переходит в штыковидное острие. Последнее выражено менее явно, чем на сабле «Бехадурь-Кучум-Хан». По форме клинок из Западного Казахстана занимает промежуточное положение между саблями с елманью и классическими «черкесскими» саблями. По аналогии с другими клинками подобной формы, он датируется XVI–XVII вв. Изображения сабель с елманью и длинным острием встречаются в среднеазиатской миниатюре конца XVI в. (рис. 2, 17). Сабельная полоса могла быть изготовлена как северокавказскими и иранскими мастерами, так и среднеазиатскими оружейниками. В Западный Казахстан сабля, возможно, попала через посредничество ногайцев или среднеазиатских купцов.

Третий клинок в настоящее время хранится в частной немецкой коллекции. Ее нынешнему владельцу он достался от предков казахского происхождения. Длинный узкий клинок заканчивается вытянутым штыковидным острием, отогнутым в сторону лезвия, благодаря чему сабельная полоса имеет характерный S-образный силуэт (рис. 2, 14). К сожалению, черен обломан и установить его форму невозможно. Ближайшим аналогом этого клинка является сабля черкесского производства XVII в. из коллекции О. Пинчо (Прокопенко 2012).

Характерной чертой всех трех рассматриваемых сабельных полос является длинный клинок – 99,5 см (ГЭ), 95,3 см (Казахстан, частная коллекция), 98,5 см (Германия, частная коллекция), заканчивающийся характерным «штыковидным» острием.¹³⁴ Подобная конструкция сабельного острия позволяла наносить не только рубящие, но и мощные колющие удары, способные пробивать панцири с кольчатой структурой бронирования. Родиной данного типа сабельных клинков был Северный Кавказ. Считается, что классический вариант клинка сформировался в XIV в. и достиг пика своей популярности в XV–XVII вв. В XVI–XVII вв. их активно экспортировали в сопредельные регионы. Ареал распространения клинков данного типа был четко ограничен территорией бытования кольчатой брони, для борьбы с которой они, собственно, и были предназначены. За пределами этого региона подобные сабли являлись оружейной экзотикой.

К рис. 1: Сабли XVII–XIX вв. с остроконечным клинком и ножны из музейных и частных собраний Казахстана, России и Китая: 1– СКОИКМ [А – клинок (сабельная полоса); Б – лезвие; В – обух; Г – острие; Д – рукоять; Е – навершие рукояти и металлический наконечник; Ж – перекрестье; З – крестовина; И – головка крестовины; К – ножны; Л – обоймицы; М – устье ножен; Н – наконечник ножен]; 2 – частная китайская коллекция; 3–4, 7–8, 10–11, 15–17, 20–21 – ЦГМРК и ПЦКРК; 5–6, 9 – ЮКОИКМ; 12 – Актюбинский областной историко-краеведческий музей; 13–14, 18 – РЭМ;¹³⁵ 19 – частная российская коллекция

¹³⁴ Общая длина сабли из ГЭ – 113 см, общая длина клинка из Казахстана (частная коллекция) (без несохранившегося навершия) – 102,2 см.

¹³⁵ Конструкция и система оформления сабель из РЭМ рассмотрена – Бобров, Шереметьев 2013 (в печати).

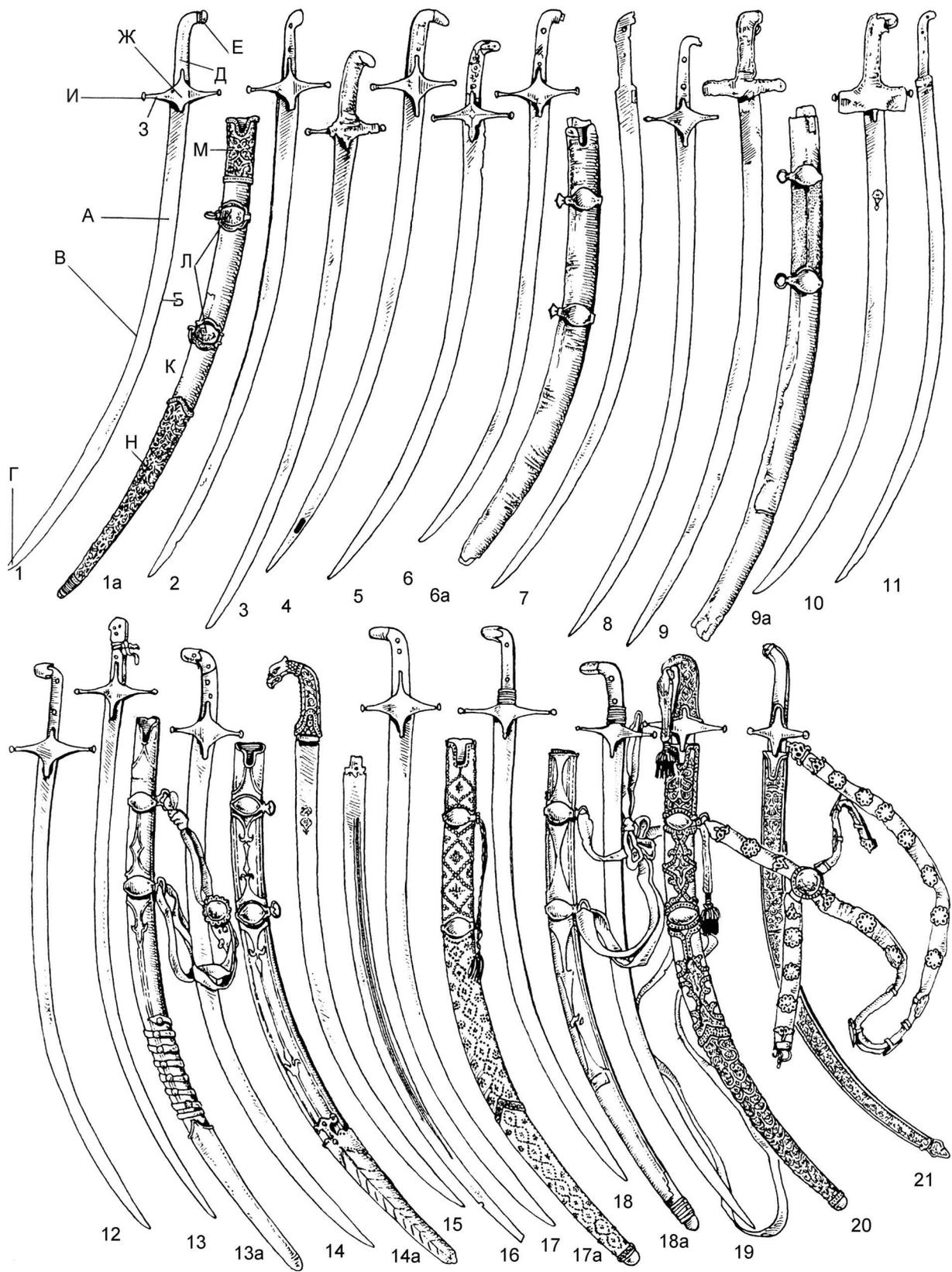

Рис. 1

Самым редким типом сабельных клинков казахских воинов являются клинки с «волнистой» (оформленной фестонами) сабельной полосой (тур. «атеш-кылыч» – «огненная сабля»). В нашей серии представлено два экз. (из фондов ЦГМРК и из частной коллекции). Между собой они различаются формой острия и фестонов, а также особенностями декоративного оформления.

Клинок из частной коллекции имеет значительную длину (83 см) и ширину у основания 3,4 см. Лезвие и обух покрыты слабо выраженными остроугольными фестонами. Сабельная полоса украшена золотой насечкой (рис. 2, 15). Нынешнему владельцу, сабля досталась от предков казахского происхождения. Ближайшим ее аналогом является узбекская сабля середины–второй половины XIX в., происходящая из даров эмиров Бухары русской Императорской фамилии, в настоящее время хранящаяся в фондах РЭМ (№ 4467-3а, б). Бухарская сабля отличается более богатой отделкой, но имеет весьма схожие параметры и систему оформления. Можно полагать, что сабля из частной коллекции также имеет среднеазиатское происхождение.

Плавно изгибающаяся сабельная полоса из ЦГМРК с уплощенными фестонами по краям и желобом по центру сходится на раздвоенное острие. Дополнительным украшением служит пара круглых сквозных отверстий на конце клинка (рис. 2, 16). Перед нами вещественное воплощение легендарного клинка «Зюльфикар», который по преданию принадлежал зятю пророка Мухаммада и четвертому праведному халифу Хазрету Али. Считается, что отличительной особенностью «Зюльфикар» был раздвоенный клинок. В период нового времени среди знати Передней, Средней и Южной Азии возникла определенная мода на парадные сабли, выполненные в стиле «зюльфикар». Судя по данным фольклорных источников, их использовали и казахские воины (Ахметжан 2007: 102). Считается, что сабля из ЦГМРК была изготовлена индийскими мастерами в XIX в. (Там же: 105). Однако похожие клинки делали также узбекские и иранские мастера.

Вопреки расхожему мнению «огненные сабли» не являются исключительно парадным оружием. Фестоны на лезвии «облегчают проникновение в поражаемый предмет», хотя и ослабляют прочность клинка (Аствацатурян 2002: 118–119). А вот раздвоенное острие не имело боевого назначения. Значительный изгиб клинка из ЦГМРК в сочетании с декоративным острием свидетельствует, что владелец сабли в боевой обстановке мог наносить, преимущественно, рубяще-режущие, а не колющие удары.

Рукояти (казахск. «сап»). Для классификации могут быть использованы 63 сабельных рукояти из музейных и частных собраний. Большинство рассматриваемых предметов сохранились целиком (за исключением темляков). Около трети лишены отдельных элементов («щечек», наверший, перекрестий). Пять рукоятей относятся к саблям, клинок которых сохранился фрагментарно. Рукояти казахских сабель по материалу изготовления относятся к числу комбинированных с овальным уплощенным сечением. По форме рукояти и гарды можно выделить три основных типа: Г-образные рукояти с крестообразным перекрестьем (рис. 1, 1, 3–6, 11–12, 14, 17–19, 21), рукояти с навершием в виде головы орла и крестообразным перекрестьем (рис. 1, 13, 15), D-образные рукояти с дужкой европейского образца (рис. 2, 3–4, 6–7). Кроме того, судя по рисункам первой половины и фотографиям второй половины XIX в., высшая казахская знать использовали сабли с S-образным перекрестьем (рис. 2, 25) и витой европейской гардой.

К рис. 2. Сабли XVI–начала XX в. с остроконечным клинком (1–4, 6–7), елманию (8–9), «штыковидным острием» (10–14) и ножны из музейных и частных собраний Казахстана, России, Германии и Китая и их изображения (17–26): 1, 2, 16 – ЦГМРК; 3, 7 – Актюбинский областной историко-краеведческий музей; 4–5 – ЮКОИКМ; 6, 8, 12, 15 – частные казахстанские коллекции; 9 – Бэйджинг Гугун, Пекин; 10–11 – ГЭ; 13 – ТГИАМЗ; 14 – частная немецкая коллекция; 17–19 – «Довалрани и Хызран» Амира Хосрова Дехлеви, Бухара, 1598 г.; 20 – «Хамса» Низами, Бухара, 1648 г.; 21–22 – с иранских миниатюр «Пленный степняк», XVI в.; 23 – с рисунка Д. Кэстля «Доверенный посланник хана Младшего жуза в Россию Кутыр-батыр», 1736 г.; 24 – с полотна А. О. Орловского «Бой киргизов (казахов) с уральскими казаками», конец XVIII–начало XIX в.; 25 – с рисунка «Правитель Бокеевской Орды – хан Жангир», первая половина XIX в.; 26 – с рисунка П. М. Кошарова «Оружие казахов Старшего жуза», XIX в.

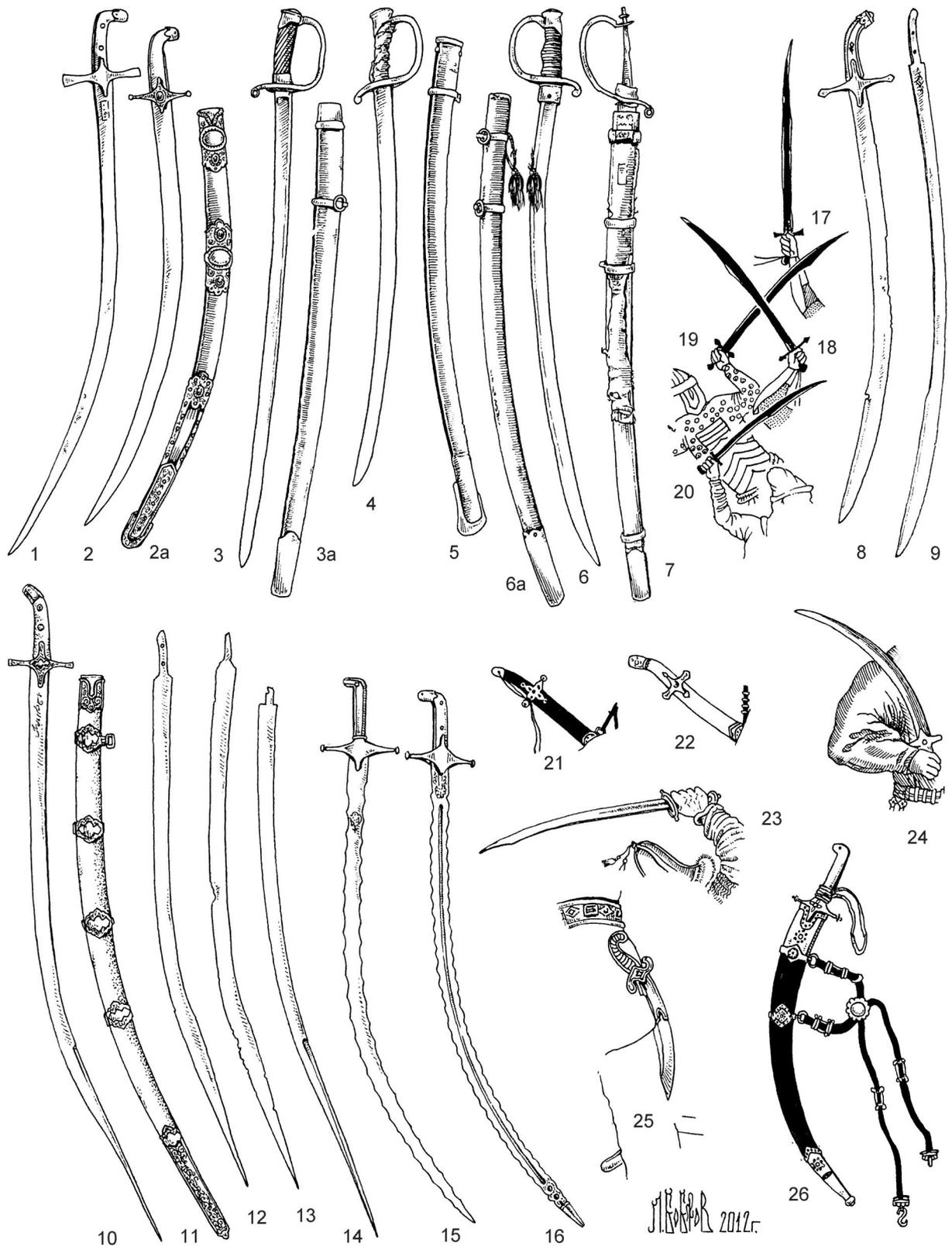

Рис. 2

Г-образные рукояти являются доминирующей разновидностью рукоятей рассматриваемых сабель (54 экз. из 63). К железному черену с двух сторон с помощью двух–пяти штифтов с полусферическими шляпками крепились две уплощенные изогнутые пластины («щечки»), изготовленные из кости, рога, дерева и (очень редко) металла. Пространство между «щечками» заполнялось запаанной к черенку серебряной или железной пластинкой. Образованная череном и парой «щечек» прямая у перекрестья и в центральной части рукоять резко изгибается (как правило, под углом в 90°) в своей верхней трети, благодаря чему приобретает характерную Г-образную форму. Значительная часть наверший снабжена металлическим наконечником наперстковидной (рис. 1, 4–5, 11–12, 14, 17–19) или полусферический (рис. 1, 1, 21) формы. Классические Г-образные рукояти являются ярким признаком иранских сабель («шамширов») и их дериватов в Средней и Южной Азии XVII–XIX вв. В серии присутствуют несколько сабель, рукоять которых изогнута под небольшим углом к лезвию и оклеена кожей (рис. 2, 8). Такие рукояти характерны для длинно-клинкового оружия Западной Азии и Восточной Европы XVI–XVII вв. (Аствацатурян 2002: 85–89, 94, 102–103). Изображения среднеазиатских сабель с такими рукоятями часто встречаются в иранской миниатюре того же времени (рис. 2, 21–22).

В особый тип могут быть выделены «орлиные» рукояти, оканчивающиеся стилизованной «орлиной головой», которая выполняет функции навершия. В большинстве случаев оружейники ограничивались профилем птицы, обращенной к лезвию клинка (рис. 1, 13). Однако в ЦГМПК хранится сабля, навершие которой выполнено в виде орлиной головы с глазами, клювом и перьями (рис. 1, 15). Схожим образом на рисунке Д. Кэстля (1736 г.) оформлена рукоять сабли султана Ералы, малолетнего сына хана Младшего жуза Абулхайра. «Орлиные» рукояти являются ярким признаком турецких сабель «пала», «клыч»/«клих» («карабел») XVII в. и «кылыч» XVIII вв. (Аствацатурян 2002: 90–101, 106, 110), хотя также встречаются на саблях иранского, среднеазиатского и индийского производства (Там же: 92). В нашей серии «орлиными» рукоятями снабжены клинки шамширного типа.

Характерным элементом оформления рукоятей европейского типа были металлические планки на спинке рукояти, соединенные с навершием, которое, как правило, имело вид слабовыпуклой полусферы. В большинстве случаев планки на спинке рукояти и навершия изготавливались из одной металлической (обычно латунной) пластины. Деревянную с поперечными желобками сабельную рукоять покрывали кожей, поверх которой с просветом наматывалась витая металлическая проволока.

Важным элементом конструкции сабельной рукояти является гарда (казахск. «балдак»). В рассматриваемой серии гарды представлены крестообразными перекрестьями и D-образными гардами европейского образца. Главная задача крестовины заключалась в защите руки воина от встречного удара оружия противника. Железное (значительно реже, бронзовое) перекрестье казахских сабель с Г-образной рукоятью практически всегда выполнено в виде ромба с сильно вытянутыми углами, переходящими в стержни – длинные (горизонтальные) и короткие (вертикальные). Существовало два основных способа оформления крестовины. В первом случае горизонтальные стержни постепенно сужались и заканчивались миниатюрными головками в виде «луковицы» (рис. 1, 8), уплощенного шарика (рис. 1, 21) или шляпки (рис. 1, 20). Во втором случае горизонтальные стержни перекрестья, напротив, расширялись к концу, образуя характерные трапециевидные или подтреугольные лопасти (рис. 2, 1). Судя по саблям серии, численно преобладали перекрестья первого типа с шляпковидными головками.

Нижний и верхний углы ромбовидного перекрестья вытягивались в виде коротких уплощенных стержней. Верхний стержень крепился встык к рукояти, а нижний, напротив, нависал над сабельной полосой и должен был защитить кисть воина от скользящего вдоль клинка оружия противника.

Наряду с традиционными типами перекрестий среди сабель с клинком шамширного типа, встречаются оригинальные экземпляры. Например, сабля из ЮКОИКМ (КП 760/ 1–2) снабжена

самодельной рукоятью (длина – 10 см, ширина – 2,5 см), полностью покрытой кожей. Из кожи выполнена и крестовина (рис. 1, 9). К правой стороне рукояти крепится железный фиксатор с кольцом для темляка.

Гарда сабель российского образца снабжена стержнем, прикрывающим руку со стороны обуха клинка и характерной дужкой соединяющей перекрестье с навершием со стороны лезвия. Сочетание дужки и стержня придает рукояти характерную D-образную форму (рис. 2, 3–4, 6–7). На некоторых типах кавалерийских и офицерских пехотных сабель основная гарда дополнялась парой S-образных боковых дужек, защищавших пальцы и тыльную сторону ладони. Сабли с такими рукоятями изображены на фотографиях казахской знати второй половины XIX в. Стержень крестовины на ранних экземплярах российских сабель снабжен на конце специальным утолщением в виде «таблетки», которое не позволяло клинку противника соскальзывать на запястье воина (рис. 2, 4, б). На поздних рукоятях (с 1881 г.) «таблетка» превратилась в «кольцо» со сквозным отверстием (рис. 2, 3, 7).

Характерным элементом оформления узбекских и казахских Г-образных рукоятей были кожаные чехлы, закрывавшие крестовину или всю рукоять целиком (рис. 1, 3, 11).

Ножны. Нами собраны сведения о 27 экз. ножен, которые по материалу изготовления делятся на два класса: деревянные и стальные.

Деревянные ножны состоят из двух пластин, обтянутых кожей или бархатом. Они подвешиваются к поясу с помощью пары металлических обоймиц. К сожалению, до нашего времени дошло лишь немногие подлинные клинковые пояса казахских воинов.¹³⁶ Как правило, они выполнены в виде узкого кожаного ремня, украшенного небольшим количеством металлических накладок (а часто, и вовсе без них). В качестве застежки используется металлический крючок (рис. 1, 13). Судя по изображениям, сабли могли подвешивать и к плетеным шнурам, завязывавшимся спереди узлом. Однако некоторые португепи, предположительно узбекского производства, напротив, оформлены роскошно. Они сшиты из нескольких слоев цветной (как правило, красной, бордовой или малиновой) хлопчато-бумажной ткани или бархата, украшены металлическими (латунными, бронзовыми, позолоченными, серебряными) цельными и прорезными бляшками 8-образной и округлой форм с фестончатым краем (рис. 1, 20). Крючок-застежка часто снабжен металлическим щитком, украшенным с лицевой стороны гравированным орнаментом. Самые крупные бляшки пояса иногда инкрустированы кусочками бирюзы.

Распределитель как на кожаных, так и на матерчатых поясах в большинстве случаев выполнен в виде круглой выпуклой (реже, плоской овальной) металлической пластины (иногда двух пластин). С тыльной стороны он снабжен скобами для крепления ремней португепи. Внешняя поверхность полусферических бляхи распределителя обычно украшена растительным и (или) геометрическим орнаментом, а более или менее широкий бортик оформлен по периметру округлыми фестонами (рис. 1, 13, 20). Данный тип распределителей характерен для среднеазиатских ножен XVIII–XIX вв.

Реже встречается распределитель в виде трапециевидной металлической пряжки. Распределители схожей формы и конструкции в XVIII–XIX вв. использовали узбекские и туркменские воины (Ботяков, Янборисов 1989: 50–51).

В большинстве случаев саблю носили лезвием вниз (рис. 1, 1, 6, 9, 13–14, 17, 19–21). Только на двух ножнах кольца обоймиц расположены не на стороне обуха, а на стороне лезвия сабли. Факты ношения казахами сабель лезвием вверх, а также рукоятью назад фиксируются изображительными материалами.

По системе оформления ножны могут быть разделены на три основных типа:

¹³⁶ Судя по изображениям, казахи иногда могли подвешивать сабли к «ружейному» поясу рядом с мешочками для пуль – «окшынтай».

Тип 1 (восемь экз.). Обтянутые кожей деревянные ножны с металлическими обоймицами (рис. 1, 6, 9, 18). Поверхность кожи могла быть гладкой (вариант 1) (рис. 1, 6, 9) или украшенной тисненым растительным и (или) геометрическим орнаментом (вариант 2) (рис. 1, 18). Единственным металлическим элементом данного типа ножен были железные, латунные и серебряные обоймицы миндалевидной или (реже) ромбовидной формы с овальными, трапециевидными или каплевидными кольцами для крепления портупей. Основная кожаная обтяжка могла усиливаться кожаными накладками на устье и наконечник ножен.

Тип 2 (13 экз.). Обтянутые кожей или бархатом деревянные ножны с металлическими обоймицами и накладками. Данный тип ножен выделяется наличием железных, латунных и серебряных накладок поверх кожаной или бархатной обтяжки (рис. 1, 1, 13–14, 17, 20; 2, 2–3, 5–7, 10). Как правило, таких накладок было две. Одна из них, с гнездом для стержня перекрестья рукояти, располагалась у устья и закрывала верхнюю часть ножен. Вторая представляла собой наконечник, одевавшийся на нижнюю часть ножен. Длина пластин существенно варьировала (рис. 1, 1, 13–14, 17, 20). Иногда при оформлении ножен применяли только «наконечник» или только «пластину устья». Наряду с большими пластинами использовали вырезные накладки, бляхи и бляшки, которые помещались под обоймы (рис. 1, 1), или украшали поле ножен между основными пластинами и обоймами (рис. 1, 17). На сабле из ЦГМРК они составляют целую гирлянду, которая проходит через все поле ножен и соединяет «пластину устья» с «наконечником» (рис. 1, 20). Как правило, накладки украшали геометрическим и растительным орнаментом, но нередко их дополняли большими и малыми гнездами, в которые вставляли кусочки бирюзы и другие драгоценные и полудрагоценные камни. Схожее оформление присутствует на узбекских саблях XVIII–XIX вв. Трое ножен дополнительно обвиты кожаным ремешком, украшенным металлическими заклепками (рис. 1, 13). Близкое оформление присутствует на некоторых туркменских саблях XVIII–XIX вв.

Тип 3 (четыре экз. из музейных и частных собраний Казахстана, России и Германии). Деревянные ножны целиком обтянутые металлическим листом. Ножны полностью закрыты тонкими серебряными пластинами покрытыми позолотой (отсюда второе название – «золотые ножны»). Поверхность пластин украшена чеканным узором в виде растительного и геометрического орнамента. В мелкие гнезда у устья, наконечника и вокруг обоймиц вставлены кусочки бирюзы. Сами обоймицы изготовлены из серебра или железа, благодаря чему резко выделяются на золотом фоне. Сабли в роскошных «золотых ножнах» являются характерным элементом комплекса вооружения высшей хивинской и бухарской знати XVIII–XIX вв.

Стальные ножны серии представлены двумя экз. Ножны снабжены парой обоймиц с кольцами для крепления ремней портупей, а наконечник дополнен U-образным «башмаком». Все ножны имеют аналоги среди российских уставных образцов кавалерийских частей первой половины XIX в. В частности, стальные ножны с обоймицами и «башмаком» полагались к легкокавалерийской сабле образца 1809 г.,¹³⁷ кавалерийской сабле 1817 г., кавалерийской солдатской сабле 1827 г., кавалерийской офицерской сабле 1827 г. (Кулинский 1994: 39–54).

Подводя итог обзору сабель, необходимо выделить наиболее характерные сочетания сабельных полос, рукоятей и ножен. В рассматриваемой серии абсолютно преобладают «шамширы» и их дериваты (рис. 1; 2, 1–2). Они составляют более 70 % от общего числа сабель. Отличительным признаком классических переднеазиатских шамширов является средне- или сильноизогнутый остроконечный клинок (стандартная длина – 72–83 см, ширина у рукояти – 2,5–3,2 см), с Г-образной рукоятью с крестообразным перекрестьем. Шамширы обычно носили в деревянных, обтянутых кожей ножнах с металлическими обоймицами миндалевидной формы. Среднеазиатские варианты шамширов могли иметь рукоять с навершием в виде «орлиной головы» (рис. 1, 13, 15), а ножны иногда обтягивали бархатом, украшали бляшками и инкрустировали бирюзой (рис. 1, 21). Наряду

¹³⁷ На легкокавалерийской сабле образца 1809 г. кольца могли также крепиться непосредственно к ножнам (Кулинский 1994: 43).

с шамширами и их местными дериватами в собранных материалах присутствуют сабли с елманью западно- и среднеазиатского образца XVI–XIX вв., а так же «черкесские» сабли со «штыковидным» острием XVI–XVII вв. Российское оружие представлено кавалерийскими саблями образца 1809 г. и 1827 г., драгунскими саблями 1841 г., драгунскими «шашками» (саблями) 1881 г. Стандартная длина клинка составляет 87–88 см, ширина у рукояти – до 3,6 см.

В целом сабли казахских кочевников XVI–XVIII вв. эволюционировали в направлении линии развития, заданной западноазиатской военно-культурной традицией, которая в рассматриваемый период доминировала во всем мусульманском мире от Марокко до Индии и оказывала существенное влияние на эволюцию длинноклинкового оружия Восточной Европы. Казахские сабли данного периода теснейшим образом связаны с длинноклинковым оружием Передней и Средней Азии, причем они резко отличаются от сабель номадов Южной Сибири и Центральной Азии (ойратов, монголов), выполненных в центральноазиатской военно-культурной традиции (Бобров, Худяков 2008: 274–278, 281, 293, рис. 88, 5, 7–9; 92, 2–3). Комплекс казахского клинкового оружия на протяжении XVI–XIX вв. существенно менялся. Для XVI–XVII вв. характерны тяжелые сабли с елманью. По мере вытеснения защитного вооружения из широкого военного обихода неуклонно возрастала роль «шамширов». Наконец, в конце XVIII–XIX в. усилилось влияние русского клинкового оружия, которое проявилось в заимствовании уставных российских сабель, шашек и их местных дериватов.

Аствацатурян 2002 – *Аствацатурян Э. Г.* Турецкое оружие. СПб, 2002.

Аствацатурян 2004 – *Аствацатурян Э. Г.* Оружие народов Кавказа. СПб, 2004.

Ахметжан 2007 – *Ахметжан К. С.* Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы, 2007.

Бобров, Худяков 2008 – *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV–первая половина XVIII в.). СПб, 2008.

Бобров, Шереметьев 2013 – *Бобров Л. А., Шереметьев Д. А.* Сабли казахских воинов из фондов РЭМ // Вестник НГУ. 2013 (в печати).

Ботяков, Янборисов 1989 – *Ботяков Ю. М., Янборисов В. Р.* Холодное оружие туркмен // Памятники традиционной бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л., 1989. С. 49–59.

Горелик 2002 – *Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв.: Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002.

Кулинский 1994 – *Кулинский А. Н.* Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов: Определитель. СПб, 1994.

Ленц 1908 – *Ленц Э.* Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия императорского Эрмитажа. СПб, 1908.

Парамонов 1872 – *Парамонов И. А.* О туземном оружии в Туркестанском крае // Русский Туркестан: Сб., изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 2-й: Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. М., 1872. С. 213–218.

Прокопенко 2012 – *Прокопенко В. М.* Краткий очерк истории северокавказской сабли со штыковидным острием // <http://www.kitabhona.org.ua/index.php/libwararmor/166-sablekavkaz>

Художественное оружие... 2010 – Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа: Каталог выставки. Казань, 2010.

Список сокращений

АА	– Археологический альманах. Донецк.
АВЕС	– Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
АВУ/АДУ	– Археологічні відкриття/дослідження в Україні. Київ.
АЕС	– Археология евразийских степей.
АИ	– Археологические изыскания. СПб.
АИНКБ	– Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.
АК	– археологическая культура.
АКБВ	– Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
АКГШК	– ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики
АКИО	– ананьинская культурно-историческая область.
АКШК	– ананьинская культура шнуровой керамики
АН	– Академия наук.
АНК	– Античное наследие Кубани. М.
АО	– Археологические открытия. М.
АПО	– Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. 1 раз Мосин
АРТ	– Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АС	– Археологический съезд.
АСГЭ	– Археологический сборник ГЭ. Л., СПб.
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БашГУ	– Башкирский государственный университет. Уфа.
БВВЕ	– Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: мат-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». 23–28 апреля 2001 г. Самара, 2001.
БИ	– Боспорские исследования. М.
БМАК	– Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.
БМК	– Большой Майкопский курган
БС	– Балтийская система.
БСК	– Большой Салбыкский курган.
БСЭ	– Большая Советская энциклопедия. М.
ВА	– Вестник антропологии. М.
ВААЭ	– Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАУ	– Вопросы археологии Урала.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВПП	– вертикально поставленные плиты.
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры АН СССР.
ГБУК НПЦ	– Государственно-бюджетное учреждение культуры Научно-производственный центр при
МК РБ	Министерстве культуры Республики Башкортостан
ГИМ	– Государственный исторический музей. М.
ГИН	– Геологический институт РАН.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. Л., СПб.
ГЭС	– гидроэлектростанция.
ДБ	– Древности Боспора. М.
ДДК	– днепро-донецкая культура.
ДЯК	– древнеямная культура.
ЕАМП	– Евразийская металлургическая провинция.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО	– Записки восточного отдела Русского (Российского) археологического общества. СПб.
ЗИИМК	– Записки ИИМК РАН. СПб.
ИА	– Институт археологии.
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия. СПб.
ИАЭ	– Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.
ИГАН	– Институт географии АН СССР.
ИИАЭ	– Институт истории, археологии и этнографии.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры. Л., СПб.
ИИЯЛ	– Институт истории, языка и литературы.
ИМКУ	– История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИПС	– исходное пластичное сырье.
ИЧ	– Исторические чтения. Омск.
ИЭ	– Институт этнографии АН СССР.
КАС	– коэффициент абсолютного сходства.
КВ	– Канонический вектор.
КГ	– культурная группа.
КРС	– Крупный рогатый скот.
КСИА	– Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.

- КСИАУ – Краткие сообщения ИА АН УССР. Киев.
- КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
- КСИЭ – Краткие сообщения ИЭ АН СССР. М.; Л.
- КХГ – культурно-хронологический горизонт.
- КЧ – Крупновские чтения.
- КША – культура шаровидных амфор.
- ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
- ЛОИА – Ленинградское отделение ИА АН СССР.
- ЛЭП – линия электропередач.
- МАЕ – Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: К 100-летию со дня рожд. А. А. Иессена. СПб, 1996.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАР – Материалы по археологии России.
- МАЭ – Музей антропологии и этнографии. Л.; СПб.
- МГУ – Московский государственный университет.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
- МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
- МНМЭ – Мифы народов мира. Энциклопедия. М.
- МНО – майкопско-новосвободненская область.
- МОКИСАР – Материалы Особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик.
- МРС – Мелкий рогатый скот.
- МФ – Майкопский феномен в древней истории Кавказа. Л., 1991.
- МЭ – Материалы по этнографии. Л.
- НА (НОА) – Научный (научно-отраслевой) архив.
- НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
- НАНУ – Национальная академия наук Украины.
- НГУ – Новосибирский государственный университет.
- НК – неманская культура.
- ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
- ОИПК – Отдел истории первобытной культуры ГЭ. Л.
- ОС – Окуневский сборник. СПб.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПАЭАССТ – Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- ПБВ – поздний бронзовый век.
- ПермГУ – Пермский государственный университет.
- ПК – покровская культура.
- ПКТ – покровский культурный тип.
- ПЦКРК – Президентский центр культуры Республики Казахстан.
- РА – Рукописный архив.
- РАЕ – Российский археологический ежегодник. СПб.
- РАН – Российская Академия наук.
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд. М.
- РЖВ – ранний железный век.
- РСК – раннескифская культура.
- РФК – развитие функций гончарного круга.
- РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований. М.
- РЭМ – Российский этнографический музей. Л., СПб.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
- САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово.
- САЭ – Саянская археологическая экспедиция ИИМК РАН.
- СБВ – средний бронзовый век
- СГУ – Саратовский государственный университет.
- СГЭ – Сообщения ГЭ. Л.
- СГЭ – Сообщения ГЭ. Л., СПб.
- СЕДС – Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова. СПб, 2002. Кн. I. 2003. Кн. II.
- СК – срубная культура.
- СКИО – срубная культурно-историческая область.
- СКОИКМ – Северо-Казахстанский областной историко-краеведческий музей. Петропавловск.
- СКТК – средневолжская культура «текстильной» керамики.
- СМАЭ – Сборник МАЭ. Л.
- СО – Сибирское отделение АН СССР/РАН.
- СрдК – среднеднепровская культура.
- СУАК – Саратовская губернская ученая архивная комиссия.
- СЭ – Советская этнография. М.
- ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.

ТашГУ	– Ташкентский государственный университет.
ТАЭ	– Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН.
ТГИАМЗ	– Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.
ТД	– Тезисы докладов.
ТКК	– тшинецкий культурный круг.
ТМАЭ	– Труды Маргианской археологической экспедиции. М., СПб.
ТНИИЯЛИ	– Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл.
ТТКАЭЭ	– Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ	– Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Л.
УАВ	– Уфимский археологический вестник.
УАС	– Уральское археологическое совещание.
УЗ	– Ученые записки.
УНЦ	– Уфимский научный центр РАН.
УСА	– Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ФА	– фотоархив.
ХК	– хвалынская культура.
ХКВК	– хвалынская культура валиковой керамики
ЦГМРК	– Центральный Государственный музей Республики Казахстан.
ЦКАЭ	– Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция.
ЧелГУ	– Челябинский государственный университет.
ЮКОИКМ	– Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей. Шимкент.
ААН	– Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
AArch	– Acta Archaeologica. Copenhagen.
AE	– Archäologie in Eurasien.
AfO	– Archiv für Orientforschung. Graz; Horn.
AJA	– American Journal of Archaeology.
BAR IS (BS)	– British Archaeological Reports. International (British) Series. Oxford.
Bulleten	– Türk Tarih Kurumu: Belleten. Ankara.
CRAI	– Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris.
EA	– Eurasia Antiqua. Berlin; Mainz.
ECUIE	– Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Helsinki.
ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
IJES	– International Journal of Eurasian Studies.
JAOS	– Journal of the American Oriental Society.
JIES	– Journal of Indo-European Studies.
JLSA	– Journal of the Linguistic Society of America.
JS	– Journal des Savants. Paris.
NT	– Neolithic in Turkey: The Cradle of Civilization. Istanbul.
PAS	– Prähistorische Archäologie in Südosteuropas.
PBF	– Prähistorische Bronzefunde.
RA	– Revista arheologică. Serie nouă. Chişinău.
SM	– Studien zur Megalithik: Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 21. Weissbach.